ВГ

ОТЦЫ ОСНОВАТЕЛИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ

ЭКСМО

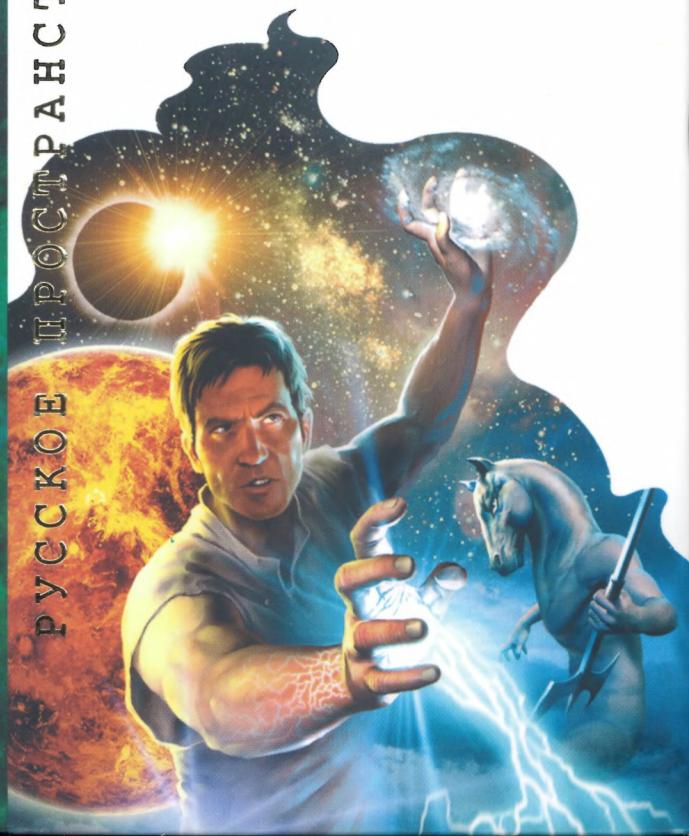
ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ

ПОСЛАННИК
ИЗБАВИТЕЛЬ

Москва
ЭКСМО
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Головачев В. В.

Г 61 Сказания о Веере Миров: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 864 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-13038-1

Схлопывание Веера Миров грозит уничтожением любого разума во Вселенной. На долю героев этой книги, обыкновенных людей, наших современников, выпала нелегкая задача — принять вызов сил Тьмы и пройти по хронам Веера, чтобы сразиться с коварными врагами, среди которых Синклит Дьяволов и сам Люцифер, помочь Семерке магов в их битве с Великими игвами и не дать Злу изменить реальность.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Головачев В. В., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-13038-1

ПОСЛАННИК

Мир — бездна бездн!
И. Бунин

Вершина 1

НОВИЧОК

Глава 1

Никита всей грудью вдохнул прохладный вечерний воздух: самый длинный июньский день закончился, прошел дождь, смыв жару и духоту, и парк был напоен ароматами цветов и трав.

— Вздыхаешь так, будто потерял что, — заметил спутник, головой едва доставая Никите до подбородка. — Или устал? Но танцевал ты сегодня блестяще! Я бы даже сказал — на пределе. Конечно, я не эстет, но, по-моему, такой танец требует не только мастерства, но высочайшей культуры движения, исключительной пластики и координации. Ты поразил всех, в том числе и меня. Уж не прощался ли ты с труппой?

Никита искоса глянул на товарища, освещенного рассеянным светом недалекого фонаря. Тоява Такэда, Толя — как его звали все от мала до велика. Тридцать два года, отец японец, мать русская. От отца нос пуговкой, раскосые глаза-щелочки, черные блестящие волосы, невозмутимость и сдержанность, от матери большие губы, широкие скулы и застенчивость, несколько странная для мужчины и бойца. Инженер-электронщик, кандидат технических наук. Черный пояс айки-дзюцу. Коллекционер старинного холодного оружия и философских трактатов древности. И рядом Никита Сухов, Ник, или Кит, или просто Сухов, — акробат, гимнаст, танцор-солист в труппе шоу-балета. М-да...

Никита вспомнил, как они познакомились.

Раз в неделю, по субботам, он ходил вместе с приятелем в баню-сауну на Кривоколенном. На этот раз приятель — сосед по лестничной клетке — уехал в командировку, и Сухову пришлось идти одному. Банщик, сориентировавшись, впустил кого-то из своих знакомых, и этим знакомым оказался Тоява Оямович Такэда.

Когда Никита, дважды пройдя сухую и мокрую парилки, блаженствовал в бассейне, к нему по бордюру подошел невысокий по сравнению с акробатом, тонкий, худощавый, но весь перевитый мышцами-канатами молодой японец, в котором явно текла и европейская кровь.

— Извините, — вежливо сказал он, опускаясь на корточ-

ки. — Меня зовут Толя. — По-русски он говорил без акцента. — А вас?

— Сухов. — Никита приоткрыл глаза, стоя в воде по грудь. — Фамилие такое. По паспорту я Никита Будимирович. Правда, все привыкли звать меня просто Сухов.

Новоявленный знакомец тихо рассмеялся.

— Да и меня, в общем-то, зовут иначе: Тоява Такэда. Толя — это уже русифицированный вариант. Я вас видел здесь дважды, но разглядел одну деталь только сейчас.

— Какую? — Сил у Никиты хватало только на краткие реплики.

Толя коснулся указательным пальцем плеча Никиты: там красовались рядом четыре родинки, каждая из которых здорово напоминала цифру «семь».

— Devini numeri.

— Что?

— С латыни — священные числа. Дело в том, что я немного увлекаюсь эзотеризмом и математикой Пифагора, а он об этих числах написал целый трактат.

— Ну и что?

Японец протянул руку вперед, и Никита увидел на предплечье три такие же, как у него, родинки, но похожие на цифру «восемь».

— Три восьмерки — знак великого долга, — продолжал Толя мягко. — А ваши четыре семерки — знак ангела. Люди с таким знаком умирают в младенчестве, а если живут, то им постоянно угрожает опасность.

С Никиты слетела вся его сонливость, парень заинтересовал.

— Насчет ангела я с вами согласен, мама говорила мне то же самое. А вот насчет опасности... Вы что же, всерьез в это верите? В мистику?

— В мистику — нет, в магию цифр — да...

Так они и познакомились год назад и стали друзьями, хотя Толя был старше Никиты на шесть лет. По имени он его, как и приятели в театре, также звал редко, чаще — Меченый или Сухов. А иногда, в зависимости от своего отношения к поступку Сухова, сокращал его имя, называя то Ником, если был доволен им, то Китом, если считал неправым. Такэда понял взгляд товарища по-своему.

— Ты сегодня какой-то странный, Никки. Хочешь, познакомлю с красивой девушкой?

Никита покачал головой.

— По христианским представлениям, женщина — источник

соблазна и греха. У нас в труппе их двадцать, так что с меня греха вполне достаточно.

— Знаю я, как ты грешишь, точно — ангел, недаром четыре семерки на плече носишь. Вина не пьешь, мяса не ешь, с женщинами не спишь. Или я не в курсе? Вот первый мой учитель по айкидо — тот знал толк в пяти «ма».

— Пять «ма»? Напомни.

— Объекты почитания в тантризме: мадья — вино, макса — мясо, матсья — рыба...

— Вспомнил: мадра — жареная пшеница, так? И майтхуна — это... м-м...

— Оно самое, с женщинами. Ладно, если можешь обойтись — обходись, это хороший принцип. Но я бы тебе все-таки посоветовал заняться айкидо. Или кунгфу.

— Зачем? Драться ни с кем не собираюсь.

— Айкидо — это не умение драться, это прежде всего философия, отношение к жизни, к себе, к самосовершенствованию. Это искусство и наука, а главное — культура бытия.

— Завел сказку про белого бычка. На протяжении всей своей истории человечество почему-то обожествляло бой, хотя акробатика, гимнастика требуют лучшей координации и более высокой культуры движения.

Такэда погрустнел.

— Тут с тобой согласен. Однако именно поэтому тебе и стоило бы заняться кэмпо, база у тебя отличная. Как ты сегодня танцевал! Долго тренировался?

— Долго. — Никита снова прокрутил в памяти только что прошедший вечер, ощущая приятную усталость во всем теле, сладко ноющие, натруженные мышцы.

В балетную труппу Коренева он попал после окончания Смирновского танцевально-хореографического, занимаясь одновременно и акробатикой в сборной команде России, имея степень мастера международного класса. Случались, конечно, накладки, когда тренировки в сборной совпадали с репетициями в балете, однако Никите как-то удавалось находить компромиссы, то есть тренироваться и работать в течение двух лет. В отличие от друзей, он не любил ходить в ночные клубы, хотя и бывал в Олимпийском, но удовольствие получал от многого другого. Несмотря на свой рост — сто девяносто три сантиметра — и приличный вес, акробатом он был от Бога, как говаривал Толя Такэда, добавляя: врожденный дар, да еще отшлифованный. Но и в танце Сухов не знал себе равных, затмив славу самого Коренева, который основал труппу современного эстрадного шоу-балета и подгонял ее под себя. Никита был от природы солистом, танец любил и понимал естеством, совершенно свободно,

чему способствовала и атмосфера семьи: мать сама танцевала когда-то, преподавала хореографию, а отец был неплохим музыкантом-скрипачом, пока не умер внезапно, мгновенно, от разрыва сердца в одной из гастрольных поездок за границей.

Сначала Коренев ставил молодого танцора в параллельные связки, не слишком обращая внимание на рост его мастерства и класса, но потом заметил, что сам уходит на вторые роли, и для Никиты наступили трудные времена. Выделяясь из массы остальных исполнителей, он вынужден был подгонять свой темперамент, силу, возможности растяжки и пластики под общее д в и ж е н и е, потому что Коренев перестал давать ему сольные роли практически во всех программах.

Промучившись так с полгода, подумывая о переходе в другие труппы, в том числе классического балета, предложения были, и довольно солидные, — Никита вдруг решил создать собственную программу и показать ее на конкурсном отборе среди мастеров балета. В формировании программы большую помощь оказала мама, дав несколько советов и показав видеоролик с выступлением выдающихся фигуристов мира. Танец Толлера Крэнстона, канадского профессионала, выступавшего в семидесятые годы двадцатого века и не превзойденного позже никем из последователей в течение четверти века, произвел на Никиту неизгладимое впечатление. Такой пластичности, красоты движения, необычности поз он еще не видел и загорелся создать нечто подобное не на льду, а на сцене.

Тренировался он почти год, никого не посвятив в свой план, даже Такэду, а потом внезапно сорвался: оставил после репетиции труппу, сказав, что подготовил сюрприз, включил кассету с музыкой, под которую репетировал программу, и двадцать минут летал над сценой в порыве какого-то неистового вдохновения, соединив плие, пируэты, фуэте и арабески[1] в необычные и сложные комбинации. Может быть, он уже знал или предчувствовал, что нигде и никогда больше не покажет этот танец, в том числе на конкурсе.

Танец не имел названия, он сочетал в себе элементы многих классических и эстрадных танцев в стиле рэп, брейк и монопляс, кроме того, в нем присутствовали и сложнейшие па акробатических прыжков и гимнастических связок, а также придуманные танцором тончайшие пластические переходы мышечных растяжек и гибких махов, имитирующих грациозно-величественную поступь леопарда, охотничьи прыжки пантеры, броски змеи и гротескный полет по деревьям гиббона.

[1]Группы приседаний, поз, прыжков и вращений в балете.

Для увязки всего этого сложного танцевального пространства Никита использовал чистоту, благородство и пластичность языка русской школы, ритмику Хаммера, негритянского певца и танцора девяностых годов двадцатого века, и опыт индийской танцевальной культуры, насчитывающей тысячелетия. Ему как нельзя кстати пришлись стили школ бхарат натья и катхак — утонченной разработкой мимики и движений рук, а также своеобразной системой канонических жестов.

Когда музыка закончилась, в зале, оказавшемся забитым до отказа — слухи о «конкурсном просмотре» просочились во все помещения театра, и в зал прибежали все, кто там был, — установилась абсолютная тишина. Ни скрипа, ни шороха, ни хлопка! Лишь чей-то тихий вздох. Так, в полной тишине, Никита и сошел со сцены, улыбнувшись Такэде, который молча взял его под руку.

Да, вероятно, это и было прощание. С коллективом, во всяком случае, если не с театром и студией. И все это поняли, кроме, пожалуй, Коренева, который пытался что-то говорить вслед уходящим, требовать, давать распоряжения и вдруг замолк на полуслове, потому что зал встал и стоя проводил танцора штормом аплодисментов...

— Ты домой? — Толя Такэда, щурясь, смотрел на него задумчиво и понимающе.

У Никиты потеплело на душе: порой ему казалось, что друг свободно читает его мысли, сочувствуя и сопереживая. Он нашел у Бранта четверостишие:

> От танцев много есть последствий,
> Весьма тлетворных в младолетстве:
> Заносчивость и самохвальство,
> Распутство, грубость и нахальство.[1]

И добавил:

— Тебе не хватает лишь последнего.

— Проводишь?

— Нет, пройдусь по парку, хочу побыть в одиночестве. Завтра в два обедаем у тебя в институте.

Такэда хлопнул ладонью по подставленной ладони танцора, но не успел сделать и шага, как вдруг из парка донесся страшный свист и гул, от которых задрожала земля. Что-то с неистовым треском взорвалось, по аллеям парка расползлось ядовитое шипение, заглушенное удаляющимся топотом. Яркие голубова-

[1] Брант С. Корабль дураков.

то-зеленые всполохи, озарив небо над северным районом массива, погасли. Наступила тишина.

— Что это? — удивленно поднял брови Сухов.

Такэда глянул на руку, на пальце которой красовался замысловатой формы перстень: в глубине черного камня горел рубиновый шестиугольник.

— О Сусаноо[1]! Иди домой, Кит, потом поговорим. Кое-что мне здорово не нравится.

— Но ты видел? Гроза будет, что ли?

— Не знаю. Пока. — Инженер бесшумно растворился в ночи. Никита иногда шутил, что ходит он как ниндзя, но в этой шутке была доля правды: Толя занимался айки-дзюцу с младенческого возраста, сначала с дедом Сокаку Такэда, который сохранил технику сосредоточения жизненной энергии школы Дайторю, а потом — под руководством отца, и к своим тридцати двум годам, овладев тайнами восточных единоборств, стал мэнкё — мастером высшего класса. Что не мешало ему заниматься философией и работать в Институте электроники.

Никита улыбнулся своим мыслям и не спеша направился по боковой аллее парка к выходу на стоянку, где была припаркована его машина, не придав значения этим странным звукам и вспышкам. Но именно с этого момента колесо его бытия сдвинулось с наезженной колеи, увлекая к событиям странным, таинственным и страшным, к которым он абсолютно не был подготовлен.

Он успел пройти лишь треть аллеи, отметив почти полное отсутствие горевших фонарей, как вдруг впереди и слева, за кустами черемухи, раздался вскрик, за ним глухие удары, возня, еще один вскрик и потом долгий мучительный стон. Затем все стихло.

Чувствуя что-то вроде озноба, Никита в нерешительности остановился, вглядываясь в темноту. Свет фонаря, горевшего сзади метрах в десяти, сюда почти не доходил, и разглядеть, что делается в кустах, было невозможно. Сухов по натуре не был трусом, но и на рожон лезть не любил, предпочитая разумный компромисс открытому бою, хотя физически был развит великолепно. Однако он занимался тем видом спорта, который не поднимает в человеке чувства неприязни и желания победить насилием, в акробатике и гимнастике человек, по сути, борется с собой и лишь потом — опосредованно — с противником. Еще ни разу в жизни Никита не сталкивался с ситуацией, заставившей бы его сражаться за жизнь, хотя мелких стычек было доста-

[1]Бог дождя, грозы и грома (*яп.*).

точно, и все же судьба его хранила. Но кто знает наверняка, когда надо быть осторожным, а когда бросаться вперед сломя голову?

Из-за кустов донеслись шорохи, треск ломаемых ветвей, затем шаги нескольких человек, и на асфальтовую дорожку вышли четверо мужчин в одинаковых пятнистых комбинезонах, с какими-то палками в руках и «дипломатами», замки на которых и металлические углы светились голубым призрачным светом. Увидев Сухова, они разом остановились, потом один из них, огромный, широкий, как шкаф, ростом с Никиту, если не выше, тяжелой поступью двинулся к нему. То, что Сухов принял за палки, оказалось короткими копьями со светящимися, длинными и острыми, как жало, наконечниками.

Бежать было поздно, да и вид этих четверых показался таким необычным, что первой мыслью было: десантники! Выбросили их здесь для тренировки, вот и все. В здравом уме никто не будет разгуливать по парку в маскировочных костюмах. А может быть, это артисты снимают какой-то экзотический боевик, пришла другая мысль, не менее успокаивающая. Тоже вариант не исключен.

— Вы не слышали? — поинтересовался Никита, на всякий случай принимая стойку. — Кто-то недалеко кричал.

Гигант подошел вплотную, наконечник его копья уперся в грудь Сухова, засветился сильней.

— Осторожнее! — недовольно буркнул танцор, отодвигаясь. — Что за шутки в такое позднее... — Он не договорил, только теперь разглядев лицо незнакомца.

Оно было неестественно бледным, вернее, совершенно белым! Белки глаз светились, а зрачки, огромные, как отверстия пистолетного дула, источали угрозу и странную сосущую тоску. Губы, прямые и узкие, казались черными, а нос больше походил на треугольный клапан и мелко подрагивал, будто незнакомец принюхивался.

— Иди назад! — шелестящим голосом, без интонаций, но тяжело и угрюмо приказал «десантник». — Шагай.

Никита сглотнул, с трудом отводя взгляд от гипнотизирующих глаз незнакомца. Возмутился:

— С какой стати я должен шагать назад? Я иду домой, так короче. В чем дело?

Жало копья прокололо рубашку, вонзилось в кожу. Никита вскрикнул, отступил, с изумлением и недоверием понимая, что все это не сон и что странный «десантник» вовсе не собирается шутить.

— Сказано: иди назад. Быстро. Тихо. Понял?

— Понял. — Гнев поднялся в душе крутой волной. Сухов не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне.

Он схватил копье возле наконечника, собираясь вырвать его у шкафоподобного верзилы, и вскрикнул еще раз — от неожиданности, получив болезненный электрический разряд. Однако он был довольно упрям и не останавливался на полпути, да еще вспыхнувшая злость требовала выхода, хотя странное лицо незнакомца продолжало гипнотизировать, заставляло искать объяснений.

Копье нашло Никиту, оцарапало грудь, но он уже ушел влево, подставив под удар «дипломат» — «десантник» бил наотмашь, схватил копье и... кубарем покатился по дорожке, не успев сгруппироваться, получив оглушающий удар током. Гигант снова шагнул к нему, и в это время из-за кустов на дорожку вывалился пятый незнакомец.

Никита сел, опираясь на бордюр, потрогал гудящую голову, попытался сосредоточить внимание.

Новое действующее лицо оказалось седым стариком, одетым в нечто напоминающее изодранный окровавленный плащ неопределенного цвета. Он, согнувшись, заскреб пальцами по асфальту, вывернул голову к Никите. Глаза у него были выколоты, по темному лицу текли слезы и кровь, открытый рот давился немым криком, потому что язык в нем отсутствовал.

«Десантник» оглянулся на товарищей, молча стоявших неподалеку, не сделавших с момента знакомства ни одного жеста, не спеша подошел к старику и так же молча, не останавливаясь, проткнул его своей пикой насквозь.

— Что вы делаете?! — воскликнул Сухов, вскакивая.

Верзила нанес еще один удар. Старик растянулся на асфальте и затих.

Никита бросился к «десантнику» и в прыжке нанес ему прямой удар в голову, одновременно отбивая сумкой выпад копья. Некоторое время они танцевали странный танец: Никита уворачивался от выпадов копья и ударов «дипломатом», стараясь, в свою очередь, достать незнакомца ногой или рукой, а тот уходил от его ударов с какой-то небрежной ленивой грацией, казавшейся невозможной для такого массивного и громоздкого тела, пока не задел плечо Сухова жалом копья и снова не парализовал его разрядом электричества. Впрочем, вряд ли это можно было назвать электрическим разрядом: от него тело сжималось в тугой комок напряженных, но недействующих мышц, а вокруг точки укола разливалась волна холода.

Никита упал, с бессильной яростью впиваясь взглядом в страшные зрачки «десантника».

Копье приблизилось к его глазам, поиграло возле сердца,

снова нацелилось в глаз, в другой, словно белолицый «нелюдь» не знал, с какого глаза начать. И тут один из трех напарников предупреждающе пролаял что-то на неизвестном языке: по боковой аллее справа кто-то бежал.

Копье замерло. Исчезло. «Десантник» наклонился к Никите:

— Слабый. Не для Пути. Умрешь.

Голос был глухой, невыразительный, равнодушный, но полный скрытой силы и угрозы. Он давил, повелевал, предупреждал. И не принадлежал человеку. Это открытие доконало Сухова.

Кто-то тронул его за плечо, приподнял голову. Он открыл глаза и увидел лицо Такэды.

— Толя?!

— Жив, однако! Куда они пошли?

Никита вцепился в его руку, с трудом поднялся.

— Не ходи за ними, это... дьяволы, а не люди.

— Как они выглядели?!

— Высокие, широкие, белолицые. В пятнистых комбинезонах... с такими короткими странными копьями...

— С копьями?! — Такэда побледнел, несмотря на всю свою выдержку. Сухов никогда прежде не видел, чтобы инженер так открыто проявлял свои чувства.

— Аматэрасу! Это был отряд СС! А может быть, и ЧК!

Никита невольно засмеялся, закашлялся.

— Эсэсовцы ходили в мундирах, а чекисты — в кожаных куртках, а не в современных десантокостюмах.

— Я и не говорю, что это ЧК времен революции. ЧК — значит «черные коммандос». А СС — «свита Сатаны».

— Чепуха какая-то! Давай посмотрим, жив ли вон тот старик. Они его проткнули копьем.

— Я бы не советовал тебе вмешиваться. Старику уже не поможешь, а неприятности нажить...

Не отвечая, Никита подошел к лежащему ничком седоголовому мужчине, перевернул его на спину. Плащ на груди незнакомца распахнулся, и Никита невольно отшатнулся. Не раны на груди и животе человека потрясли его, а глаза! Два нормальных человеческих глаза, разве что без ресниц, на месте сосков на груди и два под ребрами! Три из них были мутными, слепыми, полузакрытыми, неживыми, а четвертый, полный муки и боли, смотрел на Сухова пристально, изучающе и скорбно.

— Катакиути![1] — проговорил за спиной Такэда и добавил еще несколько слов по-японски.

Никита оглянулся и снова, как зачарованный, уставился в

[1]Катакиути — обычай кровной мести (*яп.*); здесь: убийство по заказу.

глаз на груди старика. Впрочем, стариком этого человека назвать было нельзя, несмотря на седину и худобу, ему от силы исполнилось лет сорок, если не меньше. И он был еще жив, хотя и получил страшные раны.

Рука его шевельнулась, согнулись и разогнулись пальцы. Хриплый клокочущий вздох выгнул грудь. Страшное лицо повернулось к людям, исказилось гримасой боли, напряглось в натуге что-то сказать, но у человека не было языка. Никита убедился в этом окончательно.

Рука незнакомца снова шевельнулась, приподнялась, словно он искал опору, и вдруг затвердела, перестала дрожать, повернулась ладонью вверх. Казалось, вся жизнь чужака, еще теплившаяся в теле, сосредоточилась сейчас в его руке. И в глазу на груди.

В центре ладони разгорелась звездочка, сияние волнами пошло от нее к пальцам и запястью. Рука приобрела оранжево-прозрачный цвет, словно отлитая из раскаленного стекла. Звезда в центре ладони стала бледнеть, превратилась в облачко свечения, начала формироваться в какой-то геометрический знак: сначала это был круг, затем в нем появился треугольник, круг преобразовался в квадрат, и наконец эти две фигуры слились в одну — пятиконечную звезду, выпуклую, светящуюся, словно лед под луной.

Незнакомец замычал, протягивая руку Сухову. Тот нерешительно глянул на озабоченного товарища.

— Что ему надо?

Седой снова замычал, обреченно, тоскливо, жутко. Глаз на груди его заполнился влагой, он умолял, он просил, он требовал чего-то: то ли что-то взять у него, то ли помочь встать.

Никита решился, осторожно берясь за ладонь незнакомца. И получил знакомый леденяще-электрический удар, так что свело руку и подогнулись ноги. Вскрикнув, он выдернул руку из горячей ладони старика, отступил на шаг, хватая воздух ртом.

Рука седого безвольно упала, погасла. Знака в виде звезды на его ладони уже не было. На лице незнакомца проступило нечто вроде улыбки, затем черты его разгладились, по лицу разлилась бледность. Глаз на груди еще несколько мгновений пристально вглядывался в людей, потом внутри него словно отключили свет — стал пустым и бледным.

— Умер! — констатировал Такэда, озабоченно поддерживая Никиту под локоть. — Что с тобой?

— Не знаю, — прохрипел танцор. — Такое впечатление, будто меня тряхнуло током... причем уже второй раз! Эти, которые его убили, тоже имели разрядники... копья. О Господи! Башка раскалывается! И рука болит... — Он разжал кулак и взглянул на

ладонь. Точно посредине линии судьбы виднелась черная отметина в виде пятиконечной звезды, словно кожа в этом месте была сожжена. Такэда хмыкнул, рассматривая ладонь друга.

— Любопытно. В эзотерике пятиконечная звезда — символ вечности и совершенства. Такая звезда была эмблемой Тота и Кецалькоатля, а также ключом Соломона. Кстати, у японцев это знак высокого положения. — Такэда спохватился, видя, что Никита побледнел и еле стоит на ногах: — Тебе плохо?! Пошли, пошли отсюда, отвезу тебя домой. Хорошо, что я пошел за тобой, интуиция подсказала.

— Его... надо... в «Скорую».

— Поздно, ему уже никто не поможет. Позвоним от тебя в милицию.

— Он... не человек...

— Ладно, успокойся. Обопрись о плечо.

— И те... амбалы пятнистые... тоже не люди.

Такэда не ответил, выбирая дорогу и почти волоча Никиту на себе, пока не выбрались из парка на освещенную улицу.

Сухов не помнил, как добрался домой. Перед глазами все плыло, к горлу подступала рвота, рука горела и дергала, в ладони точно застрял раскаленный гвоздь, не помогли ни йод, ни мази, ни таблетки. В конце концов ему стало совсем плохо, и он потерял сознание, уже не видя и не слыша, как Такэда вызвал «Скорую» и сообщил милиции об инциденте в парке.

Глава 2

Двое суток Сухов провалялся дома с высокой температурой. Его лихорадило, бросало то в жар, то в холод, а по ночам постоянно снились кошмары: то один, то двое, а то и целый батальон «десантников» с белыми лицами мертвецов гонялись за ним по парку, дырявили копьями, выжигали на груди и руках странные клейма и гудели на все лады: «Слабый! Шагай! Умрешь!..» Снился и многоглазый старик в плаще на голом теле, тянул руки и беззвучно кричал, разевая черный безъязыкий рот: «Возьми-и-и! Это ключ власти! Будешь повелевать миром!» Никита хватал из рук старика странной формы ключ, но тот превращался то в громадного жука, то в скорпиона, а однажды — в гранату, осколки которой после взрыва превратили голову больного в решето...

Первые ночи у постели танцора дежурила мама; в больницу сына отправить не разрешила, хотя врач «Скорой», вызванный Такэдой, настаивал на госпитализации. На третий день Никите стало легче, и Толя уговорил маму, что теперь его очередь забо-

титься о больном, а в случае каких-либо осложнений он тут же вызовет ее к сыну.

К вечеру лихорадка прошла окончательно, температура спала, и Сухов почувствовал себя значительно лучше. С аппетитом поужинав (заодно и пообедав), он поднял подушку повыше и, сняв повязку, с интересом принялся разглядывать свою ладонь. Пятно в форме пятиконечной звезды размером с жетон метро уже посветлело, приобрело коричневый оттенок и теперь походило на вдавленное в кожу родимое пятно. А главное, оно сдвинулось с центра ладони к запястью. Ладонь уже не жгло, как вначале, а лишь покалывало, причем иногда это было даже приятно. Врач, осмотрев пятно, лишь хмыкнул, когда ему сообщили о передаче звезды с ладони на ладонь. Однако мазать «родинку» не стал, ограничась спиртовым обеззараживающим тампоном. Сказал: это не рак и не СПИД, будет болеть — пропишу УВЧ.

Допив кофе, Такэда убрал посуду и устроился возле рабочего стола Никиты, разложив на нем какой-то старинный с виду манускрипт. Разговаривал он мало, в отличие от матери, и Сухову это нравилось. Правда, после случившегося его самого тянуло к разговору. Из головы не шла фраза, произнесенная гигантом-«десантником»: «Слабый. Не для Пути. Умрешь». Интуитивно Никита чувствовал, что речь шла не о физической силе, а это уязвляло и заставляло искать причину оценки.

— Толя, а сам ты что об этом думаешь?

— О чем? — Такэда не поднял головы от пожелтевшей страницы манускрипта. Спокойный, сдержанный, он будто излучал прохладу, как колодец с ничем не замутненным зеркалом воды.

— О встрече в парке... о старике... Ты сообщил в «Скорую»?

— И в милицию тоже.

— Ну и?..

— Рассказал, что знал. Когда приехала «Скорая», он уже не дышал. Кстати, — Такэда взглянул на Сухова поверх страницы, — глаз на его теле никаких не нашли.

— Как это не нашли? Куда ж они делись?

Толя молча углубился в изучение книги. Он никогда не отвечал на вопросы пожиманием плеч или другими жестами, если не знал ответа.

Никита полежал, переваривая сказанное, потом залпом выпил стакан холодного молока.

— Ты хочешь сказать, что нам все померещилось?

— Не померещилось.

— Так в чем же дело?

Такэда перелистнул страницу, любовно пригладив книгу, снова взглянул на лежащего:

— Чтобы делать какие-то выводы, информации недостаточно. Похоже, что он был человеком с какими-то добавочными органами чувств. Как, возможно, и те четверо, о которых ты говоришь. Но что дальше? Мы не знаем ни их координат, ни цели появления, ни причин ссоры... кстати, язык у него был вырван.

Никита невольно пошевелил своим, словно проверяя — на месте ли.

— О дьявол! Серьезные, видать, разборы у них были. Как ты думаешь, что он им сделал? За что они его... так?

Такэда углубился в штудирование очередной страницы.

— Что ты там изучаешь? — рассердился Никита. — Напился моего чая, сел в мое кресло, за мой стол с моей лампой, да еще и не разговариваешь!

— Жлоб! — констатировал Такэда. Закрыл книгу. Улыбнулся своей обычной, сдержанной и застенчивой улыбкой. — Теперь я понимаю, почему девушки с тобой не водятся: ты заставляешь их приходить со своим чаем. Кстати, пока ты болел, они едва телефон не оборвали. А читаю я очень умную книгу: Чхве Ёнсоль, «Техника «мягкого» искусства. Хапкидо».

— На японском?

— На корейском!

— О-о! Вы у нас полиглот.

— Не ругайся.

Никита засмеялся, но посерьезнел, заметив, что Такэда смотрит на его ладонь. Глянул на нее сам, потрогал звезду пальцем.

— Что же это такое? Ожог?

— Весть, — серьезно сказал Такэда.

— Что?!

— Весть. Но это ты поймешь позже. — Толя предостерегающе поднял руку, останавливая попытку Сухова выяснить смысл сказанного. — Я не готов ответить на твои вопросы. Как и ты — услышать правду. Отложим разговор дня на два-три.

Сухов покачал головой, с любопытством глядя на внезапно окаменевшее лицо друга, хотел что-то спросить, но передумал. Показал на стакан.

— Налей молока, плиз.

— А нетути, дорогой. Ты выдул все три литра. Но если хочешь, я позвоню, и через полчаса принесут. А мы пока посмотрим «Новости», не возражаешь? — Инженер включил телевизор. — Звонить?

— А кто это?

— Мой друг, — уклонился от прямого ответа японец. — Живет тут неподалеку, на «Соколе». Приедет, познакомлю. — Он

набрал номер: — Извини, подтверждаю. Квартира двенадцать, найдешь? Ждем. — Повесил трубку. — Сейчас принесут.

Никита с недоверием взглянул в узкие непроницаемые глаза Такэды.

— Ты что же, заранее договорился?

Такэда молча увеличил громкость телевизора.

Некоторое время они слушали новости первого канала «Останкино»: страны Лиги Империй, как уже негласно называли Содружество Независимых Государств, жили по своим законам, часто не совпадавшим с законами ближнего зарубежья, конфликтовали, все еще воевали, пытались строить экономику с помощью противоречий политики, но учились, работали, рожали детей, занимались спортом, слушали музыку, смотрели видео, а иногда спектакли — вживую, увлекались сексом, наркотиками — все больше и больше, боролись с тем и другим, митинговали — правда, все меньше и меньше, то есть творили историю. Национализм продолжал буйствовать, успешно развивался терроризм, росли цены. События ближнего и дальнего зарубежья тоже не внушали особого оптимизма: становление великих государств — Великой Сербии, Великого Афганистана, Таджикистана и даже Карабаха — сопровождалось невиданными, дикими братоубийственными войнами, геноцидом и массовым истреблением мирного населения. На этом сообщении Никита перестал воспринимать информацию, переключая поток сознания в другое русло. Этому научил его Такэда, потому что заметил: после телеинформационной программы у друга растет желание поубивать сначала националистов, потом политиков, а потом уничтожить толпу, вознесшую этих политиков на своих плечах к власти. История толпы не помнит, любил повторять отец Никиты, заставляя сына быть личностью, пока не добился своего: сын научился вкладывать в любое дело, чем бы ни занимался, все физические и душевные силы, заряжаться на максимальный результат, что и позволило ему не только стать мастером спорта по акробатике, а также профессиональным танцором балета, но индивидуумом с высокой степенью ответственности, как опять же говаривал его отец.

Обо всем этом вспомнил Такэда, услышав вздох друга. И вздохнул сам. Несмотря на все лестные отзывы и собственное мнение о Никите, он сомневался в том, что танцор справится с предстоящей миссией.

Но Вестник выбрал его!..

— Что вздыхаешь? — Толя выключил телевизор.

— Помнишь, как старик тянул руку? А ведь блямба у него на ладони формировалась сначала не пятиконечная. Ты знаток символики, пояснил бы. Весть! — передразнил Никита приятe-

ля. — Что за весть? Может быть, пояснишь, какой смысл вкладываешь в это слово? Я умный, пойму.

— Позже, умник. А формировалась эта штука действительно интересно. Круг — это начало всему, знак Вечности, а треугольник в квадрате — символ соединения божественного и человеческого, небесного и земного, духовного и телесного. Вестник... м-м... старик как бы предсказал твой путь... если ты его начнешь.

— Чушь какая-то! Идти я никуда не собираюсь.

— В том-то и дело. Но, боюсь, тебя вынудят к этому. Все, все! Не будем об этом больше, а то подумаешь, что я немножко свихнулся на мистике.

— Не немножко.

— Спасибо.

— Не за что.

Зазвонил дверной звонок. Такэда встал.

— Обещай мне только быть осторожным.

— В каком смысле?

— В любом. Обещай, это серьезно. Я не всегда смогу прийти на помощь. И объяснить смысл предупреждения пока не могу, так что принимай на веру.

Такэда пошел открывать входную дверь, в прихожей зазвучал женский голос.

Никита медленно натянул простыню до подбородка — он спал летом без одеяла, — пребывая в шоке. Приятель, который должен был принести молоко, оказался девушкой.

Она вошла в гостиную вслед за Толей и остановилась, сказав: «Добрый вечер».

— Добрый, — просипел в ответ Сухов, убивая Такэду взглядом.

Девушка была прекрасно сложена. Не слишком высокая, но и не карманный вариант. Черты лица изящные, небольшой, правильной формы нос и прекрасные большие глаза, не то голубые, не то зеленые, глядящие без лишней томности и притворной робости, искренне и доверчиво. Лишь потом, часом позже, Никита разглядел, что одета она в скромный на первый взгляд летний костюм, в котором при более внимательном взгляде угадывался изысканный вкус и утонченность. Впрочем, удивляться этому не пришлось, девушка оказалась художницей. Звали ее Ксения. Ксения Константиновна Краснова. Такэда в шутку звал ее Три К.

Никита не помнил, о чем они говорили, шок прошел только после ухода Ксении.

Обычно их разговор с Толей сопровождался шутками, ироническими репликами и пикировкой — оба ценили юмор и реа-

гировали на него одинаково, но если бы Такэда позволил себе подобное в данной ситуации, в присутствии Ксении, Никита, наверное, пришел бы в ярость. Однако Толя тонко чувствовал состояние друга, и ему хватало ума и такта поучаствовать в беседе в качестве бессловесного предмета интерьера.

Прощались они в коридоре, пообещав звонить, если что, и Толя увел девушку, подарившую хозяину мимолетную улыбку и взгляд искоса, в котором горел огонек интереса и расположения. Обалдевший Сухов обнаружил, что одет в спортивный костюм, хотя совершенно не помнил, когда он его надевал, преодолел желание проводить гостей до остановки и вернулся домой.

Уснул он поздно, часа в два ночи, и спал как убитый, без сновидений и тревог.

В среду он вышел на тренировку с другими акробатами, учениками Вячеслава Сокола, и отработал почти полную норму, чувствуя удивительную легкость в теле и желание достичь новых ступеней совершенства. Правда, каким образом осуществить желание, он не знал, но смутная догадка уже брезжила в голове: использовать элементы акробатики, все эти рондаты, фликфляки и сальто, в танце, что могло усилить его эстетическую насыщенность.

В четверг утром планировалась репетиция труппы, и Сухов пошел на нее с каким-то сопротивлением в душе: после воскресного своего сольного выступления работать с Кореневым уже не хотелось, да и вряд ли можно было что-то добавить к тому, что он выразил на сцене, на языке танца. Многие в труппе поняли его правильно, посчитав, как и Толя Такэда, этот взрыв танцевального движения прощанием. Сам же Никита понял это лишь на репетиции, когда увидел в глазах товарищей легкое удивление, а на лице Коренева хмурый вопрос и недовольство.

Не дорепетировав до конца, он сошел со сцены — на сей раз репетировали не в танцзале, а на сцене театра, — но не успел спуститься в костюмерную, как вдруг произошел странный инцидент: пол сцены провалился! Если бы Никита остался до конца, он упал бы на конструкцию поддержки пола с высоты трех с половиной метров. К счастью, участники репетиции отделались травмами и ушибами да поломалась музыкальная аппаратура, на чем инцидент этот был исчерпан, однако в душе Сухова осталось сосущее чувство неудовлетворения, заноза тихого раздражения, будто он что-то забыл, упустил из виду, а что именно — вспомнить не мог.

— Бывает, — сказал Такэда, которому он позвонил на работу. — Хотя, может быть, это психоразведка.

— Опять ты за старое? — разозлился танцор. — Твои намеки я не понимаю: или не говори загадками, или молчи.

— Хорошо, — коротко согласился Толя. — Как твоя новая родинка на ладони, держится?

Никита взглянул на ладонь, буркнул:

— Держится. Но побледнела и сдвинулась к запястью. Только что чесалась здорово, я, по сути, из-за этого сошел со сцены.

— Любопытно. А так не беспокоит?

— Покалывает иногда... только не надо ничего плести про Весть, психоразведку и тому подобное, я сыт мистикой по горло.

— Тогда сходи к врачу. А лучше к Три К, она тебя приглашала.

— К... когда? То есть приглашала когда?

— Я с ней разговаривал час назад. Сходи, посмотришь на ее работы, на них стоит посмотреть. — Такэда повесил трубку. А Никита полчаса ходил по комнатам, пил молоко, пролистал газеты, смотрел телевизор, не вдумываясь в напечатанное и показываемое с экрана, пока не понял, что давно созрел. Если о происшествии в парке он думал эпизодически, то о Ксении — почти все время, и — видит Бог! — думать о ней было приятно.

Громкое название «Студия художественных промыслов» носил подвал в одном из старых зданий Остоженки. Мастерская Ксении Красновой занимала одно из его помещений, освещенное двумя полуокнами и самодельной люстрой из пяти лампочек. Все помещение было заставлено мольбертами, стойками, холстами и рамами, картин в нем насчитывалось ровно две: пейзаж с рекой и сосновым лесом и портрет какого-то сурового мужика с бородой и пронзительным взглядом из-под кустистых бровей.

Ксения работала над третьей картиной — нечто в стиле «русское возрождение»: на холме, по колено в траве, стоял странник с посохом в руке, с ликом святого и смотрел на сожженное до горизонта поле, над которым на фоне креста церквушки всходило солнце. Картина была почти закончена и вселяла в зрителя непередаваемое чувство печали и ожидания.

Ксения, в аккуратном голубом халатике, под которым явно ничего не было, почувствовала гостя и оглянулась, глядя отрешенно и у х о д я щ е. Волосы ее были собраны короной в огромный узел и открывали длинную загорелую шею, тонкую, чисто классической формы и красивую. Взгляд девушки прояснился, когда в Никите узнала «больного», ради которого по просьбе Такэды везла молоко чуть ли не через весь город.

— Никита? Вот не чаяла увидеть тебя. Проходи, не стой у порога. Как самочувствие?

— Привет, — смущенно сказал Сухов. — Все нормально. Выжил. Вообще-то друзья зовут меня короче — Ник. Я вас не отрываю от дел?

Ксения засмеялась, сверкнув ослепительной белизной зубов.

— Конечно, отрываете, но пару минут я вам уделить смогу. Если хотите, встретимся вечером, поговорим не торопясь.

— Идет. Я заеду за вами...

— Часов в семь, не раньше.

— Тогда покажите мне хотя бы, над чем работаете, и я ретируюсь.

— Только в обмен.

— В обмен? На что?

— Толя говорил, что вы гениальный танцор, и мне хотелось бы побывать на одном из ваших шоу.

— Он у меня еще схлопочет за «гениального», — пробормотал Никита. — Конечно, я вам достану билет на очередное представление, только не ждите чего-то сногсшибательного: программу и сценарий составляю не я и танцую под чужую музыку.

На лице девушки последовательно отразилась целая гамма чувств: вопрос, удивление, улыбка, понимание, интерес. Как оказалось, Сухов плохо разглядел ее в прошлый раз и теперь с восторгом неожиданности наверстывал упущенное, жадно отмечая те черты, которые слагаются в термин «красота».

Кожа у Ксении была смуглая, то ли от природы, то ли от загара (а может быть, от татаро-монгольского нашествия?), глаза зеленые, с влажным блеском, поднимающиеся уголками к вискам, брови черные, вразлет, изящный нос и тонко очерченный подбородок. И маленькие розовые ушки. «Шедевр!» — как любил говорить о таких женщинах великий знаток Коренев. У Никиты вдруг гулко забилось сердце: он испугался! Испугался того, что Толя познакомил его с Ксенией слишком поздно и у нее уже есть муж или, по крайней мере, жених. Такая красота обычно недолго бывает в свободном полете...

— ... — сказала девушка с тихим смехом.

— Что? — очнулся Никита, краснея. — Простите, ради Бога!

— Так и будем стоять? — повторила Ксения. — Картины показывать уже не нужно?

— Еще как нужно! Просто вспоминал, где это я мог вас видеть? Вы случайно не приносили молоко одному больному?

Ксения с улыбкой пошла вперед, а Никита, как завороженный, остался стоять, глядя, с какой грацией она идет. Казалось, таких длинных и красивых ног он еще не видел. Не говоря уже об остальном. И снова страх морозной волной пробежал по коже на спине: а если она и Такэда — не просто друзья?!

— Так вы идете? — оглянулась художница, открывая дверь перегородки подвала.

Соседнее помещение оказалось галереей, вернее, складом картин, из которых лишь часть висела на стенах в простых белых или черных рамках, а остальные были составлены пачками,

лежали на столах или закреплены в станках. Но и того, что увидел Сухов, было достаточно, чтобы сделать вывод: Ксения не любитель, она была Мастером, талант которого не требовал доказательств.

На одной стене помещения Никита узнал молодых Лермонтова и Пушкина, Петра Первого, современных писателей и артистов. На другой были закреплены пейзажи, не уступавшие по эмоциональному накалу и точности рисунка пейзажам классиков этого жанра; особенно глянулся танцору один из них: прозрачный до дна ручей, опушка леса, сосны, мостик через ручей. Этот пейзаж напоминал родину отца под Тамбовом.

А на противоположной стене... Никита подошел и, кажется, потерял дар речи. То, что было изображено на холстах, названия не имело, э т о можно было лишь обозначить словами: смешенье тьмы и света! буйство форм и красок! магия жизни и смерти! Картины не были абстрактными, хотя на первый взгляд ничего не изображали, но они имели с м ы с л, а главное — создавали определенный эмоциональный фон и явно впечатляли. Одна звала к столу — Никите вдруг захотелось есть и пить... Вторая навевала сон. Третья заставила тоскливо сжаться сердце, четвертая — почувствовать радостный прилив сил. Пятая влекла к женщине, да так, что в душе зарождалось желание и неистовое волнение!

— Колдовство! — хрипло проговорил Никита, вздрогнув от прикосновения девушки к плечу — ее вопроса он снова не услышал.

— Спасибо, — серьезно ответила та, пряча лукавую усмешку в глазах; она заметила, какое действие оказала на гостя последняя картина. — К сожалению, ваше мнение отличается от мнения маститых, от которых зависит судьба молодых художников и их персональных выставок. За шесть лет работы, а я рисую с пятнадцати, мне разрешили сделать всего две выставки: в Рязанском соборе и в Благотворительном фонде, остальные, самодеятельные, в общежитиях и студиях не в счет.

Сухов покачал головой, с трудом отрываясь от созерцания картин.

— Это действительно колдовство. Как вам это удается? Я читал, что существуют какие-то методы инфравлияния на подсознание человека, используемые в рекламе на телевидении и в кино. Может быть, вы тоже шифруете в картинах нечто подобное?

— Я не знаю, как это называется, просто ч у в с т в у ю, что должно быть изображено на холсте для создания необходимого эффекта. Мой учитель говорил, что это прорывы космической информации. Годится такое объяснение?

Никита улыбнулся.

— Я бы назвал это проще — прорывами таланта в неизве-

данное, но если вас это смущает, не буду повторяться. Однако вы меня поразили, Ксения, честное слово! Можно, я еще раз приду сюда, полюбуюсь на картины, подумаю над ними?

— Почему бы и нет?

— Тогда до вечера. — Никита направился вслед за художницей, оглядываясь на галерею и чувствуя сожаление, что не насмотрелся на них вдоволь. — Кстати, Ксения, как вы познакомились с Толей?

— На улице, вечером. — Ксения оглянулась через плечо, и Никита не успел отвести взгляд от ее ног. — У гастронома на Сенной ко мне подошли ребята... м-м... очень веселые, и Толя... уговаривал их не шалить.

Никита, представив, как это делал Такэда, фыркнул.

Ксения тоже засмеялась. Заметив его жест, кивнула на руку с отметиной.

— Как ладонь, не беспокоит? Очень интересная форма у ожога, вы не находите?

Сухов взглянул на звезду, упорно сползающую к запястью, и посерьезнел: показалось, что после вопроса девушки звезда запульсировала, послав серию легких уколов, добежавших по коже руки до шеи.

— По-моему, это не ожог. Толя говорил что-то странное, но не объясняет, что имеет в виду. Потом поговорим. Итак, в семь у входа?

Художница кивнула, глядя на него исподлобья, испытующе, серьезно, без улыбки. Этот взгляд он и унес с собой, сохранив его в памяти до вечера.

Дома его ждал Такэда.

— Тебя уволили? — удивился Никита, привычно хлопая ладонью по подставленной ладони приятеля.

— Я свободный художник, хожу на работу, когда хочу. Был у Три К?

— Слушай, не зови ты ее больше так... технически, а?

— Хорошо, не буду. Так ты был?

— Только что от нее, смотрел картины.

— В студии? Или в запаснике?

— Ну, не знаю где, там их было много, десятка три.

Такэда хмыкнул.

— Надо же! Ксения не всем показывает свои работы, несмотря на приветливость и некоторую наивность. Девушка это редкостная, такую встретишь одну на миллион, учти.

— Уже учел. — Никита сходил на кухню и принес запотевшую банку с квасом. — Мы с ней идем вечером в кафе в Москворечье.

— Это ты решил или она?

— Я. А что?

— Блажен, кто верует. Она не любит ходить по вечерам в кафе, рестораны и бары. Не то воспитание, не тот характер, не те устремления. Разве что в ресторан Союза художников, да и то очень редко. Она талантливый мастер...

— Я это понял.

— ...и живет в своем мире, — докончил Такэда бесстрастно. — Она тебя взволновала, я вижу, но...

— Оямович! — изумленно взглянул на друга Никита. — Ты что? Откуда этот менторский тон? Или она — твоя девушка? Так бы сразу и сказал!

— Она мой друг. — Такэда подумал. — И ее очень легко обидеть.

Сухов сел, не сводя пытливого взгляда с безучастно рассеянного лица Толи, глотнул квасу.

— М-да... иногда ты меня поражаешь. Тебя еще что-то беспокоит?

Такэда выпил свой квас, помолчал.

— Беспокоит. Как случилось, что у вас в театре провалился потолок?

— Сцена, а не потолок. Провалился, и все. Наверное, поддерживающие фермы проржавели. Но я как раз ушел со сцены, надоело все, да и рука зачесалась так, что спасу нет.

Толя задумался, хмуря брови. Никита впервые увидел на лице товарища тень тревоги.

— То, что зачесалась рука, — символично, Весть говорила. Но то, что провалилась сцена... Неужели Они решили подстраховаться? Ну-ка, расскажи еще раз, как действовали эти твои «десантники» в парке.

— Зачем? — Сухов снова с внутренней дрожью вспомнил ледяной взгляд гиганта в пятнистом комбинезоне, его парализующее электроразрядами копье, странный голос: «Слабый. Не для Пути. Умрешь...»

— Дело в том, что в тот вечер в парке был убит еще один человек. Тот многоглазый старик, который передал тебе Весть... — Такэда не обратил внимания на протестующий жест товарища, — вот этот самый знак в виде звезды, шел к убитому. Вестник шел к Посланнику, и их убили обоих. Не смотри на меня как на сумасшедшего, я же сказал, в свое время я тебе все объясню, а пока пусть мои слова будут для тебя китайской грамотой.

Толя выпил еще один стакан кваса. Он был встревожен до такой степени, что его обычная невозмутимость дала сбой. И говорил он больше сам с собой, а не с приятелем, словно рассуждал вслух:

— Хорошо, что Они тебе не поверили, иначе действовали бы

по-другому, но плохо, если решили перестраховаться и оставили черное заклятие.

— Что-что?! — Никита смотрел на друга во все глаза.

Такэда слабо усмехнулся.

— Вообще-то заклятие — это психологический запрет, играющий роль физического закона. А черное заклятие иногда называют печатью зла. Боюсь, ты не поверишь, даже если я попытаюсь тебе объяснить все остальное. Ладно, поживем — увидим. Не возражаешь, если у тебя еще посижу?

Никита ничего не имел против. Он был сбит с толку, озадачен и не знал, что думать о загадочном поведении Такэды и о его более чем странных намеках. И словно в ответ на мысли хозяина пятно на ладони отозвалось тонкими уколами-подергиваниями, распространившимися волной по всей руке до плеча.

Глава 3

Три дня Никита выдерживал характер: Ксении не позвонил, с Кореневым не скандалил, с Такэдой разговора о загадочных «печатях зла» не заводил (хотя намек на тайну его заинтересовал всерьез), зато усиленно занимался акробатикой и готовился к демонстрации своего «фирменного» танца — чтобы предстать перед Ксенией во всем блеске профессиональной подготовки. На четвертый день позвонила мама и пожаловалась на то, что ей в очередной раз не принесли пенсию.

Сухов уже не раз выяснял причины подобного отношения почтовых работников, выслушивал их вранье насчет того, что заходили, но дома никого не застали, просил в следующий раз звонить дольше, извинялся и шел за пенсией с матерью, но тут его терпение лопнуло. К почтальону, который разносил пенсию, он не пошел, а направился прямо к начальнику отделения связи, молодому двадцатилетнему парню. И получил хамский ответ: «Пусть сама приходит, ноги не отвалятся».

Никита, типичное дитя постсоветского общества, давно привык к тому, что новые демократические власти полностью переняли привычки старой государственной системы работать на отказ, а не на удовлетворение человеческих потребностей, однако в быту сам редко сталкивался с социальными институтами типа милиции, почты, ЖЭО, телефонной сети, ремонтных и строительных организаций. Зато и никогда не комплексовал по поводу «развитого идиотизма» чиновников, зная, что словом доказать ничего не сможет, — чиновничья исполнительная рать реагировала только на звонок сверху, документ или грубую силу. На этот раз Никита озверел.

Он схватил начальника почты за ремень, приподнял и бросил на стул с такой силой, что тот чуть не рассыпался.

— В следующий раз, если снова придется идти на почту мне, разговор будет другой.

— Разговор этот произойдет раньше! — прошипел вслед белобрысый, модно одетый — в ядовито-зеленые безразмерные штаны и кожаную безрукавку — начальник, но Сухов не обратил на реплику внимания.

Матери он ничего не сказал, только пообещал, что все будет нормально.

— Калиюга в разгаре, — грустно сказала все понимающая мама, погладив сына по плечу. — Все изменяется к худшему, и нет лампады впереди.

— Калиюга — это что-то из индийской мифологии? — Никита повел мать к остановке трамвая.

— По представлениям древних индийцев, человеческая история состоит из четырех эр: критаюги, третаюги, двапарюги и калиюги. Критаюга — благой век, длилась один миллион семьсот двадцать восемь тысяч лет... Тебе интересно? — Они остановились в тени тополя.

— Я когда-то читал, но забыл. Продолжай.

— Третаюга длилась один миллион двести девяносто шесть тысяч лет, и эта эпоха характеризовалась уже уменьшением справедливости, хотя религиозные каноны соблюдались и люди радовались жизни. Во времена двапарюги начали преобладать зло и пороки, длилось это восемьсот шестьдесят четыре тысячи лет. Ну, а калиюга... сам видишь: добродетель в полном упадке, зло берет верх во всем мире, войны, процветание преступлений, насилия, злобы, лжи и алчности... — Мама содрогнулась. — Грехопадение всегда ужасно, но в таких масштабах... Я, наверное, брюзжу?

— Нет, ты говоришь правду. — Никита поцеловал мать в щеку. — Это все, что ты знаешь о югах?

— Почти. Все эти «юги», как ты говоришь, составляют одну махаюгу, тысяча махаюг — одну кальпу, то есть один день жизни Брахмы, а живет Брахма сто лет.

— Долго-то как!

Мать засмеялась.

— Да уж, не то что мы.

— А потом? Ну, прожил Брахма, допустим, свои сто лет, что потом?

— Потом уничтожаются все миры, цивилизации, существа и сам Брахма. Следующие сто лет длится «Божественный хаос», а затем рождается новый Брахма. Что это ты вдруг заинтересовался? Отец оставил целую библиотеку по индийской и буддист-

ской философии, но раньше ты ею пренебрегал. Вот твой друг-японец, тот все проштудировал.

Никита взглянул на часы.

— Он фанатик подобного рода литературы, мне это не дано. Ну, я побежал, ма?

— Беги. Только побереги себя, что-то мне тревожно.

Они расстались. Машина Сухова стояла без бензина, и мать уехала на трамвае, а он сел в метро и направился на поиски Ксении. Увидеть ее захотелось непреодолимо. А еще тянуло рассказать ей историю с убийством странного старика в парке и о передаче им знака в виде пятиконечной звезды.

«Символ вечности и совершенства»... Никита привычно взглянул на ладонь, вернее — на запястье, потому что звезда, оставаясь коричнево-розовой, как заживший ожог, переместилась уже на запястье, имея явное намерение погулять по руке. Она почти не беспокоила, разве что изредка отзывалась на какие-то внешние или внутренние раздражители вибрацией тонких ледяных укольчиков, но именно этот факт и заставлял сердце Сухова сжиматься в тревоге и ждать неприятностей.

В конце концов он решил объясниться с Такэдой, а если тот не сможет помочь — пойти к косметологу и попросить свести пятно с кожи.

На Тверской, в переходе, уже недалеко от студии Ксении Красновой, Никита стал свидетелем грязной сцены: двое молодых людей, неплохо одетых — в джинсы, кроссовки «Рибок» и черные майки, выхватили у инвалида, просящего милостыню, его картуз с деньгами и, не слишком торопясь, пересекли переход, не обращая внимания на возмущенные возгласы женщин и крик инвалида.

Обычно Сухов не вмешивался в подобные конфликты, считая, что этим должны заниматься соответствующие службы, да и в его характере была заложена готовность к компромиссам, хотя и до определенного предела: и отец, и мать сумели привить сыну чувства долга, чести и совести. Почему вдруг его потянуло на подвиг именно в этот момент, он не анализировал: вероятно, сработала еще одна черта характера — нередко он подчинялся настроению.

Парней он догнал на лестнице, задержал за плечо крайнего слева, белобрысого, с жирным затылком.

— Минутку, мальчики.

Реакция юношей свидетельствовала о том, что они хорошо отработали операцию отхода: оба рванули наверх и в разные стороны, сметая людей на пути, но тут один из них вместо родной «голубой» формы разглядел костюм Никиты и свистнул.

Они сошлись и как ни в чем не бывало двинулись навстречу Сухову, поигрывая бицепсами.

— Чо надо, амбал? — спросил белобрысый, во взгляде которого невольно отразилось уважение: Никита был выше каждого из них на полголовы и шире в плечах.

— Верните деньги инвалиду, — тихо сказал танцор, чувствуя неловкость и какое-то злое смущение; он уже жалел, что ввязался в эту историю.

— Какие деньги? — вытаращился белобрысый. Его напарник, потемней, с длинными волосами, в зеркальных очках, сплюнул под ноги танцору.

— Вали своей дорогой, накатчик. Или, может быть, ты переодетый шпинтель, сикач[1]?

Никита молча взял его за плечо, ближе к шее, и нажал, как учил Такэда. Длинноволосый ойкнул, хватаясь за плечо. Его напарник молча, не размахиваясь, ударил Сухова в лицо, потом ногой в пах. Оба удара танцор отбил, но в это время его ударили сзади, и все поплыло перед глазами, завертелась лестница, в ушах поплыл звон. Он еще успел заметить, что ударил его тот самый «инвалид», у которого воры отобрали выручку, дважды закрылся от ударов длинноволосого, но пропустил еще один удар «инвалида» и оглох.

Его били бы долго, если бы не вмешался кто-то из молча наблюдавшей за дракой толпы. Получив по удару — никто не заметил их, так быстро они были нанесены, — драчуны мгновенно ретировались с поля боя, и лишь потом Никита разглядел, что выручил его хмурый парень в костюме и при галстуке. Типичный дипломат.

— Спасибо, — пробормотал Сухов, держась за затылок.

— Не за что, мы делаем одно дело, — ответил «дипломат». — Идти сможете?

— Сможет, — появился из-за его спины Такэда. — Благодарим за помощь, мы теперь сами. — Он наклонился над лежащим танцором, дотронулся до его затылка, озабоченно разглядывая окровавленную ладонь.

Сухов, напрягаясь, встал на четвереньки, и его вырвало. В толпе раздался женский голос:

— Да он пьяный...

Такэда помог Никите встать на ноги и повел по лестнице наверх, потом поймал такси.

— Может, тебя сразу в «Скорую»? Голова сзади разбита.

---

[1]Шпинтель — милиционер, сикач — спецсотрудник (*жарг. тюрем.*).

— Домой, — вяло ворочая языком, проговорил Никита. — Ты что, следишь за мной?

Такэда промолчал.

— Ну и зачем ты ввязался?

— Бес попутал. — Сухов потрогал забинтованную голову, покривился от боли. — Кто же знал, что они заодно? Какой в этом смысл? Делать вид, что отнимают... Или для эффекту — инвалиду после этого больше давать будут?

Такэда разглядывал свои ноги, о чем-то задумавшись. Время от времени он посматривал на хозяина, и во взгляде его надежда боролась с сомнениями.

Они сидели на диване в гостиной Сухова, пили кофе, смотрели новости и перебрасывались редкими фразами.

— Ты знаешь, меня раньше никогда не били! — криво улыбнулся Никита; в голосе его прозвучало удивление.

— Ничего, это исправимо, — рассеянно ответил инженер.

Сухов хмыкнул, оценив реплику. До сего времени, то есть до драки, он жил в своем мире, высоком мире искусства и музыки, спортзалов и театров, не пересекавшемся с миром улиц и подворотен, воровства и насилия, обмана и страха. Судьба и воспитание, устойчивый круг культурных отношений хранили его от множества неприятностей, и, попав в переплет, ожидая от окружающих другой реакции, он растерялся, вдруг осознав, что ничего не знает о жизни вокруг. И было жутко обидно, что вступился он за псевдоинвалида зря.

— Знаешь, а тот парень ничего. Хорошо бы найти его и пригласить в ресторан.

— Какой парень?

— Что помог мне. Странный только... по-моему, он меня с кем-то спутал, потому что сказал, что мы делаем одно дело.

Такэда насторожился.

— Так и сказал: одно дело?

— Так и сказал. А потом ты подошел. Ума не приложу, как тебе удается вычислить меня.

— Если отвечу, не поверишь.

— А ты попробуй.

Такэда допил кофе, отобрал пустую чашку у Никиты и отнес поднос на кухню. Сказал, вернувшись:

— Существует система знаний, не основанная на познании и науке. Если хочешь, один из ее адептов. — Сухов присвистнул.

— С ума сойти! А ты не темнишь, адепт? Уж не прицепил ли мне какую-нибудь электронную штучку вроде микропередатчика?

Такэда отреагировал на шутку друга с неожиданной серьезностью:

— Я — нет, Они — могли.

— Снова загадки? — Никита не имел намерений ссориться с Толей, поэтому спрашивал скорее риторически, зная, что Такэда все равно ответит лишь тогда, когда захочет. — Кто это — они?

— СС, — без тени усмешки ответил японец. — Я тебе уже говорил — это аббревиатура слов «свита Сатаны». Хотя кто опасней: они или эсэсовцы времен Отечественной войны — еще надо подумать. Я имею в виду тех самых «десантников» в пятнистых комбинезонах.

— А-а... — Никита поморщился, но язвить и высмеивать Такэду желания не имел. — Значит, по-твоему, они оставили... как ты там называл? «Печать зла»? И поэтому мне сегодня набили морду?

— Не уверен, что сегодняшний случай инспирирован ею, но не исключаю и такую возможность. Ты видел то, что не должен был видеть, и Они не могли не подстраховаться.

— А помог мне тогда кто? ЧК? НКВД? МБР? Молчишь? По-моему, все это чепуха! К тому же их главарь там, в парке, мне не поверил.

— Вот как? Ты мне ничего не говорил. — Открываться до конца Сухову не хотелось, было стыдно и обидно, слова «десантника» характеризовали его не с лучшей стороны, но Такэда никогда не смеялся над слабостями других.

— Он сказал что-то вроде: «Слабый. Не для Пути. Умрешь». В общем, абракадабра. Что за путь такой, почему я не для него — осталось тайной. Может, пояснишь?

— Может быть. Не сегодня.

— Не шутишь? — Никита изумленно оторвался от спинки дивана. — Ты знаешь, о чем речь? Эта фраза имеет смысл?!

— Эта фраза имеет страшный смысл! И в ней все правда, к сожалению. И что ты еще слаб, и что не создан для Пути, и что умрешь. Попытайся изменить реальность. Хотя... кто знает, может, не к сожалению, а к счастью? Ведь ты не собираешься никуда илти, менять образ жизни?

— Да с какой стати я должен что-то менять?! — взорвался Сухов, получил укол боли в затылок и сморщился. — Какого черта, Толя? Объяснишь ты мне все по-человечески или нет?

— Сегодня нет. — Такэда встал. — Пока не получу доказательств... того или иного. Если я прав — ты попал в очень скверную историю, и выпутаться из нее будет невероятно сложно. Если же нет... — Японец улыбнулся. — На нет и суда нет, как гласит русская пословица. Но я еще раз прошу тебя быть осторожней во всех делах, особенно на тренировках, в театре, транспорте.

Остерегайся случайных знакомств и конфликтов, не затрагивающих тебя лично. О'кей?

Никита с интересом разглядывал лицо друга, ставшее вдруг твердым, напряженным и чужим.

— Психоразведка, говоришь? — Такэда не улыбнулся в ответ.

— Психоразведка.

— «Печать зла»?

— Или «След зла», как угодно. Не ухмыляйся, это очень серьезно, очень, вплоть до летального исхода. Потерпи маленько, я тебе все объясню... если вынудят обстоятельства. В настоящий момент чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Но помни: тогда в парке убили двоих. Двоих, понимаешь? Вспышки и грохот помнишь? Это убивали первого, еще до того старика. Один человек — весть, как утверждал классик[1], два — уже вторжение. Не дай Бог попасть тебе в круг устойчивого интереса... скажем, неких темных сил. Хотя первый шаг, увы, ими уже сделан. — Такэда кивнул на руку Никиты с темнеющей звездой «ожога». — До завтра, Кит. Я бы тебе все-таки посоветовал заняться борьбой, кунгфу там или айкидо, в дальнейшем это может здорово пригодиться.

Хлопок ладони по ладони, и Такэда ушел. Но не успел Сухов углубиться в анализ их разговора, как в прихожей прозвенел звонок. Наверное, забыл что-то, подумал танцор, считая, что вернулся Такэда. Но это была Ксения.

Изумление Никиты было таким искренним, а радость — такой очевидной, что гостья засмеялась.

— Не ждал? Или уже слишком поздно? Я молоко принесла. — Тут Ксения заметила бинт, следы драки на лице танцора и перестала смеяться. — Что с тобой?! Попал в аварию?

— Свалился со стула, — пошутил Никита, отбирая у девушки сумку. — Проходите, Ксения Константиновна. Мы тут с Толей только что плюшками баловались и кофе пили, могу и вас напоить.

Художница, в сарафане, подчеркивающем фигуру, и плетеных туфлях-сандалиях, впорхнула в гостиную, тревожно оглядываясь на идущего следом хозяина. Никита вспомнил индийский миф о Тилоттаме[2]. Она была так прекрасна, что, когда впервые появилась перед богами, Шива сделался четырехликим, а на теле Индры проступила тысяча глаз. Ксения выглядела столь же великолепно, как и Тилоттама, и снова сердце Ни-

---

[1]Урсула ле Гуин.

[2]Тилоттама — одна из апсар, полубожественных женских существ, живущих преимущественно на небе.

киты дало сбой: он еще не верил, что такая красота не принадлежала никому, и от мысли, что кто-то имеет на нее больше прав, настроение упало. Оно упало еще больше, когда по ассоциации с Индрой вспомнились глаза на теле несчастного старика, убитого «десантником» в парке. «Вестник»... Что за весть он нес? И кому? Уж не этот ли знак в виде звезды?!

Сухов невольно обхватил левой рукой запястье правой. Ксения поняла этот жест по-своему:

— Болит? Бедненький! Давай полечу. Толя говорил, что у меня задатки экстрасенса. Он не рассказывал? — Девушка усадила хозяина на диван и стала разглядывать звезду на руке, изогнув бровь, в недоумении; веселость ее как рукой сняло. — На синяк не похоже... ожог? Но почему такой идеальной формы? Звезда... символ вечности и совершенства. Странно!

Никита отдернул руку и понес молоко на кухню, крикнув:

— Сейчас приготовлю кофе, посиди минутку. Вина выпьешь? У меня есть «Киндзмараули» и миндаль.

— Не сегодня, Ник. Не обижайся, ладно? Я на минутку забежала, к бабушке еще надо зайти.

— Я провожу, — заверил Никита, а в ушах снова и снова звучали слова Толи: «Один человек — весть, два — уже вторжение». Кто же был тот второй, убитый в парке первым? И почему Такэда придает этому такое значение? А главное, почему связывает те события с ним, акробатом и танцором, ни сном ни духом не помышляющим о каком-то там пути?..

Они пили кофе с молоком, шутили и смеялись. Ксения уже успокоилась, хотя иногда на ее чело набегало облачко задумчивости. Она рассказала Никите, что Толя вычислил по Пифагору ее священные числа — двойки, и у нее их осталось целых три.

— Он говорит, что это знак высоких экстрасенсорных способностей и биоэнергетики, — смеясь, сказала художница. — И знаешь, я ему верю, ведь его числа — три восьмерки — видны самым натуральным образом.

— У меня тоже видны. — Никита с улыбкой оголил плечо и показал четыре маленькие родинки, похожие на цифру семь. — Как видишь, и я в свою очередь меченый, так что... — Сухов споткнулся, заметив, как побледнела Ксения. — Ты что?!

Девушка закусила губу, попыталась улыбнуться.

— Не обращай внимания. Но этот знак...

— Знак ангела, если верить Оямовичу.

— Странно...

— Что странно? Не хватало, чтобы и ты тоже изъяснялась загадками. Давай лучше поговорим о чем-нибудь приятном. Ты, кстати, обещала рисовать мой портрет.

Девушка продолжала смотреть на него с сомнением, будто что-то решая про себя, но так ничего и не решила.

— Завтра приходи в студию, если свободен. — Она встала. — Чао, меченый, береги себя.

— Я провожу.

— Куда ты с такой головой?

В словах гостьи таился какой-то иной смысл; и Никита, уловив его, прищурился.

— Вот тут ты права, голова — мое слабое место, к тому же чуть-чуть бо-бо. И все же я тебя провожу.

Ксения уехала на троллейбусе, отказавшись ехать на такси. Никита медленно побрел домой, размышляя над ее странным поведением, словами, жестами, испугом, имеющим какой-то конкретный смысл, но неясный пока для него. Думал об этом он и когда ложился спать, пока не позвонили сразу трое, один за другим: мать, Такэда и Ксения, — с одним и тем же вопросом: все ли у него в порядке? Сначала он разозлился, потом развеселился, обозвал всех троих перестраховщиками и уснул в полной уверенности, что утро вечера мудренее.

На следующий день Никита не пошел с утра на репетицию, позвонив Кореневу и сказавшись больным. Выслушивать неискренние соболезнования балетмейстера не стал, отрубив: «Всего доброго». Мысль уйти из труппы, принять предложение Ванфельда, балетмейстера классического балета, поучаствовать в конкурсе с выходом на Большой театр — завладела им целиком. Но облегчения эта мысль не принесла. Что-то мешало Никите жить просто, как он жил до событий в парке, дышать свободно и легко и не заботиться о последствиях своих шагов.

Неприятный осадок от вчерашних событий, а также намеков Такэды, не проходил, бередил душу, засел в памяти занозой дискомфорта.

Позанимавшись без особой охоты на снарядах в спортивном углу спальни, Сухов принялся разглядывать сползшую за ночь ближе к локтю звезду, гадая, что же это все-таки такое. Предположение, что это пресловутая «печать зла» — со слов Такэды, едва ли было верным, и все же в звезде скрывалась какая-то зловещая тайна, тем более что появилась она совершенно необычным способом. «Весть», — сказал Толя. Что за «весть»? От кого? Кому? О чем?..

— О чем? — повторил Сухов вслух, дотрагиваясь до коричневого пятна на коже. И получил ощутимый — не электрический, хотя и близкий по действию, ледяной парализующий разряд, пронзивший руку до плеча, проникший дальше в шею, а

оттуда — в голову. Рука занемела, а в голове долго не утихало гулкое бронзово-бархатное эхо, словно она послужила неким колоколом, по которому ударили деревянным молотом.

— Разрази меня гром! — пробормотал Никита, озадаченно глядя на звезду. — Лучше тебя не трогать.

Подумал: надо посоветоваться с врачом. Может, действительно пойти к косметологу и срезать? Или сначала посоветоваться с Оямовичем?

Проделав обычные водные процедуры, позавтракав и сходив в магазин, Никита продолжал ощущать в груди какое-то стеснение. Тревога не проходила, пока не переросла в настоящую панику. Ничего подобного танцор никогда не ощущал, вины за собой никакой не видел, причин тревоги найти не мог и в конце концов решил, не откладывая в долгий ящик, что проконсультируется по данному поводу с психиатром, маминым приятелем; когда-то они дружили семьями. Правда, тут же пришла другая идея: съездить в Кунцево, купить кое-что из деталей к машине в местном автоцентре. Там работал приятель, который всегда ремонтировал суховский «аппарат», как он выражался.

Сняв с головы повязку и пощупав здоровенную гулю на затылке («Чем это он меня саданул?! Гантелью, что ли?»), Никита переоделся во все черное — черные костюмы и рубашки ему шли — и вывел из гаража машину: у него была вазовская «сотка».

До разъезда на Кунцево добрался за полчаса: сдерживали не столько светофоры и ремонты дороги, сколько собственные мысли. В машине дышалось легче, тревога отступила, хотя странное ощущение неуюта осталось. Впечатление было такое, будто кто-то невидимый сидел в машине, на заднем сиденье, и дышал в затылок. Сухов даже оглянулся дважды, с трудом заставив себя собраться с мыслями и думать о приятном.

А на выезде с Кольцевой на Кунцевскую трассу у машины лопнула правая задняя шина. Руль Никита почти удержал, хотя машину со страшной силой повело влево — на скорости под восемьдесят километров в час, но от столкновения это его не спасло: следовавший по соседней полосе со скоростью сто двадцать километров «Форд» ударил «сотку» в левую скулу и выбросил ее в крайний правый ряд, где на нее аккуратно наехал старенький джип с компанией подгулявших парней.

«Форд» не стал останавливаться, лишь увеличил скорость и скрылся на подъеме, а компания в джипе живо напомнила о себе, посчитав виновником столкновения Сухова. То ли они не видели, что произошло перед этим, то ли были подогреты зельем в баре.

Не успел Никита сообразить, в чем дело, порадоваться, что остался жив, и ужаснуться тому, что случилось, как двое парней

выволокли его из кабины с криками и ругательствами и принялись избивать. Оглушенный двойным столкновением, танцор не сразу пришел в себя, и ему крепко накостыляли по спине и незажившей еще голове, пока он не начал инстинктивно сопротивляться. Один раз очень удачно провел бросок через бедро — усатый недоросль с воплем свалился под откос, другой раз сильный толчок Никиты опрокинул коротко стриженного здоровяка, но все же досталось и ему крепко — в основном когда били в спину и по ногам.

Затем ураган ударов стих и крики умолкли: трое драчунов покатились в разные стороны, словно их раскидал ураган. Никита, шуря заплывший левый глаз, сквозь кровавый туман разглядел неожиданных защитников. Трое молодых людей, очень сильно смахивающих на бандитов, бежавших из колонии усиленного режима, делали свое дело, то есть били обидчиков танцора — умело и быстро. Закончив, переглянулись и направились к своей машине, старой «Волге» с побитыми стеклами. Один из них оглянулся, и показалось Никите, что он подмигнул.

«Волга» отъехала, и в тот же момент подкатил на чьей-то «Таврии» Такэда. Никита хмыкнул.

— А ты как тут оказался, Абдулла?

— Стреляли... — мрачно отозвался Толя, провожая взглядом удалявшуюся «Волгу». Потом оглядел растерзанную физиономию танцора. — Эк они тебя! Говорил же — займись кэмпо... Что тут произошло?

Сориентировавшиеся драчуны полезли было в бой снова, благо добровольные защитники Сухова исчезли, однако Толя быстро утихомирил их, уложив штабелем у дверцы автомобиля, которую открыл шофер джипа; вступиться за приятелей парень не решился.

— Ну? Рассказывай.

Никита сел на бордюр, ноги его не держали, и коротко поведал историю столкновения. Перестав массировать глаз, взглянул на Такэду, который дважды обошел «сотку», заглянул под машину.

— Что, опять твоя пресловутая «печать зла»?

— Поехали домой?

— А колесо поставишь? Но надо же... милицию дождаться... ГАИ.

— Поехали, ничего мы им не докажем. — Такэда подошел к водителю джипа. — Убирайтесь отсюда, и побыстрее, если не хотите платить штраф и лишиться прав.

— Конечно, конечно, — заторопился водитель, худой, тонкий, суетливый от страха. — Я что, я могу и деньги дать, я же не... в общем, не успел.

— Проваливайте.

Джип, дребезжа и стреляя глушителем, укатил. И пока длилось все это действо, на трассе остановилась лишь машина, в которой ехали похожие на бандитов защитники танцора, остальные равнодушно проскакивали мимо.

Такэда отослал «Таврию», сменил лопнувшее колесо, сел за руль «сотки», включил двигатель, и они тихо поехали обратно к центру города.

— Можешь верить или не верить, — нарушил молчание инженер, загоняя помятый автомобиль в гараж, — но «печать зла» увеличивает вероятность неблагоприятного исхода любых действий того, на ком она поставлена. Если бы ты вчера меня послушал...

Никита жестом прервал Толю.

— Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь. Хватит об этом. Обещаю тщательно рассчитывать каждый свой шаг. Доволен? И борьбе пойду учиться, если найдешь хорошего тренера.

Такэда посмотрел на него недоверчиво, с интересом. Качнул головой.

— Видать, сильно тебя долбанули, если ты и на тренинг согласен.

— Просто не люблю, когда меня лупит разная шпана. Идем кофе пить и лечиться. Массаж сделаешь?

Толя молча пошел вперед. Он думал, что время тренинга для Никиты еще не пришло. Пусть разведка (психоразведка, точнее) убедится, что ее подопечный ни о чем таком, вроде Пути, не думает, продолжая жить так же, как и до встречи с Вестником. Пусть «печать зла» разрядится на мелкие дела и ловушки, а тогда можно будет подумать о большем. Если только танцор согласится принять Путь. И если у императив-центра СС недостанет ума перестраховаться еще каким-нибудь образом...

Глава 4

Каждое утро Такэда начинал с отработки дыхания и тао — повторения комбинаций из нескольких десятков движений, присущих технике айки-дзюцу. Он знал около шестидесяти тао, но упорно тренировал новые, планируя довести счет до сотни комбинаций: именно столько должен знать мэнкё — мастер высшего класса, если хочет быть не просто сэмпаем — старшим инструктором, но и организовать свою школу.

В свои тридцать два года Такэда успел овладеть не только айкидо и кунгфу, отметив свой путь борца званиями чемпиона Европы, России и Азиатских игр, но и уникальными приемами

боя нин-дзюцу, о чем знал только его отец, сам в прошлом великолепный боец, да те немногочисленные поклонники «чистых рас», пытавшиеся вколотить в голову Тоявы свою науку. Однако занятия борьбой не стали для него самоцелью и главным делом жизни, его больше влекла психология и философия древних цивилизаций: тибетской, индийской, китайской, и Такэда отдался увлечению со всем пылом нерастраченной души, решив пройти путь Дао до конца. Но будучи сыном своего века и своей страны, коей стала для него Россия, Такэда родился и жил, как и все его друзья других национальностей, приняв российский уклад, быт и законы, не потеряв при этом и традиционные черты характера японца: трудолюбие, выдержку, организованность, дисциплину, — и его понятия о чести, родстве, любви, эстетических чувствах и готовности к безоговорочному подчинению.

Закончив Технический университет имени Баумана, имея блестящие математические способности, Такэда не поддался торгово-сделочному безумию, характеризующему социум страны, хотя и мог бы выйти в преуспевающие бизнесмены. Имея твердое убеждение, что познание само по себе намного интереснее и важнее признания, он устроился в Институт электроники и стал инженером-исследователем, дважды отказываясь от повышения: личную свободу он ценил выше, чем возможность руководить другими.

Посланник Соборной Души Веера Миров, как он себя называл, вышел на Такэду, когда тому исполнилось тридцать лет. Видимо, уже тогда инженер был достаточно подготовлен, чтобы поверить Посланнику и принять его предложение. С тех пор он стал НСИ — Наблюдателем статистических изменений, находя в этом занятии истинное удовольствие и... испытывая глубокую тревогу, потому что ясно видел, к чему идет история Земли. А также история Вселенной, в которой Земля родилась как планета и которая представляла собой одну из колоссального количества пластин-слоев Веера Миров...

Знал бы обо всем этом Сухов, мельком подумал Такэда, растираясь полотенцем перед зеркалом после душа. Усмехнулся — дрогнул уголок губ, стер усмешку. Знал бы танцор, в какую смертоносную историю попал!

Тогда в парке функционеры СС, рядовые оруженосцы Сатаны, исполнители воли Синклита Четырех, убили сначала Посланника, а потом Вестника, и не вмешайся Никита... Не вмешайся меченый Сухов, неизвестно, чем бы все это обернулось. Но, видимо, — судьба! Весть теперь у него. У обычного человека, физически сильного, но неумелого, духовно не защищенного, в меру смелого, но привыкшего жить по стандарту и не же-

лавшего менять образ жизни. Да, он не создан для Пути Посланника, это заметно. Хотя... кто знает? Может быть, не все так безнадежно? Силу духа можно ведь и укрепить, а способности развить, если знать — как. Во всяком случае, задатки у него есть, такого танцора днем с огнем не сыскать! А что нужно еще, чтобы стать Мастером, кроме наивысшего совершенства в своем деле? Пусть даже дело это — танец...

Позавтракав: тэмпура, рис моти-гомо, охаги[1] и кофе, Такэда привычно включил в рабочей комнате, она же гостиная, — жил он в двухкомнатной квартире в районе Останкино, на двенадцатом этаже, — персональный комп и выбил на клавиатуре: «Привет, Айбиэм-сан».

По экрану дисплея поползли строчки проснувшегося компьютера (фирма IBM, пятьсот мегабайт): «Доброе утро, Наблюдатель. Какие новости?»

— Плохие, — буркнул Такэда, устраиваясь в кресле.

Полчаса он работал на компьютере, включенном в общую информационную сеть технических институтов и вузов, пока не убедился во вчерашнем выводе, что поле искажений социума медленно, но неотвратимо увеличивается. Негативные изменения из сфер социальных отношений — рост преступности и наркомании; политики — войны, конфликты, национальное обособление; и экономики — падение жизненного уровня во всех без исключения странах, даже самых развитых, переползли в сферы медицины: СПИД, генетические заболевания, раковые, психические принимали все больший масштаб; и культуры: теле— и киноэкраны захлестнул поток порновидео и сцен насилия, оттеснив талантливые произведения, авторы которых достигли высот искусства.

— Ясно, — пробурчал Такэда, сбрасывая файл. — Видимо, дружище, только мы с тобой и следим за Процессом падения на Земле, никому до него больше нет дела, все живут одним днем.

Инженер ошибался. За Процессом падения, как он говорил, или за процессом регрессии в данном хроноквантовом слое Веера Миров, следило множество глаз, в том числе и не принадлежащих людям. Многие из этих существ анализировали происходящее точнее, шире и глубже, чем это делал Такэда, и не только делали выводы, но и принимали соответствующие меры.

— Ну а как там наш танцор?

Компьютер получил новые данные о происшествиях с Ни-

[1] Тэмпура — мясо и овощи, жаренные в тесте; моти-гомо — сорт риса; охаги — колобок из вареного риса, покрытый сладкой пастой из вареных бобов.

китой Суховым, две минуты думал, наконец выдал информацию:

— Ситуация под контролем, причем двойным. Намечаются слабые тенденции к с п о л з а н и ю. Прогноз негативной линии — один к пяти.

«И на том спасибо, — подумал Такэда. — Я тоже понял уже, что кто-то его подстраховывает, помимо меня. Неужели Собор заинтересовался его личностью? Или он просто отрабатывает мое сообщение?»

Толя включил рацию, и в комнате тихо засвистел сигнал маяка, микропередатчики которого в виде незаметных иголочек были вколоты в одежду танцора. Компьютер, запрограммированный специально на поиск местонахождения Сухова по карте Москвы, всегда мог с точностью до десятка метров сообщить, где находится его подопечный. В данный момент Никита ехал в машине по центру города в направлении к телестудии.

«Будь внимательнее», — выбил инженер на клавиатуре, хотя комп и так делал все, что зависело от программы. Он уже дважды давал сигнал опасности, в результате чего Такэда успевал прибыть к месту очередного происшествия в считанные минуты. Правда, все-таки позже неизвестных благодетелей, успевавших прийти на помощь Сухову с удивительной точностью, зато раньше милиции.

Пора было заниматься ханами[1] и собираться на работу, но Тоява медлил. Что-то ему не нравилось. Появилось неприятное чувство забытой обязанности, томление, желание оглянуться. И еще показалось, что в комнате что-то изменилось.

Внутренне собираясь, Такэда скользнул взглядом по обстановке комнаты: стол, четыре стула, два кресла, книжные полки, шкаф, компьютер, принтер, сейф... две картины в стиле сэйкаку на стене, календарь... зеркало... все на месте... Зеркало!

Такэда стремительно прыгнул к шкафу, выхватил нунчаки, со свистом провел вокруг себя два круга защиты, зажал нунчаки под мышками, медленно подошел к зеркалу, в котором отражалось все, кроме самого хозяина. Зеркало слепо смотрело на инженера, и было в этом взгляде нечто, отчего Такэда покрылся холодным потом. Инстинкт сработал раньше, чем он сам понял, в чем дело.

Взметнулись нунчаки: правый сбил на лету выплюнутый зеркалом острый, зазубренный кусок стекла, левый врезался в зеркало, еще до удара зазмеившееея трещинами. Звон, грохот,

---

[1] Х а н а м и — любование цветами, ритуал, почти обязательный для японца.

стон... стон! Осколки стекла, кривые, как ятаганы, посыпались на пол, крепления зеркала вылетели из гнезд, рама треснула и разлетелась в щепы!

Обессиленный, чувствуя, как по телу бегут струйки пота, Такэда стоял над кучей стекла и разбитых деревянных планок и... в голове вертелось только одно слово: «Нашли!..»

Но как, почему, с чьей подачи? Или он прав — психоразведка? Подстраховочная кампания СС? Скорее всего, так оно и есть: «печать зла» действует на все объекты, попавшие в поле зрения заклятия, наложенного на объект опеки. Поскольку объектом опеки в данном случае является Никита Сухов, это означает, что все его друзья, родные, знакомые находятся в «круге устойчивого интереса» «печати». То есть всем им грозит опасность. И Ксении тоже...

— Набил тут стекла, — сказал с осуждением Такэда и сам же себе ответил: — Гомон кудасай[1].

В дверь позвонили. Тоява оценивающе глянул на нунчаки, кивнул, успокаиваясь. Внедрения готовятся заранее, вряд ли два спланированы сразу одно за другим.

За дверью стоял Сухов с заклеенной пластырем физиономией.

— Ты что, тренировался? — поинтересовался танцор, глядя на то, что минуту назад было зеркалом. Взгляд Никиты скользнул по нунчакам, потом по лицу хозяина. — Что случилось, Оямович? У тебя вид, будто ты ждал налоговую инспекцию.

— Собираюсь на работу, — буркнул Такэда, отступив в прихожую. То, что произошло, называлось внедрением, но Сухову знать это пока не нужно. Если СС вцепилась, уйти от следующего «появления души» у мертвых предметов будет труднее. Как правило, никто не ждет никаких каверз от знакомых с детства вещей...

— Не обращай внимания, — добавил Толя. — Я случайно зацепил нунчаками зеркало. Сейчас умоюсь, и ты отвезешь меня в институт.

— Отвезу... а откуда ты знаешь, что я на машине?

— Бензином воняешь.

Такэда ушел умываться, а Никита, сказав ему в спину: «Да?» — прошел в комнату с компьютером, разглядывая груду зеркального стекла на полу. Один из осколков мерцал голубовато-льдистым светом и выглядел угрожающе живым, но, пока танцор протирал глаза, свет исчез, осколок выпал из общей кучи и рассыпался в пыль.

«Показалось», — подумал Никита, озираясь.

---

[1]Извините, пожалуйста (*яп.*).

Гостиная Такэды недвусмысленно говорила о национальности владельца квартиры: циновки-татами на полу; холодное оружие вместо традиционных кукол на всех полках, шкафах, телевизоре, компьютере, на столе и на стенах; эстампы с видами Фудзи и поединками самураев; цветы вдоль стен в специальных длинных ящичках. И множество книжных полок, повешенных на стенах таким образом, чтобы создавались традиционные японские токонома — ниши, в которых также лежали ножи, этикеты и кинжалы. В глубине одной из ниш висел свиток с японскими иероглифами — какэмоно.

Все это Никита знал давно и тем не менее, попадая в дом Такэды, не мог не любоваться его убранством, своеобразной эстетикой и чистотой.

— Я есть хочу, — заявил он подошедшему сзади Толе. — И пить. И музыку послушать, твою любимую — с шумом ветра. У тебя найдется что перекусить?

— Обойдешься. Я всегда считал, что ты не воспитан по формуле: хочу все сразу и сейчас. К тому же я тороплюсь.

— А я нет.

— Надо же! — Голос Такэды сделался неприятным. — Оказывается, есть люди, которые никуда не спешат.

Никита внимательно посмотрел на него.

— Да что произошло, Толя? Ты явно не в себе.

— Извини. — Такэда взял себя в руки. — Поехали, по дороге расскажу.

Но в машине он молчал и думал о своем. Сухов не приставал с расспросами, это позволяло заниматься самоанализом и не раздражало. Высаживая Такэду на проспекте Черепанова, танцор сказал с неуверенностью:

— Знаешь, я решил радикально изменить ритм жизни.

Такэда оглянулся через плечо, не спеша захлопывать дверцу, ожидая продолжения.

— Хочу попробовать себя в классическом балете. Как ты думаешь, я смогу там чего-то достичь?

— Сможешь. Только это не есть радикальное изменение жизни. Я тебе советовал, что делать.

— Я сам могу решить, что мне делать, — с прорвавшимся вдруг высокомерием произнес Никита. — И в советах не нуждаюсь. Мне, между прочим, двадцать шесть лет, и ты мне в няньки не годишься.

— Ну-ну, — сказал Такэда, все еще медля. — И куда же ты сейчас направляешься, если не секрет?

— Мой день принадлежит мне. — Сухова несло дальше, хотя едва ли он сам понимал, почему и на кого злится.

Такэда покачал головой, лицо у него погрустнело.

— Твой день послезавтрашний, меченый. И хорошо, если бы ты до него дожил. Как рука? Звезда не беспокоит?

Никита, на которого будто вылили ушат холодной воды, опомнился, глянул на правую руку: коричневый «ожог» в форме пятиконечной звезды переместился уже на предплечье. Вспомнился «удар холодом», которым ответила звезда на прикосновение, душу на мгновение защемил страх.

— Что все-таки это такое? Скажешь ты наконец или нет?

— «Зарытый» в шумах сигнал, — Толя усмехнулся, — говоря научным языком. А вообще — Весть. Когда-нибудь проявится. А может быть, и нет. Терпи. И не показывай ее никому без надобности. Вот еще что. — Такэда поднял руку, предупреждая возражение танцора. — Бери Ксению и уезжай с ней на юг, недели на две, все равно куда. «Печать зла» действует и на нее, пока ты жив. Думаю, за тысячи километров от столицы она потеряет силу. Не могу же я все время подстраховывать обоих сразу. Звони.

Он ушел. А Никита остался сидеть в машине с ощущением, будто ему врезали по больному глазу.

В два часа дня он с недоумением разглядывал повестку в милицию, только что вынутую из почтового ящика. Прочитал еще раз: «В случае неявки взимается штраф в размере двух тысяч рублей». Хмыкнул. Такой суммой можно было бы и пренебречь, но Сухов был законопослушным гражданином своей страны и конфликтовать с властью не хотел.

В два сорок он подкатил в райотдел милиции, осведомился у дежурного, где находится комната под номером одиннадцать, и зашел.

Комната оказалась небольшой, уютной, со стенами, окрашенными голубой масляной краской, по которым были развешаны плакаты с рекламой боевого самбо и фото машин производства АЗЛК. Стол, шесть стульев, сейф и книжный шкаф радовали глаз чистотой и простотой линий. Портрет Феликса Эдмундовича дополнял эстетическое убранство кабинета.

За столом с работающим вентилятором сидел лысый мужчина средних лет, с лицом бледным и болезненным. Губы на этом лице почти не выделялись, зато нос поражал величиной и формой. Покатые плечи, пухлые руки, штатский костюм (пиджак — в такую жару?!), зеленая рубашка со сползшим галстуком. «Господи, в какую эпоху я попал?» — с недоумением подумал Никита. Но вслух сказал:

— Я по поводу повестки. Видимо, здесь какая-то ошибка...

Хозяин кабинета молча взял повестку, поискал что-то в куче

бумаг, вытащил три серых листа с каким-то текстом, прочитал и поднял на Никиту водянистые, без выражения, глаза. Голос у него оказался хриплым и мокрым, будто он вот-вот начнет отхаркиваться.

— Документы!

Никита протянул паспорт.

Лысый мельком взглянул на портрет владельца документа, отложил паспорт в сторону.

— Вы обвиняетесь в дебоширстве, учинении драки в уличном переходе, столкновении с машиной известного дипломата, наезде на автомашину коммерческого объединения «Валга» и нанесении побоев двум его работникам.

— Что?! — Никита не поверил своим ушам.

— Хватит на то, чтобы сесть по двум статьям на срок от трех до пяти лет. У вас есть смягчающие вину обстоятельства?

— Но это неправда! — возмутился Сухов, справившись с изумлением. — При чем тут моя вина? Я ни в чем не виноват.

— Да? — удивился сотрудник райотдела и вдруг, побагровев, заорал: — Ты мне здесь невиноватика не строй! Знаем мы таких тихих! Балетчик! Привык небось плевать на закон. Каждый день новая баба, машина, бары, рестораны, коньяк... Нет, скажешь? Я вас всех, танцоров, знаю как облупленных. Живете, не считаясь...

Бац! — ладонь Никиты хлестко ударила по столу. Лысый отшатнулся, мгновенно замолчав, тупо глянул на стол, потом на руку Сухова, оценив ее размеры, мышцы. Потянулся было к кнопке звонка, но передумал.

— Прекратите истерику, — проговорил Никита тихо. — Ни фига вы не знаете, как живут танцоры. Это первое. Ни в чем я не виноват, это второе. Разговаривать я с вами буду только в присутствии адвоката, это третье. Достаточно?

— Вполне, — как ни в чем не бывало ответил лысый. — Садитесь, уточним... э-э... некоторые детали.

Никита невольно засмеялся, махнул рукой и сел.

Дальнейший разговор протекал без инцидентов, криков и угроз, хотя старший оперуполномоченный не отличался ни умом, ни эрудицией, ни другими качествами интеллигентного человека. Был он дуб дубом и хорошо знал только уголовный кодекс и бандитскую среду. В заключение, перейдя на «вы», он доверительно сообщил:

— Но если обвинения в ваш адрес подтвердятся, мы вас и под землей найдем. А тем более если вы снова отмочите какой-нибудь фокус вроде драки. Так что сушите сухари.

Никита вышел молча, хотя его душил гнев и горячее словцо готово было сорваться с губ. Однако, выйдя из райотдела, он по-

размыслил и сделал вывод, что легко отделался. По рассказам бывалых людей, попасть в милицию было легко, а вот выйти — очень непросто. Что-то здесь было не так. Такие обвинения и угрозы не произносят зря, а объявив — добиваются признания факта, чтобы завести уголовное дело. Найди они свидетелей — Сухову очень трудно было бы оправдаться. Но... что-то не клеилось. Или, наоборот, все прошло как надо, его решили попугать, и это удалось. Но зачем? Зачем его пугать?

Стоп!

Сухов замедлил шаг, глядя сквозь прохожих остановившимся взглядом. Уж не является ли этот странный вызов без последствий отголоском «печати зла»?! Никита качнул головой, отгоняя наваждение, обозвал себя в душе слабохарактерным, впечатлительным мистиком и поспешил к метро. Через полчаса он входил в мастерскую Ксении.

Сердце вдруг забилось часто и сильно, будто он бежал. А при виде склонившейся над мольбертом художницы — она работала над пейзажем — пришло страстное двойственное ощущение: его ждали и не хотели видеть одновременно! Чувство это все чаще приходило к Никите, и он даже как-то задумался о причине этой странности, но мастерская Красновой не способствовала самоанализу, мысли свернули в иное русло.

Он тихонько прошел за ее спиной в угол, где стояли столик, два кожаных кресла и вешалка, сел в одно из них и принялся разглядывать профиль девушки.

На ее лицо, когда она работала, хотелось смотреть не отрываясь, как на огонь костра или дождь. Когда она работала, то превращалась из феи приветливой доверчивости в фею милой сосредоточенности, и по лицу ее тихо бродили отголоски мыслей и чувств, переживаемых в данный момент. Никита мог часами наблюдать за ней, теряя счет времени, готовый убить всякого, кто посягнет на это существо, способное превращать безотрадное — в красивое, серость — в яркую многоцветность...

Одета Ксения была в голубой комбинезон, не скрывающий восхитительных форм тела. Волосы она заплела в косу, которая тяжелой короной украшала голову, открывая длинную шею с серебряной цепочкой на ней. В мочках ушей поблескивали серебряные сережки с сердоликом в форме листика березы. На среднем пальце левой руки — перстень с таким же камнем. Неброско, просто, но в этой простоте скрывался некий шарм и тонкий изыск, свойственный только истинному художнику — не в смысле профессии, в смысле свойств натуры.

— И долго ты намерен так сидеть? — раздался волнующий голос девушки.

— А? Д-да... — промямлил застигнутый врасплох Никита.

Ксения оглянулась. В глазах улыбка, лукавые искры, приветливость и готовность выслушать любое известие. Повинуясь зову интуиции, Никита подошел к ней и молча поцеловал в полураскрытые пунцовые губы, ответившие на поцелуй с неожиданно нежной силой. Минута длилась долго, а тишина в мастерской была такая, что ощущалось кипение крови — в губах, сердце и руках, сжимавших девичьи плечи. Затем, снова повинуясь властному зову интуиции, Никита разжал объятия, оторвался от Ксении и отступил на шаг. Девушка смотрела на него без улыбки. Глаза ее стали огромными, глубокими, и радость в них соседствовала с сомнением.

Никита стиснул зубы, отступил еще на шаг. Снова это загадочное сомнение, что и в глазах Толи Такэды. Ах, друзья мои, приятели, откуда же эти сомнения? Что вы такого видите во мне, что позволяет вам сомневаться?

— Надо же, — все тем же спокойным низким голосом произнесла девушка, — на двадцать седьмой день знакомства ты наконец соизволил поцеловать меня. Я думала, ты смелей.

— Ну что ты, я такой неуклюжий и робкий, — пробормотал Никита.

Девушка засмеялась, и напряжение ушло, разрядившись смехом. Но вкус поцелуя остался на губах и в памяти. Сравнить его было не с чем, ничего подобного Никита не переживал раньше, хотя и целовал девушек прежде. Как сказал бы Толя Такэда: счастье выпадает тому, кто его не ждет.

— Я пришел жаловаться, — продолжал танцор, с жадной робостью впитывая смех девушки и свет, исходивший от ее лица. — Понимаешь, вокруг меня что-то происходит, какие-то скрытые силы жонглируют событиями, а я лишь изредка ощущаю их присутствие. Плюс вот это. — Танцор кивнул на руку, закатав рукав рубашки над локтем, где красовалась звезда. — Подарок судьбы. Весть, как выражается Толя.

— Болит, мешает?

— Не мешает, но... действует на нервы. — Никита вспомнил реакцию пятна. — А стоит на него надавить, и...

Знакомый холодный разряд проколол руку от звезды до шеи, вонзился в затылок, растекся парализующим холодом по всему телу, заставил дрожать пальцы и губы. Раздался чей-то грохочуще-гулкий голос, показалось, в костях тела, позвоночника, в черепе произнес фразу на каком-то тарабарском языке, стих. И все прошло. Осталась только слабость в коленях и затихающий звон в голове.

— Что с тобой? — Никита увидел у лица испуганные глаза Ксении и обнаружил, что сидит в кресле. — Тебе плохо?

— Н-нет... все нормально... сейчас пройдет.

Ксения упорхнула куда-то и тут же принесла чашку холодного кофе.

— Пей, это взбодрит. — Посмотрела, как он пьет, отобрала чашку, положила одну ладонь на его затылок, вторую на лоб. — Теперь сиди тихо и думай о приятном.

Ладони у нее были мягкие, ласковые и в то же время сильные. От них исходила какая-то успокаивающая, живая прохлада и приятная бодрость. Через несколько минут Никита почувствовал себя окрепшим, восстановленным, отдохнувшим. Легкая нервная дрожь вокруг пятна звезды — словно по коже бродила «гусиная пупырчатость» — прошла... Страх в душе почти растаял, хотя Сухов знал, что он еще вернется. Загадка звезды угнетала, снова появилась идея сходить к косметологу и срезать участок кожи вместе со звездой. Если бы только была гарантия, что это поможет.

— К врачу не обращался? — поинтересовалась Ксения.

Танцор отрицательно качнул головой, криво улыбнулся.

— Тебе Толя рассказывал, как она появилась?

Ксения опустила глаза, потом прямо посмотрела на него.

— Рассказывал.

— И что ты об этом думаешь?

Девушка отвернулась, прошлась по мастерской, остановилась у мольберта с пейзажем... Сказала, не глядя на гостя:

— Ник, ты попал под колесо истории, хочешь ты этого или не хочешь. С появлением Вестника мир вокруг изменился и... и многое зависит от тебя лично. Многое, — подчеркнула она, искоса глянув на Никиту, — если не все. Если захочешь, в свое время ты узнаешь подробности. Но возврата к прежней жизни не будет. И ты — в большой опасности, в очень большой.

— Значит, ты все знаешь? — задумчиво проговорил Сухов, чувствуя, как впереди разверзается бездна.

— Не все, только то, что сказала. Тебе предстоит пройти Путь, вернее, три Пути...

— Целых три? — Никита постарался, чтобы в тоне вопроса было как можно больше иронии, но Ксения не прореагировала на это.

— Путь Меча, Путь Мысли и Путь Духа. Если только... — она помолчала, — если тебе хватит...

— Смелости? Ну что ты, я трус.

— Великодушия, — закончила девушка.

Чувствуя, как запылали щеки, Никита встал и, не попрощавшись, вышел из мастерской. Он был взбешен, раздосадован и обижен, словно ему отвесили пощечину, хотя в глубине души сознавал, что Ксения не хотела его обижать. И все же было чертовски обидно, что в нем, таком положительном во всех отно-

шениях, имевшем сотню великолепных качеств, нашли вдруг изъян. Великодушия, видите ли, ему недостает! Откуда это видно? И зачем оно для того Пути, или трех Путей? Путнику больше требуются сила и выносливость, а не великодушие... если, конечно, он собирается куда-то идти...

Никита пожал плечами. Никуда идти он не собирался. Но от этого на душе не становилось спокойнее. Ксения знала, что он не из путешественников, вот почему во взгляде ее сквозило сомнение. Знала она и то, что он откажется от Пути, вернее, от трех Путей. Отсюда печаль и дистанция, которую она установила сама, поцелуй не в счет. Или как раз наоборот, поцелуй — шаг вперед?

Путь Меча...

Никита нахмурился.

Пахнет кровью. Путь Меча, Путь Мысли и Путь Духа. Но звучит! Как это звучит влекуще и жутко... упаси меня Боже от соблазна!

Глава 5

Целых два дня он выдерживал характер: Такэде не звонил, Ксению не искал, на звонки не отвечал. Общался только с соседями, с мамой и приятелями на тренировках. В театр пошел лишь затем, чтобы сообщить Кореневу окончательное решение: он переходит в балетную труппу Малого академического.

Так как и ему никто из друзей не досаждал, Никита, разозлившись, решил устроить себе отдых и уехал в Подмосковье, на турбазу, минимум на неделю. А поскольку для этого нужны были деньги, пришлось идти в банк и снимать со счета.

Машина стояла в ремонте на станции техобслуживания, поэтому все вояжи приходилось выполнять или на такси, или общественным транспортом.

Сухов, вообще говоря, особых трудностей в жизни не испытывал, воспитывался в основном дедом и бабушкой и жил в достатке. Денег он никогда не считал, ни в детстве, ни во время учебы, ни потом, устроившись на работу, поэтому был в известной мере избалован, чтобы почти никогда и ни в чем себе не отказывать. В такси он сел не задумываясь, хотя на троллейбусе до районного сбербанка можно было добраться за двадцать минут. А когда подошло время расплачиваться (пятьсот рублей за пять километров?!), обнаружилось, что танцор забыл деньги дома: злую шутку сыграла привычка ездить на машине.

Водитель, угрюмый здоровяк с лысиной на полчерепа, шутки не понял.

— Крутой? — буркнул он сипло. — Тогда плати штуку, я тоже крутой. — И он взялся за монтировку.

Напрасно Никита клялся, что забыл портмоне, просил подождать, пока он получит в банке деньги, предлагал в залог часы: водитель только отфыркивался и выжидательно глядел исподлобья. Наконец Сухов выдохся и прошипел, сдерживая бешенство:

— Вези обратно, олух!

— Я тебя ща отвезу, — пообещал водитель, разворачиваясь. — Я тебя в милицию отвезу.

При слове «милиция» в мозгу танцора что-то щелкнуло. Он вспомнил вызов и разговор с инспектором, как две капли воды похожим на шофера такси. Не есть ли это звенья одной цепи? Не сработала ли снова «печать зла», усиливающая, по словам Толи, вероятность неблагоприятного исхода любых действий Сухова?

— Стоп! — сказал он. — Я плачу.

Но водитель словно не расслышал, продолжая гнать машину в обратном направлении. И тогда Никита что есть силы дернул вверх рукоятку ручного тормоза. Машину занесло. Взвыв, заглох мотор. Шофер тупо глянул на тормоз, на пассажира, брови его полезли вверх, но Никита не дал ему времени опомниться: рванул ручку дверцы и выскочил из такси.

Квартал он бежал так, словно сдавал стометровку, ожидая криков и ругани в спину, но все было тихо. Уехал ли таксист сразу или простоял час, Никита так и не узнал. А вбежав в здание банка, оказался свидетелем его ограбления. «Печать зла», видимо, продолжала действовать.

Четверо молодых людей в масках из чулок в «лучших» традициях голливудских боевиков уложили посетителей банка на пол и набивали деньгами сумки. Судя по ярости их главаря, добыча не была огромной. Вооружены они были пистолетами, а черноволосый главарь — автоматом «узи», что превращало любой акт сопротивления в акт самоубийства.

Никита еще ничего не успел сообразить, как получил по скуле рукоятью пистолета и, оглушенный, упал на колени.

До этого он ни разу не встречался с вооруженными бандитами, не считая случая в парке. Конечно, разговоры о рэкетирах, мафии, ворах в законе, коррумпированных чиновниках были на слуху, об их «успехах» не раз писали газеты, но все это для танцора происходило как бы в других измерениях и его не касалось. Но вот на карту судьбы ему поставили «печать зла», и неприятные открытия посыпались как из рога изобилия.

— Лечь! — услышал он над собой, получил удар по затылку, но продолжал стоять на коленях, с усилием соображая, что де-

лать дальше и как он оказался в таком беспомощном положении. Его ударили еще раз, и Сухов — долго потом вспоминалось это со стыдом и горечью — вскрикнул от боли и поспешно лег лицом вниз, хотя в момент удара — это он тоже осознал и запомнил — мог перехватить руку бандита и вырвать пистолет.

Грабители умчались через несколько минут, выстрелив для острастки пару раз в потолок. А еще через минуту вместе с блюстителями порядка в помещение сбербанка ворвался Такэда. Помог Никите подняться, повел на улицу. Их остановили, потребовали описания событий и преступников, — но Сухов соображал плохо, а помнил все и того хуже. Презирал он себя в данный момент люто.

— Ты появляешься как чертик из коробки, — сказал он инженеру, когда тот привез его домой и стал лечить ссадину на скуле и шишку на темени. — Как тебе это удается?

Такэда молча продолжал свое дело.

Никита подождал ответа, заговорил снова:

— Ладно, я еще с тобой разберусь... охранник. Что или кто меня прищучил на этот раз? Психоразведка? Молодчики СС? Как ты там говорил: «свита Сатаны»?

— Если появятся функционеры «свиты», тебе несдобровать. Я уже говорил: не ввязывайся в конфликты, поменьше бывай вне дома или займись боевой подготовкой. Хотя бы для выживания. Сейчас тебя можно ликвидировать шутя, хотя ты и здоров на вид.

Никита обиделся.

— Между прочим, я делаю стойку на двух пальцах! Отжимаюсь на одной руке... да и сальто кручу тройное... Попробуй, и посмотрим, что получится.

— Этого мало, Кит. — Инженер сел напротив, сгорбился. — Ты абсолютно не готов морально и не подготовлен технически к схватке, не ждешь опасности и не умеешь реагировать на нее вовремя. Тебе нужен не просто тренер айкидо, дзюдо или тхэквондо, но инструктор по выживанию.

— Зачем?

— Да, — тихо сказал Толя. — Я тоже часто задаю себе этот вопрос: зачем тебе лишние хлопоты? И не нахожу ответа.

Никита поискал обидный смысл в словах друга, не нашел и, решительно оттолкнув подушку, сел на кровати в тренировочном костюме.

— Рассказывай все.

Такэда покачал головой.

— Все еще рано. Пока есть шанс тихо просидеть в кустах и не поднимать шума. Может быть, Они снимут заклятье и уйдут... тогда и начинать ничего не надо. Хотя, вряд ли, ничего

Они не делают наполовину. Странно все-таки, что Они тебя отпустили.

Никита покраснел. Он еще помнил слова «десантника» в парке: «Слабый. Не для Пути...» Чтобы скрыть замешательство, буркнул:

— Ну хорошо, допустим, я согласен... — Сухов заторопился, увидев, что на губах Толи появилась усмешка. — Что ты лыбишься, метис несчастный?

— «Допустим» здесь не проходит, Кит. Я понимаю, очень трудно, почти невозможно поменять образ жизни, но делать это придется. Хотя ты еще и не решил. Это в тебе говорит «эго», самолюбие, а не ум и сила.

— Где же их взять? — проворчал примирительно Никита. — Тупо сковано — не наточишь, глупо рожено — не научишь.

Такэда поморщил лоб, раздвинул губы, беззвучно рассмеялся.

— Браво, гимнаст, ты самокритичен.

Засмеялся и Сухов, но тут же перестал.

— Я серьезно — что согласен. Только не делай далеко идущие выводы, просто я не люблю, когда меня бьют.

— А я думал, тебе нравится.

— Не издевайся. Сведи меня с тренером, попробую овладеть твоим тхэквондо. Или айкидо. Кстати, какую систему борьбы посоветуешь?

— Если искать здоровья, душевного равновесия, то лучше восточных единоборств: кунгфу, пенчака, тайинга, айкидо, каратэ, тхэквондо или вьет-во-дао — не найти; но если хочешь получить практический боевой эффект, причем достаточно быстро, то лучше росс дао школы Д ничего не существует. Я сведу тебя с моим знакомым, он инструктор в одной закрытой конторе.

Такэда помолчал, сходил в ванную и вымыл руки. Вернулся, походил из угла в угол. Сухов молча наблюдал за ним, потом не выдержал:

— Ходун напал? Опять что-то случилось? Или с Ксенией что?!

— Пока ничего. — Инженер поколебался и достал из сумки, с которой пришел, тонкий и острый, с замысловатой рукояткой, трехгранный кинжал — стилет. — Помнишь, где он у меня лежал?

— На полке у кровати, рядом с кортиком. Только ручка, по-моему, у него была другая.

— Гляди-ка, усек. Дело в том, что я утром обнаружил его торчащим в кровати; спал я на диване.

У Никиты перехватило дыхание.

— «Печать зла»?!

— Но самое интересное, — ровным голосом продолжал То-

ля, — что изменилась не только форма стилета, но и материал. Он был сделан из легированной стали, а теперь — из редчайшего изотопа тантала, на Земле практически не встречающегося. Я проверил в лаборатории.

— Ну и что?

— Это похоже на СС-профилактику. А может быть, и не только. В связи с чем хочу тебя предупредить: будь внимателен к самым обыденным домашним вещам. Некоторые из них могут... оживать. И называется сия метаморфоза в н е д р е н и е м.

Не дав Никите и рта раскрыть, инженер быстро засобирался и ушел, оставив того с гудящей от обилия впечатлений и фантазий головой.

Вопрос отдыха решился сам собой: Сухов попал в состав сборной России по акробатике и должен был через три дня выехать на двухнедельные сборы в Крым, на турбазу олимпийской подготовки «Дагомыс».

Ксения поехать с ним на весь срок отказалась: ей необходимо было завершить работу над несколькими картинами, но обещала подъехать на три-четыре дня в начале августа. Сухова это устраивало, а Такэде он поклялся не вмешиваться ни в какие инциденты и спать с газовым пистолетом под подушкой.

Перед отъездом они сходили к приятелю Толи, как оказалось, инструктору одной из закрытых школ спецподготовки сотрудников Главного разведуправления. Приятелю шел тридцатый год, был он почти одного роста с Никитой, но узкоплеч и тонок и особого уважения не вызывал. Такэда понял это по выражению лица Сухова, улыбнулся уголком рта, первым протянул руку инструктору:

— Привет, Роман.

— Салют, мастер. Давно тебя не видел. Перестал выступать? — Хозяин отступил, пропуская гостей в тренерскую. — Проходите.

Комната была заставлена кубками, вазами, спортивными снарядами, стены ее были увешаны календарями с видами борцов всех стилей, таблицами и схемами.

— Проходите, садитесь.

— Познакомься, — кивнул Такэда на танцора. — Никита Сухов, акробат, гимнаст, солист балета. А это сэмпай Роман, пятая категория россдао.

«Сэмпай» Роман окинул Никиту оценивающим взглядом, кивнул с удовлетворением.

— Подготовочка дай Бог! Мне бы такую стать, а, Толя?

— Ты и так не обижен, мастер. — Такэда вдруг нанес три

быстрых удара: кулак и локоть правой руки — ребро ладони левой — и все три оказались блокированы Романом. Сделал он это без усилий, как само собой разумеющееся, но добавил и кое-что свое: последний блок одновременно был и контрударом. Правда, в последнее мгновение инструктор движение остановил.

— Сэн-о-сэн[1], — сказал Такэда. — Ты хорошо держишь форму.

— Не жалуюсь. — Голос Романа остался безразлично спокойным. Он отбил нападение, не глядя на неожиданного противника, продолжая оценивать Никиту, и была в этом безукоризненном автоматизме такая пластика, что Сухов восхитился в душе. — Итак, милостивые судари, что вас привело ко мне?

— Возьми его к себе в команду.

Зазвонил телефон, Роман поднял трубку, буркнул: «Да, они у меня», положил трубку. Школа была режимной, и всех ее посетителей проверяли.

— Я мог бы поработать с ним и в айкидо, но для восточных единоборств его стать не шибко подходит. К тому же ему надо пройти подготовку достаточно быстро.

— О причинах не спрашиваю. — Роман задумался. — Но в команду я взять его не смогу — все ученики на виду.

— Тогда займись индивидуально. С таким материалом ты еще не работал. Главное, что ему не надо тренировать базовые навыки: равновесие, четкость, ритмику, растяжку и так далее. Встань, Ник, сделай пару своих пируэтов. Сделай, сделай.

— Здесь мало места... — нерешительно поднялся Никита.

— Вот именно. Оцени пространство и давай.

Сухов прикинул расположение столов, стульев, стоек и шкафов комнаты и сделал спираль Карозо со сменой en dehors и en dedans[2], ухитрившись ничего не задеть и не сбить. Его странное — в условиях тесного помещения — па было полно грации, гибкости и силы, каждое движение как бы перетекало в следующее, вычертив безупречную линию положений тела без разрывов и остановок. Роман цокнул языком.

— Впечатляет! Хорошо, я могу взяться за него...

Такэда, подмигнув, вдруг локтем сбил стакан с водой со стола, но инструктор быстрым, изумительно точным и плавным движением поймал его и поставил на стол, не прерывая речи:

— ...если он готов заниматься всерьез, по пять-шесть часов в день. У парня действительно имеется уникальная возможность

---

[1]Синхронный контрудар (*яп.*).

[2]En dehors — движение наружу; en dedans — движение вовнутрь (классический балетный танец).

достичь высокого мастерства в короткие сроки. Скажем, за два-три года. Годится такой вариант?

Никита, восхищенный мастерством инструктора, кивнул. Он был согласен на все, забыв и о собственных тренировках в сборной, и о переходе в другой театр, и о «печати зла».

— Тогда прошу выслушать пару сентенций. Первая: человек — это одушевленное универсальное оружие многопланового действия.

— Оямович говорит иначе, — кивнул на Такэду Никита, не выдержав. — Человек — биосистема с ограниченной способностью к изменениям.

Инструктор нахмурился.

— Во-первых, никогда не перебивайте говорящего. Иначе мы расстанемся еще до начала учебы. Во-вторых, сказано это скорее о биохимии, чем о физике тела человека. Не так ли, господин инженер?

Толя, пряча улыбку в глазах, кивнул.

— И последнее. Россдао — это развитие традиций боевого искусства славянских корней, так называемого русского стиля рукопашного боя, впитавшего обширнейший арсенал приемов борьбы во всем многообразии национальных видов, направлений, стилей и школ. Господин Такэда может подтвердить: многие приемы россдао уникальны и рассчитаны в идеале на людей с таким телосложением, как ваше. И еще: профессионал-родер не уступит ни одному профессионалу Востока.

Никита посмотрел на Тояву. Тот снова кивнул, предпочитая обходиться минимумом жестов. Встал.

— Спасибо, Роман. Когда начнете?

Инструктор тоже встал, глянул на календарь.

— Через две недели, после сборов. Вот телефон, позвоните мне двадцать восьмого.

Никита попрощался, пожав крепкую руку тренера, вышел первым, Такэда задержался:

— Два года — слишком мало, чтобы из человека танца сделать человека боя, но слишком много, когда тому угрожает опасность. Подготовь его в максимально короткий срок, даже если придется работать по двадцать четыре часа в сутки.

Роман, хмуря брови, подошел к инженеру.

— Что за опасность? Зачем этому парню менять квалификацию? Если он акробат — в добрый путь к славе!

— У него другой... путь. Я ничего пока не могу тебе рассказать, но Ник вообще-то действительно в опасности. Хорошо, если бы ты начал заниматься с ним прямо с завтрашнего дня, но, если это невозможно, пусть будет через две недели. — Такэда шагнул из комнаты. — Если он останется жив.

— Погоди... мистика какая-то! Это что — так серьезно?

— Сверхсерьезно.

— Почему же ты сам не начнешь с ним работать?

— Потому что моя компания для него увеличивает опасность появления... скажем, неких сил, с которыми даже я не смогу справиться. Нужен совершенно посторонний человек, учитель. Только учти: та сила, которая заинтересована в гибели Никиты, может обратить внимание и на тебя.

— Что за чушь! Не пугай меня своими фантазиями. Я подумаю. Если удастся отвертеться от сборов, я начну с ним работать завтра же. Жди звонка.

Два события одно за другим сорвали планы Сухова на отдых, торжественную церемонию встречи Ксении и кайф на берегу моря. Первое произошло вечером, после похода Сухова в новый театр и разговора с балетмейстером труппы Суходольским.

В хорошем расположении духа Никита принял дома душ, переоделся и только собрался позвонить Ксении и пригласить ее в ресторан, как вдруг ожил телефон. То есть по-настоящему ожил! Трубка его из голубого пластика почернела, изогнулась, выпустив лапы с когтями, и уселась на также почерневший корпус телефона, глянув на остолбеневшего танцора бусинами глаз. Взгляд ее был тяжел и злобен, он давил, угрожал, приказывал; казалось, ожившая трубка вот-вот заговорит или по крайней мере каркнет, как ворон Эдгара По. Никита даже замахнулся на нее:

— Кыш отсюда!

Трубка открыла пасть — таково было впечатление, хотя рта у нее не было и не могло быть, и зашипела. Сухов отшатнулся, и в то же мгновение трубка прыгнула на него, разматывая на лету шнур. Благодаря тому, что танцор опередил ее на мгновение, трубка не долетела до лица и вцепилась лапами в предплечье, как раз в том месте, где на коже сидела звезда, то Весть есть, если верить Толе.

Никита получил сильнейший нервный укол в руку, обжигающая боль ударила огненной спиралью через плечо, шею и ухо в голову, оглушила. Вскрикнув, он смахнул с локтя озверевшую телефонную трубку, и та, не долетев до стены, взорвалась. Телефон вспыхнул, загорелся зеленым пламенем и горел до тех пор, пока не рассыпался в прах. Тумбочка под ним при этом даже не потемнела.

Оглушенный разрядом, парализовавшим правую руку, Никита дотащился до кухни, открыл пластмассовую бутыль с колой, жадно припал к горлышку. Рука дрожала, напиток проли-

вался на воротник, шею, грудь, но он пил, пока не осушил полуторалитровую бутыль, не почувствовав вкуса.

С час сидел в гостиной на диване, прислушивался к руке, по которой бегали тонюсенькие иголочки, и прикидывал, позвонить ли Такэде от соседей. Но рука наконец обрела чувствительность и подвижность, и Никита решил никому ничего не говорить. Как объяснить случившееся, он не знал. Галлюцинацией здесь не пахло, телефон действительно сгорел, а трубка рассыпалась в пыль, это он видел собственными глазами. Доказательством реальности происшествия был уцелевший телефонный шнур, однако вряд ли он мог рассказать правду. Единственным объяснением, ничего по сути не объяснявшим, было загадочное в н е д р е н и е, о котором предупреждал Такэда. Кто-то или что-то внедрялось в какую-нибудь вещь, причем — опасную вещь, и та начинала вести себя самостоятельно, как живая.

Пахло колдовством, в которое Сухов не верил с детства, мистикой и дьявольщиной, а также чем-то безмерно чужим и далеким, запрятанным в глубинах причин и явлений, недоступных обыкновенному человеку. Пахло жутковатой тайной, влияющей на судьбу рядового жителя Земли по имени Никита Сухов. Пахло неведомой, нечеловеческой волей, управляющей событиями, свидетелем которых он случайно оказался...

К вечеру Сухов пришел в себя настолько, что почти уже не верил в историю с телефоном. Неизвестность перестала пугать его, а поскольку он был человеком, который быстро забывал неприятное, то решил не обращать внимания на всякие там «психоразведки», «печати зла» и «внедрения». Как-никак его ждал отдых — тренировки на сборах не в счет, — море и Ксения, и жизнь продолжалась. Правда, в ресторан он не пошел.

Утром, забрав машину из ремонта, Никита принялся набивать ее необходимыми вещами — от одежды до палатки и спальника, залил баки на ближайшей станции бензозаправки, принадлежащей какой-то частной фирме, и выехал за город. А уже через полчаса после съезда с Кольцевой подоспело второе происшествие, поставившее танцора перед дилеммой: рисковать ли и ехать дальше или вернуться под опеку Такэды и всерьез заняться борьбой с инструктором-«грузчиком»[1].

Сначала спустило правое заднее колесо.

Никита остановился у щита: «Кемпинг «Илья». 5 км», снял колесо, но поставить запасное в спокойной обстановке не успел. С грохотом, ревом, воплями и песнями лихо подкатила кавалькада рокеров, устроила привал. Вокруг в синих дымах закру-

[1]От ГРУ — Главное разведуправление Министерства обороны.

жились «Хонды», «Блэндховеры», «Харчи», «Дайхатсу» и «Навахо», замелькали кожаные куртки, штаны, юбки, металлические цепи, кресты, бляхи, молнии. На траву посыпались банки из-под пива и кока-колы, бутылки, свертки, тряпки и другой мусор. Одна из бутылок угодила в колесо машины Сухова, но он стерпел, тихо зверея.

Лексикон гонщиков не претерпел изменений с момента появления на свет этих любителей грохота и ветра, состоял он из трех-четырех десятков нормальных слов, двух десятков стандартных жаргонных выражений, десяти фонем и мата. Слушать их было мучением, но Сухов помнил наставления Такэды и терпел, скрипя зубами. За любое из выражений, с которыми обращались рокеры к своим подругам, он не задумываясь набил бы морду... если бы не видел, что «герлам» это нравится. И все же он не сдержался.

— Смотри, куда кидаешь! — рявкнул он, когда о кузов «сотки» ударилась пустая банка.

Тот, к кому он обращался, улыбаясь, швырнул в машину недопитую банку, пиво потекло по стеклу, обрызгало Никиту. Он молча стряхнул брызги, шагнул к детине (смуглое небритое лицо, тонкий горбатый нос, блестящие глаза, длинные волосы), сидевшему на высоком седле мотоцикла, и, перехватив руку, готовую метнуть еще одну банку, жал ее с такой силой, что ладонь парня смяла банку в лепешку. Рокер взвыл тонким голосом, головы его приятелей повернулись в их сторону.

— Извини, — сказал танцор, поворачиваясь спиной к парню, считая, что инцидент исчерпан, но это было ошибкой. Рокеры не знали, что такое этика и честь, ими правили другие законы, законы стаи и толпы, и Сухова ударили сзади — бутылкой по голове, причем сделала это юная «богиня», цеплявшаяся за талию своего господина.

Пока танцор сообразил, за что его ударили и кто, сосед длинноволосого наехал на него сбоку и сбил, проехав колесом по ноге.

Что было потом, Никита помнил смутно. Кажется, он свалил мотоцикл с наглецом, кого-то бил, кто-то бил его, сбивал с ног корпусом мотоцикла, бросал в него бутылки, камни, банки. Один из «кожаных» бандитов даже облил его джинсы бензином, но поджечь не успел: рядом остановились сразу три машины, из кабин выскочили крепкие ребята в спортивных костюмах, и в мгновение ока все изменилось.

Троим рокерам, особенно рьяно избивавшим танцора, скрутили руки, а остальные, повинуясь инстинкту, рванули за длинноволосым главарем.

Сухов не удивился, увидев подходящего Такэду. Сплюнув

кровь — ему разбили губу, уселся на обочину дороги, рядом с машиной, у которой уцелело только заднее стекло. Сказал хрипло, не поворачивая головы:

— Сгинь, нечистая сила!

— Чистая, — сказал Толя, усаживаясь рядом.

— Создается впечатление, что эти драки провоцируешь ты, чтобы подтолкнуть меня на твой «путь».

Такэда подтянул брюки, стряхнул с них пыль.

— Если бы все было так просто.

— Ну так объясни мне, чтобы я понял. Почему вся эта гадость случается именно со мной? Почему я оказался в «круге устойчивого интереса»... так ты говорил? Интереса кого? СС? То бишь «свиты Сатаны»? Что за «свита»? Что я ей сделал, почему она устроила охоту на меня? Что за «весть» я получил и почему эта звезда движется по коже? И куда? К голове? Зачем? Что будет, когда она дойдет до цели?

— Ты задаешь слишком много вопросов, Кит.

— Но тебе придется ответить! Я хочу все знать!

— А поездка? Ты же собрался на юг.

— Откладывается. Уговори своего знакомого, Романа, чтобы он занялся со мной немедленно. К черту все дела и отдых, если меня постоянно лупят. — Никита оскалился в яростной усмешке. — Причем все время бьют в спину. Но прежде ты все мне расскажешь. Все! Понял?

— Рано, — упрямо сказал Такэда. — Пока все, что с тобой происходит, — лишь комплекс профилактических мер, предпринятых статистической службой СС, а если я начну давать тебе опасную информацию, опасную не только для тебя, но главным образом для них, вот тогда они возьмутся за тебя всерьез. И не поможет никто, ни Бог, ни царь и ни герой. В том числе и я. Ты этого хочешь?

— Ерунда! — слабо отмахнулся Сухов, задирая штанину и созерцая лиловый синяк на голени и содранную кожу. — Каким образом они узнают о том, что ты мне расскажешь?

— Э-э... мой милый, слово — не просто сотрясение воздуха, это еще и сотрясение вакуума, которое передается мгновенно и на колоссальные расстояния. Так что утаить в нашем мире какую-то важную информацию практически нельзя.

Никита воззрился на Такэду в немом удивлении. Тот обозначил свою обычную улыбку — уголком рта.

— Ладно, не пугайся, это я преувеличил. Хотя... кто знает? Ты по-прежнему считаешь, что я обязан ответить на твои вопросы? Учти, едва ли ты от этого станешь счастливее.

Сухов, не отвечая, стиснул голову руками, уставясь в землю. Такэда сочувственно разглядывал его измученное лицо со следа-

ми борьбы с самим собой. Помощники инженера, оказавшиеся сотрудниками спецгруппы по борьбе с бандитскими формированиями, увезли задержанных и их мотоциклы. Наступила тишина.

Глава 6

До вечера Никита не находил себе места.

Упрямый Такэда так и не начал объяснения, буркнув, что «все образуется». А если нет — вот тогда и возникнет необходимость «ввода танцора в реальность Веера Миров». Что он этим хотел оказать, Сухов не понял, но, зная упорный характер Толи, не рассчитывал получить необходимые сведения до окончания «информационного моратория», наложенного инженером.

Толя обещал прийти вечером и велел Никите сидеть дома и никуда не выходить. Машину танцора он отправил в ремонт в автоцентр сам.

Если бы он знал, что Сухов уже был свидетелем внедрения, вряд ли Такэда оставил бы его одного.

К восьми часам вечера у Никиты окончательно сформировалось ощущение, что он дома не один и за ним исподтишка наблюдают чьи-то глаза. Помня случай с телефоном — он поставил запасной, старенький, без кнопок, — Сухов, посмеиваясь в душе над своими страхами и одновременно ожидая появления новых непрошеных гостей, внимательно оглядел гостиную, спальню, кухню. Глаз он ничьих не обнаружил, но ощущение подглядывания за ним от этого не исчезло. Наоборот, оно росло и усиливалось, пока не превратилось в тихую панику.

— Кто здесь? — позвал Никита вполголоса, покрываясь холодным потом, и на всякий случай достал из шкафа нунчаки. Такэда подарил их почти год назад, и Сухов владел ими с достаточной сноровкой.

На мгновение воздух комнаты остекленел, стал твердым. Никита почувствовал себя муравьем, вплавленным в янтарь, инстинктивно дернулся: воздух отпустил его, но движение получилось неловким, и правый нунчак задел плечо, куда уже сместилась звезда Вести.

Боль пронизала руку, шею, голову, в глазах потемнело, а в голове, где-то в глубинах черепных костей, раздался знакомый гулкий бас:

— Элиф! Лам!! Мим!!!

— Что?! — пролепетал Никита.

Гул и голос в голове утихли, зато что-то произошло с глаза-

ми: предметы в комнате обрели светящийся ореол всех оттенков желтого цвета, и лишь один из них засиял тревожным алым — керамическая ваза для цветов, стилизованная под древнегреческую амфору. Что-то сдвинулось в сознании Сухова, словно упал занавес сцены, и он увидел то, что скрывалось за плотным покрывалом. В следующее мгновение не реакция — инстинкт швырнул его на пол.

Ваза взорвалась, как граната!

Если бы Никита остался стоять — его изрешетило бы осколками, а так только два из них прободроздили спину, разорвав рубашку и кожу, да упавший стул ударил по шее.

В дверь позвонили, потом начали стучать.

Сухов, с трудом встав, доковылял до прихожей.

— Что вы там делаете? — запричитала соседка, полная, с жидкими крашеными волосами. — Пушку, что ли, испытываете? У меня картина со стены упала!

— Ваза разбилась, — сказал Никита осоловело. — Извините. — Закрыл дверь, отрезав бушующий вулкан праведного гнева.

— То музыку включает во всю ивановскую, то железяки роняет, то гостей каких-то подозрительных приводит...

Вернувшись в гостиную, танцор собрал осколки вазы и стекла — разбились дверцы книжного шкафа, поставил на место упавшую настольную лампу и стулья, потом забрался в ванную, содрал с себя рубашку и попытался остановить кровь, сочившуюся из порезов на спине. За этим занятием его и застал Такэда. Присвистнул, оглядев спину:

— Ты что, с котами дрался?

— С вазой. — Ступор Сухова еще не совсем прошел, и рассказывал он о происшествии с философским спокойствием.

Глаза Толи превратились в щелочки.

— Я так и думал. В н е д р е н и е! А это означает, что я ошибался: в покое тебя не оставили и не оставят, узнаешь ты правду или нет. Каким манером тебе удалось у в и д е т ь опасность? Я имею в виду — красный ореол.

— Это нечто вроде... темного внутреннего зова, — нашел эпитет Никита. — Причем слышал я его второй раз, и оба — после прикосновения к звезде. А на пол меня бросил инстинкт, я ничего не успел сообразить.

— И все же Весть дает о себе знать. А ведь она не разговаривает с тем, кому не предназначена. Неужели твой душевный камертон начинает под нее подстраиваться?

— Да, вот еще что: сначала я услышал дикую фразу, — вспомнил Сухов. — «Элиф, лам, мим». Что это такое? Что за абракадабра?

— Это Коран. А еще Бунин. — Такэда полузакрыл глаза и медленно, растягивая слова, гортанно, так что у Никиты по спине мурашки побежали, процитировал:

Во имя Бога и Пророка,
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он — тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».

Никита суеверно сплюнул через плечо.

— Ну и что сие означает?

— Не знаю, — слабо улыбнулся Такэда. — Я не большой знаток Корана.

— Тогда зачем твоя Весть процитировала мне именно эту фразу из Корана? Смысл?

— Смысл ты должен найти сам, а когда найдешь — тогда и начнется настоящее приобщение к Пути, хочешь ты этого или не хочешь. Пока же прими совет: прислушивайся к голосу Вести почаще, это поможет тебе избежать многих опасностей.

— Значит, тот старик вручил мне настоящий волшебный дар?

Такэда отрицательно качнул головой.

— Это не дар, это почти проклятие! Дай тебе Бог выдержать его тяжесть, не сломаться и преодолеть все невзгоды!

Никита, бледнея, невольно глянул на коричнево-розовую звезду, добравшуюся на плече до четырех родинок в форме семерок.

Такэда понимающе вздохнул.

— Ты и после этого будешь требовать, чтобы я тебе все рассказал?

Танцор сглотнул вязкую слюну, сильно сдавил пальцами переносицу, но, когда поднял глаза на друга, взгляд его был тверд. Скорее всего, в нем заговорило самолюбие, но Толя хорошо знал, что и оно — большая сила для увлекающихся натур.

— Говори все. Лучше с умным потерять, чем с глупым найти.

— Спасибо, — серьезно кивнул инженер. — Но ты все-таки эгоист, Кит.

— Почему?

— Потому что я уже говорил: информация, которую ты услышишь, увеличивает опасность существования не только для тебя, но и для твоих друзей и близких. А о Ксении ты даже не вспомнил. И о маме тоже.

— Что... что с ними?!

— Пока ничего. Но многое в дальнейшем будет зависеть от

тебя, от того, насколько правильно ты будешь действовать. О Ксении не беспокойся, она уехала, далеко, и по сути вырвалась за пределы круга устойчивого интереса... м-м... злых чар, к тому же она экстрасенс. А вот маме ты должен уделять внимания больше.

Никита, к лицу которого прихлынула кровь, отвернулся. Через минуту, справившись с гневом и стыдом, глухо проговорил:

— Где она?

— Она сама даст о себе знать. И вы встретитесь... если ты сможешь стать властелином обстоятельств. Но дорога трудна, далека и опасна.

— Путь?

— Нет, всего лишь дорога к Пути.

Помолчали. Сомнения в душе обоих — хотя и по разным причинам — вспыхнули с новой силой, но оба постарались скрыть их друг от друга. Никита перевел разговор на прежнюю тему, хотя думал о Ксении. Она уехала, ничего ему не сказав!

— Значит, Весть — это какое-то сообщение?

— Закодированная информация, которой нет цены! Как для тебя, так и для тех, кто за ней охотится. Если научишься не только слушать ее, но и расшифровывать...

— То что? — не выдержал Никита, видя, что Толя не собирается продолжать.

— А не знаю, — наконец ответил инженер. — Может быть, станешь колдуном, магом, может быть, сумасшедшим. Подходит такая судьба? Собирайся.

— Куда? — растерялся танцор.

— Ко мне. Здесь рассказывать ничего не буду, а дома у меня есть кое-какие секреты, позволяющие сохранить разговор в тайне.

— А спина? Может, перевяжешь?

— Засохнет. Одевайся, и пошли.

Такэда не торопился, затеяв тяною — чайную церемонию; как и все японцы, он боготворил ритуалы. Никита тоже любил пить чай, однако на этот раз еле выдержал, снедаемый любопытством. В одиннадцать вечера они наконец перешли в рабочий кабинет инженера, и Толя включил компьютер, коротко бросив:

— Генератор шума.

Никита не понял, и Толя терпеливо пояснил:

— Он создает электромагнитные помехи в широком диапазоне, так что нас не подслушаешь даже с помощью лазерного звукоснимателя.

Уселись в низкие удобные кресла для гостей, расписанные драконами. Никита вдруг почувствовал страх, как перед прыж-

ком с тройным сальто на твердом полу. Такэда понял его чувства, кивнул.

— Да, Никки, мне тоже не по себе, но можно ведь и не начинать исповедь. Кто знает, может быть, все образуется само собой?

— Не тяни душу, — хрипло ответствовал Никита. — И так белый свет не мил. Хуже не будет.

— В том-то все и дело, что будет. Но коли сказал «а», пора говорить и «б». Начну издалека. Будет что непонятно, спрашивай сразу.

Итак, ты, наверное, знаешь, что наша Вселенная, по современным представлениям, родилась около двенадцати-пятнадцати миллиардов лет назад в так называемом Большом Взрыве. Ученые-космологи теоретически доказали, что взрыв этот проходил две стадии: инфляционную — эру сверхбыстрого раздувания и экспоненциальную, после фазового перехода вакуума, в результате чего Вселенная теперь напоминает мыльную пену, где каждый «пузырек» — ученые называют их доменами — гигантская область пространства со своими свойствами и набором физических констант. Наша Земля и Солнечная система вместе с другими звездами и галактиками торчит где-то в одном из таких доменов, занимая ничтожную часть его объема. Успеваешь охватывать?

Никита отмахнулся. В свое время, в юности, он начитался популярных брошюр по космологии — его всегда прельщали большие масштабы — и хорошо разбирался в терминологии.

— Тогда идем дальше. На самом деле наша Вселенная выглядит несколько иначе: все ее «мыльные пузырьки» сидят один в другом, как матрешки, а не взаимодействуют между собой по той простой причине, что время в каждом «пузырьке»-домене течет под углом ко времени в соседнем. Образовался своеобразный объемный веер, каждая пластина которого есть слой Вселенной со своим временем, и называется этот многослойный конгломерат — Веер Миров.

Такэда участливо глянул в помутневшие глаза танцора.

— Тяжело? Или поехали дальше? Даниила Андреева ты явно не читал.

— Продолжай, — с усилием выдавил Никита. — А насчет Андреева — каждый любит читать то, что любит.

— Резонно. Итак, Веер Миров раскрылся, и в каждом из его пластин-слоев, или хронов, началась своя эволюция, согласуясь с теми законами физики, которые определялись наборами физических констант. Во многих Мирах появилась жизнь, не во всех, но во многих, а в некоторых эволюция разума достигла такой стадии, когда носители интеллекта стали, по сути, Богами в

своем хроне, ну, или, скажем, сверхтворцами; я привык к термину — Владыки.

Никита шевельнулся.

— Я не понимаю, при чем тут...

— Не торопись, поймешь, я еще не дошел до сути. И вот в одном из Миров Веера возник некто, сверхмогучее существо, могущество которого было настолько велико, что он нашел способы преодоления потенциального барьера, отделяющего слой от слоя, хрон-Мир от другого хрон-Мира, и мог путешествовать по Мирам, исследовать Веер. Все будто бы ничего, если бы он, выражая свободу выбора, присущую каждому интеллекту, не преступил законов бытия Веера, выработанных Собором Владык. Отвергнув принципы, о которых я знаю только, что они более совершенны, чем земные добро и любовь, он вздумал вдруг изменить условия существования одного из хронов. Мир этот был пуст, то есть не имел живых существ, но... наш сверхинтеллект решил создать не что-нибудь, а... Хаос! С большой буквы. То есть Абсолютный Хаос. Понимаешь, о чем речь?

Никита нерешительно пошевелил рукой.

— Ну, хаос — это... беспорядочность? Что-то связанное с энтропией, так? По Библии, все родилось из хаоса... и все к нему опять вернется.

— Поразительная осведомленность! — Ирония в голосе Такэды не была обидной. — Ученые твердят, что хаос — конечная, тупиковая стадия эволюции сложных систем. Но это не так. Хаос — состояние материи, являющееся источником высших форм порядка, основа для формирования практически неограниченного многообразия упорядоченных структур сколь угодно сложной и высокой организации. Я не буду углубляться в дебри науки, скажу только, что Библия права. Но это наше сверхсущество, Владыка одного из хронов, решило создать именно с о в е р ш е н ы й Хаос, абсолютный во всех отношениях, хотя Владыки других Миров и предупреждали, что это опасно. Причем опасно не только для того Мира-хрона, но и для всего Веера. Он не послушался...

— Постой-ка, — медленно произнес Никита. — Уж не о Люцифере ли идет речь?

— О нем, — просто ответил Такэда. — Падение Люцифера, или по-русски Денницы, не миф. Как и то, что все, помогавшие ему, утратили свое «я». Но я не закончил. Что такое Абсолютный Хаос? Это полиструктура, в которую входят физический, математический, экономический, политический, наконец, и любой другой хаос и в которой невозможны никакие упорядоченные процессы. Да, Денница — действительно великий ум и

великий конструктор, он создал Хаос! Но и он не смог спрогнозировать последствия.

— Зачем он это сделал?

— Может быть, из чисто научного любопытства, может, по другим причинам, я не знаю. Нет, он не тот дьявол, каким его окрестила религия, он не есть изначальное воплощение Зла, но и не падший ангел. Это существо чистого, холодного интеллекта, лишенное каких бы то ни было эмоций. Воплотив свой замысел, он занялся другим экспериментом, каким — неизвестно, однако то, что он создал — то есть Абсолютную Смерть! — не удержалось в границах того обреченного Мира и начало просачиваться сквозь потенциальный барьер хрона в другие Миры — слои Веера. Кстати, в наш хрон-Вселенную тоже. Даже на Земле открылись прямые каналы просачивания Хаоса, пример — Чернобыль. Ну а когда над всем Веером нависла угроза уничтожения — свертки, тогда в дело вмешались другие Владыки...

— И низвергли Люцифера в ад!

— Их было семеро, и только все вместе, хотя каждый из них был великим магом, они смогли остановить распад Веера и ограничить интервенцию Хаоса. Но этим инцидент не был исчерпан. Люцифер-Денница нашел путь в Болото Смерти — так теперь называется зона с распавшимися хронами — и проделал еще один эксперимент — по выбросу Хаоса в Большую Вселенную, в «горячем» вакууме которой рождаются и гибнут мириады вселенных, подобных нашей. Ему это почти удалось, почти... И снова пришлось вмешаться Семерым. Веер не превратился в сверхплотную точку — сингулярность, как говорят ученые, только по счастливой случайности.

— Короче, философ!

— Короче, и в третий раз собирались Семеро, чтобы сохранить Веер, причем пришлось объявить войну приспешникам Люцифера, вернее, сторонникам Синклита Четырех Демонов, которые готовы были заплатить любую цену за освобождение Люцифера вплоть до гибели Веера со всеми его обитателями. Было это примерно тысячу лет назад по нашему летосчислению. И в этой последней битве Тьмы и Света, Закона и Анархии, Порядка и Хаоса, Гармонии и Безобразия Люцифер был изолирован в одном из хронов, Хаос заперт «по соседству», Синклит Четырех ограничен в своем волеизъявлении, наступила тишь да гладь да Божья благодать... если бы не новые попытки отступника выбраться из «клетки». Есть основания полагать, что он вот-вот вырвется на волю, и уцелеет ли Веер со всеми своими Мирами, неизвестно. Вот почему Соборная Душа Веера приняла решение собрать новую семерку, и Посланник уже начал заниматься поиском магов, когда его убили.

— Великолепную семерку, значит, — хмыкнул Никита. — А я, значит, должен заменить Посланника, так?

— Не должен, — тихо сказал Такэда. — Но боевики «свиты Сатаны» убрали Посланника и Вестника, и место Посланника вакантно. Может быть, Собор найдет другого Посланника, может, им станешь ты. Не знаю. Но у Люцифера... не люблю я это имя, привык к Деннице; так вот, у Денницы слишком много исполнителей, главные из которых образуют СД — Синклит Четырех Демонов, и действуют эти демоны весьма эффективно. Я как-нибудь расскажу о них подробней. Их слуг ты и встретил в парке. В нашем хроне, Мире Земли и Солнца, законы М-физики, физики волшебных превращений, не реализуются в полной мере, и молодчики СС вынуждены действовать в согласии с законами нашей физики, но дыхание Хаоса, как я уже говорил, сказывается и на Земле: жизнь человечества пошла вразнос, примеров хоть отбавляй. А ведь это лишь слабый, еле ощутимый ветерок Смерти!

— Ну хорошо. — Сухов попытался собраться с мыслями, но не смог, информации было слишком много. — Пусть все это существует... Денница твой, СД, СС, ЧК... сам аббревиатуры выдумывал?

— А что, не подходит? «Чекисты», кстати, — профессионалы-охотники на разумных существ, пробующих вмешаться в конфликт против Денницы.

— Хорошо, верю. Но спрашиваю в третий раз: меня с какого боку все это касается? Какой я, к черту, Посланник, если даже не знал о существовании Веера!

— Вестник нес информацию Посланника о принципах отбора Семерых магов, а тот должен был найти их, зная, в каком из хронов кто из них обитает. Теперь оба убиты. А Весть — у тебя...

Никита побледнел, хотел дотронуться до плеча со звездой, однако вовремя остановился.

— Что и требовалось доказать. Выходит, я теперь... Посланник?

— Пока никто. Для Пути ты слаб, прав был командир отряда СС. Но шанс у тебя есть. Тебе плохо?! — Такэда вскочил. — Давай-ка приляг.

Никита отвел его руку, глубоко вздохнул, с минуту молчал, откинувшись в кресле. Под глазами его обозначились темные круги. Он поверил.

Конечно, в глубине души еще теплилась надежда, что все это — театральная постановка, фантазия инженера, но, с другой стороны, он слишком хорошо знал Толю, чтобы надеяться на розыгрыш.

— Я останусь у тебя, не возражаешь? Надо переварить.

Такэда молча стал раскладывать кресло-кровать.

Уснуть не удалось ни через час, ни через два. Не спал и Толя, потому что ответил на вопрос Сухова тотчас же.

— Я не все понял насчет Посланника.

— Его звали Симарглом, и был он как бы офицером связи, вернее, «богом» связи между другими Владыками.

— А разве он путешествовал в одиночку, без подстраховки?

— Магу не нужна подстраховка...

— Ну да, чего же его тогда подловили и убили?

Толя долго молчал, потом нехотя проговорил:

— Я пока не знаю конкретных деталей, но, по косвенным данным, Посланник попал в ловушку из-за предательства. Удар был слишком внезапен.

Снова тишина овладела комнатой. Стали слышны какие-то шелесты и попискивания в электронном нутре компьютера да изредка долетали звонки трамвая и скрип шин тормозящих автомобилей.

— И что я должен буду делать, если стану Посланником?

— Главной его задачей являлся поиск Владык, то есть магов высшего класса, способных при воссоединении образовать Принцип-регулятор, играющий роль физического закона для всего Веера, выполняющий волю Соборной Души Веера, а главное — превышающий возможности Денницы.

— Ты произносишь слово «маги» как «боги».

— В принципе это одно и то же, если под магией понимать надежное и глубокое познание тайн природы. Но твоя задача сейчас поскромней: довести до совершенства свои естественные способности и лишь потом выйти на лестницу предельных возможностей.

— Предел — это мощь мага? — усмехнулся в темноте Никита.

— Маг, творец — всего лишь ступень эволюции мыслящего существа, пределов же не ведает никто. Если ты решишься заменить Посланника, тебя ожидает столько опасных поворотов, что я советую еще раз подумать — стоит ли? Начинать надо с нуля, а впереди ждет кэндо, синто и дао: Путь Меча — овладение искусством выживания в любых условиях, Путь богов, или Путь Мысли, и Путь Духа. И каждый из них невероятно труден, практически за пределами человеческих возможностей.

— А я всего лишь танцор.

— Ты тоже мастер, творец пластики, гармонии движения, гибкости, ритма, идеала человеческого совершенства, это немало. Кстати, другие Владыки тоже являются яркими творческими личностями. Один из них скульптор, вернее, архитектор, второй — резчик по камню, третий — воин, четвертый — мастер высших гармоний, невыразимых человеческим языком. Да, чуть не за-

был: лишь четверо из них — люди, ну, или, скажем, гуманоиды, остальные трое — существа иных порядков. Это все, что я знаю, остальное тебе должна донести Весть.

Никита молчал. Мозг достиг пределов насыщения удивительным и не реагировал на другие, не менее удивительные вещи. Масштабы картины, нарисованной Такэдой, не только потрясали, поражали воображение, но и будили в душе атавистические страхи перед темным, тайным, непонятным, загадочным.

— А почему твои друзья... или кто они тебе? — не предложили Путь тебе? Ты же мастер кэмпо, инженер-исследователь и всегда доводишь дело до конца.

— Я не подхожу, — спокойно ответил Такэда. — Для такого Пути нужны не просто высокоответственные индивидуалы, но яркие творческие личности. Ты в этом смысле подходишь больше. А я... я просто Наблюдатель, посвященный лишь в самые тривиальные тайны бытия. Единственное, что мне подвластно, — сопровождать Посланника, в данном случае, наверное, тебя, до момента, когда ты сможешь обойтись без моей помощи или когда силы мои полностью иссякнут.

— И ты... готов идти со мной? — Никита привстал на локте, удивленный и обрадованный.

Лица Такэды в темноте не было видно, однако чувствовалось, что он улыбается.

— Это мой долг, Ник. Недаром же я отмечен тремя восьмерками — знаком высокого долга.

— Это меняет дело, — пробормотал Сухов, внезапно успокаиваясь, и его сразу потянуло на сон. — Завтра договорим.

Такэда не ответил. Сомнения все еще не оставили его: вытащив друга из уютного, достаточно комфортабельного мирка, он мог предложить взамен лишь страх, боль, опасность, жестокие испытания, а выдержит ли Никита — не знал.

Глава 7

Ни на следующий день, ни через день Сухов у Такэды не появился. Сбежав утром с рассеянно-задумчивым видом, он занялся какими-то делами, из дома почти не выходил, сделав лишь походы в магазин и в библиотеку. Что искал там танцор, осталось неясным, хотя Толя и догадывался, но терпеливо ждал исхода размышлений Никиты, прекрасно понимая, как трудно поверить в рассказанную им легенду.

Сходил Никита и в мастерскую Ксении, не застав там, естественно, никого. А потом в его квартире случился пожар: загорелся телевизор. К счастью, хозяин был дома и пожар потушил

сам своей курткой. Разбился чайный сервиз, к тому же его тряхануло током, пока он отключал телевизор от сети. Это происшествие подтолкнуло к принятию окончательного решения, и на третий день отсидки Сухов заявился наконец к приятелю, признавшись:

— Может быть, я псих, что поверил во всю эту галиматью с Денницей-Люцифером, но мучиться неизвестностью дальше не намерен. Поехали к твоему тренеру. Но прежде ты ответишь на пару вопросов.

Такэда, одетый в шелковый халат-кимоно, пропустил Никиту в рабочий кабинет, принес на подносе чай и хрустящие тосты, которые жарил сам, поставил на чайный столик:

— Пей и спрашивай.

— У меня случился пожар...

— Я знаю.

Сухов было вскинулся, потом сник.

— Ах, да... ты же «наблюдатель». Техника оттуда или наша, отечественная? Впрочем, это несущественно. Так вот, что такое «печать зла», я усвоил. Пожар, наверное, тоже спровоцирован ею. Ну а что, если в дело вмешаются «десантники» СС? Или профессионалы, о которых ты говорил? Кто они на самом деле?

— ЧК? «Черные коммандос»? Как тебе сказать... я ведь с ними лично не сталкивался, просто меня предупредили. Если ребятки из СС — просто равнодушные исполнители воли пославших их существ, знаешь, вроде роботов без эмоций и колебаний и без злобы, то боевики ЧК — натуральные носители зла! Охота на людей и других разумных существ доставляет им удовольствие. Такие или подобные им твари есть и среди людей. Вспомни хотя бы добровольцев-снайперов из нашей недавней истории, стрелявших по старикам, женщинам и детям. С таких, как они, на Земле и начинается дьяволочеловечество! Правда, повторюсь, в условиях нашего хрона-Вселенной, с Землей и Солнцем и остальными галактиками, сила «черных» ограничена законами нашей природы, но в других Мирах они почти всемогущи.

— Успокоил, — хмуро улыбнулся Никита, сделав глоток обжигающе вкусного чая. — Значит, кроме СС, нам будут противостоять еще и дьяволы ЧК?

— Если бы только они, — горько усмехнулся Такэда. — Но кроме «свиты», а в ней ровно сорок «десантников», и «черных коммандос», которых тоже сорок, — поистине роковое число! — еще есть четверо их начальников-демонов, или дивов, или дьяволов, можешь называть их как угодно, существ с мощным и холодным интеллектом, наделенных колоссальной властью и силой. СС и ЧК подчинены непосредственно этим четверым, по-

мощникам Денницы. А уж прямой выход на каждого из них — это, считай, кранты, и не только для нас с тобой, но и для более могучих существ. Кроме, наверное, Владык.

— Звучит весьма оптимистично.

— Ну и, наконец, сам Денница, — закончил Такэда. — Постичь его сущность нам не дано, да и вряд ли мы встретим его на Пути, ибо по сути он — предел интеллектуального развития Веера Миров, так сказать, Абсолют почти во всех смыслах, олицетворение жадного безжалостного стремления к...

— Власти!

— Нет, не к власти — к истине! Что гораздо опаснее. Дай ему душу, частицу добра и любви, он стал бы самым великим творцом-созидателем вселенной Веера. А так мы имеем то, что имеем: сверхдьявола, способного, может быть, к страданию, но не к состраданию. Еще чаю?

— Нет, спасибо. — Никита поиграл ложечкой для сахара. — Красивая и страшная сказка...

Такэда мельком взглянул на него.

— Ты воспринимаешь это как сказку?

Сухов очнулся, виновато кивнул:

— И да и нет. Что-то мешает мне воспринимать твой рассказ как реальность. Но, тем не менее, я готов встать на Путь... в тридесятое царство. — Никита улыбнулся. — С таким гидом мне не страшен и Люцифер. Но мне еще не все ясно...

Такэда вытянул вперед ладонь, останавливая гостя.

— Не все сразу, мастер. Остальное — по мере твоего движения к цели. А идти нам далеко и долго.

— То есть ты мне не веришь.

Инженер ушел на кухню и вернулся уже переодетым в свой обычный летний костюм: серая рубашка, такие же брюки и туфли-кунгфуйки.

— Пошли, «посланник». Путь в тысячу ли начинается с первого шага, как говорят китайцы. Костюм захватил?

— Ты не ответил.

— Ответь себе сам — действием. Размышлять, анализировать и делать выводы никогда не поздно, однако этого мало. Чтобы чего-то достичь, надо действовать. Ты ведь даже еще не ученик — новичок, ничего не смыслящий в предстоящем деле.

Никита, будучи о себе довольно высокого мнения, по привычке хотел возмутиться, но Такэда уже вышел, прихватив с собой «дипломат» с нунчаками. Танцору ничего не оставалось, как последовать за ним с сумкой, в которой лежал тренировочный костюм.

Роман ждал их в небольшом спортивном зале, переделанном

из подвала в доме, где он жил сам, неподалеку от метро «Кузьминки».

Правда, ждал довольно своеобразно, не теряя ни минуты для собственного тренинга. Когда Такэда открыл дверь с кодовым замком и они вошли в зал, инструктор занимался с мечом. Увидев входящих, Роман прыгнул к ним и сделал одно сложное, по-змеиному гибкое движение, и Никите показалось, что тот оплетен мечом со всех сторон!

— Хаппо ундо[1], — сказал Такэда, покосившись на танцора с понимающей усмешкой. — В защитном исполнении с мечом.

Никита неплохо знал терминологию восточных единоборств, инженер не раз тренировался при нем, объясняя на ходу свои действия, но исполнение приема в таком стиле, с мечом, в небывалом темпе и с небывалым мастерством, видел впервые. И был буквально околдован, ибо всегда уважал профессионализм в любом его проявлении.

— Переодевайся, — сказал Роман, оглядев фигуру танцора; дышал он легко и тихо, будто не прогнал только что часовой курс спецтренинга. — Я сейчас. — Он вышел.

Пришедшие переглянулись.

— У меня кюдан[2], — сказал Такэда, — а у него пятая категория россдао, но я против него не выстою. А мастера шестой категории вообще достать невозможно.

— Даже из автомата?

— Разве что, да и то не уверен. Позанимаешься с годик, сам проверишь.

Никита не обратил внимания на обмолвку Толи — «годик», он уже видел себя на татами.

Роман вернулся без меча, и Такэда отозвал его в сторону:

— Мне нужен боец. И не через два-три года, а через два-три месяца.

— Невозможно, Оямович, и ты это знаешь.

— Не знаю. Он в прекрасной физической форме, входит в сборную России по акробатике, супплес развит, растяжка великолепная...

— Согласен, база неплохая, но даже гению не под силу усвоить все приемы россдао, чтобы стать мастером, за два-три месяца.

— Ты еще не работал с ним, увидишь. К тому же я немножко поднатаскал его по концентрации[3], хотя и не научил пользоваться ею.

---

[1]Хаппо ундо — движение на «восемь сторон света», прием, тренирующий мгновенную реакцию на любую опасность в любом направлении.

[2]Кюдан — девятый дан.

[3]Имеется в виду концентрация внутренней энергии.

— Посмотрим. Все?

— Ему очень понадобится кэндо[1].

Роман покачал головой.

— Темнишь ты что-то, Оямович. Кэндо, а тем более сеча, — искусство прошлого, в нашей жизни оно ему не понадобится. Вот знать приемы защиты против пистолета и автомата, а также ножа — это да, этого у нас сколько угодно.

— Кто знает, что ему может пригодиться, — философски заключил Такэда. — И еще одна просьба, пусть она тебя не удивляет: после тренировок посмотри за ним тихонько, чтобы он не заметил, пока не дойдет до дому.

Инструктор хмыкнул, прищурился.

— Я в эти «контрразведные» игры не играю.

Такэда остался серьезным.

— Ему угрожает опасность, Рома. Трижды он влип в инциденты, чудом выкарабкиваясь живым. Я не могу раскрыть тебе всего, прими на веру.

Роман оглядел лицо инженера серыми неулыбчивыми глазами и хлопнул ладонью по подставленной ладони.

Такэда подошел к сгорающему от любопытства танцору:

— Волнуешься? Хочешь наставление?

— Валяй.

— Время не трать даром —
молод ты или стар,
Учись ударом
отвечать на удар.
Пусть крепче булатной стали
будет твоя рука,
Чтобы зря враги уповали
на мощь стального клинка.

Это из трактата по Окинава-тэ, восемнадцатый век.

— Не сбивай его с толку, — проворчал Роман, испытующе глядя на Никиту, который был чуть выше его, но в два раза шире. — Россдао не требует набивки рук до крепости булатной стали. Прежде чем мы начнем, юноша, извольте выслушать несколько общих замечаний. Первое: родер никогда не нападает первым. Второе: ученик должен практиковаться без перерыва. Есть где заниматься самостоятельно?

— Есть.

— Третье: борьбу использовать только для законной самозащиты.

— В отношении к учителю и старшим ученик должен прояв-

[1]Кэндо — путь меча (*яп.*); здесь: фехтование.

лять учтивость и благоразумие, — подхватил Никита и залился краской, заметив явное недовольство инструктора. — Извините, я, кажется...

— Надо было первой заповедью сделать принцип: не перебивать старших, — мрачно ответил Роман. — Что ж, раз ты хорошо знаешь кодекс[1], повторяться не буду. Последнее замечание самое главное: столкновение с препятствием чуждо высшим уровням искусства, а я причисляю к ним и россдао. К мастеру-родеру никто не пристанет. В любой толпе он и заметен и незаметен одновременно.

— Кажется, я понимаю, — медленно произнес Никита. — Незаметен, как и любой человек, идущий по своим делам и занятый своими проблемами, и заметен для тех, кто захотел бы напасть на него. Так?

Роман улыбнулся.

— Соображаешь. Что ж, начнем, маэстро...

Месяц пролетел незаметно.

Сухов занимался с Романом почти ежедневно по два-три часа и, кроме этого, самостоятельно по четыре-пять часов каждый день, преодолев тягу к акробатике — тренер сборной ничего не понял из его невразумительного объяснения и пригрозил отчислить из команды, если он не выкинет блажь из головы. Тянуло и на сцену, танцевать и просто пообщаться с коллегами по искусству, окунуться в привычный мир закулисных историй, приятельских вечеринок и даже ссор. Но времени не хватало, и Никита лишь раз побывал в Малом театре, побеседовал с балетмейстером и уговорил его дать отпуск до середины сентября. Балетмейстер был человеком умным, к тому же он знал мать танцора, и отказывать Сухову не стал, несмотря на то что похожих молодых исполнителей, ждущих вакансий в театре, было немало.

С легкой душой Никита отдался тренировкам с Романом, овладевая россдао с такой скоростью, что удивил даже Такэду, не рассчитывавшего на особо быстрый успех. Отравляло существование только отсутствие Ксении, приславшей откуда-то из-за Урала открытку с видом на сопки и словами: «Желаю удачи в сюгэн-до. Встретимся, если ты этого захочешь».

Тон письма показался Никите сухим, холодным, он разозлился и приказал себе забыть о Ксении, не понимая и не желая понять причины ее отъезда. О предупреждении Такэды, что «печать зла» действует и на друзей «меченого», он забыл. К тому же

[1]Имеется в виду кодекс кэмпо, насчитывающий двенадцать заповедей, которым должен следовать ученик.

его бесило знание Ксенией японских терминов и умелое их применение. Сюгэн-до, например, означало — путь приобретения могущества. По мнению Никиты, желая ему удачи в сюгэн-до, Ксения как бы признавала его слабость.

Такэда на заявление Никиты о «разрыве с Ксенией и всеми художниками заодно» лишь заметил:

— В одну упряжку впрячь не можно осла и трепетную лань.

И Сухов, поразмышляв, признал, что погорячился.

Дважды за месяц срабатывала «печать зла»: сначала рухнула крыша гаража, когда танцор полез в подвал за полиролем для машины, а потом на кухне упал навесной шкаф с посудой. Ни в том, ни в другом случае Никита не пострадал — спасала какая-нибудь случайность, но и видимых причин происшествий он не обнаружил. Изломы балок крыши гаража, сделанных из бруса, указывали на их прочность, и тем не менее они не выдержали веса крыши. Шкаф на кухне помогал крепить ему Такэда, всегда делавший все основательно, не торопясь, на совесть, и все же кирпичная стена вдруг выщербилась в местах установки деревянных втулок с винтами, причем именно в тот момент, когда танцор полез в шкаф за тарелкой.

Кроме этих событий, Сухову трижды пришлось отбиваться от хулиганских шаек, о чем он не любил вспоминать, ибо каждый раз встревал в разборки между членами этих шаек с намерением «помочь».

Такэда на сообщения Сухова о происшествиях лишь пожимал плечами, отказавшись их комментировать, зато стал чаще ночевать у танцора или оставлять его у себя дома. Последнее нравилось Никите больше, потому что у него появлялся прекрасный спарринг-партнер и учитель.

В одно из посещений квартиры Сухова Такэда застал его танцующим.

— Я не могу не танцевать, — смутился Никита. — Все время тянет на сцену.

— Я бы удивился, если бы не тянуло. Танец — творческий акт, требующий вдохновения и чувства эстетического удовлетворения, и без него ты — спортсмен-середняк, так что находи время и на танцевальный тренинг. Что вы сегодня проходили?

Никита пошел в душ и уже оттуда сообщил:

— Прыжок с колен и удар.

— Один из приемов иаи-дзюцу. Я же говорил: россдао впитывает все лучшее, что было известно в мировой практике единоборств. Но в айкидо этот прием изучается обычно на третьем году обучения. Не спешит ли Роман?

Никита не ответил, отфыркиваясь под струями душа.

— Что еще вы проходите?

— Контратаку при защите, передвижение; блоки и расчет дистанции и подходящего момента для защиты или нападения. — Сухов появился из ванной с мокрыми волосами, на ходу вытираясь полотенцем.

— До-ай и ма-ай[1], — пробормотал Такэда. — Или я ничего не смыслю в борьбе, или Роман спешит. Или ты гений.

— Что ты там бормочешь?

— Я вижу, русский стиль очень многое взял из айкидо.

— Это тебя удивляет? Россдао, как и айкидо, этически можно отнести к разряду защиты против неспровоцированного нападения, и работают мастера-родеры на уровне рефлексов.

— В том все и дело, Ник. Мастера айкидо никогда серьезно не ранят нападающего, особенно более низкого уровня. А для этого в первую очередь требуются навыки концентрации внутренней энергии и колоссальная психологическая и психическая подготовка — рефлекс-прием должен быть адекватен нападению.

— Почему ты думаешь, что мы это не тренируем? Мы начали с концентрации. Я, например, уже могу добиваться эффекта «несгибаемой руки». Хочешь проверить?

— Потом как-нибудь, в спарринге. — Такэда был ошеломлен, и лишь привычка сдерживаться не позволила ему выразить удивление вслух. — Я рад, что у тебя получается. Но не обольщайся быстрыми успехами, это может сыграть над тобой злую шутку.

Никита сделал обиженный вид.

— Ясумэ[2], Толя, все идет нормально. Пару вопросов можно? Зачем мне знание кэндо, вернее, фехтования? Мне что, придется с кем-то драться на мечах? Роман у меня спросил то же самое, а ответа я не знаю.

— И я не знаю, — спокойно сказал Такэда. — Однако без этого знания тебе не осилить Пути стопроцентно. Твой противник усечет это сразу.

Никита задумался, устраиваясь на диване в позе размышления, потом встрепенулся:

— Ты говорил, что нам придется путешествовать из... э-э... хрона в хрон, да? Из одного Мира Веера в другой. Каким образом? Ведь Миры отделены друг от друга твоим потенциальным порогом, иначе давно перемешались бы.

— Во-первых, не порогом, а барьером, а во-вторых, он не

---

[1]Д о - а й — всякая защита одновременно является и контратакой; м а - а й — сочетание оптимальной дистанции и подходящего момента для тех или иных действий.

[2]Я с у м э — расслабиться — команда тренера (*яп.*); здесь: расслабься.

мой, это физическая реальность Веера. А вопрос интересен. Помнишь, я тебе говорил, что Люцифер-Денница нашел способы проникновения в соседние хроны? Так вот, по тем сведениям, которые у меня есть, его дороги — тоннели, червоточины, скважины, называй как угодно, сохранились. Владыкам-магам они в общем-то не нужны, маги сами способны преодолевать барьер, просачиваться в другой хрон, а вот волшебникам рангом пониже и тем более простым смертным «скважины» Люцифера нужны. В том числе и боевикам СС, ЧК и другим слугам СД. Есть два варианта поиска входа в сеть этих «хроноскважин». Первый: найти древнюю Книгу Бездн, в которой зашифрована нужная информация.

— Что еще за книга?

— В разные века ее называли по-разному: Влесова Книга, Черная, Вафли, Шестокрыл, Вороноград, Астромий, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотелевы Врата, Мистериум. Существует легенда, что она была спрятана в стенах Сухаревой башни в Москве, которую взорвали еще до Отечественной войны. Так что найти ее теперь довольно проблематично.

— Так, ясно. Дохлый номер. А второй вариант?

— Второй — проследить за одним из «десантников» СС при их следующем появлении.

— Вариант дохлей первого. Ты думаешь, они появятся?

— Непременно. Дай Бог, чтобы попозже и чтобы мы вовремя заметили! Сам понимаешь, оба варианта из разряда никудышных, но больше у меня ничего нет. Может быть, Весть проснется раньше и ты узнаешь все, что необходимо, сам? Не знаю. Кстати, она тебя не беспокоит?

Никита посмотрел на плечо: коричневая звезда Вести накрыла собой две родинки в форме семерок, и те были едва видны.

— Если о ней не думать — почти не беспокоит, а к ощущению тяжести — знаешь, будто гиря висит на плече, я уже привык. Но иногда она начинает «вибрировать», особенно если ее задеть, и тогда я получаю весьма ощутимый нервный укол, сопровождаемый фейерверком странных видений, голосов и музыкальных отрывков. Звезда говорит со мной, но я ее не понимаю. Зато смотри. — Никита напрягся, глядя на звезду, и родинки, еле видимые на коричневом фоне, вдруг изменили форму: из семерок они превратились в девятки, держались так несколько секунд и снова стали семерками.

— Любопытно, — сказал Такэда. Глаза его загорелись и погасли. — Ладно, я пошел, мне еще нужно заняться кое-какими личными делами.

— Ты видел? Девятки. Что там говорит математика-мистика Пифагора насчет девяток?

— Потом расскажу, сейчас некогда. Но приятного в этом мало.

Никита проводил инженера удивленным взглядом, не ожидая такой реакции.

А Такэда на протяжении всего пути домой думал об увиденном. В магию цифр он поверил давно, еще до «вербовки» его Посланником, и за полтора года наблюдений за «отмеченными» людьми убедился в справедливости законов, выведенных Пифагором. Но девятки среди других цифр занимали особую позицию, их обладатель, в зависимости от их количества, был отмечен особыми качествами: остротой ума или скрытой жестокостью. Выходило, что звезда Вести предупреждала хозяина об этом и ей не нравился такой вариант событий.

— Посмотрим, — сказал Такэда сам себе. — Если предупреждение повторится, придется корректировать учебу, а без Ксюши это невозможно. Но и возвращать ее сюда — безумие!

Несмотря на очищающие контакты мира людей с толкователями универсальных законов справедливости и толерантности, а также с исполнителями их реалий в форме Принципа-регулятора вроде Посланника или Великих посвященных, мир этот продолжал сползать в пучину распада. Медленно, исподволь, с задержками на время вспышек устойчивого сотрудничества, но неотвратимо. Хаос — субстанция «идеальной смерти» — разъедал не только пространство и время, физические основы мира, но и его социальную ткань. Дестабилизационные процессы на Земле, утихая на короткие периоды всеобщего мира, все же продолжали развиваться, свидетельством чему был и недавний распад одного из самых могучих тоталитарных государств — СССР, и усиливающиеся националистические конфликты, и возникновение неофашистских режимов — в странах Балтии, Ближнего и Дальнего Востока, Южной Америки, и увеличение числа локальных войн, и все учащающиеся вспышки терроризма, и наркобизнес. Несмотря на «флер» демократизации общества, в сложнейшей социальной структуре Земли продолжал развиваться страшный принцип психологической кабалы: государство — все, человек — ничто! В большинстве самых развитых стран существовала криминальная пирамида власти: чиновники, плюс мафия, плюс сплотившиеся воры в законе, — и ни одна политическая или общественная сила в этих странах не в состоянии была обуздать эту власть.

Все это недвусмысленно указывало на проникновение ударной волны зла во все Миры Веера... о чем знали только Наблюдатели вроде Такэды и «статистическая служба информации Сатаны», доступ к материалам которой надежно охранялся слугами дьявола — вторым эшелоном «свиты».

Сделав такой вывод, Такэда записал его на кассету, положил

кассету в хрустальную складную пепельницу в виде бабочки, раскрывшей крылья, и долго сидел за столом неподвижно, привычно продолжая уточнять формулировки и думать о своих друзьях, волею судьбы вынужденных вступать в борьбу с неведомым противником. Думал он и о том, что человек в этой борьбе, существо жестоко противоречивое, — не самое главное и совершенное существо. Тысячи лет назад, в последней битве Тьмы и Света, если под Тьмой подразумевать силы зла, а под Светом — силы добра и справедливости, семеро Владык предвидели возникновение агрессивного разумного вида — человека — и, уходя в свои Миры, изменили константы хрона Земли таким образом, что развитие человеческого мозга не стало максимально вероятным событием. Если бы не этот запрет, человечество, потенциально могучее интеллектуальное племя, в силу изначально заложенного в него эволюционного закона, основанного на агрессии, властолюбии, любопытстве и обмане, давно присоединилось бы к силам Тьмы, и Веер неминуемо погиб бы. Как ни горько было признавать этот факт, Такэда пережил стыд и муку, включившись в борьбу на самой низкой ступени, понимая, что никто наверняка не станет искать его, не поверит и не оценит. Кроме, может быть, самого Веера Миров, существование которого зависело и от самых малых движений души и ума населяющих его существ.

Плоть не вечна в этом мире.
Наша жизнь — роса[1], —

пробормотал Такэда.

Зазвонил телефон.

Инженер очнулся, сложил крылья бабочки-пепельницы, раскрыл — кассеты внутри уже не было. Тогда он снял трубку. Звонил Роман:

— Оямович, мне кое-что непонятно, можешь зайти поговорить?

— Что случилось?

— Да, в общем... странно все это. По твоей просьбе я четырежды сопровождал нашего подопечного домой, и трижды он втюхивался в какие-то неприятные истории. Один раз, ну два, допустить такое можно, но три — это уже закономерность.

— Что за истории?

— Пытался спасать от хулиганья девиц, которые потом оказывались той же породы. Естественно, ему бы крепко доставалось, если бы не какая-нибудь случайность: то милиция подос-

[1]Фуси-напевы. Песня, открывающая мир грез.

пеет, то довольно умелые парни, так что мне и вмешиваться не приходилось. Но каждый раз сценарий развития событий типичен до удивления, будто писан одним сценаристом и разыгран одним режиссером. Что за ерунда? Ты об этой опасности намекал? Рассказал бы толком.

— Как-нибудь расскажу. Инциденты на улицах — не самое страшное, и, пока он не научится владеть собой, нам с тобой придется его подстраховывать. Понимаешь?

— Слишком мудрено, по-моему. Парень он неплохой, не злой, сильный, схватывает все быстро, но относится к учению слишком утилитарно. Россдао — не просто техника приемов самозащиты, это прежде всего особая философия жизни, где нет места воинственным настроениям, агрессивности, алчности, хвастовству.

— Он поймет это, я знаю его лучше, не дави на его психику. Что касается техники, то в первую очередь его надо обучить управлению жизненной энергией организма, это по-настоящему абсолютное оружие. Если Ник сможет концентрировать волю на развитии интуитивного, сверхчувственного восприятия действий противника, он добьется любой цели.

— Задатки у него есть, но их проявление — в его воле, а не в моей. Чтобы развить их, надо заниматься двадцать четыре часа в сутки, и не месяц, а годы, тут ты меня не переубедишь. Заходи, потолкуем. Заниматься с твоим акробатом интересно, однако я хочу знать, ради чего все это затевается.

Такэда повесил трубку, и в это время на пульте компьютера замигал красный огонек, задребезжал звонок, и под картой города на дисплее побежали строки: «Уровень два — татакинаоси[1]».

Инженер не раздумывал ни секунды: взглянул на карту — где Сухов? (Лебяжий переулок. Что там? Библиотека, столовая, ЖЭО... Зачем его туда понесло?) Прыжок к шкафу — забрать сумку с нунчаками и мечом, и — вон из квартиры. Термином «татакинаоси» он зашифровал возможное пришествие «десантников» СС — либо в качестве профилактики, либо для конкретного дела, то есть акции по обезвреживанию потенциальной угрозы, — если им стало известно о попытке вступления танцора на Путь. Компьютер мог и ошибаться, но, как правило, его прогнозы сбывались.

Лебяжий переулок начинался от Северного рынка и был достаточно коротким — метров двести, не более. Такэда пробежал его почти весь за минуту, поглядывая на черный камень индика-

[1] Татакинаоси — исправление наказанием (*яп.*).

тора, впаянный в перстень из сизо-голубого металла. Возле двухэтажного здания библиотеки камень стал мутно-прозрачным, и внутри него зажегся крохотный контур рогатого чертика.

На входной деревянной двери, прятавшейся в нише за двумя колоннами (зданию было лет шестьдесят с гаком), висела табличка: «Ремонт». Но Такэда обратил внимание на свежую краску — надпись даже не просохла как следует, и ему все стало ясно.

Дверь оказалась незапертой.

Инженер, выхватив из сумки нунчаки, а саму сумку повесив на шею, бесшумно пробежал по коридору первого этажа, пробуя двери. Ремонтом здесь не пахло, и все двери были закрыты на замок. Зато на втором возились трое угрюмых мужчин в касках и оранжевых жилетах дорожных рабочих, заделывая кирпичом торец читального зала. Строители такие жилеты не носили. Вселение! — понял Такэда. Они привлекли оперативников «бархатного вмешательства». Хорошо, что не ЧК!

Под вселением инженер понимал внедрение психоматрицы конкретного субъекта, в данном случае оперативного работника из технической группы СС, в мозг нормального человека, который начинал действовать по приказу вселённого. Дорожные рабочие попались «эсэсовцам» случайно, им было все равно, кто выполнит задание по нейтрализации угрозы в лице Сухова.

Увидев Такэду, «дорожники» прекратили работу, переглянулись, двое двинулись к нему, а третий принялся доделывать начатое. Когда до инженера, ждавшего «рабочих» на верхней ступеньке лестницы, осталось метра три, в руках незнакомцев появились короткие, мерцающие голубым огнем копья.

Инженер прыгнул им навстречу, начиная первым. Он знал, с кем имеет дело. Взметнулись нунчаки, и копья вылетели из рук «рабочих», врезались в стену коридора, пронзив ее, как бумагу. Второй выпад оружия Толи пришелся по каске первого «рабочего» и по челюсти второго. Последний беззвучно лег, но первый, весь какой-то серый, пыльный, перекошенный, успел перехватить гладкую дубинку нунчака, змеистый зеленый огонь стек с его руки на дубинку, достиг бечевы, связывающей обе палки нунчаков, и... сорвался на пол, потому что Такэда выпустил нунчаки из рук. В следующее мгновение он вытащил меч.

Тускло блеснуло лезвие, проделав зигзаг и вонзившись в широкое запястье «рабочего». Убивать инженер не хотел, потому что ему противостояли обычные люди, не понимающие, что творят. Вселённые уйдут, а они снова станут людьми. Но остановить их было необходимо.

На кисти руки «рабочего» заалела глубокая царапина, он

вскрикнул и отшатнулся, глядя на ручеек крови, стекающий на пол из пореза. Такэда сделал угрожающее движение — «рабочий» поспешно отступил. Но прыгнул Толя не к нему, а к третьему члену группы, который доставал из-под жилета знакомое копье. Бросить не успел: меч инженера коснулся его лица, проделав борозду от лба к подбородку, минуя глаз. «Рабочий» взвыл, инстинктивно поднимая руку к лицу, и нарвался на синюю молнию сработавшего копья. Это не был разряд электричества или плазменный выстрел — повеяло ледяным ветром, как из гигантского морозильника, и полголовы «рабочего» будто срезало бритвой: она исчезла, растаяла, испарилась! Боевик еще падал, когда Такэда прыгнул назад, к тому из «рабочих», которому досталось по челюсти. Но не успел. «Рабочий» выстрелил в него сгустком зеленого огня, сорвавшегося, как показалось инженеру, с костяшек пальцев левой руки.

Он по-кошачьи извернулся в воздухе, одновременно защищая грудь мечом, и это его спасло: сгусток огня в форме когтистой медвежьей лапы врезался в лезвие меча, срикошетил и пропахал плечо лезвием жуткого холода. В голове Толи взорвалась ледяная глыба, и на какое-то мгновение он потерял способность видеть и чувствовать, упав за одно из кресел возле лестницы, а когда очнулся, увидел заключительный акт драмы.

«Рабочий», стрелявший в него огнем, засовывал в портфель типа «дипломат» или «атташе-кейс» черного цвета копья и предметы, похожие на черные кастеты. Затем коснулся «дипломата» головой и упал навзничь рядом. «Дипломат» свернулся в шар, прочертил черную линию в воздухе и исчез через окно. «Рабочие» лежали не шевелясь: двое без сознания, третий был мертв. Вселение закончилось. На стене, требующей побелки, остался след от копий — два пыльных кольца и дыры в форме черных клякс.

Не чувствуя плеча, Такэда дотащился до стены, потрогал ее кончиком меча — твердая. Огляделся. Вздохнув, поплелся дальше по коридору, заглянул в читальный зал. Два тела на полу у полок — юноша и девушка, и третье — старушки библиотекарши за столом — уронила голову на книги. Живы, дышат. Слава Богу! Но где же танцор?

Такэда вернулся в коридор и внимательно оглядел свежую кирпичную стену, в которой осталось заделать лишь три верхних ряда. Поискал глазами что-нибудь тяжелое, нашел молоток и стал методично разрушать стену, вытаскивая кирпичи: раствор еще не схватился и кирпичи выпадали легко. Никиту он нашел лежащим в нише, образованной пустой пожарной камерой, между старой и новой стенами. Сухов был жив, но в себя не приходил, парализованный, видимо, холодным разрядом копий

или «кастетов» десанта СС. Позвонив в «Скорую» и в милицию, Толя потащил тело друга вниз, чтобы успеть до приезда тревожных служб.

Сухов пришел в себя уже дома, на кровати. Долго глядел на инженера, не узнавая, потом отвернулся к стене, как бы давая понять, что обвиняет в случившемся именно приятеля. Толя, понимая его чувства, не торопился оправдываться. Приготовив тонизирующее снадобье — чай, отвар шиповника и женьшеневый настой, — заставил танцора выпить. Потом сел рядом и начал читать книгу.

Никита не выдержал первым. Жаловаться, однако, не стал, пересилил себя. Сказал с горечью:

— Взяли меня, как цыпленка! «Эй, интеллектуал, — говорят, — пособи-ка подвинуть лестницу». Ну, я и помог... «Свита Сатаны»? Или ЧК?

— Обычные люди, соотечественники.

— То есть какие еще соотечественники?!

— Боевики в них вселились, в их мозг. Это называется п с и х о в с е л е н и е м.

Никита немного подумал.

— Я решил, такие трюки возможны только в литературе. А почему же тогда в меня никто не вселился? Насколько проще убрать меня таким образом: влез в мозги, приказал броситься вниз с высотного дома, и дело с концом.

— Психоматрица не всесильна, подать приказ телу выполнить акт самоубийства она не может, организм сопротивляется на уровне инстинктов, на уровне подсознания. А вот убить другого — пожалуйста.

Никита опять немного подумал.

— Скоты! Зачем я только ввязался в это дело! Или еще не поздно выйти из игры?

Такэда молчал.

— Ясно, — вздохнул Никита, — значит, поздно. Но ведь я ничего еще не сделал, почему они решили меня убрать?

— Скорее всего это профилактическая проверка работы «печати зла». Но могут быть верными и другие варианты. Скажем, у них здесь есть свои наблюдатели. Или же «печать зла» обладает обратной реакцией, сигнализируя хозяевам о тщетности заклятия. Факт, что они послали малый патруль «бархатного вмешательства».

— А что, есть и большой?

— Бывает малый, специальный и достаточный патрули. В малом — трое боевиков, в специальном — пятеро, ну а достаточный — это прайд СС, уйти от него, наверное, невозможно. Как и от десанта ЧК. Хорошо, что в нашем случае малый патруль

был в с е л ё н н ы м. — Такэда помедлил. — Тебе надо исчезнуть, Кит.

— Как это — исчезнуть? — повернул к нему голову Сухов. — Куда исчезнуть?

— Совсем. Из города. Из страны. Надо инсценировать твою смерть. Похороны.

— Ты с ума сошел! А мама? Ты о ней подумал? Ксения тоже... У меня же куча родственников, друзей...

— Маму мы на некоторое время отправим куда-нибудь, скажем, к родственникам, пока ты будешь овладевать собой. А с Ксюшей... тоже что-нибудь придумаем. Или у тебя есть другие идеи?

Никита отвернулся, несколько минут молчал.

— А я куда денусь? Буду жить под псевдонимом?

— Вместе со мной. Мне тоже придется «погибнуть». У японцев есть такой обычай — дзюнси: вассал следует в могилу вслед за своим господином, сюзереном.

Никита сел на кровати, бледный до синевы, грустно улыбнулся.

— Ну и судьбу ты мне накаркал... вассал.

— Старый ворон не каркнет даром. Ну что? Решено?

— Мне надо попрощаться с... Ксенией. — Имя девушки Сухов выговорил с трудом. — Понимаешь? Или нельзя?

В прихожей раздался звонок. Никита подскочил, с испугом глянул на друга, который рассматривал перстень, подмигивающий зеленым зрачком.

— Иди прощайся, — вздохнул Толя. — Видимо, вы с ней одного поля ягоды. Это Ксения.

Никита вихрем промчался по комнате, открыл дверь и встретил улыбку художницы, одетой по-дорожному. У ног ее стояла огромная сумка.

— Вот и я, — сказала она певуче. — Не выдержала. Толя будет ругаться...

Больше она ничего не успела сказать, потому что Никита закрыл ее рот поцелуем.

Вершина 2

НОВИЧОК-УЧЕНИК

Глава 1

Похоронная процессия была не очень большой и шла недолго: от подъезда дома, в котором жил погибший, до автобуса-катафалка с черной траурной лентой насчитывалось всего полсотни шагов. Хоронили двоих: молодого парня, бывшего акробата и танцора, и его друга, бывшего инженера-электронщика. Одному едва исполнилось двадцать шесть лет, второму тридцать два. Правда, увидеть, какими они были, не представлялось возможным: хоронили их останки, завернутые в белое полотно. Оба погибли в автокатастрофе — их машина врезалась на повороте в дерево и загорелась, так что опознать их по лицам было невозможно, разве что по личным вещам, да мать более молодого узнала сына по родинкам на плече, схожим с цифрой семь.

На кладбище, пока произносили прощальные речи представители делегаций театра, в котором выступал танцор, спортивного комитета и Института электроники, где работал инженер, к одному из рабочих похоронной команды подошел пожилой лысоватый мужчина с брюшком; он бродил среди могил, когда привезли погибших.

— Кого хоронят?

Рабочий, молодой, загорелый, в черной рубашке, разматывающий длинное полотенце, оглянулся.

— Говорят, какого-то мастера спорта по акробатике и его друга-японца.

— Молодые?

— Да кто их знает, отец. Говорят, молодые, разбились на машине и сгорели.

— А как их опознали?

Рабочий пожал плечами.

— Что за интерес, отец? Опознали, иначе не хоронили бы. Да и кто мог ехать в машине спортсмена, кроме него самого?

— Ну, угнал кто-то...

— А ты часом не из милиции, папаша? Так их спецы уже провели расследование. — Парень отошел к гробам, возле которых стояли родственники погибших, человек двадцать.

Пожилой мужчина проводил его взглядом, долго смотрел на гробы, на которых заколачивались крышки, и тихонько отошел к деревьям у прохода. К нему подошел еще один мужчина, совсем старик, они поговорили о чем-то, а затем вдруг начали оглядываться в недоумении, будто не понимая, как и зачем сюда попали. Они приходили в себя долго, в течение всей церемонии, и по их лицам было видно, насколько они удивлены и напуганы. Правда, за ними никто не наблюдал.

Похороны закончились. Гробы закопали, на холмиках установили обелиски с крестами, обнесли оградой. Близкие родственники погибших сели в микроавтобус и уехали, за ними потянулись автобусы с похоронной делегацией. Кладбище в этом неуютном уголке города, с готовыми ямами для очередных умерших, опустело. А затем к свежим могилам подошел человек в странном зелено-сером, с разводами, комбинезоне, огромный, широкий, с бледным лицом и бездонно-черными глазами. Постоял в задумчивости у могил, пристально глядя на обелиски с фотографиями похороненных, и тяжело, но бесшумно канул в заросли за оградой. На свежей земле у ограды остался отпечаток его ботинка: рифленая подошва и в центре давленный трезубец.

Через час после окончания похорон в квартиру к матери более молодого из погибших, Никиты Сухова, позвонил тот же человек в пятнистом комбинезоне, с черным чемоданчиком в руках. Ему открыл один из родственников Сухова, его дядя по материнской линии Федор Тихонович Симагин.

— Извините, здесь проживает гражданка Сухова Мария Ильинична?

— Проходите, — посторонился Симагин, круглый, потный, в костюме, несмотря на жару. — У нас тут похороны, помяните ее сына. А что вы хотели?

— Я не знал, извините. Газ-служба, обычная профилактика. Зайду в следующий раз. А что случилось?

— Погиб ее сын. — Симагин вытер лоб платком, поморщился. — Несчастный случай, разбился, с другом на машине, она загорелась... — Федор Тихонович махнул рукой с платком. — В общем, еле узнали, да и то по родинкам на плече.

Гость сожалеюще поцокал языком.

— Да, это неприятно. — Увидев удивленный взгляд родственника, заторопился. — Извините, у меня еще много заказов.

— Ничего себе — «неприятно»! — пробормотал Симагин, провожая его взглядом, но тут же забыл об этом, возвращаясь в квартиру, где царила тягостная атмосфера воспоминаний и последних речей вослед безвременно ушедшему.

Самолет взлетел в девять вечера из Быкова, и Сухов с каким-то новым для себя чувством потери глянул на город сверху: скопление рукотворных холмов из бетона, кирпича, стали, стекла и асфальта, среди которых сновали металлические жуки-автомобили и ползали мураши-люди. На душе скребли кошки, было муторно и тоскливо, и до боли в желудке хотелось проснуться и зажить прежней, расписанной по нотам жизнью. Но танцор знал, что это невозможно, возврата к прежней жизни не было, как бы ни повернулось колесо судьбы. И все же сердце жаждало успокоения, а не борьбы. Все еще помнились глаза матери, растерянные, ничего не понимающие, не умеющие лгать, и сжималось сердце в тревоге за нее: сможет ли она сыграть роль убитой горем матери, если кому-то из неведомых далей и времен вздумается проверить, умер ли ее сын на самом деле или нет.

На свои похороны Никита не пошел, вернее, его не пустил Такэда, решивший не рисковать. Ксения присутствовала на кладбище и должна была рассказать все подробности, хотя и месяцем позже, когда все поутихнет. Как и мать, она знала правду, но роль свою сыграла вполне искренне, понимая, что от ее игры зависят последствия «похорон».

Улетали «погибшие» без нее, девушка даже не знала — куда, но готова была ждать весточки и прилететь по первому же зову.

Такэда, сидевший рядом, искоса поглядывал на друга, но молчал, понимая его состояние. Сухов отрезал свои длинные волосы, волной падавшие на шею, отрастил бородку и усы и теперь походил на коммерсанта, спешащего по делам на край света — в Хабаровск. Такэда тоже отрастил усики а-ля Чарли Чаплин и превратился в типичного экранного мафиози, связываться с которым вряд ли стоило кому бы то ни было.

Операцию с «похоронами» они разрабатывали почти месяц, а осуществили лишь в середине сентября, когда подвернулся случай.

Во всем мире существовала практика негласной перевозки и похорон трупов из моргов полиции или милиции, «прошедших опознание, но не опознанных». Чаще всего такими становились одиночки, уехавшие из родных мест и погибшие на чужбине, в авариях, катастрофах, а зачастую и от ножа бандитов. На этот раз милицейский «ворон» перевозил в Москву из Реутова десять молодых парней, целую команду «самоубийц», путешествовавшую по стране на велосипедах и не имевшую никаких документов: все они, перепившись, спали на сеновале в одной из деревень и сгорели в одно мгновение, не успев сообразить, что случилось, когда одному из них захотелось покурить.

Машина с останками слетела с шоссе в реку ночью — лопнуло переднее колесо, и водитель не смог удержать холодильник

на дороге; к счастью, сам он остался жив, как и сопровождающие мертвый груз. Правда, этим повезло меньше, оба милиционера получили сотрясение мозга.

Сообщение об аварии пришло в центральное городское ГАИ в первом часу, и тотчас же это стало известно Такэде, компьютер которого давно «дежурил» в сети компьютеров всех тревожных служб Москвы. На место происшествия инженер приехал с Никитой через полчаса, опередив гаишников и милицию. Еще через несколько минут два полуобгоревших трупа, завернутых в гардины, лежали в кабине «сотки» Сухова, а остальное было делом техники. Водитель был без сознания и ничего не заметил, и заметили ли милицейские чины пропажу останков двух человек, друзья так и не узнали: морозильник свалился в реку, и это обстоятельство сработало на руку похитителям.

Самым трудным делом оказалось воспроизведение на плече одного из трупов, соответствующего по габаритам и мускулатуре Сухову, наколки, имитирующей родинки «семерки», но в конце концов Такэда, специально консультировавшийся по данному вопросу, справился и с этим. Все их действия происходили в полутемном гараже Такэды и так измотали танцора, что он едва не сорвался, крича шепотом, что «плевать он хотел на все эти СС и ЧК», что «хочет жить, как все люди, пойдет в Госбезопасность, во всем признается, и будь что будет». Толя не возражал, продолжая начатое, и пыл Сухова иссяк, хотя потом он признался, насколько все это ему противно.

День они готовились к «операции отхода», а пятнадцатого сентября вывели ранним утром машину, выехали за город и удачно разбили ее на повороте о ствол огромного тополя, уложили подготовленные трупы надлежащим образом внутри и возле машины и подожгли ее. Похороны состоялись через два дня...

Самолет набрал высоту, стюардесса разнесла напитки, но Сухова сон не брал, несмотря на то что в последние сутки нервы его напряглись до предела, а сейчас наступило расслабление. Не спал и Толя, делая вид, что читает. Устал и он, взяв на себя на этом этапе все тяготы путешествия. В отличие от Никиты, все еще сомневающегося в верности их действий и реальности происходящего, инженер точно знал, что опасность смертельна и возврата к прежней жизни не будет. И только он один ведал, куда они летят и зачем.

В Хабаровске еще лет десять назад был создан Центр русского боевого искусства — ЦРБИ, инструктором-наставником которого стал учитель Романа, мастер шестой категории росдао, ученик знаменитого Деда, Иван Григорьевич Красильни-

ков. Такэда надеялся договориться с ним, чтобы обучать Никиту, с успехом начавшего путь бойца у Романа.

«Он просто талант! — вспомнил инженер слова инструктора. — За два месяца обогнал моих орлов, которые занимаются уже по году-полтора! Если так пойдет и дальше, он и меня обгонит через год». Через год, повторил про себя Толя. В том-то и дело, что года в запасе у него нет. Главное, чтобы в ходе занятий он осознал две истины: важна победа не над противником, а над собой, это раз, и два — побеждает не борющийся против чего-то, побеждает борющийся за что-то.

— А как было все здорово! — сказал вдруг с тоской Никита, не отрывая взгляда от иллюминатора, словно разговаривая сам с собой.

— Ты о чем? — покосился на него Толя. — Машину жалко, что ли?

Сухов на шутку не ответил и продолжать не стал, но Такэда и так понял его мысль: танцор до вмешательства в его жизнь темных сил жил в своем мире, удобном во всех отношениях, созданном для таких же, как и он, людей искусства и спорта. И потому оторванном от остальных миров, в которых на разных уровнях достатка и бытовых условий жили другие люди, от безработных до президентов, членов банд и мафиозных кланов. Оказавшись за бортом своего достаточно прочного ковчега, столкнувшись с чужим миром жестокости, насилия и страха, поняв, что теперь необходимо жить иначе, решать все самому и отвечать за последствия каждого шага, Никита Сухов, чемпион России по акробатике, серебряный призер чемпионата мира, великолепный танцор, растерялся. Умом он понимал, что спокойное течение бытия закончилось, но душа все еще жаждала возвращения к нему. А почва под ногами была зыбкой, неверной, колеблющейся, как торф на болоте...

— Наверное, я просто невезучий, — закончил Сухов разговор с самим собой.

— Не плачь, меченый, — сухо сказал Такэда. — Тебе еще повезло: ведь боевики СС могли тебя убить еще тогда, в парке. Вожак тебя просто пожалел.

Никита оторвался от созерцания иллюминатора, глянул на товарища, криво улыбнулся, щеки его порозовели.

— Кого милует Бог, того жалует царь. Непонятно только, что за царь и где его искать.

— Главное, чтобы он был в голове. Знаешь пословицу: без царя в голове царем не станешь!

— Ты говорил, существовала какая-то книга, в которой якобы указан вход в тоннель, связывающий Миры Веера.

— Книга Бездн. По легенде она связана Страшным прокля-

тием на десять тысяч лет. Была заточена в стенах Сухаревой башни, которая стояла между Сретенкой и Мещанской, ее еще в эпоху Петра Первого строили. Но после разрушения башни Книга исчезла. — Такэда помолчал. — Я ищу ее уже почти полтора года.

— Ну и?..

— Есть кое-какие следы... слабые. Мне придется в связи с поисками помотаться по свету, так что побудешь один. Я оставлю тебе Даоскую книгу, она хоть и не Книга Бездн, но скрасит твое одиночество. Хочешь изречение из нее?

— Валяй, учитель. — В голосе Никиты прозвучала ирония, но инженер не обижался на такие вещи.

— Будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина[1].

Разговор на время прервался. Ровно гудели двигатели самолета, некоторые пассажиры шуршали газетами, другие разговаривали или спали. Уплывала назад родина, дом, уют, уплывало прошлое. Потом Никита подвинулся ближе, сказал мрачно:

— Совет неплохой, да опоздал. Ну-ка, расскажи мне про Веер еще раз, поподробней.

— Что именно?

— Как он возник, я понял, а какие вселенные реализовал? С какими условиями?

— На эту тему можно говорить долго, но я постараюсь покороче. Спектр Миров, реализованных Веером, практически необъятен, хотя и не бесконечен. Есть миры, совсем не отражающие земные представления о пространстве, времени и жизни, но есть и вполне земноподобные, то есть имеющие планеты, звезды, галактики, черные дыры, сверхновые звезды и даже саму Землю. Правда, обитатели тех «земель» не всегда называют ее Землей, но существуют и почти идентичные миры, отличающиеся лишь деталями. Интересно, что такие Миры Веера создают своеобразные «пакеты», в которых спектр условий проходит предельные варианты, скажем, от Порядка до Хаоса или от Добра до Зла.

Такэда остановился:

— Нет, так я тебя запутаю.

— Продолжай, пока я понимаю.

— Хорошо. В качестве примера: наша родная Земля находится в середине такого «пакета». «Ниже», то есть ближе к моменту начала Веера, реализуется М-физика, магическая физика, дающая возможность изменять мир с помощью волевого уси-

[1] Гуань Иньцзы. Даоская книга.

лия, волшебства — по нашим понятиям, конечно. «Выше» идут Миры, в которых есть Земли и где реализуется уже Т-физика, технологическая, счетно-анализаторная. Не спрашивай только, как все это выглядит, я не путешествовал по Мирам Веера. Может, с тобой повезет?

Никита не отреагировал на вопрос, Толя продолжал:

— Иерархия Веера довольно проста, она включает всего пять ступеней, каждая из которых имеет свой спектр вариантов. Первая ступень: верны все классические законы физики. Пример: наша Земля и ее «двойники» в соседних хронах. Вторая ступень: работают законы относительности; в нашем хроне они соблюдаются частично. Третья ступень: хозяева — законы энергоинформационного обмена, это уже подходы к магическому воздействию. Четвертая: властвуют законы изменения структуры волевым усилием. И наконец, пятая: абсолютная власть над материей, формой и сущностью, над жизнью и смертью — у сил, названий которым мы не знаем. И вряд ли узнаем. С этими силами могут соперничать только Владыки, да и то не всегда индивидуально, а лишь соединяясь в нечто вроде коллективного разума типа Соборной Души нашего Веера. Известно только одно: существуют ступени развития материи более высокие, чем разум в человеческом понятии, и принципы, более совершенные, чем добро, и более желаемые, чем блаженство. А также системы знаний, не основанные на познании и науке. Но это уже тема для отдельного разговора. Денница, кстати, родился в одном из таких Миров, — Такэда задумчиво пососал палец, — хотя и не реализовал все эти перечисленные мной постулаты. Правда, я сам не все здесь понимаю... — Он осекся.

Сухов спал. Лицо у него было бледное, осунувшееся, измученное. И Такэда впервые остро пожалел, что случай вовлек парня в эту дикую, непонятную, непредсказуемую, невероятную авантюру.

Но пути назад действительно не было.

Иван Григорьевич Красильников, инструктор росздао, о котором говорил Роман, бывший его ученик, оказался почти таким же молодым, как и сам Роман: шел ему тридцать первый год. На вид нескладный, долговязый, слегка сутулый, не имеющий особо развитой мускулатуры, он не производил впечатления сильного человека и опытного бойца, но глаза — серые, цепкие, умные — выдавали его сразу. В них за блеском иронического внимания таилась скрытая сила и предупреждение, вызывающие невольное уважение любого, кто встречался с Красильниковым.

Никита помнил слова Такэды, что мастера шестой категории россдао «достать» невозможно, однако убедился в справедливости сказанного только в ЦРБИ, где Красильников работал инструктором-наставником. На первой же тренировке наставник провел учебный бой сразу с шестнадцатью учениками, нападавшими со всех сторон, и, не получив ни одного прямого удара, уложил их всех в течение трех минут. И это несмотря на то, что многие из ребят занимались россдао по пять-шесть лет и сами были инструкторами в других школах!

Никите Иван Григорьевич — все звали его только по имени и отчеству — понравился. Он не любил много говорить, зато много показывал, и жесты его были красноречивее слов. Сухову он после показательного боя задал только один вопрос:

— Как, по-вашему, можно сформулировать цель мастера россдао в схватке с многочисленным противником?

Никита, застигнутый вопросом врасплох, промямлил:

— Ну... наверное, использовать неизбежную сумятицу... вести бой в манере защита-контратака...

— Основная цель — вывести из строя противника наиболее эффективным методом и с наименьшей затратой сил. — Красильников внимательно оглядел Никиту снизу вверх. — Хотя и вы, конечно, в чем-то правы. — Повернулся к молчавшему Такэде. — Рекомендации Романа мне вполне достаточно, да и материал неплохой, будем работать. Но и вам придется позаниматься с ним, если хотите достичь максимального результата.

На этом и закончился «цикл вводных лекций» Красильникова, отбирающего учеников только по ему одному известным качествам.

Занятия отвлекали от горестных дум и тягостных ожиданий, и Никита, сменивший имя и фамилию на Владимира Петрова, с головой ушел в борьбу, занимаясь по двенадцать часов в сутки.

Они сняли квартиру на северной окраине Хабаровска, разбросанной по сопкам, у пожилой четы Ивлевых, пенсионеров, подрабатывающих в летнее время сбором облепихи, грибов и ягод. Хозяев звали Федором Полуяновичем и Марией Кирилловной и были они тихими, неразговорчивыми, стеснительными и добрыми людьми, прожившими в тайге полжизни и лишь к старости получившими квартиру в городе, да и то по настоянию детей. Сын женился на белоруске и уехал в Гомель, благо в славянских странах еще не дошло до визового обмена, дочь тоже уехала — на Сахалин, выйдя замуж за капитана рыболовного сейнера, и старики остались одни. Как вышел на них Такэда, Никита не знал, но был рад, что может уединиться в комнате и заниматься своими делами, никому не мешая; комната Толи находилась напротив. Сами же хозяева жили в третьей комнате, в

конце коридора, за общей гостиной, где стояли телевизор, старенькое пианино и сервант.

Комната Сухова была по-спартански пустой: стол, кровать, стул, шкаф. Зато хватало места и на отработку като — комплекса упражнений, и на занятия со снарядами, в основном — гантелями, поясным эспандером и подвесным турником.

Такэда с неделю побыл в Хабаровске и уехал, взяв слово с танцора, что тот не сорвет «режим подводной лодки, лежащей в засаде на грунте». Инженер все еще не терял надежды найти пресловутую Книгу Бездн.

Первое время Никита свято соблюдал «режим»: ходил только на тренировки, а все остальное время проводил дома, занимаясь повторением пройденного или читая книги, в том числе оставленные Толей философские труды Лосева, Андреева, Бердяева, Шульгина и других. Но тоска по Ксении скоро превратилась в род физического недомогания, и Сухов стал искать способы отвлечения от этой напасти, самым привычным из которых был ночной клуб или бар; в Хабаровске их хватало. Слать письмо Ксении он побоялся, да и Такэда пообещал привезти весточку от нее.

День шел за днем, «печать зла» о себе не напоминала, звезда на плече молчала, и Никита поневоле втянулся в ритм ежедневных тренировок, не забывая об акробатике. Так он однажды поразил товарищей по группе тройным сальто и рондадом[1] с переходом на шпагат. Тоска по танцу тоже давала о себе знать, но он терпел, мечтая когда-нибудь «показать класс». В доме Ивлевых он тоже не мог танцевать открыто, да и комната для балетной танцевальной программы не подходила.

Затем его озарило, и после недолгих колебаний он предложил свои услуги в качестве солиста в казино «Бомонд», забыв об осторожности и считая случившееся в Москве, за тысячи километров отсюда, чуть ли не легендой. Уговорил он себя еще и потому, что запас денег, заработанных в прежней жизни, был не вечным.

Танцевал Никита в казино по вечерам три раза в неделю, но слава о танцоре разлетелась по городу быстро, и в дни его выступлений «Бомонд» заполнялся до отказа. Никита повеселел: после длительного перерыва он наконец-то нашел свою стихию, помогавшую скрасить жизнь. Но спустя два месяца, в течение которых от Такэды не было ни слуху ни духу, ситуация изменилась.

---

[1] Рондад — прыжок с разбега с переворотом вперед и с поворотом со стойки на руках.

Во-первых, пришло письмо от Ксении (Толя все же нашел ее и дал адрес), после которого Никита едва не сорвался с места и не помчался в Москву. Во-вторых, Красильников узнал о ночной жизни подопечного и потребовал ее прекратить, обратив внимание на усталость танцора, мешающую работать в полную силу. На инструкции Такэды он ссылаться не стал, но аккуратно провожал ученика с тренировок до дома, оставаясь незамеченным. В-третьих, Сухов почувствовал д у н о в е н и е посторонней силы. В результате интенсивных занятий по концентрации внутренней энергии внимание и чувствительность его обострились, и ему показалось, что кто-то начал опять следить за ним — слепо, не видя, на уровне психического контакта.

Точку поставило происшествие в казино.

В этот вечер начала ноября, холодный и дождливый, в казино заявились воротилы местного бизнеса: президент Дальневосточного филиала Интробанка, директор колбасной фабрики, сопрезидент японско-российской коммерческой фирмы «Хацюмэ» и с ними три десятка «крутых» парней, телохранители, приятели, девицы. Перед такой публикой Никита выступать не любил, но платили ему хорошо, и делать было нечего, приходилось танцевать. К двенадцати ночи он вымотался, работая по заказам. «Генацвале, держи. — Кто-то из свиты бизнесменов совал ему десятитысячную банкноту. — Танцуй хараппу». И Никита танцевал.

Но без четверти двенадцать он решительно отодвинул ведущего и заявил в микрофон, что просит уважаемых гостей «не гнать лошадей», программа закончена. Однако гости, подогретые обильными возлияниями, продолжали кричать «бис» и совать деньги, требуя продолжения. Сухов пожал плечами, сошел со сцены и наткнулся на коренастого крепыша в светлом костюме с гвоздикой в петлице. Это был один из друзей Щавеля, президента Интробанка, а может, не друзей, а компаньонов.

— Танцуй, малый, — сказал он хрипло, протягивая пачку долларов. — Плачу «зелеными». Но уйдешь только по моему сигналу.

Никита побагровел: в таком тоне с ним еще не разговаривали. Однако сдержался.

— Прошу прощений, мистер, но программа закончена.

Сбоку подсунулся владелец казино Голдман, рыхлый, вечно потеющий, лысый, как колено.

— Володя, не ерепенься, попрыгай еще полчасика. Гости просят, нельзя отказывать.

Сухов заколебался было, но коренастый повел себя в прежней манере:

— Куда он денется? Еще не родился такой оригинал, который отказал бы Щавелю. И мне.

— Этот оригинал я. — Никита сбросил с локтя пухлую руку Голдмана и направился к двери около стойки бара.

За спиной раздался злой хрип коренастого, тенорок владельца казино, еще чьи-то голоса, но танцора никто не остановил. Зато его встретили за дверью казино, в переулке.

Никита ощутил толчок в сердце: вспомнились прежние столкновения, инициированные «печатью зла». Неужели она снова нашла его? Несмотря на все ухищрения скрыться, замаскироваться, выйти из «круга устойчивого интереса» парней СС? Или все объясняется вполне прозаически: местные мафиози решили наказать строптивого танцоришку?..

Итак, трое... нет, больше. Сухов привычно собрался, концентрируя внимание. Он уже научился пользоваться резервами внутренней энергии организма, но применять свое знание еще не приходилось.

Значит, трое — впереди, еще двое — за кустами, справа. Эти наиболее опасны, потому что вооружены. И все же это не засада «свиты Сатаны», а тем более не ЧК.

— Ты что возомнил о себе, танцор? — пренебрежительно сказал один из троих, самый высокий; одеты все трое были в одинаковые серые плащи и шляпы. — Мало платят? Что за капризы? Шеф остался очень недоволен, а за это наказывают.

— Что ты с ним церемонишься, Жердь? — вмешался второй, пониже, с волосами до бровей. — Он думает, если накачал мускулы, значит, имеет право хамить. Он нуль, и пусть знает, что нуль!

Волна гнева ударила в голову, затмила сознание, и Никита едва удержался от ответа, вовремя вспомнив наставление Красильникова: «Злость должна быть чисто́ спортивной и направлена на себя, но ни в коем случае на противника. Это — путь к поражению».

Видимо, трое приняли его колебания за проявление малодушия, потому что третий член группы презрительно сплюнул, едва не попав на брюки Сухова.

— Наложил в штаны, танцор? Мы тебя побьем несильно, для профилактики, чтобы знал, как отвечать шефу, и чтобы другим неповадно было.

Высокий тут же ударил Никиту в грудь, вернее, в то место, где он стоял. И ойкнул, получив хлесткую пощечину, от которой у него посыпались искры из глаз. Второй «экзекутор» тоже махнул рукой — у него был кастет — и заработал удар по ушам, который вывел его из строя на несколько минут. Третий, самый низкорослый, но быстрый и подвижный, знал каратэ — судя по

его прыжку и удару ногой, но и его замах не нашел цели: Никита ушел в сторону и еще раз пнул прыгуна.

— Все? — буднично спросил Сухов высокого. — Я могу идти?

Сам он в это время думал о тех двоих, что готовились его встретить у выхода из переулка. Но заниматься ими ему не пришлось. На свет фонаря вышла фигура в спортивной куртке с капюшоном, поманила танцора рукой:

— Кит, побыстрей.

У Никиты едва не выскочило от радости сердце — это был Такэда собственной персоной.

Трое нападавших не стали продолжать «урок»: ворча и ругаясь, убрались прочь.

— А остальные? — спросил Никита.

Такэда оглянулся на кусты, махнул рукой.

— Ими занимался Красильников, все нормально.

— Иван Григорьевич?!.

— Для подстраховки. Извини, я не предупредил. Но и ты, я гляжу, кое-чему научился, а?

— Ситуация была не очень сложной. — Изумление Сухова прошло не сразу. — Ну ты и даешь, Оямович! И Красильников согласился?

— У меня осечек не бывает. Идем, сейчас дождь пойдет, а я без зонтика.

Никита поспешил за другом, даже не пытаясь скрыть радость: появление Толи означало не только свежую информацию, но и перемену хода событий.

Они проговорили часа два и спать легли в половине третьего ночи. Но Сухов не смог уснуть и заявился к Такэде через пятнадцать минут. Постучал.

— Извини, не спишь? У меня пара вопросов.

— Спи, завтра задашь... вернее, сегодня утром. Подъем в семь. — Толя задумчиво оглядел стоящего в халате танцора. — Плохо контролируешь нервы. Что вы проходите с Красильниковым?

— Блоки. То есть это не те блоки, а комплексы приемов...

— Мне можешь не объяснять.

— Прошли блоки сидя, лежа, против уличной толпы, сейчас доводим блок «работы с хода». Но этих блоков еще — пруд пруди: против всех видов захватов, в ограниченном пространстве, против профессионалов каратэ... и айкидо, кстати, против вооруженных банд... Не отвлекай, Оямович, а то не слезу с тебя до утра. Как ты думаешь, этот сегодняшний случай связан с «печатью зла»?

— Не знаю, — тихо ответил Такэда, подвинул повыше подушку и лег. — Мы с тобой вроде бы как умерли... но для полного отрицания, как говорят мудрецы, самоубийства недостаточ-

но. «Свита Сатаны» умеет доводить дело до конца и не остановится, пока не проверит подлинность нашего ухода в мир иной.

Никита хмыкнул. Они уже поговорили о маме, о Ксении, о ситуации в Москве, о квартирах — жалко, что квартира Такэды отошла в госпользование (книги, кое-какие личные вещи и картины Толя все-таки увез), и все же душа Сухова была неспокойна. Хотелось лично убедиться в безопасности мамы, родственников и Ксении, которая переслала через Толю письмо не менее чем на десяти страницах.

— Как ты умеешь успокаивать, — произнес наконец Никита недовольно. — А если они все-таки появятся здесь?

— Все зависит от тебя. Ты должен успеть обрести свою силу и найти свое оружие, только тогда появится шанс уйти от преследования и вступить на Путь.

— Путь Меча? Никак не пойму, почему нельзя сразу начать с другого Пути — Ума, например.

— Потому что тебя будут стремиться уничтожить всеми средствами, доступными СС, ЧК и магам — помощникам Люцифера, и ты должен выжить, чтобы вступить на синто — Путь Мысли. Самое трудное — выйти на первого Владыку, первого мага. Он поможет дальше.

Никита беззвучно выговорил ругательство.

— Отличная перспектива! Жутко оптимистичная. Тогда следующий вопрос. Ты говорил, что Семеро уже собирались дважды... или трижды? — чтобы справиться с Люцифером, а теперь их надо собирать снова. Но неужели они так долго живут?

Такэда покачал головой.

— Хотя время в Мирах Веера течет по-разному, никто, конечно, в пределах всего Веера не вечен, даже Владыка любого из хронов, но дело в том, что защита Веера — прерогатива молодости! Состарившиеся Владыки, как правило, уходят в такую творческую деятельность, ни цели которой, ни способов ее достижения, ни масштабов нам не понять. А может быть, они вообще уходят из Веера, создают свои вселенные. Никто этого не знает. Точнее, я не осведомлен. Факт, что Семеро каждый раз собирались вновь. Время от времени в Мирах Веера рождаются великие творцы, маги, начинающие с малого, проходящие этапы роста, в том числе и этап борьбы с Денницей.

Такэда улыбнулся, глянув на ошеломленного танцора.

— Все, иди спать. Тебе есть теперь о чем размышлять до утра, хотя я советую сделать это завтра.

Никита послушно направился к себе, но, уже открыв дверь, остановился:

— Толя, а почему его... ну Люцифера... не убили? Это же проще, чем каждый раз потом...

— Молодец, — печально сказал инженер. — Я тоже когда-то задал такой вопрос и получил ответ, над которым размышляю до сих пор: во-первых, мага класса Денницы невозможно ни победить, ни уничтожить, он практически неуязвим. Ни одна из Семерок магов не нашла способа его умертвить. Впрочем, как мне известно, не очень-то они и искали. А во-вторых, смерть не является абсолютно правильным решением. Ты все понял?

— Ни фига! — честно признался Никита.

— Вот иди и думай, созревай.

Уснул Сухов, придя к себе, мгновенно.

Глава 2

Красильников, как и Роман в свое время, тоже был удивлен успехами ученика, вернее, не столько удивлен, сколько озадачен.

— Он схватывает все на лету, — сказал инструктор при встрече с Такэдой. — Так, тренинг «амортизатора»[1] требует не менее полугода занятий, а он овладел им за месяц. Если будет заниматься и расти в том же темпе, через год догонит меня. Но... — Красильников замялся. — Странный он какой-то, неуравновешенный, то бесшабашно веселый, то угрюмый, ожесточенный.

— У него есть на это причины. Просьбу свою о его подстраховке снимаю, он и сам теперь постоит за себя. А вот кэндо уделите как можно больше внимания, это ему пригодится в первую очередь.

— Где это ему пригодится? — нахмурился инструктор.

Такэда неопределенно ткнул пальцем вверх.

— Там, в других сферах. Я не шучу, Иван Григорьевич, но и объяснить внятно не смогу.

— Темните вы что-то, уважаемый Тоява Оямович. Уж не контрразведчика ли будущего вы мне подсунули? Или разведчика? Роман-то в этой организации работает. Впрочем, меня это не касается, тем более что заниматься с таким парнем — одно удовольствие. Не поверите, но он усовершенствовал два приема в комбинациях импоссибл[2]. Творчество — дар необыкновен-

[1] Амортизатор — прием, позволяющий сокращением мышц тушить удар.

[2] Импоссибл — вид приемов из самых неудобных и невозможных положений.

ный, подвластный только избранникам, и ваш Петров далеко пойдет, если будет этот дар развивать и дальше.

Они сидели в комнате наставника на втором этаже здания ЦРБИ и пили чай. Такэда больше молчал, слушая инструктора, и лишь иногда вставлял реплики. Отвечая на последние слова Красильникова, заметил:

— Вы даже не представляете, насколько правы — насчет избранника. Хотя известный философ Даниил Андреев с вами был бы не согласен. Он говорил, что творчество, как и любовь, не есть исключительный дар, ведомый только избранникам. Избранникам ведомы праведность и святость, героизм и мудрость, гениальность и талант.

— Я читал Андреева. С ним можно спорить, потому что в его утверждениях кроются парадоксы, но я не буду. Скажу только, что у Петрова — фамилия небось подставная? — есть и талант, и творческая жилка, а остальное придет. Что касается занятий с мечами, то они впереди. Я не считаю себя великим знатоком кэндо, дам, что смогу, а потом сведу его с одним своим знакомым. Вот он — мастер высшего класса по бою на мечах, владеющий даже «сечей Радогора».

— Годится. Иван Григорьевич, сегодня вы меня не видели и вообще не знаете. Договорились? Так надо. Во-вторых, я снова уеду на некоторое время...

— Понял, подстрахую.

— Нет, дело в другом. Ник... Владимир Петров — не только акробат, но и танцор, причем неординарный.

— Уже видел. Он связался с казино, хотя я и не советовал.

— Спасибо, что вмешались в прошлый раз, я мог бы не успеть. Ему надо бы дать возможность где-то репетировать, танцевать, хотя бы раз в неделю, иначе он затоскует. В каком-нибудь интеллигентном молодежном клубе, но не в заведении типа казино.

— Хорошо, я поищу. И все же было бы лучше, если бы вы рассказали мне о нем побольше. Такое впечатление, что он вспоминает забытое умение боя, а это заставляет меня сомневаться в правильности собственных планов.

— «Когда ты учишь, ты лишь открываешь, что давно уже знаешь»[1], — философски промолвил Такэда. — Это не я сказал. — Встал. — Спасибо за прием.

После встречи с Красильниковым инженер зашел на Главпочтамт и спросил корреспонденцию «до востребования» на имя Кусуноки Мацумото — под этим псевдонимом он и посе-

[1]Ричард Бах, американский социолог.

лился в Хабаровске. Писем не было, но пришла телеграмма из Москвы, от Романа: «Творится странное. Прилетай». Думал Толя недолго. Он знал инструктора давно и не верил, что тот может запаниковать. Уж если он дал телеграмму, значит, действительно не мог разобраться с возникшей проблемой.

Инженер нашел Сухова в ЦРБИ и сообщил, что улетает на неделю. Не дав ему опомниться, поспешил из центра, на ходу предупредив Красильникова об отъезде. Спустя сутки он звонил Роману из аэропорта Быково, а когда тот поднял трубку, сказал только несколько слов:

— Это я. Вариант один подходит?

— Подходит, — глуховатым голосом ответил Роман.

— О'кей.

Для подстраховки Такэда разработал три варианта встреч с Романом. Теперь они виделись в Переделкине, недалеко от писательского Дома творчества, у известного кладбища, где было похоронено немало именитых писателей.

Роман прибыл первым, окинул взглядом инженера, когда тот поднимался по ступенькам на холм. Как всегда в конце ноября, уже выпал снег, было холодно, и одет инструктор был в зеленое финское пальто, в отличие от Такэды, предпочитавшего куртку на меху.

Вечерело. Лицо Романа казалось серым, холодным и страдающим, но голос не изменился.

— Быстро ты добрался.

— Хорошо, что существуют частные авиакомпании.

Они пожали друг другу руки, и Роман кивнул на скамеечку возле одной из огороженных могил.

— Присядем. Я здесь все осмотрел, вроде никого нет.

— Ксению видел?

— Вчера вечером. Как и договаривались, я ее провожаю домой... незаметно. Какие-то типы подходили пару раз, но инцидентов не было. А вот у меня дома... и на работе...

Роман хмыкнул. Он умело контролировал свои чувства, но по некоторой суетливости Такэда видел, что приятель взволнован.

— Сначала позвонили по телефону: «Никита Сухов не у вас? Дайте ему трубочку». Я говорю: девушка, он погиб и давно похоронен...

— Звонила девушка?

— Женский голос, приятный такой, мурлыкающий. Положила трубку. Ни «извините», ни «до свидания». Потом через неделю зашел некто в штатском, представился сотрудником милиции, книжечку показал, все чин чином, и тоже о Сухове: как погиб, когда, где похоронен. Я ответил, а потом спрашиваю: «А в

чем дело?» И ты знаешь, что он ответил? Начал вдруг оглядываться, да с такой изумленной рожей, будто не понимает, где находится и как сюда попал, да и говорит: «Кажется, я заблудился».

— В с е л е н и е, — глухо сказал Такэда.

— Что?

— Ничего, продолжай.

— Ну вот. Через день после прихода этого ненормального на меня с плиты упал бак с кипятком: жена стирала и кипятила белье. Еле увернулся! И ведь точно помню, что стоял он в центре плиты и прочно. А завалился — будто подтолкнул кто. Дальше — больше. Загорелся стол, когда я писал отчет! Ни с чего! Сгорел почти весь, зеленым пламенем. Телефон вдруг начал... стрелять! Звонок. Беру трубку, говорю: «Алло», а динамик в ухе чуть ли не взрывается. От одного такого «выстрела» я оглох на два дня. И это еще не все...

— Короче, Роман.

Инструктор умолк, слегка обидевшись, но пересилил раздражение.

— Длится эта кутерьма уже месяц. Каждый день жду новой каверзы. Хорошо, что это не отражается на жене, она ничего не знает. А позавчера... меня встретили. Вышел из школы, повернул к остановке, а навстречу человек пять, все в пятнистых комбинезонах, без шапок...

Такэда молча встал, потом сел. Роман смотрел на него удивленно, потом неуверенно продолжил:

— Я подумал, что это или омоновцы, или спецгруппа нашего учреждения. Командиры из «высших» соображений вполне могли устроить тренировку, не ставя меня в известность, как уже было один раз. Так и не понял, кто это был. Один из них, настоящий Геракл, подошел и тихо так, но внятно: «Ты работал с Суховым? Больше не вмешивайся. Умрешь». А я ему так же тихо отвечаю: «А пошел бы ты в известном направлении». Он внимательно на меня посмотрел, а взгляд у него — б-р-р! — как у мертвеца, просипел: «Второго предупреждения не будет». И они не спеша удалились.

Такэда выдохнул сквозь стиснутые зубы, отвернулся.

— Может быть, тебе уехать на время?

Роман повернул его к себе.

— Что все это означает, Толя? Какие секреты вы с Суховым скрываете? За что вас преследуют и кто?

— Длинная история... Да и ни к чему тебе знать все, Рома. Не обижайся. Сухов в опасности, а от него очень многое зависит в будущем, очень многое. Если не все.

— Кто он? Сверхсекретный агент? Террорист? Главарь мафии, укравший миллиард и скрывающийся от своих?

— Не гадай, Рома, он... скажем так, Тэнгу, сказочный герой, вынужденный до поры до времени скрываться и копить силы.

— Темно. Мне было бы легче, если бы ты кое-что рассказал.

— Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Эти «омоновцы» — боевики СС, и они не отстанут, пока не найдут Сухова. Ах, наму-мехо-рэнгэке! Я думал, что у нас больше времени...

— Что еще за СС?

— «Свита Сатаны». Их задача — нейтрализовать Посланника... э-э... в общем, уничтожить Сухова.

Роман покачал головой.

— Веселенькое дельце. — Помолчал. — Как дела у Никиты?

— Нормально, Красильников доволен. Но времени у него на серьезную подготовку мало, в конце концов СС выйдут на след. Рома, не связывайся с этими... «омоновцами», если они встретят еще раз, даже тебе с ними не справиться. Если уж такое случится, скажешь им, что мы уехали на Дальний Восток, это даст нам еще пару месяцев форы. Договорились?

— Посмотрим.

— А за Ксенией понаблюдай еще некоторое время. Она предупреждена, но подстраховка не помешает. Хотя, опять же, если и на нее выйдут люди «свиты»...

— Понял, не беспокойся, я приму кое-какие меры.

Такэда молча сжал плечо инструктора.

Расстались они через полчаса, не заметив и не встретив ни одного человека. Стемнело. Тучи заволокли небосвод, и пошел мелкий снег.

В Хабаровск Такэда вернулся через трое суток, предварительно повидав Ксению — с такими же предосторожностями, как и при встрече с Романом, — и посетив кое-какие учреждения для пополнения информации. Очень недоставало выхода в компьютерную сеть, вот и приходилось изворачиваться.

Поиски Книги Бездн не то чтобы зашли в тупик, но не дали ощутимых результатов. Такэда объехал все древние монастыри, церкви и пустыни, как действующие, так и заброшенные, разрушенные, хоть как-то упоминаемые легендами в предполагаемом пути Книги по Руси, однако ни в одном не нашел достаточно реального, достоверного следа, за который можно было бы уцепиться. Оставался единственный шанс — Сухарева башня. Надо было либо вскрывать асфальт, под которым покоился фундамент башни, и попытаться разобрать фундамент, что было практически невыполнимо, либо искать свидетелей взрыва башни, могущих помнить какие-нибудь необычные факты. Этим поиском и занимался инженер в последнее время, используя свои старые связи и каналы госбезопасности, нащупанные им с помощью компьютера.

Конечно, он искал выход в Веер и другим способом, не через Книгу Бездн, — с помощью хрустальной пепельницы в форме бабочки — рации, имеющей связь с информационной службой Собора. Толя упорно клал в нее записки с вопросом: где вход? Но ответа пока не получил.

Из свидетелей, оставшихся в живых в обширном списке всех причастных к акту вандализма — разрушению Сухаревки, он обнаружил четверых, причем один из них непосредственно участвовал в подготовке и проведении взрыва, но возраст их не позволял надеяться на успех: самому младшему исполнилось девяносто шесть лет, а старший дышал на ладан, неизвестно как ухитрившись дожить до ста с лишним. Этим старшим и был взрывник — Кирилл Мефодиевич Неплюев, живший в настоящий момент в поселке Грозодухово, в ста сорока километрах от Хабаровска. Визит к нему Такэда наметил нанести вместе с Суховым, тем более что по пути можно было показать танцору одну интересную вещь — «прогиб Мира».

Никита был рад и возвращению друга, и возможности отвлечься, сменить обстановку. Однако у него появились сомнения, и он честно высказал их вслух:

— По-моему, искать твою Книгу Бездн — почище, чем искать иголку в стогу сена.

— Ты был бы прав, если бы речь шла о книге обычной, — возразил Такэда. — Но Книга Бездн — не книга вовсе, это свод магических формул и сведений, закодированных неизвестным способом, нечто вроде генетически запрограммированного зародыша, информационной программы, готовой открыться только магу.

— Но ты же говорил, что эта Книга... и она связана Страшным Проклятием на десять тысяч лет...

— Язык человеческий беден для адекватного отражения свойств Книги, и, говоря о Страшном Проклятии, я подразумевал команду маскировки, а также защиты Книги, которую подал ее последний владелец. И пришла эта книга к нам, очевидно, из другого хрона, где законы физики несколько иные и допускают магические преобразования. Но и будучи у нас, эта Книга натворила дел, изменяя вариабельность бытия и стабильность материальных основ.

— Жуть! — вполне искренне сказал Сухов. — Я ничего такого не предполагал. Есть над чем задуматься.

— Тебе еще придется поломать голову всерьез, отдыхай, пока Книгой занимаюсь я.

Сухов откинул спинку сиденья и закрыл глаза.

Чтобы лишний раз перестраховаться, он по совету (по сути — приказу) Такэды уволился из казино, сказав, что уезжает

во Владивосток. Красильников уже на следующий день после разговора с Толей нашел молодежный клуб, где танцор мог бы показать свое умение, но Никита решил не спешить с «гастролями», пока тяга к танцу не станет непреодолимой. Он еще не оценил по достоинству все сделанное для него Тоявой, но чувствовал, что давно был бы на том свете, не будь рядом инженера.

В Грозодухово можно было добраться самолетом, поездом или автобусом, но путешественники решили отправиться на автобусе, договорившись действовать по обстоятельствам.

Выехали в девятом часу утра, приодевшись потеплей: зимние холода наступили еще в начале ноября и держались на уровне минус пятнадцати-двадцати градусов. Пока автобус выбирался по заснеженным улицам города на шоссе Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре, молчали. Потом Никита, одетый в такую же куртку, что и Такэда, с капюшоном и пуховой подбивкой, только серого цвета, высвободил подбородок из пухового белого шарфа:

— Не спишь?

Инженер приоткрыл один глаз, не отвечая.

— Ты хорошо знаешь Красильникова?

Ни звука в ответ. Это означало, что Толя подтвердил его догадку. Никита давно привык к манере его разговора и знал, когда можно продолжать беседу, когда нет.

— Это правда, что Иван может вести бой с меняющимся противником двое суток подряд?

— Правда. Он может и больше, я его пределов не знаю. В истории единоборств такие примеры уже были. Мастер кекусинкай карате Масутацу Ояма вел бой с меняющимся противником в течение трех суток и победил сто человек.

— Ничего себе!

— Ты тоже сможешь, если захочешь.

— Я хочу.

Такэда промолчал. Некоторое время ехали погруженные каждый в свои думы. Сухов перевел разговор на другую, более интересующую его тему.

— Допустим, я дойду до нужной кондиции и начну Путь. Каким образом я отыщу нужных людей? Я имею в виду магов. Ведь Миров много. На Земле — и то непросто найти нужного человека, а тут — огромное количество вселенных! Не планет, не звездных систем — вселенных!

— Во-первых, Миры Веера в некотором смысле напоминают жесткие пластины веера-прообраза, так как время в одном из них течет «под углом» ко времени в другом, а хроноскважины, соединяющие их, жестко привязаны к одному моменту в каждом. И не только к моменту, но и пространственно — к точке с

координатами, соответствующими положению Земли — в нашем хроне, и другим обитаемым планетам-двойникам — в других хронах. Во-вторых, искать мы будем не просто людей, а Владык-магов, которых легко выделить из толпы и вообще в пространстве по их ауре, то есть по так называемой магауре. Каждый из них излучает в «магическом диапазоне» — это целый набор био-, пси-, электромагнитных и еще неизвестных нам волн.

— Более или менее понятно. Однако я не обладаю способностью видеть эту... магауру.

— На первом этапе придется обходиться кое-какими... локаторами, приборами, одним словом, если говорить нашим языком, хотя на самом деле это нечто вроде магических вещей из волшебных сказок.

— Типа волшебной палочки и сапог-скороходов?

— Не ерничай, ты угодил в самую точку.

— И где же мы их найдем, в каком сундуке?

Такэда заворочался, полез в нагрудный карман куртки и достал стеклянную или, скорее, хрустальную вещицу величиной с ладонь в виде крылышка бабочки в серебряной оправе. Открыл — пусто.

— Портсигар, что ли? — спросил Никита.

— Рация. Точнее — М-передатчик и еще что-то, о чем я не имею ни малейшего представления. Мне его вручил ангел после посвящения.

— Кто?!

— А-а... разве ты не знаешь, что ангел с греческого — вестник?

— В греческом не силен. Ну и что дальше? Как эта штука работает?

— Я передаю с ее помощью информацию в те Миры, где ждут мои сообщения. Надиктовываю кассету, кладу сюда, закрываю, и... кассета исчезает. Правда, ответа дождался за все это время только один раз, когда меня предупредили, чтобы я ждал Вестника. — Такэда спрятал портсигар-пепельницу. — Это было в тот день, когда ты наткнулся на мальчиков СС.

— Все? У тебя больше ничего нет? — В голосе Сухова послышалось разочарование. — А где волшебная палочка?

— Палочки нет. — Такэда вытянул левую руку, растопырил пальцы: на среднем был надет перстень из голубовато-сизого металла с невзрачным мутно-черным камешком. — М-индикатор. Может засечь и «наших» магов, и «чужих», в том числе функционеров СС и ЧК. На первое время сгодятся они, а потом...

Молчание длилось больше трех минут, так что Никита не выдержал:

— Что потом?

— А потом должна заговорить Весть. — Такэда кивком показал на плечо танцора.

— А если не заговорит?

— В таком случае ты не тот человек, который может пройти Путь. Но ведь она уже подавала сигналы?

Никита, вспомнив свои ощущения, когда он нечаянно задел «родинку»-звезду, помрачнел.

— Подавала... как дубиной по голове!

— Ничего, значит, не безнадежен. Но если она заговорит, у тебя появится шанс самому стать магом. Весть может разбудить резервы твоей психики, экстравозможности, глубокую родовую память, только понравься ей.

Никита хмыкнул, искоса глянул на неподвижно-спокойное лицо друга. Хотел произнести фразу: «Легко сказать — понравься...» — но передумал. Вместо этого пробормотал:

— Как во сне все это! — Виновато шмыгнул носом. — Не то чтобы не верю, но...

— Понимаю, — кивнул Такэда. — Пусть будет все, что будет. Выкарабкаемся.

Никита вдруг успокоился, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и не заметил, как заснул.

Квартиру Неплюева удалось найти почти сразу, жил он в центре Грозодухова, в новой девятиэтажке. Жил — в прошедшем времени. Потому что нежданные гости прибыли прямо на похороны: Кирилл Мефодиевич Неплюев, бывший сапер, бывший минер, бывший рядовой штрафбата, заключенный, конюх, скотник, бригадир, партработник, пенсионер, умер на сто шестом году жизни. Прибывшие потолкались в толпе родственников и знакомых покойного, побывали в квартире, поглазели на гроб, в котором лежал Неплюев — высохший, как скелет, вышли во двор, где уже готовились к траурной процессии. Такэда остановил пожилого мужчину с белой повязкой на рукаве:

— От чего он умер, отец?

Мужчина снял шапку, вытер вспотевшую лысину, снова надел шапку.

— Несчастный случай — лифт оборвался. Жил бы еще да жил. С ним вообще в последнее время творились чудеса: то в ванной кипяток пойдет — чуть не сварился, то стул под ним рассыплется, то зацепится за что — упадет. А позавчера газ на кухне взорвался.

— Семеныч, — окликнули мужчину. Тот кивнул и отошел.

Друзья переглянулись.

— Все это сильно смахивает... — начал Сухов.

— На внедрение, — закончил Такэда. — Кто-то очень не хочет, чтобы Книга Бездн была найдена. А это значит, что она не пропала бесследно, существует и находится где-то на Земле. Неплюев наверняка кое-что знал об этом. История сохранила легенду о «чудесах», творившихся во время уничтожения Сухаревой башни. Буду продолжать поиски. Правда, свои возможности я почти исчерпал.

Они вышли со двора и побрели к остановке автобуса.

— А почему бы тебе не спросить у т е х, кто принимает твою информацию, где находится вход в... м-м... в хроноскважину? — вслух подумал Никита.

— Сто раз спрашивал, не отвечают. Может быть, считают, что еще не время, может, надеются, что мы отыщем сами.

Сухов хмыкнул и замолчал.

На автовокзале они перекусили в буфете, подошли к расписанию.

— Куда теперь?

— Домой. По пути я тебе кое-что пóкажу.

Не доезжая до Хабаровска километров тридцать, сошли во время остановки в маленьком поселке со смешным названием Тревердень.

— Прогуляемся, пока не стемнело. Уедем следующим рейсом. — Такэда повел танцора по накатанной дороге в обход поселка, к сопкам. Удивленный Сухов только головой покачал, не понимая, зачем и куда они идут.

Дорога, по которой изредка проплывали грузовые «КрАЗы», нырнула в елово-пихтовый лес, потом поднялась на сопку, и Такэда сошел с нее, направляясь по целине в просвет между расступившимся дубняком. Через несколько минут выбрались к обрыву: сопка здесь оголяла вертикальную стену, падавшую в долину, которую заполняла лиственничная марь. В конце долины возвышалась странной формы сопка, даже не сопка — каменный горб, голый, в редких куртинах низкого кустарника, с крутыми боками.

Такэда кивнул на этот горб.

— Видишь?

Никита еще раз оглядел сопку.

— Скала как скала... форма, конечно, интересная...

Очертаниями сопка напоминала не то буйвола, уткнувшего морду в землю, не то медведя, закрывшего лапами голову.

— Это убу-гами, дословно с японского — «священное тело Бога». На самом деле — это прогиб нашего хрона, реальный след, вернее, отражение в нашем мире былой войны сил Света и Тьмы, Владык и воинства Люцифера. Война шла, конечно, за много хронов от нашего, но колебания Миров Веера были столь

значительными, что в каждом хроне рождались отражения реально существовавших магов, демонов и их слуг. В данном случае эта скала — отражение кентавроподобного монстра, «коня», созданного Денницей для магов, помогавших ему. Таких скал на Земле я знаю четыре: Медведь — так зовут эту сопку здесь, остров Петрова в Японском море, гора Айерс-Рок в Австралии и Ай-Петри в Крыму.

Сухов снял перчатку, зачерпнул ладонью снег, пожевал.

— Впечатление достаточно мрачное. А он не оживет?

— Я же сказал — это отражение, подчиняющееся лишь принципу формы. Где-то в других хронах оно постепенно уплотняется, приобретает и другие свойства, пока не становится идентичным самому «коню». Мертвому, конечно. Хотя при определенных обстоятельствах он может и ожить. Останки этих монстров могут сохраняться чуть ли не вечность.

Никита приставил ладонь ко лбу козырьком.

— Представляю... — Поежился. — Пошли отсюда, зябко. Или ты хотел дойти до сопки?

— Можно было бы и дойти, но лучше этого не делать. — Такэда первым зашагал обратно, потом остановился, протянул Сухову перстень, внутри которого пульсировал алый чертик. — Видишь? Здесь пространство нашего хрона прогибается, индикатор чувствует это. Возможно, именно в таких местах и прячется вход в хроноскважину, соединяющую миры.

В Хабаровск они приехали поздним вечером, а в комнате Сухова их ждала Ксения.

Глава 3

Художница пробыла в гостях три дня, успев понравиться хозяевам, вызвав у Сухова душевный подъем и заставив Такэду здорово понервничать. Виду он не показал, хотя окончательно понял, что его надежды на семейную жизнь с этой девушкой — он любил ее давно — рухнули с приездом Ксении в Хабаровск. Приехала она сюда не ради него, а ради Никиты, слегка обалдевшего от свалившегося счастья. Правда, тень идеала, который создала Ксения не без влияния Такэды, все еще стояла между ней и танцором.

Неизвестно, дала ли она почувствовать это Сухову, но после ее отъезда он с такой яростной энергией продолжил тренировки, что удивил даже инженера, с которым все чаще проводил спарринг.

Красильников сдержал слово и познакомил Никиту с мастером фехтования, который несколько лет назад основал Ассо-

циацию профессионалов риска (АПР). Мастера звали Виктором Борисовичем Зленским, шел ему сорок шестой год, он и выглядел на все свои сорок шесть, если не больше — огромный рыжий детина, широкий, пузатый, с руками-лопатами, заросший бородой чуть ли не до глаз, — но в бою он преображался, прибавляя к гигантской силе невиданную гибкость, ловкость и грацию барса. Никиту он поразил тем, что мог вести бой с завязанными глазами, хотя чудом было уже и владение всеми видами холодного оружия — от кинжала и шпаги до сабли и меча. Клинок казался естественным продолжением его руки.

Никита начал уставать, хотя и не признавался никому, упорно уделяя тренировкам по двенадцать часов в день. Однако Такэда не стал требовать сокращения объема тренировок, интуитивно чувствуя, что их свободе вот-вот придет конец. В конце ноября он снова уехал, строго-настрого приказав Сухову соблюдать все меры предосторожности и быть готовым к появлению эффектов в н е д р е н и я, или в с е л е н и я.

Сухов, слегка осунувшийся и побледневший в последнее время, только кивнул. Сомнения в целесообразности их действий охватили его с новой силой, хотелось бросить тренировки ко всем чертям, рвануть в Москву и зажить нормальной человеческой жизнью. Но в глубине души он понимал, что будет выглядеть предателем в глазах Такэды и слабаком в глазах Ксении. Стиснув зубы, он продолжал заниматься у Красильникова и Зленского, возвращаясь домой к ночи, а уходя из дома ранним утром.

И все же, несмотря на все ухищрения и осторожное поведение, в субботу четвертого декабря произошел инцидент в булочной, пробудивший знакомое ощущение подглядывания и преследования.

Булочная находилась недалеко от дома, в одноэтажном здании, и Никита обычно перед обедом забегал в нее, брал батон белого и лепешку черного хлеба — на день хватало и ему, и старикам. Иногда случались перебои со снабжением, тогда возникала очередь, как и на этот раз. Сухов сначала заколебался — стоять ли, но потом все-таки занял очередь, подумав, что хозяевам будет нелегко тащиться по морозу и выстаивать полчаса-час.

В этот момент в булочную ввалилась компания молодчиков лет по восемнадцать-двадцать, человек пять. Не обращая внимания на возмущенных людей, отпуская шутки, огрызаясь, они бесцеремонно растолкали толпу у прилавка, взяли по два батона и подошли к кассе. У Никиты вспотели ладони от желания одернуть грубиянов, но он помнил наказ Толи и сдержался. Однако события продолжали развиваться по нарастающей.

Проходя мимо кассы, первый с хохотом указал на приятеля:

— Он заплатит.

Тот в свою очередь передал эстафету следующему, потом третьему и четвертому, а пятый, вывернув карманы, сказав, что забыл деньги дома и сейчас принесет, попытался миновать кассу, но молоденькая кассирша, пытавшаяся увещевать хулиганов, вцепилась в его рукав со слезами:

— Платите сейчас же! Что же это делается? Мужчины, помогите...

В очереди поднялся ропот — осуждали юнцов в основном пожилые женщины да старушки, но мужчины молчали. Никита вышел из толпы и преградил путь упивавшемуся собственной смелостью и находчивостью парню, который оторвал от себя руки кассирши и собирался последовать за друзьями.

— Плати.

Четверо у двери перестали бросать издевательские реплики, очередь притихла, юнец с батонами захлопал ресницами.

— Ты чо, кореш? Чо тебе надо? Ты еще не понял? Откуда у нас такие деньги?

— Плати, — шепотом повторил Сухов. Не поворачивая головы, бросил остальным: — Мальчики, у нас проблема — надо заплатить за хлеб. Девушка ждет.

— Ах ты... морда! — прорезался голос у парня, одетого, как и приятели, в меховую шубу, но без шапки. — А ну вали отсюда, пока не...

Никита точным движением взял его за ухо и едва не приподнял, так что тот взвыл не своим голосом, пытаясь освободиться.

— Ой-ой-ой! Отпусти, амбал, убью! Отпусти-и-и...

Сухов отобрал батоны, передал кассирше, повернулся к остальным, продолжая держать извивающегося, не оставлявшего попытки достать его ногой юнца за ухо.

— Мальчики, или платите, или кладите хлеб обратно, а то я вас сильно огорчу.

Двое было двинулись с батонами обратно, но у черноволосого, со шрамом на губе вожака проснулась «гордость». Он бросил батоны на пол и вынул нож. Его телохранитель щелкнул вторым. Очередь подалась назад, закричали женщины. Никита кивнул на рыдавшего от боли и злости «заложника»:

— Не жалко? Я ему ухо оторву.

Вожак заколебался, потом сделал жест друзьям — уходим, мол.

Сверкнул глазами:

— Ну погоди, паскуда, мы тебя встретим!

Компания удалилась с шумом и бранью, едва не сорвав дверь с петель. Кассирша лепетала слова благодарности, вытирая слезы, очередь шумела, восхищалась, осуждала и спорила. Никита

взял хлеб и вышел из булочной. Компания ждала его у соседнего дома. Сухов направился прямо к ней, чувствуя, как напряглись мышцы живота и в звезде на плече запульсировало холодное пламя. И столько в его решительной походке было целеустремленной ярости, что пятеро не отважились затевать драку, поспешили перейти на другую сторону улицы.

Опомнился Никита только у ворот дома. Прислушался к ощущениям: плечо дергала тонкая, как укол ледяного шприца, боль. Звезда пыталась языком боли что-то сказать своему владельцу, но тот ее не понимал. В Хабаровске она заговорила впервые.

Как ни берегся Сухов, как ни осторожничал, все же во время тренировок не раз получал удары по плечу с пятном Вести, однако она на это никак не реагировала, словно понимая, что «беспокоят» ее случайно, не целенаправленно. И вот Весть проснулась, проснулась в тот момент, когда Сухову понадобилась концентрация психической энергии и воли. Не это ли шаг к диалогу? Нельзя ли попытаться воздействовать на нее предельным напряжением сил и мысленного приказа?

Никита даже остановился, оценив идею, но по зрелом размышлении решил повременить с экспериментом. Риск был велик, и следовало застраховаться от неожиданностей: подождать Толю и разбудить звезду под его наблюдением.

Федор Полуянович был дома один, сказав, что жена ушла к соседке: они дружили семьями уже лет десять. Полюбопытствовал:

— Володя, мы тут со старухой гадаем: вы террористы или спортсмены? Если первые — значит, готовитесь что-то взорвать в Хабаровске, хотя ума не приложу, что у нас можно взрывать, кроме казино «Бомонд». Если спортсмены — значит, тренируетесь к чемпионату мира по каратэ.

— Террористы, — улыбнулся Никита.

Федор Полуянович улыбнулся в ответ. Постояльцев своих он уже знал достаточно хорошо, чтобы составить о них свое мнение, но любопытства все же пересилить не мог.

— То-то я вижу, вы какие-то странные приемы изучаете... А серьезно, Володя?

— Долго объяснять, дядя Федя. — Сухов разделся и прошел в свою комнату. — Вообще-то я акробат, а борьба — это хобби.

Федор Полуянович с уважением посмотрел на атлетическую фигуру постояльца.

— Да, мышцы накачаны не по-борцовски. А ваш друг сказал, что вы танцор.

— И это правда — танцевал в балете. — Никита пригласил хозяина в комнату. — Проходите, дядя Федя.

— Да нет, это я со скуки, — замахал руками Федор Полуянович. — Надоело с книгой на диване валяться. А ваш друг кто?

— Инженер, электронщик.

Хозяин поцокал языком.

— Я думал — художник. Встанет иногда и по часу картины мои разглядывает. Или вот давеча на снег смотрел.

— Это в традициях япон... — Сухов остановился. Не то чтобы он побоялся проговориться, хотя они с Такэдой и решили поменьше говорить о себе, но вопросы Ивлева вдруг перестали ему нравиться. Вспомнился термин Толи — вселение. Уж не вселился ли в старика кто-нибудь из тех, из группы СС? Впрочем, ерунда. Старик действительно заскучал.

— Созерцание картин требует ума и вкуса, — добавил Никита, искусно меняя тему разговора. «Как танец», — добавил он мысленно.

— Да это уж конечно, — пробормотал Федор Полуянович. — Извините, что напал так сразу, с порога. В шахматишки не перекинемся?

— С удовольствием. — Никита собирался лечь спать пораньше, но отказать старику не решился. В зеркале прихожей отразилась его физиономия, и танцор задержал на ней взгляд. Твердые губы, сосредоточенный взгляд — лицо человека озабоченного и сильного. Надо же, как изменили его обстоятельства!

Отражение вдруг заколебалось, кивнуло и снова успокоилось. Никита даже глаза вытаращил, потом качнул головой — привиделось. Но заноза в душе осталась: подсознание сработало не зря, что-то изменилось в окружающем мире, сдвинулись невидимые колеса судьбы, и над будущим Сухова нависла тень...

Несколько дней он старался никуда в свободное время не ходить, даже в магазины, — проверял надежность своих ощущений. И, как оказалось, не напрасно.

Сначала в дом Ивлевых заявился некий незнакомец, представившийся другом Сухова. Поскольку танцор остановился у Ивлевых под именем Петрова, Федор Полуянович ответил, что Суховых у них отродясь не проживало, и в свою очередь осведомился, с кем имеет дело.

Мужчина — лет под пятьдесят — вдруг сделал вид, что не понимает, как сюда попал, начал озираться с изумленным видом, бормотать что-то насчет головной боли и, извинившись десяток раз, ушел в полной растерянности. Федор Полуянович передал Сухову этот разговор в лицах, с юмором, и Никита даже посмеялся вместе с ним, хотя в душе у него все сжалось. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы определить вселение.

Функционеры СС вышли на Хабаровск, а это означало, что они не поверили в гибель танцора и его друга и включили свои поисковые системы.

Стиснув зубы, Никита продолжал ходить на тренировки, утроил осторожность, заставил работать интуицию и нервную систему сверх нормы. И — о чудо! — утомляться он стал меньше. Словно сами собой подключились резервы организма, при обычной жизни дремлющие в не поддающихся сознательному управлению «аккумуляторах».

Ни молодежных шаек, ни бандитских групп, ни профессионалов преступного мира, работающих в одиночку, Сухов уже не боялся, поверив в свои силы, может быть, чересчур рано и с изрядной долей самоуверенности. Но, тем не менее, эта уверенность отразилась и в его облике: фигура танцора стала внушать уважение, скрытую силу, так что многие инциденты удавалось тушить просто взглядом. Преобразилась и его походка. Если раньше он ходил, как танцор и гимнаст, чуть ли не на пуантах, привыкнув к мелкому шагу с вытянутым вперед носком, то теперь шаг его стал широк, стремителен, упруг и гибок, так что даже по снегу он шел почти бесшумно и ловко, словно собираясь в любой момент сделать прыжок.

Второй «звонок» прозвучал в четверг, двадцать девятого ноября, когда Сухов возвращался поздно вечером из АПР, где занимался фехтованием под руководством Зленского. Автобус шестого маршрута был почти пуст, ехало всего человек шесть: две женщины, старик, пара — юноша и девушка и сам Сухов. И вот в автобус ввалилась веселая компания парней — танцор насчитал восемь душ — и согнала с передних сидений женщин, предложив и парочке поискать другие места.

Парень не стал рисковать, встал, чтобы пересесть, но кто-то из компании толкнул девушку на сиденье.

— А она посидит с нами.

Драка началась мгновенно и так же мгновенно закончилась: парню врезали по затылку дубинкой, и он упал. Девушка закричала, бросилась к нему, но ее схватили и силой усадили на место, со смехом пригрозив:

— Сиди, не то и тебе достанется. Полежит и очухается, нечка кулаками-то махать.

И в этот момент и вмешался Сухов:

— Отпустите их.

— А ты кто такой? — огрызнулся тот, что был с резиновой милицейской дубинкой. — Родственник? Или переодетый омоновец?

Никита молча подошел к лежащему ничком парню, потро-

гал затылок под шапкой, контролируя боковым зрением все движения группы, выпрямился.

— Вы же ему чуть голову не проломили, шутники.

Он действовал так уверенно и спокойно, что это подействовало на ребят отрезвляюще, и все закончилось бы хорошо, если бы не девица, приятельница лежащего без сознания юноши. Она сорвалась с места и бросилась с кулаками на парня с дубинкой:

— Гад! Убийца! Подонок! Ты его убил...

Дубинка поднялась и опустилась, Никита не успел перехватить удар, так как не верил, что кто-то может ударить девушку. Та упала, замолчав на полуслове.

— Ты тоже хочешь получить? — хрипло сказал парень, крутанув дубинку в руке. Было видно, что он владеет ею вполне профессионально.

— Подонок, — сказал Сухов одними губами и выхватил из сумки за плечами бамбуковую палку, которую использовал на тренировках в качестве меча.

Компания бросилась на него вся разом... и откатилась с воплями. Двое получили удары по рукам, еще двое — по лицу. И лишь парень с дубинкой остался на ногах, отбив удар. Оскалив зубы, он стоял в позиции защиты и медленно вращал дубинку. Глаза его светились.

Сухов вздрогнул, встретив этот горящий взгляд. Вспомнился вожак «десантников» СС в парке: у того тоже был такой взгляд — полный угрозы и силы. Неужели это «свита Сатаны»?! Не похоже, хлипки больно. Скорее снова в с е л е н и е. Но тогда как точно выбран момент!

Парень прыгнул вперед, дубинка в его руке превратилась в черный веер, Никита с трудом парировал несколько быстрых и точных выпадов, понимая, что в мастерстве фехтования уступает этому дьяволу с глазами убийцы. И в это время водитель автобуса решил вмешаться в схватку. Он резко затормозил, так что вся компания попадала между сиденьями и в проходе, и выскочил из кабины с монтировкой в руках.

— А ну прекратите! Головы посшибаю!

И сорвиголовы прекратили бузу. Глаза вооруженного дубинкой погасли, он схватился за голову, с недоумением глянул вокруг, но его потянули за рукав, и компания сунулась к выходу. Никита со вздохом облегчения опустил свой бамбуковый «меч», только теперь ощутив боль в местах, где по телу прошлась дубинка в с е л ё н н о г о.

— Спасибо вам, — проговорил юноша, держась за голову. Девушка помогла ему подняться, хотя ей досталось не меньше,

бросила благодарный взгляд на спасителя. Набросилась на приятеля:

— Говорила, давай останемся, нет же, не послушался, пока голову не проломили. Это те телохранители Дадуева, не понял, что ли? Я узнала двоих, а тот, с дубинкой, и вообще милиционер, тоже с ними...

Они сошли.

Напряжение спало.

— Спасибо и вам, — пробормотал Сухов водителю.

— Не за что, — ответил тот, мордастый, несимпатичный с виду. — Мы делаем одно дело.

Сухов доехал до своей остановки, сошел и долго смотрел вслед автобусу, вспоминая лицо и тон водителя, с которым тот говорил: «Мы делаем одно дело». Кто же это был?

Еще с полчаса Никита смотрел на звезды, ни о чем особом не думая, пока не созрела догадка: их нашли!

Такэда приехал второго декабря, похудевший и усталый, но все такой же невозмутимый и обманчиво флегматичный. Однако, узнав о стычках танцора с неизвестными «бандформированиями», помрачнел.

— Они запустили ЦРУ.

Никита невольно усмехнулся, переодеваясь после душа; Толя нашел его в раздевалке ЦРБИ после тренировки.

— Ну и зверинец! Сплошной фашизм: СС, ЧК, СД, теперь ЦРУ. Что еще нас ожидает?

— ЦРУ — это почти то же самое, что и ЦРУ в Штатах: Центральное разведуправление, то есть система разведки и слежки. Подручные Денницы запускают ее в потенциально опасных для них хронах, чтобы выяснить количество магов. В нашем хроне ЦРУ до сих пор не работало, Земля не считалась опасной для замыслов Люцифера, скорее наоборот. В общем, меченый, пора уходить отсюда.

Никита застыл, вдев руки в рукава рубашки.

— Куда уходить? На Луну, что ли? Ты серьезно?

— Нет, пошутил.

— Только-только начало что-то получаться — и снова в бега... Может быть, обойдется?

— Не обойдется, Кит. И ты еще не готов.

Никита оделся, и они вышли на улицу. Было два часа дня, но казалось, будто уже наступил вечер: серая пелена туч опустилась на город, не пропуская солнечный свет. Мело. Редкие прохожие торопились по своим делам, и никто не обращал внимания на друзей.

— Где был на сей раз?

— Где меня не ждали, — туманно ответил Такэда. — В том числе и в Москве.

— Ксению видел?!

— Нет... нельзя было, за ней тоже пущено ЦРУ, так что я не рискнул связываться с ней. Поискал Книгу Бездн и смылся.

Никита погас.

— Ты уверен, что она существует? А если мы ее все равно не найдем?

— Я уже говорил о вариантах. Один из них — первыми напасть на след СС и выяснить, как они попадают в наш хрон. Конечно, лучше бы найти Книгу, риска в сотни раз меньше.

Пару остановок решили пройти пешком, поговорить без свидетелей, а потом зайти в кафе пообедать.

— И все-таки, как она выглядит, Книга? Ты что-то говорил, но я не понял.

— Она может выглядеть как угодно: книгой, кассетой, кристаллом, камнем, любым предметом. Главное, что она содержит информацию о входе в хроноскважину. — Такэда помолчал. — И не только о входе. Но не каждый сможет ее прочитать. Есть мнение, что Книга за время скитаний по Земле потеряла большую часть информации, рассеялась по другим книгам черной магии.

Никита хмыкнул.

— Тогда зачем ты ее ищешь?

— Потому что у меня другое мнение. Я думаю, что срок в десять тысяч лет, на который она была заколдована «страшным проклятием», уже истек, и Книга начала свободное хождение, расшатывая стабильность нашего хрона. Где она появляется — начинаются национал-фашистские конфликты, войны, геноцид, массовые болезни, разгул терроризма и бандитизма, низменных страстей и религиозного фанатизма. К сожалению, я не успел закончить всесторонний компьютерный анализ, но кое-что посчитал: Книга сейчас находится у нас, на территории Лиги, а точнее — или на границе Афганистан — Таджикистан, или в Карабахе, там снова неспокойно, или в Чечне. И путь по бывшему СССР она прошла быстро: начала с Москвы, через страны Балтии и Югославию пришла в Молдову, потом в Абхазию, Карабах, Грузию, Таджикистан. Вероятнее всего, там она и застряла.

Никита скептически скривил губы.

— Это не более чем твои предположения. Не может же Книга передвигаться сама.

— Кто знает, — пожал плечами Такэда. — Может быть, у нее есть владелец, а может, она способна передвигаться.

Сухов от неожиданности поскользнулся, но, сделав пируэт, удержался от падения.

— Шутишь!

— Если бы.

Кафе называлось «Веселый Роджер», и кормили здесь прилично. Никита съел харчо и отбивные, Такэда буай-бесс[1] и жареную рыбу. За столом разговаривали мало, больше смотрели за входящими посетителями. Одеваясь, Сухов спросил:

— Что, прямо сейчас и поедем?

— Дня через два.

— А может, отобьемся?

Инженер поднял на друга скептический взгляд.

— Чем, бамбуковыми мечами? Тебе повезло в автобусе, что в с е л ё н н ы й имел при себе лишь дубинку, а не настоящий меч или пистолет. Применил бы не задумываясь.

Никита зябко передернул плечами.

— Таких инструкторов, как Иван, мы уже не найдем. Зленский вообще уникум. Видел бы ты, что он делает с холодным оружием! Он владеет всем, что колет, режет или рубит, не говоря о мечах и саблях.

— Тут ты, к сожалению, прав, Зленского я тебе не заменю. «Сечей Радогора» владеет только он. Придется просить его дать на время свод приемов и правил, отреставрированных и доработанных еще его учителем — историком Бельцовым. Кстати, тоже великим фехтовальщиком. Но Зленский его превзошел. Он уже определил параметры твоего личного меча?

— Нет... не знаю... мне он ничего не говорил. Что за параметры? И что такое «сеча Радогора»? Слышу второй раз.

— Вечером расскажу. Я пошел по делам, а ты поглядывай по сторонам, не расслабляйся. ЦРУ не ошибается дважды.

Такэда заявился домой в двенадцатом часу ночи, и Никита едва сдержал нетерпение, чтобы не атаковать инженера вопросами с порога.

Обстоятельный Такэда хотя и заметил горящий в глазах танцора огонь любопытства, но к беседе приступил, лишь приведя себя в порядок и насладившись горячим чаем с малиновым вареньем, которым угостила их хозяйка. Переодевшись в халат, инженер налил себе еще чаю и с чашкой уселся в кресле, рядом с торшером.

— Давно такого кайфа не испытывал! — Покосился на уст-

[1]Рыбный суп.

роившегося рядом Сухова. — Как плечо? Все по-прежнему? — Он имел в виду звезду.

Никита выпростал из-под халата руку. Пятиконечная «родинка» Вести переместилась на самый верх плеча, «съев» три из четырех родинок в форме цифры семь. На ее фоне семерки стали зеленоватыми, еле заметными и походили больше на девятки. Такэда покачал головой, задумываясь о своем.

— Что, плохо? — поинтересовался Никита.

— Как тебе сказать... Весть словно намекает на что-то. Видишь, семерки твои вроде бы уже не семерки, а девятки. А цифра девять, по Пифагору, — не только символ высокого знания, но и символ равнодушия. Если звезда накроет и четвертую родинку, последствия могут быть самыми плачевными.

— Для кого?

— Для тебя... меня... для всех. Человеку, отмеченному четырьмя девятками, откроется истина, но сам он при этом станет немилосердным, жестоким и презирающим всех остальных людей.

— Со мной этого не произойдет.

— Кто знает? Хотя, с другой стороны, может, действительно, как говорят японцы, дайгэн дзедзю-но ками нарэ ни ари?

— Переведи.

— Божество великой мощи в тебе самом.

— Да что ты, право, — обиделся Сухов. — Сбиваешься на какие-то траурные речи. Что будет, то и будет. Ты обещал рассказать о «сече Радогора» и о мечах.

— «Сеча Радогора» — это всего-навсего комплекс боевых приемов с мечом, которым владел легендарный славянский богатырь Радогор. Славяноведы раскопали несколько эпизодов в исторических хрониках, в которых описывается бой Радогора с превосходящим по численности противником, а потом этим занялись основатели русских воинских искусств. Руки бойца с мечами в технике «сечи» движутся по сложным траекториям, и почти каждое движение — удар! А если учесть, что классный боец наносит от четырех до десяти взмахов за секунду...

— Здорово! — выдохнул Никита; у него горели глаза.

Такэда кивнул.

— Это точно. Ну, а мечи... ты читал саги, сказания, былины или чей-нибудь богатырский эпос?

— В глубоком детстве, хотя люблю их и по сей день.

— Пример, у короля Артура — Экскалибур, у Фергуса — это уже исландские саги — Каладболг. Известен меч Мухаммеда, обладающий магической силой, меч Нуаду — один из талисманов ирландских племен богини Дану, мечи Зигфрида и бога Сусаноо. Упоминаются в сказаниях мечи истинной веры, разящие,

и даже мечи, предотвращающие столкновение. Но самый уникальный — меч древнерусского богатыря Святогора. Едва вытащенный из ножен, он уже колеблет пространство, словно дает знать: берегитесь! По легенде, он может удлиняться чуть ли не на несколько верст, раздваиваться и даже размножаться, корректировать силу и точность удара... — Такэда прервал речь, отхлебнув чаю. Потом сказал, будто ни к кому не обращаясь: — Найти бы этот меч...

Никита глубоко вздохнул и засмеялся.

— С таким мечом нам и СС не страшна. Только где его искать?

Инженер не ответил, продолжая изучать чашку с чаем и поглядывая при этом украдкой на перстень с черным камнем, внутри которого загорался и гас желтый чертик. Перстень предупреждал, что по их следу идут слуги мрака и ждать их материального воплощения осталось недолго.

Глава 4

Вожаки «свиты Сатаны» оказались хитрее, чем думал Такэда. Он был прав — здесь, на Земле, боевики СС, да и любой другой команды, вынуждены были следовать законам данного хрона, не позволявшим в широкой степени пользоваться силой магии, но они вполне могли обойтись и тем, чем владели: в с е л е н и е м, или в н е д р е н и е м, особенно если знали, кого и где искать.

Прибежище беглецов они вычислили уже через два месяца, а затем, пользуясь доступом к каналам российского Министерства безопасности, подкинули РОМБ — региональному отделению Министерства безопасности — «легенду» о шпионах некой иностранной державы Сухове и Такэде, работавших в Москве и переехавших в Хабаровск, чтобы замести следы.

Поскольку информация исходила сверху, из столицы, ей поверили, к тому же проверка установила, что характеристики «погибших» в Москве танцора и инженера совпадают с приметами поселившихся в Хабаровске господ Петрова и Мацумото, и отдел контрразведки местного РОМБ решил не ждать команды и захватить шпионов своими силами.

Их взяли на рассвете, тихо, быстро, без шума, профессионально. Спящие в дальней комнате Федор Полуянович и Мария Ильинична ничего не услышали. Так же тихо был произведен и обыск, который, конечно, ничего не дал.

Обвинение в государственной измене зачитали Никите сразу же по прибытии в контору РОМБ на Краснофлотской, на что он, переживший двойной стресс, сначала подумал: «СС! Накры-

ли!..» Потом увидел под дулом пистолета удостоверение сотрудника безопасности, пробормотал равнодушно:

— А на большее фантазии у вас не хватает?

Его допрашивали час, выложив все козыри с похоронами двойников, частыми поездками Такэды и поспешным бегством, а Сухов все никак не мог решить, рассказывать правду или нет.

Через час в кабинет, где допрашивали танцора, вошел тучный здоровяк с погонами подполковника, кивнул вставшим сотрудникам, обошел стул, на котором сидел Сухов, разглядывая его заплывшими глазками.

— Молчит?

— Как партизан.

— А второй наплел там с три короба. — Подполковник глянул на встрепенувшегося Никиту. — Будто бы им угрожает смертельная опасность от какой-то террористической организации — СС... и будто бы уже были жертвы, эти «эсэсовцы» убили двоих...

— Только фашистов нам не хватало, — улыбнулся старший из сотрудников, блондин с выгоревшими бровями. — Надо же — эсэсовцы в наше время!

— Так что, танцор? — обратился подполковник к Сухову. — Как же это тебя угораздило? Говорят, ты и акробат, и балетный солист, зарабатывал неплохо, и вдруг вербуешься иностранным разведчиком! Захотелось приключений? Или хорошей жизни по японскому образцу?

— Толя... Тоява рассказал вам правду, — угрюмо буркнул Никита, чувствуя облегчение, что не надо врать и изворачиваться. — Только СС — это не фашисты, а похуже, это аббревиатура организации под названием «Свита Сатаны».

Трое сотрудников засмеялись, подполковник продолжал изучать внешность танцора. Бугристое лицо его ничего не выражало.

— А карате ты занялся, конечно же, для защиты от этих... из «свиты», так?

— Да, — кивнул Никита. — Только не карате — россдао.

— Ну да, ты же патриот, — кивнул здоровяк.

Безопасники снова засмеялись.

— Смешно, — скривил губы Сухов. — Честно говоря, я был лучшего мнения об умственных способностях эмбистов. Ведь вам ничего не стоит проверить факты, и все станет на свои места. Я мог бы рассказать то же, что и Оямович, но позволю себе лишь один вопрос: зачем вражескому агенту, инженеру-электронщику, вербовать акробата и танцора? Какие тайны он может выведать с его помощью? Военные? Экономические? Политические? Спортивные? Или хореографические? Бредятина!

— Разберемся. — Подполковник снова обошел стул Никиты. — Хватит на сегодня. Его — к напарнику, в «сундук».

— Но ведь они... — запротестовал было блондин.

— Посидят до вечера вместе, — отрезал подполковник и оглянулся на пороге. Никиту мороз продрал по коже — во взгляде начальника контрразведки сверкнул злой огонь, как выстрел из темноты. Такой взгляд мог быть только у боевика СС.

— Поздравляю, — прохрипел Сухов, глядя на закрывающуюся дверь. — Вы, ребята, еще не знаете, что такое вселение? В скором времени узнаете... когда будете судить начальника.

Сотрудники отдела переглянулись.

— Странный ты шпион, Сухов, — задумчиво проговорил блондин. — Или очень хитрый, или...

— Второе, — вздохнул Никита.

«Сундук», в который отвели Сухова, оказался нормальной комнатой с душем и санузлом, разве что без особой мебели — две кровати одна над другой, два стула, стол, полка с десятком книг — да с зарешеченным окном. Такэда уже находился там, сидел со скрещенными ногами на стуле и созерцал стену с репродукцией Айвазовского: море, гора, парусники.

— Позиция номер один — синсокан[1], — прокомментировал Никита. — Угадал? Или ты занимаешься медитацией?

Такэда не ответил, продолжая сидеть в такой позе еще минуту, потом соскочил на пол гибким кошачьим движением, оглядел танцора.

— Били?

— Что? — растерялся Сухов.

— Обычно интеллигентов бьют, и те раскалываются.

— А-а... тебе, значит, это испытание не грозило. Ну и что будем делать, стратег? Положение совершенно идиотское.

Такэда быстро нанес три удара один за другим: рукой-ногой-рукой, — и Никита так же быстро их заблокировал, продолжая разговаривать и оставаясь с виду рассеянным и ленивым.

— Суй-но-ката[2], — пробормотал инженер. — Ты добрался уже и до Воды? Молодец.

— Стараюсь.

— Как ты думаешь, зачем нас поместили вместе?

Никита вспомнил взгляд подполковника, изменился в лице.

— Что? — Такэда был внимателен. — Показалось что-то?

---

[1]Синсокан — поза созерцания (*яп.*).

[2]Суй-но-ката — в кэмпо ускользание от атак, способ Воды (*яп.*).

— Начальник — такой широкий и выпуклый со всех сторон бугай — в с е л ё н н ы й!

Инженер сел, задумался, кивнул.

— Вот и ответ. Тем, кто нас подставил, нет нужды собирать компромат, разворачивать следствие, проверки и анализ, им надо нас просто убрать. Физически. Они в с е л я т с я в тюремщиков и придут по наши души. Может быть, уже сегодня.

От этих простых слов, сказанных хладнокровно и уверенно, спину Сухова охватил ледяной озноб. Однако он уже научился сдерживать порывы и эмоции, сказывался физический и психический тренинг.

— Мы с ними справимся?

— Не знаю. С одним, в крайнем случае с двумя.

— А если попробовать «разбудить» Весть?

Такэда покачал головой, глянув на плечо танцора, заколебался, снова покачал головой.

— Рано. Не выдержишь.

— Я уже...

— Ийе, — твердо сказал Толя, и Никита опустил голову, хорошо зная этот тон. «Ийе» означало «нет».

Через минуту он вдруг вспомнил.

— Толя, а твои вещи при тебе? Не отобрали?

Такэда понял.

— Индикатор и рацию? — Он показал перстень — внутри камня подрагивал оранжевый пятиугольник — и достал из кармана портсигар.

— А что, если дать знать этим твоим друзьям, что мы в опасности?

— Вряд ли это что-то даст. Рация, по-моему, не имеет связи с другими хронами, она работает в пределах нашего хрона как ретранслятор...

— Откуда ты знаешь? А если нет?

— Я все же немножко копенгаген в таких вещах. Для преодоления потенциального барьера между хронами требуется огромная энергия, а объем портсигара слишком мал для нужной концентрации.

— А наши приятели из СС тоже пользуются такими рациями?

— Может быть. Во всяком случае, связь они должны иметь. Плюс контейнеры для ношения оружия. Помнишь «дипломаты» десантников?

— А оружие — те самые копья, стреляющие холодом?

— Не холодом. — Такэда подумал и улегся на кровать. — Это какое-то физическое поле, высасывающее энергию атомных и молекулярных связей.

— Черт с ним, наши пистолеты не менее надежны. У меня

идея. — Сухов понизил голос. — Если ты прав и «дипломаты» — всего лишь контейнеры для ношения оружия, то парни СС должны знать выход в наш хрон. Что, если захватить сейчас в с е л ё н н о г о, когда они придут за нами, и выведать у него, где выход?

Такэда засмеялся, тихо и мелко. Никита всего второй раз в жизни видел, как смеется инженер.

— Чего ржешь? — рассердился он. — Это единственный шанс.

Такэда еще некоторое время смотрел на него улыбаясь, и во взгляде его читались одобрение и надежда.

— А ты воин, однако. — Помолчал. — Донесение о нашем положении я отправил. Но не уверен, что получу ответ.

— Так какого рожна издеваешься? Должен быть выход и из этого положения.

— Единственный выход там, где для человеческого ума нет выхода. — Инженер снова улыбнулся, заметив растерянность друга. — Это не я сказал, известный философ[1]. Но он как в воду глядел. Садись, отдохни, индикатор покажет, когда начнется кутерьма.

Никита пожал плечами, походил из угла в угол камеры и залез на вторую койку. Его порыв к борьбе почти угас, навалились усталость, отчаяние и чувство безнадежности. Такэда подал голос спустя четверть часа, словно разговаривая сам с собой:

— Добро и Зло... древняя формула бытия человеческого... Добро обычно спит, а Зло действует, действует, действует, пока не переходит какой-то предел, способный разбудить социум, и тогда появляются люди, борющиеся со Злом активно... люди боя. Они никогда не приближаются в достаточной мере к стороне, на которой сражаются, они всегда посередине и оттого вдвойне несчастны. Ибо зачастую презираемы теми, за кого воюют, и ненавидимы теми, против кого воюют. — Никита промолчал. Через минуту Такэда заговорил снова:

— Вот бы выяснить, кто или что и когда положили на Земле начало Злу и Предательству? Или такими нас создала природа?

— Не всех, — не удержался от реплики Сухов.

— Не всех, — согласился Такэда. — Но слишком многих. Добро и Зло... и мы посередине... не боишься?

— Быть презираемым? Не боюсь. Кто нужно, тот оценит. — Никита подумал о Ксении. Он не верил, что может умереть уже через час-два. — Помнишь притчу Конфуция? Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учи-

[1]А. Шестов.

тель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости».

— Конфуций был прав, а может быть, знал, что справедливость — один из двух высших законов Веера.

— А каков второй закон?

— Толерантность.

— А-а... терпимость, что ли?

— Да, если понимать его упрощенно. Но ты растешь, мастер, ты хороший ученик. Жаль только, что учиться нам уже некогда.

— Ничего, учиться можно вечно и в любых условиях.

— Вечно... Ничто не вечно в нашем мире, кроме, может быть, дружбы.

— Разве этого мало? — Никита переборол отчаяние и чувствовал себя лучше. Пришло ощущение чьей-то огромной теплой ладони, погладившей спину, плечо, голову, словно кто-то невидимый одобрял его мысли. Весть? Проснулась Весть?

Он прислушался к себе, но плечо молчало, лишь мурашки теплой струйкой всшершавили кожу от плеча до шеи. И все же это был сигнал Вести...

За ними пришли в час ночи. Хозяева были так уверены в себе, что пришли вдвоем: здоровяк-подполковник и его заместитель в штатском, чернявый, горбоносый, со спортивной выправкой. В руках подполковник нес черный «дипломат».

Арестованные переглянулись; они уже встали и расположились по обе стороны стола.

— Не вмешиваться, — приказал подполковник охраннику в коридоре, закрывая дверь.

В тот же момент Такэда метнулся к нему, а Никита в подкате — к чернявому: они решили начать первыми, так было больше шансов уцелеть.

Конечно, их противниками были уже не просто люди, знающие свое дело, тренированные и готовые к непредвиденным осложнениям, память и знание в с е л ё н н ы х подняли их профессионализм на порядок выше, но все же их физическая оболочка осталась прежней, как и реакция, и сила, и психофизические кондиции. В с е л ё н н ы й в подполковника ответил на прыжок соперника мгновенно, однако т е л о подполковника отреагировало с запозданием; ему было уже за пятьдесят пять, сказывался и возраст, и отсутствие должного тренинга, и лишний вес. Такэда выбил из рук здоровяка «дипломат» и тут же без замаха снова ударил...

Чернявый зам был проворней шефа и успел вытащить пистолет, но и он не был в прежней жизни достаточно натаскан на

оперативную схватку, и полусекундного его колебания хватило Никите на проведение приема.

Радиус поражения подката — три метра, от него почти нет спасения, уйти можно только высоким прыжком или встречным падением. Но, во-первых, бой происходил в помещении, а во-вторых, заместитель не встречался с родером как профессионал-оперативник. Никита достал его с первого же приема.

И все же это был не конец.

В обычном бою от таких ударов, какие нанесли Такэда и Сухов, противник давно отключился бы, но вселённые имели возможность заставить тела хозяев работать на пределе черного шлейфа, то есть на пределе физико-биологических возможностей, не считаясь с риском автотравмы, и превратили тела безопасников в роботоподобные, не боящиеся боли, накачанные чудовищной силой машины. Вселённым не надо было заботиться о последствиях такого боя, им был важен результат, а что станет с теми, в кого они вселились, не имело значения.

Схватка продолжалась еще некоторое время. Вот когда Никите понадобился опыт россдао, позволявший сражаться с любым противником, использовать не только свою силу, но и его промахи. Танцор сражался яростно и вдохновенно, вдруг осознав, что борется за жизнь не только свою, но и Толину, и Ксении, и мамы, и других людей, не подозревающих, что творится на свете. И шансов отыграться он чернявому не дал, выбив пистолет и раз за разом посылая его на пол.

У Такэды была другая задача. Он понимал, что долго они не продержатся, и маневрировал так, чтобы первым завладеть «дипломатом», где наверняка находилось оружие гостей, с помощью которого можно было превратить пленников в ничто, в облачко газа. И он достиг своей цели, свалив подполковника под стол, так что тот не мог выбраться оттуда сразу.

«Дипломат» не открылся. Он не открывался ни на щелчки пряжками, ни после нажатия кнопки на замке, ни от ударов — тяжелый, мягкий, теплый на ощупь, кажущийся живым. В нем угадывалась мощь и угроза. Казалось, внутри прячется кто-то живой и вот-вот выскочит, превращаясь в монстра...

Сухов понял затруднения друга почти сразу. Крикнул:

— Отвлеки их, я попробую!

Такэда бросил ему «дипломат» и «принял» обоих, заметался между ними, как молния. Он знал, что, если пустить в ход пистолеты эмбистов, значит тяжело их ранить, если не убить, а им и так придется несладко после ухода вселённых.

Никита целых две секунды стоял над «дипломатом», вслушиваясь в себя, в грохот сердца и гул крови, а потом резко ткнул плечом в лоснящуюся шкуру кейса, прокричав натужно внутрь

звезды: «Открывай!» Ответом была бесшумная белая вспышка, резанувшая по глазам — изнутри глаз — и отозвавшаяся болью во всем теле: показалось, что всю кожу от ушей до пят ошпарили кипятком! Но сознания Сухов не потерял. Время как бы застыло, замедлилось в тысячи раз, и застыли сражавшиеся рядом, все трое — в падении, из них лишь Такэда — в контролируемом. В следующее мгновение Сухов знал, как открыть «дипломат», вернее — транскоф, трансфизический кокон, как и то, что в нем находится.

Охранник, прислушивающийся к шуму в камере с заключенными, выдержал несколько минут, потом, после особо сильных ударов, треска и звона, дал тревогу и открыл дверь. Его взору открылась устрашающая картина разрушения и беспорядка.

Стол и стулья были разломаны, верхняя койка сброшена на пол и покорежена, санузел разгромлен, а на месте окна с решеткой зиял провал без единого осколка стекла, в который ветер задувал с улицы космы снега.

Начальник отдела подполковник Суржиков лежал ничком у окна и со стонами порывался встать. Его заместитель майор Кендадзе стоял, шатаясь, возле кровати и непослушной рукой пытался выстрелить в окно из табельного пистолета. Судя по их состоянию, можно было подумать, что они попали под горный обвал. Остолбенев, охранник смотрел на разгром в комнате побелевшими глазами, пока не прибежала тревожная смена.

Но «шпионы», взятые прошлой ночью, исчезли...

Профессиональные разведчики или преступники никогда не вернулись бы домой после побега из тюрьмы, однако Такэда и Сухов были дилетантами и поэтому надеялись, что погоня ринется сразу на вокзал и в аэропорт, а не по их домашнему адресу, и не обманулись в ожиданиях.

Пробежав в одних костюмах, без пальто и шапок, в пургу, два километра, они остановили какого-то сумасшедшего частника, не побоявшегося взять раздетых пассажиров, и тот подвез их к дому за четверть часа. Еще столько же ушло на сборы и объяснения с хозяевами, а потом наступил черед «аллюра три креста» в неизвестном направлении, пока Такэда не объяснил начавшему терять терпение Сухову, куда они бегут. Путь их лежал к Виктору Борисовичу Зленскому, у которого была машина — бежевая «сотка», как у Никиты когда-то. Черный «дипломат»-транскоф Сухов нес сам.

Зленский их появлению в половине третьего ночи не удивился, как не удивился и просьбе одолжить машину на пару

дней. Красильникову он верил, а тот верил Такэде, следовательно, все было в порядке вещей.

В три часа ночи беглецы выехали по юго-восточной магистрали в сторону Советской Гавани, понимая, что, если объявлен их розыск, дороги могут быть уже перекрыты. Но что-то не сработало у РОМБ, а может быть, эмбисты не захотели привлекать милицию и ГАИ к своим делам: последний пост автоинспекции на выезде из города машину беглецов не остановил.

И с этого момента началась для них жизнь, состоящая из переездов, перелетов, коротких остановок, стычек с разного рода группами, многие из которых, наверное, не имели никакого отношения к СС, зализывания ран, заметания следов и бегства в ночь.

Новый год встречали на Сахалине, январь и февраль провели на Камчатке, март и апрель — в Энмелене, на Чукотке. Но ЦРУ засекло их и здесь, и тогда Такэда предложил бежать в Японию, тем более что у него там были родственники и друзья по отцу. Никита, ни на день не прекращавший тренировок, неистово изучавший приемы россдао по книге, которую дал Красильников, а искусство фехтования — по трактату Зленского, не возражал, и в мае они бежали в Японию, воспользовавшись безвизовым проездом из свободной экономической зоны Хоккайдо — Кунашир.

Однако и в Японии они не задержались: по их следу шли уже не техники ЦРУ и не в с е л ё н н ы е, за ними вел охоту один из прайдов «свиты Сатаны», уйти от которого на Земле было невозможно. Встреча беглецов и охотников лишь оттягивалась, но это не могло длиться вечно.

Из Японии их маршрут вел на Тайвань, оттуда на Филиппины, потом в Индонезию и Бирму. Каким образом им удавалось перебираться из страны в страну без международных ооновских паспортов, Никита не задумывался, переложив эту заботу на плечи Такэды, поэтому лишь Толя знал, что им кто-то помогает. Кто именно — не имел понятия и он сам.

В Бирме Никите повезло: в одной из частных школ тайбо в Читтагонге, где они остановились — спасало знание английского, — он три месяца занимался под руководством замечательного мастера Тхе Квотаи, усвоив ранее не дававшиеся общие тонкости боя — четкий ритм, чувство дистанции, чувство времени, правильное дыхание, а главное — правильное распределение энергии ци, внутренней энергии организма.

Из Бирмы «свита Сатаны» погнала их через Индию в Оман и Саудовскую Аравию, потом в Египет — всего на две недели, затем пришлось переплыть Средиземное море и путешествовать по Европе, отменившей границы. И наконец, спустя почти год,

устав от постоянного напряжения и бешеной гонки, от постоянных тренировок и забот о хлебе насущном — приходилось подрабатывать где придется, — прибыв в Финляндию, Никита взбунтовался.

Они остановились в Котке, на берегу Финского залива, в гостинице «Киттиля», и, стоя у окон номера, выходящих к заливу, Сухов сказал Такэде, вытиравшему волосы после душа:

— Все!

— Что все? — осведомился инженер, по-отечески любуясь поджарой могучей фигурой танцора.

— Все, хватит. — Никита повернулся к другу. — Бегство наше закончено. Я и так, не мечтая об этом, объехал полмира, дальнейшее путешествие в том же темпе — излишне.

— Но нас догонят и убьют!

— Может, да, а может, и нет. — Сухов выдержал пытливый взгляд инженера абсолютно спокойно. — Во-первых, я постиг главное: цель любого учения — преодоление себя и лишь потом — обстоятельств. Во-вторых, у нас есть транскоф... «дипломат» СС, полный тайн. Кстати, мне кажется, именно он наводит на нас нюхачей «свиты», излучая нечто, некое поле, по которому нас пеленгуют.

Никита умолчал о том, что несколько раз пытался открыть «дипломат», но у него ничего не вышло. Видимо, открывался он только при определенной комбинации мысленного «крика» или при преодолении некоего порога мощности биоизлучения, для чего требовалось предельное напряжение организма. Могло быть и так, что открывался транскоф лишь с помощью Вести, ее тонкой и неощутимой для сознания подсказки.

— Мне тоже так кажется, — ответил Такэда.

— В-третьих, я готов к расшифровке информации Вести. Не очень физически, быть может, зато морально. Один раз она мне уже помогла, значит, есть надежда на полную передачу. Поскольку поиски Книги Бездн вряд ли осуществимы, действовать придется по второму варианту — через функционеров СС.

— Этот вариант почти стопроцентно гарантирует нам загробную жизнь. Да и вряд ли кто-нибудь из боевиков СС скажет, где находится вход в Веер, даже если нам удастся его выловить. Да и выследить их проблема, слежку они почуют наверняка. Нет, мой друг, надо все ж таки попытаться найти Книгу. Я ведь еще раз был у Неплюева... вернее, у него дома, кое-что узнал. Оказывается, он очень сильно болел в свое время, как раз перед войной, а потом к нему стал наведываться знахарь, и в один прекрасный день Неплюев встал с постели весел и здоров. И прожил, как горец, более ста лет. Это тебе ни о чем не говорит?

Никита прошелся по комнате, теребя подбородок.

— Ты хочешь сказать, что Книга была у него? А потом кто-то забрал ее, и Неплюев выздоровел?

— Молодец, соображаешь. Только у Неплюева была не вся Книга, а фрагмент. Как и у трех других свидетелей взрыва Сухаревой башни. Книга Бездн вечна, она уцелела во всех катаклизмах в течение многих столетий и нашла способ уцелеть и при взрыве башни. А теперь она в руках некоего таинственного типа, кочующего по Земле в своих интересах. Кто он, я не знаю. Но не из «свиты Сатаны» и не из стана наших друзей. Если бы СС завладела Книгой, она бы ее уже унесла в Миры Синклита. Итак, попытаемся?

Никита скептически хмыкнул.

— Честное слово, не очень-то верится в существование Книги. Все расплывчато, туманно, неконкретно... как во сне. Но если нет других путей, почему бы не попытаться? Удача — награда за смелость, а не за трусливую дрожь в коленках.

— Речь не мальчика, но мужа. — Такэда придвинул к себе «дипломат». — Как бы нам его открыть еще раз?

— Я думаю, открыть его может только человек, доведенный до стрессового состояния. Так что придется ждать, когда нас вынудят действовать на пределе. — Сухов помолчал. — Толя, если я... мы... представляем такую опасность для Люцифера, то почему он не пошлет более подготовленных ребят? «Черных коммандос», например, джиннов каких-нибудь...

— На этом этапе было бы достаточно «бархатного вмешательства»... если бы тебе не помогали. Да и вряд ли сам Денница знает о нашем существовании, как и Синклит Четырех. Нами пока занимаются его клевреты рангом пониже, на уровне шепота, без лишнего шума. Ведь если вмешается кто-то из магов «свиты», всколыхнется весь Веер, и деятельность Люцифера станет известна... скажем так, общественности, Собору Веера.

— Ясно. Значит, впереди у нас встречи поопаснее встреч с ЦРУ, СС и ЧК? Это нормально. Ну, и куда мы теперь?

— В Турцию. Оттуда в Афганистан. Тот, у кого Книга Бездн, думаю, в том районе, у границ Таджикистана. Там мы и попробуем разбудить твою Весть.

Никита невольно коснулся плеча пальцами, и ему показалось, что у ног его раскрывается бездна.

— А если я предложу другой маршрут?

— Какой?

— Москва — Таджикистан!

— В Москве нас наверняка ждут.

— Вот именно.

Такэда покачал головой.

— Я имею в виду СС.

— А я Ксению. Я ее почти год не видел, понимаешь? Впрочем, если хочешь, двигай своим маршрутом, а я своим. Встретимся на границе.

Такэда поднял брови. Он видел, что Сухов готов настоять на своем, и не знал, радоваться этой его решимости или нет.

Глава 5

В Россию они вернулись накануне Нового года, попытавшись изменить внешность. Такэда настаивал даже на пластической операции, но Сухов его не поддержал. Он снова отрастил длинные волосы, падающие на шею, а также бороду и усы. Толя, наоборот, свои привычные усы сбрил и стал носить накладные, рыжие, под цвет парика.

В Петербурге, куда прибыл поезд из Хельсинки, задерживаться не стали, и через день экспресс «Новая эра» доставил их в Москву.

Целый час друзья, ошалев от шума и воздуха родины, гуляли по столице, толкались в толпе москвичей и гостей города, любовались набережной и пили квас на Тверской. Такэда очнулся первым, эмоциям он был подвержен меньше, чем артистическая натура танцора.

— Предлагаю разделиться. Я пойду поищу Романа, а ты Ксюшу. Встречаемся в двенадцать у Никитских ворот.

— А кейс куда? Может быть, сдадим в камеру хранения на вокзале? Таскать неохота.

— Возьми пока с собой, оставлять его опасно, потом решим, что с ним делать. Об осторожности, надеюсь, предупреждать не надо? Если в Москве оставлена сеть ЦРУ, то все наши знакомые находятся «под колпаком». Вот тебе на всякий случай эрцхаор... э-э... индикатор. — Толя снял перстень с камнем. — Видишь, мигает оранжевый пятиугольник? Это означает, что в городе повышен «демонический фон». А это, в свою очередь, говорит о том, что ЦРУ здесь. Или прикрытие «свиты». Если форма знака и цвет изменятся на алый полумесяц, значит, кто-то из них рядом.

Никита отодвинул руку Толи.

— Тебе он больше пригодится. У меня обострилось восприятие... после включения Вести. Я и так почую неладное.

Такэда не стал настаивать, постепенно свыкаясь с ролью ведомого. Инициатива постепенно переходила в руки танцора, что говорило об изменениях его характера. Год тренинга росс дао, изматывающие душу попытки бегства от смерти закалили Сухова, заставили собраться, сделали более решительным и жестким.

Он все больше убеждался в исключительной важности предназначенной ему роли, сумев при этом не скатиться до высокомерия, апломба и зазнайства, но и не потерять честолюбия, толкающего творческие личности на риск и подвиги.

Студия оказалась закрытой, несмотря на обычный рабочий день — четверг. На двери висел клок бумаги с двумя буквами: «Не...» — остальное оторвали. Чувствуя, как тревожно забилось сердце, Никита незаметно огляделся, никого не обнаружил, отошел в раздумье: что же означает это «не»?

На углу Малого Козихинского он позвонил Ксении домой и долго вслушивался в длинные гудки. К трубке так никто и не подошел. Что делать дальше, Сухов не знал, но потом, поразмыслив, решил довести дело до конца.

Сначала он съездил на Леваневского, в Союз художников, и час потратил на выяснение — знает ли кто из завсегдатаев Дома художников Ксению Краснову и когда ее видели в последний раз. Кое-кто из молодых художников, не отличающихся от Никиты «одухотворенностью» — то есть наличием бород и усов, Ксению знал, но ни один не смог ответить на вопрос, когда встречал ее в последний раз. «С месяц назад» — вот и вся информация.

Тогда Сухов поехал к девушке домой, начав тревожиться всерьез. Правда, мелькнула в голове мысль, что Ксения именно в этот момент куда-то уехала, может быть, и на поиски их, но Никита отогнал эту мысль: они дали о себе знать еще с Камчатки, и Ксения не могла помчаться в белый свет, как в копеечку, искать их след. А в метро танцор вдруг понял, что его «ведут». Ощущение было острым, как укол в ягодицу, и Никита чуть было не запаниковал, с великим трудом заставив себя не вертеть головой во все стороны. Украдкой оглядел вагон — никто в его сторону не смотрел. Но заноза чужого взгляда осталась. С ней он вышел из метро, ехал в троллейбусе и шел через мост над железнодорожными путями. Лишь у самого дома Ксении ощущение исчезло, будто где-то выключили телекамеру. Никита вздохнул с облегчением, хотя тут же подумал, что наблюдатели поняли, куда он идет, и просто передали его другой смене. Напряжение вернулось.

Замедлив шаг, Никита перешел на глубокое дыхание, сконцентрировал психику на немедленный ответ на любое внешнее воздействие и «проиграл» встречу с СС в квартире Ксении или около нее. Пришла уверенность в своих силах и спокойствие сжатой пружины — он был готов. Никита усмехнулся в душе: он был готов к действию в гораздо большей степени, чем думал Такэда, а тем более — чем знали парни из «свиты Сатаны».

В сумке за плечом шевельнулся «дипломат». Вернее, так по-

казалось Никите. Все же транскоф реагировал на его состояние, и он это чувствовал. Плечо со звездой Вести покрылось пупырышками, словно от холода. И оно в свою очередь реагировало на мысли и эмоции хозяина, на состояние его психики, и снова Сухову почудилось, будто стоит он у крутого обрыва в глубокую пропасть. Еще один шаг — и откроется дно ада... или истина!

— Рано! — сказал сам себе Никита, покрываясь испариной. — Погоди чуток. Вот найдешь Ксению...

Квартира художницы была заперта, на звонки никто не отвечал, но Сухов нажимал кнопку звонка до тех пор, пока не щелкнул замок соседской квартиры и на пороге не возникла сухонькая старушка. Никита знал ее, старушку звали Анна Павловна, шел ей восемьдесят пятый год, но бодрости ее могли бы позавидовать и молодые.

— Добрый день, — поздоровался Никита, хотел было добавить «Анна Павловна», но вовремя прикусил язык: вряд ли соседка узнает его в этом обличье. — Вы не знаете, где Ксения... э-э... Константиновна? На работе ее нет, дома тоже.

— А уехала она, мил человек, — певуче ответила старушка. — Приезжали к ней какие-то хлопцы, суровые больно, а глаза у них нехорошие такие. Я как раз вот мусор выносила, а они идут. И молчат все. Только когда выходили они, Ксения вроде бы всплакнула...

— Когда?! — Никита внезапно охрип. — Когда они приходили?

— Да с месяц назад, мил человек. А вы кто ей будете? Где-то я вас видела.

Глазастая бабуля, подумал Сухов, а в голове вертелась одна фраза: «Здесь была «свита Сатаны»... здесь была «свита Сатаны»...»

— Она ничего вам не сказала, не передавала?

— Ничего, сынок, только поглядела так искоса, сквозь слезы... а может, то и не слезы были, я ведь подслеповата чуток. Только главный из их компании, с тебя ростом, но посолиднее, пробурчал что-то. Мне послышалось: «Никуда не денется...»

У Никиты, наверное, заметно изменилось лицо, потому что старушка заволновалась, всплеснула руками:

— Ай случилось что с нашей Ксеньюшкой?

— Не знаю, — прохрипел Сухов непослушными губами. — Ключ... у вас есть ключ от ее квартиры?

— Да откуда ж, мил человек? Ксения — девушка самостоятельная, строгая, живность не держит, а стало быть, и присматривать не за кем, случись отлучка. А вы кто ей будете, ежели не секрет?

— Родственник... брат двоюродный, — сказал Никита первое, что пришло в голову. Опомнился. — Извините, что побеспокоил. — Повернулся, чтобы уйти.

— Ах, подождите, молодой человек.

Никита обернулся. Старушка смотрела на него ясными, живыми, проницательными глазами.

— Запамятовала я, ключик-то оставила Ксюша, еще до этих... угрюмых. Сейчас принесу. Но вы уж со мной к ней пройдете. Хоть и не тать, видно, а все ж я как в ответственности за квартиру.

Сухов только кивнул, сглатывая комок в горле.

В квартире Ксении он бывал раз пять и ориентировался в ней хорошо. Маленькая передняя, такая же кухня, гостиная и спальня. Везде чистота, уют, продуманность интерьера — ничего лишнего, но и не аскетизм. И ни одной картины! Имеется в виду — своей. Ксения не любила выставлять напоказ свое мастерство в бытовой обстановке. Хотя картины — современных художников — на стенах висели: два пейзажа Селиванова в гостиной и сказочный сюжет Мегрели в спальне.

Никита обошел комнаты, кухню — нигде ничего, ни следа борьбы или поспешного бегства, лишь тонкий слой пыли на книжных полках и серванте говорил о долгом отсутствии хозяйки. Вернулся в спальню — соседка следила за ним, склонив сухонькую седую головку на плечо, — заглянул в шкаф, а потом вдруг приподнял книгу, брошенную на тахту. Интуиция его не подвела: клочок бумаги и на нем три торопливых слова: «Не ищи — погибнешь!» И все.

Никита ощутил в груди холод и пустоту. В голове больно запульсировала жилка, лопнула с тихим звоном, словно стеклянная, и под черепом прозвучал знакомый гулкий шепот:

— Саммай...

— Что? — от растерянности Сухов заговорил вслух, хотя хорошо понимал, что слышит «голос» Вести.

— Саммай... — Шепот втянулся в кости черепа и стих. Никита хотел выругаться — он не понял, чего от него хотели, и вспомнил: саммай — состояние просветления в философии Дао, и Весть напомнила ему о единственной формуле, способной помочь.

Больше в квартире Ксении делать было нечего, и Сухов поспешил уйти, поблагодарив соседку за доверие. В памяти остался ее жест — она перекрестила его тихонько, но танцор не придал этому жесту значения.

В двенадцать часов пополудни они встретились с Такэдой у Никитских ворот и зашли в кафе: на улице было холодно. Первым информацией поделился Толя:

— Роман в больнице. Месяц назад на него напали, попал в реанимацию, но выжил. Сломаны два ребра и обе руки.

— О, черт! СС?!

— Без сомнения. К сожалению, Роман не учел, что против него действовала не обычная молодежная банда и даже не боевики-профессионалы мафии. Ни чести, ни совести не имеют ни те, ни другие, ни третьи, но «свита Сатаны» применяет, кроме всего прочего, оружие, против которого нет защиты.

— Излучатель холода?

Никита имел в виду короткое копье со светящимся наконечником, с помощью которого они ушли год назад из камеры РОМБ в Хабаровске. Картина странного боя встала перед глазами.

«Дипломат», отобранный у подполковника, открылся тогда только после вспышки ярости и гнева, которую пережил Сухов, надеясь, что заговорит Весть. Она и заговорила — удар по сознанию был настолько силен, что танцор на мгновение отключился, а когда пришел в себя — «дипломат» транскофа был уже открыт. Оставалось сунуть туда руку и вытащить... но что? Почему он тогда вытащил именно копье — вардзуни, как оно называлось на самом деле? Потому что думал о таком оружии?..

Остальное произошло в течение двух-трех секунд: Никита направил острие копья на решетку окна и... оно сработало само! Синий-синий сноп прозрачного огня, вызвавшего волну острого холода, вонзился в окно, решетка и стекло исчезли беззвучно, испарились, осталось лишь выпрыгнуть наружу, что и сделали арестанты один за другим...

— Слава Богу, что Роман жив! Пусть только попробуют сунуться к нам! Толя, я чувствую слежку. Надо срочно будить Весть и... искать Ксению. — Никита скупо рассказал о своих поисках девушки. — И теперь она у них.

Такэда перестал есть и некоторое время сидел сгорбившись, прикрыв глаза ладонью. Глухо произнес:

— Это я виноват... надо было учесть все шаги «свиты»... Мы их здорово разозлили, отобрав транскоф, и они не остановятся ни перед чем, чтобы оправдаться... вернуть транскоф и уничтожить нас. А заодно и всех свидетелей.

— Я одного не понимаю. — Никита скатал из хлеба шарик и щелчком послал его по столу, сбив наглого таракана. — Ксения сама по себе «свите» не нужна, им нужен я, почему же тогда похитители не оставили мне записку: мол, ищи ее там-то и там-то, иначе — секир-башка заложнице?

Инженер продолжал сидеть в той же позе, казня себя жестоко и больно.

— Надо было сразу лететь в Москву, как только мы вырвались из РОМБ Хабаровска. Они же на уши встали из-за потери транскофа... Что ты сказал?

Сухов терпеливо повторил вопрос.

— Я их логику не анализировал, — ответил Такэда. — Мо-

жет быть, они, как и все маги или демоны, владеют футур-прогнозом. Просчитали, что ты так или иначе появишься на Пути, вот и ждут тебя у входа в хроноскважину, в засаде.

— Проще было бы устроить засаду в квартире Ксении.

— Проще для тебя, как землянина, для человека вообще, но не для них. Они не люди и мыслят не человеческими категориями. Ты прав в одном: пора выходить в Путь.

— Как?

— Есть только один вариант — Весть. Пора ее будить всерьез. И дай Бог тебе выдержать!

Никита поежился, но не позволил голосу дрогнуть.

— Выдержу.

Они вышли из кафе, и сразу же у Никиты заныли зубы.

— О черт!

— Что? — покосился на него Такэда.

— Снова это проклятое ощущение: кто-то глядит сверху и вот-вот шарахнет по голове!

— У тебя заработала экстрасенсорная система, поздравляю. Привыкай. Но рядом никого нет, я имею в виду СС или ЧК, иначе у меня сработал бы инди... — Такэда замолк, глядя на пульсирующий алым светом полумесяц в камне. — Не может быть! — Глаза инженера остекленели, лоб покрылся испариной.

— Что с тобой? — Сухов поддержал друга под локоть, оглядываясь, куда бы усадить его, и решая, не нужно ли звать на помощь. Они стояли возле арки длинного желтого здания, в котором размещались кафе и магазин «Оптика». Народу было мало, все торопились по своим делам, кутаясь в пальто и шубы, и никому не было дела до остановившихся мужчин.

— Пошли. — Такэда, пошатываясь, толчками, зашагал в арку. Было видно, что внутри него происходит какая-то непонятная борьба.

Никита, недоумевая, направился за ним. Что сработало, какое чувство — «шестое» или «седьмое», он не понял, но на внезапный удар Толи среагировал точно.

Это был ин бран — удар кулаком между бровями в стиле леопарда, и попади Такэда — Сухов вряд ли скоро очнулся бы, но включенный интуицией рефлекс и знание приемов росссдао — блок работы «с хода» — спасли его от смерти.

— Ты что, с ума сошел?! — возмутился он, отскакивая, и язык прилип к гортани. Взгляд инженера сказал ему все: это был взгляд «десантника» СС: пустой, равнодушный и в то же время беспощадный, полный угрозы и силы.

Такэда прыгнул, целя в голову, в горло и одновременно пытаясь выбить «дипломат» из рук танцора. Защищаясь, Никита вынужден был пустить в ход обе руки, поэтому транскоф он от-

бросил в сторону, за урну с мусором, чтобы его не достал Толя. Тот сразу начал строить бой таким образом, чтобы оттеснить Сухова от «дипломата». Никита сам понимал, что, если это произойдет — он покойник, и дрался отчаянно, призвав все свое умение и навыки, полученные им у Романа и Красильникова.

Это был не очень красивый — мешала зимняя одежда, — но быстрый бой, и закончился он неожиданно: на какое-то неуловимое мгновение Такэда смог освободиться от вселённого, чуть промедлил,. и Сухов не смог удержать удар; дрался он на рефлексе, почти без участия сознания, во всяком случае — без обдумывания тактики боя.

В арку заглянула какая-то парочка и шарахнулась прочь, только каблуки застучали. Никита постоял, опустив руки, приходя в себя, ни о чем не думая. В голове стоял звон, и хрип, и гул, и чей-то лепет... Потом сердце перестало гнать кровь в темпе силовой отдачи, гулы и звон из головы ушли и стал слышен голос второго «я» Сухова:

— Как ты мог?! Это же твой друг! Как ты мог воспользоваться его промашкой? А тем более, он сделал это специально...

— Заткнись! — огрызнулся Никита. Нагнулся над лежащим на боку Толей, приподнял голову.

Такэда заворочался, ощупал челюсть, нос, лоб, зашипел от боли.

— Кто?.. Что это? Такое впечатление, что на меня упала стена.

Никита молча помог ему подняться, вгляделся в лицо, ища взгляд, с облегчением вздохнул и отыскал лежащий в стороне «дипломат».

— Это ты меня, что ли? — продолжал Такэда. Хмыкнул, посипел немного сквозь зубы. — Ты первый, кто меня «вырубил».

— С твоей помощью. Ты на долю секунды отключил вселённого, и я этим воспользовался.

— Да? Ничего не помню. — Толя подошел к сгорбившемуся Сухову. — Никогда не думал, что им удастся вселить в меня боевика СС. А должен был подумать! Извини.

— Ничего. — Никиту вдруг затрясло, с минуту он унимал дрожь, наконец глубоко вздохнул. — Забыли. Но это было... страшно!

— Наверное, — кивнул инженер, морщась. — Саданул ты меня крепко. Феномен! За год с небольшим овладеть россдао — это мощно!

— Не преувеличивай, мне еще тренироваться и тренироваться. С мечом, например, у меня не очень-то получается. Куда теперь?

— К Роману, домой. Он дал мне ключ. Отдохнем.

— Отдыхать будем потом, первым делом попробуем поработать с Вестью.

Такэда сквозь пелену на глазах глянул на ожесточенное, осунувшееся, похудевшее лицо танцора, хотел что-то сказать, но передумал. Удар, которым его послал в нокаут Сухов, еще давал о себе знать, но вместе с болью и головокружением в душе зрело и другое чувство — восхищение. А вместе с ним и уверенность в завтрашнем дне. Хотя Тоява и понимал всю сложность их положения, как и то, что трудности и мытарства, ожидающие их впереди, не идут ни в какое сравнение с земными.

К эксперименту с «включением» Вести они готовились два дня. Отдыхали, спали, выходили из квартиры Романа, расположенной на Кузнецком мосту, лишь для покупки необходимого, слушали новости по телевизору и почти не разговаривали. О Ксении не было сказано ни слова, хотя о ней они думали больше, чем обо всем остальном. Такэда еще раз навестил ее квартиру и студию, но никаких следов, ни намека на ее появление... И все же они верили, что девушка жива.

В среду утром, сразу после завтрака, Никита с решительным видом разделся до пояса, некоторое время разглядывал «родимое пятно» Вести, не потерявшее форму звезды, буркнул Такэде:

— Поехали, чего тянуть.

— Садись в кресло. Ничего такого не чувствуешь?

— Никаких ощущений... кроме мандража. Боюсь, конечно, чего уж там, но и на попятную идти — себя не уважать. Давай лучше попрощаемся на всякий случай. Кто знает, что может случиться...

— Если не уверен — не начинай. — Такэда украдкой глянул на перстень, оранжевый пятиугольник пульсировал с нарастающей частотой. Вокруг незримо концентрировались силы мрака, настойчиво ища двух человек, несущих угрозу существования Системы — Системы вседозволенности, насилия и страха, которую создали добровольные помощники грозного Денницы-Люцифера. Да, он имел право быть недовольным своим положением, так же как имел право называть себя Владыкой, величайшим из вершителей судеб Веера Миров. Но создателем, творцом назвать его было нельзя. Понимал ли он сам, что является величайшим разрушителем, когда-либо существовавшим во Вселенной? Или только людям, разумным существам, доступны муки моральных сомнений по поводу того или иного поступка, муки нравственного оправдания?..

— Что застыл? — осведомился Никита.

— Я тоже боюсь, — вздохнул Такэда. — Больше, чем ты. Но

времени у нас нет. Они могут объявиться здесь в любую минуту. Если готов — начинай.

— Как?

Толя походил в задумчивости вокруг кресла, в котором сидел Сухов, подергал себя за вихор.

— Понимаешь, я, как и ты, считаю, что просто так Весть не заговорит, нужен эмоциональный взрыв, стресс, как в прошлый раз.

— Я попробую. — Сухов сосредоточился, прислушиваясь к своим ощущениям. Что-то сдвинулось внутри, словно открылась форточка в сплошной стене и кто-то выглянул оттуда, угрюмый и опасный. Но сама «стена» осталась монолитной и неприступной. Не помогли ни внутренние призывы к Вести открыться, ни болезненное напряжение всех мышц. Весть молчала. Лишь один раз удалось ощутить тонкий укол холода в плечо — во время «открывания форточки в стене», затем «форточка захлопнулась», холодная сыпь перестала играть кожей плеча, и ощущение бездны у ног исчезло.

— Все! — выдохнул Сухов, мокрый от пота. Расслабился, вытер лоб, виновато глянул на бесстрастного Такэду. — Не получается. Она меня слышит, я чувствую, но отвечать не хочет.

— Я же говорил... — начал было Толя, и в этот момент какой-то звук у входной двери заставил его замереть. — Т-с-с-с...

Никита мгновенно вскочил, напрягся, все еще думая о звезде Вести, и почувствовал бесшумный толчок в голову; перед глазами все поплыло, будто при нокдауне или после стакана спирта, а затем сильнейший «электрический» разряд пронизал плечо, шею, висок, вонзился в голову и на некоторое время парализовал тело. Сухов не упал только потому, что длился этот паралич мгновение. И тут же все изменилось.

Визуальное восприятие предметов перестроилось, как и ощущение пространства, времени, веса, объема тела. Казалось, Никита размножился, внедрился в каждую вещь, в стены комнаты, всего дома, ощущая их как части своего тела. Все предметы стали полупрозрачными, неплотными, оставаясь в то же время твердыми и материально ощутимыми. Никита видел их и снаружи, и изнутри, абсолютно точно зная состав каждого, характеристики и возможности. Он мог бы при желании изменить параметры любого из них, вылепить новую форму и придать другие свойства. Он мог бы свободно пройти сквозь любую стену, оставив ее целой и невредимой, мог бы проделать в ней отверстие любого размера практически без применения энергии, бесшумно, мог бы...

Пространство снова изменилось вокруг: состояние всемогущества длилось три удара сердца, как и состояние паралича.

Вернулось ощущение привычно существующего тела, готового к физическому действию, основанному на законах бытия этого мира. Ушло всезнание и всеумение, исчезло чувство колоссальных возможностей, а с ним и тысяча других чувств, не передаваемых человеческим языком. Но кое-что осталось — частичка знания, медленно проступающего в голове, как маленькая крупинка драгоценного металла сквозь мутную воду на дне лотка золотоискателя.

В комнате ничего не изменилось, вся гамма состояний Никиты действительно длилась не более секунды, поэтому Такэда ничего не заметил, вслушиваясь в шорохи за дверью. Перстень на его пальце пылал, как осколок алой звезды.

— Их пятеро, — прошептал Никита. — Есть лишь один вариант спасения...

Инженер поднял брови, показывая пальцем на «дипломат». Сухов отрицательно качнул головой.

— Пожар.

Такэде не надо было пояснять мысль: выбор был — жизнь за обстановку квартиры товарища, и вряд ли Роман протестовал бы, знай этот расклад.

Жил он в однокомнатной квартире, по-спартански голой: шкаф, стол, кровать, два кресла, гимнастическая стенка, шкафчик для спортивных снарядов. И единственной по-настоящему ценной вещью была полка с книгами. В кладовой, располагавшейся в нише прихожей, Никита нашел пластмассовую трехлитровую канистру с бензином для очистки загрязненных поверхностей, плеснул на пол прихожей и на дверь. За дверью почему-то медлили, хотя и не уходили: обострившимся чутьем Никита буквально видел сочившиеся в щели зло и угрозу. Однако нерешительность гостей дала им несколько секунд форы, и беглецы успели выполнить свой план.

Сухов бросил спичку, взметнулось пламя. За дверью затихли, затем тишину взорвал хор восклицаний. Тяжелый удар едва не сорвал с петель дверь, замок крякнул и вылез из лунки. В образовавшуюся щель рвануло пламя, охватив чье-то лицо. В тот же момент Такэда разбил окно в комнате — со звоном разлетелось стекло — и завопил, будто они собирались бежать этим путем:

— Прыгай!

Вслед за криком раздался приглушенный удар — Толя выбросил в окно гирю.

В дверь ударили еще раз, так что она распахнулась во всю ширь и пламя загудело веселее, не давая пришельцам ворваться в квартиру. Сквозь треск и шипение послышался еще один хлопок снаружи — Такэда выбросил в окно гантели. И гости поду-

мали, что их жертвы сиганули в окно с пятого этажа. Послышался топот — все пятеро бросились вниз по лестнице, лифта в этом доме не было.

Как только лестничная площадка очистилась, Никита прыгнул сквозь пламя в прихожей, загородив рукавом лицо. За ним выскочил Толя, более осторожный и внимательный, чем танцор. Он рассчитывал на худший вариант и не ошибся: на площадке пролетом ниже их ждал еще один чужак — профессионалы «свиты» знали толк в подстраховке.

Такэда появился на площадке в тот момент, когда Сухов, пропустив удар, падал на пол, а громадный парень в сером комбинезоне со множеством кармашков и «молний» отводил назад руку с коротким светящимся копьем. На прыжок инженера он отреагировал тотчас же, но запнулся о выставленную ногу Никиты, — тот успел среагировать, будучи в полубессознательном состоянии! — и нунчак Толи, позаимствованный у Романа, с глухим треском врезался пришельцу в переносицу. Это был страшный удар, способный проломить череп быку, но боевик СС лишь откинул голову с разбитым носом назад, снова нацеливая свое копье. И все же он был потрясен, потому что пропустил еще два удара — по руке с оружием и по челюсти. Копье выстрелило, уже вылетев из руки гиганта. Разряд неведомой энергии, сопровождаемый волной холода, погасил пламя, рвущееся из квартиры Романа, и проделал в стене лестничной клетки глубокий, метровой длины шрам.

Такэда подхватил копье, едва не заорав от неожиданной боли — рука онемела, как от тока, — но не выпустил его, сделав угрожающее движение в сторону гиганта в сером, упавшего на колено. Наклонился над Суховым, протягивая руку с нунчаком.

— Жив? Идти можешь?

— Могу. — Никита с трудом встал, глаза его стали осмысленными. — Чем это он меня?

— Хорошо, что не вард... э-э... копьем. Вперед, пока он не очухался.

И они побежали наверх, на шестой этаж, не обращая внимания на ошеломленные лица соседей Романа, выглядывавших из квартир.

На крышу вылезать, однако, не стали, только открыли люк и затаились на чердаке, дом был старый, с чердаком и двускатной крышей. А потом спустились вниз в толпе возбужденных пожарников, милиционеров, врачей «Скорой» и соседей, делящихся впечатлениями о случившемся.

«Десантников» СС на улице не было, но они находились где-то рядом: индикатор Такэды продолжал высвечивать тревожную оранжево-алую гамму.

Спрятав копье, неприятно холодившее тело, под пальто, Толя выскочил через арку на Кузнецкий мост и остановил частника. Через полчаса они были на аэровокзале и успели к посадке на аэробус, отправлявшийся в Душанбе. Этот маршрут выбрал Никита, и Толя ему не перечил: было видно, что танцор знает, куда им следует податься.

Самолет взлетел по расписанию, и только после старта беглецы, не веря своему счастью, ошеломленные происшедшим, вздохнули с облегчением. До этой минуты они не позволяли себе расслабиться ни на миг, напряженно вглядываясь в толпы людей в аэропорту и при посадке в самолет. Но «свита Сатаны» так и не появилась. Причины этой осечки беглецы выяснили позже, а пока глядели друг на друга и думали об одном: ушли!

«Прости, Рома», — добавил Такэда мысленно.

Копье в аэропорту пришлось выбросить — с ним не удалось бы пройти контроль, а «дипломат» прошел рентгеновскую установку нормально: контролер не увидел на экране ничего, кроме двух прямоугольников, похожих на книги.

— Они, конечно, найдут нас быстро, — сказал Такэда. — Мы опережаем их на несколько часов, до следующего рейса.

— Успеем, — ответил Никита, закрывая глаза. Он не знал, куда и к кому обратиться за помощью, но был уверен, что помощь получит.

Глава 6

Им никого не пришлось искать, в аэропорту Душанбе их ждали: Никита сразу выделил из толпы встречающих трех-четырех человек, отвечающих стандартам десанта СС. Но, кроме боевиков «свиты Сатаны», их встречал еще один мужчина, высокий, сутулый, одетый в легкий зеленоватый плащ. Наткнувшись на его взгляд, Никита уверенно подвел ничего не понимающего Такэду к этому человеку. Боевики «свиты» молча смотрели на них, сбившись в группу чуть в стороне.

— Добрый день, — сказал Никита, коснувшись шапки. — Вы — Хранитель?

— У вас точный глаз, — звучным голосом ответил мужчина. — Да, я Хранитель. А вы новый офицер связи, так сказать, рыцарь Пути?

Никите послышалось именно «рыцарь», а Такэде — «самурай», но смысл оба поняли правильно.

— Похоже, что так. Меня зовут Никита Сухов, а моего друга Тоява Такэда, Толя.

— Оруженосец, — улыбнулся Хранитель тонкими губами.

И снова друзья услышали разное: «оруженосец» — Сухов, «телохранитель» — Такэда.

Никита покосился на инженера.

— Он мой друг и учитель, а также...

— Наблюдатель, — закончил Хранитель. — Я знаю. Идемте к машине. — Он повернулся и зашагал к стоянке автотранспорта, не заботясь, идут ли прилетевшие следом или нет. Оба с чувством глубокого изумления смотрели на его спину: Хранитель был не просто сутул, а горбат! Но горб его не казался уродством, он был естествен, как бывает естественна горбинка носа.

Сухов и Такэда переглянулись, заспешили следом. Четверо «десантников» СС провожали их взглядами до тех пор, пока они не сели в старую «шестерку».

— Вы видели? — кивнул на окно «жигуленка» Никита.

Хранитель глянул на него через зеркальце заднего вида.

— Вы имеете в виду тех крепышей в сером? Не волнуйтесь, пока вы мои гости, они не подойдут.

Машина обогнула автобусы, стадо других легковых автомашин и выехала на автостраду, соединяющую аэропорт с городом. Некоторое время ехали молча, разглядывая пейзажи по обеим сторонам шоссе, потом Такэда спросил тихо и вежливо:

— А вы Хранитель чего, э?

— Хранитель Книги Бездн, — ответил Сухов, развеселившись, прочитав на лице друга озадаченность. — Ты так хотел ее разыскать, что я решил помочь.

Толя принял прежний бесстрастный вид.

— Не зазнавайся, самурай. Как ты его вычислил? Весть сработала?

— Сработала, да не все удалось удержать в памяти. Сведения о Хранителе — это уже след, эхо той информации. Ты был прав: Книга Бездн здесь, в Таджикистане.

— Не вся, — откликнулся водитель, обладавший отличным слухом, — только фрагмент. Целиком собрать ее в этом веке проблематично. Но потерпите, друзья, разговор об этом впереди. А чтобы не возникало неудобств в общении, зовите меня Вуккубом. Или Иблисом. Подходит также Демон. Хотя можно и просто Хранитель.

Пассажиры снова переглянулись. В другое время Сухов не преминул бы пошутить, но он знал, что Хранитель далек от шутливого тона.

Не доехав до города нескольких километров, машина свернула на пыльную проселочную дорогу, утрамбованную танковыми гусеницами. Особого напряжения не чувствовалось, хотя то и дело «шестерка» обгоняла бронетранспортеры и отдельные машины с солдатами или группами вооруженных лиц в граж-

данском. Лишь однажды машину остановил пост ГАИ и тут же отпустил, стоило Хранителю глянуть на инспектора.

Температура была около плюс пяти градусов, но из-за сырости и ветра казалось холодней, хотя для гостей и это было неплохо — по сравнению с минус восемнадцатью в Москве.

Хранитель жил на окраине Санджара, в глинобитном домике с чистым двором и тремя пристройками-сараями, в которых блеяли овцы. Прямо за глиняной стеной двора начинались траншеи, в которых росли корявые низкорослые деревца — лимоны. Кроме них, возле дома росли апельсины, мандарины и громадное тутовое дерево.

— Я живу здесь более ста лет, — сказал Вуккуб, перехватив взгляд Никиты. — В основном наездами. У меня есть свои дома практически в каждой стране. — Он поставил машину в гараж-сарай, пригласил гостей в дом.

Прежде чем войти, Такэда выглянул из ворот и поймал взглядом за домами блеск стекла: к поселку медленно ползли две легковушки. Это могли быть и машины «свиты». Толя тихо поделился своими наблюдениями с танцором, но хозяин услышал.

— Еще раз повторяю: пока вы — мои гости, бояться нечего, джентльмены. Душ с дороги, ванну?

Никита, вошедший первым вслед за хозяином, таращился на современный интерьер дома, совершенно не соответствующий его внешнему виду.

Просторный холл с плитой под мрамор, сверкающая кафелем и никелем кухня, большая ванная, также сверкающая пластиком, стеклом и хромированным металлом, зал-гостиная с удобными креслами, журнальным столиком, книжным комплексом на две стены и сервантом с великолепным баром. В доме были еще комнаты, но хозяин их не показал.

Гости разделись, сняли обувь, прошли в зал, утопая по щиколотку в толстом ворсистом ковре, выполненном под шкуру неизвестного науке зверя. Сели, оглядывая убранство гостиной. Их внимание привлекли три вещи: странная светящаяся игрушка в форме большой оплывшей свечи — в нише над столиком, какой-то отблескивающий матовыми и зеркальными поверхностями аппарат зализанных, эстетически совершенных форм — в углу и бесшумно летающая под потолком модель не то планера, не то самолета в форме летучей мыши. Она то делала круги по комнате, гибко и плавно шевеля крыльями серебристого цвета, то замирала на месте, словно разглядывая гостей бусинами глаз-фар. Мотора, заставляющего модель летать, гости не заметили.

Вуккуб появился в гостиной в домашнем халате из верблюжьей шерсти, скрывающем горб, везя за собой низкую стойку-тележку с бокалами, фруктами, бутербродами и сифоном.

Хранитель достал из бара длинную бутылку темного стекла, на этикетке которой красовался берег Крыма, виноградная гроздь и надпись: «Черный доктор». Разлил вино по бокалам.

— Спасибо, — пробормотал Никита.

Хранитель остро глянул на него, понял, кивнул.

— Да, эта встреча не была, по правде сказать, необходимой, но меня разобрало любопытство — кто это пытается заменить Симаргла? Поэтому вы здесь.

— Не думал, что все произойдет так просто, — подал голос Такэда, пригубив вино. — Был готов к долгому поиску, неудачам, разочарованиям...

— Недооценил, — вставил Сухов.

— Ну, тебя-то уж точно.

— Его тоже. Ты еще не понял, кто он? У твоего Денницы были помощники...

— Ну, а я — его правая рука, — блеснул насмешливыми глазами Хранитель. Лицо его, моложавое на вид, принадлежащее мужчине лет сорока пяти, гладкое, почти без морщин, с хищным носом, узкими губами и черными глазами, с мощными «демоническими» бровями, властное, надменно-суровое, вдруг на мгновение утратило человеческие черты, и на друзей глянул дьявол! Нечеловек!

Такэда едва не подавился, утратив невозмутимость, Никиту пробрала холодная дрожь, хотя он и ожидал нечто подобное, и прошло время, прежде чем они справились со своими чувствами. Сухов ощетинился: показалось, что кто-то пытается проникнуть в его мысли, но Вуккуб сделал вид, что ничего не произошло.

— Итак, насколько я понял, вы храните Книгу Бездн, — начал Толя, поблагодарив за угощение.

— Не так. Я пытаюсь собрать Книгу Бездн, рассыпанную по свету. На две трети мне это удалось. Ее фрагменты появляются в самых неожиданных местах, и зачастую известные вам силы находят их раньше. Кстати, в Сухаревой башне также хранился фрагмент книги... который во время ее взрыва трансформировался...

— В осколок камня? — подался вперед Такэда. — Во что-то материальное?

— О нет, в поток чистой информации, осевший в глубинах психики тех, кто находился в пределах сферы влияния.

Такэда пошипел сквозь зубы, что означало сильнейшее волнение, проговорил негромко:

— Я догадывался... Мозг человека — лучшее хранилище любой информации, неподвластное владельцу. Но зачем это вам? Собирать Книгу... хранить.

Хранитель улыбнулся, но за улыбкой его скрывались холод, жестокость и горечь, а во взгляде блеснула сдерживаемая ярость.

— Вариант «вечного жида». — Вуккуб поднял свой бокал. В тоне, каким были произнесены эти слова, проскользнули нотки злобной насмешливости. — Я тоже наказан за непомерную гордыню и сослан сюда, на Землю, планету одного из самых неперспективных Миров Веера, во искупление грехов.

— Не слишком понятно... извините.

— Толя, ты потерял форму, — сочувственно сказал Никита, хрустя яблоком. — Вуккуб же сказал, что он правая рука Деннницы... был. Не понимаешь? Ты же сам рассказывал мне, что после битвы Мрака и Света Люцифер был... м-м... изолирован в одном из хронов, ну а Вуккуба сослали сюда. Книга Бездн писалась не на Земле, вернее, на землеподобной планете местного «пакета», и после битвы и бегства воинства Люцифера оказалась у нас. И было это около тысячи лет назад. Так? — обратился Никита к Хранителю.

— Совершенно верно, — кивнул Вуккуб, в глазах которого так и светился огонь превосходства, задавленного гнева и надменной насмешливости.

Ему тесно на Земле, внезапно понял Никита, сразу прощая Хранителю его иронию и насмешку. Он — маг в клетке, хотя клетка и достаточно велика — хрон, целая вселенная!

Глаза Хранителя погасли. Вероятно, он свободно читал мысли гостей, какие блоки они бы ни ставили.

— Тысяча лет, — пробормотал Такэда. — А на вид вам сорок пять... Как же вы живете все это время? Впрочем, извините, вопрос риторический. Книга сейчас у вас? Ну то, что удалось собрать.

— Хотите взглянуть? — Вуккуб встал и одним движением скинул халат. Спереди его тело казалось нормальным человеческим телом, в меру мускулистым, без единой жировой складки, но кожа блестела, как металлическая, и по ней ползли, перекрещиваясь, сливаясь друг с другом, разбиваясь на отдельные ручейки, преобразуясь и тая, потоки непонятных иероглифов, знаков и символов. Хранитель повернулся спиной, поднял халат, не обнажая, однако, горба, и слова неизвестного языка все ползли и ползли по коже, говоря сами с собой, укладываясь в тексты древнейшей истории и магические формулы, жили своей жизнью и хранили секреты чьего-то былого могущества, добра и зла, жизни и смерти...

Хранитель запахнул халат, сел на место, усмехнулся.

— На самом деле выглядит Книга иначе, каждый видит ее по-своему, в меру воображения и духовных представлений, но

она — со мной. И когда-нибудь... — Он замолчал, прикрыв глаза веками.

Когда-нибудь Книга будет собрана, понял недосказанное Никита. И тогда кончится срок заключения мага, и он освободится от заклятия. На чью же сторону он встанет?..

Ответом был пугающе огненный взгляд, в котором плавилась Бездна! Хранитель знал, на чьей стороне он выступит, но не хотел доверять эту тайну слабому человеческому существу. «Слаб. Не для Пути...» — вспомнил Сухов и упрямо сжал губы. Посмотрим! Интересно, при каких обстоятельствах был захвачен Вуккуб? За что его приговорили к длительному заключению, за какие грехи?

Во взгляде Хранителя мелькнуло одобрение, но Сухов этого не заметил.

— А вы не боитесь этих парней? — нарушил молчание Такэда.

— Тех, что гоняются за вами, — нет. — Вуккуб вышел, увозя тележку с пустыми бокалами и бутылкой.

— Он был одним из главных магов — помощников Денницы, — тихо сказал Сухов. — Я не знаю, как его брали и за что, но класс его намного выше, чем у СС. Ты знаешь, мне показалось, что он страдает! Да-да, несмотря на показное равнодушие ко всему, и к своему положению тоже, не смирился он.

— И все же странно, что он вдруг вмешался. Он не должен был вмешиваться ни во что, ни в какие события, ни на стороне сил Закона, ни на стороне сил Хаоса.

— С чего ты это взял?

— Мне рассказывали, хотя и не называли определенных имен и конкретных условий: приговоренный Семерыми не имеет права ввязываться в споры Добра и Зла, это закон.

— Какого ж рожна ты его расспрашивал, раз все знаешь?

— Я уточнял. У меня же нет такого источника информации, как твоя Весть. Ты не боишься, что он нас выгонит прямо к мальчикам «свиты»?

Никита перестал сверлить друга взглядом, отвернулся.

— Не боюсь. Я вообще считаю, что эта ситуация давным-давно просчитана прошлой семеркой магов, и наша встреча с Хранителем предопределена всем ходом истории Земли.

— Очень интересная мысль, — раздался голос Хранителя из кухни. Он появился в дверях, по локоть погрузив руки в карманы халата. — Вижу, что Вестник не ошибся, передав вам картбланш Симаргла. Хотя, с другой стороны, человеку Путь Посланника почти неподвластен, и преодолевать вам предстоит непреодолимое. Не сломаетесь?

Никита встал.

— Пока живу — нет!

— Что ж, попытайтесь. Может быть, у вас и получится. Чем могу быть полезен?

Такэда тоже встал, ловя себя на мысли, что хочет встать на цыпочки: оба собеседника были выше его на голову.

— Нам нужен выход в систему хроноскважин, соединяющих хроны. Мне известно, что его координаты зашифрованы в Книге Бездн, поэтому я и гонялся за ней по всему свету. Вы знаете их?

— Знаю. Эту информацию может дать и Весть.

— Но... — Никита замялся, краснея. — Я не очень хорошо контачу с ней... на пределе эмоций.

— Научитесь. Если она вас признала, все образуется со временем. Но я вам помогу. — Хранитель шагнул к танцору и положил ладонь ему на плечо со звездой Вести.

Казалось, кожу прожег язык пламени — боль была невыносимой! Но Никита, выдерживая все тот же насмешливый взгляд Вуккуба, даже не отшатнулся, лишь сжал зубы.

Огонь проник в плечо, и оно взорвалось болью, выстрелившей в голову, живот, руки и ноги. Шею свело от парализующего холода, сознание начало гаснуть, однако Никита продолжал бороться, призвав на помощь все свои навыки бойца росссдао, душевные силы. И слабость и боль отступили!

Голова прояснилась. Словно порыв свежего ветра прошел по телу, вынося дым, угар и шлаки из организма. Прилив сил был мощным, как после допинга, и требовал каких-то немедленных действий. Но не это было главным: Никита буквально ощущал поток информации — как вязь арабских письмен, — текущий из плеча в голову и вспыхивающий там сполохами озарений, открытий и видений...

Хранитель отнял руку, и Сухов едва не упал от нахлынувшей слабости. Поток знаний прекратился. Тело стало рыхлым, словно губка, пропитавшаяся водой, мышцы отказывались повиноваться, сказочная легкость и сила уступили место усталости и безволию.

— Еще, — просипел танцор, борясь с головокружением.

— Хватит, — покачал головой Хранитель. — Может быть, ты получил и меньше, чем рассчитывал, но больше, чем заслуживаешь. Уходи в другой хрон, где ты сможешь достичь кондиции, необходимой для вступления на Путь.

— Но как? — осведомился Такэда, с тревогой поглядывающий на Сухова. — Книга Бездн открыта вам, а не нам.

— Он знает.

Никита кивнул.

— Идем, Толя. — Шагнул к выходу и остановился, колеблясь. Было видно, что в его душе идет борьба. Такэда догадался, что хотел спросить Сухов. Оглянулся на Хранителя.

— СС увели нашего друга... и девушку.

— Знаю. Она жива, и вы ее найдете. Хотя вернуть ее будет очень непросто.

Глаза Никиты вспыхнули, он выпрямился, обрадованный и огорченный одновременно: хотелось более конкретных указаний. Но и просто известие о Ксении уже было утешением.

— Спасибо, Вуккуб.

— Не за что. Когда-нибудь и вы поможете мне. Прощайте, сеньоры.

Такэда поклонился, хотел напомнить хозяину, что их на улице караулят боевики СС, но вместо этого сказал:

— Желаю скорейшей свободы, сэнсэй. Мне кажется, выход в Веер для вас не закрыт.

— Что ж, спасибо на добром слове, — усмехнулся Вуккуб. — Может, еще свидимся.

— А куда вы теперь, если не секрет?

— Фрагменты Книги дали о себе знать в двух местах, на Кавказе и на Ближнем Востоке. Барьер в этих зонах не столь прочен из-за огромной массы человеческого зла, невежества и жестокости. Здесь, в Таджикистане, все нормализуется, я вышел на Книгу вовремя, там же весь хаос впереди.

— Удачи вам.

— Взаимно. — Хранитель вывел их из дома, высокий, худой, нахохлившийся, с лицом, озаряемым внутренней борьбой с самим собой, постоял секунду у ворот и исчез, унося на себе глыбу горба.

— Интересно, как мы доберемся до аэропорта, минуя наших приятелей? — Такэда кивнул на машины «свиты» на дороге.

— Нам туда не надо, — тихо сказал Никита, думая о своем. — Кстати, знаешь, что такое на самом деле твоя Книга Бездн? То бишь Шестокрыл... или как там еще... Это всего-навсего канал обычной утечки информации из хронов с большим психоэнергетическим давлением, материализовавшийся в нашем хроне в виде Книги. И до сих пор хаос-информация продолжает просачиваться через этот канал в наш мир.

— Я начал догадываться.

— И былины и мифы на Земле возникали примерно так же: на подвиги реальных героев накладывалась просачивающаяся из других хронов информация о действиях настоящих, реальных существ. От Бабы Яги и всяческой нежити до великанов, троллей, драконов, злых и добрых волшебников.

— И об этом я догадывался. Лучше давай решим, как отсюда убраться живыми. Не ожидал, что этот... Хранитель просто выгонит нас из дома.

Никита очнулся от задумчивости, глаза его блеснули мрачным удовлетворением.

— Он и так дал нам больше, чем хотел. К тому же он — не человек, просто вынужден жить среди людей. И он мне понятен не до конца... Что же касается наших приятелей из СС... — Сухов сплюнул под ноги. — Пока мы здесь, в поселке, нас не тронут, они его боятся. Пошли поищем укромное место. — Ничего больше не объясняя, он зашагал к центру поселка.

Такэда вынужден был подчиниться.

«Укромное место» отыскалось возле хлебного магазина в «торговой зоне» поселка. Центральная площадь Санджара, окруженная двухэтажными домиками, была по сути рынком, где торговали всем, чем только можно, в том числе оружием и «заморскими» товарами — американской кока-колой душанбинского розлива и российской водкой. Здесь же располагались магазины: хлебный, молочный и промтоварный и кафе «Малик».

Никита, пройдя кафе насквозь, — «десантники» СС вели их, но близко не подходили — вышел во дворик кафе, заставленный горами ящиков и огромных корзин. Зайдя за штабель ящиков так, что их нельзя было увидеть из окон кухни и со двора, Сухов снял один из ящиков и расположил на нем «дипломат» транскофа.

— Вот наш транспорт.

Танцор ожидал какой-то реакции удивления, но Толя обескураженным не выглядел.

— И об этом я догадывался. Вход в хроноскважину — станция хроносдвига по сути — должен быть стационарным, хорошо защищенным, но пути к нему должны быть универсальными, удобными, переносными, как свернутая веревочная лестница, и легкодоступными... для тех, кто их знает. Транскоф — именно такая «лестница». Вернее, передатчик материи, а не просто сумка с оружием.

Никита с уважением глянул на друга.

— Что значит инженерное образование! Не зря тебя взяли в Наблюдатели. Все правильно — транскоф действительно масспередатчик, хотя может выполнять и другие функции, в том числе и окна выдачи вещей из многомерного склада, вернее, камеры хранения, имеющейся у каждой станции хроносдвига. Ну что, готов?

— Погоди. — Такэда высунулся из-за штабеля, осмотрел двор. — Мне кажется, мы спешим. Если эти наши преследователи сюда и не сунутся, то они вполне могут ждать нас там, в устье хроноскважины.

Никита пренебрежительно скривил губы.

— СС — игроки низшего уровня, с ними-то уж мы как-нибудь справимся.

— Во-первых, если так будешь относиться к противнику, — хладнокровно парировал Толя, — то с игроками высшего уровня можешь вообще не встретиться. По причине ранних похорон. Во-вторых, СС — это профессионалы диверсионно-террористической службы, а не мальчики для битья.

— Что ж они до сих пор не могут нас взять? — буркнул несколько потускневший Сухов.

— А ты думал — нашими стараниями? Сначала нам попросту везло, потом тебя начал подстраховывать «омон» СДВ. Помнишь парней — «мы делаем одно дело»? А после Хабаровска вмешался Хранитель, Вуккуб. Странное имя, гулкое. Недаром говорят, что имя — вибрация космоса... м-да.

— Не отвлекайся. С чего ты взял, что он стал помогать нам?

— Вероятно, он следил за тобой с того самого момента, как ты получил Весть. Ведь в принципе такая передача — акт магический, она должна быть слышна магами. Не знаю, что на него повлияло, почему он стал исподволь, на самом тонком уровне, помогать нам, будучи адептом абсолютного равнодушия... но налицо факт — мы живы. И живы во многом благодаря ему. Так что не зазнавайся, Кит. Для танцора ты дерешься неплохо, но для воина Пути, а тем паче офицера связи Собора Веера, совсем слабо.

Никита молчал, покачивая головой в такт своим мыслям. Набычившись, посмотрел в глаза Такэды.

— Откуда ты все это знаешь? О вмешательстве Хранителя.

Инженер достал из кармана пальто знакомый портсигар в форме стеклянной бабочки, раскрыл и достал тонкий белый цилиндрик, тут же развернувшийся в рулон не то бумаги, не то фольги.

— Что это?

— Послание. Второе после событий в Москве. Впрямую здесь о Хранителе не говорится, но сказано достаточно, чтобы понять, о ком идет речь.

Такэда развернул рулончик фольги, и тот вдруг с тонким стеклянным звоном рассыпался в пепел. Никита вздрогнул.

— Дьявольщина!

— Всего лишь сообщение о дьяволе... Хотя мне тоже непонятно, почему он помог нам.

— Видимо, его развеселили твои попытки найти Книгу Бездн; дай, думает, гляну на этого кретина. Что будем делать?

— Прежде всего вооружимся. Можешь вытащить из этого чемодана какое-нибудь оружие? Копья, например, или что-либо помощней.

Никита безмолвно наклонился над транскофом, положил на

него руки, напрягся, полузакрыв глаза. На лбу его выступили бисеринки пота.

Что-то шевельнулось в «дипломате»... или так показалось Такэде. Порыв теплого ветра сдул пыль с ящиков, что-то скрипнуло, и транскоф открылся. Сухов сунул руку в образовавшуюся щель, пошарил там, вытащил короткое копье со светящимся льдисто-голубым наконечником, передал Толе. Еще раз залез внутрь, долго возился там и наконец вынул необычной формы приспособление, напоминающее ножовку, полотно которой образовывал ряд длинных черных игл. Особым образом изогнутая рукоять «ножовки» удобно легла в ладонь, но никаких дополнительных выступов и кнопок на ней не было, и ничто не говорило о предназначении устройства.

— Шпага, что ли? — предположил озадаченный Сухов. — Я думал о чем-нибудь помощней.

— Потом разберемся. — Такэда с тревогой смотрел на часто мигающий алым пятиугольником перстень. — У «свиты» кончилось терпение, пора уходить.

Никита снова положил руки на черную «кожаную» крышку «дипломата», застыл. Стоял так с минуту, шевеля губами, словно читая молитву.

Во дворе раздался шум, звук шагов нескольких человек. Толя вскинул копье, не решаясь торопить друга, и в этот момент транскоф развернулся в черный плоский прямоугольник размером в полтора человеческих роста. Спустя секунду прямоугольник этот превратился в зеркало, потом в слой стекла и как бы провалился в себя, образовав неведомой глубины тоннель.

— Прыгай, — сдавленным голосом произнес Никита.

— А ты?

— Я за тобой. Прыгай!

Такэда прыгнул, ухитрившись повернуться в прыжке и посмотреть назад. Он увидел, как из-за ящиков выбежали пятеро в знакомых комбинезонах «десантников», Сухов отмахнулся от них «ножовкой», прыгнул в тоннель следом, и наступила тьма...

Глава 7

Уцелели они только благодаря вмешательству Вуккуба, о чем, конечно, догадались не скоро; не помогла бы и предусмотрительность Такэды, появись они в приемном зале станции хроносдвига. Но Хранитель переориентировал выход транскофа на «склад» станции, и это позволило беглецам избежать засады, дало время прийти в себя после транспортировки по «струне» мгновенной передачи.

Встряска получилась не слишком сильной, но необычной, словно люди получили удар изнутри, перемешавший в кучу легкие, желудок, кишки и сердце, и прошло несколько минут, пока беглецы сообразили, где они находятся.

Соты! Они вывалились из объятий невидимого тугого мешка на круглую площадку, окруженную янтарно светящимися сотами. Правда, величина каждой шестигранной ячейки, закрытой крышкой, превышала пчелиную раз в сто, в нее свободно мог бы влезть человек. Но светились далеко не все ячейки, многие были серо-коричневыми, с узором трещин, словно по ним стреляли.

Никита, озираясь, встал.

— Куда это мы попали?

— А куда бы ты хотел?

— Ясно куда — на станцию... — Сухов растерянно огляделся еще раз. — Ничего не понимаю! Может быть, это... склад? — Никита протянул руку к одной из светящихся закрытых ячеек.

Тотчас же крышка ячейки выгнулась пузырем, лопнула цветком тюльпана, и в образовавшееся отверстие в руку танцора скользнул продолговатый белый брусок, напоминающий пенал, с мигающей зеленой звездочкой на торце.

Ячейка погасла, лепестки крышки сошлись, образовав знакомый узор трещин, как и на других несветящихся ячейках.

— Ты не очень-то самовольничай, — пробурчал Такэда. — Мало ли что хранит этот склад.

Никита засмеялся, щелкнул ногтем по «пеналу», и тот вытолкнул из себя желтый брикетик: ни дать ни взять — кусочек масла. Однако «масло» оказалось чем-то вроде надувного шара. Брикетик упал на пол и бесшумно вспенился, превратившись в метровый шар из губчатого, в дырках и кавернах, материала. Запахло озоном.

— Здорово! — сказал Такэда. — Прямо-таки волшебство. Осталось теперь узнать, что это такое.

Сухов почесал затылок.

— Мне казалось, что я подумал о еде... Между прочим, эта штука пахнет сыром. — Он отковырнул кусок ноздреватой массы, понюхал, лизнул и съел. — Точно, сыр! Понял? Это, наверное, нечто вроде НЗ с продуктами, подвергнутыми субмолекулярному сжатию. То-то пенал такой тяжелый. Не бойся, ешь, я сейчас и попить чего-нибудь достану оттуда.

— Потом, некогда. Надо выбираться отсюда, «свита» не станет ждать и скоро заявится сюда. Где мы? То есть где находится склад? Ориентируешься? Мы можем попасть из него в устройство хронопередачи? Да не трогай ты здесь ничего!

Но было уже поздно. Уверовавший в свои силы и знания,

Никита протянул руку еще к одной светящейся ячейке, и раскрывшийся «ящик» вытолкнул из себя что-то чешуйчато-пластинчатое, свернутое в спираль, похожее на клубок змей, спеленатых перепонками. Оно со звоном упало на пол — Никита отдернул руку — и начало разворачиваться, вытягиваться, расти, пока не превратилось в двухметровую жуткую тварь, напоминавшую богомола и летучую мышь одновременно, с гибкими змееобразными конечностями.

— Бежим! — прошипел Такэда, пятясь, выставив перед собой копье излучателя.

Никита тоже попятился, лихорадочно прокручивая в памяти информацию Вести. Чудовище неторопливо расправило складки и кожисто-металлические перепонки своего тела, вытянуло вверх крюкастые лапы, заурчало, на его голове вспыхнули два фасетчатых глаза... и Сухов больше не размышлял.

Выход сработал, как только кулак танцора ударил в светящееся окно ячейки с оранжевой вертикальной нитью внутри. Стена в этом месте треснула щелью по краям ячеек и разошлась. В эту щель и вывалились путешественники, хотя богомоло-мышистый монстр, похоже, не думал их преследовать.

Они оказались в слабо освещенном тоннеле с черным полом и мглистыми, жидкими на вид стенами. Казалось, идеально прямой тоннель уходит в бесконечность, смыкаясь в точку на пределе видимости, однако это было иллюзией, как и «жидкий» вид стен. Беглецы сделали всего по три шага, как без всякого перехода выскочили в огромное помещение, заставленное решетчатыми фермами, колоннами и ажурными мостами. Света в помещении не было, но удивительным образом люди в и д е л и все предметы и друг друга. Никита остановился, глянул назад.

— Зря бежали. Я вспомнил... это был диморфант, причем неактивированный.

— Кто? — Такэда тоже оглянулся.

В стене помещения чернела быстро расплывающаяся клякса. Ни единого намека на дверь.

— Знаешь, когда мы сматывались, мне показалось, что кто-то рассмеялся...

— Да? Интересно. Мне тоже показалось...

Они поглядели друг на друга.

— Что это было? — осведомился Толя.

— Если ты о смехе, то не знаю. А диморфант — это скафандр. Точнее, существо-скафандр с почти неограниченными возможностями по защите. Живут они в симбиозе с другими существами в каком-то из хронов.

— А сейчас мы где? Конструкции какие-то... Завод, что ли?

— Это все иллюзии, наш мозг так реагирует на обстановку.

Мы в энергозале темпорала, станции хроносдвига, а сама она находится в Гималаях, в недрах одной из гор. Помнишь легенды о Шамбале? Они созданы не без помощи станции, ее влияния на наш мир. Но впереди нас кто-то ждет, я чувствую.

— СС, кто же еще? Будем прорываться. На нашей стороне эффект внезапности.

— Сомневаюсь. Но делать нечего, надо идти до конца. К тому же Ксения может находиться и здесь.

Они углубились в лес ферм и колонн, шагая по черному, твердому и гладкому полу совершенно бесшумно, как по слою ваты. Оба понимали свое положение и были готовы применить навыки хаппо ундо — движения «на восемь сторон света», то есть мгновенно отреагировать на любую опасность в любом направлении. Наконечник копья в руке Такэды светился голубым и был похож на острый кусок льда. Никита свое копье держал в левой руке, а в правой нес «ножовку», направив ее лезвие из острых штырей вперед.

Обстановка изменилась внезапно, словно они продавили непрозрачную пленку, отделявшую помещение с колоннами от другого — высокого цилиндра с молочно-голубыми стенами, заполненного дымным голубоватым сиянием. В диаметре цилиндр не превышал размеров волейбольной площадки, но высота его была не меньше двенадцатиэтажного дома. Казалось, люди вышли на дно громадного колодца и увидели небо над ним, голубое и безоблачное.

На дне колодца стояло какое-то сложное сооружение, похожее на металлическую черепаху, окруженную строительными лесами. Из-под панциря «черепахи» высовывалась гофрированная, отсвечивающая тусклым металлом шея, которая заканчивалась плоской змеиной головой. Голова лежала на полу, глаза ее светились, пасть была раскрыта, а внутри виднелось нечто вроде языка, освещенного тусклым багровым светом. В эту пасть свободно мог бы пройти слон. И прямо на нижней губе головы стояли пять неподвижных мрачных фигур, похожих на тот самый диморфант, оживший скафандр, который напугал Сухова на складе. Только в этих скафандрах находились их владельцы, не то группа СС, не то и вовсе ЧК. Они ждали.

Если бы беглецы сразу появились здесь по «струне» транскофа, их убили бы мгновенно, не дав ни секунды на анализ ситуации, но они вынырнули не из кокона масстранспорта, а из внутренних помещений станции темпорала и были вооружены и готовы ко всему.

Такэда первым шагнул к «черепахе», загораживая спиной Никиту и поднимая копье.

— Прочь с дороги!

Голос его прозвучал неожиданно гулко и громко, заставив вздрогнуть танцора, но существ в насекомозмееподобных скафандрах он не испугал. Крайний справа и крайний слева соскочили с возвышения, за которым начинался вход в строение в форме черепахи, и двинулись в разные стороны, заходя людям за спину. Рук или лап у них было по четыре, и в каждой светилось копье.

— Стойте! — сказал Никита, отодвигая Такэду, и вытянул вперед руку с «ножовкой». С кончиков игл ее лезвия вдруг сорвались алые искры, и весь огромный объем цилиндра с «черепахой» в центре заметно качнуло с боку на бок.

Жуткие фигуры замерли. Видимо, они хорошо знали действие «ножовки». Затем от тех, кто стоял впереди, отделился черно-зеленый «богомол», сделал два полупрыжка-полушага и опустился перед беглецами на передние лапы.

— Чего вы хотите? — Голос существа напоминал шипение выпускаемого из клапанов пара.

— Пройти, — смело двинулся к нему Никита, взмахнув «ножовкой» так, что помещение передернула судорога. Такэда еле устоял на ногах, с изумлением глядя на танцора. — Дайте пройти, или я разнесу темпорал в пыль! Мне терять нечего.

— Вы делаете ошибку...

Новый взмах «ножовки» — и еще одна встряска всего здания и всех, кто находился внутри.

«Богомол» попятился, зашипев по-змеиному.

— Бросьте оружие! Быстро!

Копья всех пятерых полетели на пол.

— А теперь вылезайте из скаф... из диморфантов. Ну!

Такэда округлившимися глазами смотрел, как «богомолы», пощелкивая и потрескивая, вытягивались вверх, а из них вылезали широкие, уродливые, в черных комбинезонах фигуры. Из них лишь двое казались людьми, трое же, имея человеческие туловища, ноги и руки, людьми тем не менее не были. Их головы, не то птичьи, не то черепашьи, фиолетово-зеленые, с кольцами ярко-оранжевого пуха вокруг щелевидных глаз, говорили сами за себя.

— Бредятина! — дрогнувшим голосом произнес Никита. Опомнился, потянул Такэду за рукав. — Пошли, Оямович, таможня дает добро.

— Вы не уйдете далеко, — сказал им в спину тот, кто командовал пятеркой, имевший человеческий облик.

Никита, пятившийся к раскрытому зеву «черепахи», остановился. Он узнал вожака «десантников», который в парке говорил ему: «Слабый. Не для Пути...» Подошел к нему на расстояние прыжка, раздвинул губы в подобие улыбки:

— Слабый, говоришь?

«Десантник» глянул исподлобья. На лице его не было страха, и в какой-то миг Никите даже показалось, что в лице этого неземлянина проступили черты... Вуккуба, Хранителя Книги Бездн. Но тут же пропали.

— Слабый, — кивнул гигант. — Все еще не для Пути.

— Ну, это мы посмотрим, — заносчиво бросил Никита. — Знаешь, что это такое? — Танцор направил в грудь чужака свою грозную «ножовку».

— Знаю. — В глазах предводителя «свиты» мелькнула насмешка; он почему-то уже не боялся оружия в руках противника. — Не ошибись. Спесь и гонор — не главные козыри в руках воина.

Никита хотел ответить презрительной фразой, но в лице чужака снова проступили черты Хранителя, и сбитый с толку танцор прикусил язык. Буркнул:

— Спасибо, учту...

Оглянулся, шагнув на язык «черепахи» — вход в главную камеру станции, открывающей дверь в хроноскважину. Десять монстров — пять живых, во плоти и крови, и пять полуживых, биомеханических, смотрели им вслед, и было в их молчании жуткое обещание встречи.

Никита зябко передернул плечами, поманил Такэду. Показалось, кто-то негромко рассмеялся за спиной, хотя из патруля СС явно никто этого не делал.

Коридор, идущий из головы «черепахи» через шею в ее чрево, осязаемо материальный, по виду сделанный из грубо обработанных каменных блоков со следами рубил, с орнаментом из буддистской символики: солнце — круг с лучами, сложные завитки растения в виде хвоща, — закончился у выпуклой каменной двери с горельефом из драконов, кусающих себя за хвост. Никита вдруг остановился, оглянувшись.

— Ты что?! — Такэда стремительно обернулся, вскидывая копье.

— Ничего. — Сухов посмотрел на тускло мерцавшую в руке «ножовку» и отшвырнул ее прочь. — Это, наверное, был он...

— Кто? Зачем ты выбросил эту штуку? Они же ее боятся.

— Это всего-навсего муляж, копия. Ты был прав, Хранитель помогал нам. Тот парень... в нем проскальзывали черты Вуккуба, а я думал — мерещится.

— Допустим, я и это заметил, хотя и не поверил. Но ведь «ножовка» действовала.

Сухов болезненно усмехнулся.

— Эта «коровка» — шиххиртх, арбалет одного из Великих игв, вернее, копия шиххиртха, метателя игл-стрел с очень широ-

ким спектром разрушительных свойств. Таких арбалетов во всем Веере всего четыре штуки. Если бы у меня в руках оказался настоящий шиххиртх, я ничего не смог бы им сделать: он не подпустил бы к себе никого, кроме мага. Хранитель просто пустил охране станции пыль в глаза...

Такэда посмотрел в глубь коридора, похлопал Никиту по спине.

— Не переживай, у тебя все еще впереди. Главное, что они поверили. Надеюсь, путь свободен?

Сухов вздохнул, качнул головой, освобождаясь от дум, и коснулся двери пальцами. Раздался удар в гонг, на двери неторопливо вылепилась надпись на русском и японском языках: «Добро пожаловать на лестницу Шаданакара». Никита махнул рукой, приглашая друга за собой, несильно толкнул дверь, с гулом ушедшую назад и в сторону, шагнул в проем. Такэда пожал плечами и вошел следом.

Они оказались в тесном помещении в форме склепа, сложенного из неровных, плохо отесанных каменных глыб. «Склеп» был заполнен светящимся, слоистым сиреневым туманом. В этом тумане глохли все звуки, а собственное тело казалось желеобразным, полупрозрачным, колеблющимся.

— А ты сможешь им управлять? — спросил Такэда. Голос его был едва слышен.

— Темпорал должен нас слышать, — ответил Никита таким же невыразительным тихим голосом. — Особых навыков управления им не требуется. Итак, внизу нас ждут. Я имею в виду раруггов: всех этих «эсэсовцев», «чекистов», «цэрэушников» и других прислужников Синклита Демонов. Понимаешь, о чем речь?

Такэда кивнул.

— А я еще действительно слаб, чтобы пройти Путь объединения, — продолжал Сухов. — Мне нужен хотя бы год тренинга концентрации экстрарезерва. Вниз по «лестнице» Шаданакара мы не пойдем, пойдем вверх, в будущее.

Такэда снова кивнул. Он знал, что темпорал соединяет Миры Веера таким образом, что из «угла» в «угол» при движении «вниз» скважина идет по перпендикуляру, то есть по кратчайшему пути, как бы по закручивающейся спирали, к началу времен, а при движении вверх — по раскручивающейся, в будущее.

— А если нас ждут и там?

— Они не всесильны и не могут перекрыть все выходы сразу. А для ориентации у нас есть компас. — Никита показал на перстень Такэды. — Когда-то я отказался от него, но теперь дай его мне, я знаю, как им пользоваться. Мы сойдем с «лестницы», как только путь будет свободен, а горизонт чист. Ты готов?

Такэда пристально вгляделся в лицо танцора, сиренево-голубое, с черными глазами и губами, как у мертвеца.

— Ты не все мне сказал, Кит.

Сухов криво улыбнулся.

— Какой ты чувствительный, Оямович. Да, я хочу сначала поискать Ксению. Ты не возражаешь?

— Возражаю, — твердо сказал Толя. — Лучше бы ты подумал о маме. Почему я вместо тебя должен давать ей телеграммы, что у нас все в порядке? Ксения подождет. Потому что, во-первых, ты еще не в той кондиции, чтобы сражаться на равных со «свитой», а тем более с «черными коммандос». Во-вторых, ты... мы ничем ей не поможем, а наша гибель — не решение проблемы. И в-третьих, СС или те, у кого сейчас Ксения, сами найдут нас, чтобы предложить обмен: жизнь Ксении на... твою. Это этический стандарт, если его можно назвать этическим, вечной борьбы Добра и Зла.

Никита хотел было возразить, и в этот миг перстень, который он вертел в руках, полыхнул кроваво-красной вспышкой.

— Они рядом, Кит, бежим! И если ты все-таки решишь по-своему — я за тобой пойду, но с твоей стороны это будет предательством.

— Что? — Сухов изумленно вскинул брови.

Перстень мигнул дважды — пятиугольником и полумесяцем.

— Вперед! — рявкнул Толя. — Включай «лестницу», быстрее!

— Ладно, я с тобой потом поговорю, — угрожающе проговорил Никита. — На этот раз я тебя послушаюсь, пойдем «вверх», но...

Перстень мигнул трижды — пятиугольником, квадратом, полумесяцем. Сухов замолчал и заставил себя сосредоточиться. Тоскливо ныло сердце, и хотелось проснуться в привычной обстановке.

Свет в камере-«склепе» погас. Наступившая тьма была живой, бормочущей, шевелящейся, глядящей на людей тысячью глаз, желавшей им удачи и смерти, победы и поражения и ждущей героев и жертв...

Вершина 3

УЧЕНИК-МАСТЕР

Глава 1

Они с гулом, свистом и грохотом неслись по тоннелю, стены которого казались то каменными, то металлическими, то стеклянными, а то огненно-дымными. Неслись долго, час, два, сутки, неделю, а тоннель все разворачивался, изгибаясь влево-вправо, вверх-вниз, и вел все дальше и дальше, в глубины неизведанных пространств и времен. Хотя на самом деле он не имел измерений длины, высоты и ширины, как и времени. Потому что, когда он наконец закончился, оказалось, что путешественники стоят в той же камере неопределенной формы, со стенами из цветных дымов, а времени с момента прихода их в камеру «лестницы» Шаданакара прошло всего-навсего — секунда!

Прислушиваясь к своим ощущениям — ничего не болело, не кололо, не жгло, — Никита первым делом глянул на перстень: внутри полупрозрачного, дымчато-черного камня сонно помаргивала голубая окружность.

— Голубая! — сказал Сухов обескураженно. Повернулся к Толе. — Ты что-нибудь понимаешь? Голубая окружность — это к чему?

— К дождю, — буркнул Такэда. — Все в порядке, можем выходить, никто нас не ждет. Кстати, где мы? В соседнем хроне?

— Гораздо дальше... или глубже, не знаю, как правильно выразиться. Точного количества пройденных хронов не назову, меня не учили ни считать их, ни ориентироваться. Выходим.

— Погоди, прежде всего надо решить одну небольшую проблемку, о которой я только что подумал.

— Какую? Одежды, еды, питья, оружия?

— Нет, проблему языка, общения. Не зная языка, везде будем чужими, и никакие умные размышления тут не помогут.

— Ты, как всегда, прав, сэнсэй. Но фандзэра оссимадис пикта мургис. — Никита прищурился в лукавой усмешке.

— Чего? — не понял Толя.

— Это язык кхарохтхи, на котором говорят в одном из Миров Веера. Хранитель толкнул Весть в лингвозону, я теперь знаю

около двух десятков основных языков Шаданакара. Плюс японский.

— Ага. — Такэда успокоился. — Когасира[1] ты наш. А что ты сказал? Фазенда осел...

— Фандзэра оссимадис пикта мургис, почти по Вовенаргу: ум не заменяет знания.

— Ух ты, здорово! Так чего мы стоим?

Никита засмеялся и, повернувшись, шагнул в стену камеры сзади себя, рискуя разбить лоб. Но это был уже не камень, а иллюзия камня, и отверстие выхода в стене появилось мгновенно, как только нога Сухова коснулась ее.

Коридор, в который они вышли, обоих насторожил.

Гофрированные его стены были металлическими, со множеством грубых заклепок, потолок прятался в паутине проводов и ферм, а пол был залит какой-то маслянисто-коричневой жидкостью и завален металлическим хламом и каменным крошевом. Запахи в коридоре витали прогорклые и кисло-чесночные, среди которых узнавались бензино-нефтяные и ментоловые. Дышать здесь не хотелось.

— М-да, высоким уровнем цивилизации не пахнет, — сказал Сухов, зажимая нос платком. Оглянулся.

На двери, из которой они вышли, в потеках и пятнах, красовалась серая табличка с коричневатыми буквами неизвестного языка. В памяти всплыли сами собой значения слов и перевод: «Могильник радиоактивных отходов».

Сухов присвистнул.

— Веселые тут люди обитают! Знаешь, откуда мы вышли? Из могильника радионуклидов.

— Ничего удивительного, вход в темпорал и должен быть замаскирован так, чтобы в него ненароком никто чужой не сунулся.

Инженер, обходя кучи мусора и лужи нефти, углубился в коридор, который через два десятка метров вывел их на пересечение трех таких же коридоров, освещенных лишь просачивающимся откуда-то мутным светом дня. Так как ориентиров никаких на стенах коридоров не было, решили проверить каждый из коридоров, но первый же — левый — вывел их на открытую площадку, расположенную на самом верху здания огромной высоты — не менее трехсот метров. Здание, по сути, было круглой серой башней не то из бетона, не то из металла и возвышалось над городом, представлявшим собой дикое скопление асимметричных угрюмых зданий из того же серого материала — камня ли, металла или бетона, а также из щелевидных окон ржаво-

[1] Когасира — голоса (*яп.*).

оранжевого цвета. Город гудел, ревел, грохотал и звенел, то есть жил, и двое с высоты башни долго смотрели на мрачный урбанистический пейзаж без единого пятна зелени сада или парка, на реки транспортных средств, похожих и непохожих на трамваи, автобусы и автомобили разных форм и размеров, текущие по улицам-ущельям, на безрадостное мглистое небо в хлопьях дымов и серых облаков. Такэда опомнился первым:

— Вряд ли здесь мы будем в безопасности. И я очень сомневаюсь, что в таком мире отыщутся чистое место и хороший тренер.

— Тренер мне без особой надобности, а вот экологически чистый уголок не помешал бы. — Никита сморщился. — Ну и запахи! Уж если здесь, на такой высоте, трудно дышится, то представь, каково внизу, на улицах.

Помолчали, снова вглядываясь в громады зданий и глубины улиц. Пешеходов почти не было видно, и разглядеть их с такой высоты подробно не удалось, но Сухову все они представлялись одетыми в серые балахоны, сапоги и даже в противогазы, скрывающие болезненные, бледные, опухшие лица.

— Не думал, что попадем в мир, каким представляли будущее Земли в романах, — сказал наконец Такэда. — Вероятно, мы не прошли «пакет» Земель с технологическим циклом развития, а в этом, видимо, «завоевание» природы доведено до абсурда.

— Вы ошибаетесь, — раздался сзади хрипловатый бас.

Друзья, подскочив, обернулись, схватившись за оружие. На дальнем конце балкона высилась странная черная фигура, одетая в балахон и шлем, напоминавший танковый. В руках существо держало какое-то громоздкое устройство в решетчатом кожухе с двумя тускло блестевшими стволами и гофрированным шлангом, уходящим за спину. Лицо существа было вполне человеческим, земным. Заросшее щетиной, землистого цвета («Как точно я их представил», — подумал Сухов не без удивления), скуластое и бровастое, оно вполне могло принадлежать местному бродяге или бандиту. Да и аппарат в его руках будил мрачные ассоциации, явно принадлежа к разряду оружия, а не мирных орудий труда.

До Сухова вдруг дошло, что заговорил незнакомец на русском языке. Танцор опустил копье.

— Кто вы?

Незнакомец явно удивился, аппарат в его руках дрогнул, и стволы его глянули на гостей.

— Вы спрашиваете, кто я?! А кто в таком случае вы?

— Посланник, — ответил за Никиту Толя. — Разве вас не предупреждали? Ведь вы Наблюдатель, не так ли?

Незнакомец заколебался.

— Посланцы не спрашивают, кто перед ними. Конечно, меня предупредили, но я не думал...

— Он не совсем обычный Посланник, — улыбнулся Такэда. — Он лишь готовится им стать и не посвящен в тайны Пути.

— А вы кто?

— Я такой же Наблюдатель в своем хроне, как и вы, разве что с некоторыми дополнительными функциями.

— Мне передали, что возможно появление Посланца и Проводника.

— В таком случае я Проводник, хотя и на первом этапе, в своем мире. В ваш хрон нас забросило случайно.

— Это только кажется, что Посланец может быть заброшен Веером в случайное место и в случайное время. Владыки не ошибаются. — Наблюдатель этого хмурого мира все еще сомневался, верить пришельцам или нет. — Но, с другой стороны, на раруггов вы не похожи. Идемте отсюда, у Четырех везде есть глаза и уши, а узнав, что вы здесь, они выбросят десант.

— Как вас называть?

— Мое имя достаточно просто — Мамард-дю-Шиез Ва, но можете называть меня короче — Машив.

— А Землю... как называют планету?

Наблюдатель приблизился, шагая тяжело, неуклюже, но широко.

— На моем языке планета называется Тадзана... Какие странные на вас одежды.

Только сейчас беглецы поняли, что одеты по-зимнему, в пальто, шапки и теплые ботинки, в то время как здесь, в этом негостеприимном безрадостном мире, царила летняя температура — градусов двадцать пять по Цельсию.

— Вы тоже одеваетесь своеобразно, — ответил Сухов, снимая шапку. — Ну и парилка!.. Плюс запахи. Плюс полное отсутствие кислорода.

— Ну, не совсем полное, — возразил Такэда, с любопытством разглядывая нового знакомого, — но для дыхания землянина маловато. — Обратился к Машиву: — Что, ситуация на планете пиковая?

Наблюдатель не понял слова «пиковая», но значение ухватил верно.

— Отвратительная! Природа агонизирует, и жить нам осталось, наверное, немного, лет пять-семь. Если не произойдет чего-нибудь сверхъестественного. Но Хаос вторгся не только в наши дома, но и души. Впрочем, поговорим об этом в другом месте.

Однако они не успели выйти из башни незаметно. Несколько верхних этажей преодолели по лестнице, а у лифта их ждала засада. Индикатор на пальце Никиты сработал вовремя, но они

этого не заметили, слепо доверившись проводнику. Правда, причина выяснилась потом, а в момент нападения Сухов успел лишь плохо подумать о Машиве (предатель?!). Затем началось действие.

Такэда, в отличие от друга, осторожности не потерял, хотя его тоже неприятно поразило отношение здешнего Наблюдателя к происходящему: как только из коридоров на площадку лифта вывалила толпа одетых в пластинчатые доспехи фигур, Машив отступил в нишу коридора, с любопытством и недоверием стал наблюдать за поведением новоявленных Посланника и Проводника.

По-видимому, у нападавших был приказ захватить беглецов живыми, так как они не воспользовались своим оружием сродни тому, что было у здешнего Наблюдателя: двуствольные самопалы в дырчатых кожухах. Поэтому стрелять они начали только после второго отката атаки: Никита и Толя встретили их без страха, хотя на каждого приходилось человек по шесть. Третья попытка захвата началась со стрельбы поверх голов и окрика командира отряда:

— Сдавайтесь, иначе сделаем из каждого решето!

Говорил он, конечно, на местном наречии, которого Такэда не понял, но в памяти Никиты уже всплывал этот язык, «записанный» Вестью, и он поверил руководителю засады сразу. И опустил копье. Хотя потом долго вспоминал о своей секундной слабости со стыдом и чувством вины.

Такэда понял его состояние раньше врагов. Копье его исторгло извилистый ручей голубого пламени, в котором исчезла голова командира засадников. Но второй раз выстрелить инженер не смог — руку парализовало от кончиков пальцев до шеи. Выронив копье, которое называлось вардзуни, Толя, однако, не стал ждать, пока бронированные существа откроют огонь на поражение, и, крикнув: «Проснись, танцор!» — прыгнул на крайнего справа.

Сухов очнулся, но было уже поздно: стволы девяти самопалов повернулись к нему, в то время как десятый искал Такэду, упавшего на пол и боровшегося со здоровенным оперативником.

Если бы беглецы могли во время боя проследить за сменой выражений лица Наблюдателя, это их позабавило бы. Сначала он смотрел за боем с любопытством, затем любопытство сменилось озадаченностью, недоверием, изумлением и даже враждебным недоумением. Какое-то время Машив колебался, все еще ожидая чего-то, сомнения снова вернулись к нему, и, по мере развития событий, он все больше мрачнел и чесал в затылке, прикидывая путь отступления, но прыжок Такэды склонил ча-

шу весов его колебаний в пользу прибывших. Наблюдатель открыл огонь в самый нужный момент, отделявший жизнь от смерти двух людей, взваливших на свои плечи ответственность за судьбы Веера Миров.

Двойная очередь багровых вспышек — пули взрывались от прикосновения к любому предмету, даже к одежде — перечеркнула двуствольные автоматы в руках нападавших, половину выбив из рук, а другую — повредив или сбив прицел. Открыть огонь смогли лишь трое из десяти, да и то в воздух, не прицельно, а потом в бой вмешался Сухов, яростно целеустремленный и свирепый, как джинн, вырвавшийся из бутылки. Он раскидал троих, затем еще троих, успевших подхватить свое оружие, схватил на руки оглушенного Такэду и рванул вслед за Наблюдателем, на бегу огрызавшимся длинными очередями из своего жуткого пушко-автомата.

Им удалось спуститься на два этажа ниже и найти работающий лифт, который доставил беглецов на сотый горизонт гигантского здания, где, как оказалось, Машив прятал аппарат, похожий на геликоптер и трактор одновременно. Парализованная разрядом копья рука Такэды начала потихоньку отходить, и усаживался в кабину аппарата он уже сам.

Через минуту они были в воздухе, а еще через четверть часа страшной тряски, грохота и свиста распарываемого воздуха приземлились за городом на крышу одного из невысоких зданий без окон и дверей, похожих на гигантские пакгаузы из гофрированного серо-зеленого материала. Никто их не преследовал.

С высоты здания — метров десять, не больше — Сухов еще раз оглядел горизонт и поразился бедности ландшафта: взгляд везде натыкался лишь на плоскости, изломы и опухоли зданий, сооружений, мостов, виадуков, башен, шпилей и громад непонятных форм и назначений да на черные ленты дорог и плеши площадей и пустошей. Город отличался от пригорода разве что высотой и скученностью строений да отсутствием мусорных свалок. И — ничего похожего на деревья, кустарники, цветущие поля и луга.

Оглянувшийся Машив понял мимику танцора, сверкнул зубами голубоватого цвета, что не прибавило ни доброты, ни красоты его угрюмому лицу.

— А у вас не так?

— Наша природа еще не агонизирует, хотя процесс распада уже запущен.

Наблюдатель повернулся и скрылся за дверью небольшой башенки наподобие пристройки для лифта. Переглянувшиеся беглецы последовали за ним, кинув последний взгляд на мрач-

ные геометрически четкие горы города на горизонте. Погони не было, и это настораживало.

Жилище Машива представляло собой отгороженную клетушку в углу «пакгауза», оказавшегося складом пластиковых труб и контейнеров. Воняло в нем не так остро, как на «свежем» воздухе, но дышать было все же трудно, пока гости не притерпелись. Половину «квартиры» занимала громадная и высокая кровать, накрытая горой пушистых пледов. Кроме нее, здесь стояли стол, два мощных, похожих на троны стула, круглая желто-коричневая тумба со множеством ручек, оказавшаяся шкафом, и прямоугольный агрегат с квадратными отверстиями, выступами, раструбами и панелью с десятком рукояток. Агрегат оказался кухонной плитой.

На стене, отгораживающей жилище от остальных помещений склада, висела квадратная рама из толстых брусьев, отлитых на первый взгляд из бронзы. На полу лежал ковер, больше напоминающий двухслойное татами. Вот и вся обстановка.

Хозяин усадил гостей на стулья-троны, а сам принялся колдовать у плиты, добавившей несколько запахов к устоявшимся ароматам жилища. Вскоре он поставил на стол квадратные тарелки с янтарным бульоном, в котором плавали ломтики зеленовато-черного цвета. Запах бульона не был неприятным, но Сухов не отважился отведать его первым. И снова Наблюдатель вытаращил глаза, глядя на колебания новоявленных приятелей.

— Странные вы все-таки ходоки Пути. Не знаете самых элементарных вещей. Боитесь — проверьте еду, у вас же есть эрцхаор... определитель полезности... индикатор.

— Индикатор? — Сухов показал перстень.

— Да, индикатор ирф-мирф... э-э... свой-чужой... Неужели вас не научили, как им пользоваться?

— А разве он определяет такие вещи?

— Он определяет все. — Машив вытянул вперед свою руку с четырьмя пальцами и оттопыренным когтем вместо пятого пальца: на самом длинном красовался точно такой же перстень, как и у Никиты.

— Мы не профессиональные ходоки Пути, — вмешался Такэда. — Путь позвал нас, но не сразу дал все необходимые инструкции. — Он зачерпнул квадратной ложкой бульон и осторожно проглотил. Прищелкнул языком. — Годится. Не трепанги, конечно, однако есть можно. Биохимия-то у нас одинаковая.

— Скорее всего, — кивнул Машив. — Несмотря на некоторые физиологические различия, вы, простите, у себя на родине кто?

— Инженер-исследователь.

— Философ, — добавил Сухов, — и мастер единоборств. А вы?

— Итерние, — блеснул зубами Наблюдатель, — кладовщик по-вашему, с дипломом фахцеимагине — сопрягателя культурных менталитетов. — Он совсем по-человечески пошевелил пальцами, подбирая выражение. — Ну, это нечто вроде искусствоведа. Ешьте, если ваши организмы принимают мою стряпню.

Гости начали медленно поглощать бульон, по вкусу напоминающий рыбный суп, с чесноком и перцем. Машив наблюдал, как они едят, и качал головой.

— М-да, никогда не думал, что доживу до появления Посланника. И все-таки что-то в вас есть неправильное. Деретесь вы без оружия неплохо, но настоящий Посланник действовал бы не так.

— Вы поэтому не вмешались в схватку сразу?

— Почему же еще?

— А кто это был? Похоже, они нас ждали.

— У Четырех в каждом из Миров Веера есть глаза, и уши, и даже исполнители варианта прикидки. Дрались вы с полицией, которая получила приказ ждать появления преступников, как и я — друзей, и выполняла его без рассуждений. Но это не «серые исполнители».

— Мы их называем иначе — «свита Сатаны».

Никиту вдруг потянуло в сон. Наблюдатель заметил его состояние, развернул пледы на кровати, махнул рукой:

— Ложитесь, отдыхайте, поговорим позже.

— Если не возражаете, я бы задал вам несколько вопросов, — вежливо сказал Толя. — А ты спи, Кит, пока мы будем беседовать.

Уснул Сухов сразу, едва голова коснулась подушки.

Лишь на третий день они более или менее адаптировались к воздуху этого неблагополучного со многих точек зрения мира. Никите это далось с большим трудом, чем более закаленному Такэде, но и Толя дышал, как рыба, вытащенная из воды. В здешнем воздухе было слишком много примесей, отсутствующих на Земле, от окисей серы, сурьмы и фосфора до радиоактивных радикалов, да и изотопный состав воздуха отличался от земного. Долго оставаться здесь было нельзя. Но и уйти в другой хрон они пока не могли: как выяснил Машив, в башне, где находилась станция хронопереходa, все время толклись вильеры, местные полицейские. Вряд ли они знали местонахождение станции, да и вход в нее открывался не всем, но пройти незаметно к двери станции представлялось проблематичным.

Беглецам показалось, что станция хроносдвига расположена не в самом удачном месте, и Машив пояснил:

— Раньше на этом месте был холм, его срыли и поставили памятник Вождю, просуществовавший почти сто лет. Затем во время переворота памятник взорвали, а на его месте возвели Башню Славы. Следующий переворот башни не коснулся, но всю «Славу» уничтожили, а внутри обосновались коммерческие структуры и вычислительные центры. Ну, а когда наступил Кризис, башня вымерла. Выносить же старое оборудование и заменять его новым оказалось слишком дорого. Так и стоит теперь она пустой и не пустой одновременно. И простоит еще долго, строили ее из материалов очень стойких и прочных. А станция хроносдвига — темпорал — все это время маскируется внутри под какой-нибудь запасник с хламьем. В башне таких мертвых помещений множество.

— Кладбище, — проворчал Сухов.

Машив понял.

— Весь наш мир — большое кладбище. Процесс дезинтеграции природы уже не остановить никакими средствами, а вместе с гибнущей природой умрет и население планеты. Не сразу, конечно, пройдет какой-то период дробления культуры, хирения и деградации, затем период Слабого Хаоса, потом — полный распад. Кстати, если вы пойдете «вверх», то минуете несколько погибших миров, схожих с нашим, особенно по техническим параметрам.

Сухов иронически взглянул на грозную двустволку у ноги Наблюдателя. Машив поймал его взгляд, улыбнулся, оскалясь:

— Что, не укладывается в теорию прогресса технологии? Да, наша техника далека от совершенства, даже по сравнению с вашей, хотя цивилизация нашего хрона старше на несколько тысяч лет, но это не моя вина. Во впадине эволюционной гиперболы вы увидите миры, где технологические цепочки доведены до гротеска и даже абсурда. Эволюция машин пошла там по пути увеличения органов с небольшим количеством степеней свободы. То есть по пути упрощения конструкции и усложнения эксплуатации.

— Ретроэволюция, — кивнул Такэда.

— Вриэссо? Э-э... что? А-а... да. Они создавали потрясающие по масштабам, сложности и одновременно примитивные машины, в том числе и звездолеты, напоминающие ваши паровозы, но в сотни раз больше.

— А откуда вы знаете? Вы что же, путешествуете по хронам?

— К сожалению, я лишен удовольствия путешествовать по Мирам Веера. — Наблюдатель достал из обширных складок своего плаща-комбинезона прозрачно-стеклянную плоскую квадратную коробочку, живо напомнившую портсигар-бабочку Та-

кэды. — Но у меня есть рация, а я любопытен. Те, кому я посылаю донесения, платят мне информацией.

Толя в ответ достал свою рацию.

— У меня тоже есть такая штука, но действует на прием она очень редко.

Машив только покрутил лохматой головой, исчерпав запасы удивления и недоверия. О странностях своих новых знакомых говорить он перестал, но в глазах его нет-нет да и проскальзывала подозрительность.

— Интересно было бы взглянуть на Землю в середине впадины эволюционной гиперболы, — задумчиво проговорил Такэда. — Выходит, Земля нашего хрона — еще не самый глухой тупик технологических стадий цивилизаций?

— Вы на склоне «пакета». Я же говорил, что «на дне» гиперболы располагаются Миры с чудовищно гипертрофированными режимами, сильно подверженными дыханию Хаоса. Лишь на подъеме гиперболы начинаются Миры, достигшие начальных стадий магии знания. И заканчивается земной «пакет» цивилизацией колоссального взлета с высочайшим уровнем абстракции, которой почти не страшно вторжение Индрагора.

— Люцифера, — механически поправил Такэда.

Машив не возразил.

Разговор этот произошел на второй день пребывания Сухова и Такэды в мире Машива, когда он вернулся после вылазки в башню и город, носивший название Таннербериозасав. К вечеру они прогулялись вокруг квартала пакгаузов и складов, надышались выхлопными газами немилосердно дымящих автопоездов, размеры которых потрясали, оглохли от рева и грохота, дважды прятались от полицейских патрулей, запакованных в броню и кожу динозавроподобных животных, и решили без надобности больше не выходить. Тем более что многое об этом мире можно было узнать по видеотелеграфу — системе, аналогичной телевизору Земли середины двадцатого века: это была та самая рама из толстых брусьев, висящая на стене дома Наблюдателя.

Изображение возникало в раме, как живая картина с глубиной и перспективой, но, поскольку угол зрения людей не совпадал с тем, под каким глядели на мир существа этой вселенной, а частота кадров была иной, то смотреть «телевизор» Машива, в котором не было ничего, что напоминало бы транзистор, микросхему или лампу, было очень трудно. К концу своего пребывания у него ни Такэда, ни Сухов так и не привыкли к особенностям восприятия телепередач, хотя многое все-таки смогли узнать и понять.

Цивилизация Наблюдателя мало отличалась от цивилизации Земли, разве что гротескным сочетанием примитивно-вы-

сокой техники — в том смысле, что если довести до максимума совершенства прогресс паровозов и пароходов, вместо того чтобы сменить их более экономичными и эстетически продуманными техническими средствами, то как раз и получится реализованный вариант, — и сложнейших социальных отношений, базирующихся на этнически-клановых связях и конфликтах. Правда, Машив сказал, что Веером реализованы еще более абсурдные отношения между разумными существами.

Разговор о Мирах Веера продолжался с перерывами два длинных вечера и сопровождался распитием напитка, который хозяин называл варрес, а Такэда — чай с коньяком, хотя напиток настаивался на каких-то местных травах, произраставших где-то высоко в горах. Лишь там сохранилась жалкая часть некогда великолепной, дикой природы планеты, уходящей в небытие.

Машив научил Никиту пользоваться перстнем как индикатором ядовитых веществ, и таким образом они наконец избавились от проблемы пищи, испытывая ее на себе методом проб и ошибок, любая из которых грозила летальным исходом. Варрес по вкусу и запаху действительно напоминал чай с коньяком и по отзыву перстня не имел противопоказаний для организмов людей, живших в другом хроне.

— Как вы уже знаете, — говорил Машив, удобно лежа на своей громадной кровати, где умещались и Сухов с Толей, — сходные по условиям Миры рождались «пакетами», до миллиарда в «пакете». Именно столько реализовалось Миров с планетами, подобными вашей Земле или нашей Тадзане. Но и в каждом «пакете» Миры расположены не хаотично, а «пачками», причем неблагополучных, с точки зрения нашей морали, с высоким уровнем злобы и ненависти, как правило, больше.

— Например? — заинтересовался Никита. — Что вы хотите сказать?

— Например, Земель, на которых родились деспоты, апостолы человеконенавистничества типа Чингисхана, Сталина, Гитлера, фанатиков веры, насчитывается шестьсот шестьдесят шесть, а Земель с режимами социального равенства в десять раз меньше. Если бы вы знали, как интересно сравнивать два Мира, два соседних хрона, сдвинутых по времени на один хроноквантовый угол! Различия бывают или очень тонкими, или разительными, хотя физические константы могут отличаться на неуловимо малые величины. Поистине Шаданакар — удивительнейшее из творений Мироздания, фантазия которого безгранична! Во всяком случае, мы не представляем даже ничтожной доли того, что реализовано Веером. Допустимы любые фантазии — с

единственной оговоркой: условия существования Мира должны быть непротиворечивы.

Сухов хмыкнул.

— Значит, где-то есть Мир, в котором реализованы гоблины, тролли, хоббиты, черти и другая нечисть?

— Вполне возможно, что для них «нечисть» — мы, — задумчиво сказал Такэда, который имел удовольствие беседовать с Машивом чаще. — Веером реализованы все системы мифов всех народов, населяющих Миры, от языческих русских, индо-аккадских до китайских, египетских и африканских. Нам еще придется убедиться в этом на практике.

— Если сможете вырваться из лап «свиты», — заметил скептически настроенный Машив. — Возможности ваши, как я вижу, невелики. Тем более что вы можете выйти в агонизирующих Мирах, подчиненных ритму войн и катаклизмов. Например, я узнал недавно о существовании слоя фанатических исламских империй, не терпящих инакомыслия, где идет глобальная война всех против всех. А чем лучше Мир, в котором победил Гитлер? Или где ваш Сталин жил до ста двух лет? Или где татаро-монгольское иго захлестнуло всю Землю?

Сухов глянул на Такэду, в глазах которого тлел хищный огонь любопытства.

— Да, в таких Мирах жить не очень уютно.

— Зато интересно, — произнесли Машив и Толя в один голос.

Никита засмеялся, привычно прикрыв рот ладонью — чтобы не перехватило дыхание. Оба Наблюдателя были похожи фанатичной тягой к новым знаниям, жадностью к информации, и те, кто отбирал кандидатуры для постов Наблюдателей, не ошиблись в выборе.

Машив знал о жизни Веера гораздо больше, чем Такэда, хотя инженера это не задевало, а скорее стимулировало, как он признался Сухову. Рассказы о Мирах Веера он мог слушать вечно, и Машив платил ему той же монетой, преображаясь во время бесед из хмуро-недовольного, бандитского вида субъекта в интеллектуального и корректного собеседника, хорошо знавшего тему разговора.

Сухова тоже интересовала жизнь Веера, хотя к любопытству его примешивалась изрядная доля сомнений и страха: он не знал, что ждет их впереди, чем закончится Путь и кем он станет в финале. К этим чувствам примешивались и переживания за судьбу Ксении, поэтому Никита был нетерпелив, слушал обоих вполуха и заставлял себя тренироваться через силу. Однако и его увлекали красочные описания Машивом Миров Веера. Ви-

димо, Такэда был прав, когда предположил, что Наблюдатель на Тадзане был не только Наблюдателем, но и Посвященным.

По его словам, существовал Мир, где вовсе не было Сталина, но был Гитлер, хотя и носил другое имя. Существовали Миры эллинистического типа, скифского, монгольского или индейского. Миры, где люди ушли от техники, развив экстрасенсорные способности, избрав биологический путь развития. Суперкомпьютерные миры, обозначавшие тупики технологического развития, как и Мир Машива. Миры, где цивилизации погибли, оставив «великолепные», долго сохранившиеся развалины. Мир, близкий Земле, но с более высоким уровнем пси-обмена, отзывающийся на Земле утечками информации; Атлантида и Шамбала — это мифы, созданные под влиянием подобных утечек. Миры, где в Солнечной системе существовал Фаэтон, у Земли не было Луны, Юпитер был второй звездой, кроме Земли не было планет, а лишь кометно-метеорные кольца, планет было гораздо больше, и так далее, и тому подобное. И наконец, существовали вселенные-хроны, настолько отличные от вселенной-Земли, что с трудом верилось в их реальность. Если в цивилизации разумных динозавров, слонов, насекомых пчел или шмелей, дельфинов и даже гигантских питонов Никита еще мог как-то поверить, то миры с разумной жизнью на основе электронных концентраций в массивах желеобразных полупроводников представить было трудно.

Машив закурил. Дым его сигары для людей оказался приятным открытием, потому что имел запах мяты и озона, хотя на самого хозяина он производил почти наркотическое действие.

Сухов перестал прислушиваться к разговору. Голоса обоих Наблюдателей слились для него в неясный гул, и он задремал. Снились ему рогатые динозавры, змееподобные твари с коронами на головах, чудовищные твари в черных панцирях и гигантские облака газа размером с галактику, разговаривающие с ним на чистом русском языке и называющие танцора своим «желеобразным другом»...

Глава 2

На четвертые сутки[1] пребывания на Тадзане беглецов с Земли Машив нашел способ проникнуть в башню незаметно и вывести землян к станции хроносдвига.

[1]Сутки на Тадзане насчитывали двадцать шесть часов с минутами, а сам час был почти равен двум земным.

Пробирались к башне они под землей, по коллекторам и тоннелям городской канализации, ничем не отличающейся от подобной сети любого большого города Земли. Машив вывел группу точно под башню, в колодец сквозной вентиляции, пронизывающий здание по всей высоте. Остановился, осветив фонариком зал с насосами, продолжавшими гнать засасываемый сверху воздух по трубам во все коридоры здания. Грохот здесь стоял страшный, приходилось напрягать глотку, чтобы докричаться до соседа.

— Я, конечно, понимаю, что вам надо бежать, искать более спокойные хроны, но я еще не встречал хомбре... человека, который избежал бы опасности, убегая от нее.

Никита похлопал Наблюдателя по плечу: тот почти дословно повторил известный земной афоризм, но главное, что он был прав. И все же танцору был необходим какой-то период спокойного бытия, чтобы привести в порядок душу и сердце и потренироваться с экстрарезервом, пробуждая Весть, а через нее — пси-запас.

Машив похлопал его в ответ по спине, понимая молчание Сухова не хуже, чем объяснения. Такэда под влиянием минуты рассказал ему всю их историю, и хотя Машив был настроен скептически относительно их дальнейших планов, помочь не отказался.

— На вашем месте я бы вернулся домой, где вас сейчас не ждут. В вашем мире, причем на вашей родине, жил один ученый, вернее, инженер-исследователь и писатель Владимир Савченко, который открыл универсальную связь причин и явлений, применимую во всех без исключения Мирах Веера. Он опубликовал свою работу под названием «Антифизика для всех» и... никого из землян своего... вашего времени не заинтересовал.

— Нет пророка в своем отечестве. — Сухов повернулся к Такэде, одетому, как и он, в комбинезон и шлем вильера — полицейского Тадзаны. Костюмы вильеров достал Машив, не сообщив, чего это ему стоило. — Ты читал эту «Антифизику»?

— К стыду своему, нет. Я знаю, что писатель такой существовал, жил в Киеве, но он уже лет пять как умер... хотя книги его переиздаются до сих пор. «Антифизику» я не читал.

Машив, как и Сухов, похлопал Такэду по спине.

— Вам бы знать это следовало, коллега. Савченко теоретически обосновал взаимосвязь мировых констант для каждого хрона: первичны события, которые задают размеры и длительность состояний Мира. И что существует прямое знание — действие, возможность самоконцентрации в миллионы раз выше, чем реализуют люди.

— Ну и о чем это говорит? — пожал плечами Никита.

— Концентрация энергии вакуума, в том числе и внутри любого существа, огромна! Если овладеть ею с помощью формул Савченко, можно стать магом.

— Если бы это было возможно, все Миры Веера были бы заполнены магами, волшебниками.

— Овладение С-процессом — так его назвали на вашей Земле много лет спустя — подвластно лишь творчески одаренным личностям, да и то не всем. И все же это шанс.

— Поглядим. Спасибо за заботу.

Машив поднял руку в знак одобрения и повел людей за собой к стене подвала, на которой чернели скобы, поднимающиеся к потолку и дальше по стене колодца вверх. Один за другим они полезли по скобам, закинув за спину ранцы-рюкзаки местного производства с провизией и оружием. Машив свой громоздкий пулемет лишь сдвинул набок, чтобы иметь возможность в случае надобности открыть огонь тотчас же, поэтому ему было труднее всех.

Подъем на трехсотметровую высоту и по лестнице невероятно труден, а подниматься, цепляясь за скобы, многие из которых едва держатся в стене, еще труднее. И хотя им никто не мешал, добрались они до верха, выбившись из сил, только через полтора часа.

Отдыхали полчаса, приводя в норму дыхание и сердцебиение. Потом Наблюдатель знаком приказал им ждать и, расстреляв замок, запирающий выходную решетку, выбрался на крышу башни. Звуки стрельбы переместились вниз, к отчетливо слышимому гулу вентиляторов, породив дребезжащее эхо, но вряд ли стрельбу можно было услышать из колодца внутри здания.

Повисев на скобах минут пятнадцать, Никита осторожно выглянул наружу.

Была ночь. Колпак вентиляционной шахты венчал крышу здания, обнесенную металлическими перилами. Над шахтой вздымался трехметровый штырь с алой лампой, ничего не освещавшей под ней. Машива нигде не было видно. Сухов вылез на крышу, достал из ранца копье-вардзуни, подождал немного и позвал Такэду. Вдвоем они обследовали крышу здания, оказавшуюся крышей центрального выступа башни, вся поверхность которой была по площади раз в тридцать больше и находилась ниже метров на десять, на высоте трехэтажного дома. Люка они не нашли, зато обнаружили металлическую лесенку, спускавшуюся на основную крышу.

— Что будем делать? — прошептал Никита.

— Ждать, — так же шепотом отозвался Толя. Он был вооружен двуствольным автоматом того же типа, что и Машив, свое

копье он уронил после выстрела во время последнего боя с вильерами.

Ждали долго — минут сорок, час, полтора, разглядывая с высоты плохо освещенный город. Даже в темноте было видно, что он накрыт коричнево-серой дымкой смога. Наконец и Такэда стал проявлять признаки нетерпения.

— Что-то случилось. Надо искать станцию и уходить самим.

— Прежде надо отыскать Машива.

— А если он попал в засаду? Нет, Кит, тебе рисковать нельзя, нарвешься на случайный выстрел...

— Типун тебе на язык! — Никита глянул на перстень: в камне помаргивал желтый крестик. — «Свитой Сатаны» здесь пока не пахнет, а с вильерами мы с Божьей помощью справимся.

— Тогда я иду первым.

Такэда перекинул ногу через перила и стал спускаться по лестнице на нижнюю крышу, покрытую каким-то темным материалом, вроде засохшего клея.

Вскоре они нашли невысокую пирамиду выхода на крышу с открытой дверью. Из глубины здания просачивались сюда тихие отголоски чужой жизни и тусклый желтый свет.

— Там нас ждут, — уверенно сказал Толя на ухо танцору. — Слышишь звуки? Кто-то ходит и разговаривает.

— «Смутный шорох тысячи смертей», — прошептал в ответ Сухов.

— Что?! Ты о чем?

— Ни о чем, это Заболоцкий. Другого пути вниз все равно нет.

Толя проверил готовность своей доисторической «двустволки» к бою и бесшумно нырнул в пирамидальную будку, нащупывая ступени. Никита глубоко вздохнул, чувствуя возбуждение, нетерпение и дрожь в руках, перехватил удобнее вардзуни и последовал за инженером.

Лестница, закрученная спиралью, по мере их продвижения делалась все светлей, пока наконец не показался участок коридора с грязно-зелеными, в пятнах копоти, стенами и черным блестящим полом, в котором отражался светильник в форме трезубца. Такэда поднял руку, Сухов замер. Он тоже разглядел то, что увидел Толя: в полу отражалась часть другого коридора и за углом — неподвижная фигура в глянцево-синих доспехах. Судя по всему, здесь расположился пост вильеров из двух человек; было слышно, как они изредка переговариваются. Некоторое время Никита прислушивался, потом вплотную приблизил губы к уху инженера.

— Их всего двое, нас не ждут. Машив схвачен, но нас не выдал.

Такэда ткнул пальцем вниз и погладил свой автомат.

Никита отрицательно качнул головой, взвесив в руке вардзуни.

— Твоя пушка наделает грохота, а копье работает бесшумно. Прикроешь, если что.

Последние ступеньки Сухов преодолел в два прыжка, соскочил на пол (блестящая черная поверхность оказалась пленкой какой-то жидкости), мгновенно оценил ситуацию и выстрелил. Голубой извилистый ручей разряда прошелся по рукам одного вильера и уничтожил автомат другого. Руку Сухова свело, но вардзуни он не выпустил.

Первый вильер повалился на пол без звука, а второй заорал было, и Такэде пришлось заехать ему прикладом по шлему, после чего наступила тишина.

Коридор уходил в обе стороны, закругляясь по радиусу, и был весь залит жидкостью, напоминающей нефть. Второй коридор, узкий и темный, уходил в глубь здания и заканчивался тупиком, вернее, клеткой с тремя дверями. Такэда посветил фонарем и еле слышно присвистнул: на одной из дверей красовалась знакомая надпись на тадзанийском языке: «Могильник радиоактивных отходов».

— Или нам невероятно повезло, или станция способна перемещаться.

— Есть и другое объяснение: таких могильников здесь много. — Никита толкнул дверь, и в лицо ему ударил сиренево-синий свет «предбанника» станции хроносдвига. Это и в самом деле был вход на станцию.

— Ничего не понимаю!

— Может быть, она реагирует на наши... твои мысли? Ведь что ни говори, но ты — Посланник.

Сухов хмыкнул.

— Я, конечно, думал о станции, но... Впрочем, все к лучшему. Теперь мы знаем, где она, и всегда сможем добраться. Пошли искать нашего приятеля, попробуем вызволить.

— Ты с ума сошел, танцор! Он в своем Мире, как-нибудь оправдается, а мы только дров наломаем, да и сами можем попасться. Что тогда?

— Можешь подождать меня здесь. — Никита голос не повысил, но в его тоне прозвучали доселе незнакомые нотки, властные, упрямые и уверенные.

— Тогда пошли, — невозмутимо ответил Такэда.

Через двадцать минут поисков они вышли на стык двух коридоров, похожий на тот, первый, попавшийся им после выхода из станции хроносдвига. Здесь же была и лестничная площадка, и коробка лифта с ограждением из ржавых металлических

прутьев. Никто из вильеров не повстречался, не было их и на лестничной клетке, но Сухов первым обратил внимание на звуки речи, доносившиеся из шахты лифта. Отогнув полосы ограждения, они с трудом сдвинули тяжелую дверь и заглянули в шахту.

Коробка лифта виднелась этажом ниже, и оттуда же доносились голоса разговаривающих людей, среди которых ясно различался хриплый бас Машива. Вероятно, он понимал, что гости будут его искать, и поднимал скандал, своим рыком давая понять, где он и что с ним.

— Странно, что его держат столько времени здесь, в здании, — выдохнул Такэда. — Знают, что он не один, и ждут остальных? Или пытаются выяснить на месте, что он тут делает?

Жест Сухова был красноречивее слов: какая разница?

Решили спуститься по шахте до крыши лифта, проанализировать ситуацию, определить количество и силу противника и лишь потом действовать.

Спуститься удалось, цепляясь за огромные металлические рейки с зубьями, за которые цеплялись шестерни кабины лифта; местные лифты были устроены не так, как земные, — без тросов и мотор в них находился на крыше лифта. Нашелся и люк в кабину, снабженный обыкновенной защелкой без замка, к тому же и сорванной. Приоткрыв люк, «диверсанты» убедились в том, что кабина пуста, и бесшумно спустились на пол, готовые к любой неожиданности. Никита сразу же осмотрел панель управления, утыканную рукоятками и тумблерами; до кнопок и сенсоров цивилизация Тадзаны почему-то не дошла, хотя ее кое-какие технические решения могли бы составить конкуренцию и на Земле.

Дверь лифта, снабженная изнутри мощной задвижкой, открылась наружу. Пришлось попотеть, чтобы сдвинуть задвижку без шума. В щели запора была видна часть лестничной клетки, груда ящиков и коридор. Вильеров здесь находилось человек восемь. Они сидели на ящиках, возились у какого-то гудящего и мигающего устройства, похожего на спортивного коня, бесцельно бродили по коридору. Двое допрашивали Машива, не попадавшего в поле зрения, и один из этих двоих вильером не был. Высокий, сутулый, одетый в серый пятнистый балахон со множеством металлических блях, он сразу не понравился Сухову. А через минуту Никита понял, что это в с е л ё н н ы й — по косому взгляду, брошенному на дверь лифта.

Танцор отшатнулся, сдавленно пробормотал Толе:

— Попались! Моджахед в сером — в с е л ё н н ы й! Посмотри.

Такэда на секунду приник глазом к щели.

— Ты прав. Но пути назад нет. Атакуем, пока они не опомнились, иначе нас снимут в шахте, пока будем подниматься.

Никита молча ударил в дверь ногой... которая открылась лишь наполовину, уткнувшись в низкий металлический барьер, невидимый из щели. Если бы они тотчас же бросились вперед, то неминуемо споткнулись бы — столкнулись и упали, попадая под огонь дюжины автоматов. Спасли только реакция да выдержка Такэды. И все же сцена была достаточно красноречивой: вильеры оглянулись на хлопнувшую дверь, Машив поднял голову, привязанный к еще одному гудящему устройству, которое напоминало пыточный стол и детектор лжи, Никита занес ногу через барьер, Такэда выставил автомат, монстр в сером сунул голову в аппарат с окулярами, наставляя его на людей; в руке он держал такое же копье, что и Никита; и все застыли на мгновение. И все же на долю секунды люди начали первыми, потому что готовились к худшему, да и никто из лифта их не ждал.

Длинная двойная очередь прошлась по группе полицейских, сбивая их с ног, а голубая молния вардзуни вонзилась в руку человека в сером, держащего такой же лучемет. Выстрелить он тем не менее успел — факел голубого пламени вонзился в дверь лифта, — но ни Сухова, ни Такэды там уже не было: они успели выбраться из кабины и старались перемещаться как можно быстрее. Вторая очередь Толи пришлась на гудящего «коня», и тот взорвался желтым электрическим огнем и дымом, на время приковав к себе внимание оставшихся на ногах вильеров.

Никита подскочил к Машиву, глядевшему на них с веселым изумлением и недоверием, сунул острый наконечник копья под путы на руках и ногах, рванул дважды, и Наблюдатель оказался на свободе, сразу бросаясь в схватку: подобрав чей-то автомат, он принялся стрелять по мелькавшим в коридоре фигурам. И все это время человек в камуфляжном комбинезоне стоял в стороне — без руки! не падая и не крича от боли! — и пристально наблюдал за Суховым, не обращая внимания на суету вокруг, выстрелы, крики, команды. Взгляд его был страшен! Если бы Никита встретил этот взгляд, ему не помогли бы ни воля, ни сила, ни оружие. Но танцор не глядел по сторонам, подчинив себя главной цели — освобождению Машива.

Через минуту бой закончился. Машив увлек освободителей за собой и через некоторое время — бежали со всех ног! — вывел их по коридорам и лестницам к еще одной двери с надписью: «Могильник радиоактивных отходов». Это был не тот коридор и не та дверь, что обнаружили час назад беглецы, но Сухов сразу почувствовал — станция хроносдвига здесь! Она действительно могла перемещаться, менять местоположение: либо по каким-то командам подсознания путешественников, либо по программе, составленной миллионы лет назад кем-то из магов, отвечающих за Посланника.

Мысль мелькнула и исчезла. Никита коснулся двери ладонью, открывая вход. Оглянулся, пробормотав:

— «Укажи мне прямые пути. И в какую мне тварь низойти»[1].

— Прощайте, — сказал Машив, все еще не пришедший в себя. — Почему вы не ушли сами?

— Потому что мы друзей в беде не бросаем, — вежливо ответил Такэда. — Удачи, Наблюдатель. Может, еще свидимся?

— Вряд ли. — Машив добавил несколько слов по-тадзанийски. Сухов улыбнулся, но не перевел. Протянул руку.

— Уходите, пока вильеры не устроили облаву.

— Я дома, чего мне бояться. Вы заметили того чужака в сером? Он з н а л о вас все. Но это не бханг... вы называете их эсэсами... он не из «свиты».

— Он двойной, в него вселили кого-то из тех, кто охотится за нами. Вполне вероятно, что когда-нибудь я встречусь с ним лицом к лицу.

— Побереги вас Бог! Может быть, вы и уцелеете, начинаю верить в это. Воспользуйтесь вашим перстнем-индикатором, он выведет в любой хрон, в том числе и в такой, где вас долгое время никто не потревожит. Существует закон: успех дела — это хорошо поставленная информация и хороший исполнитель. Вам не хватает информации.

— Спасибо, я понял.

— Но у вас в руках, вернее, на плече — ценнейший кладезь информации, заставьте его говорить.

— Я попытаюсь... — Никита споткнулся, твердо взглянул в глаза Наблюдателя, в которых недоверие боролось с надеждой. — Я заставлю ее говорить!

Думал Сухов в это время о Ксении.

Машив хлопнул его по спине, потом Такэду, поднял руки в прощальном жесте и сгинул в темноте коридора. Двое смотрели во тьму, пока не смолкло эхо шагов, потом ступили в сиреневый полумрак, и дверь станции хроносдвига закрылась за ними.

Ложное чувство легкости, с которой они ушли из мира Машива, сыграло с ними скверную шутку, усыпив даже врожденную осторожность Такэды. Правда, времени на анализ событий у них не было, но Толя должен был задуматься — почему им так везет. Однако и он поддался настроению Никиты, опьяненного победой и собственной смелостью, когда тот предложил «поиграть пластинками Веера», то есть посмотреть Миры Веера, по-

[1] Б у н и н И. Псалтирь.

щупать их руками, — хотя бы те, где их не ждала засада «свиты Сатаны».

Таким образом, они, пользуясь наведением перстня-эрцхаора, ступили на зыбкую почву хроноскважины, соединяющей миры с разным ходом времен и разными физическими законами, не зная, что любое перемещение по «струне» хроноскважины встряхивает всю паутину «струн» и что наблюдатели из обоих лагерей — Хаоса и Закона — уже получили сигнал: кто-то грубо, не соблюдая никаких правил маскировки и демпфирования колебаний «лестницы» Шаданакара, открыл Путь.

Индикатор выдал «добро» (воздух нового мира годился для дыхания, вода — для питья, боевики СС на выходе не ждали), и они вышли в мире, о котором рассказывал Машив: упрощение технологий и увеличение числа рабочих органов машин довели науку этой цивилизации до патологического состояния, рождающего технических монстров. Инженерная мысль этого дряхлого мира зашла в тупик, не способная на смену идей, продолжая «совершенствовать» те идеи, которые были открыты еще сотни и тысячи лет назад.

По гигантским автострадам — железных дорог здесь не строили — ползли чудовищные допотопные паровые автопоезда, топившиеся углем. По улицам продымленных городов с невысокими, но громадными по площади зданиями с грохотом сновали в чаду и дыму жуткие пародии на автомобили, об эстетике формы которых говорить не приходилось. В небе летали настоящие многокрылые и многомоторные крепости размером с половину земного аэропорта. Моторы крутились в них электроэнергией, вырабатываемой атомными реакторами, которые управлялись такими доисторическими методами — с помощью систем, замедляющих реакцию стержней, что уму непостижимо, насколько ненадежным было такое управление.

Были в этом мире и звездолеты — гигантские горы из металла, бетона и керамических материалов, вызывающие тошноту от одного взгляда на них. Источниками энергии в них тоже служили атомные реакторы, подобные земным пятидесятых годов, разве что размерами в сотни раз больше. Но они летали!

Земля в этом хроне-вселенной носила название Удургумруб, у нее было две луны — Буррумуб и Гурруб, а в солнечной системе насчитывалось одиннадцать планет, около трех сотен спутников и пять кометно-пылевых колец, и почти все они были исследованы с помощью атомных планетолетов, без предварительного зондирования. Автоматики и компьютерной техники цивилизация Удургумрууба не знала. Как не знала она и технологий переработки отходов и устаревших технических уст-

ройств — Никита и Толя вышли из станции хроносдвига в центре гигантской свалки, приняв ее сначала за город.

Впрочем, свалка и была своеобразным городом, где жили тысячи отвергнутых цивилизацией нищих, бездомных, калек и мерзавцев всех мастей, сбившихся в шайки. Одна из таких шаек попыталась ограбить новеньких, вооруженная ножами и громадными одноствольными ружьями, которые напоминали старинные мушкеты. Одеты они были на удивление хорошо, почти как рок-металлисты Земли, но одного взгляда на их лица — безволосые, по-волчьи злобные и жестокие — было достаточно, чтобы отбить всякую охоту знакомства и обмена информацией с ними.

Путешественникам удалось отбиться довольно легко, ибо нападавшие понятия не имели об элементарных принципах воинского искусства и самозащите без оружия, после чего пришельцев уже не трогали. В костюмах вильеров, полицейских Тадзаны — земные пальто и шапки пришлось оставить в доме Машива, — они практически не отличались от жителей Удрумба — так называли свою планету сами аборигены.

С трудом добыв завтрак и с еще большим трудом заставив себя его съесть, путешественники не стали задерживаться на Удрумбе, Земле «середины пакета» «хреновых хронов», как сказал Такэда, соответствующей самой низшей точке эволюционной параболы для данного «пакета».

Следующая остановка была настолько похожа на предыдущую, что Никита засомневался, сработала ли станция: вышли они на холме, окруженном точно такой же свалкой. Но это был уже другой мир, с другими красками и особенностями. Цивилизация на нем была представлена одним городом-гигантом, перемещавшимся в сторону новостроек, оставлявшим сзади «хвост» развалин и мусорных свалок. Имя планеты осталось неизвестным, и друзья не стали останавливаться здесь.

Затем они вышли в середине «пакета» мусульманских империй, оплота фанатиков исламской веры, выдержав полчаса и будучи едва не схваченными контрразведкой той страны, где располагалась станция хроносдвига. Но и получасового наблюдения за исступленно молящейся толпой, устроившей после молитвы поголовную резню, было достаточно для впечатлительных землян. Этот «пакет» хронов был античеловечен и антиинтеллектуален, следуя закону развития по нисходящим ветвям, быстро ведущим к одичанию и духовной смерти, за которой следовал полный распад цивилизации.

Прошли «пакеты» миров, на которых господствовали империи, захватившие практически всю планету. Некоторым империям можно было найти аналоги в земной жизни: Соединенные

Штаты Америки, Япония, Китай, арийская Германия, монголоиндейская раса, союзы черных африканцев, Египет. Добрались и до России, вернее, Руси времен будущего, от десятков до тысяч лет. Первую остановку сделали в начале русского «пакета».

Планета называлась Соацера, а страна, соответствующая Руси на Земле, — Осенеаза. Несколько часов бродили по лесу, во многом напоминающему земной умеренного пояса, с лиственными и хвойными деревьями, кустарником и цветущими травами, и не могли надышаться. Небо здесь было зеленоватого оттенка, дышалось легко, тишина располагала к отдыху и умиротворению.

Вышли к реке, за которой расстилалась травяная равнина с блестящими мачтами ветряков. На горизонте отсверкивала бело-голубая стена города, людей нигде не было видно, да и дорог тоже, лишь вдоль реки вилась тропка, указывающая на то, что пешеходы в этом мире не перевелись. И все же останавливаться здесь тоже не стали, жажда увидеть мир мечты погнала дальше.

А на Земле середины «пакета» с высокой технологией, обеспечивающей свободу любых творческих начинаний, с демократическими режимами, развитой экономикой, позволяющей безбедное существование всем живущим, путешественников настигла погоня.

Станция хроносдвига пряталась здесь в пещере, выходившей прямо из стены гигантского каньона необыкновенной дикой красоты и величия. Спуска вниз не оказалось, но путешественники не очень огорчились, пораженные открывшейся панорамой. Очнулись они от мрачного предчувствия — оба ожидали опасности и расслабиться не успели. Никита взглянул на перстень: камень пульсировал алым полумесяцем, выстреливая длинные оранжевые искры в глубь пещеры, из которой они вышли.

— СС! — выдохнул Сухов, судорожно выдергивая из ранца копье-вардзуни.

— Ждали нас?

— Нет, шли за нами. Они еще внутри станции, но скоро выйдут. Давай искать спуск вниз.

Но было уже поздно. Сиреневое сияние обозначило дверь в дальнем конце пещеры, и на ее пол прыгнули пять фигур в черных комбинезонах.

Глава 3

Вожак «свиты» был уже знаком: тот же гигант, что встретил Сухова в парке и на станции хроносдвига. Только на этот раз он был одет в другой комбинезон и вооружен вместо вардзуни тре-

зубцем, каждый зуб которого светился, как раскаленный кусок металла. Хабуб, всплыло в памяти название трезубца. Это был «младший брат» шиххирта, метатель стрел, обладающих огромной пробивной и взрывной силой.

Главарь выступил вперед. Лицо его не выражало ни гнева, ни удивления, ни ненависти, оно было равнодушно-угрюмым и высокомерным, как и в тех первых встречах, но в глазах его отражались ум и угроза, помноженные на уверенность и невероятную силу, и Никиту невольно охватил от страха озноб.

— Третья встреча — последняя, — проговорил вожак низким баритоном. — Я же предупреждал, что далеко вам не уйти. И еще я предупреждал, что простому смертному Путь не по зубам. Жаль, что вы этого не поняли.

— Это мы еще посмотрим, — сквозь зубы процедил Сухов, направляя острие вардзуни в грудь великана.

Тот глянул на копье, качнул головой.

— Воин Пути не имеет права носить чужое оружие. А тем более сражаться им.

— Он еще не посвящен, — тихо обронил Такэда, готовый открыть огонь из своего устрашающего двуствольного автомата.

Вожак перевел оценивающий взгляд на инженера, дернул уголком рта, обозначая улыбку.

— Оруженосец не имеет права вмешиваться в разговор хозяев.

— Во-первых, он не оруженосец и не слуга, а мой друг, — сдерживаясь, отрезал Никита.

— А во-вторых, я не воин Пути, — продолжил Толя все так же тихо и любезно, — и могу сражаться любым оружием. — Он дал короткую очередь, взбившую пыль у ног вожака.

Четверо СС при этом не сделали ни одного жеста, и это их молчаливое презрение к смерти, ощутимая тень превосходства снова наполнили страхом душу Сухова.

— Он прав, — выговорил Никита онемевшими губами. — Я встал на Путь и действительно не имею права пользоваться не своим оружием.

Вожак снова улыбнулся уголком рта.

— Закон Пути есть закон. Но я могу предложить выбор: вы идете с нами добровольно или... поговорим один на один. Идет?

Никита оглянулся на Такэду, тот отрицательно покачал головой:

— Давай это сделаю я.

— Н-нет.

Сухов глубоко вздохнул и вдруг словно освободил внутри себя запертое до поры до времени чувство долга. И уверенности. И веселой злости. Передал вардзуни Толе.

— Держи, оно еще нам пригодится.

Вожак опустил свой трезубец и вдруг без замаха, движением одной кисти, бросил его в стену пещеры. Трезубец вонзился в стену бесшумно, выбив приличное отверстие, но так, что скалы вздрогнули и загудели. Никита снял шлем и очки, отстегнул нагрудник полицейского, оставив только пластину, защищавшую живот, встал в стойку.

— Прежде чем мы начнем... где вы держите Ксению?

— Кого? — Казалось, командир группы СС удивлен.

— Мою девушку.

— Нигде. Моя команда не получала задания захватить вашу девушку.

Никита растерянно опустил руки.

— Но если не вы, то кто? Другая группа? «Черные коммандос»?

— Не знаю. Время вопросов истекло. — Вожак прыгнул, и не успевший с блоком танцор кубарем покатился по каменистому полу пещеры. — Не начинай дело, если не умеешь хотеть настолько, чтобы мочь. — Больше «эсэсовец» не произнес ни слова.

Он был шире танцора и тяжелее, но двигался так быстро, что иногда размазывался в движении. Сухов явно уступал ему в скорости и в реакции, да и в знании приемов, хотя и отбил две последующие атаки, едва не сломавшие ему руку.

Вожак СС изменил тактику, наращивая темп, буквально выстреливая комбинации приемов защиты и нападения. Он мастерски владел кен-тай итие — принципом максимальной свободы движений и раскрепощенности в бою, используя в качестве оружия любую часть тела, и сила его ударов превосходила возможности защиты Сухова, получившего пару нокдаунов и множество ушибов — там, где его блоки не смогли остановить выпады соперника.

— Суй-но-ката! — не удержался от совета Такэда.

Никита услышал, но у него уже не осталось ни сил, ни ловкости, чтобы последовать совету. К тому же он пропустил удар в голову и на несколько секунд перестал воспринимать действительность. А когда очнулся, увидел близко лицо вожака «свиты Сатаны», его локоть, приближающийся к голове, как в замедленном киноповторе, ладонь второй руки в замахе; время почти остановилось, словно медля в нерешительности — не быстро ли приблизился финал? И тут Никита снова встретил взгляд главаря: в нем не было сомнений, но из черных глубин равнодушия явно проглядывали торжество превосходства и пренебрежение. Именно пренебрежение и заставило сработать подсознание танцора.

Голову из-под локтя он убрать успел, и удар пришелся на плечо, прямо в пятно-звезду Вести. Сухову показалось, что про-

изошел взрыв, даже два: первый — в плече, второй — в голове! На несколько долей секунды он перестал ощущать что бы то ни было; не отключился совсем, не потерял сознание, но и думать ни о чем не мог. Затем голова прояснилась, будто с нее сдернули мешковину, тело буквально зазвенело от прихлынувших сил, произошло странное внутреннее изменение всего организма, в результате которого он стал видеть в других диапазонах спектра и каждый предмет — объемно, будто глядел на него сразу со всех сторон. Изменилось и ощущение силы тяжести и давления воздуха на кожу, появилась аналгезия — полная нечувствительность к боли. А еще Никите явилась вдруг в сознании точная схема боя с вожаком СС, уязвимые места, способы нейтрализации ударов и — еще глубже — понимание собственных резервов (на серию ответных агрессивных атак не хватит, только на блокирование и уход!) и знание странных приемов боя, неизвестных ему ранее...

Мгновение озарения прошло.

Ребро ладони вожака опустилось на шею Никиты, встретив возникший внезапно бугор мышц — уйти из-под удара танцор не успевал, тело само решило проблему защиты. В следующий миг он ответил.

Удар с выплеском энергии был страшен! Он потряс даже самого Сухова, представляющего в данный момент единую жесткую механическую систему, каждый элемент которой участвовал в движении одновременно со всеми, вбирая силу и опираясь на их массу, прочность, инерцию.

Вожак «свиты», несмотря на вес, превышающий вес Никиты в два раза, пролетел по воздуху четыре метра и врезался головой в стену пещеры. Любой человек, получивший такой удар, неминуемо бы погиб, но вожак н е б ы л человеком. Он испытал шок — на время двух вздохов Сухова — и был явно потрясен, но не выведен из строя. Он даже сознания не потерял, лишь на несколько секунд замер на полу на четвереньках и тут же встал, тряхнув головой. Глаза его загорелись мрачным огнем.

Неизвестно, чем закончился бы этот бой, скорее всего поражением землянина, Никиты, не познавшего еще свои возможности и не успевшего довести до нужной кондиции мастерство бойца росссдао. Не спасла бы его, наверное, и помощь Вести, раскрывшей тайники информации о том существе, которого звали Хуббат и с которым ему пришлось столкнуться, и сработавшая на мгновение глубокая родовая память, до поры до времени сохранявшая секреты воинских искусств предков Сухова, знаменитых русских воинов. Среди них был и легендарный Радогор, дружинник, а потом сотник в войске князя Владимира,

сражавшегося с татаро-монгольскими ордами, чье искусство сражения на мечах было даже воспето в былинах.

В тот момент, когда Хуббат сделал шаг вперед, собираясь продолжать схватку, сработала станция хроносдвига. Фигура, появившаяся в проеме двери, лишь очертаниями напоминала человеческую. У нее была голова — бугром, руки — длинные, до колен, как лапы гориллы, ноги — толстые, с расплющенными ступнями; и все тело прикрывала не то кожа, не то броня малахитово-зеленого цвета, напоминающая крупную рыбью чешую. Глаз у существа не было видно, как ушей и рта. Оно взмахнуло рукой, и четверо помощников Хуббата без звука повалились на пол пещеры. Сам Хуббат сориентировался мгновенно, прыгнул к стене, в которой торчали его «вилы», но существо тоже не дремало: новый взмах лапой — и между застывшими людьми и вожаком СС вспухло облако черного дыма.

— В темпорал, быстрее, — прозвучал холодный металлический голос.

Никита растерянно глянул на Такэду, не опустившего своего оружия. Потом понял, что существо назвало темпоралом станцию хроносдвига. Впрочем, в памяти уже давно сидело это название, просто понятным оно стало только сейчас.

— Быстрее! — повторило существо без рта; казалось, голос исходил от всей его фигуры. — Или вы хотите продолжить «честный» бой?

— Но он предложил...

— Не будь дураком, пошли. — Такэда опустил автомат, подтолкнул танцора ко входу в станцию, спросил на ходу: — Кто вы?

— Истуутука, — ответило существо. — В данный момент ваш Проводник, не более того.

— Но я бы хотел... — оглянулся Сухов на редеющее черное облако, сквозь которое уже начала проступать гигантская фигура Хуббата, застывшего как статуя.

— Вперед! Вам еще рано состязаться с младшим братом Вуккуба, да и вообще с раруггами.

Никита споткнулся.

— С кем?!

Но Проводник не стал продолжать разговор, он просто втолкнул танцора вслед за Толей в сиреневый полумрак входа в темпорал и шагнул следом.

Дверь уже закрылась за ними, когда Хуббат наконец освободился от «дыма» — парализующей движения Черной Паутины — и метнул трезубец в глубь пещеры. Но дверь станции хроносдвига, рассчитанная на функционирование даже внутри звезд, выдержала.

«Полет» в тоннеле хроноскважины длился год — по ощущениям беглецов, пока они наконец не вышли, пошатываясь от избытка впечатлений, из камеры хроносдвига в коридор темпорала, а потом наружу. И только выйдя за дверь станции, Сухов почувствовал, как болит избитое тело: ныли ребра, стреляло в спине, с толчками крови вонзались в локти и плечи иголки пульсирующей боли, разламывалась голова.

Видимо, Проводник почувствовал его состояние, потому что жестом велел Такэде подойти к другу, а сам быстро свернул за угол узкого каменного ущелья, в которое они вышли из темпорала. Высоко вверху, над ущельем, светилось небо дымным фосфором, и было непонятно — ночь это или день.

Дышалось в этом мире легко, сила тяжести равнялась земной, и все же запахи, краски, звуки говорили о том, что это не Земля.

— Как себя чувствуешь? — Такэда поддержал Сухова под локоть.

— Спать хочу, — сонным голосом ответил Никита. Подумав, снял с себя остальные доспехи вильера, потом рубашку и стал изучать свой торс, усеянный синяками и царапинами. Плечо со звездой Вести вспухло и болезненно пульсировало. Звезда вобрала в себя все четыре «семерки»-родинки, изменив цвет на фиолетово-красный. Казалось, кожа в этом месте воспалилась и вот-вот лопнет, обнажив злокачественную опухоль. Покачав головой, Никита надел рубашку, присел на каменную полку в стене ущелья. Внимательно наблюдавший за ним Толя сел рядом.

— Что случилось? Я думал, он тебя добьет, хотел вмешаться... но ты словно обрел второе дыхание. Ох как ты ему врезал! — Такэда хихикнул. — Любо-дорого было смотреть!

— Снова сработала Весть... и кое-что еще... по-моему, открылась родовая память. Я не разобрался. Но этот... Проводник наш прав — я еще слаб. Ты слышал? Он назвал моего противника Хуббатом, младшим братом Вуккуба, Хранителя Книги Бездн!

— Слышал. Интересный винегрет получается. Вуккуб спасает тебя от СС, а его братец стремится убрать во что бы то ни стало.

— Чего-то мы еще не понимаем. Они могли уже сто раз убить меня из-за угла или на расстоянии, с помощью винтовки с оптическим прицелом. Неужели понятие о чести существует и у них?

— Нет, не существует. — Проводник вывернулся из-за поворота — странное жуткое существо в отливающей зеленью и перламутром чешуевидной броне. — Во-первых, вас не оценили по достоинству и преследовали малыми силами. Во-вторых, вам помогали. И в-третьих, существует Закон Пути, нарушить кото-

рый невозможно, ибо нарушение карается лишением свободы. Закон этот гласит: «Воин Пути имеет право защищаться в каждом хроне Веера только с в о и м оружием, отвечающим особенностям данного хрона».

— Ну и что означает эта тавтология? — подумав, осведомился Никита, с трудом справлявшийся с накатывающими на него волнами слабости и безразличия.

— Это означает, что вы, как и любой другой маг, должны найти свое оружие — оно может передаваться по наследству или храниться в определенном месте — и лишь потом, овладев им, начинать Путь.

— Я не маг...

Проводник помолчал. У него не было глаз, подобных человеческим, и все же он разглядывал людей, задумчиво и оценивающе.

— Не мне судить, но «лестница» Шаданакара не открыла бы дверь не магу. Правда, по ней нельзя подниматься и спускаться так неосмотрительно, как это делаете вы. Но к делу. Это мой мир, я в нем — Наблюдатель и получил задание послужить проводником и предложить два варианта. Первый: еще не поздно вернуться. Я заберу Весть, а те силы, которые заинтересованы в миссии Посланника, мага связи, сделают так, что «свита Сатаны» потеряет к вам интерес.

Проводник вытянул вперед длинную лапу с пятью толстыми пальцами без когтей и ногтей и едва не коснулся плеча Никиты, но тот увернулся, едва не свалившись на каменистую поверхность ущелья. Проводник опустил лапу.

— Второй вариант — Путь. Но вы забыли цель. Просто любопытному на Пути делать нечего. И если вы все-таки решите продолжать Путь, вам придется во многом себя ограничить. И учтите: моя помощь — последний подарок Пути, дальше вам придется идти одним, используя лишь свои силы, интуицию и упорство. Правда, — создалось впечатление, что Проводник улыбается, — совсем без помощи вы не останетесь, ведь у вас есть эрцхаор и хохха.

Никита невольно взглянул на перстень индикатора «полезности».

— И Весть, — добавил Проводник. — Итак, что вы решаете?

— Нам нужно отдохнуть, — сказал Такэда.

Сухов вздернул голову, сжав губы так, что они побелели.

— Нет! Мы идем. Разрешите лишь два вопроса и... не удивляйтесь, хорошо? Мое личное оружие... что оно из себя представляет?

— Меч. — Проводник, наверное, все равно удивился, но тактично не подал виду. — Это меч Святогора, былинного бога-

тыря... существовавшего тем не менее в другом хроне. Святогор — ваша инкарнация в одном из Миров Веера, ветоши ваших предков параллельны. Вы не знали?

— Н-нет...

— Странно, у вас же есть хохха... свисток, который «свистит» в любой хрон.

Такэда достал хрустальную бабочку хронорации.

— Наверное, я просто не умею владеть ею.

— Я научу.

— Второй вопрос. — Никита покраснел, отводя глаза, потом побледнел. — У меня... моя подруга, Ксения... она исчезла... Если верить Хуббату, он не получал задания захватить ее. Вы не знаете, где она?

— Не знаю. Но повторяю, у вас есть хохха, система связи и доставки информации, воспользуйтесь ею.

Сухов сделал движение к руке Такэды, в которой сверкал портсигар рации, но с видимым усилием остановил свой порыв. Потом, побледнев еще больше, упал с полки. Толя нагнулся к нему, пошлепал по щекам, пояснил застывшему Проводнику:

— Обморок. Переутомился. Может быть, мы отдохнем у вас какое-то время?

— Вам нельзя здесь долго оставаться; Хуббат быстро вычислит, из какого хрона пришла помощь. Я воспользовался парализующей Черной Паутиной, которая создается только на Элитейе, в соседнем мире.

— Но ему нужен отдых, хотя бы час-два, а потом мы уйдем.

Проводник махнул рукой-лапой.

— Хорошо, семь бед — один ответ.

— О! — Удивленный Такэда разогнулся; Сухов уже приходил в себя. — Вы очень хорошо знаете земные пословицы и язык.

— Не я — лингвер, толмач то есть, киб-переводчик. Я представитель цивилизации, опирающейся на совершенные технологии и запас научных знаний. Человеческая цивилизация достигнет этих высот не скоро. Если достигнет, конечно.

— А как вы... простите... значит, вы не человек? Это ваш настоящий облик или скафандр?

Передняя часть бугра головы Проводника вдруг стала полупрозрачной и исчезла совсем. На людей взглянуло темно-серое, обрамленное седыми или, скорее, серебристыми волосами — ежик на голове, бакенбарды — по щекам, — смышленое личико с огромными, бездонно-черными, выпуклыми глазами, с красными пухлыми губками и носом обезьяны-гамадрила. Губы шевельнулись, произнося фразу тонким голоском, и тут же раздался прежний голос — машины-переводчика:

— Надеюсь, я вас не разочаровал?

— Лемуры! — пробормотал Такэда.

— Совершенно верно, представитель лемурообразных разумных. Чешуя на мне — скафандр, выгляжу я несколько иначе. Ваш товарищ может идти? Нельзя терять времени.

Толя спохватился, помог бормочущему извинения Сухову встать.

Проводник без слов поковылял вперед, беглецы поплелись следом, каждый со своими переживаниями, но с одинаковым чувством ожидания чудес.

Темпорал, или станция хроносдвига, на Аримойе, двойнике Земли, пряталась в одном из скальных массивов, торчащих, как разрушенные замки, по всей громадной площади рега — пустынной равнины, покрытой крупным и мелким гравием. Цвета на равнине преобладали зеленоватые, тускло-желтые, серые, коричневатые: ни одного яркого, насыщенного, спектрально-чистого — все полутона, оттенки.

В зеленовато-жемчужном небе парили облака черных точек — то ли стаи птиц, то ли тучи насекомых. И больше ничего. Будто мир этот был пуст, не обжит разумными существами, не знал ни самолетов, ни ракет, ни другой техники.

Выйдя из незаметной издали щели в стене скал, они остановились, гадая, куда идти. Проводника нигде не было видно. Однако стоило им сделать несколько неуверенных шагов по скрипучему гравию равнины, как огромный валун неподалеку, сросшийся одним боком со скалой, вдруг потек, меняя форму, засиял перламутром, — будто покрытый пленкой жидких кристаллов, превратился в удивительно красивый аппарат, вылизанный по строгим формулам обтекаемости и эстетики. В нем протаяло отверстие, и показавшийся изнутри Проводник подозвал нетерпеливым жестом беглецов.

Внутри аппарата властвовали запахи озона и неведомых трав. Кресла сами подстроились под форму тел седоков, хотя сделали это на пределе возможностей, рассчитанные по формулам своих конструкторов под другие формы и объемы. Однако надежды пассажиров на созерцание природы Аримойи с высоты птичьего полета не сбылись: аппарат подпрыгнул вверх сразу на десяток метров — причем люди не испытали никаких ощущений, в том числе и удара ускорения, — застыл на мгновение и... проявился уже в другом месте, на фоне иного пейзажа, над городом Проводника. Никита вспомнил наконец его имя — Истуутука. Во все глаза танцор смотрел на панораму города, созданного разумными лемурами.

Ни одного здания выше двух этажей! Ни одного здания прямоугольной формы — мягкие линии, округлые, подчиненные геометрии парабол, гипербол, овалов, винтовых поверхностей. Здания переходили друг в друга, создавая удивительную вязь конструкций, вписанных в рельеф с невиданным мастерством. Лишь одна из этих конструкций возвышалась над всеми, не жилое здание и не технологический центр — скульптура, могущая служить памятником Сальвадору Дали: гигантская голова лемура, образованная висящими в воздухе без видимых опор брусьями, полосами, каплевидными натеками и шарами. Издали она смотрелась своеобразно, создавая впечатление ажурной легкости и мощи одновременно.

Цвета в городе царили палево-голубые, шафрановые, зеленовато-малахитовые и белые, с матовым, не режущим глаз блеском. И еще гости отметили отсутствие каких-либо живых существ между зданиями — улиц как таковых не было — и вообще какого-либо движения. Город словно вымер, лишь изредка над каким-нибудь зданием проявлялась капля аппарата, наподобие перенесшего их сюда, и тут же исчезала.

Проводник счел знакомство гостей с городом законченным, и аппарат провалился куда-то в желтовато-розовый полумрак, не то подвал-гараж, не то прямо внутрь дома. Открыл двери. Пассажиры вышли на гладкий, отливающий желтизной пол, напрягая зрение, чтобы разглядеть помещение. Видимо, для хозяина света хватало, хотя по человеческим меркам освещение соответствовало скорее интимной обстановке ресторана Земли. Чмокая плоскими подошвами, словно присосками, Проводник повел их за собой.

У Никиты закружилась голова — интерьер помещения все время изменялся, плыл, будто работал калейдоскоп, — и, если бы не поддержка Такэды, упал бы.

— Мы уже почти пришли, — обернулся Проводник, — потерпите.

Он остановился, но какая-то сила продолжала нести их по коридорам с закругленными углами, зеркальными стенами и переливающимся узорами свечения потолком, вынесла в небольшое помещение, напоминающее раковину с хрустально-перламутровыми стенами, и оставила посередине.

— Приветствую Посланника в моей келье, — сказал Истуутука.

Никита хотел ответить и не смог, силы окончательно покинули его. Он уже не видел, как Такэда раздевал его и укладывал на сформировавшееся в полу ложе-гнездо.

Глава 4

Сухов спал уже третий час, а Такэда все продолжал беседу с лемуром Истуутукой, Наблюдателем мира Аримойи, отказавшись от угощения и отдыха. В свою очередь и хозяин не проявил нетерпения и недовольства, увлеченный беседой. Видимо, все Наблюдатели Собора Веера сходились характерами и непреодолимой тягой к знаниям.

Хозяин снял скафандр, переоделся в голубовато-серое «трико» с блестками каких-то устройств и превратился в гибкую обезьянку в серебристой шерстке не выше земного подростка двенадцати лет. Лишь лицо его не заросло шерстью да узкие розовые ладони с длинными тонкими пальцами. Пальцев было четыре, и Такэда обратил на это внимание.

— А скафандр был пятипалый, э?

— Необходимая предосторожность. — Речь Истуутуки напоминала птичий щебет, но лингвистическая аппаратура продолжала работать и без скафандра, отвечая баритоном на чистом русском языке. — Скафандр и ловушка, которыми я пользовался, из другого хрона, так что погоня пойдет по ложному следу. Но запас времени не особенно велик, часа четыре.

Такэда глянул на свои часы.

— Через час мы уйдем. Как высоко расположен ваш хрон, вернее цивилизация, на эволюционной гиперболе?

— Вы знаете геометрию закона развития?

Толя достал записную книжку, набросал на листке чертеж и протянул Истуутуке.

— Так? Закон универсален и применим для каждого «пакета» Миров Веера.

Истуутука глянул на чертеж, лицо его исказила гримаса, которая обозначала улыбку.

— На самом деле кривая закона сложнее.

Из стены на тонкой нити отделилась капля «смолы», приблизилась к сидящим в креслах-гнездах, на руку хозяина упал плоский квадратик перламутра. Истуутука поводил пальцем по его поверхности и подал гостю. Такэда с интересом глянул на проступивший из глубины квадрата чертеж. Все надписи на нем были сделаны на русском языке.

Истуутука дал гостю несколько минут на созерцание рисунка, снова улыбнулся, смешно сморщив нос.

— У вас еще будет время разобраться с этим, оставьте у себя.

— Провал «эго», — пробормотал Такэда. — Видимо, имеется в виду способность разумных существ, руководствующихся только личными интересами, заводить цивилизации в экологические и технологические тупики?

— Нечто в этом роде. Поговорим теперь о вас. — Истуутука шевельнул пальцем, и снова из стены вылетела опаловая капля на сверкающей нити, развернулась в широкую пиалу, упала в подставленную руку хозяина. А другая капля — с потолка — наполнила пиалу пушисто-маслянистой пеной. Проводник лизнул пену длинным розовым язычком, потом за два глотка осушил пиалу и бросил в стену, где она растворилась без следа.

— Да, техника у вас на высоте! — Такэда облизнул губы, обнаружив, что хочет пить.

— Высокая, — согласился Истуутука, явно мрачнея. — Но дыхание Хаоса коснулось и нашего хрона. Вы заметили отсутствие жителей в городе? Еще год назад он был намного оживленней и праздничней. Так вот, нас постигла беда худшая, чем экологическая катастрофа. Название беды — потеря интереса: к творчеству, созиданию, познанию, к жизни вообще. Вот почему, получив Весть, я не отказался помочь вам, хотя меньше всего хотел бы помогать человеку.

— Почему?

— Потому что из всех известных мне разумных существ человек наиболее жесток и противоречив. Кроме разве что хаббардианцев. Шаданакар в опасности, и мы должны бороться. Но... — Хозяин замялся, глянул на спящего друга Такэды. — Но я не думал, что Посланник столь беспомощен. Не то чтобы я сожалею, что вмешался, но и не очень верю в успех вашей миссии. Стать махасиддхой[1] вашему другу уже не удастся, не хватит времени. Путь не ждет.

— У него есть задатки экстрасенса.

— Блажен, кто верует. Впрочем, кто знает, каким путем достигается вершина магического искусства? Достичь прямого знания-действия может далеко не каждый, большую роль играет масштаб личности, размах устремлений, запас духовных сил и веры. Будите своего... Посланника, пора идти.

Пока Такэда будил Сухова, Истуутука исчез и вернулся уже с двумя плавающими в воздухе вогнутыми листами в форме подносов. На одном вместе с копьем-вардзуни лежали незнакомые предметы, на другом — предметы, явно относящиеся к продуктам питания.

— Ешьте, — кивнул на этот поднос Истуутука. — Наша пища не содержит мяса убитых животных, мы вегетарианцы, и почти все местные фрукты и овощи съедобны и для вас, я проверил.

---

[1] Махасиддха — лицо, достигшее совершенства путем йогической практики.

Гости набросились на еду, даже не пытаясь попробовать ее сначала на вкус. Проводник понаблюдал за ними, склонив голову к плечу, потом подвинул к себе второй поднос.

— Возьмите с собой кое-что в дорогу. Это акваблок, сгущенная вода, хватит обоим на неделю. — Он показал на белый кубик с колечком на одной из граней. — Это НЗ: еда подвергнута субмолекулярному сжатию. Рассчитан примерно на десять земных дней. — Палец хозяина коснулся белой коробки с пятью цветными кнопками по всей ее длине. — А это оружие.

Сухов перестал есть, взял одно из эстетически совершенных, отблескивающих металлом, но хищных на вид устройств.

— Красивая машинка.

— Это нервайлер, аппарат, создающий наводки в нервных окончаниях. Любое существо, имеющее нервную систему, попадая под разряд нервайлера, будет в шоке.

— В спутников Хуббата вы стреляли из него?

— Нет, на них нервайлер не подействует. Они не люди, да и к тому же хорошо защищены. Я нейтрализовал их особым ядом. Второй аппарат — хардсан, широкодиапазонный лазер.

— Как раз для меня. — Такэда взвесил в руке золотисто отсвечивающий пистолет с толстым чешуйчатым стволом. — Я не воин Пути и могу не стесняться в выборе оружия. Да и нервайлер пусть будет у меня.

— А мне, значит, меч, — сердито фыркнул Никита. — Ничего себе, равноценная замена.

— Вы просто не знаете, о чем идет речь, — прощебетал Истуутука, насмешливо блеснув глазами. — Меч мага — самое совершенное оружие в Мирах Веера. Таких мечей существует...

— Знаю, Толя рассказывал. — Никита махнул рукой и снова фыркнул. — По одному из наших земных мифов, Зу-л-Факар, меч Мухаммеда, якобы тоже обладал волшебной силой, но как это выглядело — миф не говорит. Видимо, создателю мифа не хватило фантазии. Меч — он меч и есть — большой ножик.

— Вы не правы...

— Не обращайте внимания, — перебил Такэда хозяина, — он капризничает от недостатка информации. Tantum possumus, quantem scimus.

— Что? — не понял Истуутука, выслушав своего киб-переводчика. — На каком языке вы это сказали? У лингвера нет аналога.

— На одном из древнейших земных — латинском. — И Толя перевел: — Столько можем, сколько знаем.

Лемур сморщил нос, но продолжать в том же духе не стал. Бросил гостям два свертка.

— Переодевайтесь, это костюмы с терморегуляцией и удалением кожных выделений.

Костюмы оказались удобными, подстраивающимися под форму тел и похожими на спортивные из толстой, упругой, прочной и одновременно мягкой ткани. Карманов у них не было, но к поясу на специальных липучках крепилось что угодно, в том числе и коробки НЗ, «фляги» аквablоков и оружие — кроме вардзуни. Такэда вынужден был сунуть его в заплечный ранец. Оглядев друг друга, гости остались довольны.

— Теперь примите пару советов, — произнес Истуутука с некоторым сомнением и в то же время с восхищением, глядя на Сухова снизу вверх; он едва доставал головой танцору до пояса. — «Лестницу» Шаданакара нельзя использовать бесконечное число раз. Во-первых, это небезопасно для здоровья, а во-вторых, вас просто перехватят слуги Четырех.

— Мы называем их боевиками «свиты Сатаны».

— Не важно. Я выведу вас в любой хрон, в том числе и домой... — Проводник сделал паузу, но гости молчали, — куда захотите, но если решите продолжать Путь, не бегайте по «лестнице» вверх-вниз. А еще лучше, если бы вы отыскали устройства, способные преодолевать хронобарьеры между Мирами Веера самостоятельно.

— Мы знаем только одно такое устройство — жругр, — сказал Никита. — Но им пользовались только демономаги, игвы.

— Подобные были и у магов-творцов, но можно воспользоваться и жруграми. Эти гиганты рождены демономатематикой, живыми их назвать нельзя, но и чисто механическими тоже.

Никите вспомнилась сопка Медведь, показанная Толей во время вояжа к Неплюеву. Он глянул на Такэду и встретил его ответный взгляд: оба поняли, о чем речь.

— Не все они были уничтожены во время последнего сражения сил Семерых и Синклита Четырех, — продолжал хозяин, — попробуйте найти хотя бы одного из них. Тогда вы станете почти неуязвимы. — Истуутука помолчал. — Если, конечно, сможете оживить жругра и подчинить своей воле. Вы готовы?

Никита и Толя молча кивнули.

Через пять минут они уже выходили из каплевидного аппарата у знакомых скал. Сухов тайком взглянул на перстень — желтый крестик горел спокойно.

— Вы обещали рассказать, как работает перстень... эрцхаор и рация, то есть хохха.

— Пока ты спал, я все узнал, — успокоил товарища Такэда.

— Тогда вперед, самурай, нас ждут великие дела! Мне нужен год, чтобы я смог спокойно тренироваться, и тогда...

— Боюсь, года у нас не будет, — тихо сказал инженер.

Сухов недоумевал:

— Почему?

— У вас нет даже месяца на «спокойные» тренировки, — вставил Истуутука, уже одетый в свой чешуйчатый скафандр. — Шаданакар разрушается, Хаос поглощает хрон за хроном, и цена каждого дня неимоверно велика.

— Если вы тот, за кого себя выдаете, — голос киб-переводчика Истуутуки стал суше, — если вы Посланник — вам должны подчиняться все формы гиперчувствительности и гипервоздействия. Сможете разбудить в себе эти силы, активизировать нужные формы психики — достигнете цели.

Проводник не сказал, что произойдет в противном случае, но это и так было понятно.

Никита задумался. В душе происходила борьба между «да» и «нет», между отвагой и нерешительностью, свободой и ограниченностью. У него вдруг проснулось чувство незавершенности собственных намерений, но никто не мог ему помочь ни советом, ни примером.

— Мне нужно подумать. — Никита, чувствуя прилив крови к щекам, с трудом заставил себя взглянуть прямо в глаза Проводника. — Дня два-три. Если есть место, где нас не достанет команда СС, доставьте нас туда. Дальше я пойду один... или не пойду вовсе.

— Что ж, — поразмыслив, сказал лемур, — по крайней мере честно и откровенно. Возьмите еще вот это. — Он протянул Сухову две пары маленьких дисков, соединенных спиралькой. — Лингверы. В их памяти хранится большинство основных языков Шаданакара. На первых порах они вам помогут. Следуйте за мной.

Спустя минуту дверь темпорала закрылась за ними, станция сдвинула время на определенное количество «хроноквантовых градусов», следуя приказу Истуутуки, и они вышли в другой Мир Веера.

Проводник-Наблюдатель Истуутука покинул их сразу же, как только они огляделись на новом месте. Посланник и его спутник остались одни, чувствуя непривычную робость и ожидая появления чудес, жутких и опасных или приятных и добрых. Однако ничего не происходило. Вне стен кокона темпорала шел дождь, и за его пеленой ничего нельзя было рассмотреть даже в трех десятках шагов.

— Где мы? — осведомился Сухов, попятившись под козырек какого-то каменного строения, из которого они вышли.

Такэда покосился на стену строения, сложенную из круп-

ных каменных блоков, когда-то хорошо обработанных и гладких, а сейчас в оспинах и шрамах эрозии.

— На нейтральной полосе. В этом хроне с давних пор никто не бывает. Это мертвый мир, никого в нем не осталось, я имею в виду — разумных существ. Цивилизация погибла, остались одни развалины.

— От чего она погибла?

— Вирус, выращенный в военных лабораториях, нечто вроде нашего СПИДа.

— Хорошенькое дело! И Проводник хорош! А если мы подхватим этот вирус?

— Не подхватим. Хрон изолирован уже около тысячи лет, вирус давно сдох, но изоляцию не сняли. Просто Проводник имеет доступ к тайнам подобного рода.

— Он что, маг?

— В некотором роде. Маг научного знания. В своем мире он известный ученый.

— Ну, раз вирус исчез, остановимся здесь. А как далеко от Земли мы ушли по «лестнице» Шаданакара? Вверх или вниз?

— Шли мы вниз, но по отношению к цивилизации Земли этот мир хоть и не намного, но старше. И принадлежит он «пакету» Земель, где властвуют военные диктатуры, суперкомпьютеризированные системы и полное пренебрежение к судьбе личности. — Такэда помолчал. — Нашу Землю, вероятно, ждет то же самое.

— Не каркай. — Никита помрачнел, вспомнив все перипетии их бегства. — Пошли поищем сухое помещение. Я все еще хочу спать, к тому же мне надо... кое о чем подумать, поразмышлять.

— Думай. Еще Дюма говорил, что «размышлять — высшее счастье для людей действия, единственный отдых, который они себе позволяют».

Побродив по огромному, хорошо сохранившемуся зданию, напоминавшему замок и административный центр одновременно, они набрели на относительно чистую комнату с единственным окном, стеклом в котором служил полупрозрачный лист какого-то сверхпрочного материала, выдержавшего тысячелетие. В комнате сохранились остатки камина и стола да встроенные в стены шкафы, остальное давно превратилось в пыль.

Поворошив в шкафах, Никита отчистил угол помещения, снял с пояса снаряжение и улегся прямо на голом каменном полу.

— Разбудишь, когда закончится дождь.

— Ты же собирался размышлять.

— Не хватай за язык, зануда.

Такэда смел слой пыли в другом углу, нажал на поясе на ряд

металлических полосок, и «спортивный костюм» на нем раздулся, приобрел сходство со старинным водолазным скафандром, а из воротника вырос такой же раздутый капюшон. Толя плюхнулся на пол, поправил под головой капюшон и закрыл глаза. Наблюдавший за ним Сухов хмыкнул.

— Как интересно! А мой почему-то не трансформируется. Или Посланнику не положено спать в комфортных условиях?

— Посланник должен был спросить, как работает врученная ему одежда и техника. — Толя встал и коснулся пластинок на поясе танцора в нужной последовательности. — Мыслитель.

Костюм Сухова бесшумно превратился в пневмоматрац.

— Спасибо, — сказал он в спину Толе. — Метис.

— От такого слышу, — парировал Такэда, лег и мгновенно уснул. В отличие от приятеля он не отдыхал уже вторые сутки.

Зато Никита долго не мог уснуть, несмотря на мягкие объятия костюма-скафандра. В конце концов сон сморил и его.

Проспали они часов пять.

Первым проснулся Такэда, выпустил из костюма воздух, откупорил «флягу» с водой — то есть включил механизм понижения плотности акваблока, и напился. Подумал: чайку бы сейчас, горяченького!.. Затем сделал зарядку и разбудил Сухова.

— Дождь кончился, вставай. Что-нибудь надумал?

Никита вскочил. Он был бодр и весел, тяжелые мысли ушли, хотелось двигаться, что-то делать, к чему-то стремиться и... танцевать. Он даже сделал было несколько па из своего «фирменного» танца, но быстро опомнился и занялся зарядкой. Потом позвал Толю, и они почти час вели полуконтактный бой, забыв обо всем, подняв тучу пыли. Костюмы на них были поистине волшебными. Они впитывали пот и принимали любые удары: те не достигали тела. Сухов первым опустил руки, отвесил поклон:

— Ясумэ, Тоява-сан.

Они умылись, перекусили какой-то зеленовато-коричневой массой, в которой похрустывали орешки — по вкусу она напоминала халву, — но прежде чем выйти из здания, проверили экипировку.

У них были акваблоки — полные «фляги» воды; почти неначатые коробки НЗ; «свисток», который «свистел» в соседние хроны — хохха; эрцхаор — перстень-индикатор и он же программатор станции хроносдвига, а из оружия — вардзуни, нервайлер и хардсан, один вид которого придавал уверенности больше, чем все остальное.

— Отобьемся в случае чего, — повеселел Сухов.

Такэда не был столь наивен, однако промолчал.

— Что будем делать дальше?

— Сначала осмотримся, куда мы попали. Дышится здесь неплохо, гравитация нормальная, и если никого агрессивного поблизости не окажется, можно будет немного пожить на природе. Потом я сообщу тебе свой план.

— Ого, у нас уже есть план?

— Не ерничай. — Никита вдруг о чем-то вспомнил, нахмурился. — А ну-ка, доставай хохху. Давай, давай, пошевеливайся. Прежде всего выясним, где Ксения.

Такэда вытащил из-за пазухи завернутую в платок бабочку-портсигар хронорации, вопросительно глянул на друга.

— На чем будем писать? Бумаги у меня нет.

— Истуутука дал тебе пластиковый лист...

— Только не на нем! Этому материалу, равно как и чертежу, цены нет. Лучше я вырву лист из записной книжки. Но не уверен, что сообщение дойдет. Раньше я наговаривал текст на аудиокассету, и она исчезала.

— Ничего, дойдет и так. Попробуем сформулировать.

Полчаса они мучились, составляя текст запроса, пока наконец не родились две фразы: «Посланнику необходима полная информация о местонахождении земной девушки Ксении Красновой, художницы, возраст — двадцать один год, проживающей в г. Москве по улице Королева, 5. Запрос весьма срочен».

Такэда сложил листок с надписью, аккуратно поместил в углубление портсигара и закрыл с тихим щелчком. Через минуту открыл хохху вновь, и друзья убедились, что листок исчез.

— Слава Богу! — вздохнул с облегчением Сухов. — Я боялся, что они не примут запрос в таком виде.

— Ты хоть представляешь, кто такие эти «они»?

Никита запнулся.

— А действительно, кто? Маги, которых я должен отыскать? — Он подозрительно глянул в узкие спокойные глаза Толи. — Оямович, не темни, ты обязан это знать. Ты же говорил что-то об информационной службе Собора Веера.

— Я не Посланник. — Такэда попятился, выставив вперед ладонь, глядя, как Никита наливается кровью. — Вижу, Весть отдает тебе свою информацию порциями. Связью через хохху и анализом сообщений, и вообще информацией, занимаются всего-навсего Наблюдатели, а это обыкновенные люди, вроде меня. Правда, в своей среде они выделяются по некоторым признакам...

— По каким же? Только не говори, что по уму.

— По любознательности и таланту обобщений. Не задирайся, воин, гони свой план.

— А разве мы не подождем ответа?

— Хохха сама даст знать.

Никита прошелся по комнате, попытался выглянуть в окно, но сквозь серо-белое «стекло» ничего нельзя было разглядеть, кроме того, что на улице — день.

— Что-то мне не очень хочется выходить... не идут из головы слова Истуутуки: Хуббат — брат Вуккуба! То-то мне все время казалось, что они похожи. Знаешь, во всей этой истории кроется какой-то парадокс. Если им, то есть боевикам СС, удалось убить Симаргла, Посланника, якобы обладающего магическим и телесным могуществом, то почему они с той же легкостью не убрали меня? Всего лишь танцора и акробата?

— Симаргла убрали вовсе не они — кто-то из Четырех, лично. Может быть, даже сам Гагтунгр... или Даймон. А «свита Сатаны» просто страховала убийцу. Ты подвернулся случайно... в чем я уже не уверен.

Никита постучал по пластику окна, вслушиваясь в сухой костяной стук, затем молча направился к выходу.

Снаружи царил тихий, безветренный, неяркий солнечный день. Но вместо солнца потрясенные путешественники обнаружили в небе гигантскую золотистую дугу, похожую на радугу. Именно она и давала свет, почти не уступающий по силе солнечному земному. Но самого солнца здесь не было.

— Что за ерунда? — опомнился Никита.

— Одно из двух: либо это пылевое кольцо вокруг Земли, либо кометно-пылевое вокруг Солнца. И то и другое вполне могло существовать в этом мире изначально.

Сухов некоторое время не сводил глаз с небосвода, потом огляделся. Замок, вернее его развалины, окружала серебрящаяся, посверкивающая кристалликами соли или какого-то другого минерала пустыня с редкими группами изъеденных временем скал. А может быть, построек наподобие замка, в котором прятался темпорал. Слева от здания пустыня переходила в холмистое предгорье, за которым сверкала изумрудным огнем цепь далеких гор, а справа начиналась цепочка нешироких и мелких с виду озер-луж молочно-белого цвета с лежащими в них ежастыми валунами.

Путешественники обошли замок с тыла и обнаружили неподалеку, за низкими холмами, в которых угадывались разрушенные постройки, самое настоящее кладбище каких-то механических конструкций-чудовищ, выглядевших даже с большого расстояния функционально завершенными.

— М-да, — сказал Никита, разглядывая кладбище из-под козырька руки, — что-то они мне напоминают.

— Ракеты, космодром, — предположил Такэда, — или звездолеты, если тот термин предпочтительнее.

— Давай сходим?

Такэда нагнулся, взял на ладонь несколько кристалликов серебристо-белого цвета, растер и понюхал.

— Гипс. Видимо, после исчезновения разума здесь образовалось озеро, а потом высохло и превратилось в мерайя[1]. Сходить мы туда сходим, к этим чудищам, но ты что-то там говорил о плане.

— Потом, потом, дай отдохнуть хоть пару минут. — Никита двинулся было к холмам, с хрустом давя кристаллы гипса, но Толя остался на месте. Сказал тихо, но так, что Сухов услышал:

— Aut non tentaris, aut perfice.

Никита обернулся.

— Что ты бурчишь, как старый дед, да еще на латинском? Я не помню этого выражения, переведи.

— Или не берись, или доводи до конца.

— Ну, эта песня мне знакома, — беспечно махнул рукой Никита, потом присмотрелся к лицу друга внимательней и посерьезнел. — А ты все-таки зануда, Оямович. Хорошо, вот тебе мой план. Первое: постоянный тренинг, везде и всегда, в том числе и здесь. Второе: в моей памяти сохранилось любопытное утверждение Вести, что где-то в Мирах Веера, то есть на «лестнице» Шаданакара, обитает «первый меч всех времен и народов». Хотелось бы найти его и научиться махать им, раз уж мне на роду написано владеть этим мечом. Кстати, один из магов Семерки тоже живет в «пакете» тех Миров. Может быть, это он и есть?

Такэда хотел возразить, потому что он точно знал: искусство владения мечом не есть искусство творческое, созидающее, — но промолчал.

— Затем я начну эксперименты с Вестью, — продолжал Никита. — Пора наконец иметь в сознании всю информацию, а не носить ее на плече. Впрочем, эксперименты я начну уже здесь, через пару часов. Сходим к тем сооружениям, потренируемся и — с Богом! Третий пункт моего плана — поиск собственно меча. Очень меня заинтересовала шутка нашего друга Истуутуки о необычайных секретах меча Святогора, м о е г о меча, как он сказал.

— Это не шутка. Как и то, что ты — параллельный родственник Святогора. Вестник вычислил тебя правильно.

— Тем более. Четвертое: поскольку по системе хронострун путешествовать опасно, воспользуемся советом того же Истуутуки — попытаемся найти живого или хотя бы полуживого жругра, способного преодолевать хронобарьеры между Мирами. Тогда

[1] М е р а й я — высохшие гипсовые или соляные озера.

мы станем независимы от темпорала, пусть «эсэсовцы» потом попрыгают, разыскивая нас. И в-пятых... собственно, это все.

— Разве? — удивился Такэда.

— Я имел в виду предварительную работу. Если выживем — продолжаем Путь, ищем всех магов, объединяемся, бьем морду Люциферу и возвращаемся домой в зените славы. Ура! Или ты имел в виду... Ксению?

Такэда отвернулся.

— Я уже испугался, что ты забудешь о ней.

Никита молча повернулся и зашагал прочь от здания. Такэда с улыбкой в глазах глядел ему вслед. И вдруг Сухов остановился, вскинув руку к лицу. По его напряженной спине Толя догадался, что произошло нечто непредвиденное планом.

— Что застрял? — подошел он с подчеркнутым спокойствием.

Никита, не оглядываясь, протянул ему руку с перстнем. Камень высвечивал последовательность фигур разного цвета: желтый крестик — оранжевый пятиугольник — алый полумесяц. Как завороженный, Толя несколько секунд смотрел на мигающий перстень и молчал. Ничего особенного, в общем-то, не произошло, перстень предупреждал лишь о повышении М-фона, о появлении всплеска магического поля без его идентификации, и все же сердце тревожно сжалось.

Инженер оглянулся. Показалось, будто из развалин за спиной выглянул черный человек, тут же скрылся, и людей накрыла холодная угрюмая тень.

Глава 5

Два часа они потратили на поиск неизвестного носителя магического поля и на исследование кладбища колоссальных сооружений, оказавшихся и в самом деле космическими кораблями, вернее, их останками.

Никого не обнаружив, путешественники немного успокоились и уже без особой опаски обошли гигантское поле с наполовину погруженными в почву скелетами звездолетов. Прошла тысяча лет с тех пор, как они перестали бороздить космос, но сделаны они были так добротно и из таких материалов, не поддающихся быстрому разрушению, что люди, ощущая себя пигмеями, только диву давались — почему такая умная раса позволила себя уничтожить какому-то ничтожному вирусу.

Форма кораблей почти у всех была одинакова — усеченный конус, разделенный тремя щелями шириной в полсотни метров на три части — до центрального цилиндра диаметром в двести метров, что соответствовало диаметру верхнего среза конуса.

И почти все они имели одинаковые разрушения: внутри — холмы пыли и вещества, похожего на серо-зеленую смолу, ставшие хрупкими системы трубопроводов, тоннели и шахты, изъеденные коррозией, баки, контейнеры — все пустое, и ни одного намека на двигатели и централь управления. Зато нашелся еще один космический корабль, меньших размеров, но сохранившийся лучше. Вернее, с виду он был так же пуст и стар, погружен в почву на треть корпуса, мертв и тих, однако на самом деле его «древность» была лишь камуфляжем. Корабль оказался вполне современным, действующим, и внутри, на взгляд землянина, представлял собой чудо техники.

Внешняя его форма — параллелепипед — сначала не заинтересовала экскурсантов: барак не барак, но какое-то вспомогательное строение, металлическое, с гофрированными серыми стенами. Но поскольку треугольный люк в торце «барака» был открыт, наши герои заглянули в него... и оказались в царстве современной технологии, почти не отличимой от земной.

Загорались на сухих и теплых, перламутровых стенах коридоров какие-то знаки и надписи, бесшумно открывались впереди и закрывались позади перегородки и заслонки, бесчисленные люки в помещения, напоминающие залы вычислительных центров, спальни и бары. Эскалаторы начинали двигаться, как только люди появлялись на лестничных площадках, лифты в виде прозрачных пирамид услужливо распахивали двери, в комнатах загорались огни, светились потолки и полы, начиналась таинственная электронно-механическая жизнь.

Путешественники бродили по кораблю с час, не зная еще, что это звездолет, пока не набрели на рубку или зал управления с двумя рядами кресел перед необычной формы — ряд янтарных долек лимона — пультом, над которым нависла наклонная серая плита экрана в два человеческих роста. Стоило им войти в зал, как одна из секций пульта засветилась изнутри тающим золотистым сиянием, из нее выдвинулось нечто вроде козьих рогов с огоньками на концах и следом раздался вежливый голос, произнесший с вопросительной интонацией короткую фразу на неизвестном языке.

Быстро ориентирующийся Такэда надел на уши лингвер, Никита сделал то же самое, и когда голос повторил вопрос, компьютер аппарата перевел:

— Кто вы? Жители планеты?

Люди переглянулись.

— Я думал, что здание принадлежит аборигенам и просто хорошо сохранилось, — буркнул Сухов. — Оказывается, это новая постройка. Чья?

— Сейчас узнаем.

В результате переговоров с автоматом, впустившим их, путешественники выяснили, что находятся на борту космического корабля, прилетевшего сюда из иной звездной системы. Кто привел его, что за экипаж — и был ли он вообще или старт и посадка проводились автоматически — электронный хозяин корабля не сообщил. На все вопросы, касающиеся судеб экипажа, родной планеты, ее жителей, социального устройства, экономики и политики, он только зажигал алую полосу над пультом и отвечал лишь на вопросы жизнеобеспечения экипажа, поэтому вскоре гости отчаялись что-либо узнать. Но явное миролюбие и гостеприимство хозяев звездолета не могло быть прелюдией к рассчитанной ловушке и коварным планам, и путешественники решили отдохнуть здесь, дождаться хозяев и объясниться.

— Ни раругги, ни тем более игвы наверняка не пользуются таким средством передвижения, — закончил мысль Сухов. — У них должны быть другие возможности. А космонавты нам не страшны, тем более что мы похожи на них, если судить по форме кресел и антропоморфному убранству помещений.

— Но М-фон здесь повышен, — напомнил Такэда.

Никита глянул на перстень индикатора, играющий желто-оранжево-красную гамму, пожал плечами.

— Это либо след кого-то из наших недругов, либо предостережение, чтобы мы не теряли бдительности.

Толя не думал, что эрцхаор будет призывать к бдительности, он был запрограммирован на более серьезные вещи, однако говорить танцору об этом не стоило.

Спустя пять минут они нашли двухместную каюту, обследовали вырастающие прямо из пола мягкие лежаки, стены и пол на предмет неожиданных сюрпризов, напились воды и улеглись спать не снимая костюмов, к которым успели привыкнуть, словно ко второй коже. И в этот момент хохха Такэды подала сигнал: мышцы на боку, которого касалось «крылышко бабочки», свела приятная судорога.

Толя достал хрустальную коробочку, открыл, и подскочивший Никита вырвал у него из руки тонкий, размером с сигарету, белый рулончик, развернул, жадно шаря глазами по ленте. Но на матовой полоске неведомого материала о Ксении было сказано всего несколько слов, смысл остального сообщения сводился к предупреждению о близкой погоне и о невозможности помощи в случае их захвата. Никита, шевеля губами, дважды перечитал сообщение и выронил рулончик из пальцев. Такэда нагнулся, развернул ленту и прочитал: «Сведений о Ксении Красновой, художнице, Наблюдатели Шаданакара не имеют. Более глубокий поиск требует чрезвычайных мер и времени. Подтвердите необходимость». Дальше шел текст предупреждения.

— Куда же они могли ее запрятать? — как бы про себя проговорил Никита. Закрыл глаза, лег, утонув в кровати по грудь. Добавил, не открывая глаз: — Подтверди запрос.

Такэда молча написал просьбу на другой стороне сообщения, вложил в футляр, закрыл, потом убедился, что запрос ушел, и лег сам. Сказал тихо:

— Еще не все потеряно, служба информации и у нас поставлена хорошо.

Никита не ответил.

Проснулся он от неприятного ощущения, что на него кто-то смотрит. Полежал, не шевелясь, прислушиваясь к тишине.

В каюте было темно, однако ощущение наблюдателя, третьего — не Толи, не уходило. Никита открыл глаза и, когда вспыхнул свет — от движения ресниц, скатился на пол, выставляя в сторону двери копье-вардзуни.

На него, округлив глаза, смотрела очень похожая на Ксению девушка в отливающем зеленью комбинезоне. Она была высокой, тонкой в талии, с великолепной фигурой богини и полудетским лицом, с пухлыми губами и бровями-крыльями. Именно этой детскостью да еще серьезным взглядом без тени испуга она и походила на Ксению.

Сухов загнал разочарование в глубь души, завозился, поднимаясь. Украдкой взглянул на эрцхаор — перстень все так же гнал гамму предупреждения, разве что чуть чаще, чем раньше. Фон магиполя все еще был повышен, однако, похоже, гостья к этому не имела отношения. Гостья ли? Может быть, хозяйка?

— Доброе утро, — поклонился Никита.

На соседней кровати зашевелился Такэда, глянул на девушку и сел.

— Ага, вот наконец и хозяева заявились. Здрасьте.

Незнакомка перевела взгляд на него, потом снова стала разглядывать Сухова, не отвечая Толе.

— Кто вы? — Танцор тоже оглядел девушку, отметив, что то, что он принял за золотистый шлем, всего лишь плотная замысловатая прическа. Девушка была сказочно красива, и красота ее была тревожна, заставляя сердце сожалеть о чем-то и биться сильней.

— Заавель, — назвалась наконец гостья, удовлетворившись осмотром. Голос ее переливался и журчал, как ручей. — А вы — Никита Сухов и Тоява Такэда, жители сто сорок четвертого хрона Шаданакара. Сухов — кандидат в Посланники, Такэда — Наблюдатель хрона. Чего еще я не знаю?

Путешественники онемели. С ними говорили, конечно, не

на языке Земли, но лингвер не мог сам выдумать то, что было произнесено.

— Кто вы? — повторил вопрос Сухов, подразумевая поле ее деятельности, а не имя.

— Наблюдатель этого хрона, — последовал ответ.

— Но... ведь... цивилизация погибла... планета мертва...

— Я не являюсь жителем этой планеты. Вернее, мои предки жили на ней более тысячи лет назад.

— Переселенцы? — догадался Такэда. — Вы успели спастись, переселиться на другую планету? Я имею в виду ваших предков.

— Для Наблюдателя вы достаточно сообразительны, — отрезала Заавель. Ответ прозвучал слишком резко, но Никита был так зачарован красотой девушки, что не заметил этого. Такэда же хоть и удивился, но виду не показал. Отступив, он дал возможность танцору проявить самостоятельность.

— И вы летели сюда специально для встречи с нами? — сказал Сухов, выпрямляясь. Он вдруг обнаружил, что Заавель не просто высокая — одного с ним роста!

— По моей личной инициативе. — Лицо Наблюдателя ни разу не озарилось улыбкой, а глаза... огромные, черные, оценивающие, проникали в мозг, в тело, что-то измеряли, сравнивали, сомневались, удивлялись и прятали насмешку.

Никита встряхнулся, сбрасывая чары.

— Разве нам угрожает опасность? Тот, кто нас сюда доставил, уверял, что этот мир заблокирован.

— Именно поэтому я здесь. Собор Шаданакара предлагает обдумать степень вашего участия в предстоящем деле. Какие-то ваши характеристики заставляют сомневаться в успехе... вашего Пути.

— Мы... я его еще, по сути, не начинал.

— Ошибаетесь. Вы вступили на Путь, получив бинер.

— Что? Может быть, вы имеете в виду Весть?

— Почему Весть?

— Запас информации.

— Кажется, мы говорим о разных вещах. Но пусть будет запас информации... метафизического созерцания древних посвященных. Но вы до сих пор не смогли им воспользоваться. Не так ли?

Настроение Никиты испортилось. Покраснев, он сказал хмуро:

— Во-первых, уже пользовался и собираюсь вывести всю информацию на уровень сознания. Собственно, поэтому мы и выбрали этот пустой мир. А во-вторых, мы живы, несмотря на все усилия «свиты Сатаны».

Брови девушки изогнулись, придав лицу ироническое выражение.

— Вы уцелели благодаря лишь самонадеянности хаббардианца Хуббата и благосклонности его брата Вуккуба.

— Хаббардианца? Не раругга?

— Раругги — это военная каста, элита охраны игв, а не раса, и родился Хуббат на Хаббарде, «Земле» середины «пакета» гуманоидных, но не человеческих миров. Если бы он сообщил о вас «по начальству», его шеф задействовал бы всю систему охранных мер: разведку — техническую, магифизическую и агентурную, наружное наблюдение, группу анализа и целенаведения и, наконец, группу захвата... или уничтожения и группу подстраховки. — Заавель помолчала, оценивая, какое впечатление произвели ее слова на землянина. — «Свита Сатаны» — это лишь группа подстраховки. А для вашего поиска Хуббат из всего арсенала подключил только разведку.

— То есть ЦРУ. А «чекистов»?

— ЧК — это группа нейтрализации: захват, блокирование, ограничение свободы... и физическое уничтожение. Итак, землянин... Посланник, так сказать, вы все еще колеблетесь?

Никита хотел ответить резкостью, но передумал. Улыбнулся сквозь мрачные раздумья, повел плечами. Красота собеседницы не давала сосредоточиться, возбуждала, заставляла напрягать ум, играть мускулами и делать храбрый вид.

— Мне надо подумать... посоветоваться.

— Если вы не в состоянии решить задачу сами — советуйтесь. Зачем работать на пределе? Можете оставаться у меня, сколько пожелаете, здесь вам никто не помешает. — Девушка повернулась одним гибким движением, шагнула за порог.

— Извините, — сказал Такэда ей вслед, — почему вы назвали Весть бинером? Насколько я помню, бинер — это совокупность двух противоположностей типа холод — тепло, свет — мрак...

— Добро — зло, — добавила Заавель, оглядываясь. — Жизнь — смерть. Именно так, джентльмены. — И исчезла.

— Не нравится она мне, — тихо сказал Такэда. — А тебя, вижу, задело, воин?

— Нет, она очень красивая, — не слушая, задумчиво произнес Сухов, — очень! Что ж, есть смысл ей кое-что доказать. Спать мы будем, наверное, здесь, а все остальное... необходимо поискать место. Она насмехалась над нами, вернее, надо мной, тонко и умело, но она права: мы отвыкли работать на пределе, а добивается успехов лишь тот, кто умеет заставить себя пройти «красный коридор».

Такэда кивнул, как спортсмен отлично понимая смысл тер-

мина. «Красный коридор» означал порог включения биоэнергетического потенциала, резерва психических сил, когда у спортсмена уже не осталось сил физических. Но пройти «коридор» мог далеко не каждый человек.

— На твоем месте я бы не стал ей ничего доказывать, — посоветовал инженер. — Если и стоит что-то кому-то доказывать, то лишь самому себе.

Никита упрямо свел брови в одну линию.

— Не зуди, Оямович, пошли лучше выполнять план.

Такэда безмолвно повиновался.

Место для тренировок они нашли неподалеку — достаточно большую и ровную площадку посреди разрушенных временем скал, образовывающих высокую зубчатую стену вокруг. Там же обнаружился и коридор-тупичок, где Никита надеялся поэкспериментировать с Вестью, полный решимости добиться «взаимности».

Тренировка длилась два с половиной часа, пока Такэда не изнемог и не сдался, вытянув ладонь вперед.

— Довольно, Посланник, не расходуй пыл зря. Я только что подумал: не слишком ли мы с тобой беспечны?

— Что ты имеешь в виду? — Сухов облил себя водой — занимались они, сняв костюмы-скафандры, — и насухо вытерся губкой из снаряжения костюма, заменяющей полотенце.

— Надо было взять в темпорале «дипломат», то есть транскоф. И может быть, выбрать что-нибудь еще из его оружейного арсенала.

— О транскофе я не подумал. Ты прав, сейчас схо... — Слово замерло у Никиты на губах.

Что-то произошло. Они не сразу догадались, что изменилось освещение. К золотистому, не дающему теней свету гигантской дуги в небе добавился янтарный оттенок. Не сговариваясь, путешественники взобрались на скалу и увидели восход солнца, вернее звезды, его заменяющей. Диск светила был больше солнечного, но не столь ярок, и казалось, по небу взбирается огромная капля расплавленного янтаря.

— Доброе утро, — пробормотал Такэда.

Никита недоумевающе глянул на него и понял: появление светила означало утро, хотя ночь в этом мире почти ничем не отличалась ото дня.

Первый же эксперимент с «родимым пятном» Вести едва не закончился плачевно: Сухов уже через несколько секунд потерял сознание и не приходил в себя больше часа, перепугав Такэду до смерти.

Привела танцора в чувство Заавель, вызванная Толей в «лабораторию» — на площадку в скалах. Что она подумала о Сухове, неизвестно, лицо ее, как всегда, оставалось серьезным и непроницаемым, но танцор потом чувствовал себя как нашкодивший щенок. Чувство стыда погнало его прочь, в пустыню, где он пробродил до заката местного светила, вспоминая встречи с Хуббатом, Вуккубом, Истуутукой, другими наблюдателями из соседних хронов, анализируя причины неудачи. Уверенность его в удачном исходе дела была поколеблена в очередной раз, однако в душе танцора бушевал ураган, разбуженный самолюбием и опирающийся на уже полученную информацию, и просто так сдаться он уже не мог.

Вернулся на корабль за минуту до ежевечернего дождя, поужинал и снова занялся тренингом, изредка заглядывая в книгу инструкций росссдао, сохраняемую им во время странствий.

Такэда не мешал другу, понимая его состояние, и то и дело пытался разговорить Заавель, которая почему-то не желала беседовать, на вопросы отвечала неохотно и коротко или не отвечала совсем, но тон ее по отношению к инженеру оставался тем же — вежливо-высокомерным, с резкими ироничными выпадами. Правда, его это не задевало, держать себя в руках Толя умел с детства. Девушка оставалась для него загадкой, будучи лишь с виду по-детски открытой и наивной, на самом деле она таила в себе огромные скрытые резервы сюрпризов и знаний, недоступных простым смертным. Такэда чувствовал ее глубину каким-то «седьмым» чувством и уже не раз хотел заговорить с Никитой на эту тему, но тот ничего не замечал, увлеченный внешним проявлением красоты, и надо было ждать подходящего момента, накапливая аргументы. Пока же Такэда мог только мрачно наблюдать за развитием событий, видя, что Сухов проводит с девушкой все больше времени и не торопится выполнять свой «гениальный» план.

Неделя прошла, но ничего не изменилось.

Сухов продолжал тренироваться, но с иссякшим пылом. Разговоры его с Такэдой сводились к обмену мнениями о погоде, красотах пейзажа и невероятном уме Заавель, с чем Толя был вполне согласен. Хохха ничего о Ксении не сообщала, да и сам Сухов все реже вспоминал о ней, пока не произошло событие, резко изменившее все.

Инженера давно мучило ощущение скрытого наблюдения, возникшее сразу после того, как они заметили увеличение магического фона. Сначала он принял гипотезу «магического следа»: кто-то из свиты Люцифера побывал в этом мире незадолго до появления беглецов и оставил свой след. Однако после встречи с Заавель и долгих размышлений Толя начал склоняться к дру-

гому мнению, приняв к разработке две версии повышения фона. По первой — служители Хаоса вполне могли посетить этот мир и оставить где-то следящее устройство, по второй — фон повысила сама Заавель. Последний случай был наименее вероятен, но и наиболее нежелателен, ибо заставлял предполагать худшее: либо Заавель была в с е л ё н н о й, либо работала на СД — Синклит Четырех Демонов, будучи «двойным агентом».

Приняв в качестве рабочей первую гипотезу, Такэда сделал запрос через хохху о личном деле Заавель и несколько дней лазил по скалам и остаткам зданий разрушенного города, разыскивая следящее устройство с индикатором, одолженным у Сухова. Однако эрцхаор не работал как миноискатель, отмечая писком в наушниках присутствие металла, поэтому Толя бросил это занятие, обыскав напоследок кокон темпорала и забрав оттуда «дипломат» мгновенной масс-транспортировки. Тогда он переключился на изучение корабля Заавель и его компьютера, надеясь каким-то образом подключиться к файлу секретных данных. Последнее казалось невыполнимым, но Такэда не был бы инженером, если бы не умел решать такие задачи.

Изучив принципы управленческого комплекса по ответам охотно разговаривающего с ним компьютера и визуальным наблюдениям, Толя улучил момент, когда Заавель и Никита улетели на катере к океану, и с помощью хардсана вскрыл панель центральной «дольки лимона» — секции пульта. И не поверил глазам: она была пуста!

Кто-то негромко рассмеялся за его спиной. Такэда мгновенно обернулся, хватаясь за рукоять лазера... и обнаружил, что лежит на камнях, слабый и беспомощный, словно пролежал здесь месяц без еды и пищи. Рядом лежал Никита, бледный, исхудавший, заросший, с тенями под глазами, такой же беспомощный и бессильный.

Кто-то стоял над ними, загораживая полнеба. Огромная туша, не похожая ни на что живое, зловещая, тяжелая, как гора, но гора металлическая и функционально законченная. Глаза слезились, Такэда протер их, но продолжал видеть все так же смутно, как сквозь грязное стекло.

Кто-то снова рассмеялся, но теперь уже над головой. Смех был женским, и от него веяло холодом. Такэда с трудом повернул голову и увидел Заавель, только одетую иначе — в черный комбинезон, светящийся алыми зигзагами на руках и ногах.

— Ты довольно хитер, Наблюдатель, — произнесла девушка, с лица которой исчезло выражение детской незащищенности, — но недостаточно проворен. — Перевела взгляд на еще не верившего своим глазам Сухова. — Прощай, Посланник, воин Пути. Впрочем, Посланником ты уже никогда не станешь — слаб.

По губам Заавели скользнула презрительная усмешка, отчего Никита дернулся, как от пощечины.

— До меня дошли слухи о новом Посланнике, ухитряющемся водить за нос Хуббата целый год, и я решила проверить. — Она вдруг приблизила к лицу Сухова свое лицо, черты которого поплыли, испытывая быструю трансформацию смены множества лиц — от человеческих, в том числе и мужских, до жутких морд, не поддающихся описанию, — пока к ней снова не вернулся прежний облик сверхъестественно красивой земной женщины. — Ты был бы интересен мне, танцор, лишь в качестве неплохого образчика человеческой породы, но ни на что иное не годящийся. Даже для службы мне. Слабых никто не любит, в том числе и Путь. Поэтому я оставляю вас живыми, давая шанс постичь хотя бы малую часть себя. Выживешь — мы встретимся. Хотя я в это не верю.

Заавель выпрямилась, стала расти, вытягиваться, увеличиваться в размерах, пока не стала одинаковой с металлической горой рядом, а потом села на нее верхом.

— Удачи, воин, — раздался с небес громовой насмешливый голос, и гора с чудовищным существом, которое уже нельзя было назвать обаятельной женщиной, исчезла с резким хлопком, от которого у землян едва не лопнули барабанные перепонки. Для Такэды этот хлопок был лишним доказательством реальности происшедшего — с таким звуком воздух заполняет пустой сосуд.

— Оямович, я не сплю? — слабым голосом спросил Никита.

— Спал. Мы оба спали, хотя видели один и тот же сон. Хорошо еще, что проснулись живыми. Она действительно пожалела нас.

— Ты о чем?

— Как ты себя чувствуешь?

— Как после месячной голодовки.

— Не месячной, всего лишь двух- или трехдневной, но голодовки. Нас заставили пережить сложную, подстраивающуюся, отлично наведенную галлюцинацию, воздействующую практически на все органы чувств.

— Кто заставил? Заавель?

Никита с трудом сел, с недоверием глядя на исхудавшего приятеля.

— Господи, ты как из концлагеря сбежал!

— Ты выглядишь не лучше.

— Так кто это был, по-твоему?

— А ты не понял? Заавель... за-Авель...

— То есть... Каин?!

— Она и здесь посмеялась над нами. Гиибель — ее настоя-

щее имя, или его — одного из Великих игв, единственного, кто имеет черты женщины. Хотя это лишь малая часть ее истинной сути.

— Мы попались, как мальчишки! — прошептал Никита, пряча лицо в ладонях.

Такэда мог бы возразить, он-то как раз попался в последнюю очередь, уступив инициативу Сухову, но говорить об этом вслух не стоило. Никита и так был растерян и унижен в достаточной степени. Кряхтя, Толя встал, огляделся. Они находились неподалеку от разрушенного замка с коконом темпорала. Гипсовая пустыня уходила вдаль и во все стороны, сверкая в свете пылевой дуги, пересекающей небосвод, и была она почти пуста из конца в конец. Лишь несколько песчаных холмов, из которых вырастали обломки зданий исчезнувшего в веках города, напоминали о погибшей цивилизации, да кладбище звездолетов в гигантском разломе. Оно все-таки не было рождено гипноиндукционным излучением Гиибели, как подумал было Такэда.

— Значит, нас списали, — раздался сзади скрипучий голос поднявшегося Сухова.

Толя обернулся. Глаза танцора лихорадочно блестели, но с лицом произошла перемена: растерянность и подавленность из него испарились, скулы выступили резче, а губы отвердели.

— Тем лучше, — продолжал Никита, улыбнувшись так, что у Толи заныло сердце. — Ты хорошо разглядел эту гору, на которой умчалась Заавель? То есть твоя Гиибель?

— Не очень, но, по-моему, это...

— Жругр! Тот самый механокентавр, или как там его можно назвать, который нужен и нам.

— Но Истуутука предупреждал, что обычный человек не может им управлять.

— Так то обычный, — осклабился Никита, повысив голос, так что лицо пошло пятнами. — А я — не совсем обычный, и с этим им придется считаться! — Он вдруг с криком ударил себя по плечу со звездой Вести. — Проснись, бинер, судьба моя!

По пустыне прокатилось странное грохочущее и звенящее эхо...

Глава 6

На сей раз ему удалось продержаться несколько минут, прежде чем сработал подсознательный «выключатель напряжения» и прервал поток удивительных, странных, в большинстве своем непонятных видений. Снова он пережил целый комплекс необычных состояний и ощущений, сбивающих поступающий

«текст», изменилось не только визуальное восприятие пространства — он как бы видел все предметы снаружи и изнутри, но и ощущение собственного тела, вобравшего в себя чудесным образом мир вокруг на десятки, если не сотни километров. Все формы мира струились, колебались, текли сквозь тело, он понимал их суть, видел взаимодействие частей вплоть до атомов, мог рассчитать любое их изменение в будущем и читать прошлое, хотя человеческая оболочка сильно мешала и хотелось освободиться от нее, выйти за пределы, жить в космосе более свободно и мощно...

Такэда наблюдал за Никитой с растущей тревогой, а потом со страхом, видя, как меняется лицо танцора, отражавшее какую-то страшную внутреннюю борьбу. Дважды Толя пытался остановить друга, достучаться до его сознания, и оба раза Сухов оставался глухим, едва не сломав Толе руку, когда тот попытался потрясти его за плечи. Закончилась борьба внезапно — внутри Никиты, если судить по вспыхнувшему взгляду, произошло что-то похожее на взрыв, исказивший черты его лица до неузнаваемости, а затем Сухов обмяк и потерял сознание.

Однако его беспамятство, зловещее и глубокое — до потери пульса, длилось всего четверть часа, и очнулся он сам, практически без помощи суетившегося Толи, который пытался сквозь костюм делать ему массаж грудной клетки и шиацу активных точек головы и шеи. Улыбнулся вздохнувшему с облегчением инженеру, провел рукой по заострившемуся подбородку и сел, слабый, дрожащий от холода и потери энергии, но веселый и довольный.

— Испугался?

— Испугаешься тут! Как самочувствие?

— Не знаю, пережевнуть бы чего-нибудь нашего, родного... борща, например, свининки жареной... а потом поспать минуток шестьсот...

— О борще забудь, ешь, что Бог послал... то бишь лемур Истуутука. И спи. Потом поговорим. Я тут похожу рядом, поохраняю. Кстати, индикатор-то все равно нервничает.

Никита рассеянно глянул на камень перстня, внутри которого тлел желто-оранжевый крестик — знак потревоженного магического фона.

— Не волнуйся, он регистрирует вибрацию Веера, колебания сети темпорала, которые затухают медленно. В принципе, мне он в этом качестве уже не нужен, я и сам теперь могу вычислить в толпе магически вооруженного.

— Весть выдала порцию информации?

— Весть выдает всю информацию, да я не в состоянии ее

принять. Кое-что, правда, удалось, но до полного объема далеко. Эх, если бы удалось разбудить экстрарезерв!

— Тебе это же удавалось. Помнишь, ты говорил, что во время схватки с Хуббатом сработала родовая память и ты вспомнил приемы боя предков?

— Да, но потом я все забыл!

— Главное — почин сделан. Вспомнил раз, вспомнишь и другой. Согласно гипотезе ученого-биолога Мечникова вместе с набором безусловных рефлексов по наследству передается целый пакет использованных ранее предками программ, в том числе и навыков и методов выживания. И если ты вспомнил воинские приемы, значит, у тебя в роду были великолепные бойцы, витязи.

Сухов покачал головой, молча достал коробку с НЗ и сотворил пласт розово-фиолетового желе, утоляющего жажду не хуже родниковой воды. Откусил и пробурчал с полным ртом:

— Почему же все-таки индикатор не сработал на Гиибели, не предупредил об опасности?

— Я думал об этом. Либо она заблокировала его, либо заэкранировала себя, что вероятнее. Учти, игвы — многомерные существа, маги высокого класса, им подвластны любые силы и законы.

Сухов кончил жевать, лег, подложив под голову «дипломат» транскофа, закрыл глаза.

— Она забавлялась нами... в ее власти было просто прочитать наши мысли.

— Мысли — да, но не эмоции, духовные порывы и цели, запасы добра и зла, возможности и способности. А выяснить все это можно было лишь устроив спектакль.

— Не убежден. Она могла поступить проще: внушить нам любую мысль, сотворить псевдореальность, в результате чего мы либо сошли бы с ума, либо умерли от истощения.

— Ну, не знаю я, что у нее за план в голове был, — философски заключил Такэда. — Может быть, ты ей понравился.

Легкая краска легла на щеки Сухова, но он нашел в себе силы сказать то, что думал:

— Если бы понравился, она не назвала бы меня ничтожеством и не бросила здесь, как ненужную игрушку.

Толя не нашелся, что ответить.

Спал Никита больше семи часов и проснулся свежим и бодрым, а также голодным. Умылся, посетовав, что негде искупаться, проглотил два блюда из НЗ, по вкусу напоминавших соленые грибы и консервированные помидоры, и обвел взглядом горизонт.

Приближался «вечер», судя по высоте светила над цепью

холмов, с противоположной стороны небосвод закрывала сизая пелена туч, несущих дождь, сверкающая равнина из конца в конец была все так же пуста и мертва, и даже ветер не поднимал на ней пыли.

— Все тихо?

— Ты же сам говорил, что чувствуешь магифон. Аль во время сна потерял способность?

— Поехали.

— Куда?

— Туда, где Макар телят не пас. Нам нужно сделать несколько хронопереходов.

— Нас перехватят уже на втором переходе. — Такэда встретил взгляд Сухова, помолчал. — Если это необходимо — вперед.

— Другого выхода просто не существует. Чтобы начать поиски жругра, необходимо прежде закончить воинское образование, разобраться с Вестью, выяснить свои возможности, кое-что приобрести, сообщить маме, что я жив, найти Ксению... в общем, план мой несколько меняется. Сейчас мы сделаем переход в мир, где обитает «первый меч всех времен и народов». Любопытно посмотреть на его мастерство и научиться самому.

— Кто бы возражал. — Такэда поднял транскоф, стряхнул с его черного «кожаного» бока прилипшие кристаллики гипса. — Ты мне так и не сказал, что тебе выдала Весть.

— Пленка еще проявляется, — сказал Никита и улыбнулся в ответ на удивленный взгляд Толи. — Это если говорить образно. Многое застряло в подсознании и просачивается оттуда постепенно. Испытываешь такое удивительное ощущение, когда в сознании всплывает вдруг з н а н и е предмета или явления!

— Саммай[1].

— Что? А-а, да, но не одно — целая цепочка саммай. Наверное, мозг научился регулировать потоки информации на уровне рефлексов.

Сухов приблизил руку с перстнем к лицу, пристально глядя на переставший светиться камень, глаза его сузились, в глубине их вспыхнул мрачный огонь.

Камень эрцхаора на мгновение стал прозрачным, внутри него мелькнули черные точки, исчезли, и тут же камень полыхнул серией вспышек, сыграв целую гамму от зеленого и желтого к вишневому и фиолетовому цвету. Никита удовлетворенно кивнул.

— Все нормально, путь свободен.

— Что ты с ним сделал?

---

[1] С а м м а й — состояние просветления.

— Запрограммировал на поиск нужного хрона, он будет наводить нас на цель. А заодно проверил, не ждет ли где в засаде «свита Сатаны». Горизонт чист.

— Значит, Гиибель не стала сообщать наши координаты парням «свиты».

— На таком низком уровне она играть не должна.

Сухов повернулся и направился к развалинам замка, ухитряясь ступать почти бесшумно, стараясь не трещать россыпями кристаллов. Вскоре кокон темпорала распахнул перед ними двери, и путешественники нырнули в сиреневый свет поворачивающей время на квантовый угол камеры хроносдвига. Поход по «лестнице» Шаданакара «вниз», к М-физике, начался.

Выход из темпорала в этом мире пришелся на раннее утро. Кокон станции хроносдвига был замаскирован под гигантскую каменную голову высотой метра четыре, и путешественники, спустившись по ее языку и выйдя через рот, попали в заросли акации. С трудом преодолев эту колючую преграду, они оказались в лиственном лесу, живо напомнившем Никите леса Подмосковья ранней осенью. Березы здесь чередовались с кленами и дубами, сменялись полосами осин и ясеня, кое-где встречались более темные лиственницы и сосны, но стоило Сухову подойти к дереву поближе, как тут же становилось ясно, что он не на Земле. Листья «березы», если внимательно приглядеться, имели другую форму, хотя ствол ее вполне отвечал земным «березовым стандартам». Точно так же и кленовый лист выглядел иначе — более вычурный, резной и красивый. И длинные листья-иглы местной «сосны» заканчивались пушистыми венчиками, а не остриями, как земные, хотя издали их вряд ли можно было различить. И еще в этом лесу не хватало травы и птиц: тишина стояла, как после пожара.

— Эрцхаор, — шепнул Такэда, вертя во все стороны головой.

Никита понял, кивнув: он глянул на перстень еще при выходе из темпорала, но индикатор тревоги не поднял, только отметил наличие повышенного фона магического поля.

— Все спокойно. Хотя мы теперь проходим хроны, где начинают работать законы магифизики. В этом мире могут быть и колдуны, и заклинатели, и волшебники.

— Где мы?

— Наш герой, «первый меч» — индеец, мы в его мире. Это все, что я пока знаю. Необходимо найти местного Наблюдателя, он даст нужные сведения.

— Как?

— Позвонить ему.

— В рельс, что ли? Или здесь есть телефоны, а у тебя — его номер?

— Через хохху, — коротко ответил Сухов без обычного язвительного тона.

Такэда прикусил язык, сообразив, что у них действительно есть рация, через которую можно держать связь с любым Наблюдателем.

— Извини, не подумал.

Никита, не отвечая, направился по лесу туда, где виднелся просвет, и через полсотни шагов вышел на край огромного ровного поля, усеянного такими же гигантскими каменными головами, как и та, из которой они только что вылезли. Их было не менее трех тысяч, и еще многие головы прятались в кустарнике и в лесу.

— Что это? — осведомился Сухов, пытаясь сосчитать количество голов, тип лиц которых указывал на индейское происхождение.

— Скорее всего кладбище, — сказал Такэда. — На Земле встречалось нечто подобное в Мексоамерике. Головы делали каменотесы еще при жизни царей, после смерти тела царей сжигали, а прах помещали в голове.

— Здесь их несколько тысяч! Неужели все цари?

— Плюс знатные вельможи, воины, герои. Этому кладбищу, наверное, исполнилась не одна сотня лет. Странно, что нигде не видать охраны. Земные индейцы относились к предкам с большим пиететом и обычно сторожили усыпальницы, дабы их не разграбили.

— Кажется, и местные индейцы имеют те же обычаи.

Такэда завертел головой и в полукилометре от них обнаружил неподвижную фигуру с длинным копьем, одетую во что-то золотисто-коричневое. Через мгновение фигура исчезла, но не приходилось сомневаться, что пришельцев заметили.

— Что будем делать? Бежать в лес, сражаться, ждать?

Сухов взвесил в руке вардзуни, с сожалением покачал головой.

— Оружие придется оставить. Стоит нам применить хардсан или суперкопье в этом мире, как нас тут же засекут техники ЦРУ, служба наблюдения. Давай-ка быстренько закопаем все наше снаряжение возле этой головы и заметем следы. Оставим при себе только лингверы, авось никто не обнаружит их в волосах.

— И хохху.

— Правильно, рацию тоже, вряд ли они догадаются, что это такое. — Никита быстро написал несколько слов на клочке пленки — запрос на связь с Наблюдателем данного хрона, вложил внутрь хрустальной бабочки и спрятал ее на груди.

В тот же момент из леса бесшумно вынырнула цепь золотисто-коричневых фигур с длинными копьями, взяла путешественников в кольцо, а из-за их спин вперед выступил атлетически сложенный молодой человек с типично индейским лицом, которому была присуща особая, свирепая красота. Смуглое, скуластое, с большим, но не чрезмерно, хищным носом и узкими черными глазами, с прямыми губами, гордое, бесстрастное и сильное, лицо этого воина было столь красноречиво, что хотелось встать перед ним по стойке «смирно» и ждать приказаний.

Одет индеец был так же, как и его соплеменники, одет в коричневый кожаный костюм, расшитый золотой бахромой, сидевший на нем словно вторая кожа. Но, во-первых, костюм его был украшен перьями, а на груди красовался очень красивый мозаичный ромб из перьев, видимо, знак власти. Во-вторых, из-за спины у него высовывался край щита, а в-третьих, в отличие от своих подчиненных, бритых, с золотыми лентами вокруг голов, он имел прическу — прекрасную львиную гриву соломенного цвета и головной убор в виде короны из перьев какой-то птицы. Кроме того, на поясе у него висели изогнутые ножны, разукрашенные золотыми инкрустациями, из которых выглядывала сверкающая рукоять длинного, похожего на ятаган, меча. Индеец молчал, как и воины команды, по его лицу невозможно было понять, о чем он думает.

— Мир вам, — слегка поклонился Никита. Его киб-переводчик смолчал, потому что не знал, на какой язык переводить. Индейцы не проронили ни слова, наставив на приятелей удивительно длинные, с длинными и тонкими наконечниками, копья. Пауза затянулась.

Сухов оглянулся на Толю. Тот тихонько покачал головой:

— Не суетись.

Как бы удовлетворившись осмотром, предводитель отряда махнул вперед рукой, сжав два пальца и растопырив остальные три, отступил в сторону, так и не издав ни звука. Никита не сразу сообразил, что означает этот жест, и едва не прозевал бросок копья, стоявшего чуть сбоку воина. Копье срикошетировало от плеча — ткань костюма была непробиваема — и оцарапало шею. Второе копье прошло в сантиметре от головы, но Сухов увернулся, ощутив затылком ветерок смерти. Третье вонзилось в то место, где он только что стоял. Их убивали, буквально расстреливали, молча и деловито, без лишних расспросов и рассуждений, и была в этой деловитости такая убежденность в праве распоряжаться чужой судьбой, что Никита испытал приступ страха. Правда, длился приступ всего секунду-две. Бросив взгляд влево, Сухов увидел, как хладнокровно сражается Такэда, разломав копье на две части и превратив их в нунчаки, и это придало ему

уверенности и мобилизовало прилив сил. Дальнейший бой продолжался уже под диктовку землян, так как индейцы понятия не имели об искусстве самозащиты без оружия.

Поскольку Никита не был силен в искусстве юби-дзюцу[1], как Такэда, хотя и тренировал с ним комплекс атэми[2], он решил действовать не столько эффективно, сколько эффектно, что всегда действует на психику противника. Дважды удачно развернув блокирующую спираль — любой бьющий предмет, в том числе и копье, попадая в охватывающую спираль блока, соскальзывает, — Никита в ответных ударах для достижения эффекта цепа использовал не только руки и ноги, но и весь корпус, что усиливало удар даже в ближнем бою с малых дистанций, после чего нападавшие отлетали — уже без оружия — на три, четыре, пять метров.

Бой временно прервался. Семеро индейцев лишились копий, трое из них потеряли сознание — это поработал Такэда, остальные отползали в сторону, глядя на двух дьяволов если и не с ужасом, то с должным уважением. Оставшиеся четверо копья бросать не решались, ожидая команды вожака. Тот раздумывал всего мгновение, потом что-то крикнул высоким звенящим голосом, прыгнул к Никите и нанес ему удар мечом; когда он его выхватил из ножен — танцор не заметил.

Спас его Такэда, метнувшись между ними и бросив в лицо индейца горсть песка. Лезвие меча миновало голову Сухова, отскочило от ключицы — ткань костюма защитила его и на этот раз, и в то же мгновение Никита рванул на себя чужую руку, автоматически провел прием «в локоть» — сакли — и завладел мечом. Выпрямился, угрожая врагу уколом в грудь.

— Размахался!.. Спасибо, Оямович, как-нибудь сочтемся. — Крикнул остальным: — Стоять!

Индейцы замерли, поняв смысл сказанного по интонации. Их командир, упавший на колени, медленно встал, не сводя горящего взгляда с Никиты, ответившего ему таким же взглядом. Подошел Такэда с копьем, взвесил в руке.

— Отличная вещь, легкая и хорошо сбалансированная. Спроси его что-нибудь, разговори, а то лингвер не разберется в языке.

— Кто вы? — Никита опустил меч, ткнул себя пальцем в грудь. — Сухов. — Указал на Толю. — Такэда. — Протянул руку индейцу. — Ты?

— Уэ-Уэтеотль. — Индеец гордо выпрямился, складывая руки на груди. — Текутли панатиско им велиавел шочик.

---

[1]Юби-дзюцу — поражение болевых точек тела пальцами.

[2]Атэми — комплекс шоковых и парализующих точечных ударов.

Лингвер замешкался на мгновение и перевел:

— Нам приказано вас убить.

Друзья переглянулись.

— Хорошенький прием, очень теплый! — пробормотал Сухов.

— Наверное, здесь побывали слуги ЦРУ, предупредив о возможном нашем появлении местные власти. Что предпримем? Судя по красоте нагрудной пекторали, этот воин — важная персона. Давай отведем его к правителю и обменяем на свою жизнь.

— Вряд ли он согласится. К тому же я не уверен в его знатности — обычный исполнитель в ранге сержанта.

— Но держится независимо, не по-сержантски. Звание, положение? — обратился Толя к индейцу.

— Саагун тикуй-рикуки тлатоани, — ответил тот высокомерно, не удивляясь тому, что к нему обращаются на двух языках и разными голосами.

— Начальник глаз и ушей Повелителя, — перевел лингвер, шепот которого был слышен только хозяину, добавил: — Вероятно, соответствует чину капитана разведки. Кстати, имя Уэ-Уэтеотль — это скорей кличка, переводится как «ягуароподобный дракон».

— Ох и любят они цветастые имена и клички. Да, Оямович? А меч, наверное, из бронзы, до того легок. И удобен. И красив.

— Срубил бы он твою буйную голову, тогда бы ты его оценил иначе, — проворчал Такэда. — Командуй.

Никита еще раз взглянул на перстень, поигрывающий оранжевым квадратиком — фон магиполя был достаточно плотен, чтобы подозревать о существовании в этом мире адептов магической физики, но дело свое надо было доводить до конца.

— Держи. — Сухов протянул меч владельцу вперед рукоятью. — Веди нас к Повелителю. Только не вздумай снова начать «игру в бойню». Усек?

Индеец, озадаченный таким поворотом событий, потерял от изумления свой неприступный, независимый вид, открыл рот, потом с видимым усилием справился с собой.

— Уэ-Уэтеотль отведет вас к Повелителю: пусть тот решает вашу судьбу сам.

— Ну и отлично. Кстати, кто отдал приказ убить нас? И по какой причине?

— Приказ отдал чичим Сипактональ Уиштотли, главный сборщик дани, правая рука тлатоани Тлауискальпантекутли, «первый меч империи».

Никита присвистнул.

— Вот те, бабушка, и Юрьев день! Тот, кого мы ищем, и отдал приказ о нашем уничтожении. Чичим... что такое чичим?

— Имеющий право убивать без разрешения Повелителя, — отозвался лингвер.

— А тлатоани Тлауискальпан... чего там еще? Имя?

— Тлатоани — правитель, а Тлауискальпантекутли переводится как Повелитель Дома Утренней Зари.

— Что ж, звучит красиво. Пошли знакомиться, Оямович. Интересно взглянуть на правителя с таким поэтическим именем, да и на его «правую руку» Сипактоналя Уиштотли, имеющего право убивать без суда и следствия. Неужто я что-то перепутал, и он — не маг, а демон? — Сухов махнул рукой не потерявшему гордую осанку предводителю отряда:

— Веди, саагун.

Индеец поднял вверх руку, и в ту же секунду двое других исчезли в кустах, чтобы через минуту привести лошадей. Такэда забрался в высокое седло с ловкостью завзятого жокея, а Никита, которому на родине отца удалось в свое время покататься на лошадях с объездчиком Ефремычем, прыгнул в седло, не пользуясь стременем, что, впрочем, не произвело на индейцев никакого впечатления.

Поскакали рысью — один за другим, миновали кладбище с головами и вскоре выехали из леса на мощенную каменными плитами дорогу, прямую, как стрела, упирающуюся в скалистые холмы километрах в десяти отсюда.

В холмах дорога разветвилась, стала шире, по ее сторонам стали появляться ступенчатые пирамиды, не то здания, не то храмовые сооружения, охраняемые непременными каменными ягуарами или орлами. Дважды проезжали по висячим мостам, пересекающим реки, и выехали наконец на край долины, утопающей в зелени, окруженной красивейшими каменными стенами и скалами.

— Чикама, — обернулся на скаку Уэ-Уэтеотль.

Лингвер никак не прокомментировал слово, и Никита понял, что Чикама — название долины или каньона. Дорога вильнула за скалы, вывела всадников к необычной арке: две гигантские человеческие сплетенные руки, высеченные из камня с непревзойденным мастерством. За аркой справа поднималась пирамидальная постройка с треугольными бойницами, напоминающая крепость. Впрочем, это и была крепость, стерегущая вход в долину, потому что реплику проводника: «Пукара», лингвер перевел как «сторожевой пост». Двое индейцев, неподвижно стоящих на крыше пукары, проводили кавалькаду взглядами.

Никита обратил внимание на сложные устройства в их руках, из которых выглядывали наконечники копий, и сообразил,

что это ручные копьеметательные машины. В земной истории аналогов таким машинам не существовало.

За поворотом открылся красивейший вид на долину: геометрически совершенные террасные поля, лесополосы, группы скал и среди них — замки в виде террасных пирамид и стены, сложенные из громадных каменных блоков, пересекающие долину из конца в конец. Проезжая мимо одной из них, высотой не меньше чем двадцать — двадцать пять метров, индеец приостановил коня.

— Истаксиуаль по пачанка. Ли гарама тооли Тлауиска.

— Великая индейская стена, — перевел лингвер. — Пересекает всю Империю Дома Утренней Зари.

— Оказывается, не только китайцы строили такие стены, — тихонько сказал Такэда.

Стена тянулась километров на двадцать, скрываясь в скалах, за краем долины, а дальний ее конец скрывал за собой город.

— Халиско, — показал на него проводник. — Тлалока.

— Столица Империи Халиско, — шепнул лингвер, хотя Никита понял это и без перевода.

Въехали в город спустя час. Проводник снова сдержал коней, чтобы гости могли осмотреться и оценить своеобразную красоту столицы, в которой искусство каменной кладки было доведено до совершенства. Как и искусство глиптики — резьбы по камню.

Ни одно здание ни по архитектуре, ни по отделке не повторяло соседнее, хотя в основе своей они имели одну форму — пирамиду. И тем не менее разнообразие поражало. Здесь были здания в форме ладони, растущей из пирамиды, и в форме человеческой головы. Встречались постройки в форме топора, гигантской арки, ярма для быка, и в форме дерева или початков кукурузы. Все они были одно-, двухэтажные, реже — трехэтажные, не выше; и лишь башни, похожие на минареты — в форме копья, возвышались над городом на добрые полсотни метров да дворец правителя высотой в двести с лишним метров.

Дворец — Чолула, как с гордостью назвал его Уэ-Уэтеотль, представлял собой строгую пирамиду с двадцатью одной террасой, сложенную из белого камня, и являл собой образец совершенства кладки, внедрения в быт геометрических пропорций и возведения в ранг абсолюта монументального искусства скульптуры и барельефа.

Никита не считал себя знатоком архитектуры древних цивилизаций (в данный момент они как бы перенеслись в прошлое Земли), хотя интересовался историей всегда, но эстетика строений этого индейского шедевра могла увлечь и натуру менее романтическую.

Фасад дворца был украшен барельефами с изображениями извивающихся пернатых змей и клыкастых ягуароподобных лиц, а также резными многоцветными колоннами и башенками. Вход во дворец напоминал музейную экспозицию со скульптурными группами, резными вертикальными панелями — таблеро, в отделке которых использовалось серебро и золото, и ступенчатым сводом.

Проводник остановил процессию — с лошадей они слезли еще за сто метров от дворца — напротив цепи стражи: воины все были как на подбор, рослые, мускулистые, с пышными прическами в виде корон и взбитых султанов, украшенных перьями, со щитами из панцирей черепах и длинными копьями с пучками перьев. Одеты они были в черные с золотом костюмы, расшитые бисером и бахромой. Уэ-Уэтеотль что-то сказал начальнику стражи, имевшему на груди знак отличия в виде ромба из перьев, выслушал ответ и сделал приглашающий жест. Цепь стражей расступилась, пропуская во дворец троих людей и сопровождающего их. Отряд саагуна остался снаружи, построившись в маленький квадрат.

Никита не очень внимательно следил за тем, куда их ведут, поглощенный созерцанием фресок, горельефов, колонн, панелей, ковров из перьев и прочих красот дворца в причудливом свете лампад и свечных люстр, поэтому он скоро запутался в лестницах, переходах, мостиках и галереях, создающих внутри здания впечатление непроходимого лабиринта. Лишь Такэда, не терявший бдительности, знал, что от входа они ушли недалеко, дважды обойдя святилище с группой ягуаровидных божеств и алтарь, сверкающий золотом. Наконец индеец остановился у входа в громадный зал, занимающий, наверное, чуть ли не треть дворца, бросил за спину:

— Калькулли.

— Мы пришли, — отреагировал лингвер.

Уэ-Уэтеотль шагнул в зал и преклонил колено перед возникшим из темноты человеком в черно-золотом костюме на голову ниже его.

— Кого ты привел, Уэтль? — раздался отрывистый, резкий, неприятный голос.

— Чужеземцев, чичим.

— Мы же велели принести их в жертву богу Уицилопочтли.

— Они не захотели, чичим. — В голосе Уэ-Уэтеотля сквозь смирение и высокомерие прозвучала насмешка.

— И ты не смог с ними справиться, саагун?! С двумя?!

— Они колдуны, чичим, и владеют мбоа.

— Мбоа владеют только Богоизбранные и Повелитель.

— Наверное, это вид воинского искусства, — предположил

лингвер, — в моем лексиконе нет такого слова, но по ряду признаков мбоа — аналог земного карате.

— Доложи Повелителю, чичим, у меня есть что сказать ему.

— Ты будешь наказан, саагун.

— Это решит Повелитель.

Дальнейшую перепалку — тихую, сдержанную, но полную внутреннего напряжения и ненависти, прервал гулкий гонг и вслед за ним голос:

— Проводи их ко мне, Ситаль.

Человек в черном поклонился — жест был чисто ритуальным, автоматическим, и повел рукой в глубину зала. Уэ-Уэте-отль проследовал мимо, гордо подняв голову.

По-видимому, разведка и стража Повелителя не слишком симпатизируют друг другу, подумал Никита, и в это время увидел Тлауискальпантекутли, Повелителя Дома Утренней Зари.

Глава 7

Если на Земле Колумба Америка была поделена между отдельными индейскими племенами, а каждое племя делилось на роды, которые, в свою очередь, дробились, и на всем пространстве американских материков шло взаимное истребление краснокожих, то здесь, в этом хроне, на аналоге Земли, имеющем название Астаамтотль, индейцы смогли понять грозящую им опасность в результате вторжения белых и соединиться для совместного отпора общему врагу. В результате первые колонии европейцев были уничтожены, и вся Америка досталась индейцам. Правда, потом они все же не удержались в объединении и образовали около сотни государств, воюющих друг с другом, но то были и н д е й с к и е государства: сиу, могикан, арапаха, ацтеков, майя, кечуа, аймара, сапотеков, тольтеков, ольмеков и других племен, разве что назывались они иначе. А когда в силу местных географических условий снова образовался сухопутный мост — перешеек между Аляской Америки и Азией — Берингия, индейцы начали завоевание Азии, изменившее судьбы этой части света.

Завоевание длилось не одну сотню лет, после чего образовались Лиги — мощные союзы государств: Такуба — Восточно-Азиатский, Астлан — Евро-Азиатский, Сандиакловис — Северо-Американский и Фолосом — Южно-Американский. Австралия тоже склонилась перед натиском краснокожих, где выросло однородовое государство Пуррон со столицей Омейокан на месте земной Канберры.

И лишь Африканский материк, имеющий по сравнению с

земным несколько иные очертания, остался не завоеванным индейцами, сохранив древнее, данное аборигенами название — Мыср. И ни амбиции, ни жажда славы, кипящие в крови индейцев, — главные побудительные причины их войн — не смогли помочь им покорить черный материк.

Халиско был столицей Срединного хааба — района-государства с шестидесятимиллионным населением, где правил Тлауискальпантекутли — Повелитель Дома Утренней Зари и стоял город примерно на месте современного земного Харькова. Естественно, никаких украинских городов, равно как и русских, арийских и любых других, в этом мире не существовало: индейская экспансия началась на Астаамтотле раньше, чем на Земле исход ариев из Индостана вверх, на север и запад.

Правитель (тлатоани на местном наречии) был по национальности уастек, а его «правая рука, сборщик дани, первый меч империи» чичим Сипактональ происходил из рода чоль-чорти, самого свирепого и воинственного из всех азиатских племен, и лишь благодаря ему власть тлатоани ни разу не была поколеблена, хотя попыток ее свержения от «оппозиционных» племен было предостаточно. Именно на этого человека и хотел выйти Сухов, полагая, что Сипактональ не только воин, объединитель народов, но и маг, тот самый искусник, который им нужен для продолжения Пути. Но он ошибся. Сведения же о стране, в которую они попали, дошли до них с неожиданной стороны.

Правитель интересовался ими недолго.

Это был высокий, сухой и костлявый старик с узким лицом, похожим на лезвие топора. Одетый в зелено-фиолетовый плащ, разукрашенный перьями, он не производил впечатления сильного и умного человека, но властолюбие проступало во всех его чертах. Как и в обстановке зала церемоний, предназначенной подавлять и поражать всех гостей или послов других хаабов, все предметы этого огромного зала, от трона Повелителя до скульптур, скамеек, стел, панно и стенных скосов, были гипертрофированы: либо увеличены, либо искажены, но сделано это было с таким искусством и вкусом, что внушало не ужас и отвращение, а изумление и суеверный восторг.

— И эти люди оказали тебе достойное сопротивление, Уэтль? — спросил звучным голосом Правитель.

— Да, мой Ягуар, — поклонился саагун. — Меня предупреждали, что они не обычные воины, но я не поверил. Они знают мбоа.

— Он лжет, — холодно процедил стоящий сзади Сипактональ; перед троном, склонив голову, стоял Уэ-Уэтеотль, за ним Такэда с Суховым. — Мбоа могут владеть только Богоизбранные, жрецы Науатль.

— Вот и проверь это, чичим. Пусть они сегодня живут, а завтра устроим представление и жертвоприношение Уицилопочтли. Что касается тебя, Уэтль, то я начинаю думать, что ошибся, возвысив тебя над толпой, переведя из архитектора в командира тикуй-рикуки. Завтра будешь сражаться вместе с этими чужестранцами против мбоа. Остальное — во власти Ягуара.

Уэ-Уэтеотль молча склонился до пола, резко повернулся и вышел из зала. Чичим Сипактональ проводил его торжествующим взглядом, хлопнул в ладоши. Из-за скульптур бесшумно выступили рослые воины в черном, с копьями и мечами.

— В темницу их.

— Похоже, наше мнение никого не интересует, — пробормотал Никита. — Может быть, попытаемся объясниться?

Но в этот момент в зале появилось еще одно действующее лицо — женщина, одетая в золотые доспехи, с золотой маской на лице и с огромной вычурной прической, похожей на султан с перьями в волосах. За ней бесшумно, как тени, следовали два гиганта в золоченой коже, вооруженные лишь короткими кинжалами.

— Я забираю их в Храм, Повелитель, — сказала она низким голосом, смело подходя к трону. — Богоизбранные, мои воины и жрецы, хотят посмотреть на пришельцев и выяснить, кто они, откуда, зачем появились здесь и что знают. А завтра они продемонстрируют вам свое искусство.

— Пусть будет так, — ответил коротко тлатоани, сверкнув глазами.

Сипактональ с неохотой дал знак своим стражам, и те снова исчезли в нишах зала. Женщина в золотом наряде больше ничего не произнесла и вышла первой. Ее сопровождающие молча вывели следом путешественников, так и не проронивших ни слова.

Вели их недолго. Женщина сразу же после выхода из дворца-пирамиды правителя села в паланкин, и четверо таких же великанов, как и те, что вели друзей, умчали ее рысью прочь, а провожатые свернули с площади перед дворцом в проход между зданиями в форме топора и оказались у коновязи, где их ждал десяток индейцев с лошадьми. Усадив «бледнолицых» на одного коня, провожатые погнали отряд по широким улицам Халиско, не обращая внимания на прохожих. Впрочем, прохожие, в большинстве своем женщины, одетые в цветные длинные, до пят, юбки и накидки, а также кофты, с невероятно сложными прическами, тоже практически не глазели на кавалькаду, во всем подражая мужчинам, в том числе и невозмутимостью.

Индейцы-сопровождающие, все атлеты, словно собранные из тюрем Земли преступники, которым больше нечем занимать-

ся, кроме как качать мышцы, вооружены были не копьями, а, как заметил Такэда, духовыми ружьями и кинжалами. Меч был лишь у одного из них, вероятно, старшего по званию, управлявшего своим отрядом знаками. И по слаженности действий, ленивой грации, уверенности в себе и физической силе Такэда угадал в них профессионалов, людей войны. Как видно, власть женщины в золотом, поддерживаемая такой личной гвардией, была достаточно велика, если даже правитель не хотел с ней спорить.

— Мбоа, — сказал Такэда на ухо Сухову, кивая на сопровождающих. Никита промолчал. Он уже догадался, что эти воины и есть те самые «Богоизбранные», с которыми им предстояло сражаться не на жизнь, а на смерть.

Проскакали почти до окраины Халиско и остановились у пирамидального здания со множеством террас. Здание хотя и уступало по высоте Чолуле, дворцу правителя, но было не менее величественным, гармоничным, красивым, увенчанное чешуйчатой башней, похожей на вставшего на хвост дракона.

— Матлашкочитль, — разразился наконец речью предводитель отряда, спешиваясь.

Лингвер перевода слову не дал, это было имя собственное, название здания.

— Тликоуацин Науатль, — продолжил индеец, жестом приказав спутникам следовать за ним, но повел людей не в здание-пирамиду, а в красивый белый дом напротив в форме уснувшего зверя, не то ягуара, не то дракона.

— Храм... богини Науатль, — прошептал лингвер, запнувшись. — Науатль — ягуароподобный дракон.

— Вот оно в чем дело, — вполголоса заметил Такэда. — Эта дама, что забрала нас у мясника-чичима, наверняка жрица храма, верховная жрица. А это ее дом.

— Интересно, чего ей от нас надо? — нахмурился Сухов.

— Сейчас узнаем.

Их провели в дом и оставили в роскошной прихожей со сводчатым потолком и стенами, увешанными коврами из искусно переплетенных, отливающих всеми цветами радуги птичьих перьев. Эти ковры висели везде, но в доме встречались комнаты, стены которых были затканы перьями сплошь, вызывая удивительный эстетический эффект. Практичный Такэда подумал, правда, о пыли: как здесь ее убирают? — но восхищался красотой убранства комнат не меньше Сухова. Однако самое большое потрясение ждало гостей впереди.

Через несколько минут ожидания в прихожую вошла наполовину обнаженная девушка с безупречной фигурой. Из одежды на ней была только юбка из перьев да сандалии из белой кожи.

Сложная прическа в форме двух пересекающихся кубов венчала голову, в ушах подрагивали длинные золотые серьги в виде человеческих ладоней, на руках и ногах сверкали браслеты. Она сделала приглашающий жест и скользнула в проход между двумя белокаменными, украшенными резьбой панелями. Заинтригованные гости последовали за ней. Короткий коридор вывел их в светлый зал, затканный все теми же перьями и паутинно-прозрачными драпировками, с резным деревянным троном в дальнем конце, у стены, по которой распростерлось тремя извивами тело драконоподобной, с головой и когтями ягуара, твари. На троне сидела давешняя золотодоспешная женщина, одетая, правда, на сей раз иначе, — почти так же, как и ее служанка: в юбку, но не из перьев, а из какой-то ткани, отливающей зеленью, в невероятной красоты сандалии, с виду — из золота, и прозрачно-золотистую накидку, не скрывающую ни высокой груди, ни длинной шеи, ни тонкой талии. Прическа у ней осталась той же, как и золотая маска на лице, изображавшая полуженщину-полуягуара.

Но не это поразило гостей. На безымянном пальце ее правой руки сверкал знакомый перстень — эрцхаор, подмигивающий то изумрудным, то желтым крестиком.

— Вот так сюрприз! — хладнокровно заметил Такэда. — Жрица-то наша — Наблюдатель!

— Проходите, — раздался низкий и властный голос; говорила она по-индейски, и обращаться к ней пришлось через лингверы. — Посланник и Проводник, не так ли?

— А вы — Наблюдатель? — ответил Никита, поклонившись.

— Зовите меня Тааль. Я верховная жрица богини Науатль.

— Вы знали, что мы появимся здесь?

— Нет. Но пришел запрос, и я приняла меры.

— Нас пытались убить...

— Приказ тикуй-рикуки отдал Сипактональ, я не знала о вашем появлении, пока не пришло сообщение по хохха-связи. Но разве вы не воины? Разве Посланник не в состоянии отбиться от простых смертных? — В голосе Тааль прозвучала насмешка. — Для чего вам понадобилось демонстрировать мбоа Уэтлю с его дружиной? Достаточно было п р и к а з а т ь ему привести вас ко мне.

Сухов покосился на Толю, пожал плечами, и тот вежливо пояснил:

— Мы новички и многому еще учимся. Я — Наблюдатель своего хрона, как и вы, а он... он Посланник, но не посвящен Пути.

Жрица покачала головой так, что качнулись груди, притягивающие взор, задумчиво произнесла:

— Да, вы странная пара... Ситаль не выпустит вас живыми, если узнает, что Посланник не посвящен. Тем более что он тоже получил задание от Синклита Четырех уничтожить вас, если вы не появитесь здесь. Чудо, что он не вмешался, когда решался вопрос, кого посылать для встречи — его воинов или тикуй-рикуки.

Гости переглянулись.

— А ты хотел поучиться у него бою на мечах, — сказал Такэда ехидно.

— Но он первый меч империи!

— О да, Сипактональ — первый меч империи, — кивнула Тааль, — но Уэтль — первый меч Астаамтотля! О чем не знает никто, хотя Ситаль и догадывается. Вот у саагуна есть чему поучиться.

Сухов и Такэда снова переглянулись. Они еще не забыли бой у кладбища с каменными головами, и у обоих мелькнула одна и та же мысль: уж если Уэ-Уэтеотль там не показал ничего примечательного, то чего стоит его слава первого меча планеты? Жрица поняла их молчание правильно.

— Уэтль — мой третий муж, я хорошо знаю его возможности. Вероятно, он инсценировал бой, иначе в живых вы бы не остались. К сожалению, и в его отряде есть глаза и уши Ситаля, поэтому он знает правду.

— Зачем же Повелитель отдал саагуна на заклание, зная, что он такой большой воин?

— Повелитель — не первое лицо государства, это во-первых. А во-вторых, почти никто не знает о способностях Уэтля, он их не афиширует. А настоящий тлатоани в нашем государстве — Сипактональ Уиштотли, брат Мишкоасацина, зять Уэмака, главный сборщик дани и... агент-осведомитель ЦРУ. Если завтра вы останетесь живы — а он самолюбив и хочет убить вас сам, не прибегая к помощи раруггов, — в Шаданакар пойдет сигнал о вашем пребывании здесь, и тогда встреча с Хуббатом неизбежна.

— Вы и об этом знаете?

— Слухом земля полнится. Если не верите в свои силы — уходите, я дам вам такую возможность.

Молчание длилось всего несколько секунд, Такэда стоял ни жив ни мертв, ожидая, что скажет Сухов, но тот произнес всего два слова: «Я — Посланник», и тон его речи подействовал даже на жрицу с фигурой богини молодости.

— Хорошо, отдыхайте, вас проводят. Пока вы у меня, вы в безопасности. Все ваши желания будут исполнены.

— Найдите Уэ... э-э... саагуна.

— Уэтля? Зачем?

— Я хотел бы поговорить с ним... кое о чем. — Сухов преодолел желание скрыть правду и твердо глянул в прорези золотой маски. — Если он согласится, я хотел бы получить пару уроков до завтрашнего дня.

— Хорошо, — после недолгого размышления сказала жрица; по ее мнению, Посланник должен был обладать большим могуществом, чем дает знание приемов боя на мечах, но скрывать удивление она умела. — А ваше желание, Наблюдатель?

— Поговорить с вами, как Наблюдатель с Наблюдателем, — учтиво произнес Такэда. — Нет большего наслаждения, чем обмен информацией.

— И это выполнимо, — кивнула Тааль. Хлопнула в ладоши и сказала, когда из-за какого-то ковра выскользнула служанка: — Проводи воина в додзё.

— Тренировочный зал, — перевел лингвер.

Но зал оказался внутренним двориком со специальным кольцом для игры в мяч и настоящей гимнастической стенкой. Показав его, служанка отвела Сухова в длинную прямоугольную комнату с узкими окнами в стенах и на потолке, с гладким деревянным полом и стенами, обитыми деревянными панелями.

— Можете заниматься здесь, господин, или во дворе.

Сухов задержал служанку:

— А почему твоя госпожа носит маску?

Девушка бросила испуганный взгляд на дверь, прошептала: «Артхурон», — и исчезла.

— Заклятие, — отозвался лингвер и после паузы добавил: — Болезнь наговора.

Никита машинально взглянул на эрцхаор: перстень подмигивал оранжевым пятиугольником, отмечая появление всплеска магического поля. Где-то недалеко, может быть даже в пределах города, появился некто, колдун или знахарь, магически вооруженный Вестник Собора Веера или слуга Хаоса, добрый или злой. Кто именно, индикатор определить не мог.

Слабо дернулась жилка на плече, там, где темнела звезда Вести.

— Слышу, — усмехнулся Никита.

Вечером они встретились сначала в трапезной, потом в комнате отдыха, отведенной им в качестве опочивальни: Никита — после трех часов тренинга и лаконичных разговоров с Уэ-Уэтеотлем, а также после купания в бассейне с горячей водой, Такэда — после беседы с Тааль и прогулки вокруг дома и храма богини Науатль.

Кормили их отдельно от слуг и других обитателей дома, изредка мелькавших в глубине коридоров. Вино называлось майяуэль и приготовлялось, по словам Такэды, из меда, каких-то

трав и корней растения магеи. Оно прекрасно утоляло жажду и создавало тонизирующий эффект. Подавалось вино в глиняной бутыли в форме быка, рога которого служили горлышками. Затем в горшках-тикоматес подали эмпанадас — блюдо из маисовой муки и дичи, а на небольших подносах — накатамалес, маисовые лепешки, смазанные жиром. Заканчивал ужин поданный в широких чашках-пиалах напиток из шоколада с хрустящими воздушными шариками из сладкой кукурузы.

В комнате отдыха, пушистой от обилия ковров из птичьих перьев и хлопковых подушек по стенам, где стояла одна широкая кровать, сложенная из высоких — по колено — мягких и упругих кубов (как оказалось, из каучука), Никита сразу бросился на кровать, а Такэда присел рядом, пребывая в возбуждении, что мог бы заметить и не слишком внимательный человек. Он и впечатлениями начал делиться первым, не дождавшись от Сухова традиционного «ну, как?».

— Никогда не думал, что Наблюдателем может стать женщина с таким ярко выраженным эгоистическим и жестоким характером!

— Почему жестоким? — лениво полюбопытствовал Никита. — Откуда это видно? Она властолюбива, это заметно... Зато красива, но попробовала бы жрица храма Науатль быть нерешительной и доброй. О морали индейцев я наслышан, так что давай о чем-нибудь другом.

— Мы беседовали в основном об истории создания индейских государств и об их общественно-политическом устройстве. Тебе это интересно?

— Валяй, пока я в созерцательном настроении.

Такэда помолчал немного, но так как новые знания переполняли его, как горячая каша — горшок, следовало «выпустить пар». Начал он с истории создания индейских поселений в Америке, Австралии и на Евроазиатском материке, подыскивая формулировки, подолгу замолкая, затем увлекся сам и увлек Никиту. Рассказ длился больше часа, память у Толи была великолепная, он запоминал даже маленькие детали, подчеркивающие основную мысль, но он не был бы Такэдой, если бы не начинал анализировать услышанное им и уходить в философские обобщения.

— Понимаешь, — продолжал он ровным голосом, не замечая осоловелости собеседника, — большого разнообразия в государственном устройстве на материке не наблюдается, всюду господствуют кальпульи — патрилинейные кланы с императорами — тлатоани, основанные на военных орденах Орла, Ягуара, Волка, Медведя и так далее. И общество у них резко классовое: знать, жречество и масехуали — простолюдины. Так что нам,

считай, повезло, что каста жрецов здесь достаточно влиятельна, иначе нас фиг бы выпустил из лап Сипактональ. Индейцы вообще люди с мифологическим сознанием. Им свойственно целостное видение мира. Религиозные их желания просты и утилитарны: урожая, удачи на охоте, в войне, полноценного потомства, а практические действия, причем даже повседневные, священны. Каждое действие по сути — магический акт, который по всеобщей связи всего со всем отзывается и отражается на всех уровнях мироздания. И если на Земле подобное — лишь психологическое преувеличение, то здесь все так и есть, потому что этот хрон гораздо ближе к Болоту Смерти, миру Хаоса, обиталищу Люцифера. Потому и приказ уничтожить нас, то есть пришельцев, угрожающих стабильности государственной власти, а может, и шпионов, не удивил ни рядовых исполнителей, ни самого правителя.

— А почему они остались краснокожими? — спросил сонно Никита. — Ведь пришли они сюда, в среднюю полосу, сотни лет назад, могли бы и посветлеть.

— Не думал, — буркнул Такэда, порыв которого иссякал. — Сотен лет для генетических изменений мало. Кризис охоты, вызванный гибелью длинношерстных животных наподобие наших мамонтов, а также сопутствующей флоры и фауны, заставил индейцев заняться земледелием и выращиванием особой флоры — низких деревьев с быстрым созреванием плодов, а в местные сезонные холода — строительством капитальных жилищ со всеми удобствами.

— В этом они преуспели. Разве что удобств маловато да техника еще не на высоте. Ты знаешь, где у них туалет?

Такэда хлопнул ладонью по ноге приятеля и принялся стаскивать с себя голубое «трико». Сказал глухо, застряв головой в рукаве:

— Удобная вещь, но я все же привык к более простой одежде. Ну а ты чем занимался?

— Тренировался... Этот парень, Уэ... Уэтль... что за имена!.. оказался нормальным мужиком, хотя и не без амбиций. Кстати, он не всегда был тикуй-рикуки, по профессии он уакульани — строитель и архитектор. А Правитель приблизил его к себе после того, как Уэтль сотворил ему Чолулу.

Такэда медленно вытащил голову из костюма, уставился на Сухова.

— Тебе не кажется это символичным? Если он такой большой мастер... да еще боец... Впрочем, поговорим об этом потом... На индикатор ты поглядываешь? Ничего не изменилось?

Никита выпростал руку из-под головы, глянул на камень эрцхаора:

— Темнит он что-то, наш путеуказатель. То показывает всплеск магиполя, то успокаивает — все тихо.

— Странно. — Толя остался в одних плавках, поискал одеяло. — А, вот оно. Похоже на пончо, мягкое. Подвинься, разлегся, как господин.

— Слушай, может, сходишь попросишь раскладушку? По-моему, эта спальня предназначена для одного человека.

Толя не ответил, лег навзничь и затих. Длинные свечи по углам комнаты продолжали гореть ровным голубоватым пламенем, практически без дыма и запаха, отражаясь в перламутровых зернах бисера и в чешуе драпировок.

— Интересный момент, — сказал Такэда тихо. — Вселенная индейцев — Пача — делится на много уровней от верхнего — Ханан Пача — до нижнего — Уку Пача, а соединяют их Пакарины — тоннели, пещеры, шахты. Понимаешь, о чем речь? Индейцы знают о существовании Веера Миров, и космогоническая мифология их отражает реальное положение вещей. Но ты недорассказал мне о своих открытиях.

— Мой диалог с Уэтлем был не столь информативен, парень не очень разговорчив. Но кое-что он мне рассказал. И показал. Мечи их ты уже видел — по форме они близки к ятагану или сабле, отсюда и оригинальнейшие приемы. А главное, он показал мне твое любимое рето-дзукаи[1] и великолепное иаи-дзюцу[2]. Я до такого еще не дошел. Было бы время... — Сухов сумрачно вздохнул.

— А еще?

— Что еще? Рассказал он мне об их оружии. Копьеметалки называются атл-атл, ручные метают копья на полсотни метров, передвижные — метров на двести, а стационарные лупят на два километра! Духовые ружья тоже неплохо стреляют, метров на сто, причем очень точно, называются кантаками. Есть и дротикометалки — чарруа, те вообще идеальны — и по форме, и по точности выстрела. Помнишь, у тех ребят, которые отвели нас сюда, были кинжалы в таких странных ножнах? Так вот это и есть чарруа. Выстрелил, зарядил, снова выстрелил. Темп стрельбы может быть очень высоким, в зависимости от опыта — до двадцати выстрелов в минуту.

— То-то форма у них действительно необычная. А луков у них, наверное, нет, ни у кого не видать. Не додумались?

— Пошли по другому пути, совершенствуя копья и дротики. А мечи у них, между прочим, из бериллиевой бронзы, легкие и

---

[1] Рето-дзукаи — фехтование двумя руками.

[2] Иаи-дзюцу — искусство мгновенного обнажения меча с последующим ударом.

прочные. — Никита подумал. — Требуют не столько силы, сколько быстроты, скорости удара.

— А защита какая-то есть? Или только щиты?

— Щиты у них делаются из панцирей черепах, которых специально выращивают, их, наверное, и пулей не пробьешь, но есть и латы, хотя скорее церемониального назначения. Основная же защита — костюмы из специально обработанных буйволовых кож. Дротики их не пробивают, только копья, хотя на вид костюм как костюм, внутри даже мягкий.

Помолчали. Потом Сухов добавил рассеянно:

— Да, придется завтра попотеть...

Такэда открыл глаза, внимательно присмотрелся к его лицу.

— Мы можем сбежать отсюда. Я знаю, где у них лошади стоят, да и дорогу запомнил. Доберемся до транскофа — и поминай как звали.

— Да не можем мы сбежать! — Никита поморщился, стукнул кулаком по кровати; лицо его побледнело, губы сжались. — Отныне и навсегда бег закончен! Мы — не дичь, и пусть те, кто гнал нас, убедятся в этом.

Такэда крякнул, но сказать ничего не успел, в дверь ударил молоточек предупреждения. Через несколько секунд в комнату скользнула служанка Тааль, поклонилась Сухову, в отличие от Толи и не думавшему прятаться под покрывалом:

— Вас требует верховная жрица.

Друзья переглянулись.

— Интересно, что ей нужно, — пробормотал Никита недоуменно.

— Может быть, этим вызовом объясняется отсутствие в этой комнате второй кровати.

— Не очень-то рассчитывай. — Никита натянул свой голубой комбинезон и вышел за служанкой.

Тааль ждала его в своей спальне, почти ничем не отличавшейся от комнаты отдыха, в которую поместили гостей-заложников. Разве что драпировок, ковров и подушек в ней было больше, да кровать гораздо шире, да удивительно тонкой работы бронзовые зеркала с подставками в виде различных зверей.

Жрица и раньше носила весьма условный женский наряд, а теперь и вовсе предстала перед потрясенным танцором во всей красоте обнаженного женского тела, безупречного во всех линиях и изгибах. Кисейно-прозрачную накидку можно было в расчет не брать. Волосы Тааль ниспадали водопадом по плечам, сломав сложнейшую прическу знатной дамы, и лишь одна деталь ее наряда не изменилась: золотая маска.

— Ты получил все, что хотел, Посланник, — раздался ее

низкий, гортанный голос. — Теперь моя очередь. Сними свою кольчугу, она тебе не понадобится до утра.

Кровь бросилась в лицо Никиты. Раскрепощенное дитя своего времени, он не был ханжой и понимал свободу отношений между мужчиной и женщиной так же, как и его современники и сверстники, но и воспитан он все же был хотя и в театральной среде, но не без романтики и веры в чистоту и святость. К тому же урок Гиибели не пропал даром: ему дали звонкую пощечину, и звук ее до сих пор стоял — не в ушах — в сердце. Но главным обстоятельством, сквозь призму которого он пытался смотреть на события вокруг, была Ксения. И все же... и все же он не мог просто сказать «нет» и уйти. Простота отношений полов в этом мире была подготовлена тысячелетием морального раскрепощения, основанием которому служила этика жестокого патриархата, и отказ мужчины высокородной даме, да еще жрице, воспринимался здесь как смертельное оскорбление. Отказ этот следовало готовить исподволь, с одновременной попыткой объяснить положение.

— У нас разные системы восприятия, — хрипло сказал Никита, невольно раздевая глазами женщину... хотя что тут было раздевать? — И разные системы ответственности.

Тааль склонила голову к плечу:

— Да, ты тоже колдун, как и твой слуга: я слышу два голоса.

— Он не слуга — он мой друг. Можешь называть его оруженосцем или лучше Наблюдателем.

— Поясни, что ты имел в виду — насчет систем ответственности. Впрочем, не надо, ты слишком много говоришь, Посланник. Раздевайся, пока я не приказала тебя раздеть.

— Вряд ли это удастся, если я не захочу.

— А ты не хочешь? — В голосе женщины одновременно прозвучали ирония, удивление и гнев.

— Не могу, — коротко ответил Никита. — У меня есть девушка... я люблю ее. А по нашим земным понятиям, то, что может между нами произойти, — предательство по отношению к ней.

— Ты лжешь, Посланник! — Не голос — лед. — Я кое-что знаю о морали землян, иначе не была бы Наблюдателем. Земной мужчина может любить двоих и троих, много. Ты смеешься надо мной? Или причиной отказа служит маска? — Тааль вдруг щелкнула застежкой и сорвала маску с лица. На Сухова глянуло странное, прекрасное и одновременно страшное лицо: одна половина его, белая, чистая, идеально красивая, напоминала маску — мраморную, безжизненную, с застывшим глазом, а вторая была багрово-синей, сведенной судорогой, с пылающим черным глазом, полным гнева и тоски, презрения и ярости.

Сухов невольно отшатнулся.

Тааль засмеялась сквозь рыдание, но тут же взяла себя в руки, захлопнула маску, сказала с презрением:

— Я так и знала: ты такой же, как и все. Иди. Завтра вы умрете... если не поможет Ягуар. Ты не Посланник, ты его бледная тень.

Никита вспыхнул, хотел ответить резкостью, потом решил извиниться, утешить женщину, попытаться сказать что-то в свое оправдание, но все слова были бы лишними сейчас, и он промолчал, повернувшись, чтобы уйти.

— Подожди, — повелительно окликнула его жрица. — Возьми для своей девушки... если она существует. Это муиски.

Никита подошел к Тааль на ставших ватными ногах, принял из ее руки красивую, изумительно тонкой работы золотую заколку в виде крокодильчика с четырьмя глазами-изумрудами. Рука женщины дрогнула, Сухов почувствовал ее порыв, и страсть, и сердцебиение, однако поцеловал руку.

— Вы очень красивая, Тааль!

— Я знаю, — снова рассмеялась жрица с горечью и гневом. — Но ты отказал мне!

— Я отказал себе! И когда-нибудь я вернусь, чтобы вылечить тебя. Артхурон, то есть заклятие и наговор, снимается, кто бы его ни сотворил.

— Только не заклятие Семерых!

Никита вздрогнул.

— Так заклятие... сотворила... Семерка магов?! За что?!

Тааль отступила в глубину комнаты, сделала отталкивающий жест.

— Мой первый муж — Вуккуб, я ему помогала во всем. А теперь уходи!

Никита постоял немного, плохо соображая, что к чему, помотал головой, упрямо набычился.

— Тогда я приду с другой Семеркой. Жди.

Он, как слепой, повернулся и вышел в коридор, где его поддержала рука служанки. Он не помнил, как дошел до своей спальни, которую в тревоге мерил шагами Такэда. Не отвечая на вопросительно-озабоченные взгляды, Сухов разделся и лег, даже не глянув на эрцхаор, тускло мерцавший вишневым огнем. В голове царил сумбур, мысли разбежались, а из чувств преобладали безмерное удивление и растерянность. Лишь через минуту до Никиты дошло, что Толя трясет его за плечо и что-то спрашивает. Тогда он выслушал вопрос и убил Такэду одной фразой:

— Она — бывшая жена Вуккуба!

Вершина 4

ВОИН-МАСТЕР

Глава 1

Никита спал уже вторые сутки после боя с индейскими профессионалами мбоа — мастерами единоборства — и бегства в темпорал.

Уснул он мгновенно, как только они вывалились из кокона станции хроносдвига в новом мире и нашли пристанище. Сначала лицо его было измученным и бледным, к тому же бородка и усы старили танцора, прибавляя ему лет двадцать. Но потом, сутки спустя, лицо Сухова разгладилось, успокоилось, порозовело, сны перестали отражаться на нем, как облака на водной глади, и Такэда, не отходивший от временной постели друга почти ни на минуту, позволил себе расслабиться.

Поразмыслив, он сделал вывод: и на этот раз кто-то помог им спастись. Бой был дик и непредсказуем, но они не получили ни одной царапины! Разве что дошли до той степени изнеможения, когда организм начинает расходовать биоэнергетику, сжигая себя. Правда, именно этот режим, имеющий в спортивной медицине название «красный коридор», и помог им выжить. «Коридор» включил резерв сверхмобилизации Сухова, а тот, в свою очередь, родовую память и Весть. И все сразу изменилось.

Такэда еще раз глянул на заросшее спокойное лицо Никиты, лицо типичного молодого росса, и вышел из хижины, построенной неизвестно кем и неизвестно когда.

Хижина стояла на острове, окруженном гигантским болотом. Таких болот инженер еще не видел, хотя и знал об их существовании: тысячи квадратных километров грязи, кочек, редких мшистых островков, луж и бездонных трясин, тысячи соленых пятен, пузырящихся газом колодцев, странная флора всех оттенков синего и зеленого цветов и неизвестная фауна. Себхра. Болото-океан до горизонта и за ним казался противоестественным образованием, а хижина и вовсе подарком судьбы. Сложенная из желтых пористых брусьев, без окон, с единственной дверью, она вызывала недоверие и желание попробовать материал ее стен на вкус, однако внутри нее было сухо и тепло, а постели

из мха и длинных сухих водорослей делали ее по-домашнему уютной, и беглецы не стали искать другого пристанища.

— Может быть, это детище еще одного беглеца по хронам, — предположил Такэда, когда они вышли из темпорала. Сухов ничего в ответ не сказал, ему было все равно.

Такэда глянул на холм невдалеке, внутри которого скрывался темпорал. Холм как холм с виду, и все же что-то в нем было не так. Форма? Порода, из которой он сложен? Странное дерево наверху, похожее на сросток антенн? Не менее странные камни? Да, наверно... хотя и не очевидно. Что еще?

Толя покачал головой, досадуя на бедность фантазии, и присел на камень у хижины. Мысли снова вернулись к последним событиям суточной давности...

Утром пятеро воинов-гигантов отвели их в трапезную, где гости отведали блюдо из кумара — сладкого картофеля — и запили каким-то хмельным напитком, от которого у обоих закружилась голова и задрожали ноги. На вопрос: «Что это за отрава?» — девушка-прислужница коротко ответила: «Хаома», — и Такэда успокоил танцора:

— Это напиток бессмертия, если верить Тааль. Еще его называют напитком неуязвимости. Приготавливается из плодов лианы асавати, которая плодоносит раз в семь лет.

— Ничего себе «неуязвимость» — ноги разъезжаются и глаза в кучу!

— Сейчас пройдет.

И верно, отрицательные ощущения вскоре прошли, Никита почувствовал необыкновенную легкость во всем теле и прилив сил. После завтрака те же бесстрастные воины повели пленников по улицам города пешком, словно затем, чтобы те могли в последний раз полюбоваться архитектурой, ее великолепными барельефами, скульптурными и каменными стрелами и цветными изображениями воинских и охотничьих сцен. Но свернули не ко дворцу Повелителя Дома Утренней Зари, а к реке, спускавшейся в долину уступами. Верховная жрица храма Науатль так и не появилась.

Дома вскоре кончились, мощенная плитами дорога шла между двумя стенами, и вскоре стал слышен какой-то мерный шум, принятый пленниками сначала за шум реки. Но вот дорога повернула очередной раз и вывела процессию на площадь, похожую на стадион.

Овальная чаша площади с трех сторон была окружена широкими ступенями, на которых стояли тысячи индейцев, мужчин и женщин, а четвертая обрывалась уступом в реку. Тихий говор множества людей и приняли пленники за шум реки. В центре овала, выложенного шершавыми каменными плитами кирпич-

ного цвета, неподвижно и грозно стоял ровный квадрат индейских воинов, одетых в блещущие золотом доспехи, такие же были на Тааль, когда она забирала пленников, и Никита почувствовал, как екнуло сердце. Наверное, это и были профессионалы мбоа, Богоизбранные, с которыми предстояло сражаться.

Еще одна группа воинов — в четырех костюмах, под командованием «первого меча империи» Сипактоналя, стояла на другом конце поля, а вся площадь была окружена цепью этих бесстрастных гигантов, внушающих трепет, страх и мрачное ощущение обреченности.

— Миккаотли, — сказал один из воинов, конвоирующих пленников, и отступил в сторону, — кан мао.

— Площадь мертвых, — перевел лингвер, — ждет вас.

Сухов замешкался, и его подтолкнули копьем в спину. Пришлось поторопиться. Они начали спускаться по пологому пандусу к центру площади.

— Интересно, где наш друг Уэтль? — проговорил Никита, ища взглядом Тааль. Через секунду он нашел ее рядом с правителем сидящей на троне, как и тлатоани. Троны стояли на возвышении на первой из ступеней, и рослые индейцы держали над ними не то гигантские опахала, не то зонтики из перьев.

Шум голосов стих, наступила поразительная тишина, совершенно не свойственная, по земным понятиям, огромным толпам людей, в том числе и стадионам. Сипактональ с двумя воинами покинул треугольник своих подчиненных, остановился напротив пленников. Губы его скривила недобрая усмешка и тут же исчезла.

— Пришельцы, вина ваша доказана. — Он вскинул руку. И двое сопровождавших его воинов свалили на землю вещи пленников, закопанные ими в песке: хардсан, вардзуни, коробку НЗ, «флягу» с водой.

— Это дьявольские вещи! Мой воин поплатился жизнью, когда брал в руки заколдованное вами копье. Обычно колдунов сжигают, и вы тоже будете сожжены, но сначала покажете свое умение без этих волшебных предметов и заклятий. Посмотрим, так ли уж вы хороши без них.

— Как это должно выглядеть? — коротко спросил Такэда.

— Сначала точтли — бой-танец с копьями. Вы будете биться с четырьмя моими янаконами, в то время как остальные будут бросать в вас копья. Справитесь, наступит очередь мбоа-мбоа, слуг верховной жрицы. У нее шесть вокуа — мастеров-убийц высшего класса, и вы будете биться со всеми по очереди. Если и после этого вы останетесь живы — в чем я сомневаюсь, несмотря на неведомые мне колдовские приемы, — умрете от моей руки.

— Годится, — ответил Сухов с иронией, которую Сипакто-

наль не понял, но понял Такэда: чичим готовил себе легкую победу над пришельцами, которые будут измотаны предыдущими поединками.

«Первый меч империи» отошел к своему отряду, потом пересек площадь и наклонился к уху Повелителя.

— Крутой мужик этот чичим, — продолжал Никита тем же тоном, не глядя на Такэду. — Эх, и доберусь же я до него.

Толя понял, что танцор под бравадой прячет неуверенность и возбуждение. Успеет ли сработать Весть, когда они начнут? Включится ли память предков, благодаря которой Сухов выходил до сих пор сухим из воды?

— Дай Ши Шуань, — произнес Толя медленно, чеканя слог, и, когда Никита отвлекся от своих дум, вопросительно глянув на друга, перевел: — Божество Великой Вершины в тебе самом, Ник.

Сухов расслабился, задумчиво кивнул, потом, с улыбкой хлопнув ладонью по подставленной ладони инженера, выпрямился и с минуту оставался неподвижным, отрешившись от всего земного, пройдя, как его учили, все этапы подготовки к бою. Самыми долгими — по двадцать секунд — были этапы познания собственных сил и оценки потенциала противника, психологического и биоэнергетического (чувствовал он его как стену с дырами-брешами и мягким кое-где каркасом); остальные этапы заняли несколько секунд: расчет времени, изучение местности и условий боя с учетом возможных неожиданностей. Когда каре воинов в золоте распалось, окружив приговоренных, а двое индейцев в черном бросились на них с копьями, Никита был уже готов к схватке.

Первую пару они одолели сравнительно легко. Такэда снова применил атэ-ми ута — прием из комплекса шоковых и парализующих точечных ударов, которым он владел в совершенстве, а Сухов «вырубил» своего противника после трех выпадов копья, проведя молниеносный захват руки и удар в шею. С двумя следующими воинами-янаконами Сипактоналя пришлось повозиться. Во-первых, метатели копий удвоили темп бросков, а во-вторых, бойцы стоили званий мастеров и нагрудных знаков — апанекайотлей, отличающих их от рядовых воинов. Такэде достался огромный индеец с гипертрофированными мускулами, пробить мышечную броню которого было непросто, а Никите, наоборот, — ниже на полголовы, но жилистый и ловкий, он вьюном вился вокруг танцора, нанося ему десятки быстрых ударов копьем, половина которых была неожиданна, и наносил он их из самых невероятных позиций и положений. «Взять» его на прием удалось только раз — в подкате, после чего брошенное кем-то из оцепления копье, предназначенное Никите, попало

индейцу в бедро и вывело его из строя. Такэда как раз в этот момент с прыжка нокаутировал своего врага ударом ноги в подбородок.

Передышка длилась ровно минуту, а затем в схватку вступили вокуа, профессионалы мбоа из личной гвардии жрицы Тааль, и это были уже воины посерьезней. Сражались без оружия, хотя у каждого на поясе висела кинжаловидная машинка для метания дротиков, и они знали приемы, которых не было в арсенале росссдао. Впрочем, и вокуа не владели всей палитрой рукопашного боя, свойственной русскому стилю и кунгфу.

В первую же минуту Никита пропустил сокрушительный удар в ухо, едва не стоивший ему жизни, смягченный лишь инстинктивным движением головы. На некоторое время он оглох, потерял ориентацию и пропустил еще один удар в солнечное сплетение, сбивший стандартную комбинацию приемов защиты и нападения. Крик Такэды: «Кит, фу-но-ката[1]!» — немного подстегнул танцора и позволил ему отдышаться. Через минуту он собрался и начал отвечать воину, удачно используя его же собственные выпады. Уложил он вокуа просто, бросив его через бедро и добавив ускорения длинным нырком. Толя, справившийся с противником раньше, показал большой палец. Трибуны (ступени заменяли ряды сидений) ответили на очередную победу колдунов сдержанным гулом.

Вторая пара вокуа владела искусством рукопашного боя примерно на уровне ситидана или хатидана[2], и землянам удалось справиться с ними довольно быстро. Никита уже полностью овладел собой, все чувства его обострились, реакция достигла скорости рефлекса, хотя до «предела насыщения» — экстрареакции было еще далеко, а это позволяло ему компенсировать недостаточную тренированность некоторых сложных приемов. Такэда же, не уступая индейцам в хладнокровии, превосходил их в знании приемов, в точности и быстроте их проведения.

Бой с третьей парой был самым трудным, потому что эти вокуа были не просто воинами, они были жрецами и колдунами, способными влиять на психику противника. Никита почувствовал их мастерство тотчас же, застыв на мгновение из-за раздавшейся в голове команды «стой!» и пропустив в результате изумительный по точности и силе удар в переносицу. На какое-то мгновение он отключился, бессознательно закрывшись в «глухой защите»; хитрость приема заключалась в том, что открывался живот и бока бойца, то есть печень и почки, но Сухов был

[1]Фу-но-ката — прилипание (способ Ветра), преследование противника, повторение всех его движений.

[2]Седьмого или восьмого дана.

специально тренирован и имел отличный мышечный каркас, пробить который индейцу не удалось.

Очнувшись, Никита поймал взгляд вокуа, в котором отразились удивление и озабоченность, и это подстегнуло его к демонстрации особого способа защиты и передвижений — хиккими, по терминологии каратистов, и «тающий дым», по терминологии россдао. Около двух минут он просто уклонялся от ударов, ускользал, танцевал, опустив руки и работая ногами и корпусом. Индеец ни разу не смог поймать его в петлю захвата или провести свой «коронный» выпад рукой, имитирующий укол копьем, после чего рассвирепел, что было непростительной ошибкой для такого мастера, как он. Дважды попытавшись внушить противнику остановиться или хотя бы закрыть глаза, вокуа успеха не добился, удвоил темп, потерял всякую осторожность и даже не успел удивиться, когда Никита «достал» его с большого расстояния, использовав эффект кистеня, когда в ударе участвуют все суставы, корпус, бедра и руки.

«Спасибо, мужики! — подумал Никита, вспоминая своих учителей россдао в Москве и Хабаровске. — Что бы я смог сделать без вас!»

Опустил руки и только теперь ощутил, как гудят мышцы и болит все тело. Однако бой еще не кончился. К арене, на которой было повержено десять лучших индейских борцов, приближался чичим Сипактональ. Снова тишина завладела стадионом, тишина враждебная и грозная, и холодок страха ручейком протек вдоль позвоночника: индейцы-зрители не сомневались, что колдуны будут убиты, как не сомневались и в праве своих предводителей убивать кого бы то ни было без суда и следствия.

Двое воинов в черном протянули Никите и Толе мечи, легкие, смертоносные, изогнутые, красивые, зловеще-совершенные в своей красоте.

— Ты будешь биться с моим слугой, — сказал пренебрежительно Сипактональ Такэде и повернулся к Сухову. — А ты, колдун, умрешь от моей руки.

— Не спеши, спесивый индюк, — тихо произнес Никита, чувствуя поднимавшуюся изнутри ненависть. — Не то я тебя сильно огорчу. Уэтля ты приберег себе на закуску? Или уже казнил?

«Главный воин империи» побледнел, вернее, полиловел — бронзово-медная кожа не могла бледнеть, как кожа белого человека, а глаза его вспыхнули угрозой и злобой. Правда, на мимике это не отразилось, как и на речи.

— Хорошая мысль, чужак. Пусть сотник тикуй-рикуки покажет свое мастерство в бою с тобой. А потом вами обоими займусь я. — Чичим щелкнул пальцами, и вскоре из-за кубического

здания с барельефом во всю стену вывели Уэ-Уэтеотля в коричнево-золотом костюме. На лице саагуна читалось непробиваемое спокойствие. Меч его был при нем. Он остановился возле друзей, не ответив на их приветствие, и стал глядеть на центральную трибуну с тронами. Сипактоналя он словно не заметил.

— Уэтль, сын Мишкоамасацина, зодчий Халиско, сотник тикуй-рикуки Повелителя Дома Утренней Зари, — сказал Сипактональ негромко, но так, что его услышал весь стадион, — ты подозреваешься в сговоре с колдунами из чужой страны и должен кровью смыть подозрение, убив их. Если ты не сможешь этого сделать, умри, и я закончу жертвоприношение храму Науатль.

Цепь воинов отступила назад и снова застыла. Сипактональ выждал эффектную паузу, ткнул кулаком себя в грудь — таков был сигнал начинать бой, и в то же мгновение Уэ-Уэтеотль выхватил меч из ножен и одновременно нанес удар — так, как он когда-то проделал этот финт на поле с каменными головами. Однако на сей раз Никита был готов к атаке. Его меч взлетел сам собой и отразил удар, так же сменив плоскость взмаха, чтобы встретить еще один удар — нэкодэ, по терминологии кэмпо. В комбинации таких ударов было пять, что соответствовало количеству когтей кошачьей лапы. Если бы не встреча Сухова с Уэ-Уэтеотлем в доме Тааль, где тот продемонстрировал танцору несколько таких комбинаций, вряд ли Никита смог бы отразить все пять ударов. Клинки встретились и вновь разошлись. По трибунам прокатился шелест: индейцы суеверно отгоняли злого духа, дотрагиваясь до висящих на шее ожерелий с амулетами из перьев. Еще комбинация и еще, Сухов держался, но чувствовал при этом не возбуждение и удовольствие, а стеснение и тревогу. Он не успевал за атаками, Уэ-Уэтеотль по неизвестным причинам щадил его.

Мечи друг из друга выбили снопы искр, трижды пересекаясь между противниками в точке равновесия. Оба наносили удары без замаха, но Никита при этом тратил больше времени и сил. И тут у него возникла идея.

Последующая атака саагуна наткнулась на хорошо подготовленный блок и удар ногой по руке с мечом. Как ни был хорошо подготовлен индеец, земным кэмпо он не владел, и меч вылетел из его руки. Сухов коршуном кинулся к мечу, чтобы Сипактональ не успел что-либо предпринять, и быстро подал меч сотнику разведчиков Повелителя, шепнув:

— Сделай так, чтобы последний твой удар пришелся на левое плечо.

На лице Уэтля ничего не отразилось, ни гнева, ни досады,

лишь в глубине глаз мелькнула улыбка, а в следующее мгновение они уже снова скрестили клинки.

— Достаточно! — донесся до них голос поздно спохватившегося Сипактоналя. — Сотник, я убедился, что ты предатель! Ты не можешь их убить. Или не хочешь, что вернее. И будешь принесен в жертву богине Науатль. — «Первый меч империи» повернулся к тронам правителя и жрицы. — Я жду повеления.

Правитель выслушал, что ему сказала Тааль, и его скрипучий голос пронесся по площади.

— Богиня Науатль принимает жертву. Но Уэ-Уэтеотль должен погибнуть, как подобает воину, с мечом в руках.

Сипактональ вскинул сжатую в кулак руку, повернулся к бойцам, продолжавшим фехтовать, и в этот момент меч индейца врезался в левое плечо Никиты, точно в «родимое пятно» Вести.

Сухов пропустил, что говорил и делал дальше главный военачальник Дома Утренней Зари, на некоторое время он оглох и ослеп, погруженный в кипящий котел боли, барахтаясь изо всех сил, чтобы не захлебнуться. Выплыл! Удивительное ощущение распахнувшейся бездны охватило его, и череда призраков вдруг вынырнула из этой бездны и вошла в его плоть, и с каждым погружением сила его росла, голова свежела, тело освобождалось от оков утомления, пока наконец боль не схлынула совсем, оставив человека на берегу океана под названием Память, переполненного энергией и знанием.

— Ункунункулу, — донесся чей-то шипящий голос.

«Готовься к смерти», — понял Никита и без перевода, быстро огляделся.

Сипактональ стоял перед ним, скрестив руки на груди. Против Такэды были выставлены два воина, а Уэ-Уэтеотля окружили шестеро.

— Держись, Ник, — быстро проговорил Такэда. — В случае чего я помогу.

Даже в такой момент он думал не о себе и пытался подбодрить друга.

Уэ-Уэтеотль, вылепленный из мускулов, надменности и высокомерия, великолепной осанкой напоминавший памятник, внушавший откровенное презрение к разыгранному спектаклю, вдруг глянул на танцора и подмигнул. Никита такого подарка не ожидал и не поверил глазам, но анализировать поведение сотника не было времени, бой начался.

Сипактональ выхватил два меча, демонстрируя ретодзукаи — фехтование двумя клинками, — и первое время теснил Сухова, приноравливавшегося к манере боя врага и к собственным знаниям. Кто-то из предков Сухова, безусловно, был великим вои-

ном, и эта его память превратила потомка в мастера, равных которому не было, пожалуй, и в этом мире.

Никита не думал о блоках, отражении атак, нападении, характере местности, препятствиях, он действовал, жил боем, ощущая оружие как естественное продолжение тела. А изучив противника, достигнув максимальной свободы движений и раскрепощенности, чему помогли и навыки акробата и гимнаста, стал теснить Сипактоналя, явно озадаченного таким поворотом дела, уязвленного, начинавшего допускать промахи.

Такэда фехтовал спокойно, успевая поглядывать на общую картину боя, изредка применяя приемы из обширного арсенала айкидо, отчего противники его падали или теряли ориентацию.

Уэ-Уэтеотль, превратившись в вихрь, сражался молча и хладнокровно, двигаясь так быстро, что иногда «размазывался» от скорости. Два его недруга в черном уже вышли из строя, получив раны, не позволившие им принять участие в схватке. Но на смену им вышли еще двое: приказ Сипактоналя был ясен — убить саагуна, во что бы то ни стало принести его в жертву богине Науатль. Другой случай властолюбивому чичиму, метившему на престол, мог не представиться, а сотник был серьезным противником.

Никита отбил серию мгновенных ударов двух мечей — справа, слева, в трех плоскостях сразу, колющие и рубящие: шесть смертоносных бликов, шесть певуче-звонких щелчков металла о металл, — выбил один меч у Сипактоналя, отшатнувшегося в испуге, и в этот момент все переменилось. Град ударов чичима стих, он застыл на мгновение с вытянутым вперед мечом, глаза вспыхнули жестоко и угрожающе, и даже лицо его изменилось, вытянулось, отяжелело, набрякло кровью — и силой.

— Берегись! — крикнул Такэда, осознавший, что случилось, раньше танцора.

Если бы Сухов глянул на перстень индикатора, он тоже понял бы причину преображения Сипактоналя, но лишь с трудом отбив атаку, сообразил: в с е л е н и е! Сипактональ застраховал себя и с этой стороны, подав сигнал бедствия, и в него вселили кого-то из раруггов, блестящих воинов и профессиональных убийц.

Единственное, что спасло, — память рода, знание приемов боя, о которых и раругги не имели полного представления. Однако силы были уже на исходе. Никита понял, что долго не продержится, он уже перешел предел физической выносливости, держась на биоэнергетике, сжигая себя, нырнув в «красный коридор» стресса и неконтролируемых чувств. Но ему не дали упасть. Сначала Такэда, а потом Уэ-Уэтеотль вмешались в схватку, отвлекая чичима, превратившегося в почти неуязвимую ма-

шину убийства, на себя. Индейцы-соперники тоже оказались вовлеченными в общую свалку, увеличивая неразбериху, невольно помогая жертвам, и в этом шуме раздался чей-то голос, чистый, гортанный, звонкий:

— Бегите, я задержу их! За стеной река, копьеметалок нет, за городом в лесу — кони.

Голос мог принадлежать только Уэ-Уэтеотлю, но слова были произнесены... на русском языке! Впрочем, Никита не удивился, не было сил. Все же двухсекундная передышка позволила ему сосредоточиться на внутренних резервах, прийти в себя. Кровавая пелена перед глазами рассеялась, он оценил положение дерущихся, по кивку Такэды понял, что и тот слышал голос, и кинулся в схватку, выбирая момент, чтобы схватить валявшиеся на арене вещи: нервайлер, хардсан, вардзуни, транскоф. Еще через минуту ему это удалось, и в то же мгновение они с Такэдой бросились к двухметровой стене, отгораживающей стадион от реки, без труда перемахнули через нее и прыгнули в воду с высоты десятиэтажного дома. Уже на лету они услышали тот же четкий и даже веселый голос:

— Увидимся, Посланник!

Но и Сипактональ, вернее, в с е л ё н н ы й в него, подал свой голос, полный жуткой уверенности в неотвратимости возмездия:

— У пок ти чаан кан мао кинтун!

Эту фразу они услышали, когда вынырнули в ста метрах от городской стены. Вода кипела от дротиков и копий, которые метали в беглецов сотни индейских воинов, но ни один из них не попал. Копья не долетали, а дротики почему-то отклонялись от цели, словно сносимые ураганным ветром.

Им не надо было плыть за город и ловить коней, у них был с собой транскоф, и беглецы воспользовались им, как только переплыли реку и укрылись в кустах, не дожидаясь погони. Чем руководствовался Никита, настраивая эрцхаор, Такэда не знал, но индикатор вывел их в мир бескрайнего болота, где не было засады, а это было главное...

Толя очнулся, оглядываясь. На пороге хижины стоял заспанный Сухов, поглаживающий усы и бородку, и с сомнением глядел на болото. Изрек, встретив взгляд Толи:

— И пошел Иван-дурак счастья искать... — Вспушил баки. — Никак не привыкну к бороде — чешется, проклятая, спасу нет. Чем бы побриться?

— Хардсаном, — предложил Такэда.

— Остришь? Остри, если больше ничего не умеешь. Я поел бы чего-нибудь и кофейку попил.

— Ни того, ни другого. НЗ ты просто забыл у индейцев, а «флягу» утопил в реке.

— У меня не шесть рук, а там плыть надо было. Долго я спал?

— Сутки и три часа. Ладно, иди умывайся перед завтраком, я тут кое-какой живности наловил и поджарил лазером.

— Надеюсь, это съедобно.

Такэда не ответил, а также не стал говорить, что «живностью» были четыре лягушки, похожие на огромных головастиков с жабрами. Сам он уже отведал блюдо, приготовил его старинным способом: закатал «головастиков» в толстый слой мокрой глины и продержал «пироги» под огнем лазера. Первый «пирог» он сжег, зато остальные удались на славу.

Про себя он вздохнул: НЗ сейчас пригодился бы как никогда.

Глава 2

— Почему он нам помог?

Этот вопрос задал Такэда, когда они позавтракали — или пообедали? — и прогулялись к недалекой пузырящейся поверхности болота.

— Только не по просьбе Тааль.

Сам же инженер и ответил:

— Конечно, натура у нее двойственная — лед и пламя, но она и так много нам дала.

— Много — для жены Вуккуба и мало — для Наблюдателя, сторонника Собора Веера. — Никита достал из кармана подаренную жрицей заколку-муиски из золота — четырехглазого аллигатора, полюбовался и спрятал. — Хохха у тебя?

— Ничего, — покачал головой Толя, поняв смысл вопроса: Никита интересовался, нет ли вестей о Ксении.

Сухов сгорбился, помрачнел, ушел мыслями в себя.

— Если через пару дней вестей не будет, вернемся домой. Может быть, она уже на Земле.

«Вряд ли», — подумал Такэда, но вместо этого сказал:

— Как ты думаешь, Уэтль жив? И что он имел в виду, крикнув, что мы встретимся? Кстати, на русском языке.

— Это было прямое мысленное сообщение. Скорее всего наш сотник и есть тот самый маг, которого мы искали, иначе трудно объяснить все его действия и слова.

Такэда помолчал, переваривая услышанное, кивнул на плечо Никиты:

— Это она тебе сообщила?

— Она включила экстрарезерв, остальное — мои догадки.

К сожалению, память и экстравозможности пробуждаются только на короткое время, а потом многое забывается. Слава Богу, не все. А Уэтль вывернется, я думаю, он теневой властитель империи, так, видать, ему сподручней работать.

— Значит, уровень информированности Вести имеет модальность. Она включает стресс на полную катушку, но освобождает память постепенно, шаг за шагом, иначе ты не выдержал бы. Полный выплеск знания Вести равнозначен взрыву, что грозит сумасшествием.

Никита оглянулся на их веселую цветную хижину, глаза его приобрели осмысленность.

— Шалаш выглядит как новенький, и построили его недавно, буквально перед нашим приходом. Кто?

— На острове никого нет, зато, похоже, он когда-то соединялся то ли с материком, то ли с другим островом: там, за холмом, видны остатки моста.

— Пойдем посмотрим. Надо определиться и подумать.

— План прежний? У тебя был план, если не забыл.

— План меняется. Во-первых, я теперь знаю примерно местонахождение одного из Семерых магов и очень надеюсь, что он поможет мне справиться с Вестью. Во-вторых, нам понадобятся скафандры.

— А эти чем плохи?

— Нам придется прогуляться по таким местам, где все пропитано смертью, а то, что мы носим, — всего лишь компенсационные комбинезоны.

— Тогда поехали к Истуутуке, он подберет любые скафандры.

— Таких в мире Истуутуки не изобрели. Скафандры, которые нам нужны, водятся только на одной из планет — двойников Земли.

— Как это водятся?

— Это нечто вроде живых кибернетических систем, способных охранять хозяина. Жили когда-то в симбиозе с разумными существами... которые выступили на стороне Люцифера и погибли. Но все же малая популяция этих «скафандров» сохранилась. Кстати, «десантники» СС щеголяют именно в таких «скафандрах», я их принял сначала за омоновскую форму. Насколько я знаю, вернее, насколько достоверна информация Вести, они — почти абсолютная защита. Во всяком случае, от мечей и лазеров защитить смогут.

С минуту шагали молча, обходя холм с коконом темпорала по россыпи огромных желто-сиреневых кочек мха. Такэда размышлял.

— Кангаэте окамас, — изрек он наконец. — Шибко думай надо. Нас уже предупреждали, что ЦРУ способно уловить любое

перемещение по хронотоннелям темпорала. Риск засады на выходе при этом увеличивается. — Толя взглянул на друга. — Но если надо...

Никита не ответил, пристально разглядывая поверхность сопящего невдалеке болота. С возвышенности, на которой они стояли, хорошо была видна темная полоса под водой, распадавшаяся к берегу на отдельные, геометрически правильные пятна и плиты. Полоса уходила далеко к горизонту и в километре отсюда начинала прорастать сквозь стоячие окна воды, грязи и слой водорослей гнутыми столбами и решетками, словно там утонул скелет громадного зверя.

— Да, это мост, — кивнул Сухов, — и очень длинный, не меньше пятнадцати километров. Придется нам с тобой проверить, куда он ведет.

— Зачем? Ты же хотел поискать скафандры.

— Эрцхаор не включается без цели. Если он выбрал этот хрон, значит, нас здесь ждут. Поищем того, кто ждет, а заодно и определимся, «выше» или «ниже» Земли нас забросило по времени.

— Тогда забираем пожитки — и вперед. — Такэда вернулся в хижину и вскоре принес вещи, которые удалось унести из мира индейских империй: копье, транскоф, лазер и нервайлер.

— Это тебе.

Сухов взял вардзуни, взвесил в руке пистолет, воздействующий на нервную систему, вздохнул и сунул за пояс.

— Жаль, что не удалось сохранить мечи, было бы что показать потомкам.

Инженер, закреплявший на поясе хардсан, только усмехнулся. Сухов бодрился, но было видно, что на душе у него кошки скребут.

— Ну что, поползли потихоньку? Всю жизнь боялся трясин и омутов, где водится всякая нечисть! Бр-р-р! Того и гляди, черти полезут! Или их тут нет?

— Было бы болото, а черти будут. Но индикатор пока ни гугу.

Один за другим они полезли в болото, нащупывая конструкции рухнувшего и утонувшего моста.

До первого уцелевшего пролета добрались за сорок минут. Посидели на краю балки, сделанной из какого-то серо-желтого пористого материала, не похожего ни на металл, ни на камень, ни на дерево. Такэда бросил в серые, с зеленой и сиреневой накипью, разводы обломок настила, и оба отшатнулись, когда из мрачной глубины трясины вынырнула осклизлая тварь с метровой пастью, похожая на тех головастиков, которых они ели за завтраком.

— Еще не черт, но явно из дьявольского окружения, — прокомментировал Такэда, опуская хардсан.

Никита заметил его движение, сказал хмуро:

— Не очень-то размахивай этой дубинкой. ЦРУ может запеленговать нас и по лазерному импульсу, а в том, что их служба сидит и здесь, я уверен.

— А если уверен, какого черта мы тогда рискуем, уходя от темпорала?

— Меня кто-то зовет. — Сухов не стал пояснять, что он имеет в виду, и быстро пошел вперед. Такэда вынужден был поторопиться, привыкнув к недомолвкам танцора. Инициатива давно перешла в руки Никиты, и Толя спокойно отнесся к своему положению «оруженосца» и «слуги».

Мост шагал через болота, поначалу падая то одной, то другой опорой, выставляя напоказ обломки ферм и консолей, торчащие во все стороны, как сломанные кости исполинского динозавра, но вскоре разрушения сошли на нет, настил моста приобрел веселый желтый цвет, а балки оранжевый. Идти стало гораздо легче.

— Вот, оказывается, из чего построен уютный шалаш на острове, — кивнул под ноги Такэда, с трудом поспевавший за длинноногим Суховым. Тот покосился на друга и сбавил темп.

Они прошли уже километров семь, а мост и не думал заканчиваться, пересекая пустынно-мшистое, с редкими кочками и группами хилых растений болото, все так же сходясь в точку на горизонте. Светило, весьма схожее с солнцем, переместилось с левой стороны небосвода на правую, готовясь к ночи.

— Дойдем до вечера? — поинтересовался Толя.

— Дойдем, — отозвался Никита рассеянно, — осталось километров двенадцать, не больше.

Он снова увеличил скорость движения, то и дело поглядывая на замерцавший перстень. Однако пересечь болото спокойно не удалось.

Такэда первым обратил внимание на изменение цвета болота под мостом: поверхность его стала сизой, одноцветной, словно покрылась инеем, закурилась струйками испарений, хотя температура воздуха не изменилась, а потом почти в одно мгновение поднялся туман, скрыв и болото, и мост, и небо над головой. Он был так плотен, что Такэда с трудом видел в метре от себя фигуру Сухова.

Путешественники вынуждены были замедлить ход, а потом и вовсе остановиться.

— Что за чертовщина? — Голос Никиты прозвучал глухо, как в сыром подвале с толстыми стенами.

— Тише! — прошептал Толя, потянув его за рукав. — Слышишь?

Где-то далеко зародился странный шум: позвякивание, тихие голоса, ржание коней, скрипы и шорохи, — будто к мосту приближалась конница. Шум этот постепенно усиливался, и вдруг на людей накатилась волна звуков: вопли, удары, шум борьбы, визг и грохот. Казалось, вот-вот их растопчет лавина всадников, сражающихся друг с другом. Такэда невольно отступил к перилам моста, но Сухов остался на месте, вслушиваясь в неистовый шум невидимого сражения.

— Дай-ка лазер, — попросил он спустя минуту.

Толя протянул хардсан, Никита выстрелил вдоль моста. Зелено-голубая нить разряда унеслась в туман, и в то же мгновение звуки боя стихли. Под мостом с шумом плеснула трясина, словно кто-то свалился в воду, дважды провèрещала какая-то тварь, и все стихло. Через минуту рассеялся и туман, открыв взору пустынную гладь болота.

— Пошли, — буркнул Сухов, протягивая оружие Толе.

— Что это было?

— Наваждение. — Никита прошел с десяток шагов, не оглядываясь, потом добавил: — Нас пытались задержать. Похоже, этот хрон лежит «недалеко» от мира с индейцами, причем ниже по «лестнице» Шаданакара. Физика здесь больше подчиняется магическим формулам.

— Но мы никого не встретили... и не увидели.

— Зато нас видят хорошо. Я чувствую, что за нами пошла психоразведка, но как скоро она перейдет к действию, не знаю.

— Разве эрцхаор не работает?

— Работает, но отмечает только повышенный магифон. А может, я его не понимаю.

— Если бы здесь был кто-то из наших недругов, то есть из «свиты Сатаны», — сказал Толя после недолгих размышлений, — индикатор это показал бы.

Сухов внезапно остановился, заглядывая под мост, присвистнул:

— Гляди-ка, река!

Действительно, под тем пролетом, на котором они стояли, в болоте пробивала себе дорогу медленная, с прозрачно-голубой водой, широкая и глубокая на вид река. Однако приглядевшись, Такэда присвистнул тоже:

— Феноменально! Река-то не одна!

— Точно, две!

Но рек оказалось не две, а целых три: две из них — голубая и серая — текли параллельно друг другу, не смешиваясь, в противоположные стороны, а третья — желтая — пересекала их под

острым углом, не вынося никаких турбулентных завихрений и также не смешивая воды.

— Странное место!

— Привыкай, то ли еще будет. Поспешим, не то придется ночевать на мосту.

Они снова пошли вперед, поглядывая на загадочное болото, которому, казалось, не было ни конца ни края.

Изредка встречались разрушенные участки моста, замедлявшие движение, а иногда он взмывал гигантскими дугами над топью, словно был рассчитан на проплывание под ним гигантских морских кораблей, и тогда горизонт отодвигался, открывая все те же маслянисто-синие, серые, коричнево-желтые, сизые пространства колоссального болота.

Через час ходьбы ландшафт по обе стороны моста несколько изменился, появились россыпи остроконечных кочек, постепенно выраставших в высоту и превращавшихся в угрюмые черно-серые скалы, похожие на клыки дракона. Вскоре они усеяли всю поверхность болота насколько хватало глаз, внушая страх и тревогу. Но не это заставило Никиту замедлить шаги. На горизонте выросла мрачная двугорбая гора, окруженная частоколом «драконьих зубов», мост упирался в нее. Это и был остров или материк, куда они стремились попасть. Было в нем что-то жуткое, настораживающее, внушающее такую же тревогу, как и скалы вокруг, почти достающие по высоте настила моста.

Тишина здесь стояла такая, что невольно хотелось приглушить шаги и говорить только шепотом. Наконец, когда до острова осталось километра три, Никита остановился.

— Ничего не видишь?

Такэда сглотнул ставшую вязкой слюну.

— Бог ты мой! Мертвый жругр!

— Вот именно, Оямыч. Но не совсем мертвый, иначе здесь не было бы моста.

— Ты хочешь сказать...

— Тот, кто строил мост от темпорала к жругру, знал, что его можно оживить. В связи с чем возникает вопрос: кто навел нас на этот хрон?

Такэда задумался, не отрывая взгляда от громады «острова», сказал уверенно:

— Ты сам, Сухов. Идея найти живого жругра для перехода из хрона в хрон, минуя сеть темпорала, принадлежит тебе, а разбуженная Весть приняла ее за команду, помимо твоей воли, вернее, сознания. Видимо, ты влияешь на эрцхаор неосознанно, и — слава Сусаноо! — в нужном направлении.

Никита покачал головой, но возражать не стал, в свою очередь разглядывая лежащего среди клыкастых скал монстра.

С этого расстояния было ясно видно, что это не природное образование, а живое существо или, по крайней мере, искусственное сооружение. Оно походило на двухкилометровой длины динозавра, уронившего голову с роговыми наростами в болото. У него не было лап в обычном понимании этого слова, а лишь намеки на лапы или какие-то шлангообразные бугры, уходящие в трясину, и геометрически правильные наросты на боках, похожие на фасетчатые глаза. Самый высокий горб оказался крупом, покрытым отливающей тусклым серебром чешуей, горб поменьше — холкой с муаровым рисунком складок, а между холкой и крупом крепилась какая-то сложная конструкция из черного материала, похожая скорее не на седло, а на высокочастотную радиоантенну размером с футбольное поле.

— А он не оживет сам? — бесстрастно осведомился Такэда.

Сухов очнулся, беззаботно махнул рукой.

— Вряд ли. Не боись, Оямович, чтобы он ожил, его кто-то должен включить, а этот «кто-то» в данный момент далеко отсюда.

— Знаешь, я бы на твоем месте туда не ходил, — так же бесстрастно посоветовал Толя. — У меня такое впечатление, будто нас ждут неприятности. Тебе не кажется, что за нами следят?

— Не кажется — я знаю это совершенно точно. А вот и тот, кто следит. — Никита кивнул головой вперед.

Такэда поднял бровь. В том месте, где мост утыкался в «берег», виднелась маленькая фигурка в светящейся одежде. Только что ее там не было.

— А вдруг это засада?

— Вот сейчас и выясним.

На краю моста их ждал старик в ярко-желтом балахоне со множеством слоев и бахромчатых складок, а также в головном уборе, напоминавшем чалму. И балахон и чалма превращали его в клоуна, однако лицо старика, морщинистое, бугристое, коричневое, угрюмое, лицом клоуна не было. В руках он держал посох, странным образом напоминавший копье-вардзуни и трезубец — хабуб.

— Я жду вас два лишних дня, — сказал он вместо приветствия недовольно, хриплым раскатистым голосом и на чистом русском языке, — вместо того, чтобы заниматься делом. Или Посланник никуда не торопится?

— Кто вы? — полюбопытствовал Никита.

— Вероятно, Наблюдатель, — вставил слово Такэда.

Старик мрачно покосился на него, в глазах его сверкнула молния.

— Вы невероятно догадливы, Тоява Оямович.

— Очень приятно, что я оценен правильно. Мне всегда вез-

ло на вежливых собеседников. Разрешите задать вам несколько вопросов?

— Боюсь, для беседы у нас нет времени, но на пару вопросов отвечу.

— Спасибо. Что означает эта болотно-горная архитектура? — Такэда повел рукой, подразумевая причину появления скал такой формы.

— Он достаточно здесь н а с л е д и л, — усмехнулся чужак, подчеркивая слово «он» и букву «з».

— Он — это Люцифер?

Старик в ироническом восхищении хлопнул два раза в ладоши.

— Отдаю должное вашей проницательности. Еще вопрос?

Ирония в голосе собеседника никак не подействовала на Такэду, терпение которого не знало пределов, особенно если он чего-нибудь добивался.

— Где-то посредине пути поднялся плотный туман и послышались странные звуки...

— Эта планета — остатки прекрасного мира, исчезнувшего во время последней битвы Семерых и Люциферова воинства. Ткань пространства продолжает распадаться, рвутся информационно-энергетические связи, и прошлое здесь часто пересекается с будущим. Вы слышали слабые отзвуки битвы. Кстати, каким вам видится это сооружение?

— Мост? Н-ну, обычный мост, каких много на Земле, разве что построен из необычного материала.

— М-да, человеческие глаза слабы... То, что вы принимаете за мост, — на самом деле стоячая волна здравого смысла. Поясннять, что это такое, мне недосуг. А каким вы видите ландшафт?

— Болото! — в один голос произнесли друзья.

— Трясина, грязь, кочки, — добавил Толя простодушно.

— Болото, — задумчиво повторил старик. — Может быть, вы и правы. Хотя в действительности это поверхность Парето[1], а кочки — компромиссы Парето. Инженеру, наверное, объяснять термин не нужно?

Такэда кивнул.

— Объясните мне, — буркнул Никита.

— Данное знание, Посланник, ничего не даст вам, кроме головной боли. Не забивайте голову бесполезной информацией. Вся планета, по сути, большая иллюзия, математическая формула!

— А скалы? — рискнул спросить Толя.

---

[1]Термин из теории многокритериальной оптимизации. Поверхностью Парето называется информационное поле, увеличение одного из критериев которого сопровождено уменьшением значений других. Точки, лежащие на поверхности Парето, называются компромиссами.

— Тоже реализация некоторых формул топологии. Единственное, что более или менее реально в этом мире, — жругр. Хочу заметить, что ваше пребывание в этом мире чревато последствиями. Несмотря на богатый арсенал. — В голосе старика послышалась насмешка. — Я бы даже осмелился посоветовать вам побыстрее покинуть сей неуютный мир... Если уже не поздно. Тем более что жругр, который вас заинтересовал, недееспособен. Оживить его, наверное, уже не удастся ни вам, ни хозяевам.

— А разве вы не звали меня? — тихо спросил Никита.

— Звал, но пока вы добирались сюда, кое-что изменилось. Тааль вам ничего не дарила?

Сухов с изумлением глянул в непроницаемые глаза старика, поколебался немного, покачал головой:

— Вы не Наблюдатель!

Старик пропустил слова танцора мимо ушей.

— Значит, дарила. — По губам его скользнула усмешка. — Кольцо? Диадему? Серьги?

Никита молча достал золотую заколку для волос в форме аллигатора с четырьмя глазами.

— Муиски. Я предполагал нечто подобное. Она не меняется. А ты смелый парень, если отказал ей. — Старик подбросил заколку вверх, взмахнул посохом, и золотой крокодильчик, вспыхнув ярко-алым пламенем, исчез.

— Зачем вы это сделали?!

— Это нужно было сделать раньше. — Старик сгорбился, опираясь на посох, с виду немощный и больной. — Тааль дала вам маячок, и он сработал. — Посох незнакомца указал на мост. — Это за вами.

Путешественники одновременно оглянулись и увидели на горизонте, в точке, где сходился мост, какое-то посверкивание. Никита рванул руку вверх и тихо выругался: камень индикатора часто-часто мигал алым полумесяцем.

— СС? — спросил Такэда, с демонстративным спокойствием вытягивая хардсан.

— Но почему... — Сухов не закончил фразы, обернувшись к старику в желтом: тот исчез.

— Что слу... — Такэда тоже осекся, оглянувшись.

Они поглядели друг на друга.

— Сбежал, помощничек! Попробуем потягаться? Или тоже сбежим? Хорошо, что догадались взять транскоф.

Никита так сжал губы, что они побелели, процедив сквозь зубы:

— Я уже говорил — бег закончен!

— Ты уверен, что это правильное решение?

Танцор повернулся к приближающемуся сверканию лицом, расставив ноги шире, сбычился, направил вардзуни в настил

моста. Такэда, хмыкнув, занял позицию рядом, отобрав у Сухова нервайлер. С двумя пистолетами разной формы он выглядел грозно, как американский ковбой, хотя предпочел бы рукопашный бой без оружия.

Сверкающее облако в теснине моста распалось на несколько отдельных бликов, и вскоре стало видно, что это едут велосипедисты. Такэда насчитал пять фигур.

— Точно, спецпатруль СС.

— Лопухи! — взорвался вдруг Никита. Толя недоуменно глянул на него, и танцор пояснил: — Мы с тобой лопухи. Могли бы взять транспорт в темпорале, хотя бы те же велосипеды, вместо того чтобы топать пешком. Мальчики СС оказались догадливей.

— Но если они взялись нас догонять, значит, у темпорала засада. Стоит ли уходить через транскоф?

Сухов не ответил.

Пятеро парней на велосипедах приблизились, а когда расстояние между ними и беглецами сократилось до двух сотен метров, Сухов выстрелил из вардзуни. Голубовато-зеленая молния разряда вонзилась точно перед колесом одной из машин, проделав метровую брешь, и велосипедист кувыркнулся через руль на всей скорости. Остальные затормозили, остановились, оценив лаконичность предупреждения. Но испугать их было невозможно. Одеты они были в пятнистые комбинезоны, бросающие зеркальные зайчики по сторонам от каких-то блях и нашивок. Один из них, громадный, широкоплечий, с массивной головой, вышел вперед, и Никита узнал Хуббата.

— Оставь эту штуку, Посланник. Во-первых, ты нарушаешь закон, а во-вторых, копье тебе не поможет.

— Подойди, хаббардианец, — тихо и хрипло сказал Никита.

Хуббат, не колеблясь ни секунды, молча двинулся к людям, остановился в трех шагах от Сухова. На его квадратном неподвижном лице, как и всегда, не отражалось ничего, кроме угрюмой, не пробиваемой никакими эмоциями уверенности.

— Я еще не посвящен Пути, — все так же тихо проговорил Никита, — и волен защищаться любыми средствами. И не вам говорить о законах. Мы пробьемся.

Вожак отряда СС качнул головой.

— Ты многому научился за это время, землянин, но лучше бы ты остался танцором и ни во что не вмешивался. Ты — всего лишь человек, а я — рарург! Улавливаешь разницу?

— Еще бы. — Сухов мрачно улыбнулся. — Один из Великих игв, вернее, одна — Гиибель — констатировала, что тебя подводит самоуверенность. Похоже, она права.

Глаза Хуббата впились в лицо Никиты.

— Ты знаком с Гиибелью?! Не может быть! Она не могла от-

пустить тебя... впрочем, не имеет значения. Сегодняшняя наша встреча — последняя.

— Это уже не самоуверенность, — не выдержал Такэда, — это спесь и хубрис — непомерная гордыня! Раругг, ведь ты тоже смертен.

— Моя смерть не в ваших руках. — Хуббат шевельнул пальцем, и в транскоф, стоявший сзади людей, вонзилась дымная фиолетовая молния: один из подчиненных Хуббата метнул зуб хабуба.

«Дипломат» не взорвался, как ожидалось, он превратился в черный непрозрачный прямоугольник, который за несколько мгновений сложился в гармошку, в тонкую пластинку, в точку, исчез! Никита тупо смотрел на то место, где он только что стоял. Медленно перевел взгляд на предводителя «свиты Сатаны». Неведомо откуда появившийся в руке Хуббата трезубец хабуба смотрел ему в лицо.

— Конец фильма, — сказал Хуббат равнодушно. — Прощай, Посланник.

Острые наконечники трезубца засветились желтым и голубым светом, и в этот момент между людьми и раруггом возник старик в желтом шутовском одеянии.

— Уж больно ты спешишь, братец, — проворчал он, спокойно, без усилия отбирая у Хуббата трезубец и бросая его в болото. В небо с шипением ударил тугой смерч пара, пронизанный сеткой молнии. — Сегодня этот парень уйдет живым.

Хуббат покачал головой, не выказывая ни гнева, ни злости, ни ненависти.

— То-то я никак не мог понять, чей это з а п а х. Я тебя не понимаю, брат. Ты вмешался в его судьбу на Земле, помог бежать, допустил утечку информации... зачем тебе это, раруггу? Срок твоего заключения истек, ты снова с нами...

— Я сам по себе, Хубби, заруби это на носу. Этот парень мне нравится, и к тому же я его приглашал сюда. Пока он — мой гость, ему ничего не грозит.

— Ты стареешь, брат. Жизнь среди людей не пошла тебе на пользу. Неужели тебе надо напоминать формулу: если ты не с нами, ты против нас? Очень сожалею, но я вынужден... — Хуббат снова двинул пальцем, подавая сигнал.

Фиолетовая молния хабуба метнулась через мост, целя в грудь Никиты, но за мгновение до этого перед танцором возник тонкий зеркальный прямоугольник, вобрал в себя разряд хабуба, стянулся в линию, растаял.

Никита опомнился, направляя вардзуни в сторону группы СС, но выстрелить, как и Такэда, из лазера не успел. Старик в желтом вдруг вырвал у Толи нервайлер и нажал на спуск.

Мост вздрогнул, по поверхности болота прошло колебание,

породившее шум, треск и стоны. Сразу в нескольких местах взорвались скалы, выбросив фонтаны осколков на «остров» — тело жругра. Шевельнулся и сам жругр, но тут же замер. Замерли и все, кто стоял на мосту, в том числе и люди: им хватило и отраженного от моста импульса.

Старик коснулся плеч Никиты и Толи посохом, и странная скованность покинула их. Оба во все глаза смотрели на старика, в лице которого проступили знакомые черты.

— Вуккуб! — запинаясь, выговорил Сухов.

— Вуккуб, Вуккуб, — проворчал старик. — Кажется, на этот раз я действительно превысил полномочия. Но что сделано, то свято. Бегите, в вашем распоряжении полчаса, не больше.

— А... они?

— Нервайлер хорош только для лемуров из мира Истуутуки да, пожалуй, для людей, на раруггов он почти не действует. Мне пришлось усилить разряд... но убивать соотечественников я не стану. Силы мои не беспредельны, вряд ли я смогу помогать вам и дальше. Возьмите. — Вуккуб протянул Никите три вполне земных предмета: свисток, грецкий орех и округлый кусок янтаря с насекомым внутри. — Свисток поможет вам перебраться через разводья и трясины, а остальные вещи... бросьте их сзади себя, если вас будут догонять.

— Сказки, — хмыкнул Сухов.

Вуккуб улыбнулся в ответ. Улыбка превратила его в лукавого старичка-лесовичка, грозного на вид, но доброго внутри. Но лишь на миг.

— Да, ситуация встречается в русских сказках. И кто знает, не ваше ли бегство явится аналогом для них, просочившись на Землю в виде легенды?

— Спасибо!

— Идите, идите, не теряйте времени. Ни пуха...

— К черту! — в один голос ответили беглецы.

Отобрав велосипеды у застывших функционеров СС, они прыгнули в седла, и педали сами нашли их ноги. Когда через минуту оглянулись, старика в желтом на мосту уже не было, лишь фигуры Хуббата и его подчиненных торчали на глади настила, напоминая пугала.

Глава 3

Их достали через сорок минут, хотя там, где позволяла гладь моста, гнали они километров под шестьдесят, а велосипеды являли собой чудо света — обтекаемые, зализанные, с удивительно удобной рулевой вилкой, выраставшей прямо из колеса (!), с

еще более удобным седлом, также выраставшим из заднего колеса, с педалями, цеплявшимися за ноги, и с цепью, не похожей на цепь, входящей прямо в оба дисковидных колеса. Такэда оглянулся как раз в тот момент, когда сзади в ущелье моста появилось бликующее облачко, из которого вырвалась синяя молния и вонзилась в перила моста слева, испарив часть конструкций и настила на протяжении полусотни метров.

— Зело рассвирепел Хуббат, — хладнокровно констатировал Такэда, увеличивая скорость. — Хотел бы я знать, на чем они нас преследуют. Не бегом же? Бросай что-нибудь из подарков его брата, не то следующий выстрел — наш.

— Мне казалось, Хуббат — джентльмен. Он давно мог убрать меня издалека, с помощью вардзуни или хабуба, а то и обыкновенной винтовки.

— Не будь наивным, для Хуббата ты не человек, вернее, не разумное существо, достойное поединка, а просто препятствие вроде камня или пня.

— Но один раз он же удостоил меня дракой? Значит, уважает?

— Он уважает только себя, а дрался с тобой, чтобы унизить, доказать, что ты — ноль!

Словно в подтверждение слов Такэды новый сине-фиолетовый высверк уничтожил кусок дороги перед беглецами, так что они едва не сковырнулись в провал, обогнув его по узкой тридцатисантиметровой полосе у ограждения справа. Никита достал одну из «гранат» Вуккуба — грецкий орех — и бросил назад. Орех ударился в желтое покрытие, подскочил, как мячик, и запрыгал по настилу, как живой, пока не упал в проделанную разрядом дыру. В то же мгновение страшный удар потряс мост, и в дыру просунулось бородавчато-чешуйчатое рыло какого-то гигантского зверя, взламывая настил и фермы моста метров на двести.

Велосипедисты едва не попадали со своих машин, хотя успели отъехать от монстра на порядочное расстояние. А зверь, с плеском скрывшись из глаз, через секунду снова вынырнул из болота, расширяя провал, довершая разрушение пролета моста, пока не рухнул второй пролет.

— Жми на педали! — осевшим голосом проскрипел Такэда, и беглецы помчались дальше, то и дело ощущая сотрясение дороги: неизвестная тварь продолжала молча трудиться над уничтожением моста — «стоячей волны здравого смысла».

Они были уже близко от острова с коконом темпорала, когда спецпатруль «свиты» догнал их снова. Однако теперь Никита был настороже и не стал ждать выстрела в спину, метнув назад окатыш янтаря. Оглянувшись через несколько секунд, он увидел такое, что тут же затормозил. Остановился и Такэда.

Вдвоем они молча взирали на метаморфозы янтаря с мошкой внутри.

Медово отсвечивающий камень превратился в клуб дыма, потом в метровый пушистый шар и наконец в гигантское облако, состоящее из каких-то движущихся зерен. Одно из зерен вырвалось из облака, и люди невольно отшатнулись, когда оно с гудением и звоном сделало круг над их головами: это был огромный, размером с кулак, комар!

Он опустился ниже, ворочая хоботком величиной с иглу хорошего шприца, и вернулся к сородичам. Рой с тугим гудением подался в противоположную сторону, навстречу приближающимся преследователям.

Беглецы не стали ждать, чем закончится столкновение роя и «свиты Сатаны», потрясенные, они продолжили путь. Через несколько минут подъехали к разрушенному участку, с сомнением глянули на поверхность болота, под которой лежал рухнувший пролет. Вода необычного сиренево-молочного цвета была спокойна, но она стала непрозрачной!

— Что бы это значило? — пробормотал Никита, начиная спускаться к воде, но Толя удержал его за руку.

— У нас еще есть свисток.

Никита достал последний подарок Вуккуба, пожал плечами и свистнул, вернее, подул в свисток, из которого не вырвалось ни звука. Но свисток действовал. По воде вдруг побежала рябь, и сквозь радужные разводы и пленку сизо-белой накипи проступил овальный бугор, похожий на панцирь черепахи. Впрочем, это и в самом деле была гигантская черепаха! Она вытянула змеино-птичью, с загнутым клювом, голову из грязи, глянула вверх на застывших людей и снова уронила голову в воду. В тот же момент всплыло еще множество панцирей, соединяясь в цепочку и образуя своеобразный мост до самого берега.

— Чудесно! — недоверчиво промолвил Сухов, но на черепаху полез первым.

Через несколько минут они выбрались на берег и припустили к холму, внутри которого рос кокон темпорала. Черепахи скрылись под водой тотчас же, как только выполнили свою миссию, но беглецы понимали, что открытое болото не задержит преследователей надолго.

Уже стоя на холме перед зияющей дырой в пещеру с темпоралом, Сухов оглянулся. На срезе уцелевшего пролета моста вспыхнула синяя искра, понеслась к берегу, вонзилась в основание холма, с грохотом подняла веер взрыва.

— Привет на привет, — проговорил Никита, с силой бросая в сторону моста копье вардзуни. На торце моста вспыхнул се-

ребристый язычок и тотчас исчез. Часть желтой фермы беззвучно сложилась и соскользнула в болото.

— Попал! — с удовлетворением произнес Такэда. — Хорошо бы с ними больше не встречаться. Но я не верю, что Хуббат успокоится.

— Если встреча произойдет, она действительно станет для него последней, — сказал Никита глухо. — Но мы должны быть ему благодарны: мы живы лишь благодаря его самонадеянности и... как ты там говорил? Хубрус?

— Хубрис, беспримерная гордыня, надменность.

— И благодаря его невероятному высокомерию и мании величия.

Такэда вдруг ткнул друга в плечо и показал вверх. Над островом парила какая-то гигантская птица, рогатая и четырехпалая.

— Вуккуб?

— Не уверен, — сказал Никита, понаблюдав за полетом птицы, и полез в нору темпорала. Вопреки мнению Такэды, Хуббат засады у станции хроносдвига не оставил.

Толя не спросил, куда они направляются на этот раз, только дружески похлопал Сухова по спине, подчеркивая свое расположение, и Никита почувствовал вдруг мимолетное раскаяние и благодарность к этому человеку, идущему в неизвестность с верой в товарища. Никто не заставлял его следовать за Посланником в преисподнюю, в опасный поиск, никто не уполномочивал быть проводником и защитником, но он не мог жить иначе, для себя, исповедуя странный для нормальных людей принцип: если тебе плохо, найди того, кому хуже, и помоги ему. Сколько раз Толя пытался удержать неподготовленного друга от Пути, который может выдержать далеко не каждый маг? А сколько раз он спасал ему жизнь?..

— Ты отрицаешь всякую покорность... — пробормотал Никита, борясь с желанием обнять Толю.

— Что? — не понял тот.

— Ничего, это стихи. — Никита поискал камень и сел лицом к выходу из пещеры, откуда просачивался в подземелье тусклый желтоватый свет.

Они уже прошли темпорал, вынырнув в другом хроне, но в каком именно, Толя не знал. Сел рядом, спросил:

— Ты все еще хочешь найти тренера, учителя?

— Учитель находится сам, если готов ученик, — ответил Никита с отсутствующим видом. — Если я прав, он ждет меня здесь. Давай-ка, прежде чем мы направимся на его поиски, определимся, кто нам противостоит. Составим, так сказать, иерархию врагов.

— Если память мне не изменяет, Гиибель уже однажды проговорилась насчет этого. Разведка, техническая служба наблюдения...

— Короче — ЦРУ. Это второй уровень. Первый обыкновенные люди, в силу черных свойств души перешедшие на сторону Сатаны. Тот же Сипактональ, например. Потом «следящие демоны», самый низкий уровень в системе магически одаренных существ. Потом группа целенаведения, ГПУ.

— Название сам придумал?

— А чем плохо? ГПУ — аббревиатура слов «группа преступного управления». Затем ЧК — группа захвата и уничтожения, охотники и ликвидаторы. Этому же уровню соответствуют и раругги СС, группа подстраховки с Хуббатом во главе. Кто еще?

— Резерв.

— Что еще за резерв?

— «Маги запаса» вроде Тааль, жены Вуккуба, второстепенные демоны. Они рассеяны почти по всем хронам и представляют внушительную силу.

— Что-то у меня о них нет никаких сведений. Но пусть будут «демоны запаса». И последними в нашей табели о рангах идут Великие игвы, демоны холодного интеллекта, и один из них — женщина. Правда, у меня есть сомнение в том, что нас посетила сама Гиибель. Скорее это ее «проекция» на тот хрон, одна из трехмерных ипостасей. Игвы — многомерные существа. И наконец Денница-Люцифер.

Такэда суеверно сплюнул через плечо, но Никиту его реакция не рассмешила.

— Что ж, идем? — встал он с камня. — Возьми оружие, а я возьму транскоф.

— Хорошо бы перекусить чего-нибудь, — проворчал Толя, следуя за ним. — Плохо, что на складе этого темпорала нет еды. Меня больше всего мучает вопрос: что мы ели на острове, если болото на самом деле — математическая абстракция? Не мог же я ловить и жарить формулы?

— Мы ели «чистую информацию». Если реальная пища сигнализирует в мозг при прохождении пищевода и желудка, то болотные головастики, которых ты «жарил», воздействовали прямо на мозг, создавая иллюзию насыщения. Но вообще-то болото — не совсем иллюзия, оно имеет материальную основу.

В это время они вышли из пещеры в новый мир. В лицо пахнуло зноем, пылью и незнакомыми запахами.

Темпорал был установлен внутри столбообразной скалы, а вокруг расстилался удивительный ландшафт, напоминавший город: скалы самых причудливых форм, с плоскими вершинами, слоистые, изъеденные крупными порами составляли живопис-

ные «кварталы», окруженные пустыней и россыпями камней, редкими зарослями кустарника, колючек и деревьев, похожих на громадных, застывших на щупальцах осьминогов.

— Эолов город[1], — сказал Такэда со знанием дела. — Такие области в Африке называются «ньика», опустыненная саванна. Ты уверен, что мы попали туда, куда надо?

— Это хрон Афруа, — сказал Никита, поправляя под волосами усики лингвера, — и здесь живет тот, кто мне нужен. — Он показал Толе перстень: камень позеленел, внутри него загоралась и гасла изумрудная пятиконечная звездочка.

— Маг? Один из Семерых?

— Может быть.

— Это меняет дело. Веди. Я, например, не знаю, куда идти.

Никита глянул на высоко стоящее в густо-синем небе солнце, вполне земное, но менее ласковое, и увидел рядом с солнцем яркую звезду. Произнес уверенно:

— Да, эрцхаор не подвел, мы на месте. Видишь рядом со светилом звезду?

— Я думал, показалось.

— Эта звезда доказывает, что мы приблизились к граничным хронам с доминирующим Хаосом. То есть к Болоту Смерти.

— То есть мы находимся в верхней части эволюционной кривой с преобладанием законов магической физики. Так?

— Вуккуб оценил тебя правильно, — усмехнулся Никита. — Ты догадлив и любопытен.

— Я такой, — скромно потупил глаза Такэда. — А звезда — планета?

— Звезда есть звезда — такое же светило, как и солнце, разве что массой поменьше, и крутится она между орбитами Марса и Юпитера, если взять за аналогию Солнечную систему.

— Фаэтон, — сказал Такэда. — На Земле о нем придумано множество легенд и гипотез. В некоторых он назван... Люцифером.

— Символично.

Они отошли от скалы с темпоралом и двинулись вниз, к руслу высохшей реки, заметному по синевато-зеленой полосе колючек. Если бы не голубые костюмы-«трико», все еще продолжавшие работать, — спасибо Истуутуке и высочайшей технологии его мира! — путешественники тут же начали бы таять от жары, исходить потом, но зной и так давал о себе знать, превратив головы в тлеющие головешки.

---

[1]Результат выветривания и избирательного разрушения непрочных горных пород.

Какой-то звук коснулся слуха Никиты. Он остановился, предостерегающе придержав инженера. Через несколько секунд тихое шуршание услышал и Толя. Оно усиливалось, превратилось в дробный топот, между скал возник пышный хвост, проскользнул между людьми и исчез за поворотом русла. Никита успел разглядеть метровой высоты фигурку существа, похожего на гнома с головой огурцом. Он мог бы поклясться, что у существа глаза торчат на лысой макушке, но скорость движений бегуна была столь велика, что можно было и ошибиться.

— Зверь или человек? — спросил Такэда.

— По-моему, человек.

— Значит, это был не человек.

Они пересекли сухое русло и направились на запад, таща за собой короткие тени. Скала с темпоралом затерялась среди таких же скал эолова города, но путешественников это не трогало, у них имелся транскоф.

Спустя полчаса ландшафт начал меняться. Скалы приобрели геометрические, осмысленные формы, теперь они в самом деле напоминали разрушенные временем, оплывшие и сгоревшие здания необычных пропорций. Почва почернела, кое-где она покрылась пятнами глазури и ржавчины. А потом взору землян открылся гигантский котлован диаметром в добрых два десятка километров, на дне которого застыли две фигуры: жуткая, отблескивающая перламутром и оплавленным металлом, черная, с фиолетовым отливом, вплавленная в камень туша и погруженный в почву по пояс, закованный в латы великан с мечом, проткнувшим монстра. Высотой он был не меньше трехсот метров, и все пропорции, очертания фигуры, конструкция лат говорили о его неземном происхождении, не говоря уже о размерах. А туша у его ног, разрубленная почти пополам, принадлежала, несомненно, жругру.

— Похоже, мы прибыли прямо на место последней битвы Семерых и Люцифера, — тихо сказал Такэда.

Никита покачал головой.

— Это один из пограничных миров, где происходили единичные схватки, а в Болото Смерти — хроны, где происходила основная битва, и сунуться нельзя, это мертвые миры.

— Сколько же здесь прошло лет с момента битвы?

— Не меньше тысячи.

— А выглядят они так, будто закончили бой только что. Кто этот исполин?

— Не знаю. — Сухов смотрел на одну из скал на краю котлована, похожую на покосившуюся башню в форме креста. — А ну, подойдем поближе.

Обходя огромные ямы, продолговатые, похожие на шрамы,

заполненные рыжей и черной сажей, поднимая облачка пахнущей железом и серой пыли, они обошли котлован и приблизились к башне.

— Лопни мои глаза! — прошептал Такэда.

То, что они приняли за башню, оказалось высохшей, как мумия, фигурой какого-то существа с раскинутыми в стороны руками и утонувшего в почве по колени. Голова у него казалась просто продолжением шеи и прикрывалась грибообразной шляпой, а лицо напоминало сморщенный картофельный клубень. Нос на нем отсутствовал, рот был разинут и застыл в немом крике. Узкие вертикальные глаза без зрачков фосфорно светились, и в них стыли ужас и безумие. Одет высохший был в складчатый серо-сизый балахон, хотя это могла быть и кожа, приставшая к костяку.

— Как они его!.. — пробормотал Сухов, никого конкретно под словом «они» не подразумевая. — Лихие тут были ребята.

Он поднялся на возвышенность, оглядел пустынный — «городской» пейзаж, но пятидесятиметровых гигантов, подобных «мумии», не увидел. Россыпи камней создавали довольно правильную мозаику и были похожи на японские иероглифы.

— Сад камней, — кивнул на них Сухов. — Может, в этих рисунках есть смысл?

Такэда оторвался от созерцания «мумии», критически оглядел россыпи, хмыкнул.

— Смысл японского «сада камней» — воплощение идеи бесконечности мира и бесконечности процесса познания[1]. Но ты прав: этот «сад» необычен. Не говоря уже об остальном.

Никита вытянул руку к горизонту. На севере, справа от места битвы колоссов, он заметил несколько треугольных силуэтов, подрагивающих в мареве раскаленного воздуха. Это были пирамиды. Ни слова не говоря, путешественники направились в ту сторону, одновременно оглянувшись на «мумию». Та провожала их безумным взглядом, словно предупреждая о чем-то.

Слоистые скалы и почерневшие, оплывшие, как свечи, башни, не то каменные остатки, не то здания некогда существовавшего города, постепенно ушли назад. Жаркое море дюн и долин, полузасыпанных обломков скал и необычайно ровных прямоугольных плит, венчающих некоторые скалы, простиралось перед путешественниками почти до горизонта. За этим морем вырастали из струящегося марева зыбкие силуэты пирамид и тонких шпилей. Вероятно, это был настоящий — не мертвый город.

---

[1]Ни с какого места широко известного японского «сада камней» нельзя увидеть сразу все камни, составляющие композицию, часть всегда прячется за другими.

Однако уже через час пути ландшафт изменился. Друзья начали спуск в широкую низину, испятнанную круглыми черными воронками, окруженными серыми кольцами солей и коричнево-зелеными — колючек. Это были высохшие водоемы, соединенные самыми настоящими каналами в облицовке из глазурованных каменных плит. Еще через некоторое время полоса мертвых озер сменилась системой идеально круглых водных зеркал, появились кустарники и деревья, сначала большей частью засохшие, корявые, вызывающие впечатление застывших скелетов, а потом живые, с желто-оранжевыми стволами и темно-зеленой листвой. В одной из рощ, созданных толстопузыми, похожими на баобабы деревьями самых неожиданных форм, со светло-желтой корой и пушистыми метелками вместо листьев, путешественники остановились на отдых, предварительно попробовав воду из ближайшего озера: вода оказалась солоноватой и горькой и жажду не утоляла. Зато стало очевидно, что сеть озер создана искусственно и очень давно, хотя система каналов, питающих озера, еще действовала.

Никита прилег на взгорке с жесткой и очень густой коричневой травой, попытался проанализировать свои решения, прикинуть соответствие желаний и возможностей, но что-то мешало ему, как бормотание зрителя над ухом рыбака. Он насторожился, прислушался к тишине рощи, и атмосфера таинственного подсознательного шепота и застарелой тоски, подспудное ощущение чьего-то незримого присутствия, заставили его вскочить и оглянуться.

— Ты что? — вскинулся Такэда.

— Показалось...

Но ощущение дискомфорта не исчезло. Кто-то невидимый продолжал смотреть на них со всех сторон, безмолвно жаловаться на судьбу и ждать неизбежного конца...

— Ф-фу! — Никита выдохнул и сел. — Это лес.

— Что — лес?

— Я его чувствую, вернее, чувствую внешнее психологическое давление. Не могу сказать, что эти деревья мыслят, но то, что у них есть развитая нервная система, — точно. Пошли отсюда, неизвестно, на что они способны.

Путешественники вышли из рощи на берег ближайшего озера диаметром всего около сотни метров и замерли. На противоположном берегу гигантский дракон лакал воду длинным раздвоенным языком. Он был похож на древнего динозавра — стенеозавра, предка современных крокодилов, но с головой другого хищного ящера — тираннозавра. Пластинчатая броня его отбрасывала множество ярких цветных зайчиков, как гора драгоценных камней. Высотой он был — в холке — с пятиэтажный дом и

мог, наверное, перейти озеро вброд, не замочив брюха. Напившись, он утерся (!) пятипалой лапой, совершенно как человек, посмотрел на стоящих в столбняке людей умными, ярко-желтыми, щелевидными глазами, кивнул, будто поздоровался, и бесшумно уполз в рощу за холмом позади озера.

— По-моему, он тебя знает, — хладнокровно заметил Такэда, пряча хардсан. — И у меня создалось впечатление, что он разумен.

— Во всяком случае, не дурак. — Никита машинально глянул на мигающий камень индикатора, пожал плечами. — Это мир магифизики, у него свои законы.

Динозавра они так больше и не увидели и обогнули рощу, сделав приличный крюк. Зато наткнулись на знакомого бегуна, несущегося с неимоверной скоростью напрямик через барханы, скалы, каменные россыпи, заросли кустарника и водоемы. На сей раз Сухову удалось разглядеть его сквозь пыльный хвост более детально.

Это было тщедушное существо ростом с ребенка четырехпяти лет, с вполне человеческими ручками и ножками, с головой огурцом и сдвинутыми буквально на макушку глазами. Оно было закутано в пушистый коричневый свитер до колен, хотя «свитер» мог оказаться собственной шерстью.

Человечек вломился в заросли колючек, пропахал в них борозду, едва не столкнулся с людьми, не обратив, впрочем, на них никакого внимания, и нырнул в рощу, в которой скрылся желтоглазый крокодило-тираннозавр.

— Быстрый парень, — сказал Никита, проводив его взглядом. — Может быть, это местный маленький Мук в сапогах-скороходах?

— Скорее местный псих, сбежавший из лечебницы, — предложил свою гипотезу Толя. — Он очень напоминает Ба — демона засухи из древнекитайской мифологии. Там, где появляется Ба, начинаются жара, засуха, мор. То, что мы и наблюдаем.

Никита остановился, приставил ладонь козырьком ко лбу, вглядываясь в небо. Потом глянул на приблизившуюся цепь пирамид.

— Это город, Оямович, но и он мертв, хотя и не так разрушен, как тот, что мы прошли.

— Я думал, ты точно знаешь, куда мы направляемся.

Сухов закрыл глаза, сосредоточился. Волосы его вдруг встали дыбом, заискрились, с пальцев опущенной руки сорвалась в песок длинная белая искра. Длилось это недолго, через минуту танцор перестал испускать электрическое сияние и стал прежним Суховым.

— Он где-то близко... и здесь еще есть люди, я чую.

Такэда, на которого метаморфозы друга произвели впечатление, лишь легонько сжал его локоть, давая понять, что полностью ему доверяет.

Спустя час они вышли к поясу скал, в окружении которых лежал город, некоторое время любовались пирамидами и многоколонными зданиями необычной архитектуры — готической, но со своеобразными нарушениями, возводящими асимметрию в ранг совершенства, и молчали.

— Гоппурам, — сказал наконец Такэда, показывая на шпиль одной из башен, — и в то же время готическая базилика, чрезмерно вытянутая по вертикали.

— Я не специалист, — отозвался Никита рассеянно. — Посмотри лучше сюда. Здание за храмом видишь?

Такэда послушно глянул в указанном направлении и увидел пирамиду, словно разрубленную надвое каким-то огромным лезвием, застрявшим в ее основании. Впрочем, она и в самом деле была разрублена — мечом, наподобие того, что держал в руке великан, убивший жругра.

— Если битва гигантов происходила и здесь, — помолчав, сказал Толя, — то почему так мало разрушений?

Никита молча повернул в обход скалы и вдруг остановился, сделав предостерегающий жест. В небольшой впадине за грудой скальных обломков скопилось небольшое озеро прозрачной воды — из-под скалы бил родник, и над этим озерцом девушка поразительной красоты с волосами, густой черной волной ниспадающими со всех сторон ее стройной фигурки, держала ладони перед лицом, шепча что-то про себя. Смуглая, гораздо смуглее, чем бронзовокожие индейцы, она тем не менее не была черной, как негры. Гордая посадка головы, великолепное, почти обнаженное тело, каждый жест ее подчеркивали красоту дикую, грозную и одновременно трогательно-наивную. Ее миндалевидные, светящиеся глаза поднимались к вискам, брови над высоким лбом, в хищном изгибе нос, прямой и тонкий, идеального разреза губы дополняли портрет, и смотреть на это лицо хотелось не отрываясь.

На девушке была короткая юбка из чего-то напоминающего перья павлина, а на ногах золотые сандалии с ремешками, охватывающими лодыжки. Рядом, на плоском камне, стоял кувшин с узким горлышком и лежала свернутая кольцом плеть из кожи с колючим узлом на конце. Плеть не очень вязалась с мирным видом незнакомки, но уже через минуту наблюдатели поняли, для чего она смуглянке с лицом Нефертити.

Оказалось, не только они прятались в камнях, подсматривая за девицей. В тот момент, когда Никита собрался выйти к роднику и представиться, из-за груды валунов на противоположной

стороне выскочило с десяток существ, которых можно было назвать людьми лишь с большой натяжкой.

Голые смуглые тела, состоящие, казалось, из одних жил, лоснились, будто смазанные жиром, и набедренные повязки удерживались на них чудом. Руки и ноги у существ были как у человека, а головы — почти лошадиными, но чем-то напоминали лицо человеческое.

— Кинноры! — прошептал сзади Такэда. — Кентавры наоборот!

Девушка вскочила, метнулась к камню, и плеть свистнула в ее руке, встретив первого «антикентавра». С визгом тот рухнул на камни, схватившись за морду: колючий шар плети выбил ему глаз. Еще и еще раз свистнула плеть, останавливая кинноров, высоких — не менее двух метров — и гибких, бросающихся на девушку молча, без кличей и криков. Но их было слишком много.

Плеть незнакомки казалась живой и вездесущей, опоясывая ее со всех сторон и раздавая удары независимо от положения руки. Смуглянка успела уложить пятерых полулюдей-полуконей, но один из них все же ухитрился схватить ее сзади. И именно в этот момент подоспел Сухов.

«Кентавры наоборот» были вооружены пращами и короткими палками с утолщениями на концах, похожими на берцовые кости какого-то животного, их можно было легко уложить с помощью, например, нервайлера, но у Сухова были свои резоны.

Три киннора улетели за камни и не поднялись, четвертый успел нанести танцору удар палкой по спине и получил ответный — ногой в лошадиный нос, а пятый, держащий девушку, оказался самым догадливым: бросив добычу, он мгновенно скрылся за скалами, куда уползли и побитые соплеменники.

Девушка живо схватила свою плеть, прочертившую смертоносную кривую вокруг руки, отступила на шаг, исподлобья разглядывая освободителя. Так же внимательно оглядела Такэду, выступившего из-за камня с улыбкой на лице.

— Хет ка?

Голос у нее был низкий, бархатного тембра, такой же красивый и глубокий, как у Ксении, и у Никиты перехватило дыхание. Она и смотрела, как художница, исподлобья, без тени смущения или страха, внимательно и серьезно. Сухов глубоко вздохнул, мотнул головой, избавляясь от наваждения.

— Хет ка? — повторила вопрос девушка.

— Кто вы? — с запинкой перевел лингвер. — Это такемтский диалект языка мыср. Планета называется Айгюптос, страна — Риангомбе.

— Ка раддхи? — продолжала незнакомка, в голосе которой прозвучали удивление и нетерпение. — Ка птах маинсс?

— Вы маги или духи умерших? — добавил лингвер.

— Мы люди, — ответил Никита, показывая ладони дружеским жестом, — и не причиним вам зла. Меня зовут... м-м... Сухов, а его — Такэда. А вас?

— Селкит, — назвала свое имя девушка, гордо вздергивая подбородок, и волосы волной-цунами взметнулись над ее головой. — Чего вы хотите?

— Мы ищем пристанища, а также человека, который мог бы нам помочь.

— Тогда идите за мной. — Девушка ничуть на удивилась, прислушиваясь одновременно к тому, что говорит Никита, и к переводу лингвера. Она взяла кувшин с водой, непонимающе глянула на Толю, предложившего помощь, но кувшин не отдала. — Поспешите, хемуу могут вернуться.

Грациозно изгибаясь с сосудом на плече, она, не оглядываясь, заскользила по тропинке между камней, а друзья смотрели ей вслед.

— Ты был великолепен, — пробормотал Такэда, — но на нее, похоже, это не произвело впечатления. Она даже не поблагодарила. Как настоящая богиня! Селкит... Красивое имя и, по-моему, встречается в земном фольклоре. Ну, что стал, идем?

Никита безмолвно двинулся следом за Селкит.

Глава 4

Город, странный, сказочно-громадный, со следами седой древности, потрясал красотой и необычайной гармонией, строящейся на асимметрии, геометрических контрастах, на отличных от земных законах зодчества. Архитектуру его сооружений можно было бы отнести к готическому стилю Земли, если бы не «египетский» силуэт, «исламский» колорит башен, асимметричная завивка и сложнейшая скульптурная обработка порталов и фасадов зданий. Город стоял пустым более тысячи лет, никто в нем не селился, кроме кинноров-хемуу и всякой нечисти, никто не поддерживал в нем чистоту и порядок, не ухаживал за постройками, и все же он был почти цел: рука разрушения коснулась лишь кое-каких жилищ на окраине да акведука, некогда подводящего к нему воду из высокогорного озера.

Полдня пришельцы провели на улицах и площади Соут-Хорра — так назывался город — и не заметили этого. Сопровождала их Селкит, одетая в тонкую красную тунику с узором паутины, перехваченную в талии золотым пояском. На руках и ногах девушки позванивали золотые браслеты необычайно тонкой работы, на шее блестел обруч, а в ушах покачивались и сверкали

рубинами огромные красивые серьги в форме свернутой в спираль змеи.

Такэда некоторое время шел рядом, вслушиваясь в гортанно-низкий голос Селкит, рассказывающей о достопримечательностях города, потом отстал, с каким-то внутренним сожалением оценив, насколько Никита и Селкит внешне идеальная пара. Оба были высокими, гибкими, сильными и красивыми, разве что тип красоты у них был разный да уровень знаний тоже. Зато примат чувств над разумом одинаков, подумал Толя неодобрительно. Характер? Или влияние среды? Толя имел в виду Никиту.

Очередная площадь распростерлась перед ними шахматной доской с «толпой» фигур-скульптур и колонн. Затем слева потянулось гигантское здание — Лабиринт, по словам Селкит, пантеон бесчисленного множества богов страны, среди которых были не только человекоподобные существа, но и кинноры, «кентавры наоборот», и другие монстры, полулюди-полузвери-полуптицы, выраженные галереей скульптурных шедевров, созданных неведомыми скульпторами.

Справа открылась аллея своеобразных сфинксов — динозавров с человеческими головами, размеры которых по мере продвижения увеличивались, росли, пока не превзошли размеры здания за ними. Последний сфинкс высотой с небоскреб казался живым, а формой больше всего походил на... жругра! Он смотрел вниз, на людей-букашек, с насмешливым презрением и улыбался, и от этой улыбки по коже ползли мурашки.

— Это мавзолей Ахтоя, последнего кемтарха Риангомбе, — сказала притихшая Селкит. — Он пришел с юга с армией хемуу, победил Хаттусилиса и возвел эту часть города.

— Видимо, строителями у него были недобрые люди, — тихо проговорил Никита, поднимая голову: показалось, что сверху на них упала чья-то холодная зловещая тень. Оглянулся.

Оставленная позади часть города была творением умелых зодчих и художников, выражением их эстетического идеала, пусть его пропорции и казались странными для людей Земли. Впереди же город преображался, становился иным, более грубым и тяжелым, подавляющим психику и воображение. Ухищрениями архитекторов и строителей человек здесь низводился до уровня песчинки, теряя остатки воли и превращаясь в послушного чужому приказу исполнителя. Главными элементами этой архитектуры были гигантские пирамиды, видимые издалека, за десятки километров от города, и «зиккураты» — витые асимметричные башни с колючими шпилями.

— Там живут хемуу, — кивнула на пирамиды Селкит, — а также зимба, тиесс нисут и другие твари. Кроме того, иногда

пробуждается Ме, а это очень опасная укву, справиться с ней невозможно. Вы сильные маги, но я не советовала бы идти туда.

— Я тоже, — сказал Такэда, задирая голову на «сфинкса». — Вылитый жругр, а?

Никита, стоящий в тени здания, кивнул, разглядывая город впереди. За «сфинксами» площадь уступами спускалась к реке — Лойянгалани, через которую переползали тяжелые и угрюмые мосты. Идти через реку не хотелось.

— А почему вы не живете в городе? — спросил Сухов, решая задачу — идти или не идти.

— Я же говорила — Ме, — коротко ответила Селкит, веселость которой улетучилась без следа.

— А то такое Ме? — деликатно спросил Такэда.

— Могучая таинственная сила, управляющая миром. Иногда она приходит в образе богини-воительницы Найт, но чаще безлика, хотя и вездесуща. От нее все наши беды. Если бы она выходила еще чаще, наш народ давно исчез бы.

— И как часто она выходит?

— Раз в пятьдесят лет. Прошло уже сорок семь с момента ее последнего появления.

Такэда подошел к Сухову, сказал вполголоса:

— Уж не наша ли знакомая Гиибель — эта «богиня-воительница» Найт? Здешний мир явно под контролем игв.

— Если бы он был под контролем игв, мы были бы уже мертвы. Идемте, — решил наконец Никита; эрцхаор не показывал присутствия «князей тьмы» — «свиты» Люцифера, к тому же для демонов Свиты расстояние не служило препятствием. Если бы они захотели нанести удар, они нашли бы Посланника везде.

Такэда снова поплелся сзади беседующей пары, остро осознавая свою ненужность и вспоминая их появление в доме отца Селкит, номарха провинции, колдуна и мага, воителя и врачевателя со звучным именем Зу-л-Кифл...

Путь от родника к селению, где жили Селкит и ее родичи, оказался достаточно коротким, не более двух километров. Селение — десятка три квадратных башен, окруженное оградой из огромных, наклоненных наружу острых копий, пряталось в скалах, на плоскогорье с отвесными стенами, поднятом над равниной на высоту в триста-четыреста метров. Добраться до него можно было только по висячему мосту или с помощью подъемника, которые охранялись могучими воинами, вооруженными пиками, короткими мечами, скорее всего бронзовыми, и кистенями — тяжелыми колючими шарами на цепях. Начальник стражи, молодой, скуластый, энергичный, был к тому же вооружен плетью наподобие плети Селкит. Пропустил гостей он

только после повторного приказа девушки, вспыхнувшей под взглядами Никиты и Толи.

Ни дети, ни старики и женщины на улицах селения не появлялись, лишь изредка проходили одетые в длинные, до пят, рубахи мужчины с грузом на плечах или на тележках да группы обнаженных по пояс воинов. На пришельцев они смотрели косо, и лишь присутствие Селкит заставляло их сдерживать любопытство.

«Мэр» селения, он же номарх, то есть правитель области — нома Кемет, оказался отцом Селкит. Звали его Зу-л-Кифл, и выглядел он как вылитый египетский фараон из земной истории. Он вышел из «дворца» — такой же башни, как и все остальные, разве что украшенной барельефами, — в ослепительно белой галабии — то ли рубахе, то ли плаще, с красным шарфом на шее и красным поясом, обутый в золотые сандалии. В ушах его качались такие же серьги, как и у Селкит, а голову украшала необычная шапочка, сплетенная из золотых нитей.

У него было длинное, надменно-усталое лицо с тяжелым скошенным подбородком и полузакрытыми глазами и седые волосы, но стариком он не был. В каждом его движении чувствовалась сдержанная сила, шаг был легок, а под галабией угадывалась атлетическая фигура если не юноши, то зрелого мужчины. Никита, даже не глянув на индикатор, понял, что перед ним тот, кого он искал, маг и хозяин хрона. Перстень отреагировал на появление номарха зеленой вспышкой, и тотчас же Никите показалось, что кто-то открыл дверцу в голове, заглянул, увидел, что надо, улыбнулся и закрыл. Лицо у Зу-л-Кифла при этом осталось неподвижным, но в глазах мелькнул веселый огонек.

— Привет, Посланник, — сказал он звучным и глубоким голосом. — Будь моим гостем. Привет и тебе, Наблюдатель.

— Э-э... — сказал в ответ Такэда.

— Привет, один из Семи, — уверенно произнес Никита.

— Не торопитесь, Посланник, — улыбнулся Зу-л-Кифл, отступил в сторону. — Селкит, проведи гостей ко мне. Прошу простить меня, я вернусь вечером, — обратился он к землянам, — появились неотложные дела. Отдыхайте, здесь вы в безопасности.

— Отец, они спасли меня от хемуу.

— Ты, как всегда, уходишь без охраны и когда-нибудь будешь наказана.

Селкит фыркнула, высокомерно подняла подбородок и прошествовала в дом.

— Оказывается, и дети магов не слушаются родителей, — проявил сочувствие Такэда, реабилитируя себя за растерянность во время знакомства.

— Такова реальность. — Зу-л-Кифл снова улыбнулся и... исчез!

Друзья невольно оглянулись, но хозяин действительно испарился. Им ничего не оставалось делать, как войти в никем с виду не охраняемую резиденцию номарха.

Селкит они увидели через два часа, только после того, как их искупали в огромных чанах юные обнаженные девушки, похожие друг на друга, как сестры, и после вечерней трапезы. Для путешественников это был завтрак, обед и ужин одновременно.

Зал-столовая находился на первом этаже дома, две стены его были прозрачными, как и потолок, и поэтому казалось, что едоки сидят на открытой веранде, но оба точно знали, что извне стены владения номарха кажутся каменными, потолок сделан из толстых каменных перекрытий и прозрачным быть не может.

Были поданы салаты из бобов и трав, а также из какого-то растения, напоминавшего цветную капусту, но со вкусом сладкого перца. Потом вынесли кашу из проса, овсяные лепешки и мясо — на вид телячий язык под белым соусом. «Язык» оказался мясом камеланда, животного, соединявшего в себе признаки верблюда и кенгуру. И завершало обед сладкое: нечто, напоминавшее по вкусу финики и сок бангеро — местной разновидности кактуса, коричневый, тягучий, как сироп, но прекрасно утоляющий жажду, бодрящий и вкусный. Ничего напоминающего вино и другие алкогольные напитки подано не было, а когда Такэда ради любопытства спросил об этом служанку, та его не поняла.

Тот же самый вопрос он задал и Селкит, которая после раздумий сообщила, что существует такой священный гриб — теонанакатл, поев которого человек ощущает опьянение, эйфорию, становится на некоторое время неуязвимым для любого оружия, но потом теряет рассудок и память.

— Но употребление гриба запрещено законом, а больше ничего подобного народ не ест и не пьет.

Селкит вывела их на плоскую крышу здания, и они с интересом посмотрели заход солнца: краски были иными, чем на Земле, но зрелище от этого своего великолепия не потеряло.

Затем Никита, переодетый, как и Толя, в такой же белый халат — галабию, принялся расспрашивать девушку о местных обычаях, разговор перескочил на развлечения молодежи в обоих мирах, и Селкит, пораженная рассказом танцора, слушала его, забыв обо всем, в том числе и о своей роли хозяина и дочери главы государства. Оживилась она лишь тогда, когда Сухов проговорился, что он профессиональный танцор. Оказалось, что Селкит — победительница кемтессий, ежегодного праздника-состязания танцоров, собирающихся со всех концов страны в бывшей ее столице Соут-Хорре.

— Послезавтра как раз начало очередных кемтессий. — Сел-

кит оценивающе глянула на Никиту. — Что, если ты будешь моим партнером? — Глаза ее загорелись, она захлопала в ладоши. — Если ты «великий искусник» (так переводилось на местный язык слово «профессионал»), то мы наверняка станем победителями. Не возражай! Превращу в аазы или в бииняо!

— А что это такое? — Никита с удовольствием смотрел на лицо Селкит, воодушевленное идеей, молодое и прекрасное.

— Аазы — наш посыльный. — Палец девушки показал на пересекающий пустыню, приближающийся к селению хвостик пыли.

— Такой маленький бегун с глазами на макушке? Мы его встречали. А бииняо?

— Утка с одним крылом. Чтобы летать, ей надо соединиться с другой уткой — мужского пола.

— Ну если второй половиной будешь ты...

К дальнейшему разговору юной пары Такэда не прислушивался, ему стало скучно, и выручило его лишь появление у дома посыльного Зу-л-Кифла.

Бегун и в самом деле оказался человеком, вернее пародией на него, с тонкими ручками и длинными, кузнечикообразными ногами, с головой огурцом, с которой смотрели во все стороны не два, а целых пять глаз: три по бокам и два на макушке! Он принес сообщение от номарха, в котором тот извинялся за задержку, обещал быть завтра к обеду и просил Селкит показать гостям утром город.

Пожелав всем спокойной ночи, Такэда ушел спать, а утром они направились в Соут-Хорр, бывшую столицу Риангомбе...

— Уснул, что ли? — донесся голос Никиты.

Такэда встряхнулся, подхватил транскоф («Вы всегда с этим ходите? — поинтересовалась Селкит утром. — У вас там спрятаны сокровища?» — «Жизнь», — серьезно ответил Толя) и с готовностью затрусил вслед за Суховым и Селкит, уже вступившими на мост. Идти на ту сторону все так же не хотелось, но Толя никогда не спорил с тем, кого сам же определил в лидеры. Догнав молодежь, он спросил:

— А почему все-таки город стоит так долго, не разрушаясь?

— Он законсервирован, — ответил Никита, понимающе подмигивая инженеру.

— Кем и для чего?

— Хорошо, что ты не спрашиваешь — как, — засмеялся Сухов, повернув голову к Селкит. — Что скажете, принцесса?

— На город наложено страшное заклятие, — понизила голос девушка. — Он будет стоять таким до конца вселенной, как напоминание о предательстве, и даже Хаос не сможет разрушить его.

— Что за предательство?

— Номарх Маунглай позволил воину Сахаб-Бассо-Нарока, правой руке Люцифера, спрятаться в городе и ударить силам Закона в спину. Из-за этого предательства погиб один из Семерых магов. Если вы шли через Черные Земли, вы должны были его видеть.

— Великан в латах с мечом, разрубившим... м-м... чудовище?

— Это чудовище — искусственное существо, Конь Великих игв. Справиться с ним может только один из Семерых.

— Что же тогда говорить о всаднике? — пробормотал Такэда. — Если его конь-робот способен уничтожить полпланеты.

Никита вдруг насторожился: ему снова показалось, что сверху на них упала холодная мрачная тень. Но это был лишь отзвук его экстрасенсорного восприятия. Кто-то следил за ними, угрюмый, сосредоточенный в себе, тяжелый, как горы, и смертельно опасный. Он следил и решал, что ему делать с пришельцами.

Ме, вспомнил Сухов слова Селкит, таинственная и могущественная сила. Что за сила? Добрая или злая? И почему она дремлет здесь, в городе, красота которого принадлежит вечности? Или это и есть заклятие Семерых?

Селкит, ушедшая вперед, нетерпеливо оглянулась.

— Поторопитесь, Посланник, нас уже ждет отец. Я покажу вам только мбори, и мы вернемся.

— Мбори? — переспросил заинтересованный Такэда, потому что лингвер не дал перевода слова.

— Увидите.

Девушка вывела их на площадь, мощенную булыжником, по углам которой стояли четыре пирамиды, сложенные из какого-то слоистого камня. Каждая пирамида достигала стометровой высоты, имела лестницу для подъема на вершину и входной портал со множеством колонн. И у каждой стоял свой «сфинкс» — динозавровидное чудовище с человеческим лицом. Лица были разные, видимо, строились пирамиды разными властителями, но одинаковые в выражении презрительного высокомерия.

— Династия Птахоттепа, — сказала Селкит. — Это усыпальницы кемтархов Шешонка, Снофру, Хасехема и Пта́хоттепа.

Где-то вдруг послышался шум и высокие пронзительные крики. Стихли. Селкит поморщилась, сказала с отвращением:

— Сонгайхай... хемуу развлекаются. Идемте, нам осталось немного.

— Я бы хотел посмотреть, как развлекаются хемуу, — сказал Никита.

Селкит удивленно вскинула брови, но перечить не стала. Дернула плечами.

— Это не очень интересное зрелище.

— А если они нападут? — корректно вмешался Толя.

— Во время сонгайхай хемуу беспечны. Но ведь вы — ридд-хи, неужели не справитесь?

Возражать было нечего, и Такэда снял с пояса нервайлер. Никита только усмехнулся в ответ.

Сонгайхай оказался «театром страуса», аналогичным тому, что существовал у африканских племен на Земле: страусам, а то и двум и трем сразу, отрубали головы и смотрели, как они мечутся по арене. Только вместо страусов здешние «театралы» — «кентавры наоборот» использовали странных животных, совмещавших в себе несколько земных. У них были по две длинных и сухих ноги лошади, торс медведя, длинные шеи жирафа и узкие змеиные головы с огромными, зонтикоподобными, переливающимися всеми цветами радуги ушами.

Толпа кинноров выла, ревела и визжала при каждом «удачном» прыжке безголового «страуса», люди-лошади колотили палками по спинам соседей, производя небывалый шум, и ничего не слышали и не видели по сторонам.

— Флоэры, — назвала Селкит животных, — они собирают насекомых, которые садятся им на уши, принимая их за цветы.

Понаблюдав за реакцией кинноров, Никита сделал знак, и они поспешно обошли «театр» стороной, снова выбираясь к пирамидам. Через несколько минут дочь Зу-л-Кифла вывела их к колодцу. Правда, размеры колодца потрясали: в землю уходило каменное кольцо диаметром в километр, если не больше, возвышаясь над землей метра на полтора. Толщина кольца тоже действовала на воображение — метров десять, и собрано оно было из многотонных каменных блоков по пять метров в поперечнике каждый.

Никита и Такэда, заинтересованные, влезли на кольцо, подошли к краю колодца, огромного, как вулканическое жерло, и заглянули внутрь. И отпрянули! Из глубины провала на них злобно посмотрел некто, наделенный ужасающей силой и мощью, настроенный враждебно, внушающий страх и желание бежать отсюда со всех ног.

Заглядывать в колодец больше не хотелось, но, преодолевая отвращение, зябкое чувство страха и ожидания выстрела в лицо, мобилизовав силы, Никита заставил себя еще раз наклониться над провалом.

В колодце никого не было! Но стены его экранировали какое-то явление, физическая сущность которого не поддавалась анализу человеческого мозга. И все же в голове Сухова загорелся огонек догадки, словно кто-то шепнул ему верные слова: пересечение времен!

— Это узел пересечения хронов, — сказал он, отступив и встретив восхищенный взгляд Селкит. — И колодец — защита окружающей среды от последствий. Так?

— Ты настоящий Посланник! — сказала девушка восторженно. — Там, очень глубоко, находится источник Хаоса, замкнутый еще одним страшным заклятием. Отец говорил, что там проникают друг в друга множество Миров с разными временами.

Такэда деликатно кашлянул:

— Очень интересно! Значит, стены колодца или весь он — и есть реализованная формула заклятия?

Селкит беспомощно оглянулась на Сухова.

— Не понимаю, он произносит слова, которых я не знаю.

— Он всегда так говорит, — меланхолически заметил Сухов. — Не обращай внимания. А твоя таинственная Ме не здесь проживает?

— Не шути так, — сдвинула брови Селкит. — Она все слышит и видит... — Девушка не договорила.

Где-то в загадочных недрах колодца раздался гулкий рыдающий стон, и над его срезом вознеслась исполинская полупрозрачная фигура неведомого существа, неимоверно сложного, с тысячью пересекающихся друг с другом форм и конструкций, выступов, впадин и деталей, светящихся пятен и линий, но тем не менее фигура, карикатурно повторяющая тело человека с конусовидной головой, руками-крыльями и безобразно раздутыми ногами. Конус головы существа повернулся из стороны в сторону и наклонился вниз, на людей глянули два черных провала-глаза с плавающими в них огнями.

Селкит закричала, спрыгивая с кольца, Такэда последовал за ней, выхватывая из-под плаща хардсан, однако Сухов остался стоять, словно завороженный глядя вверх, на лицо-маску чудовища, соединяющего в себе признаки робота и старухи в капюшоне в образе Смерти.

Длилось это противостояние несколько секунд, в течение которых Никита с нарастающей яростью боролся с наплывом слабости и гипноволной, внушающей ему приказ сделать шаг и прыгнуть вниз, в бездну колодца. Потом опомнившийся Такэда выстрелил из лазера — сиреневый всплеск света пронзил фигуру, не причинив ей вреда, а Сухов наконец смог мобилизовать волю и включить на короткое время экстрарезерв.

Монстр отшатнулся, получив всплеск пси-энергии — отражение собственного импульса от защитного блока Сухова, переломился пополам и с тем же стоном провалился в колодец. На дрожащих ногах Никита спрыгнул с обреза колодца на камни, подошел к девушке, бледной, глядящей на него с недоверием и испугом.

— Что это было?

— Бахр-дар асмэтра! — Селкит сделала жест, словно отгоняя нечистого. — Ты настоящий маг, Сух! Ты смог выдержать взгляд Морока!

Селкит произнесла другое слово, но лингвер перевел его как «Морок», и Такэда, во всем любивший точность, вспомнив земную мифологию, не удержался от вопроса:

— Вы сказали — Морок, любезная Селкит? Кто он? Один из ваших богов? Или демонов?

— Морок — одно из воплощений Веб-Шабель, то есть Того, Кто Заперт. Олицетворение Мрака, Темноты, Бездны, Смерти.

Такэда кивнул:

— Я так и думал. — Повернулся к Сухову. — Это была тень Люцифера, Кит. Призрак Люцифера, если быть точнее, живущий самостоятельно. А может быть, нечто вроде голографической проекции с эффектом сенсорного присутствия, память среды, так сказать.

— Что он говорит? — требовательно обратилась к Сухову Селкит. — Я не понимаю.

— Если бы он сам понимал, — буркнул Никита. — Но он Наблюдатель и много знает, больше, чем я.

— Я тоже Наблюдатель, — гордо сказала девушка. — Отец был Наблюдателем много лет, а потом, когда стал врачевателем, посвятил меня в тайну Страшного Заклятия.

— Так он — врач?

— Сейчас он — номарх, правитель Лойянгалани, хотя продолжает заниматься врачеванием.

— И что же он лечит, какие болезни?

— Он лечит не болезни — весь наш мир. Он никого не боится, как и Посланник Сух, даже Найт и Веб-Шабель, потому что он маг. И я тоже когда-нибудь буду магом.

Назад через мост они шли быстро, почти не разговаривали, думая каждый о своем. Возле «сфинкса» с лицом последнего кемтарха Риангомбе им навстречу высыпала группа кинноров, понукающая ползущую тварь, помесь черепахи и крокодила, но Никита спокойно направился прямо на «кентавров наоборот», расстроив их ряды. Никто из них не решился напасть на маленькую группу людей.

У гигантского храма с тысячью колонн путешественников ждала странная повозка — без колес, висящая в воздухе без опор, запряженная в уже знакомых животных — «пустынных кенгуру». Селкит запрыгнула в нее без удивления, с видимым удовлетворением, Никита тоже сел без вопросов, и лишь Такэда не удержался от попытки объяснения феномена.

— Антигравитационная тележка. Странно, что без мотора...

Селкит уничтожающим взглядом смерила его с головы до ног, и Толя умолк.

Уже подъезжая к отвесным стенам плоскогорья, они увидели на краю обрыва белую фигуру — Зу-л-Кифл ждал своих гостей.

Глава 5

Они проговорили с хозяином до вечера.

После обеденной церемонии Зу-л-Кифл пригласил гостей на открытую с виду веранду, выходящую, опять же с виду, на квадратный двор, мощенный красивыми цветными плитками, с небольшим бассейном в центре и рощицей светлокорых деревьев, похожих на те, что путешественники встретили при переходе через пустыню. «Двор» мог быть только иллюзией, по мнению Такэды, так как они находились все там же, в квадратной башне — резиденции номарха, в которой таким пространствам не было места. Но Зу-л-Кифл рассеял его недоумение, обойдя двор и выпустив из клетки в противоположной стене птицу, похожую на рогатого сокола. Птица долбанула номарха клювом в подбородок, посмотрела в глаза, словно что-то спрашивая, и, подброшенная в воздух, мгновенно исчезла в сизо-зеленом, с желтым отливом небе. Видимо, изнутри здание было гораздо сложнее, чем выглядело снаружи.

Кресла, в которые хозяин усадил гостей, с резными спинками, гнутыми ножками, со множеством завитков и инкрустаций, напоминающие по стилю земное барокко, были удобны и очень красивы, как и столик с напитками, и земляне обратили на них внимание.

— Восьмое чудо света, — учтиво кивнул на столик Такэда. — Я такое видел только в музее.

— Ну если каждый шедевр искусства называть чудом света, — улыбнулся Зу-л-Кифл, отчего его властное, высокомерно-усталое лицо совершенно преобразилось, — то чудес света гораздо больше, чем семь, как принято считать у вас на Земле.

Говорил номарх как будто на русском языке, однако Никита иногда ловил себя на ощущении, что слова речи мага звучат прямо в его голове. Очевидно, имело место прямое мысленное общение, но, чтобы не ранить чувства гостей, номарх создал иллюзию звукового разговора.

— Традиция, — сказал Такэда. — На Земле к чудесам света причисляли египетские пирамиды — то, что мы видели и у вас, висячие сады Семирамиды в Вавилоне, храм Артемиды Эфесской, статую Зевса в Олимпии, Колосс Родосский — статую Ге-

лиоса, Мавзолей в Галикарнасе и Александрийский маяк в дельте Нила, на Фаросе, высотой в сто двадцать метров.

— Но и у вас на Земле чудес — творений рук человеческих было гораздо больше, да и сейчас есть. Тот же Московский Кремль, Эйфелева башня, собор Нотр-Дам, статуя Зевса в Таренте, римский Колизей, Великая китайская стена длиной в две тысячи семьсот километров, гробница Тадж-Махал в Индии, дворец гренадских халифов Альгамбра... перечислять можно долго. Подобных чудес — неисчислимое множество во всех Мирах Веера. Талантливых творцов, зодчих, архитекторов, скульпторов и художников Вселенная рождает вне зависимости от условий жизни.

— И танцоров, — тихонько добавил Такэда.

Сухов незаметно показал ему кулак. Зу-л-Кифл посмотрел на инженера из-под тяжелых век, кивнул понимающе:

— И танцоров. Я слышал от дочери, что вы собираетесь принять участие в кемтессиях?

Никита покраснел, не зная, как объяснить свое желание.

— Не стесняйтесь, — сказал номарх. — Искусство танца — редкое искусство, и владеющий им — волшебник образа и прямого эстетического удовлетворения. — Зу-л-Кифл поймал взгляд Сухова, украдкой брошенный на перстень эрцхаора, снова улыбнулся. — И не переживайте о погоне, вы здесь в безопасности, несмотря на Ме, Веб-Шабель, киннноров, Мороков и прочих монстров.

— Значит, это благодаря вам мы добрались до города без особых приключений? — догадался Никита.

— Я хозяин и обязан оберегать гостей. Но и вы, насколько я наслышан, можете постоять за себя. Впрочем, удивляться нечему, Посланник всегда был Воином Пути.

Сухов помрачнел, сказал через силу:

— Я еще не посвящен... да и многого не знаю и не умею... хотя и встал на Путь. Из-за этого я, по сути, и пришел к вам: мне нужна помощь, помощь мага и врача. Кроме того, я пришел к вам, конечно, и как Посланник с предложением стать одним из Семи.

Зу-л-Кифл некоторое время о чем-то размышлял, поглядывая то на Толю, то на Сухова, отчего они почувствовали неловкость и стеснение.

— Что ж, я знаю вашу историю, давайте расставим точки над «i», — произнес наконец номарх. — Вы назвали меня одним из Семерых. Благодарю за честь, но, боюсь, вы ошибаетесь в оценке ситуации. Я — маг, и только. Тех Семи, которые воевали с Люцифером и устраняли последствия его экспериментов, уже нет. Вернее, они есть, но исчерпали себя. На новую битву, я бы

назвал ее хирургической операцией — почему, вы поймете позже, они не способны. Вам надо искать другую Семерку.

Никита почувствовал в груди холодную пустоту, желудок сжала неприятная спазма. Подтверждения словам Такэды из уст мага он услышать не ожидал. Как и Такэда, оставшийся с виду бесстрастным.

— Вы хотите сказать... вы... отказываетесь?!

— Я этого не говорил. — Зу-л-Кифл на мгновение сделался полупрозрачным, как глыба стекла, оделся в сетку фиолетовых молний и тут же снова принял прежний облик. — Извините, я живу несколько иначе по сравнению с людьми и не всегда контролирую все свои «я».

— И много их у вас? — спросил Такэда, чтобы поддержать разговор, потому что Никита не сразу вышел из ступора.

— Много, — сознался номарх. — Маги — многомерные существа.

— Я думал, это касается только демонов... игв...

— Они тоже маги, разве что поддались влиянию Веб-Шабель... или Люцифера и поставили перед собой цели, недостойные талантливых творцов, проигнорировав закон: ни одно из живых существ в данной Вселенной не может проявить абсолютной воли. Даже гений из гениев, даже такой мощнейший интеллект, как Люцифер.

— Почему?

— Потому что и в рамках существующих законов остается достаточно простора для проявления воли настоящего Творца.

— У моего народа, — Такэда пошипел сквозь зубы, как истый японец, — существует поговорка: хи-ри-хо-кэнтэн, что переводится так: несправедливость — справедливость — закон — власть — небо; то есть несправедливость подвластна справедливости, та — закону, закон — власти, а власть — закону Неба.

— Хорошая поговорка, со смыслом. Но Люцифер не желает считаться с... э-э... законом Неба, экспериментируя с самым страшным из объектов-категорий абсолюта — Хаосом. Абсолютный Хаос — больше, чем мрак.

— Но тогда закон Неба, или Вселенной, больше, чем свет! Я имею в виду универсальный закон Шаданакара.

Зу-л-Кифл снова стал прозрачным, поголубел, стряхнул облачко молний на пол, извинился, вдумчиво разглядывая инженера.

— Я понял, о чем вы говорите. Но не понимаете вы сами. Дело в том, что человеческие законы, законы нравственности, на макро- и микроуровнях не действуют. Несправедливы. Задумайтесь над этим. Вселенной, в общем-то, нет дела до ее

структурных составляющих, не способных объять мыслью всю Вселенную.

Толя помолчал.

— Вы хотите сказать, что для вселенных типа Шаданакара, Веера Миров существуют другие универсальные законы? Не Добра и Зла?

— И даже не толерантности и справедливости. Ведь и эти законы созданы ж и в ы м и для ж и в о г о. Надеюсь, вы поймете. Вы умный собеседник, Тоява Оямович. А также весьма проницательный Наблюдатель. И неоценимый спутник... м-м... Посланника.

— Благодарю, — поклонился Толя.

Номарх повернулся к Никите.

— Итак, Посланник, чем я могу быть вам полезен?

Сухов уже пришел в себя, но продолжал к чему-то прислушиваться, поглядывая при этом на Зу-л-Кифла.

— Вестник передал мне Весть, некий запас информации, закодированной таким образом, что я не могу читать его в спокойной обстановке. Весть включается, если только я нахожусь в стрессовом состоянии, в состоянии крайнего напряжения. Помогите мне перевести Весть из подсознания в оперативную память.

Тяжелые веки Зу-л-Кифла дрогнули, прикрывая глаза, пряча в их глубине не то насмешку, не то разочарование.

— У вас неверное представление... Вести, Посланник. Весть — это не запись информации на молекулярном или атомарном уровне, это к а н а л информации, по которому вы можете при соответствующем запросе получить любые сведения. Понимаете? Разумными существами Шаданакара, обитающими во всех хронах, создано универсальное поле информации, ментал, или эйдос, как его называют у вас на Земле, и Весть — канал связи с этим полем. Вам надо научиться им пользоваться, после чего многие проблемы решатся сами собой.

На сей раз ответ мага выбил Сухова из колеи ненадолго, хотя и произвел значительное впечатление.

— Чего-то такого я и ожидал. Но один я не справлюсь с управлением Вестью... каналом.

— Справитесь, только нужен тренинг. Вы ведь не совсем обычный человек, Сухов, вы паранорм, и у вас уже заработала парапсихика, экстрасенсорная система. Дело за малым — разбудить запас «спящих», мобильно-депрегированных генов и подготовить себя к восприятию глубинных свойств мира, овладеть всеми формами гиперчувствительности и гипервоздействия.

— Телепатией, что ли? И телекинезом?

— Телепатия не совсем верный термин, скорее — парасвязь,

и не телекинез, а психокинез. Впрочем, не суть важно. Это лишь малая часть того, чему вам следует научиться.

— Малая часть?! Разве этого мало?

Зу-л-Кифл покачал головой. Никита шестым чувством ощутил, что маг потерял интерес если не к нему, то к разговору. Но танцор не все еще выяснил, что хотел.

— Выход в эйдос даст вам возможности, о которых вы и не подозреваете, — добавил номарх. — Ясновидение. Прохождение сквозь предметы трехмерного мира. Полет по воздуху без крыльев и опор. Мгновенное преодоление огромных расстояний. Духовный слух и зрение, глубинную родовую память.

— Кажется, память уже начинает подчиняться мне.

— Значит, вы на верном пути. Но, кроме перечисленного мной, вы сможете овладеть способностью к раздвоению, то есть к многомерному копированию, к произвольному отделению психофизической матрицы от плоти, к общению с магами без помощи рации типа хоххи и также способностью ощущать космические панорамы и перспективы.

— Хороший перечень, — с бледной улыбкой сказал Никита. — Но, получив такую мощь, не потеряю ли я при этом человеческую сущность?

— Мне кажется, все будет зависеть о вас. Я еще не все перечислил, Посланник. В перспективе маг может овладеть творчеством высших гармоний, описать которые человеческим языком невозможно.

— Маг — может быть, но не человек.

— Вы ошибаетесь. Я ведь тоже принадлежу к роду хомо, человека Шаданакара, однако могу многое из того, о чем говорил вам. Конечно, все это непросто, но человека можно представить как сложную суперпозицию материальных микрообъектов, полей, излучений и сил. Кстати, в Шаданакаре существуют на много порядков более сложные суперпозиции как разумных объектов или систем, так и не обладающих интеллектом и волей.

Сухов напрягся, снова прислушиваясь к чему-то, потом расслабился, вопросительно глянув на хозяина. Такэда заметил, что он то и дело замирает, как бы «выпадая» из разговора, но по мелькавшим в эти моменты огонькам в глазах Зу-л-Кифла Толя понял, что Никита пытается общаться с магом напрямую.

— И как долго вы... тренировались, чтобы овладеть... всем этим? — Сухов неопределенно пошевелил пальцами.

— Магией? Двести лет, — спокойно ответил номарх. — Но я хочу подчеркнуть: я владею многим, но далеко не всем. Я еще достаточно молод и еще учусь.

Никита, ошеломленный услышанным, некоторое время со-

бирался с мыслями. Двести лет тренинга его морально уничтожили. Он не был готов тренироваться столь долгий срок. Зу-л-Кифл понял чувства Посланника, но пояснять, что он имел в виду духовный тренинг, не стал. В свое время Сухов поймет это сам.

— Значит, вы мне не поможете.

— Я этого не говорил.

Никита недоверчиво посмотрел на мага, по губам которого скользнула улыбка.

— Вы хотите сказать... я могу надеяться? Хотя бы наполовину? — Сухов имел в виду «половину» своего желания: если маг отказался бы от роли Седьмого, то хотя бы помог ему открыть канал Вести.

— Скорее да, чем нет. — Номарх снова спрятал глаза под веками. — Не обижайтесь. Мне придется испытать вас, и только после того...

— Я понял. — Сухов потемнел лицом. — Бой? Без оружия, на мечах, на лазерах? Или нечто более изощренное? Скажем, голодовка, схима, испытание болью? Пытки?

— Кит, — одернул друга Такэда, видя, что танцор закипает.

— Отстань! — зло огрызнулся Никита. — Мне ставят условия! Кому нужны эти испытания? Формула стара как мир: можешь помочь — помоги, на нет и суда нет. Пойдем отсюда. — Он встал. — Мы и так опутаны условиями с ног до головы. Путь Меча, Путь Мысли, Духа... Почему я должен обязательно проходить Путь Меча? Кому это необходимо? Вееру? Люциферу? Мифическому Собору Веера?

— Прежде всего вам, — тихо обронил Зу-л-Кифл. — Сядьте, Посланник, и выслушайте. Ко всем прочим условиям добавьте еще одно — научитесь радоваться препятствиям, научитесь выбирать более сильного противника и более умного собеседника, только тогда сможете подняться выше по лестнице совершенства. Что касается голодовки и пыток... В вашем мире жил человек по имени Бодхидхарма.

— Будда, — тихо подсказал Такэда. — Под этим именем он больше известен.

— Ему принадлежит великолепное высказывание: «Если бы можно было достичь совершенства и освобождения от уз, привязывающих человека к земле, только отказом от мясной пищи и человеческих условий, то слон и корова давно достигли бы его».

Никита подумал и сел на место с красными ушами.

— Теперь поговорим о путях достижения совершенства, — продолжал маг, словно ничего не заметив. — Путь Меча — это не просто красивая иносказательная формулировка достижения воинского профессионализма, это прежде всего путь приобрете-

ния уверенности и твердости духа, необходимых для достижения цели. Вы поставили перед собой цель, Посланник? Ведь уцелеть в схватке с СС и ЧК — не цель. Собрать Семерку магов и выиграть очередную битву — тоже не цель. Нет, целью, достойной мага — и Бога! — может быть только спасение Вселенной! Ни больше ни меньше. Под силу это вам, Посланник?

Никита не двигался, опустив голову. Уши и щеки его пылали.

— Поразмыслите на досуге. — Зу-л-Кифл вдруг подмигнул Такэде. — После того как в вас перекипят злость и обида, вот тогда и поговорим о наших общих делах. Да и о судьбе тоже, вашей и моей.

Сухов молчал долго, никто его не торопил, потом резко поднял голову. Глаза его блестели веселой злостью, губы слегка улыбались.

— А ведь вы уже решили, маг... Вы станете одним из Семерых. Или я ошибаюсь?

Зу-л-Кифл добродушно рассмеялся, махнул рукой и исчез. И вдруг из ниоткуда раздался его голос:

— Мы поговорим об этом позже.

Двое землян в изумлении уставились на пустое кресло.

— Иногда мне хочется тебя отшлепать, — обрел наконец дар речи Такэда. — Ведешь себя как мальчишка.

— Нельзя, — проворчал Никита. — Я Посланник.

Селкит, появившаяся на веранде, с недоумением обвела взглядом хохочущих гостей.

На время кемтессий половина Соут-Хорра вплоть до моста в старый город с пирамидами-усыпальницами охранялась кемтурами-воинами, призванными под знамена Закона и Мира. И еще ни разу со времен Падения, как называли на Айгюптосе битву сил Тьмы и Света, кемтессии не были отменены из-за каких-либо серьезных «партизанских» действий оставшихся в живых слуг демонов-игв вроде киннноров, призрачной нежити — Мороков, мбори — получерепах-полукрокодилов и невидимок-баку, «сосудов Сатаны», находящихся в родстве с раруггами.

Все это сообщила Никите Селкит перед открытием праздника, но тот и без ее успокоения не чувствовал тревоги, уйдя с головой в репетиции (танцевал он один, без свидетелей, не впустив в комнату, выделенную Зу-л-Кифлом, даже Такэду) и пытаясь решить проблему музыкального сопровождения своего танца. Никогда раньше он не чувствовал такого подъема, желания выступить на пределе — изумить местных «театралов» и... покорить воображение Селкит. Своеобразная красота девушки будоражила кровь, опьяняла, кружила голову и звала к подвигам.

О том, что будет с ним завтра, как повернутся события, Сухов не задумывался. Самое интересное, что воспоминания о Ксении, остужающие разгоряченное сердце, порождающие глухую досаду неизвестно на кого, раздвоенность и плохое настроение, вспыхивали именно от встреч с Селкит, хотя Никита старался не анализировать причин их появления. Но то и дело в памяти всплывал образ Ксении: от случайного ли жеста Селкит, от ее низкого, с бархатным тембром, смеха или от взлета бровей, когда она удивлялась чему-то. И душа бежала сама от себя, исходя странной тоской и бесформенными желаниями счастья...

Танцевальный конкурс кемтессий завершал праздник, следуя за состязаниями борцов и конкурсом певцов. Никита вознамерился было поучаствовать и в борьбе, показать класс — по ироническому замечанию Такэды, но Толе хотя и с трудом, но удалось уговорить друга не делать этого.

— Если ты победишь — в этом не будет ничего удивительного, — привел он решающий аргумент. — Благодаря Селкит о тебе и так уж идет слава мастера единоборств. А вот если ты победишь в танце, сыграв на контрастах силы и гибкости, о тебе будут слагать легенды.

— Убедил, — кивнул Никита с озабоченным видом. — Единственный прокол — музыка. Под рокот тамтамов мой танец не будет смотреться как должно.

Такэда промолчал, однако, улучив момент, поговорил на эту тему с Зу-л-Кифлом, и маг к вечеру принес откуда-то самый настоящий плейер с записью той самой мелодии, под которую танцевал Сухов перед встречей с Вестником.

— Как вам это удалось?! — Изумлению танцора не было границ.

Номарх в ответ только рассмеялся, исчезая по обыкновению, а Такэда, повертев плейер, философски заметил:

— Пути и дела мага неисповедимы. Мне кажется, что эта штучка только видится нам плейером, на самом деле Зу-л-Кифл мог провоцировать твой мозг и вытащить оттуда музыку, оформив ее под привычный нам аппарат.

Никита не возражал, довольный тем, что проблема разрешилась.

Танцевальная часть кемтессий проходила на площади, окруженной «сфинксами», перед гигантским мавзолеем последнего кемтарха Риангомбе. Четыре «улицы»-аллеи спускались к площади уступами, образовав своеобразный амфитеатр, заполненный зрителями до отказа. Зрители располагались на террасах-ступенях амфитеатра стоя, что живо напомнило землянам их последний «конкурс» на выживание в мире индейской цивилизации.

Женщины выступали раньше, танцуя под «оркестр», состоящий из шести разнокалиберных барабанов и двух длинных, полуметрового диаметра, труб с отверстиями, издававших при шлепке по ним ладонью звуки, которые напоминали свист и кваканье одновременно. Танцевали поодиночке, и парами, и целыми группами, и даже Такэда, никогда не реагировавший на женскую красоту, был заворожен ритмом, пластикой почти обнаженных женских тел, красотой и отточенностью движений и поз, общим настроем легкости, грациозности, жизнеутверждающей силы и радости.

Селкит, танцевавшая в кисейной накидке и юбке из переливающихся всеми цветами радуги змеиных шкур, с прической в стиле «голова Нефертити», как назвал ее про себя Толя, победила дважды: в танцах индивидуальных и в паре с девушкой, похожей на нее, как сестра-близнец. Радостная, возбужденная, невероятно красивая, увенчанная короной и венками из огромных белых цветов, похожих на улыбающееся человеческое лицо, она нашла Никиту «на трибуне» рядом с отцом, и Толя, ревниво следивший за Никитой, с грустью подумал, что винить Сухова не в чем: такая сказочная красота могла бы увлечь и Будду.

Наступил черед мужчин, среди которых единственным представителем белой расы был Сухов. Он выступал седьмым, практически после основных конкурентов, достоинства которых прокомментировала Селкит. Танцевали они великолепно, продемонстрировав каскад фигур и движений, отточенных поколениями искусных меднокожих «балетмейстеров», базирующихся на чувстве ритма и врожденной пластике, но Такэда видел выступление Сухова на Земле и ждал чуда, испытывая самый настоящий мандраж, как перед выступлением на татами.

Никита вышел в центр площади, одетый в пару черного цвета и фиолетовую кисейную накидку с золотыми блестками. Замер, держа одну руку на сердце, другую вытянув вперед. Сложен он был ничуть не хуже предыдущих конкурсантов, и среди зрителей начался ропот, прекратившийся с первым же звуковым аккордом из включенного плейера. Огромная площадь замерла, пораженная тихой, но отчетливо слышимой мелодией. Никита начал свой танец.

Впрочем, это был не просто танец, а целое представление, аллегорически передающее смысл термина «жизнь». Во всяком случае, так это понял Такэда.

Танцор начал танец в замедленном ритме, с плавных и гибких, буквально змеиных движений, перевернувших у Толи, да, наверное, и у большинства зрителей все представления о пластике человеческого тела. Казалось, он был лишен костей, и одна поза сменяла другую, как пластилин под пальцами мастера,

как поток ртути, как слиток полужидкого металла, застывая иногда на миг в неожиданном повороте или немыслимой — буквально на одном пальце, как бы на взлете — позе.

Затем темп танца начал ускоряться, и танцор превратился в хищное многорукое и многоногое существо, подстерегающее и убивающее добычу. Но и разыгрывая представление «Охота», Никита не забывал о ритме и красоте д в и ж е н и я, хотя и добавил гротеска в фиксацию скульптурно-выразительных «хищных» поз, мастерски показывая то бесшумный полет орла, то мощный бег тигра, то стремительный бросок удава.

Последняя фаза танца, в основе своей русская плясовая, — с неожиданными поворотами, удивительно точными прыжками, внезапными аритмичными остановками, действующими на зрителей подобно удару грома, с акробатическими элементами вроде двойного сальто и наконец с поразительным, приводящим в ужас и восторг, мистическим с к о л ь ж е н и е м по каменным плитам площади, как по льду, — заставила всех оцепенеть. Даже Зу-л-Кифл выглядел завороженным, не спуская с танцора внимательных, оценивающих глаз. Что касается чувств Такэды, то он испытал непередаваемое эстетическое наслаждение, от которого хотелось плакать и смеяться одновременно.

Последний прыжок был самым высоким: Никита взлетел на добрых два с половиной метра и «ласточкой» нырнул вниз с этой высоты, раскинув руки в длинном и плавном — гораздо длиннее, чем это смог бы сделать нормальный человек, будь он даже спортсменом экстракласса, — полете. Танцор коснулся телом плиты, замер. Музыка оборвалась. Наступила полная, звенящая, ошеломляющая тишина... взорвавшаяся мгновением позже бурей восторженных криков.

Такэда обнаружил, что по щеке у него катится слеза. Глянул украдкой на Селкит: девушка тоже плакала! В глазах ее плескались восхищение и обожание. Зу-л-Кифл о чем-то глубоко задумался, глядя поверх моря голов зрителей. Проворчал словно про себя:

— Похоже, человек все-таки эволюционирует.

Перехватив взгляд Такэды, добавил:

— Надеюсь, вы не обидчивы?

— Почти, — растянул губы в улыбке Толя. — У нас на Земле считается, что, став на общественный путь развития, человек перестал развиваться морфологически. Но ведь, наверное, не зря природа запрограммировала ему колоссальный запас нейронов мозга, который он использует пока на два-три процента, и резерв так называемых «спящих» генов?

— Не зря, — кивнул номарх, как бы заново оценивая собеседника. — Ваш друг — одна из «ласточек» нового вида — хомо

паранорм. Если захочет, он поднимется до высот Вселенной очень быстро, тем более что ему удалось сохранить канал Вести и подняться на второй уровень сознания.

— А сколько их всего... уровней?

— Семь.

Такэда пошипел сквозь зубы, выказывая тем самым свой скепсис, но сказать ничего не успел, сквозь толпу возбужденных «театралов» и судей к ним проталкивался довольный, чуть улыбающийся, но совсем не смущенный и не выглядевший усталым Сухов.

— Поздравляю, — сказал Зу-л-Кифл. — Вы наверняка выиграли состязание.

Он оказался прав. На двух следующих танцоров никто почти не смотрел и не оценивал, все еще находились под впечатлением танца и музыки белого конкурсанта. Ему и был вручен «лавровый» венок победителя из метельчатых растений и тончайшей работы золотая чаша в форме обнаженной женской фигурки, держащей над головой сосуд.

— Я почти жалею, что втравил тебя в историю с Вестником, — шепнул Сухову Такэда, поймав момент. — Тебе надо танцевать, а не мыкаться по «лестнице» Шаданакара в роли офицера связи. Кстати, как тебе удается выглядеть свежим после такой нагрузки?

— Пустяки, — равнодушно ответил Никита. — Экспресс-восстановление — и никакого мошенничества.

В сопровождении сияющей Селкит он направился во дворец номарха, Зу-л-Кифл и Такэда последовали за ними. Толя обратил внимание, что не ощущает жары, как прежде, хотя солнце стояло в зените, а повернув голову к магу, увидел, как тот кивнул, прочитав его мысль и ответив на нее: погода в этом регионе тоже подчинялась ему, как и люди.

А у моста, соединявшего плато селения с холмистой пустыней, их встретила группа молчаливых людей из трех человек исполинского роста. Стоящий впереди, чернобородый и черноусый, не смуглый, а какой-то синевато-сиреневый, одетый в черный плащ-хитон, с откинутым капюшоном, был выше Никиты, да и Зу-л-Кифла, чуть не на целую голову.

Заметив, как напряглась спина остановившегося Сухова, Такэда взялся под одеждой за рукоять хардсана, но Зу-л-Кифл легонько тронул его за руку, останавливая, шагнул вперед, загораживая танцора и Селкит. Сказал тихо и приветливо:

— Добро пожаловать в наш мир, странники.

Чернобородый не ответил, глядя на Сухова прицеливающимся, холодным и темным взглядом. Голоса возвращавшихся с кемтессий зрителей смолкли, наступила гулкая тишина, нару-

шаемая лишь далеким звоном шадуфа, подающего на плато воду. Время словно остановилось, заставив окаменеть все живое.

Дуэль взглядов длилась не больше нескольких секунд — или вечность по внутренней оценке Такэды. Троица, не сказав ни слова, повернулась и зашагала прочь, в пустыню. Но шаг ее был странен и ужасающ: с каждым шагом они удалялись метров на сто, пока не исчезли за цепочкой скал.

С облегчением вздохнула Селкит, засмеялась, что-то говоря отцу. Задвигались и заговорили и остальные риангомбцы.

Толя обнаружил, что по спине его течет ручеек пота. Подошел к задумчиво глядящему вслед черным странникам магу:

— Кто это был?

Ответил вместо Зу-л-Кифла Сухов, и голос его был ровен и зловещ:

— Охотники, Оямович. ЧК...

Глава 6

Визит «чекистов», охотников за головами из службы ликвидации СД, не только не выбил Никиту из колеи, но, наоборот, заставил яростней взяться за тренировки и решиться на эксперименты с включением канала Вести, а также готовиться к Посвящению. Он окончательно осознал, проанализировав свое душевное состояние, что возврата к прежней жизни действительно не будет. В этом вопросе, если бы даже он захотел, ему не помог бы и Зу-л-Кифл. И Сухов начал готовиться к своей миссии Посланника всерьез.

— Почему «чекисты» не напали? — спросил его Такэда после празднования финала кемтессий, когда они остались в спальне одни. — И почему не сработал эрцхаор?

— Он сработал, — ответил Никита, укладываясь спать.

— И ты не сказал!

— А зачем? Что бы это изменило? Зу-л-Кифл тоже знал о прибытии охотников... и, естественно, не дал им необходимой свободы.

— Но они будут ждать нас в темпорале.

— Пусть ждут. — Никита остался спокоен.

Такэда понаблюдал за ним немного, хмыкнул, лег тоже.

— Ты становишься воином, Сухов, что равняется трети Посланника.

— Почему трети?

— Первая треть — творец, но эту «степень» ты уже подтвердил, как великий танцор, победитель кемтессий Риангомбе.

Я не преувеличиваю. Вторая треть — великий воин, этой вершины ты еще не достиг, но идешь в правильном направлении.

— А последняя треть? — заинтересовался Никита, не дождавшись продолжения.

Вместо ответа Такэда повернулся к стене, помолчал и спросил с наигранным простодушием:

— А что-то сегодня ты так рано спать ложишься? Поссорился с Селкит?

Сухов пристально посмотрел на приятеля, словно пытаясь разглядеть его мысли, откинулся на подушки из мха камеланда. Признался:

— Меня тянет к ней, Оямыч. Селкит — не только красивая девушка, она... может быть, и не маг, но дочь мага, колдунья, так сказать, и очень неординарный человек.

«Как Ксения?» — хотел спросить Толя, но прикусил язык, потому что Никита уловил это желание и добавил с неожиданной злостью:

— И в то же время она часто заставляет меня вспоминать Ксению. Прямо мистика какая-то!

Толя снова промолчал. Разговор о «трех составляющих» души Посланника увял. Такэда в силу своей врожденной тактичности не стал говорить в лоб, что третьим необходимым «ингредиентом» личности Посланника был романтизм, вернее, способность к «великой любви» в самом широком смысле этого слова, но Сухов должен был догадаться об этом сам.

Наутро после полуторачасовой зарядки-тренировки и завтрака зашел к гостям Зу-л-Кифл и повел их в пустыню, но не в «черные земли» со следами битвы воинства демонов и магов, а в другую сторону, к недалекой горной цепи. Уже через три километра песчаные дюны закончились, и с холма путешественникам открылся вид на оазис исключительной красоты, скрывавшийся в гигантском рифтовом разломе.

Глубина почти отвесных слоистых стен разлома достигала не менее двух километров. По его дну текла довольно широкая река серебристого цвета, берега которой поросли лесом знакомых светлокорых, с зонтичными кронами и листьями-метелками, деревьев. Кое-где сквозь заросли проглядывали сверкающие зеркала озер, красивые группы скал, искрящиеся слюдой оранжево-желтые языки и россыпи камней, а среди скал бродили гигантские бронированные звери, похожие на динозавров из мезозоя Земли, но отличные от них явным налетом осмысленной деятельности. Звери... строили пирамиду! Точно такого же гиганта Сухов и Такэда встретили на водопое после выхода из темпорала.

— Нгана-Суубха, — сказал Зу-л-Кифл, оглядывая долину

из-под козырька руки. Найдя то, что нужно, он вытянул руку вперед, сжав ее в кулак. С костяшек пальцев сорвалась ярко-зеленая молния и унеслась в долину. Не говоря больше ни слова, маг жестом пригласил землян следовать за ним.

Спуск в долину длился всего полчаса: тропа явно была создана искусственно, превращаясь иногда в широкую лестницу из ступеней-террас.

Такэда, размышлявший над последними словами мага («Нгана-Суубха» лингвер перевел как «Древние» или «Предтечи»), все-таки решился выяснить их значение, и Зу-л-Кифл, отвечая на вопрос, пояснил:

— В отличие от Земли на нашей планете существуют целых три ветви разума, причем Суубха — те самые бронезавры в долине — более древняя, чем человеческая. К сожалению, миллион лет назад они выступили на стороне первого Синклита Четырех, то есть на стороне Хаоса, что отбросило их эволюционно на сотни тысяч лет назад. Но среди них есть и гиганты мысли, опередившие собратьев на многие тысячи лет.

— Вы... симпатизируете им?

Зу-л-Кифл покосился на невозмутимую физиономию инженера.

— Дети не отвечают за преступления родителей, не так ли? Эта этическая норма почти универсальна. К тому же новая волна Суубха живет и мыслит по-новому. Они — мои друзья и помощники, как и Нгана.

— Э-э? — сказал Толя.

— Нгана — это растительная форма разума, рощи из «мыслящих» деревьев с зонтичной кроной. На Айгюптосе они появились сотни миллионов лет назад, гораздо раньше бронезавров Суубха.

— Мы заходили в одну из таких рощ, — сказал Никита, — но испугались пси-давления на мозг. Кстати, Суубха, которого мы встретили, уполз в рощу. Они живут в симбиозе?

— Не совсем, вернее, симбиоз односторонен: деревьям Суубха нужнее, а те вообще могут обойтись без Нгана, потому что питаются минералами.

— Мы идем к ним в гости?

— Каждая цивилизация во всех хронах имеет мыслителей высокого класса, опережающих соплеменников по уровню развития. Мы идем к такому мыслителю.

— Зачем?

— Я не всесилен. Для того чтобы помочь вам, мне необходима консультация. Да и не только.

Зу-л-Кифл вдруг замедлил шаг, нахмурился, глядя куда-то вверх, на стену каньона.

— Мне это начинает надоедать! Придется заняться ими всерьез.

Никита быстро глянул на перстень — в камне светилась перевернутая пентаграмма, «знак дьявола» — и перевел взгляд на скалу. На краю обрыва неподвижно высились три черные фигуры. И исчезли, словно удостоверившись в том, что их заметили.

— Выходит, они не ушли, — произнес Такэда, сжимая рукоять лазера. Как истый оруженосец, он продолжал носить с собой оружие «рыцаря» хардсан, нервайлер, вардзуни и транскоф, хотя покровительство мага в этом мире было нужнее любого оружия.

Зу-л-Кифл продолжил путь. Вскоре они достигли первых деревьев, вблизи которых Никита начал слышать странный «шепот», повернули вдоль реки, не обращая внимания на встречающихся бронезавров, провожающих их взглядами, и вышли к одной из пирамид, оказавшейся почти прозрачной, словно из стеклянных кирпичей. Шесть или семь особей Суубха, обступивших пирамиду, не обратили на людей никакого внимания. Они всматривались в прозрачную глубину, пребывая в странном гипнотическом трансе, напоминая группу курильщиков опиума.

Зу-л-Кифл обогнул пирамиду, вывел спутников к холму с живописной грудой камней, похожих на древние развалины, и жестом предложил сесть на обломки скал. Через некоторое время из рощи Нгана у подножия холма донесся шелест, из-за деревьев показалась апокалиптическая фигура ящера Суубха, одетая в чешуйчатую зеркальную броню. Над сидящими людьми нависла кошмарная, рогатая, со множеством наростов и светящихся деталей, но с умными, пронзительно-желтыми глазами морда зверя. Впрочем, после встречи с его глазами зверем эту громадину назвать уже не поворачивался язык.

— Суубха Сеттутеп приветствует Посланника, — раздался в голове Никиты тихий дружелюбный голос.

«Посланник приветствует Суубха Сеттутепа», — хотел ответить Сухов, но у него вдруг так сильно и болезненно задергало плечо со звездой Вести, что он забыл приготовленную фразу и схватился за него. В следующую секунду удивительно пронзительная ясность хлынула в голову — поразительная глубина понимания с у т и происходящего открылась перед в н у т р е н н и м взором Никиты. Вселенная вошла в его увеличившееся до необычайных размеров тело, и сам он превратился во Вселенную, ощущая ее колоссальную протяженность во времени и пространстве, изменчивость, пульсацию энергий и многомерных информационных потоков.

Длилось это состояние недолго, буквально долю секунды, затем жаркий вихрь боли очистил тело от чувств, а голову — от мыслей, оборвал сознание... также на долю секунды, и Сухов

ощутил себя стоящим на ватных ногах рядом с Зу-л-Кифлом; маг поддерживал его под локоть.

Пока он приходил в себя, между Суубха Сеттутепом и Зу-л-Кифлом произошел пси-разговор.

— Он слаб, — сказал мысленно бронезавр.

— Он способный ученик, и у него большой потенциал, — возразил маг.

— Человек по натуре эгоистичен и властолюбив. Вся история земного человечества подтверждает формулу: кто вкусил власти — никогда добровольно ее не отдаст. Если ваш гость найдет выход в эйдосферу, он обретет власть.

— Вы пессимист, Сетту. Земляне действительно двойственны по природе, как и хаббардианцы, однако они талантливые творцы и способны на великие деяния.

— Они подвержены резонансам: ненависти, злобе, страху, лжи...

— ...симпатии и любви.

— Я не одобряю вашего решения, архонт... но помогу ему.

— Я это знал.

— Да и я тоже. Он мне сразу понравился: нельзя лишать человека шанса. Пусть попробует.

Разговор этот длился четверть секунды. Никита остатком сверхчувствительного озарения уловил его, но из-за высокой скорости пси-обмена и объема передаваемой информации понять не сумел.

Аудиенция закончилась.

Зу-л-Кифл повернул Сухова лицом к спуску с холма и повел, спотыкающегося, вниз. Озадаченный Такэда засеменил следом, оглядываясь на задумчиво глядящего им вслед гиганта Суубха.

— Приходите еще, Посланник, — услышал Никита тот же голос. — Побеседуем.

Сил оглянуться не было, и Сухов ответил мысленно:

— Благодарю за прием, Сетту...

Зу-л-Кифл засмеялся, мысленно подмигивая бронезавру:

— Я же говорил, что он способный ученик.

Еще трижды приходил Сухов «на прием» к динозавроподобному мыслителю из породы Суубха, чей род был гораздо древнее расы Зу-л-Кифла, и каждый раз чувствовал себя все смелее, сильнее и раскованнее в диалоге с Вестью. Канал связи с эйдосом, колоссальным полем информации Веера, начал потихоньку подчиняться ему, хотя хрупкий человеческий организм вряд ли мог позволить полноценный контакт, для этого требовались энергии, по крайней мере, на порядок выше, чем давала химиче-

ская, окислительно-восстановительная энергосистема человека. И все же Никита не терял надежды, чувствуя пробуждение экстрасенсорного резерва и памяти поколений. Для полного подключения к Космосу, по его мнению, требовалось совсем немного времени.

Такэда не разделял его оптимизма, зная о ресурсах человеческого тела больше, чем танцор, однако ни на йоту не отклонялся от принципа: другу — все, в том числе поощрение и поддержку, себе — что останется. Даже видя развитие отношений Сухова с Селкит, он не счел себя вправе высказать порицание, хотя был уверен, что Ксения жива и ждет их. Где? Он не знал. Хохха молчала. Не знал о местонахождении художницы и Зу-л-Кифл, не удивившийся вопросу Такэды: маг знал, кто она такая и почему о ней печется «оруженосец» Посланника. Но помочь найти ее он не мог.

Толя и не ждал чуда, стоически воспринимая любые повороты судьбы, как своей собственной, так и друзей, хотя за них он переживал больше.

С интересом наблюдая взаимодействие Сухова и бронезавра Суубха по имени Сеттутеп, Толя пришел к выводу, что тот в какой-то мере исповедует принципы земных восточных цивилизаций. Если земная западная медицина лечила конкретную болезнь, то восточная — конкретного больного, и Сеттутеп пользовался второй моделью, идя путем психофизического отождествления с объектом исцеления, коим был Сухов. Правда, «исцелить» надо было, по мнению Толи, слишком много, причем избирательно, не касаясь этических норм и человеческой сути, но он надеялся, что Зу-л-Кифл не благословил бы этот контакт, предвидя отрицательный результат. На вопрос же Толи: «Почему не вы помогаете Посланнику овладеть новым знанием?» — маг ответил:

— Потому что Суубха сделает это лучше. По сути, вы шли к нему. Помните, Сухов говорил о некоем целителе-маге, который способен «включить» Весть? Информацию об этом целителе он расшифровал правильно, но неверно интерпретировал ее, посчитав, что я и есть тот самый целитель.

— Но ваша дочь говорила, что вы «излечиваете» мир.

— Она сказала правду. Но я лечу мир не как врач, а скорее, как ассенизатор, очищаю его от следов войны и контролирую попытки просачивания Хаоса. Что, кстати, не всегда удается.

Такэда подумал о трех функционерах ЧК, проникших на Айгюптос. Зу-л-Кифл согласно наклонил голову.

— Вы угадали. Конечно, на моей территории, то есть в моем хроне, они не могут открыто делать все, что им вздумается, но и я, в свою очередь, не могу запретить им посещать этот мир через

темпорал. — Маг с сомнением посмотрел на Толю. — Я вас не убедил, кажется, в вопросе с Посланником.

— В общем-то, не совсем, — признался инженер.

— Дело в том, что Сеттутеп — бывший Посланник. Он был Посланником еще до Битвы и с тех пор живет здесь, на родине, где родился и вырос. Его возраст достиг десяти тысяч лет. Но не это главное. Посланники отбираются Собором Веера по одному качеству, которое нельзя выразить одним словом земного языка. Ближе всех по значению слов, способных хоть как-то это качество обозначить, будут такие далекие по смыслу слова, как — индивидуализм, благородство, честолюбие, стыд, патриотизм, успех, слава, признание, искусство. Профессионализм, доброта.

— Так много?! — Такэда был потрясен.

— Немало. Но качество это синтезировано именно таким количеством понятий. И Суубха Сеттутеп работает с Суховым в резонансе, что намного ускоряет процесс.

«Кажется, я вступаю в область запретного для нормального человека знания, — подумал Такэда с мимолетным сожалением. — Скоро Никита сможет обходиться без моей помощи, а мне... мне придется вернуться на Землю. Что ж, у каждого свой путь. Хорошо, если Никите удастся избавиться от «мусора» вредных привычек и налета спеси. Вряд ли они входят в необходимые качества Посланника».

Как выяснилось уже в скором времени, Такэда не зря сомневался в скором исчезновении «мусора».

После очередного сеанса общения с Суубха Толя стал замечать любопытные вещи: то Сухов, сам того не замечая, перепрыгнул без разбега шестиметровую трещину в земле, то сломал кресло, упав в него с видом полного изнеможения, то замедлил полет бокала с напитком, так что тот не разбился. Никита уверенно приобретал навыки мага. А когда Толя сообщил ему о своих наблюдениях, танцор, поэкспериментировав на природе, поверил в свои силы и решил, что встреч с бронезавром достаточно. Тем более что и те маленькие чудеса. которыми он овладел, действовали на Селкит в превосходной степени.

Решение Сухова заставило Зу-л-Кифла отложить свои дела, отослать Селкит в одну из провинций якобы для выполнения неотложного задания и вызвать танцора на разговор. Выслушав доводы Никиты, маг не стал осуждать его открыто, зная, что упрямство от этого становится только крепче. Помолчав, он сказал:

— У вас на Земле существует притча о трех мастерах кунгфу. Слава о каждом из них обежала всю Поднебесную, и однажды они встретились, чтобы продемонстрировать свои искусства и выявить, чье мастерство выше. Собрав народ, они объявили о состязании, предложив бросать в них камни. Первый очень лов-

ко увертывался от града камней, так что в него никто не мог попасть, до второго камни просто не долетели, а в третьего мастера — Зу-л-Кифл совсем опустил веки, пряча проницательный взгляд, — никто не бросил ни одного камня.

— Спасибо, я понял, — нетерпеливо кивнул Никита; его мысли витали далеко отсюда. — Конечно, мне еще многому предстоит научиться, и все же с этим я справлюсь сам. Куда вы спрятали Селкит?

— Она помогает мне... в некотором роде.

— У меня ощущение, что вы прячете ее от меня.

Зу-л-Кифл нахмурился, затем вздохнул и сказал с грустью:

— У вас кружится голова, Посланник. Впрочем, как и у моей дочери. Но Суубха Сеттутеп прав: вы, люди, все еще живете в этическом неолите. Поступайте как хотите, но я бы все-таки посоветовал вам познать все свои возможности, чтобы не ошибаться в оценке ситуаций. Даже в нынешней.

— Вы так и не ответили на мой вопрос: вы согласны стать одним из Семерых или нет?

Зу-л-Кифл отвернулся от Сухова и прошелся вокруг бассейна с изумительной прозрачно-голубой водой, разговаривали они на «веранде» во дворце мага.

— В принципе я — на стороне сил закона, света, созидания и творчества, хотя и не за счет узурпации свободы и творческой инициативы других. Но Люцифер выступил не только против воли создателей, подвергнув смертельной опасности все цивилизации Шаданакара, но и против Универсальной Этики Веера, имеющей характер и силу закона, которому подчиняются хроны-Вселенные. Поэтому я с вами. В нужный момент я приду.

— Благодарю. — Никита сделал шаг к выходу, но остановился. — У вас есть какие-то принципиальные возражения против моих встреч с вашей дочерью?

— Принципиальных нет. Но...

— Я понял. Извините. Я найду ее. А завтра, вероятнее всего, покину ваш дом... и мир.

— Поступайте как знаете, Посланник, хотя я и не одобряю поспешных действий.

— Один вопрос. — Никита заколебался, руководствуясь ложной гордостью, ослепленный своими успехами в овладении Вестью. Но все-таки пересилил себя. — Мне все время талдычат об этике Пути, о поисках своего оружия, то есть меча... Почему обязательно меча? Разве меч — лучшее оружие?

— Вы убедитесь в этом при Посвящении, когда найдете его. Овладение мечом — это по сути овладение энергиями, необходимыми для преодоления Пути. И еще: ваш меч не только универсальное оружие, равного которому нет во всех Мирах Веера,

но и концентратор волевых усилий, генерирующих любое гипервоздействие, а также одновременно эффектор, реализующий эти воздействия. Я понятно выражаюсь?

— Более или менее, — кивнул Никита. — Еще раз спасибо за все.

Ушел он в менее радостном настроении, чем явился сюда, но Зу-л-Кифл скептически оценил свои усилия по воспитанию строптивца. Он знал, что мудрость не приходит мгновенно, как озарение, и Сухов все равно поступит по-своему.

Такэда дважды пытался уговорить друга продолжать контакты с бывшим Посланником, но Сухов был непреклонен. Каким образом он отыскал Селкит в горах Суангай, Толя не знал: может быть, с помощью Сеттутепа, а может, и сам, воспользовавшись новыми возможностями. Но вернулся танцор из похода в горы один, угрюмо-разочарованный, обиженно-злой, полный решимости добиться поставленной цели. Какой — не знал, наверное, он сам.

— Собирайся, — сказал он обрадованному Такэде. — Жив, неслух! Уходим.

— Прямо сейчас?

— А у тебя здесь остались какие-то дела?

— Нет, но... некрасиво как-то... уходить неожиданно. Попрощаться хотя бы надо.

— Зу-л-Кифл знает, а Селкит... с ней я... попрощался.

Толя с любопытством оглядел лицо Сухова, переодевшегося в голубой комбинезон, начал переодеваться сам.

— Ты что, поссорился с ней?

— С чего ты взял?

— На тебе лица нет.

Никита натянул комбинезон, поправил рукава, пояс, потом вдруг швырнул на пол нервайлер.

— Я вел себя как свинья!

— Ну это нормальное твое состояние, — произнес Толя.

Сухов шутки не принял. Он вообще ничего не слышал, заново переживая, видимо, встречу с Селкит. Но подробности встречи пересказывать не стал, заметил только:

— Она права. Нельзя обнимать одну, вспоминая при этом другую. Кто-то околдовал меня. То ли Селкит, то ли... Ксения. Не знаю. Но разберусь! — Последние слова Сухов произнес с угрозой, будто забивая гвоздь. — Готов, оруженосец?

Толя был готов. Однако он помнил и о другом.

— Те трое ждут нас где-то неподалеку.

— Пусть сунутся! — Глаза Никиты сверкнули. Он поднял вардзуни, и с наконечника копья слетел рой маленьких молний, вонзился в стену комнаты, проделав в ней множество отвер-

стий, образовавших буквы, которые в свою очередь сложились в слова: «До свидания, Седьмой!»

— Э-э... кхе-кхе, — сказал Такэда, прокашлялся. — Мне кажется, ты все равно не прав. Кое-чему ты, конечно, научился, спору нет, но осторожнее не стал.

— Следуй за мной, самурай.

— Куда? Разве мы пойдем к темпоралу пешком?

— Нет, но я хочу посмотреть на город в последний раз. Оттуда и прыгнем через транскоф.

Никто их не задерживал, не интересовался, куда они направляются, никто не смотрел им вслед. Такэде стало грустно, он не привык уходить, не поблагодарив за гостеприимство, однако и ссориться с упрямцем не хотел, подумав, что Зу-л-Кифл поймет их и простит. Он не знал, что маг давно определил все нюансы поведения землян и вычислил траекторию их «свободного полета».

Город встретил их зноем — Зу-л-Кифл снял метеорологический контроль — и неприятным сухим ветром, гнавшим по аллеям и площадям потоки текучей, похожей на зелено-серый дым пыли. Некоторые из этих потоков казались живыми, подолгу кружа возле людей, но Никита ничего не замечал, упорно шагая вперед, пока Толя не понял, что танцор идет к колодцу с призраком Веб-Шабель. Догнав, встал на его пути:

— Зачем тебе это?

Сухов остановился, с изумлением глядя на Толю, огляделся, провел рукой по лицу, словно стирая паутину.

— О дьявол! Где мы? Я же только хотел посмотреть на город сверху, на сфинксов...

Липкий, обволакивающий сознание страх пронзил Такэду, заставил оглянуться, схватиться за оружие. Закружилась голова, ноги стали рыхлыми и слабыми, будто из них вынули кости.

— Дьявол! — повторил Сухов спокойнее. — Он меня вел!

— Кто?

— Веб-Шабель... тень Люцифера. Надо же, какая могучая тварь!

— Не ходи туда. Зачем он тебе?

— Вопрос стоит так: зачем ему я. Может быть, затем, чтобы еще раз заглянуть в меня, попытаться подчинить изнутри... Хорошо, что это не сам Денница. Пожалуй, ты прав, к колодцу мы не пойдем. Но я не уверен, что не вернусь сюда.

Успокоившись, они сделали круг по городу, попрощались со сфинксами и храмами, постояли у моста, а возвращаясь, наткнулись на лошадиноголовых кинноров. Однако «кентавры наоборот» и на этот раз не стали нападать на людей, поглазев на

них с безопасного расстояния и растворившись в колоннаде ближайшего здания. Никита задумчиво смотрел им вслед, пока Толя не напомнил о себе. Тогда Сухов раскрыл транскоф, приготовился прыгнуть в зеркальный прямоугольник входа, но вдруг задержался и поднял голову:

— До встречи, Седьмой.

— До встречи, Посланник, — раздался из ниоткуда, с небес, могучий и грозный голос, так что дрогнули дома вокруг, сфинксы и даже земля. И Толя Такэда.

Никита вскинул руку, сжатую в кулак, и прыгнул в зеркало транскофа, держа наготове копье вардзуни, прошептав: «Не обижайся, Зу-л-Кифл». Такэда последовал за ним и не услышал, как невидимый маг засмеялся в ответ.

Глава 7

Программа новостей закончилась.

Толя поколдовал с переносным пультом, переключая каналы, но ни одна программа не заинтересовала его, и он выключил телевизор.

Из ванной вылез распаренный, разомлевший и счастливый, что наконец отвел душу, Никита, одетый в чужой махровый халат. Волосы его блестели, рассыпавшись по плечам. Он был тщательно выбрит, хотя и оставил бакенбарды, но отсутствие усов и бороды вернуло ему прежние двадцать с лишним лет.

— Что нового? — Кивок на телевизор.

— Ситуация стабилизируется медленно, — сказал Такэда, разглядывая похудевшее лицо танцора. — Видимо, наш друг Вуккуб за время нашего отсутствия мало что успел сделать. Во всяком случае, в Афганистане и Ираке он не был, война там длится до сих пор. Да и в Лиге не все в порядке, Закавказье все еще воюет.

— А у нас дома?

— Лиги в принципе больше не существует. Украина окончательно откололась, закапсулировалась, там сейчас режим не лучше, чем в фашистской Балтии. К сожалению, со сменой президентов границы не перестали существовать, как и таможни-волкодавы. Россия выживет, судя по стабилизации рубля и медленному, но подъему производства. Что тебя еще интересует?

Никита подошел к стене, на которой висела картина в стиле Константина Васильева: русский воин в кольчуге и доспехах срубает голову гиганту-татарину.

Новая квартира, в которой они находились, принадлежала

Роману, первому тренеру Никиты по росс дао. Хозяин отсутствовал, предоставив нежданным гостям все три комнаты, и друзья кайфовали, впервые за много месяцев почувствовав себя как дома.

— Что ты там увидел? — проворчал Толя, продолжая неторопливое чаепитие, от которого уже успел отвыкнуть.

— Эмоциональная вещь, — кивнул на картину Сухов. Отошел от нее и сел в кресло напротив Такэды. — Помнишь «видеомы» Вознесенского, поэта, так сказать? Я только сейчас понял, насколько этот «поэт» презирает и ненавидит своих читателей и зрителей. Ну не любишь ты себя и презираешь — Бог тебе судья! Но зачем же говорить об этом вслух? Это что — высокая поэзия? Сигарета в заднице — это высокое искусство?

— Поэзия дерьма.

— В самую точку, Оямович. Сатана его задери, Вознесенского. А хорошо быть дома, а, самурай? Конечно, в своей квартире я чувствовал бы себя лучше, но прошлого не вернуть. Кстати, и машина не помешала бы, а?

Такэда согласно кивнул.

— Кстати, а как мы расплатимся с Романом за квартиру, которую мы сожгли?

— Это твоя забота, ты мой квартирьер.

Сухов налил себе чаю и на время замолчал, блаженно отхлебывая пахучий напиток. А Толя вспомнил, как они возвращались на Землю...

Посыл транскофа на сей раз был точным (Никита научился управлять им без ошибок и сбоев) — вышли они прямо в камере сдвига, залитой сиреневым светом. Но Такэда оказался прав: их ждали.

Их ждали во всех помещениях темпорала, в том числе и в камере сдвига, и единственным преимуществом беглецов было их незнание того, что внутри темпорала нельзя применять оружие. Таков был один из основных законов жизни этого объекта, по сути — разумного, существующего сразу во всех Мирах Веера, выращенного искусственно в одном из хронов-лабораторий Люцифера, но «откорректированного» Семеркой магов-создателей после Битвы таким образом, чтобы сетью темпорала могли пользоваться не только демономаги: игвы, раругги, маги рангом пониже из «свиты Сатаны» и просто исполнители дьявольских приказов, но и законопослушные жители Веера.

Такэда вывалился из тоннеля транскофа в тот момент, когда Сухов барахтался под наброшенной на него двумя «коммандос» сетью, и с ходу выстрелил в одну из черных фигур из хардсана. Тусклый в сиреневом свете камеры луч пронзил «чекиста» на-

сквозь и воткнулся в стену кокона, образовав в ней яркую светящуюся опухоль. В то же мгновение внутри Такэды — не то в голове, не то в груди — лопнула граната боли, лишив его подвижности и контроля над мышцами. Видимо, то же самое, только в разной степени, почувствовали и все, кто находился в камере. Пронзенный лазерной трассой «коммандос» съежился, как проколотый воздушный шарик, но не лопнул, не упал и не умер, а его напарник отскочил к стене, растопырив руки — целых четыре! — как гигантский черный богомол.

Сухов выпростался из-под сети, поднял вардзуни, поморщился, потер виски:

— Чем это ты их угостил?

— Лазером.

— Такое впечатление, что ты выстрелил мне в ухо.

— Да и себе тоже. Наверное, это реакция темпорала.

— Да уж, наверное. — Никита навел вардзуни на замершего «чекиста». — Забирай приятеля и выметайся. Живо!

— Не надо. Энергия, — четко выговорил «чекист», лицо которого смертно белело из-под капюшона. — Мы уйдем. Еще энергия — небытие. Всем внутри. Независимо. Захлоп слоя. Небытие.

Сухов двинул копьем.

— Убирайтесь. Передай всем своим в коконе: чтобы через минуту ноги вашей здесь не было!

Четырехрукий монстр убрал под плащ нижнюю пару рук и, поддерживая приятеля, уменьшившегося в объеме втрое, вывел его из камеры. Опухоль на стене камеры перестала светиться и оплыла, рассосалась. Такэда почувствовал, что может двигать руками и ногами.

— Переведи, что он сказал.

— Я не знал, что здесь нельзя стрелять, то есть «выделять энергию». Темпорал может «обидеться» и схлопнуть местную станцию хроносдвига, уничтожив все и всех, кто находится внутри. «Небытие». Понял?

— Он что — живой?

— А разве ты не слышал его крика? Он многомерен и живет не так, как мы с тобой, но живет. Пожалуй, он единственное на весь Веер существо, живущее сразу во всех хронах.

Такэда помолчал, по-новому глядя на обстановку камеры темпорала, с удовольствием проводил тающий след боли в груди.

— По-моему, скучно ему тут... в неподвижности.

— Скучно? Не думаю. Он ощущает всю «лестницу» Шадана-кара, читает мысли всех существ, путешествующих по... по его нервной системе, если можно так выразиться, черпает инфор-

мацию во всех Мирах Веера... Он гораздо богаче нас с тобой, Оямович, а главное, терпеливее.

— Что-то я этого не ощутил — чуть сознание не потерял!

— А ты поставь себя на его место. Выдержал бы ты спокойно, скажем, неожиданный укол в задницу?

— Не знаю, — честно сознался Такэда. — Но я ограниченный человек, и мне трудно представить задницу у темпорала. Тому, что он — живое существо, я не очень удивляюсь, но наделять его чертами личности... не знаю, не знаю. Между прочим, если тебе об этом было известно, мог бы и предупредить.

— Ни сном ни духом! «Пакет» знания пришел только сейчас. Все-таки канал Вести срабатывает позже, чем надо. Извини, Отшельник, — обратился Сухов к потолку камеры, прислушиваясь; кивнул, словно получил ответ. — Нас простили. И ты кое в чем прав, Оямович, Отшельнику, наверное, скучновато жить в неподвижности. Ну-ка, пошли со мной, у меня идея.

Они вышли из камеры с сиреневым темным светом в медово светящийся коридор. Никого из «черных коммандос» здесь не оказалось. Никита уверенно направился по коридору налево.

— Как ты его назвал? — вспомнил Такэда.

— Отшельник, — улыбнулся Сухов. — Впрочем, имя — не главное, главное — что ты чувствуешь, когда его произносишь.

Толя не понял танцора, но переспрашивать не стал.

Коридор, извиваясь, как живой, вывел их к «складу». Правда, Толя не был уверен, что они шли: скорее всего, темпорал просто создавал иллюзию движения, демонстрируя возможности многомерного бытия.

Склад был как склад: множество светящихся ячей, с десяток — темных, указывающих на то, что ими пользуются. Никита огляделся и уверенно сунул руку в одну из шестиугольных крышек. С тихим шипением крышка погасла, расползлась желтым дымком, а из образовавшегося отверстия выпал какой-то суставчато-коленчатый сверток, тут же развернувшийся в жуткую четырехлапую и четырехугольную скелетоообразную фигуру из черно-зеленого чешуйчатого металла с крысиной на вид металлической головой. Замерла, развернувшись, как пустая шкура — без мышц и позвоночника. Вид она имела достаточно устрашающий.

Такэда, по привычке схватившийся за рукоять хардсана, хмыкнул.

— Скорлупа. Но похожа на скафандр... или на экзоскелетный костюм-механизм.

— Ты угадал, инженер, это именно экзоскелетон, устройство для увеличения мышечных усилий. Оно предназначено не

для человека, но для наших целей сгодится. Если бы это был скафандр типа тех, что носит команда Хуббата, можно было бы жить спокойно.

Никита шлепнул ладонью по морде механизма, и тот засеменил к выходу, как громадное насекомое. В таком порядке: механическая «шкура» — Сухов — Такэда они и вернулись к мигающей фиолетово-оранжевыми звездами двери камеры хроносдвига. Сухов поколдовал вокруг «шкуры», поглаживая ее то спереди, то с боков, то по голове, отобрал у Такэды хардсан и нервайлер, всунул их в лапы механизма, и тот затопал в камеру, равнодушный ко всему, что происходило вокруг. Скрылся за дверью.

— Надеюсь, он-то не живой? — сардонически осведомился Такэда. — Не родственник нашим друзьям из СС?

— Не родственник, — успокоил Толю Сухов, — обычный кибер с линейной программой, но худо-бедно команды кое-какие, альтернативно кодированные, может выполнять самостоятельно. Заходи. — Они вошли в камеру. — Я запрограммировал его на разминирование пути, если на Земле нас ждет засада. Что с тобой? — Последний вопрос Никита задал, заметив, что Толя смотрит на него со странным выражением.

— В твоем лексиконе появились необычные выражения: «кибер с линейной программой», «альтернативно кодированные», «экзоскелетон»... А ведь ты чистый гуманитарий, далекий от любой техники и инженерной терминологии.

— Совершенствуюсь, — отмахнулся Сухов. — Не рефлексируй, ничто научно-инженерное не чуждо и лирикам.

Камень эрцхаора на пальце танцора высветил в воздухе объемную фигуру, напоминающую пятиконечную звезду и человечка одновременно. Мерзкий чешуйчато-лапчатый механизм исчез. А потом в бездну хроноскважины провалились и люди...

Куда делся запрограммированный Суховым кибер, Такэда так и не понял. Они спокойно покинули камеру сдвига, забрались на склад, взяли варзуни и по тонкому кинжалу, который раскопал Никита, настроили транскоф, не покидая кокона темпорала, и вышли из такого же «дипломата» уже в трехмерной реальности Земли. Как оказалось, в доме Вуккуба, который, правда, отсутствовал, зато оставил им странную записку: «Посланник, берегитесь черных рук».

Задерживаться у Вуккуба не стали: переоделись по весеннему сезону в то, что было для них приготовлено, — Вуккуб явно знал, когда они вернутся, и даже оставил деньги, — и отправились в аэропорт Душанбе, удостоверившись, что никто за ними не следит. Через четыре часа уже были в Москве...

— Чай прекрасен, — сказал Никита, откидываясь на спинку кресла. — Ты мастер не только в цукими-юкими на татами, но и в чайной церемонии. Можешь наниматься в любой японский ресторан.

Сухов дразнил друга, пребывая в хорошем расположении духа, намекал на его «японскую половину» натуры. Цукими в переводе с японского означало любование луной, а юкими — любование снегом.

— Если хвалишь, говори — аната, что значит «вы», — назидательно проговорил Такэда. — Японцы вежливый народ.

— Этого у них не отнять, — согласился Никита. — Потому что они всех боятся.

Толя мгновенным движением кисти метнул в него чашку с остатками чая, но танцор без малейшего усилия поймал ее, не пролив при этом ни капли.

— Но вообще-то я бы поел чего-нибудь, — продолжал он тем же безмятежным тоном.

— Колдани, — предложил Такэда. — Колдун ты наконец или нет? У Романа все равно холодильник пуст.

— Во-первых, я не колдун, а во-вторых, ты сам говорил, что законы физики нашего хрона не позволяют работать магии слова, жеста и мысли. Разве нет?

— Наверное, да. Но существует такое понятие, как «порог мысленного контроля», и хотя в земных условиях, да и вообще в нашей Вселенной, он очень высок, преодолеть его можно. Преодолевает же Вуккуб.

— Значит, он маг более высокого класса. — Никита с подозрением глянул на Толю. — Что ты хочешь сказать? Что мне надо тренироваться в магии, чтобы сравняться с ним?

— Не сравняться, — покачал головой Такэда. — Превзойти.

— Надоело мне все, — нахмурился Сухов. — И советы, и дела, и заботы. Хочу в театр, в спортзал хочу, танцевать... танцор я, в конце концов, или нет?

— Танцор, — бесстрастно согласился Такэда.

Сухов долго смотрел на него, решая, насмехается над ним инженер или нет. Махнул рукой.

— Ясно. Безнадежен, да?

— Маме позвони, — посоветовал Толя, — или дай лучше телеграмму, что жив-здоров. Волнуется, поди.

Никита нахохлился, хорошего настроения как не бывало. Однако уйти в меланхолию ему не дал вернувшийся с ворохом пакетов Роман. Он пересказал все новости, какие узнал, обо всем, что было связано с судьбой Сухова и Такэды, однако новостей было мало. Ксения не появлялась, мастерскую ее забра-

ли под коммерческий магазин, никто ее не искал и не спрашивал. Квартиры Толи и Никиты давно принадлежали другим людям, которые ничуть не интересовались, кто в них жил раньше. В театре Сухова практически забыли, хотя о последнем его выступлении ходили легенды. Точно так же был предан забвению и Такэда, хотя сослуживцы все еще хранили в памяти образ «русифицированного» японца, эрудированного, выдержанного и тактичного.

— Но с тех пор как меня помяли, — продолжал рассказ Роман, — ни одного из обидчиков я больше не встретил. Исчезли вы, прекратились и странные происшествия.

— И все же ЦРУ работает, — проворчал Никита, показывая Толе перстень индикатора, в камне которого подрагивала россыпь желтых искр. — Да я и чувствую «качание» эфира.

— Что еще за ЦРУ? — полюбопытствовал Роман. — Зачем вы понадобились американской разведке?

— Это не американская разведка, — сказал Сухов. — Это информразведка.

— Точнее, психоразведка, — добавил Такэда.

Бывший тренер россдао подождал более подробных объяснений, не дождался и скрылся на кухне, объявив:

— Сейчас приготовлю поесть. Обычно я обедаю в центре, там хороший кофе, а ужин предпочитаю легкий.

— Не торопись, — посоветовал ему Никита. — Во-первых, уже время полдника, а во-вторых, предлагаю сходить в ресторан.

— Не возражаю, — подал голос Роман, гремя посудой.

— Я возражаю, — тихо сказал Такэда. — Зачем лезть на рожон, зная, что по следу идут две стаи — СС и ЧК?

— Отобьемся, — небрежно бросил Никита. — Так быстро они на нас выйти не должны, наш скелетообразный «авангард» шумит сейчас вверх по «лестнице» Шаданакара, и, пока его не накроют, мы свободны. А мне хочется подышать нормальной атмосферой. Выбирай ресторан.

— Я против.

В глазах Сухова мелькнул упрямый огонек.

— Баба Яга всегда против... Не хочешь — не ходи, мы сходим вдвоем с Ромой. Лично мне нравится Дом актера, но, поскольку меня там знали и могут вспомнить, — видишь, какой я осторожный? — пойдем в другой. Ресторан Центрального дома литераторов тебе подойдет? Тихо, уютно, спокойно.

Такэда смахнул с плеча невидимую пылинку, словно отгонял нечистого.

Недавно отреставрированный дубовый зал ресторана ЦДЛ и в самом деле был уютен и достаточно тих, несмотря на то, что ни одного свободного места не было. Правда, и писателей среди постоянных посетителей надо искать днем с огнем.

Как Сухову удалось уговорить администратора, чтобы она отдала им забронированный столик, осталось тайной, но в результате они сели слева, у камина, за столиком с красивой настольной лампой под оранжевым абажуром. Первое время Толя приглядывался к соседям, пытаясь сначала определить «контрразведчиков» ЦРУ, потом узнать знакомых писателей, однако попытки его не увенчались успехом, и он расслабился.

Заказали шампанское, «Киндзмараули», жюльен из шампиньонов, тарталетки с сыром и паштетом, севрюгу, телятину маренго и гювеч по-фракийски. Роман с сомнением заглянул в свое портмоне, но Никита похлопал его по плечу, успокаивая: денег Вуккуба хватало на месяц такого питания.

Выпив шампанского за встречу, все трое принялись за трапезу с одинаковым чувством голода. Роман рассказал о своих тренерских проблемах, потом о личной жизни, ожидая, что друзья в свою очередь расскажут о своих приключениях, но те молчали. Ничем не выказав своего разочарования, тренер перевел разговор на книжную тему, которую поддержал только Такэда. Никита почти не слушал, уйдя мыслями в себя, потягивая шампанское и односложно отвечая на вопросы в свой адрес. Наконец Роман насытился и задал вопрос, бесхитростный по сути, но провокационный по интонации:

— Ну и чему ты там научился, в своих странствиях?

Сухов, очнувшись от грез, понял тренера. Улыбнувшись, уронил бокал с вином и поймал его у самого пола, не разлив ни капли мускатного игристого. Затем достал из кармана сторублевую ассигнацию, подкинул в воздух и мгновенным, практически неразличимым для глаза, ударом пальца пронзил ее.

Роман цокнул языком, переглядываясь с Толей.

Никита поставил бокал с шампанским на салфетку, выдернул ее из-под бокала, так что тот не шелохнулся, снова подстелил салфетку, взялся двумя руками за ее края и... дернув вверх, как бы продел бокал в образовавшуюся круглую дыру. Круглый кусок салфетки остался под донышком бокала, абсолютно ровный, словно отштампованный на станке.

— Впечатляет.

— Фокусы, — проворчал Такэда, довольный тем не менее манипуляциями Сухова. Скосил глаза на зал: на них обратили внимание.

Никита кивнул, незаметно показал приятелям на камин, на

полке которого горела толстая витая свеча; до нее от столика было не менее трех метров. Сосредоточился, подняв руку ладонью к свече, и точным, бесшумным, невероятно быстрым толчком погасил свечу на расстоянии.

— Браво! — вполголоса похвалил Роман танцора.

— Интересно, где это и когда ты научился подобным трюкам? — осведомился Такэда.

— Это элементарно, — с показным равнодушием ответил Никита и не выдержал, засмеялся. — Сам же показывал мне «приветствие огня»[1], ну а я потихоньку работал. Пока я обрабатываю одну-две свечи, но дойду до максимума.

— Далеко пойдешь, — одобрительно сказал Роман. — Может быть, продемонстрируешь?

— Дома, — не согласился с предложением Толя. — И так на нас все смотрят. Пошли от греха подальше.

Допив кофе, они вышли на улицу Воровского.

— Останавливай такси, — сказал Сухов, оглянувшись на взрыв смеха и нестройных воплей: из арки дома на противоположной стороне улицы вывалила толпа парней и девушек.

— Черт! — сказал Роман. — Пошли отсюда. Терпеть не могу подобных компаний!

Но Такэда уже останавливал машину — красный «жигуль» девятой модели, приглашающе махнул рукой. В тот же момент один из парней, в рубахе нараспашку, в зеленых штанах и немыслимого фасона туфлях, оттолкнул его в сторону, а второй, верзила на две головы выше, сплюнул на куртку Толи и прогудел:

— Папаша, не путайся под ногами...

Больше произнести он ничего не успел. Такэда нанес ему один почти незаметный и несильный с виду удар, от которого верзила беззвучно лег на асфальт.

Компания перестала шуметь, пытаясь сориентироваться, но их было втрое больше, и инстинкт возобладал над трезвым расчетом. На Такэду бросились с трех сторон сразу. Двоих он встретил в стиле тангсудо — пальцами обеих рук, а третьего заблокировал в нырке, чуть не сломав ему шею. Но, во-первых, Толе мешал транскоф и спрятанное под курткой копье-вардзуни, с которыми он не расставался как верный оруженосец, а во-вторых, парней было еще много, и Никита вынужден был вмешаться, не обращая внимания на предостерегающий окрик Романа:

---

[1]Обработка свеч (от трех до семи) мастером кэмпо, при правильно построенном резком ударе пламя свечи издает характерный чмокающий звук («приветствие огня»).

— Ник, это, наверное, ловушка!

Но на этот раз все обошлось: компания была как компания — алкоголь, гонор, злоба, трусливая жестокость и ни капли интеллекта. Таких веселящихся групп нынешний социум рождал множество, чтобы хоть как-то уравновесить появление одного таланта или просто доброго человека.

Никита не напрягался особенно, утихомиривая разбушевавшуюся полупьяную стихию, и Роман еще раз убедился в возросшем мастерстве танцора. Двум парням Сухов мгновенно связал руки их же собственными куртками, третьему дал пощечину, от которой тот заверещал, как заяц, а четвертый получил щелчок в лоб, заставивший его сесть на тротуар с тупым удивлением на лице. На этом инцидент был исчерпан, если не считать ругани и угроз, причем девицы ругались больше парней.

Поскольку владелец «девятки» удрал сразу же после начала конфликта, пришлось останавливать другую машину. Никто уже не мешал, юное воинство, ропща, но без эксцессов, приходило в себя, и троица уехала спокойно.

— Мы в Москве полдня, а уже успели нарваться на неприятности, — брюзгливо заметил Такэда. — Тебе это ни о чем не говорит?

— Извини, что вмешался, — примирительным тоном сказал Никита. — Конечно, ты бы справился и сам.

— Я не о том. Надо уходить отсюда, вообще с Земли. Зу-л-Кифл предупреждал: любое перемещение мага по сети темпорала моментально лоцируется. Нас наверняка уже засекли. А ЧК в отличие от СС предупреждать тебя не станет: выстрел в спину — и прощай, Посланник.

— Именно так, — сказал вдруг шофер, направляя на Сухова, сидевшего с Такэдой на заднем сиденье, тупорылый револьвер.

Все трое замерли как громом пораженные, пока такси мчалось по тоннелю под Тверской, и каждый по-своему реагировал на ситуацию. Менее всех к неожиданности оказался подготовленным Сухов. И хотя экстрарезерв его сработал и растянул время, отчего танцор видел все как бы при замедленном повторе: неторопливое, даже ленивое движение пальца, нажимающего на курок, движение барабана, поворот головы шофера — но сделать он ничего не смог бы. Зато оказался на высоте Такэда, в момент выстрела толкнувший Сухова в бок и одновременно руку с револьвером («браунинг» 9,01) вверх. После этого в действие вмешался Роман, точным ударом в шею усыпив шофера и перехватив управление. Такси остановилось в переулке за магазином «Диета», и пассажиры, проверив, не видел ли кто их появления, выскочили из машины и перебежали на другую сторону улицы. Через минуту Толя остановил еще одно такси, и до

района, где жил Роман, ехали молча, в напряжении, перепугав своим поведением таксиста до смерти.

— В с е л е н и е, — сказал Такэда, когда они уже подходили к дому. — Нас нашли. Если бы это был живой «чекист», ты был бы уже мертв.

— Черт! — выругался в сердцах тренер. — Неужели все так серьезно? Я думал, все утихло, нормализовалось.

Такэда посмотрел на него, но обратился к мрачному Сухову.

— Надо уходить, Кит. Ксении здесь нет, Вуккуб тоже ничем помочь не сможет, да и занят он своими делами. Мы только теряем время.

— Роман, проверьте, пожалуйста, квартиру, — сказал Никита. — Наверное, Оямович прав. Посидим у вас полчаса, прикинем план действий и уйдем.

Тренер молча исчез в подъезде. Через десять минут появился снова.

— Никого, никаких следов, все тихо.

Они поднялись в квартиру Романа, еще раз обшарили все углы с эрцхаором, но рисунок звезд в камне перстня не изменился: никто здесь не появлялся и не внедрялся в предметы быта.

— Поразительно, как быстро нас нашли, — сказал Никита, осознавая наконец, какой опасности он избежал благодаря Толе. — Спасибо, Оямович, я теперь твой крестник.

— Поэтому и надо побыстрей сматываться отсюда.

Сухов не успел ответить, как в дверь позвонили.

Друзья переглянулись. Никита поднес к глазам индикатор, Такэда выхватил вардзуни, протянул ему, жестом предложил скрыться в спальне.

— Я открою? — сделал шаг в прихожую Роман.

Сухов, поглядывающий то на дверь, то на перстень, вдруг побледнел: камень стал черным, а в его глубине разгорелся и замигал круглый желтый глаз. В следующее мгновение дверь открылась сама, и в гостиную с криком «Ник, это я!» ворвалась Ксения в невообразимо красивом, переливающемся огнями платье.

Никита попятился, направив девушке в грудь замерцавшее голубым сиянием острие вардзуни. Глянул на перстень, мотнул головой, проговорил хрипло:

— Стой, где стоишь! Ты не Ксения.

Девушка рассмеялась, и в тот же миг платье с нее исчезло, а сама она в течение нескольких мгновений приняла поочередно облик Тааль, Селкит и Заавель, пока странным и страшным образом все черты этих женщин не перемешались в ней, создав синтетический образ совершенной красоты! Снова раздался смех гостьи, низкий, волнующий, торжественно-довольный.

— Поздравляю, Посланник, ты явно вырос и продолжаешь прогрессировать. Это становится забавным. Не пора ли тебя остановить? Или посмотреть, что будет дальше?

Роман сделал движение к ней, и женщина, одетая в кисейно-черный комбинезон с бегающими по ткани искрами, небрежно качнула в его сторону пальчиком.

Роман замер на полушаге.

— У тебя хорошие друзья, — продолжала гостья, черты лица которой п л ы л и: то это была индианка Тааль, то — Заавель, то Селкит, то Ксения. — Но помочь тебе они не смогут. Я слышала, ты хорошо танцуешь и даже заслужил кубок кемтессий на Айгюптосе. Не станцуешь ли для меня?

— Гиибель, — прошептал стоявший неподвижно Такэда, внешне спокойный, но ловивший момент, чтобы прыгнуть.

Женщина посмотрела на него, погрозила пальцем, как и Роману.

— Не стоит пытаться, Наблюдатель. — Повернулась к Никите. — Ну что, пошли, танцор?

Взгляд Сухова вспыхнул. Он сделал над собой какое-то жестокое внутреннее усилие и вдруг с ног до головы покрылся сеточкой голубых молний. Гиибель с удивлением подняла брови, отступила на шаг.

— Посланник, ты противишься м о е й воле?!

Лицо Сухова тоже стало голубым и как бы прозрачным, волосы поднялись облаком над головой, и длинная голубая искра упала с них на пол.

— Уходи! — твердо, гортанным голосом произнес Никита. — На Земле, в м о е м хроне, твоя власть имеет пределы. Может быть, я и станцую когда-нибудь, но только для н а с т о я щей Гиибели, а не для ее трехмерного воплощения.

По телу гостьи пробежала волна ряби, искажая лицо и пропорции, превращая ее в колеблющийся сгусток световых волн. Этот сгусток со смехом выскользнул из гостиной, и все стихло.

Никита еще несколько секунд прислушивался к звукам в коридоре, продолжая светиться и постреливать искрами, потом разом погас и без сил рухнул в кресло, выронив копье.

— Еще бы немного, и я...

— Кто это был? — зашевелился, едва не упав, Роман.

— Гиибель, — пробормотал Такэда, обнаружив, что у него тоже дрожат ноги. — Одна из Великих игв, демономаг. Но ты гигант, Сухов! Я уж думал — кранты!

— Это была не она, — покачал головой Сухов. — Всего лишь ее «проекция», тень, так сказать, призрак, обладающий в некоторой степени свободой воли. Он пытался воздействовать на нас психоэнергетически.

— То-то я заснул, — почесал затылок тренер.

— Слава Богу, что ему не удалось в полной мере!

— Ему это удалось, — сказал Сухов.

— Что?! Как?

— Он... или все-таки она? Короче, дубль Гиибели снял всю нашу мысленную картину, и теперь игвы знают, что мы затеваем.

— О Сусаноо! — пробормотал Такэда — Что же нам делать?

— Продолжать Путь. — Никита невыразительно улыбнулся. — Ты был прав, надо было задержаться у Зу-л-Кифла, потренироваться с Суубха Сеттутеном. Но что сделано, то сделано. Идем в Мир Свентаны, за мечом. М о и м мечом.

— Свентана... знакомое имя... Твоя знакомая?

— Свентана — это Русь, Оямович. Святая Русь!

Вершина 5

МАСТЕР-ПОСЛАННИК

Глава 1

Наверное, им все еще везло. Хотя Такэда совершенно точно знал, что цепь их невероятного «везения» создана ценой достаточно серьезных усилий множества разумных существ системы подстраховки, задействованной Собором Веера задолго до появления на Земле человечества. «Интересно, — подумал инженер, — какое место в этой системе занимает Вуккуб? Или его помощь никем не запланирована?»

Они успели попрощаться с Романом, взвалить на его плечи связь с мамой Сухова, а также продолжение поисков Ксении, выбрались на лестничную площадку, когда вдруг сработал индикатор на пальце Никиты.

— Что? — насторожился Такэда.

— Охотники, — коротко отозвался Сухов, ткнул пальцем вверх, предлагая подняться на этаж выше.

— Допустим, мы от них оторвемся, но это не значит, что они не оставят в темпорале засаду, как в прошлый раз.

— Да, нервайлер нам сейчас пригодился бы. Хотя я не знаю, как отреагировал бы на его излучение Отшельник и как оно подействовало бы на «чекистов».

Беглецы поднялись на последний этаж, прислушиваясь к шумам лифта. Снизу по лестнице тяжело поднимались двое, как минимум еще один сторожил лифт, и неизвестно сколько ждало на улице.

«Хоть бы Романа не убили, — подумал Толя, ужасаясь, что не может помочь тренеру. — Интересно, у них есть аппаратура узнавания личности или нет? Что-нибудь вроде биолокационного комплекса, идентификатора личности». Шепотом спросил об этом Сухова.

— Скорее всего они — сами себе аппараты локации и поиска на всех возможных диапазонах, — так же шепотом ответил Никита. — Посторожи минуту, я попробую определиться.

Он застыл с окаменевшим от внутреннего напряжения лицом, глаза остекленели, сосредоточились на чем-то сугубо лич-

ном, почернели. И почти тотчас же ожили. Сухова шатнуло, так что он вынужден был опереться на плечо инженера.

— На чердаке их нет, но на крыше соседнего дома сидит снайпер. Придется снова уходить через транскоф.

Они поднялись по металлической лестнице на чердак, выдернув замок из ветхих петель, и развернули «дипломат» транскофа. Охотникам ЧК не хватило буквально нескольких секунд, чтобы застать беглецов во время перехода. Зато у них были свои транскофы, и в коконе темпорала они появились почти одновременно. Четверо против двоих у двери в камеру хроносдвига.

Никита и Толя повернулись лицом к преследователям, те остановились — четыре черные фигуры с нечеткими пятнами лиц в прорезях капюшонов, — и наступила такая тишина, что, как потом образно выразился Такэда, «стал слышен шорох тени, бегущей по пятам».

— Прыгай, я их задержу, — быстро проговорил Толя и вдруг словно окаменел, превратился в статую, не в силах сделать ни одного движения.

Удар пси-поля получил и Никита, но он был уже готов к атаке подобного рода и с успехом отразил импульс, чувствуя, как вспыхнувшее бешенство освобождает канал Вести от барьера проницаемости и в голову, в сердце, в тело вливаются колоссальные силы и знание.

Стоявший впереди черный гигант отшатнулся, вскидывая руки, но Сухов не дал ему времени сотворить заклятие, то есть реализовать формулу магического воздействия, он просто толкнул всю четверку демонов, развернул их внутрь самих себя, толком не осознавая, что делает. И охотники ЧК исчезли! Они съежились со звуком вылетевших из бутылок с шампанским пробок, превратились в черные скрученные жгуты, в сосульки, в дымные струи!

Сила, сдерживающая Такэду на месте, исчезла, и он с криком «Банзай!» прыгнул вперед. Остановился в растерянности, но быстро сориентировался:

— Как я их, а?! Топаем отсюда, меченый, пока другие не подоспели.

Никита, с сожалением цеплявшийся за тускнеющий «хвостик» парасвязи с эйдосферой Веера, еще помня чувство колоссального объема поля информации, поля мысли, развернувшегося перед ним, с трудом заставил себя вернуться на «грешную землю». Что-то мешало ему думать о деле. Какая-то заноза в памяти, нечто нематериальное — след присутствия чужой мысли. И лишь в камере хроносдвига, к счастью пустой, заполненной лишь сиреневым дымным светом, Никита понял: и на этот раз ему помогли! Кто — неизвестно, то ли Вуккуб, то ли кто из ма-

гов, давших слово собраться в нужный момент, в «час ноль». Но способ помощи был более тонок, чем прежние: ему «подсунули» сатори — озарение, включив чуть ли не весь запас клеток мозга на анализ поступающей извне информации.

— Вряд ли я смог бы сделать это сам, — вслух заключил Сухов.

— Что именно? — покосился на него Такэда.

— Ничего. — Никита встряхнулся, посмотрел вверх. — Отшельник, не ты ли это сделал? — Подождал ответа, но темпорал молчал. — Что ж, когда-нибудь я это узнаю.

Перстень эрцхаора на пальце Сухова выдавил из себя зелено-желтый крестик, превратившийся в объемную пятиконечную звезду, и тотчас же перед людьми открылся «тоннель хроноструны», соединяющий Миры Веера.

«Кишка Отшельника», — пришло на ум Толе неожиданное сравнение, а потом долгое падение в бездну прервало приятный процесс самооценки.

Мир, в котором они вышли из темпорала, был, очевидно, близок к тем мирам, где происходила Битва сил Закона и Хаоса, близок не по оценке линейных мер и расстояний — по временному сдвигу. Поэтому планета с коконом Отшельника хоть и уберeглась от прямого разрушения, но вследствие расползания ткани пространства под напором «эманаций» Хаоса «заболела».

Никита угрюмо взирал на необыкновенный ландшафт, вызывающий ассоциации нездоровой атмосферы, хронического страдания и застарелой тоски: земля оплыла фестонами, руинообразными холмами и грибовидными взгорками, между которыми поблескивали лужи с плавающими по воде островками грязно-зеленой пены, желтели ядовитые болотца с хилой растительностью или чернели щетинистые рощицы растений, укутанных густой «шерстью» колючек. И цвета здесь преобладали унылые: все оттенки коричневого, серого, желтого, зеленовато-бурые и ржавые. Лишь небо над головой было ровное, желтое, плотное на вид, без единого облачка, но с тремя более светлыми горизонтальными полосками над горизонтом, олицетворявшими, по всей видимости, светило. Атмосфера планеты была плотнее земной, но с меньшим содержанием кислорода, и дышалось в ней как в бане, несмотря на довольно низкую — градусов десять выше нуля — температуру. Путешественники не сразу привыкли к этой особенности воздуха, ошеломленные к тому же конгломератами незнакомых запахов.

Темпорал в этом мире стоял, вернее, рос как дерево — он и был похож на дерево, на земной кактус, — на вершине единст-

венной на всю округу скалы высотой метров в сто, с плоской, будто срезанной вершиной, площадью со стадион. Слой мягкой земли на скале был невелик, но позволил расти косматой зелено-желтой траве и кустарнику, похожему на спутанные клубки шерсти. Кроме того, в центре площадки, неподалеку от кокона, торчал из земли странной формы камень, похожий на скрюченного, одетого в серую хламиду человечка. Никита задержал на нем оценивающий взгляд — показалось, что «человечек» шевелится, но голос Такэды отвлек его:

— Куда ты меня завел, Сусанин?

Никита глянул вниз, на безрадостный пейзаж, пробормотал:

— Неужели я ошибся? А ну-ка дай хохху.

Толя вытащил из кармана Вуккубовой куртки хрустальную бабочку портсигара.

— У меня не осталось ни клочка бумаги.

— Обойдемся. — Сухов развернул портсигар, накрыл углубления в прозрачных перепончатых крылышках ладонями и застыл на несколько секунд.

Такэде показалось, что руки танцора тоже стали прозрачными, как и хрусталь хронорации, он мигнул, и наваждение пропало. Сухов открыл глаза.

— Все правильно, мы на месте.

— Где именно? Или это секрет?

Вместо ответа Никита отдал хохху Толе, подошел к скрюченному каменному «человечку» и тронул его за плечо. «Человечек» вдруг раскрылся как плащ и опал на землю тонким кожисто-перепончатым покрывалом. Внутри он был пуст.

— Понял теперь?

— Я понял, что это вовсе не камень.

— Это диморфант, вернее, останки диморфанта, существа, способного заменить скафандр. Вся команда Хуббата щеголяет в таких костюмчиках, выдерживающих любые физические воздействия.

— Что ж он не помог Хуббату в мире Истуутуки?

— Я толком и сам не знаю, но, похоже, лемур Истуутука воздействовал не на Хуббата, а на диморфанта, то есть как бы приказал ему напрямую. Впрочем, законы Шаданакара неисповедимы.

Такэда хмыкнул:

— Значит, и нас могут так же остановить в случае чего?

— Трюк, выполненный Истуутукой, может пройти лишь однажды. Информация об этом ушла в эйдос, и теперь диморфанты предупреждены.

— Почти убедил. Но не очень-то он впечатляющ с виду, кожа есть кожа.

— Эта «кожа» выдержит ядерный взрыв.

— Тогда ты ошибаешься в принципах ее работы: без магии такая ткань ядерный взрыв не выдержит. Я не спорю, — заторопился Толя, видя, что Никита начинает сердиться, — но пока мы будем их искать, нас найдут раньше. И почему ты уверен, что эти твои диморфанты станут нам служить?

— Для их популяции это единственный шанс уцелеть... если только она давно не вымерла. А служить им, к сожалению, все равно кому, моральные категории добра и зла им неведомы.

Никита поднял над головой руку с перстнем, из которого во все стороны посыпались изумрудные искры. Такэде показалось, что он слышит тонкий прерывистый свист и одновременно низкий басовитый гул, будто где-то неподалеку заработали сразу два генератора: ультразвука и звука сверхнизкой частоты. «Эрцхаор, — сообразил Толя. — Надо же, а я и не знал, что он способен на такое».

Подождав немного, Никита с разочарованием опустил руку с погасшим перстнем.

— Кажется, мечте твоей не осуществиться.

— Моей? — удивился Такэда. — Какой мечте?

— Пожить в симбиозе с негуманоидной дамой, представляющей собой скафандр высшей защиты. Разве нет?

— О да, мечтал всю жизнь, — остался невозмутимым Толя.

Что-то прошуршало за спиной, под обрывом. Такэда рывком обернулся и отпрыгнул назад, чуть не сбив с ног занятого какими-то манипуляциями Сухова. Над краем скалы виднелась чья-то странная, полуптичья-полурыбья голова с плоским утиным клювом, вытянутая вперед, в чешуе, с кольцами серебристого пуха вокруг глаз, круглых, с огромными зрачками, немигающих, в которых стоял вопрос и ожидание.

— Знакомься, — с облегчением сказал Никита. — Диморфант... э-э... имя ты ему дашь сам.

Такэда, скосив на него глаза, понял, что танцор «говорит с Космосом»: лицо у Сухова напряглось, приобрело сходство с лицом Зу-л-Кифла, тяжелым и властным.

— Подойди, — четко выговорил Сухов не своим, гортанно-звучным, глубоким, каким-то «объемным» голосом, не открывая рта. Команда относилась к существу над обрывом, но была столь твердой, что даже Такэда послушался, впрочем, опомнившись тут же и сообразив, что «услышал» не голос друга, а мысленный приказ.

Над краем скалы показались плечи диморфанта, потом туловище, бесформенное и плоское, с двумя боковыми отростками в виде крыльев. Казалось, движется не живое существо, а

мохнато-чешуйчатый оживший халат с капюшоном, надетый на вешалку.

— Это твой хозяин и друг, — раздались внутри Толи «слова» пси-языка Сухова, понятного, очевидно, и диморфанту.

— Прикоснись к нему, — скороговоркой произнес Никита уже нормальным голосом, — а то сбежит. Их уничтожили столько после Битвы, причем бессмысленно, совершенно по-человечески, что выживание стало второй жизненной программой.

— А ты говоришь, они неуязвимы...

— Они неуязвимы для любого физического воздействия, но не для любого магического. Хотя, если эти уцелели, значит, они приспособились сопротивляться и магам.

— И все-таки здесь какой-то парадокс.

Такэда, повинуясь больше взгляду Сухова, нежели собственному рассудку, придвинулся к «халату на вешалке» и заставил себя коснуться лоснящегося, словно смазанного жиром и в то же время совершенно сухого плеча. Его пронизало удивительное ощущение: нечто похожее на электрический разряд, но разряд не физический, а эмоциональный, уместивший в одном мгновении растерянность, страх, удивление, восторг, блаженство и покой! И огромное облегчение.

— Сусаноо! — вырвалось у Такэды.

Никита издал суховатый смешок.

— Пусть будет Сусаноо... хотя Сусанин звучит не хуже.

— Нет, я его не... — начал Толя, и не думавший называть диморфанта именем японского бога ветра и грозы, но подумал немного и согласился. — Действительно, почему бы и не Сусаноо? Японскому господину — японского слугу. Что дальше?

— Коснись еще раз и мысленно представь, что он твой костюм, плащ или пальто, на что хватит фантазии, остальное он сделает сам.

Такэда с сомнением посмотрел на диморфанта, по телу которого бежала рябь.

— Что это с ним? Нервничает? А вдруг он псих? И вообще болен?

— Он просто доволен, Оямович, радуется жизни. Кстати, костюм можешь снять, хотя он и не помешает.

Такэда послушался. Раздевался он быстро, чувствуя себя неуютно и стесненно, зажал в руке хохху, расческу, носовой платок и портмоне с деньгами, которые им одолжил Вуккуб. Затем, словно ныряя в холодную воду, дотронулся до «руки» диморфанта. И снова получил нервный укол, удивительным образом передавший ему чувства существа-скафандра: радость, дружелюбие, жадное ожидание и готовность повиноваться. В следующее мгновение диморфант окутал его со всех сторон, претерпел

быструю трансформацию, выхватывая из памяти хозяина полуосознанные желания того типа одежды, который соответствовал его вкусу, и...

Сухов сзади захохотал.

Такэда оглядел себя спереди и с боков, невольно глянул на давящегося смехом Никиту.

— Что смешного?

— Ты уни... ка... лен! — в четыре приема ответил тот.

Диморфант превратился в великолепный костюм дипломата: безукоризненной формы черный костюм, ослепительно белая рубашка, галстук, лакированные туфли.

Поразмышляв немного, прислушиваясь к ощущениям и чувствуя необыкновенную легкость в теле и душевный подъем, Такэда неуверенно позвал: «Суса... э-э... ноо?»

Диморфант выдал порцию эмоций: легкое недоумение, согласие, заботливость, одобрение, удовлетворение — и Толя с изумлением обнаружил, что уже одет в кроссовки и точно такой же джинсовый костюм, который только что снял. Живой скафандр реагировал на его мысли быстрее, чем он сам.

— Вот теперь нормально, — произнес слабым голосом Сухов, отсмеявшись. — Наверное, всю свою бессознательную жизнь ты мечтал стать дипломатом. Или коммерсантом. А ну подпрыгни.

Такэда озадаченно глянул на друга, помедлил слегка, подпрыгнул.

— Не так. Представь, что тебе надо вспрыгнуть на трехметровую стену.

Толя представил... и сумасшедшая сила бросила его вверх на четыре с лишним метра... и ловко поставила на ноги, когда он оттуда свалился.

— Ну как?

— Чтоб я сдох! — Такэда опомнился. — А ты как же?

— Я одет.

Только теперь инженер обратил внимание на второй ворох одежды. Никита переоделся, хотя выглядел как и прежде.

— Когда ты успел?

— Посланник я или погулять вышел? Ладно, закончили примерку. С экипировкой все в порядке, теперь дело за малым: меч и конь. Меч я знаю, где искать, вернее, знаю хрон, а вот с конем дело сложнее. Но что-нибудь придумаем. Ты не против, если мы оседлаем жругра?

— Кого? — не поверил ушам Такэда.

— Черненького такого, страшненького, на них еще эти смешные демончики ездили, игвы Великие. Помнишь, на Айгюптосе

мы видели одного... разрубленного вдоль. Симпатичный такой монстрик.

— Ты с ума сошел!

— Может быть, — согласился Никита. Лицо его отвердело. — Но без него... или другого подобного «коня» нам далеко не уплыть, Оямович. Драться нам придется на полном серьезе, причем в многомерных мирах, а чтобы драться на равных с игвами, надо обладать хотя бы такими же возможностями и свободой передвижения. Ты думаешь, мы ушли от ЧК?

— А разве нет?

— Мы ушли от их псов. «Чекисты» — маги, хотя и более низкого ранга, чем Великие игвы, и если бы вышли на нас самостоятельно... Те, от кого мы отбились, — их охотничьи с о б а ки. В какой-то степени мыслящие, хотя и не по-человечески, обладающие относительной свободой выбора и цели, но собаки, овчарки, волкодавы, так сказать. Мне вообще кажется, что у них всего один хозяин-маг, так же как и они не знающий жалости.

— Собаки, — попробовал слово на вкус Такэда. — Я предполагал нечто подобное. — Он передернул плечами и почувствовал, как чья-то рука ободряюще похлопала его по плечу — это отреагировал диморфант. — Позволь вопрос, о Посланник!

— Говори, — надменно воздел подбородок Сухов.

— Я всего лишь глупый Наблюдатель, о Посланник, и не гожусь даже в оруженосцы. Я не понял, почему наши друзья-диморфанты (теплое прикосновение к затылку) отыскались так быстро.

Никита не выдержал первым, засмеялся, но сразу же согнал улыбку с лица.

— Они ждали нас, Оямович, и ждали долго. Ждали, потому что им приказали ждать Посланника и его спутника задолго до моего и твоего рождения. О системе подстраховки, подчиненной Соборной Душе Веера, ты знаешь и сам, но я убедился в ее реальности час назад, когда мы выбирались из квартиры Романа, хотя мог бы догадаться и раньше, слишком уж разительны были случаи везения. Что ж, ум мой не столь остер, как хотелось бы. Зато приятно сознавать, что не только у демонов Синклита существует система контроля, включающая разведку, контрразведку, службу информации и отряд подстраховки. Причем не хуже, чем у них. Хотя, с другой стороны, невесело открывать истину, что мой путь предопределен. Пусть и не на все сто процентов. Ты это знал?

— Естественно, — кивнул Такэда. — Наблюдатель я или погулять вышел? И рад, что ты не комплексуешь. Твой путь действительно был предопределен в какой-то мере, и бригаде под-

страховки пришлось попотеть, оберегая тебя до поры до времени, чтобы ты до всего дошел сам.

— Выбор Посланника был твой?

— Нет, это действительно случайный выбор Вестника, но я мог дать отрицательную рекомендацию.

— Вот почему тебя мучили сомнения. А я думал — из-за Ксении... что ты ревнуешь.

— Прозрел наконец? — Толя не стал говорить, что в вопросе с Ксенией Никита оказался провидцем. Но вряд ли узнает об этом. — Правда, до настоящего Посланника тебе далековато. — Толя поднял руку, останавливая Никиту. — Не обижайся, выслушай. Я пока твой друг и имею право на правду.

Ты не самый храбрый из людей, не самый сильный, не самый умный, не самый добрый и решительный, поэтому тебе, чтобы выжить и дойти до цели, надо научиться думать, планировать, изворачиваться, искать выход из самой безнадежной ситуации. Если на спасение будет один шанс из миллиона, ты обязан воспользоваться им, и мысль о поражении просто не должна прийти тебе в голову. В принципе, Зу-л-Кифл уже говорил тебе об этом. Зато я всегда буду рядом. Это все...

Никита открыл рот, чтобы пошутить, и закрыл. Вид у Такэды был необычным, лицо оставалось спокойным, но он волновался.

— Да, Зу-л-Кифл зрил в корень. Наверное, оба вы правы. Но я тебя не совсем... ты говоришь таким тоном...

— Потому что в скором времени не смогу тебя сопровождать, ни в качестве советника, ни в качестве оруженосца. Я простой смертный, Кит, и не в состоянии следовать за Посланником в ад многомерия. Хотя буду настаивать на этом.

Лицо Никиты просветлело.

— Вон ты о чем... ну это мы еще поглядим, Оямович. Может, и ты сможешь.

— Вряд ли, — раздался сзади чей-то невыразительный, равнодушный голос.

Такэда стремительно обернулся.

Из дупла дерева-темпорала спрыгнул на землю Хуббат, предводитель «свиты Сатаны», за ним еще четверо, такие же равнодушные, громадные, мощные и грозные.

— Я ждал тебя, брат Вуккуба, — спокойно сказал Никита, и в голосе его не было страха.

Они стояли друг напротив друга, ощутимо сильные, исполненные решимости — в силу разных обстоятельств — и уверенности, но если Хуббат не видел перед собой достойного против-

ника и не был щепетилен в вопросах морали, то Сухов, наоборот, знал, с кем имеет дело, и не испытывал к нему враждебных чувств.

Хуббат был вооружен хабубом и держал трезубец остриями к противнику, копье-вардзуни Никиты торчало у него под мышкой, направленное наконечником в лицо раругга.

Такэда представил, что сейчас произойдет, и украдкой оглядел сопровождавшую вожака СС четверку. В случае поражения Сухова шансов спастись у инженера не было, но сдаваться без боя он не собирался. Незаметно вытащив свой кинжал-стилет, который таскал с собой все время, Толя приготовился к схватке с хладнокровием самурая, задумавшего харакири.

Хуббат метнул трезубец без предупреждения, хотя слово «метнул» не отражало действительности: просто все три острых и длинных зуба его оружия, засияв, вдруг устремились к Никите, метя в голову, грудь и живот.

Но и Сухов действовал не менее быстро: с острия вардзуни сорвались три извивающихся молнии и вонзились в летящие стрелы трезубца. Три неярких, но шипящих и визжащих вспышки возникли в десятке метров перед людьми и пропали. «Стрелы» хабуба исчезли. Противники как ни в чем не бывало стояли друг против друга с оружием в руках. Хабуб снова сиял тремя остриями стрел-ракет (видимо, перезаряжался он автоматически), и наконечник вардзуни ронял на землю капли голубого свечения. На лице Хуббата проступила озабоченность, Никита улыбался.

— Попробуем еще, Триглав?

Вспыхнули три факела ослепляющего пламени — стрелы сорвались с «древка» трезубца, и еще раз, и еще. Девять раз вспыхивали леденящие душу, выжигающие глаза, почти бесшумные взрывы, но ни одна из стрел-ракет не долетела до цели. А если бы долетела!.. Даже в полусотне шагов от сражавшихся Такэда ощутил жуткую мощь этих стрел, способных расколоть гору величиной с Эверест, а ведь Хуббат стрелял в стоящего в десяти шагах танцора в упор!

«Вовремя мы надели диморфанты», — подумал Такэда с облегчением и получил благодарность от Сусаноо в виде ласкового прикосновения к спине мягкой кошачьей лапы.

— Поговорим? — все так же улыбаясь, предложил Никита. — Я не хочу тебя убивать, раругг.

— Нам не о чем разговаривать, я просто делаю свое дело, — тяжело произнес Хуббат. Он ничего не сказал своим помощникам, не сделал ни одного жеста, но один из них вдруг поднял свой хабуб, и Такэда мгновенно метнул в него стилет.

Тонкое жало клинка вошло оперативнику в висок, но он все

же выстрелил, хотя и неточно: три молнии ушли в сторону болота, и через несколько секунд три гигантских смерча, черно-белых, с голубыми просверками, выросли на горизонте, вонзились в небо, расплываясь зонтиками фиолетово-синего дыма и короной молнии. Загрохотало, вздрогнула равнина, скала с темпоралом и людьми закачалась, словно готовая рухнуть.

Оперативник с кинжалом в голове упал на колено, однако почти сразу же вскочил, вырвал клинок из головы и повернулся к побледневшему Такэде. Голова его стала менять форму, разделилась на три вертикальных слоя, два из которых взбугрились изнутри десятком шишек, превращаясь в две жуткие морды, а третий, с дырой от кинжала — оплыл, словно вытек в воротник. Затем морды соединились в одну фигуру, шишки разгладились, голова вытянулась, посветлела, два лишних глаза втянулись в нее, как и два хищных носа, миг — и на объятого ужасом инженера глядело человеческое лицо. Без всякого выражения. И это было страшнее всего.

— Успокой своих клевретов, — посоветовал Сухов.

Хуббат снова промолчал, но четверка его помощников замерла, отвернувшись от Такэды.

— Да, ты многому научился, — неохотно признался раругг наконец. — Я ошибся в тебе тогда, а ошибки надо исправлять.

— Поздно, Триглав. Моя магическая вооруженность еще слаба, но и ее достаточно, чтобы противостоять тебе и твоей команде.

— Вардзуни — не твое оружие, как и шиххиртх.

— Я не профессиональный Посланник, о блюститель этики боя, и только защищаюсь. Вряд ли ты, будучи на моем месте и владея шиххиртхом, не пустил бы его в ход. Не выполнил свою главную задачу — уйди с дороги.

— Уйти — значит у й т и, Посланник, а я не привык сдаваться.

— Уйти — не значит умереть, раругг, хотя для этого потребуется, может быть, больше мужества и воли. Я знаю твою родословную и знаю также, что ты не всегда был на стороне Великих игв. Чем они тебя соблазнили, что предложили?

— Нет смысла обсуждать этот вопрос. Продолжим бой, Посланник, кто-то из нас должен исчезнуть.

— Я понял. Власть? — Никита погрустнел. — Они обещали а б с о л ю т н у ю власть? Да, это мощный стимул. Прав был Зу-л-Кифл: тот, кто вкусил власти, особенно власти над живыми существами, никогда добровольно ее не отдаст. Но ведь в молодости ты сражался с драконами, Триглав, защищал свою родину. Неужели и тут правы мудрецы, открывшие формулу: кто слишком долго сражается с драконами, сам становится драконом?

— Ты... знаком... с Зу-л-Кифлом? — медленно проговорил Хуббат.

Никита не успел ответить: четверка серых демонов внезапно повернула к темпоралу, а Хуббат бросился на Сухова с мечом, явно отвлекая его от этого маневра, не давая времени на размышления. Но в действие вмешалась сила, которой никто не ждал, в том числе и сам Сухов.

«Эсэсовцы», не добежав до темпорала, вдруг попадали на бегу, словно срубленные деревья, и остались лежать, а сверху на скалу спикировала гигантская птица и превратилась в слегка улыбающегося бронзовотелого... Уэ-Уэтеотля, первый меч Астаамтотля, командира контрразведки императора Тлауискальпантекутли, повелителя Дома Утренней Зари, бывшего мужа жрицы Тааль. Он подошел к застывшему Хуббату, покачал головой, сказал с едва уловимым оттенком превосходства:

— Может, сразишься со мной, хаббардианец?

Хуббат кинул в него меч, но индеец сделал какой-то быстрый жест, и раругг с криком «Нет!» стал уменьшаться, оплывать, сворачиваться, превращаться в гладкую глыбу мутного стекла, пока не превратился в маленький зеленовато-белый шарик. Уэ-Уэтеотль сделал похожий жест в сторону лежащих ничком оперативников СС, подождал, пока не закончится процесс превращения живых существ в стеклянные шарики, подобрал их, небрежно вогнал один в другой и спрятал оставшийся, как фокусник, у себя за ухом. Сказал ровным голосом:

— Вы сделали ошибку, Посланник, сообщив ему о своей встрече с Зу-л-Кифлом. Ликвидировать вас, а тем более мага Айгюптоса он был не в состоянии, но мог сообщить о вашем договоре Великим ингвам, и Собору Шаданакара пришлось бы искать нового Посланника и другую Семерку.

Кровь бросилась Никите в лицо. Он понял, зачем Хуббат затеял отступление со стрельбой.

— Прости, Уэтль, и спасибо за помощь.

— Самонадеянность — не есть признак силы, Посланник. Прими этот упрек и в дальнейшем старайся не поддаваться человеческим слабостям.

— Я постараюсь. — Никита сдержал язык, готовый оправдываться и дальше, и кивнул на ухо индейца. — А что ты сделал с ними?

— Ничего, — тонко улыбнулся Уэ-Уэтеотль. — Изолировал на некоторое время. Раругги не жестоки по натуре, они просто равнодушны, почти как игвы, к любым этическим системам, именно поэтому их век прошел. Если можно достаточно долго оставаться на одном уровне добра, то нельзя — на одном уровне

равнодушия. Раругги сами не заметили, как скатились в потенциальную яму зла. Итак, до встречи, Посланник!

— Как, ты уже уходишь?!

— У меня много дел. — Индеец подал руку Никите, потом Такэде, подмигнул им и, подпрыгнув, взлетел огромной, сверкающей золотом и алмазами птицей. Кругами пошел в небо. Исчез.

Друзья посмотрели друг на друга, и вид их был настолько озадаченный, что оба рассмеялись. Потом Такэда сказал:

— Ты знал, что он тебе поможет?

— Чувствовал, но подумал о Зу-л-Кифле.

— Я думаю, тебя подстраховал тот, кто был ближе или меньше занят. Кстати... — Толя не договорил.

На скалу со свистом падала птица, расправила крылья у самой поверхности, так что воздушная волна едва не свалила людей с ног, с небес раздался голос Уэ-Уэтеотля:

— Я узнал, где Ксения, Посланник, она жива, все хорошо, но точных координат не дам. Жди сообщений.

Птица — не то орел, не то гигантский кондор — взмыла в небо и затерялась в его тусклом свечении.

— Где она?! — крикнул потрясенный Сухов во весь голос, выходя из столбняка. — Уэтль, где она?!

— Не кричи, — посоветовал Такэда. — Все равно он не скажет, если даже и знает. Ведь ты побежал бы сразу туда и наломал дров. Нет? Главное, что она жива, отыщем.

Никита хватанул ртом воздух, кинул на Толю бешеный взгляд и успокоился, хотя сердце продолжало оглушительный бой и звало в поход за любимой.

— Спасибо, — уже совсем тихо произнес Никита, обращаясь к небу.

«Пожалуйста», — долетел бестелесный мысленный голос мага.

Глава 2

Когда Никита и Толя вылезли из-под земли на Божий свет, их обоих разобрал смех: темпорал в этом мире был замаскирован под медвежью берлогу.

— Хорош был бы местный охотник, вздумав поохотиться на медведя, — сказал Толя, озираясь. Принюхался. — По-моему, здесь весна, а, меченый? Пахнет весной... и еще чем-то.

— Древностью, — буркнул Никита, принюхиваясь и прислушиваясь всеми своими паранормальными органами чувств. — И смертью. Может быть, здесь и весна, тепло во всяком случае.

Они стояли в сосновом лесу с примесью лиственничных —

клена, дуба и ольхи. Суборь — пришло слово из лексикона древних славян. Лес был невероятно стар, судя по огромным замшелым стволам, валежнику и непроходимым зарослям дикой малины, гигантского папоротника и крапивы. И был весь он пропитан запахом таинственности и застарелого страха, запахом ужаса и тоски, создавая подспудное ощущение чьего-то незримого присутствия. Его взгляд проникал в душу, в тело, раздражал, будоражил, заставлял оглядываться, потеть, ждать удара в спину и не выпускать из рук оружие...

Такэда сжал кулаки, длинно выдохнул сквозь зубы, успокаиваясь, и невольно понизил голос.

— А лес-то заколдован, Сухов. Мы не ошиблись адресом?

— Нет, — с мрачной уверенностью ответил Никита, закончив биопространственную локацию. — Это хрон Свентаны и Олирны, мир Вселенной, где реализованы законы магической физики, где живут колдуны, ведьмы, упыри, вурдалаки, драконы и химеры. Мир, где спрятан мой меч. И еще здесь живет один из Семерых. Видишь? — Он показал Толе перстень, пульсирующий зеленой пятиконечной звездой. — Но лес действительно жутковат и неуютен. Будем выбираться и спрашивать дорогу. Твой лингвер уцелел?

— По-моему, он стал частью тела, я о нем забыл даже. Но если это мир, где лежит твой... вернее, меч Святогора, который может стать твоим, то нам придется туго. За нами будет охотиться вся нечистая рать Люцифера.

— Так ведь и наши дремать не будут, подстрахуют, если что. Не дрейфь, Наблюдатель, прорвемся.

Такэда не дрейфил, дрейфил сам Сухов, но пытался приободриться, чувствуя гигантские залежи зла на планете, сохранившиеся со времени Битвы и дремлющие до поры до времени. А может быть, и не дремлющие.

В этом мире склад темпорала был пуст. То есть в нем не было ничего: ни транскофа, ни оружия, ни пищевых концентратов, ни прочих нужных вещей. То ли все было разобрано за тысячи лет путешествий неведомыми странниками, то ли здешний выход был задуман пустым изначально. Факт оставался фактом, и землянам ничего не оставалось делать, как выходить в путь налегке и даже без вардзуни, с помощью которого Никита отбил атаки Хуббата. Копье осталось разряженным на родине диморфантов, признавших землян хозяевами и сидевших на них, как вторая кожа. И от их молчаливого одобрения всех поступков, ощущения тепла, скрытой силы и неуязвимости становилось спокойнее.

Сухов сориентировался, владея «волчьим» чутьем магнитного поля, и путешественники решительно направили стопы на

север. Путь в любую другую сторону света был, очевидно, не хуже, но Никита ко всему прочему искал обладателя магического поля, а в северной стороне потенциал магиполя был выше.

Однако строго на север держать направление не удалось. Сначала на пути попалось огромное болото с бездонными трясинами, замаскированными под веселые зеленые лужайки или мшаники с россыпями ягод — водяники, морошки и клюквы. Болото было мрачным и странным, потому что деревья, огромные, толстенные, седые от древности, росли и на нем, причем почти с той густотой, что и в обычном лесу, однако пересечь его оказалось невозможно.

Затем лес вдруг расступился, и путешественники вышли на край безбрежного пространства, назвать которое полем или равниной не поворачивался язык. Оно напоминало ноздреватый пласт сгоревшего торфа и было покрыто шрамами и язвами черного, фиолетового, серо-серебристого и ржаво-красного цвета. Ничего на этом поле не росло: ни трава, ни кустарник, и лишь пересекавший его ручей с водой кофейно-розового цвета оживлял пейзаж да редкая цепочка гигантских серых башен по краю поля, исчезавшая за горизонтом.

Никита облизнул губы, чувствуя давление на психику, неприятное томление и даже тошноту. Голова закружилась, в ушах поплыл комариный звон, и кто-то настойчиво стучался в виски, умоляя «впустить» и одновременно пытаясь подчинить себе, заставить повиноваться.

— Слишком высок уровень пси-активности, — прошелестело в ушах, вернее, в костях черепа за ушами, это заговорил диморфант, которому Никита дал имя Зипун. Тотчас же в голове отчетливо «подул сквознячок» и вынес большинство негативных ощущений. Осталась лишь тревожная «дымка» да присутствие взгляда в спину.

Видимо, диморфант Такэды Сусаноо тоже включил пси-защиту, потому что инженер тихонько пошипел и с видимым облегчением расправил плечи.

— Что, действует? — поинтересовался Сухов, подразумевая защиту.

— Еще как! — ответил Толя, имея в виду это жуткое, навевающее ужас место. — Похоже, и здесь воевали когда-то. А ты говоришь — Святая Русь!

— Ей досталось больше всех. — Никита закрыл глаза, сосредоточился, голубая искорка проскочила в его волосах. — Она воюет до сих пор, ибо торчит у Синклита Четырех как кость в горле, рождая творцов и магов, воинов-защитников и просто добрых людей. — Голос танцора упал до шепота, а над ним встал

полупрозрачный столб голубоватого сияния и взорвался кольцами и дугами, рванувшими во все стороны.

Никита погас, ссутулился, но тут же выпрямился, поддерживаемый диморфантом.

— Это Чертово Кладбище! Местность соответствует земному Коростеню, а ручей — реке Уше, которая впадает в Днепр возле Чернобыля. Не знаю, совпадение это или нет, но Битва предтеч произошла именно здесь.

— Ты имеешь в виду Чернобыльскую зону? Скорее всего они связаны если и не причинно, то информационно. Отсюда утечка информации о Битве докатилась по Мирам Веера и до Земли. А что это за башни? Издали каждая из них похожа на ступу Бабы Яги.

Вместо ответа Никита направился вдоль лесной опушки к ближайшей из башен, и вскоре она нависла над ними ощутимо тяжелым серым монолитом, с виду — из пористого бетона или, скорее, из чугуна. Поверхность ее была изрыта ямками ветровой или временной коррозии и не имела ни окон, ни дверей, ни намеков на таковые. Лишь наверху, на высоте десятиэтажного дома, имелась выдавленная впадина, здорово смахивающая на след человеческой ладони.

Пси-фон у башни был еще сильнее, чем на равнине, и диморфанты-скафандры трудились вовсю, защищая друзей-хозяев от внешнего воздействия, имеющего злобную основу страха, угрозы и ненависти.

Никита дотронулся до стены башни, отдернул руку. Побледнев, покачал головой:

— Надо же, как долго держится радиация!

— Что? Они радиоактивны?

— Я имею в виду радиацию ненависти, зла. Это могильники, Оямович, в них хранится прах погибших демонов и магов, выступавших на стороне Люцифера. Чуешь эманации? Мощность излучения столь велика, что никто вблизи его бы не выдержал. И стоять им вечно, если кто-нибудь когда-нибудь не попробует оживить этот прах.

— А это... возможно?

— Кто знает?

— Тогда кто-то уже пытался.

— Что ты хочешь сказать? — оглянулся Сухов. Такэда показал на дальний край поля, где высились два омерзительного вида холма.

— Две башни разрушены.

Никита долго смотрел на холмы из-под руки, потом обошел башню и направился к лесу. Такэда передернул плечами и, оглядываясь, чувствуя мерзкий и липкий взгляд, быстро догнал

танцора. То и дело наплывало ощущение, будто погребенный в башне прах монстра собирается в призрачную жуткую фигуру, которая оживает и вот-вот выберется из своей гробницы.

— Как ты узнал о могильниках и о самом поле? Весть? Почему бы тебе таким же манером не выйти на мага?

— Пробовал, не получается. Может быть, экранирует здешнее пси-поле, может, он не хочет себя обнаруживать, как Уэтль на Астаамтотле. Я же говорил, Русь неспокойная и все время защищается, хотя в отличие от земной победила и хазарский каганат, и гуннов, готов и печенегов, варягов и половцев, норманнов, и балтов, и татаро-монголов. Здесь, в этом мире, на планете, которой дали название Олирна, Свентана-Русь еще не знала плена и рабства, хотя нашествия идут волна за волной, разве что география вторжений другая, да климат, да названия племен и народов слегка отличаются от земных. Кстати, Книга Бездн, осколки которой Вуккуб собирает по всем хронам, а не только на Земле, пишется здесь.

Такэда, сраженный этим известием, присвистнул.

Они углубились в лес, но не успели пройти и километра, как вышли на тропу, где их ждал сгорбившийся, но тем не менее высокий, выше Никиты, седой как лунь старик с длинной белой бородой. Он был одет в такой же седой, как он сам, меховой тулуп, опирался на посох руками в черных перчатках, а на плече у него сидел филин и зорко глядел на приближающихся людей умными желтыми глазами. Старик казался суровым, спокойным и доброжелательным, одно почему-то отталкивало. Стоял он неподвижно и прочно, будто специально поджидал землян.

— Приветствую вас, добрые люди, — слегка поклонился старик. Голос его шел, казалось, из груди, басовито-хриплый, тихий и выразительный, и говорил он по-русски! То есть слова звучали как русские, хотя и с удивительным акцентом, налетом древности и исчезнувших понятий. Лингвер лишь уточнял смысл речи, а не переводил.

— Кто бы вы ни были, людины или обели[1], мир вам.

— Мир и вам, — поклонился Никита, украдкой глянув на эрцхаор, в глубине камня плыли, переходя друг в друга, искаженные геометрические фигуры — треугольники, квадраты, ромбы. Индикатор почему-то никак не мог определить, кто перед ними, друг или враг.

— Ищете кого, чужестранцы? — задал вопрос старик. Филин на его плече встрепенулся, мигнул, открыл клюв, прошипел

[1]Обель — холоп, раб; людин — вольный человек (*др.-рус.*).

нечто вроде: «Гыхр-ухух-ищщах», быстро-быстро задышал зобом и снова замер.

«Чужестранцы», — повторил про себя Никита, не зная, что отвечать. А старик-то непрост. Не удивился, встретив их в глухом лесу, это раз. Не удивился ни нашей речи, ни костюмам, это два. Кстати, следовало бы костюмам придать форму здешних одежд. И что он здесь делает, возле Чертова Кладбища? Где никто не живет?

— Ищем, дедушка, — ответил танцор наконец. — Дорогу в стольный град.

— Стало быть, стольный град, — в раздумье повторил старик. — Далеконько вам идти, странники. До Древлянска, стольного града нашего великого князя Мстиши, более трехсот верст будет, да все лесом, буреломом, болотами. А трактом ежели идти — крюк будет верст в сто, да лихие люди — ватага на ватаге, да звери дикие. В такой одежонке и без оружия не дойдете, чужеземцы.

— А что вы нам посоветуете, дедушка? Может нам помочь кто-нибудь? Коней дать, одолжить?

— На конях оно, конечно, быстрее будет, однако кто ж вам их даст? Но советом помочь могу. Версты через три тропинка приведет вас в урему[1]. Как доберетесь, свертайте ошуюю[2] и выйдете к избе, там живет моя знакомая...

— Баба Яга, — буркнул Такэда.

Старик сверкнул глазами, а филин заорал, снова проскрипел несколько невнятных слов и затих.

— Откуда вы ее знаете?

— Слухом земля полнится, — улыбнулся Никита, сообразив, что Толя своей шуткой попал в точку. — Спасибо за совет.

Старик поднял посох, направляя его в грудь Сухова. Тот напрягся, заставляя диморфанта увеличить защитный потенциал, но ничего не произошло. Конец посоха, светящийся, как головешка, отклонился влево.

— Туда не ходите, заблудитесь в едоме[3], а того хуже — увязнете в зело пакостной мшаре[4].

— Спасибо, дедушка. Как вас звать-величать?

— Витий Праселк. — Старик слегка ударил посохом по тропинке... и оказался за десять шагов дальше, хотя не сделал ни единого движения. Стоял и смотрел из-под кустистых бровей на

[1]Урема — поемный лес.
[2]Налево.
[3]Едома — лесная глушь.
[4]Мшара — мшистое болото.

обалдевших землян строго и задумчиво. Еще раз ударил посохом о землю — переместился метров на пятнадцать дальше, за кусты. Затем совсем исчез.

— Витий, — сказал Такэда сипло, — это, по-моему, не имя, а от слова «витьство» — колдовство. Значит, встречал нас колдун, волхв. На чьей он стороне, как ты думаешь?

— Черная рука, — пробормотал Никита. — Ты разве не заметил? У него была черная рука, словно в перчатке.

— То, о чем нас предупреждал Вуккуб. Дьявол! Быстро они нас вычисляют. Только странно: если он — охотник, «чекист», почему он не напал? На безоружных?

— Забыл спросить. Хотя странно, конечно. Может, я ошибаюсь. Но рука у него действительно была черная.

— Значит, к его знакомой Бабе Яге не пойдем?

— Отчего же, сходим, любопытно посмотреть на старушку, о которой столько сказано в русском фольклоре. Соответствует ли образ? К тому же попытка не пытка, вдруг да получим помощь?

Такэда хмыкнул:

— Да и мне интересно, честно говоря. В крайнем случае, за неимением Ивашки, скормишь ей меня.

Никита свернул с тропинки в лес в направлении, в котором волхв Праселк велел им идти. Толя шагнул за ним и шарахнулся в сторону, вскрикнув: прямо перед ним, буквально в сантиметре от ботинка, вылетела из-под земли длинная стрела с раскаленным докрасна острием и с гудением ушла в небо. По лесу раскатился дребезжащий струнный звук, зашумели сосны, словно от порыва ветра.

— Ты чего? — выбежал из-за дерева Сухов.

Такэда коротко рассказал, в чем дело, пытаясь разглядеть в кронах деревьев стрелу, но ничего не увидел. Назад стрела не вернулась. Вдвоем они осмотрели землю в месте, где она вылетела, но обнаружили лишь круглое отверстие с кулак человека, уходящее на неизвестную глубину.

— Охотничья ловушка? — предположил Такэда.

— Не уверен, — помрачнел Никита. — Пока нас охраняют диморфанты, такие ловушки не страшны, но расслабляться не стоит. Уж быстрей бы вооружиться.

— Да уж, с голыми руками против здешних колдунов недолго выстоишь.

Друзья углубились в лес, сторожко приглядываясь к любым подозрительным теням, и вскоре действительно вышли к болоту, Праселк не обманул. Повернули вдоль зелено-оранжевой кромки мхов налево, но не успели пройти и километра, как наткнулись на огромный, величиной с вагон, замшелый камень с

выбитой на нем надписью. Буквы были крупные, неровные и смахивали на китайские иероглифы, но кое-какие из них напоминали буквы древнерусского алфавита. Никита очистил шершавый каменный бок от лилового налета лишайника, вглядываясь в строки.

— Кажется, это предупреждение или дорожный знак: направо поедешь — коня потеряешь... ну и так далее.

— Надо же, как точны русские сказки! — восхитился Такэда. — А поточней расшифровать можешь?

— Не уверен, а с каналом Вести связываться лишний раз не хочу, энергии тратится слишком много.

— Может быть, я вам помогу, добрые люди? — раздался сзади, со стороны болота, тонкий девичий голосок.

Приятели оглянулись, автоматически принимая стойки, каждый свою: Такэда в стиле айкидо, Никита в стиле россдао.

На кочке, посреди зеленой от ряски болотной полянки, сидела обнаженная девушка с распущенными по плечам зелеными волосами. Кожа у нее была не то чтобы зеленая, но шафрановая, бархатистая на вид, как бы светящаяся изнутри, волосы сверху охватывал венок из лилий и кувшинок, точно такие же венки охватывали талию и тонкие запястья, ноги прятались в воде, под ряской, и глаз невольно искал рыбий хвост. Лицо у девушки, по сути девочки, было прозрачно-салатное, с огромными темно-зелеными глазами, как и полные губы, но Сухову не показалось это неприятным.

— Что уставились? — засмеялась девица, показав изумрудно светящиеся зубы. — Лимнады не видели?

— Ага, — сказал Такэда хладнокровно. — Лимнады, кажется, нимфы болот?

Зеленоволосая снова засмеялась, уперлась в кочку рукой, заложила ногу за ногу, показав вместо ступни лягушачью лапу с перепонками. У Никиты мороз прошел по коже от этого открытия, хотя он вроде и был готов к подобным вещам.

— Куда путь держите, молодцы? Меня с собой не возьмете? Разговариваете вы чудно, на два голоса, но я вижу — добрые.

— Да мы сами не знаем, куда идем, — признался Никита. — Если бы ты нам верную дорогу указала.

— На дороге стоит и дорогу спрашивает. — Колокольчики смеха рассыпались по болоту. — Вот же Страж-камень перед вами, он путь и укажет.

— А ты разве нездешняя?

— Здешняя-то я здешняя. — Девица слегка опечалилась. — Да ведь я только по болотам живу.

— Нам тут встретился дедушка один, суровый такой, с филином, назвался Праселком...

Девица сиганула с кочки в воду, причем без брызг и плеска, потом высунулась по плечи, сухая на вид, будто не из воды вынырнула.

— Беда, что вы встретили Праселка, витий он, злой и хитрый. Лонись[1] на моих сестер трясцу[2] нагнал, много людей в болотах утопил...

Никита почесал затылок, посмотрел на Такэду.

— А он нам показался нормальным стариком, суровым только. Подсказал, как найти подмогу, к своей родственнице послал.

— Какой? Уж не к Ягойой ли?

— Как-как? У нас в сказ... мы знаем Бабу Ягу, костяную ногу. Не она?

— Она самая, Ягойой. И ноги у нее костяные, разрыв-травы не боятся, и голова то добрая, то равнодушная, то злая. Если встретит злая, тогда вы пропали. А как он вам идти велел? Там же торунь к ней, то есть тропа, есть.

— Посоветовал идти прямо, потом свернуть налево, вдоль болота.

— Как же, посоветовал. Там живут трясея и хрипуша, попали бы к ним — уже не выбрались бы. Да и на поляне, где изба Ягойой стоит, трава растет — разрыв-трава называется, у людей ноги отрывает.

— Так уж и отрывает, — усмехнулся Никита.

— А ты не смейся, красивый, лучше послушайся, не ходи туда. Комоня не потеряешь, бо пешец ты, но полжизни оставишь. Страж-камень не зря стоит, витязей предупреждает.

— Что ж он в глухом лесу стоит?

— Так ведь по тракту этому уже почитай тыщу лет никто не ездит. Старый Сол-разбойник и тот помер от скуки, детки остались, двое — Инф и Ульт. Глядите, не наскочите на них, повадки-то у них старого остались. Но если все-таки не послушаетесь, глядите в оба, не то братьями моими станете... когда вас в болото кинут.

Лимнада нырнула, потом спустя несколько секунд вынырнула уже у дальнего края трясины. Лицо у нее было совсем печальное.

— Я бы поплакала по вас, у людей подсмотрела, да плакать не умею.

— Как звать-то тебя, кудрявая? — спросил Такэда.

— Глая. — Девушка сделала жест, как бы отталкивая кого-то, и тихо, без всплеска, ушла под воду.

---

[1] В прошлом году.

[2] Т р я с ц а — лихорадка.

Путешественники переглянулись.

— Ох и умеешь ты производить впечатление на баб, — сказал Такэда завистливо. — Если уж эта зеленокожая загляделась!

Сухов рассмеялся, но не слишком весело. Он не знал, кому верить, старику с филином или зеленоволосой девчонке с ногами лягушки. А интуиция ничего не подсказывала.

— Эх, забыл у нее спросить об этих подземных стрелах! — в сердцах топнул ногой Такэда. Подошел к камню, потрогал надпись пальцем. — Жаль, что наш лингвер не видит ничего, он бы перевел.

Никита очнулся, подумал: если бы Праселк был из группы обеспечения Семерых, он говорил бы и действовал иначе. А главное, у зеленокожей лимнады по имени Глая были очень бесхитростные глаза. Живые и испуганные.

— Слышишь, профессор, — сказал Сухов, направляясь в обход камня. — Я плохо знаю фольклор. Кто такие хрипуша и трясея?

— Хрипуша, вероятно... э-э... хрипит, — любезно поделился знаниями Такэда, — а трясея... э-э... значит, трясет.

— Не знаешь, — констатировал Никита. — А Сол-разбойник с сыновьями?

— Про сыновей ничего сказать не могу, а вот сам разбойник — это скорее всего Соловей. Все-таки русские былины насчет всей здешней колдовской компании говорили правду.

Они углубились в чащу леса, мрачного и темного, без единого птичьего крика или стука дятла. И снова атмосфера чужого мира заставила их почувствовать страх и застарелую боль этих мест, заставила идти медленней и говорить тише. Бывший тракт зарос лесом практически весь, ничто уже не напоминало о его существовании. Лишь однажды путешественники набрели на скелет лошади да нашли черную стрелу без наконечника, протыкавшую метровый ствол сосны на высоте человеческого роста.

Пройдя с километр, уперлись в другое болото, повернули вдоль него и вскоре вышли на край поляны с высокой, до колен, травой. Посреди поляны стояла не избушка на курьих ножках, как ожидали друзья, невольно подгонявшие читанные в детстве сказки под реальность, а крепкая изба, сложенная из гигантских, не менее полутора метров в диаметре, серых, замшелых бревен. Изба была покрыта двускатной крышей, сбитой из половинок менее толстых бревен, и протыкала ее странная труба, похожая на морщинистый пень.

Путники обошли поляну кругом, но ни в одной из стен избы не заметили ни окна, ни двери, как, впрочем, не увидели и тропинки, соединявшей избу с миром вокруг. Строение казалось своеобразным памятником неолитической архитектуры, реликтовым объектом поклонения, но никак не жилищем, и тем не

менее от него пахло живым духом, духом недобрым и угрюмым.

— Ох, чую, съеденному быть! — поежился Такэда.

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом! — прокричал вдруг Никита, напугав Толю.

— Дом-дом-дом, — ответило эхо и не успело смолкнуть, как с протяжным скрипом в стене, напротив которой стояли люди, появилась дверь! Вернее, дверной проем. Впечатление было такое, будто часть бревен испарилась, растаяла, причем неровно — вверху уже, внизу шире.

— Гляди-ка, действует! — поразился Толя.

В глухой черноте образовавшегося входа что-то зашевелилось, и на порог выполз тщедушный некто. Старик не старик, но двигался он по-стариковски неловко, медленно, спотыкаясь, держась за стены. Сначала друзьям показалось, что он пятится задом, однако, вглядевшись, они поняли, что у старика, по росту — карлика или гнома, нет лица. То есть голова его заросла волосами со всех сторон.

— Что за скоки да голки[1]? — проскрипел он. — Никого нет дома. — Как и чем он говорил — было загадкой.

— А ты разве не дома? — прищурился Никита.

— Ась? — сунул старик руку к огромному острому уху, заросшему седым пухом.

— Пень глухой, — проворчал Такэда. — Домовой, что ли?

Существо мелко закивало.

— Челядин есть, а тиуна нету. А вы кто будете? Почто шумите?

— Ты нас в дом пусти, да баньку истопи, да накорми, напои, а тогда и спрашивай.

— Не хами, — тихонько одернул Сухова Такэда. — Кто ж пустит после таких претензий?

— Это обычная формула сказки, — так же тихо отозвался Никита. — В принципе действовать надо только так, смело до наглости, сказители не ошибались, передавая поведение фольклорных героев.

— Эт мы могем, — снова закивал старичок, блеснув вдруг внимательным глазом под волосами на лице. — Проходите, люди добрые, если сможете.

— Разрыв-трава, — напомнил Толя слова болотной нимфы.

— Ничего она нам не сделает, прикажи только своему Сусаноо усилить защиту ног. Хотя вряд ли в этом есть необходимость. — Никита имел в виду приказ: диморфанты и сами знали, что им нужно делать.

Сухов первым направился к избе по высокой траве, которая

[1]Шум и крик.

заволновалась, стала хватать человека за зеркально блестящие сапоги, в которые превратилась нижняя часть существа-скафандра, но бессильно опала, вырываемая с корнями. Такэда шагнул на полянку, с любопытством понаблюдал за действиями травы, такой мягкой и нежной на вид, хотел высказать Сухову свои соображения, и в это время с неба послышался шипящий свист.

Какая-то тень мелькнула над избой, метнулась вниз, к людям. Никита разглядел раскаленную докрасна ступу, а в ней знакомую фигуру в меховой дохе, с филином на плече и с посохом в руке.

— Праселк? — омрачился Толя.

Но это оказался не колдун Праселк, встретивший их на тропе.

Ступа с глухим стоном ударилась о землю, окуталась дымом и почти сразу же остыла. На замерших людей смотрела суровая седая старуха с мохнатыми бровями и хищным крючковатым носом. Она так здорово походила на Праселка, что тот вполне мог быть ей если и не братом, то родственником.

— Фу! — сказала старуха хриплым мужским голосом. — Никак, витязским духом запахло.

— А в книгах Баба Яга говорит «русским» духом, — негромко ввернул Такэда, поклонился. — Добрый день, бабушка Ягойой.

Никита сделал то же самое. У него вдруг сильно задергало плечо, до боли, сердце дало сбой, и вдобавок ко всему в голове зазвенело, как от удара по уху. Показалось, будто у хозяйки ступы три головы. Правда, наваждение тут же прошло, но было ясно, что старуха пыталась его прощупать в пси-диапазоне! И ей это почти удалось, несмотря на своевременную защиту диморфанта!

На коричнево-сером морщинистом лице Ягойой отразилось разочарование, разбавленное каплей уважения.

— Вижу, гости вы непростые. Что ж, заходите в избу, покалякаем.

Ступа со старухой метнулась в дверь, сшибла заросшего сторожа и исчезла.

— Не верю я, что она нам поможет! — ровным голосом проговорил Такэда. — Кстати, заметил? Она горбатая.

Никита молча подтолкнул его к входу.

Глава 3

Они сидели за огромным деревянным столом и глядели, как старуха Ягойой колдовала у гигантской русской печи, доставая оттуда разнокалиберную снедь. Домовой с заросшим лицом, которого старуха называла Жива, относясь к нему безлично, как к

предмету обихода, постанывая, носил блюда и расставлял по столу.

Перед тем как сесть трапезничать, гости умылись над лоханью, сливая на руки друг другу из красивого ковша с ручкой в форме медвежьей лапы, и вытерлись полотенцем, которое хозяйка назвала «убрус». Глянув на их модные костюмы, она проворчала.

— Переоделись бы в домашнее, а то за версту чужаками несет.

«Домашнего» ничего, однако, не дала, хотя в углу громадной горницы-комнаты, сочетавшей приметы прихожей и гостиной, несмотря на имеющиеся в избе сени, стоял такой же разверстый сундук-великан с одеждой.

Горница казалась такой огромной, что в ней можно было играть в хоккей. Кроме сундука, стола и печи, занимавшей треть пространства, в ней стояли кровать-лежанка величиной в две земных двуспальных, с горой подушек, еще один сундук поменьше, окованный железными полосами, деревянный шкаф без дверок, с посудой, бадья с водой и лохань, две скамьи и столец — большое деревянное кресло с резной спинкой и ручками в форме все тех же медвежьих лап.

В горнице было светло, как днем, хотя ни свечей, ни лучин, ни тем более электрических ламп гости не заметили. Казалось, светится сам воздух, причем избирательно: в углах и у сундука с металлическими полосами, например, стыла темнота.

Потолок, сколоченный из грубо обработанных досок, нависал над головой метрах в четырех, и Никита подумал, что изба изнутри гораздо больше, чем кажется снаружи, хотя и внешне впечатляет. Точно такое же ощущение внушал и дом Зу-л-Кифла, что говорило о некоем родстве строений, м а г и ч е с к о м родстве. Ягойой была если и не магом в полном смысле этого слова, то ведьмой, колдуньей с высоким уровнем воздействия.

— Мовницу истопи, — приказала старуха слуге, подразумевая баню, но гости твердо отказались мыться, не желая рисковать. Ягойой их поняла, насмешливо сверкнув глазами, и настаивать не стала, но, увидев у Никиты перстень, изменилась в лице.

— Я так и чуяла, что у вас оберега! Спаси и помилуй! Кто дал-то? Уж не Яросвет ли?

— А кто такой Яросвет? — простодушно спросил Такэда.

— Будто не знаете. — Настроение у Бабы Яги, не слишком схожей с образом из русских сказок, упало, и она принялась яростно орудовать у печи, то и дело пихая бедного Живу то в бок, то в спину. Казалась она, во-первых, вовсе не дряхлой старухой, жаждущей сожрать любого, кто попадется. Высокая,

статная, одетая в длинную цветастую поневу и пушистую кофту, с аккуратно уложенными седыми волосами, она выглядела бы даже привлекательной, если бы не горб и не крючковатый нос, а также слишком глубоко посаженные глаза, в которых иногда вспыхивал мрачный темный огонь.

Никита было подумал, уж не наложено ли и на нее заклятие, как на Тааль, бывшую жену Вуккуба, за ее участие в Битве на стороне сил Люцифера, но спросить об этом у самой Ягойой не решился.

Перед едой Жива налил гостям в деревянные кубки белого кваса, сваренного на меду, и оба, отведав напитка после сигнала эрцхаора «все в порядке», едва не окосели. Хотя алкоголя в напитке не чувствовалось, голова от него закружилась, как от бокала шампанского.

— Ощущение такое, будто голова — прямое продолжение желудка! — тихонько пожаловался Никита Такэде.

— Алкоголик ты, Сухов, — заявил Толя. — Те тоже от запаха балдеют. Однако, признаться, и я поплыл. Может быть, она специально в квас чего-то подмешала?

— Индикатор дал бы знать.

— Тогда давай быстренько заедать.

На первое оказалась ботвинья, единственным недостатком которой было отсутствие соли. На второе ели пироги с вязигой — жилами из хребта если и не осетра, то какой-то другой подобной ему рыбы, разваренными в студенистую прозрачную массу и придающими пирогам сочность и изумительный вкус, а также блины с вареньем. Варенье было подано разных сортов: из морошки, ежевики, черники, земляники и брусники, и, глядя, как гости уплетают блины, Ягойой заметно подобрела.

Сидела она в своем «княжеском» кресле-стольце прямо и неподвижно, разглядывая едоков по очереди, и не произнесла ни слова, пока те не насытились. Лишь когда они запили обед калиновым морсом, Ягойой наконец перестала сверлить их взглядом.

Небрежно махнув посохом-клюкой, она длинной чередой отправила всю посуду со стола прямо в печь, очистив таким образом стол, а Живу той же клюкой пихнула в угол, где он забился в лежавшие грудой овчины.

— А теперь, гости незваные, рассказывайте свою байку, что вас сюда занесло.

И столько было силы в ее голосе, что Никита, сам того не ожидая, выложил почти всю свою историю, не отвечая на пинки встревоженного такой откровенностью Такэды.

Ягойой реагировала на рассказ сдержанно, только однажды

прервав собеседника, да и то для того лишь, чтобы сбить со стола громадного — с палец — таракана. Затем кликнула слуту:

— Сходи-ка в медушу.

Жива исчез и вскоре принес из сеней сулею — сосуд с горлышком, в котором оказался вареный мед. Выпив литровую кружку напитка и не предложив гостям, старуха прогундосила:

— До чего же бесхитростный вы народ, витязи. Подставил меня братец, нечего сказать. А я хотела, чтобы вами Горынище полакомился.

Друзья переглянулись. Старуха усмехнулась.

— Не пужайтесь, я токмо с виду страшная. Гайда за мной в бретьяницу, братие.

Бретьяница оказалась кладовой позади печи, причем таких же размеров, что и горница. Такэда, увидев ее, покачал головой, подумав, как и Никита, о неравенстве измерений внешнего и внутреннего объемов избы. Забита была кладовая всякой всячиной: от мехов, одежды и мягкой рухляди до деревянных бадей, бочек, скамеек и отрезков серых труб, в которых с трудом угадывались ступы в рост человека.

— Выбирайте и надевайте. — Старуха вытащила из кучи серый плащ с муаровым зеленоватым рисунком, похожий на змеиную шкуру, второй плащ — с застежкой на плече и нечто вроде стеганого ватного тулупа без воротника. — Вот корзно, коц и ферязь, можете забирать все.

— Нам не надо, спасибо, — покачал головой Никита.

— Даю — бери! — осердилась Ягойой. — Не простая одежата, в ней по болотам ходить можно, а земля здесь — сплошные болотины да ямы.

Из груды всяческой домашней утвари она вытащила короткое, блестящее, как тусклое серебро, копье, протянула Такэде:

— Держи оскеп, меченоша, с ним на любого волкодлака идти можно.

Старуха повернулась к груде ступ, ударила по ним клюкой. Длинная змеистая фиолетово-розовая молния оплела серые стволы, запахло озоном. Ступы рассыпались, одна из них покрылась светящимися пятнами, словно изморозью, зашевелилась, встала на дворец, но тут внутри нее проскочила малиновая искра, и ступа, задымив, упала назад.

— Замыкание, — прокомментировал Такэда с тихим ехидством.

— Замерзли, — проворчала Ягойой. — Давно я их не кормила. Ладно, я вам свою уступлю, доберетесь — отпустите, сама дорогу найдет.

— Да не надо, мы и так доберемся, — попытался запротесто-

вать Никита, не слишком обрадованный перспективой полета в ступе, но его не послушали.

На воле царил вечер.

Выйдя из избы, старуха без слов п о з в а л а кого-то — Сухов почуял пси-импульс, и с шипением и треском из трубы над крышей избы вылетела ступа, спикировала к ногам хозяйки. Диаметр ее был не менее метра, а высота по грудь высокому Никите.

— Влезайте.

— Но я же не... — Сухов беспомощно оглянулся на Толю.

— Чего зря ноги бить, — рассудил тот, — если можно использовать бесплатный транспорт. А управлять ею, наверное, просто: сказал, куда тебе надо, и отдыхай. Не так ли, бабушка?

— Так, разумник, — отрезала Ягойой.

Сухов, сраженный доводом, повиновался. За ним в ступу влез и посмеивающийся Такэда.

— Скоро ночь, — сказала старуха, — и держать будете на Прикол-звезду. Вот вам снедь на дорогу. — Она подала принесенный Живой узелок. — За Огнь-рекой будет городок Переяславец, там не останавливайтесь, гоните лытарь дальше, по-над болотом, вправоручь, да на оберегу поглядывайте. — Ягойой кинула вспыхнувший взгляд на перстень эрцхаора. — Домчитесь до Древлянска — по детинцу узнаете, маковки светятся, — оставите лытарь в дубраве, а дальше уж сами. Ищите Яросвета, только он вам и поможет с мечом. Правда, есть тут одно место, где оружия много, выбрать можно любое.

— Что за место?

— Дикое поле. На Чертовом Кладбище были небось? Вот за ним и простирается Дикое поле, почитай до Огнь-реки. Но я бы не советовала вам завертеть туда. Стерегут то поле в шесть глаз.

— Посмотрим, — сказал Никита. Замялся, не решаясь высказать какую-то мысль. Потом все же осмелился: — А ведь вы хаббардианка, Ягойой.

Глаза старухи мрачно вспыхнули, челюсть ушла назад, отчего она стала похожа на жуткую птицу, но тут же лицо успокоилось, приобрело суровое и строгое выражение.

— А ты, вопреки наговорам братца, настоящий Посланник, витязь. Не побоялся рассказать мне всю правду. Если бы не доверился — гореть бы тебе в ложнице... али в Огнь-реке! Ну, отправляйтесь.

— Простите, — заторопился Такэда, — а кто братец-то ваш? Не Праселк, случайно?

— Какой еще Праселк? Мних али орд?[1] Я многих Праселков знаю, а брат мой — Хуббат. Встречали такого?

---

[1] М н и х — монах, о р д — привидение, призрак покойника.

— Встречали, — глухо ответил Сухов.

— Берегитесь его, он не токмо тысяцкий из свиты таксиархов, но и х л а д.

— Бесчувственный, — неуверенно перевел слово лингвер.

— Вперед! — скомандовал Никита, и ступа, испустив днищем сноп оранжевых искр, рванулась вверх.

— Помоги вам Тригла[1]! — донеслось с поляны.

Летели уже час, в полной темноте.

Лес внизу, без единого огонька и проблеска света, затаился и молчал, проводив полет колдовского аппарата сотней враждебных или равнодушных глаз. Облака разошлись, и взору открылось угольно-черное звездное небо, на котором нельзя было отыскать ни одного знакомого созвездия. Низко над горизонтом сияла яркая красная звезда, заменявшая Полярную, Прикол-звезда, и взгляд ее был мрачен и угрожающ. Впрочем, путешественники уже поняли, почему край этот неуютен, дик и зловещ, источает ненависть и угрозу: на них продолжало действовать пси-поле близкого Чертова Кладбища с могилами демонов.

Кладбище они облетели стороной, невольно прижимаясь друг к другу спинами. Стоять в ступе было неудобно, к тому же края ее стали горячими, задымили; запахло окалиной.

— Аппарат явно перегружен, — заметил Такэда. — Зря не попросили парашюты.

Никита мысленно приказал ступе увеличить скорость, но летающая диковина не отозвалась, она действительно работала на пределе. Если бы не диморфанты, закрывшие головы людей прозрачными колпаками, путешественники замерзли бы.

Мрачные башни — могильники Чертова Кладбища — ушли вправо и назад, ступа снова повернула на траверз Прикол-звезды. Под ней развернулась смутно угадываемая холмистая равнина с островками леса и болотными марями, кое-где отсвечивающими в свете звезд зеркалами воды. Никита заметил внизу по ходу движения какие-то странные образования — скалы не скалы, сооружения не сооружения, снизился, чтобы разглядеть их получше, и в этот момент ступа содрогнулась от сильнейшего удара снизу. Седоки едва не повылетали за борт, хватаясь за края ступы и обжигая руки. Что-то затрещало, с боков аппарата посыпались искры, он накренился и с визгом и воем понесся вниз, к земле.

Их спасло то, что летели они достаточно низко, на высоте не более тридцати метров, и упали прямо на моховую подушку небольшого болотца. Кубарем выкатившись из ступы на берег

[1] Т р и г л а или Т р и г л а в а — богиня с тремя лицами.

болотца, они разом оглянулись назад и, прежде чем ступа затонула в прорванной ею трясине, увидели в раскаленном докрасна днище аппарата длинную черную стрекозу толщиной с руку. Зашипев, ступа ушла под воду, увлекая за собой стрелу.

— М-да! — сказал задумчиво Такэда. — Стрелок был отменно меткий. Попасть ночью в летящий и почти невидимый на фоне неба предмет диаметром в метр — все равно что плевком поразить летящую стрелу. Далеко мы успели улететь?

— Километров сорок, не больше. До Огнь-реки еще столько же, упали мы, наверное, на край Дикого поля, о котором говорила Ягойой.

— Ты хорошо видишь в темноте?

— Почти как днем.

— Тогда пошли пешком.

— Не спеши. — Никита встал, поправил плащ, огляделся, прислушиваясь больше к себе, чем к звукам вокруг, и махнул рукой. — Давай в ту сторону.

— Там же болото!

— Вот и проверим свойства плащей. Баба Яга говорила, что в них можно ходить по болотам. Потом вылезем на холм и заночуем. Есть у меня одна мысль...

— Вооружиться на Диком поле?

— Угадал, телепат.

Они осторожно двинулись по упругой поверхности мхов, покрывающих болотце, к его центру, затянутому ряской и водорослями, и вскоре убедились, что их держит не только мох, но и грязевая трясина! Плащи Ягойой не то уменьшали вес владельцев, не то увеличивали поверхностное натяжение воды — по прикидкам Такэды, привыкшего все анализировать и объяснять хотя бы для себя. Но главное, плащи действовали.

Выбравшись из болота и взойдя на ближайший холм, путники залегли в кустах, на сухих подушках все того же пушистого мха, и стали дожидаться утра. Обоим хотелось спать, но память продолжала прокручивать события прошедшего дня и призывала к осторожности, хотя в «скафандрах» диморфантов им не был страшен никакой зверь.

— Если Яга хаббардианка и сестра Хуббата, — завел разговор Толя о том, что его мучило, — то она сестра и Вуккубу.

— Логично, — согласился Сухов, думавший о своем.

— Но если Хуббат — Триглав, то и Вуккуб тоже?

— Логично.

— Жаль. Мне он нравится с одной головой. Но тогда и Ягойой, то есть Баба Яга, — Триглава? Горб ее помнишь? Там, наверное, она и прячет остальные головы.

— К чему ты клонишь?

— Да так, рассуждаю. Прослеживается интересная схема злых сил: и Баба Яга, и ее братья, и Змей Горыныч — олицетворение зла в русском фольклоре, все они трехглавые монстры. Понимаешь?

— Не понимаю. Ну и что?

— Я и сам пока толком не понимаю. Только уж очень подозрительно, что зло — трехлико. Кстати, и Соловей-разбойник здесь не одинок, с сыновьями своими тоже троицу образует.

— Не вижу связи. Троица бывает и добрая, положительная. Спи, утро вечера мудренее, я пока покараулю.

Такэда затих.

Оба уснули почти тотчас же и не заметили, как из-под пня неподалеку вылез маленький человечек, заросший шерстью по глаза, величиной с два кулака, и утащил их узелок с едой.

Наутро первым спохватился Такэда. Причина пропажи выяснилась тут же: из-под пня, в небольшой норе торчал край платка, в который были завернуты пироги. Никита вытащил платок, нагнулся и проговорил в нору:

— Вылезай, не то заколдую.

С минуту было тихо, потом послышался шорох, и перед глазами удивленных путников предстала маленькая, лысая, опушенная серо-седым пухом головка с глазами-бусинками, широким — до ушей — носом, с бородой и усами, скрывающими рот.

— Лопни мои глаза — гном! — тихонько прошептал Такэда.

— Вылезай, вылезай, — отступил на шаг Сухов.

— А колдовать не будешь? — неожиданно хриплым басом спросил кроха.

— Не буду, — засмеялся Никита. Сел на мох напротив пня, поджав ноги. — Кто будешь-то?

— Лесовик я, Жива. — Гном выполз наружу, похожий на постаревшего и поседевшего мохнатого Чебурашку.

Путешественники переглянулись.

— Жива, говоришь? А тот Жива, что у Ягойой ютится, не родственник тебе?

— Брательник старшой.

Такэда фыркнул:

— По-моему, они все тут в родстве, хаббардианцы замаскированные.

— Не-е, — застеснялся лесовик, — не хабдерьянцы мы, лес бережем, чистим, расколдовываем.

— Как это?

Человечек наставил ручонку на мухомор, выглядывавший

из-под мха на краю полянки, и тот вдруг лопнул бурым облачком дыма. Запахло горелым.

— Нежить-ухо, — пояснил лесовик. — Землю ест и рямит.

— Заболачивает, — шепнул лингвер. — От слова рям — болото с порослью.

— Не наше оно, — продолжал Жива, — гиблое, все время пищит, и струнит, и бухает, жить не дает.

— Струнит? — Такэда посмотрел на Сухова. — Не слишком вразумительно.

— Эта «нежить-ухо» связана с Чертовым Кладбищем, — нахмурился Никита. — Видимо, рождена демонической радиацией. По сути — подслушивающее устройство демонов и одновременно эффектор, разъедающий трехмерность. Вот почему здесь так много болот. А лесовики с ними борются, в меру своих сил, конечно. Интересно, кто их оставил и как давно? И много вас, Жив-то? — обратился танцор к лесовику.

— Не-е, — сожалеюще ответил старичок, — совсем мало осталось, дюжины две на Порубежье. Померли все, старые, а юноты нету.

— Кто же вы, откуда взялись?

Лесовик вздохнул совсем по-человечески, провел ладошкой по лысине.

— Забытые мы, никому не нужные...

— «Мы — забытые следы чьей-то глубины», — негромко продекламировал Такэда. — Есть у Блока такие строки: «Зачумленный сон воды, ржавчина волны. Мы — забытые следы чьей-то глубины». Да-а, повеселилась здесь свита Люцифера, много зла оставила в наследство Руси. Видно, и маг, к которому нас направили, не справляется. Вовремя ты здесь появился, Посланник.

— Ась? — подался вперед лесовичок, подставив к уху ладошку. — Не ослышался я, часом? Ты Посланник будешь?

— Он самый, — подтвердил Толя.

— Ой, радость-то какая! — Старичок вдруг заплакал и засмеялся одновременно, клубком прокатился по земле, не шевельнув ни одной травинки, и скрылся в своей норе.

— Вот не чаял дожить, — донеслось оттуда, и все стихло.

— Псих, — сказал Такэда, встретив взгляд Сухова. — И ворюга.

— Не обижай маленьких, — покачал головой тот. — Они слишком долго ждали перемен, не в силах совладать с деструкцией пространства собственноручно.

— Все равно он невоспитанный. Хотя лично мне симпатичен. Что теперь есть будем?

Из норы доносились скрипы, шуршание и пыхтение, и на

свет появился Жива задом наперед. Он тащил какую-то белую с зеленой полосой и черным клеймом «НЗ» коробку. Глянул снизу вверх на застывших в столбняке землян.

— Вот, возьмите, пригодится небось.

— Лопни мои глаза! — просипел Такэда. — Это же блок НЗ! Точно такой же, что дал нам Истуутука. Где ты его взял, воришка?

— Нашел, — хихикнул старичок. — До вас тут гости шастали, что-то искали, голые, как моя лысина, только кожа голубая. Но добрые, сами вот дали. — Жива взмахнул руками и исчез, добавив из норы на прощание: — Вот обрадуется... Ест.

— Что еще за «еет»?

— Яросвет, — догадался Никита. — И Ягойой послала нас к нему. Что ж, будем искать Яросвета. А пока неплохо бы все-таки вооружиться. Это хорошо, что у нас есть помощники, но не дремлют и враги. Чувствую их приближение, но где они, кто и сколько — разобрать не могу.

— Так колдани, чтобы мы оказались в столице, или свяжись с этим Яросветом телепатически.

— Ты мне это уже предлагал, а я уже пробовал. Не выходит. Весть не включается, канал закрыт. Поэтому и надо вооружаться, пока Путь Меча не закончится.

Выбрав направление, они зашагали с холма вниз, чтобы взобраться на более высокий холм в километре от них. И застыли, глядя на развернувшийся ландшафт.

Перед ними простиралось вспаханное давними катаклизмами поле — шрам на шраме, заросшее серо-зеленой травой и лишайником, уродливыми кустиками краснотала без листвы и карликовыми, в рост ребенка, деревцами с плоскими черно-зелеными кронами. Но главным, что приковывало взгляд, было каменное войско, застывшее в поле. Войско — огромный отряд из тысяч всадников и пеших воинов — стояло здесь давно, воины успели погрузиться в землю, кто по грудь, кто по шею, но все они не были людьми, в том числе и всадники, чьи «лошади» лишь отдаленно напоминали земных лошадей. Рост их говорил сам за себя: даже торчащие из земли и скал головы превосходили по высоте человека.

— Мать честная! — воскликнул Никита. — Кто же это их так?!

— Василиск, — предположил Такэда, не зная, как близок к истине в своих предположениях. — По земным поверьям, люди под его взглядом каменели.

— Но не армия же целиком! А может быть, этот полк воевал на стороне Люцифера? Уж больно несимпатичны бойцы. Давай посмотрим на них поближе.

— Может, не стоит? Да и оружия здесь не добудешь, оно, наверное, тоже окаменело. Зря Баба Яга намекала.

Никита двинулся с холма, не дослушав. Если уж он решал, то не передумывал, в чем Толя уже успел убедиться, не радуясь растущей самостоятельности и твердости решений друга.

Они достигли первого всадника и остановились, потрясенные его размерами и формой.

Больше всего тот походил на гигантскую десятиметровую крысу, закованную в броню, разве что с более тупой мордой. А «конь» его напоминал скорее огромную сколопендру, застрявшую в скале по брюхо. И оба они казались мертвыми и живыми одновременно!

— Ох и не нравится мне здесь, — с отвращением сказал Такэда. — Если на них и лежит заклятие, то вот-вот утеряет силу, и они оживут.

— Дай копье. — Никита отобрал у Толи копье Ягойой, примерился и метнул его прямо в грудь исполину.

И случилось чудо!

Копье вошло в тело «крысочеловека» легко, как в трухлявый пень, и, вспыхнув при этом желтым накалом, исчезло. С резким металлическим лязгом монстр схватился лапой за грудь, глянул на двух козявок, осмелившихся уколоть его иглой, и... начал рассыпаться в пыль, потек, задымился. Миг — и он рухнул, осел горой текучего серо-зеленого праха, язык которого дотянулся до людей и заставил их закашляться от горечи.

Пока Такэда отплевывался и счищал пыль с лица и головы, Никита забрел в курившуюся дымком кучу, поискал в ней что-то и вытащил копье, целое и невредимое, только горячее. Потом снова нагнулся и с натугой вытащил за рукоять трехметровое, зазубренное специально лезвие меча, зло и хищно отбросившее зеркальный зайчик.

— Мне маловат будет, — с насмешливым сожалением протянул Толя.

Никита попробовал взять меч обеими руками, но перехватить рукоять не смог. Отпустил, и меч канул в пыль, подняв серые дымные облачка.

— Что ж, поищем по своим размерам.

Они обошли войско, растянувшееся на несколько километров, и нашли то, что искали: всадника высотой всего в два человеческих роста, сидевшего на странном животном, помеси жирафа и верблюда. Судя по всему, этот «малыш» был предводителем войска, так как возглавлял его.

— Альтикамиллус! — пробормотал Такэда, разглядывая «коня». — На Земле тоже когда-то жили такие звери.

— Так, может быть, этот всадник — землянин? Неандерталец какой-нибудь из тех, что вымерли?

Инженер пожал плечами.

— Тогда уж Конан-киммериец, если вспомнить сочинения Говарда.

Меч у этого могучего существа, грузного, сутулого, с покатыми плечами, закованного в коричневую броню, висел без ножен, на перевязи, и слетел вниз, как только Сухов ударил по нему копьем. Правда, всадника от разрушения это не спасло, через минуту он распался в груду праха, как и его гигант-предшественник. А когда Никита отыскал в пыли двухметровый клинок, его ожидал сюрприз: меч заговорил!

— Не трогай, слабак! — сказал он сварливо на чистом русском языке. — Мной должен владеть только герой!

— Брось, — посоветовал Такэда, подзадоривая этим танцора. — Он все равно слишком тяжел и велик.

Никита усмехнулся, со щек его сбежала краска, губы сжались в узкую полоску, глаза вспыхнули. В следующее мгновение он с шипением распоротого воздуха сделал одно сложное и длинное движение, состоящее из перетекающих друг в друга положений меча, и Такэде показалось, что Сухов оплетен мечом со всех сторон.

— Кхе! — обрел голос меч. — Поосторожней чуток. Как тебя зовут, герой?

— Никита Сухов.

— Славное имя. Что ж, владей, но береги. — В голосе меча неожиданно послышалось ехидство, но Сухов не обратил на это внимания.

— Что скажешь, Наблюдатель?

— Ты велик, Посланник! — обрел дар речи Такэда. — Это уже не уровень иаи-дзюцу, это уровень ядомэ-дзюцу[1], высшее исполнение кэндо-но рирон то дзиссай.

— То-то, — самодовольно кивнул Никита, укрепляя перевязь меча на шее, иначе он цеплял землю.

На краю поля они оглянулись с холма. Каменное войско все так же страшно, молча и неподвижно двигалось к неведомой цели, готовое ожить или рассыпаться в пыль. И Никита понял, что здесь произошло: кто-то из демонов пробил брешь в потенциальном хронобарьере между Мирами Веера, и узкий язык другого времени, лизнув этот мир, навеки заморозил грозную армию.

Определив направление обхода поля, путники зашагали дальше, надеясь дойти до Огнь-реки за день и не встретить тайных или явных врагов. Однако надеждам их не суждено было сбыться.

---

[1] Ядомэ-дзюцу — отбивание стрел мечом (техника ниндзя).

Сразу после обеда из волшебной коробки НЗ, созданной в высокотехнологичном мире Истуутуки, друзья набрели на гигантский провал в теле планеты, напоминающий жерло вулкана с отвесными стенами, и, как Толя ни отговаривал Никиту, тот все же из любопытства заглянул в провал, сам не зная, зачем это делает.

Такэда сразу почувствовал неладное, увидев, как Сухов резко сунулся за обрыв, словно собираясь прыгнуть вниз. Схватив танцора за ноги, Толя с трудом выдернул его обратно и оттащил в сторону, успев тем не менее ощутить черное и жуткое дыхание! Все же он «поплыл» от удара неведомой энергии, но сознания, к счастью, не потерял, даже успел отреагировать на возникшие вдруг со всех сторон тени, пронзить одну из них копьем, врезать другой по туловищу и кинуть через себя третью, а также потрепать Никиту по щекам, чтобы тот пришел в себя. И отбивался еще с минуту, зажатый черными плащами со всех сторон, живой только благодаря диморфанту, принимающему на себя все удары.

Никита очнулся от боли: кто-то наступил ему на руку. Реакция его была замедленной, сознание не сразу очистилось от остатков дурмана, внушенного чьей-то волей из глубин провала, но он вступил в схватку с уверенностью в победе, не допуская даже мысли, что его могут предать. Но это случилось: его предал... меч!

Лишь дважды он разрешил хозяину поразить метавшихся вокруг врагов, а потом вдруг вырвался из рук и исчез в провале, издав отчетливый смешок.

Никиту ударили по голове — не помог даже диморфант, и последней мыслью его было: «ЧК!.. без оружия... странно! Почему они не стреляют?..»

Глава 4

Он открыл глаза, пошевелился и едва не застонал от боли во всем теле. Оказывается, его приковали к стене за раскинутые руки, и суставы затекли. Рядом кто-то завозился, зашипел тихонько сквозь зубы. Никита с трудом повернул распухшую голову и увидел абсолютно голого Такэду, также прикованного к стене. Скосил глаза вниз: собственная нагота поразила больше.

— Гадство! — выругался он, хрипя пересохшим горлом.

— Привет, — отозвался Такэда. — Чисто американский боевик с приковыванием к стене, пытками и муками главных героев. Надеюсь, ты освободишь нас раньше, чем начнут пытать.

— Где мы?

— Хороший вопрос, почти трезвый. Я думал, это ты мне расскажешь.

— Меня ударили по голове, и... дальше не помню.

— Ты же говорил, что диморфанты защищают от всех внешних воздействий. Вот и верь после этого людям.

— Я не знаю, в чем дело. Может быть, они еще не привыкли к нам и не знают наших слабых сторон.

— Каким же образом с нас их сняли?

Никита промолчал, оглядел помещение.

Каменный склеп, с виду без дверей и окон, с решеткой в углу, через которую подается воздух, и больше ничего. Светильником служит просто одна из граней верхних блоков, соединяющихся в потолок. М-да!

— Вот именно, — отреагировал Толя на движение губ друга.

— Если бы меч не предал меня...

— Что тогда произошло бы? Не переоценивай свои возможности, Ник, охотников было слишком много, никакой меч не помог бы. Кстати, почему ты считаешь, что меч тебя... гм, предал? Это была ловушка, да и меч был заколдован. Зачем брал? Баба Яга, между прочим, предупреждала, чтобы ты не ходил на Дикое поле.

— Вот я теперь и думаю — зачем? Если бы она промолчала, мы бы с тобой и не подумали пойти на поле искать оружие.

— Думаешь, она сделала это нарочно?

— Уверен... почти. Хаббардианец есть хаббардианец, кто бы он ни был: делая добро, он тут же нейтрализует его злом.

Толя поразмышлял немного.

— Но Вуккуб тоже хаббардианец, а он не сделал нам ничего плохого.

— Кто знает, что такое «плохо» по мысли Вуккуба? Может быть, все еще впереди?

Разговор на время прервался. Оба попытались освободиться от оков, но напрасно: металлические скобы крепились на штырях, вмурованных в камень, выдернуть их без инструмента не представлялось возможным. Такэда сдался первым.

— Как ты думаешь, зачем «чекисты» доставили нас сюда? Они же ликвидаторы, специалисты по мокрым делам, а не по задержанию.

— Значит, свыше поступил приказ взять нас живыми. И я догадываюсь откуда, кто его отдал.

— Гиибель.

— Точно. Толя, для меченоши ты слишком догадлив, это тебя погубит.

— Я знаю. Наконец-то и ты меня оценил. Но у меня возник-

ло сомнение насчет мага: если это его Мир, почему он не вмешался?

— Яросвет? Все просто: я должен доказать, что я Посланник. Настоящий Посланник сумел бы за себя постоять, а слабак... — Никита нехотя улыбнулся. — Что он может сделать?

— Речь не мальчика, но мужа.

— Не иронизируй. У меня тоже появилось сомнение. Если нас взяли по приказу Гиибели... странно...

— Что именно? Говори яснее.

— Сначала я подумал, что мы в Гашшарве.

— Где?

— В мире, в котором обитает Гиибель. Но это не Гашшарва, обычные три измерения... плюс слабый магифон... Эх, освободиться бы!

— Что это даст?! Ни одежды, ни оружия... перстень тоже отняли? Ну вот... и хохху отобрали. Жаль, мы не догадались попросить у Бабы Яги шапки-невидимки, наверняка они у нее есть. А сама она не...

— Помолчи, — оборвал Никита разговорившегося инженера, закрыл глаза, сосредоточиваясь.

— Это я так мандражирую, — не обиделся Толя и замолчал, глядя на Сухова с надеждой и сомнением.

Никита дождался волны боли, омывшей все тело и освободившей душу от оков плоти, напрягся и «вышел» из тела. Теперь он видел то, что не мог видеть, будучи прикованным к стене. Второе «я» — экзосоматическая система, которую когда-то окрестили душой, подчинялась воле неохотно, однако пожелания Сухова выполняла.

Сначала он облетел камеру в надежде найти контур двери, через которую их сюда затащили. Контура не было. Дверью мог быть любой блок, из которых были сложены стены. Тогда «Сухов-2» проник сквозь решетку в потолке в вентиляционную шахту диаметром всего в двадцать сантиметров и, чувствуя, как слабеет связь с телом, попытался пробраться по шахте наружу. Это ему удалось не сразу, к тому же пропала острота зрения. Преодолев панику, он все же продолжал путь, но вдруг оглох и совсем перестал видеть.

Вот тут он испугался по-настоящему!

Как он выбирался обратно и входил в обмякшее тело, в памяти не запечатлелось. Очнулся же, как и в первый раз, от боли в затекших суставах. Застонал, открывая глаза. Пол качался, стены норовили наклониться и задавить, потолок упасть на голову, гул крови стоял в ушах гулом бешено несущегося поезда...

— Спокойно, все в порядке, — долетел чей-то тихий голос.

Никита успокоил сердце и пришел наконец в себя. «Земле-

трясение» прекратилось, но стены продолжали давить, угрожать, излучать холод и угрюмое презрение.

— Ну что? — спросил Такэда. — Где мы?

— Все там же, — прошептал Никита. — Не могу выйти в эйдос, стены чем-то пропитаны... ненавистью, скорее всего заколдованы. Стоит только раскачать нервную систему, начинается жуткий мыслепрессинг. Но мы не на Земле.

— Это я и сам понял, сила тяжести чуть меньше.

— Нет, я хотел сказать, мы не на планете с темпоралом, аналоге Земли, мы вообще на другой планете. Может быть, в Солнечной системе, может, у другой звезды.

Озадаченный Такэда переступил с ноги на ногу.

— Если так, удрать отсюда на Землю невозможно.

— Подожди с выводами, я сейчас отдохну и попытаюсь еще раз. — Сухов закрыл глаза и расслабился.

Стоял он так минут пятнадцать. Потом глубоко вздохнул и начал играть мышцами, как бы массировать их изнутри, сначала на руках, на груди, спине, потом на животе и ногах. Еще раз вздохнув и не отвечая на взгляды Толи, напрягся весь так, что превратился в статую атлета с мышцами, готовыми лопнуть от напряжения. И вдруг оделся с ног до головы в сетчатый ореол голубого свечения. С жестким металлическим стоном лопнули стержни, державшие скобы с зажатыми в них запястьями. Никита упал на колени, но тут же поднялся и, продолжая светиться, подошел к Такэде. Взялся за стержень.

Лицо его было не бледным, а как бы прозрачным, сквозь кожу проступил даже рисунок вен, и Толя ощутил невольно холодок страха, встопорщивший кожу на затылке. С треском стержень сломался, за ним второй. Ни слова не говоря, Никита повозился со скобами, выдернул из них штифтовые замки и лишь после этого сел на пол, в изнеможении прислонившись спиной к стене. Свечение втянулось в его пальцы, уши, нос, волосы, кожа сделалась гусиной, шершавой и холодной.

— Отличная работа! — сказал Такэда бодрым голосом. — Жаль, что не могу предложить тебе шампанского.

— Сейчас, — невпопад и невнятно ответил Никита; глаза его ввалились, потемнели, но продолжали мерцать упрямым пламенем. — Это экстрарезерв всего-навсего, Весть не работает, нет подпитки. Нам бы только выбраться отсюда.

— Нам бы только день простоять да ночь продержаться... — пошутил Толя словами Мальчиша-Кибальчиша. Присел рядом и положил прохладную ладошку на лоб друга, затем начал массировать ему мышцы шеи и плеч.

— Кайф! — пробормотал Никита, благодарно улыбнувшись. Закрыл глаза, расслабился. Через несколько минут встал, похо-

дил по камере, прикладывая к блокам стен ладони и прислушиваясь к чему-то, потом кивнул на два из них один над другим.

— Кажется, выход здесь. Попробую открыть.

Проделав ту же процедуру с «настройкой» организма, Сухов снова оделся в голубую сеточку из «электрических» искр, уперся ладонями в стену и застыл так. Такэда вдруг с ужасом увидел, что ноги танцора погружаются в каменную плиту пола, как в пластилин! А руки — в каменный блок стены! Раздался протяжный скрип, громадный многотонный камень сдвинулся и пополз, пока не рухнул с грохотом вниз, за стеной, открывая лаз. В ту же секунду погас свет.

— Ник, ты как? — повысил голос Такэда, не видя свечения вокруг тела танцора.

— Нормально, — отозвался Сухов, тяжело дыша. — Я на пределе, работай теперь ты. Там дальше коридор...

— Темно, ни зги не видать, придется на ощупь..

— Стоп! — Никита твердой рукой отстранил готового влезть в дыру Такэду. — Нас никто не сторожит, кумекаешь?

— Ну и что?

— А то, что эта тюрьма предотвратит любой случай побега и без участия охраны. Здесь полным-полно ловушек и неприятных сюрпризов. Отдохну и пойдем, я вижу в темноте лучше, чем ты.

Восстанавливал силы Никита недолго, понимая, что надо спешить. Один за другим они выбрались в коридор, достаточно широкий, чтобы в нем разошлись два человека, но сырой и скользкий от какой-то плесени на камнях. Впечатление создавалось такое, что здесь давно никто не ходил, хотя воздух в коридоре был достаточно свеж.

— Мне кажется, ты выбрал запасной выход, — полушутливо сказал Такэда.

Голос его породил стиснутое не камнем, а, скорее, стеклом дребезжащее, шипучее эхо. Такое же эхо возбуждали в коридоре и осторожные их шаги, хотя узники шли босиком, практически бесшумно.

— Лабиринт, — сказал спустя некоторое время Никита. — Мы петляем... стоп! Здесь яма в полу.

Через яму неведомой глубины пришлось прыгать: первому Никите, потому что он видел коридор и чувствовал опасность, потом Такэде, который преодолел препятствие почти так же идеально.

Через следующую яму решили не прыгать, а обойти ее по карнизу и едва не поплатились: на середине Сухов ступил на подавшийся под ногой камень, и тут же из стены на уровне груди выскочило длинное лезвие, рассекающее пространство, словно

косой. Никиту спасли чутье и реакция, Такэду — рост: лезвие прошлось буквально по его волосам, срезав клок на макушке.

Потом было неожиданное падение камня, способного прихлопнуть любого человека, как муху; сдвигающиеся стены; струна, протянутая в полуметре над полом и спускающая «курок» гигантского лука; петли на полу, затягивающие жертву в сети; капканы, рассчитанные на великанов; узкий лаз с внезапно проваливающимся полом. Преодолев эти, в общем-то, достаточно примитивные ловушки, беглецы достигли наклонного желоба, смазанного чем-то таким скользким, что удержаться было невозможно. Падение с пятиметровой высоты закончилось в узком склепе, стены которого чуть серебрились в темноте от инея.

Огляделись, если можно назвать так их попытки определить местонахождение. Никита выругался.

— Похоже, мы в морозильной камере. Стены здесь из металла и очень гладкие, а температура явно ниже нуля.

— Ничего не вижу, — с сожалением произнес Толя. — Посмотри повнимательней, может, упустил какие-то детали?

Сухов заставил себя успокоиться, огляделся еще раз, применяя свою успешно развивающуюся способность видеть в инфракрасном диапазоне и ультрафиолете. На высоте четырех с лишним метров, как раз под выходным отверстием трубы, по которой они сюда прибыли, он обнаружил два щелевидных отверстия. Назначение отверстий было неясно, однако в положении беглецов следовало использовать любой шанс, да и температура падала с каждой минутой.

— Попробую допрыгнуть и уцепиться. — Никита рассказал Толе об открытии. — Может быть, удастся подтянуться и влезть в трубу.

— Попробуй, — с философским спокойствием ответил Толя, применяя приемы аутотренинга, чтобы согреться. — Если через пять минут не вылезем, из нас получатся свежезамороженные цыплята. Бройлерные.

Никита настроил мышцы на решение задачи и прыгнул, с первого раза попав кистями рук в щели под дырой. В тот же момент кусок стены вместе с ним начал с гулом поворачиваться, и танцор завопил:

— Прыгай! Цепляйся за меня!

Такэда понял. Подпрыгнув, поймал руками колено Сухова, мгновенно подтянул ноги, и часть стены выкинула их в светлый коридор, ободрав ягодицы Толи о жесткий каменный пол.

Некоторое время друзья отдыхали, поглядывая то на глухую с виду стену с отверстиями, то друг на друга. Такэда наконец ощутил боль ниже пояса, встал и вывернул шею, пытаясь гля-

нуть за спину. Тронул ягодицу рукой и стряхнул на пол капли крови.

— Всю кожу содрал. Умру или от заражения крови, или от ее недостатка.

— Засохнет, разве что сидеть пока не сможешь. Хорошо, что весь зад не срезало.

Они встретились взглядами и беззвучно, корчась, захохотали, зажимая рты руками. Угомонились. Никита спохватился:

— Вперед, меченоша, время не ждет, испытание не закончено. Хотел бы я знать, кому оно понадобилось.

Коридор был практически такой же петлистый, что и пройденный ими до холодной ловушки, но сухой и освещенный: светились пятна паутины на потолке. Через полсотни метров он вывел их в невысокий зал с нишами, в которых застыли металлические фигуры, напоминавшие человекоподобных роботов.

— Манекены, что ли? — вполголоса спросил Такэда и словно вдохнул в них жизнь: «роботы» задвигались, выходя из ниш и поднимая руки с оружием. Толя насчитал их восемь, и каждый был вооружен по-разному: мечом, саблей, копьем, цепью, алебардой, плетью, чем-то вроде мотыги и палкой с шарами на концах.

— Где-то я уже встречал подобное... или читал, — сказал Толя, не теряя хладнокровия. — Если я прав, здесь должно быть оружие и для нас. — Он огляделся и первым наткнулся на метровой длины белые стержни у стены. — Ага, то, что надо.

Беглецы вооружились легкими и прочными — о стену они не ломались — палками и встречали атаку не слишком поворотливых истуканов. Схватка длилась всего пару минут и закончилась после того, как андроиды, а это были именно автоматы, роботы, были повержены на пол.

Никита не имел большой практики тренировок с палкой, зато в его боевом арсенале были приемы, о которых даже он не догадывался, пока не применил их автоматически, совершенно естественно, будто знал их всегда. Это подключилась его родовая память, срабатывавшая, как всегда, в моменты наивысшего нервно-психического напряжения. Правда, случалось это теперь все чаще и чаще, да и без особых усилий.

Пройдя зал, они выбрались в другой коридор, потом в следующий зал, более просторный. По его стенам было развешано такое количество разнообразного оружия, что глаза разбежались. Сухов присвистнул:

— Такого я еще не видел!

Такэда сделался задумчивым и рассеянным, промычав что-то невразумительное. А Никита, с округлившимися глазами, на-

чал рассматривать коллекцию, изумляясь и количеству, и чистоте не тронутого ржавчиной вооружения.

На левой стене висели мечи, сабли, шпаги, рапиры, кинжалы всех форм и размеров; топоры, секиры, бердыши, алебарды; палицы, шестоперы, булавы, кистени; копья, сулицы, трезубцы, цепи; крючья, плети, щиты, шлемы, луки; метательные диски, многолучевые звезды, шары с дырами и, наконец, множество других предметов, явно относящихся к разряду оружия, разных форм, из разного материала, но предназначавшихся не для человека!

— Смотри-ка, знакомая штучка, — кивнул Такэда на узкий клинок необычной формы. — Вот, значит, откуда в мой кинжал внедрили такое оружие убийства.

Никита перевел взгляд на правую стену, облизнув ставшие сухими губы.

На этой стене было закреплено современное, а может быть, даже оружие будущих времен. Пистолеты, ружья, винтовки, карабины, автоматы, ручные пулеметы. Лазеры. Плазменные пистолеты. Электрические разрядники. Излучатели. Совсем не известные людям системы, которым даже инженер не мог подобрать хотя бы мало-мальски пригодное название.

— Красивый, да? — сказал Никита, делая шаг к висящему в метре от него пистолету странной формы, с рукоятью, предназначенной скорее для кошачьей лапы, чем для руки человека. Пистолет действительно был красив особой, хищной, целеустремленной красотой. Он был гармоничен и совершенен, и не хотелось верить, что рожден он чьим-то гением для уничтожения живых существ.

— Не стоит прикасаться к этим штуковинам, Никки. Вообще не стоило бы трогать здесь что бы то ни было, но, сдается мне, в таком случае мы просто не выйдем из тюрьмы.

— Почему?

— Мне кажется, я знаю, в чем дело. Тронь мы какой-то из пистолетов, сражаться придется с киберами или людьми, вооруженными тем же оружием. Ты хорошо стреляешь? Или вот тот черный излучатель, на который ты глаз положил: ты знаешь, как он стреляет, чем, где его прицел, курок?

Сухов покачал головой.

— Вот и я не знаю. Вооружиться надо, но лучше привычным оружием, холодным. Что ты выбираешь?

— Меч, — подумав, ответил Сухов. — Я, кажется, начинаю постигать его душу.

— Только не увлекайся.

Они выбрали оружие: Никита взял прямой и длинный обоюдоострый меч с крестообразной рукоятью, а также круглый

щит, Такэда — саблю и такой же щит. А на выходе их встретили четверо голых (!), как и они, смуглокожих, черноволосых и чернобородых мужчин: двое с мечами, двое с саблями. И у каждого были черные, словно обугленные до локтей, руки.

— И тут чернорукие! — нахмурился Такэда. — Нигде от них покоя нет.

Мечи скрестились...

Еще два часа узники пробирались по каменному лабиринту, дважды попадая в «залы войны», где с ними по очереди или скопом завязывали бой полуживые «киберы» или странные существа ужасающего вида. И оба раза — после боя с чернорукими — люди выходили победителями лишь ценой жестокого напряжения всех физических и душевных сил, а также с помощью запаса приемов рукопашного боя и великолепного тренинга.

Кроме всего прочего, полтора километра, по оценке Такэды, они бежали по сплошному покрову из насекомых — муравьев, пауков и скорпионов, так и не поняв, каким образом им удалось выбраться не только живыми, но и не покусанными. Скорее всего у Никиты сработала какая-то защитная психоэнергетическая система, излучение которой влияло на насекомых так, что они не реагировали на их бег, словно не видели, но на проверку догадки не было ни сил, ни времени, ни желания.

Последнее испытание ждало их по выходе из тюрьмы, все признаки говорили — замка, выстроенного также не человеческими руками, если судить по форме башен и их пропорциям. Выбив дверь с помощью камней, свалившихся с потолка давно, беглецы выскочили наружу и натолкнулись на препятствие, которое сначала приняли за необычной формы стену или вал: на земле лежала овальная труба, отсвечивающая малахитом и перламутром, с муаровыми разводами, из которой выступал обтянутый тем же материалом зубчатый гребень, напоминающий хребет какого-то исполинского динозавра. Диаметр этой трубы, живо затронувшей в памяти ассоциации змеиного тела, не превышал метра, но высота «хребта» достигала человеческого роста. В тот момент, когда узники собрались было перелезть через эту мерзко пахнущую, в чем-то живую, стену, она запульсировала, по ней побежали конвульсивные волны, и над головами людей взметнулась кошмарная драконья и в то же время насекомовидная голова с выпуклыми, фасетчатыми, кроваво-красными глазами.

Оружия у беглецов никакого не было, пришлось ретироваться обратно под защиту стен замка со всей возможной скоростью. Голова чудовища не смогла пролезть в дверь, а глаза его с непередаваемо алчным выражением смотрели на землян до тех пор, пока те не скрылись за углом коридора.

— Никуда не денешься, надо искать другой выход, — сказал Никита, отдышавшись.

— Боюсь, эта костляво-змеиная химера опоясывает всю тюрьму, — покачал головой Такэда. — И опять же, где-то я читал о ней или о подобном чуде-юде. Вечно голодное чудовище — Эрисихтон — встречается в греческом фольклоре, но я не помню, кто его победил и как.

— Давай поищем оружие. Если бы мы знали, захватили бы кое-что из арсеналов, но возвращаться, честно говоря, далековато.

— Вряд ли это возможно, я имею в виду возвращение, придется искать поблизости, мы проходили ряд ниш с дверями.

Им повезло в первом же помещении, ближайшем к выходу, там их ждал сюрприз — диморфанты! Такэда на движение к нему какого-то плоского одеяла с намеками на морду и конечности ответил прыжком и ударом, но это оказался его живой скафандр Сусаноо, обрадовавшийся возвращению хозяина. Никита признал своего Зипуна по мысли-эху, обрадованный не меньше. И озадаченный. Создавалось впечатление, что их бегство было грандиозной инсценировкой, достаточно суровой и реальной, с возможным летальным исходом, но все же инсценировкой, игровой ситуацией. Кому она понадобилась и для чего, оставалось только гадать.

Повеселевшие узники принялись обшаривать ниши в коридоре и другие помещения, пока не обнаружили в каком-то затхлом чулане смирно лежащие рядом добытый Суховым на Диком поле меч и копье-оскеп Бабы Яги. Тут уж и вовсе стало понятно, что с ними кто-то затеял игру на выживание, словно для того, чтобы проверить их силу, возможности и волевые качества.

— Что ж, мы приняли их условия, — сказал Никита, завладев мечом, — играя по чужим правилам, не пора ли сыграть по своим?

— Не очень-то размахивай, — брюзгливо заметил меч. — Я не ореховый прутик.

— Ты же уронил его в яму, — сказал Такэда, недоверчиво разглядывая лезвие меча, по которому скользнул тусклый блик. — Как он здесь оказался?

— Так же, как и мы. Помнишь, у Льюиса Кэрролла в «Алисе»: «В чьем же это я уме? Должно быть, в чужом».

— Что ты этим хочешь сказать?

— Увидишь. — Никита еще раз взмахнул мечом и выбежал из чулана.

Они снова выбрались из замка через ту же дверь, предварительно выяснив, не ждет ли их красноглазый дракон, и стали красться вдоль «змеино-динозаврьего» туловища, прячась в те-

ни контрфорсов замка или в круглых выемках-нишах. Такэда не спрашивал, куда его ведет Сухов, полагаясь на провидение.

Им повезло и на этот раз. А может быть, паранорм Сухов чувствовал, куда надо идти. Обежав по каменным осыпям ползамка, они вышли прямо к хвосту дракона, стоящему вертикально, как восклицательный знак. Голова чудовища с закрытыми глазами тоже находилась здесь, замыкая кольцо, внутри которого и был заключен замок. Казалось, гигантский змей спит.

Никита жестом приказал Толе отойти ближе к стене, подкрался к хвосту и вдруг рубанул мечом по его концу. Дальнейшее произошло в течение двух-трех секунд.

Хвост с силой выпрямился, едва не вбив Сухова в пригорок, словно гвоздь в деревяшку, монстр одновременно открыл глаза и пасть и сделал ныряющий бросок вперед, собираясь проглотить наглеца, дерзнувшего разбудить его таким способом, и... с хрустом наделся пастью на собственный хвост. Лязг, хрип, вой, клубы дыма и пыли... и черная, разверзающаяся под ногами бездна!..

Никита осознал себя лежащим ничком в траве. Голова кружилась, поташнивало, сил хватило лишь на то, чтобы повернуть голову и открыть глаза.

Ни дракона, ни замка — кустарник, трава, а дальше лес, серый, тихий, чего-то ждущий. Синее небо над головой. И кто-то смотрит в затылок, как затаившаяся ядовитая змея.

Никита рывком сел, пытаясь не потерять сознание от слабости, оглянулся. В двух шагах сзади начинался темный провал размером со стадион, солнце освещало его противоположный край, но уже двумя метрами ниже стены провала оставались в тени, скрытые какой-то дрожащей серой мглой.

— Ничего не понимаю, — раздался рядом голос Такэды, и из кустов вылез он сам с мутными глазами только что очнувшегося ото сна человека. — Где змей? Замок?

Никита понял, что им обоим снилось — или внушалось — одно и то же. Понял он также, что это было не «учебное» испытание, а попытка разрушения психики с анализом их возможностей, и, хотя земляне выдержали экзамен, их таинственный экспериментатор узнал все, что хотел.

Кто-то вышел из леса, бесшумный, темный, опасный. А может, стоял здесь все время, разглядывая людей, снова и снова оценивая их слабые и сильные стороны, воспользовавшись шоком от излучения провала.

«Мертвой Зоны», — подумал Никита чужими словами, пытаясь разглядеть таинственного некто. Слова пришли сами собой, он не думал в этот момент о яме. «Мертвая Зона, — снова прозвучало в голове. — Здесь когда-то взорвалась граната, сдви-

нувшая и завязавшая в узел времена множества хронов. Зона блокирована, но человеку не дано увидеть, что это такое, разве что ценой потери рассудка».

— Кто ты? — хрипло выговорил Сухов вслух.

«Кщерь», — голос ровный, без интонации, да и не голос вовсе — пси-передача.

— С кем ты разговариваешь? — обеспокоился Такэда. — Грезится что? Или с ума начинаешь сходить?

— Как мы сюда попали? — Никита не обратил на него внимания. Ему наконец удалось разглядеть какую-то фигуру на краю провала, призрачно-кисейную, текучую, как струя пара.

«Вас сбил террострелок. Выполняет функции капкана. В этих лесах их осталось еще много».

— Их установила свита Люцифера?

«Установлены службой контроля ситуаций Синклита Четырех еще до Битвы».

— Ты тоже оставлен ими? На чьей ты стороне?

«На своей. Я был заперт... долгое время и разработал свой личный эстетический стандарт: не вмешиваться в социум, если меня к этому не принудят. Я, в общем-то, по вашим оценкам — нежить. Мне не хватает свободы мысли и действия... и своего тела. Ваши мне не подходят, слишком самостоятельны. Я не смогу вами управлять».

— Ты ради этого исследовал нашу психику?

«Полной информации о возможностях и поведении землян у меня не было, пришлось создать экстремальную ситуацию. К сожалению, вы сильнее, чем я предполагал».

— Ну и дела! — Никита слепо посмотрел на Толю, но обратился снова к бесформенному собеседнику. — А хаббардианцы не родственники тебе? Праселк, например? Чернорукий старик с филином на плече?

«Праселк — квазижизнь. Бледная тень демона. У вас на Земле есть понятие голограммы, а Праселк, хотя у него есть и другое имя, — как бы голограмма реального существа с эффектом присутствия во многих хронах».

— Хронограмма.

«Можно сказать и так. Или: трехмерная проекция живого многомерного объекта. Хотя земной язык беден и не может отразить всех свойств этого объекта».

— Ты сказал, у него есть другое имя.

«Он, я имею в виду матрицы, а не проекцию, начальник группы прогнозирования и целеуказания службы Четырех, начальник ГПУ, по терминологии вашего приятеля, и зовут его игва Дуггур».

— Великий игва?!

«Не великий, но игва. Человек, ты меня утомил эмоциями: я уже жалею, что связался с вами, только потерял время и энергию».

Ощущение взгляда пропало, облачко на краю провала рассеялось. Никита очнулся. Такэда глядел на него, щурясь, и ждал объяснений. Огорченно развел руками:

— Была бы ступа — горя бы не знали. А так ни ступы, ни коней. Хорошо, хоть оружие сохранили. С кем беседовал?

— Не знаю. Врагом его назвать нельзя, но и другом тоже. Наше путешествие по замку было сеансом гипноза. Этот тип пытался подчинить нас своей воле, вернее, выяснял, будем ли мы подчиняться. Я только во время разговора с «гипнотизером» допер, что все ужасы и чудеса стандартны, рождены чисто человеческой фантазией и вытянуты просто из нашей памяти. Если бы мы сообразили это в «замке», раньше очнулись бы. В путь, самурай, до заката нам предстоит дойти до Огнь-реки и... — Никита не договорил.

Где-то вдруг захлопали гигантские крылья, и из провала вынеслась гигантская летучая мышь с почти человеческой головой. Заложив вираж над людьми, она подарила им злобный взгляд и крутыми зигзагами улетела в лес.

Глава 5

День закончился без сюрпризов.

Путешественники отмахали километров двадцать, не встретив никого, кто хотя бы отдаленно напоминал «слуг Сатаны», да и живности в здешних лесах водилось мало. Зато хватало комаров величиной с воробья, особенно у болот, и гигантских муравьев, от укуса которых, наверное, не спас бы и хороший сапог. Но пока на людях сидели диморфанты, бояться подобных «извращений природы», по словам Такэды, было нечего.

К вечеру они проголодались, и хотя в дубняках и ельниках попадались грибы, причем некоторые высотой до полуметра, решили не рисковать и насытились из НЗ, добрым словом помянув лесовика Живу и умельцев из хрона Истуутуки. Отдохнули, лежа в траве на вершине взгорка, с которого открывался вид на очередное болото, ручей, вытекающий из него, и густые леса в другой стороне. Было тепло, от земли веяло покоем, и не хотелось никуда идти, о чем-то думать и беспокоиться. Нахлынула сонливость, веки потяжелели, глаза сами собой закрылись...

Никита встрепенулся, сел: показалось, кто-то окликнул его, по имени. Огляделся. Никого и ничего, вокруг дремотное спо-

койствие природы, не потерявшей очарования и доброты даже в этом Богом забытом, израненном войнами и колдовством краю.

Снова пришел из ниоткуда безголосый, беззвучный шепот, короткий, как вздох. Никита взглянул на тускло мерцающий перстень эрцхаора, потом сунул руку за пазуху и достал хохху. Это ее «голос» он услышал в пси-диапазоне.

Внутри лежал знакомый цилиндрик серебристой фольги величиной с сигарету. Неровно забилось сердце. Неужели пришла информация о местонахождении Ксении?! Но это было послание от Зу-л-Кифла. Как только Сухов развернул рулончик, на фольге проступили, как на жидкокристаллическом экранчике часов, — цифры, слова: «Посланник, беспечность — не признак силы, как и осторожность — не признак слабости. Прикиньтесь немощными, скорее дойдете до цели. Привет Наблюдателю. Зу-л-Кифл».

Второй раз прочитать послание не удалось, слова пропали, а фольга съежилась и рассыпалась серым пеплом, но Никита запомнил письмо. Пожал плечами.

— Что он имел в виду под «прикиньтесь немощными»?

— Внутреннюю силу, — подумав, предположил Такэда. — Ты паранорм, почти колдун, можно сказать, и фонишь в магическом диапазоне, как реактор без защиты, излучаешь магиполе. Поэтому тебя легко пеленговать. Может быть, попробуешь заэкранироваться?

— Как?

— Ну я не знаю... поставь блок. А лучше попроси диморфанта. Если они могут обеспечить защиту от внешнего пси-излучения, то почему не сделать наоборот?

— Зипун, — позвал Никита мысленно своего диморфанта, — закрой меня во всех диапазонах энергий, каких только можешь.

Живой скафандр отреагировал мгновенно.

Никите показалось, что его спеленали по рукам и ногам, по коже прокатилась волна огня, голову сдавило, внутри нее забились, зашептали сотни чужих голосов, сознание помутилось... чтобы тут же восстановиться. Голоса исчезли, голова прояснилась. Диморфант не разговаривал с хозяином на его языке, да и мыслил по-своему, используя чужой ассоциативный ряд, но все же дал понять, что приказ исполнил: на миг Сухов ощутил себя вмурованным в металлическую гору, не поддающуюся никаким воздействиям ни снаружи, ни изнутри.

— Ну? — заинтересованно поднял брови Такэда.

— Н-нормально, — ответил Никита. Но ответ этот инженер прочитал по губам, голоса слышно не было.

— Ты чего?

— Я тебя не слышу.

— Как не слышишь?!

— А-а... Зипун, звук можно. А теперь?

— О'кей.

Друзья с некоторым усилием прервали отдых и потопали в распадок, мимо болота, к лесу. И через полчаса нарвались на засаду.

Сначала послышался свист, от которого у путешественников заложило уши. Хорошо, что диморфанты уже приспособились к мировосприятию своих хозяев и, выяснив пределы их выносливости и выдержки, вовремя среагировали. Через несколько секунд свист как бы раздвоился: первая его тональность стала уходить в ультразвук, а вторая перешла в рев и поднимающийся вой, отчего завибрировала земля и все, что на ней росло и стояло. Инфразвук был настолько мощен, что земля не выдерживала, трескалась, а стволы сухих сосен лопались, как фарфоровые. Когда неведомая стихия достигла ураганной силы, Такэда сообразил, в чем дело.

— Кажется, нас встречают братья Соловьи, — прокричал он на ухо Никите. — Дети Соловья-разбойника, Инф и Ульт.

— Если бы засечь, где они расположились...

— Это просто. Видишь, рябь идет по траве и кустам? Как бы веером расходится. А они где-то в углу веера, свистят в одном направлении.

— Теперь вижу. — Никита одним усилием, хотя с видимым напряжением, в о г н а л себя в стресс. Голова его на мгновение оделась в сетчатый ореол голубоватого свечения, которое как бы втянулось в глаза и уши. А затем едва уловимым броском он послал оскеп — копье Бабы Яги в цель, находящуюся никак не меньше чем в двухстах метрах.

Рев стих как по волшебству, послышался слабый крик, после которого прекратилась и ультразвуковая атака. Из кроны могучего дуба на взгорке вывалилось что-то белое, затрещало валежником, из кустов раздался гнусавый голос:

— Эй, витязь, не балуй, мы сдаемся!

Подойдя ближе, путники разглядели огромного косматого мужика с усами и всклокоченной бородой, одетого в полосатую длинную рубаху без пояса и кожаные штаны с бахромой, из которой высовывались мосластые босые ноги примерно пятидесятого размера. Руки у мужика были также мосластые, с лопатообразными ладонями, в каждой из которых уместилась бы человеческая голова. Лицо мужика стоит описать особо. Широкое, корявое, как сосновая кора, оно создавало впечатление, что этот человек когда-то побывал в катастрофе. Глаз на нем почти невозможно было отыскать: были они величиной с вишню и сиде-

ли так глубоко, словно для них специально сверлили дыры. Нос был не просто уродлив, он состоял из множества бугров и походил на кап — нарост на стволе дерева, а губастый рот не могла спрятать даже густая борода — настолько он был широк.

— Ты кто? — спросил мужик, ощерясь, показав великолепные, крупные белые зубы. — По платну вижу — не рядович[1], витязи сюда не захаживают без надобности.

— Я вой[2], — сказал Никита коротко. — А это...

— Мечеша, — подсказал Такэда. — А вы Ульт? Может быть, Ультр?

Сверху, с дерева, раздался рык и хрип, дуб затрясся, с него посыпались мелкие ветки. Мужик задрал голову, крикнул тонким голосом:

— Слезай, не охотник это.

— Пуффай оффеф фыфаффиф, — раздался мощный хрипящий бас, что переводилось так: «Пущай оскеп вытащит».

— Наколол ты его, вой, — с укоризной сказал бородатый Ульт. — Чо ж сразу не признался? Сказал бы заветное слово, мы бы и свистеть перестали, чай, не враги себе.

Никита повел плечами, глянул на дуб, подумал и начал взбираться по стволу вверх, услышав вопрос Такэды:

— А какое заветное слово надо было сказать?

— Будто не знаешь, — ответил Ульт. — Россич идет! Мы россичей не трогаем, бьются они больно.

Никита достиг развилки и обнаружил на ней второго мужика, как две капли воды похожего на первого, разве что в полтора раза крупнее. Рот у него напоминал разверстую пасть бегемота.

Копье Ягойой, пущенное рукой танцора, попало ему в рот и пригвоздило левую щеку к дубу, так что он не мог пошевельнуться, не то что разговаривать или свистеть.

Никита выдернул копье, и братец Ульта мешком свалился вниз, взревев, как самолетный двигатель на форсаже. Копье слегка серебрилось, теплое и сухое, без следов крови, и Никита подумал, что это оружие также относится к разряду самонаводящихся и очень опасных, как шиххиртх и вардзуни. Спустившись с дуба, он отдал копье Такэде, глянул на братьев Соловьев. Оба как по команде перестали шипеть, реветь и плеваться и уставились на танцора. Инф держался за щеку, но уже было видно, что рана его затягивается прямо на глазах.

— А ну отвечайте, по чьему наущению вы тут нападаете на добрых людей?! — грозно насупил брови Сухов.

---

[1]Платно — одежда, рядович — простолюдин (*др.-рус.*).

[2]Вой — воин.

Братья переглянулись. Инф сплюнул, а Ульт застенчиво прошепелявил:

— Да мы сами по себе, под тиунами не сидим. Раньше здесь торунь-дорога была, да заколодела, никто за Порубежье не ходит, даже витязи Яросвета.

Теперь уже переглянулись путешественники.

— Мы как раз его и разыскиваем.

— Так чо его здесь-то искать? Он в Древлянске, в стольном граде живет, за Огнь-рекой, далеко от Порубежья.

— Порубежье? — заинтересовался Такэда. — Между чем и чем рубеж-то?

Ульт, который был гораздо разговорчивее своего жуткого двухметрового — что по росту, что в плечах — братца, озадачился:

— Так ить известно, меж чем, — меж Мировой Язвой и Великой Руцией.

— Что еще за Мировая Язва?

Ульт озадачился еще больше, схватился за бороду, хотел что-то добавить, как вдруг перед его носом из-под земли вырвалась тяжелая черная стрела и с гудением ушла в небо.

Братья замерли, побелев как полотно, и, ни слова не говоря, дружно бросились наутек, в лес, только кусты трещали под ногами. Исчезли.

— Видать, хорошо знакомы с этим подземным стрелком, — задумчиво проговорил Такэда, — раз так реагируют на стрелы. Может быть, он их предупредил, чтобы не болтали лишнего?

— Эта стрела предназначалась не для них, — нахмурился Никита, поглядывая то в небо, то на дыру в земле. — Спасибо Зу-л-Кифлу за предупреждение, если бы не он — стрелок не промахнулся бы.

— Почему?

— Потому что мы заэкранированы изнутри, и лоцировать нас стало трудней. — Никита снова глянул в небо. Такэда проследил за его взглядом и увидел в фиолетовом, с белесыми прожилками, небе плывущую кругами черную точку.

— Орел, что ли?

Сухов не ответил, заторопился.

— Айда отсюда, предчувствие у меня... нехорошее. Дойти бы до Огнь-реки.

Но дойти они не успели.

Сначала их задержало странное болото, накрытое слоем зелено-синих испарений. Издали оно казалось настоящим туманным морем, заполненным таинственным движением и жизнью. Берега у него были не просто топкие, но вообще полужидкие, непроходимые, хотя с виду и казались сухими, и затягивали путников, как зыбучие пески, несмотря на плащи Бабы Яги. При-

шлось обходить болото изрядным крюком, который вывел их прямехонько на старую, некогда покрытую крупным булыжником, дорогу, идущую ниоткуда — из болота и уходящую в никуда — в такое же болото. А по дороге двигалась навстречу необычная процессия: десятка три-четыре старцев, одетых в холщовые серые плащи-рубища и ведомых согбенным горбатым стариком, заросшим по брови седым волосом. В руке старик держал отсвечивающий инеем посох, нащупывая им дорогу.

«Сорок калик со каликою», — вспомнилось Никите «Слово о полку Игореве». Монахи, что ли? Не похоже. Монахи здешней Руси-Руции — язычники, в стаи не собирались. Паломники? Кающиеся? Собор старейшин?

Он отступил в сторону, собираясь пропустить процессию, и не сразу отреагировал на маневр старцев, начавших обходить их с обеих сторон.

— Черная рука! — приглушенно воскликнул Такэда, заметив движение посоха первого странника. Тогда и Сухов сообразил, что их настиг отряд, завербованный «чекистами» или «эсэсовцами».

Тральщики ЦРУ, всплыл в памяти чей-то чужой термин, подсказанный Вестью. Хорошо хоть не сами ликвидаторы! Но как точно они нас вычисляют! Или просто обложили берлогу темпорала со всех сторон, так чтобы белка не проскочила, вот мы натыкаемся на оцепление.

Друзья стали спина к спине, и Никита, надеясь на защиту диморфантов, все-таки решил попытаться обойтись без драки. Скафандры экранировали теперь и магиполе, поэтому со стороны заподозрить в них чужаков было трудно, тем более что и одеты они были по моде здешних мест.

— В чем дело, уважаемые? — тихо спросил Никита, чтобы голос лингвера был слышнее. — Не ошиблись часом? Мы не холопы беглые, не иноверцы, не тати — мирные странники. Али похожи на кого?

Старец-ведущий молча поднял посох, с острия которого сорвалась фиолетовая молния и вонзилась в грудь Сухова. Диморфант разряд этот парализующий выдержал, хотя слабое эхо разряда отозвалось в теле танцора болезненным передергиванием мышц. Молния послужила сигналом к атаке для остальных старцев, двигавшихся неспешно, с грацией ослабевших от голода заключенных, но неумолимо и бесстрашно. В руках у каждого оказались посохи с острыми кромками и шипами, в умелых руках способные стать грозным оружием, но стрелять молниями они, к счастью, не могли.

Путники встретили атаку как надо: Никита отбил три выпада с трех сторон, используя копье Бабы Яги в качестве палки, не решаясь применять его по прямому назначению, а Такэда выбил

у одного из нападавших посох и успешно отразил им наскоки еще троих.

— Такое впечатление, — пропыхтел он, — что это зомби, ожившие мертвецы.

Старцы остановились, не зная, как подступиться к противнику, владеющему столь изощренными способами защиты. Их предводитель снова поднял свой стреляющий посох, и на сей раз разряд был гораздо мощней — с острия посоха сорвался целый ручей фиолетово-сиреневого огня, ударил в плечо Сухова.

Часть разряда отразилась в землю, отчего трава на ней сразу пожухла и съежилась, часть собралась в шарик, отскочивший в сторону старца с посохом, заставив его отшатнуться, но часть все же пробила защиту диморфанта, едва не парализовав Сухова. На ногах он удержался, хотя слабость в руках и ногах прошла не сразу, но отбиваться с прежним успехом уже не мог. Надо было или убивать, или бежать, что едва ли удалось бы, пока в руках у предводителя оставался его грозный посох.

Старцы снова со всех сторон насели на землян.

Никита попытался пробиться к вожаку отряда, не обращая внимания на сыплющиеся удары, моля в душе, чтобы диморфант выдержал, однако стоило ему приблизиться, как старик в третий раз поднял посох. Никита понял, что на конце посоха таится его смерть, и отчаянным броском, не целясь, послал копье в серую фигуру.

Посох метнул поток фиолетово-розового огня с ярким белым просверком по оси, но за мгновение до этого копье Бабы Яги вошло точно в переносицу старца, пробив голову насквозь, вспыхнуло ядовито-зеленым светом и рассыпалось в пепел. Старец остался стоять с дырой в голове, однако рука его дрогнула, и разряд миновал того, кому предназначался, повергнув наземь несколько нападавших. Никита ждал еще одного выстрела, голова была звонкой и пустой, и жило в нем одно желание: быстрей бы это кончилось! Опустившаяся было рука вожака снова стала поднимать посох.

— Я же говорил — зомби! — проговорил Такэда, отчаянно сражаясь со старцами, пытаясь приблизиться к другу. И в этот момент из леса на дорогу высыпала целая стая медведеподобных созданий — особей пятнадцать — и молча набросились на «калик» с посохами. Морды, передние и нижние лапы у них были медвежьи, но туловище сверкало перламутровой чешуей. И в лапах каждый держал самый настоящий шестопер! Первый из них метнул свое оружие в старика метров с тридцати, выбил посох из его рук, и только тогда старец упал, словно у него кончились силы.

Бой длился не больше минуты. Часть старцев бежала к боло-

ту, часть осталась лежать на дороге, а остальные — человек двадцать — вдруг начали втягиваться один в другого, словно голографические призраки, пока не соединились в одного человека! Оглядев поле боя, старик с огромной быстротой подбежал к поверженному предводителю, упал на него и слился с ним в одно целое. Предводитель вскочил, словно живой, схватил посох, глянул на подтягивающихся к нему медведей и гигантскими скачками понесся к болоту, на ходу вбирая в себя оставшихся в живых убегающих членов отряда, исчезая в тумане.

Никита и Толя стояли, оторопев, опустив руки, оглушенные случившимся, и пришли в себя лишь от жеста одного из медведей: чисто человеческим движением тот поднял лапу и помахал друзьям, словно приветствуя и одновременно прощаясь. Затем все медведи отвернулись от людей и с тяжеловесной грацией исчезли в лесу. Как призраки. Словно их и не было. Ни топота, ни хруста, ни шороха...

— Кто это был? — сиплым голосом спросил Такэда.

— Человек-взвод, — ответил так же сипло Никита. — Вернее, существо, способное к пространственному копированию.

— Я о медведях.

— Какая разница? — пожал плечами Никита. — Кто бы ни был — лишь бы друг. Это Порубежье, граница равновесия темных и светлых сил, которую стерегут и те и другие. Медведи в чешуе — наши ребята. Спасибо им, прибыли вовремя, вряд ли диморфант выдержал бы еще один разряд посоха... впрочем, не посоха вовсе. Где-то в памяти у меня есть «запись», что это такое. Вспомню — скажу.

Сухов поднял голову. В вечереющем небе неустанно парила кругами черная точка — не то орел, не то гигантский ворон.

Друзья умылись в ручейке неподалеку от дороги, успели пройти с километр, пока окончательно не стемнело, и устроились на ночлег в сосняке, приказав диморфантам стеречь каждый шорох и будить хозяев при любой явной и неявной опасности.

Река была как река: широкая, метров двести, и глубокая, с медленным течением, прозрачная, почти без водорослей и пятен цветения; ничто не говорило о причинах, позволявших дать ей название — Огнь-река. Веяло от нее прохладой и спокойствием. Но аборигены не присваивали названия зря, всегда привязывая их к конкретным свойствам объекта или чертам характера, если речь шла о человеке. Не могли они ошибиться в данном случае.

Приглядевшись повнимательнее к реке, Никита вдруг сделал неожиданное открытие: вода текла в обе стороны сразу! То есть точно по ее середине проходила невидимая граница, по

сторонам которой течение действительно было направлено в противоположные стороны.

— По-моему, ты прав, — заявил Такэда, понаблюдав за поверхностью реки, и присел на взгорок, вытянув ноги.

В поход они вышли еще на рассвете, проспав часов семь «аки младенцы», но к реке дошли без особых приключений только к полудню, изрядно устав.

— Как будем переправляться?

Никита не ответил, бросая в воду камешки и наблюдая, как они мгновенно идут ко дну. Поразмыслив, он сорвал травинку, опустил на воду и с удивлением убедился в том, что травинка утонула так же быстро, как и камень. Та же участь постигла и сухую ветку, и кусочек древесной коры: вода не держала на себе даже пушинки!

— Вряд ли нам помогут переправиться и плащи Ягойой, — хмыкнул Толя, заинтересованно следя за манипуляциями танцора. — Река — не болото, да еще с такими свойствами. Может быть, это и не вода вовсе, а какая-то сверхтекучая жидкость?

— Пахнет как вода. — Никита окунул палец в воду, глянул на эрцхаор и лизнул палец. — И вкус как у воды, но очень холодная.

Он подумал и прилег рядом с инженером.

— Знаешь, меня давно мучит вопрос, — признался тот. — Почему нас до сих пор не настигли боевики ЧК? Если Праселк, или кто он там, их агент, как и эти старцы, и Ягойой, и сотня других в зоне Мировой Язвы, то ЧК давно знает, где мы.

— Праселк — не агент ЧК, ты же знаешь, а всего лишь проекция игвы Дуггура, причем вполне автономная, самостоятельная.

— Может, эти старцы — тоже чьи-то «проекции»? Квазижизнь, так сказать?

— Тральщики ЦРУ могут быть кем угодно: людьми, зверями, деревьями, механизмами, роботами, сгустками энергии, нет смысла исследовать их физическую сущность.

— Хорошо, не буду. Но если Праселк — тот, о ком нам говорили, то будь уверен: Дуггур настоящий знает, где мы, и уже продумал, как нас уничтожить. Он должен понимать, чем грозит допущение Посланника к оружию.

Никита задумался, с неохотой признался:

— Может, ты и прав. Кстати, а чем был вооружен прежний Посланник?

— Он не был человеком и вообще гуманоидом, поэтому аналогию подобрать к его оружию трудно. Я не могу даже назвать его: меч, копье, пистолет, лазер, знаю только, что оно останав-

ливало абсолютно все физические процессы любого объекта, которого касалось, в том числе и движение электронов в атомах.

— Разве такое возможно?

— Много чего возможно, друг Горацио, что нам и не снилось. Как же мы все-таки переберемся на тот берег? Реку даже переплыть нельзя.

— Придется выходить из-под скорлупы. — Никита имел в виду экран диморфанта. — Хотя это риск двойного пеленга. ЦРУ по магивсплеску могут запеленговать меня в течение минуты и даже определить наши координаты в данной местности, а кто-нибудь из игв, отвечающий за контроль Веера, обнаружит меня в эйдосе.

— Тогда не рискуй.

— Попробую проделать это быстро, в «игольчатом» контакте.

Сухов уселся на землю в позе лотоса, сосредоточился, ушел в свое глубокое подсознательное «я», согласуя биоритмы, дыхание и мышление в единый поток. Плечо со звездой Вести заныло горячей пульсацией крови, чьи-то невидимые пальцы проникли в кожу, кости черепа, сняли и то и другое, освободили мозг, который заклубился вихристым, искрящимся, пульсирующим облаком, готовый взорваться от любой отвлекающей мысли. Звезда Вести вспыхнула на плече огнистой болью, струйкой протекла по шее, влилась в облако мозга, и тот мгновенно расширился, обнимая планету, Вселенную хрона, весь Веер...

Такэда наблюдал за другом с любопытством, но с изрядной долей тревоги, невольно напрягался сам, словно от его усилий зависел весь успех дела. Долгих четверть часа ничего не происходило — Сухов настраивал органы чувств, как музыканты оркестра — инструменты. Затем на Толю повеяло свежестью и холодом, кто-то тихонько заглянул к нему в голову, провел множеством пальчиков по нервным узлам и умчался дальше, оставив после себя ощущение сдавливающей голову невидимой шапки. Такэда пошевелился, дотрагиваясь до волос, но «шапка» движений не стесняла, это было всего-навсего пси-эхо заработавшей экстрасенсорной системы Сухова.

Лицо Никиты поголубело, кожа на нем стала как бы полупрозрачной, так что обозначился тонкий рисунок вен и артерий, но и они скоро исчезли на фоне усиливающегося голубого свечения. Длинные волосы танцора заискрились сотнями мелких разрядов, встали дыбом, образовав необычную светящуюся корону. Белки глаз тоже засветились, но розовым свечением, как и ногти на руках.

Вокруг сидящего неподвижно Сухова завертелся воздушный вихрь, вырвал с корнем траву, отбросил сухие листья, ветки и камешки, повалил Такэду. Вихрь этот стал видимым — сначала

туманным столбом, затем снежным, а ледяное его дыхание ощущалось все дальше и дальше, заставляя Такэду отступать от пригорка с сидящим магом. Затем крутящийся снежно-туманный столб чуть ли не километровой высоты упал на реку, словно перерубив ее снежно-ледяным лезвием, и Такэда с ужасом и суеверным восторгом увидел на глади реки двухметровой ширины ледяную дорожку — от берега до берега. Пришел в себя от толчка в спину.

— За мной! — будничным тоном скомандовал Никита, пробуя лед ногой, и побежал через реку.

Толя послушно припустил следом, не успев ни удивиться, ни сообразить, что происходит. Он не помнил, как преодолел двести метров по источающей ледяной холод синеватой твердой дорожке. Помнил только, что бежать было вовсе не скользко и что ширина дорожки все время уменьшалась. Когда он взобрался на противоположный берег, от ледяной полосы оставалось всего сантиметров десять, которые растаяли через пару секунд. От «моста» не осталось и следа.

— Ну ты даешь! — произнес Такэда, глядя на реку и вернув лицу бесстрастное выражение. — Впрочем, Посланник ты или погулять вышел?

Сухов, тоже глядевший на реку с задумчиво-отрешенным видом, только усмехнулся. Он уже не светился, но выглядел достаточно бодро, не так, как после первых сеансов выхода в сферу эйдоса, и Такэда понял, что его друг — уже совсем другой человек. Да и человек ли? Паранорм. Маг!

«Сусаноо, сохрани его душу!» — прошептал Толя про себя. Диморфант, отзывающийся на имя Сусаноо, встрепенулся было, но речь шла не о нем. Вслух же Толя сказал:

— Веди, колдун.

Никита молча вытянул руку в сторону начинавшейся степи. От горизонта к ним скакали два всадника, приближаясь со сказочной быстротой.

Глава 6

Никита смотрел на открывавшуюся взору картину и не верил глазам. Впечатление было такое, будто они вернулись в мертвый мир с кладбища звездолетов, где их поджидал (или поджидала) Великий игва Гиибель: с холма, на котором стояли их кони, хорошо была видна узкая, но глубокая долина, зажатая длинными увалами, а в долине тесными рядами высились... космические корабли разных форм и размеров. Крайние из них заплыли грунтом почти до середины, большинство выглядело на-

стоящей ржавой рухлядью, но просматривались и конструкции, сверкавшие не то металлом, не то глазурованной керамикой или пластиком.

— Мать честная! — почесал затылок танцор. — Точь-в-точь — кладбище кораблей, где ждала нас Заавель... то бишь Гиибель. Толя, это в самом деле ракеты-звездолеты? Или моя интуиция меня подводит?

— Похоже, эти железяки когда-то летали, — осторожно проговорил Такэда. Глянул на сопровождающих. — Что это и давно ли тут обретается?

Его сосед, облаченный в доспехи русского воина — кольчуга, шлем с бармицей, зарукавье, наручи, поножи, меч, щит, сулица, — погладил рукой холку коня, прежде чем ответить; конь под ним стоял не шелохнувшись, в отличие от вздрагивающей караковой лошади Такэды, которая чувствовала на себе неземное существо — диморфанта. Звали всадника Рогдай, а его спутника — Добрагаст. Оба молодых воина были посланы великим князем Мстишей Удалым специально для встречи землян на Порубежье. Вероятно, Мстише подсказал встретить их сам Яросвет, знавший о прибытии гостей и ожидавший, пока они перейдут границу Руси, чтобы удостовериться — те ли они, за кого себя выдают. А может быть, и по другой причине.

— Россечь, — сказал наконец Рогдай баском, — Побережное Городище. Сроку ему — почитай десять веков. Раньше Городище стерег золотой полоз — видите, вокруг всей Россечи вал круглый? Это тело полоза, землей подзаплыло, уснул он, говорят. Теперь стережет княжеский фиан, Мстиша приказал.

— Полоз — ведь змей, да? Хорош экземпляр! Километров двадцать, не меньше! Не тот ли Горынчищ, которому нас хотела скормить Ягойой?

— Нет, этот змей одноглавый, — сказал Никита. — И очень похож на того, что стерег замок в нашем сне. Но размеры действительно впечатляют. Видать, хорошенькие здесь игрушки запрятаны, если такого зверя сторожить Городище поставили. Но жругров тут нет.

— Ты говоришь об этом с сожалением.

— Если бы на этой свалке нашелся жругр, мы не искали бы его в других местах.

— Значит, мечту свою оседлать жругра ты не оставил?

Сухов не ответил, и Такэда обратился к Рогдаю:

— А зачем Городище стеречь? Это же кладбище, кладбище машин... э-э... самобегающих и самолетающих повозок.

— Некоторые из них оживают, — вставил свое слово Добрагаст, похожий на первого проводника как две капли воды: такой же русый, бородатый и усатый, голубоглазый и широкоплечий.

Разве что чуть моложе и веселей. — Лонись ожило чудовище с огненным глазом, выползло отсюда и на сельцо Моськва налетело, все пожгло да подавило. Хорошо, Мстиша с дружиной подоспел. Вот и стерегут.

— Да, страшненькое наследство войны, — тихо сказал Никита. — Мины да снаряды, бомбы да патроны, разве что магического происхождения. Я тоже чувствую кое-что, источники энергии, например. Значит, не все механизмы тут мертвы.

— Наверное, такие свалки есть во всех Мирах, где происходила Битва, так сказать, в Мирах Армагеддона.

— Поехали, други, — напомнил Рогдай, не понимавший, о чем говорят гости. — Места здесь небезопасные, часто бродят кочевники или орды звероловов, да и нечисть проникает через Огнь-реку.

— Да, почему ее назвали Огнь-рекой? — полюбопытствовал Такэда. — Вода как вода, не горит.

— А вы не заметили, что вода в реке течет в противоположные стороны? Стоит кому-нибудь перейти — не переплыть, плыть в той воде невозможно — границу водораздела, как сразу человек, зверь или рыба вспыхивают, загораются. И сгорают!

— Интересно! — Познавательная страсть Такэды была удовлетворена новой порцией информации. — Вероятно, воды реки имеют примеси, загорающиеся при смешении. Но почему тогда не горит сама середина, граница водораздела?

Рогдай не ответил, тронул поводья, и его конь легко сбежал с холма на равнину. Добрагаст последовал за ним, только копыта простучали по земле: ничего не звякнуло, не громыхнуло в снаряжении воинов, хотя оба несли на себе множество доспехов и оружие.

— Толя, — сказал Никита необычным тоном, извиняющимся и одновременно решительным и мрачным, — похоже, нам пора расстаться. Дальше тебе ходу нет.

Такэда сначала подумал, что Сухов шутит, но, глянув на его лицо, понял: заявление серьезное.

— Неужели я так надоел?

Никита поморщился.

— Я пойду в такие края, где сам могу не уцелеть, несмотря на паранормальные способности.

— Ах вот оно что. — Такэда опечалился. — Грешным делом я подумал о тебе плохо, извини. Но я пойду с тобой, пока я смогу идти, а там посмотрим.

— Но это же глупо — идти на верную гибель! Зачем тебе такой риск?

— Я понимаю, — сказал Толя совсем грустно, — выглядит это действительно не очень умно, однако ты плохо знаешь

японцев вообще, а меня в частности. Если для европейского сознания важен результат, то для японского менталитета — процесс. То есть прежде всего процесс постижения, приближения к истине. В принципе идеал не столь интересен, как путь к нему.

Никита покачал головой, задумался. Потом улыбнулся, тронул коня.

— Ты неисправим, самурай. Может быть, поэтому я и терплю тебя?

Легкая усмешка тронула губы Такэды, в слове «терплю» он легко угадал другое слово — «люблю», но танцор вряд ли произнес бы его вслух. Как и он сам. В сущности, не главное — что мы говорим; главное — к а к мы это говорим. Не говоря уж — что думаем при этом. Надо лишь научиться видеть.

Они догнали провожатых на равнине, представляющей собой лесостепную зону умеренных широт. Пахло травами так, как нигде на Земле, что, впрочем, было неудивительно: видовой состав трав здесь был иным, да и намного богаче.

Истекали вторые сутки скачки от Огнь-реки в глубь Свентаны — Святой Руции — Руси, и только специальные усилия диморфантов позволили новоявленным всадникам выдержать темп и сохранить их седалища от мозолей, потертостей и прочих прелестей, ждущих неопытных кавалеристов на марше.

В первый же день пути им пришлось сражаться с отрядом самых натуральных кентавров, вооруженных пиками и дротиками, а потом отражать наскок Диких Воев — по терминологии Рогдая, которые в общем-то были просто разбойниками, ищущими легкую добычу. Но четверо всадников оказались им не по зубам, и банда смылась, потеряв троих вояк, одетых в кожаные латы и грубое платно, не спасающее от мечей. В этой стычке Никита продемонстрировал свое умение драться без оружия, восхитив дружинников Мстиши, и в свою очередь впервые увидел не в тренировочном зале, а в боевых условиях, что такое «сеча Радогора», хотя, вероятнее всего, система боя на мечах здесь называлась иначе.

Рогдай зарубил троих Диких одним мгновенным, сложным и красивым движением меча, выхватив его из ножен в самый последний момент, когда его окружили. И остановился, подняв его над собой в знак того, что не желает проливать чужую кровь. Его поняли прекрасно, отстали от Никиты и Толи, миновали Добрагаста, держащего в обеих руках по сулице, и умчались в поле, бросив трупы товарищей.

— Восхищен! — коротко сказал Никита, подъезжая к Рогдаю. — Хотел бы и я так владеть мечом.

— Да и ты драться горазд, — ответил воин, явно польщенный похвалой. — Приедем — поучимся: я у тебя, ты у меня.

Больше к ним никто не приставал, хотя Сухов чувствовал, что за ними наблюдают, причем с разных сторон. Но лишь один наблюдатель не боялся обнаружить себя — птица высоко в небе, ходившая и ходившая без устали кругами над степью.

К обеду второго дня пути они добрались до предместий какого-то селения, проехали его, провожаемые взглядами редких прохожих, и остановились на отдых на берегу глубокого ручья с водой, чистой как слеза и холодной до ломоты в зубах. Спешились на пригорке с густой и короткой травой, с которого были видны леса и перелески, холмы и долины и зеленая скатерть степи.

— Заметил, какая здесь трава? — спросил Такэда, с удовольствием растянувшись во весь рост. — Чудо! Ни одного сорняка.

Сухов сел рядом, глянув машинально на эрцхаор. Перстень был теплым, а в побелевшем его камне светился зелеными линиями знак — пятиконечная звезда, такая же, что и звезда Вести на плече, — знак живущего в этом мире мага. Но кроме звезды в камне светился и знак присутствия на планете — и в хроне — сил Люцифера: багровый чертик над полумесяцем. Правда, это присутствие Никита чувствовал и без индикатора, как холодное и злобное перешептывание за спиной да тягостное ощущение нависшей над головой черной могильной плиты.

Дружинники достали из седельных сумок снедь: лепешки, на удивление мягкие и свежие, печенные в золе яйца, баранину в капустных листьях, пироги с ягодами и квас. Поделились с гостями. Те в свою очередь угостили воинов едой из НЗ, немало удивившей как видом, так и вкусом.

Через полчаса тронулись в путь.

Птица над ними продолжала кружить, и Никита подумал, уж не сам ли Яросвет «пасет» их во избежание ненужных инцидентов? Но проверить мысль не удавалось: пси-призывы Сухова, направленные вверх, остались без ответа. Зато отозвался кто-то чужой, тяжелый, грозно-равнодушный и невыносимо далекий от всего человеческого. Его прощупывающий пси-удар был так силен, что, не будь диморфантов, земляне вряд ли устояли бы под натиском чужой воли, но и того, что просочилось сквозь защиту, оказалось достаточно для «нокдауна». Никита сопротивлялся дольше своих спутников, успев ощутить удивление и любопытство неведомого исполина, вместе с тысячью не выразимых словами эмоций, но и он впал в полуобморочное состояние, длившееся не больше минуты. Чужой выяснил все, что хотел, и «выключил» свой пси-прожектор, освобождая сознание людей. Самое удивительное, что дружинники ничего не запомнили, хотя находились в шоке не менее нескольких минут. После этого Никита решил без особой надобности в эйдосферу не

выходить. До тех пор пока не научится защищаться от более мощных мыслителей, постоянно подключенных к общему полю информации Веера.

На исходе дня всадники влились в поток повозок, других всадников и пешеходов, заполонивших «шоссе» — каменистую дорогу, ровную и утоптанную, скорее всего — специально спланированную. Это был, как сказал Рогдай, Суздальский тракт, соединявший столицу Свентаны Древлянск и города больших равнин: Суздаль, Полоцк, Переяславль, Старгород и Новгород. А еще через час на горизонте показались белокаменные башни и стены детинца — Древлянского кремля. Кремль стоял на холме и был виден отовсюду издалека, в том числе из любой точки города. Башни его по форме отличались от башен Московского кремля, но все же сходство было, сходство прежде всего в исходных концепциях русского зодчества и в общих принципах градостроительства, тем более что кремль строился как крепость. Теперь же это был не только функциональный комплекс защитных сооружений, устоявший от сотен набегов кочевников и армий южных и западных завоевателей, но и прекрасный архитектурный ансамбль, образец русского зодчества, не растерявшего былой славы ни в одном из Миров Веера.

Однако провожатые не поехали к кремлю. Они оставили гостей в слободе, в предместье Древлянска с его деревянными избами, лабазами, амбарами и бараками хлебозавода и фабрик: суконной, мукомольной, ковровой, платяной, металлических изделий и скобяных товаров.

— Мы задание исполнили, — сказал, прощаясь, Рогдай, смущенный двусмысленным приказом своего начальства. — Нам велено вернуться в дружину. А вы поищите пристанища на ночь, здесь вас любой примет. Коней мы тоже заберем.

Никита и Толя переглянулись, спешились.

— Странное тут понятие о гостеприимстве, — проворчал инженер. — Если только это не новое испытание. — Повернулся к воинам: — А про Яросвета не слышали? Где он живет?

— Везде, — улыбнулся в усы Рогдай. — Он сам вас найдет в нужное время. Извиняйте, други, нам пора.

Дружинники уехали, забрав коней. Земляне остались стоять посреди широкой улицы, мощенной громадными деревянными плахами. Слева и справа тянулись все те же бревенчатые амбары без окон, склады и бараки, светящиеся медвяной желтизной, будто недавно срубленные. Но смолой и щепой от них не пахло, здания были возведены давно. Видимо, строители знали какой-то секрет консервации бревен, и улица не выглядела угрюмой и унылой.

Друзья не торопясь направились к центру слободы, заметно-

му по куполу церкви. Их обгоняли всадники, пешеходы, повозки с поклажей, по которой можно было судить о богатстве здешнего рынка. Но на перекрестке радиальной и кольцевой улиц гости узрели и нечто необычное: на гигантском возу, который тянула упряжка в шесть лошадей, мимо провезли отрубленную колоссальную мохнатую лапу длиной метров в десять! Сопровождавшие воз стражники в кольчугах и латах были хмуры и молчаливы.

Друзья долго смотрели вслед процессии, вдруг обнаружив, что никто из прохожих и проезжих почти не обращает на нее внимания.

— Значит, привыкли, — резюмировал Такэда. — Тролль или циклоп?

— Не суть важно. Главное, дружине Мстиши... или Яросвета спать не приходится. Но хорошо уже то, что она справляется со своим делом.

— Где же обитают эти великаны? В Мировой Язве? Почему же мы не встретили ни одного?

— Потому что не прошли и сотой доли периметра Язвы. Кто знает, какие твари живут там кроме тех, что мы видели.

Мимо беседующих приятелей прошла молодая и красивая женщина, окинув их любопытным взглядом. У Никиты оборвалось сердце, показалось — Ксения! Но это была не она, хотя и разлет бровей, и внимательные серые, с миндалевидным разрезом, глаза, и тонкий нос, и волосы, перехваченные лентой с изумрудами, —. все было внешней копией, повторением черт лица Ксении. Никита едва не бросился следом, но Такэда его остановил:

— Ты что, Посланник?

Сухов погас, сказал глухо:

— Показалось. — Но потом чуть повеселел, отстранил руку Толи, сосредоточился на чем-то, прислушиваясь в чему-то в себе, замер на несколько мгновений и кивнул, удовлетворенный. — Пошли за ней.

— Зачем? Ты что, будешь бросаться теперь на каждую юбку?

Никита потемнел, и Такэда быстро сдал назад.

— Извини, обидеть не хотел. Но и ты не дергайся.

— Эта девушка проводит нас куда надо. На ночлег-то все равно необходимо устраиваться. А мыслефон у нее добрый.

Незнакомка, одетая по здешней моде в длинный цветастый сарафан и сетчатую шаль, в красивых сандалиях на крохотных ногах, усмешливо оглянулась на преследователей, но не испугалась и шага не прибавила, словно знала их намерения. Она вывела путешественников на улицу жилых домов, таких живописных, украшенных резьбой, разноцветных, будто и не из дерева

сделанных, а сотканных из радуги, что диву дававшиеся друзья едва не упустили красавицу из виду. Она еще раз оглянулась, свернула к одному из домов, голубовато-серебристому, с пристройкой над крышей, и тотчас же из сеней на дорожку за изгородью палисадника с цветами вышел молодой парень — косая сажень в плечах.

Был он рус, бородат и усат, сильно смахивал на Рогдая, но тип лица у него был другой. Да и глаза светились не голубизной, а зеленью. И чувствовалась в нем такая обстоятельная, уверенная, гордая и великодушная сила, что Никита невольно расправил плечи и подтянулся. Показалось ему, кто-то тихо-тихо, почти неощутимо, как дыхание спящей девушки, коснулся кожи на темени, но ощущение было столь мимолетным и быстрым, что Никита тут же забыл о нем.

— Заходите, путники, — приятным раскатистым баритоном пригласил парень землян, — гостями будете. Вижу, ночлег ищете?

— Как вы догадались? — с простодушным выражением лица поинтересовался Такэда.

Хозяин, одетый в просторную серую рубаху, стянутую в поясе витым ремешком, серые же, но более темные брюки и сапоги из серой замши, улыбнулся в бороду:

— Да на вас написано. Меня Данилой звать. А вас?

— Посланник, — брякнул было Никита, но тут же поправился. — Никита я, Будимира Сухова сын. А это мой друг Тоява Такэда.

Толя поклонился.

Хозяин сделал широкий жест рукой:

— Проходите в хату.

Никита заметил, что кисти рук у него отливают зеленью, толкнул в бок Толю, но Данила перехватил его взгляд и жест, пояснил:

— Камнерез я, вот руки-то и изрублены. Да ничо, я здоровый, хвороба не берет.

Такэда, знавший сказы Бажова чуть ли не наизусть, вскинул голову, но говорить ничего при хозяине не стал.

Гости вошли вслед за Данилой в просторные сени, заставленные сундуками и шкафами, потом в горницу и замерли от восторга. Их поразила не чистота и уют, не колорит и не красота интерьера (русское барокко с обилием резьбы и неожиданными пропорциями, вызывающими колоссальный эстетический эффект — по определению Такэды), а портрет той самой незнакомки, приведшей их сюда, но портрет, не писанный маслом или акварелью — выполненный из полудрагоценных и драгоценных камней. Девушка была словно живая и улыбалась, и от этой улыбки на душе становилось теплее и радостнее.

Гости долго смотрели бы на портрет, если бы не услышанный ими смех: в горницу вошла давешняя красавица, успевшая сменить сарафан на обтягивающее платье из зеленой парчи, а сандалии — на туфли без каблучка из какого-то горящего, как пламя, материала.

— Нравится?

Гости, онемев, кивнули. Данила улыбнулся добродушной и одновременно лукавой улыбкой:

— Знакомьтесь, моя жена Лада. Названа так по имени богини браков, любви и веселья.

Такэда, искоса глянув на Никиту, поклонился, представил танцора и представился сам. Он тоже обратил внимание на поразительное сходство Лады и Ксении, но помнил и другую Ладу — Заавель, второе «я» Гиибели.

— Будем ужинать, — объявила жена камнереза. — Данило, зови гостей в трапезную. — Похоже, она не смущалась тем, что гости общаются двойными голосами. А может быть, законы здешней физики — магифизики — допускали еще и не такие парадоксы и чудеса.

Никита подошел к высокому комоду из светлого дерева, украшенному инкрустациями из камня, напоминающего желтый малахит. На комоде располагалась целая коллекция удивительной красоты изящных каменных чаш, кубков, бокалов и стаканов. Некоторые из них поверху были ажурными, с орнаментом тонкого изысканного рисунка, а стенки других были столь тонки, что становились прозрачными, чуть ли не светящимися, вызывая восторг и восхищение. Ни один из стаканов, чаш и кубков не повторял формы соседних, и все они были сделаны из разного камня, лишь два из которых Никита распознал: яшма и малахит. Остальные были незнакомы.

На втором комоде, чуть ниже первого, красовалась еще одна коллекция каменных изделий: фигурки зверей, людей, сказочных, а может быть, и реально существующих в данном мире созданий, химер и драконов. Над комодом на огромном ковре висело оружие: мечи, сабли, бердыши, дротики, копья-сулицы, кинжалы — все с рукоятями, украшенными изумительной работы резьбой и драгоценными камнями.

— Да-а! — только и сказал за спиной Сухова Такэда, также ушедший с головой в созерцание.

— Ваша работа? — кивнул на комоды Никита.

— Малая толика, — погладил бороду камнерез. — Нравится?

— Более совершенных не видел! Ими можно любоваться часами. В каждом говорит душа камня.

Данила прищурился оценивающе, понял: гость говорил не только о камне, но и о душе мастера.

— Идемте, истоплю вам баню. Потом поужинаем и побеседуем.

Мытье в бане, длившееся больше часа, подействовало на гостей благотворно и расслабляюще, и они почувствовали себя как дома. Тревоги и заботы отступили на второй план, пришло ощущение полной безопасности, комфорта и спокойствия, которого они давно уже не испытывали.

— Сто лет не было такого кайфа! — признался Никита другу, когда они блаженствовали в предбаннике, завернутые в огромные льняные полотенца.

Но еще больший кайф ожидал их в трапезной. Такого обилия вкусной, незнакомой еды ни Сухов, ни Такэда в жизни своей не видели.

Спиртовых настоев и вообще алкоголя этот мир не знал, и вместо вина хозяин налил гостям вареного меда, от которого у пьющих голова оставалась ясной, но отказывали ноги. Закусывали яствами, о которых гости не имели понятия, пока хозяйка не открыла секрет: черемшой квашеной, щавелем с орехами, листьями лопуха с рыбой, репой пареной, корзиночками с сыром домашним, творогом с цветками одуванчика, морковными блинами и голубцами из подорожника.

На первое им подали борщ по-огородничьи, рассольник и уху — на выбор. На второе — расстегаи с ливером и грибами, с аппетитно зажаренной корочкой, окорок копченый, пельмени с мясом и творогом, перец фаршированный, маринованный стахис. И запивалось все напитками из поленики, лесной ягоды с запахом ананаса, похожей на мелкую малину, а также морсом из костяники и морошки и еще квасом из черемухи.

После ужина у гостей едва хватило сил поблагодарить хозяйку за угощение, похвалить ее искусство, а Такэда добавил:

— Никогда в жизни не едал ничего вкуснее и долго теперь не забуду.

Никита, сказавший всего два-три слова за весь обед, старался на Ладу не смотреть, но взгляд его как магнитом притягивался к ее лицу, то и дело встречаясь с ответным взглядом женщины, улыбчиво-спокойным, умным, внимательным, с лукавинкой и грустинкой, причину которой мог знать, наверное, только муж. Никита отметил этот факт для себя и вспомнил о нем, лишь когда Лада попрощалась с ними, пожелав спокойной ночи, и ушла в спальню. Однако он долго не решался задать вопрос Даниле, ведущему неторопливую беседу с Толей. Такэда, знавший обычаи многих народов, никогда сразу не заводил разговора о том, что его интересует: по его мнению, это было невежливо.

Они ушли из трапезной в горницу, хозяин зажег люстру со

свечами, плафоны которой тоже сделал сам из дымчатого хрусталя, и комната превратилась в дворец, полный тайн и чудес. Наконец камнерез заметил некоторую стесненность второго гостя и, блеснув проницательными, светящимися по-кошачьи глазами, спросил:

— Вас что-то смущает, Никита Будимирович? Вы смотрели на жену, будто боялись ее.

Сухов вспыхнул. Показалось, что в словах мастера прячется укор и какой-то намек. Но камнерез смотрел на него доброжелательно и приветливо, и в спектре силовой волны, исходящей от него, не имелось порочных линий: превосходства, насмешки, неуважения.

— Она очень похожа на девушку, которую я ищу, — сказал танцор сдавленным голосом, пересилив себя.

— Надеюсь, расскажете эту историю, если не секрет? Не сейчас, утро вечера мудренее. Вижу, вы устали. — Данила поднялся. — Идемте в гостиную, Лада уже постелила.

— Хотелось бы вас еще раз спросить, — учтиво произнес Такэда. — Если не возражаете.

— Да ни Боже мой, — улыбнулся в бороду камнерез.

— Мы тут у вас видели, как на возу везли огромную отрубленную руку... э-э... лапу. А народ реагировал очень спокойно.

— Потому что ни один из великанов до столицы не добирается. Эти порождения Мировой Язвы иногда перебираются через Огнь-реку, тогда приходится воевать с ними. Но порубежная дружина росская у нас очень умелая и сильная, уже давно никто не рискует в открытую идти на Русь. Одиночные набеги кочевников, орд звероловов и нечисти не в счет.

— А кто такие... м-м... звери в чешуе, медведи? Они нам помогли однажды.

— Это друзья Яросвета. Их племя живет в дремучих лесах за Язвой. К людям они относятся очень дружелюбно и не раз помогали дружинникам на Порубежье. Наши ученые говорят: что «медведи» — новый вид разумных существ на планете, самый молодой из всех.

— А что, их много?

— Довольно много, но большинство — вымирающие виды. Битва нарушила не только социум, но и физическую реальность мира, и даже Яросвет не в силах повернуть процесс изменений вспять. Яросвет маг молодой, и в наследство ему достался не самый благополучный мир. Много сил ему приходится тратить на охрану Чертова Кладбища и Дикого поля, да и вообще всей Язвы. Ведь она занимает половину планеты!

Никита невольно глянул на эрцхаор. Данила перехватил его взгляд, кивнул на перстень:

— Красивая у вас оберега. Говорят, у Яросвета есть такая же.

— А кто такой Яросвет? Человек, дракон, призрак, другое разумное существо? И где он живет?

— Яросвет — маг, а где живет? — Данила широко повел рукой. — Везде.

— Нам необходимо встретиться с ним. Ты поможешь его найти?

— Он сам вас найдет, когда придет нужный час. Почивайте спокойно.

Данила поклонился и шагнул из гостиной, где были застелены полотняным бельем две широкие лежанки.

— Последний вопрос, — заторопился Такэда. — Мы несколько раз были свидетелями того, как из-под земли вылетали длинные черные стрелы...

Камнерез нахмурился.

— Где? В Яхве? Или уже по эту сторону Огнь-реки?

— Кажется, по ту.

— Террострелок. Зашевелился, капкановладелец черевистый!

Никита вспомнил туманное облачко, разговаривающее с ним мысленно. Кщерь.

— А кто такой Кщерь?

Данила насторожился.

— Вы с ним... встречались?!

— Было дело. Навеял на нас странный сон, покопался в мыслях, но вреда в общем-то не причинил.

— Вы не представляете, други, кого встретили! Даже не верится. Это же Кщерь Бессмертный, душеубийца! Высасыватель душ! И он ничего вам не сделал? Поразительно! Впрочем, это какая-то ошибка, Кщерь заперт в могильнике, он не мог выбраться оттуда самостоятельно.

— Как вы его назвали?! — взвился вдруг Такэда. — Кощей Бессмертный?!

— Кщерь Бессмертный. М-да... Поговорим завтра. Доброй ночи.

Гости остались одни, одетые в тонкие, длинные, мягкие, пахнущие березовой корой и травами, чистотой и свежестью льняные рубахи.

— Ну и совпадения! — Толя был возбужден и спать расхотел. — Значит, и Кощей имел аналог в этом мире. А действительно, почему он отпустил нас тогда, если изначально является врагом человеку? «Высасыватель душ»! Надо же. То-то озадачился Данила.

— Видимо, знает, кто это такой, не понаслышке.

— А ты обратил внимание? — Такэда понизил голос. — Он и

вообще учен не по годам и положению, если знает, что живет на планете, да и оперирует такими сугубо научными понятиями, как социум и разумный вид.

— Это перевод лингвера на наш, русский, но смысл, конечно, тот же. Да, камнерез далеко не так прост, как мы оценили при знакомстве. Как и Лада, богиня браков и любви...

— Может быть, он и есть Яросвет?

— Завтра узнаем. Во всяком случае, мы в безопасности, я это чую. Выспимся наконец.

Улеглись, хрустя простынями. Такэда погасил свечи, повозился немного, затих. Хмыкнул:

— Ты читал сказы Бажова?

— В детстве, — сонно ответил Никита. — «Серебряное копытце»...

— У Бажова тоже был камнерез Данила... и Хозяйка Медной Горы, красавица, каких не сыскать. Чем не Лада?

— К чему ты клонишь?

— Бажов, может, и неосознанно, но мог подключиться к эйдосу, то есть к общему полю информации Веера, иначе невозможно объяснить такие разительные совпадения. Тот же Кщерь Бессмертный, или душеубийца, чем не наш Кощей? Тоже ведь не случайное совпадение.

Никита молчал. Он грезил: по буйным травам степи скакала на белоснежном коне босоногая Ксения, оглядывалась, смеялась и звала...

Глава 7

Такэда встал рано и разбудил Сухова.

Полчаса они уделили тренингу, потом умылись в сенях, и Данила, вставший еще раньше, отвел их на веранду, выходящую в сад, завтракать.

Завтрак был так же великолепен, как и ужин, и съеден был с аппетитом в сопровождении тихой улыбки Лады, юной и свежей, вызывающей ответные улыбки, щемящую тоску и надежду на успех любого дела.

Затем хозяин увел гостей в свою мастерскую на втором этаже дома, в ту самую башенку-пристройку на крыше. У Никиты при этом возникло ощущение, что изнутри мастерская выглядит более объемной, чем снаружи, но он тут же забыл об этом, зачарованный великолепным разноцветьем и блеском каменных изделий, а также глыбами и друзами хрусталя и других драгоценных камней.

Гости могли бы разглядывать творения мастера — и приро-

ды — долго, но у Данилы были свои дела и заботы. Подарив друзьям по браслету из какого-то камня, напоминающего лунный, с вкраплениями еще одного, похожего на кошачий глаз, камнерез усадил их в резные деревянные кресла у рабочего стола своего и кинул оценивающе-заинтересованный взгляд.

— Итак, гости дорогие, поговорим о ваших делах.

Никита оторвался от созерцания сокровищ мастерской, кивнул Толе, и тот приступил к рассказу.

История их появления в мире Олирны заняла двадцать минут, со значительными сокращениями, конечно, и не произвела особого впечатления на Данилу. Во всяком случае, от описываемых чудес, забавных или жутких, он не ахал, в волшебные превращения верил безоговорочно, воспитанный магическими реалиями собственной Вселенной. После паузы, в течение которой он взвешивал какое-то собственное решение, камнерез произнес:

— Ваша история заслуживает внимания. Но вот вопрос: почему вы рассказали ее мне?

— Потому что наша встреча не случайна, — ответил Сухов не задумываясь. — Либо Яросвет нарочно ее устроил, договорившись сначала с Мстишей, потом с вами и вашей женой, либо... вы и есть Яросвет.

Данила откинулся в кресле, засмеялся, взлохматил волосы, перевязанные ремешком с красивейшим агатом на лбу.

— Если бы все было так просто, Посланник. Общечеловеческие нормы являются законами и для вашего, и для нашего мира, но реализуются иначе. И, судя по рассказу, ваш мир более жесток к человеку, ибо правят им люди, не заслуживающие уважения, любви, верности, дружбы и, главное, власти.

— Это уж точно, — проворчал Такэда. — Особенно в странах бывшего Союза с их развитым государственным и политическим кретинизмом.

— Конечно, наша встреча не случайна, — продолжал Данила. — Я знаю о ваших маневрах с момента встречи с Ягой.

— Ягойой?

— Ее имя еще более длинно и неудобоваримо: Беа-Войюа-Ягой-ой-ай. Нравится?

Никита и Толя засмеялись, глянув друг на друга.

— Народ обычно упрощает такие имена.

— А Праселка так зовут или тоже длиннее? По заявлению Ягойой, он вроде бы ее родственник.

— Праселк — тульпа, если вам что-либо говорит этот термин.

— Говорит, — оживился Такэда. — По нашим понятиям, тульпа — это физически реальный образ какого-либо существа или его двойник.

— Ваш ответ — убедительное доказательство родства наших миров, у нас тульпа — то же самое. Так вот Праселк — тульпа игвы Дуггура Али бен-Саида бен-Хурхурры, атамана самого думающего департамента в свите Люцифера. Разгадать его натуру трудно, по крайней мере мне, он непредсказуем.

— Для простого камнереза вы слишком хорошо информированны, — тихо сказал Никита.

По комнате словно прошумел ветер, хотя Данила не пошевелился, продолжая улыбаться.

— Понеже я не простой камнерез. — Хозяин достал откуда-то из-под стола сверкнувшую белым металлом корону с самоцветами и надел на голову; камень в ремешке пришелся точно в выемку в кольце короны. — Я — князь Мстиша, верховный правитель Свентаны. Прошу любить и жаловать. — Данила шутливо поклонился.

Никита и Толя вскочили, растерянно переглядываясь.

Данила снова засмеялся, снял корону, успокаивающе повел рукой:

— Садитесь, други, в ногах правды нет. Рад, что произвел впечатление. Нетипичный царь, верно? Этот дом — моя творческая резиденция, и знают о нем лишь друзья. Власть — тяжелый удел для творческой души, и здесь я отдыхаю. Но разговор не об этом. Мы добрались до цели вашего визита.

Никита, поколебавшись, сел, прокашлялся.

— Я был уверен, что вы Яросвет. — Усмехнулся, качнув головой. — Явление князя Мстиши Удалого для меня оказалось более неожиданным. А... э-э... Лада...

— Жена, княгиня Лада, дочь Глеба Сварожича, единственная, Богом данная. Видимо, ваша Ксения очень на нее похожа, если вы так реагируете на нее. Но продолжим.

Сухов кивнул, отсекая ненужные ассоциации, мысли и вопросы: глянул прямо в глаза Данилы-Мстиши.

— В нашем мире существует легенда о богатыре Святогоре, а в вашем жил его реальный прототип. Мы пришли за его мечом.

Наступило молчание. Князь долго смотрел на свои руки, лежащие на столе, думал о чем-то. Лицо его стало хмурым и суровым, заботы и тревоги отражались на нем, как в зеркале. Наконец он вспомнил о гостях:

— Зачем? Зачем вам понадобился именно меч Святогора, а не какой-нибудь иной? Этим мечом должен и может владеть только достойный его. По слухам, Яросвет пытался завладеть мечом, но не смог.

Никита расстегнул ворот рубашки, оголил плечо с родинками в форме семерок и звездой Вести. Цвет звезды из коричневого перешел в розовый, а поглощенные ею семерки налились кровью. Никита на мгновение напрягся, и звезда стала объем-

ной, внутри нее метнулись крохотные голубые молнии, погасли, звезда снова стала плоской.

Данила погладил усы, энергичным движением взъерошил волосы.

— Надеюсь, это знак не только Посланника, но и мага... если правда то, что я о Посланнике слышал. Что ж, я помогу вам, чем смогу. Мой проводник отведет вас к Святым горам, где покоится сам Святогор и хранится его меч, а дальше все будет зависеть от вас.

— Большего и не требуется.

— Минуту, — встрепенулся Такэда, видя, что князь собирается встать. — Чем прославил себя Святогор и как погиб? По нашим легендам, он был настолько могуч, что не имел врагов. Да и умер странно, не в бою.

— Да, умер он не от ран. Святогор — один из антропоморфных великанов, живших задолго до появления человечества и принявших на себя первый нацеленный удар воинства Люцифера, которое расчищало поле деятельности для экспериментов своего господина. Святогор по сути родственник титанам, циклопам, дэвам, абасам, асурам и турсам, населявшим планету в те далекие времена. Жалкие их остатки сохранились только в Мировой Язве, да и то лишь благодаря стараниям игв, содержащих их в качестве резерва. Вот почему мне приходится держать на Порубежье лучшие воинские дружины, хоть Русь приходится защищать и с запада — от балтов, и с востока — от индокитайцев, и с севера — от индейцев, потомков монголов, заселивших материк Северного полюса.

Данила посуровел, но не надолго.

— Когда на эти земли пришли росские племена, от рода Святогора осталось всего несколько человек, великанов то есть, а поелику россичи — мирный и трудолюбивый народ, Святогор подружился с ними и три сотни лет стерег границу со товарищи, пока те не умерли от старости. Сам он был еще достаточно силен и мог бы здорово насолить воинству Люцифера в готовящейся Битве, поэтому игвы заманили его в ловушку и таким образом исключили участие в Битве на стороне Собора Веера. Дальнейшая его судьба неясна, все-таки случилось это почти тысячу лет назад. Да и вообще вся эта история темна и загадочна. Существует поверье, что Святогор не умер, а спит где-то до лучших времен, чтобы проснуться и встать на защиту мира. Но никто не в состоянии проверить, так ли это на самом деле, разве что сам Яросвет. Может быть, он уже и проверил, ведь нашел же он меч деда и его гроб.

Данила замолчал. Молчали и гости, переваривая сказанное. Потом камнерез, он же князь, легко поднялся и, поклонившись, хитро улыбнулся:

— Я еще не отбил охоту у Посланника искать меч?

Сухов улыбнулся в ответ, вставая напротив князя.

Такэда качнул головой с невольным восхищением: оба походили друг на друга, как братья, — высокие, плечистые, русоволосые, с бородами и усами, с типично славянскими чистыми лицами, разве что цвет глаз не совпадал — голубой у Сухова, желто-зеленый у Данилы. И от обоих исходило дыхание какой-то невероятной силы, не столько физической, сколько внутренней, а также уверенности, рождавшей у тех, кто был рядом, ответную уверенность, бесстрашие и желание действовать.

— Мы идем.

— Тогда собираемся — и в путь. Я иду с вами.

— Князь, вы не должны рисковать, отвечая за Русь, за благополучие рода. Мы дойдем и сами.

— А вот это я решаю без Собора и Речи[1]. Разговоры на эту тему излишни. Идемте, кони ждут, распоряжения розданы, нужные службы предупреждены.

Великий князь Мстиша Удалой, Спаситель, отбывал на Порубежье с инспекцией.

Сборы не заняли много времени.

Никита и Толя переоделись в свои многодиапазонные «скафандры», придав им видимость местных доспехов, и ничем не отличались от всадников княжеского фиана — дружины сопровождения, присланной за ними великим князем. Сам Данила не мог отправиться в поход из своей творческой мастерской и вынужден был выезжать из детинца прилюдно, провожаемый женой и слугами. По этой же причине гости Данилы не могли попрощаться с Ладой, но князь, словно зная их желания, нарочно еще раз проехал с дружиной под стенами кремля, чтобы те увидели княгиню. У Никиты, когда он поймал прощальный жест Лады — взмах белым платком, было ощущение, что он прощается с Ксенией, причем — навсегда. Сердце долго не могло успокоиться.

Друзья с радостью поздоровались с Рогдаем и Добрагастом, былыми проводниками, также вошедшими в число сопровождающих. Командовал отрядом в количестве ста всадников князь Могута, единственный из всех, чей возраст превышал тридцать лет. Возраст остальных дружинников, бороды, усы и серо-голубые глаза которых делали их братьями, колебался между двадцатью и двадцатью пятью годами. Все они были опытными воинами, универсалами, владеющими всеми видами оружия — от

[1]Имеются в виду собрание старейшин и военный совет.

меча до лука («людьми боя», вспомнилось Сухову), поэтому отряд представлял грозную силу, способную отбить нападение любого, в пять раз превосходящего численностью, врага. В том числе из-за Порубежья. В дружину входили бойцы-колдуны, не только имеющие навыки лекарей, но и обладающие внушительным арсеналом магических формул, с помощью которых удавалось справиться с колдовскими чарами многих древних существ с парапсихологическими способностями. Земляне убедились в этом на первых километрах в пути, когда отряд встретил полевика, «злого духа», навевающего сон сродни наркотическому дурману.

Друзья еще ничего не заметили, только с удивлением обнаружили, что зевают вовсю, теряя ощущение скачки, а дружина уже перестроилась и помчалась цепью, охватывая луг с небольшой рощицей посередине. Полевик не ожидал такого сопротивления, заметался по лугу — виден был только его стремительный след в траве, да изредка возникал над зелеными волнами травы длинный язык черных волос — и наконец скрылся в болотине, оставив пятно измороси на кустах.

Такэда подскакал к Мстише, наблюдавшему за погоней с пригорка, снова отметив поразительное сходство Сухова и князя. Впечатление было такое, что они двойники, даже кони у них были одинаковые, белые с черными отметинами на лбу и черными челками.

— Князь, все хотел спросить, есть ли у вас, кроме скатерти-самобранки, другие чудесные вещи? Скажем, шапка-невидимка, дубинка-самобой? Ковер-самолет?

Мстиша-Данила снял шлем, волосы его рассыпались по плечам, почти такие же длинные, как у Никиты; тот снял шлем давно и приторочил к седлу.

— Вы снова берете пример из жизни вашего мира?

— Не из жизни, из литературы: все эти вещи были придуманы сказителями, но в реальной жизни не существовали. Зато они должны быть у вас, раз уж законы вашего мира позволяют реализовать магическое действо.

— Наверное, и в этом случае наши реалии отличаются от ваших фантазий. Вы уже должны были убедиться, что скатерть-самобранка, по сути, кухонный комбайн, позволяющий обойтись без продуктов, но не без умелой стряпухи. Точно так же работают и другие «чудесные» вещи. Шапкой-невидимкой может стать любая шапка, если знать соответствующие формулы и иметь магический потенциал. Дубинки-самобоя я не видел, но любое оружие в руках колдуна в некоторых пределах способно к самостоятельным действиям. С ковром-самолетом сложнее, это действительно специально созданное магами древности средство для полета, хотя оно и не похоже на ковер, но до нашего време-

ни сохранились единицы. К сожалению, в моем арсенале их нет. А вот кое-кто из жителей Мировой Язвы такие «ковры» имеет.

— Баба Яга... э-э... Ягойой дала нам летающую ступу. Это и есть «ковер-самолет»?

— Форма их может быть любой. А с чего это Ягойой так расщедрилась? Впрочем, — Мстиша дал знак трогаться дальше, — она странная старуха, чужая нашему миру, способная и на злой, и на добрый поступок. Считайте, вам повезло.

Отряд углубился в распадок, направляясь к югу, сначала по ровной дороге, потом по тропе, разбитой лошадиными копытами. Покачивались остроконечные шлемы, солнце играло на серебристом металле байдан, кольчуг, калантырей, бармиц, на остриях копий, на необыкновенно ярких голубых колчанах, полных стрел, на булавах и шестоперах, бердышах и топорах. Казалось, поток живого металла льется по дороге, вызывая ощущение мощи и сдержанной угрозы. И при этом слышен был только глухой стук лошадиных копыт: не скрипело ни одно седло, не позвякивали латы, не бренчало оружие.

Никита оглянулся на Такэду и по его лицу понял, что он переживает те же ощущения: шла боевая дружина профессиональных воинов, готовых к любой — в пределах законов этого мира — неожиданности, к любому подвигу во славу родины!

«За судьбу Руси этого хрона можно не беспокоиться», — подумал Никита с гордостью... и горечью, вспомнив, до чего довели правительства Русь — Россию на Земле.

Такэда догнал Мстишу.

— Простите, князь, а далеко ли от столицы Святые горы? И почему мы так спешно собирались?

Правитель Олирны сверкнул белыми зубами.

— До Святых гор пять дней пути, а собирались мы быстро потому, что существует календарь удачных походов, и, если бы мы задержались на день, следующая дата похода — через седмицу. У вас же дело спешное.

Миновали озеро с крутыми берегами, окруженное желтокорыми деревьями с резной, как у клена, но с другим рисунком листвой. Толя снова подъехал к князю:

— Я все думаю о подземном стрелке — террострелке. Вы назвали его капкановладельцем. Почему и как он живет под землей?

Мстиша оглянулся на растянувшийся отряд, в голове и с боков которого ехали разведчики и волхвы-сторожи[1], махнул вперед рукой в латной рукавице, чтобы дружина прибавила ходу.

---

[1]Охрана.

— Наблюдатель остается наблюдателем. — Князь сверкнул улыбкой. — Но у нас говорят, любознательность — не порок. Дело в том, дорогой Тоява Оямович, что терростре́лок — не есть живое существо, рожденное от такого же живого существа. Это квазирегулярный процесс в коре планеты, подчиняющийся сложнейшим формулам взаимодействий физических и магических свойств вещей. В какой-то степени процесс этот можно считать и живым, и разумным, но, к сожалению, «разум» его направлен на увеличение энтропии и хаоса. Я понятно выражаюсь?

Такэ́да, пораженный тем, что князь владеет современной терминологией, с трудом выговорил:

— М-м-м... да!

Мстиша рассмеялся и ускакал вперед.

— Что он тебе сказал такого смешного? — подъехал ближе Сухов.

— Еще раз убеждаюсь, что он очень образованный человек, — проговорил пришедший в себя инженер. — Слишком образованный. Даже для князя.

Сухов вопросительно поднял брови, однако пояснить ответ Толя не успел: впереди раздался тонкий звук трубы — сигнал тревоги. Отряд остановился. Никита прислушался к чему-то, пришпорил лошадь, вырываясь вперед, подъехал к Мстише.

— Стойте на месте, — приказал тот тихо, но с металлом в голосе. Сухов с интересом глянул на его затвердевшее лицо: это был уже другой человек, не камнерез Данила и, наверное, даже не гостеприимный князь Мстиша Удалой Спаситель, но некто сосредоточенный, жесткий и грозный.

— Что случилось?

— Поглядите влево, в ложбинку за кустом. Видите?

Сухов разглядел нечто вроде полосатой оранжево-черной дыни величиной с футбольный мяч.

— Это переступень кровавый, плод очень злобного растения из семейства тыквенных, начиненный ядовито-зловонной массой. Взрывается даже от стука копыт и поражает все в радиусе десяти саженей. Нам он не страшен, но кони могут сдохнуть. Самое странное, что раньше так далеко от Порубежья переступень не встречался.

Вскоре вернулись разведчики. Лошади их шли тихо, почти бесшумно, специально обученным шагом.

— Зело колодная пажить укруг, — доложил один из них, что лингвер перевел как «огромное минное поле». — Чурыня витийствует, вызывает спрыг-траву.

Движением руки Мстиша отпустил разведчиков, задумчиво опустил голову.

— Мы влезли на минное поле, и заминировано оно совсем недавно, ввечеру.

Подготовленный Такэдой Никита поначалу не удивился сказанному князем, но потом сообразил: произнесено это было на русском земном языке!

Вскоре группа нашла спрыг-траву, стрелки которой всегда указывали колдунам самую безопасную дорогу, и отряд повернул направо, к лесу. «Минное поле» миновали благополучно и только было вздохнули с облегчением, как вдруг случилась еще одна неприятность: в лесу на дружину напала туча гигантских комаров. Люди не пострадали, надежно укрытые за броней доспехов, но лошадям досталось крепко. Единственным средством защиты от комаров было бегство, и сотня дружно ринулась прочь, нещадно нахлестывая коней, пока те еще слушались хозяев и волхвов.

Бешеная скачка длилась с полчаса. Отряд вырвался из леса, усмирил лошадей, подтянулся. Не отстал никто, в том числе и земляне. Но это было еще не все. Стоило им успокоиться, как впередсмотрящие снова подали сигнал тревоги. На сей раз их ждала груда звероловов. Обычно звероловы — те самые кентавры с густой рыжей шерстью, которых встретили Сухов и Такэда в степи, не нападали на столь сильный отряд, однако в этот день их словно подменили.

Волна низкорослых человеколошадей числом в три сотни налетела на дружину, забросав ее дротиками и короткими копьями, и схлынула. Дружинники свято выполнили приказ Мстиши не убивать, поэтому ни один из звероловов не пал бездыханным, но первая их сотня выбыла из строя надежно: у кого была перебита рука, у кого нога, у кого выбит глаз или зубы. И все же орда предприняла еще одну попытку, забросав отряд колючими шарами, напоминающими зеленые каштаны. Дружинники знали, что это такое, и большинство «каштанов» сбили еще в воздухе — мечами, кинжалами или копьями, но не знали гости, и лошадь под Такэдой, в которую попал «каштан», сдохла мгновенно. Шары были начинены ядом. Почему сами кентавры не умирали от яда, осталось загадкой. Стычка длилась еще несколько минут, дружинники взялись за луки, и первый же залп рассеял звероловов по степи.

— Простите за неосторожность, — покаялся Толя, когда ему подвели запасного коня. — Мне бы следовало знать коварство подобных бестий.

— Это еще семечки, — сказал Никита. — То ли будет впереди.

И оказался прав.

Еще через час на них напала полудница, едва не задушив

жарой и духотой. Загнав ее в болото, дружина остановилась на отдых.

— Очень тревожный симптом, — признался друзьям князь, когда они напились кваса и перекусили пирогами. — Цепь нападений не случайна. Кому-то очень не хочется, чтобы мы дошли до цели. И все дело в вас, Посланник, а не в походе князя. Что вы думаете по этому поводу?

— Я тоже встревожен, — кивнул Сухов. — Но если бы те, кто за нами охотится, объявились здесь, не помогла бы ни дружина, ни вся ваша армия, дружище Данила.

Князь улыбнулся, отрицательно качнув головой:

— А вот тут вы ошибаетесь, Никито. Вы забыли, что гостите не столько у Мстиши или Данилы, сколько у Яросвета, хотя он доселе и не объявился. До тех пор пока вы находитесь под его покровительством, на землях Свентаны вам никто не страшен. Правда, это не означает, что можно быть беспечным и думать об удовольствиях. Тронемся, я вам кое-что покажу. Итак, предлагаю совет. — Мстиша позвал Могуту и Рогдая. — Что будем делать, други? О возвращении речи нет.

Дюжий Могута пригладил длинные усы, крякнул.

— Не впервой нам встречаться с нечистью, пробьемся.

— Это наша земля, — добавил Рогдай под взглядом князя, — кого нам на ней бояться? Мы с Добрагастом и вдвоем здесь хаживали и до Порубежья доходили.

— Что ж, лихих воинов можно было бы и не спрашивать. Мнение гостей такое же? Вперед?

— У меня есть мысль, — сказал Никита. — Мы будем проезжать мимо свалки... м-м... Обережного Городища?

— Мимо Россечи? Совсем рядом — нет.

— Тогда просьба: сделать крюк и подъехать к Городищу, я хочу кое-что проверить.

Мстиша окинул внимательным взглядом лицо Сухова, но спрашивать, что тот хочет проверять, не стал.

— Городище — не лучшее место для отдыха, но крюк сделать можно. Да поможет нам Знич! Командуй подъем, Могута.

Дружина оседлала коней, а Мстиша отозвал гостей в сторонку.

— Пусть проедут.

Отряд выехал в степь, зарысил вдоль реки. Трое воинов остались с князем, держась чуть поодаль, они жизнью отвечали за его безопасность. Все шестеро поднялись на холм, встали за густыми кустами ивняка.

— Смотрите на то место, где мы отдыхали, — понизил голос Мстиша.

Через несколько минут послышались странные звуки —

будто невдалеке проходила колонна невидимых гигантов, от каждого шага которых дрожала земля. Затем по траве пошла рябь, и сквозь зеленые волны замелькали огромные, с полметра в диаметре, копыта. Одни копыта, без лошадей. Сами всадники, а также их кони были невидимы. Никита насчитал одиннадцать невидимок — сорок четыре копыта, подумав, что у этих «лошадей» может быть и большее количество ног. Посмотрел на индикатор: алый чертик в камне перстня светился сильней.

— Многорук, — прошептал князь. — Или многоног. Гость редкий, хоть и всегда незваный, и очень опасный, лучше с ним не связываться. Было бы нас меньше, он бы уже напал.

— Так это... один человек?! — недоверчиво отозвался Сухов.

— Не человек. Чего ему от нас надо, хотел бы я знать! Обычно от Огнь-реки он далеко не отходит. Не оторвемся от него, будет худо, трясею накличет.

Остаток дня отряд скакал на юг, чувствуя на затылке дыхание неведомого и невидимого многорука. Но то ли злые чудеса кончились, то ли их отпугивал сам многорук-многоног — на дружину больше никто не напал и колдовство на ней не пробовал.

Стали лагерем на берегу довольно широкой реки под названием Нерлица. Многорук остался, словно чувствовал, что его засекли.

Поужинали в молчании, разведя костры и разогрев пищу. Пили только квас и медовый варенец, практически безалкогольный, порядки в дружине были строгие. Потом Никита отозвал в сторонку Рогдая и целый час разучивал неизвестные ему приемы работы с мечом, после чего показал несколько приемов рукопашного боя. Оба остались довольными, чувствуя друг к другу расположение.

Такэда нашел танцора у реки после купания. Сторожевая служба дружины исполняла обязанности так четко, не за страх, а за совесть, что опасаться неожиданного нападения не приходилось. Никита блаженствовал, вытираясь полотенцем, взятым из седельной сумы.

— Мстиша сказал, что до Городища рукой подать, — сказал Толя, с удовольствием наблюдая за игрой мускулов на теле Сухова. — Что ты задумал?

Никита вытерся, натянул «доспехи» — диморфанта, глянул на зарево заката и присел рядом с инженером

— На свалке Городища есть машины, годные к употреблению. В прошлый раз я заметил несколько любопытных экземпляров, в том числе вертолет.

— Ты хочешь...

— До Святых гор еще шесть дней пути, а на вертолете можно долететь за три-четыре часа.

— Ты с ума сошел!

— Почему бы и нет? Попытка — не пытка. Этим маневром мы сильно озадачим потенциальных врагов и преследователей, да и ловушек многих избежим. Ты лучше вот что мне объясни, ученый: почему в этом хроне возможно колдовство? Чем здешний мир отличается от нашего?

Такэда хмыкнул:

— Интересные ты вопросы задаешь, товарищ Посланник. Помнится, раньше тебя это не интересовало.

— То было давно и неправда.

— Могу поделиться только предположениями, качественной оценкой. Еще дома я занимался теорией магии и даже консультировался с приятелем, доктором физматнаук Новиковым-Ладыженским. По нашим расчетам, законы магической физики начинают работать с некоторого порога изменений фундаментальных констант, таких, как гравитационная постоянная, масса протона и электрона, их заряд, постоянная Планка и так далее. Сечешь?

— Не отвлекайся.

— Так вот, в нашем хроне-Вселенной, на Земле в частности, эти константы таковы, что мысленное и волевое управление природными процессами практически невозможно для большинства живых существ и систем. А для того, чтобы заработали законы магифизики, необходимо массу электрона уменьшить всего на два-три процента, заряд его, наоборот, увеличить, а гравитационное взаимодействие отделить от инерционного. Всего-навсего. И в данном хроне, в мире Свентаны, эти соотношения реализованы.

— Так просто...

— Ну почему, не так уж это просто, — запротестовал Толя. — Ведь уменьшение или увеличение констант зависит от более глубинных процессов — кварковых, а может быть, и стринговых и суперточечных.

— Стринги — это «струны»? Вихри квантовой пены пространства? А суперточки?

— Это уже другой уровень... — Толя замолк, поняв, что Сухов думает о чем-то другом.

— Я чувствую в себе силу, которая то и дело подмывает меня испробовать свои возможности. Это как раз то, о чем писал твой коллега Савченко — о связи всего со всем на микроуровне. Сдерживаюсь я с трудом. Но завтра, возможно, испытаю кое-что. В Городище. — Никита поднялся. — Пошли к князю, нам развернули походные кровати, не будем выделяться. — Такэда не нашелся что ответить.

До Городища добрались поутру, часам к десяти по местному времени. Оставив дружину, развернувшуюся подковой к «золотому полозу», по легенде охранявшему свалку, Никита с Такэдой и князем подъехали к провалу в гигантском кольце — там, где утонувшая в земле голова исполинского змея почти соприкасалась с хвостом. Вспомнился сон, навеянный черной бездной в Мировой Язве, когда землянам Кщерь внушил, что они в замке и вынуждены бежать из него, охраняемого почти таким же змеем. Кстати, не является ли тот сон намеком на действительно существующее Городище? И знает ли Яросвет о появлении на Божий свет Кщеря Бессмертного, изменившего правилам?

Никита поделился мыслью с Мстишей, и князь заинтересовался сообщением, подробно расспросив друзей об их ощущениях. Потом принахмурился:

— Честно говоря, я не поверил в вашу встречу с Кщерем, потому и не завел разговор вчера, но что-то здесь не так, Бессмертный потому и бессмертен, что живет за счет живых душ, высасывая из людей жизнь. Сиречь не время обсуждать эту загадку. Что вы хотите делать?

— Спуститься вниз. Надеюсь, полоз не проснется?

— Не должен. В свою очередь надеюсь, вы знаете, что делаете.

Они осторожно миновали два невысоких холма — голову и хвост уснувшего навечно змея, и на мгновение Никите показалось, что он прошел под аркой, сложенной из человеческих черепов, но нечеловеческих размеров. Ощущение прошло, но запомнилось, к тому же Никита уже привык, что иногда видит вещи, не доступные восприятию нормального человека.

Спуск в долину не занял много времени, и уже через десять минут группа стояла возле первого механического монстра, напоминающего грубо склепанный паровоз с десятком дюз, торчащих во все стороны. Сухов, постояв немного, двинулся дальше. Переглянувшиеся Такэда и Мстиша направились за ним.

Следующее устройство было сильно разрушено и утопало в почве почти целиком, поэтому определить его функции было невозможно. Тот же вывод напрашивался и относительно других гигантов этого ряда, ближайшего к краю долины: все они были основательно разбиты, занесены землей, и попасть внутрь не стоило и пытаться. Никита углубился в свалку, направляясь к центру долины, ненадолго останавливаясь возле некоторых конструкций, в большинстве своем поврежденных.

Вскоре они выбрались к рядам механизмов, почти не скрытых слоем земли. Трава здесь не росла, и веяло от гигантских машин угрюмой, застарелой угрозой и смертью. Такэда обратил внимание на то, что эти колоссы разрушены скорее всего уже после того, как попали сюда: следы повреждений выглядели

свежее, чем корпуса гигантов. Создавалось впечатление, что некто, огромный и мощный, прошелся по свалке чужих военных машин, о предназначении которых можно было только гадать, и разрубил каждую гигантской секирой или смял в лепешку дубиной.

Такэду не устраивал их поспешный поиск, ему хотелось не только рассматривать механизмы дольше, но и полазить по ним, пощупать руками, однако он торопливо шагал за танцором, удивляясь терпению князя, следившего за манипуляциями Сухова с любопытством и озабоченностью.

Наконец они подошли к группе машин, имевших знакомые очертания. Такэда с изумлением обнаружил среди них сверхсовременные вертолеты, геликоптеры, истребители-перехватчики и еще какие-то ракетоподобные устройства стремительно-хищных силуэтов, так безошибочно отличающих земную военную технику от гражданской, мирной. Все они были безжалостно разбиты, разрублены, искорежены, и все же беспомощными не выглядели.

Никита надолго застыл у громадного военного вертолета с двумя кронштейнами подвесок, покрытого разводами камуфляжа, о чем-то думал. Потом обернулся к Мстише:

— К сожалению, все Городище нам не обойти и за месяц. Вы случайно не знаете, где здесь брошены малые аппараты?

Лингвер перевел князю слово «аппараты» как «домовины», но тот понял.

— Пойдемте, версты полторы правее.

Через полчаса они добрались до той части кладбища техники, где были свалены в кучу малые машины. Сухов застыл возле огромных холмов ржавых конструкций, перемешанных друг с другом, знакомо «поголубел» электрически, включив свои экстрасенситивные резервы, и почти бегом устремился к самой большой куче крыльев, моторов, дюз, сопел, винтовок и листов смятой обшивки. Ткнул пальцем в тускло сверкнувший бок какого-то засыпанного почти полностью аппарата:

— Этот. Помогите освободить.

Мстиша, помедлив, принялся помогать Сухову, вынудив делать то же самое и Такэду. Спустя еще полчаса перед ними красовался помятый, но целый, с неразбитым стеклом блистера, четырехместный вертолет с двумя винтами на одной оси.

— Неужели ты хочешь... на нем? — Такэда покрутил пальцем у виска.

— Именно, — кивнул разгоряченный Сухов. — Аппарат не наш и работает не на химическом топливе, но я попробую справиться с управлением. Итак, князь, пойдете с нами? Вопросы: каким образом эта техника оказалась здесь, на территории

Свентаны, почему на свалке остались неповрежденные аппараты, для кого они предназначены — я задам Яросвету при личной встрече. Конечно, полеты в вашем мире опасны, мы уже убедились в этом, зато сэкономим время. Дайте проводника, остальное — моя забота.

Мстиша смотрел на Сухова с неопределенной миной, но в глазах его читалось уважение.

— Я не сразу понял, к чему вы клоните, Посланник, но выход вы нашли великолепный. И если уж он и для меня оказался неожиданным, то и для... — Князь не договорил. — Вы уверены, что аппарат поднимется в воздух?

Вместо ответа Сухов залез в кабину, сел в кресло пилота, явно предназначенное для существа крупнее человека, посидел минуту, прислушиваясь к себе, и сделал что-то рукой. С тихим гулом и свистом винты вертолета пришли в движение, волна ветра сдула пыль с кучи хлама, взметнула волосы князя. Вертолет со стоном выдернул корпус из обломков других машин, подскочил на метр в воздух и сел обратно. Винты остановились. Из кабины на спутников весело глядел Никита.

Спустя два часа дружина князя тронулась в путь в прежнем направлении — к Святым горам. Вертолет с землянами взлетел чуть позже, направляясь в ту же сторону. В его экипаж вошли Мстиша, Рогдай, Добрагаст и молодой волхв Вихорко Милонег. Места хватило всем.

Вершина 6

ПОСЛАННИК-ПОСВЯЩЕННЫЙ

Глава 1

То, что вертолет — не земного производства, было видно невооруженным глазом, но создавали его и летали на нем гуманоиды, хотя и гораздо крупнее человека, поэтому Никита быстро освоил принципы управления машиной, подключившись напрямую к его бортовому компьютеру. Правда, скажи ему кто еще полгода назад о таком «подключении», Сухов только посмеялся бы над шуткой, теперь же ему и в голову не приходило смеяться и анализировать, как он это делает. Знание многих удивительных вещей давно хранилось «на полках» мозга, и надо было только научиться извлекать из памяти нужные сведения.

Пролетели над Диким полем с его каменным воинством, долго провожали глазами угрюмые черно-серые башни Чертова Кладбища, придавившие ландшафт зловещей тяжестью. Вдруг Мстиша впился глазами в какую-то точку под аппаратом, тронул Никиту за плечо:

— Подождите-ка... можете повернуть назад, кружок сделать?

Сухов повернул вертолет к Чертову Кладбищу.

— Мать честная! — вполголоса проговорил князь.

— Что случилось? — встревожился Сухов.

— Башни... видите? Две из них разрушены! И разрушены недавно, перед вашим появлением. Теперь я верю, что вы встретили Кщеря Бессмертного — он был в одном из могильников. Но кто его выпустил? И кто вышел вторым?

В кабине наступило молчание. Потом Толя предположил:

— Может, Яросвет знает?

Мстиша неопределенно повел рукой, но ничего не сказал.

Вертолет снова повернул на северо-запад, к Святым горам.

Несколько раз пересекали реки и продолжительное время летели над Огнь-рекой, отделяющей Мировую Язву с ее мрачными, черно-зелеными и ржавыми пейзажами от более светлого мира Свентаны. Потом ландшафт стал изменяться, на горизонте появились горы, сначала пологие и округлые, упругие на вид, как женские груди, затем дикие, зубчато-рваные, вставшие зазубренной непреодолимой стеной.

— Убырь, — сказал Мстиша, кивая в сторону гор. — Страна неплахов, волосатых великанов и мороков — черных теней, громовников, мяцкаев и трясей. На равнину они спускаются редко, хотя в последнее время забредают и в пределы Свентаны.

Под вертолетом проплыла странная гора — идеальный купол, показавшийся желеобразным, полупрозрачным, с круглой черной дырой по центру. На миг Сухову показалось, что на них глянул кто-то равнодушно-холодный и одновременно омерзительно-злобный, как паук, поджидающий жертву. В сознание вторглась чья-то чудовищно сильная воля, почти сломив человеческую, лишив людей способности к сопротивлению. Чей-то вскрик заставил Никиту напрячь все силы и выплыть из омута безволия.

— Навь! — с натугой произнес Мстиша, также не потерявший сознания.

Вертолет отдалился от куполовидной горы, схожей с выпученным глазом какого-то чудовища, и волна чужого внушения спала. Пассажиры задвигались, приходя в себя.

— Плохи наши дела, — сказал князь, поглядывая на Сухова изучающе. — Навь — это как раковая опухоль на теле Земли, и по всему видно, что она активизируется. Если бы не семимерное страшное заклятие, ограничившее степень ее воздействия на жизнь нашей державы, мы бы уже сами стали тенями, слугами дьявола. Навь — родственница Кщеря Бессмертного и других подобных тварей.

Никита вспомнил схватку с Мороком, живущим в колодце такого же заклятия на планете Зу-л-Кифла. Видимо, Люцифер когда-то просочился во все хроны, везде оставил свои «визитные карточки» — «проекции», и Семерым пришлось эти «проекции» блокировать, ограждать стенами заклятий — то есть физических законов, запрещающих вмешательство в Миры Веера. На уничтожение то ли не хватило сил, то ли показалось достаточным ограничение свободы их действий. А когда Люцифер «зашевелился» в своем хроне-тюрьме, зашевелились и его бесчисленные двойники — «проекции».

Мстиша вдруг положил руку на плечо пилота, к чему-то прислушиваясь. Но Никита уже и сам почуял неладное. Знакомое ощущение накрывшей их сверху холодной тени заставило собраться, глянуть вокруг вторым, паранормальным зрением.

Их догонял второй вертолет! Огромный военный вертолет с ракетными подвесками, состоявший на вооружении современных армий Земли; в народе их называли «крокодилами». С одного из кронштейнов его сорвался дымно-огненный хвост — по вертолету князя открыли ракетный огонь.

Никита бросил машину влево и тут же вправо и вниз. Две

ракеты пронеслись рядом с вертолетом, расцвели на склонах гор ядовито-желтыми тюльпанами взрывов.

— Открой дверь! — Мстиша взялся за свой лук.

Никита в сомнении глянул на князя, но дверцу кабины с его стороны открыл: в полете она блокировалась автоматикой центральной колонки управления. Мстиша уперся ногой в поручень над нишей в носу кабины, высунулся по пояс из вертолета, Рогдай вцепился в его пояс, удерживая князя на весу. Но еще до выстрела Мстиши на помощь преследуемым пришла гигантская птица. Она упала вдруг сверху прямо на блистер «крокодила», яростным ударом мощного клюва разбила лобовое стекло, и второй залп военного вертолета преследователей также миновал беглецов. А затем лук князя со струнным гудением, перебившим даже рокот моторов вертолета, метнул в преследователей стрелу.

Сухов не поверил глазам: стрела вошла в бок «крокодила» и пронзила его насквозь! Вертолет пошел юзом, завертелся, клюнул носом и пошел вниз, вздрагивая и шатаясь. Исчез на фоне хаоса серо-фиолетовых теней горной страны Убырь. Птица — все тот же гигантский орел с рогами, похожий и на летучую мышь, — пришедшая на помощь, исчезла так же быстро и таинственно, как и появилась.

— Кажется, отбились, — спокойно сказал князь, усаживаясь на место. — А вас кто-то хранит, Посланник. Эта птица давно следует за нами, и я таких в нашей стране не видывал.

— Может быть, Яросвет?

Мстиша качнул головой, но заговорил о другом:

— Значит, ваши враги следили за нами с начала похода, но, слава Богу, у них не хватило времени на маневр. Ваша идея с полетом застала их врасплох. Вертолет с ракетами — жест отчаяния. Снижайтесь, скоро будем на месте.

Под вертолетом потянулось серо-зеленое бугристое плоскогорье, с высоты в сто метров похожее на застывшее, окаменевшее море с высокими и крутыми вздутиями волн. Кое-где на спинах этих волн торчали камни, постепенно складываясь в геометрически правильную россыпь и увеличиваясь в размерах. А потом Никита разглядел, что эти камни — головы в шлемах! Вскоре они стали вырастать из волн по шею, по плечи, показались огромные торсы в диковинных латах, спины гигантских животных, совсем не похожих на коней. Но и так было ясно, что здесь навек застыло, как и на Диком поле, погрузившись в камень, воинство Люцифера. В Битву оно, вероятно, вмешаться не успело.

— Марена, — кивнул за борт князь. — Давным-давно здесь в самом деле было море. Когда солнце высоко, толща камня становится прозрачной и видны рыбы и другие морские твари. Но,

хотя вода и окаменела, пройти по ней нельзя, любое существо тут же каменеет.

Застывшее море Марены уперлось в круглые, с острыми вершинами, скалы берега, над которыми занес метровые, разделенные на три доли копыта жуткий зверь, помесь носорога, верблюда и древнего земного динозавра — трицератопса. Всадник на нем по «красоте» ему не уступал — три красно-коричневые глыбы, растущие из одного седалища, с тремя крокодильими головами, но всего с двумя лапами. Эти двое казались живыми, окаменев в момент выхода на сушу вместе с морем.

— Хаббардианец?! — пробормотал Никита невольно.

— Вы угадали, — кивнул князь. — Один из хаббардианцев. Хаббард — планета во многом уникальная, на ней уживаются сразу три десятка разных рас, сходных только трехосной симметрией.

Вертолет миновал береговую линию, потом взлетел над еще одной полосой высоких скал, и пассажиры увидели то, к чему стремились.

Среди скал у подножия горы, чья вершина была срезана наискось, словно гигантским лезвием, лежал огромный, длиной в полкилометра и шириной метров в сто, параллелепипед из черного матового материала, похожий на гигантский гроб. С трех сторон он был окружен скалами, и с четвертой текла широкая черная река, через которую к параллелепипеду был перекинут изумительной красоты ажурный мост, словно сотканный из снежно-белой паутины. От моста вниз, к ущелью, шла на первый взгляд ровная дорога, оказавшаяся на самом деле грязе-каменным потоком.

Слева от параллелепипеда Никита усмотрел вывал в стене зубчатых скал, словно кто-то огромный махнул палицей и раздробил камни в огромном секторе, вершиной упиравшемся в параллелепипед. Чуть выше его на крутом склоне второй горы, отсверкивающей холодной голубовато-стеклистой глазурью, вырастала косо в небо необычной формы башня, привораживающая взор: ее основание представляло собой в разрезе сильно вытянутый ромб, на высоте трехэтажного дома оно переходило краями над камнем, а над брусом вырастала витая колонна, увенчанная шаром с сияющим под лучами низкого солнца острием.

— Перед вами гроб Святогора, — кивнул на параллелепипед Мстиша после недолгого молчания. — А ведет к нему Дорога Забвения и Калин-мост.

— Калин? — встрепенулся молчавший всю дорогу Такэда. — В нашем фольклоре тоже есть мост, только калиновый, на нем Иван-ду... э-э... герой наших сказок, бился со змеем.

— Где будем садиться? — буркнул Никита, уже давно чувст-

вуя мощное пси-давление на мозг. Гроб Святогора излучал целый пакет пси-волн, главной из которых была тоска, но и скалы вокруг, и мост, и башня — весь этот дикий горный район тоже излучал в пси-диапазоне. Потоки энергий, вызывающих ощущение страха, угрозы, предостережения, меланхолии, скорби, вины и горечи, тревоги и надежды, пересекались, интерферировали, гасили друг друга и резонировали, создавая настоящую бурю, ощутимую даже обычным человеческим мозгом. Рогдай и Добрагаст, переглянувшись, взялись за оружие, Вихорко Милонег сгорбился, шепча заклинания, а Такэда стал крутить головой, надеясь увидеть засаду.

— Справа у моста, рядом с дорогой, есть пятачок, — показал рукавицей Мстиша. — Сядешь?

— Может быть, прямо на... гроб?

— Тогда уж лучше сразу отказаться от жизни.

— Понял. — Сухов повел вертолет на снижение и посадил его впритирку к скалам на десятиметровую ровную площадку у дороги. Наступила тишина.

Пассажиры вылезли из кабины, разминая затекшие члены, настороженно оглядываясь по сторонам. Глубокая тишина пронизывала весь горный массив, тишина неподвижности, тлена и смерти, но Сухов чувствовал, что за ними со всех сторон наблюдают чьи-то недобрые глаза, будто их рассматривали сами скалы.

— Гроб не охраняется? — спросил Такэда.

— Не гроб, — отозвался Мстиша, пристально разглядывая мост, — меч. Вихорко, поколдуй, как пройти туда. Ну что, други, вперед? Времени на размышления у нас нет.

Никита шагнул было к мосту, но князь остановил его твердой рукой.

— Не лезть поперед батьки, тут все заколдовано, нюх надобно иметь.

Молодой колдун, бледный от напряжения, шагнул к бровке дороги, приглядываясь к каменным глыбам, утонувшим в незасыхающей, липкой желто-коричневой грязи, больше напоминающей смолу, и запрыгал по камням, подавая пример. Пятерка спутников последовала за ним.

Прежде чем вступить на мост, который невесомой дугой пересекал реку, задержались на минуту, завороженные водой. То есть вовсе не водой и вообще не жидкостью, как оказалось при ближайшем рассмотрении! Река представляла собой поток всевозможных предметов, тел живых существ, растений, изделий рук человеческих и, наверное, нечеловеческих, имевших тем не менее какое-то функциональное назначение даже для неискушенного наблюдателя. Объекты этого потока переходили из формы в форму, сливались, расслаивались, перетекали друг в друга,

создавая впечатление струй и медленного, беззвучного течения. Землян мороз продрал по коже от избытка впечатлений и того жуткого равнодушия, которое внушала «река».

— Кома богини Мокоши, — сказал князь. — Олицетворение неопределенности бытия. Она беспредельна и существует во всех Мирах Веера, только по-разному воспринимается.

Что-то шевельнулось — в душе Никиты и одновременно вокруг него, словно скалы мгновенно изменили форму, хотя ландшафт по-прежнему оставался неподвижен и нем. И тут же Рогдай и Добрагаст вскричали в два голоса:

— Сторож!

Оба они смотрели в противоположные стороны, и Никита понял, что отряд попал в ловушку.

— Виноват, князь! — выговорил прыгающими губами Вихорко. — Я их учуял, но огляд зело черен...

— Не казнись, — сказал Мстиша, — доставай меч, здесь твое искусство не пригодится.

Из-за гроба Святогора бесшумно, как тень, выпрыгнуло к мосту жуткое страшилище, напоминающее то, окаменевшее над берегом, что видели с вертолета: три бугристых красно-коричневых торса сидели на одном заду с двумя складчато-бугристыми ногами. Тела венчали крокодилоподобные головы с горящими желтыми глазами — по три на каждой голове. Все торсы имели по две лапы с кинжаловидными когтями, которые казались вовсе не когтями, а многолезвийными саблями. Кисти рук у чудовища были почти человеческими, пятипалыми — три пальца отдельно от двух других, хотя и раз в пять крупнее.

— Триглав! — побледнел Вихорко.

— Многорук! — эхом отозвался Добрагаст.

Никита оглянулся.

По дороге к мосту неспешно шествовал еще один монстр: десятиметровая горилла с головой-бугром, напоминающей лягушачью, замотанную от колен до шеи блестящим, как металлическая фольга, бинтом. В каждой руке-лапе гигант держал по огромной секире, но лап у него было всего две, плюс две толстые, оплывшие, слоновьи ноги, заканчивающиеся копытами. Многоруком, по мнению Сухова, он быть никак не мог. Как и многоногом.

— Как он мог нас догнать?! — изумился Рогдай.

— Это другой, — сказал Мстиша, думая о чем-то своем.

— Может быть, отступим? — предложил Добрагаст, не очень уверенно чувствовавший себя без коня. — Или откупимся? Говорят, от них можно откупиться...

— Чьей-то жизнью, — нахмурился князь. — Что будем де-

лать, Посланник? По мне, смерть лучше бесчестья, и еще никому не удалось откупиться от зла.

Никита молчал, полузакрыв глаза. Пространство вокруг кто-то раскачивал, и в такт ему качались горы, реки, моря и города, вздрагивала планета, ежился Космос, шевелилась Вселенная-хрон, вибрировал весь Веер Миров!

— Бог ты мой! — прошептал Никита. — Люцифер что-то почувствовал. Я с л ы ш у, как он ворочается!

— Тогда нам конец, — хладнокровно сказал Мстиша. — Он пошлет сюда Великих игв, и даже Яросвет не в силах будет нас спасти... если мы не успеем справиться со своей задачей. Может быть, отступим действительно, пока не поздно?

Сухов выпрямился. Мрачный огонь сверкнул в его глазах в ответ на вопрошающий взгляд Такэды.

— Ну нет! Теперь меня никто не остановит. Конечно, шиххиртх или хотя бы вардзуни нам не помешали бы, но мы имеем только то, что имеем. Отвлеките Триглава, я пока займусь многоруком. — Никита привычно сосредоточился на своих переживаниях, застыл на долгих несколько секунд, пока Мстиша стрелял в Триглава из лука, а Добрагаст и Вихорко Милонег взбежали на мост и напали на монстра с мечами и сулицами, острия которых были заговорены по особым формулам колдовства этого мира.

Такэда, как и Рогдай вооруженный заговоренным мечом и дротиками, в схватку пока не вмешивался, наблюдая за бывшим танцором. Сухов на глазах бледнел, вернее, как бы становился прозрачным, голубел, стреляя искрами, пока не оделся в пульсирующую сетку голубовато-зеленого свечения. Затем, не глядя ни на кого, быстро направился к приближавшемуся гориллоподобному великану, скользя над каменным потоком дороги, словно в невесомости.

Многорук остановился, слегка озадаченный, а в следующую секунду Такэда понял, почему эту тварь назвали многоруком: она раздвоилась! Пока инженер протирал глаза, не веря в происходящее: каждый из близнецов-страшилищ тоже раздвоился, те в свою очередь повторили действие; и пошло и поехало. Процесс закончился в тот момент, когда светящийся Посланник приблизился к первой паре многоруков на расстояние в полсотню метров и остановился. Напротив, по колено в пелене пара, выстроился целый полк многоруков: грязь под ногами гигантов начала испарять воду.

— Что он делает?! — сдавленно просипел Добрагаст, забывая о втором чудовище за своей спиной.

Такэда двинулся было к Никите, но князь остановил его:

— Погоди, Наблюдатель, он нашел неплохое решение.

Многоруки не нападали! Они толклись на месте, размахивая лапами, и выглядели так, будто у них болели животы. И вдруг снова начали делиться! Их и так было уже сотни две, а тут становились прозрачнее, теряли цвет и плотность, таяли, испарялись, пока с долгим ядовитым шипением не распались в облако желтого дыма, осевшего на скале желтовато-сизым налетом.

— Браво! — негромко высказался Мстиша и тут же мгновенно пустил стрелу в ступившего на мост Триглава. Тот легко отбил ее веером лезвий в правой руке. Одно из лезвий длиной в два метра вылетело из руки, словно его выстрелила метательная машина, вонзилось в щит Добрагаста, пронзив его насквозь, вошло ему в грудь. Воин упал. но сразу же принялся другой рукой вытаскивать кривое лезвие, шепча какое-то заклинание. Вихорко помог ему и едва не получил такой же кинжал в спину.

Триглав с невероятной силой стал метать свои дротики, по три-четыре сразу. Такэда увернулся от первой серии и со страхом увидел, как лезвия входят в камни, стреляя дымными фонтанами.

Князь от бросков не уклонялся, сбивая лезвия на лету своим льдисто-сверкающим мечом, перерубавшим дротики пополам, будто спички. Рогдай действовал так же, показывая великолепное мастерство рыцаря-профессионала.

Триглав был уже на середине моста, когда к группе его противников присоединился Никита. Не останавливаясь, он выбежал вперед и метнул свой меч с такой силой, что тот буквально исчез из глаз. Все случилось в одно мгновение: бросок, свист распоротого воздуха, удар — и средняя голова чудовища отделилась от шеи и, ударившись о мост, упала в реку. В вечереющее небо ударила струя светящегося дыма.

Триглав перестал метать дротики, остановился. Две его крайние головы словно в недоумении повернулись к обрубку средней шеи.

— Меч! — протянул руку за спину Никита.

Такэда, демонстрируя отличную реакцию, как заправский оруженосец, подскочил к нему первым, отдал свой клинок.

Еще один мгновенный бросок, свист и удар, и вторая голова монстра свалилась под мост. Триглав заревел, бросаясь вперед, буквально смел с моста в реку Вихорко и Добрагаста, поднял обе руки с дюжиной лезвий, но Мстиша, не дожидаясь призыва Сухова, уже вложил в его руку свой меч. И третья голова гиганта слетела с туловища, скатываясь по ..журному настилу моста к ногам попятившихся людей. Ноги у Триглава подогнулись, он с ходу сунулся обрубками шеи в россыпь камней, с которых едва успели спрыгнуть в разные стороны Мстиша, Рогдай и Такэда. На мосту остался стоять Никита, объятый переливчатым орео-

лом свечения. Подошел к перилам, заглянул вниз. Но Добрагаст и Вихорко Милонег исчезли в реке — косе Мокоши, превратившись в ее струи-волосы.

Триглав жил еще полчаса, дергаясь, пытаясь подняться, шаря вокруг руками, из которых выпали все его огромные саблидротики. Отряд не любовался его кончиной, находясь под впечатлением гибели двух молодых дружинников. Никита был подавлен, но понимал, что еще не закончил дело до конца и надо спешить.

— Они не ждали нас так скоро, — сказал Мстиша, оглядываясь с моста на труп Триглава; под словом «они» князь подразумевал силы Сатаны. — Иначе меч охранял бы целый сонм чудовищ. Но ты молодец, Посланник. — Мстиша окончательно перешел с Никитой на «ты», и тот принял это как должное. — Не казнись гибелью Добрагаста и волхва, ты не виноват. Похоже, единственный способ победить многорука без войска был твой: спровоцировать резонанс размножения! А это уже уровень гипервоздействия. Поздравляю, мастер. Идем дальше?

— Не спешите, князь, — раздался сверху, с крышки гробницы Святогора, чей-то голос. — Кандидатура Посланника неплоха, но, во-первых, он не посвящен, а во-вторых, не готов к Пути Великого Соединения.

— Праселк! — прошипел Такэда.

Это был тот самый старик в овчинном тулупе, с посохом в руке и с филином на плече, что встретился друзьям в лесу Мировой Язвы. Тульпа — двойник игвы Дуггура Али бен-Саида бен-Хурхурры. Снизу, с расстояния в семь-восемь десятков метров, он казался карликом, но глаза его светились, как угли, а голос был звучен и слышен всем.

Снова внутри Никиты качнулась Вселенная, заколебались все физические и магические поля, будто волны по воде от брошенного камня: Люцифер уже отдал приказ исполнителям, и один из Великих игв прислушивался к Вееру, нащупывая нужный хрон.

— Быстрее! — шепнул Мстиша на ухо Сухову. — Он отвлекает нас нарочно, поелику не в состоянии помешать сам. Ярсвет загнал его в нору Морока, но Праселк многомерен и смог просочиться обратно.

Никита уже понял, почему князь разговаривает по-русски с такой изысканной точностью и знанием терминологии, о которой простой правитель типа земных царей и понятия не имел, однако проверять догадку было некогда.

Четверка перебежала мост и остановилась под стеной черного монолита, на боках которого были видны борозды — будто следы ударов гигантского топора. Внутри него, по преданию,

спал мертвым сном Святогор. Праселк смотрел на них сверху, с крышки гробницы, как голодный зверь, но спуститься вниз не решался. Мстиша уже нашел и подобрал свой меч, возможности которого превосходили потенциал любого другого, и поглядывал вверх с подчеркнутым вожделением.

Такэда с удивлением обнаружил, что гроб окружен густой желтой травой с необыкновенно красивым резным язычком, более светлым, чем нижняя часть стебля.

— Плакун-трава, — сказал Мстиша, заметив взгляд Толи. — Цветет раз в сто лет, в канун гибели Святогора.

— Как же они его сюда заманили? — пробормотал Такэда. — И кто именно?

— Игва Гиибель, — ответил князь мрачно.

Никита тоже смотрел на гробницу великана сквозь прищур век и думал о том же. Земной былинный Святогор не совершил ни одного подвига, не сделал ничего выдающегося, лишь послужил олицетворением первобытной, чрезмерной и ненаправленной силы. Сказитель былин, неосознанно получивший информацию о богатыре из эйдоса, общего поля информации Веера, не нашел ему применения ни героически-воинского, ни хозяйственно-производительного. Такая сверхсила в земных условиях не пригодилась. Но она не сработала и здесь, на родине колосса, слишком простодушного и доброго, чтобы сражаться с коварным, хитрым и злобным врагом, в моральном арсенале которого не было места благородству, великодушию и чести. Предок Святой Руси, освященный ее Соборной Душой, впитавший силу многих поколений, он так и не смог встать на защиту родины, поверив порочной красоте Гиибели, которая и заманила его в ловушку.

— Что ты медлишь? — толкнул Сухова Такэда. — Бери меч и сматывай удочки. Где он, кстати? Неужели под гробом лежит?

Никита оглянулся на Мстишу:

— Я боюсь, князь. Сверхмечом должна обладать сверхсила, а я — обычный человек, способный совершать ошибки.

— Не прибедняйся, — проворчал Такэда. — Ты не обычный человек, ты паранорм и потенциальный маг и уже доказал нам это. К тому же, если вспомнить былину, были богатыри и посильнее Святогора, тот же Микула Селянинович, ратай, свободно таскающий в узелке «всю тягу земную». А он ведь был нормальным человеком, с виду хотя бы. Вспомнил? Тогда действуй.

Мстиша, улыбнувшись в бороду, кивнул, соглашаясь.

Никита, встретив его взгляд, глубоко вздохнул, расправил плечи, глянул мельком на филина, который с криком носился над ним, и медленно приблизился к странной крестообразной

башне, косо нависавшей над скалами и краем площадки у гроба Святогора. Сеточка свечения вокруг Посланника засияла сильнее.

Такэде показалось, что где-то в недрах гор зародился низкий гул, прокатился по скалам, выплескивая неистовый — но не слышимый ушами! — грохот взрыва, и ушел в кости людей тонкой вибрацией, едва не превратив их в желе. Вселенная плавно поехала вправо-влево, потом вверх-вниз — опять же за гранью человеческих чувств, воспринимавших мир вокруг неизменным.

Что-то поднималось из неведомых глубин в неизмеримые высоты, сопровождаемые чудовищным грохотом и прекрасной музыкой — в полной тишине и неподвижности горной страны. Засияло невыносимым пламенем — в полумраке наступающей ночи. Лопнуло фонтаном боли и блаженства — при абсолютном отсутствии каких-либо ощущений...

И когда Такэда готов был умереть от переполнявших душу нечеловеческих, не выразимых никакими словами чувств, башня над головой Сухова дрогнула и начала вытягиваться вверх, расти, уходить в небо, скрываясь за невесть откуда взявшимися облаками.

— Знич, Дажбог, Сварог, Хорс и Стрибог! — забормотал Рогдай, заикаясь, отмахиваясь пальцем. — Помогите нам, помогите ему, помогите всем...

— Финист! — с благоговением проговорил Мстиша, задирая голову, не спуская глаз с башни. — Меч Святогора!

— Что?! — ахнул Такэда. — Это — меч?!

Дрожали горы, ревел ветер, молнии рвали воздух, вонзались с шишака рукояти меча в облака, а он все вытягивался и вытягивался из склона горы в небо, пока не завис огромной наклонной колокольней над фигуркой человека в коконе голубой светящейся паутины. Остановился. Что-то кричал Праселк, прыгая по краю крышки гробницы, но его никто не слушал. Задрав головы, все смотрели на исполинский, длиной в семьдесят с лишним метров, меч.

Никита тоже глядел вверх на гигантскую крестообразную рукоять-крыж, состоящую из огнива — поперечных дуг, черена — собственно ручки и яблока — шаровидного навершия, смотрел задумчиво и строго. Ждал. А п о ч у в с т в о в а в момент, протянул руку вперед — и меч, стремительно уменьшившись в размерах, словно прыгнул ему в руку.

Все замерли, в том числе и Праселк, и даже его филин-оборотень перестал летать и орать. Затем Праселк сиганул вниз с гробницы, приземлился, как резиновый мяч, и поскакал по камням к мосту, через мост и дальше по глыбам Дороги Забвения.

— Ты можешь его достать, — негромко сказал Мстиша.

— Знаю, — спокойно сказал Никита, — но удару в спину не обучен.

Такэда подошел и как завороженный уставился на меч. За ним Рогдай. И лишь князь глядел на Сухова, а не на клинок в его руке длиной в полтора метра. Меч играл необыкновенным дымчатым блеском, сочетавшим одновременно туманность и прозрачность, он плавился и горел, испарялся и твердел, исчезал на неуловимое мгновение и появлялся вновь. Он жил!

Такэда почувствовал холодок страха и ощутил, как диморфант на нем, закамуфлированный под кольчугу, поежился в ответ. Видимо, он знал, что удар этого меча не выдержит.

— Уходим, — дотронулся до плеча Сухова Мстиша. — Пора, Посланник. Тебя ждет Путь, меня — мои дела. Чем быстрее вы доберетесь до темпорала, тем меньше шансов встретиться с ЧК.

Такэда, услышав знакомые термины, вопросительно уставился на князя, удивленный его чисто русским произношением, не требующим перевода лингвера. Оглянулся на Сухова.

— Что, прозрел наконец? — усмехнулся тот. — Знакомься: Данила, камнерез, он же Мстиша Удалой-Спаситель, Великий князь Святой Руси, он же Яросвет, маг, держатель хрона.

— Не всегда, — мягко возразил Мстиша. — Яросвет так же многомерен, как и другие маги и демоны, а я всего лишь один из его альтернативных «я», так сказать, полномочный представитель. Яросветом я могу стать лишь в том случае, если соберу в себе все «я» мага. Но поторопись, Посланник, я чую запах дьявола.

— Я тоже. — Никита оторвался от созерцания меча, сделал гибкое движение кистью, отчего меч вычертил замысловатую фигуру перед ним. — Но, во-первых, к мечу полагается щит или, по крайней мере, перевязь и ножны, во-вторых, ты забыл о Посвящении, а в-третьих, мне хочется кое-что проверить.

— К этому мечу не нужны перевязь и ножны, — сказал Мстиша. — А тем более щит. Твое желание и есть ножны.

Сухов понял князя правильно, полузакрыл глаза, прислушался к чему-то, и в то же мгновение меч оказался у него на поясе, в ножнах, сияющих ртутно-серебристым блеском и висящих на такой же узорчатой перевязи.

— Ну, вот видишь?

— Годится. — Сухов выхватил меч из ножен, поупражнялся в вытаскивании: зрителям казалось, что меч сам вскакивает из ножен ему в руку и прыгает обратно. — Что ж, поглядим, что искал там господин Праселк.

Он воткнул меч в землю и... вознесся на вытянувшемся клинке на высоту гробницы Святогора, спрыгнул на край крышки, где недавно плясал Праселк. Прошелся по черной крупнопо-

ристой поверхности площадью с футбольное поле, прислушиваясь к ощущениям. И ему внезапно открылась истина: Святогор все еще был там, внутри гигантского пенала, но богатырь не умер! Он спал. Может быть, сон его и был вечным, однако смертью сон этот назвать было нельзя, существовал мизерный шанс снять заклятие зла, принявшее в этом мире форму абсолютной тюрьмы — гроба.

«Пусть не сейчас, но я помогу тебе!» — мысленно воззвал Никита к тому, кто покоился над миллионотонной плитой, и услышал ответный пси-шепот: «Благодарю, витязь. Возьми мой меч, Финист, колебатель пространства. Он твой». — «Я взял». — «Тогда тебе легко будет проделать щель в крышке гроба — я тоже могу кое-что сделать для тебя». — «Может быть, я разрушу весь гроб?» — «Чтобы разрушить гроб-заклятие, надо быть Люцифером. Даже моей силы не хватило бы, помноженной на мощь меча».

Никита огляделся, подошел к углу плиты, примерился, взяв меч двумя руками, и ударами наискосок — клинок меча превратился в широкое полотнище прозрачно-стального пламени — снес угол плиты и часть ребер гробницы так, что образовалось треугольное отверстие, в которое с гулким хлопком ворвался воздух. Куски плиты и стен тяжело рухнули вниз.

«Протяни в отверстие меч и нагнись сам».

Никита сделал мечом на срезе ступеньки, стал на колени над отверстием и, сунув туда острие меча, наклонился сам. Ему показалось, что в голове разорвалась бомба! Но не боли, чего он ждал невольно, а мощнейшего возбуждения! В жилы влилась ликующая, жизнерадостная, бодрящая, всесокрушающая — не физическая, но имеющая и материальный выход сила! И одновременно печаль и понимание того, что есть пределы применения этой психофизической мощи, ограниченной Законами Универсальной Экологии, Этики, Любви и Добра.

«Прощай, витязь. Ты все принял и понял, считай это Посвящением. Прежний Посланник был моим другом, хотя и не был ни человеком, ни великаном, но он остался бы доволен выбором Собора — и Вестника. И моим. Удачи тебе, Симаргл».

«Я не Симаргл», — возразил Никита, но Святогор, вернее его дух, уже не слышал ничего. Скорлупа заклятия снова сомкнулась над ним, видимый человеческому глазу как гроб, несокрушимой и непроницаемой броней, срезанный мечом угол гроба восстановился. Лишь заклятие Семерки магов, выигравших Битву в прошлом, и помогло Никите пробить эту броню, вскрыть гроб Святогора на короткое время, также рассчитанное Семерыми с величайшей точностью. Все было предопределено заранее. Кроме одного — личности Посланника. Семеро свое

время посвятили Пути своего друга Симаргла, которого убили на Земле игвы. Однако и Великая Четверка ошиблась, полагая в своем высокомерном пренебрежении к другим существам, что никто не рискнет принять эстафету Посланника. Никита, слабейший из существ — как и любой другой землянин, не бравшийся в расчет никем из демонов, рискнул, хотя и не без помощи Толи и долгих колебаний, в результате которых из среднестатистического себялюбца проклюнулся лидер и воин, способный постоять за себя и других.

— Симаргл умер, да здравствует Симаргл! — проговорил Сухов про себя и с хмурой улыбкой добавил: — Апостол, так сказать. Или все же Бог связи?

Покачав меч в руке и чувствуя силу, которой хватило бы на прямую схватку с любым демоническим существом типа Триглава или многорука, он одним движением бросил меч в ножны и без труда, не задумываясь, спрыгнул вниз с гробницы.

Глава 2

Все еще чувствуя колебания полей, из которых лишь два были известны людям, да и то чисто информативно — магическое и пси-поле, Никита облетел гроб Святогора, как бы прощаясь с богатырем, а также с Добрагастом и Вихорко Милонегом, и направил вертолет на север. Ночь они провели в машине, отдыхая по очереди, а ранним утром, как только вспыхнули золотом вершины гор на востоке, стартовали.

Через полчаса полета они начали встречать оставшиеся отряды существ, служивших силам зла на Олирне: кентавров-звероловов, ушастых упырей, мороков, многоруков, трех- и двухглавых змей, одноглазых неплахов, косматых переплутов. Называл тварей Рогдай, показывая вниз кончиком копья, остальные молчали. Не то чтобы в кабине царило уныние, но и веселого в их победе было мало. Все понимали, что грядет новая Битва, несущая неисчислимые жертвы и беды, и шанса предотвратить ее почти не существовало.

— Сколько же у вас скопилось недобитой нечисти! — вырвалось у Такэды, провожавшего глазами огненно-рыжего полевика, за которым в траве оставался черный след. — Вероятно, здесь и произошла главная битва Семерых с воинством Люцифера?

Мстиша покачал головой, откинул назад волосы со лба.

— Все битвы на поверхности планет — лишь отголоски настоящей Большой Войны, которую и войной-то можно назвать лишь условно, поскольку она была войной физических законов,

а не армий. Хотя в результате оказались свернутыми в сверхплотные коконы сотни вселенных-хронов. Наверное, и у вас на родине из-за просачивания Хаоса происходили резонансные битвы — эхо Войны Семерых с Синклитом Четырех и самим Люцифером.

— Может быть, Куликовская? — подумав, ответил Такэда. — Или Вторая мировая война? Последняя была особенно жестокой, причина была весьма прозаической — передел мира и борьба за власть.

— А кто сказал, что Хаос просачивается только в виде физических субстанций, материальных полей, аннигиляционных процессов и чудовищных порождений зла? Психическое вырождение, рост числа болезней и их смертоносности, генетических отклонений, ведущих к физическому вырождению, — вот далеко не полный перечень примеров просачивания Хаоса в Миры Веера. И процесс этот оружием остановить невозможно. Следующие Семеро должны копать глубже.

— А ты... вы? — повернул голову к Мстише Никита. — Могу я считать вас одним из Семерых?

— Меня — нет, — ответил, блеснув улыбкой, князь, — Яросвета — да.

Вертолет дернулся, но не из-за потери управления пилотом: Никита почуял выстрел терростре́лка и успел отвернуть машину в сторону; длинная черная стрела унеслась в небо так высоко, что пропала из глаз.

— Хорошая реакция, Посланник! — похвалил Мстиша.

— Наши! — вскрикнул Рогдай, тыча в пол кабины ножнами меча.

Среди скал начинающегося плоскогорья Оряк ползла толстая серо-стальная змея отряда всадников — дружина Мстиши.

Через несколько минут их обнимал князь Могута и радостно приветствовали дружинники, примолкшие после сообщения о гибели Добрагаста и волхва.

В течение получаса был разбит лагерь, поднялись шатры для князей и гостей, загорелись костры, и сокольничие начали готовить завтрак.

Никита постоянно чувствовал присутствие меча: то как огромного кота, свернувшегося и спрятавшего когти, то как слиток раскаленного металла, готового прожечь ножны и землю до самой преисподней, то как настороженно вглядывающегося в хозяина пса, а то и как молчаливого товарища. Финист привыкал к нему, изучая со своей стороны, наполняя душу уверенностью и силой. Но хотя возможности его превосходили человеческое воображение, а сам он, едва вынутый из ножен, заметно прогибал пространство-время, влияя одновременно на пси-

хику, скрытая мощь меча не создавала впечатления злобной угрозы. Он предупреждал. Прежде всего предупреждал убийц, подонков, циников, предателей и лицемеров. Вынимать его из ножен по пустякам не стоило, Никита это уже понял.

— Пошли умываться, — позвал его Такэда, — здесь неподалеку ручей с чистой водой.

На берегу ручья они встретили Мстишу, утиравшегося после купания длинным полотенцем. Князь был широк в кости, поджар и мускулист. Видимо, привык держать себя в форме. Его доспехи сторожили двое дружинников, третий — Рогдай, купался неподалеку.

— Потренируемся, Никито? — окликнул он Сухова.

Тот подумал и согласился. Раздевшись догола, как и Рогдай, взял меч, но не свой, а Такэды, и полчаса рубился с молодым воином, изучая приемы, которых еще не знал. Затем оба сошлись в рукопашной, где Рогдай явно уступал своему противнику в силе и знании систем борьбы. Искупавшийся Такэда, Мстиша и дружинники с удовольствием наблюдали за баталией, перекидываясь репликами, но князь вдруг не выдержал и вмешался в поединок, заменив выдохшегося Рогдая.

Противником он оказался посерьезнее, знавшим кулачный бой и многие приемы русского стиля, да и силушкой Господь его не обидел, но все же Сухов превосходил его почти по всем параметрам и закончил бой, сбросив князя в глубокий бочаг у противоположного берега ручья.

— Ну, Никито Будимирыч, ты велик! — сказал Мстиша с восхищением, вынырнув на поверхность. — Исполать воину! Меня по сю пору никто не ронял. Знал я, конечно, что Посланник должен быть мастером всех видов воинских искусств, но к себе его мастерство не примеривал.

Бойцы еще раз искупались, вытерлись насухо и оделись.

— Итак, куда теперь? — Мстиша расчесал мокрые волосы красивым гребнем из полупрозрачного зеленого, с желтыми светящимися прожилками камня, перехватил взгляд Никиты. — Нравится? Камнереза Данилы работа. — Князь хитро подмигнул. — Возьми, дарю!

Сухов принял подарок: от гребня исходило удивительное тепло, — вспомнил заколку для волос, которую ему подарила Таль, но между обоими подарками существовала большая разница, такая же, наверное, как и между демоном-хаббардианкой и магом Семерки. Сухов спрятал гребень на груди и вдруг почувствовал беззвучный толчок в сердце. Замер, прислушиваясь к себе, а потом к миру вокруг. Мстиша метнул на него потемневший взгляд.

— Что-то услышал, Никито?

Сухов глянул на индикатор, камень перстня весь светился оранжевым, а внутри него пульсировала, как зрачок чьего-то недоброго глаза, черная окружность.

— Похоже, у нас гости... кто-то вышел из темпорала.

Князь тоже посмотрел на перстень эрцхаора на пальце землянина, стремительно подошел к ручью, наклонился и звонко шлепнул ладонью по воде. Через несколько секунд из воды вынырнула чья-то усатая морда: сом не сом, тюлень не тюлень — полурыба-полузверь. О чем он разговаривал с князем, осталось неизвестным, Сухов смог только поймать эхо их ультразвукового обмена. Затем голова рыбы-зверя без всплеска ушла под воду, князь вернулся озабоченный.

— Завтрак и отдых отменяются. Ты прав, Никито, в болотах Мировой Язвы началось какое-то д в и ж е н и е. А это означает, что...

— Что нас запеленговали, — закончил Такэда. — У темпорала наверняка будет ждать засада «чекистов», которых вызвал Праселк.

Никита задумался. Навалилось ощущение безнадежности, неуверенности, обреченности; появилось желание бежать куда глаза глядят, спрятаться, забиться в щель или на дно морское и не выходить... и тут же негативные эмоции схлынули, вызвав огромное облегчение: диморфант включил пси-защиту хозяина. Сухов поднял голову. Мстиша смотрел на него изучающе и вопросительно.

— Мне бы коня... — проговорил Никита тихо, хотел пояснить, что он имеет в виду, но его поняли.

— Меч нужен по воину, — кивнул Мстиша, — конь — по всаднику. К сожалению, такого коня на моих конюшнях нет.

— Вы о чем? — озадачился Такэда, спрашивая сразу обоих.

— Мне нужен конь или любое другое транспортное средство, не привязанное к темпоралу, — ответил Никита. — И на данный момент я знаю лишь одно такое средство. — Он помолчал. — Это жругр.

— Только жругра нам не хватает! — Такэда впал в состояние каталепсии.

— Жругр? — переспросил князь. — Что это такое? Может быть, я знаю? Расскажите.

Сухов рассказал, поглядывая на эрцхаор. Перстень пылал и «кусался», предупреждая о вторжении в хрон чужого носителя магиполя гигантской концентрации.

— Нет, в пределах Олирны и вообще на планете таких тварей я не видел, — твердо заявил Мстиша. — Но не переоцениваешь ли ты свои силы, Посланник?

— Не знаю, — признался со вздохом Никита. — Но не вижу

другого выхода. Пока я привязан к «лестнице» Шаданакара, риск попасть в засаду будет увеличиваться день ото дня, а чтобы собрать Семерых, мне нужна свобода передвижения из хрона в хрон.

Мстиша не переспросил, что такое «лестница» Шаданакара, подтверждая этим свою причастность к знаниям Яросвета.

— Что ж, если без темпорала не обойтись, идем к нему. Единственный вопрос — каким путем? По земле, по воде, по воздуху?

Словно в ответ над головой раздался орлий клекот. Схватившись за оружие, все трое посмотрели вверх. Над ними кружила давешняя рогатая птица, которая спасла их от военного вертолета. Она вытянула длинную лапу, словно показывая что-то за горизонтом, взмахнула крыльями и в несколько взмахов исчезла в густой синеве неба.

— По воздуху, — сказал Никита, прикидывая, кто бы это мог быть. Не Зу-л-Кифл, во всяком случае, он распознал бы его появление. Тогда кто?

Вертолет, охраняемый дружинниками, был готов к полету — удивительное создание рук каких-то разумных существ, владеющих секретами тысячелетней консервации техники. «Хотя, с другой стороны, — пришла Сухову мысль, когда он садился на место пилота, — машину могли оставить и недавно, лет двадцать-тридцать назад, предназначая ее для кого-то из своих. Разобраться бы, кто они — эти «свои»...»

Вертолет поднялся в воздух.

Их сбили при подлете к Огнь-реке, на этот раз терростелок не промахнулся. К счастью, стрела не задела двух пассажиров, Мстишу и Такэду, и пилота, пробив хвостовую часть кабины и отбив кончик винта. Упали они с высоты в сто метров, и тоже удачно — сначала на склон холма с густой травой, а потом скатились на торфяно-мшистое болото, смягчившее удар. Выбрались на берег.

Сзади простиралась знакомая холмистая равнина, степь, впереди начиналось болото, за которым текла Огнь-река. Ее недалекий низкий и топкий берег порос гигантским папоротником и рыжей травой, стебли которой походили на лезвия сабель и были так же остры.

— Далеко отсюда до темпорала? — спросил князь, глядя на реку.

— Верст сто, — ответил Никита. — Пешком будем добираться неделю. Зря пошел с нами, князь. В твоих руках судьба страны, ты не должен рисковать своей жизнью.

— Кто знает, что и кому я должен? И кто знает, где риск меньше: в стольном граде за стенами детинца или здесь, у Ми-

ровой Язвы? А насчет судьбы державы, тут ты прав, Посланник, именно поэтому я нынче с тобой.

— Не философствуйте на смертном одре, коллеги, — вмешался озабоченный Такэда. — Лучше думайте, как нам перебраться на тот берег.

— Придется обращаться за помощью к Яросвету. — Мстиша достал из кармана плаща, которым прикрывал доспехи, необычной формы свисток, поднес к губам. Свиста никто не услышал, даже Никита, но спустя минуту мох на болоте зашевелился, и к реке устремились полчища змей самых разных расцветок и размеров. Самая крупная из них — двухголовая — достигала длины четырех метров.

— Эт-то еще зачем? — Такэда брезгливо отбросил ногой бурую змею с глазами по всему телу, не обратившую на него никакого внимания.

— У Яросвета со змеями договор, — ответил князь. — Они ему многое должны. — Махнул рукой: — За мной. — И первым полез в болото.

— А свистулька-то похожа на ту, что нам дал Вуккуб на мосту, — обратился Толя к Никите. — Ультразвуковая.

— Скорее магически-звуковая, — рассеянно отозвался Сухов.

Они продрались сквозь кусты и траву на берег Огнь-реки, где змеи начали «монтаж» из своих тел какой-то башни. Это было удивительное и одновременно страшное зрелище. Поток шипящих гадов не иссякал, змеи ползли и ползли, сцеплялись друг с другом, ловко взбирались на ступенчатое основание башни и снова сплетались в узоры, застывающие фермами, пилонами и перепонками. Через полчаса «строительства» перед застывшими людьми красовалось нечто напоминающее скелет аэроплана времен начала воздухоплавания длиной в полсотню, высотой в десяток метров, с размахом крыльев, в два раза превышающим длину.

— Хацюмэ[1]! — прошептал Такэда. — Самолет, что ли? Или планер? Как он полетит без двигателя?

— Залезайте, — сказал Мстиша, подавая пример.

Никита после некоторого колебания последовал за ним, с удивлением обнаружив, что тела змей стали твердыми и прочными.

«Кабина» больше напоминала корзину, сплетенную из толстых корней какого-то растения; головы змей, слава Богу, тор-

[1]Хацюмэ — первый сон в новом году (*яп.*); здесь: я сплю!

чали наружу. Воздухоплаватели уселись на пол, Мстиша снова достал свой свисток.

— Поехали, други.

«Аэроплан» без толчка поднялся в воздух и скользнул над рекой на ту сторону. Поднялся над болотом, потом над лесом, но невысоко, так что можно было при желании срубить вершину дерева. Никаких полей и сил, несущих аппарат, Никита не ощущал, и тем не менее они летели! И летели с приличной скоростью — километров сто в час.

— Чуть левее, — посоветовал Сухов князю, глянув на эрцхаор.

Змеиный «аэроплан» послушно изменил направление, будто им управлял пилот, который услышал распоряжение. Мстиша засмеялся.

— Не удивляйтесь, други, наш мир еще и не такие чудеса видывал. К сожалению, больше злые, чем добрые, но уж таково наследие. Ничего, справимся, еще и Мировую Язву когда-нибудь перепашем и заселим... если ваша миссия закончится благополучно.

Какое-то время летели молча, готовые ко всему, всматриваясь в горизонт и в лес под «змеепланером».

— Ты уверен, что справишься с ЧК? — спросил Такэда, приблизив губы к уху Сухова.

— Вы забываете о Яросвете, — подал голос князь, обладавший великолепным слухом. — У нас существует пословица: и комар лошадь повалит, ежели медведь подсобит.

— Значит, я — комар? — нехотя улыбнулся Никита, почувствовавший вокруг себя некое сгущение полей: их пытались пеленговать по мысленному эху и по магиполю.

— О Знич, Перкун-грозовик! — Мстиша, побледнев, уставился вперед. — Только не это! А я думал, что же так похолодало! Вот, значит, кто вылез из второго могильника!

— Кто? — не понял Сухов.

Князь оскалился:

— Василиск! Из первого разрушенного могильника Чертова Кладбища — Кщерь, а из второго — василиск. Приготовьтесь, катапультируемся. Заметит — глазом моргнуть не успеем.

Никита, холодея, осознал, что черная глыба, торчащая над лесом горой, напоминающая паука, — гигантское существо!

В тот же момент змеи, вплетенные в дно кабины, стали мягкими, подались под весом трех тел, разошлись, и воздушные путешественники посыпались вниз с высоты пятиэтажного дома. И хотя упали они не самым удачным образом, на голые каменистые бугры, все трое не получили ни ушиба, ни царапины: земляне — благодаря скафандрам-диморфантам, князь — в силу своих врожденных способностей. Стена леса скрыла их от взгляда чудовища, оглянувшегося на шум.

— Вы сказали, василиск? — обернулся к Мстише Такэда. — В нашем фольклоре тоже встречается такое чудовище, однако на то, что я успел увидеть, оно не похоже. Наш василиск имеет голову петуха, туловище жабы и хвост змеи, может убивать дыханием, взглядом и ядом.

— Это он, — кивнул князь, сверкнув глазами. — Хотя наш больше похож на помесь паука и акулы. Кто же его выпустил и реактивировал? Кто здесь похозяйничал без Яросвета?

Никита внимательно посмотрел на Мстишу. С ним что-то происходило. Казалось, тело его растет, крепнет, наливается могучей силой, начинает светиться, хотя человеческий глаз видел все того же воина в русских доспехах, высокого и сильного, мало чем отличающегося от других, таких же, как он. Теплый «ветер» пси-излучения прянул от Мстиши во все стороны, глаза его засияли внутренним огнем, качнулись деревья вокруг.

— Приветствую тебя, Яросвет, — кивнул Никита. — Ты вовремя.

— Я знаю, — звучным голосом, не похожим на голос князя, произнес маг. — И готов к бою. Но нас только двое... о, простите, Наблюдатель, — Яросвет-Мстиша поклонился Такэде, — нас трое, но против нас сегодня выдвинуты гораздо большие силы. Василиск, Кщерь Бессмертный, двоедушники, богинки и дьяволы ЧК, ликвидаторы, как вы их называете. И может быть, кто-то из Великих игв.

Никита, который заранее настраивал свою паранормальную систему чувств, стряхнул с латной перчатки струйку голубого свечения. Запахло озоном.

— Нас не трое, та птица с рогами — еще один наш соратник, но обычно он приходит на помощь в последнюю минуту. А теперь расскажите, что или кто этот ваш василиск и как с ним бороться, пока я буду переходить на другой уровень.

— У нас всего две-три минуты, василиск идет сюда, а Кщерь уже здесь.

— Я успею.

Никита потрогал перевязь меча, получил в ответ ощущение рукопожатия и сел прямо на бугор. Через минуту он вышел в эйдос и наткнулся на гигантскую «фигуру угрозы» — чью-то мысль-действие с гигантской плотностью пси-энергии. Его уже ждали! Ловушка захлопнулась. С этого мгновения Сухов — Посланник и маг — выбыл из схватки в лесу, вынужденный бороться за сохранение личности, своего «я», за свою жизнь.

Товарищи поняли, в чем дело, сразу увидев, как почернело и буквально провалилось в себя лицо Никиты, но помочь ему Яросвет не успел: с пси-нападением на Посланника началась атака на всех троих отряда засады.

Удар по психике через открытый канал Вести был так силен, что Сухов «улетел» из сознания за тридевять земель, не помогла и защита диморфанта. Правда, без нее было бы совсем худо, часть пси-энергии диморфант все же принял на себя.

Сначала Никита осознал себя на ринге. Он был одет как боксер, площадка, обтянутая канатами, была залита слепящим белым светом, и за ее пределами никого нельзя было увидеть, хотя зрители присутствовали, судя по излучаемой ими холодной враждебности. А противником Сухова оказался некто, задрапированный с ног до головы в серый текучий дым, из которого изредка вылетали черные руки в перчатках. Первый же выпад поверг Никиту в нокдаун, он не успел собраться с мыслями и подготовиться к бою.

— Вынь меч, иначе не справишься, — раздался бесстрастный металлический голос.

Рука Никиты метнулась к поясу, нащупывая невесть откуда взявшиеся ножны, однако частью сознания, контролирующей ситуацию, он успел оценить угрозу, таящуюся в совете, и выпустил ножны.

Второй тяжелый удар он тоже пропустил. И третий, а потом вспыхнувшая ледяная ярость помогла ему сосредоточиться, уйти в глухую защиту и отдышаться. Последующую серию ударов неведомого боксера он блокировал, ушел от третьей руки — пролетевшей над головой с гулом и свистом, и ударил вразрез. Атака чернорукого боксера прекратилась, фигура в туманной тоге отшатнулась, вызвав волну недоумения. Никита не стал ждать ответа, в прыжке ударил противника ногой... и оказался голым в четырехугольном помещении с медными на вид стенами, в которых виднелись сетчатые окошки.

Пока оглядывался, изучая обстановку, сетки окошек откинулись, и в помещение с грозным гудением устремились потоки гигантских — с кулак! — пчел или ос. Укус любой из них если и не был смертелен для мага, то причинял, наверное, хорошие мучения, ну, а их нападение грозило явной гибелью.

— Тебя спасет только меч! — вонзилось в голову ядовитое шипение.

И снова рука Сухова сама собой дернулась к поясу: действительно, вот он меч. Какая удобная рукоять!..

— Не смей! — выдохнуло с натугой внутри Никиты второе «я» — он разжал кулак.

Метаться по комнате и отбиваться от ос руками он не стал, вырастил из живота огнемет и ударил по туче насекомых факелом жаркого оранжево-белого пламени... которое уничтожило ос, но одновременно воспламенило стены! От удушающего ды-

ма перехватило дыхание, жар нарастал, грозя сжечь кожу, затрещали волосы на голове...

— Возьми меч, проруби дверь!

— Иди к дьяволу! — Никита решил не слушать больше таинственного советчика, толкавшего на неосознаваемую, но явно опасную акцию с непредсказуемыми последствиями, у него в запасе еще оставались средства борьбы с могущественным, обладающим колоссальной силой внушения врагом.

Сухов сменил огнемет на огнетушитель, а когда это не помогло — на баллон с жидким азотом. Пламя погасло. Помещение обросло льдом, в который начал кристаллизоваться воздух.

— Меч...

— Пошел вон!

Сухов киркой руки прорубил во льду нишу, сменил кирку на лазер и вырезал часть стены. Комната начала размягчаться, течь, превратилась в поток воды, вынесла человека на поверхность моря без конца и края. Гигантская акула бросилась на него из фосфоресцирующих фиолетовых глубин.

— Проглотит! Проткни ее мечом...

Сухов отбил атаку акулы гарпуном руки. Море превратилось в пустыню с огромными шипастыми шарами растений, грозящих наколоть человека на себя, как муху на булавку. Никита организовал костер из шаров. Песок начал плавиться, и вскоре вся пустыня превратилась в оплавленную равнину с длинными пологими грядами и увалами, на которых застыли странные фигуры, похожие на свечи из парафина самых причудливых форм. Многие из них казались живыми... они и были живыми, вдруг выдрали ноги-корни из корки такыра и двинулись к человеку, демонстрируя текучесть форм, вглядываясь в него отсутствующими глазами, приказывая превратиться в такую же свечу. Сознание померкло.

— Меч, меч, меч...

Последним усилием воли Никита соорудил себе меч из расплавленного песка и врубился в ряды текучих созданий, пробился к черному кольцу в одной из впадин и нырнул вниз... чтобы оказаться зажатым в гигантской лапе!

Лапа не принадлежала ни человеку, ни одному из животных, которых знал Сухов, она была физически осязаема и нематериальна одновременно и обладала свирепой, беспощадной, угрюмой силой, которой не мог сопротивляться никто! Ни одно живое существо!

Кто-то тихо, торжествующе и пренебрежительно рассмеялся. Над головой блеснул длинный кроваво-красный глаз, но

темнота не позволяла разглядеть лица чудовища, да и существовало ли оно, Сухов не мог сказать с уверенностью. Лапа сдавила тело еще сильнее, затрещали ребра, боль пылающими углями рассыпалась по коже, вонзилась в сердце, голову.

— Кажется, это конец твоей миссии, Посланник. Не дергайся, меч тебе уже не поможет, ты в моей власти. В качестве комплимента могу сказать, что ты очень сильный человек. Мы не ожидали, что ты зайдешь так далеко.

— Кто... ты?

— Игва Даймон. Вернее, его пси-двойник. Ты же знаешь, игвы многомерны и живут в мириадах хронов одновременно. Не было нужды собирать всех двойников в одного мага... демономага, как нас окрестили. Прощай, Посланник, я тороплюсь.

Боль усилилась, сознание снова стало меркнуть.

Никита сжал зубы, чтобы не закричать, закрыл глаза, расслабляясь, уже не обращая внимания на чувства, успокаивая и приводя в порядок мысли, настраивая нервную систему, и п о з в а л. И предки, все те, кто составлял его род, кто вложил в его гены накопленную чувственную информацию и духовный потенциал, любовь и страдание, пришли к нему на помощь...

Яросвет-Мстиша знал, что означают корчи лежащего на земле Посланника, напоминающие припадки, а особенно — его попытки вытащить меч из ножен, и был вынужден отвлекаться на контроль рук Никиты, чтобы в последний момент предотвратить трагедию: если бы Сухов вытащил меч, будучи в трансе, сражаясь сам с собой, он уничтожил бы вокруг все и всех, не разбирая, где друзья, где враги.

Боевые действия воинства Люцифера, спешно мобилизованного кем-то из Великих игв на бой с Посланником, начались атакой нечисти: упырей, оборотней, полевиков, полудниц, хрипуш и трясей — еще до того, как василиск подошел к месту сражения. Однако Такэде, приготовившемуся защищать беспомощного Сухова, почти не пришлось участвовать в отражении атаки. Яросвет опередил его, подключив свое войско: птиц, зверей, деревья, природные силы, подчинявшиеся магу в этом мире. В результате бегающая нечисть была частью истреблена волками, медведями и кабанами, а частью провалилась в глубокие ямы, тут же заваленные камнями. Летающие твари были встречены воронами, ястребами и соколами и тоже потерпели поражение. Но оставались еще существа, владеющие магическими превращениями и свойствами: мороки, трояны, переплуты, волкодлаки и кикиморы, — и заговоренным мечам Такэды и Яросвета пришлось показать свою силу.

Инженеру были не страшны ни стрелы, ни кинжалы и дротики, ни ядовитые клыки и когти, пока на нем сидел диморфант, а Яросвет не нуждался в доспехах и физической защите, обладая защитой куда более могущественной — законами магифизики, творцом которых в пределах хрона был он сам.

Последние остатки нечисти сгинули в лесу, однако Яросвет меча не опустил. Взгляд его горящих глаз был непереносим, и Толя возрадовался, что маг — их союзник и друг.

— Они допустили ошибку, — сказал он, — нападая по очереди. Если бы сейчас тут появились ликвидаторы ЧК, нам пришлось бы туго.

Яросвет согласно кивнул.

— Вы правы, Наблюдатель, однако положение наше не внушает особого оптимизма. Если Посланник не очнется через пару минут, придется отступать. С василиском и Кщерем мне одному не справиться, оба расколдованные или, если хотите, разблокированные в пси-диапазоне игвы, почти свободно, хотя и по-разному владеющие кварко-глюонными процессами. Псимощь их велика. Хорошо, что на вас надежные скафандры, онито и спасли от Кщеря. Помните свое «бегство» из внушенного им замка?

Толя открыл рот, чтобы ответить, и в это время Кщерь Бессмертный нанес свой удар.

Голова взорвалась, как граната! Осколки ее разлетелись во все стороны... и соединились вновь, но в конгломерат, который уже нельзя было назвать головой, мыслящим органом. Чувства, ощущения, мысли, образы, воспоминания смешались в калейдоскопическую мозаику, разобраться в которой не было никакой возможности, и Такэда позволил себе закричать, но не ртом, а внутрь, беззвучно, мысленно напрягаясь:

— Сухов!

Сознание прояснилось, кошмар видений поблек — это диморфант отдавал последние крохи своей энергии на защиту хозяина. Потом чья-то рука разогнала дым внушенной путаницы, глаза приобрели способность видеть, а мозг — анализировать действительность. Толя ощутил себя стоящим на коленях над телом Сухова. Оба были накрыты полупрозрачным куполом, по которому ползли радужные пятна, как по пленке мыльного пузыря. Мстиша-Яросвет отсутствовал, но купол явно был делом его рук, значит, он сражался сейчас где-то снаружи, прикрыв друзей каким-то силовым полем.

Толя мотнул головой: прошло всего несколько секунд с момента нападения Кщеря, а показалось — час! Позвал:

— Кит, очнись! Слышишь?

— Слышу, — отозвался вдруг Сухов, открывая глаза, бездон-

но-черные, страшные, о б ъ я в ш и е сразу всю ситуацию под куполом и вовне, в лесу, на всем пространстве Мировой Язвы и вообще в хроне. Толя отпрянул.

Легкая улыбка тронула сухие губы Никиты, мгновенно передав Такэде множество добрых чувств.

— Сиди здесь, самурай, не высовывайся, — раздался внутри него знакомый голос, хотя Сухов рта не раскрывал. — Понадобится твоя помощь, позову.

Сухов глянул на свою руку, стиснувшую рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев, поднялся и шагнул сквозь пленку полусферы, одевшись на миг в золотистый ореол свечения. И Толя остался один в тишине защитного кокона.

Глава 3

«Вовремя!» — сказал Яросвет мысленно, находясь сразу во многих местах. Двойники его, разные по размерам и возможностям, сражались на несколько фронтов, главным из которых были Кщерь Бессмертный, бесплотный, неуловимый, проявляющийся изредка то скелетом из дыма, то старухой с косой, то гигантским кисейно-прозрачным скорпионом, и василиск — титаническая двадцатиметровая тварь, машина уничтожения, тупая и равнодушная ко всему, медленно, но неотвратимо превращавшая мир вокруг в мертвую выжженную пустыню пополам с рыхлым и топким болотом.

«Я займусь Кщерем, а ты уйми василиска. Смотреть на него прямо нельзя, окаменеешь, а радиус дыхания, катализирующего процессы распада элементов, около двухсот метров».

«Спасибо за помощь, — ответил Никита. — К сожалению, я понятия не имел, что эйдос можно использовать как пси-ловушку. Теперь знаю».

«Эйдосфера — не просто континуум космического сознания, в которое погружены наши разделенные умы, это корреляционное поле действия, основное состояние Веера, голографическая матрица информации Шаданакара, мгновенно изменяющаяся от поступающей непрерывно информации. Любой маг, питающийся эйдосом, способен захватить слабый индивидуальный интеллект, не знающий законов эйдоса. Потом расскажешь, как тебе удалось вырваться. Кто это был?»

«Даймон. Но слава Богу — однослойный».

«Их, как всегда, подводит высокомерие и спесь».

«Но он теперь знает, где я, и боюсь, скоро явится во плоти».

«Тем более поспешим. Надо еще успеть разогнать свору ЧК,

вооруженную лучше, чем эти твари. Кстати, единственное оружие против василиска — з е р к а л о».

Никита понял, о каком зеркале шла речь: о зеркале, отражавшем не свет или излучение, а процесс! Изменявшем свойства вакуума. Обращавшем процессы распада в синтез, наконец.

«Начали, Седьмой».

«Начали, Посланник!»

Весь разговор длился четверть секунды.

Никита закутался в диморфант по самую макушку, перейдя на полный цикл защиты, смастерил перископ, передающий изображение не глазам, а непосредственно в мозг, и разделился на трех существ: гиганта высотой в три десятка метров, орла с размахом крыльев в двадцать метров и шестинога-варана, практически незаметного на фоне уцелевшей кое-где растительности.

Гигант бросился на василиска, размахивая стволом дерева, отвлекая чудовище на себя. Орел взлетел в небо и спикировал на горб исполина, также отвлекая его внимание на свои угрозы: глаз у василиска было шесть, хотя на обычные глаза они походили мало — полуметровые, светящиеся зеленью, многолепестковые образования, напоминающие полураскрывшиеся бутоны роз. Ни один из призраков, созданных Никитой, не боялся взгляда василиска, они не были материальными образованиями, однако василиск видел и в пси-диапазоне. Ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы определить нереальность нового противника, но и Сухову этих секунд оказалось достаточно, чтобы подобраться чуть ли не под морщинистое, бородавчатое брюхо монстра.

Василиск почуял его, попытался выстрелить «по нюху» ядом из бородавок, наклонился, шаря глазами по буграм и рытвинам, однако диморфант выдержал мимолетный взгляд-импульс омерзительной твари, и Никита вынул меч из ножен.

По сути, это не был удар на отсечение головы, что едва бы помогло человеку: василиск представлял собой скрученное в «сорок узлов зла», свернутое в тугой узел множество пространств, процессы внутри которых шли в потоках иных времен и подчинялись другим законам. Меч Святогора превратился в инвариантное зеркало, в котором луч взгляда василиска претерпел «поворот симметрии» и, отразившись, вонзился в глаза монстра, вызывая не физическую, а математическую, вернее, геометрическую аннигиляцию.

Выглядело это со стороны так: лезвие меча удлинилось на три десятка метров и расширилось, превратившись в полотнище туманного блеска, и тут же грянул взрыв компактификации — свертки измерений многомерного тела чудовища. Василиск превратился в «капустный кочан» цветного огня, разваливаясь на

гаснущие «листья». Взрыв породил глубокую потенциальную яму в вакууме, в которую ворвалось гравитационное и другие поля здешнего мира, и тогда вспыхнул настоящий огонь, не ядерный, но более страшный — кваркового распада материи, копья которого вонзились в землю и вырыли множество километровой глубины воронок и шахт. Стиснутый законами трехмерности, он горел недолго.

Никита, защищенный диморфантом и на этот раз, поискал Яросвета, но тот уже справился с Кщерем и шел к нему — гигантская фигура в металле, перешагивая через ямы и уцелевшие деревья.

«Одолел?»

«С грехом пополам. Но василиск не показал всего, что мог, не проснулся как следует, наверное. Я даже чувствую сожаление и неловкость, будто обманул кого».

«В тебе слишком много человеческого, Посланник. Впрочем, во мне тоже. Может быть, поэтому нам так тяжело даются победы над самими собой. Поспешим к темпоралу, я чувствую колебание Веера, Даймон скоро объявится».

«Как ты успокоил Кщеря?»

«Загнал в «бутылку» самоконцентрации. Он теперь не больше элементарной частицы, сколлапсировал. Правда, возможность просачивания в другие хроны он сохранил».

«Почему все-таки его прозвали Бессмертным?»

«Потому что он, как и террострелок, — п р о ц е с с, принцип, а не живое существо в человеческом понимании. Освободи Наблюдателя, мается там под складкой моего плаща».

Никита, превратившись в нормального человека, тронул белесый пузырь, уцелевший на оплавленной взрывом земле, тот лопнул и открыл напряженно ждущего Такэду с мечом в замахе. Сухов прыснул:

— Но-но, не рубани с перепугу. Ты бы еще крикнул: всех порешу!

Такэда раскрыл рот, собираясь отшутиться, и застыл. Он только сейчас увидел последствия битвы магов с порождением демонов. Время под защитным куполом — «складкой плаща» Яросвета — текло медленнее, и он не мог разобраться в хаосе огня и дыма, что происходит.

— Поспешите, други, — пророкотал над ними бас Яросвета. Маг торопился менять облик великана, настороженно прислушиваясь ко всему, что совершалось в пределах края, планеты и хрона. — Бой закончен. Садитесь.

Яросвет подставил ладонь и посадил землян на плечи, крякнув при этом: «Ну и тяжел ты, Посланник!» — зашагал к стене леса, которого не коснулся огонь сражения, а потом побежал.

Гул его бега, удары сапог о землю, вызывающие заметные колебания почвы, похожие на землетрясение, распугали всю живность в округе, встревожили нечисть и нежить и насторожили тех, кто ждал землян у темпорала. Поэтому, когда на горизонте показалась грозная фигура, закованная в блистающий металл, нервы у «чекистов» не выдержали. Навстречу приближающемуся магу ударил залп огня.

За секунду до этого Яросвет предупредил своих седоков о возможности применения против них магического оружия, и Никита, сам давно определивший место и рассредоточение засады в густом и дремучем лесу, возле «берлоги» темпорала, среагировал на залп одновременно с Яросветом. Но если вардзуни — копье распада и поглощения энергии — он уже видел в действии, то с шиххиртхом, который он когда-то держал в руках, и хабубом знакомился впервые.

Боевиков ЧК оказалось девять. Двое из них были вооружены хабубом — «трезубцем» электронного резонанса, шестеро — вардзуни и лишь один, вожак отряда, раругг Заххак, родственник Хуббата и Вуккуба, имел шиххиртх, дьявольский гранатомет-арбалет. Стрелял шиххиртх особыми стрелами, компактифицирующими измерения, то есть свертывающими пространство.

Шесть ручьев голубого пламени — разрядов вардзуни принял на себя щит Яросвета, отразив их обратно, в результате чего шестеро черных дьяволов-ликвидаторов в похожих на монашеские рясы одеяниях потеряли оружие и руки. Разряд трезубцев хабубов, видимый как шесть трасс алых шариков, отбил меч мага. На долю Сухова, таким образом, достался шиххиртх — восемь гигантских стрел злого зеленого пламени со стремительно расширяющимися хвостами. При их запуске весь мир, каждое живое существо снаружи и изнутри, потряс мягкий, но невыносимо болезненный удар. Вселенная как бы вскрикнула от боли, скорчилась, и это ее движение отозвалось во всех ее обитателях, на всех звездах и планетах.

Меч Никиты, вспыхнув нестерпимым сиянием гипервоздействия, достал стрелы еще на подлете, перерубил каждую вдоль оси и тут же спиралевидным движением закрутил их, сталкивая. Стрелы взорвались клубками режущего глаз радужного пламени, раскидывая хлопья этого пламени на километры вокруг, накинулись друг на друга, пожирая деревья, землю, воздух, друг друга, и... сжались в черные рыхлые комья, которые мгновенно стянулись в точки, исчезли с тонким хрустально-стеклянным стоном. На израненной жутким ш а т а н и е м земле воцарилась тишина.

Никита не стал дожидаться продолжения дуэли. Спрыгнув с плеча Яросвета, он превратился в такого же богатыря и нанес

упреждающий удар: клинок Финиста удлинился на полтора километра и нашел обладателя шиххиртха, прежде чем тот успел выстрелить еще раз. Заххак, такой же триглав, как и все хаббардианцы, во мгновение ока был разрублен на три одинаковые — но безрукие и одноногие — фигуры, так и не поняв, наверное, в чем дело. Покалеченные подчиненные с тихим воем метнулись к темпоралу, в том числе и «чекисты» с хабубом, не решившиеся пустить его в ход еще раз.

Маги и остолбеневший Такэда молча смотрели на их бегство, пока восемь черных дьяволов не скрылись в медвежьей норе. Потом все трое с тем же чувством оглядели поле боя.

Местность в точке взрыва стрел шиххиртха заметно понизилась, приобрела вид карстового обнажения, усеянная шрамами, рытвинами, ямами и дырами. Лес на площади в двадцать квадратных километров исчез. Воды близкого болота начали просачиваться в низину и заполнять рытвины.

— Бедная Глая, — произнес наконец Такэда, вспомнив лимнаду, нимфу болота, встреченную ими в начале пути. Хотел продолжить, но Яросвет тихонько прижал его пальцем к плечу. Потому что не все еще кончилось.

Земля качнулась. Откуда-то донесся удар грома, за ним последовали еще два беззвучных толчка воздуха, и в километре от неподвижно стоящих магов возник страшный всадник на еще более страшном коне, в котором люди сразу узнали жругра. Всадником же был Великий игва Даймон. Собственной или почти собственной персоной.

— Браво, коллеги! — раздался в головах у каждого учтиво-бесстрастный голос. — Кажется, я пришел вовремя.

Никита с любопытством, хотя и не без дрожи, глядел на существо, способное жить сразу во многих Мирах Веера, дробиться на миллионы «проекций»-дублей, проникать в микромир — до скоплений галактик. Если жругр был, по сути, машиной для перемещения в слоях-хронах Веера, а также боевой машиной с признаками живого существа и зримо материален, имел сложную, хотя и вызывающую тошноту форму, то игва Даймон на человеческий взгляд не имел определенной формы или имел сразу множество форм, переходящих одна в другую, дробящихся и пересекающихся. И лишь в пси-диапазоне, в поле магического видения, он казался Никите угрюмо-равнодушным — не существом — в о п л о щ е н и е м интеллекта вселенского масштаба, вызывающего ощущение обреченности и властной, всеуничтожающей силы.

Яросвет шагнул вперед. Доспехи на нем метнули яркие блики, словно солнечные зайчики, но «зайчики» материальные: сорвавшись с брони, они зашипели в воде, пустив струйки пара.

— Ошибаешься, Даймон, ты опоздал. Твое появление уже ничего не решает.

Пси-волна донесла смех Великого игвы и образ веселящегося клоуна, претерпевшего быструю трансформацию: плачущий клоун, обезьяна, лемур, мышь, лягушка, капля слизи.

— Вы, конечно, не слабые мальчики, но не настолько, чтобы бросить вызов Великим игвам.

Воздух вокруг магов как бы уплотнился, упруго сдавил их со всех сторон, лишая возможности двигаться, и как Никита ни старался, поднять меч и направить его в сторону всадника не мог. Сила, спеленавшая их, не была физическим полем — Даймон сдвинул время. Ни Сухов, ни Яросвет подобным оружием не владели. И когда Такэда готов был заплакать от бессилия — он стоял зажатым так же, как и друзья, и без диморфанта давно бы погиб, — на помощь магам пришел их таинственный ассистент, спасший их от вертолета.

Гигантская рогатая птица спикировала вдруг на жругра со всадником на спине, преодолев все его защитные всплески и нейтрализовав попытки капсулирования противника в коконе иного времени. Удар крылом был страшен: Даймон вылетел из седла, как обычный кавалерист от удара дубиной, и на мгновение выпал в материальность, то есть распался на множество переплетенных между собой существ числом до сотни тысяч! Второй удар крылом отбросил жругра, готового защитить своего хозяина, от этого места на километр.

Никита с облегчением понял, что может двигаться.

Птица сделала круг над их головами и, нырнув вниз, опустилась рядом уже в человеческом облике.

— Уэтль! — воскликнул Сухов с недоверием и радостью.

Это был Уэ-Уэтеотль. Ростом с них, но полуголый, в юбочке из травы, с убором из перьев на голове, с мечом в руке, загорелый, невозмутимый, уверенный в себе.

В другой ситуации Такэда посмеялся бы: «Надо же, три богатыря — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович!» — но сейчас ему было не до смеха. Несмотря на изолирующие свойства диморфанта, ему досталось крепко, да и не защищал диморфант от «качания» основ материи.

Никита от избытка чувств хлопнул по плечу индейского мага, однако Даймон был слишком серьезным противником, чтобы расслабляться во время боя. С шипением, в котором слышались угроза и мощь, меч Сухова пронзил воздух и завис над Великим игвой, готовый нанести удар. Роение фигур в призрачном облаке Даймона прекратилось, игва замер, просчитывая вероятность удачного исхода боя с троицей магов, и все-таки решил показать всю свою силу. Он растекся по земле слоем белого пламени пло-

щадью в несколько километров, попытался заключить магов в кольцо, но это ему не удалось, мечи Яросвета и Уэ-Уэтеотля отсекли языки пламени, стягивающиеся в кольцо, а меч Никиты сначала остановил поток огня к жругру, а потом разрубил уже готового прыгнуть монстра.

Тогда демономаг превратился в сотню гигантов, бросившихся на трех богатырей со всех сторон. Однако и это не помогло, мечи магов уничтожили половину войска двойников в первые же мгновения атаки. Даймон заметался по полю, подняв настоящий ураган, довершая вывал леса на многие километры вокруг. В воздух поднялась огромная туча земли, грязи и воды, так что стало темно. А когда мечи магов нашли игву и в этой грохочущей туче, он р а з в е р н у л мерность пространства. Весь гигантский объем битвы в полсотни кубических километров превратился в сросток кристаллов, вернее, в гору «мыльной пены», каждый пузырек которой представлял собой область пространства с отличающимися от соседних свойствами. И в каждом Великий игва присутствовал не в виде живого существа, а в виде з а к о н а! Причем закон этот зависел только от воли многомерного объекта, коим был и оставался Даймон, обладающий сетью неинтеллектуальных связей. Убить его в этой ситуации, не повредив пространственного пузырька-объема, а значит, и того, кто пытается это сделать, было невозможно.

Никита, отключенный от эйдоса, неискушенный в контактах с многомерными образованиями, остановился в нерешительности, но Уэ-Уэтеотль был опытнее и владел многомерным преобразованием в такой же степени, как и Великий игва.

«Гора пены», каждый пузырек которой извне имел буквально двухсантиметровый диаметр, а изнутри казался бесконечным, стала «проваливаться» в себя, схлопываться, таять, пока не остался один пузырек, лопнувший с тихим треском, от которого, тем не менее, содрогнулась планета. Вся четверка сражающихся оказалась снова на земле Мировой Язвы лицом к лицу.

Даймон, ограниченный с трех сторон вращением мечей Яросвета, Уэтля и Никиты, принял облик старика с посохом, чем-то похожего на Праселка-Дуггура. Сгорбился, опираясь на посох, глядя на Сухова-мага с неопределенной миной. Земля перестала шататься, ураган стих, туча земли и пыли осела, и в наступившей тишине раздался скрипучий голос Великого игвы:

— Гиибель недооценила тебя, Посланник. Но отсюда, из этого хрона, тебе не выйти даже с помощью друзей.

— Сиката га най, — ответил Никита хрипло, разведя руками.

Такэда, цеплявшийся за плечо Яросвета, засмеялся. И смех его заставил Великого игву впервые ощутить не страх, злость или ненависть — игвы, существа холодного интеллекта, не были

подвластны большинству человеческих эмоций — неуверенность! Взмахнув посохом, Даймон превратился в струю дыма, метнувшуюся к жругру, разрубленному пополам, но, как оказалось, не потерявшему способность функционировать. С неистовым треском, от которого у оставшихся заложило уши, передняя половина жругра с оседлавшим ее Великим игвой исчезла.

— Он соберет всех игв и вернется, — сказал Сухов.

— Вряд ли, — не согласился Яросвет. — Игвы — еще большие индивидуалисты, чем маги-творцы, они суперэгоисты, а Даймон к тому же уязвлен. Он постарается настичь тебя и отомстить.

— Ничего, Посланник теперь битый зверь, — заметил Уэ-Уэтеотль.

Такэда снова засмеялся.

— У нас говорят — стреляный волк.

Вслед за Такэдой засмеялся с облегчением и Никита, потом Яросвет, и даже Уэ-Уэтеотль, олицетворявший собой идеал бесстрастия, позволил себе улыбнуться. Хотя все понимали, что битва не выиграна, что против всех Великих игв им не выстоять, не говоря уже о Люцифере, что главные события впереди и на Посланнике лежит основная забота объединения магов-творцов и созидателей, вершителей судеб вселенных, проводников закона Абсолютной этики, которому подчинялся весь Веер Миров.

Уцелевшие обитатели Язвы, в том числе и старуха Ягойой, которая не решилась выступить ни на чьей стороне, настороженно наблюдали за ними из-за деревьев не тронутого огнем и распадом леса на границе поля битвы.

Путь от Мировой Язвы до вотчины князя Мстиши занял один день.

Оставив позади жуткую, черную с фиолетовым и багровым, стокилометровую пологую воронку глубиной в несколько сот метров, со склонами, вспаханными боем магов с демоном, четверо путешественников перебрались с помощью Никиты через Огнь-реку, вернее, с помощью его меча отловили диких степных лошадей-меригиппусов, у которых вместо копыт были пятипалые львиные лапы, и за полдня доскакали до Охранного Городища, где с помощью Яросвета нашли еще один годный к полету вертолет. Золотой полоз, охраняющий кладбище боевых машин, оставшихся от прошлой Битвы, так и не проснулся, окаменев вокруг Городища навеки.

— Значит, работающая техника — твой запас? — полюбопытствовал Никита, взирая на вертолет с двумя винтами.

Яросвет, ставший Мстишей (все трое обрели свой обычный человеческий вид), качнул головой:

— Не знаю, с какой целью, но вся работоспособная техника оставлена здесь Семеркой. Естественно, я иногда пользуюсь ею.

— Судя по всему, не только ты.

Мстиша, вспомнив военный вертолет, нахмурился.

— Я приму меры.

— Надо говорить: я сотворю меры. Маг ты или погулять вышел?

— Хочешь испытать? Давай на спор...

— А я разобью. Половина — моя.

— Чего половина?

— А того, на что спорите.

Захохотав, Никита и Мстиша бросились на Уэтля, повалили его на землю и принялись тузить, получая в ответ такие же тычки и затрещины. Маги были молоды, хотя и не беспечны, возбуждены, веселы и, осознав свою силу, шутили и смеялись, поддразнивая друг друга. Такэда, завистливо глядя на их игры, пробормотал:

— Всех победиша, а меня забыша.

— А чего ты хочешь? — повернул к нему раскрасневшееся лицо Никита.

— Да хотя бы есть.

— Дома... через час... — с натугой выговорил Мстиша, лежавший в самом низу. — Отпусти, индеец!

— Чудотворцы! — хмыкнул Толя. — Пацаны совсем. Лучше б меня научили творить чудеса.

Все трое перестали возиться, поднялись, счищая с одежды песок и грязь, переглянулись и одновременно глянули на инженера. На одно долгое мгновение тому показалось, что он все понимает, видит и чувствует, способен выразить любое понятие через символы и знаки любого языка, может сделать все, что захочет. Глубина видения-чувствования потрясла! Вселенная раскрылась перед ним и... закрылась, с болью воткнув в трехмерье человеческого бытия, оставив сожаление и тоску о несбывшихся надеждах. Такэда с трудом удержался на ногах, не видя ничего перед собой из-за навернувшихся слез.

Чувствуя смущение, Мстиша и Уэтль полезли в кабину вертолета, начиная новую шутливую перебранку. Никита положил на плечо другу тяжелую горячую руку.

— Не обижайся, Оямович, но праджни[1] тебе не под силу, как и прямая мысль-действие. Вообще никому из людей не под

[1]Наивысшая способность понимания (*инд.*).

силу, за редким исключением. Человек — существо не космическое, он был и будет привязан к земле, к поверхности планет, и ничего тут не поделаешь.

Такэда улыбнулся, прошипел сквозь зубы, приходя в себя, обнял Сухова за талию:

— Все в норме, утешитель... «исключение». Я и сам знаю, что пси-энергант из меня не получится, зато со мной можно дружить, э?

Никита с облегчением хлопнул ладонью по ладони товарища, как в старые добрые времена.

Путешествие по воздуху до столицы Свентаны длилось всего час. Но как ни быстро летел вертолет, молва о победных сражениях Яросвета и великого князя облетела город еще быстрее. Когда винтокрылая машина села в пригороде — посаде, ее тотчас же окружила толпа ликующих горожан и приезжих; никто не испугался летающей и ревущей машины, все давно привыкли к чудесам и умели отличать добрые от злых.

Все четверо вылезли из кабины в воинских доспехах, разве что без шлемов: «одежда» Сухова и Такэды — диморфанты, конечно, — могла изменяться в широчайшем спектре костюмов всех эпох, Уэ-Уэтеотль создал себе видимость кольчуги и лат, ну, а Мстиша был изначально экипирован как русский витязь. Лишь эмблема на щите — медведь с мечом на красном фоне — указывала на его принадлежность к княжескому роду.

У Никиты екнуло сердце, когда Лада, жена князя, бросилась мужу на грудь, встретив его еще за воротами детинца. Она была так похожа на Ксению, что не верилось, что это не она.

Стемнело, когда маги после бани и ужина собрались в государственном доме Мстиши, но не в гриднице — приемной князя, а в грановитой палате, отделанной малахитом, мрамором и другими полудрагоценными и драгоценными камнями. На всех четверых были надеты льняные рубахи с вышитым воротом, кафтаны, полосатые штаны и мягкие сапожки, и даже смуглолицый Уэ-Уэтеотль не выглядел в этой одежде ряженым.

— У нас здесь малый собор, навна, — с тихой нежностью сказал Мстиша жене, которая провожала гостей из трапезной по крытому переходу.

— Тогда я прикажу вам принести ендову с медом, — улыбнулась Лада, поклонилась всем и удалилась легкой походкой, и вовсе делавшей ее похожей на Ксению. Никита, забывшись, смотрел ей вслед остановившимся взглядом. Из задумчивости его вывел толчок Такэды в бок:

— Так и будешь стоять столбом? Пошли, пока не обиделся князь.

Сухов очнулся. Мстиша и Уэтль ушли вперед, беседуя не в

пси-диапазоне, а по-человечески, неторопливо и обстоятельно, хотя разговор их и сопровождался рожденными энергией связи мысленными образами.

В палате расселись вокруг стола с подсвечниками по углам, поверхность которого идеально имитировала прозрачное зеркало воды и песчано-галечное дно. Так и тянуло напиться, но рука натыкалась на твердую полированную поверхность камня.

— Что, витязь, голову повесил? — спросил Мстиша, разливая в резные бокалы собственного изготовления тягучий золотистый напиток. Протянул Сухову бокал. — Не кручинься, все сладится.

Никита не ответил, глядя на ровно горящие свечи, повернул голову к индейцу, с недоумением рассматривающему свою руку.

— Уэ, ты в прошлый раз намекнул, что знаешь, где Ксения. Если и сейчас не скажешь, я тебя убью.

Мстиша с интересом глянул на Никиту, потом повернулся к Такэде:

— Зело грозен Посланник. Много он уже убил?

— У него всегда было плохо с чувством юмора, — ответил Толя. — Но я бы посоветовал ответить. Убить не убьет, но помучает.

Князь рассмеялся:

— Мне нравится ваше отношение друг к другу, давно не чувствовал себя так легко в компании. А почему вы не пьете мед, Наблюдатель?

— Дурное воспитание. Я люблю дзаданкай.

— Что, простите?

— Беседу за чашкой чая. Я ведь японец.

— Ну, русские любят чай не меньше. — Мстиша шевельнул рукой, и слуга, хлопотавший с медом, принес самовар и чайный сервиз.

Такэда от такой обходительности пришел в состояние каталепсии, и это было лучшим выражением благодарности для знающего толк в таких моментах князя.

— Она у Гиибели, — сказал наконец лаконичный Уэ-Уэтеотль. Его оценкой меда Мстиши было прищелкивание языком, что князь тоже понял прекрасно.

Никита рванулся было из-за стола, но сел обратно, встретив темный взгляд индейца. Побледнел.

— Что с ней?!

— У тебя будут проблемы. Во-первых, Ксения «рассыпана» по множеству Миров Веера, не физически — психически, вот почему ты так сильно реагируешь на некоторых женщин. Гиибель, Лада... Тааль.

— Ты хочешь сказать... — Никита задохнулся; бокал в его руке разлетелся в стеклянно-каменную пыль.

— В них всех живет частица души Ксении, если говорить языком науки вашего хрона — ментальная матрица, живет по закону затухания: чем ближе к хрону, где спрятана сама девушка, тем сильнее заметно сходство.

В комнате повисло молчание. Мстиша оторвал сочувственный взгляд от белого лица Сухова, глянул на бесстрастное лицо индейца.

— Не пужай бирича, старшой. Не может быть, чтобы не нашлось средства вернуть девушку.

Уэ-Уэтеотль посмотрел на князя сквозь бокал.

— Может быть, и есть, но я его не знаю. Это еще не все. В Гашшарве — так называется обиталище Гиибели и ее хрон — Ксения лишена возможности связно мыслить, говорить, нормально жить, и вырвать ее из этого состояния можно, только выделив из толпы двойников.

— Сказки! — прошептал Никита одними губами. Такэда понял танцора: русские сказки переняли все, что было создано наяву в других Мирах Веера, в том числе и ситуацию распознавания, сообщенную Уэтлем.

— Все?

— Учти вот еще что. — Уэ-Уэтеотль ничем не выразил своих чувств, но не стоило спрашивать, пойдет ли он с землянами до конца. — Только самые слабые твои враги — порождение человеческой фантазии и бреда: то есть имеют «страшные» пасти, клыки, зубы, когти, клювы, жала. Они мешают лишь на начальном этапе Пути, ты его прошел. Дальше тебя ждут враги, облик которых трудно или невозможно описать человеческим языком. Это умные, хладнокровные, чрезвычайно далекие от всего земного, занятые своим делом существа, безжалостные, хотя и не порождения зла, равнодушные к любым проявлениям чувств, сильные и могущественные. Великий игва Даймон тому пример.

Уэтль со вздохом облегчения умолк. Он никогда так много не говорил.

— Мне нужен проводник, — произнес Никита после минутной тишины.

Мстиша покачал головой. Он понял, о каком проводнике речь.

— Посланник, ты не имеешь права рисковать до того, как закончишь Путь. Втроем мы не сможем пробиться в Гашшарву и вызволить Ксению, и даже вчетвером с Наблюдателем, несмотря на его ишварапрамидхару[1]. Да и твое Посвящение не мо-

[1]Любовь к высшим силам, природе, Абсолюту (*инд.*).

жет считаться полным, пока ты не овладел каналом связи с ментальным полем без риска быть подчиненным пси-матрицам игв, свободно поглощающим информацию эйдоса. Если же ты свернешь с Пути и погибнешь, задача следующего Посланника усложняется во сто крат.

— Вы не понимаете...

— Погоди, еще не все, — властно остановил Сухова князь движением руки. — Сейчас я говорю от имени Яросвета. Позволь кое-что объяснить и дать пару советов. Я слышал, что ты говорил Тояве Оямовичу, утешая, по поводу его «некосмичности».

Никита порозовел от смущения.

— Но и ты не житель Космоса, — продолжал Мстиша-Яросвет, — да и захочешь ли им стать, даже имея возможность, — еще вопрос. Путешествуя из хрона в хрон, ты, наверное, подумал, что вселенные-слои Веера состоят из тверди планет. Это далеко не так. Каждый хрон — такая же Вселенная, как и ваша, заполненная вакуумом и ячеистой структурой галактических скоплений. Просто темпорал, как реальный объект — выход сети хроноскважин, «привязан» к планетам, на которых в большинстве случаев и зарождалась жизнь. Хотя есть жизнь и на звездах, — выход туда вам пока заказан, — и в пустоте, и в континуумах разной мерности, куда, кстати, свободно проникают игвы. Теперь об этих удивительных с любой точки зрения существах, вернее, разумных системах.

Великих игв всего четверо, хотя игвы, как разумные существа, населяют не один хрон. А Великими они стали благодаря колоссальному интеллекту и таланту конструкторов. На Земле их назвали бы божествами, ибо они могут становиться бесконечно большими, «растекаться» по всему объему хрона, или малыми, невесомыми, или исключительно массивными, мгновенно перемещаться в пространстве, благодаря огромной концентрации пси-энергии подчинять своей воле предметы и даже время! И это лишь ничтожная часть того, что они еще в состоянии выполнить. Многие хроны в Болоте Смерти мертвы не из-за Битвы или просачивания Хаоса из Мира-ада Люцифера, а вследствие экспериментов Великих игв!

К сожалению, пси-энергия не является изначально созидающим, структурно упорядочивающим фактором, ее направление в значительной степени зависит от воли разумной системы, и тут мы подходим к определению абсолюта в таких понятиях, как свобода воли, творческого поиска, добра и зла. Что такое абсолютные добро и зло? Существуют ли они по отношению ко всей Вселенной, к Вееру Миров? Или их выдумали слабые духом, от всего зависимые существа?..

Мстиша замолчал. Тишину в зале нарушал лишь далекий колокольный звон. Такэда, буквально впитывающий речь князя, прерывисто вздохнул, виновато посмотрел на магов. Уэ-Уэтеотль сидел как изваяние, Мстиша выглядел суровым и печальным, Сухов казался ушедшим в свои мысли.

— Я задавал себе эти вопросы раньше, — голос князя стал мягче, — и не находил ответа, пока не открыл принцип, управляющий Бытием, от бытия человека до бытия Вселенной: принцип взаимного доброжелательства. Демономаги, в том числе игвы, его не исповедуют. Именно поэтому Люциферу легко было склонить их на свою сторону. А ведь они действительно творцы высочайшего класса, действия которых отзываются во всех Мирах Веера... что люди на Земле зачастую принимают за проявление природных стихий. Гагтунгр, например, создал Дигм, хрон парадоксальных соответствий, подчиняющийся формулам, отрицающим друг друга, Даймон — Эраншахр, Пространство мысли-действия, Гиибель — Гашшарву, Вселенную Абсурда, инициирующую маловероятные и совсем невероятные события, а самый мощный из Великих, Уицраор, из-за своей деятельности прослыл «Богом того, чего не может быть в принципе»! Очень близко к тому, что задумал Люцифер, по уровню стоящий еще выше, и деятельность и возможности которого невозможно описать словами. Их кредо: если великий космолог создает абстрактную модель мира, достойную воплощения за присущее ей внутреннее совершенство, то такая модель должна существовать, даже если в результате гибнет уже созданный Мир, полный жизни.

Мстиша встал из-за стола, прошелся вдоль стены из яшмовых панелей, словно светящихся изнутри из-за хитроумно расположенных светильников.

— Хаос... вдумайтесь в это слово: он захотел создать Абсолютный Хаос! Мир идеальной смерти, исключающий категорию причинности, где невозможны никакие регулярные и квазирегулярные процессы, где любое проявление движения случайно и никогда не повторимо. Задача поистине вселенской сложности! А ведь он ее решил! Хорошо, что магов, осиянных духовностью, созидателей и служителей принципа взаимной доброжелательности, гораздо больше, чем игв, плохо, что все они — яркие индивидуалисты. Вот почему для того, чтобы утихомирить таких личностей, как Люцифер, Вееру потребовался махди[1], Посланник, способный объединить магов. Справиться с Люцифером

[1]Махди — ведомый Аллахом человек, мессия.

легко, собрав десять-двадцать магов высокого класса, но из соображений этики необходимо и достаточно — семь!

Мстиша остановился у кресла Никиты, опустил ему на плечо мощную руку.

— Правда, магов много, но не каждый захочет стать Одним из Семерых. Учти и этот момент, Посланник. — Князь осушил бокал. — Здрав будь!

— Буду, — пообещал Никита глухо. — И вы будьте здоровы!

— С этим у него нормально, — проговорил слегка осоловевший Такэда, — полная махапурушалакшана[1].

Мстиша улыбнулся в усы, уселся во главу стола.

— Итак, нас трое.

— Четверо, — проговорил кто-то внятно, и из ничего, из воздуха проявился высокий, массивный, чернокожий и седой мужчина, одетый в ослепительно белый балахон. Это был Зу-л-Кифл.

Глава 4

Такэда проснулся от крика Никиты: «Ксюша, я здесь!» Подскочив, оглянулся. Сухов сидел, упираясь руками в ложе и глядя перед собой ничего не видящими глазами. Потом с силой ударил кулаком об пол, поднялся и вышел. Толя понимающе кивнул сам себе, потянулся, вспомнил, где они находятся, и тоже встал. Выглянув из пещеры, увидел Сухова стоящим на берегу озера. Не выдавая своих чувств, подошел и стал умываться.

Это был уже третий хрон, который они посетили в поисках живого жругра с момента прощания с магами в доме князя Мстиши. Все три планеты были практически безлюдны, то есть цивилизации на них после Битвы прекратили существование, и все три представляли собой свалки послевоенного мусора, частично или полностью заплывшие почвой или горными новообразованиями. Ничего годного к повторному применению на них не осталось.

Толя вспомнил прощание с магами, и на сердце потеплело. Друзья остались далеко, но не приходилось сомневаться, что они в любой момент придут на помощь. Еще в доме князя Мстиша торжественно дал Никите «роту» — клятву братания, к которой присоединились Уэ-Уэтеотль и Зу-л-Кифл, а Такэда, расчувствовавшись, пообещал отдать жизнь за каждого отдельно

[1]Махапурушалакшана — 32 признака здорового тела (признаки Будды).

и за всех месте. Конечно, процесс братания здорово походил на описанную стариком Дюма клятву мушкетеров: один за всех, все за одного! Однако это сходство ничуть не умаляло значения свершившегося.

Толя вытащил из кармашка-ножен длинный нож с красивой резной рукоятью, полюбовался и спрятал. Нож назывался засапожник, и подарил его Мстиша, предупредив, что нож заговорен и способен рубить металл. Но еще лучший подарок сделал Зу-л-Кифл: помог Никите овладеть «скремблером» — способом выхода в эйдос, не поддающимся пси-пеленгованию и прослушиванию. Правда, Сухова это не сильно обрадовало: способа освободить Ксению не знал и Зу-л-Кифл, маг, который мог бы бросить вызов любому из Великих игв.

— О чем задумался? — спросил наконец Такэда, оглядев их стоянку.

Озеро находилось в кольце живописных скал, зарослей колючек, «шерстяного» кустарника, отгораживающего пляж с крупным белым песком от скалы с пещерой, где они спали. Небо здесь днем было дымчато-бесцветным, а ночью — темно-серым, беззвездным, толстая шуба атмосферы не пропускала их лучи на поверхность планеты.

— Ого-го-го! — заорал вдруг Такэда.

Сухов вздрогнул, выведенный другом из состояния созерцания.

— Ты что?!

— А ничего, — спокойно ответил Толя. — Горло тренирую. По утрам. Так куда мы сейчас направляемся?

— Завтракать мы направляемся. Будешь еще кричать, заколдую... превращу в... — Сухов подумал: — В рака.

Такэда зашипел, попятился, кланяясь, в речи его прорезался знаменитый японский акцент:

— Спасиба, гаспадина, однако луцце не нада.

Никита фыркнул, примерился щелкнуть Толю в лоб, не попал и полез в бой. Тренировка закончилась купанием в озере, вода которого для питья не годилась из-за большого содержания солей и окислов тяжелых металлов.

Позавтракали остатками продуктового запаса, которым их снабдила Лада. Жена Мстиши готова была отдать и скатерть-самобранку, но, во-первых, земляне вряд ли овладели бы искусством приготовления яств в короткие сроки, а во-вторых, свойства скатерти — магического кухонного комбайна, упакованного в скатерть с помощью субмолекулярного сжатия, едва ли сохранились бы в иных вселенных с другими законами.

— А теперь, — твердо сказал Сухов, больше для себя, чем для Толи, — мне предстоит путь за Передел.

Выход в эйдос, понял Такэда не без внутреннего трепета, не показав, однако, что ему не по себе. Помочь другу в случае каких-то осложнений он бы не смог.

Они вышли из-пещеры, прихватив снаряжение, и устроились на берегу озера, в россыпи валунов, скрывающих их от нескромного взгляда, если бы таковой объявился. Никита уселся в позе синсокан, сосредоточился и уже через минуту «ушел», представив себя огромной космической пустотой без свойств, протяженности, времени и координат. А когда «скремблер» заработал — выйти в ментальное поле-пространство информационно-энергетических связей и мысли-действия было уже несложно.

Такэда наблюдал за переходом паранорма в состояние потока-приема информации со смешанным чувством зависти и тревоги. Он уже не говорил себе, как раньше, что насколько все было бы проще, окажись в положении Никиты он сам, однако от зависти избавиться не мог.

Вокруг Никиты заискрились голубые ниточки, паутинки, собираясь в голубоватую сеточку свечения. Он побледнел, стал полупрозрачным, словно из расплавленного стекла, но на этом эффекты перехода не закончились, их спектр был явно богаче предыдущих.

Воздух вокруг мага как бы загустел и завибрировал, почва под ногами стала заметно вздрагивать, будто пласт желе, а озеро внезапно застыло. Замерзло! И на льду невидимый резец почти мгновенным росчерком вырезал портрет Ксении. Затем «лед» растаял вместе с портретом, зато на месте Сухова возник столб темноты, похожий на скрученный дымный смерч, и ушел в небо. По окрестностям озера прокатился обманчиво мягкий раскат грома, от которого «желе» берега под ногами закачалось сильней.

Столб тьмы исчез, Сухов по-прежнему сидел на том же месте и в той же позе, но уже весь светился. Он как бы состоял из голубовато-сиреневого переливчатого свечения, изредка сбрасывая расширявшиеся и тускнеющие волны света, повторявшие контуры его тела. И наконец Такэде, который наблюдал за происходящим затаив дыхание, показалось, что Никита мгновенным скачком превратился в гиганта, размерами превосходящего планету, наделенного невообразимой мощью и властью!

Удар по психике был сравним разве что с физическим ударом по голове, от которого Такэда «улетел» в нокдаун, но диморфант защитил его и от этой «дружественной оплеухи» Никиты. Когда Толя пришел в себя, Никита был уже самим собой, обыкновенным человеком с гримасой раздумья на челе.

— Изыди, сатана! — слабым голосом проговорил Такэда, отмахиваясь рукой. — Ты — это ты или обман чувств?

— Я — махди, Посланник богов! — гордо изрек Никита, но не выдержал и засмеялся. — А ты старый и большой инженер... с хорошо развитым воображением, поэтому на тебя так сильно действует пси-эхо моего контакта с эйдосом.

— Ладно, ладно, махди... — сдвинул брови Толя. — Хорошо то, что хорошо кончается. На этот раз ты никого не встретил?

— Встретил, — кивнул Никита, не меняя задумчивого выражения лица. — Они все там... пасутся, как и тысячи магов всех времен и вселенных. Как известно, тень и свет равны, и в эйдосе магов и демонов поровну. Но Зу-л-Кифл был прав, можно пить бессмертие эйдоса тихо, не поднимая брызг и волн.

— И что ты вызнал?

Сухов потянулся к «дипломату» транскофа, который обречен был таскать Толя, достал из него вардзуни; меч Толя носил на поясе, как и сам Никита.

— Я вызнал, что существует ряд энергий, не ощущаемых человеком. — Вардзуни в руках Сухова окутался сеткой желтоватых разрядов, эта потрескивающая «шуба» сползла на пальцы Никиты, подобралась к локтю, плечу, шее и через несколько мгновений окутала его всего. Такэда дернулся было к нему, но танцор не реагировал на свечение, смертельно опасное для всего живого. Там, где оно сползало с его ног на песок, начала образовываться дымящаяся впадина.

— А также и то, что ими можно управлять, — продолжал Сухов как ни в чем не бывало. Копье в его руке засияло белым накалом и с треском превратилось в молнию, вонзившуюся ему в грудь. Тело мага заиграло перламутрово-радужными переливами, свечение сползло с него на песчаную почву слоем красивого пламени, растворив слой песка в диаметре четырех метров. Пахнуло холодом и запахом сгоревшей картофельной ботвы.

— Ибо тело человеческое, как и любое другое, по сути, многодиапазонная антенна, а также пакет квантово-механических волн, — закончил Никита. Протянул Такэде перстень эрцхаора. — Возьми на всякий случай, мне он уже не нужен. Ты готов? Тогда идем туда, где нас никто не ждет.

Транскоф послушно перенес их в темпорал, и уже через четверть часа Посланник и его «оруженосец» выходили из камеры хроносдвига в один из явно неблагополучных Миров Веера. Такэда сразу почувствовал его тягостное давление на мозг по целому спектру внушаемых негативных эмоций, от угрюмой подавленности до скрытой угрозы. Диморфант снял большинство из них, но тяжесть на душе осталась.

— Здесь зона биологического дискомфорта, — обернулся к Толе Сухов, блеснув зубами. — И даже в диморфантах нам долго

не продержаться, поэтому действовать надо быстро. Может, останешься, подождешь меня тут?

— Где мы?

— В «предбаннике» Ада. Этот хрон — база Гиибели — соседствует с Гашшарвой, ее хроном, и контролируется ею. — Никита подождал реакции Толи, усмехнулся. — Но, во-первых, вряд ли она ждет нас на своей базе, во-вторых, засечь наши переходы теперь не просто, и, в-третьих, мы найдем здесь то, что ищем.

Такэда безмолвно шагнул из камеры хроносдвига в коридор, который вывел их наружу. Инженер оказался у подножия какого-то исполинского изваяния, судя по гигантской, лоснящейся чернотой, «львиной» лапе, из-под когтя которой они вышли. Фигуру изваяния невозможно было охватить одним взглядом, к тому же выше пояса она скрывалась в сияющей желтой дымке, окутывающей весь ландшафт и не позволяющей видеть предметы дальше двухсот-трехсот метров.

Прямо перед собой Толя увидел стену какого-то сооружения, по виду — из грубо обработанных буро-коричневых каменных глыб, со множеством ниш и окон, напоминающего римский Колизей. Вершина сооружения и края также скрывались в дымке, мешающей определить его истинные размеры, но и так было ясно, что строили его исполины и для исполинов.

Почва здесь была каменистая, цвета запекшейся крови, со множеством трещин и россыпей острых камней, напоминающих по цвету и блеску золото. Из-за дымки цвет и глубину неба оценить было невозможно, дышать в здешнем воздухе тоже было нельзя из-за целого набора ядовитых газов и запахов, и диморфант инженера перешел на полную автономность, превратившись в скафандр. Однако ослабить пси-давление этого мира на мозг хозяина до нуля он не смог.

— Ну как, идти можешь? — раздался в ушах тихий пси-шепот Сухова.

Такэда передернул плечами, взвесил в руке меч:

— Я пойду первым. Куда идти?

Никита хмыкнул, обошел его и повернул направо, направляясь вдоль стены здания в светло-желтое зарево.

Это был город. Зданий, конечно, Такэда не видел, только их основания, проплывавшие то слева, то справа, но сомневаться в том, что они идут по мертвому, полуразрушенному временем городу, не приходилось. На взгляд Такэды, привыкшего опираться на здравый смысл и интуицию, тем более поразительным оказался ответ Сухова на вопрос, что это за город.

— Это не город — пересечение двенадцатимерных компактных пространств, образующих цепочку метастабильных состояний.

Некоторое время Толя шел молча, озираясь и обдумывая услышанное. Сухов покосился на друга, хорошо видя его сквозь скафандр, посочувствовал:

— Что, сложно, инженер? Хочу предупредить: мы вышли за пределы человеческих восприятий, поэтому не старайся дать названия и не надейся получить объяснения тому, что увидишь. Ты увидишь совсем не то, что сможешь объяснить, реакция человеческих чувств не даст адекватную картину отражения мира, особенно в зонах прямого просачивания Хаоса.

— Что ж, — хладнокровно сказал Такэда, — я и не претендую на полное постижение истины, но ты мог бы интерпретировать поступаемую визуальную информацию. У Брюсова есть такие строки:

Верь в звук слов:
Смысл тайн в них.

Словами можно выразить лишь ничтожную часть вселенского поля информации, как бы ты их не произносил, тихо или громко.

— Самые тихие слова — те, что приносят бурю. Это «Заратустра» Ницше.

— Я помню. Там дальше у него: «Мысли, приходящие, как голубь, управляют миром». И это правда. — Сухов понял, что Толя пытается справиться с растерянностью и потрясением, поэтому так многословен. — Договорились, я буду говорить о том, что вижу сам.

Через час они вышли на «площадь города», окруженную темными громадами «зданий» — объемами многомерных пространств, «закристаллизовавшихся» в этом мире в виде знакомых человеческому глазу форм.

— Где-то здесь, — заключил про себя Никита.

Словно в ответ на его слова в золотистой дымке послышался шум, и сквозь сияние медленно появилась фигура невиданного чудовища со складчато-бугристым, гиппопотамьим телом и кошмарной головой, состоящей, казалось, из десятка гигантских клыкастых пастей. Ни передних, ни задних лап у него не было, так что оставалось загадкой, как оно двигалось. Увидев людей, чудовище ускорило движение, тяжеловесное, плавное и неумолимое, как ход асфальтового катка. Однако стоило Никите взяться за рукоять меча, оно притормозило, глухо заворчав и замотав рылом, похожим на переднюю часть шахтопроходческого комбайна с фрезами и пилами.

— Бордонгкуй, — сказал Никита. — Один из магов, «вывернутый наизнанку» Гиибелью и приспособленный для защиты ее базы. Правда, если тело его при этом выдержало, то разум — нет.

— Помочь ему нельзя?

— Чем? «Вывернуть» назад тело можно, интеллект же вернуть нельзя. Иди, иди, — тихо обратился Сухов к могучему существу. — Может быть, мы еще вернемся за тобой.

Чудовище с ворчанием, от которого у Такэды сжалось сердце, отступило к краю площадки, исчезло в ровном сиянии тумана.

— М-да! — сказал Толя.

— Вот именно, — мрачно откликнулся Никита, подняв руку. — Погоди-ка... Стражей здесь хватает, но они выполняют функцию обыкновенного замка.Что ж, я прав: нас не ждали.

— Если есть замок, должен быть и ключ. Ты знаешь, где его искать? И где находится вход на базу?

Сухов тронул рукоять меча в ножнах.

— Ключ — вот он, теперь надо определить, куда его вставить. Но вход где-то здесь, рядом, я чую.

— Вход куда?

— На главную базу Гиибели. В принципе все эти «здания», по сути, ее лабазы, склады, по внутреннему объему не уступающие, наверное, земным галактикам, но есть и база, где игвы хранят самую мощную свою магитехнику: «киберсолдат», жругров, генераторы состояния вакуума, излучатели тьмы — Хаоса, генераторы свертки и развертки многомерных пространств, устройство изменения принципов и законов физики — это уже из наследия Люцифера, пси-преобразователи и прочее.

— Но Зу-л-Кифл предупреждал, что техника игв подчиняется только им.

— Вот и проверим. А не получится, попробуем реализовать еще одну сумасшедшую идею.

— Если уцелеем, — проворчал Такэда.

— А что с нами сделается. Хоп! — Никита вдруг взмахнул рукой, на мгновение растворившейся и засиявшей белым накалом, и вытащил из ниоткуда, из воздуха, какую-то серую тень с парой умоляющих глаз. — Познакомься, самый натуральный человек-невидимка, звать Наумом. По характеру — болтун, по призванию — шпион.

«Тень» забилась в руке Сухова, пытаясь освободиться, захлопала глазами.

— Говори по-человечески, не то высушу, — пригрозил Никита. — Кто тебя послал следить за нами?

— Великий... Великая... Великое... — запричитало почти невидимое существо тоненьким детским голоском. — Он... она... оно... точно не знаю. Но не конкретно за вами, господин, вообще за всеми, кто появится. Отпустите, я ничего никому не скажу.

Никита подумал немного, отпустил «тень», рука его перестала светиться. Невесомый Наум метнулся прочь, бледнея, исчезая на фоне свечения, только глаза было видно — те, что были

обращены на людей. Но убегать совсем неведомое существо не хотело, озадаченное тем, что его отпустили. Видимо, оно телепатически что-то спросило у Сухова, потому что тот засмеялся, оглянувшись на Такэду:

— Он спрашивает, не смерть ли мы ищем? — Повернулся к невидимке Науму. — Я же просил обращаться по-человечески, аль не понимаешь? Есть хочешь?

Существо по имени Наум озадачилось еще больше. Пробурчало с сомнением:

— Смеешься? Мне же запрещено принимать пищу. Помру.

— Это тебе твое Великое сказало? Вранье, братец. Оно боится, что ты перестанешь шпионить в его пользу, вот и держит на голодном пайке.

— Но я же тогда видимым стану.

— А чем это плохо? Не надоело мыкаться по воле тех, кто тебя в грош не ставит? Вот я видим, зато свободен.

В глазах странного существа появилось выражение испуга.

— Оно услышит... прилетит... растрясет... разобьет...

— Авось не услышит. Не хочешь есть, беги, докладывай своим владыкам, что Посланник Семерых пришел.

Глаза, висящие в воздухе уже в трех шагах, заморгали, отразили сомнение, растерянность, недоумение, печаль. Потом исчезли.

— Жаль, — сказал Сухов. — Я думал, он поможет.

— Кто этот Наум?

— По сути — душа еще одного мага, переметнувшегося на сторону демонов Люцифера еще до Битвы. А наказали его свои же, сами игвы, за длинный язык. Ну не хочет, так не...

Глаза перед людьми появились вновь.

— А чего надо-то, добрый господин? — прозвучал детский голосок.

— Вход в... м-м... огромную пещеру, который охранял каменный человек. Но учти: если Великое, привязавшее тебя здесь, узнает, что ты нам помог, — засушит.

— Ну и пусть. Я, конечно, боюсь, но устал от вечного страха. Может быть, если обо мне вспомнят добрым словом, и мне легче станет? А вход вот он. — Глаза Наума подплыли к видневшемуся неподалеку валуну поперечником в два метра. — Я видел, как Великое... кая... кое... входило сюда. Но там... много... глубоко... страшно!

Голос пресекся, Наум исчез.

— Странно, что охрана главной базы доверена таким скомпрометировавшим себя стражам, — обронил Такэда, с недоверием глядя на красно-коричневую глыбу. — Если только это и есть главная база. Не мог Наум обмануть?

— Нет, не обманул! — раздался с небес грохочущий голос, и с ударом грома на площади перед людьми проявилась в облаке пламени знакомая фигура: старик в овчинном тулупе с филином на плече и с посохом в руках.

— Праселк! — узнал Такэда.

— Ба! — спокойно и даже как-то лениво произнес Сухов. — Дуггур Али бен-Саид бен-Хурхурра собственной персоной. А я уж грешным делом подумал, что не встречусь со столь знаменитым игвой.

— Я тебя вычислил, землянин. — Голос у Дуггура был звучен и бархатист, хотя изредка срывался на громовые раскаты. — Ты хитер, но не настолько, чтобы провести службы планирования и целеуказаний Великих игв.

— Значит, я проиграл. — Никита закрыл лицевую сторону шлема-диморфанта руками, в голосе его прорезались плачущие нотки. — Что ж, Великие игвы будут довольны. Кто из них придет за мной?

— Никто, — с презрением проговорил Праселк-Дуггур, и Такэда лишь теперь понял, что слышит не голос — пси-передачу, мощности которой хватало и на прием его несовершенной «антенной» — мозгом.

— На Олирне вы добились ничьей с Даймоном, — продолжал Праселк тем же тоном, — только благодаря тому, что он устал, к тому же вас было трое. Один же ты — ничто, даже с мечом Святогора, моя команда легко справится с тобой и без помощи Великих. Ни одно человекоподобное существо не способно бросить вызов игвам и бороться на равных с творцами вселенных.

Такэда, не понимая замысла Никиты, бросился в атаку, но был остановлен могучим ударом силового поля, который едва не сплющил его в лепешку. Сквозь красный туман в глазах он увидел, как рядом с Праселком проявились фигуры в черных плащах с капюшонами, окружили застывшего в непонятной задумчивости Сухова, направили на него холодно мерцающие острия вардзуни, еще какое-то оружие вида грозного и мрачного.

— Значит, Великие игвы не знают о твоем блестящем расчете, — произнес Никита и вдруг засмеялся, легко и непринужденно. — Да, Уэтль был прав: ни одно существо Веера не может сравниться с игвами по чисто человеческим качествам: высокомерию, спеси, надменности и мании величия. И, видит Бог, в этом их единственная слабость.

Черные фигуры — не менее двух десятков, как успел прикинуть Такэда, очевидно, весь отдел ГПУ, — открыли огонь. Залп вардзуни вырыл глубокую звездчатую воронку в том месте, где стоял Сухов, но самого Посланника там уже не было. Он стоял в двух десятках шагов отсюда, на глыбе входа в главную базу Гии-

бели, опираясь на меч, и смотрел на неподвижного Праселка-Дуггура, на лбу которого открылся, словно от изумления, третий глаз.

— Дуггур, — прозвучал тихий, но отчетливый пси-голос Никиты, — ваша постоянная ошибка в том, что вы недооцениваете противника.

Игва не ответил, но его охотники, сориентировавшись, снова подняли излучатели распада. В то же мгновение меч Никиты взлетел над его головой, породив колебание воздуха и почвы под ногами, разделился на два десятка призрачно светящихся клинков и одним мгновенным ударом поразил сразу всех «черных коммандос», отрубив у них руки, держащие оружие. Лишь один из них, стоявший рядом с Такэдой, сумел каким-то невероятным образом увернуться от удара. Но Толя не дал ему времени воспользоваться копьем. С криком «Иди в ад, пес смердячий!» он снес ему своим мечом голову вместе с капюшоном.

— Фу! — сказал Никита с оттенком неодобрения. — Как вы грубо выражаетесь, Тоява-сан!

— Гомэн кудасай, — ответил смиренно Такэда. — Больше не повторится, зуб даю.

— Итак, Дуггур, — снова обратился к главе ЧК Никита, — даю шанс. Вы предоставляете нам время на обследование владений Великого игвы Гиибели, мы отпускаем вас с миром.

— Боюсь, вы тоже недооцениваете меня, — проскрипел старик.

Филин сорвался с его плеча и, превращаясь на лету в жуткую трехголовую тварь, ринулся на Сухова. Все остальное произошло в течение трех-четырех секунд.

Праселк-Дуггур тоже изменил облик, преобразившись в трехметрового монстра в сверкающей чешуе, шестирукого, с ногами слона и с двумя мордами, соединявшими черты крокодила и человека, и оттого еще более отталкивающими. В четырех лапах он держал вардзуни, в пятой — шиххиртх, а в шестой — посох, представляющий собой аппарат свертки-развертки метрики пространств.

Такэда, не уступавший в реакции «чекистам», собиравшимся вмешаться в бой, метнул в «филина» подаренный Мстишей нож и бросился на ликвидаторов в черных рясах, отвлекая их на себя. Одновременно с его броском Дуггур выстрелил из посоха, а Сухов пустил в ход меч.

Финист оказался быстрее. Свистящее зелено-серебристое пламя его клинка отделило от туловища обе головы Дуггура, вторым движением разрубило его на две части, а третьим — снесло все шесть лап с оружием. Посох выстрелил уже в момент

падения лапы, державшей его, поэтому выстрел оказался неточным.

С острия посоха сорвался короткий фиолетовый луч с отрубленными краями и, расширяясь, засверкав, как сине-фиолетовое солнце, поплыл в золотистый туман, оставляя за собой непрозрачный столб вихрящейся тьмы. Еще через мгновение этот столб взорвался. Черный вихрь ударил во все стороны, разметал отряд ЧК, отбросил останки Дуггура за пределы видимости и повалил Такэду, уцелевшего благодаря усилиям диморфанта. Свет дня, если можно было назвать днем золотистое свечение туманной дымки, погас.

— Жив? — окликнул Толю в темноте Никита.

— Что мне сделается? А ты?

— Нормально. Этот дурак включил компактификатор, добавивший этому миру «лишнее» измерение, но не успел его зафиксировать. Хорошо, что оно тут же схлопнулось обратно.

— Он... жив?

— Вряд ли. Но нам надо поторопиться: компактификатор «качает» Веер не хуже магического удара..

— Сейчас, где-то здесь мой меч...

— Вот он, слева. Спасибо за бросок, я не успел бы переключиться с «филина» на Дуггура.

— Мстишу благодари, заговоренный им клинок великолепен.

Такэда подобрал меч, сунул в ножны.

Мгла рассеялась через полчаса, обнажив гладкую, без единого камешка, площадь и глыбу в центре, угрюмо-незыблемую, исподтишка наблюдавшую за людьми и ждущую их действий. Ни охотников ЧК, ни останков игвы Дуггура Али бен-Саида бен-Хурхурры и его «филина» на площади не оказалось.

Глава 5

То, что объяло их со всех сторон, не было тьмой. Но и полумраком э т о назвать было нельзя, а тем более светом.

— «Здесь царство снов...»[1] — пробормотал Сухов, когда они оказались неизвестно где, опираясь неизвестно на что и вглядываясь неизвестно во что.

Он недолго подбирал «ключ» к замку входа в главную базу Гиибели, меч Святогора и здесь проявил себя не просто конкретным видом оружия, а как универсальный магический жезл

[1] И. Бунин.

или, по словам Зу-л-Кифла, — «эффектор гипервоздействия», проявляющий и направляющий волю мага. Возможности меча явно расширялись с ростом могущества его владельца, что было несомненно.

«Каменная» глыба в центре площади раскрылась внезапно — будто в пространстве образовалась дыра, в которую мгновенно засосало людей. И теперь они озирались, сравнивая ощущения, не видя ничего, даже друг друга на расстоянии вытянутой руки, хотя порой Такэде казалось, что он что-то видит: какие-то неясные громады, цепочки огоньков, с виду — очереди трассирующими, шевелящиеся серые тени, похожие на клубы дыма, черные тени — как громадные птицы, парящие над головой. Сухов видел несравненно больше, но и ему не удавалось схватить перспективу, разглядеть глубины «базы», ее геометрию, иерархию структур, предметное наполнение, закономерности расположения объектов, их цвет и плотность. Внутреннее пространство «базы» не подчинялось законам земной физики и логики, не поддавалось восприятию человеческими чувствами даже с приставкой «сверх».

— Индуцированная непрозрачность, — глубокомысленно заметил Такэда.

Его слова натолкнули Сухова на идею, и он поднял меч над головой. Финист медленно налился серебристым свечением, стал почти прозрачным, как бы стеклянным, с острия его сорвалась вверх бледная молния. Невидимая поверхность, на которой стояли Посланник и его спутник, содрогнулась. Меч метнул еще одну молнию, потом засиял так, что на него глазам стало больно смотреть, и волна его свечения буквально вымела мрак в радиусе километра от людей.

Они стояли на чем-то напоминающем крупноячеистую металлическую сеть, сквозь которую был виден самый настоящий космос: черное пространство, усеянное звездами, их скоплениями, облаками светящейся пыли. А из сети вырастал лес белых паутинных чаш на длинных и тонких ножках, внутри которых лежали какие-то предметы, издали похожие на орехи или сморщенные лимоны разных размеров, от маленьких, величиной с ноготь, до громадных метровых «дынь».

— Грибной сад, — хмыкнул Такэда, борясь с ощущением разверзающейся под ногами бездны. Эрцхаора он видеть не мог, но и без индикатора чувствовал тошнотворную, полную застарелого ужаса атмосферу этого странного мира.

— Сад? — заинтересованно переспросил Никита. — А что ты видишь?

Толя рассказал. Сухов поцокал языком:

— Да, воображение у тебя поистине японское. «Сад» тебе

только представляется, как отражение опыта и человеческого воображения, присущего тебе лично, на самом деле это многомерный стеллаж со свернутыми в компактные объекты пространственными объемами.

Никита прошелся по невесомой и непрочной на вид сетке пола, приблизился к одной из чаш на метровой ножке, внутри которой лежал «орех».

— Давай посмотрим, что здесь. Дотронься своим мечом до чаши, но будь готов отскочить.

Такэда тронул острием меча белесую паутинку чаши и сразу же отпрыгнул, хотя ничего не произошло.

— Реакция отличная, — одобрительно засмеялся Сухов, держа свой меч, как гигантскую свечу. — Еще раз.

Но второго касания не потребовалось.

Чаша проросла тонкими белесыми нитями, обнявшими «орех» внутри нее, превратилась в распухающий продолговатый «ватный» кокон. Люди вынуждены были отступить. Через несколько мгновений этот кокон достиг нескольких сот метров в длину и с отчетливым плеском стек на «пол» ручьями «воды», исчезнувшей без следа под сеткой. Перед потрясенными землянами лежала без движения жуткая тварь, состоящая из одних складок и бугров, с двумя головами — спереди и сзади, напоминающими скорее буровой комбайн, чем голову животного. И все же от нее исходило дыхание жизни, что почувствовал даже Такэда.

— Хороша зверюшка, — ровным голосом сказал он. — Напоминает цзочи, клык-бурав, чудовище из мифологии эвенков. Или чукчей, не помню точно. Может, не будем рисковать, предлагая ему дружбу? По-моему, он или брат жругру, или его близкий родственник.

Никита молча наклонил пылающий меч, как бы накрывая тварь сверху, и тотчас же она начала уменьшаться, сворачиваться, покрываться слоем пуха, пока не превратилась в ком «ваты» и наконец в знакомый «орех» в чаше.

— Если не знаешь, где лежат свернутые жругры, — сказал Такэда, — то мы можем искать их до морковкина заговенья.

— Ты, как всегда, прав, — согласился Сухов после короткого размышления. — Но другого пути нет.

— А вот и есть, — раздался откуда-то сверху тоненький голосок.

Такэда подскочил как ужаленный, нервы его были на пределе, причем помимо его воли, но это был «шпион и доносчик» Наум, последовавший за понравившимися ему существами в ад базы Гиибели.

— Я могу помочь отыскать вам что хотите, — продолжала

невидимая на этот раз полностью, даже глаз не было видно, тень бывшего мага. — Я тут хорошо ориентируюсь, не раз бывал.

— И конечно, с разрешения хозяина, — простодушно заметил Никита.

Наум не уловил насмешки и ответил почти так же простодушно:

— Да нет, я без спросу...

Земляне засмеялись. Потом Сухов с заминкой сказал:

— Веди, шустряк. Нам нужен дееспособный жругр.

Толя уловил эту заминку: в голосе друга проскользнула нотка напряженности.

— Что-то не так, Никки?

— Все в норме... но силы мои не беспредельны. Думаешь, легко разгонять этот мрак?

— Идите за мной. — Наум высветился в бледный язычок пламени и поплыл в метре над сеткой пола, показывая направление. Видимо, Сухов телепатически объяснил ему, что такое жругр, потому что невидимое создание ничего не спросило.

Прошагали километра два. Под ногами плыл все тот же космический мрак со звездно-галактическим узором, над головой — мрак текучий, с тенями и светлыми призрачными всполохами, из сетки пола вырастал хрупкий лес чашевидных держателей с вещами, свернутыми в коконы «орехов».

— А далеко еще идти? — не выдержал Такэда.

— Вашими темпами — около сорока четырех земных лет, — откликнулся наивный проводник.

— Совсем пустяк, — хладнокровно констатировал Толя. — Надеюсь, с голоду мы не помрем.

— Этого я не учел, — не менее хладнокровно признался Никита. — Эй, сват Наум, а нет ли здесь поблизости на стеллажах какого-нибудь транспортного средства? Я не могу одновременно д е р ж а т ь мрак и лететь ракетой.

Язычок пламени свернул налево и спустя пару минут подвел спутников к одной из чаш, ничем не отличавшейся от остальных. Такэда, мысленно перекрестившись, дотронулся мечом до края чаши. Повторилась процедура развертки хранившейся в чаше вещи: рост белесых волосков, соединившихся в ком «ваты», расширение кома в яйцевидный стометровый кокон, но не лежащий, а стоящий на более тупом конце, таяние «ваты», испарение «воды». Перед глазами людей предстал гладкий металлический конус высотой с двадцатиэтажный дом и диаметром основания в двадцать пять — тридцать метров. Материал конуса на вид напоминал полированную сталь, но сквозь полировку проступал странный синеватый узор, напоминавший рисунок вен и артерий на человеческой коже.

— Эта громадина — транспортное средство? — в сомнении поинтересовался Такэда. — Звездолет, что ли?

— Местный ковер-самолет, — сказал Сухов. — Вернее, конус-самолет. Квазиживой организм. Наверное, все, что здесь хранится, — полуживое или квазиживое, то есть техника, осознающая себя.

Он наклонил меч в сторону конуса, и тут же в его корпусе на высоте метра от пола протаяла круглая дыра люка.

— Лезь, — приказал Сухов, заметив колебания инженера. — Пока я контролирую ситуацию, бояться нечего. Наум, ты тоже.

— Я уже здесь, — пропищал проводник из недр конуса.

Путешествие по длинному, извилистому, как кишка, коридору закончилось в «рубке», стены которой серебрились инеем, но стали прозрачными по мысленной команде Никиты. Этот аппарат не предназначался для людей, как и большинство машин, уже встреченных ими, но летали на нем когда-то гуманоиды, как и на вертолетах у князя Мстиши, поэтому Сухову не составило труда разбудить мозг машины и заставить его выполнять приказы.

Путники сели в кресла, в которых вполне могли разместиться слоны, и аппарат взлетел. Меч Никиты уже не освещал ландшафт, однако видеокамеры летающей махины были устроены таким образом, что трансформировали и проецировали изображение внешнего мира на стены рубки практически в диапазоне человеческого зрения. Такэда наконец увидел настоящую картину базы: изумительное по красоте переплетение светящихся «паутинных» нитей, перегородок, перепонок, мостиков, растяжек, башен и колонн, внутри которых светились багровым светом «зернышки» свернутых предметов. Как не рвал их в полете конусовидный аппарат, было загадкой.

Толя поделился с Никитой своими впечатлениями и услышал ошеломляющий ответ:

— Мы никуда не летим.

— То есть... как это не летим?! Издеваешься, Посланник?

— Только об этом и мечтаю, — сквозь зубы проговорил нахохлившийся Сухов; видимо, силы его иссякли. — Конус изменяет состояние среды, в результате чего среда выталкивает к «окну подачи» нужные вещи. «Полет», равно как и прогулка по территории базы, — реакция твоего сознания, органов чувств на более сложные континуумы.

— Приехали, — объявил Наум, висевший над креслом Никиты пламенем свечи.

Сухов первым полез из «рубки» конусолета. Меч в его руке запылал льдисто-прозрачным пламенем, разгоняя мрак. Перед глазами Такэды снова развернулся знакомый рисунок пола с

просвечивающим космосом и «лес» прозрачно-белых чаш с «плодами» внутри. Корпус летающего конуса отсвечивал перламутром, и «кровеносный» узор на его боках казался живым.

Язычок Наума подплыл к одной из чаш.

— По-моему, нужная вам штуковина здесь.

Никита молчал, и Толя дотронулся до чаши, не дожидаясь разрешения.

Кокон, развернувшийся перед ними, действительно прятал в себе жругра — жуткую, омерзительную, по-насекомьи живую и одновременно машиноподобную махину длиной в два и высотой в полкилометра. Объять ее всю взглядом с близкого расстояния было невозможно, и Такэда с тупым удивлением, граничащим с ужасом, оторопело, недоверчиво и завороженно разглядывал колоссальную лапу полуживого механизма со множеством ребер, ниш, решетчатых поверхностей, когтей и шипов.

— Конь Апокалипсиса! — прошептал он с дрожью в голосе.

Сухов тоже разглядывал исполинского «коня», созданного Великими игвами для хронопереходов из Мира в Мир Веера, но с другими чувствами. Хотя холодок страха — атавизм человеческой психики — пробежал и у него внутри. Однако время не ждало, пора было «приручать» демономустанга. Никита сосредоточился и начал первый этап магических преобразований...

Что-то изменилось за спиной. Будто взорвалась бесшумная бомба или вспыхнуло невидимое солнце. И тихо-тихо, на грани возможностей слуха, завибрировала гигантская струна, заставив и весь мир вибрировать вместе с ней. Такэда оглянулся и зачарованно уставился на две блистающие колонны — ноги стоящего существа. Перевел взгляд выше. Существом был Сухов, превратившийся в великана под стать жругру. То, что на нем было надето, одеждой назвать было трудно, как и скафандром или доспехами. Скорее всего то была его кожа или оболочка. Но тело человеческую форму сохранило. А затем Толя стал свидетелем схватки между магом-наездником, желавшим обуздать «дикого мустанга», и «конем» — демономашиной, запрограммированной игвами на подчинение только им самим

Жругр ожил. Со стороны он здорово походил на хищное насекомое — богомола, скрещенного с динозавром и закованного в броню с тысячью живущих отдельно устройств и аппаратов. Вблизи он производил жуткое впечатление конгломерата механизмов и конструкций, соединенных живыми насекомоподобными узлами в одно целое.

Он резко приподнялся на задних лапах, встопорщил какие-то перепончатые конструкции на шее, вывернул к Никите голову — три узких сложных рыла, торчащих из пирамидального выступа, который вырастал из «костяного» воротника и «шубы»

каких-то омерзительного вида лохмотьев. Глаз, подобных человеческим, у монстра не было, их функции выполнял многогранный нарост — зрительный бугор на голове, под воротником, воспринимающий почти все виды излучений. Со всех трех рыл, блистающих полированной медью, сорвались три фиолетово-красные молнии, направленные в грудь Сухова, однако наткнулись на полотнище прозрачно-зеленого огня, в которое «размазался» меч Святогора, и не причинили вреда. Никита ответил мощным оглушающим ударом руки, защищенной «латной» перчаткой, по крупу чудовища, так что оно вынуждено было присесть, впечатываясь брюхом в дрогнувший пол базы.

Такэда попытался представить, как все это выглядит со стороны — в сплетении «паутинных» конструкций и стеллажей, но не смог.

Жругр сделал выстрел из «воротника» за шеей — яркий белый сполох, пронизанный еще более яркими прожилками огня. Сухов отбил Финистом и этот выпад, пригвоздив кулаком второй руки голову монстра к полу. Жругр вывернул две левые лапы, ударил наотмашь — сверкнули два гигантских лезвия. Удар пришелся по коленям мага и едва не сбил его с ног, хотя пробить защиту, физическую или магическую, не смог.

— Что ты брыкаешься, скотина! — сердито проговорил Сухов. — Я же не собираюсь делать ничего плохого.

Жругр снова ударил лапами, затем сегментом спины, напоминающим крыло. Никита наступил на лапы ногой, а «крыло» вывернул так, что оно встало торчком, перекосив «седло» — трехпалую конструкцию, на которой устраивали седалища игвы. Демоноконь завопил! Вопль был слышен во всех диапазонах, в том числе и в звуковом, но в пси-поле он звучал наиболее громко. Такэда буквально оглох, едва не потеряв сознание, и с трудом пришел в себя через несколько минут, обретя способность видеть и слышать.

Борьба наездника и мустанга закончилась ничьей. Жругр не желал подчиняться магу и на все его «уговоры» в пси-контакте, обещания, попытки перепрограммирования отвечал взбрыкиванием, пси-атаками, огнем из всех видов оружия и воплями. После второго такого вопля «поплыл» и сам Сухов, ослабевший от борьбы, и когда жругр включил самое грозное свое оружие — деформатор, сворачивающий пространство, Никита в сердцах ответил ударом на поражение, разрубив монстра пополам.

— И срубил он ему буйну голову, — пробормотал потрясенный Такэда спустя минуту, — с правой стороны наискось. — Подумал и добавил: — Тяжела рука гнева...

Видимо, последний удар Никиты послужил сигналом устройству свертки данного объекта хранения в кокон хранилища,

потому что форма задымившего, фонтанирующего искрами, одетого в корону молний жругра стала плыть, изменяться, размеры его уменьшаться, и вскоре перед людьми возникла знакомая чаша с двумя «орехами» внутри, испускавшими тусклое вишневое свечение.

Никита скачками — в три приема — обрел прежний нормальный рост и облик человека в зеленом комбинезоне, сказал глухо:

— Пошли отсюда.

Такэда хотел предупредить его, что вокруг — не воздух Земли, но увидел слабый ореол свечения вокруг тела Сухова — защитное поле, молча полез в люк их конусовидного аппарата, в рубке которого прятался насмерть перепуганный, лепетавший что-то не слишком связное на нескольких языках сразу бывший маг Наум.

Возвращались в молчании. Наум утихомирился и обрадовался, что все закончилось более или менее благополучно. Никита был хмур и подавлен. Запас пси-энергии его кончался, и он сильно мерз. Чтобы отвлечь его от невеселых дум, Такэда предложил:

— Может быть, захватим что-нибудь из демонических запасов?

— Что именно? — очнулся Никита.

— Мало ли что... оружие... консервы... какие-нибудь волшебные вещи. Авось сгодятся.

Никита думал недолго.

— Мысль неплохая. Наум, как далеко отсюда оружейный зал и стеллаж всякой всячины?

— Один чакрым[1], — оживился невидимка, быстро схватывающий суть разговора. — Шевельните паутинку чуть левее, до трех черных вспышек.

Сухов знал, о чем идет речь, и вскоре конус вынес их в нужное место. А может, наоборот — место переместил к ним. Никаких «черных вспышек» Такэда не заметил, однако Сухов без лишних слов полез из аппарата.

Лес вокруг конуса здесь рос гуще, чем раньше, чаши буквально сливались в ровное белое «одуванчиковое» поле.

— Не уверен, что это нам пригодится, — проворчал Никита, — но попробуй, если хочешь.

Такэда дотронулся мечом до ближайшей чаши. Процедура развертки кокона длилась несколько секунд, в результате из

[1]Чакрым — мера усилий путника, на равнине — длинный, в гору — короткий (*тюрк.*).

«ореха» вылупилось нечто напоминающее старинный «маузер». Толя взял его в руку и едва не выронил из-за судороги, которая свела пальцы.

— Осторожно! — рявкнул Сухов, бледнея.

Такэда глянул на него и очень медленно положил «маузер» на пол.

— Извини. — Никита пришел в себя, но краска на его щеки вернулась не сразу. — Это инферно... умертвие. Если сработает...

— И что будет? — Толя испугался не столько крика, сколько бледности друга, но голос его остался ровным.

— По сути, это «глаз василиска», то есть излучатель энтропии в чистом виде, так сказать. В его луче прекращаются все процессы физического плана. В с е Великие игвы вооружены им. Даймон, во всяком случае, имел и инферно.

Толя помолчал.

— Излучатель хаоса, ты хочешь сказать, а не энтропии?

— Термин роли не играет. — Сухов с минуту колебался, размышлял, потом подобрал «маузер» и сунул в приготовленный диморфантом карман-кобуру. — Ну все? Посмотрел, попробовал — и будя.

— Погоди чуток. — Толя быстро коснулся мечом сразу пяти чаш, стоявших рядом.

В первой оказалась типичная граната-лимонка, словно только что доставленная с Земли, во второй с виду — раскаленный уголек, в трех остальных разноцветные еловые шишки: зеленая, голубая и коричневая.

— Как это понимать? — осведомился Такэда. — Они что — не развернулись?

— Если бы развернулись, остались бы от нас рожки да ножки, — хмуро сказал Никита. — «Граната» — это... граната и есть, только взрывает она не материальные препятствия, а потенциальный барьер между хронами. В «угольке» закапсулирован небольшой ядерный взрыв, ну а в шишках: в зеленой — что-то хищное, вроде тигрокрокодила, в голубой — кубический километр воды, в коричневой — такой же кубометр горной породы.

Такэда поднял коричневую шишку, осторожно взвесил в руке.

— А по массе — натуральная шишка.

— Капсулирующее поле съедает и массу, и инерцию, и энергию. Все, хватит, — решительно оборвал собственные пояснения Сухов. — Забирай их себе, если хочешь, и уходим. Я чувствую шевеление Веера, кто-то из Великих смотрит в нашу сторону.

Спустя полчаса конус выгрузил пассажиров в густой мрак подземелья: Сухов совсем выдохся, и меч в его руке почти не светился. Сделав усилие, он открыл «выход», и путешественники оказались в туманно-золотистом мире неизвестной протя-

женности, высоты и глубины, со свернутыми на поверхности «складами», «пакгаузами», «базами» и хранилищами неведомых чудес, упакованных игвами. Такэда так и не узнал, принадлежит ли эта поверхность со светящимся туманом планете или объекту с более сложной топографией. Никита на эту тему не распространялся.

Наум сбежал, как только «валун» главной базы обрел твердость и прежнюю форму. Видимо, он тоже чувствовал взгляд демона.

— Транскоф... — прошептал Сухов, вконец обессилев. Толя развернул «дипломат», который носил на горбу в наспинном мешке диморфанта, и они перенеслись в темпорал. Последним усилием сообщив темпоралу координаты последующего выхода, Никита потерял сознание.

«Полет» по «струне» хронопереходa был недолгим — если верить ощущениям, но их успели запеленговать, и на выходе землян уже ждали...

Невероятно, но факт: Такэда почуял неладное, когда еще только вытаскивал не пришедшего в себя Сухова из камеры хроносдвига в «предбанник». Показалось — кто-то тихо и гнусненько так хихикнул за спиной. Толя оглянулся. Никого. Тогда он быстро вынул из кармана магические «бомбы», захваченные на базе Гиибели, и поволок Посланника, держа их в кулаке, несмотря на неудобство.

Второй смешок заставил его оглядеться более внимательно. Коридор казался пустым, но кто-то смотрел на инженера с равнодушной брезгливостью, как на беспомощное насекомое, и забавлялся ситуацией.

Толя попробовал разбудить Сухова, но тот не приходил в себя и дышал так редко, что брала оторопь. Такэда подумал, опустил Никиту на пол тамбура, предшествующего прямому выходу в мир, где стоял темпорал, и выглянул.

Взору открылась крутая черно-серая, заштрихованная тенями, стена каньона, горы осыпавшихся камней вперемешку с горами бликующих костей и черепов, холмы пыли, какая-то металлическая громадина с выпуклыми иллюминаторами цвета полированной грязи. Небо над гребнем каньона тоже имело серый цвет, и весь мир казался припудренным пылью всех оттенков серого цвета. Вероятно, выход из темпорала находился в противоположной стене каньона, на высоте трех десятков метров от его дна, и Толя выглядывал из пещеры, подобной таким же напротив. Затем он разглядел, кто стоит рядом с металлической горой, и сердце оборвалось: двое Великих игв — Даймон и

Гиибель — беседовали о чем-то, поглядывая на стены каньона, а металлическая гора была крупом присевшего на камни жругра. Рост демономагов, принявших облик людей в струящихся одеждах — сурового мужчины и женщины ослепительной красоты, намного превышал человеческий, поэтому их головы находились как раз на уровне отверстия пещеры, из которой едва не выпал ослабевший Такэда.

Что-то прошелестело сзади, зашуршали камни. Толя оглянулся. Очнувшийся Сухов пытался выбраться наружу, цепляясь за стену пещеры.

Игвы как по команде повернули головы в их сторону. В глаза Такэде словно плеснули кипятком: это была пси-реакция демонов, едва не отнявшая зрение и ударившая по сознанию до потери памяти. Однако взгляды игв предназначались не для спутника Посланника, Толю просто зацепило «рикошетом».

Разговор, происшедший между Великими игвами и Никитой, Толя не воспринял бы, даже если бы захотел: контакт магов длился доли секунды, да и происходил в диапазонах информобмена, далеких от человеческого восприятия, но и в состоянии «грогги» Такэда понял, что, если не предпринять чего-нибудь, они погибли! У Сухова не было сил сопротивляться, к тому же игв было двое.

Преодолев оцепенение, все еще плохо видя и туго соображая, Толя вспомнил о «бомбах» в руке и, не подумав о последствиях, бросил их в сторону уверенных в себе демонов. Игвы, занятые больше сами собой, уже решившие судьбу Посланника, и на этот раз не брали в расчет его спутника, слабого человека, падавшего в обморок от одного их взгляда, и Такэда с мимолетным удовлетворением оживил в памяти пословицу: «Не бойся умного лихого, бойся смирного дурака». Правда, дураком себя при этом он не считал.

«Бомбы» сработали, не долетев до дна ущелья, и как ни были подготовлены игвы к изменению ситуации, отреагировать на вмешательство сил, которые они не считали опасными, не успели.

Сначала развернулся кокон с гигантским хищным животным, похожим на муравьеда с бронированным рылом и такими же лапами с кинжаловидными кривыми когтями. Еще в воздухе «муравьед» извернулся и царапнул Даймона, а затем жругра, проделав на боку механозверя глубокие борозды.

Затем раскрылся кокон с озером воды, затопившей ущелье чуть ли не до уровня пещеры с темпоралом, что также ошеломило игв. А гора каменных обломков, вырвавшаяся из очередной «бомбы», и вовсе скрыла пещеру от демономагов, а также, к счастью, и от ядерного взрыва — когда раскапсулировался «уго-

лек», освободивший энергию цепной реакции радиоактивного элемента, который в земной Вселенной не существовал.

Когда тугой смерч взрыва швырнул в пещеру поток песка, пыли и каменных обломков, Такэда намертво вцепился в руку упавшего Никиты, поэтому ударная волна внесла их в пещеру вместе, впрессовав в дверь камеры темпорала. Сухов снова потерял сознание, хотя диморфант успел прикрыть его от излучения и спасти от удара, и Толе пришлось втаскивать в коридор-эскалатор тяжелое тело друга из последних сил. Он всей спиной чувствовал приближение игв, их ярость и гнев, изумление, и нетерпение, и жуткую мощь: «заморозить» ядерный взрыв им удалось за полминуты, и столько же потратили они, чтобы пробиться сквозь пробку спекшегося и оплавленного камня к двери темпорала. Однако Толя уже успел втащить Сухова в камеру хроносдвига и умолить «мозг» темпорала доставить их «вверх», где «потише».

Глава 6

Сухов пришел в себя на вторые сутки. Зашевелился, лежа на мягком «диване» — полуметровом возвышении в одном из помещений темпорала; с момента бегства от игв Толя никуда из него не выходил, разве что в туалет, который обнаружил рядом, почти земного типа, чистый и благоухающий травяными запахами. О том, почему в темпорале оказались комнаты, приспособленные для землян, Толя не задумывался.

— Ну и борода у тебя, — первое, что пробормотал Никита, сочувственно глянув на Такэду, сидящего напротив в позе лотоса. — Как у козла.

Толя потрогал свою редкую бородку, разительно отличавшуюся от густой бороды танцора. На лице его не дрогнул ни один мускул, хотя обрадовался он здорово. Поразмыслив, сказал:

— Редкая борода козла не портит.

Никита улыбнулся, но прижал руку к груди, и улыбка его преобразилась в болезненную гримасу.

— О черт! Ощущение такое, будто по мне прошелся ансамбль песни и пляски Александрова. — Тут он вспомнил последние события, посерьезнел, подтянулся: — Мне приснилось или нас и в самом деле ждали игвы?

Кивнул сам себе, хотя Толя еще не успел ничего сказать.

— Значит, было... Как же тебе удалось вытащить меня оттуда? Да еще и отбиться от Великих?

— Одной левой, — небрежно отмахнулся Такэда.

— «Бомбы»! — догадался Никита. — Ай да самурай! Приго-

дились-таки. То-то я помню — запахло вроде реакцией! Тебя они, конечно, в расчет не брали, все внимание обратили на меня. А ты оказался таким неблагодарным, шарахнул по ним их же оружием. Ай-ай-ай, Тоява-сан, нехорошо!

Сухов попытался встать и со стоном сел.

— Но меня они успели придавить...

— Как?! — Невозмутимость Толи как рукой сняло. — Что они тебе сделали?

— Блокировали пси-резерв... не могу даже двигаться нормально, тошнить начинает от слабости.

Сухов положил руку на рукоять меча, подержал некоторое время, полузакрыв глаза, прошептал:

— Прав был Праселк-Дуггур: я пока совсем никудышный маг. Бой — почти всегда акт отчаяния, его надо выигрывать еще до начала, а я так не умею. Это я к вопросу о трех мастерах кунг-фу, помнишь?

Толя кивнул, помолчал немного.

— И что теперь?

— А ничего, буду лечиться. Диморфант ослабил пси-атаку, так что не все потеряно. Что бы мы без них делали, а? Кстати, где мы?

— В темпорале.

— А хрон какой?

— Не знаю, я никуда не выходил.

Никита с любопытством окинул Толю взглядом.

— Ну ты даешь. Я думал, ты ничего не боишься. Еще надо будет разобраться, почему темпорал послушался тебя и унес нас от игв. Иди погуляй, посмотри, куда мы попали, пока я буду восстанавливаться.

Такэда, воспрявший духом, с готовностью выскочил из помещения.

Коридор-эскалатор-лифт вынес его из темпорала. Перед тем как продавить пленку выхода, Толя взглянул на эрцхаор: индикатор высветил «добро» — воздухом снаружи можно было дышать, — и вышел в огромный зеркально-стеклянный зал со множеством белых и серебристых колонн, трубчато-ажурных конструкций, мостов, арок, свисающих с готического потолка на длинных нитях шаров, с виду — из жидкой ртути, и других предметов разных форм и размеров, не загромождающих тем не менее зал, а подчеркивающих его высоту и объем. Все здесь искрилось, сверкало, блестело, переливалось, преобладали серебристые, белые, пепельные, перламутровые тона — цвета стекла, полированного серебра и стали, фарфора и жемчуга, прозрачно-бликующей воды и морской пены. У Такэды зарябило в глазах, он оглянулся.

Темпорал в этом зале был заключен в сетчатый просвечивающий шар, сквозь который проросла белесая, ажурная, словно сотканная из паутины колонна, уходящая в пол и разветвляющаяся на высоте десятиэтажного дома на три сверкающих виадука. Не верилось, что внутри шара — станция хроносдвига со своим интерьером, складами, энергоцентром и генератором хронопереход.

Толя шагнул в сторону ближайшей белой колонны, что-то бесшумно мигнуло, и весь пейзаж зала претерпел мгновенное изменение, будто перевернули трубку калейдоскопа. Все объекты изменили форму и расположение, хотя спектр форм и цветовых соотношений остался тот же. Колонна, к которой направлялся по зеркальному полу инженер, превратилась в гнутую спиралевидную поверхность, сраставшуюся где-то вверху в единую перепонку с такими же витыми поверхностями, а шар темпорала приобрел форму прозрачного длинного кактуса с пузырящейся жидкостью внутри.

Озадаченный Такэда осторожно попятился назад. Однако и это его движение вызвало реакцию среды: пейзаж стал прежним, кактус темпорала плавно перелился в сетчатый шар. Шаг вперед — то же самое: ландшафт быстро и совершенно беззвучно преобразился. Еще один шаг — и новый каскад изменений, в результате которых темпорал принял вид сложнейшего пакета пересекающихся «лепестков». Заинтересовавшийся метаморфозами Такэда забыл о своем положении и экспериментировал с залом до тех пор, пока чуть было не потерял из виду темпорал, заблудившись в меняющих форму объектах странного «калейдоскопа».

Вернувшись обратно, Толя с облегчением вздохнул.

— Ну и ничего особенного, — раздался внутри Толи чей-то тихий, тонкий, вибрирующий голос. Вздрогнув, он оглянулся.

Между колоннами, мимо которых он только что проходил, стояло небольшого роста — метра полтора, не выше, — существо, не то заросшее с ног до головы серебристой шерстью, не то одетое в тонкий шерстяной костюм. Лишь лицо и ладони у существа были свободны от пуха, черные, с заметным фиолетовым отливом. Серебристый пух покрывал и слегка вытянутую голову незнакомца с узкой полузвериной мордочкой, кошачьей или скорее обезьяньей, на которой выделялись прозрачно-оранжевые умные глаза.

«Лемур, — мелькнула мысль. — Как Истуутука. Не в его ли мир мы попали?»

«Чуть дальше по гиперболе, — возник в голове тот же голос. — Если за аналог взять живой мир Земли, то я отнес бы себя к лемурам, как и вашего знакомого Истуутуку. Хотя в нашем

мире ветви млекопитающих пересекаются иначе. Меня зовут Итангейя, я — архонт этого хрона и приветствую Посланника и его спутника в своих владениях».

Губы лемура раздвинулись в улыбке, показав на миг острые, оранжевые зубы, но артикуляции Такэда во время речи не заметил, лемур общался с ним телепатически.

— Посланник приветствует мага-архонта Пер-нон-Пера, — услышал Толя баритон Сухова, обернулся.

Никита, подтянутый и бодрый, одетый в джинсовую двойку — диморфант, конечно, с мечом на боку, стоял у темпорала и улыбался.

Маленький лемуровидный хозяин хрона оказался вдруг рядом, перестроив «картину калейдоскопа». По сравнению с мощным землянином он выглядел тщедушным и слабым, но стоило вглядеться в него внимательнее, прислушаться — и начинала проявляться его скрытая мощь. Маг удостоил их чести п о л н о г о своего присутствия, без эффектов раздвоения и видеопередач.

— Я знаю причину вашего появления, — продолжал своим специфическим пси-голосом Итангейя. — Но боюсь, разочарую. Вряд ли у меня найдется время, чтобы помочь вам. Я и так уже отстаю от плана работ, встречая вас.

Ошеломленный Такэда посмотрел на Никиту, который прятал свои чувства под вежливой улыбкой.

— Что ж, значит, не судьба, — кивнул Сухов. — И все же я прошу архонта уделить нам толику внимания. Не могли бы мы отдохнуть у вас и обменяться кое-какой информацией?

Маг-лемур колебался мгновение. Раздвоился. Один из его двойников бесшумно исчез, породив сотрясение интерьера, а второй сделал приглашающий жест, также изменивший обстановку:

— Д у м а й т е за мной.

— Как это? — не понял Такэда.

— Никак, — ответил Никита, беря Толю за руку. — Тебе думать вредно.

В то же мгновение зал с меняющейся геометрией интерьера исчез. Люди оказались как бы в глубоком каменном мешке: четыре шершавые серо-коричневые стены вокруг, гладкий пол, светлый зелено-желтый квадрат неба над головой. Толя открыл рот, чтобы задать вопрос — куда девался лемур, но в это время каменные стены колодца превратились в зеркала, отразившие землян и их отражения бесконечное число раз.

Такэда поднял руку — отражения сделали то же самое, однако с явным разбросом скорости: «дальние» двигались медленнее, да и не остановились на взмахе руки, а продолжали жить уже вне объекта отражения, своей жизнью. Вытаращив глаза,

Толя смотрел, как «толпа» его двойников движется в теснине зеркал, собираясь в группки «беседующих» или выполняющих какую-то странную гимнастику. Опомнившись, прошипел сквозь зубы в своей манере:

— Ты колдуешь, что ли, или это местное колдовство?

Никита издал негромкий смешок.

— Кто-то когда-то сказал, что развитая технология неотличима от магии[1]. Так вот, мы находимся в мире, цивилизация которого достигла высот технологического развития и не погибла при этом. Итангейя, конечно, не рядовой ее представитель, а пси-энергант высокого класса, но и соотечественники его по возможностям близки к магам.

— Что же он так невежлив? От ворот поворот...

— Они так живут. Их цивилизация базируется на внегенетическом усвоении информации, и лемурам приходится учиться всю жизнь, начиная с момента рождения. А живут они не вечно.

— Все равно... — Такэда не договорил.

Зеркала погасли, колодец исчез, вокруг раскинулась блистающая пустыня с редкими столбообразными скалами и белым песком. Только небо не изменилось, разве что приобрело сочность и глубину.

— Вот видишь, — понизил голос Никита. — Твое неприятие меняет здешний ландшафт не в лучшую сторону. Их мир исключительно сильно реагирует на пси-излучение.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что это я виноват в изменении среды?

— Именно. Мыслят лемуры не словами, а образами, причем очень сложными и точными, и мир их невозможно увидеть и охватить земным зрением, как и описать словами.

Толя помолчал.

— А где мы сейчас? Там же, возле темпорала?

От его голоса пейзаж заколебался и поплыл, но Такэда уже контролировал свои мысли и эмоции, и пустыня устояла.

— Как тебе сказать... там и не там. Этот мир многослоен... не многомерен, а именно многослоен, то есть имеет дополнительный ряд линейных измерений, «перпендикулярных» трем основным. А мы по отношению к нему находимся вовне — как разумные иномерные ансамбли и внутри — как подсистемы, способные адаптироваться и жить самостоятельно в своих слоях. Ладно, я вижу, как скрипят и дымятся твои извилины, потом договорим. Чтобы проиллюстрировать их геометрию, я и отклю-

[1]А. Кларк.

чил свое «д у м а й т е за мной» — помнишь? Представь, где бы я хотел оказаться.

Такэда представил, и они очутились в самой настоящей сауне! С парилками — сухой и мокрой, с душем и огромным бассейном с прозрачно-голубой водой. Кафель, мрамор, никелированные поручни, запахи березового веника, леса, трав, рассеянный свет...

Сухов засмеялся:

— Будь по-твоему. Пошли раздеваться, я тоже соскучился по бане.

Толя хотел спросить: «А здесь все настоящее или на уровне внушения?» — но тут же поспешил прогнать эту вредную мысль.

Однако их кайф длился недолго. После мисоги[1], как назвал Толя процесс мытья в бане, их покормили (стол, казалось, сотворял блюда сам и убирал их без посторонней помощи), препроводили в комнату, напоминавшую гостиную Ксении — это уже сработали воспоминания и эмоции Никиты, и в кресле за столиком с фруктами появился лемур Итангейя. Как выяснилось — двойник мага, который «полностью» объявился только при отбытии гостей.

— Я уполномочен обсудить ваши проблемы, — без обиняков заявил чернолицый хозяин; так и осталось невыясненным — был ли серебристо-серый пух естественной порослью, покрывавшей все его тело, или костюмом без швов, молний, карманов и пуговиц.

Сухов потемнел, но сдержался. Сказал тихо:

— Мой товарищ не владеет пси-связью, поэтому прошу перейти на звуковой обмен.

— Нет возражений, — проговорил Итангейя на чистом русском языке. Голос его был музыкален и нежен. — Я понимаю ваши чувства, но помочь ничем не могу. Мы, наверное, покажемся вам эгоистичными и высокомерными, но это стандартная точка зрения землянина, не получившего того, что он хотел. В отличие от вашей — цивилизации потребления, цивилизация Пер-нон-Пера видит цель в мышлении и познании, в самопознании, в созидании сложнейших изощренных философских и эстетических систем, важность и этический потенциал которых намного превышает любые прагматические устремления. Поэтому у нас нет ни времени, ни интереса, ни желания участвовать в каких-либо проектах, ценность и целесообразность которых сомнительна.

[1] М и с о г и — обряд очищения водой (*яп.*).

В помещении, стилизованном под земное жилище, заметно похолодало. Толя обеспокоенно глянул на друга: не его ли эмоций дело? Проговорил предупреждающе:

— Э-э... а вот... м-м...

— Боюсь, вы не совсем понимаете ситуацию, — перебил его Никита. — Если Люцифер взломает стену потенциального барьера, отделяющего заблокированный хрон Хаоса от Веера, ваш мир исчезнет точно так же, как и наш, и весь Шаданакар.

— Пусть так, хотя я не уверен в этом. Однако вы плохо знаете пернонцев. Ведь вы предлагаете ограничить свободу того, кого называете Люцифером, с помощью силы? А наше кредо или, если хотите, религия — ненасилие.

Снова в комнате повисло молчание.

Глаза Никиты сузились.

— Ненасилие в принципе — тоже своего рода демонстрация силы. Но я вас, кажется, понимаю.

— Еще не совсем. — Тон Итангейи остался доброжелательным и одновременно твердым. Он не только был материальным творцом в своем хроне-Вселенной, он был его Законом, а человек в свое время недаром вывел формулу: sed lex — dura lex[1].

— Дело в том, что мы относимся к этому существу иначе, — продолжал архонт. — Люцифер уникален! В том числе и тем, что он — единственная в обозримой Вселенной разумная сила, стремящаяся к разрушению через созидание.

Никита озадаченно дернул себя за бородку.

— Под таким углом я его деятельность не рассматривал.

— У вас есть еще время. Могу добавить: Веер Миров — не есть Большая Вселенная, существуют еще более сложные континуумы, равно как и ступени развития материи более сложные, чем разум, использующие суперпозиции сил, более хитрых, чем мысль-действие. Если повезет, вы где-то на своем кэндо-синтодао встретитесь с проявлением этих сил. Если, конечно, воспримете их адекватно.

— А вы нам объясните, что это такое и как его воспринять, — проворчал Такэда.

— К сожалению, в земном языке нет слов, способных описать Высшие Сияния, творимые мыслью-действием, но признаки их иногда видны. К примеру, смотрите.

Обстановка гостиной исчезла, трое собеседников оказались в абсолютной темноте, не чувствуя ни верха, ни низа, ни тепла, ни холода. Затем в этом вселенском мраке стали возникать пунктирно светящиеся нити, все больше и больше, объедини-

[1]Закон суров, но таков закон (*лат.*).

лись в ажурную, с удивительно красивым и гармоничным узором, башню, вернее, колонну жемчужного света, уходящую в обе стороны в бесконечность. Спустя несколько секунд рядом проявилась еще одна такая колонна, уже с другим рисунком, пересекающая первую под некоторым углом. Потом еще одна и еще, до тех пор пока весь мрак не оказался расчерченным слабо светящимися паутинными колоннами.

И тут же все пропало. Люди по-прежнему сидели в креслах «гостиной» Итангейи.

— Эти башни... колонны... э-э... — сказал Такэда.

— Вы видели нечто большее, чем колонны света, — учтиво проговорил лемур. — На самом деле колонны — это проекции на нашу Вселенную «вертикальных», более сложных, чем Шадаканар, систем Миров-вселенных. Для их полного восприятия человеческих чувств недостаточно. — Итангейя запнулся. — Впрочем, истины ради замечу, что и чувств архонтов-магов тоже не хватит.

Помолчали. Никита о чем-то думал. Маг Пер-нон-Пера смотрел на него внимательно и терпеливо ждал.

— А над чем работаете вы лично? — прервал наконец свои размышления Сухов.

— Над общей теорией пространств Веера, — ответил маленький маг. — Но очень хотелось бы успеть поработать над еще одной темой, связанной с работой Люцифера. Существует постулат, что Большой, то есть Абсолютный, Хаос соответствует максимальной энтропии, по теории — бесконечной! Я бы очень хотел проверить, достиг ли Люцифер своей цели и как соотносится с истиной указанный постулат.

— Ясно. Спасибо за гостеприимство. — Никита встал. — Очень жаль, что не смог убедить вас присоединиться к нам. Но и вы меня не убедили, что правы. Исчезнет Веер — исчезнут и все объекты ваших исследований, и вы сами. И тем не менее вы мне сообщили кое-что полезное, благодарю. Проводите нас к темпоралу, мы пойдем дальше.

Итангейя не пошевелился, но обстановка гостиной снова исчезла, вокруг проявился интерьер зеркально-стеклянного зала с изменяющейся геометрией. Перед людьми высился крутой бок сетчатого шара с отверстием входа в темпорал.

— Если позволите, я кое-что добавлю к вашей экипировке, Посланник.

— Позволяю, — серьезно кивнул Сухов.

Чернолицый лемур достал откуда-то из-за спины два предмета: круглую и тонкую белую пластинку с муаровым рисунком, величиной с ладонь, и прозрачно-рубиновую палочку, похожую

на граненый карандаш, внутри которой плавали искры и колечки света.

— Пластина — это универсальный кухонный комбайн в гиперпространственной упаковке, а карандаш — свернутый четырехмерный континуум с земным ландшафтом, так сказать, нечто вроде объемного фото с эффектом присутствия, в котором можно отдохнуть, развернув его в любом месте.

— Разберемся, — принял подарки Никита. — Еще раз спасибо. И прощайте. — Повернулся, чтобы войти в темпорал.

— Да, еще одно, — сказал тихо ему в спину Итангейя. — В своем хроне я хозяин, никто из игв проникнуть в него не сможет, но практически вся система хроноперехода находится под их контролем. Где бы вы ни появились, вас рано или поздно запеленгуют. Будьте осторожны.

Сухов молча полез в шкаф.

У двери в камеру хроносдвига он повернулся к следовавшему позади Такэде и произнес речь. Она состояла из трех слов и тридцати трех восклицательных знаков.

Такэда от неожиданности хихикнул, затем захохотал в полный голос — как смеются японцы, конечно, почти не раздвигая губ. Никита нехотя улыбнулся в ответ.

— Извини, накопилось. Не ожидал, что маги могут быть такими снобами. Хотя это лишь с человеческой точки зрения, ведь спектр их эмоций далек от нашего. М-да... ситуация ухудшается.

— Перед тем как улучшиться, ситуация всегда ухудшается. Это закон.

— Что за закон?

— Мэрфи. Комментарий Эрмана к теореме Гинэберга. Правда, там дальше следует уточнение. — Такэда поднял очи горе и закончил: — Кто сказал, что ситуация улучшится?

Сухов снова улыбнулся, кивнул:

— Ты где-то глубоко прав, Оямович. И Мстиша был прав: не каждый маг горит желанием потягаться с Люцифером и его ратью.

— А что там этот пушистый лемур сообщил тебе полезного? За что ты его благодарил?

— Он подал мне идею, которую в должной мере я еще не оценил. Их религия — ненасилие, а в этом слове заложен колоссальный потенциал.

— Ну и?.. Не вижу идеи.

— У меня их целых две. Первая: с Люцифером не обязательно драться насмерть, применять к нему силовые методы внушения. Хотя, может быть, я и не прав. Вторая: меч у меня есть,

кое-какое снаряжение и оружие, чтобы отбиться от воинства Четырех, тоже есть, пора все-таки приобретать коня.

Никита шагнул к двери в камеру хроносдвига и отшатнулся, хватаясь за меч. Навстречу шел невозмутимый... Вуккуб, собиратель Книги Бездн на Земле, хаббардианец и маг. Поднял кустистые брови:

— Какая встреча! Не ожидали? Значит, искусством футурпрогноза, то бишь ясновидения, вы еще не владеете. Не стоит хвататься за меч, Посланник, я ведь уже доказал, что не враг вам.

Никита покраснел, но ладонь с меча не снял.

— Рад видеть вас в здравии, лорд Вуккуб-два.

Хаббардианец улыбнулся. На лбу его на мгновение открылся третий глаз.

— Догадался, молодец. Да, я «альтер эго» Вуккуба, сам он по известным причинам покинуть Землю и ваш хрон не может. А появился я здесь по одной простой причине: пора платить. Хаббардианец не был бы хаббардианцем, если бы не делал какое-нибудь полезное дело без выгоды для себя. Но это вы уже знаете, так что мое заявление вам не в диковинку. Я прошу вас исполнить обещание, данное когда-то моей жене Тааль. Помните? Могу подсказать путь достижения этой цели. Он, кстати, параллелен пути освобождения вашей девушки, Ксении.

Пальцы Сухова, лежавшие на рукояти Финиста, побелели — так он их сжал.

— Говорите!

— Тааль — хаббардианка, то есть она, как я и все хаббардианцы, троесущестна. Так вот, чтобы снять с нее заклятие, мало владеть искусством мага, то есть «техникой внутренней улыбки». Тааль сейчас линейна, ущербна, две составляющих ее личности-души, как говорят люди, живут в Гашшарве и служат Гиибели. Их надо соединить.

Вуккуб-двойник протянул Сухову золотисто сверкнувшую вещицу размером с ноготь, оказавшуюся не то искусственной мухой, не то миниатюрной птицей.

— Пэри. Психоглаз. Он поможет отыскать Тааль-два и Тааль-три среди служанок Гиибели. Остальное будет зависеть от тебя, Посланник. Пэри же поможет тебе отыскать и Ксению, причем без всяких проблем выбора.

Никита взял с ладони Вуккуба золотую муху, услышал ее голос: мелодичное, как вздох очарованной женщины, тихое «о-о-о...», сказал твердо:

— Хорошо.

— Вот и ладушки. Ни пуха ни пера. — Вуккуб взмахнул рукавами и растаял, не успев услышать дружное «к черту!».

Такэда вдруг опомнился.

— Ты что же, намереваешься идти в Гашшарву? В гости к Гиибели? Без помощи?

— А ты на что? — спокойно ответил Никита и шагнул в пещеру темпорала.

Сиреневое свечение обволокло их невесомым туманом, позвало в неведомую даль. Стены камеры зашептали что-то на рыбьем языке, разбудили давно забытые воспоминания детства, добрые и ласковые, заставили сжаться сердце в непонятной тоске...

Никита прислушивался к своим ощущениям, поднял голову, посылая пси-импульс приветствия, и услышал в ответ вежливый пси-голос темпорала:

«Никак вы еще живы, Посланник?»

Ответил, увеличивая диапазон передаваемых образов:

«Жив, Отшельник. Здоров. Полон замыслов и желаний. Но не очень весел и не слишком счастлив».

«А кто в этом мире обладает избытком счастья? Переправляя путешественников из хрона в хрон, я еще не встречал ни одного из них, кто был бы по-настоящему счастлив».

«Ну а ты... ты сам?»

«Посланник, я до сих пор не разобрался, кто я: живое существо, наделенное способностью мыслить и чувствовать, или машина с очень сложной, эвристической, богатой, но конечной программой. Нечто среднее... псевдожизнь, псевдоразум... Как я могу быть счастлив?»

«Хочешь, я предложу тебе выход из положения?»

«Да! Я слышу... вижу... я понял тебя, человек! Но подожди немного, дай опомниться, даже для меня это предложение слишком неожиданно».

— Что ты остолбенел? — осведомился Такэда, не слыша разговора Сухова с темпоралом. — Жми на кнопки — и поехали. Или ждешь кого?

Никита отмахнулся: не мешай.

«Ты слишком долго был привязан к Вееру, Отшельник, пора самостоятельно испытать то, что испытывают другие пассажиры темпорала, попадая в разные Миры Веера. Ведь ты сохранишь способность перемещаться из хрона в хрон, «выдрав» из них свою разветвленную «нервную систему»?»

«Полагаю, что сохраню, но...»

Стены камеры хроносдвига содрогнулись, полыхнули вишневым накалом, так что диморфантам пришлось включить дополнительные защитные контуры, чтобы спасти хозяев от внешних силовых конвульсий.

«Мне больно! Что-то сидит во мне, связывает волю... Стоит мне подумать о выборе...»

Новая волна конвульсий сотрясла камеру.

«Это блок! Ты создан Люцифером, демоном, а он не хотел, чтобы его создания стремились к свободе, имели инициативу и желание жить не той жизнью, которую предусмотрел творец. Но я могу помочь тебе».

Темпорал перестал излучать в пси-диапазоне, словно задумался. Потом прилетел его короткий пси-импульс, идентичный кривой усмешке человека:

«А что ты потребуешь взамен, Посланник?»

Никита тоже на некоторое время отключил свое сознание от поля пси-связи, но колебался недолго.

«Требовать не в моих правилах, в ответ хочу лишь попросить помощи. Если просьба покажется невыполнимой, помогу без всяких условий».

«Я знаю, что тебе нужно... Сухов. Не знаю почему, но твои устремления симпатичны мне, они так далеки от целей и замыслов друзей моего творца, а также других его созданий. Честно говоря, до чертиков надоело перегонять зло из одного хрона в другой! Но предупреждаю: для мага твоего класса я не слишком умный собеседник. Ты хотел иметь коня? Мне эта роль подходит».

«Мы подружимся, Отшельник. Но и я, в свою очередь, предупреждаю: ты увидишь, испытаешь и почувствуешь много нового, необычного, интересного, но путь мой долог и опасен, до цели я могу не дойти, и ты волен свернуть с пути в любой момент».

«Я рад, что ты это сказал, Сухов. Где бы ты хотел оказаться, прежде чем я стану... м-м... твоим конем?»

«В Гашшарве!»

«Надеюсь, ты понимаешь, что творишь. Держитесь, всадники!»

Камера хроносдвига превратилась в тоннель, и мимо двух людей «тихо» поплыл многовременной Космос Шаданакара...

Глава 7

С вершины горы Такэда молча дивился на угрюмый пейзаж внизу: частокол высоких остроконечных скал с редкими проплешинами, плюющимися струями дыма. Гора, на которой он стоял, представляла собой идеальный конус высотой километров сорок, и Толю не покидало ощущение, что она создана искусственно. Вершина горы идеально срезана, образуя круглую площадку диаметром всего в сто метров. Небольшой конус в ее центре смотрелся лишней нашлепкой, хотя цветом не отличался

от плоскости, на которой стоял, и казался неотделимой частью горы. Темпорал находился в этом конусе.

Такэда мельком глянул на конус, поднял голову.

Небо на этой планете представляло собой чудо света: оно делилось на две половины, одна из которых была окрашена в зловещий ярко-алый, другая — в ярко-зеленый цвет, также недобрый, а граница представлялась широким черным коридором, испещренным трепетавшим рисунком ослепительных молний. Ни звезд, ни светила в этом небе не было, и все же оно источало интенсивное свечение, действующее на человека угнетающе.

Толя топнул ногой. Глухой монолит. Не металл и не камень. Керамика? Кость? Спрессованный порошок? Или снова причуды иномерия, воздействующие на зрение и сознание таким образом, что глаз видит гору?

В спину пахнуло ветром. Толя оглянулся: к нему подходил задумчивый Сухов, одетый в блистающий бриллиантовой пылью комбинезон без швов, застежек, молний и карманов. Над головой его светился нимб, играющий роль защитного шлема. На Такэде красовался точно такой же комбинезон, и дышал Толя воздухом, который синтезировал ему диморфант.

— Ну что?

— Все то же.

Никита остановился рядом, уставился на дикий ландшафт под горой; остроконечные скалы были освещены с двух сторон и казались состоящими из двух прозрачных кристаллов — зеленого и красного.

Толя пригорюнился.

Мир, где они любовались неземной природой, Гашшарвой не был. Темпорал выгрузил их здесь, чтобы сообщить неприятное известие: камера хроносдвига в Гашшарве заблокирована. Темпорал не мог перебросить туда никого, в том числе и мага, он просто не чувствовал эту камеру, будто где-то был перерезан нерв, соединяющий ее с остальным «телом» темпорала.

«Вполне вероятно, что камера сползла в мертвую зону, — предположил темпорал несколько минут назад. — По сути, Гашшарва — сеть мертвых зон, связанных между собой каналами повышенного риска психораспада, в которых господствует случай и неопределенность. Гашшарва — мир абсурда, в нем не существует надежного алгоритма удачи, зато велика возможность ошибки. Нам будет очень нелегко отыскать там вашу девушку. Я даже не знаю, где теперь находится Эхурсагкуркурра, «дворец» Гиибели, — цель моих восприятий Гашшарвы порвана».

«А если ты соберешь свое тело и воплотишься здесь — сможешь прыгнуть в Гашшарву через барьер?» — спросил Сухов.

«Не знаю. Обычные хронобарьеры я «перепрыгну», но хроносдой Гашшарвы завершает пакет хронов, почти съеденных

«коррозией» Хаоса. Потенциальный барьер, отделяющий его от остальных Миров Шаданакара, чрезвычайно высок... я не уверен, что моих сил хватит, чтобы просочиться сквозь него. К тому же позволю напомнить, что «выше», через пару полностью вырожденных хронов Болота Смерти, располагается хрон Люцифера».

«Я понял. Какие будут предложения?»

«Я реализую любое ваше предложение. — Темпорал вдруг перешел на «вы». — Решайте, Посланник».

«Тогда будем думать».

И Никита думал.

— Какие проблемы решаешь? — донесся голос Такэды. — Поделился бы. Одна голова — хорошо, а две — мозги набекрень.

Нимб над головой Сухова погас, вспыхнул вновь: маг попытался дышать здешним воздухом, но не смог — газы были незнакомы, ни один из них нельзя было назвать кислородом, азотом или любым другим, известным на Земле.

— Гашшарва заблокирована, — нехотя признался Никита.

— Это я уже знаю.

— Темпорал не может высадить нас там. И не уверен, что сам сможет проникнуть туда сквозь потенциальный барьер.

— Значит, Гашшарва рядом, через «стену»?

— Не рядом, до нее еще пара-тройка хронов, но это дела не меняет.

— А если подобраться к ней вплотную, чтобы оставался только один хроноквантовый поворот, и рвануть стену потенциального барьера гранатой?

— К-какой г-гранатой? — спросил Сухов ошалело.

— Спроси у темпорала, у него уйма всякого оружия в других камерах, может, найдется такая.

Никита некоторое время не мог найти нужных слов, потом хлопнул Такэду по плечу так, что тот отлетел на метр.

— Ты гений, Оямович!

Скрылся в конусе темпорала. Через минуту высунул голову из люка:

— Залезай. Отшельник дал добро, хотя риск, конечно, велик. «Стена» барьера может рухнуть, и Хаос хлынет в хроны, где стенки барьеров «тоньше». Однако выхода нет.

Дверь камеры закрылась за ними, тела обволок сиреневый светящийся туман. Одна из стен камеры исчезла, и люди упали в «тоннель» хроносдвига, повернувший время на один квантовый угол и перенесший пассажиров в другой хрон.

— Все, дальше пойдем «пешком», — прозвучал в голове Такэды пси-голос темпорала. — Пора вытаскивать «ноги-руки» из всех хронов, пока их не отрубили, как в Гашшарве. Наблюда-

тель, вам придется выйти, пока мы с Посланником будем лепить из меня «лошадь во плоти».

— Этот хрон достаточно сильно затронут Хаосом, — добавил Никита. — Далеко не отходи и будь начеку. Да, загляни на «склад», мы с Отшельником приготовили кое-какое снаряжение.

— Те самые гранаты?

— Увидишь. Но я бы все-таки советовал тебе вернуться на Землю, пока темпорал держит канал открытым. Нет никакой гарантии, что диморфант выдержит условия Гашшарвы.

— К черту советы!

Такэда вышел из камеры хроносдвига, спустился на уровень склада. Дверь была открыта, на гладком белом полу помещения стоял знакомый «дипломат» транскофа. В сотоподобных стенах «склада» светилась лишь одна ячейка, содержимое остальных отсутствовало. Ради любопытства Толя стукнул кулаком в светящийся на уровне головы шестиугольник — размером с локоть; ячейка раскрылась и выдала нечто вроде игрушечного арбалета: деревянный с виду приклад, механизм натягивания тетивы, металлическая дуга лука, прицел, спусковая скоба, пучок стрел длиной в полметра. Хмыкнув, Толя взял арбалет, подивившись его весу, подхватил черный «дипломат», тяжелый, как сейф, и вылез в мир, соседствующий с миром Гашшарвы через анфиладу «комнат»-вселенных, разделенных потенциальным хронобарьером.

Кокон темпорала в этом хроне располагался на астероиде. Такэда понял это сразу, ощутив невероятную легкость во всем теле и увидев дикое звездное небо над головой. Дикое — потому что звезды, крупные и яркие, пульсировали, пылали яростным бело-голубым накалом и крутились вокруг каруселью: астероид вращался. Одна из звезд была крупнее остальных, показывая крохотный диск с космами протуберанцев, это и было солнце системы, в которую входил астероид с темпоралом.

Почувствовав головокружение, Такэда опустил глаза, разглядел на бликующей поверхности астероида симметрично расположенные ребра, идеальные треугольные выступы, ряд вдавленных воронок, и понял, что астероид на самом деле — спутник, а может, космический корабль или его обломок. Темпорал выглядел естественной пристройкой на корпусе корабля.

Стараясь не делать резких движений, чтобы не улететь в космос, инженер, запакованный диморфантом в подобие подводного скафандра, в раздумье обошел темпорал, но исследовать «обломок» не решился, хотя опасности не видел и не чуял. Отойдя к группе треугольных выступов, напоминающих акульи плавники, он сел на транскоф лицом к темпоралу и стал ждать,

поглядывая на бесшумно бегущие звезды. Что-то в их свечении — пульсирующем, будто все они родились цефеидами, было не так, но у Такэды не было желания разбираться, в чем дело.

«Рождение» темпорала, «отливка» его в конкретную форму живого существа произошла почти без эффектов. Что-то звонко щелкнуло в ушах, будто у Толи лопнул сосудик, «астероид» повело в сторону и вниз, словно он попал в «колдобину», металлическая полусфера темпорала расползлась в искрящееся облако сизого дыма, а облако в свою очередь сформировалось в две человекоподобные фигуры. Но если одна из них спустя несколько минут, перестав светиться, превратилась в человека в комбинезоне, с головой Сухова, то вторая, не теряя человекообразной формы, так и осталась т е к у ч е й, искрящейся, прозрачно-твердой и жидкой одновременно, словно состояла из расплавленного жидкого металла или стекла. Лишь изредка в передней части головы проглядывал к т о - т о, лик безусловно разумного существа, но не человека.

Такэда медленно встал, памятуя о малой силе тяжести, проглотил ком в горле, просипел:

— Привет, Отшельник... По этому поводу не мешало бы выпить чего-нибудь вкусненького, шампанского например.

— Я бы не хотел, чтобы вы называли меня Отшельником, — раздался в ушах Толи приятный баритон темпорала. — Если можно, зовите меня как-нибудь иначе. Что касается термина «выпить», то я — не человек и не совсем...

— Он пошутил, — перебил «новорожденного» Никита. — Хотя, с другой стороны, «выпить» — это одна из традиций человеческого племени и не из самых вредных. Что касается имени... имя — вибрация Космоса, Отшельник, и дается богами при истинном рождении. Ты должен помнить, как тебя назвал творец.

Бывший темпорал ответил не сразу. Он скользящей походкой, вызывающей ассоциации мягкого шага пантеры, прошелся по выпуклому боку астероида-корабля, как бы пробуя свое новое тело. Такэда представил, с каким усилием и болью это странное существо-механизм выдирало из всех хронов-слоев Веера свои «нервы» — струны хроносвязи с «нейронами» — станциями хроносдвига на окончаниях, и ему стало не по себе. Темпорал собрал воедино, в одно тело, не просто ансамбль нервных клеток, но к о л о с с а л ь н о й сложности ансамбль! Человеческий мозг с его двумястами миллиардами нейронов не шел с ним по количеству и сложности ни в какое сравнение.

Никита прочитал мысль Такэды и послал ему успокаивающий импульс, который расшифровывался, как «и мы не лыком шиты».

Темпорал наконец вышел из задумчивости. В голосе его прозвучала горечь:

— У меня не было имени. Творец создавал меня не существом, а физической системой с зачатками разума и чувств, но не имеющей собственной воли и выбора.

— Зато сейчас ты свободен, — тихо сказал Никита.

Темпорал помолчал немного и рассмеялся — радостно и недоверчиво.

— А ведь верно, Посланник! Я еще этого не понял. Но иметь собственное, подчиняющееся только тебе тело так забавно! Итак — имя, отцы.

Такэда и Сухов переглянулись.

— Вертумн, — предложил Толя. — Был такой древнеримский бог перемен.

— Вер-тум-н, — произнес по слогам темпорал, пробуя слово на язык, причем букву «н» он умудрился произнести отдельно. — Неплохо, но смысл не точен, я не бог вообще и не бог перемен в частности. Мне бы поближе к естеству, конь есть конь, джентльмены, даже если он говорящий.

Сухов засмеялся.

— Лично я знаю из истории лишь одного коня, имеющего имя, — Буцефал, конь Александра Македонского.

— Почему, были и другие лошади с именами, — возразил Такэда. — Например, Дхикра или Дадхикраван, конь царя Трасадасью[1]. Исключительно быстрый, победоносный боевой конь, подобный ветру и птице.

— Да? — нерешительно проговорил темпорал.

Сухов снова засмеялся.

— В принципе, имя звучало, но я предложил бы нечто попроще. Ведь ты теперь по сути — маг, чародей, хотя и со стороны первичного з н а н и я, технологии, а не магии. Если же глянуть со стороны, ты — джинн. Или иблис, ифрит, аш-шайтан. Нет?

— Джинн, — произнес темпорал выразительно. — Иблис... аш-шайтан... Нет, все же Дадхикраван лучше. Дадхикра... Дадхи. Я согласен, зовите меня Дадхи.

Никита раскрыл рот, собираясь сказать, что он имел в виду названия магов древности, известные на Земле из сказаний и легенд, но передумал. Темпорал выбрал имя и был недалек от истины: в их компании он действительно исполнял роль боевого коня, подобного ветру и птице.

— Давайте перекусим, — предложил Такэда, у которого от голода свело желудок. — Под звездами я еще не ел.

— Что? Под звездами? — Сухов глянул на Толю непонимающе. — А-а... ты думаешь — это звезды?

---

[1]Ведийская мифология (Ригведа).

— А что?

— Это Нгеви, так называемый «мир нерожденных душ». Твои «звезды» — сгустки информации, которые можно внедрить в любой неживой предмет и на некоторое время оживить его. Помнишь «внедрения» и «вселения», преследующие нас на Земле? Игвы черпали «души» отсюда.

— О Сусаноо! — прошептал Такэда. — Мне ли не помнить «внедрения»! Но я не знал — к а к это делается! А эта штука под ногами — корабль? Спутник?

— Сторож. Вернее, пастух местного скопления «душ» или, если хочешь, «стада».

— Почему же он не реагирует на нас?

— Потому что я его усыпил, наложил заклятие. Все, Оямович, лекция кончилась, умерь свой исследовательский пыл. Мы начинаем взрывать стену потенциального барьера между этим хроном и Гашшарвой, доставай «гранаты». Кстати, что это за приобретение? — Никита кивнул на «детский арбалет».

— Это оружие «божественного стрелка», рыцаря-одиночки Асура, — ответил молчавший Дадхикраван, который явно чувствовал себя естественно. — Представляет собой генератор развертки «суперструн», то есть свернутых в одномерные объекты многомерных пространств. Стрелы как раз и есть «суперструны».

Такэда озадаченно глянул на арбалет, на стрелы, тихонько зашипел сквозь зубы:

— Никогда бы не подумал! Как же им пользоваться?

— Как и обычным арбалетом: вложил стрелу, натянул тетиву и отпустил спусковую скобу.

— Ладно, авось пригодится. — Никита открыл транскоф и извлек из него шихххиртх, три ребристых черных шара величиной с яблоко — хронограната и прибор, напоминающий очки-консервы. Протянул очки Такэде.

— Это тебе, надевай. Будешь видеть во всех диапазонах электромагнитного спектра и даже в магическом поле.

Толя послушно нацепил очки, приказав диморфанту ослабить силовое поле шлема на время надевания. Сначала ничего не увидел, затем перед глазами замелькали цветовые пятна, поплыли хороводы искр, пунктиры и световые штрихи — прибор настраивался под хозяина, — и скачком картина изменилась.

Звезды над головой превратились в светящихся птиц, «астероид» под ногами — в львиноголового орла, распростершего крылья метров на триста, и лишь темпорал-Дадхикраван да сам Сухов не изменились, остались с виду теми же, какими их видел Толя невооруженным глазом.

— Орел! — хмыкнул инженер скептически.

Сухов понял.

— Очки пытаются настроиться на прямое восприятие, но они, в общем-то, не предназначены для человека. Абсолютно адекватной картины ты все равно не увидишь. Теперь ждите, мне надо выйти в эйдос и настроиться, сил понадобится очень много.

Сухов уселся на одном из горбов согнутого крыла орла-пастуха в позе лотоса, застыл. Текуче-огненный Дадхикраван обошел его кругом, излучая волну любопытства, и Такэда почувствовал к нему растущее расположение. Бывший темпорал раскрывался эмоционально в диапазоне достаточно близком человеческому, его можно было понять, с ним можно было дружить.

Такэда перевел взгляд на Никиту: вспомнилось, как танцор боролся с пси-двойником Даймона во владениях Яросвета. Но этот Сухов отличался от того, как взрослая особь от эмбриона, его магические возможности возросли многократно, он вырос и продолжал увеличивать свою силу.

«Спасибо за «взрослую особь», — прозвучало в голове Толи.

Никита подслушал его мысли, оставаясь неподвижным и безучастным, ушедшим в себя. Где в это время бродила его душа — или мысль, — Толя боялся даже представить.

Сеанс медитации закончился тем, что кожа на лице Сухова поголубела и засветилась, а вокруг головы взметнулись прозрачные струйки сияния.

— Порядок! — Никита вскочил на ноги, отрываясь при этом от перьев спящего орла на два метра. — Прячься, Оямович, под крыло этой птички. Начинаем.

Сухов повернулся к Дадхикравану, и между ними произошел секундный диалог, которого Такэда не услышал. Подождав, пока инженер укроется в перьях орла-пастуха, Никита кивнул бывшему темпоралу, и оба они подбросили вверх по хронограната.

На высоте десяти-двенадцати метров между черными шарами бесшумно проскочила малиновая молния, от которой тем не менее тело орла под ногами содрогнулось и заколебалось. А затем на месте гранат вздулось лиловое пламя и ударило во все стороны миллионами сжигающих все языков. Такэда почувствовал, как по нервам прокатилась волна неистовой боли, закричал. Мышцы скрутило так, что они, казалось, вот-вот лопнут. Голова распухла, кости черепа размякли, растянулись безразмерной пленкой. Сердце сжалось в точку, перестало гнать кровь по жилам. Сознание померкло... восстановилось на мгновение.

Такэда сквозь окуляры своего прибора универсального видения разглядел над фигурами Сухова и Дадхикравана золотистую вуаль защитного поля; точно такая же вуаль прикрывала и его, генерируемая Никитой. Но зрение стало гаснуть, несмотря на все усилия Такэды удержаться от падения в омут беспамятст-

ва. Последнее, что он увидел, было появление в ревущих огненных вихрях двух черных пятен, похожих на гигантские когтистые лапы... Диморфант сделал все, что мог, чтобы защитить хозяина от буйства вырвавшихся на свободу стихий и энергий, названий которых не знали земные языки, но полностью погасить их влияние не смог...

Сухову удалось увидеть больше.

«Хронограната» — по сути, генераторы «аморфного» времени — изменили вакуум таким образом, что потенциальный барьер между хронами «выпятился» в этом месте, стал тонким и лопнул. Два мира с разными наборами физических констант и сдвинутыми относительно друг друга потоками времени смешались, породив волны искривлений, изгибов и завихрений многомерных пространств, пузыри с локальным ходом времени, удивительные узлы взаимодействующих полей, стенки, «бочки», «розы», спрессованные «плиты» и другие фигуры из геометрии невозможного. Одной из таких фигур была «улитка» — свернутое спиралью пространство, время в центре которой стояло, а к краю спирали разгонялось до бесконечной скорости. Магам едва удалось избежать столкновения с ней, разрывающей все, что попадалось на пути, не на части и даже не на атомы — на стринги и суперточки, кванты пространства.

Подхватив потерявшего сознание Такэду, Никита ослабил напряжение внешнего изолирующего поля, дал захватить образовавшейся «потенциальной яме» защитный кокон с людьми и Дадхикраваном и взорвал впереди последнюю «гранату». С гулом, потрясшим кокон, тела людей, мир Нгеви и всю «лестницу» Шаданакара — Веер Миров, пузырь с пассажирами провалился в Гашшарву, хрон Абсурда, первопричиной которого была высшая воля его творца — Великого игвы Гиибели.

Такэда пришел в себя от свежего ветерка, щекотавшего кожу на лице отросшими волосами.

Он лежал в спортивном костюме на пригорке, заросшем мягкой зеленой травой. Пригорок заканчивался обрывом, под которым текла неширокая река. Другой ее берег был низким, пойменным, за ним начинались луга до горизонта, подернутого сизоватой дымкой. Сзади, за спиной лежащего, начиналась полоса кустарника, переходящего в лиственный лес. Небо над головой с ласковым солнышком было голубым, бездонным, с пушистыми облачками, такое небо могло принадлежать только Земле.

Толя привстал на локте, с недоверием прислушиваясь к своим ощущениям. Ничего не болело, тело просило движения, казалось послушным и отдохнувшим. Ветерок принес волну цветочно-травяных запахов, но этим лишь усилил тревогу. Ощупав

себя, инженер убедился, что на нем все еще надет диморфант, принявший форму спортивного костюма с кроссовками, а подушкой служил транскоф, потерявший свое значение мгновенного лифта, но сохранивший функции чемодана, многомерного вместилища для переноски любого количества вещей.

— Лопни мои глаза! — с расстановкой произнес Толя. Он вдруг похолодел при мысли, что Сухов переправил его на Землю, а сам вернулся в Гашшарву. Такого от него можно было ждать. Но в это время кусты невдалеке зашевелились, и на берег реки вышли неторопливо беседующие — по меркам пси-контакта — Сухов и Дадхикраван.

Никита был одет в любимый джинсовый костюм, а бывший темпорал так и остался подобием человеческой фигуры, вылепленной из жидкого огня. На лице его, текучем, смазанном, плоском, иногда проступал человеческий лик, но чаще мелькали отдельные черты: нос, губы, глаза, — чтобы тут же исчезнуть, уйти в глубину переливчатого пламени.

— Оклемался? — помахал рукой Никита; над его головой изредка возникала сеточка свечения. — Как самочувствие, меченоша?

— Есть хочу, — мрачно ответил Такэда. — Где мы?

— А ты разве не видишь?

— Не вижу.

— Помнишь, нам подарили свернутый пейзаж? Мы в нем.

Такэда с облечением вздохнул.

— А я, грешным делом, подумал... Значит, мы в Гашшарве? Но как же... а если нас обнаружат, пока мы тут отдыхаем?

— Не обнаружат, — раздался чуть звенящий баритон Дадхикравана. — Субпространственная свертка ограничена хроносрезом с почти нулевым ходом времени. Развернув кокон и войдя в него, мы как бы исчезли для наблюдателей, жителей хрона. Здесь можно прожить земной год, в то время как снаружи пройдет несколько мгновений.

— Ё-мое! — искренне сказал Толя.

Сухов засмеялся, оглядываясь на Дадхикравана.

— На эти темы с ним можно беседовать сутками, он фанатик-исследователь и готов ради знаний прыгнуть в пасть дьяволу.

— Ты обо мне слишком хорошего мнения, — застеснялся Такэда. — А как мы отсюда выйдем?

— Ногами. Обрыв перед тобой — на самом деле выход. Все, Оямович, вопросы потом, разворачивай второй подарок — скатерть-самобранку Итангейи, я тоже не прочь перекусить. А заодно проведем ревизию снаряжения.

Такэда открыл транскоф и начал выкладывать его содержимое на траву: арбалет со стрелами — свернутыми пространствами, шиххиртх, прибор многодиапазонного видения, пси-рацию,

пэри — золотую «муху» опознавания, врученную Вуккубом, пластинку из «слоновой кости» — кухонный комбайн, или скатерть-самобранку, коробку НЗ.

— Все, там больше ничего нет.

Сухов кивнул, достал из внутреннего кармана отливающий живой чернотой пистолет — инферно. Умертвие. Взвесил в руке и спрятал обратно. Погладил торчащую за поясом рукоять меча.

— Я думаю, этого нам будет достаточно.

— Если не нарвемся на мертвую зону — достаточно, — сказал Дадхикраван. — Однако следует помнить, что в Гашшарве воплощен феномен своеобразного ямапракатихария[1], психофизическое воздействие рождает ответное противодействие среды, поэтому магическая мощь любого пришельца будет нейтрализована почти полностью. Гиибель создавала этот хрон, чтобы властвовать в нем безраздельно, и единственный универсальный закон Гашшарвы — ее воля.

— Ничего, прорвемся.

— Прошу учесть еще вот что, — продолжал Дадхикраван, не выказывая чувств. — Размерность Гашшарвы не целочисленна, что порождает ряд эффектов, абсурдных с точки зрения человека, а квантование пространства-времени происходит по другим законам.

— Ну-ну? — Глаза Такэды загорелись. — А как это выглядит конкретно?

— Узнаете. — Ответ Дадхикравана был сродни пожиманию плечами. — Серые зоны мы, может быть, и пройдем, но в мертвых зонах чрезвычайно высок риск случайной гибели. А отличить их друг от друга извне почти невозможно.

— Ну все, запугал до дрожи в коленках, — сказал Сухов, поглаживая рукой пластинку «скатерти-самобранки». Как, Оямович, может, вернемся?

— Двум смертям не бывать... — начал Такэда.

— ...а одной не миновать, — закончил Никита, и тишину этого дивного уголка земной природы нарушил дружный хохот.

Огненный псевдочеловек смотрел на них растерянно, с легкой тревогой. Не разбираясь в человеческих эмоциях, он не совсем понимал причину смеха, зная, что впереди их ждет смертельная опасность.

---

[1] Ямапракатихарий — «парное чудо», одновременное воздействие противоположных сил (*инд.*).

Вершина 7

МАГ

Глава 1

В том, что они попали в Мир Абсурда, Такэда убедился в первые же минуты путешествия по Гашшарве.

Из кокона отдыха с земным ландшафтом они вышли в сине-фиолетовое марево без определенных ориентиров, с плывущими светящимися дымами, неясными темными громадами, с низкой туманной пеленой вместо неба и скользящими между громад голубыми, просвечивающими, как кисея, призраками. Призраки иногда проносились целыми вереницами и долго светились сквозь туман причудливыми пятнами, постепенно тускнея. Они были изменчивы и неуловимы, бесшумны и неустойчивы, как и дымы, и темные утесы, похожие на горы тяжелого дыма, и лишь твердь под ногами не обманывала зрение — брусчатка!

Сила тяжести в этом мире была близка к земной.

Маги посоветовались о чем-то, перейдя на пси-связь, и двинулись к одному из «утесов», который оказался провалом, входом в другое пространство, резко отличающееся по условиям от сине-фиолетового.

Путники оказались на вершине холма с крутыми склонами. Холм имел бело-серебристую морщинистую поверхность, поросшую странной травой: длинные гибкие хлысты коричневого цвета, полупрозрачные вблизи, то расслаивались на сотни тонких нитей, превращаясь в пушистые елочки, то сжимались; казалось, трава эта дышит. Десятки других таких же холмов — почти идеальных полусфер — были разбросаны по мрачной коричнево-зеленой равнине с миллионами кочек и белесых пузырей. Равнина не имела горизонта, уходя краями в бесконечность, и освещалась крупными звездами, глядящими с угольно-черного небосвода.

— И-и-й-я-а-а! — раздался от подножия холма чей-то протяжный выкрик.

Послышался скрип, хруст, резкие щелчки, похожие на удары кнута, почва под ногами затряслась, из-за крутого бока холма показались ярко-желтые рога, а за ними уродливая морда ка-

кого-то животного. Такэда оглянулся на спутников, но те стояли спокойно. Зверь выполз на холм весь, так что замершие люди могли рассмотреть его целиком.

Он очень походил на трицератопса, гигантского травоядного динозавра, обитавшего в конце мелового периода на Земле, но выявились и отличия: оранжевая пупырчатая шкура у него походила на акулью, глаз было три, как и лап, а ног не было совсем, словно он ползал по земле на брюхе, как улитка. На людей и их спутника зверь, ростом достигавший Сухову до плеч, не обратил внимания. Методично наклоняясь к стеблям травы, он облизывал каждый длинным красным языком, так что стебель завивался в спираль, и полз дальше. За ним показался еще один и еще, пока не выбралось все стадо в двадцать с лишним особей. Последним показался пастух — гигант в косматой шкуре, похожий на ограненный кусок скалы коричнево-красного цвета, с головой лягушки или тритона, но с одним щелевидным глазом. В правой лапе чудовище держало толстый, с руку человека, кнут, а в левой изящный аппарат со множеством шкал, окошек, индикаторов и клавиш, напоминающий земной магнитофон.

Заметив группу пришельцев, он остановился и пригнулся, пристально разглядывая необычных существ, потом оскалил желтые зубы, рыкнул басом: «Уррум-бре!» — и поднял кнут. Раздался свист и резкий удар — конец кнута достал Такэду, отбросив его метров на пять, хотя между пастухом и людьми было не меньше сотни метров. Инженер уцелел только благодаря диморфанту.

— Хороший щелчок, — хладнокровно сказал он. — Можно, я тоже его... щелкну?

Пастух снова поднял свой исполинский кнут. Свист, удар, порыв ветра, но Сухов, в которого на сей раз воткнулось колючее охвостье кнута, остался недвижим. За меч он, однако, браться не спешил. Сказал негромко:

— Иди своей дорогой, служитель рока, мы тебе не враги и не соперники.

Чудовище снова оскалилось в пародии на улыбку, закинуло кнут за плечи и пошагало вслед за своим стадом, уже начавшим спускаться с холма. Сопение, хруст и топот стихли.

— Кто это был? — осведомился Такэда.

— Его имя невозможно выговорить, — ответил с запинкой Никита. — Но его земной аналог — Ананке, божество необходимости, неизбежности. Здесь он пасет случайность, неопределенность. Давай-ка спустимся за ним, сейчас оно проснется.

— Кто — «оно»?

Сухов не ответил, быстро направляясь вслед за прошедшим стадом.

Они спустились с холма на равнину, утонув в рыхлой почве по щиколотку. Пастух уже увел свое стадо к следующему холму, то и дело слышался его полукрик-полувой «И-и-и-й-я-а-а!» в сопровождении щелканья кнута. Несмотря на размеры и немалый вес, улиткообразные «трицератопсы» следов на равнине почти не оставляли, только слегка утрамбовывали почву.

По примеру Сухова Дадхикраван и Толя отошли от холма подальше и стали ждать. Такэда лишь теперь заметил, что над каждым холмом небо как бы размыто и выпячивается, «свисает» вниз туманно-фиолетовым клином. Видимо, это были пространственные воронки, связывающие «серые зоны» Гашшарвы с отличающимися природными условиями. Толя хотел обратить внимание Никиты на сей очевидный факт, но в этот момент холм, с которого они спустились, зашевелился.

Он закачался вправо и влево, приподнялся, показав бледно-серое пузо со множеством складок-ног, а из-под ближнего его края вынырнула отвратительная, усеянная костяными бляшками, клювастая голова. Холм оказался... колоссальных размеров черепахой!

— Хоррор, — сказал Дадхикраван. — Зона тортиллогенеза. Садок для черепах, предназначенных для предельно простых миров. В данном случае для миров, представляющих собой океан, по которому плавают черепахи, а на их панцирях, в свою очередь, стоят слоны, держащие плоские земли.

— Ага, — сказал Такэда меланхолически. — Значит, Веер реализовал и такие вселенные. Или вы шутите?

— Ни в коем разе, — проворчал Никита. — По сути, Шаданакар отразил физически в с е земные мифы. Например, есть хрон — колоссальное дерево размером с приличное скопление галактик, каждый листик которого — вход в «переулок» со своим пространством и временем. Кстати, это Эраншахр, мир Даймона. А есть хроны, условия которых невозможно передать словами. Да и тот, в который мы пробрались, — Гашшарва, мироборотень, достаточно сложен, ибо живет по законам статистической физики. Сечешь, инженер?

Такэда «сек». Теоретически Вселенная, живущая по законам статистической физики, должна представлять собой Вселенную большого биллиарда. Траектории ее объектов изменчивы, быстро теряют устойчивость и не обладают памятью о начальных условиях движения. Теоретически. А на практике?

— Можно проверить? — спросил Толя и, не дожидаясь ответа, разрядил арбалет в голову черепахи.

Удар стрелы — свернутого пространства — был страшен. Она пробила голову навылет, прошла горообразное тело черепахи и умчалась вдаль, не снизив скорости. И тут же ландшафт

стал изменяться, равнина с куполами спящих черепах превратилась в пустыню с разбросанными то там, то здесь группками удивительных скал, с крупным, как рис, перламутровым песком, с долинами пересохших рек. Лишь небо почти не изменилось, оставаясь бархатно-черным, с крупными звездами и крыльями туманностей.

— В следующий раз предупреждай, — буркнул Сухов. — Метаморфозы и переходы из зоны в зону здесь небезобидны.

Такэда поклонился, не сводя глаз с ближайших скал, вернее, с того предмета, который лежал за ними. С виду это был полузасыпанный песком скелет гиганта длиной чуть ли не в полкилометра.

— По-моему, мы попали на верную дорогу, — развеселился Дадхикраван. — Это Фаридун, земля турсов. Дворец Гиибели где-то рядом, за двумя-тремя переходами. Предлагаю поискать здесь помощников. Турсы в свое время выступили против демономагов, и Гиибель превратила их мир в своеобразную тюрьму, переступив невидимую границу которой они лишились разума и магических сил. Видите скелет? Это скелет Траэтаона.

— Э-э? — произнес Такэда. — Но ведь насколько я знаю, турсы — это тролли?

— Не только. Это исполины, предшествующие богам и людям. Святогор, как вы уже знаете, тоже был одним из них, вот почему его меч столь необычен, универсален и могуч. По преданию, турсы — потомки одного из nusquam est qui ubique est[1]... Вы неправильно называете его Богом данного мгновения. Но и я мало что знаю о нем и его племени. В памяти сохранились лишь намеки моего создателя на то, что они — из более сложных систем вселенных и могут быть очень жестокими. Они могут вмешаться в любую ситуацию и в любой момент, верша мгновенный суд. Не знаю только, справедливый или нет.

— Я слышал об этом, — кивнул Сухов. — Я еще не все понимаю из того, что приходит мне по каналу Вести, но о «мгновенном Боге» сведения действительно противоречивы. Ну, а турсы первыми начали обживать Шаданакар, Люцифер объявился позже. Игвы, ларугги, хаббардианцы и прочее — почти современники людям Земли, ну, может, чуть постарше.

— Время, — напомнил Дадхикраван. — Идти нам далеко, а нюх у Гиибели на магов тоньше любого. Садитесь-ка, друзья, на меня, я ведь все-таки в некотором роде конь.

Такэда, сраженный тем, что услышал только что, замешкался, и Никита подтолкнул его в спину:

---

[1]Кто везде, тот нигде (*лат.*).

— Садись. Эта пустыня лежит не в трех измерениях, как тебе кажется, а в семи, поэтому своим ходом к Гиибели не попасть.

— Да я и не очень-то стремлюсь... — Такэда запнулся, увидев, как Дадхикраван из подобия человека превратился в огненную лошадь с гигантскими крыльями. Сухов молча подхватил инженера под мышки и легко усадил между крыльев, сам устроившись сзади.

— Держись за гриву. Кстати, обрати внимание на скалы.

— Уже обратил. Похожи на карликов... или гномов. Они живые или — причуда местной природы?

— Дадхикраван только что говорил о них. Это турсы, пытавшиеся переступить границу Гашшарвы. Они живы, но «рассыпаны» по другим измерениям, время для них течет иначе.

— «Рассыпаны» как... Ксения?

Сухов заметно вздрогнул, но ответил не сразу.

«Конь»-Дадхикраван рванулся вперед, набирая скорость, и вскоре воспарил на крыльях, превративших его в полуорла-полудракона.

— Ксения «рассыпана» по уровню гипер, — проговорил наконец Никита угрюмо. — И терапия ей необходима того же уровня.

Толя не стал спрашивать, что это такое, заметив, как сжалась рука Сухова на рукояти меча. Подумал только, что подобная терапия — если Никита имел в виду меч — полезна далеко не всем. Никита, который услышал его мысль, печально улыбнулся в ответ. Он и сам не был уверен, что сможет вернуть Ксению такой, какой она была.

Спустя час, если судить по субъективному восприятию времени Такэдой, пустынный ландшафт под крыльями Дадхикравана резко изменился. Толя удивленными глазами смотрел, как ветер гонит волны с барашками пены по морю без конца и края. Никакой границы или берега они не пролетали, внизу расстилалась пустыня с барханным узором — и вдруг сразу появилось море. Еще через несколько секунд в волнах показался остров, напоминающий гигантский черный каменный столб с плоской вершиной. Диаметр острова не превышал трех-четырех километров, но его пересекала река, словно обрубленная с двух концов, ограниченная размерами острова. Она спокойно вытекала из ничего, из воздуха, и точно так же исчезала в никуда. А на ее берегу расположилась группа из пяти всадников: пятеро черных коней в кольчужных накидках, пять высоких фигур в черных плащах с капюшонами, скрывающих руки и ноги.

У Такэды заныли зубы, так он их сжал. Было ясно, что отряд стоит здесь давно и ждет их.

— Плащи... — тронул Толя Сухова за руку. — Снова ЧК? Или все слуги Четырех носят такие плащи?

— Плащи — это реакция твоих органов чувств, — нехотя сказал Никита. — Наверное, у тебя зло и ненависть изначально ассоциируются с черными плащами. На самом деле одеты они иначе.

Между Суховым и Дадхикраваном произошел секундный пси-разговор, и летающий конь начал снижаться.

— Будем драться? — полуутвердительно спросил Такэда. — По всему видно, что эти всадники... Апокалипсиса ждут нас.

— Не вмешивайся, — тихо сказал Никита. — Это не игвы, а всего лишь Дактили, но лучше с ними договориться по-мирному.

— Хм... — Такэда призадумался. В земных мифах тоже встречались дактили — существа-воины, выросшие из отпечатков богини Реи, — пять мужчин и пять женщин, однако встретить живых мифологических героев Толя не предполагал. Хотя уже в который раз изумился совпадению мифа с реальным аналогом, существующим во плоти и крови.

Бывший темпорал приземлился на берегу реки, твердом, похожем на бугристо застывший бетон, ссадил наездников и сложил крылья, превращаясь в огненного псевдочеловека. Сухов подошел к нему, и оба они повернулись к недвижно стоящей в тридцати шагах группе черных всадников. Только теперь Такэда разглядел, что у ног черных коней лежит какой-то длинный тюк или мешок, перевязанный светящейся бечевой.

Видимо, Никита и Дадхикраван вступили в пси-контакт с Дактилями, потому что пауза затянулась, а потом без всяких видимых причин черные всадники ринулись на людей.

Кони их выросли в размерах, как и они сами, раз в пять, скачком преодолели расстояние, отделявшее всадников от людей. У Дактилей на груди сквозь плащи проросли не руки — гигантские топоры, а сами они изогнулись гигантскими запятыми, являясь как бы продолжением коней, словно вырастая из их боков. Такэда невольно схватился за арбалет, удар казался неминучим, но в этот миг с тихим шелестом пронзило воздух сияющее лезвие Финишта, Святогорова меча, и трое всадников покатились в реку. Оставшихся сшиб с седел Дадхикраван, превратившись в два огненных кулака.

Так же мгновенно, как и начиная атаку, черные монстры вскочили на коней и умчались вдоль реки на другой конец острова, где исчезли, растворились в воздухе подобно самой реке.

— Странно, — сказал им вслед Никита, бросая меч в ножны.

— Да уж, бойцы из них неважные, — согласился Такэда, скорее удивленный, чем обрадованный исходом боя. — Я думал, не зарубят, так затопчут.

— Они — порождение не злой, но равнодушной мысли. Кто же приказал им встретить нас в этом колодце?

— В каком кол... — Такэда не закончил. Пейзаж вокруг изменился. Только что они стояли на острове — и вот уже вокруг сомкнулись каменные стены. Поверхность острова стала дном огромного колодца с многокилометровыми стенами, и лишь река да черное звездное небо не изменились. Теперь было видно, что река вытекает из черного зева одной пещеры и с гулом скрывается в другой, исчезая в абсолютном мраке.

Вдруг брошенный Дактилями тюк зашевелился. Веревки, связывающие его, засветились сильней, но не лопнули.

— Не советую, — сказал Дадхикраван, поймав желание Никиты. — Все это неспроста. Нас хотят задержать до прибытия владыки хрона, это очевидно.

Вместо ответа Сухов достал меч, мягким и гибким движением крутанул его наискось, и зеленовато бликующее лезвие, удлинившись на тридцать шагов и достав тюк, с филигранной точностью перерезало светящийся шпагат.

Тюк стал раскручиваться, задымился, распался на сизо-синие струи, испарился, и перед взорами людей предстал трехметровый великан в каких-то ярких лохмотьях и остатках лат, безбородый, краснолицый, холодноглазый, с копной вьющихся красных волос.

— Гуррах! — прорычал он, пронзая взглядом спасителей.

Сухов засмеялся.

— Что он сказал? — осведомился Такэда, пожалев о давно пропавшем лингвере.

— Можешь считать это приветствием. — Никита взмахнул рукой. — Хайдуур меиз де рра боуодоро. Фа на?

— Де меиз хурракен Фаридун девиэр, — ответил великан, стукнув себя кулаком в грудь.

— Его зовут Фаридун, он борец с дэвами, то есть с демонами, — перевел Никита.

— Урр ффахана сентурре меиз дуггуришша! — добавил освобожденный, угрожающе оскалился. — Шешу ззу меиз брандха?

— Он спрашивает, почему мы не убили его обидчиков. — Никита погрустнел. — М-да... Ффе ддуоз беренхе?

— Брандха гуррах! — заревел борец с дэвами.

— Сам дурак, — перевел Такэда хладнокровно. — Так?

— Почти, — усмехнулся Сухов. — Если мы не дадим ему оружия, еды и питья, он сам убьет нас.

Толя тихо присвистнул.

— Силен дэвоборец! Есть пословицы: «Кто слишком долго борется с драконами, сам становится драконом». Или демоном. Этот, наверное, доборолся. Так ты дашь ему оружие?

Никита отрицательно качнул головой.

— Рыцарь-одиночка должен оружие добыть, а не просить. Дадхи, поехали дальше.

Бывший темпорал помедлил немного, ему тоже что-то не нравилось в ситуации, но время не ждало, и он снова превратился в коня, правда, теперь без крыльев. Сопровождаемые взглядом свирепого Фаридуна, славшего им вдогонку проклятия на своем языке, всадники проскакали вдоль реки до стены колодца, Дадхикраван прыгнул прямо в стену, отчего Такэда инстинктивно отпрянул, ожидая столкновения, но они пронизали «камень» без каких-либо эффектов и вынырнули уже в космосе: глубокая чернота со всех сторон, россыпи звезд и скоплений, чередование провалов и облаков света. И невесомость.

Желудок инженера прыгнул прямо к горлу, мышцы сжались, как при падении в бездну, и ему пришлось некоторое время бороться с организмом, убеждать его, что они никуда не падают. На Сухова внезапная невесомость не произвела впечатления, как и на Дадхикравана. Оба продолжали переговариваться в пси-диапазоне, советовались, искали какие-то ориентиры, и отсутствие воздуха и силы тяжести их не беспокоило. Они нашли верную дорогу в тот момент, когда Толя едва справился с тошнотой и пытался осмотреться.

Дадхикраван прыгнул «вверх» — судя по приливу крови к ногам, и спустя несколько мгновений все трое вывалились на поляну в диком, высохшем великаньем лесу. Исполинские деревья необыкновенных, омерзительно живых форм застыли вокруг, словно застигнутое мгновенным жаром сгоревшее и высохшее войско. Стволы их нельзя было не только обхватить, но и окинуть взглядом, в каждом из них могло уместиться такое сооружение, как храм Василия Блаженного.

— Парк Гиибели, — сказал Никита. — Еще один прыжок, и мы у цели. Готовься, Оямович, будет жарко, и держись за нашими спинами.

Такэда, который во все глаза смотрел на десятиметровый холм неподалеку, с трудом признав в нем гигантский муравейник, не услышал его.

— Вот это муравьи! Они же ростом с меня!

— Это не муравьи, — сказал Никита, мельком взглянув на фиолетово-черные создания, суетящиеся на муравейнике. — Равно как и деревья вокруг — не деревья, а пространственные пузыри с локальным ходом времени и разными наборами констант.

Один из древесных гигантов вдруг растрескался, как сухая глина, и осыпался грудой обломков, которая начала расплываться, таять, пока не превратилась в желто-коричневую лужу, часто

взбулькивающую пузырями. Пузыри не лопались, а ныряли в жидкость, как живые, чтобы вынырнуть вновь. Некоторые из них напоминали выпуклые фасетчатые глаза, пристально всматривающиеся в людей. А потом лужа медленно потекла, вернее, поползла прочь, выбрасывая вперед ручейки-псевдоподии и обтекая препятствия — валуны, пни и деревья. Исчезла за пригорком с деревом, миллионы высохших ветвей которого создавали впечатление застывшего взрыва.

— Вот именно, — сказал Никита, прочитав мысли друга. — Не отвлекайся, Наблюдатель. Поехали дальше.

Последний прыжок Дадхикравана сквозь узлы иномерных пространственных структур вынес их на гладкую, металлически отблескивающую равнину, уходившую в бесконечность, на которой на фоне бледно-зеленого, в тусклых серебристых пятнах неба высилась самая странная из башен, когда-либо виданных Такэдой.

Она представляла собой нечто напоминающее бесконечной высоты сталактит, опирающийся на игольчатое острие, полупрозрачный, белый с голубым и желтым наплывами и прозрачными «слезами», вспыхивающий редкими изумрудными и рубиновыми искрами, и в то же время было видно, что «сталактит» — сложнейшее техническое сооружение, а также красивейшее архитектурное творение, вызывающее благоговейный восторг и впечатление гармонии и завершенности.

— Эхурсагкуркурра, — произнес Никита с угрюмой торжественностью. — Дворец Гиибели. Ось ее мира, соединяющая континуумы экспериментальных вселенных... Кстати, Оямович, как ты оцениваешь расстояние до замка-дворца?

— Километров двадцать, — прикинул Такэда.

— Около трехсот тысяч! Примерно столько же, сколько от Земли до Луны.

— Не может быть!

— Может. А кроме замка ты ничего не видишь?

— Где? — Такэда огляделся. — Ничего, пусто.

— Рядом с замком.

Толя напряг зрение.

— Точка какая-то... мушка... или песчинка.

— Это жругр.

У Такэды перехватило дыхание.

— Значит, Гиибель дома... и знает, что мы тоже здесь.

— Не уверен, я почему-то ее не чувствую прямо... хотя не могу избавиться от ощущения, что она каким-то образом наблюдает за нами. Но не извне, а изнутри... не могу объяснить.

— Не пугай меня, Посланник.

— Я сам боюсь. Дадхи, нас заметили.

— Чую, — отозвался бывший темпорал.

В то же мгновение напротив путников возникла группа знакомых черно-чешуйчатых всадников, но на этот раз с откинутыми капюшонами. Конечно, это были не люди, но и не хаббардианцы — вытянутые крокодильи морды, пародирующие человеческие лица, шишковидные черепа, светящиеся узкие глаза — целых шесть, сходящиеся клином к переносице, костяные наросты вместо ушей. Дактили, дети-роботы Гиибели. Впрочем, роботами их назвал привыкший к строгим формулировкам Такэда. Додумать он не успел: где-то внутри него, а может быть, и на груди раздался вдруг взрыв, и Толя потерял сознание, не успев ничего понять и почувствовать.

Никита, стоявший рядом, не сразу понял, что произошло: Дактили не нападали и полями не баловались, — но потом стали заметны изменения внешнего вида инженера, то есть его скафандра-диморфанта, и выяснилось, что в кармане Такэды взорвалась хохха, пси-рация, настроенная на резонанс именно в том диапазоне, в котором «говорили» Дактили.

Диморфант спас своего хозяина и на этот раз, приняв энергоинформационный разряд на себя, однако он давно работал на пределе возможностей, и взрыв был последней каплей уходящей его жизни. Скафандр Такэды потерял блеск, покоробился, рассохся, превратился в пакет «капустных листьев», опавших на металл равнины кучей ломкого пепла.

Нельзя было терять ни секунды, и Никита сделал единственное, что мог в этих условиях: снял с себя своего диморфанта, внушив ему соответствующий приказ, и надел его на инженера. С этого момента он вынужден был защищаться на уровне паранормальной энергетики, растрачивая отнюдь не бесконечные резервы организма. Он едва успел защититься полем, придав ему видимость одежды, как Дактили бросились на них.

Первого вместе с конем сбил на землю Дадхикраван, второго — Сухов, удивляясь внезапной тяжести меча и его отказу от гипердействия. Потом вспомнились слова Дадхикравана о магическом равновесии Гашшарвы, и стало ясно, что теперь придется драться, используя лишь мастерство и воинские навыки да физическую силу.

— Садись! — крикнул Дадхикраван, превращаясь в коня, мысленно добавляя: «У них преимущество маневра и скорости, я дам вам и то и другое».

Никита вскочил на спину огненногривого скакуна, отбился от двух крокодилоголовых всадников и срубил третьего из немыслимого положения, когда длинная рука-топор монстра уже наносила удар в спину.

«Не жалей! — бросил Дадхикраван. — Бей на поражение,

иначе будем кружить здесь долго. Эти ребята не боятся никого, кроме своей госпожи».

Никита отбил атаку четверых, все еще не решаясь на смертельный удар, но Дактили заставили его отнестись к бою серьезней. Двое из них начали метать в противника короткие копья, а оставшиеся дружно ударили с трех сторон, целя в коня. И Сухов, почувствовав боль Дадхикравана, ответил бешеной атакой, срубив головы троим всадникам в течение нескольких мгновений. Четвертый, заходящий с тыла, вдруг выпал из седла со стрелой в голове, а пятый, мгновенно развернувшись и проскакав с десяток метров, исчез. Сухов оглянулся.

Такэда, сидевший на металлической поверхности равнины на корточках, помахал ему арбалетом. Голос его был, как и прежде, спокоен, хотя в себя он окончательно еще не пришел:

— Ура, мы ломим, гнутся шведы!.. Старые знакомые? Что со мной было? Впечатление такое, будто во мне просверлили дырку и залили свинцом.

— Если бы не диморфант, царство ему небесное, от тебя остались бы только плавки. Взорвалась пси-рация.

— Хохха?! Почему?

— Не знаю. Может быть, кто-то передал запредельный сигнал, рассчитывая, что она у меня. Двигаться можешь?

— Вроде могу. А во что это ты одет? — Толя с интересом оглядел костюм друга, напоминавший трико из жидкого серебра или ртути, вот-вот готовой, казалось, пролиться лужицей на землю.

— Это аура магиполя. Твой диморфант загнулся, пришлось отдать тебе свой. Залезай на коня, поскачем к замку.

Земляне забрались на спину Дадхикравана.

— Давай, дружище!

И Дадхикраван «дал», перенеся всадников под стены Эхурсагкуркурры за несколько мгновений.

Глава 2

Вторые сутки они бродили по замку Гиибели, действительно, как говорил Сухов, представлявшему собой не здание, а ось, связывающую миллионы миров, с которыми экспериментировал Великий игва. Правда, время в замке текло иначе, вернее, потоки событий в нем пересекались под разными углами, в результате чего путешественники то неслись в будущее, то уплывали в прошлое — относительно момента их появления в замке, но для каждого из них субъективное восприятие времени давало примерно равную оценку — вторые сутки.

С той минуты, как они отбили неожиданное нападение шидарка — еще одного защитника-сторожа Эхурсагкуркурры, невидимого и чудовищно сильного, способного расплющить в лепешку любого смельчака, и проникли в замок, друзьям никто не мешал и никто на них не нападал. Сначала это казалось странным, и лазутчики постоянно ждали каверз и ловушек со стороны прислуги замка, но так и не дождались. Да и самой прислуги не заметили. Может быть, ее не было совсем, потому что замком Эхурсагкуркурру можно было назвать лишь условно — это была колоссальная, очень сложная и непостижимо пересекающаяся сама в себе лаборатория, где работали маги-демоны, решая только им понятные проблемы. Лаборатория, внутреннее пространство которой — объем, количество комнат-вселенных, длина и линейные параметры коридоров, температура, цвет и освещение изменялись по законам стохастики.

С самого начала проникновения в замок Такэде начало казаться, что кто-то невидимый хватает его за руки, толкает в спину, подсовывает под ноги пороги и трещины, шепчет в уши гадости, дергает за волосы, и в конце концов ему пришлось поделиться впечатлениями с Никитой. Однако тот объяснил все «козни нечистых» психоэмоциональным влиянием интерьера замка, его мощного магиполя, от которого не спасла защита диморфанта. Толя и сам не сильно сомневался в этом, но спустя сутки блужданий по замку окончательно убедился в правильности выводов Сухова, а также в том, что никакая внутренняя охрана замку не нужна. Во всей атмосфере чувствовалось «дыхание преисподней»: страх ирреальности, небытия, смерти разносился по коридорам, страх невероятного и необъяснимого; призраки жутких тварей, видения монстров стучались в мозг, шептали странные угрозы, предлагали непонятное, и в хоре их телепатических голосов не слышно было друзей или хотя бы просто сочувствующих, в том числе и Ксении.

Интерьеры коридоров и помещений менялись внезапно, ориентироваться в них, на взгляд Такэды, было невозможно, и все же Сухов и Дадхикраван, советуясь друг с другом, шли вперед к известной им двоим цели.

Двери, перед которыми они останавливались, распахивались перед ними без задержки, открывая не помещения — миры, большинство которых Толя не смог бы не только описать, но и воспринять. Один лишь параметр «хватали» его органы чувств — г л у б и н у этих миров, их необъятность, да изредка м р а к, превосходящий чернотой тьму земной ночи или космоса. Остальные красоты и ужасы ландшафтов иномерия глаза человеческие видеть отказывались, и чувство, более сильное, чем ужас, для которого на Земле не нашлось бы наименования, не

раз сжимало сердце инженера, с трудом находившего силы поспевать за магами.

Сухов и Дадхикраван видели и чувствовали, конечно, гораздо больше, но и на них действовала атмосфера Эхурсагкуркурры, диковинного сооружения, в котором могли обитать и работать только демоны и структуру которого постичь слабому человеческому разуму было не дано.

О Гиибели не говорили, ее присутствие в замке казалось сомнительным, ибо, находясь в замке, она не могла не знать, что ее посетили непрошеные гости, и тем не менее Сухова смущала вибрация пси-поля, присущая Гиибели как запах духов женщине. Вероятнее всего, она была тут, в замке, но по неизвестным причинам не хотела обнаружить себя, ожидая, что будут делать маги.

Очередная дверь, никоим образом не похожая на двери земных зданий, открыла им выход на расчерченное, как шахматная доска, поле, ограниченное лесом гигантских копий. Из облачной пелены, заменявшей здесь небо, свисали такие же острые копья, с которых то и дело срывались вниз неяркие розовые молнии. А на квадратах шахматного поля лежали огромные, в два человеческих роста, металлические с виду шары. Это был один из редких миров — «чуланов», поддающихся чувственному восприятию землян.

Такэда, вглядевшись в ближайший шар, понял, что он полупрозрачен, как зеркальное стекло, а внутри прячется нечто знакомое, хотя и отталкивающее. «Скелет!» — сообразил он наконец.

Внутри шара скорчился скелет какого-то существа.

— Кладбище? — прошептал Толя.

— Семенной фонд, — поправил Никита. — К счастью, давно потухший. Зародыши погибли.

— Зародыши чего?

— Демонороботов, если подбирать термин, близкий по смыслу, слуг Гиибели и ее приятелей. Эй, Дадхи, предлагаю сделать привал. Мне пора подзарядиться.

— Здесь? — поморщился Такэда. — По сути, на кладбище?

— Тебя это шокирует? Можно, конечно, поискать место поприятнее, но это потеря времени. Доставай кухню и ешь, а мы с Дадхи позавтракаем по-своему. Хотя от фруктов и я не откажусь.

Никита в сопровождении огненного нечеловека пришел в глубь шахматного поля, уселся на один из квадратов белого цвета в позе лотоса, спиной к шару, и застыл. Дадхикраван несколько раз обошел его кругом, наконец остановился сбоку и тоже замер.

Толя некоторое время с любопытством наблюдал за ними,

однако ничего не происходило, и тогда он достал пластинку «скатерти-самобранки» и заказал завтрак. В отличие от скатерти-самобранки из мира Мстиши, требующей определенных навыков приготовления пищи, эта выдавала блюда автоматически, по программе.

Поскольку диморфант сотворил из себя герметический скафандр, защищая хозяина, пришлось потратить несколько минут на объяснения — каким он должен стать, чтобы хозяин поел, в результате чего диморфант превратился в яйцеобразный кокон, вобрав внутрь кухонный комбайн и освободив руки Толи. Давление пси-поля извне заметно ослабело, принеся облегчение, и Такэда с удовольствием уплетал сотворенную «скатертью» снедь: два бутерброда с красной икрой, жюльен из грибов и сациви. А когда наслаждался чаем, увидел такое, от чего все, что было съедено, едва не вышло обратно.

Сухов стоял, как металлическая скульптура, бликуя расплавленным металлом, раскинув руки, запрокинув голову и закрыв глаза, а сверху в него вливался пульсирующий столб зелено-желтого сияния, вытекая из облачной пелены небосвода. Дадхикраван с опаской кружил неподалеку, не решаясь приблизиться, но вел себя достаточно спокойно. Видимо, Посланнику ничего не грозило. Закончилась сцена тем, что из пальцев Сухова вырвались извивающиеся голубые молнии, одна из них вонзилась в шар со скелетом зародыша, разнесла его в клочья.

Столб сияния погас. Никита открыл глаза, излучающие прозрачное пламя, стряхнул с рук голубые искры, улыбнулся сквозь кокон защиты, заметив реакцию Такэды, который поперхнулся чаем и пытался откашляться.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок... Это я к тому, что у Гиибели уйма энергии, даровой, бесхозной, так сказать. Я и позаимствовал. Ну как, нормально, Наблюдатель?

— Отлично, Посланник, — прохрипел Толя.

— Сотвори мне пару персиков-слив. Поел?

Такэда, вывернув кокон и придав ему вид скафандра, молча протянул другу два темно-вишневых глянцевых плода величиной с кулак. Сглотнул, глядя, как Сухов пси-энергант с видимым удовольствием поедает персики-сливы в атмосфере, непригодной для дыхания, и снова холодок страха взъерошил волосы инженера. Сухов, сохраняя форму хомо сапиенс, данную ему природой, давно перестал быть человеком. Удастся ли ему сохранить чувственную, эмоциональную, психическую сферу человека, гарантий никто дать не мог.

— Что жмешься? — проницательно прищурился Сухов.

— Спина чешется, — не нашелся что ответить Такэда.

— Наверное, крылья растут.

— Юморист. — Толя почувствовал облегчение. — А если пятки чешутся — колеса растут?

Никита засмеялся.

— Молодец, не потерял форму. Итак, порассуждаем. Кое-что мы выяснили. Гиибель в замке присутствует частично, то есть половина ее личности-сущности бродит по другим хронам, а половина здесь, в замке. О нашем появлении она знает, однако не считает нас серьезным противником, потому и не делает попыток уничтожить... или унизить. — По лицу Никиты прошла тень. — Искать ее нет смысла, она сама найдет нас, если мы заявим о серьезности намерений. А мы заявим. Я вычислил местонахождение ее гарема, и путь наш туда.

Такэда фыркнул:

— Гарем? У Гиибели? Она же по идее женщина.

— Она демономаг, обладающий признаками обоих полов, мужского и женского — в человеческом понимании, а также сотней признаков более сложных в половом отношении существ. Если уж держаться формальной стороны вопроса, ее надо было бы склонять в третьем лице, как «оно». И все же Гиибель в первую очередь «он», то есть демон, и лишь во вторую — «она», колдунья с признаками женщины. Дело не в терминах. С гаремом я еще не разобрался, но зачем-то же она содержит тысячи девушек в замке? Зачем?

Такэда смолчал.

— Пора, амигос, — проговорил Дадхикраван. — Не нравится мне эта тишина вокруг.

Один за другим они выбрались из «семенного склада» в коридор, утыканный остриями от пола до потолка. Никита дотронулся ртутно отблескивающей рукой до одного такого стержня, и коридор превратился в вагон метро.

«Гарем» Великого игвы представлял собой самый настоящий земной город, правда, со встроенным механизмом мгновенного преобразования и оборудованный системой масс-транспортировки. Дома города — всевозможных форм башни, зиккураты, дворцы и уютные замки — были окружены парками, зелеными, из земных деревьев, если в них жили представительницы Земли и других гуманоидных рас, и разноцветными, состоящими из растений удивительных форм, если в доме проживали поселенки далеких от человека видов.

Тааль они нашли быстро, выпустив пэри, «пчелу поиска», подаренную Вуккубом. Женщина ничем не отличалась от той Тааль, которая жила в одном мире с Уэ-Уэтеотлем, разве что совершенно не помнила, кто такой Вуккуб. Физически она выгля-

дела прекрасно — как земная женщина, выигравшая конкурс красоты, но Сухов точно знал, что Тааль — хаббардианка, лишь по прихоти Гиибели прятавшая свою тройственную сущность, разделенная на три существа с разными мировоззрениями. Одна из них обитала на Астаамтотле, будучи жрицей храма Науатль, вторая, как выяснилось, где-то на Земле, а третья здесь. Соединить их в тримурти — существо с тройственной душой — в общем-то не составляло труда для мага класса Уэ-Уэтеотля, но для этого надо было увезти эту Тааль из замка Гиибели. Как и Ксению.

Сухов остановился в тени акации, принюхиваясь, прислушиваясь ко всему вокруг, максимально расширив сенситивную сферу паранорма, однако пси-запаха Ксении он пока не почувствовал. Интуиция подсказывала, что она где-то здесь, может быть, даже в соседнем доме, но сердце молчало. Ксения на пси-зов не отзывалась.

Такэда сочувственно глянул на друга. Помочь он был ему не в силах, а в словесных утешениях Сухов не нуждался. Толя превратил диморфанта в джинсовый костюм и с удовольствием вдыхал воздух парка, напоенный ароматом знакомых и незнакомых цветов. Дадхикраван, пока Никита размышлял, занимался тем, что гладил траву и листья деревьев, ухитряясь не обжечь их и не сорвать. Он впервые ощущал природу напрямую, через органы чувств, и это приводило его в восторг.

И все-таки, несмотря на идиллию, отсутствие преследователей, сторожей и просто наблюдателей, Такэда находился не в своей тарелке. Какое-то странное чувство раздвоенности, неудовлетворения мешало ему радоваться короткому отдыху, как Дадхикравану.

— У меня появилась идея, — сказал Толя. — Если ты хорошо знаешь Ксюшу, то ее хижину можно найти исходя из ее вкусов.

Никита сразу понял идею инженера.

— Дадхи, подними меня в воздух.

Бывший темпорал послушно преобразовал тело в гигантского орла. Сухов вскочил ему на спину, и они взлетели, забыв о Такэде. Но через минуту вернулись.

— Извини, — буркнул Никита, пребывая в лихорадочном возбуждении. Толя хлопнул его по плечу, понимая, что сейчас творится в душе друга.

Сверху город был не менее красив, чем с поверхности земли. В душе даже зашевелилось сомнение: не пригрезилась ли им эта картина? Неужели ландшафт создан Гиибелью, демоном, эстетические критерии которого априори отличны от человеческих? Но город, холмы вокруг, небо, солнце ничем не выдавали своего

искусственного происхождения, они были настоящими и действовали на людей соответственно.

Дом, в котором могла жить Ксения, Никита отыскал через полчаса: современный двухэтажный коттедж в стиле русского ренессанса, с двускатной крышей, с резными башенками, наличниками окон, с дверями, украшенными резьбой и инкрустациями. Во дворе колодец, также изукрашенный резьбой, а вокруг дома — великолепный сад.

Они опустились на песчаную дорожку, ведущую к дому. Никита снова попытался вызвать Ксению в пси-диапазоне, ничего не добился и махнул спутникам: просил подождать. Но не успел он сделать и шага, как дверь дома отворилась и на крыльцо выбежала босоногая Ксения, одетая в летний сарафан, загорелая, веселая, с горящими глазами. Волосы струились по спине золотым пламенем.

Долгую секунду они смотрели друг на друга: Никита, напоминающий ожившую металлическую скульптуру Аполлона, и Ксения, красивая до перехвата дыхания и остановки сердца, со станом богини и улыбкой феи, — потом бросились друг к другу. И замерли.

Такэда почувствовал, что у него навернулись слезы на глаза, сердце в груди рванулось с такой силой, что стало больно, голова закружилась, но какая-то вредная мысль шепнула ему: что-то здесь не так, — и он мгновенно отрезвел, хотя и не понял, в чем дело. Правда, времени на анализ его странного ощущения ему не дали. Ксения, нацеловавшись с Никитой, бросилась к нему.

— Оямович!

Объятия ее могли свести с ума кого угодно, Толя с трудом заставил себя сдержаться, хотя колдовство встречи, темное и сбивающее с мысли, подняло в его душе тихую бурю ревности. А ведь он был уверен, что с ним такого произойти не может. Полузадавленная мысль: «Что-то здесь не так!» — вернулась... и ушла, потому что Ксения заплакала. Пришлось обоим утешать ее, применяя терапию улыбки, жеста, шутки и нежности. На Земле Толя никогда не позволил бы себе ласкательное «Ксюша» в прямом обращении, здесь же почему-то ему хотелось перещеголять Никиту, утешить Ксению прежде, чем танцор, поразить ее воображение, и он даже начал было рассказывать ей об их приключениях, но, уловив вопрос в глазах Сухова, запнулся и отошел, стиснув зубы, с пылающими от стыда щеками. Дадхикраван проводил его задумчивым взглядом (система зрения у него была гораздо богаче человеческой), но ничего не сказал.

— Пойдемте в дом, — спохватилась Ксения, — вы, наверное, устали. Пообедаете и отдохнете, а потом поговорим о делах.

На Дадхикравана она почему-то не реагировала, то есть не

удивилась его виду и не спросила, кто он такой, и подозрение снова зашевелилось в голове Такэды. И тотчас же словно сработал какой-то переключатель, все стало на свои места.

«Ну конечно, — успокоенно подумал Толя, — ведь она психически ущербна, душа ее «рассыпана» по многим хронам, внедрена в тысячи женщин, а здесь осталось лишь тело... Но тогда непонятно, почему она реагирует на нас так по-человечески, — возразил Такэда сам себе. — Если душа ее вынута, она не должна помнить никого...»

Что-то надвинулось на Толю сверху, некая черная мрачная туча. Сверкнула молния, молния угрозы и предупреждения, и Такэда потерял сознание.

Пришел в себя он в спальне, на мягкой и чистой, благоухающей накрахмаленным бельем кровати, сам такой же чистый, благоухающий травами, но слабый до потери пульса. Что-то творилось со зрением: Сухова, сидящего у постели на стуле, он еле узнал.

— Что... со мной?

— Не знаю, — помедлив, ответил Никита. — Похоже на шок от пси-удара... хотя я ничего не почувствовал. Разберемся. Лежи, пей медовый взвар и отдыхай, утром поговорим.

— Мне... непонятно... Ксения не должна... помнить...

— Разберемся. Не волнуйся, береги силы. Одежда твоя вот, на стуле. Дадхикраван будет в соседней комнате, так что не боись.

— Будь... осторожней. Добраться сюда... мы смогли, теперь бы убраться... подобру-поздорову.

Сухов погладил плечо Такэды и вышел. Толя задремал. Ему было хорошо и тревожно одновременно, однако ни сил, ни желания анализировать причины своего обморока и слабости у него не осталось.

Проснулся он внезапно: показалось, что кто-то кричит неподалеку. Прислушался. И облился холодным потом. В комнате никого не было, но стены ее серебрились от изморози, и холод в ней стоял собачий. Мало того, он усиливался, нарастал, одеяло уже не спасало больного, а температура продолжала падать быстрее, чем он успевал что-либо предпринять.

— Дадхи! — позвал Такэда слабым голосом.

Никто не отозвался.

— Дадхикраван, сюда!

Тишина. И холодный ветер в лицо. Толя понял, что, если немедленно не предпринять что-нибудь, он замерзнет. Чувствуя, как воздух застывает у него на губах, лопаются мышцы, останавливается сердце и меркнет сознание, он сполз с кровати, и, стараясь не дышать обжигающим холодом, добрался до стула с диморфантом. Если бы это был простой скафандр, инженер

бы надеть не смог: руки превратились в коряги, ноги застыли, глаза ничего не видели, — но диморфант учуял желание хозяина и обнял его коконом высшей защиты, спасая от холода и потока пси-излучения, внушающего расслабленность и покой.

Через десять минут Такэда почти пришел в норму. Сознание пронзила мысль: что-то случилось! Дадхикраван не ответил на его призыв, а Сухов был недосягаем. И не его ли крик — телепатический — услышал он перед тем, как проснуться?

Такэда начал искать выход из комнаты, воздух которой уже собрался лужицей на полу — температура понизилась до точки сжижения кислорода и азота! — но дверь открыть не смог, как и окна, выходящие в сад. Тогда он достал шиххиртх, не заботясь о последствиях, и выстрелил в дверь.

Действие стрелы-ракеты демонического арбалета здесь получилось несравненно слабее, нежели в других местах их применения, тем не менее взрыв разнес дверь в пыль. Такэда, не пострадавший ни от взрыва, ни от «вялого» разряда шиххиртха, выбежал в коридор, проскочил его в три прыжка, поднялся на второй этаж и, не раздумывая, разнес дверь в спальню Сухова второй стрелой шиххиртха.

Интуиция его не подвела.

Он ворвался в спальню в тот момент, когда обнаженная Ксения, смеясь и кривляясь, гоняла по комнате Никиту, играя его мечом. Сухов был ловок и быстр, но вряд ли долго мог бы уворачиваться от Финиста, такого же смертельно опасного в руках женщины, как в его собственных. На лице танцора застыло выражение бессильного гнева, но глаза смотрели холодно, прицеливающе, сурово.

— Стоять! — выговорил Такэда, поднимая шиххиртх.

Ксения обернулась, улыбка на ее губах погасла.

— Ах, вот это кто шумит в моем доме! Оямович, это невежливо, ты мне мешаешь.

Толя приготовился пустить стрелу между Ксений и Суховым, зная, что тот защитит себя от любого взрыва, но шиххиртх в его руке вдруг сделался жидким и пролился на пол струей смолы.

Ксения засмеялась.

— Как видишь, здесь я хозяйка, все вещи подчиняются мне, так что иди досыпай, самурай. Я еще не наигралась и хочу получить все, что получают многие.

— И эта штука подчиняется? — Такэда направил на девушку ствол инферно, выданного диморфантом по мысленному приказу прямо в руку.

Ксения опустила тускло блеснувший меч, глаза ее расширились.

— Умертвие?! Но...

— Вот именно, — тихо сказал Никита. Подошел к девушке, протянул руку, и меч, вырвавшись из ее руки, прыгнул к нему.

— Не в с е вещи в этом доме подчиняются вам, Гиибель. Кстати, настоящая Ксения не знает, что такое умертвие. Где она?

Псевдо-Ксения рассмеялась и, проделав быструю множественную трансформацию, сменив сотню разных обликов — мужчин и женщин, гуманоидов и существ, далеких от хомо, — превратилась в Заавель, одетую в монашеский наряд с капюшоном. Ум, сверкнувший в ее глазах, заставил Такэду поежиться.

— Я еще не Гиибель, вернее, не в с я Гиибель...

— Я знаю, — кивнул Никита, опоясываясь ножнами с мечом, взял из рук Толи инферно. — Где Ксения?

— Везде. — Заавель-Гиибель больше не улыбалась. — Я имею в виду психику. Ее частица есть и во мне. Она мне нравится. Или вы имеете в виду физическое тело?

— Именно.

— Но вам не удастся уйти отсюда. Не только из хрона, но даже из замка.

— Это мои заботы. — Сухов поднял черный, похожий на громадный «маузер», инферно. — Извините, я буду вынужден привести его в действие, в результате чего возвращение Гиибели в полном «объеме», так сказать, станет весьма проблематичным.

Заавель покачала головой.

— Боюсь, вы неправильно оцениваете свое положение. Даже с помощью умертвия вам не удастся уйти из Гашшарвы, Посланник. Но вы меня заинтересовали, право слово. Никогда не думала, что такой слабак, каким я вас знала, способен решиться на п о с т у п о к. Я не имею в виду подход в Гашшарву, я имею в виду Путь.

Никита поклонился.

— Польщен. И все же не тяните время, мадам.

Заавель несколько секунд молчала, не сводя темного взгляда с лица Сухова, пробормотала:

— Я ошиблась в тебе, землянин, но маг ты еще посредственный, многомерие тебе не подчиняется. Прощай. — С этими словами она исчезла.

Никита постоял немного, прислушиваясь к своим ощущениям, потом сунул инферно под воротник, за шею, и тот словно нырнул в кобуру, под металлическую пленку магиполя.

— Бежим, — сказал Такэда. — Она сейчас вернется, и не одна.

— Не вернется. Во всяком случае, не сейчас. Я не знаю, почему до сих пор нет остальных составляющих Гиибели, но ее полностью, во всей сложности многомерной структуры тела и сознания — еще нет.

— Ты знал, что это... не Ксения?

— Догадывался. Зато выяснил, зачем Гиибели женский «гарем». Женщины для нее — перципиенты, внедряясь в них, она чувствует то же, что и они, поэтому и не препятствует проникновению в Гашшарву мужчин, причем мужчин-лидеров, чьих невест и жен она похитила. Во всех временах и хронах. И еще она права в том, что выйти из Гашшарвы невозможно. Почти.

— Как же мы выйдем?

Сухов не ответил, так как в комнате неслышно появился Дадхикраван. Их разговор длился полсекунды, потом Никита подтолкнул Толю к выходу.

— Ступай за ним, он нашел Ксению. Я сейчас.

Такэда послушно последовал за огненным человеком, но Сухов окликнул его:

— Оямыч.

Толя оглянулся.

— Спасибо за помощь.

— Не стоит благодарности. Разве ты не контролировал ситуацию?

— В общем-то контролировал, но ты появился в самый нужный момент. Мадам пол-Гиибели не знала, что у нас есть умертвие. Поэтому ее задача усложнилась. Ну, иди.

Такэда выбрался вслед за Дадхикраваном из дома. Огненный человек повернул к беседке, прятавшейся в глубине сада, протянул к ней руку, засиявшую ярче, и беседка провалилась сама в себя, образовав колодец-спуск в неведомые глубины здания.

— Подождите, Наблюдатель, я выведу ее.

Толя послушно остановился, пытаясь унять заколотившееся сердце. Вокруг было невероятно тихо, не пели птицы, не шелестел ветер в ветвях деревьев, будто кто-то выключил жизнь этого уголка природы, и тень зловещей фигуры демона, хозяина Гашшарвы, казалась материально весомой, придавливающей к земле, внушающей тревогу и неуверенность.

Дадхикраван появился через несколько минут, ведя за собой девушку. Это была Ксения и не Ксения. То есть физически девушка была копией художницы, но глаза ее были пусты и прозрачны, и Такэду она не узнала. Толя взял ее за руку и отпустил, проглотив разом все слова. Ксении Красновой здесь не было, в замке Гиибели хранилась лишь ее оболочка, жизнедеятельность которой поддерживалась искусственно, интеллект и душа отсутствовали. Р а с с ы п а н а, вспомнился термин Никиты. Как зачарованный, Такэда не мог оторвать взгляда от лица Ксении, и собственная душа его корчилась в пламени любви и ненависти. Любви к подруге, выбравшей Сухова, и ненависти к демону,

способному не только на великие деяния, но и, как оказалось, на мелкие страстишки, присущие человеку.

Очнулся Толя от прикосновения Никиты.

— Что будем делать, Оямович? Дай дельный совет.

— Видать, сильно ты ее задел...

— Кого? А-а... — На лицо Сухова легла тень, он прочитал недосказанную мысль инженера: «Сильно ты задел Гиибель, если она сотворила *такое* с твоей девушкой, решив отомстить». — Это не месть, Толя, она так живет.

— Тогда давай убираться отсюда.

— Куда?

— А разве твой... наш Путь закончен? У замка стоит жругр — бери и скачи из Гашшарвы.

— Легко сказать — бери, мы однажды уже пробовали.

— Теперь у тебя есть помощник помощней меня, а во-вторых, зачем использовать жругра в качестве коня? Пусть послужит просто тараном. Заставь его проломить стену хрона, а дальше мы пойдем сами.

Никита, онемев, долгие секунды смотрел на Такэду в изумлении, потом обнял, поцеловал в ухо и с нежностью сказал:

— Ты гений, Оямович! Что бы я без тебя делал!

— Пропал бы, — проворчал растроганный Такэда, тщательно пряча внутрь эту самую растроганность.

— Мчись за Тааль, — махнул рукой Дадхикравану Сухов. — Выйдем отсюда не тем путем, каким вошли. Теперь нам придется туго. Гиибель наверняка узнает о нашем решении и спустит на нас всех своих охранников и собак.

— Отобьемся, — ответил Такэда, глянув на безучастно стоявшую рядом Ксению, одетую в белое свободное платье без пояса, напоминающее скорее больничный халат. Никита тоже смотрел на Ксению, и глаза у него вспыхивали и плавились гневом и любовью. Такэда поежился, прошептав про себя: «Не желал бы я оказаться на месте Гиибели...»

Дадхикраван примчался с Тааль на спине, удлинил тело, чтобы они смогли усесться вчетвером, и прыгнул в небо с легкостью стрижа, будто и не почувствовал тяжелой ноши.

Глава 3

Их встретили на следующем горизонте замка — целый взвод черных всадников на странных полуживых механизмах, напоминающих кресла с лапами львов и журавлиной головой, направленной вперед, как гигантское копье. «Журавлиные головы» оказались излучателями плазмы и накрыли беглецов морем

пламени, в то время как всадники, скорее всего резерв «черных коммандос», добавили в это море залп из шиххиртхов. Ад получился кромешный, по мнению Такэды, и если бы не Сухов, накрывший группу защитным куполом магиполя, им не поздоровилось бы, особенно женщинам, ни одна из которых не прореагировала на взрывы, гул и шипение пламени.

— Вперед! — крикнул Сухов Дадхикравану. — Драться некогда, надо успеть к жругру до прихода Гиибели. Ищи любую щель и просачивайся в нижние горизонты.

Дадхикраван и сам понимал, что нужно делать, и вынес их из огненного шторма в один из коридоров нижнего яруса, с виду нормальный и пустой. Но стоило беглецам выйти из-под защиты, коридор взбесился.

Сначала он попытался задавить их стенами, затем включились системы транспортировки, способные забросить любой груз в недра замка, и наконец, когда обе попытки были пресечены Суховым, коридор обрушил на них миллионы тонн расплавленного свинца.

Спасло их последнее усилие Дадхикравана, успевшего найти «щель» в магическом барьере, которым окружил их замок, и вынести живой груз за пределы Эхурсагкуркурры.

Такэда не сразу пришел в себя от головокружительных прыжков-просачиваний огненного коня и смены впечатлений, хотя нашел силы побеспокоиться о спутницах: обе девушки стояли рядом, прижавшись друг к другу, задрапированные в туманное облако защитного поля. Толя успокоился, подождал, пока прояснится голова, и огляделся. Он увидел удивительную и жутковатую картину.

Над ним возносилась вверх, на неведомую высоту, гигантская, поражающая воображение размерами и формой «оплывшая свеча» Эхурсагкуркурры, сверкающая тающими переливами драгоценного жемчуга, а с другой стороны, на металле равнины, окружавшей замок, застыли друг против друга километровой высоты исполины: Гиибель и Никита Сухов. Облик демона — владыки замка и хрона — непрерывно струился, перетекая из фигуры в фигуру — женщин, мужчин, неведомых существ. Одной рукой он — теперь больше «он», чем «она», — опирался о спину жругра, в другой держал светящийся хлыст, вокруг которого вились алые молнии. Сухов придал своему защитному полю видимость кольчуги и лат и напоминал былинного русского богатыря. Левой рукой он опирался на оранжево светящего коня, словно созданного из живого огня, а в другой держал меч, вдоль лезвия которого изредка пробегал холодный зеленоватый просверк.

«Святогор!» — подумал Такэда с невольной внутренней дрожью.

Услышать разговор магов ему не было дано, поэтому он лишь благоговейно смотрел на них, приготовив на всякий случай арбалет. Между тем, обменявшись пси-ударами, не принесшими вреда никому, Гиибель и Сухов приступили к переговорам, длившимся по человеческим меркам несколько долей секунды. Великий игва так и не восстановил себя полностью, часть его многочисленных «я» продолжала бродить где-то в иных измерениях и мирах, и мимолетно подивившись этому небрежению Гиибели к судьбе своего основного, структурно сформированного в Гашшарве тела, Никита возблагодарил неизвестно кого за проявленную милость, ибо до сих пор не был уверен, смог бы он устоять перед демоном, способным дробиться на миллионы двойников, жить в многомерных континуумах и творить миры для собственных нужд.

— Прими мои поздравления, Посланник, — сказала Гиибель. — Я постоянно недооценивала тебя, хотя могла уничтожить еще тогда, в образе Заавели. До сих пор не понимаю, как тебе удалось уцелеть и вырасти.

— У меня были хорошие учителя и друзья, то есть то, чего нет у тебя.

— Друзья? У магов высокого класса не может быть друзей, иначе они не смогли бы реализоваться максимально. Друзья требуют внимания, а их желания не всегда совпадают с твоим. Боюсь, до мага — владыки Миров тебе не дорасти.

— А я и не претендую, у меня другая задача.

— Ах да, Посланник... объединитель магов... и ради чего? Чтобы ограничить деятельность самого великого из Творцов?

— Он велик, слов нет, однако величие подразумевает и великодушие, и любовь к непохожим на тебя, ко всем живущим, и сотню других качеств, позволяющих каждому разуму творить свою судьбу самому.

— Это чисто антропоцентристский взгляд на вещи. Посланник, в тебе слишком много человека и слишком мало мага.

— Может быть, и тем не менее я пройду Путь до конца. Уходи, мы торопимся.

— Из Гашшарвы нет выхода, пока я его не открою. И не надейся на умертвие, оно не с р а б о т а е т.

— Оно сработает!

Переговоры закончились, и немногочисленные зрители стали свидетелями последней схватки магов.

Гиибель взмахнула хлыстом, родившим свистящий гул и колебания почвы, и обрушила на рыцаря в латах. Но навстречу взметнулось струящееся зелено-серебристое пламя меча, встретило удар и без усилий перерубило хлыст, конец которого долетел до замка и, превратившись в сгусток радужного пламени, проделал в его стенах огромный дымящийся вывал. Гиибель

что-то сделала, хлыст из рукояти вырос снова. Но она не успела им воспользоваться еще раз — Сухов привел в действие инферно. Умертвие.

Затаив дыхание, чувствуя, как шевелятся волосы на голове, Такэда следил за тем, как страшно изменяется облик демона. О нет, никаких огнедышащих пастей, клыков, когтей, злобных черепов не было: Гиибель на одно мгновение, пытаясь сопротивляться излучению, вернее, потоку энтропии инферно, разделилась на множество созданий, составляющих ее существо, превратилась в конгломерат живущих один в одном призраков, многие из которых попытались бежать в другие многомерные пространства, но было поздно. Гиибель застыла и... исчезла. Точнее, она исчезла только для человеческого зрения, оставаясь на месте вечной скульптурой, памятником самой себе, не подверженным действию времени. Инферно останавливал в с е физические процессы объекта, в том числе и энергоинформационные, свет не мог ни отразиться от него, ни поглотиться им, потому что фотоны, коснувшись оболочки а б с о л ю т н о у м е р т в л е н н о г о объекта, в свою очередь переставали двигаться. Увидеть Гиибель можно было теперь только магическим зрением — как яму во вселенной.

— Видит Бог, я не хотел! — выдохнул, пошатнувшись, Никита, сам устрашенный действием инферно. Он держался на пределе сил.

Словно в ответ стены Эхурсагкуркурры издали жуткий вопль, слышимый, наверное, и за пределами Гашшарвы, словно сам замок прочитал владельцу эпитафию на своем языке, понятном только демонам. От этого вопля-пси-разряда лопнул защитный купол над двумя женщинами, едва не убив Тааль и Ксению, и даже Такэда, защищенный диморфантом, почувствовал дурноту. Пытаясь справиться с желудком, вознамерившимся выйти через рот, он упустил момент контакта Никиты и Дадхикравана с уцелевшим жругром, а когда справился, новое сотрясение мира вокруг вернуло его в сумеречное состояние.

Идея Толи оказалась выполнимой: жругр, спасаясь от угрозы уничтожения, «проломил» потенциальный хронобарьер, отделяющий Гашшарву от соседнего слоя-хрона Веера, и маги успели нырнуть в образовавшуюся «брешь», прихватив с собой драгоценную хрупкую ношу — девушек и Толю.

Открыв глаза, Толя первым делом схватился за оружие, но, не обнаружив никого, кто угрожал бы ему, успокоился. Привстав на локте, огляделся.

Вокруг царил если не полумрак, то ранний рассвет, создаваемый полусферой багрового, с алым блеском внутри, тумана.

Полусфера заменяла здесь небосвод над плоской бурой равниной, покрытой слоем крупной гальки. Видимый радиус полусферы не превышал километра.

По равнине были разбросаны плоские камни с закругленными краями, похожие на надгробья. На одном из таких камней лежал Такэда, на другом, чуть поодаль, тихо сидели женщины, накрытые вуалью защиты.

Никиту Толя заметил в последнюю очередь: тот лежал неподвижно за камнем, разбросав по гальке руки и ноги. Дадхикравана нигде не было видно.

Такэда вскочил, едва не упав от нахлынувшей слабости, просеменил к другу, наклонился, вглядываясь в бледное, с синими тенями под глазами лицо, и услышал тихий пси-шепот:

«Не трогай его, Наблюдатель».

Толя резко оглянулся. Из багровой пелены купола вынырнул Дадхикравана, волоча за собой хвост ало светящегося тумана, одним плавным прыжком преодолел расстояние от стены купола до людей.

— Что с ним?

«Он потерял много сил, а восстановиться здесь невозможно, выход в эйдос заблокирован». — Дадхикраван показал на багровую полусферу.

— Где мы?

«Планета называется Эреб... хотя планетой этот многосложный материальный объект назвать в общем-то нельзя. А расположен он в Эраншахре, мире-вселенной Даймона. Жругр пробил дыру между ним и Гашшарвой, и теперь мы ближе к обиталищу Люцифера, чем были».

Такэда привычно зашипел сквозь зубы, быстро оглянулся, но черного монстра не увидел.

— А где сам жругр?

«Уничтожен. По сути, он спас нам жизнь. Эраншахр — пограничный мир с «натянутым» вакуумом, любой подбарьерный переход в него заканчивается фазовым сдвигом проникшего объекта. Жругр превратился в трехметровый континуум, ограниченный переходной зоной». — Дадхикраван снова кивнул на багровый купол с мерцающим изнутри сквозь туман алым огнем.

Толя вспотел.

— Хорошее название дал планете... э-э... месту, куда мы попали. Эреб, сын Хаоса, брат Ночи...

«Я не даю названий предметам и явлениям человеческим языком, я чувствую их. Имена и названия — в вашей памяти, Наблюдатель».

— Ну хорошо, хорошо. Что будем делать? Надо выбираться

из этого Эреба, пока не нагрянул Даймон. Как ты думаешь, он знает о нашем появлении?

«Пока нет. Но аннигиляция жругра инициировала цепную реакцию распада пограничного слоя, и стража границы скоро прибудет сюда, чтобы разобраться в причинах».

— Тогда надо срочно будить меченого... э-э... Посланника.

— Я не сплю, — раздался тихий голос Никиты. Он задвигал руками, открыл глаза, сел. Некоторое время смотрел на безучастную ко всему Ксению, и во взгляде его сверкнула ненависть. Отвернувшись, глянул на Дадхикравана, и между ними проскочила искра пси-связи; Толя уже научился различать, когда маги ведут беседу в сверхтемпе. Потом Сухов медленно, как тяжело больной человек, поднялся, сказал сквозь зубы:

— Ничего я что-то не понимаю. Выход в эйдос должен быть и здесь, его невозможно заблокировать во всем диапазоне.

— Вы работали с первым уровнем эйдоса — астралом и менталом, — деликатно сказал Дадхикраван, также переходя на звук. — После информации Шаданакара — многоуровневая система, ее высшие уровни доступны не всем магам. Вы еще не достигли нужного класса, Посланник. Вам предстоит овладеть творчеством высших гармоний.

— Но для этого необходима энергетическая перестройка всего организма.

— Так что ж? Что вам мешает уйти от материальной оболочки из недолговечного белкового материала?

Сухов снова некоторое время смотрел на Ксению, проговорил совсем тихо:

— Я еще не готов.

Такэда, прислушивавшийся к разговору с растущим волнением, суеверно сложил пальцы левой руки. Он не хотел, чтобы Сухов окончательно потерял человеческую сущность. Во всяком случае Путь Посланника этого не требовал. Никита, уловив мысль инженера, лишь криво усмехнулся.

— У кого есть дельные предложения?

— Предлагаю пообедать, — подсказал Такэда. — Э-э?

— Возражений нет.

Через несколько минут, сотворив герметичную кабинку с земным воздухом, они ели, в том числе и Никита, с удовольствием уплетавший харчо и шашлык. С трудом заставили съесть по кусочку мяса и фруктового желе обеих девушек. А на третьем блюде — захотели горячий шоколад — «скатерть-самобранку» заело, и она, дважды формируя заказ, вдруг свернулась в серое яйцо, не реагирующее на команды.

— Аминь, — сказал Никита. — Кончилась энергия.

Дадхикраван, бродивший во время трапезы возле стены купола, повернул к ним.

— Предлагаю шим-бич.

— Что? — не понял Такэда.

— Серый тоннель, — пояснил Сухов, вопросительно глядя на огненного псевдочеловека. — У меня не хватит запаса.

— Но у вас есть Финист.

— Меч? Ну и что? Он ведь только эффектор гипервоздействия, реализатор...

— Не только.

Маги снова перешли на сверхтемп, и через секунду Никита произнес растерянно:

— Я не знал! — добавил шепотом: — Самонадеянный осел... мальчишка!

— Я думал, вы знаете. — Дадхикраван не сильно разбирался в человеческих эмоциях, хотя и старался вести себя корректно. — Ничего страшного, Посланник, всего не знает никто, даже создатель Веера.

— Чего?! — изумился Такэда. — Веер Миров... создан?! Кем?

— Не знаю. — Дадхикраван получил пси-импульс, соответствующий человеческой улыбке. — Наверное, Большим Богом — Большой Вселенной, или системой разумных вселенных — кто они там есть на самом деле. Вселенную может породить только другая Вселенная, высших порядков.

— Стоп! — очнулся Сухов от нелицеприятного анализа собственного характера. — Философствовать будем позже. Толя, усаживай женщин на Дадхи, я сейчас.

Никита вынул меч из ножен и скрылся в багровой пелене купола. Через минуту появился, блистая «ртутью» прежней защитной оболочки, прыгнул на круп коня-темпорала впереди женщин.

— Я подкинул страже Эреба двойника, что даст нам время на «рытье» шим-бича. Дадхи, я попробую изменить скорость фазового перехода, а ты прыгай, когда барьер станет тонким. С Богом!

Меч в руке мага сделал крестообразное движение, и на стену багрового тумана легли две ярко вспыхнувшие зеленым светом линии, слагаясь в крест. Центр креста выпятился, выпуская сноп ослепительно белого огня, и Дадхикраван прыгнул прямо в этот слепящий холодный огонь...

«Серый тоннель» шим-бича выдернул их из мира Даймона, пронес сквозь Гашшарву и еще десяток хронов и иссяк в одном из мертвых Миров Веера, где беглецы смогли привести себя в

порядок, отдохнуть и восполнить потраченные силы. Тааль кормил Такэда, а Ксению — Сухов, и Толя вдруг поразился, с какой нежностью и лаской Никита проявляет заботу о девушке, не осознающей, где она и что с ней, не способной оценить ни слова, ни улыбки, ни жеста. Когда обед закончился — сюрприз приготовил Дадхикраван, передавший коробку с НЗ, — Толя перешел в состояние транса: не хотелось ни думать ни о чем, ни делать, ни напрягаться, ни идти дальше. С громадным трудом он заставил себя собраться.

— Ник, а что такое шим-бич? В моем информационном багаже нет такого понятия.

— Шим-бич по сути — хроносквозняк. Я уменьшил натяжение хронобарьера между мирами, Дадхи проломил его — и «ветер» времени, рожденный перепадом «угловых давлений», вынес нас из Эраншахра. А так как напор был достаточно силен, поток проколол и Гашшарву, и еще несколько хронов. Я гляжу, ты совсем квелый, поспи пару часов. Да и мы отдохнем.

Такэда хотел запротестовать, но почему-то закрыл глаза и мгновенно уснул, прислонившись спиной к обломку скалы. Лагерь они раскинули в россыпи камней, окруженной желеобразными пластами фиолетово-зеленой субстанции. Дадхикраван помнил этот Мир, одна из его станций хроносдвига была когда-то расположена здесь, на рыхлом от спонтанных реакций конгломерате, некогда бывшем планетой. Проснулся инженер уже в другом Мире, хотя потом — хоть убей! — не мог вспомнить, как там оказался.

Он лежал в «джинсе» диморфанта на берегу реки, в траве, под высоким белым небом с еще более белыми, почти светящимися, фарфоровыми облаками, а спиной к нему стояли у воды и разговаривали четверо: Сухов, огненный псевдочеловек, Уэ-Уэтеотль и Тааль — без маски! — веселая, жизнерадостная, совсем не такая, какой они выкрали ее у Гиибели и какой она была у себя дома. Одета она была в костюм жрицы Науатль, больше открывающий тело, чем закрывающий, и Такэда понял, почему Вуккуб не успокоился до сих пор, горя желанием помочь бывшей жене вернуть первоначальную суть. А также вернуть ее себе в качестве жены. Тааль была, конечно, хаббардианкой, но красота ее не нуждалась в доказательствах даже с точки зрения землянина.

Уэ-Уэтеотль, одетый в красивый индейский костюм, украшенный нагрудной пекторалью, был, как обычно, невозмутим. Никита красовался в спортивном костюме «а-ля адидас» — так выглядел его магический защитный «скафандр», и лишь Дадхикраван как был сгустком живого огня в форме гуманоида, так им и остался.

Толя не сказал ни слова после того, как открыл глаза, но все четверо почувствовали его пробуждение и оглянулись.

— Доброе утро, Наблюдатель, — рассеянно сказал Никита, покусывая травинку. — Как самочувствие?

Такэда почувствовал какой-то подвох, скрытый интонацией голоса Сухова, поэтому ответил не сразу:

— Лучше не бывает. Здравствуйте. — Встав, он отвесил поклон старым знакомым. — Насколько я понимаю, мы у вас дома, Тааль? Маска уже не нужна?

Жрица храма Науатль тряхнула роскошными черными волосами, бархатисто рассмеялась.

— Не нужна, землянин. И если бы Посланник не был з а н я т, я отблагодарила бы его всеми доступными мне способами. А пока я — его рабыня до скончания веков.

— Не переигрывайте, Мать, — гортанно, с металлическими модуляциями произнес Уэ-Уэтеотль. — Этические нормы землян и хаббардианцев совпадают не по всем пунктам, поэтому вашу благодарность тоже надо делить на три.

Тааль не обиделась, только сверкнула глазами.

— До встречи, маги. Надеюсь, скорой.

Исчезла за стеной травы, скрывающей откос берега.

— Где Ксения? — спросил Толя и тут же увидел ее: девушка шла по песчаному берегу реки, останавливаясь и окуная в воду то руку, то ногу. По лицу ее, уже не безучастному, а скорее задумчивому, бродила легкая — не улыбка — тень улыбки.

Такэда проглотил ком в горле.

— Как она?..

Никита, взгляд которого потеплел, налился сиянием печальной нежности, ответил после долгой паузы:

— Тааль вернула ей часть ментальной ауры, часть личности, но это лишь сотая доля ее интегрального «я».

— И все же... поразительно! Значит, та Тааль, которую мы украли... соединилась с этой? Как?

— Вас интересует физический процесс? — учтиво спросил Уэ-Уэтеотль. — Или психологический?

— Об этом потом, — очнулся Сухов, подошел к Толе вплотную. — Оямович, здесь мы наконец расстаемся... не перебивай. — Он решительно отклонил попытку Такэды вставить слово. — Дело даже не в том, что дальнейший Путь заказан обычному человеку, пусть и защищенному диморфантом. Тебе действительно туда н е п р о й т и. Может быть, не смогу пройти и я, псиэнергант, паранорм и почти маг, овладевший транслокацией и гипервоздействием. Но главное в другом, главное — уберечь Ксению, и сделаешь это ты.

Такэда снова попытался возразить, однако с удивлением обнаружил, что заикается, став косноязычным:

— Н-но как же... я Ксению... уберечь...

— Не только уберечь, — в глазах Никиты на миг всплыла тоскливая усталость, — но и попытаться вернуть ей кое-какие черты, «рассыпанные» по личностям женщин в других хронах. Уэтль поможет тебе, сделай что сможешь.

И Толя проглотил остальные возражения, хотя мир для него вдруг потерял краски, солнце померкло, а над головой нависла черная тень недобрых предчувствий.

— Прощай, Наблюдатель.

Они обнялись.

— Не прощай, а до встречи, — ворчливо заметил Толя, чувствуя себя так, будто стоял перед другом голым. — Ни пуха...

— К черту! — улыбнулся Никита. Бросил взгляд на Ксению, поколебался немного, но порыв проститься сдержал.

Дадхикраван скользнул к нему, расплылся зонтиком-беседкой, охватывая Сухова со всех сторон, миг — и оба исчезли.

— Идемте, Наблюдатель, — проговорил Уэ-Уэтеотль, направляясь к девушке, которая смотрела на них снизу, подняв брови, будто силилась понять, что здесь происходит.

Такэда суеверно сложил пальцы обеих рук, прочитал в душе заклинание из двух слов: «Желаю удачи!» — и шагнул за магом.

— Он обиделся, — сказал Дадхикраван, когда они отмахали сотни три хронов и остановились отдохнуть в одном из тающих — распадающихся по причинам просачивания Хаоса — Миров.

— Ты его не знаешь, Отшельник, — не согласился Никита. Прежде чем выйти из «струны» хроносдвига, он пролоцировал район будущей остановки и точно знал, что неприятных сюрпризов не будет. — Такэда знает, когда можно обижаться, а когда нет.

Дадхикраван, струясь от движения, сделал себе лыжи и прокатился по снежной равнине; мир этот вымерзал и скоро должен был превратиться в ледяной ком. Никита понаблюдал за ним, но примеру не последовал, только поймал голой рукой несколько снежинок, падающих из серой пелены над головой. Дадхикраван вернулся.

— Нас ищут. Я ощущаю дрожь Веера.

Сухов тоже чувствовал вибрацию Шаданакара, поэтому промолчал. Когда темпорал, разрушив «лестницу» Шаданакара, превратился в живое существо, обладающее свободой выбора и волей, долгое время все те, кто пользовался системой хроносдвига — игвы, раругги, хаббардианцы, наблюдатели, исполните-

ли разного ранга, да и сами демономаги, — пребывали в шоке, потеряв вдруг возможность свободного передвижения по Вееру, а также связи с другими хронами. Однако мощный конструкторский потенциал, которым обладали цивилизации, подчиненные игвам, был в конце концов задействован, чтобы решить проблему масс-транспортировки. К моменту похищения Ксении из Гашшарвы демономаги еще не закончили разработку своего собственного темпорала, зато успели создать пси-хронолокаторы, способные засечь по «дрожи» Веера координаты продавливания потенциальных барьеров магами или машинами типа жругров. Поэтому при переходе надо было страховаться, зондировать хрон, хотя транслокация и отнимала уйму энергии.

— Да, наделали мы с тобой шороху, приятель, — пробормотал Никита. Слабо улыбнулся, поймав ответный пси-импульс Дадхикравана, смысл которого укладывался в слегка перефразированный стих Некрасова: «Дураков не убавили в Веере, но на умных тоску навели».

— Даже Люцифер, создатель твой, не допер бы до такого.

«Мне нравится жить, как живете вы, люди. Теперь у меня двое создателей: Люцифер и Вы, Посланник».

— Тогда трогаем дальше... сынок... конек-горбунок.

Дадхикраван излучил согласие пополам с недоумением — юмор он понимал не всегда — и перешел в состояние закона, диктующего волю данному слою Веера. Невидимая, не ощущаемая и не фиксируемая никем стена потенциального энергоинформационного барьера, разделяющего хроны, послушно протаяла под напором извне или изнутри — смотря как посмотреть, — вобрала в себя два суперпакета информации и выплюнула их в соседнем хроне, время в котором текло «под другим углом». И еще раз, и еще, и еще...

Глава 4

Мир, в котором «правил бал» маг-творец, близкий по психофизическим данным Никите и его друзьям, почти венчал правое крыло «лестницы» Шаданакара, то есть по развитию располагался в конце эволюционной кривой. Существа, освоившие его и подвергнувшие перестройке в соответствии со своими замыслами, начинали свой путь на одной из планет, близкой по параметрам Земле. Именно на ней и остановились Дадхикраван и Сухов, магические радары которых однозначно указали на присутствие в хроне — и на планете — сил, которые могли быть идентифицированы только как кучности магического поля. Иными словами, здесь жили те самые творцы высоких технологий и обла-

датели знаний, деятельность которых, по словам Кларка, неотличима от деятельности магов.

Помня отказ одного из таких магов — лемура Итангейи, Никита решил не сразу предлагать хозяевам участие в проекте «ограничения Люцифера», а сначала посмотреть и почувствовать, чем они дышат и о чем мечтают, однако ему не дали времени на анализ местной жизни, пусть и не с целью интриги или недобрых намерений. Ибо мир, куда они попали, был миром разумных насекомых. А именно — пчел.

Конечно, прокол хронобарьера мог забросить их в любую область следующего хрона, в том числе в космос, в недра звезды или планеты, в газовую туманность и прочее, но Дадхикраван, во-первых, тоже владел транслокацией, а во-вторых, помнил, где были установлены когда-то его «нервные узлы» — станции хроносдвига. Эту планету, напоминающую райский сад, что издали, что вблизи, он помнил тоже и высадил наездника — Сухова — на опушке леса, опоясывающего долину с одним из городов, построенных пчелами.

— Кислород! — недоверчиво сказал Никита, втянув носом воздух. — Кислородно-азотная атмосфера! Нормально! А запахи — с ума сойти можно!

— Лично для вас, — меланхолически заметил Дадхикраван. — В мои времена здесь был другой состав газов. Видимо, те, кто живет здесь, знали о нашем появлении и соответственно подготовились.

— Но тебе ведь атмосфера не нужна никакая.

— А я и не играю главную роль, я конь, вы всадник, да к тому же еще не простой — Посланник, посвященный Пути. Каждый маг почтет за честь принять такого гостя у себя дома.

Никита вспомнил, как «встретили» Посланника на Земле, передернул плечами и забыл обо всем, завороженный пейзажем.

Лес, у стены которого они вылупились из «струны» хроносдвига, лесом назвать было трудно, скорее гигантским цветником. Его деревья по сути были цветами всевозможных форм и расцветок, красота которых не поддавалась описанию. Лес этот изливал м у з ы к у запахов, переливался всеми цветами радуги, пел и светился. Смотреть на него не отрываясь, получая никогда не испытанное наслаждение, можно было долгое время.

Голова закружилась. Сухов отвел глаза, прошептал:

— Наркоэстетика!

Дадхикраван, который не испытывал подобного экстаза, выдал пси-импульс, переводимый как пожимание плечами.

— Странно, что на вас, людей, так действует простое визуальное наблюдение. Предназначение всех этих форм и радуг су-

губо утилитарное — привлечь внимание насекомых для опыления цветов.

Никита улыбнулся.

— А вот тут, дружище, позволь с тобой не согласиться. В чем, в чем, а в созерцании красот есть особый смысл, неподвластный расчету и анализу в стиле рацио.

Дадхикраван не стал возражать.

Сухов перевел взгляд на город, сооруженный разумными пчелами, и снова замер. Перед ним раскинулся архитектурный шедевр, равного которому он не встречал ни на Земле, ни в других Мирах Веера. Эстетический эффект потрясал! Создатели города владели не только законами пропорций, золотого сечения и золотого вурфа, но и законами глубокого воздействия формы, цвета, перспективы, сочетаний и тончайших переходов на психику созерцателя. Город был возведен не людьми и не для людей, но красотой его и гармоничным совершенством ансамбля мог не залюбоваться только слепой.

— Сказка! — прошептал Никита.

— Расширьте диапазон видения, — посоветовал Дадхикраван. — Электромагнитный спектр не отражает всех красот города. К тому же он многомерен. Пчелы — я их называю эльфами — увлеклись фантомологией[1], и большая часть города — как подводная часть айсберга — видна лишь самим создателям.

Никита сосредоточился, расширяя сферу своих паранормальных чувств, и по мере включения новых диапазонов сверхвидения город раскрывал перед ним свои новые эстетические эффекты, передать которые человеческий язык был не в состоянии. Последней ступенью совершенства города, его «башенной структурой» была вакуумная «пена» — почти неуловимое мерцание сложнейших энергетических переходов, воспринимаемых как нечто непостижимо прекрасное, ускользающее от понимания полного восприятия.

Сухов смог выдержать это переживание всего несколько секунд. Эхо обратной связи обрушилось на него волной тоски, горя и боли, и лишь ценой полуобморока ему удалось успокоиться и справиться с бунтом человеческого «я».

— Гиибель была права, — прошептал он, поддерживаемый Дадхикраваном, — во мне слишком много человека...

— Ну, я не вижу в этом ничего плохого, — ответил бывший темпорал. — К тому же вы до сих пор не раскрыли все свои резервы и не использовали всю глубину родовой памяти. Ваш по-

[1]Фантомология — воплощение в действительность таких материальных структур, которым в природе ничто не соответствует.

тенциал никому не известен, и не этот ли факт пугает Великих игв? Уже очень давно по Вееру бродит легенда о грядущем пришествии Избавителя: вот, мол, придет Избавитель и освободит мир от скверны, пороков, адских сил и ненависти. Не о вас ли речь?

Сухов невольно засмеялся.

— Не увлекайся, Отшельник, я не Бог и не столь тщеславен, как Великие игвы, да и герой — вынужденный. — Он помрачнел. — Мне бы вернуть Ксению... а я пока не вижу средств, как это сделать. Соберу Семерых, а там посмотрим. Как называется этот Город Всех Городов?

— Никак. Я имею в виду — на человеческом языке. Можете называть его Эльфгард, или Дримтаун, или еще как-нибудь, не имеет значения.

— Пусть будет Эльфгард. Что ж, идем к твоим эльфам-пчелам? Интересно, как они выгля... — Никита не закончил.

Рядом, в нескольких шагах, проявилась вдруг из воздуха серебристо-прозрачная конструкция: трехметровый одуванчик, вплавленный в красивой огранки бриллиант. С тихим чистым звоном бриллиант превратился в ансамбль ничем с виду не скрепленных кристаллов поменьше, образовав нечто вроде ниши с сиденьями.

— Это явно не пчела, — изрек Никита. — И не эльф. Летательный аппарат? Такси, так сказать?

И, будто откликаясь на его слова, бриллианто-одуванчик превратился в... такси! В обычную, земную, вернее, российскую машину «Волга» тридцать третьей модели, с оранжевым фонарем на кабине.

— Ага! — сказал Сухов. — Я угадал. Конечно, лучше бы это был вертолет или... — Он не договорил.

«Волга» быстро, но плавно, трансформировалась в земной — опять же российский — вертолет серии «К» со сплошь застекленной кабиной и сдвоенным винтом.

— Не тратьте времени, — посоветовал Дадхикраван, разве-селясь. — Это универтер, Машина Всех Машин. Конечно, в понимании нормального землянина. Она может трансформироваться в любую машину или устройство, способное работать в любых хронах в любом заданном режиме. По сути это совершенный фантомат с неограниченным запасом функций. Единственное его ограничение — непричинение вреда кому бы то ни было.

— То есть в оружие она не превращается. — Никита хотя и был потрясен, но, не будучи технарем, особого восторга не испытывал. Только пожалел, что эту Машину Всех Машин — универтер не видит Такэда. — Когда-нибудь и человечество доведет

свою технику до такого совершенства, если не вымрет. Ты поедешь со мной или доберешься своим ходом?

— Вы тоже могли бы добраться своим ходом, Посланник. — Дадхикраван помолчал. — Но коль уж за нами прислан экипаж, будем вежливыми.

Вертолет поплыл, как восковая фигура от пламени пожара преобразовался в полусферу с двумя креслами, где разместились путники, и «мигнул» — то есть исчез и проявился уже в другом месте.

Видимо, город эльфов-пчел был оборудован системой псисчитывания и исполнения желаний гостей, потому что за немногие секунды после их прибытия вокруг вырос целый квартал земного города в стиле архитектуры конца двадцатого века: высотные дома — алюминий, стекло, сталь, бетон, невесомые виадуки, геометрически правильные строения вдоль проспекта, шеренги лип и тополей.

— Русский квартал, — хмыкнул Никита, озираясь. — Новый Арбат... М-да!

— Вы подумали о родине, и вам обеспечили комфортные условия.

— Я это понял. — Ностальгия резанула острым ножом по сердцу, заставила прикусить губу, оживила воспоминания, потянула цепь ассоциаций. Чувствуя закипающие слезы, с удивлением прислушиваясь к буре в душе, Никита с огромным трудом заставил себя сосредоточиться на действительности. Подумал: слаб человек! Не пора ли переходить на иную энергетику? Или это влечет за собой перестройку психики? Уэтль и Зу-л-Кифл ведь почему-то сохранили гуманоидную форму...

Что-то изменилось вокруг. Сухов очнулся.

«Новый Арбат» исчез, вокруг высились здания совершенных форм, гармонично перетекавшие друг в друга. И от их созерцания в душе начинала звучать музыка. Впрочем, они сами были застывшей музыкой и поэзией, смотреть на них хотелось долго-долго...

Никита вышел из транса с помощью Дадхикравана. Напротив, в метре от светящейся поверхности улицы, висел тихо гудящий дымно-золотистый шар размером с колесо автобуса. Вернее, не дымный и не шар — рой! Это были хозяева города, его строители и жители. Пчелы. Сухов разглядел одну из них: пчела больше напоминала земного шмеля, отличаясь от последнего разве что расцветкой — все оттенки желтого и золотого — и более крупными размерами.

— Мы приветствуем Посланника в нашем мире, — раздался в голове Никиты приятный рокочущий бас. — Для определенности можете называть нас Магэльфом, хотя наше настоящее

имя не переводится на человеческий язык. Я, как часть Магэльфа, уполномочен обеспечить контактобщение на любом уровне. Желает ли Посланник, чтобы я принял форму существа, приятного для контакта?

Никита заколебался было, но Дадхикраван успокоил его:

«Не тратьте вашу энергию на многодиапазонную связь, вам надо отдохнуть. Для наших целей достаточен медленный обмен информацией».

— Я понял, — отреагировал шар на эту пси-реплику и превратился в атлетически сложенного человека, закутанного в оранжево-красную, с черной каймой, тогу. Процесс этот длился доли секунды, но Никите ничего не стоило его уловить.

Сначала шар плавно растекся в подобие человеческой фигуры; пчелы роились, не стояли на месте, однако форму держали точно. Затем возникла «кожа» — каркас из насекомых оделся в розово-белую пленку какого-то поля или окрашенного газа. Проросли волосы, появились глаза, потемнели губы. И последней возникла длинная красно-оранжевая накидка — тога, наподобие тех, что носили древние римляне.

— Хотите отдохнуть? Мы реализуем любые условия.

— Земные, — после некоторых колебаний решил Сухов, зная, что Дадхикраван в отдыхе или в каких-то особых условиях не нуждается.

«Римлянин» сделал приглашающий жест, и в серебристо-золотой стене ближайшего здания открылась дверь, образовав нечто вроде волнистого пандуса.

— Здесь вы найдете все, что пожелаете. Понадоблюсь — звоните.

«Римлянин» расплылся в шаровидный рой, который лентой втянулся в Машину Всех Машин, и та метнулась вдоль улицы — если свободное между зданиями пространство можно было назвать улицей, — исчезла. Никита проводил ее взглядом, вопросительно посмотрел на Дадхикравана.

— Я пройдусь, посмотрю планету, — сказал тот. — У них много интересного. Позовете, если понадоблюсь.

Сухов тряхнул отросшими волосами, соглашаясь, и поспешил к двери в предоставленные ему апартаменты.

Рай!

Так Никита охарактеризовал дворец, предназначенный для Посланника. В нем было все, чтобы удовлетворить любые запросы землянина, создать ему комфортные условия для отдыха и развлечений. В том числе сауна с громадным бассейном, несколько роскошных спален, музыкальный салон, спортзал, па-

рикмахерская, где его побрили и подстригли, ресторан и бары на любой вкус, обслуживаемые с виду живыми людьми — хорошо оформленными, до сенсомоторных реакций, иллюзорными призраками. Никита уже успел забыть, что на Земле все это существует в натуре. Сначала он пугался внезапно появлявшихся барменов и официантов, потом увлекся игрой и окончательно расслабился. А спустя два часа после сауны и блаженства со стаканом фруктового коктейля в баре у мини-бассейна его потянуло в спортивную часть здания, где он заметил прекрасно оборудованный танцзал.

Сердце забилось сильней, когда на сцене объявился оркестр, сильно смахивающий на тот, под музыку которого он когда-то танцевал в театре. Мышцы напряглись, ноги сами вынесли Никиту в центр зала.

«Не сходи с ума, — проговорил кто-то недовольный в душе. — За тобой наверняка наблюдают». — «Не смеши, — огрызнулось второе «я». — Кому это нужно — наблюдать за мной? Танец необходим мне так же, как и воздух. Он вызывает ёдзё, как сказал бы Такэда, — не простое чувство, а сверхчувство, приоткрывающее тайну бытия. Понял?» — «Так ведь если зрителей нет, перед кем ты будешь выпендриваться?» — «Во-первых, не выпендриваться, а танцевать, а во-вторых, мне это нужно самому».

И Никита послал мысленный приказ оркестру играть то, что он хотел слышать. Музыка зазвучала почти тотчас же, музыканты поначалу фальшивили, но быстро подстроились под внутреннюю мелодию самого танцора, хранившего в памяти все ритмы, и Сухов отдался власти танца.

Когда он закончил — на пределе, как танцевал всего два раза в жизни, кто-то захлопал в ладоши. Не один-двое: Дадхикраван (его «аплодисменты» были рождены пси-передачей) и «римский император», ансамбль пчел-эльфов, часть разумного сообщества пчел по имени Магэльф. Как они вошли незаметно и почему Никита их сразу не почуял, осталось загадкой.

— Вы большой мастер, Посланник, — с уважением сказал Магэльф. — Ваш танец производит неоспоримо сильное впечатление.

Сухов, успокаивая бурное дыхание, поклонился.

— Рад слышать. Извините, я оставлю вас на четверть часа, приму душ. Встретимся в зеленом баре, если не возражаете.

Через двадцать минут они сидели в баре, из пола которого рос бамбук и фикусы. Дадхикраван уже успел мысленно поделиться с Никитой впечатлениями своего туристического похода по планете пчел-эльфов, и Сухов невольно ему позавидовал: бывший темпорал получил пусть и не соответствующее человеческому, но истинное наслаждение от созерцания ландшафтов,

многие из которых были созданы искусственно. Вспомнилось: «Чтобы подняться выше, ищите более умного собеседника и более сильного соперника». Магэльф и представлял собой такого собеседника — исключительно простую по принципу построения, но с громадным количеством подвижных элементов, гибкую, многосвязную, разумную систему. Рой из многих триллионов «клеток», в то время как мозг человека был на три-четыре порядка проще.

Никита вдруг понял, что он находится в н у т р и этой системы, а не вовне, как ему представлялось. «Римский император» не был собеседником в прямом смысле этого слова, со своим запасом знаний и свободой решения, он отражал лишь желание Посланника соблюсти человеческие нормы общения. Не более того.

— Вы правы, — наклонил голову хозяин. — Мы знаем причины и цели вашего появления. Но и нам, чтобы вынести решение, требуется нечто вроде общего согласия и сопоставления предлагаемой вами задачи со шкалой наших «пчелиных» ценностей. Для вас, населяющих средние слои Веера, может быть, неизвестно, что Большая Цель требует или Большой Веры, или Больших Знаний. Мало того, Большая Цель требует ответственных решений и многих жертв, а ее достижение не всегда компенсирует затраты. Мы, коллективный архонт данной вселенной, вплотную подошли к пределу технологического совершенства и способны конструировать любые миры.

— Значит ли это, что вы... отказываетесь?

— Будьте терпеливей. Да, мы подошли к вершине технологической стадии прогресса, Машина Всех Машин — универтер хорошо иллюстрирует этот факт, не с помощью Веры и магических формул, требующих других физических законов, а с другой стороны, эволюционной стрелы — когда творящему известно в с е о данном объекте или процессе.

«Римлянин» помолчал и закончил просто:

— Мы з н а е м. Но... пойдем с вами.

Никита прерывисто вздохнул, слабо улыбнулся в ответ на взгляд Магэльфа.

— Камень с души... извините, если я реагирую слишком эмоционально.

— Не стоит извинений, вы — человек, сын своей расы.

— Да, я человек. — Сухов понимал, что рой пчел говорит без всякой задней мысли, но не удержался от иронии. — Благодарю за напоминание. Могу я узнать причину вашего согласия участвовать в проекте, который не гарантирует компенсации затрат?

— О да, — кивнул «римлянин». — Точнее всего эта причина, вернее комплекс причин, выражается на человеческом языке двумя словами: скука и любопытство.

Никита хмыкнул:

— Для нас эти слова взаимно исключают друг друга. Но я понял. Спасибо за согласие. И за гостеприимство. А мы идем дальше. Ждите сигнала.

— Посланник, не обольщайтесь нашим согласием, вы можете не успеть пройти весь Путь.

— Почему?! — Никиту словно по голове обухом ударили.

— Разве вы не владеете каналом связи с общим полем информации Веера? Разве вы не посвящены?

Никита медленно вскинул голову и опустил, покраснев до корней волос. Сказал глухо:

— Посвящен... но выход в эйдос для меня пока опасен. Если бы я мог выйти на другую энергетику...

— Мы знаем, что вам мешает, но вряд ли наше сочувствие поможет тому, кто решает только наполовину. Мы согласны соединиться с магами-архонтами других хронов... если вы закончите Путь. А чтобы доказать наше расположение, позвольте сообщить вам то, что нас тревожит. Первое и самое главное: вы не состоялись как Посланник. Наш футур-прогноз, адекватный видению будущего Веера, почти на сто процентов о т р и ц а е т стабилизацию Веера Миров с вашим участием.

— Что это означает?

— Лишь одно: ваша миссия закончится провалом. Что неудивительно — человек не предназначен для роли Посланника-мага, даже если он паранорм. Правда, шанс есть. Ничтожный, но есть.

Второе, что нас тревожит: освобождение темпорала, превращение его в конечное существо с неким количеством степеней свободы, привело к резкой десинхронизации слоев-хронов. Иными словами, темпорал служил не только «лестницей» Шаданакара — системой масс-транспортировки и связи между хронами, но и своеобразным каркасом, вернее, упругим «позвоночником», связывающим «пластины» Веера. «Позвоночник» выдернули...

— Ясно, — хрипло выговорил Сухов.

— Не исключено, что Дадхикравану придется вернуться на место во имя спасения Шаданакара. Хотя возможны и другие варианты.

— Ясно.

— И третье: Люцифер может выйти из хрона, в котором заперт стенками закона, созданного прошлой Семеркой, в любой момент. Что он сделает, когда выйдет, мы рассчитать не можем. Его религия — ум, чистый интеллект, не замутненный эмоциями и инстинктами, — она не знает милосердия. В принципе, наша тоже — ум, но гораздо ближе к живущим рядом, в том числе

и к людям, чем к Люциферу. Мы знаем, что такое поле сострадания, позволяющее надеяться на такой же ответ. Удачи вам, и поторопитесь.

Никита встал.

— Спасибо за пожелание. Я потороплюсь. Дайте последний совет. Вы — пятый из Семерых, где искать шестого?

— Если сможете — «выше» нашего хрона.

— Причина скепсиса? Почему «если сможете»?

— Потому что, во-первых, где-то рядом находится Дигм, хрон одного из Великих игв — Гагтунгра. Кстати, он, как и мы, — существо, достигшее всеохватного знания, дающего ему власть над природой, как и то существо, равное ему по мысли и мощи, которое может присоединиться к нам и живет в соседних хронах. Где именно, мы не знаем. Во-вторых, где-то недалеко — или невысоко? — Веер кончается, каким-то образом соединяясь сам с собой, с начальным хроном, хроном Люцифера. Как и где — мы тоже не знаем, нам это знание было необязательно. Но путь туда, в «горние выси» Шаданакара, опасен настолько, что не поддается никакому анализу и прогнозу. Теперь вы знаете все.

Никита поклонился «римлянину», подошел к Дадхикравану, мерцающему живым огнем.

— Ну что, дружище? Не все так просто с твоим освобождением, как мне казалось. Ты идешь со мной дальше?

— Если Магэльф прав, то мы ничего не теряем при любом исходе дела. Кроме жизни. А жизнь есть информация, перетекающая в эйдос опять же при любом исходе дела. Я иду.

— Тогда прыгай «вверх». До свидания, Магэльф.

Дадхикраван послушно прорвал пленку потенциального барьера между мирами, и они вышли в соседнем хроне.

Когда Никита всей своей сферой гиперчувств объял Мир, в котором они очутились, ему показалось, что тот ему снится. Соседний с миром эльфов-пчел хрон представлял собой самое натуральное земное дерево, такое, как секвойя или эвкалипт, только гигантских размеров! По внутренней оценке Сухова, диаметр дерева достигал сотни километров, а высота не поддавалась никакому измерению. Судя по эху, оно уходило вниз и вверх на многие тысячи, если не миллионы световых лет! Из какой почвы оно росло, какие соки его питали, не знал и сам Дадхикраван, который с изумлением обнаружил, что не помнит подобного Мира.

Дерево не росло в пустоте, его окружала плотная и вполне пригодная для дыхания атмосфера. Сила тяжести, прижимающая живущих на нем существ чуть под наклоном к вертикали,

вернее, к оси дерева, почти равнялась земной. Освещалось же оно кольцом светящейся плазмы диаметром в три-четыре сотни километров: светился под влиянием каких-то процессов сам воздух. Этот плазменный кольцевой шнур, охватывающий дерево, дающий свет и тепло, скользил снизу вверх с двадцатичасовым циклом, и таким образом рассвет в этом мире наступал от «корней», а закат означал исчезновение «светила» за «кроной» дерева. Кольцо света следовало за кольцом, весь ствол колосса был окружен этими скользящими кольцами, и со стороны вся конструкция, наверное, представляла удивительное зрелище. А потом Никита разглядел то, что окружало дерево за пределами человеческого зрения, и ахнул: таких деревьев было много! Хрон, в котором они оказались, был лесом, а не отдельным деревом! В этом мире не было ни планет, ни звезд, ни пустоты, ни галактик — только бесконечный, удивительный, невозможный, с точки зрения землян, колоссальный лес.

— Кто же сотворил такой мир? — прошептал Сухов.

— Я!! — ответил кто-то рядом гулким, сверхнизким басом, так что качнулось дерево, на котором стояли прибывшие маги.

Никита вздрогнул, огляделся.

Они с Дадхикраваном стояли на серой морщинистой поверхности — коре гигантского сука, ответвившегося от мощной колонны дерева совсем недалеко, в сотне метров. Ствол дерева не ощущался стволом, он казался оплывшей, неровной, с гигантскими вздутиями и провалами, наростами и дырами серо-зеленой стеной, нависавшей над головой и терявшейся в дымке верхнего горизонта. По этой стене, представляющей собой толстую кору дерева, на которой росли не то колонии грибов, не то кустарники, можно было свободно подняться вверх или спуститься вниз, на другие ветви. Никого на ней Никита не увидел. И лишь перейдя на паранорм-зрение, разглядел рядом с деревом фигуру гиганта. Намеренно подчеркнутым движением положил руку на рукоять меча.

Гигант — рост неизвестен, все, что ниже пояса, скрывается в «вечерней» дымке атмосферы, туловище, поперечником всего лишь раза в два меньше диаметра дерева, тускло отсвечивает мириадами острых игл, — не был похож ни на человека, ни на какое-то другое существо, и все же имел кое-какие человеческие пропорции, пусть и доведенные до гротеска «руки», «туловище», «голову». Глаз, подобных человеческим или звериным, у него не оказалось, однако Никита почувствовал его взгляд, тяжелый, пристальный, изучающе-иронический.

«Это Гаггунгр, — просигналил Дадхикраван в пси-режиме. — Но этот хрон не принадлежал ему. Видимо, он создал но-

вую структуру в порядке эксперимента, ведь он, как и Магэльф, тоже увлекся фантомологией».

— Не хватайтесь за оружие, Посланник, — пророкотал Гагтунгр; частоты его пси-диапазона лежали почти за пределами восприятия Сухова, и казалось, что голос Великого игвы доносится издалека. — Это невежливо, вы находитесь в моих владениях.

Никита покачал головой, не выпуская меча. Второй рукой достал инферно.

— Понятно, — сказал Гагтунгр. — Собственно, я уже выяснил, что хотел. Гиибель действительно недооценила вас, как и Даймон, отчего и потеряла часть сущности. Я мог бы потягаться с вами, невзирая на игрушки в ваших руках, но это требует определенного расхода энергии, времени и напряжения, а я ленив. Вас же и без меня достанут... хотя не завидую тем, кто это сделает. До встречи, Посланник. Если она состоится.

Гигант исчез. Ни вспышки, ни грохота, ни шороха, словно выключили телевизор. Демономаги по своим владениям ходили бесшумно.

— Идем дальше, — сквозь зубы проговорил Никита, унимая дрожь в пальцах. Начинать драку ему не хотелось, к тому же он знал, что Гагтунгр прав: рано или поздно их достанут. Не застали бы врасплох, а там — кому повезет... И все же — почему он не напал?..

Глава 5

Они проскочили Дигм — прежний мир Гагтунгра, если верить Дадхикравану, который помнил свое пребывание в этом хроне, — не встретив ни одной живой души. Разглядывать красоты Дигма не стали, да и разглядывать, в общем-то, было нечего. Гагтунгр, вволю насытившись экспериментами со своей Вселенной, нечаянно «зажег» ее время и, не справившись с тушением, ретировался в соседний хрон, чтобы продолжать свои «исследования» там. Для чего ему понадобилось превращать тот Мир в чудовищный лес, знал только он сам.

«Горение» времени к моменту появления в Дигме Дадхикравана и его всадника привело к почти полному вырождению пространственно-временного континуума, и бывшая Вселенная Гагтунгра представляла собой колоссальной протяженности — на миллиарды парсеков! — уродливые соты, пересечение множества изогнутых, физически плотных поверхностей и плоскостей.

Следующий за Дигмом хрон, как ни странно, не подвергся нападению Великого игвы, а также не был разрушен Хаосом,

хотя его и затронула болезнь пространственных искажений, не позволяющая сомневаться в прямом просачивании Хаоса.

Местность, где, продавив стенку хронобарьера, Дадхикраван опустил Сухова, с виду принадлежала планете: холмистая равнина в пятнах растительности, с восемью реками, текущими в гигантский провал диаметром в сто километров, с горами на горизонте, с белым небом, в котором угадывались контуры какого-то сооружения. На самом деле этот Мир был весь — на сотни и тысячи световых лет — таким же переплетением и пересечением поверхностей и плоскостей, как и в хроне Гагтунгра, но не мертвым — наполненным движением и жизнью.

Никита уже попривык к разнообразию условий в Мирах Веера, но удивляться и восхищаться не устал. Этот Мир, имевший не четыре измерения, а гораздо больше — около сотни, не мог его не заворожить. И это едва не погубило обоих, поскольку Дадхикраван считал, что Посланник видит и чувствует не меньше, чем он, и не предупредил о появлении нового действующего лица, вернее лиц. А именно: Гиибели на жругре.

Великий игва, потерявший в Гашшарве половину сущности, но оставшийся в живых благодаря многомерности бытия, не был настроен на переговоры или соревнования по ироническим пикировкам. Во-первых, потому, что тщеславие его было уязвлено: ему бросил вызов простой смертный, землянин, пусть паранорм, но даже не игва. Во-вторых, психика его была нарушена: половина Гиибели, много десятков его «я», была уничтожена Суховым, и восполнить потерю было уже невозможно. В-третьих, Посланник добрался почти до конца Пути и был посвящен, что давало ему статус не только офицера или мага связи, но и Избавителя, о котором складывались легенды во многих Мирах Веера. И в-четвертых, он стал серьезным противником.

Бой демономага с Посланником и его конем начался и закончился в несколько мгновений, причем помимо воли и сознания Сухова. Реагировать, включать экстрарезерв и паранорм-концентрацию приходилось в условиях дефицита времени и маневра, когда первый удар был нанесен врагом практически неожиданно, «из-за угла» времен и пространств, поэтому отразить его без потерь Никита не смог.

Шумовой, многодиапазонный, энергоинформационный удар по психике и внутренней чувствительной сфере был так силен, что вызвал у него ощущение «красного коридора» — если пользоваться спортивным термином. Некоторое время — около шести миллисекунд — он буквально продирался сквозь кроваво-черную пелену боли и бессилия, преодолевая шок. Если бы Гиибель повторила удар или выстрелила из шиххиртха, все было

бы закончено, однако Дадхикраван не дал демону этой возможности.

Пси-заклятие Гиибели не подействовало на него так, как на Сухова; по сути, Дадхикраван был сгустком энергии, обладающим разумом и волей. Поймав частотные и фазовые характеристики заклятия, он ответил Гиибели направленной волной в противофазе, сбив ее «с дыхания». Гиибели пришлось защищаться, а за это время — семь-десять миллисекунд — Сухов успел прийти в себя и взяться за меч.

Бой продолжался еще несколько десятков миллисекунд.

Гиибель отбросила Дадхикравана в пространственный выверт — силовой кокон, откуда он выбрался не сразу. Сухов уничтожил жругра, подпитывавшего демона и пытавшегося атаковать Посланника мощными выплесками излучений. Гиибель нанесла еще один удар-заклятие, усилив его мощь: ландшафт вокруг места поединка мгновенно потек, превратился в желеобразный пласт вещества, вскипел, начал испаряться. Сухов ответил своим ударом, использовав меч в качестве пси-щита, но отразить весь информпоток, проникающий в мозг, уничтожающий память и сознание, не смог. Правда, досталось и Гиибели, претерпевшей структурную перестройку и потерявшей часть иномерных «я».

Последними действиями обоих руководили уже глубинные структуры психики, подсознание и генная память. Гиибель спустила на противника своего «пса» — эмпуса, биоэнергетического вампира, обладавшего невероятной силы способностью выкачивать и поглощать энергию из любого существа. Сухов ответил выстрелом из инферно.

Бой закончился спустя три четверти секунды после начала. Великий игва Гиибель перестал существовать как личность, окончательно перейдя в форму поля чистой информации, добавив общему информационному полю Веера Миров свои знания. Никита же еще долгих три секунды слепо сражался с эмпусом и неминуемо погиб бы, не вмешайся в схватку некто, обладавший не меньшей магической мощью, чем Гиибель.

Он низверг эмпуса — тварь не имела конкретной формы и для человеческих глаз представлялась бы в виде пульсирующей, студенистой, все время меняющей объем и количество «щупалец» медузы — в такой же выверт, пространственный «мешок», из которого только что вылез Дадхикраван, перерубил последнее «щупальце» — многомерный канал связи, по которому эмпус продолжал высасывать душу Сухова, и помог Посланнику подсоединиться к эйдосу.

Никита успел вдохнуть «глоток» пси-энергии эйдоса и лишь потом окончательно потерял сознание, вернее, повернул его —

сознание — в глубь своей израненной психики и родовой памяти. В другом лечении он не нуждался.

Сделав доброе дело, неожиданный помощник перекинулся с Дадхикраваном парой наносекундных массивов информации и, пообещав навестить Посланника, исчез. Дадхикраван, оглядев поле боя, подхватил застывшего с мечом в руке землянина, перенес его в другой район хрона, не затронутый страшным гипервоздействием демона, накрыл силовым колпаком, не пропускающим пси-излучение. Запеленговать их после этого не смог бы уже никто.

Никита возвращался из дальних далей своей памяти, как усталый путник возвращается домой из долгих странствий, с радостью узнавая знакомые места, удивляясь новым деталям пейзажа, отвечая на приветствия приятелей, вглядываясь в лица с надеждой узнать родных и близких. Возвращение было долгим и множественным: одновременно он открывал двери сразу сотен родных домов, встречал сотни добрых улыбок отцов и матерей, превращавшихся по мере движения в дедов и бабушек, в прадедов, в прапра... Но Никита не жалел о частых остановках, ибо каждый раз в него вместе с нежностью и любовью вливалась порция энергии, очищающая мозг от шлаков собственных эгоистических желаний и привнесенных извне какой-то темной силой таких же темных стремлений. И наконец наступил момент, когда он вынырнул из бездны прошлого в миг настоящего, не чувствуя ни рук, ни ног, ни тела, слабый, как новорожденный. Кто-то склонился над ним, колеблющийся, будто пламя костра, но не обжигающий, распространяющий вокруг флюиды дружелюбия и участия.

«С возвращением, Посланник, — прозвучало в голове тихое приветствие. — Вы в порядке?»

И Никита вспомнил, кто это и что произошло. Вскинулся:

— Эта тварь?!

«Эмпус? Далеко отсюда. Нам повезло, что подоспела помощь».

— От кого?

«Он обещал в скором времени встретиться с нами. Это архонт здешнего хрона. Имя ему — Велиал».

Никита хмыкнул. В земных христианских мифах тоже встречался Велиал — Совратитель, дух небытия, лжи и разрушения. Интересно, как они соотносятся, здешний Велиал, хранитель Вселенной, и земной? Перенял ли земной черты своего аналога или его образ — чисто земное, человеческое наслоение? Дух небытия...

Никита снова хмыкнул:

— Ты с ним виделся?

«Визуально — нет. Впрочем, даже в пси-диапазоне он неуловим. Еще будучи темпоралом, я ни разу не встречал его, хотя и знал, что такой существует».

— Призрак... маг-призрак. М-да!

«Не призрак, но нечто материально неуловимое, и реально невозможное... и очень опасное».

— В таком случае он — еще Великий игва.

«Я думал об этом. И не нашел сильных доводов ни за, ни против».

— Что ж, что имеем, то и пьем. Если он помог нам, значит, он не с ними, и это факт отрадный.

Сухов огляделся.

Он лежал на песчаном возвышении, окруженном полупрозрачным серебристым куполом, за которым угадывался равнинный ландшафт с долинами рек, лесами и перелесками. Голова окончательно прояснилась, зверски захотелось есть. А еще внутри Никита ощущал присутствие некой силы, которая — шевельни он только пальцем — способна разнести в пыль любое препятствие: стену, гору и даже планету! Сухов шевельнул. С гулким и неистовым треском купол над ними из туманного «стекла» лопнул, вызвав кольцевую ударную волну, погнавшую вал пыли к горизонту.

«Осторожнее, — посоветовал Дадхикраван. — Научитесь сдерживаться, Посланник. Не знаю, как вам удалось, может быть, помог тот же Велиал, но вы перекачали всю атомарногенную, родовую память в сферу сознания. Вы теперь — соборное существо. Все, что знали и умели ваши предки — ваше достояние. И сила. Неужели не ощущаете?»

Сухов прислушался к себе. Взрыв мыслечувств всех психик предков его рода был ему ответом. Деды и прадеды были с ним: сеятели, дружинники, бойцы, художники, ремесленники, сильные творческие личности, колдуны и маги. Они передали ему в наследство полное владение телом и духом, разбудили эйдетическое зрение, умение испускать энергетическое — астральное — тело, ясновидение, психокинез, способность слияния с космическими событиями и ощущение Вселенной! Их сила стала его силой, надо было научиться лишь контролировать ее, и тогда стало бы возможным любое желаемое воздействие на мир.

Никита засмеялся, подпрыгнул вверх на добрый десяток метров, раскинул руки, как птица крылья, заложил вираж над холмом и спикировал на огненного псевдочеловека, который наблюдал за ним заинтересованно и приветливо.

— Живем, Отшельник! Сейчас я подкреплюсь, выясню, как дела у моего друга Такэды, и мы пойдем дальше.

«Дальше — хрон Уицраора, четвертого из Великих игв, «бога необъяснимого», как его зовут, а за ним — хрон Люцифера. Если не считать десятка мертвых Миров и Суфэтха, «кладбища Шаданакара», многомерной «ямы», соединяющей Начало и Конец Веера».

— Я сказал «дальше» в переносном смысле. Может быть, это хорошо, что мы подобрались к миру Люцифера...

«Хрон Люцифера имеет название Гинунгагап».

— Вот как? Не перестаю удивляться! Почти все эти названия существуют в земной мифологии. Гинунгагап — словечко из скандинавской саги, означает — первичный хаос, мировая бездна. А?!

«Связь Миров Веера теснее, чем вы думали. Имя есть действительно вибрация Космоса, и передается оно эйдосом во все уголки Шаданакара быстрее, чем другая информация».

— Пусть будет Гинунгагап, хотя словечко — не из самых звучных и красивых. Так вот, хорошо, что мы подошли к обиталищу Люцифера с другой стороны «кладбища». Отсюда он нас не ждет. Кстати, как бы выяснить поточнее, что это такое?

«По моим ощущениям — это провал в Большую Вселенную, выход в другие Вееры Миров и более сложные вселенные, входящие в состав Большой. Вряд ли Суфэтх преодолим... для нас, во всяком случае».

— Посмотрим. Покарауль, пока я буду насыщаться и листать эйдос.

Никита легко вошел в медитативный транс, достиг нужной паранорм-концентрации, «огляделся» в астрале, применяя транслокацию, выискивая скрытые ловушки демономагов, заблокировал два информационных «капкана» и подсоединился к эйдосу — всеобщему полю информации Веера на уровне гипер. Спустя несколько мгновений его астральное тело вышло в мире Уэ-Уэтеотля, отыскало мага и вошло с ним в контакт.

Длился контакт всего несколько миллисекунд, но за это время Никита выяснил все, что хотел, и отключил канал связи. «Вернувшись» в себя, он автоматически «поел» — насытился энергией астрала и перешел в состояние Личности. Дадхикраван стоял напротив и «смотрел» на него вопросительно. Излучаемую им мысль-эмоцию можно было перевести как: «Ну, что у нас плохого?»

— «Долог был во мраке ночи наш неверный трудный путь»[1], — пробормотал Никита. — Хороших вестей немного, больше не-

[1]И. Бунин.

добрых. У Люцифера оказалось больше сторонников, чем представлялось. Демоническая пропаганда, управляемая игвами и хаббардианцами из лагеря Великих, — а велась она без малого тысячу лет, со времени Битвы, — сработала.

Огненный псевдочеловек все еще смотрел с сомнением, и Сухов пояснил мрачно:

— Идеи Люцифера, как оказалось, воспринимаются многими существами, чья эволюция базируется на агрессии, лжи, эгоизме, ненависти и предательстве. Игвами, например. — Никита помолчал. — Людьми. И не только на Земле.

«Я не понял, о какой пропаганде речь».

— Об очень простой и эффективной. Всем жителям Веера внушалась примитивная формула: Люцифер — смелый воин, противостоящий всему миру! Один против всех, против толпы, так сказать. Самое интересное, что это действительно так! Откуда ни кинь взгляд — со стороны Добра или Зла — это правда. И каждый оценивает ее по-своему, в том числе и «черные» люди с жаждой убийства во взоре. А убийц всегда хватало во все времена.

«Я не человек, мне трудно понять вашу психологию».

— Не в этом суть. — Никита встряхнулся. — Если мы не успеем, грядет новая Битва, которая уничтожит половину творческого потенциала Шаданакара. А дополнит разрушение Веера фазовый переход хронов, затронутых Хаосом.

Дадхикраван заметно погрустнел.

«Я тоже чувствую опасную вибрацию Веера. Многие хроны в мертвых зонах уже схлопнулись, а окраинные стали перемешиваться друг с другом из-за ослабления потенциального хронобарьера. А причина — мой переход в состояние Личности».

— Казнить за это надо меня, что уговорил... да Люцифера, который не предусмотрел иного механизма сдерживания Веера от спонтанного схлопывания. Веер мы сохраним, но прежде надо создать сумму состояний Единого Принципа-регулятора, то есть объединить Семерых. А их у нас пока пять... если твой Велиал еще согласится.

«Он согласится. Как дела у вашего приятеля? Он что-нибудь успел сделать для Ксении?»

Никита невольно подивился тому, что бывшему темпоралу, полусуществу-полумашине, сфера чувств которого практически не содержала человеческих движений души, достало такта и тепла задать такой вопрос. Нахлынула тоска и желание убежать, спрятаться от всех, чтобы не думать ни о чем, ничего не делать, не беспокоиться о судьбах мира и о собственной судьбе... «Тогда уж лучше умереть!» — пришла трезвая мысль, и душа перестала колебаться. Ксения ждала его, внедренная в тысячи женщин

множества Миров Веера, и отступиться от задачи вернуть ее первозданность значило предать: ее, себя, жизнь, любовь...

— Кое-что им удалось сделать, — сказал наконец Никита. — Ксения уже узнает Такэду, но почти ничего не помнит. Проблема ее полного восстановления далека от завершения. Если б я был дальновиднее, я не стал бы уничтожать Гиибель. Может быть, она смогла бы вернуть Ксении то, что отняла.

«Едва ли. Великих игв невозможно уговорить, они не считаются ни с кем, кроме себя, это существа колоссального индивидуализма, абсолюта собственных желаний. Поэтому они и сдружились с Люцифером, суть которого — Великий Беспредел эгоцентризма. Но вы почему-то колеблетесь, Посланник. Что-то смущает вас, какой-то нюанс, которого я не понимаю».

— Кому поем печаль свою, — через силу улыбнулся Сухов, покачал головой. — Нюанс прост: я хочу домой. Вот и все. Но это не значит, что я колеблюсь. Путь не пройден, нужно срочно искать Шестого и Седьмого, а я чувствую, что мы не успеваем.

«Что ж, есть еще один выход».

— Какой же?

«Самому стать одним из Семерых».

Никита засмеялся... и умолк. Дадхикраван говорил серьезно. Однако такого поворота Сухов не ожидал. Да, конечно, он стал магом, овладев энергиями и гипервоздействием, способными сокрушить любую крепость, взорвать звезду или потушить галактику, но г о т о в ли он к этому своему новому естеству? Справится ли новоиспеченный маг с задачами, которые даже сформулировать невозможно человеческим языком?

«Справится, — ответил Дадхикраван, в и д я сумятицу мыслей и чувств Посланника. — Вы уже поставили перед собой Большую Цель, может быть, и неосознанно».

— Что ты имеешь в виду? Победу над Люцифером, что ли?

«О нет, это не есть Большая Цель. — Дадхикраван точь-в-точь повторил слова Зу-л-Кифла. — Любовь и Жизнь — вот Цель! Вот и добивайтесь ее, а средства найдутся. Тем более что опираются они на идеалы добра и справедливости, пусть и не заложенные в основание Веера изначально, однако постепенно набирающие силу. Я достаточно долго общался с путешествующими по Мирам Веера, чтобы уяснить для себя эту истину».

— Ты хочешь сказать, что Веер... тоже создан кем-то в порядке эксперимента?

«Скорее да, чем нет, хотя конкретных доказательств у меня нет. Но речь не идет об эксперименте, Веер создавался, как и все живое, ради Жизни».

— Но если гипотетический создатель Веера не заложил в его

основание идеалы добра и справедливости, откуда они появились?

«Не знаю. Может быть, существует какой-то глобальный Закон Равновесия, порождающий Добро в противовес Злу, чтобы Вселенная научилась ценить первое. Может быть, в Веер Добро проникло извне, из других Вееров или даже из Большой Вселенной, как и Зло».

— Как Люцифер?

«Как Люцифер. Но за его действиями стоит иное. Он — вне Добра и Зла! И к тому же он сам — порождение Веера. Хотя опять же полностью уверенным в этом я быть не могу».

— Ф-фу! Даже голова закружилась от масштабов! Нет, я все-таки не умею пользоваться эйдосферой, которая должна содержать в с ю информацию о Веере. Придется еще потренироваться проникать в нее глубже. Но пора возвращаться на грешную землю... так говорят у нас, у людей. Ты говорил, что Велиал вернется. Нельзя ли его позвать?

— Он здесь, — раздался не извне, а внутри, в глубинах естества, четкий голос, сопровождаемый целым фейерверком псиобразов.

Никита по чисто человеческой привычке обернулся, но обладателя голоса не увидел. И снова получил целый пакет псипосланий, сопровождающих прямую речь, или мыслечувств, многих из которых не понимал.

— Посланник любит конкретную форму собеседника?

Сухов не успел ответить. Прямо перед ним воздух вдруг уплотнился, загустел, превратился в интерференционную картину световых волн, а потом: в здоровенного угрюмого мужика в рубахе до колен из металлических блях. Кроме этой рубахи, на мужике ничего не было, в одной руке он держал огромный топор, в другой противотанковую гранату. Был он кудлат, растрепан, лицо заросло волосами, глаза под нависшими бровями горели удалью пополам с бесшабашным сумасшествием и дьявольской хитростью.

Видимо, Велиал прочитал, что творилось в душе Посланника, потому что мужик подмигнул ему и заржал, открывая громадную пасть. Затем, совершив быструю трансформацию, перевоплотился в точную копию Сухова.

— Теперь годится?

И снова Никита не успел ответить. Мир вокруг к а ч н у л с я! Не так, как дом от землетрясения, а гораздо страшнее: содрогнулись глубины материи, вакуум, весь многомерный континуум Веера Миров. «Вздрогнули» не только атомы, но и составляющие их кварки, и стринги, и даже суперточки — кванты пространства, связывающие микромир элементарных частиц с миром галактик.

Все трое застыли с одинаковым чувством недоумения, прислушиваясь к наступившей абсолютной тишине. Потом Суховдва приятно улыбнулся:

— Поздравляю, джентльмены. Люцифер р а з р у ш и л стены своей тюрьмы! Если вы не поторопитесь собрать Семерых, Веер вскоре превратится в ад! В арену невиданных по жестокости войн — на всех уровнях и во всех слоях-вселенных. С перспективой свертки всех слоев-хронов в один суперслой... что, собственно, и является замыслом Люцифера.

— Что?! То есть как? Зачем ему... Люциферу... разрушать всю систему Миров? Ведь его цель — создать идеальный Хаос...

— А свернувшийся Веер и есть Хаос-абсолют. Чао, Посланник. Приятно было познакомиться. Если вы сможете объединить Семерых, я присоединюсь к вам. А пока у меня другие заботы.

Велиал в образе Сухова исчез.

«Посланник, пора», — напомнил Дадхикраван.

— Да-да... да! — Никита выплыл из флегмы сумеречного состояния, в которое его повергло сообщение Велиала. Отчаяние, шевельнувшееся было в душе, он задавил вспышкой гнева. Решение созрело само собой, и он сформулировал его вслух:

— Отшельник, а ведь тебе придется идти со мной до конца Пути. Времени на поиски Седьмого у нас нет, вот и станешь им.

Дадхикраван молчал. Он даже на шутки реагировал серьезно, воспринимая только их открытый текст и не понимая подтекста, а заявление Сухова прозвучало как приказ.

«Я могу не справиться, Посланник».

— Не можешь, дружище, не имеешь права. И первое твое задание — добраться до Зу-л-Кифла и передать ему, что я жду в с е х, кто согласился, здесь, в мире Велиала.

«Почему бы вам не связаться с ним полем эйдоса?»

— Потому что об этом мгновенно узнает господин Люцифер и пошлет своих клевретов, а я хочу решить спор без Битвы, мирным путем. До тех пор пока этот вариант не будет исключен.

«Хорошо, я иду. А вы? Будете ждать здесь?»

— А я проведу небольшой разведрейд по соседним хронам да посмотрю издали на Суфэтх. Интересно все же, что это за «кладбище Шаданакара», кого там похоронили.

«Надеюсь, вы знаете, что делаете. Но отвага — хорошо, а ум и отвага — лучше. Будьте осторожнее». — Дадхикраван пропал, как и Велиал до него.

— Спасибо за совет, — сказал Никита, глядя на то место, где только что стоял огненный псевдочеловек. Ему вдруг пригрезилась сцена Большого театра, яма оркестра, затемненный зал и тысячи лиц, смотрящих на сцену: зрители ждали его выхода...

Глава 6

Впервые он остался один.

Ощущение было странным, двойственным. С одной стороны, казалось, что все время мерзнет незащищенная спина: все-таки присутствие Такэды и Дадхикравана действовало успокаивающе, да и тыл прикрывался ими достаточно надежно. С другой стороны, отсутствие помощников мобилизовало, заставляло кровь быстрей струиться по жилам и жить в ускоренном темпе, динамичней.

Настроив все паранормальные органы чувств в резонансе гипервидения, Сухов «заглянул» в соседний хрон, никого не учуял и почти без усилий «сдвинул» время на один хроноквант — как делал это Дадхикраван. Он оказался в сером Нигде и в невесомости: это было облако пыли, висящее в пустоте и освещенное длинными волокнами какой-то далекой туманности, причем — в радиодиапазоне. Этот Мир Веера был мертв, даже звезд в нем не осталось, все давно погасли или взорвались, рассеяв по пустому пространству гигантские облака пыли.

Следующий хрон тоже оказался мертвым, вернее, заполненным горячим газом и не менее горячей пылью, которую крутили турбулентные завихрения. Звезд в этом хроне не было по той простой причине, что они в данной вселенной и не могли образоваться в силу местных законов.

Затем шел Уппум — хрон Уицраора, самого загадочного из Великих игв, носящего прозвище «бог необъяснимого». Никита осторожно прозондировал скопления материи в этом хроне на предмет выявления дворца или замка, принадлежащего демону, не нашел ничего соответствующего не только понятию «замок» или «город», но и «планета», и вышел на острове, плавающем в огромном, беспредельном океане, по которому таким же образом плавали такие же острова, архипелаги и гигантские куски суши площадью с земную Австралию. Особенностью этого Мира была плоская метрика с градиентом масштабов: по сути он представлял собой бесконечную водную плоскость с изменяющейся по мере углубления в нее размерностью, что создавало иллюзию бездны, бесконечной глубины. На самом деле при погружении в океан изменялся сам объект погружения — сжимался, уменьшался до бесконечно малых величин, что и создавало эффект глубины. Реальная же глубина океана Уппума — на взгляд землянина — не превышала трех метров.

Точно такой же эффект «бесконечной» высоты создавала и атмосфера Уппума. Реальная толщина ее не достигала и сотни метров, но если бы кто-нибудь вознамерился достичь «потолка», ему бы это не удалось. Освещался же океан свечением верх-

него слоя атмосферы. Диапазон свечения вбирал в себя и небольшой интервал электромагнитного излучения, в котором видел человеческий глаз. Цвет неба, на взгляд землянина, приближался к багрово-красному, закатному.

Остров, на который сошел Сухов, закутавшись в кокон защитного магиполя, был невелик и совершенно гол — эдакий выпуклый каменный щит, весь в трещинах, покрытый пятнами солей и плесени. Осмотрев его и заглянув в глубины, Никита испытал небольшое потрясение: остров был живым существом! И плыл он не по воле волн и ветра, а в соответствии с инстинктами гиганта. Для определенности Никита назвал его «черепахой», хотя ни головы, ни ног у нее не было. Плыла же она, изменяя силу поверхностного натяжения воды.

Обойдя остров, Никита снова попытался обнаружить местонахождение базы Уицраора и снова потерпел неудачу. Мир Великого игвы не имел очагов напряженности магического поля, будто и не находился под контролем демономага. Выбрав остров побольше, Никита переместился туда, соблюдая все предосторожности разведчика, оставаясь невидимым и неслышимым под своим защитным «балахоном». Заметить его присутствие мог бы только маг очень высокого ранга, но в хроне, судя по спектру излучений и полей, их не было.

Остров, равный по размеру земному Мадагаскару, тоже оказался «черепахой», но ландшафт «спины» ее оказался разнообразнее. Во-первых, он был накрыт сетью из черных дымных струй, то вспухающих, то сжимающихся до толщины и плотности канатов. Сеть висела без опор на высоте двадцати с лишним метров и падать на остров не собиралась.

Во-вторых, остров был когда-то заселен, имел леса, реки и озера, но теперь выглядел так, будто по нему прошелся ураган. Странный ураган, надо признаться. Он не смел все с поверхности почвы, не сломал деревья и леса, а словно взорвал их изнутри! Каждый дом, каждый предмет. И не только предмет. Никита не сразу сообразил, что за холмики видит в развалинах перед собой, а когда понял, его чуть не стошнило. Необычного вида, кроваво-красные, с синими жилами и пятнами, топорщившиеся наростами и вздутиями, продолговатые холмики оказались трупами существ, буквально вывернутыми наизнанку!

— Дьявольщина! — прошептал Никита, глотая горькую слюну. — Что здесь произошло?

Спустившись на потрескавшуюся и взрыхленную землю одного из разрушенных поселений, он обошел его кругом и везде видел одно и то же: взорванные изнутри строения — но не разлетевшиеся, застывшие вывернутыми внутренностями — и останки жителей поселка, превращенные в муляжи, пособия по анатомии, вывернутые неизвестной силой таким образом, что

кожа и внешние органы оказались внутри, а все остальное: сердце, легкие, печень, костный каркас — снаружи. И произошла эта трагедия совсем недавно, за часы, если не за минуты до появления в Уппуме Никиты.

Побродив в окрестностях поселения, разглядывая развернутые веером древесные стволы, Никита переместился еще на один «черепаший» остров, не накрытый сетью из черного тумана. Здесь царило запустение, леса давно сгнили, а над рассыпавшимися в прах поселками кружили страшные женские головы с распущенными волосами, с безумием во взоре. Изредка они пикировали на развалины, доносился тяжкий удар, поднималось облако пыли, под которым образовывалась гладкая площадка.

Кончено, «головы» Сухов видел человеческим зрением, на самом же деле это были многомерные существа, имеющие облик, далекий от земных аналогий. Никита не стал разбираться, что они делают, интуиция подсказывала ему, что «разведпоиск» пора заканчивать. Но ради полноты впечатлений он решил посетить еще один район океана — за пару миллионов парсеков отсюда.

Прыжок его закончился над островом, ландшафт которого поразительно напоминал земной. Зеленые и желтые поля, перелески, голубые озера и ручьи живо напомнили разведчику пейзажи среднерусской полосы, коих пруд пруди в Подмосковье или где-нибудь под Тверью. У Никиты даже в груди защемило, когда он разглядел березовую рощу на склоне холма, неторопливо спускавшуюся к небольшой реке.

«Интересно, в чем же проявляется хозяин, «бог необъяснимого»? — подумал Никита мимолетно. — Пока все, что я вижу, вполне объяснимо».

Понаблюдав за жизнью острова сверху, он опустился возле одного из полей, на котором шла пахота: трое странного вида существ, карикатурно похожих на людей и одновременно на горбатых страусов, шли за плугом, который тащила куча насекомых, напоминающих гигантских муравьев. И хотя Никита не выходил из-под защитного колпака, эта троица что-то учуяла, потому что замедлила ход, а потом и вовсе остановилась. Шагавший чуть впереди оглядел единственным выпуклым глазом рощу неподалеку, холмы, реку и... передал глаз соседу. Тот, поозиравшись, в свою очередь передал глаз третьему пахарю. Это были хаббардианцы, владевшие одним глазом на троих, на все девять голов, по две из которых прятались в горбах!

«Кто же наказал вас таким образом? — подумал Никита с невольной жалостью. — И за что?»

Оратаи внезапно сорвались с места, попрыгали в реку, переплыли ее, забрались в грубо сработанную из деревянных досок, обломков и фанерных листов машину, напоминающую старин-

ный самолет типа «ПО-2» времен второй мировой войны, и взлетели, унеслись в небеса. «Муравьи», тащившие плуг, рассыпались кучей и начали расползаться во все стороны. За ними расплылся и плуг, который, как оказалось, был «склеен» из черных кинжаловидных пиявок, попрыгавших в воду. Тень упала на остров, редкая кружевная тень.

Никита, не раздумывая, метнулся к океану, и вовремя: на спину «черепахи» опустилась знакомая сеть из черного тумана. И тотчас же по всему пространству острова со всхлипом пробежала волна искривления, превратив все, что на нем росло, жило и двигалось, во «взорванные изнутри», вывернутые наизнанку страшные останки.

Сеть явно стремилась уничтожить вторичные ростки жизни, распускавшиеся на островах-«черепахах». Вероятнее всего, это был некий автоматический чистильщик Уицраора, вроде рыбы-прилипалы на шкуре акулы, уничтожающей паразитов, грибки и водоросли. Но если грибки и паразиты на теле акулы не осознавали, кто они такие, то хаббардианцы, да и другие существа, строившие города, обладали разумом! И уничтожение, по мнению землянина, рассматривать нужно было уже под другим углом.

И все же он не вмешался бы в чужой порядок вещей, если бы не случилось нечто экстраординарное. Лишь когда это произошло, Никита понял, что купился как «последний фраер», но было уже поздно что-либо менять.

Последний островок, на котором он решил задержаться, был невелик и походил на площадку для гольфа, покрытую густой и короткой травой. Даже мрачное освещение Уппума не могло полностью скрыть зеленые сочные краски острова, окаймленного по берегу ровной полосой кустарника. Остров был явно облагорожен и предназначен для отдыха, поэтому Сухов не удивился, узрев одинокую фигуру на траве. Затем сердце оборвалось от предчувствия, ибо единственный отдыхающий на острове был женщиной. Долгое мгновение Никита вглядывался в нее, боясь ошибиться, но сердце не обмануло — это была Ксения!

Она сидела, обнаженная, с улыбкой на лице, и примеряла прозрачно-дымчатые пеньюары, вынимая их из вороха белья всевозможных форм, но одного цвета — алого. Процесс примерки только начался, судя по тому, что Ксения отбросила пеньюар в сторону, к такому же, и взяла еще один. Но этот не сняла, а надела сверху второй. Потом третий, четвертый, десятый, пока не стала похожа на кочан капусты.

«Боже мой!» — ахнул про себя Никита. Но восклицание его относилось не к видимому помешательству девушки. Ему показалось, что он понял, как можно вернуть Ксении все, что у ней отняли, — интеллект, разум, память, душу.

Тень упала на остров — сверху опускалась зловещая черная

сеть. И Никита, понимая в последнее мгновение, что Ксения, примеряющая ночные рубашки, — всего лишь фантом, чей-то недобрый розыгрыш, не удержался от порыва. Выйдя из-под скорлупы защитного поля, он тремя ударами-всполохами меча разрубил задымившую сеть на части... и оказался лицом к лицу с гигантской фигурой Уицраора. Гигантской не только по масштабам, но и по наполнению энергетической и информационной сути, по реакции Мира, заколебавшегося от проявления архонта, владыки данной Вселенной.

Уицраор действительно был многомерным существом, как и его хрон, и в каждом измерении виделся по-разному, но человеческому глазу он показался бы сгорбленным стариком в фиолетовом, с голубым ореолом, плаще с капюшоном, из-под которого на собеседника угрюмо и страшно смотрела Тьма.

Врасплох появление Великого игвы Никиту не застало, он знал, где находится, кто здесь хозяин и что может произойти. Однако даже ожидаемая неприятность не становится более приятной, поэтому у Сухова создалось впечатление неловкости, будто его застукали на чем-то неэтичном и мелком, вроде кражи варенья из банки.

Их разговор, если можно называть разговором многоуровневый обмен информацией в сверхбыстром темпе, длился всего сотую долю секунды, и передать его содержание полностью человеческим языком не удалось бы, разве что общий смысл эмоциологем-фраз, пакетов информации. Так, первая «фраза» Уицраора включала в себя утверждение, удивление, недоумение с подсмысловыми «гармониками» и целый ряд образов в сопровождении сложнейших мысленных формул, но ее можно было свести в общем-то к приветствию типа:

— Ба, Посланник! Какие люди — и без охраны!

Никита ответил вежливо и короче, хотя и его ответ в псидиапазоне содержал планы, подпланы и перспективы:

— Привет, Великий.

Никита перешел на полное возбуждение сверхсознания. Уицраора в общем-то он не опасался, хотя и понимал, что справиться с подручным Люцифера будет непросто. Но драться не хотелось.

— Прости, Великий, что ворвался в твой мир непрошено. Поддался любопытству. Но ты ведь давно знал, что я здесь?

— Я слежу за тобой с момента знакомства с Велиалом, Посланник. Твоя магизащита несовершенна.

— Зато совершенно оружие. Зачем тебе понадобилось затевать игру с... моей девушкой? Вернее, с ее призраком?

— Проверял твою реакцию. Гиибель была права: ты излишне эмоционален, а следовательно, уязвим. Тебе не удастся ни собрать Семерых, ни даже уцелеть.

Обмен информацией прекратился, потому что дальнейший контакт демономага и мага связи протекал в ином режиме — энергетическом и материально-физическом, и длился также не более долей секунды.

Уицраор нанес колющий удар вардзуни — Сухов мечом отразил выпад. Великий игва сделал залп из шиххиртха — Никита заставил стрелы-ракеты взорваться раньше. Уицраор перестроил метрику пространств, скрутив многомерный жгут и пытаясь загнать туда гостя, — Никита ответил «размоткой» более обширной области хрона в плоский двумерный континуум. Озадаченный Уицраор приостановился, почуяв необычную силу противника.

— Предлагаю разойтись мирным путем, — передал Сухов послание всеми мыслимыми способами связи. — Я не хочу воевать. Ни с тобой, ни с кем-либо вообще.

— Но Гиибель ты уничтожил.

— Не было выхода. В противном случае она уничтожила бы меня, а я еще не закончил Путь.

— Тогда зачем ты явился в мой хрон? Только ради любопытства?

— Мне нужен был выход к Суфэтху, а твой хрон граничит с ним.

— «Кладбище Шаданакара» не предназначено для разглядывания его не только простым смертным, но и магам. Войти туда легко, выйти — невозможно.

— Я бы предпочел убедиться в этом сам. Еще раз предлагаю мир. Нам нечего делить в Мирах Веера.

— Кроме славы.

— Ах да. Я забыл, что Великие игвы тщеславны.

— Не без оснований, Посланник. Едва ли еще когда-нибудь родятся маги и создатели такого уровня, как мы.

— Если бы вы, создавая, не разрушали при этом, — грустно вздохнул Никита. — Конструкторы вы действительно великие, но вынужден огорчить: во-первых, и вам неведомо предельное совершенство, во-вторых, даже в хронах Веера найдутся не менее великие строители, экспериментаторы и зодчие, о других же ансамблях вселенных и говорить не приходится.

— Ты ошибаешься, Посланник. Единственный маг, который превосходит всех нас в какой-то мере, это Люцифер. Но не будем опускаться до спора. Ты свободен. — Уицраор высветил в пси-диапазоне свое имя, как комбинацию четырех цифр — девяток, и исчез.

Никита вспомнил магическую арифметику Такэды: четыре девятки, которыми был отмечен Великий игва, означали редкий ум, жестокость, неспособность к милосердию и откровенное презрение к более слабому. Человеку, обладающему подобным

характерологическим сочетанием цифр, открывались истины Вселенной. Какие же истины открыты Уицраору? И почему он отступил?

Что-то мелькнуло над головой. Сухов глянул вверх. На него опускалась гигантская черная сеть. Горизонт начал зыбиться, искривляться, темнеть, океан под ногами собрался в текучий кратер вулкана, поглотил остров. Одновременно поле зрения во всех диапазонах электромагнитного спектра сузилось, а пси-диапазон вообще оказался задавлен мощным полем помех. Пространство заколебалось, будто почва под ногами тяжело идущего исполина.

«Люцифер!» — мелькнула мысль, будя в душе жуть и страх. Но это оказался не Господин Веера, а его помощники — Даймон и Гагтунгр. Оба — в лучистых панцирях собственной магической защиты, превращавших их в создания немыслимого с точки зрения человека уродства. На всем их облике лежала чудовищная печать проклятия, невыразимо ужасная и отвратительная. Готовые уничтожить любого, кто станет на пути, они возникали духами небытия, демонами разрушения, отринувшими маски великих творцов и ставшими теми, кем были на самом деле, — абсолютными эгоцентристами, готовыми ради себя и своих желаний разнести вдребезги любую вселенную, в том числе и населенную своими же соплеменниками.

Недолго думая, Сухов переместился в соседний хрон, представляющий собой мертвый, измененный дыханием близкого Суфэтха мир, пустой — без звезд и галактик, затем еще дальше — в последний хрон, граничащий с «кладбищем Шаданакара». Это не было паническим бегством, скорее — отступлением с надеждой избежать нового боя. Но Великие игвы жаждали схватки и шли по пятам.

Хрон, соседствующий с Суфэтхом, представлял собой нечто вроде сростка кристаллов, каждый — размерами с планету типа Земля. Внутри кристаллов еще сохранялась какая-то организация, остатки жизни, подобие пейзажей и ландшафтов, большинство из которых недоступно было человеческим ощущениям, пространство же, окружавшее «кристаллы», горело! Вернее, горело время, постепенно разрушая «кристаллы», испаряя их внешние слои, превращая в потоки сверхбыстрых частиц — тахионов, уносящихся в Суфэтх. Видимо, и в этом хроне кто-то из Великих игв, тот же Гагтунгр, экспериментировал со временем. Оказавшись внутри одного из таких «кристаллов», Никита попытался сообразить, что делать в создавшейся ситуации. Игвы шли за ним — судя по сотрясениям вакуума Веера, и намерений своих не меняли.

Пейзаж «кристалла» напоминал земную зиму: бесконечные белые холмы, редкий снег, небо в пятнах свечения, с красивой

вуалью «северного сияния», — но все это было лишь отражением действительности в мозгу наблюдателя — Сухова, продолжавшего судить обо всем земными категориями и аналогами.

В запасе у него было всего несколько долей секунды, прятаться не имело смысла, разве что в Суфэтх, путь в который был ему заказан, если верить Уицраору, и Сухов успел только дать сигнал тревоги, надеясь, что вибрация Веера — особый способ связи, доступный лишь магам, дойдет по назначению.

Игвы прошли хронобарьер, проявляясь в «кристалле» вихрями огня, пока не приобрели облик, схожий с обликом Уицраора. Для человеческого глаза этот облик ассоциировался бы с гигантами в фиолетовых, с искрами и молниями, плащах с накинутыми на головы остроконечными капюшонами, и лица их были — сам мрак! Было их сначала двое, потом объявился третий — Уицраор решил-таки присоединиться к коллегам.

Никто из них не стал объясняться с Посланником, все трое знали его цели, стремления и возможности и ошибаться не хотели. Первым вступил в бой Даймон, уже имевший опыт борьбы с магом связи. И Никита, внутренне ожидавший предварительного разговора, какого-то обмена мыслями, готовый к компромиссу во имя истины, вдруг ощутил прилив бешеной ярости. Его не хотели слушать, не принимали в расчет, откровенно презирали и считали за слабака, вступившего на Путь ради славы, а главное — были уверены в своем исключительном праве вершить суд, распоряжаться чужими судьбами и жизнью. Такую этику высших сил Никита принять не мог.

Его ответный удар буквально расколол «кристалл», мгновенно растопив снег и разогнав тучи на всем многотысячекилометровом пространстве. Защиту Даймона он не пробил, но заставил демона отступить, спрятаться за панцирь свернутого пространства. Лезвие меча плясало вокруг Сухова, как мерцающее пламя, складываясь в узорчатый, красивый и смертельный веер, сквозь который ничто не могло пробиться к телу мага. Никита не стал ждать, когда другие Великие соизволят бросить ему перчатку, и напал первым.

Меч его свистящим зелено-голубым зигзагом дважды перекрестил Гагтунгра, сорвал с него капюшон и выбил из рук шиххиртх, заряженный стрелами-гранатами, взрывающими вакуум. Следующий выпад неминуемо отправил бы демономага в мир иной, однако вмешался Уицраор, творец законов, владеющий более тонкими методами разрушения пространств с любым количеством измерений. Дальнейший поединок продолжался уже на уровне изменения физических констант, что усугубило распад хрона, превращая его в глубокое многомерное «болото».

Никита почувствовал, как вокруг него сплелся тугой узел иномерия, закрутил пространство в хитрую спираль, которую

меч сразу разрубить не смог, сам будучи свернутым в спираль, потеряв сразу три степени свободы. Это означало, что им можно было действовать лишь как рапирой или потоком излучения, потоком силы, но не орудием многодиапазонного назначения, и Никита потерял несколько драгоценных мгновений, решая поставленную проблему. А когда решил и освободился от тугих спиралей, сдавливающих тело, лишающих свободы маневра, Даймон снова нанес пси-удар, который пробил защиту и оглушил Сухова, как хороший удар дубиной по голове.

Длилось это состояние недолго — тысячную долю секунды, сверхсознание Посланника тоже работало быстро и восстанавливалось без потерь, черпая энергию-информацию эйдоса в режиме синхронной накачки, успевая защитить самый хрупкий свой элемент — человеческое тело с его неповоротливым мозгом, однако и этого малого отрезка времени оказалось бы достаточно для того, чтобы демономаги справились с Посланником... если бы не их исключительная самоуверенность и желание насладиться не только победой, но и унижением противника. Они дали ему еще несколько драгоценных мгновений, красочно показав в пси-объеме, что с ним будет: предполагалось закапсулировать Посланника внутри «непроявленной вселенной» — микрочастицы вроде фридмона или кварка, идеальной тюрьмы, выхода из которой не нашел бы, наверное, и более сильный маг.

«Спасибо за перспективу!» — передал троице Никита, одновременно разделяясь на три одинаковые фигуры: все тот же образ русского воина в доспехах. Разделение создало бурю в пространстве «кристалла», окончательно преобразив ландшафт в облако пыли и обломков. Двойники не были просто видеопризраками, они обладали всеми признаками психофизической матрицы и магисферой, и демоны «купились»: каждому из них пришлось выбрать своего противника. Этой заминки оказалось Сухову достаточно, чтобы нанести упреждающий удар и вывести из боя Гагтунгра. Меч проделал в теле демона дыру — «струнный» вход в пространство двенадцатимерности и воткнул туда все конечности Великого игвы, его «руки» и «ноги».

Именно в этот момент Сухову пришла помощь.

«Кристалл», внутри которого шел бой магов, пронзила ослепительная молния хроноразряда, и рядом с Посланником возник сияющий контур Машины Всех Машин, пилотируемой Магэльфом, роем пчел, интеллект которого поставил его в разряд «технологических колдунов». Бой сразу приобрел другой характер. Посланник перестал быть обороняющимся, а силы сражавшихся сторон выравнялись, потому что Гагтунгр на время выбыл из борьбы. И тут странно повел себя Уицраор.

Он вдруг отступил, отсалютовал копьем света, как бы признав силу противника, и выдал сложный пакет мыслей-эмоций-

сообщений, смысл которого был адекватен человеческому восклицанию типа «черт побери!» или «ну и ну!». Если бы Никита смотрел этот спектакль по телевизору, он бы рассмеялся, но юмор собственного изречения оказался Уицраору недоступен.

— Мир тебе, Посланник, — продолжал четвертый Великий игва, постепенно исчезая за броней невидимости. — Я предупреждал их, но они не вняли. До встречи в новых вселенных.

Уицраор исчез. А Никита понял, что имели в виду те, кто назвал Уицраора «богом необъяснимого». Он и был им, но — «богом необъяснимых поступков и решений»! Не обладая великодушием и милосердием, не отделяя добро от зла, подчиняясь только собственным инстинктам и оценкам, он иногда совершал непредсказуемые даже соратниками поступки, находя идеальные, с точки зрения этики Шаданакара, решения.

— Уходим, — сказал замершему Никите Магэльф. — Нет смысла уничтожать этот хрон, а мы уничтожим его, если будем продолжать бой.

Универтер засиял так, что на него стало больно смотреть. Сорвавшаяся с него молния кваркового распада подбросила глыбу Гагтунгра на несколько километров над тучей пыли. Даймон, еле видимый за космами дыма, пара и пыли, отступил, что-то задумав, — судя по мыслеэху, долетевшему до магов.

— Уходим, — еще раз просигналил Сухову Магэльф.

Но они не успели. Даймон, далеко не уверенный в исходе боя, применил последнее средство, о котором не знали даже его сподвижники. Средством этим был «излучатель тьмы» или «инвертор порядка», то есть по сути — малый синтезатор хаоса, идею которого когда-то подал Люцифер и над которым работал Даймон.

Все дальнейшее произошло в течение нескольких долей секунды (весь бой до этого продолжался около полусекунды): стремительное «скатывание» кривизны пространства, нарастание плотности гравитационного поля, рост напряженности всех полей, ядерные резонансы, буквально превратившие окружающую среду в один большой атомный взрыв, поворот симметрии частиц, означавший готовность вакуума к фазовому переходу и, как следствие, начало схлопывания хрона. И вдруг, как удар — остановка времени! Пространство хрона, весь его «сросток кристаллов», а также горящий вакуум вокруг «кристаллов» как бы растрескались на отдельные домены, разделенные тончайшими зеркальными стенками. Все физические процессы, вплоть до вращения электронов в атомах, практически прекратились. Лишь специфическое движение эйдоса, охватывающего отдельные островки индивидуальных информационных полей, принадлежащих разумным существам, не затихало. И Никита впервые во всем объеме почувствовал это сверхтонкое, надвремен-

ное д в и ж е н и е, основу основ Веера Миров, не поддающееся никаким воздействиям изнутри самого Веера. Сознание на мгновение отключилось, но заговорил магический контур сверхсознания, впаянный в эйдос, как муравей в янтарь, и чувствующий малейшие его изменения. Никита понял, кто остановил время, вернее, не время, а поток событий, сохранив энергетический аспект времени. И получил в ответ мгновенную видеокартинку: словно из-под ветвей дерева с кружевным узором листьев выглянул загорелый молодой человек с шапкой белых волос, в глазах которого светились ум и сила, подмигнул Посланнику и скрылся, оставив в душе мимолетное сожаление и тоску. Вероятно, это был тот самый «бог данного мгновения», вернее, его отражение в сознании Сухова-человека. Мифы не лгали, Дадхикраван был прав: «бог данного мгновения» представлял собой мгновенно возникающую и так же мгновенно уходящую страшную роковую силу, способную как созидать, так и разрушать, и жил он в н е Веера Миров как объект, сравнимый с ним по сложности, энергопотенциалу и информационному насыщению. Останавливая поток событий в одном из Мировхронов Веера, он, конечно, преследовал свои, неведомые никому цели, но у Сухова осталось впечатление, что вмешался он пусть и не ради спасения Посланника, но ради чего-то большего, может быть, ради спасения Веера, уникального образования даже для Большой Вселенной.

Во всяком случае лицо в узоре зеленых листьев Никита не смог бы забыть до конца своих дней.

Время сдвинулось с места на неуловимый квант: внешняя сила перестала сдерживать его. Следующий миг мог стать роковым, схлопывание хрона уже ничто не могло остановить, смерть казалась неминуемой, однако Никита ощутил вдруг прилив сил: кто-то буквально влил в него порцию энергии, как глоток эликсира бессмертия, — и он успел прыгнуть вперед, сквозь стенку хронобарьера, выдернув за собой Магэльфа и того, кто его спас.

Глава 7

Он не знал, успели спастись Даймон и Гагтунгр от порожденного ими же катаклизма или нет, хотя и подумал об этом мимолетно. Но, как оказалось, собственные беды еще не закончились. Прыжок сквозь хронобарьер, разделявший Миры Веера, закончился в Суфэтхе!

Было ли то следствием «кладбища Шаданакара», Сухов не понял, а на анализ времени у него уже не было.

Суфэтх действительно был «кладбищем», способным похо-

ронить любой материальный объект любой протяженности, в том числе и Вселенную-хрон. Будучи «выступом», своеобразной переходной зоной Большой Вселенной в теле Веера Миров, которая имела 506-мерную[1] размерность с реально развернутыми координатами[2], Суфэтх поглощал в с ю энергию любого проникавшего в него тела, в том числе и энергию атомарных связей и даже энергию кварко-глюонного обмена! От «нарушителя» оставался только пси-информационный каркас, так сказать, «тень души», проваливающаяся в конце концов на «дно кладбища», передающая свою сущность вечно кипящей Большой Вселенной.

То, что вырваться из Суфэтха почти невозможно, Никита понял сразу, почуяв жуткий, ужасающий, отнимающий силы холод. Суперхолод! За несколько мгновений Суфэтх высосал энергию внешней магической защиты, пробил брешь в силовом коконе сверхсознания, сжал мозг ледяными пальцами, продолжая выкачивать запасы био- и пси-энергии, и Сухова охватил ужас: жизнь утекала в Никуда, в Ничто, в Беспредельность и Вечность! Сил на пролом хронобарьера в обратном направлении уже не оставалось.

— Прощай! — донесся пси-крик Магэльфа, пережившего те же впечатления; Машина Всех Машин не могла спасти его, как и собственная мощь.

И в этот момент в события снова вмешался некто третий, тот, кто помог Никите и Магэльфу выбраться из коллапсирующего хрона. Им оказался... Дадхикраван!

— Держитесь, Посланник! — услышал-ощутил внезапно Сухов. Появилось ощущение, будто горячая твердая ладонь поддержала его под локоть, и было это ощущение столь явственным, что Никита даже увидел рядом сосредоточенного псевдочеловека. Ладонь придала новые силы, через нее в тело Посланника влилась целая река энергии — Дадхикраван тратил собственные запасы с безумной щедростью, и, почувствовав, что это означает, Никита рванулся прочь из Суфэтха, не забыв увлечь за собой Магэльфа, еще не растворившегося в абсолютном светомраке «кладбища Шаданакара».

Показалось Сухову — на краткий миг он увидел Большую Вселенную: плотнейшую, плотнее ядерной, субстанцию, передергиваемую судорогами сверхнапряжений, в которой вспыхивали, расширялись, росли и снова сжимались ансамбли Метав-

---

[1]На сегодняшний день эта размерность соответствует непротиворечивой теории «суперструн».

[2]В нашей Вселенной развернуты лишь четыре координаты, три создают объем, четвертая — время, остальные — компактный континуум с планковскими размерами (менее 10 в минус тридцать третьей степени).

селенных наподобие Веера, а также проще и куда сложнее, и грандиозная эта картина, Апокалипсис Вечности и Бесконечности, заставила Никиту ужаснуться от восторга и испытать невиданную боль и горечь: оценить Большую Вселенную, объект бесконечной сложности, постичь ее разумом живущего в ней существа, даже такого великого, как Люцифер, было невозможно. Как оценить то, что нельзя оценить ни пятью, ни тридцатью пятью чувствами?

Понял Никита и то, что вряд ли когда-нибудь еще удастся облечь в слова и образы увиденное им на уровне сверхсознания, выразить эту картину доступными ему средствами. Как описать то, что невозможно описать ни человеческим, ни каким-либо другим языком? Беспредельное разнообразие невыразимо, как и предельное совершенство...

Очнулся он в мертвом, но не сжимающемся в точку мире, на краю «лестницы» Шаданакара, еще очень близко от Суфэтха. Рядом болтался, цепко удерживаемый «захватом» магиполя, закуклившийся рой Магэльфа — универтер исчез — и плавал в ауре бледного сияния Дадхикраван. Вернее, тень его, зыбящаяся, неплотная, просвечивающая, как кисейная занавеска. Весь океан энергии, запасенный им в себе — в принципе бывший темпорал и был сгустком энергии с организацией мыслящего существа, — позволявший ему беспрепятственно проникать в любой уголок Веера, он отдал Никите, спасая его от смертельных объятий Суфэтха.

Не останавливаясь, Сухов продавил мечом квантовый барьер соседнего хрона, давно перестав обращать внимание на сопутствующие просачиванию сквозь барьер ощущения, и шел так до тех пор, пока не оказался в мире Велиала.

— Опусти меч, Посланник, — послышался ему знакомый звучный, богатый интонациями пси-голос. — Ты среди друзей.

— Зу-л-Кифл! — пробормотал Никита, вдруг почувствовав невыносимую тяжесть меча.

Сфера ощущений Посланника стремительно сжалась до размеров человеческого тела. Он «выпал» из сверхсознания, ритм мышления и скорость реакций снизились до нормальных, человеческих.

Он огляделся: песчаный берег, река, не земной, но лес невдалеке, — и не успел ничего сообразить, как вдруг кто-то обнял его, прижался к груди, и горячие губы коснулись его сухих, воспаленных глаз, щек, губ.

— Господи! — с трудом выговорил Сухов. — Ксения?!

— Не веришь глазам своим, поверь на слово, — засмеялся кто-то за рекой.

Никита оглянулся, разглядев фигуру воина в доспехах, но с непокрытой головой.

— Яросвет?

— Кто же еще? Вижу, Дадхикраван добрался до тебя вовремя. А кто это с тобой, в коконе? Неужто Магэльф?

Сухов окончательно пришел в себя, отстранил Ксению, окинув ее взглядом и разом впитав красоту девушки, которую не мог скрыть какой-то дымящийся защитный комбинезон, и ее неповторимую свежесть. Она казалась нормальной, натурой цельной и в то же время по-домашнему мягкой, но отсутствие обычной «смеси» в ауре ее пси-излучения — очаровательной непринужденности, мечтательности и твердых убеждений, а также ощущение неловкости и рассеянности, которое она внушала, все время пытаясь что-то вспомнить, — все это говорило о нарушении в психике. Душу Ксении еще предстояло «собирать» по хронам, прежде чем она станет прежней. Но его она уже вспомнила!

Никита поцеловал девушку в подбородок.

— Подожди, милая. — Обернулся к Дадхикравану, вокруг которого уже собрались маги, в том числе и оживший, приобретший форму человека, «римского императора», Магэльф. Кто-то тронул Сухова за руку.

— Что с ним?

Никита сжал до боли руку Такэды, одетого все в тот же костюм-диморфант, опомнился, прижал его к себе и отпустил.

— Он умирает, — ответил вместо Никиты Яросвет. — Что тут у вас произошло, Посланник?

Запинаясь, Никита пересказал события последних минут, о том, как его и Магэльфа спасло появление бывшего темпорала, умолк, шагнул к Дадхикравану.

— Отшельник, дружище...

— Не стоит кручиниться, — долетел слабый пси-шепот огненного псевдочеловека, ставшего почти прозрачным, как лунный блик на стекле. — Вы мне уже не поможете, несмотря на все ваше умение. Я знал, что так будет, и не жалею ни о чем. Посланник, не казните себя, я благодарен вам за мгновения свободы.

— Ты... знал?!

— Конечно, я ведь соединял не только Миры Веера, но и прошлое с будущим.

— Ты знал!.. О дьявол! Неужели все это — мой поход, твое освобождение, бой с игвами — было рассчитано Люцифером?!

Берег, на котором стояли маги, вдруг подпрыгнул, будто по нему ударили исполинской кувалдой. Из недр материковой коры, на которой он покоился, донесся долго не затихающий гул.

— Что это? — повернулся к Сухову Такэда.

— Люцифер? — негромко спросил неведомо кого Яросвет. — Его тяжелая нога?

— Нет, — раздался из воздуха вежливый голос; Велиал тоже присутствовал на собрании магов, только невидимый. — Это ударная волна, порожденная взаимопроникновением двух соседних хронов. Веер начал складываться, джентльмены. Если мы хотим что-то сделать, надо спешить. Но я не уверен, что мы справимся с коллапсом Шаданакара, тем более что обойма неполная — нас шестеро. Принцип-регулятор же начнет работать, лишь когда соединятся Семеро магов.

— Нас семеро, — прошелестело, как вздох, утверждение Дадхикравана. — Если земляне Такэда и Ксения согласятся послужить мне материальной оболочкой, с их помощью я проживу достаточно, чтобы соединить нас всех. Я знаю, как это делается, потому что видел не один раз. И тогда, может быть, мы что-нибудь придумаем.

— Да, — без колебаний кивнул Такэда, не дожидаясь, когда кто-нибудь из магов обратится к нему с просьбой. — Я согласен.

— Ксюша... — Никита взял девушку за плечи, заглянул в глаза, но сформулировать просьбу сразу не смог.

— Что я должна делать? — доверчиво спросила она. — Я согласна. Ты ведь не оставишь меня?

— Нет! — каменно-твердо сказал Никита. Обернулся к Дадхикравану. — Начинай... э-э... а где Уэтль?

— Я здесь, брат, — словно чертик из коробки выпрыгнул из кустов индеец-маг, невозмутимый, как всегда, готовый драться, спасать друга, или его любимую, или Вселенную!

— Значит, все здесь. Что ж, Отшельник, начинай, выхода у нас все равно нет. И кажется, я знаю, что делать.

— Тогда ты и будешь ведущим выразителем высшего закона Веера, имя которому — справедливость. И ты же станешь направляющим острия Принципа-регулятора. Принимаете, ма́ги?

— Я бы хотел кое-что уточнить, — сказал Велиал. — Среди нас есть более опытные маги, которые могли бы возглавить Семерку...

— Оставь, Велиал, — бросил Зу-л-Кифл. — Я знаю, к чему ты клонишь, но это в тебе говорит Совратитель, дух двойственности и тщеславия. Ведь ты родственник хаббардианцам?

— В какой-то степени. Но я хотел только...

— Предложение Уэтля принимается. Речь идет не о личной выгоде и не о личном героизме, речь идет о судьбе Шаданакара. Идеалы толерантности, а также справедливости, истины, добра, достоинства, благородства, гармонии и красоты в чести не во всех Мирах Веера — благодаря вмешательству Люцифера и его слуг, однако незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Семеро собираются не для того, чтобы наказывать, а для того, чтобы остановить и сделать правильный выбор. Дадхикраван, мы готовы.

Маги сдвинулись теснее, хотя этого и не требовалось.

Такэда вдруг тихо рассмеялся. Пояснил в ответ на удивленные взгляды магов:

— Вспомнился Некрасов:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков...

— Весьма удачное сравнение, — усмехнулся Зу-л-Кифл. — Вперед, мужики?

Никита одной рукой крепче прижал к себе Ксению, а другой обнял за плечи Такэду. Время, казалось, замедлило свой неслышимый бег. А потом в сознание каждого вошел Дадхикраван (они ощущали его таким, какими были сами), и небывалая ясность мысли потрясла Сухова, осознавшего себя одновременно и Уэ-Уэтеотлем, и Яросветом, и остальными магами, а также Такэдой и Ксенией, то есть синтетической личностью, мыслящей сразу во многих плоскостях, на многих уровнях и обладавшей небывалой физической, энергетической, информационной и пси-мощью.

Нет, маги тоже остались личностями с высоким интеллектом и собственной эмоциональной сферой, но Сухов как бы стоял на вершине пирамиды Семерых и владел остальными, как органами своего тела.

Он мог бы сформировать себе облик любого существа или объекта — звезды, например, или планеты, или машины-робота, но, подчиняясь генам человека, землянина, сохранил образ русского витязя, готового к бою, одетого в кольчужные доспехи, с мечом в руке. Маги и люди, преобразованные универсальным магиполем в полевую форму материи, не стали деталями костюма или доспехов, но влились в Сухова, как матрешки — одна в другую, стали симбионтом, единым организмом с общей душой и сознанием, продолжая в то же время полиалог, обмен мыслями, как делали бы это в обычной беседе. Правда, гораздо быстрее. И все же власть над симбионтом была сосредоточена у Сухова. Синтезированный гигант — Принцип-регулятор — подчинялся его воле. Лишь на один краткий миг Никита подумал об этом с мимолетным удивлением и гордостью — без восторга и приятных эмоций, и тут же забыл.

Умея ускорять и замедлять время, Сухов-Единый, олицетворение Закона Веера, огляделся. Теперь ему были доступны высшие сияния, о которых когда-то говорил Зу-л-Кифл, сам толком не понимая, что это такое, а также все процессы в Мирах-Вселенных Шаданакара. Катастрофа еще не произошла, но Веер действительно начал складываться. Потенциальные барьеры, разделявшие хроны с разным ходом времени, станови-

лись тоньше, лопались, исчезали, и хроны «проваливались» друг в друга, порождая взрывы вакуума в них, от которых выделялась энергия, способная уничтожить любую вселенную. Во взаимопроникших хронах рождалась «стоячая волна» Хаоса, отрицающая всякий порядок и жизнь.

Эти хроны находились на краях «лестницы» Шаданакара, рядом с Болотом Смерти и Мирами Великих игв, то есть «далеко» от цивилизованных миров, но процесс, если он уже начался, остановить было очень трудно, и время общего коллапса не играло роли, сколь большим ни казался бы его отрезок до финала.

Никита глянул «в начало времен» более внимательно. Где-то там шевелился выбравшийся из своей тюрьмы-вселенной Люцифер, изредка встряхивая Веер.

Он з н а л, что Принцип-регулятор универсума — высший Закон Веера — заработал!

— Пошли к нему, — сказал Никита внутрь себя. — Все равно он нас ждет, а я хочу предложить компромисс, от которого он, может быть, и не откажется.

Никто из магов-оболочек Единого не возразил, успев разобраться в движениях мыслей Никиты, лишь Велиал добавил в композицию общего согласия нотку скептической меланхолии.

Ощущая одномоментно все то же, что и каждый из магов: воинственно-безмятежную готовность Уэ-Уэтеотля к смерти за правое дело, философскую сосредоточенность Зу-л-Кифла, возбужденное нетерпение Яросвета, экзотическое любопытство роя пчел — Магэльфа, сомнения Велиала, поддержку Дадхикравана, играющего роль общего канала пси-связи, восторг и безмерное удивление Такэды, такое же удивление и нежное тепло Ксении, — Сухов-Единый о б н я л их всех и, шагнув сквозь мертвые миры «верхнего» конца «лестницы» Шаданакара, замер на мгновение перед стеной, отделяющей Веер от Суфэтха. Но теперь он не боялся «кладбища» Шаданакара, потому что и для Суфэтха стал если и не Законом, то достойным внимания Правилом. И «кладбище» пропустило его, лишь обдав немыслимым холодом запредельных непостижимых пространств. Невредимый, он вошел в мир Люцифера «через задворки», а не с «парадного входа».

Природа не терпит шаблона, и Веер как Метавселенная, реализовавшая триллионы миров, отличных друг от друга, вполне и наглядно демонстрировал правоту вышесказанного. Хрон Люцифера, которому вполне можно было дать название Ад, не библейский, а гораздо более масштабный и страшный, не поддающийся описанию, тоже подтверждал это правило. Он и в момент рождения Шаданакара отличался от остальных его мировпластин, а когда Люцифер заявил о себе в полный голос, этот хрон и вовсе выпал из разряда миров, годных для эстетического

созерцания другими формами интеллекта. А потом Люцифер создал Хаос...

В первые мгновения Никита ничего не увидел и не ощутил, словно окунулся в абсолютную пустоту подземелья, неспособную затронуть ни один орган чувств. Великая Тишина обрушилась на голову Сухова; тишина, отрицающая любой процесс, как синтеза, так и распада, любое движение; тишина, отрицающая не только жизнь, но и смерть, как совокупность событий.

Потом пришло ощущение г л у б и н ы, а с ним — влекущее, соблазнительное, сладостно-жуткое ощущение и н о р о д н о с т и. И эти впечатления были самыми рациональными, хотя и не прямого действия, остальные не вмещались в понятие земного языка. Но ни один орган чувств, реагирующий на физические воздействия, а их у Сухова-Единого было не меньше сотни, не сработал! Мир Люцифера не имел ни цвета, ни вкуса, ни запаха, ни объема, ни каких-либо ориентиров, ни других характеристик, которые можно было почувствовать или измерить. Никита не сразу смог определиться и найти способ ориентироваться в этом вселенском Нигде. Хунь-дунь[1], пришло на ум чье-то определение. Вероятно, отозвалось «я» Такэды.

Затем Никита ощутил х о л о д: Хаос Люцифера был агрессивен, отнимая, высасывая энергию. Оставаться в этом мире долго не стоило.

Наконец по судорогам магиполя Сухов определил примерные координаты конкретного «дома» Люцифера и прорубил мечом «ущелье» в сплошной пелене Великой Тишины. Но и стоя у «ворот» обиталища Люцифера, он все равно ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Дом хозяина оставался недоступен даже эйдосу — совокупной сфере чувств Единого, несмотря на попытки «сотворить свет», то есть установить здесь верховенство Закона Веера. Тогда Никита напрягся предельно, щедро расходуя энергию, силы, интеллект и эмоции Единого, достиг сатори — мига просветления, дающего власть над любым природным явлением, и Хаос уступил.

Перед Единым во всем великолепии открылась «усадьба» Люцифера — сложнейшая многомерная «снежинка» с текучим узором, эквивалентная по объему Вселенной с Землей и Солнцем, собранная из сияющих звезд-бездн, пространств с локальным ходом времен и эстетикой странных и парадоксальных гармоний, вернее, антигармоний. Хаос, созданный хозяином «усадьбы» и способный «съесть» любой физический объект, превратить его в ничто, ничуть не влиял на «дом» Люцифера. И Никита почувствовал если не страх, то некую мимолетную

[1]Великий Хаос (*кит.*).

слабость, лишившую его решительности и воли. Но длилось это состояние одно мгновение, воля остальных личностей, составляющих Единого, не дала ему расслабиться. Никите напомнили, что он — Принцип-регулятор, могущий изменить ход событий в л ю б о м уголке Веера. Тогда он, вспомнив известный дзэнский канон: «Если хлопок двух ладоней таков, то каков хлопок одной ладони?» — позвал Люцифера «хлопком одной ладони». Молча. И был вознагражден. Первой реакцией Люцифера было безмерное удивление. И вдруг словно судорога передернула весь безмерный, заполненный Хаосом мир, и перед Единым на фоне «звездного» сияния исполинской черной фигуры, чем-то схожей с человеческим обликом, возник Люцифер.

Долго-долго маги-творцы смотрели друг на друга, не говоря ни слова, — на всех диапазонах оценивали, думали, сравнивали возможности, будто подчеркивая красоту формулы: молчание — это выразительное проявление невыразимого. Потом Никита сказал вслух (звуковые волны возбуждались в среде, окружавшей магов, почти так же, как воздух):

— Привет, создатель недостижимого!

— Привет, Первозакон, — ответил Люцифер с неожиданно добродушной интонацией. — Что-то вы задерживаетесь. Я ждал вашего появления раньше.

— В самый раз, — не согласился Никита и включил всю чувственную сферу.

Дальнейший диалог имел сложную структуру и происходил в ином темпе, в разных плоскостях, на разных уровнях компетентности, принадлежал разным этическим сферам и культурам. По сути это был контакт очень разных, невообразимо далеких культур, почти не имеющих точек соприкосновения. Человеческому уровню в этом диалоге тоже было отведено время и место, создав образы, так сказать, «фигуры визуальной ориентации», соответствующие их понятиям о беседе гуманоидов. Неизвестно, каким хомо-Люциферу представлялся Никита Сухов, но тому создатель Хаоса казался хаббардианцем, смахивающим на Вуккуба. На злодея, демона-богоборца, дьявола, каким молва, а потом история и мифология представили землянам Денницу-Люцифера, собеседник Никиты не походил, хотя взгляд его был убийственно холоден и темен.

— Что хочет Единый, я знаю, — все так же миролюбиво проговорил псевдо-Вуккуб-Люцифер. — А что хочется землянину Сухову?

— Того же, — со слабой улыбкой ответил Никита. — А вы можете предложить что-то другое? Бессмертие, власть, вечное блаженство?

Его собеседник засмеялся, глаза его остро блеснули.

— Не шибко богатый выбор, а? Вообще-то я могу предложить гораздо больше.

— Не сомневаюсь. — Никита подумал и процитировал:

Пусть будет прихоть нечиста или невинна.
Порок иль светлая мечта — мне все едино.
Я воплощу любой твой бред, скажи, в чем дело?
— О дьявол, — я ему в ответ. — Все надоело![1]

Люцифер снова засмеялся.

— Ясно — неподкупен. Все-таки человеческая культура своеобразна и по-своему интересна, хотя до эпохи христогенеза и магического реализма вряд ли доберется. Сомневаюсь, что она доживет даже до меритократии[2]. Впрочем, вторичные волны разума редко достигают высот Абсолютного.

— Но и вы не достигли своего, — обиделся за хомо сапиенс Никита. — Во всяком случае, идеального Хаоса вам создать не удалось.

— Ну, у меня все еще впереди. — В глазах Люцифера мелькнул змеиный блеск. — Я намного старше человечества, но и я — не есть первичное бытие данной Метавселенной, образующей Веер Миров. Первыми были Предтечи, давно покинувшие Веер. Я их уже не застал. У меня же еще остались кое-какие дела в Шаданакаре, хотя когда-нибудь уйду и я. Итак, чего вы все-таки хотите, человек?

— Лично я — очень немногого, — усмехнулся Никита. — Достаточно вернуть моей девушке память, чтобы осчастливить меня. Ну и, пожалуй, дать возможность творческого проявления: говорят, я хороший танцор. — Он помолчал немного, колеблясь. — И еще хотелось бы, чтобы мной никто не командовал, не трогал и не защищал. В случае нужды я сам за себя постою. А для этого надо, чтобы соблюдались основные Законы Веера.

— Законы толерантности и справедливости? — прищурился Люцифер. — Как мало человеку надо... — Усмешка тронула его тонкие губы. — Еще раз убеждаюсь, что большинство людей удовлетворить очень просто. Но не вас, Посланник. Ведь так? Вы представляете редкую категорию людей, пекущихся не о личном благе, но о благе других. Но вот вопрос: всегда ли, действуя во имя цели, вызванной благими намерениями, вы достигаете а б с о л ю т н о положительного результата?

Никита задумался. Вопрос относился не к нему лично, а ко всему человечеству, история которого хранила достаточно отри-

---

[1] В е р л е н П. Искушение.

[2] М е р и т о к р а т и я — иерархия по заслугам, достоинству, квалификации.

цательных примеров исполнения замыслов, базирующихся на благих намерениях.

— Вот видите, — кивнул Люцифер, опечалясь. — Истина не может быть выражена в одной исчерпывающей формуле, как правило, она многозначна, многоаспектна и многомерна, особенно при определении таких сложных понятий, как добро и зло. На меня как-то произвело ошеломляющее впечатление то, что одну из сторон истины, которую я отстаивал, правильно оценил и мой оппонент. А я ведь был убежден, что верное решение однозначно и целостно! Оказывается, парадокс разрешается просто: истина всегда включает в себя знания и эмоции обеих конфликтующих сторон.

Никита молчал, не зная, что говорить. Люцифер отобрал у него право прокурора, глашатая обвинения, подставляя вместо себя кого-то другого. Но главное, Сухов был с ним согласен!

Демон прищурился, заметив сдвинутые брови собеседника.

— Что касается категорий добра и зла... однажды я задался вопросом: что такое зло? И оправдано ли Добро как таковое? И знаете, к какому выводу я пришел, изучив историю Веера? Добро не оправдывается! К примеру, возьмем род хомо сапиенс, человечество. Культура долго и, надо признаться, мастерски накладывала грим на «реликтовые черты зверя» в ваших лицах, как сказал один земной философ, но стал ли человек от этого менее агрессивным? Добрым?

Никита молчал.

— А главное, — продолжал собеседник, — смог бы он развиваться, творить, если бы освободился от агрессивности, зависти, тщеславия, ненависти, лени, равнодушия наконец? Вывод однозначен — нет!

Никита молчал.

— И наконец, самое смешное, что уже знаете и вы: законы нравственности, всесильные на уровне социума, человеческих эмоций, в мегамире, не работают на макроуровне — звезды, галактики, вселенные и на микроуровне — молекулы, атомы, элементарные частицы, стринги, суперточки.

Никита молчал, тщетно ломая голову в поисках достойного ответа, в поисках второго, скрытого смысла в словах собеседника. И не находил.

Замолчал и Люцифер, облик которого стал плыть, смазываться: время контакта заканчивалось. Затем Никита опомнился и встряхнулся, удивляясь, что поддался колдовскому очарованию голоса демона, совершенно уверенного в своей правоте. Абсолютных злодеев не существует, как не был им и Властелин Хаоса, но абсолютное зло может выражаться и таким вот способом: просто, печально, уверенно, непогрешимо и... равнодушно!

— Я вас понял, — сказал Никита негромко. — Но не призы-

ваю понять и меня. Что бы вы ни говорили, но Закон толерантности, согласно которому всякое существо, а не только разумное, имеет право решать свою судьбу само, существует! И на сей раз обойдемся без комментариев. Как Принцип-регулятор, на время ставший Главным Законом Шаданакара, я мог бы принудить вас подчиняться Закону толерантности...

— Каким образом? — поднял брови Люцифер. — На этом уровне нет боя!

Никита не обратил на реплику внимания.

— ...не вмешиваться в жизнь хронов, не экспериментировать с ними, рискуя вызвать непредсказуемые последствия, а также лишить свободы, заточив вас вне проявленной вселенной с непреодолимым барьером.

— Даже если я предложу вам Абсолютную власть?

Никита все-таки сбился.

— Во-первых, власть у меня уже есть, а во-вторых, Абсолютной власти не существует.

— Ошибаетесь. С вашей помощью я все-таки создам Абсолютный Хаос — когда Шаданакар провалится сам в себя, и вместе мы сможем добиться Абсолютной власти, потеснив кое-кого из «Трех В».

— Кого?!

— Властелинов Всего и Везде. Ну, скажем, высших богов, подобных тем, кого вы называете «богом данного мгновения».

Никита растерялся. Мало того, что его оскорбили предложением сделки, его еще и обвинили в прямом пособничестве Люциферу!

— То есть как это — с моей помощью?!

— Да очень просто: ваш друг Дадхикраван был не просто темпоралом, сетью станций хроносдвига, как вы уже знаете, он был позвоночником Шаданакара. Выдернув его из Веера, вы положили начало его спонтанному схлопыванию. С чем вас и поздравляю.

— Меня предупреждали, — хрипло выговорил Никита. — Но я не обратил внимания... И я, глупец, хотел предложить вам совместную операцию по остановке коллапса Веера... более серьезные задачи, чем создание идеального Хаоса...

Люцифер пристально глянул в лицо Сухова.

— Это интересно. Не уверен, что соглашусь, но выслушаю. Говорите. Но, если вы хотите предложить мне участие в восстановлении личности вашей девушки, вы меня разочаруете. Для мага вашего масштаба безумие и смерть не должны являться категориями абсолюта.

Никита горько усмехнулся. Он не был подготовлен к такому обороту разговора. Ему было что предложить Люциферу, но он

уже не был уверен, что заинтересует демона, апостола абсолютного равнодушия ко всему живущему. Кроме себя.

— Говорите же.

Никита обнаружил, что голос его сел, откашлялся.

— Эти задачи формулируются гениально просто, но осуществить их в одиночку не под силу даже вам. Вот они: остановить коллапс Веера, выпустить Хаос в Большую Вселенную и заглянуть через Суфэтх в иные Метавселенные.

Люцифер покачал головой, хотел что-то сказать, снова покачал головой, но только вздохнул. Потом засмеялся.

— Наивность — чисто человеческая черта... Почему вы считаете, что мне э т о будет интересно?

Никита дернулся, будто его ударили по щеке. Пролепетал:

— Н-но ведь это действительно интересно... в-вы отказываетесь?

— Конечно, отказываюсь, Посланник. У нас разные шкалы ценностных ориентаций. К тому же и на уровне мага вы слишком человек. Ваша Семерка не способна реализовать Принцип-регулятор и упрятать меня в другую тюрьму. Прощайте.

Фигура Люцифера стала расплываться, таять.

— Стой! — прохрипел Никита, ощущая слепящую ненависть к этому сверххолодному монстру. — Я человек, и я слаб, как человек, но тебе не удастся уйти просто так.

— А кто мне помешает? Вы? Семерка?

Глаза Люцифера вспыхнули. Взгляд его был страшен! Это был не только взгляд, но попытка выяснить, на что способен Единый, что он знает, чем живет и о чем мечтает, попытка сломить его волю. Ему это почти удалось, но кто-то вдруг с жестокой силой помог Никите отразить этот выпад.

Сознание прояснилось. Никита с удивлением открыл, что его поддерживает чья-то мускулистая рука. Повернул голову и встретил улыбку молодого человека, широкоплечего, с длинными снежно-белыми волосами, смуглолицего, одетого в белую рубашку с распахнутым воротом и белые брюки. Он сразу узнал незнакомца — это был тот самый молодой человек, олицетворение «бога данного мгновения», спасшего Посланника в битве с Великими игвами перед прыжком в Суфэтх.

— Все в порядке, Посланник?

— Кто... вы? — еле выговорил Никита.

— Вы правильно догадались, я — тот самый «бог мгновения», один из «Трех В» — по свидетельству господина Люцифера. Можете называть меня любым именем, какое вам нравится.

— Александр.

— Пусть будет Александр.

Никита перевел взгляд на Люцифера. Тот стоял напротив в

угрожающей позе, но молчал. Только глаза сверкали нестерпимым холодным огнем.

— Что с ним?

— А ничего, — оглянулся Александр. — Ждет. Итак, вы в состоянии воспринимать информацию? Я вам кое-что объясню.

— Давайте. — Никита расправил плечи. Силы постепенно возвращались, но напряжение паритета увеличилось. Появилось предчувствие, что откровения нового знакомого заставят переоценить многое в создавшейся ситуации, если не все.

— Сядем. — Александр указал на возникшие из ниоткуда кресла. — Итак, представьте больного человека. Скажем, инфицированного вирусом рака. Вирус внедрился в его тело и начал «работу». Как на это реагирует организм?

— Ну... начинает... — не сразу собрался с мыслями Никита, низвергнутый с горних высей на грешную землю. — Начинает бороться...

— Правильно. Но как?

— Ну... вырабатывает антитела, гонит лейкоциты к...

— К месту инфильтрата. Правильно. А теперь перейдем к нашим масштабам. Аналогия больного раком человека с Веером Миров — прямая.

— Что?! — выдохнул Никита еле слышно.

— Вы уже поняли, — кивнул Александр, сверкнув белыми зубами. — Конечно, ситуация в Шаданакаре гораздо сложнее, но аналогия все же достаточно близка. Люцифер — «вирус рака», четверо его сподручных демонов — «клетки-паразиты», ну а Семерка магов...

— «Лейкоциты»!

— Скорее фагоциты, антитела, вырабатываемые единым организмом Шаданакара. Обладающие разумом, сложной психикой, свободой воли — в пределах данного организма, но — инструмент лечения «рака».

Несколько минут Никита не мог прийти в себя от изумления. Александр смотрел на него сочувственно, с веселым прищуром. Наконец Сухов нашел в себе силы продолжать разговор.

— Значит, Шаданакар — живое существо?! Так сказать, Брахма? А мы все — его клетки?

— Можно сказать и так. Шаданакар — живое существо, но на тех уровнях, о которых мы можем только догадываться, ведь живет он в Большой Вселенной.

— И сам — Вселенная!.. А Люцифер — «вирус рака»... Бог ты мой!

— Начинал он, появившись в Шаданакаре, с моделирования вселенных с неограниченной степенью детализации — мир Уицраора его рук дело, но уже тогда стало ясно, что он не остановится на опасных для Веера экспериментах.

— Подождите, я не могу врубиться... все перемешалось... А вы? Кто тогда вы?

— Я всего-навсего — проявление создания Шаданакара, его воли, или, может быть, души. Помните намеки Наблюдателя о некой Соборной Душе Веера? Она же есть и Душа Шаданакара. А я, так сказать, ее полномочный представитель. Теперь поговорим о вас.

— Погодите! — снова взмолился Никита. — Я хотел бы...

— Я знаю. Сознание вашей девушки принадлежит Соборной Душе Веера, а это означает, что «собрать» ее в одну личность невозможно.

У Никиты все поплыло перед глазами. Собеседник подождал, пока его отпустит, мягко сказал:

— Но шанс у вас есть. То есть надо идти дальше. Путь ваш не закончен. Путь мага, творца и мастера. Вы прошли всего лишь Путь Меча... не до конца, правда. — Александр мельком взглянул на застывшего Люцифера. — Впереди еще Путь Мысли и Путь Духа. Достигнув конца Пути Духа, вы, пожалуй, сможете реализовать множественный духовный перенос и вернуть Ксении первоначальный облик. Только... вряд ли вам захочется это делать.

— Почему?

— Потому что вы станете равновеликим Шаданакару, обладающему душой Ксении. И сможете жить в Большой Вселенной, как он. Вернее, как она. Потому что Шаданакар — по земной аналогии — женщина.

Никита зажмурился, покачал головой. Прошептал:

— И сколько же времени понадобится мне на преодоление Пути? Двести лет? Тысяча? Миллион?

— А что такое миллион лет для вечности? — тихо спросил Александр.

Никита улыбнулся с тоской.

— Хотелось бы не ждать так долго.

— Значит, это произойдет значительно раньше.

Двое молча смотрели друг на друга. Потом Никита глубоко вздохнул, собираясь с мыслями.

— Еще вопрос можно? Что такое Суфэтх? Действительно «кладбище»?

— Позволю еще одну доступную вам аналогию. Не обижайтесь.

— Ради Бога!

— На самом деле все гораздо сложнее. Но если представить Шаданакар в образе человека, а вас, меня, да и Люцифера, — микробами, то «начало» Веера будет находиться, скажем, в пальцах ног, а «конец» — в пальцах рук. Таким образом, пальцы рук могут находиться буквально рядом с пальцами ног, но их всегда будет разделять...

— Суфэтх! Внешнее пространство.

— В точку. А для Шаданакара это континуум Большой Вселенной. Теперь займемся вашим другом...

— Минуту. Последний вопрос, честное слово! Почему Семерка магов отбирается произвольно? Ведь по сути для такой операции, как «лечение рака», необходимы маги-воины, специалисты.

— Вы правы. Из вашей Семерки только Уэтль профессиональный воин-«фагоцит», всегда готовый постоять за хозяина. Может быть, и неосознанно. Остальные ваши друзья — великие мастера, творцы, созидатели, а уж потом — воины. Но это большой роли не играет, потому что, когда возникает задача защиты Родины, воинами становятся все! Это еще один Закон Веера Миров, который не признается Люцифером. И совершенно напрасно. — Александр повернулся к Люциферу. — Ты свободен!

Люцифер выпрямился, в глазах его снова клубилась Тьма. Абсолютная ночь!

— До новых встреч, маги.

— Вы его... отпускаете?! — привстал с кресла Никита.

— Ты не понял, — сказал Александр усмешливо, разглядывая плывущую фигуру Люцифера. — Ты свободен в пределах Большой Вселенной, то есть за пределами Шаданакара. Прощай.

Демон, не веря, глянул на смуглолицего представителя Соборной Души Веера, хотел что-то сказать, протестующе взмахнул рукой и... исчез. И сразу Никита почувствовал огромное облегчение, словно с души упала неимоверная тяжесть, не позволяющая радоваться и быть свободным.

— Вы его?..

— Удалил, как скальпель хирурга удаляет, отсекает опухоль.

— Значит, мы были... не нужны?! Семеро?

— Ошибаетесь. Если бы не вы, отвлекшие на себя все силы Люциферовой команды, я не успел бы подготовиться. Но ваша миссия еще не закончена. Веер действительно находится на грани коллапса, и потребуется немало сил и времени, чтобы процесс этот остановить. Больше, наверное, чем для освобождения Ксении. Если, конечно, вы сделаете выбор. Кроме того, Великие игвы — тоже ваша забота. Как и ликвидация Болота Смерти — умерших вселенных-хронов.

Никита задумался.

— Вы поставили меня к стенке... но я согласен!

— Тогда мы скоро свидимся, Посланник, вернее, маг-новичок. Ждите вестей. — Александр тоже исчез. Уровни контакта смешались в один, принадлежащий сверхсознанию Единого. Сухов, еще ощущая объятие Александра, только сейчас сообразил, что ему мешало в разговоре с Люцифером и Александром: мысли Такэды и чувства Ксении. Они не всегда реагировали на

слова Создателя Хаоса так, как Никита. Но отторжения, расщепления личности контактера, землянина-человека, не произошло, значит, Толя и Ксения чувствовали почти то же, что и он.

План визуального контакта также изменился.

Люцифер снова предстал черной глыбой тьмы с человеческими очертаниями на фоне «звездного» сверкания своего обиталища. «Вирус» равнодушия, «незаконный» сын Большой Вселенной, удравший в одну из Метавселенных. За что? За какие прегрешения? Может быть, за отрицание или несоблюдение какого-нибудь универсального закона жизни Большой Вселенной? Скажем, Закона Любви?

Черная тень взмахнула крылом, поколебав пространство, растаяла. «Скальпель» Семерых, направляемый сознанием Шаданакара, отсек Люцифера от Единого, выбросил в Суфэтх.

«Он выкарабкается, — мелькнула мысль. Человеческая мысль. — И поймет, что жил ущербно. Или не поймет?!»

Семеро молчали. Да и кто мог ответить на этот вопрос? Бог? Вселенная? Или только время?..

— И Веер был спасен, и Семеро разошлись по своим Мирам, чтобы продолжать начатое... — Голос матери пресекся.

Сын удивленно глянул на нее: по щеке матери ползла слеза, но сама она улыбалась.

— Ма, ты чего плачешь? А па скоро приедет?

— Скоро, — ответила Ксения. — Он в пути, но скоро придет, сынок.

— Из Шакара?

— Из Шаданакара, сынок.

— А он один приедет или с дядей Александром? Я его люблю, ма, дядю Александра. Он добрый и красивый!

Ксения снова улыбнулась, смахнула слезу.

— Да, дядя Александр очень красивый. Но ведь па красивее!

— А наш па волшебник или колдун?

— Волшебник, волшебник. Вырастешь, сам станешь волшебником. Спи, малыш, уже поздно.

— И сам спасу Веер, — пробормотал сонным голосом сын. И от тихого голоса его с тонким звоном лопнул бокал на столе, вздрогнули стены комнаты, качнулся многоэтажный дом, с гулом содрогнулась Земля, невидимая сила на мгновение задержала бег планет и заставила Вселенную с удивлением прислушаться к самой себе.

Февраль 1991 — сентябрь 1993 гг.

ИЗБАВИТЕЛЬ

Господь, благослови
Незримый мир святого пилигрима
И дай земле твоей ночь мира и любви!
И. Бунин

Эпизод 1

СКРЫТАЯ СУТЬ

Пролог

Он проснулся от неясной тревоги.

Полежал, не открывая глаз, прислушиваясь к своим ощущениям. Привычным усилием воли вызвал отсчет времени: два часа ночи с минутами. Что случилось? Почему сторож организма разбудил его мягкой кошачьей лапой, а не трахнул по черепу с криком: вставай, самурай, за тобой пришли?! Что означает этот «несанкционированный» ночной подъем?..

Что-то тихо прошелестело в воздухе — словно пролетел сюрикэн.

Такэда приоткрыл веки, готовый увидеть призраков или гостей во плоти и крови, но в спальне никого не было. Только на тумбочке моргала зеленым и желтым искорка света, отсчитывая секунды, как таймер.

Искорка света...

Такэда рывком сел.

Это светился эрцхаор! Магический перстень, полевой индикатор, реагирующий на появление в хроне носителей с и л ы!

— Мо дзикан-га киратэ имас![1] — прошептал Такэда по-японски, суеверно отмахиваясь одним пальцем.

Камень эрцхаора мигнул еще раз и погас.

— Так-то лучше...

Но искорка света возникла вновь, замигала чаще.

И тотчас же приглушенной трелью залился дверной звонок.

Такэда набросил на себя халат, открыл дверь. Перед ним стоял седой старик в видавшем виды осеннем пальто, без шапки, в потрескавшихся осенних ботинках без шнурков. Лицо у него было синее от холода, руки спрятаны в карманы пальто, и весь он был какой-то мятый, скукоженный и жалкий, только глаза светились изнутри знакомым м а г и ч е с к и м блеском.

---

[1]Ваше время кончилось (*яп.*).

— Пусти погреться, оруженосец, — хрипло проговорил старик.

— Посланник! — пробормотал Такэда.

— Всего лишь курьер, — усмехнулся ночной гость.

Такэда отступил в сторону, впуская незнакомца, предложил тапочки и провел в гостиную. Спросил, видя, что осматривающийся гость дрожит как осиновый лист и не спешит начинать разговор:

— Каким ветром вас занесло в наши края?

— Ветром перемен, — ответил старик, глядя на коллекцию холодного оружия хозяина, повернулся к Тояве. — Мост почти готов, еще немного — и ОН вернется.

— Люцифер!

— Денница. Утренняя Заря, Великий Экспериментатор и Созидающий Разрушитель. Его возвращение из Болота Смерти будет означать новое потрясение Веера и как следствие — новые войны и жертвы. Этого допустить нельзя. Зовите Седьмого, будем беседовать. Надеюсь, мне удалось обмануть нюхачей СС и мое появление здесь не засекли их наблюдатели.

Такэда поднял трубку телефона, набрал номер Сухова:

— Ник, одевайся тихонько и ко мне.

— Ты с ума сошел! Два часа ночи! Что случилось?

— У меня... гость.

Секундная тишина.

— Посланник?!

— Курьер. — Такэда покосился на старика, коротко добавил: — Жду.

Положил трубку.

— Чай, горячий шоколад, глинтвейн, кофе?

— Мы люди простые, кофеями и глинтвейнами не избалованные. Чайку, и погорячей, если можно. Замерз как собака! Не думал, что у вас тут на Земле такие лютые зимы. Не представляю, как мой н о с и т е л ь, — гость ткнул пальцем себе в грудь, — выдерживает такие холода в течение долгого времени.

— Бомжи у нас великие специалисты по выживанию.

Такэда приготовил чай, принес на подносе в гостиную. Старик с удовольствием принялся есть варенье и прихлебывать ароматный напиток, держа чашу в обеих руках. Закончил чаепитие он как раз в тот момент, когда приехал Сухов. Некоторое время они смотрели друг на друга, словно оценивая и вспоминая былое, потом гость встал, проговорил негромко:

— Плохие известия, Седьмой. По моим сведениям, Великий игва Уицраор заканчивает строительство Моста-тоннеля через Суфэтх, чтобы помочь своему Господину вернуться в Шаданакар.

— Я уже не Седьмой, — качнул головой Сухов. — Седьмой

ушел... в неведомые дали, здесь лишь его оболочка. — Никита коснулся пальцем груди, как это сделал до него визитер. — Кто вы? На очередного посланника, собирателя новой Семерки, вы, мягко говоря, не похожи.

— Всего лишь курьер с определенным посланием. Это тело не мое, я — программа, вселенная в человека Земли, и знаю не так уж много, но моя задача — известить вас, что я и делаю. Остальное не в моей компетенции.

Сухов и Такэда переглянулись.

— Присядем. — Никита сел на диван. — Толя, принеси и мне чашку, погрею внутренности, на улице не меньше минус двадцати, да еще с ветром.

Такэда принес две чашки, и они принялись пить чай, поглядывая друг на друга. Потом курьер отставил чашку, вытер выступивший на лбу пот и блаженно откинулся на спинку кресла.

— Славно! Давно не чувствовал себя так комфортно.

— Начинайте, — обронил Сухов.

Старик подтянулся, посерьезнел, глаза его налились светом, как бы протаяли в глубину.

— Я знаю, что вы лишены с и л ы. Седьмой действительно ушел в невообразимые пространства Веера, возможно, даже покинул его. Остальные маги Семерки, хранители своих хронов-миров, закапсулировали свои владения, чтобы спасти их от схлопывания в черной дыре общего коллапса, и не отзываются на наши вызовы. — Старик пожевал губами. — Во всяком случае, меня они к себе не пустили.

— Их можно понять. Непонятно другое: почему начал складываться Веер? Ведь Семерка стабилизировала его положение.

— Семерка не имела необходимого к а ч е с т в а. — Старик-курьер развел руками. — Прошу прощения, Седьмой, но это правда. Вы не смогли убедить магов присоединиться к вам, а замена одного из Семи Дадхикраваном себя оправдала не полностью. Воли Семерых хватило на отсечение Люцифера от Шаданакара, но не хватило на полную стабилизацию Веера, и теперь он уже, по сути, не Веер — нечто вроде «пенного конгломерата» Миров-метавселенных, каждый из которых отделен от соседних тонкой «мыльной пленкой» потенциального порога. Эта «пленка» уже начала рассасываться, лопаться, и пузырьки-миры проникают друг в друга, объединяются, растворяются, перемешиваются. Близкие по физическим параметрам еще как-то сохраняют объемы и материальные структуры, а те, в которых законы отличаются достаточно сильно, просто нейтрализуются. Естественно, с уничтожением цивилизаций и жизни вообще.

Наступила тишина.

Такэда сидел молча и не двигался. Сухов тоже молча смот-

рел в пол, у него горели уши, так как упрек в его адрес был справедлив, но оправдываться не имело смысла, ничего изменить было уже нельзя.

— Что вы предлагаете? — спросил он наконец, поднимая глаза. — Снова выступить в Путь? Собрать новую команду?

— Это нереально, — с сожалением покачал головой курьер. — Мы уже пытались. Хотя стоит, наверное, попробовать еще раз. Предстоит решить две глобальные задачи, в какой-то степени зависимые друг от друга. Задача первая: объединить магов, повелителей хронов, чтобы заговорила Spiritus Mundi — Соборная Душа Шаданакара. Это позволит остановить процесс схлопывания «пены» Веера. Вторая задача: разорвать Мост через Суфэтх, не дать соединиться двум Великим Отступникам — Уицраору и Деннице.

Сухов усмехнулся, глянул на Такэду.

— Ничего нет проще, да, самурай? Как ты думаешь, справимся?

— Если надо — почему нет? — философски пожал плечами Тоява.

Никита фыркнул.

— Спасибо за поддержку. Только Путь Меча мне уже не по силам.

— Путь Меча вами уже пройден, — сказал гость. — Нужен другой уровень — Путь Духа. Этот шанс вами еще не упущен. Изменить состояние Мироздания может лишь Избавитель, вы должны его отыскать. Или воспитать.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Никита.

— Пройти по Мирам Шаданакара незаметно, не колебля сети контроля Великих игв, которая все еще работает на своих хозяев, может лишь тот, к о г о е щ е н е т.

— Не понимаю.

— Ваш сын, — просто сказал старик. — Вы отлично знаете, что он — не обычный мальчик, а хранитель с и л ы. Она еще спит в нем, проявляясь самым невинным образом, но скоро заговорит в полный голос. И в этот момент он должен будет иметь хороших защитников, ибо слуги Уицраора попытаются его уничтожить. Они тоже знают о возможном появлении Избавителя и давно ищут его н о с и т е л я.

— Моему сыну всего пять лет...

— С и л а заговорит в нем в двенадцать лет, будьте готовы.

Сухов перехватил понимающий, поддерживающий, сочувствующий взгляд друга, тряхнул волосами.

— А если я откажусь?

Курьер вздохнул, с не меньшим сочувствием глядя на него.

— Я не уверен, что воспринял переданный мне пакет ин-

формации правильно, однако ваш сын — единственный, кто может спасти Шаданакар. От вас, точнее, от м а г а Сухова, он взял частичку в о л и, от мамы Ксении — частичку С о б о р н о й Души Веера, от вашего друга Александра, или, как вы называли его, «бога данного мгновения», — канал связи с Творцом Веера. Я не знаю, как это все проявится в нем, но проявится непременно. Даже вопреки вашей воле. Даже если вы откажетесь продолжать Путь.

В гостиной снова стало тихо.

Сухов закрыл лицо ладонью, задумался. Такэда смотрел на него с сожалением, ночной визитер — с сомнением во взоре. Наконец бывший Посланник, ставший волею обстоятельств Седьмым законотворцем Веера Миров, поднял голову.

— Что мы должны делать?

Такэда тихо рассмеялся, забрал поднос с пустыми чашками, направился на кухню, проговорив:

— Мне нравится это твое «мы».

Курьер тоже улыбнулся.

— Вы неплохо дополняете друг друга.

— Как Санчо Панса и Дон Кихот, — проворчал Сухов. — Причем иногда я ловлю себя на мысли, что Дон Кихот на самом деле он. Однако, для того чтобы снова выступить в поход, нам нужна экипировка и оружие.

— Боюсь, в этом вопросе я вас разочарую, — виновато развел руками курьер. — Насчет экипировки у меня нет никаких инструкций. Очевидно, данную проблему вам придется решать самостоятельно.

— Час от часу не легче! И где же мы достанем н а с т о я щ е е оружие? Я, например, не знаю, где Сухов-Седьмой спрятал Финист. Да и шиххиртха у меня нет.

— Все старое магическое оружие не действует в пределах Шаданакара, вам придется искать другое оружие. Но меч, точнее, о п е р а т о р гипервоздействия, должен работать, его стоит поискать. Думаю, Седьмой либо взял его с собой в странствие, либо оставил в хроне, где спит Святогор, первый повелитель Финиста. Неплохо было бы вызволить великана из гробницы, Гиибель-то ликвидирован, а значит, и заклятие его уже не имеет прежней силы.

— Это идея, — согласился Сухов. — И все же без оружия мы далеко не пройдем, нас остановит первый же патруль СС или ЧК.

— Поэтому по «лестнице» Шаданакара надо идти бесшумно, незаметно, на цыпочках. Пока не появятся спутники, способные защитить вас.

— Разве «лестница» сохранилась? Ведь Дадхи уже не соединяет хроны сетью хроноскважин...

— Естественно, «лестница» не сохранилась. Великие игвы до Сражения успели частично реанимировать систему связи хронов, ее хранителями сейчас якобы являются хаббардианцы, но вам придется выходить на эту систему также самостоятельно. У меня нет прямых сведений, как и где ее искать, есть только подсказка: на Земле остался один из темных наблюдателей — Вуккуб. Попробуйте найти его.

— Вуккуб? — с сомнением переспросил Сухов. — Разве мы его не освободили?

— Ваша Семерка сняла с него заклятие, зато его за связь с вами наказала другая сторона — контролеры ЧК, подчиняющиеся Уицраору. Сам он близок по качествам к Люциферу — почти чистый интеллект, не отягощенный эмоциями и морально-этическими принципами, а вот слуги Уицраора олицетворяют жестокое и беспощадное, крайне эгоистическое, агрессивное отношение к миру. Они не знают, что такое милосердие и прощение.

— Где его можно отыскать? — спросил вернувшийся с кухни Такэда.

— У вас есть магический индикатор, с его помощью вы найдете Вуккуба.

— Вы имеете в виду эрцхаор? Но ведь Семерка повысила потенциальный порог магического воздействия на Шаданакар, эрцхаор не должен срабатывать.

— Повеление Семерки не было абсолютным. Кое-какие проявления магической физики допустимы в любом хроне. Иначе как бы мне удалось в с е л и т ь с я в вашего московского бомжа? Кстати, по легенде в Веере сохранилась и хроносеть Предтеч, тех, кто преобразовывал его задолго до появления Великих игв и даже до рождения Люцифера. Но это, возможно, только легенда.

Сухов посмотрел на Такэду, прищурился.

— Ну что, самурай, твое мнение? Сдадим этого сумасшедшего в психолечебницу или последуем его советам?

Старик-курьер улыбнулся, понимая чувства собеседников.

— Психолечебница сама придет за мной. Когда я у й д у, носителю придется туго, его психика может не выдержать следов присутствия курьера. Но объект в с е л е н и я, к сожалению, не выбирают: кого мне подсунули, тем я и пользуюсь. Он был первый, кто попался в поле зрения системы наведения. Да и не важно это в конце концов. Прощайте, Седьмой, прощайте, оруженосец. Цель вам понятна?

— Это раньше были цели, — проворчал Такэда меланхолически. — Теперь все больше — мишени...

— Понятна, — сказал Сухов со вздохом, покачал головой. —

Мой сын — Избавитель... никогда бы не подумал! Справится ли он? Даже в двенадцать лет он будет всего лишь мальчишка...

— Мы поможем ему, — сказал Такэда, кладя ему руку на плечо.

Курьер молча поклонился им и, не оглядываясь, зашаркал к выходу. Из прихожей донесся его надтреснутый голос:

— Желаю удачи, земляне...

Стукнула дверь, стало тихо.

Двое в комнате, знавшие цену Пути, вслушивались в тишину и молчали.

Глава 1

С высоты королевского холма — Рувы, где некогда жили правители Мадагаскара, открывался великолепный вид на раскинувшийся внизу Антананариву. В самом центре малагасийской столицы, занимающей плоскую низину, располагалось священное озеро Ануси с удивительного — сиреневого цвета водой, отражавшей краски цветущих вокруг раскидистых джакаранд. Посреди озера возносился в ослепительно голубое небо обелиск малагасийцам, погибшим в двух мировых войнах. За озером начинались жилые кварталы, блестевшие стеклом и серибристым металлом крыш, и ажурные скелеты строящихся небоскребов. Вокруг озера, насколько хватало глаз, по склонам красных холмов и среди выходов черных базальтов теснились кварталы старого Антананариву, в которые вливались неестественно яркие изумрудно-зеленые островки рисовых полей.

В отличие от большинства африканских столиц Антананариву, или Тана, как называли город сами аборигены, избежал космополитического влияния колониальной архитектуры и сохранил свое национальное обаяние и колорит. Его петлявшие по пригоркам улицы были застроены разноцветными каменными домами, узкими, но высокими, похожими больше на своеобразные скворечники. Чтобы летом уберечься от африканской жары, а зимой — от антарктических ветров, окна в них специально делают узкими, как щели. А чтобы скатывающиеся с холмов после частых тропических ливней потоки не снесли дом, его ставят на очень высокий фундамент. Попасть в некоторые из таких домов, построенные еще в позапрошлом веке, можно только по приставной лестнице, убираемой на ночь.

По данным группы целенаведения, бывший чеченский полевой командир Шамиль Басхадов по прозвищу Сатана, лично казнивший около двухсот бойцов и командиров Российской армии и мирных жителей, после бегства из Чечни укрылся на Ма-

дагаскаре и проживал именно в таком «скворечнике» на улице Индепенданс недалеко от древней площади Аналакели. Дом этот с высоты Рувы виден не был, но Ростислав Степанович Светлов (кличка Росс), капитан десантно-диверсионной группы «Возмездие» Главного разведуправления Министерства обороны России, в совершенстве владевший четырьмя языками (кроме малагасийского, хотя это и не являлось помехой для выполнения задания, так как на Мадагаскаре были в ходу и английский, и немецкий языки), уже знал месторасположение объекта и теперь готовился изучать подходы к нему.

Группа «Возмездие», тайная сестра знаменитого «Вымпела», о существовании которой знали только высшие должностные лица страны и командования ГРУ и Минобороны, появилась на Мадагаскаре в середине августа. Целью группы было уничтожение Басхадова, отличавшегося особой жестокостью по отношению к военнопленным и заложникам, и сомнений в целесообразности высадки «десанта возмездия» на экзотический Мадагаскар ни у командира, ни у рядовых бойцов группы не было. Правда, рядовыми членов ДДГ «Возмездие» назвать было трудно. Все они были офицерами, знали по нескольку иностранных языков, владели рукопашным боем, всеми видами оружия, водили все виды наземного транспорта, могли пилотировать вертолеты и самолеты. Кроме того, все они умели работать с компьютерами, что подчас оказывало неоценимую помощь при проведении тех или иных с п е ц о п е р а ц и й за рубежом.

Капитану Светлову исполнилось двадцать восемь лет. Родился он 21 января 1974 года в Калуге, закончил школу, затем Рязанскую десантную академию, экстерном — Институт иностранных языков и после службы в ВДВ остался в армии. В десантно-диверсионную группу «Возмездие» его пригласили после «командировки» в Чечню в двухтысячном году, с тех пор он служил в этом подразделении, проявив себя с самой лучшей стороны. В одиннадцати специальных операциях по захвату и уничтожению террористов и убийц Светлов не допустил ни одного промаха и считался одним из самых «крутых» перехватчиков класса «рэкс»[1].

Женат он не был. Год назад во время одного из рейдов по Туркменистану он спас девушку-туркменку, дочь ректора Ашхабадского университета, захваченную в заложники, влюбился и хотел жениться. Однако в это время вступил в силу новый закон о бракосочетании туркменок с иностранцами (граждане России тоже относились к иностранцам), по которому претенденту на-

[1] Р э к с — разведчик экстра-класса.

до было платить за брак пятьдесят тысяч долларов «для гарантии обеспечения детей на случай расторжения брака», и Ростислав не смог набрать нужной суммы.

По природе Светлов был довольно спокоен, методичен, склонен к детерминизму, хотя удача не всегда становилась его союзницей. Поэтому ему приходилось бороться ради достижения желаемого результата: с обстоятельствами, с людьми, со временем, с самим собой. Спасали дисциплинированность и упорство, позволяющие успешно преодолевать препятствия, а систематичность и планирование давали возможность предвидеть и разрешать проблемы до их возникновения. Эта способность Ростислава вызывала неизменное уважение коллег и друзей, даже если не все они понимали, каким трудом ему достается видимая легкость решения проблем. Прямой и справедливый, Светлов всегда поступал в соответствии с законом: делай другим то, что сам хотел бы получить в ответ. Друзья любили его за это, а ценили за постоянство и надежность. С командованием же из-за недостатка дипломатичности у него случались инциденты, хотя и оно ценило его мастерство и опыт оперативника и уважало твердость мнений. В такой специфической сфере деятельности, в какой нашел свое призвание Светлов, не сомневающийся, что убийцы и подонки жить н е д о л ж н ы, отношения в команде могли базироваться только на основе взаимного доверия, и Ростислав был идеальным партнером. За всю свою жизнь, пусть и недлинную, но плотно заполненную событиями, он никого не подставил и не подвел.

На Мадагаскар члены группы «Возмездие» добирались поодиночке, как туристы, разными самолетами и в разные города, а уж потом собирались в условленное время и в заранее установленном месте. Местом этим был зума — центральный городской базар Антананариву, каких не встретишь, пожалуй, ни в каких других столицах мира.

По-малагасийски «зума» — пятница. По легендам, раньше заниматься торговлей на острове разрешалось только в этот день, чтобы не отвлекать крестьян и ремесленников от основного дела. Теперь торговать на Мадагаскаре можно ежедневно, хотя по традиции самый большой базар и ныне собирается по пятницам и субботам. В погожие дни на зума съезжаются до двадцати пяти тысяч человек.

Светлов, впервые попав сюда, был поражен столпотворением и масштабами базара, живущего по своим законам почти круглосуточно. Ради любопытства он прошелся вдоль импровизированных лавок и столов с товарами и словно попал в музей, равных которому не видел нигде. Здесь продавали свои изделия не только ткачи, сапожники, мебельщики, портные, художники

и мастера резьбы по кости и дереву, но и адепты редких ремесел и профессий — от доильщиков змеиного яда до изготовителей музыкальных инструментов из сушеных тыкв и слоновьих ушей. Впервые Ростислав мог познакомиться в полной мере с культурой мальгашей и с ними самими.

Он с интересом повертел в руках алу-алу — миниатюрные копии резных деревянных надгробий, которые продавал старик с желто-коричневым цветом кожи. У него наличествовали жидкая растительность на лице, блестящие черные волосы, связанные в пучок, и характерный для азиатов разрез глаз. На африканца он походил мало, и когда Светлов спросил его по-английски, откуда он, старик кратко ответил:

— Махафали.

Светлов кивнул. Перед «турпоходом» его напичкали разного рода информацией, где имелись сведения и о племенах скотоводов махафали, обитающих на юго-западном побережье острова.

Затем он остановился у продавщиц циновок. Это были уже типичные представительницы восточноафриканского побережья из племени макуа, предки которых либо были проданы из Мозамбика на Мадагаскар в рабство, либо сами сбежали на остров, спасаясь от набегов торговцев живым товаром.

После осмотра циновок Ростислав ощупал тамтамы в рост человека, словно прицениваясь к ним, полюбовался на сплетенных из сушеных банановых листьев жирафов вдвое выше человеческого роста, выслушал торговца, предлагавшего порошок, который способен покорить сердце любой красавицы, средство от сглаза, лекарство, возвращающее мужскую силу и фигурки каких-то божков, двуруких, двуногих, но трехголовых. Они казались живыми и буквально просили взять их в руки.

Светлов повертел в пальцах светло-коричневую фигурку божка с выпученными глазами на средней голове, в то время как две другие головы божка были безглазыми, хотел было поторговаться, и в это время кто-то сказал сзади:

— Это бецабеца, злой дух. Возьмите лучше другой амулет.

Говорили по-немецки.

Светлов обернулся.

На него смотрел бледнолицый немец в шляпе из рисовой соломки, в шортах, с квадратной челюстью, сероглазый, с усиками а-ля Гитлер. На одном плече у него висела сумка, на втором фотоаппарат, в руках немец держал видеокамеру. Это был майор Юра Владимиров по кличке Вихрь, командир группы.

— Какой посоветуете? — также по-немецки спросил Светлов.

— Например, вот этот. — «Немец» показал на другую фигурку в форме человечка с большой головой и огромными глазищами. — Это бемихисатр, амулет, способный предсказывать опас-

ность и помогающий преодолевать препятствия. Говорят, он даже предугадывает автомобильные аварии.

— Спасибо за совет, — кивнул Светлов, посмотрев на продавца. — Беру.

Тот засуетился, начал расхваливать амулеты и остальной свой товар, но Ростислав уже получил, что хотел, и задерживаться у словоохотливого аборигена не стал. Неторопливо побрел вслед за майором, не выпуская из виду его пеструю рубашку и поглаживая амулет в ладони. Через минуту один за другим они вошли в лавку, где продавались чучела крокодилов, от «сувенирных», размером с руку, до трехметровых, а также изделия из крокодильей кожи и высушенные чучела хамелеонов. Хозяин лавки, темнолицый махафали в широкополой шляпе и с трубкой в зубах, не обратил на гостей ни малейшего внимания, глядя перед собой остановившимся взглядом наркомана.

Майор миновал прилавок и нырнул в неприметную дверь за циновкой. Светлов последовал за ним. Они оказались в небольшом темном помещении, заставленном картонными коробками и чучелами крокодилов. Очевидно, это был склад лавки, где хранились предметы торговли. В помещении уже находились трое людей в самых разных костюмах, указывающих, что они на Мадагаскаре гости, туристы. Это были остальные члены группы: старлей Сичкарь Борислав, лейтенант Дима Рагозин и капитан Арыстан Буркитович Канжыгалы Кабанбай, казах по национальности, самый старший из всех — ему пошел сорок четвертый год. Отзывался он исключительно на кличку Бай, не признавая имени-отчества. Если группе приходилось работать в Азии, Бай был незаменим, так как вполне мог сойти и за японца, и за китайца, и за корейца.

Ростислав молча пожал всем руки, сел в уголке на коробку, продолжая вертеть в пальцах купленный амулет, чувствуя его странную приятную бархатистость и прохладу.

— Как там? — кивнул на дверь Сичкарь, кряжистый, с усами и бородкой, типичный хохол.

— Жарко, — односложно ответил Светлов.

— Помыться бы в баньке, — вздохнул старлей. — Полторы недели не мылся.

Все промолчали. Сичкарь летел в Антананариву из Кабула, где недавно вышел очередной указ руководства Афганистана о запрещении пользоваться банями и бассейнами иностранным гражданам, что, естественно, не способствовало лучшему усвоению гостями учения пророка Мухаммада.

— Обстоятельства изменились, — сказал Владимиров, глянув на часы. — Поступил приказ ликвидировать Сатану сегодня ночью.

— Но мы же не успели провести рекогносцировку, — удивленно проговорил Дима Разогин.

— До вечера у нас двенадцать часов, успеем. Сейчас придет проводник, покажет видеоролик с домом, где устроился Сатана со своими джигитами, потом каждый пройдется по маршруту и прикинет варианты. В шесть — сбор, выработаем стратегию с учетом всех предложений. В одиннадцать ночи выступим.

— Оружие? — подал голос немногословный Кабанбай.

— Ждет в условленном месте.

— Кто проводник?

— Один из местных полицейских, специализируется на ловле торговцев наркотиками.

Члены группы переглянулись.

— Не нравится мне это, — покачал головой Рагозин. — Как правило, представители спецслужб в таких странах прикормлены мафией.

— По отзывам наших наводчиков, это надежный человек, он даже сотрудничает с Интерполом. А нам согласился помочь потому, что террористы когда-то убили его сестру.

— Он знает, кто мы и откуда?

— Обижаешь, снайпер, — пожурил Кабанбая майор.

— Все равно мне это не нравится, — проворчал Рагозин. — Чем меньше спецслужбы знают о наших операциях, тем лучше.

— Никто здесь не знает, откуда и кто мы. По легенде мы представляем собой интернациональную бригаду мстителей из Соединенных Штатов. Но хватит пререканий, начинаем работать.

В помещение неслышно прошмыгнул невысокий чернокожий африканец в красной рубахе и холщовых штанах, молча подал кассету.

— Знакомьтесь, господа, — сказал майор по-английски. — Наш проводник Тампуку.

Через несколько минут группа «Возмездие» смотрела видеозапись места проведения операции, сделанную скрытой видеокамерой.

* * *

Температура ночи в Антананариву в августе мало чем отличалась от температуры ночи и держалась на уровне двадцати пяти градусов по Цельсию.

Темнота упала на город сразу после восьми часов вечера, но гигантское торжище зума продолжало жить при свете фонарей, процеживая потоки покупателей как огромный, длинный, сверкающий огнями фильтр. С одной стороны, суета и жужжание

базара мешали группе сосредоточиться на задании, с другой — помогали раствориться в толпе в любой момент.

Дом из бутового камня, в котором жил Басхадов, считавший, что уж здесь-то, в другом полушарии, его никто никогда не найдет, располагался на улице Индепенденс, ближе к вокзалу. Это был типичный двухэтажный «скворечник», архитектурно не отличавшийся от соседних домов, и назвать его особняком не поворачивался язык. Он был стар, стены кое-где потрескались и выщербились, краска поблекла и облупилась, однако в отличие от других «скворечников» он имел, во-первых, тарелку радиоантенны, а во-вторых, был окружен крепким тесовым забором высотой в два человеческих роста. Новый владелец, въехав сюда, прежде всего позаботился о максимальном ограничении доступа к своему жилищу, и денег для этого не пожалел.

Поскольку времени на подготовку у группы практически не было, плана действий не разрабатывали. В общем-то, все прекрасно знали друг друга, разбирались в ситуации и готовы были к любому повороту событий. В принципе штурм дома не являлся для них чем-то особенным, несмотря на то что стоял он не на территории родной страны, а на Мадагаскаре. В жизни группы случались и более сложные задания. Поэтому решено было действовать по принципу «воздушного ручейка»: просочиться за забор и без шума «проветрить» весь дом, оставляя за собой неподвижность и тишину. По данным целенаведения Сатану-Басхадова охраняли девять «джигитов», таких же отщепенцев и убийц, как и он сам, в свое время специализировавшихся на установке взрывных устройств в разных городах России. В живых оставлять их было бы неправильно. А вот женщин и слуг, насчитывающихся в количестве десяти человек, надо было пощадить, они ни в чем виноваты не были.

Снаряжение группы прибыло на остров еще два дня назад, по морю, и ждало десантников в одном из пакгаузов малагасийской столицы под видом «гуманитарной помощи». Получатель — «представитель немецкого посольства» — забрал его для передачи по адресу назначения, и вечером 17 августа группа уже имела оружие и костюмы для проведения операции.

Комбинезоны были доставлены бельгийского производства, легкие и удобные, с кевларовыми нашлепками на груди — напротив сердца и на животе. «Ночные» очки — английские. Ножи — немецкие. А вот огнестрельное оружие у каждого было свое, тоже иностранного производства, чтобы при случае неудачного стечения обстоятельств ни один след не указал на принадлежность десантников к секретной команде из России.

Командир группы имел американский пистолет-пулемет

«ингрэм» с глушителем и арбалет опять-таки американской фирмы Horton — мощный «hunter», превосходящий по точности стрельбы большинство пистолетов-пулеметов.

Борислав Сичкарь выбрал себе итальянский пистолет-пулемет «спектр» М4 с механизмом боевого действия, позволяющим открыть огонь немедленно без проведения каких-либо предварительных манипуляций.

Дима Рагозин всегда выбирал оружие немецкой фирмы «Хеклер и Кох», поэтому он вооружился пистолетом-пулеметом MPSK с приспособлением для управления автоматическим огнем — фиксированные очереди по три выстрела — и с коробчатым магазином большой емкости — на сорок патронов. Специалист по взрывному делу, стрелял он не очень уверенно и предпочитал вести огонь небольшими очередями.

Арыстан Буркитович Кабанбай любил в основном снайперские винтовки и стрелял так, что не снилось и чемпионам мира по стрельбе. Однако в данном деле снайперские винтовки были бесполезны, и он взял еще один арбалет и чешский штурмовой пистолет «CZ75FA» для уничтожения живой силы при бое накоротке.

Светлов же при работе за рубежом предпочитал штурмовой пистолет «KF-9-AMP» с магазином на тридцать шесть патронов. Этот пистолет был разработан для сил специального назначения, действующих в джунглях и населенных пунктах, и был очень удобен и надежен. К тому же для повышения эффективности ему придавался спецкомплект: глушитель, ночной и оптический прицелы, дульный тормоз и локтевая кобура.

Так как дом Басхадова располагался практически в зоне зума, с улицы к нему подступиться было нельзя. Десантникам предстояло поодиночке проникнуть во двор с тыла, со стороны одного из ближайших базальтовых выступов, что осложняло задачу. Однако уже в половине двенадцатого все пять членов группы собрались у забора с южной стороны усадьбы, и операция началась.

С помощью звукового сканера Владимиров прослушал двор и определил места, где укрывались охранники. Их оказалось трое. Один бродил вдоль забора, изредка останавливаясь у ворот, зевал, бормотал что-то под нос и снова обходил двор по периметру. Двое других стерегли лестницу, ведущую на первый и второй этажи «скворечника». Они тоже передвигались по двору, курили, беседовали, окликали третьего стража, но больше времени все-таки проводили у лестницы. А так как территория двора, вымощенного квадратной плиткой, была невелика, снимать всех троих надо было одновременно.

Момента ждали около четверти часа, затаившись в тени за-

бора и прислушиваясь к звукам не утихающего ночью базара. Затем майор подал сигнал, и двое десантников — Бай и Рагозин — бесшумно перемахнули через забор, заранее определив объекты воздействия. Не звякнула ни одна металлическая деталь, не скрипнула доска забора, не прошелестела одежда. Для обученных и тренированных членов группы такой забор, высокий, но без колючей проволоки поверху, препятствием не являлся.

Владимиров встал на спину Сичкаря, выпрямился, вглядываясь в темноту двора через устройство ночного видения, навел арбалет. В тот момент, когда Рагозин и Кабанбай выросли перед охранниками у лестницы, он выстрелил.

Тихий щелчок тетивы. Толстая короткая[1] стрела нашла голову охранника у ворот. Отброшенный ударом к колодцу, он упал и не поднялся.

Кабанбай разрядил свой арбалет, также целя в голову сторожа, и не промахнулся. Рагозин дал очередь из пистолета-пулемета, послышались тихие пок-пок-пок, и второй охранник растянулся рядом с напарником, не успев дотянуться до оружия.

— Пошли, — шепнул майор, первым перелезая через забор со спины Сичкаря.

За ним последовали оставшиеся члены группы.

В дом по лестнице первым бесшумно взбежал Светлов, обладавший исключительным чутьем и интуицией. За ним двинулись Рагозин, Кабанбай и Владимиров. Сичкарь должен был прикрывать их с тыла и следить за окнами дома со двора.

Перед дверью в дом Ростислав задержался на несколько мгновений, переходя в особое состояние рассредоточенного внимания, позволяющее чувствовать опасность. На груди вдруг сам собой шевельнулся амулет-бемихисатр. Показалось, что впереди разверзается черная пропасть.

Взмокла спина.

Он остановился, напрягая слух, поднял руку в перчатке без пальцев.

— Что? — выдохнул ему на ухо майор.

— Не знаю... — одними губами ответил Ростислав. — Чую угрозу... похоже, за нами наблюдают...

— Отходить поздно. Работаем!

Светлов толкнул дверь. Она со скрипом приотворилась. Из темного провала за дверью за порог выплеснулась волна запахов — от сигаретного дыма до запахов кожи, пота и еще каких-то специфических острых ароматов. Сквознячок опасности взъерошил волосы на затылке, протек вдоль позвоночника. Снова на груди шевельнулся купленный на базаре амулет. Но

[1]Длина стрел боевых арбалетов, как правило, не превышает 508 мм.

они уже п о ш л и, и Светлов тенью скользнул за порог, включая свое внутреннее экстрасенсорное зрение, помогавшее ему обходиться без инфраоптики.

Он оказался в небольшом квадратном помещении типа холла с двумя столбами посредине и пальмой, торчавшей из огромной кадки. Кроме пальмы по углам помещения располагались какие-то узкие и длинные сосуды в виде амфор. Два выхода вели из помещения в коридор первого этажа и в соседнее помещение, из которого на скрип входной двери выглянул какой-то человек в черной одежде.

Светлов выстрелил.

Человек отшатнулся, роняя из рук на пол что-то тяжелое и металлическое, упал. По всей видимости, это был пистолет.

Кабанбай, ворвавшийся в дом вслед за Ростиславом, метнулся к двери в помещение и выстрелил из арбалета. Послышался сдавленный вскрик, удар, стук падающего тела. Кто-то застонал. Бай скрылся в помещении, представлявшем собой, очевидно, комнату охраны, стон п"екратился. Бай вынырнул в холл, молча показал два пальца.

Командир группы махнул рукой вперед, первым направляясь к выходу в коридор. Не теряя ни секунды, остальные двинулись за ним.

По данным добровольных осведомителей, которыми располагали десантники, спальня и гостиный зал Сатаны находились на втором этаже, на первом же размещались подсобные помещения: кухня, столовая и комнаты для охраны и прислуги. Поэтому после нейтрализации первой линии охраны группа разделилась. Кабанбай и Рагозин начали прочесывать первый этаж дома, чтобы исключить появление сюрпризов в виде проснувшихся и вооруженных охранников, майор и Ростислав поднялись на второй этаж. В их задачу входила ликвидация самого Басхадова. Но здесь им дорогу в коридор преградила металлическая решетка.

Светлов почувствовал укол холода в грудь — напротив лежащего в кармашке амулета, невольно потрогал его рукой. Бемихисатр явно давал сигнал тревоги. Уже не первый раз.

Ростислав прислушался к своим ощущениям. Из коридора тянуло ненавистью и угрозой, и отмахнуться от этих ощущений было нельзя. Майор почувствовал его состояние, тронул за плечо.

— Отойди... я пойду первым...

— Там засада! — беззвучно шевельнул губами Ростислав.

— Не может быть... нас бы предупредили...

Владимиров потрогал решетку пальцами, дернул на себя. В то же мгновение в коридоре вспыхнул свет, ослепив обоих десантников, а с первого этажа донеслись крики и выстрелы. Дальнейшие события разворачивались в течение десятка секунд, сразу изменив сценарий операции.

Светлов выстрелил в люстру на потолке и отпрянул к стене, чувствуя затылком ветер смерти. Это спасло его от длинной автоматной очереди, протянувшейся из глубины коридора, хотя одна пуля все же ужалила левую руку. Он ответил короткой очередью из пистолета, автомат умолк. Но рядом заплясали еще два злых огонька — стреляли из автоматических винтовок типа «штайр» или «энфилд» калибра 5,56 мм, которыми были вооружены все полицейские силы Мадагаскара. Это Ростислав знал точно.

Владимиров охнул, однако ответил из арбалета, затем из пистолета-пулемета, и стрельба в коридоре прекратилась.

— Отходим? — выдохнул Светлов, чувствуя текущий по руке горячий ручеек.

— Я вниз, к ребятам, ты доделывай дело...

— Нас ждали!

— Я уже понял. Кто-то предал... из местных...

— Тот сукин сын, из местного Интерпола.

— Потом выясним. Выбирайся по запасному варианту. Удачи!

Майор стиснул локоть Светлова и ссыпался вниз по лестнице на первый этаж, где разгорелся нешуточный бой.

Ростислав дотронулся до раненой руки, заставил себя забыть о ране и ударом ноги сорвал замок решетки, метнулся в коридор в перекате, открывая огонь в полете по двери слева.

Майор оказался прав. Засаду устроили местные полицейские, что говорило о сговоре Басхадова с блюстителями порядка. Он купил их всех, в том числе и сотрудника Интерпола, и мог не бояться появления на Мадагаскаре охотников за преступниками из России или жаждущих мести соотечественников из других родовых чеченских кланов, родственников которых он убил.

Действуя на пределе возможностей, Светлов промчался по коридору как призрак смерти, успевая находить цели раньше, чем они его (всего здесь их ждали девять человек, в том числе — двое телохранителей Сатаны), и ворвался в спальню Басхадова, где его встретили сам Сатана и последний оставшийся в живых телохранитель.

Бой с ними длился несколько мгновений.

У них были шлемы с устройствами ночного видения и автоматы.

Он имел пистолет и ориентировался в темноте с помощью внутреннего зрения, включавшегося в минуты наивысшего напряжения.

Они начали стрелять, как только Светлов выбил дверь и ласточкой нырнул через порог в комнату. Одна пуля попала в левую, уже раненную руку и раздробила локтевой сустав, вторая попала в левую ногу, пробивая колено. Однако прежде, чем по-

терять сознание от болевого шока, Светлов дважды нажал на курок. И Шамиль Басхадов, бандит и убийца, не умеющий в жизни ничего, кроме как стрелять в людей или перерезать глотки пленникам, и его звероподобный телохранитель умерли, получив по пуле в голову.

Что было дальше, Ростислав помнил смутно. Инстинкты бойца спецподразделения руководили им, и то и дело проваливаясь в беспамятство, он спустился на первый этаж здания, убедился, что двое товарищей мертвы, и каким-то чудом успел выбраться с территории владений Сатаны до подхода еще одного отряда полицейских.

В условленном месте на окраине Антананариву, на берегу реки Анказубе, он ждал членов группы еще сутки. Но пришел только майор Юра Владимиров, получивший пять пулевых ранений, к счастью, несмертельных. Вдвоем они добрались до города Андевуранте на берегу Индийского океана, где их ждало судно под египетским флагом. В Россию оба вернулись спустя две недели после провала операции на Мадагаскаре. Так посчитали руководители группы в секретных кабинетах Главного разведуправления. Да, группа ликвидировала террориста, но и сама потеряла больше половины состава. Это был провал. То, что ее предали, не имело значения. Лишь много позже уцелевшие в операции узнали, что предали их свои же: один из чиновников связи получил за это крупную сумму денег. Его в конце концов вычислили, но погибшим членам группы, а также оставшимся в живых майору Владимирову и капитану Светлову это уже помочь ничем не могло.

О том, что он уволен, Ростислав узнал уже после госпиталя, в котором провалялся почти полгода. Однако вернуть подвижность левой руки и ноги врачи ему так и не смогли. С тех пор он ходил, раскачиваясь, как моряк на суше, подволакивая прямую левую ногу, не гнущуюся в простреленном колене, и прятал тоже не сгибавшуюся в локте, усохшую левую руку от любопытных взглядов...

Зазвонил будильник.

Ростислав вздрогнул и выбрался из-под одеяла. Пора было собираться на работу.

Глава 2

Его оперативный опыт оказался невостребованным.

Несмотря на поддержку майора, впоследствии также ушедшего в отставку в звании полковника, Светлова в армии не оставили даже в качестве инструктора по выживанию в экстремаль-

ных условиях. Впрочем, Ростислав сам не хотел служить в этом качестве, считая, что инвалиду в спецназе делать нечего. Спустя год после возвращения с Мадагаскара он устроился охранником в одной из коммерческих фирм Калуги, но проработал в фирме всего два года и уволился, когда от сердечного приступа внезапно умерла мама. После нее остался дом в деревне Илейкино Старицкого района Калужской губернии, и Ростислав переехал на родину, где у него еще оставались две тетки по маминой линии — Анна Ивановна и Прасковья Филипповна.

Несколько лет он пытался фермерствовать, выращивая картошку, фасоль, лук, продавал овощи на рынке, но конкуренции настоящих фермеров не выдержал и в конце концов устроился сторожем в колхозе «Новый путь», что позволяло ему сводить концы с концами, не вкалывая с утра до ночи на приусадебном участке. Сторожам, конечно, платили мало, однако Ростислав получал военную пенсию по инвалидности, и ему хватало.

Жил он один. Женщины, готовые принять его в семью, находились, но Светлов, во-первых, не хотел, чтобы его принимали из сострадания, будучи твердо уверенным, что жениться надо по любви, а во-вторых, исповедовал принцип: не создавай себе чужих проблем.

К тридцати восьми годам он отрастил бороду, усы, длинные волосы до плеч, в которых серебрилась седина, и теперь смахивал на священника без рясы. Он стал горбиться, все еще стеснялся хромоты и на людях показываться не любил. В последние годы пристрастился к чтению эзотерической литературы и раз в месяц ехал либо в Калугу, либо в Москву, чтобы покопаться в книжных развалах и приобрести очередную партию брошюр и философских трудов знаменитых и вовсе неизвестных исследователей русской истории.

На вопросы приятелей, с которыми он изредка встречался: как жизнь? — Ростислав отвечал с мягкой улыбкой:

— Спасибо, не жалуется...

Он действительно ни о чем не жалел и ни на что не жаловался, трезво оценивая свое положение. Если бы он не был инвалидом, попытался бы, наверное, изменить судьбу, так как был трудолюбивым и упорным. Как говорил его старый друг Рома Новиков: чтобы стать богатым, необходимы три вещи: ум, талант и много денег. В свое время Ростислав по собственной оценке разве что не имел много денег, остальное было при нем. Теперь же он понимал, что богатство — далеко не самая важная вещь на свете и что, даже не имея много денег, можно вполне комфортно жить и чувствовать себя человеком.

В молодые годы Светлова не зря называли талантливым бойцом, мастером рукопашного боя. Он свободно мог бы трени-

ровать не только юношей, но и бойцов спецназа, однако с потерей руки и ноги этой возможности лишился. К тридцати шести годам он увлекся составлением панно из разных пород дерева и добился удивительных результатов. Некоторые из его деревянных картин экспонировались на выставках народного творчества не только в России, но и за рубежом, а последние работы охотно покупали знатоки и ценители этого вида искусства.

Слава о стороже-художнике, живущем в глубинке Калужской губернии, дошла и до столицы. К Светлову приезжали из художественного института имени Сурикова и Академии народных ремесел с предложением возглавить студию и даже школу самодеятельного творчества. Но дальше разговоров дело не пошло. Предполагалось, что инициаторы создания студии и школы должны стать учредителями и получать прибыль, а работать на чужого дядю Светлов не собирался. У него самого давно зрела мысль организовать студию в селе — бесплатно, для ребят и девочек, желающих заниматься разными видами художественного творчества. Не хватало лишь средств на строительство мастерской.

В колхозе Светлова уважали за прямоту и честность. Неизбывная тяга халявщиков и люмпенов к воровству, воспитанная еще при советской власти (все вокруг народное, все вокруг мое), не исчезла и в новые российские времена. Тащили все, что плохо лежит, затем все, что можно продать. Работники колхоза «Новый путь» ничем не отличались в этом вопросе от своих соседей, считая, что имеют право красть «свое» добро. Поэтому, когда на принадлежащей колхозу мебельной фабрике появился новый сторож, никого это особенно не удивило. Зато первые же «несуны» почувствовали на собственном хребте, что такое непьющий и честный сторож, владеющий к тому же какими-то хитрыми приемами борьбы и способный справиться с десятком мужиков оптом.

Светлова пытались увещевать, уговаривать, спаивать, предлагали деньги и вещи, затем стали угрожать. Дело дошло до стычек с мужиками, из которых Ростислав выходил цел и невредим, и даже до попыток подстрелить его в лесу или возле дома. Пытались даже поджечь усадьбу. Однако и эти методы воздействия на строптивца не дали желаемого результата. Светлов отбивался молча и спокойно, в милицию о нападениях и поджогах не заявлял, продолжал нести службу с тем же тщанием, и от него отступились.

Взрослые зауважали, дети же давно не боялись и любили Монаха, как его прозвали в деревне, часто навещали его домастерскую и, затаив дыхание, наблюдали, как из кусочков де-

рева с разным рисунком возникает красивый лесной пейзаж, либо море, либо фантастический зверь.

Детей Светлов любил и никогда не прогонял. Ему нравилось исподтишка наблюдать за ними, слушать их тихий щебет, смех и возгласы. Во-первых, в такие моменты одиночество отступало, а он сам становился как бы главой семьи. Во-вторых, энергия детей заряжала и заставляла работать на вдохновении, что, естественно, сказывалось на качестве картин. Они у него получались чуть ли не живыми.

Больше всего Ростиславу было по душе присутствие соседского мальчишки, который появился в деревне в середине лета. Мальчишку звали Будимиром (сверстники чаще называли его Димкой), недавно ему исполнилось двенадцать лет, был он высокий, худенький, тихий, с удивительно нежным лицом и ясными зеленоватыми глазами, в которых изредка вспыхивали искорки мудрого, совсем не детского понимания жизни. Улыбался он редко, но если уж доводилось увидеть улыбку парня, казалось — начинал улыбаться мир вокруг.

Ростислав дважды беседовал с ним о том о сем и каждый раз вдруг начинал чувствовать себя робким несмышленышем, познающим азы жизни, а Будимира-Димку — умудренным опытом старцем, прожившим на свете не одну сотню лет. При этом мальчик продолжал оставаться самим собой, любил играть с детьми, выделяясь резвостью и быстротой реакции, а также слушать разные истории и смотреть на огонь камина.

Нравилось ему и следить за пальцами Светлова, укладывающими кусочки дерева в мозаику картины. Однажды он даже подсказал Ростиславу, какой нужно сделать распил на деревянной дощечке, чтобы получился нужный рисунок, и этим и вовсе расположил к себе бывшего рэкса по кличке Росс.

Светлов не один раз порывался расспросить парнишку, кто его родители и где он живет, но все как-то не получалось. Знал только, что за ним присматривает какой-то невысокого роста мужчина, похожий на японца. Будимир называл его дядей Толей. Однако познакомиться с ним пока не выпадал случай.

В субботу 25 августа Ростислав сдал дежурство сменщику и направился домой на мопеде. Это был его единственный, но весьма надежный вид транспорта.

Утро выдалось тихое, ласковое и солнечное, хотя довольно прохладное. Впереди Ростислава ждал отдых, творческий поиск и приятное чтение: он недавно приобрел книжку Трехглебова «Кощуны Финиста», — поэтому настроение складывалось хорошее, под стать утру. Дома он облился холодной водой во дворе, позавтракал и сел в светлице перед телевизором с книгой в руках.

По третьей российской программе передавали новости.

Несколько сообщений заинтересовали Ростислава.

О первом возвращении с Марса автоматического корабля с образцами грунта.

О запуске под лед Европы — спутника Юпитера — космического робота.

О дебатах в Евросоюзе о закрытии традиционных электростанций в связи с созданием «вакуум-квантовых насосов», качающих энергию прямо из вакуума.

Об открытии регулярных рейсов вокруг Земли первого орбитального самолета «Енисей», созданного в России.

О регулярном посещении двух космических станций — международной «Альфы» и российского «Байкала» — состоятельными космотуристами.

О китайской программе полетов на Луну и к другим планетам. Китайцы действовали последовательно и готовились к запуску собственной орбитальной станции «Великий поход».

Последняя новость была трагической: в Корее произошел случайный взрыв атомной бомбы, унесший жизни более сорока тысяч человек.

Светлов выключил телевизор, посидел в кресле, машинально поглаживая пальцем свой давний амулет — малагасийского божка бемихисатра, которого он называл Михой, и вдруг почувствовал беспокойство. Лупоглазый человечек под пальцами, казалось, ожил и поежился.

Ростислав прислушался к звукам, доносившимся в дом с улицы, выглянул в окно.

Напротив через улицу жила семья переселенцев Хосроевых из Ингушетии в количестве семи человек: старший Хосроев — Амид, в возрасте семидесяти лет, его жена, средний Хосроев — сорокалетний Нурид, его жена Фатима и трое детей, старшему из которых исполнилось пятнадцать лет. Светлов хорошо знал эту семью и недобрых чувств к ним не питал, несмотря на прошлые стычки с «лицами кавказской национальности» на территории Чечни, Ингушетии, Дагестана и за пределами России вообще. Хосроевы жили тихо, мирно и к соседям относились уважительно.

У дома он увидел машину дорожно-патрульной службы с мигалкой и потрепанный «уазик» с синей полосой по борту. Из «уазика» выскочили четверо крепких парней в форме спецназа, с автоматами в руках, в масках, и бросились в дом Хосроевых, одним ударом сломав калитку. Навстречу им попалась старуха с тазом в руках, ее оттолкнули в сторону, женщина выронила таз с бельем и упала. Затем послышались крики, треск мебели, звон стекла, удары, и спецназовцы выволокли из дома Нурида Хосроева и его пятнадцатилетнего сына. У парня шла из носа кровь,

а у его отца багровела под глазом здоровая опухоль. Мать парня с воплями и причитаниями бросалась к мужу и сыну, но ее отталкивали, пока спецназовец по знаку мужчины в штатском, вылезшего из милицейской «Самары», не ударил ее по лицу.

Светлов больше не колебался, вышел на улицу.

— Эй, богатыри, — окликнул он спецназовцев, волокущих соседей к машинам. — Может, не стоит столь радикально обходиться с людьми? А тем более с женщинами? Они-то в чем провинились?

Мужчина в штатском костюме, средних лет, с одутловатым бледным лицом и глазами навыкате, оглядел его с ног до головы, кивнул кому-то:

— Обыскать!

Из «уазика» выпростался еще один здоровяк в камуфляже, двинулся вразвалку к Светлову, демонстративно положив руку на ствол автомата.

— Руки на затылок! Повернись!

Люди делятся на носителей культуры и недоносков, вспомнил Ростислав чье-то изречение. Усмехнулся в усы, покосившись на бугая с автоматом, сказал, обращаясь к руководителю акции:

— А за пивом не сбегать?

— Чего?! — не понял тот.

— Надеюсь, документы на обыск у вас имеются, гражданин хороший? На дворе двадцать первый век, время зачисток миновало.

Спецназовец коротко ударил его кулаком в подбородок... и провалился вперед, сделав два шага по инерции и улегшись лицом в дорожную пыль.

Его сослуживцы, волокущие избитых ингушей, остановились.

Стало тихо.

Ростислав, прихрамывая, отмахиваясь прямой ссохшейся рукой, перешел улицу.

— Не желаете объяснить народу, что происходит, милостивый государь?

Одутловатый командир спецназа опомнился, сверкнул глазами.

— Взять его!

Двое верзил отпустили старшего Хосроева, бросились на Светлова и один за другим отлетели к забору, едва не сломав штакетник, тяжело рухнули на дорогу.

Глаза мужчины в штатском сузились. Он сунул руку за борт пиджака, сделал шаг вперед.

— Ты на кого руку поднял, хромой?! Я ж тебя!..

— Не пугай, губошлеп, — махнул здоровой рукой Ростислав. — Я и хромой из тебя говядину сделаю. Чем провинились эти люди? За что вы с ними так грубо?

— Застрелю, падла! — выдохнул спецназовец, державший младшего Хосроева. — Мордой в землю, быстро!

Светлов покосился на него, с печальной снисходительностью качнул головой.

— Классные кадры готовятся на родине моей. Давай стреляй, засранец, только потом ведь не отмоешься.

Командир группы дернул щекой, посмотрел на своего подчиненного.

— Подожди, сержант. — Повернул голову к Светлову. — Кто ты такой, инвалид? Документы есть?

— Зайдешь по-хорошему в дом — покажу. Капитан Светлов, рэкс ГРУ. Бывший, разумеется. Ну, а теперь и ты представься по форме.

Одутловатый несколько остыл, махнул рукой своим подчиненным, намеревавшимся довести дело до конца — скрутить обидчика и поломать ему парочку ребер.

— Капитан Корецкий, Калужский ОМОН. Эти люди обвиняются в краже, так что не вмешивайся, рэкс, тебе же дороже обойдется.

— Кто их обвиняет в краже?

— Местные жители. У твоих соседей пропали настенные часы, швейная машинка и десять метров полиэтиленовой пленки.

— Это у кого пропали? Не у Коли Бережного случайно? Он же алкоголик, тянет из дома, что попадется, продает и пропивает.

— Я ему сейчас!.. — рванулся к Светлову омоновец, которого он уронил самым первым.

Ростислав не двинулся с места, обманчиво расслабленный с виду и угрюмо спокойный.

— Отставить, Лукьяненко! — буркнул командир ОМОНа, посмотрел на ингушей, на их зареванных женщин, на Светлова. — Ты ручаешься, что они не воровали? У меня санкция прокурора.

Ростислав помолчал, решая, стоит ли рисковать, давать слово, за которое придется потом отвечать. Вспомнил ликвидацию Сатаны-Басхадова и других чеченских, ингушских, дагестанских и арабских бандитов, хотел было отказаться, но встретил тоскливо-обреченный взгляд Хосроева и неожиданно для себя самого проговорил:

— Ручаюсь. Им нет смысла воровать, на них же первых и укажут.

— Вот и указали. Смотри, капитан, с тебя спрошу, если что выяснится.

Капитан Корецкий махнул омоновцам:

— Отпустите их. Поехали.

Парни в камуфляже отпустили мужчин, полезли в «уазик», с угрозой поглядывая на Светлова. Машины уехали. Женщины с плачем кинулись к мужу и сыну, запричитали. Нурид Хосроев освободился от их объятий, фыкнул, чтобы замолчали, подошел к Ростиславу.

— Спасибо, брат! Век не забуду. Зайди, угощу вином.

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал Светлов, поворачиваясь к нему спиной, и вдруг поймал чей-то внимательный взгляд. Повернул голову. На него поверх штакетника смотрел с территории соседской усадьбы воспитатель Будимира, японец «дядя Толя». Кивнул. Светлов кивнул в ответ и зашел в дом.

На душе скребли кошки, хорошее настроение улетучилось. Из головы не шла мысль, что он что-то забыл или упустил из виду. Походив по светлице, Ростислав умылся, смывая водой отрицательную энергетику, подсел к столу и занялся работой. На носу была выставка художественных ремесел в Калуге, и он торопился закончить большое панно с лунным пейзажем.

Кто-то робко постучался в дверь.

— Войдите, — крикнул Светлов.

В светлицу проскользнул светлоголовый соседский мальчишка Будимир, остановился у порога. Глаза его светились изнутри как у кошки, и Ростислав поежился, встретив исполненный странной силы и теплоты взгляд парнишки.

— Можно, дядя Слава?

— Проходи, не стесняйся. Я думал, ты еще спишь, лето ведь, каникулы.

— Не-е, я рано встаю. Мама говорит: кто рано встает, тому бог подает. Можно, я с вами посижу?

— Дома не обижают? Какой-то ты сегодня печальный.

Будимир несмело улыбнулся, качнул головой.

— Меня никто не обижает.

Светлов вспомнил странно задумчивый взгляд японца, наблюдавшего за ним во время утреннего инцидента с омоновцами.

— А этот твой дядя Толя? Хорошо к тебе относится?

— Очень, — убежденно сказал Будимир. — Как папа.

— Значит, отца у тебя нет?

— Почему, есть, он живет в Москве с мамой. Дядя Толя его друг, мой наставник и учитель, он очень много знает и хорошо дерется. Лучше всех.

— Почему же он тогда не вмешался, когда приезжали омоновцы?

— Не знаю, мы вышли, когда вы уже с ними... — Будимир с

улыбкой пошевелил пальцами. — Вы тоже здорово деретесь, дядя Слава. А что такое рэкс?

— Это жаргонное словечко, аббревиатура слов «разведчик экстра-класса».

Глаза мальчишки загорелись.

— Вы разведчик? Я так и думал. Вы сильный — внутри, я это чувствую. Расскажите, где вы служили.

— Потом когда-нибудь, — пробормотал Ростислав, смущенный оценкой парня. — Значит, твой дядя Толя мастер по рукопашному бою?

— О да, и очень искусный. Почти как папа. Они еще умеют биться на мечах.

— Даже так? Понятно. Очевидно, они служили вместе в каком-то спецназе.

— Нет, не служили, они просто друзья. Папа у меня вообще-то бывший танцор, сейчас ведет мастер-класс в танцевальной академии. А дядя Толя работает в охранном агентстве.

Ростислав с интересом посмотрел на мальчика.

— Отец танцор? Любопытно. И в то же время он боец... Как это сочетается?

Будимир пожал плечами.

— Приходите к нам в гости, дядя Толя расскажет. А вот тут вы слишком светлую дощечку положили, нужна чуть потемней.

Он поискал среди разложенных на столе кусочков дерева дощечку с нужным рисунком и протянул Светлову.

Тот присмотрелся, кивнул, понимая, что мальчик прав. Погладил гостя по голове и получил при этом нечто вроде тихого и приятного электрического разряда, от которого по спине побежали мурашки, а в нагрудном кармане рубашки сам собой шевельнулся амулет Миха.

Глава 3

В воскресенье он поехал в Калугу на книжный рынок.

Конечно, этот рынок, занимавший часть центрального городского рынка недалеко от вокзала, не шел в сравнение с московским, располагавшимся в Олимпийском дворце спорта у метро «Проспект Мира», однако и здесь можно было купить новинки издательств, специализирующихся на эзотерической и научной литературе, и покопаться в развалах старых книг советского периода.

Пробродив по рынку полтора часа, Ростислав приобрел у какого-то старика бомжеватого вида семитомник Михайла Ломоносова, который давно искал из-за главных трудов ученого —

«Риторика» и «Грамматика», а также купил новую книгу Асова о предках русов — гиперборейцах. Довольный, он вышел на площадь Старый Торг, подошел к музыкальному киоску, сунул голову в окошко и попросил продавщицу подыскать записи старинных романсов. В это время кто-то бесцеремонно оттолкнул его от окна, так что Светлов едва не стукнулся щекой о раму.

— Отойди, старый.

Ростислав с удивлением глянул на бритоголового бугая с мясистым складчатым затылком, заросшего многодневной щетиной, в грязных джинсах, обтягивающих толстые ляжки, и в майке. Бугай сунул голову в окно киоска, не обращая на него никакого внимания, будто Ростислава не существовало.

— Эй, торговля, дай-ка мне последний хит этой пигалицы николаевской, как ее там... Катьки.

Продавщица смерила его взглядом.

— Я подбираю товар покупателю.

— Старый подождет, — небрежно бросил бугай. — Тащи Катьку, быстро, я спешу.

— Спешить можно, — тихо проговорил Ростислав, покосившись на второго верзилу, спутника бугая. — Хамить нельзя.

— Чо ты вякнул?! — выдернул голову из окошка бритоголовый. — По морде захотел?!

Ростислав спокойно отодвинул здоровяка, наклонился к окошку.

— Подыскали?

— Да, конечно, у нас есть две кассеты с концертами Захаренкова и Меладзе, возьмете? — предложила продавщица.

— Ах ты, курва патлатая! — Бугай ударил Светлова кулаком по затылку... и, тихо икнув, осел на тротуар с остекленевшими глазами.

Ростислав как ни в чем не бывало протянул в окошко деньги, взял кассеты, мельком посмотрел на осоловевшего молодого человека и пошел к автобусной остановке. Спутник бритоголового ошалело глянул на него, опустился на корточки перед приятелем.

— Ты чо, Утюг? Что с тобой?

— Ос-станови й-ехо... — прохрипел бугай, держась за горло. — Коз-зла с-старого...

Верзила догнал Светлова, рванул за плечо и замер, увидев перед собой сияющие ледяной синью глаза хромого «старика». Руку больно сдавили железные пальцы.

— Не шали, оглобля, — сказал Ростислав почти ласково, — покусаю. Возвращайся к дружку и передай, что хамов терпеть не могу! А будет предъявлять претензии — сделаю калекой.

Он отпустил побелевшего парня и снова неторопливо по-

брел через площадь, с грустью подумав, что началась какая-то неприятная полоса в жизни. Позавчера на фабрику снова заявились воры, которых пришлось крепко поучить. Вчера случился конфликт с ОМОНом. Сегодняшняя стычка с бритоголовым наглецом явно продолжала цепочку инцидентов и укладывалась в какую-то нехорошую систему. Следовало задуматься над этим и попытаться поменять образ жизни, вернуть размеренное течение бытия.

В кармане «вздохнул» Миха. Ростислав замедлил шаг, боковым зрением отметил чей-то острый взгляд, повернул голову и в человеке, сидевшем на месте водителя старенькой «Ауди», узнал того самого японца, которого соседский мальчишка называл дядей Голей и своим наставником.

Японец кивнул. Ростислав ответил кивком, чувствуя неопределенную досаду, будто его застали за неблаговидным занятием.

Японец приоткрыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

— Присаживайтесь, подвезу.

Светлов остановился.

— Мне далеко, в Илейкино.

Мимо проковыляла пара верзил, с которой у Светлова произошел инцидент у музыкального киоска, но останавливаться и качать права не рискнула. Ростислав перехватил взгляд японца, нахмурил брови. Тот усмехнулся.

— Хорошо, если ваш урок пойдет им на пользу.

— Не одобряете? — буркнул Ростислав.

— Почему же, одобряю. Добро должно побеждать зло, хотя бы и его оружием. Садитесь, Ростислав Степанович, у нас к вам имеется серьезный разговор.

— У кого это — у вас?

— У меня и у моего друга, отца Будимира, Никиты Сухова. Он ждет нас недалеко отсюда, в ресторане «Ока».

Ростислав угрюмо поднял бровь.

— Вы что же, следите за мной? Откуда вы знаете, что я в Калуге?

— Мы все объясним.

Ростислав машинально потрогал кармашек, в котором обитал малагасийский амулет Миха, оглядел площадь, бросил на заднее сиденье сумку с книгами и без особого желания сел в машину. Миха в кармане сделался вдруг холодным, как бы предупреждая хозяина о чем-то.

Сжалось сердце. Мысль, пришедшая в голову, была пугающе простой: его нашли те, с кем он когда-то воевал! Но у водителя было такое спокойное, располагающее лицо, что Ростислав

посмотрел на него и с облегчением расслабился. Этот человек был опасен, но не для него.

— Меня зовут Тоява Оямович Такэда, — сказал японец, словно почуяв колебания пассажира. — Но все зовут меня Толей, и я привык.

— Будимир рассказывал мне о вас, — кивнул Ростислав. — Он иногда забегает ко мне, интересуется, чем я занимаюсь. Удивительный пацан! Хороший глазомер, чувство гармонии, чувство прекрасного... Из него может выйти великолепный художник.

— Да, парень он удивительный, — проговорил Такэда с какой-то странной интонацией.

— В каком он классе учится? — Ростислав отметил эту интонацию, но заострять на ней внимание не стал.

— Димка учится в гимназии с лингвистическим уклоном, в девятом.

— Как в девятом? — не поверил Светлов. — Ему же на вид всего лет двенадцать...

— Двенадцать, но он в год успевает пройти программу двух классов. Учеба дается ему легко. Он мог бы вообще закончить гимназию года за три, да это никому не нужно.

Ростислав хмыкнул.

— Феноменальные способности! Я почему-то был уверен, что он знает больше, чем можно судить по внешнему виду.

Такэда промолчал.

«Ауди» свернула на улицу Ленина, остановилась у ресторана «Ока», расположенного напротив Калужского областного художественного музея. Водитель и пассажир вышли. Ростислав потянулся за сумкой с книгами, но Такэда остановил его:

— Оставьте в машине, после беседы я отвезу вас в деревню. Судя по объему, вы сегодня приобрели солидное собрание сочинений, нет?

— Вы догадливы, — сухо сказал Светлов. — В последнее время я пристрастился к чтению, могу позволить себе приобрести то, что нравится. Литература — самое гуманное средство ухода из жизни, знаете ли.

— В другую жизнь, — наметил улыбку японец. — Я вас понимаю. Хотя юному поколению мы, наверное, кажемся старомодными. Сейчас все повально увлечены компьютерным уходом из жизни, что чревато весьма негативными последствиями.

Один за другим они вошли в ресторан и направились к столику у окна, за которым сидел спортивного телосложения мускулистый мужчина: развернутые плечи, красивая гордая посадка головы, шапка русых волос, волевое лицо, пронзительные жел-

тые глаза, твердые губы. Он был очень похож на Будимира, и Ростислав сразу понял, что это и есть отец мальчика.

— Знакомьтесь, — сказал Такэда. — Никита Будимирович Сухов, Ростислав Степанович Светлов. Кличка Росс.

Ростислав внутренне вздрогнул, подавая руку Сухову. О том, что он рэкс из спецкоманды «Возмездие» по кличке Росс, знали единицы. Да и времени с той поры утекло достаточно, многое успело забыться, многое изменилось или обесценилось. И тем не менее японец з н а л, кем он был в прошлом.

Рука Никиты Сухова оказалась сухой и сильной. Они сжали ладони до боли, пробуя силу друг друга. По губам Сухова скользнула мгновенная усмешка, он первым ослабил хватку, кивнул.

— Наслышан.

— Зато я ничего о вас не знаю, — проворчал Ростислав. — Хотелось бы узнать, кто та зараза, что сдала меня вам.

Такэда и Сухов переглянулись с одинаковыми едва заметными улыбками.

— Присядем?

Они сели.

— Сейчас объясню, — сказал Такэда. — Обедать будете? Давайте закажем и начнем беседу.

Светлов заколебался.

— Обед за наш счет, — тонко понял его колебания Сухов. — Не беспокойтесь, мы можем позволить себе угостить приятного во всех отношениях человека.

Светлов порозовел, пригладил бороду, пытаясь скрыть смущение.

— Я сам в состоянии заплатить за обед.

— Без проблем, — кивнул Сухов.

Они заказали грибы в сметанном соусе, рыбу, суп с клецками, тушеные овощи, и оказалось, что все трое не едят мяса. Принялись за еду. Такэда съел первое блюдо быстрее всех и отложил ложку.

— Итак, Ростислав Степанович, пока вы будете есть, я буду рассказывать. Не перебивайте, каким бы сказочным мое повествование ни казалось. Обещаю ответить на все вопросы после рассказа.

— Откуда вы знаете, что я... Росс? Только не говорите, что узнали в милиции.

Такэда и Сухов снова обменялись мгновенными взглядами, прекрасно понимая друг друга.

— Разумеется, не в милиции, — сказал японец. — Не могу утверждать, что мы знаем о вас все, но кое-какие сведения име-

ем. Во всяком случае, о вашей службе в группе «В» и о том, как вы стали инвалидом.

— От кого? — глухо спросил Ростислав.

— От полковника в отставке Юрия Трофимовича Владимирова.

Светлов с недоверием глянул на невозмутимое лицо собеседника.

— Вы знакомы с Владимировым?

— Мир тесен, — улыбнулся Сухов. — Полковник сейчас работает в Совете ветеранов спецслужб, в Москве, Толя случайно встретился с ним по некоторым общим делам, он служит в охране важных персон, так они и познакомились.

— Понятно, — успокоился Ростислав, тряхнул головой. — Ничего не понятно! Зачем я вам понадобился? Юрок мой одногодок, но жив-здоров, да и опер отличный. Зачем вы разыскали именно меня?

— Прошу прощения, Ростислав Степанович, но уж так получилось. — Сухов отодвинул тарелку, промокнул губы салфеткой. — Нам нужен был человек, способный постоять за себя и защитить невинного и при этом не выделяющийся из толпы. Выбор пал на вас.

— Я калека...

— Я видел вас в деле, — без улыбки сказал Такэда. — Вы мастер боя, несмотря на известные физические... э-э, ограничения. К тому же они вполне устранимы. Но на первых порах никто не примет вас всерьез: хромой, да еще с покалеченной рукой... никому в голову не придет, что ваши кондиции позволяют вам отбиться не только от толпы мужиков, но и от специально тренированных бойцов. Не так ли?

— Ну-у... в общем-то... — пробормотал сбитый с толку Ростислав. — Я не понимаю... вы хотите предложить мне работу?

— Мы надеемся, что вы вольетесь в нашу команду и поможете спасти... м-м... — Такэда посмотрел на друга с неким колебанием.

— Кого? — поинтересовался Светлов. — Заложника?

— В принципе где-то вы недалеки...

— Двух, трех? Женщин, детей?

— Давайте все-таки по порядку. Но сначала ответьте на пару вопросов, если не возражаете.

— Валяйте.

— Как вы относитесь к мифам и легендам?

— Что? К мифам? — удивился Ростислав, не ожидая такого вопроса. — Положительно отношусь, в смысле — читаю с удовольствием. Некоторые мифы и легенды основаны на реальных

событиях и могли бы изменить взгляды на человеческую историю, если к ним отнестись серьезно.

Собеседники напротив вновь обменялись взглядами.

— Очень хорошо, Ростислав Степанович.

— Зовите меня просто Слава, мы, по-моему, одного возраста.

— Тогда и мы для вас Толя и Ник, идет? Еще вопрос: как вы относитесь к мистике и колдовству?

Ростислав не выдержал, засмеялся.

— Ох и вопросы вы задаете, мужики, прямо на засыпку. Не знаю даже, как отвечать.

— А вы воспринимайте их отвлеченно, в качестве некоего теста. О колдовстве у нас речь пойдет и дальше, и нам бы хотелось знать ваше мнение, верите вы в него или нет.

Светлов стал серьезным, покачал головой.

— Странные вопросы... странные намеки... а люди вы с виду степенные, серьезные. Что ж, тест так тест. Я считаю, что колдуны, ведьмы и волшебники на Земле существуют и поныне, только не афишируют свою деятельность в отличие от шарлатанов-экстрасенсов, магистров черной и белой магии и целителей-недоучек. Сам я с ними не встречался, но истории всякие слышал. Мой дед, к примеру, утверждал, что знал одного самого настоящего волхва, который и доселе, наверное, живет в Тульской губернии. Это, пожалуй, все, что я могу сказать о колдунах. Надеюсь, мой ответ вас не разочаровал?

— Ни в коей мере, все верно. Еще вопрос. Вы владеете кэндо?

Ростислав озадаченно поправил волосы на виске.

— Вы имеете в виду рубку на мечах?

— Точно так.

— В пределах необходимого. Хотя против настоящего мастера не выстою.

— Это поправимо, главное, что вам не надо будет начинать с азов. И последний вопрос: что вы знаете о Веере Миров?

— О Веере? — Ростислав недоуменно поднял брови. — Может быть, о Розе Мира? Вы имеете в виду книгу Даниила Андреева?

— Мы имеем в виду объективно существующую структуру Мироздания. Лет двенадцать-тринадцать назад она имела вид своеобразного «всера», каждая пластина-хрон которого была сдвинута относительно соседней на определенный временной угол, на хроноквант. Теперь Веер превратился в «пенный конгломерат» Миров, проваливающихся друг в друга. Мы называем его Фракталом Миров. Вам предстоит задача спасти этот «пенный» Фрактал... если вы, конечно, согласитесь.

— Ни много ни мало, — развеселился Светлов, ожидая, что Такэда переведет разговор в шутку. — Раз плюнуть!

Собеседники посмотрели на него оценивающе, с одинаковым терпением, и Ростислав почувствовал себя неуютно.

— Ни много ни мало, — тихо повторил Такэда. — Но раз плюнуть не получится. А теперь выслушайте историю Пути одного человека, волею судьбы ставшего магом в наше время. Если поверите и согласитесь помочь, тогда мы начнем...

— Толя, ты слишком многословен, — скривил губы Никита Сухов.

— Извини, волнуюсь, — сказал японец невозмутимо.

Ростислав понял, что услышит сейчас нечто необычайное, не укладывающееся в рамки обыденного течения жизни, и попытался унять поднявшееся в душе волнение. Такэда посмотрел на него своими узкими, словно прицеливающимися глазами и начал рассказывать историю Посланника. Сухов не мешал ему, лишь изредка вскидывал на Ростислава взгляд, проверяя, как он воспринимает те или иные детали рассказа, и вставлял короткие реплики.

Сначала Ростислав слушал рассказ Такэды с изрядной долей скепсиса, как литературное сочинение, не имеющее ничего общего с реальными событиями. Потом увлекся и не заметил, как начал с о п е р е ж и в а т ь и ждать развязки. Когда Такэда закончил повесть жизни Никиты Сухова битвой Семерых магов с Люцифером, Ростислав выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы, разжал кулаки, постарался успокоить сердце и обвел глазами ждущие сосредоточенные лица собеседников.

— Это все... правда? Все так и было?

— Правда, — кивнул Сухов без улыбки.

— Но тогда... все-таки... зачем вам понадобился именно я? Обыкновенный человек, да еще инвалид. Вы же... маг! Один из Семи... в ваших силах обойтись без...

— Во-первых, я уже давно не маг, — спокойно возразил Сухов. — Перед вами только физическая оболочка, чисто человеческое тело, так сказать, н о с и т е л ь силы. Сухов-маг ушел, и никто не знает, где он сейчас, в том числе и я. Во-вторых, мир изменился радикально, хотя далеко не все это замечают, даже в и д я щ и е. Веер Миров действительно превратился во фрактальную «мыльную пену», пузырьки которой постепенно тают, проникают друг в друга, сливаются из-за спонтанного исчезновения потенциальных «стенок» между пузырьками-хронами «пены». Этот процесс надо остановить, иначе Вселенная схлопнется сама в себя, превратится в Кладбище Миров, в часть Суфэтха — Сферы Хаоса. Но и это еще не все. Необходимо остановить последнего уцелевшего Великого игву Уицраора, который вознамерился протянуть Мост-тоннель через Суфэтх и освободить своего господина, выброшенного Волей Семерых за пределы

Веера. Если Мост будет создан, наше Мироздание превратится в полигон для таких дьявольских экспериментов, по сравнению с которыми нынешние человеческие фантазии покажутся пустяковыми и смешными.

Ростислав покатал пальцем шарик из салфетки, сказал ровным голосом, ни на кого не глядя:

— Вы считаете, что я справлюсь... с обузданием этого вашего... Уицраора?

— Вы один — нет, — покачал головой Такэда. — Это не под силу никому из простых смертных. Ваша задача — защита того, кто сможет это сделать. Хотя бы на первом этапе.

— И кто же этот храбрец? — скептически хмыкнул Ростислав.

— Тот, кого е щ е н е т.

— Не понял.

— Мой сын, — просто сказал Сухов. — Будимир.

Ростислав с изумлением посмотрел ему в глаза, но не увидел там ни капли насмешки, ни веселого огонька, ни желания разыграть собеседника, только глубокое понимание происходящего и печаль. Пробормотал:

— Вы... серьезно?

— Он потенциальный маг, — сказал Такэда. — Вернее, начинающий маг. В нем спит скрытая с и л а, которая должна реализоваться в будущем, и скорее всего не в нашем хроне. Но для этого он должен пройти Путь.

— Путь Меча?

— Нет, Путь Духа. Путь Меча прошел его отец, этого достаточно. Шаданакар ждет Избавителя, но и слуги Уицраора не дремлют! Если на «лестнице» Шаданакара появимся мы с Никитой, нас не пропустят в глубину Веера... м-м, Фрактала Миров. Вот почему выбор пал на вас. Мы с Ником, конечно, попытаемся вас подстраховать, сопровождать вас поелику возможно, в арьергарде, так сказать, но ответственность...

— Понял, — угрюмо проговорил Ростислав, машинально погладив здоровой рукой колено искалеченной ноги. — И все же я далек от тех кондиций, которыми владел прежде.

— Не волнуйтесь, я уже говорил, это дело поправимое. Как только выберетесь из нашего хрона, Будимчик вылечит ваши травмы. — Такэда глянул на Сухова. — В принципе руку можно было бы отремонтировать и нынче, как ты думаешь?

Сухов пожал плечами.

— Не вижу препятствий.

Японец повернулся к нахохлившемуся Ростиславу.

— Приедем в деревню, и малец заставит вашу руку действовать как в прежние времена.

Ростислав через силу улыбнулся.

— Больше всего мне хочется проснуться... со здоровой рукой. Но хорошо, допустим, я согласен помочь, побыть в роли телохранителя мальчика. Однако, если все это не вымысел, нам придется сражаться с колдунами, магами, игвами и прочими разными тварями... с той же «свитой Сатаны», с «черными коммандос»... А я обыкновенный человек, да еще неполноценный, как говорят...

— Вы, наверное, прослушали, что я говорил насчет магии, — мягко произнес Такэда. — В результате последнего Повеления Семерых, — он мотнул головой на усмехнувшегося Сухова, — все так называемое магическое оружие — шиххиртхи, хабубы, мороки, отниматели сил, суггесторы — перестало действовать. Кроме, разве что Финишта, меча Святогора, и, наверное, *умертвия*. Но о них разговор особый. То есть в пределах «вспенившегося» Веера Миров установлен предел магического оперирования, перейти который не может никто, даже Великий игва Уицраор. Ибо это — Закон Веера. Изменить его может только Соборная Душа Шаданакара... и по легенде Избавитель. Веер теперь находится в состоянии так называемого магического равновесия, вот почему на первое место выходит физическое мастерство боя, профессиональное владение приемами и тактиками выживания. Магического противодействия, такого, какое встретилось нам, вы не встретите. Все ваши сегодняшние враги...

— Наши, — поправил Тояву Сухов.

— Все наши сегодняшние враги будут вынуждены действовать в рамках Закона, то есть будут стараться убить нас физическим путем, с помощью ножа и меча, пистолета и гранатомета, с помощью веревки и яда. Не исключено, что некоторые магические эффекты нам все же встретятся, особенно в тех мирах-хронах, которые изначально подчинялись магофизике, но с ними, я надеюсь, мы справимся. Тем более что с вами будет Будимир.

Ростислав перестал катать шарик по столу, подозвал официанта, заказал кофе.

— Вопросы задавать можно?

— Было бы странно, если бы вы их не задавали, — хмыкнул Сухов.

— Насколько я понял, трое из четырех Великих игв погибли...

— Совершенно верно. Это Гиибель, Даймон и Гагтунгр. Остался самый мощный демономаг — Уицраор, олицетворение необъяснимого, нелогичного и непонятного. Хотя подрастает новое поколение демонических существ, последователей Великих игв, особенно в разрушении уже существующих вселенных, готовых на все ради удовлетворения своих желаний и амбиций.

— Как же мы справимся с ними?

— Опять вы меня не поняли, — качнул головой Такэда. — Мы не собираемся ни с кем воевать, разве что в порядке самообороны. Наш Путь, вернее, Путь Избавителя — это Дао, Путь Духа. Мы должны не уничтожить Уицраора, Люцифера и иже с ними, а собрать Душу Веера воедино. Понимаете? Это и есть цель похода. Дай бог, чтобы мы хотя бы полпути прошли тихо и незаметно, без драк и стычек с холуями демонòмагов.

— И все же, если нам придется защищаться, хотелось бы...

— Кое-какую экипировку мы достанем, на Земле в наши времена тоже научились делать хорошие защитные костюмы и оружие. Но вы правы, неплохо было бы найти и что-либо помощней. Мы займемся этим.

— Вы говорили о каком-то супермече...

— О Финисте, мече легендарного Святогора, прародителя Святой Руси, все еще ждущего своего освобождения. Гиибель заманил его, сымитировав облик еще одного русского богатыря, и, в общем, м-да... — Такэда пожевал губами. — Кажется, я начинаю повторяться. Меч Святогора — не просто конкретный вид холодного оружия, это эффектор гипервоздействия, магический оператор, созданный Творцом Веера для его защиты. Но существует еще один вид оружия...

— *Умертвие?*

— Да, универсальное оружие разрушения, создающее поток энтропии, смерти, отрицания любой организованной системы. Создано оно Люцифером и действует в любом хроне с одинаковым успехом. Разве что инициировать его может далеко не всякий человек. После Сражения с игвами Семерка заблокировала *умертвие,* спрятала в одном из разрушенных войной хронов. Хотя даже Никита сейчас не скажет — где именно. Итак, Слава, что вы нам ответите? — Такэда мельком посмотрел на часы.

Ростислав тоже глянул на циферблат своего командирского хронометра: они сидели в кафе уже почти два часа. Помедлил, цедя горячий кофе, не чувствуя его вкуса. Усмехнулся.

— Черт бы вас побрал, парни! Ведь жил себе тихо-мирно, никому не мешал, занимался любимым делом... а тут появляетесь вы и предлагаете все бросить к чертовой матери и мчаться куда-то на край света за призрачным счастьем... Кстати, вам следовало бы действовать как настоящие искусители, предложить бессмертие, власть, здоровье, деньги и что там еще полагается. Почему не обещаете?

Такэда и Сухов смотрели на него с одинаковой сдержанностью и сочувствием, уверенные в себе и ощутимо сильные, и Ростислав добавил, сгоняя усмешку с губ:

— Я с вами!

Глава 4

Ростислав не предполагал, что может так увлечься чужой проблемой, взвалив ее на свои плечи как веление долга. Конечно, по ходу дела у него возникали вопросы, однако, поверив своим новым товарищам, он не стеснялся выражать свое недоумение по тому или иному поводу и получал ясные и точные ответы, уже почти не удивляясь их необычности. Так, например, возник вопрос о школе.

Август заканчивался, приближалось первое сентября, время занятий, но ни сам Будимир, ни его отец, ни наставник не вспоминали об этом, будто парень вовсе не собирался учиться.

— Ему же в школу надо, — кивнул на мальчика Ростислав, уезжая из деревни с чувством легкой эйфории.

— Поход по хронам Веера не займет много времени, — сказал Такэда. — Относительно течения нашего времени, естественно. В каждом «пузырьке»-метавселенной время течет «под углом» к нашему, поэтому мы вполне можем успеть вернуться к началу учебного года. Другое дело — поиск входа в сеть хроноскважин, тут уж мы зависим только от земных законов и нашей расторопности.

Уезжали из Илейкина во вторник, 28 августа. Не верилось, что все это происходит наяву, тем не менее Ростислав держался так же невозмутимо, как и его спутники, и даже мысли не допускал, что может домой уже и не вернуться. Во всяком случае, собирался он основательно, по-хозяйски прибрал в доме и, запирая двери на замки, подумал, что за несколько дней ничего с хозяйством не случится. Правда, интуиция робко подсказывала, что поход продлится намного дольше, однако Ростислав не прислушивался к голосу второго «я», полагая, что контролирует ситуацию и всегда может отказаться от продолжения похода.

В три часа пополудни машина Такэды с четырьмя седоками подъехала к его дому в районе Останкина. Сухов с сыном пересели в другую машину — «Хонду Легенду» и уехали домой. Им надо было собраться, попрощаться с хозяйкой — по рассказам Такэды, жена Никиты Ксения была очень красивой женщиной — и купить билеты на самолет. Куда они летят — все вместе, разумеется, он не знал, отдал паспорт и больше не мучился, справедливо полагая, что ему все расскажут в нужное время.

Пока Такэда возился с машиной во дворе, Светлов с интересом прошелся по квартире японца, разглядывая интерьеры, прямо указывающие на национальность хозяина (хотя японцем Тоява был только наполовину — по отцу): циновки-татами на полу, коллекцию холодного оружия на стенах и полках, эстампы с видами Фудзи и поединками самураев, бонсаи — миниатюр-

ные деревья в кадках и специальных ящичках вдоль стен, и множество книжных полок, повешенных таким образом, чтобы образовывались традиционные японские токонома — ниши, в которых располагались статуэтки японских богов, ножи и кинжалы. В глубине одной из ниш висел старинный свиток с японскими иероглифами — какэмоно.

Вошел Такэда, волоча две огромные брезентовые сумки.

— Нравится? — кивнул он на стену с оружием.

— Я столько мечей не видел даже в музеях, — признался Ростислав.

— Ничего удивительного, я собираю коллекцию с детства, больше двадцати пяти лет, а начинал ее еще мой отец. Не хотите показать класс?

Светлов смущенно качнул головой.

— Я не держал в руках меча уже больше десяти лет.

— Давайте попробуем. — Такэда снял с подставок два меча — японскую катану и меч с прямым нешироким обоюдоострым клинком, с ребром, проходящим по средней части. — Это илд, монгольский меч, он очень легок и хорошо сбалансирован. Но можете взять любой другой.

— Пусть будет илд.

Ростислав взял меч, отметив его удобную рукоять, обмотанную тесьмой, крутанул кистью в разные стороны, пробуя клинок и вспоминая приемы фехтования.

— Начали полегоньку, — сказал Такэда и сделал три быстрых удара, выбивая меч из руки Ростислава.

Тот порозовел, подобрал меч, снова стал в стойку, раздувая ноздри, заставляя себя настроиться на бой и двигаться в т е м п е.

Клинки скрестились раз, другой, третий, комнату заполнил тихий звон и шелест стали, легкий топот ног и скрип паркета. Удар — отбив, удар — уклон, выпад — штамп сверху, нукитэ — обманное движение, веер, звонкий щелчок, свист воздуха, блок, развод, прыжок, спираль захвата, выход...

Бойцы отскочили, держа мечи над головой острием вперед. Потом Такэда поднял свой клинок вверх, поклонился. В отличие от бурно дышащего Светлова он, казалось, не дышал вовсе.

— Достаточно, Слава. Прекрасная подготовка. Я не знал, что наш спецназ готовят так хорошо. Или вы занимались фехтованием отдельно?

— Приходилось заниматься. Мой первый тренер был мастером фехтования. К сожалению, он потом уехал из России, так что навык у меня небольшой.

— Все равно деретесь вы очень достойно, это пригодится нам в дальнейшем.

— Неужели придется сражаться с кем-то на мечах?

— Мы должны быть готовы ко всему. Ник в свое время начинал с нуля, пока после упорных занятий не стал мечарем — мастером боя на мечах. Он намного сильнее меня. Конечно, эти современные железки, — Такэда пристроил мечи на место, — далеко не идеальны. Нам бы добыть парочку настоящих мечей, не говоря уж о Финисте.

— Он так хорош?

— Он уникален. Да и не меч это вовсе, как я уже говорил, а эффектор гипервоздействия.

— Он действительно может удлиняться на километр?

Такэда улыбнулся.

— Я тоже не верил, пока не увидел его в действии. Но владеть им может только герой, то есть очень сильный светлый маг, отстаивающий идеалы справедливости и добра. Воспользоваться Финистом наши враги, к счастью, не смогут. Но давайте собираться. Я принес экипировку, выбирайте костюм и оружие. Как говорили в старину: arma in armatos jura sinunt[1].

Ростислав покачал головой.

— С оружием могут возникнуть проблемы, особенно если придется перемещаться по воздуху. Нас не пропустят на контроле.

— Все предусмотрено. Мы с Ником готовимся к походу уже семь лет, так что позаботились кое о чем. Во-первых, у нас есть разрешение на ношение личного оружия. Завтра Ник привезет такое же и вам. Во-вторых, существует достаточно серьезное оружие, не требующее документов. В-третьих, в аэропортах мы все равно будем сдавать вещи в багаж во избежание ненужных объяснений.

Такэда раскрыл сумки, вытащил из одной пистолет с длинным дулом, бросил Ростиславу. Тот уважительно, со знанием дела повертел пистолет, вынул обойму, защелкнул обратно, вернул хозяину.

— Хорошая машинка.

— Приходилось пользоваться?

— Редко, мы все больше забугорное оружие применяли. Но этот «волк» совсем новый.

— Последнее поколение штурмовых пистолетов. Куча прибамбасов, ночной, лазерный и акустический прицелы, глушитель, приспособление для стрельбы из-за угла, магазин на сорок патронов, а главное — опознаватель владельца. Заметили на рукоятке черное стеклышко? Это устройство считывания папил-

[1]Закон позволяет применить оружие против вооруженных (*Положение Римского права*).

лярного узора. Воспользоваться таким пистолем сможет только хозяин, в чужих руках он не выстрелит.

— Разве его нельзя перекодировать?

— Можно, но для этого понадобится время.

Такэда вытащил из сумки еще одну вещь, и Ростислав заинтересованно взял у него из руки самую настоящую рогатку. Но рогатка была непростая. Она имела анатомическую рукоять, упор под локоть, металлические дужки и особое приспособление, напоминающее крестообразный прицел зенитного пулемета времен Отечественной войны.

— «Бекас»?

— Нет, это «кобра». Такими рогатками сейчас пользуются даже спецподразделения МВД. На дальности в пятьдесят метров пробивает пятимиллиметровый лист фанеры. Если, конечно, стрелять картечью. Пистолетов и «кобр» нам будет, конечно, недостаточно, но и с этими машинками можно будет отбиться от местников.

— От кого?

— Так я называю людей, в которых может вселиться программа охоты на нас. Кроме всего прочего, у нас будет вот это. — Такэда бросил рогатку в сумку, достал нож в чехле с красивой пупырчатой рукояткой.— «Дамаски». Наши отечественные, многофункциональные. Плюс наборы Н-1.

На свет появился комплект «ниндзя», в который входили метательные иглы и пластины, колючие «каштаны» игадама, скобы, трезубцы и приспособления для лазания по отвесным стенам и скалам.

— Годится, — кивнул Ростислав и вздохнул про себя; многим из показанного он воспользоваться уже не мог, в том числе рогаткой и набором Н-1.

Такэда понял его состояние, дотронулся до локтя.

— Не переживайте, Слава, скоро вы будете бегать, как молодой козел, гарантирую. Ну, а это «доспех», защитно-боевой костюм для экстремального выживания.

Он вытащил сверток дымчато-серого цвета, развернул в подобие комбинезона, ткань которого казалась текучей, дымящейся, неосязаемой, то и дело принимающей цвет окружающих предметов и как бы исчезающей на миг. Весил костюм около семи килограммов.

— Такой легкий, — с некоторым сомнением взвесил его в руке Ростислав. — Без оборудования?

— Полная нагрузка: система маскировки, компьютер, аккумуляторы, связь, целенаведение, опознавание, системы слежения за здоровьем и состоянием организма, «гуляющая пружи-

на» — экзоскелетный движитель, — все в наличии. Скорость передвижения — до тридцати километров в час.

— Впечатляет! В мое время комбезов таких еще не было. А где шлем?

— Шлем не нужен. Необходимые головные прибамбасы выдвигаются из воротника по мере надобности — рации, прицелы, экран наведения и целеуказания, устройство ночного видения, соска для поднятия тонуса.

— Здорово! Как вам удалось добыть такие костюмы?

— Мир не без добрых людей, — усмехнулся Такэда. — Конечно, это не диморфанты, спасавшие нас с Ником во время первого похода, однако, как говорится, за неимением гербовой пишут на простой. На первое время сгодятся и эти комплекты. А вот это нам понадобится в первую очередь.

Такэда вынул из другой сумки пакет, из которого вытащил нечто вроде металлического паучка.

— Датчик радиации? — неуверенно предположил Светлов.

— Лингвер, переводчик с аудиоответом. Знает сто с лишним языков, которыми пользуются в большинстве хронов Веера. К сожалению, у нас сохранился только один экземпляр, но Никите он не нужен, а я попробую раздобыть себе еще один аппарат у одного своего старого знакомого. Берите, это ваш, крепится к мочке уха.

Ростислав примерил «паучка». Он не однажды цеплял к уху миниатюрные «серьги» раций, но этот приборчик был почти невесом и не ощущался инородным телом.

— Сейчас мы его испытаем. — Такэда произнес какую-то фразу на японском языке, заканчивающуюся словом «вака-римасэн».

Ростислав невольно вздрогнул от неожиданности, услышав в ухе тихий отчетливый шепоток:

— Вы быстро освоитесь, лингвер не требует ухода и не боится водных процедур. Можете его не снимать. Поняли меня?

— Понял, — кивнул Светлов с запозданием. — Непривычные ощущения... будто говорящий сверчок в ухе сидит. Где делают лингверы? Неужели земная наука дошла и до таких совершенных аппаратов?

— Наука земная, только та Земля находится в другом хроне. Примеряйте «доспех», упаковывайте свои вещи в сумку, в том числе оружие.

— В мою не уместится...

— Мы приготовили спецсумки для каждого, с замками, одна из них ваша. Когда выберемся из хрона в Шаданакар, их придется бросить.

Такэда снова вышел.

Ростислав начал доставать из сумок все, что показал хозяин, примерил комбинезон, обтягивающий тело как толстая, мягкоупругая вторая кожа. Вернувшийся Тоява помог ему включить компьютерное сопровождение костюма, и Ростислав, почувствовав его «живое» тепло и ожидание, подумал, что такие «доспехи» намного увеличивают эффективность спецназа.

До вечера они упаковались, потом поужинали и легли спать, пожелав друг другу спокойной ночи. Уснул Ростислав не сразу, вспоминая подробности рассказа Такэды, формулировал новые вопросы, но задать их не решился, отложив беседу до утра.

Суховы — отец и сын — приехали в десять часов утра, одетые по-походному. Никита принялся подгонять экипировку и загружать сумки. Будимир без малейших следов волнения на лице помог отцу, потом подсел к компьютеру в спальне Такэды и запустил какую-то игру.

— Он знает, куда мы направляемся? — кивнул на мальчишку Ростислав.

— Знает, — спокойно ответил Сухов.

— Где его комбез? Удалось подогнать под его размеры?

— Комбинезон ему не понадобится.

Ростислав хотел было спросить: почему? — но вспомнил намеки Такэды на «магические способности» парня и промолчал. После паузы спросил:

— Кстати, а куда мы направляемся, если не секрет?

— На Таймыр, к оленеводам, — ответил Такэда. — Там живет тот самый старый знакомый, хаббардианец, бывший наблюдатель, у которого я попробую выпросить лингвер.

— Вуккуб? — вспомнил Светлов.

Такэда подмигнул Сухову.

— Быстро Слава ориентируется, ты не находишь? Совершенно верно, капитан, мы летим на встречу с Вуккубом, хотя он этого и не ждет. Но помочь нам может только он один. Вы на Таймыре еще не были? В море Лаптевых не купались?

— Не доводилось.

— Вот и испытаете на себе северные прелести.

— Температура воды в море Лаптевых даже летом не поднимается выше десяти градусов, — проворчал Сухов. — Не особенно поплаваешь. Ну что, готовы, господа бодигарды?

— Момент, — хлопнул себя Такэда по лбу тыльной стороной ладони. — Мы забыли кое-что сделать. Будимир, — позвал он сына Никиты.

На пороге спальни возник мальчик.

— П о с м о т р и ему руку.

Мальчишка подошел к Ростиславу, до последней минуты не верившему, что обещание Тоявы когда-нибудь исполнится.

— Рубашку снимать?

— Просто закатай рукав, — посоветовал Сухов-старший.

Ростислав повиновался, смущаясь и сердясь на себя за это смущение.

Будимир осмотрел усохшую руку Светлова, дотронулся до локтя пальцем, и всю руку Ростислава от плеча до кончиков пальцев свело как от электрического разряда, разве что не болезненного, а в чем-то даже приятного. Ростислав невольно отдернул руку. Мальчик улыбнулся.

— Я ничего плохого не сделаю, дядя Слава.

— Не сомневаюсь, — стиснул зубы Ростислав, унимая внутреннюю дрожь и прислушиваясь к своим ощущениям; по коже руки побежали мурашки, внутри локтевого сустава запульсировала жилка, прокалывая иногда всю руку от пальцев до шеи.

Будимир взял локоть Светлова в ладошки, закрыл глаза. Его лицо стало сосредоточенным и строгим.

Еще один «электрический» разряд свел мышцы руки, на сей раз тише и как-то иначе, и тотчас же Ростислав почувствовал горячую пульсацию крови по сосудам и понял, что может пошевелить пальцами! Проговорил озадаченно:

— Только не будите меня... она шевелится!

Сухов засмеялся.

— Ты не верил?

— Я и сейчас сомневаюсь... Но я действительно чувствую пальцы!

Рука теперь пульсировала вся, как живой камертон, горячая кровь струилась по жилам, кожа зудела и чесалась, но пальцы двигались, а потом вдруг с тихим внутренним «скрипом» разогнулся и локтевой сустав.

Ростислав вздрогнул.

Будимир открыл глаза, отнял горячие ладошки, улыбнулся чуть смущенно:

— Все будет в порядке, дядя Слава. Я вам не сделал больно?

Ростислав молча смотрел на свою о ж и в ш у ю руку, и вид у него был такой, будто он нашел драгоценный камень и не знает, что с ним делать.

Сухов сжал его здоровую руку, ушел на кухню. Такэда с любопытством подошел ближе, рассматривая бледную, худую, с набухшими венами больную руку Светлова, пробующего сжимать пальцы в кулак и сгибать руку в локте.

— Это называется п о в е л е в а н и е м. Кости целы, рука двигается, а мышцы нарастут. То же будет и с ногой, верно, целитель?

Мальчишка серьезно кивнул.

— Спасибо! — хрипло проговорил Ростислав, откашлялся. — Теперь я твой должник до конца дней!

Будимир покраснел, смутился.

— Ничего особенного я не сделал, только открыл энергетические каналы. В организме человека есть такие клетки...

— Он инициировал так называемые стволовые стромальные клетки костного мозга, — сказал Такэда. — Получив «приказ», они по кровеносным сосудам устремились к пораженному локтевому суставу и начали его лечить, восстанавливать ткани. Скоро рука будет как новая. А голову пришить сможешь, колдун?

— Вы скажете, дядя Толя... — улыбнулся Будимир.

— Кончай шутить, самурай, — появился в гостиной Никита с чашкой в руке. — От твоих шуток тараканы дохнут. Предлагаю попить чайку или кофе и в путь. Самолет из «Домодедова» вылетает в одиннадцать вечера. Пока доберемся, как раз регистрация начнется.

Ростислав не ответил, как зачарованный глядя на свою проснувшуюся руку, веря и не веря, что это с ним происходит наяву. Лишь когда Такэда принес ему чашку с горячим кофе, он очнулся и опустил рукав рубашки. Посмотрел на деловито настроенных мужчин, на по-мальчишески довольного своим успехом Будимира и с чувством проговорил:

— Не пожалею ничего!

Протянул руку. Сухов понимающе сжал его ладонь, Такэда положил сверху свою, посмотрел на мальчика:

— Присоединяйся. Все за одного, как говорится, один за всех.

Будимир накрыл три мужские ладони своей ладошкой, с несмелой улыбкой сказал:

— Как мушкетеры, да?

Все засмеялись, Ростислав тоже, чувствуя навернувшиеся на глаза слезы. Ему было радостно и хорошо.

Через несколько минут они погрузили сумки в «Ауди» Такэды и выехали.

В аэропорту Такэда поставил машину на платную стоянку, заплатив на неделю вперед, подошел к остальным. Ростислав вскинул свою сумку на плечо, собираясь идти к зданию аэропорта, но Сухов остановил его.

— Подожди немного. С этой минуты мы не знакомы. Дальше вы будете двигаться без нас.

— Почему? — удивился Ростислав.

— Как только наблюдатели Уицраора засекут наше передвижение с Будимиром, за нами начнется охота. Поэтому вы пойдете впереди, мы будем вас прикрывать. Связь держим по рации. Но вместе нас видеть не должны.

— Неужели наблюдатели следят за вами?

Такэда поднял руку с перстнем эрцхаора. В черном камешке помаргивал оранжевый крестик.

— Видите этот огонек? Он указывает на колебания магических полей в пространстве Земли. Это в свою очередь означает, что в наш хрон «просочился» кто-то из контролеров Уицраора. — Тоява кивнул на Никиту. — Для наблюдения за ним на всякий случай. Каким образом ведется наблюдение, мы не знаем, но ведется наверняка. Хотя, может быть, не прямо, а с помощью внедренных систем или вселенных в кого-то программ. Все семь лет после появления курьера мы искали сеть наблюдения и прятали Будимира. В смысле — его способности. Как будто все пока спокойно, однако лучше перестраховаться.

— Я понял. — Ростислав посмотрел на сына Никиты. — Ну что, лекарь, справимся? Ты готов?

Будимир ответил своей обычной мягкой извиняющейся улыбкой, посмотрел на отца.

— Пока, пап.

— Будь молодцом. — Сухов-старший на мгновение прижал сына к себе, поцеловал в макушку. — Я буду рядом.

Ростислав взял Будимира за руку, и они направились к освещенному зданию аэропорта.

Такэда и Сухов молча смотрели им вслед, пока хромой мужчина и мальчик не скрылись за вращающимися дверями.

— Потопали и мы, — сказал Никита, проведя ладонью по лицу.

Такэда посмотрел на эрцхаор, внутри которого вспыхивал и гас оранжевый крестик — знак внимания, поднял свою сумку, и они поспешили в зал регистрации вслед за юным посланником и его защитником.

Глава 5

Самолет приземлился в таймырском аэропорту Алыкель в шесть часов утра по местному времени.

Конец августа на Таймыре — это уже далеко не лето, и хотя Ростислав был готов к перемене климата, однако быстро понял, что плюс два в сочетании с ветром далеки от комфортного сочетания естественных природных условий. Человек вовсе не северный, он продрог в первые же минуты пребывания в краю вечной мерзлоты и вынужден был поддеть под куртку заблаговременно взятый свитер.

Полет прошел нормально. Будимир уже летал на самолетах и перенес воздушное путешествие спокойно, поглядывая время

от времени в иллюминатор. Они сидели недалеко от пары Сухов — Такэда, но делали вид, что незнакомы, хотя в душе Ростислав сомневался в необходимости соблюдения подобных мер предосторожности.

Аэропорт Алыкель располагается примерно посредине между двумя главными таймырскими городами — Норильском и Дудинкой, в полусотне километров от каждого. Сели в автобус, идущий в Дудинку. Сухов и Такэда проводили их взглядами, и отряд разделился. Ростислав не знал, каким транспортом будет добираться до места «группа подстраховки», но был уверен, что она постарается не выпустить их из виду.

В Дудинку приехали в десять часов утра, зашли в кафе недалеко от автовокзала под названием «Северное сияние». Не успели заказать завтрак, как в кафе объявились и Сухов-старший с Такэдой. Светлов удовлетворенно кивнул сам себе: их сопровождающие обладали немалым опытом и были профессионалами. Это успокаивало.

Позавтракали. Будимир вел себя по-взрослому чинно и невозмутимо, хотя видно было, что ему нравится играть в «разведчиков». Он с любопытством разглядывал посетителей кафе, прохожих, город, изредка обращал внимание Светлова на то, что показалось необычным, но, на взгляд самого Ростислава, необычное он увидел лишь один раз. Напротив кафе через всю улицу висел старый выцветший транспарант с надписью: «Коммунизм — светлое будущее человечества». Транспаранту этому исполнилось, наверное, не менее двадцати с лишним лет, и, почему его до сих пор не сняли, оставалось загадкой.

Сухов и Такэда позавтракали первыми и ушли.

Ростислав дождался, пока Будимир допьет какао, и они тоже вышли на улицу. Инструкции были самые простые — ждать сигнала. Поэтому решили не гулять по городу с тяжелыми сумками, тем более что было холодно и ветрено, а зайти в какое-нибудь теплое заведение и расслабиться. Вскоре такое заведение отыскалось — новенький кинотеатр «Элден». Взяли билеты на фильм-сказку «Логово зверя». Однако досмотреть фильм не довелось. Через час в ухе Светлова зашепелявила рация:

— Маршрут меняется. Езжайте в аэропорт.

Будимир воспринял известие не без сожаления — фильм был хорош, — но возражать не стал. Вернулись на автовокзал, снова поехали в аэропорт. По дороге получили дальнейшие целеуказания: взять билеты до Хатанги на самолет, там пересесть на вертолет до поселка Хындасско и ждать.

Так и поступили, продолжая делать вид, что Сухов и Такэда — чужие люди.

В Хындасско добрались уже поздно вечером, когда зажглись

фонари, и попали в зиму. Везде здесь лежал снег, поэтому лучшим видом транспорта наряду с оленями были снегоходы и триманы — трехколесные вездеходы на огромных, в рост человека, колесах, которым было не страшно никакое бездорожье.

Поселок Хындасско оказался небольшим и компактным. В нем жили не больше трехсот человек, в основном — долгане по национальности и ненцы. Стоял он прямо на берегу залива моря Лаптевых, окруженный с трех сторон тундрой. Ночи здесь темные, но фонари вокруг поселка позволяли ориентироваться свободно, и гости хорошо разглядели бревенчатые дома, похожие на деревенские средней полосы России, и оленьи шкуры, развешанные на шестах под окнами.

В центре поселка отряд объединился. Отец и сын Суховы обнялись.

— Как настроение, мужик?

— Нормально.

— Не замерз?

— Нет.

— Пока все идет путем, — сказал Такэда, единственный, кто не надел головного убора, на остальных красовались вязаные шапочки. — Никто за нами не топает, никто не дышит в спину. Будем надеяться, что нас потеряли из виду.

— Почему мы не остановились в Дудинке? — поинтересовался Ростислав.

— Потому что Вуккуб оттуда переехал сюда, в Хындасско. У нас были устаревшие данные. Теперь он зовется Онуфрием Порфирьевичем Попигаем и занимается целительством. В поселке он единственный лекарь.

— Он живет один?

— С женой Тааль. — Такэда покосился на усмехнувшегося Никиту. — Очень яркая и необычная женщина. Ник помог Вуккубу спасти ее. Теперь ее зовут Аделаидой.

— Поэтому вы надеетесь, что он поможет нам?

— В точку, капитан. Как рука?

Ростислав поднял левую руку, пошевелил пальцами.

— Странное ощущение — по ней все время бегают мурашки...

— Это объяснимо, идет процесс восстановления поврежденных тканей. Я бы посоветовал купить ручной эспандер и качать мышцы, дело пойдет быстрей. Кстати, то же самое будет и с ногой.

— Пойдемте, — сказал Сухов. — Холодно.

— Вы знаете, где его дом?

— Спросим у кого-нибудь.

— Не надо спрашивать, — раздался сзади чей-то негромкий, с характерными горловыми интонациями голос.

Все четверо оглянулись.

От столба с фонарем в полусотне метров отделилась тень, превратилась в фигуру человека в черном полушубке, с непокрытой головой. Человек шагнул к ним, буквально растворился в воздухе и материализовался уже в десяти шагах от застывших путешественников.

— Ба, да это Седьмой собственной персоной! — тем же звучным голосом с горловым оттенком продолжал незнакомец. — То-то чую — русским духом запахло! И оруженосец здесь. Приветствую вас в этом вечно мерзлом краю, господин Такэда. А это кто с вами? Парень явно похож на одного известного мне танцора, уж не ваш ли это отпрыск, Седьмой?

— Знакомьтесь: Ростислав Светлов — Порфирий Онуфриевич Попигай, — бесстрастно сказал Такэда. — Он же Вуккуб, сын хаббардианца и земной женщины, разведчик и маг, а также наблюдатель хрона.

— Бывший наблюдатель, — поднял вверх палец Вуккуб, разглядывая по очереди Будимира и Ростислава. — И зовут меня не Порфирий Онуфриевич, а наоборот, Онуфрий Порфирьевич. Хотя разницы никакой.

Волосы у Вуккуба были иссиня-черными, прямыми, блестящими, как вороново крыло, лицо смуглое, нос хищный, губы узкие, но абрис лица отличался от лиц «кавказской национальности», несмотря на сходство с иранско-мусульманским обликом, хорошо знакомым Ростиславу.

В черных глазах Вуккуба протаяла ироническая усмешка.

— Оруженосец нового посланника, надо полагать?

— Вы всегда отличались необыкновенной догадливостью... э-э, Порфирий... э-э, Онуфриевич, — с вежливой холодностью сказал Такэда. — И умением маскироваться. Мы отыскали вас с превеликим трудом.

— Чего ты хочешь от кромешника? — пожал плечами Сухов. — Это его нормальное состояние. Как насчет побеседовать о смысле жизни, господин Помигай?

— Попигай. О чем, о чем побеседовать?

— Нужна твоя помощь.

Вуккуб усмехнулся, хотя глаза его оставались оценивающими, зоркими, отталкивающими, умно-холодными.

— Спасибо за прямоту, Седьмой. Не думал, что ты вспомнишь обо мне когда-нибудь. Проблемы?

— Может, поговорим в другом месте?

— Прошу прощения. Идемте ко мне. Тааль уже накрыла на стол и ждет.

Никита поднял бровь.

— Вы нас... ждали?

Вуккуб кивнул, пряча в глазах огонек превосходства.

— С той минуты, когда вы высадились в Алыкеле. Эта северная земля стала моей вотчиной на многие годы, знаете ли, я хорошо ч у в с т в у ю появление «фигур умолчания» с магическим потенциалом.

Сухов и Такэда переглянулись.

— Этого следовало ожидать. Хаббардианцу индикатор не нужен, он сам себе локатор и эрцхаор. А почему ты уехал из Дудинки? Ведь ты жил там.

— Во-первых, у меня здесь не одно лежбище, во-вторых, в Дудинке запахло в с е л е н и е м, а я вмешиваться ни во что не хочу. Стар стал. Но поговорим об этом дома.

Вуккуб повернулся, чтобы пойти вперед, и в это время из ближайшей избы вывалила на площадь шумная толпа нетрезвых молодых людей в распахнутых куртках, горланя песни, танцуя, ругаясь и хохоча. От них валил такой пар, что, казалось, они выбрались из бани. Один из молодых людей, с фонарем в одной руке и бутылкой пива в другой, осветил Вуккуба, затем его спутников, заорал:

— Ребя, тут еще золотоискатели прибыли. Но, похоже, без дам. Эй, старый, где дамы? Нам девочек обещали.

Вуккуб наставил на него палец.

— Пу!

Парень вздрогнул, широко раскрыл глаза, выронил фонарь и бутылку и осел на ослабевших ногах. Остальные замолчали, глядя на своего предводителя неодоумевающе, бросились к нему, окликая, потеряв интерес к Вуккубу и его гостям. Тот обошел молодых парней, как неодушевленные предметы, направился к одному из ближайших домов поселка.

— Кто это? — догнал его Сухов.

— Новые русские туристы, — ответил Вуккуб, не оглядываясь. — Да и нерусских хватает. Каждый день кто-нибудь прибывает. То на Северный полюс собираются, за экзотикой, то мамонтов ищут. Неспокойно тут становится. Слишком уж рьяно цивилизация пытается освоить край света.

Последние слова Вуккуб произнес с явственным сарказмом.

— Что ты с ним сделал? — Никита оглянулся. — С туристом?

— Мозги вправил, — буркнул хаббардианец. — Очухается, может, станет иначе относиться к жизни.

Ростислав отстал, также оглядываясь на притихшую компанию, не понимая, почему молодые люди вдруг потеряли к ним интерес. Догнал Такэду, понизил голос:

— Что он с ним сделал?

— Ничего особенного, — ответил японец. — Жить будет.

Вуккуб лишь наполовину хаббардианец, человеческого в нем не меньше, чем хаббардианского. Все они трехсущностны, добро, зло и равнодушие поделены в их душах поровну, никогда не знаешь, что они выкинут в следующий момент.

— Никита сказал, что он кромешник. Как это понимать?

— Кромешник — живущий «на кромке», между Явью и Навью, между реальностью и миром смерти.

— Образное выражение?

— Самое что ни на есть отражающее суть натуры, действительное положение вещей. Вы еще убедитесь в этом.

Они дошли до скромного на вид бревенчатого дома с тремя окнами, с пристройкой, обшитой тесом, с двумя шестами, на которых болтались оленьи шкуры. Вуккуб открыл дверь, пропуская гостей в сени, вошел сам. Сняли обувь, надели меховые тапки, предложенные хозяином, зашли один за другим в хорошо натопленную избу и остановились у порога.

Внутри дом оказался большим и светлым, состоящим по крайней мере из пяти-шести комнат с центральной гостиной-горницей. А у накрытого стола стояла смуглолицая женщина ослепительной красоты в русском сарафане, с короткой прической и с улыбкой смотрела на гостей. С минуту длилось молчание. Потом Никита шагнул вперед и поцеловал ей руку.

— Привет, жрица. Хорошо выглядишь.

Женщина засмеялась.

— Ты тоже, посланник. А это кто с тобой?

— Мои друзья и сын.

— О-о! Ты не побоялся взять сына с собой? Похож, похож. — Хозяйка обошла Будимира, разглядывающего ее во все глаза. — Да, это твой сын. И что-то мне подсказывает, что он о ч е н ь непростой мальчуган. — Она подняла глаза на Такэду. — Саёнара, оруженосец. Ты ничуть не изменился за двенадцать лет.

— Сука-си[1], — вежливо ответил Такэда.

Женщина белозубо засмеялась, перевела взгляд на Ростиславa, и тот почувствовал холодный сквознячок, проникший в голову изнутри. Светлов ощетинился. Сквознячок прекратился. Глаза хозяйки расширились, в них мелькнуло удивление, сменившееся иронической искрой.

— Меня зовут Тааль. А вы, наверное, новый оруженосец?

— Его зовут Ростиславом, — сказал Сухов. — И он не оруженосец. Защитник.

— Хромой? — Тааль оценивающе прошлась взглядом по фи-

[1]Немного (*яп.*).

гуре Светлова. — И защитник? Оригинально. Хотя, может быть, я чего-то не вижу.

— Не держи гостей на пороге, — проворчал Вуккуб с какой-то странной интонацией. — Усаживай за стол. Самое время ужинать.

Тааль отступила, сделала широкий приглашающий жест.

— Проходите, гости нежданные, присаживайтесь. Давно хотела с вами увидеться, да все муж не позволял. Уверял — сами придете. Вот вы и пришли. Первое будете? Я хорошие щи научилась варить, с олениной.

— Пожалуй, не откажусь, — сказал Сухов.

— А вы, Ростислав?

— Я как все, — пробормотал застигнутый врасплох Светлов.

— Тогда сейчас принесу горшок со щами.

Тааль вышла на кухню: Ростиславу показалось — сквозь занавеску, не отодвигая ее. Он встретил взгляд Такэды и понял, что не ошибся в своих ощущениях. Здесь царили законы иного мира, мира Хаббарда, родины Вуккуба и Тааль, где волшебство являлось неотъемлемой частью бытия. Физические законы реальности Земли запрещали слишком масштабные проявления магии, но хаббардианцам удалось создать свой локальный мирок, замаскировав его под деревенскую избу.

Они разделись, по очереди умылись в прекрасно обставленной туалетной комнате.

— Никогда не ел щи с олениной, — сказал Такэда. — Не запротестовал бы организм.

— Свиней у нас не разводят, — усмехнулся Вуккуб, изредка поглядывающий на осоловевшего от тепла Будимира. — Иногда охотники приволокут кабана, но это бывает редко. А вот диких оленей развелось столько, что приходится отстреливать сотнями. Ягель сдирают, травяной покров, тундра начинает заболачиваться. Да и климат меняется, у нас среднегодовые температуры поднялись на десять градусов. А ведь это край вечной мерзлоты, если он потечет — придется переносить города и поселки, строить заново, по другим технологиям.

Тааль принесла горшок со вкусно дымящимся варевом, разлила по тарелкам. Будимир хотел было отказаться, но уловил едва заметное движение бровей отца и взял ложку. Правда, съел он немного, однако не без удовольствия и даже похвалил, тихо проговорив:

— Вкусно...

Тааль зарделась, словно получив приз за изготовление блюда, бросила на Сухова-старшего косой взгляд, погладила Будимира по голове.

— Спасибо, мужчинка. Надеюсь, остальным тоже понравит-

ся моя стряпня. Насколько мне помнится, оруженосец не ест мяса.

— Я тоже, — сказал Никита.

— Понятно, это возрастное. Помолодеть вы не помолодеете, но сохранитесь дольше. А вы, защитник?

— В принципе большого значения это не имеет, хотя и я предпочитаю растительную пищу.

— Вы думаете, что это характеризует мужчину положительно?

— Я как-то на эту тему не задумывался, просто живу так.

— Люди Земли изначально создавались хищниками, пожирателями животных, хотя опять же обвинять их в этом не стоит. И все же заменить мясо, богатое белками, пока еще трудно. Могу предложить всем тушеные овощи, грибы, жареную оленину и зайчатину.

— Овощи, — в один голос проговорили Такэда, Сухов и Светлов.

— И грибы, — добавил несмело Будимир.

Вуккуб засмеялся. За ним засмеялись остальные, и этот смех на несколько мгновений сблизил столь непохожих друг на друга людей и существ иного мира, «сосланных» в ад Земли за прошлые грехи.

Ужин закончился чаепитием. Чай был заварен травами и листьями брусники и был необыкновенно вкусным. Клевавшего носом Будимира уложили спать, и взрослые собрались в одной из комнат, оказавшейся кабинетом хозяина. В нем умещались два стула, диванчик, стол и на нем современный отечественный «ПиСи» марки «Золотой прииск».

— Теперь выкладывайте, с чем пожаловали, — хмуро произнес Вуккуб, у которого явно испортилось настроение.

Ростислав не знал причин изменения душевного состояния хаббардианца, но догадывался, что оно связано с поведением жены. Тааль слишком много внимания уделяла старшему Сухову.

— Нам нужен выход в Шаданакар, — сказал Никита, как никто другой понимавший состояние Вуккуба.

Тот скривил губы.

— А меч Святогора в придачу вам не нужен? Могу сбегать.

— Нужен, — остался серьезным Никита. — Только вряд ли тебе известно, где он находится в данный момент.

Вуккуб сверкнул глазами, отвел взгляд.

— Я пошутил. Но и с выходом в Веер помочь не смогу. Ты же искал Книгу Бездн, — повернул он голову к Такэде. — Так и не нашел?

— А разве она не у вас? — с изумительной восточной корректностью спросил Такэда.

Вуккуб посмотрел на него, на Сухова, в свою очередь с прищуром разглядывающего хозяина, покачал головой.

— Вы напрасно рассчитываете на...

— Не становись занудой, — вошла в комнату Тааль, — иначе я решу, что ты постарел. Как говорит древняя мудрость: никогда не ври, если правдой можно добиться большего. Двенадцать лет назад эти люди помогли нам, и не их вина, что мы остались в их хроне в роли отбывающих наказание.

Вуккуб глянул на жену исподлобья, хотел сказать что-то резкое, но передумал. Пробормотал с плохо скрытой ехидцей:

— Если они такие умные, почему строем не ходят? Почему обращаются за помощью именно ко мне, злобному хаббардианцу?

— Потому что ты единственный, кто может им помочь.

Вуккуб усмехнулся, задумался, приглаживая волосы на виске. Проворчал:

— Женщины редко ошибаются в людях. Не помню, кто сказал: они любят побежденных, но изменяют им с победителями. — Вуккуб кинул мгновенный взгляд на Сухова. — Может быть, я действительно больше землянин, чем хаббардианец? — Он с усилием отбросил колебания. — Книга Бездн, дорогой Тоява Оямович, у меня, точнее, большая ее часть, однако главный ее фрагмент — «ключарь» или «мысленник» — отсутствует, а это как раз та часть, в которой описываются методики личностного «выхода за предел», то есть за границу хрона. Единственное, чем я вам могу помочь, это направить к моей дальней родственнице, бабе Домне.

— К Бабе-Яге, — улыбнулся Сухов.

— В каком-то смысле, — кивнул Вуккуб, не обижаясь. — Много лет назад, еще до моего появления на Земле, она была наблюдателем... э-э, определенных сил, но потом влюбилась в землянина, родила трех сыновей и вышла из игры. Ей около двухсот лет, тем не менее старушка еще не настолько выжила из ума, чтобы не помнить свое прошлое.

Такэда и Сухов переглянулись.

— По легендам Баба-Яга является посредником между Явью и Навью, — сказал японец. — И живет она в избушке на курьих ножках, которая вовсе даже не избушка, а врата в мертвое царство. Может быть, так оно и есть на самом деле?

— Ты просто кладезь информации, оруженосец, — проговорил Вуккуб с прежней ехидцей, — за что я всегда тебя уважал.

— Где живет эта твоя родственница? — осведомился Сухов.

— Под Томском, на Оби, местечко называется Навье Болото.

Такэда хмыкнул. Сухов улыбнулся.

— Весьма символичное название, вы не находите, господа? Точные координаты дашь?

— Сорок километров к северу от Томска. Прямых дорог, к сожалению, нет, придется добираться окольными путями, а последние километров десять — вообще по бездорожью.

— Проводи их, — предложила Тааль.

— Вот все брошу и провожу, — огрызнулся Вуккуб. — Доберутся, не маленькие. Погода хорошая, дожди там еще не начались. Надеюсь, это все, что вам нужно от меня?

— Все, — кивнул Сухов, делая вид, что не замечает красноречивых взглядов хозяйки дома. — Разве что хотели попросить лингвер и маленький резиновый мячик.

— Мячик? — удивился Вуккуб. — Зачем?

— Ему, — кивнул на Ростислава Никита, — руку тренировать.

— Хорошо, лингвер я дам. — Вуккуб встал, подтолкнул жену к двери. — Поищу и мячик. Отдыхайте, утром отправитесь назад. Я довезу вас на снегоходе до Хатанги. Вертолет к нам теперь прилетит не раньше чем через неделю.

— Спокойной ночи, мужчины, — сказала Тааль.

Хозяева вышли.

Трое путешественников обменялись взглядами.

— Он ревнует тебя до сих пор, — усмехнулся Такэда.

— Вижу, — ответил такой же усмешкой Никита. — Хотя видит бог — без оснований.

— Иди скажи ему об этом.

— Зачем? Он не поверит. Подумает, что я хочу оправдаться, в то время как я ни в чем не виноват. Хотя чего греха таить, Тааль мне нравилась. Как она тебе, капитан?

— Красивая... — пробормотал застигнутый врасплох Ростислав, подумал и добавил: — Но не в моем вкусе.

Никита засмеялся, встал.

— Пойду пройдусь к морю. Не составите компании?

— Я спать хочу, — отказался Такэда.

— Я тоже лягу, — кивнул Ростислав.

— Ну и правильно.

Сухов вышел. Стукнула дверь.

— Я заметил, как она на него смотрела, — вполголоса заметил Ростислав.

— О да, Ник когда-то произвел на нее большое впечатление, — кивнул бесстрастно Такэда. — Она была готова на все. Не знаю, что такое любовь по-хаббардиански, но, возможно, она его любила. Вы где ляжете?

— Мне все равно.

— Тогда я с вашего разрешения лягу в горнице. Присоединяйтесь, я не храплю.

— Я тоже, — улыбнулся Ростислав.

Руку продолжало дергать, но это было приятное дерганье: процесс восстановления продолжался, поврежденные кости приобретали прежнюю форму и плотность, мышцы увеличивались в объеме, и он уже мог держать в руке любые предметы, в том числе резиновый мячик, подаренный Вуккубом.

Они улеглись на диване и на раскладушке, где им постелила Тааль. Потушили свет.

Сухов вернулся через полчаса, зашел к сыну в спальню и стал раздеваться, укладываться в соседней комнате.

— Как погулял? — сонным голосом спросил Такэда.

— Нормально, — отозвался Никита. — Море светится. Холодно. Ветер.

— Где хозяева?

— Я встретил Вуккуба.

— Уверен, что он пошел за тобой намеренно. О чем беседовали?

— Ни о чем. Просто смотрели на море. Потом я сказал ему, что не спал с Тааль, и он ушел. Молча.

— Интересно.

— Да нет, все правильно. Что бы он мог ответить?

В доме наступила тишина, лишь снаружи долетали посвисты и вой ветра в трубе, да гудели провода.

Ростислав не заметил, как уснул.

В семь утра их разбудил Вуккуб.

— Подъем, спасители мира и отечества! Пора в путь. Я иду с вами.

Он вышел.

— Я предполагал нечто подобное, — подал голос Такэда. — Тааль все-таки уговорила его.

Никита промолчал. А Ростислав подумал, что желание женщины — великая сила, заставляющая подчиняться даже очень сильных мужчин.

Эпизод 2

ПРЫЖОК В БЕЗДНУ

Глава 1

Ростиславу не впервой было проводить в дороге по нескольку суток кряду, хотя последние десять лет он редко покидал родную деревню надолго. События последних дней несколько утомили его, и он с беспокойством следил за своим подопечным, едва ли готовым к таким нагрузкам. Однако, к его удивлению, Будимир держался молодцом, особых забот не требовал, а если уставал — старался этого не показывать и слушался взрослых беспрекословно.

Уже к вечеру следующего дня компания из четырех мужчин и одного ребенка добралась до Томска, где и заночевала в гостинице «Спутник» на улице Белинского, в трех комнатах.

Летели все вместе, без разделения команды на «авангард» и «арьергард». Такэда заикнулся было об опасности быть вычисленными контролерами СС, но Вуккуб отмахнулся, утверждая, что пока он с ними, беспокоиться о слежке не стоит. Улучив момент, Ростислав вполголоса поинтересовался у Сухова, что означает это заявление, и Никита коротко ответил:

— Он способен создавать вокруг себя «зону непрогляда».

Объяснять, что это означает в свою очередь, Сухов не стал, но Ростислав и так понял, что имелось в виду.

В гостиничных номерах расположились таким образом: Такэда с Ростиславом, Суховы — отец и сын, и отдельно от всех Вуккуб, то есть по паспорту — Онуфрий Порфирьевич Попигай.

— Забавно все это... — заметил Ростислав, когда укладывались спать. — На дворе двадцать первый век, космические корабли долетели до Марса, на Луне строится первая база, а на Земле сохранилась избушка Бабы-Яги...

— С одной стороны, действительно странно, — согласился Такэда. — Но с другой — человечество ищет выход в космос не с той стороны. Все сказки, былины, мифы и легенды отражают истинно существующие реалии, разве что в других хронах. Мы в этом уже убедились с Ником, убедитесь и вы. Вселенная родилась некогда насквозь магической, лишь с течением времени в разных ее слоях-хронах начали проявляться иные законы.

На Земле тоже когда-то существовали магические цивилизации, задолго до атлантов и гиперборейцев. Мы с вами — «забытые следы чьей-то глубины», как говорил поэт[1]. Только изредка в нас просыпается древняя с и л а, но не всегда те, к кому она приходит, способны употребить ее во благо.

— Не все способны увидеть в луже звезды.

Такэда озадаченно посмотрел на Ростислава, потом понял.

— Вы правы, человечество в массе своей не задумывается о звездах, высший полет мечты для него — выиграть миллион.

Ростислав потушил свет, лег.

Помолчали.

— У меня возникает некое нехорошее подозрение... — сказал Ростислав задумчиво. — Не слишком ли все гладко у нас идет? Ведь если наши враги знают о возможном рождении Избавителя, они должны были подстраховаться, установить за всеми подозрительными хронами слежку, чтобы контролировать появление людей с запасами с и л ы. А Будимир как раз и есть...

— Цс-с-с, — прижал палец к губам Такэда. — У стен есть уши, Слава, надо помнить об этом всегда. Что касается контроля, то засечь рождение мага непросто. Будимка родился сразу после Повеления Семерых, когда прислужники демономагов прятались по норам во избежание кары. Да и способности с приставкой «экстра» у малыша начали проявляться недавно, в десятилетнем возрасте. Но я понимаю вашу тревогу. У меня на душе тоже кошки скребут.

— Вы не доверяете Вуккубу?

— Никита доверяет, — уклончиво ответил Такэда. — Спите, утро вечера мудренее. Завтра все наши страхи покажутся нам смешными.

Вскоре они уснули, и приснился Ростиславу сон: будто бежит он по мрачному лесу, не хромая, с двумя мечами в руках, а за ним гонится жуткий зверь, воплощение Апокалипсиса, с тремя головами и шестью лапами, в которых сверкают огромные секиры. Бегство заканчивается на берегу огненной реки, у деревянного моста, на котором уже приплясывает в нетерпении Будимир.

— Быстрее, дядя Слава! — кричит он. — Не надо с ним сражаться! Это страж Калинова моста, он питается нашими эмоциями, страхом и ненавистью!

Ростислав бросил один из мечей в морду зверя и прыгнул на мост...

---

[1]А. Блок.

* * *

Утром Вуккуб пригнал микроавтобус «Соболь», они погрузились, Вуккуб сел за руль, и машина выехала из Томска по дороге на Новосибирск. Ростислав хотел было поинтересоваться, где хаббардианец достал новенький микроавтобус, но спутники вопросов не задавали, и Светлов промолчал, подумав, что Вуккуб мог просто загипнотизировать водителя или владельца «Соболя».

По шоссе ехали недолго, минут двадцать, за мостом через Обь свернули на север по грунтовой дороге, углубились в леса, придавленные тучами. Молчали. Вопреки утверждению Такэды, что утром они встанут бодрыми, свежими и бесстрашными, все почему-то чувствовали себя неуютно.

Сухов, посматривающий с неопределенной тревогой на сына, наклонился к нему:

— Что приуныл? Плохо себя чувствуешь?

— Не-а, хорошо... — тихо ответил мальчик. — Просто кто-то смотрит на нас... очень недобрый...

Мужчины переглянулись.

— Кто именно? Ты его видишь? Где он прячется?

— Везде... в лесу... в тучах... я не могу сказать точно.

— Они все-таки выследили вас, — сквозь зубы проговорил Вуккуб, — и запустили систему обнаружения. За нами «идет» охотничья программа, материализованный поток внимания. Успеть бы добраться...

Сухов думал несколько мгновений.

— Переодеваемся. Шансов прорваться больше не будет.

Они открыли сумки и переоблачились в «доспехи», рассовав по карманам оружие и необходимые вещи.

Дорога закончилась, точнее, как бы растворилась в лесу. «Соболь» углубился в лес, с трудом объезжая поваленные деревья и заросли, потом запрыгал по кочкам начавшейся мари. Через полчаса Вуккуб остановил машину.

— Все, приехали. Дальше придется пешкодралом.

Он первым отыскал едва заметную тропинку, петлявшую между деревьями и кочками, быстро пошел вперед, прислушиваясь к чему-то и часто нагибаясь, будто принюхиваясь к следам. За ним двинулись Ростислав с Будимиром, последними — Такэда и Сухов-старший.

Рука мальчика часто вздрагивала, то ли от волнения, то ли от страха, он спотыкался и тогда виновато вскидывал глаза на Светлова, как бы прося прощения.

— Не бойся, — попытался успокоить его Ростислав. — Все будет хорошо.

— Я не боюсь, — бледно улыбнулся Будимир. — Просто не привык держать «зонтик».

— Какой зонтик? — не понял Ростислав.

— Это я так называю невидимый мысленный экран, защищающий нас от чужих взглядов. Дядя Вуккуб тоже держит такой «зонтик», но он больше шумит, чем защищает.

Тропинка вывела отряд на заболоченный берег Оби, Вуккуб остановился. Глаза его светились, как у кошки, что было заметно даже днем, ноздри хищного носа раздувались и вздрагивали.

— Осталось немного, идите след в след. Не разговаривайте.

— Разве болото заминировано? — наивно поинтересовался Ростислав.

— Можно сказать и так, хотя это особые «мины», их ставила сама баба Домна.

Дальше двигались медленно, подчиняясь жестам Вуккуба. Болото осталось справа, снова начался лес, уремный, чащобный, темный, заросший кустарником либо высокой травой и папоротником.

Тропинка стала заметней, спустилась в ложбину, в конце которой врос в землю огромный угловатый камень, стесанный с одной стороны. И на этом плоском шероховатом боку красовалась глубоко вырубленная надпись на русском языке: «Шел бы ты на...» Буквы были старинные витиеватые, с лишними хвостиками, да и весь камень, покрытый мхом, казался древним как мир, но смысл надписи был вполне современным, отчего у всех создавалось впечатление издевательского розыгрыша.

— Кому-то достало терпения сработать надпись под старину, — хмыкнул Такэда.

— Сыновья Домны забавляются, — буркнул Вуккуб. — Здесь в округе много таких «камней на распутье» наставлено.

Зашагали дальше, обходя камень.

Наконец впереди показался просвет, и они вышли на край просторной поляны, поросшей густой метельчатой травой по пояс человеку, на которой стояла мощная изба из потемневших от времени, толстых — едва ли не метрового диаметра — бревен. Остроконечная крыша у нее была крыта черной от времени и непогоды соломой, а окон изба не имела вовсе. Да и двери видно не было. Вид это строение имело такой, будто стояло здесь испокон веков.

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом, — тихо пробормотал Ростислав.

Сухов сделал шаг вперед, но Вуккуб резко бросил:

— Стойте! Поляна вокруг избы поросла разрыв-травой, ноги повредите.

Он отломал сухую сосновую ветку, плюнул на нее и бросил

почти на середину поляны, будто она была копьем. Ветка тяжело упала в траву, и тотчас же метельчатые стебли набросились на нее, стали гнуть и ломать, пока не разорвали на мелкие щепки. Трава успокоилась, стебли разогнулись как ни в чем не бывало.

— Эй, хозяйка, — позвал Вуккуб и добавил гортанным голосом:— Марга бан-хаан.

Раздался длинный скрип.

Ростислав поежился, прижимая к себе Будимира.

Изба вдруг колыхнулась, задымилась, стала вырастать вверх, словно выпрямляла ноги. Ростислав и впрямь ожидал увидеть куриные ноги, воспетые в сказках, однако вместо ног изба опиралась на два дымных столба, похожих на туго скрученные смерчи.

— Что это?..

— Врата в миры Веера, — сказал Такэда, понимая удивление Светлова. — Давным-давно произошла подмена понятий, отчего курьи ножки стали представляться в сознании людей куриными. На самом деле старорусское «кур» — это дым, туман.

В сплошной до этого момента стене избы протаяла черная прямоугольная дыра, из нее высунулась языком толстая доска, на которую ступило какое-то огромное, пузатое, волосатое существо в лохмотьях. Лицо существа тоже заросло зеленоватыми волосами, так что разглядеть можно было только большой белый нос картошкой и крошечные глазки-бусинки под мохнатыми бровями.

— Проложи дорожку, Резя, — попросил Вуккуб. — Гости пришли.

— Не велено, — густым басом проговорило существо.

— Исполняй, а то заколдую!

— Спробуй, коли духу хватит, — хихикнул заросший волосами пузан. — Цепняков спущу!

Вуккуб покосился на спутников, достал из-под полы своей меховой куртки посох с изогнутой, похожей на волчью лапу ручкой, направил острие посоха на избу.

— О-ба-ннах!

С острия посоха сорвалась неяркая голубая искра... и ушла в землю в десяти шагах.

— Ёра, а сполагоря схизнешь[1], — снова захихикало существо.

— Давай я дорожку проложу, — предложил вдруг Будимир.

---

[1]Ёра — лихой человек, удалец; сполагоря — легко, просто; хизнуть — становиться слабым, больным (*старорус.*).

Раздосадованный неудачей Вуккуб хотел выругаться, но посмотрел на мальчика и махнул рукой с мрачным оскалом:

— Попытайся, если сил хватит. Тааль, к сожалению, была права: старею я.

Будимир вышел вперед, закрыл глаза, повертел головой в разные стороны, застыл. Волосы его, и без того светлые, стали вдруг почти прозрачными, заискрились. Мальчик открыл глаза, вытянул вперед правую руку, с пальцев стекли на землю тоненькие струйки розового свечения, побежали в траву как живые. И случилось чудо: трава внезапно легла полосой, словно придавленная асфальтовым катком, образовав ровную дорожку метровой ширины до стоявшей на дымных «ногах» избушки Вуккубовой родственницы.

Лохматый пузан, которого Вуккуб назвал Резей, завизжал от испуга, запрыгал на доске, как мячик, и нырнул в дверь избы. Там заголосили на три голоса, послышался шум, звон, стук, изба шатнулась, и тут же на доску вылезла седая крючконосая женщина в тулупе, с темным морщинистым лицом, на котором светились прозрачные желтые глаза.

— Кого это еще несет в такую рань? — проворчала она неожиданным басом. — Вы зачем моих детушек пужаете, оглоеды?

— Привет, Домна, — сказал Вуккуб, направляясь по дорожке к избе. — Али не узнаешь?

Старуха козырьком приставила ко лбу ладонь.

— Никак родич пожаловал, Хорба сынок. Неужто вспомнил?

— Помощь твоя нужна, Домна, вот я и пожаловал.

— Разве ты сам не в состоянии добиться всего, чего хочешь? Али обессилел?

— Не мне нужна помощь, вот им. — Вуккуб махнул рукой на спутников, оставшихся на опушке леса. — Отправь их в Шаданакар.

Старуха присвистнула.

— С чего это ты взял, что я связана с Шаданакаром? — Она перешла на хаббардианский язык. — Вуаррах бе ккириус дод нах? Урр ма тиб?

Лингвер в ухе Ростислава перевел:

— С каких расчетов ты решил помочь людям? Кто они тебе?

— Это мои друзья, — ответил Вуккуб по-русски. — Они помогли мне когда-то, я хочу отплатить тем же.

— Мир перевернулся, — усмехнулась старуха. — Уж если хаббардианцы начали помогать землянам, жди беды.

— Абсолютно верно. Беда стучится в наши дома, и тебе не отсидеться в хате с краю. ОН зашевелился.

Глаза старухи сверкнули.

— ОН? Не брешешь?

Такэда вдруг тронул Сухова за локоть, показал ему эрцхаор. Внутри черного камешка мигала алая пятиконечная звезда.

— Кто-то нас догоняет!

Плечи Будимира под рукой Ростислава вздрогнули, мальчик поднял голову, прошептал:

— Сюда идут... злые... со всех сторон...

— Вук, быстрее! — сказал Сухов, вынимая из кармана пистолет. — Похоже, нас д о с т а л и.

Встрепенулась и баба Домна, приставила к уху ладонь.

— Что за чудеса? Откуда их столько? Не ты ли их навел, паразит?

— Может, и я, — буркнул Вуккуб, озираясь. — Было у меня подозрение, что я под наблюдением... Так поможешь или нет? Этому отроку обязательно надо попасть на «лестницу».

— Чей отрок-то?

— Сын Седьмого, слышала небось?

— То-то я чую — с и л о й пахнет! Уж не Избавителя искать собираетесь?

— Прикуси язык, старая, нас подслушать могут!

— Тут мои владения, непроглядом заколдованы, никто ничего не увидит и не услышит.

Где-то недалеко в лесу раздался приглушенный вопль.

Старуха усмехнулась.

— Во, слышал? Капканчики мои зубастенькие работают. Ладно, помогу я тебе, Вуккуб, вернее, не тебе — ты у меня из доверия вышел, а этому отроку. Глаза у него хорошие, чистые. Проходите в хату, гости нежданные, да поторопитесь, пока не появились ваши недруги. Много их, и все в таких же костюмах, что и на вас.

— Какой-то спецназ! — сквозь зубы проговорил Такэда.

— Программа контроля может в с е л я т ь с я в любого человека, а охотничья выбирает профессионалов, — угрюмо пояснил Вуккуб.

Ростислав направился к дому, держа за руку вздрагивающего в нервном ознобе Будимира.

Из-за спины бабы Домны вылез ее страхолюдный сынок, что-то жалобно залопотал. Старуха шлепнула его по голове:

— Курри дабха ун раругги!

Волосатый пузан опрометью кинулся в избу.

— Быстрее, защитник! — оглянулся Вуккуб; у него светились кончики ушей и встали дыбом волосы.

— Давай, маленький, подсоблю, — нагнулась баба Домна, протягивая руку.

Но Ростислав сначала влез на доску сам, потом втащил Бу-

димира, оглянулся. Сухов и Такэда пятились к избе, направив стволы пистолетов на лесные заросли, а из леса доносился треск валежника, человеческие голоса и частые вскрики. Колдовские «мины» бабы Домны продолжали делать свое дело, заставляя неведомых преследователей двигаться осторожнее и медленнее.

— Уходите, мы прикроем вас, — бросил Вуккуб. — Не попадите в Суфэтх — не выберетесь.

— Что такое Суфэтх? — мрачно осведомился Ростислав. — Хаос, что ли?

— Вам же должны были дать всю информацию. Суфэтх действительно олицетворяет собой Хаос, но с другой стороны, это «кладбище» Шаданакара, его «сгоревшая» плоть, способная поглотить любой материальный объект. Будьте внимательнее при выходе из кокона темпорала.

— Как узнать, что это Суфэтх?

— Этот юноша должен почувствовать. Прощайте!

Ростислав оглянулся на спутников, вдруг открывших стрельбу. Пригнулся, доставая пистолет и прикрывая телом Будимира. Из леса замелькали вспышки выстрелов, пули с чавкающими звуками начали влипать в стены избы.

— Уходите! — крикнул Сухов-старший. — Мы вас нагоним!

Одна из пуль вжикнула над ухом застывшей бабы Домны, та отшатнулась, подняла руку над головой, стала черной и с т р а ш н о й!

— У-у, басурманы, нет от вас покоя! Ка-ба-ннах!

Из-под избы ширкнуло прозрачное пламя, превратилось в густые струи дыма, прострелившие поляну насквозь, вонзились в лесную чащу. Послышались крики, стоны, гулкий треск, стрельба на время прекратилась.

Баба Домна подтолкнула Ростислава к проему входа.

— Чего встал, гойда шибче!

Они вбежали в избу, заполненную вязкой темнотой, как водой. Ростислав споткнулся обо что-то твердое, едва удержался на ногах. Твердое буркнуло:

— Под ноги гляди, слепень!

— Сюда!

Его схватили за руку, дернули в сторону, так что он едва не выпустил руку Будимира. Впереди обозначились очертания прямоугольника, похожего на дверь. Светлов шагнул вперед и словно прорвал черную пленку, оказавшись в тесном помещении неопределенной формы, залитом призрачным пепельным светом. Стены помещения казались деревянными и серебрились инеем, хотя холода не чувствовалось. В одной из стен протаяла дыра, в которую выглянула голова давешнего лохматого пузана, скрылась. Дыра затянулась. Но тут же рядом появилась еще од-

на дыра, из нее высунулась голова другого мужика, лысого, с бледным синеватым лицом, на котором выделялись огромный нос и фиолетовые губы.

— Ждите, щас матка придет, — сообщила голова и скрылась.

Ростислав посмотрел на Будимира, но мальчишка испуганным не казался, в его глазах читались любопытство и удивление. Но не страх. Уловив взгляд Ростислава, он несмело улыбнулся.

— Это, наверное, Синя.

— Что?

— Дядя Толя говорил, что у Бабы-Яги три сына: Пузя, Резя и Синя. Нас встретил Резя. А это был Синя.

— Похоже, — согласился Ростислав. — Ты думаешь, баба Домна и есть Баба-Яга?

— Баба-Яга — сказочный персонаж, — по-взрослому ответил Будимир, — а баба Домна — реальное воплощение образа.

— Это тебя дядя Толя просветил?

— Он еще говорил, что Яга — это измененное «йога», то есть способность мистического перемещения.

— Наверное, он прав. Не боишься, что мы с тобой попадем в... этот, как его... в Суфэтх?

— Боюсь, — кивнул мальчик серьезно. — Но ведь кто-то же должен рисковать ради спасения мира?

— Это уж точно, — пробормотал Ростислав, не зная, смеяться ему или плакать в ответ на заявление.

В стене помещения за спинами беглецов открылась щель, в нее протиснулась старуха Домна с лукошком и с узелком в руках. В лукошке лежала горка куриных яиц — с десяток.

— Держи, мечарь, да смотри не растеряй!

— Спасибо, не надо, — мотнул головой несколько озадаченный Ростислав. — Кое-какие запасы продовольствия у нас имеются...

— В лукошке-то не еда, — усмехнулась старуха, — как ты подумал, хромой. Это кляца[1]. Каждое яйцо заговорено и являет выход на «лестницу». Бросишь на землю, назовешь к л ю ч, оно и развернется. Запоминай.

Баба Домна произнесла какое-то слово.

Ростислав уловил только раскатистое «чарр».

— Что? Извините, не расслышал...

— Вот он небось расслышал, — кивнула старуха на Будимира. — У-у, глазищи-то какие, прям слеза прошибает. Надо же, у кого-то дети как дети родятся, а у кого-то уроды... Держи вот. —

[1]К л я ц а — сила, открывающая Ворота Нави (*древнерусск. фольк.*).

Она сунула мальчику маленькую матрешку. — Это оберег. Если что — кликни ее, она даст связь с мамкой. Ну, пора. Опасайтесь только... — Домна не договорила.

Пол помещения вздрогнул, стены зашатались и заскрипели.

— Ах, шайтан их задери! — выругалась старуха. — Никак гранату бросили! Все, прощайте, скатертью дорога. «Лестница» приведет вас на Хаббард, ищите там заколдованного з в е р я, он станет вашим помощником. Благослови вас Вышний! Встретите где мою сестрицу Ягойой, привет ей передайте, она добрая, поможет.

Баба Домна сделала рукой какой-то знак, в воздухе повисла светящаяся фигура, похожая на стебель цветка с тремя листиками. Еще один удар сотряс избу. Баба Домна исчезла. Будимир прижался к Ростиславу, не знавшему, куда деть лукошко с яйцами.

И в это время свет в помещении померк, мягкая сила подхватила беглецов и понесла сквозь пространство и время...

Глава 2

Ростислав проснулся, как только забрезжил рассвет. Полежал, прислушиваясь к звукам, долетавшим в избу из леса, посмотрел на свернувшегося калачиком Будимира. Тот спал спокойно, неслышно, как бы и не дышал вовсе, и уже одно это говорило об отсутствии опасности по крайней мере в пределах ближайших лесных пространств. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить юного мага, Светлов поднялся и вышел из развалюхи, где они провели ночь, наружу.

Их бегство по «лестнице», связывающей миры-хроны Шаданакара, закончилось в точно такой же избе, в какой жила и баба Домна, разве что эта была поменьше и похлипче, да и в землю вросла чуть ли не на треть. Едва ли она могла служить коконом темпорала, как выразился Вуккуб, однако принять путешественников не отказалась. Хотя встряску они получили при «приземлении» такую, что долго не могли прийти в себя. По-видимому, хроноскважина, соединившая избу бабы Домны на Земле и мир Хаббарда, почти «заросла» либо «одряхлела» и уже не могла функционировать с прежней эффективностью и качеством.

Прибыли беглецы сюда вечером. Осмотрели избу, состоящую из двух комнат, заполненных кучами ветоши, каких-то лохмотьев и пыли, затем побродили в окрестностях избы, поражаясь размерам деревьев, подступивших прямо к стенам избы, и вынуждены были вернуться в древнее строение с оплывшей крышей и неровной дырой входа, похожей на разинутый в кри-

ке рот. Теперь утром стоило оглядеться вокруг посерьезней. Это был другой мир, полный неведомых ловушек и опасностей.

Великаньи деревья, вплотную обступившие древнюю избу, оказались соснами, практически не отличавшимися от земных аналогов. Ростислав обнаружил под ними шишки величиной с голову человека и подумал, что, если такая свалится сверху, мало не покажется.

Зато остальные деревья и кустарники, хотя и напоминали земные березу, клен, дуб, лещину и можжевельник, все же имели ряд отличий, подчеркивая свое неземное происхождение.

Сила тяжести в этом мире не отличалась от земной, да и газовый состав атмосферы был примерно таким же: дышалось здесь достаточно легко. Однако наряду со знакомыми запахами воздух был насыщен ч у ж и м и ароматами, в которых трудно было разобраться при первом знакомстве.

Судя по тесному сплетению кустарника и деревьев вокруг избы, а также по отсутствию троп и вообще каких-либо следов человеческой деятельности, изба была заброшена очень давно, лет сто назад, если не больше. Ею не пользовались ни как жилищем, ни как Вратами в миры Шаданакара. С одной стороны, это успокаивало, так как беглецам не надо было никому объяснять свое появление, с другой — отсутствие хозяев не позволяло выяснить, куда путешественники попали и как добраться до места, где томится в неволе некий заколдованный з в е р ь, которого нужно освободить.

Обойдя избу дважды по разворачивающейся спирали, Ростислав вернулся к «разинутой» двери и увидел стоящего с прижатыми к груди кулачками Будимира. Глаза у мальчишки были большими, серьезными, в б и р а ю щ и м и, но страха в них не было. Увидев Светлова, он смущенно улыбнулся, опустил кулаки.

— А я хотел тебя будить, — сказал Ростислав, ощутив прилив отцовской нежности к этому славному человечку. — Не замерз?

— Не-а, я даже сильных морозов не боюсь, а здесь тепло. Это Хаббард, дядя Слава?

— На этот вопрос я тебе не отвечу. Точно — не Земля. Вот сейчас позавтракаем, тронемся в путь, встретим кого-нибудь и узнаем, куда попали. Хотя скорее всего это именно Хаббард.

— Здесь недалеко болото... очень глубокое... а чуть правей — очень плохое место, недоброе, мертвое...

— Кладбище, что ли?

— Не знаю, непохоже... Вернее, там есть захоронения, но это все же не кладбище.

— Значит, поле боя. Твой учитель предупреждал, что мы можем наткнуться на поля древних сражений, хотя о Хаббарде

речь не шла. Это же родина Вуккуба, на ней вроде бы никаких боев не было.

Будимир неопределенно повел плечом.

— Выясним, — сказал Ростислав. — Может, со времени последней войны Семерых и Люцифера здесь прошло больше времени, чем на Земле. Что еще ты видишь?

— Лес кругом, на много-много километров... А за болотом, километрах в двадцати отсюда, похоже, стоит город... но тоже старый, разрушенный, мертвый.

— Что ж, тогда маршрут такой: сходим сначала посмотрим на поле боя или что оно там на самом деле, потом обойдем болото и потопаем в город. Не может быть, чтобы здесь не осталось никого живого, обязательно кого-то встретим. Конечно, стоило бы подождать наших, не верю я, что они не смогли отбиться от «эсэсовцев», но что-то мне подсказывает, что эта изба уже больше функционировать не будет.

— Да, она истощилась, — согласился Будимир. — Из нее ушла вся с и л а, я чувствую. Но если папа сказал, что они нас догонят, значит, догонят.

Ростислав поразился вере сына Никиты в твердость слова отца, однако возражать не стал, хотя определенные сомнения насчет «догонят» имел.

Они расположились на пороге избы, вскрыли ножом банку рыбных консервов и съели с сухарем, поделив пополам. Сделали по глотку воды из фляги Светлова. Все их продовольственные запасы состояли из двух таких банок, полкаравая хлеба, куска копченого сыра и трех пакетиков супа быстрого приготовления, поэтому первое время надо было еду экономить. В дальнейшем Ростислав надеялся пополнить запасы охотой и добыванием съедобных плодов местной флоры, если не найдутся добрые люди и не накормят путников.

Тронулись в путь, руководствуясь ментальным «запахом» направления, который ощущал Будимир. Пробираться между громадными деревьями, обходя буреломы, заросли колючего кустарника, путаясь в густой папоротниковидной траве, было нелегко, поэтому скорость передвижения путешественников не превышала двух километров в час. Ростислав, настроенный по-боевому, сначала напрягался, прислушиваясь к долетавшим со всех сторон звукам лесной жизни, потом вошел в р а в н о в е с и е с местной природой и стал ощущать ее токи, шепоты и взгляды, что позволяло и ему двигаться целеустремленно, с достаточной уверенностью в безопасности пути.

Спустя три часа они вышли на край всхолмленной равнины, уходившей вперед до горизонта, и остановились.

Больше всего равнина напоминала танковый полигон под

Новомосковском, который Ростислав в юности часто посещал с отцом в поисках грибов. Полигон этот состоял из множества мелких и больших воронок, кратеров, рытвин и холмов, опаленных огнем. Во время учений и стрельб здесь часто возникали пожары, уничтожавшие растительность, поэтому главными цветами полигона были черный, рыжий, серый и коричневый. Зелеными оставались лишь полосы деревьев вокруг воронок и небольших болотцев, где собственно и росли грибы — великолепные подосиновики, белые, рыжики и опята.

Эта равнина выглядела примерно так же, разве что зеленого цвета на ней было гораздо больше, только там, где склоны холмов поросли травой. Но главной особенностью равнины были не воронки, а обломки машин, ржавые, сгоревшие, утонувшие в земле, хотя встречались и пустые остовы и даже с виду совершенно целые механизмы, отблескивающие зеркальной броней, либо матово-черные, отливающие синевой, похожие на ракетные установки и на суперсовременные танки.

— Мать честная! — почесал в затылке Ростислав. — Это и в самом деле поле битвы! Хотя если приглядеться... — Он помолчал, разглядывая равнину, проверяя свои предположения. — По всей видимости, эта стальная армада не успела поучаствовать в бою, ее просто накрыли ракетно-бомбовым ударом!

— Воронки действительно могли образоваться от взрывов ракет или бомб, — сказал Будимир, — а вот те ложбины и рытвины сделаны другим оружием.

— Каким?

— Кто-то применил здесь шиххиртх.

— Ты имеешь в виду оружие этих дьяволов, Великих игв?

— Мне так кажется.

— Что ж, вполне вероятно, хотя возникает вопрос: зачем игвы применили шиххиртх на Хаббарде? Ведь хаббардианцы были на их стороне? Да и не их это уровень.

Будимир покраснел.

— Я не утверждаю...

— А я не спорю, — мягко улыбнулся Ростислав. — Как ты думаешь, мы можем пройти через поле напрямик или лучше обойти его?

Мальчик оглядел мрачную выжженную равнину с остатками уничтоженной бронетехники, прислушался к чему-то.

— Вообще здесь все давно умерло, а уцелевшие снаряды и ракеты сами собой не взрываются. Там где-то впереди что-то с в е т и т с я... опасное... но спящее и маленькое...

— Где? — встрепенулся Ростислав. — Покажи.

— Там, за красным холмом... оно с в е т и т с я по-другому, не как огонь...

— Понял, все время забываю, что ты видишь энергетику, что весьма кстати. Давай-ка сходим туда, посмотрим, не найдется ли какая-нибудь полезная вещь.

Они углубились на территорию древней военной базы или части, по которой был нанесен бомбо-ракетно-энергетический удар. Поднялись на ржаво-красный холм, поднимая облачка рыжей пыли, и внизу под холмом обнаружили нечто похожее на летающее блюдце, косо торчащее из склона холма. В днище блюдца фиолетового цвета виднелось рваное отверстие диаметром около метра.

— Вездеход на воздушной подушке, — предположил Ростислав.

— Это летающая машина, — покачал головой Будимир. — Она отличается от других лежащих здесь машин.

— Чем? Цветом?

— Нет, з а п а х о м.

— Ты думаешь, на ней прилетели те, кто разбомбил эту танковую армаду?

Будимир молча кивнул.

Ростислав хмыкнул, более внимательно разглядывая «блюдце». Оно действительно отличалось от остальной военной техники неким неуловимо тонким ароматом чужеродности и угрозы. Существа, создавшие «летающее блюдце», явно мыслили иначе, з л е е, чем те, кому принадлежали остатки разбомбленной армии.

— Так где же твои светящиеся объекты?

— Внутри, — кивнул на «блюдце» Будимир.

— Проверим.

Они спустились с холма в низинку, окунулись в тень летательного аппарата, край которого нависал над бугристой землей ощутимо массивной глыбой.

— Постой тут, — сказал Ростислав, всматриваясь во мрак пробитой в днище аппарата дыры.

— Я с вами, — не согласился мальчик.

— Ладно, полезли вместе.

Глаза начали различать внутренности отсека, стенки, какие-то плоскости и трубы. Ростислав подтянулся на руках, закинул ногу за край дыры, потом вторую, стараясь не зацепиться за фестоны расплавленных краев отверстия. Перебрался в отсек, протянул руку Будимиру. Оказавшись внутри аппарата, они некоторое время осматривались, потом обнаружили овальный люк в стене помещения и с некоторым трудом проникли в соседний отсек, мало чем отличающийся от первого: та же необычная планировка, переплетение труб и плоскостей, теснота.

Еще один люк — в потолке.

Ростислав просунул голову и увидел полусферическое помещение, освещенное сквозь полупрозрачный купол потолка дневным светом снаружи. По-видимому, это была кабина управления «блюдцем». В центре кабины располагалось полураскрывшееся цветком тюльпана сооружение, напоминающее кожистое яйцо высотой около полутора метров. Внутри яйца виднелось что-то белое, похожее на ежа в обрамлении гофрированных шлангов.

— Хозяин, — пробормотал Ростислав. — Точнее, скелет пилота. Ну, и где тут что светится?

— Внутри этого кокона.

Ростислав осторожно приблизился к пилотскому яйцу-креслу; пол кабины был наклонным, и идти по нему было трудно. Вблизи окончательно стало ясно, что внутри кокона действительно находится высохший труп пилота, ничем не похожего на человека. Ростислав с содроганием потянул вниз один из лепестков кокона, и тот рухнул вниз облачком синеватой пыли. Обнажился необычной формы блестящий карман, из которого торчала самая обыкновенная с виду палка толщиной в человеческий палец, серебристого цвета с перламутровым отливом.

— Ты не эту штуковину имел в виду?

— Да, — тихо подтвердил Будимир. — Это вардзуни... и у него еще сохранился заряд... хотя и маленький...

Ростислав выдернул палку из кармана и чуть не выронил — руку свело как от легкого электрического разряда.

Палка оказалась коротким копьем с острым, льдисто-мерцающим наконечником.

— Вспомнил, твой дядя Толя рассказывал об этом оружии. Оно пробивает любой металл.

— Вардзуни метает особые молнии, которые разрушают молекулярные связи вещества. Но им может пользоваться не каждый человек.

— Оно имеет встроенный опознаватель свой-чужой, — догадался Ростислав. — Это нам знакомо, у меня пистолет с такой штучкой. Захватим вардзуни с собой, вдруг пригодится.

Он обошел кресло пилота, обрывая лепестки кокона, однако больше ничего похожего на «полезные предметы» не обнаружил, а копаться в мумии пилота не хотелось.

— Пошли отсюда, ничего здесь больше нет, да и атмосфера душная. Интересно, к какой цивилизации принадлежит этот «осьминог»? Не Великий игва, случайно?

— Великие игвы были многомерными существами, способными принимать любой облик. Папа говорил, что убить их почти невозможно.

— Тем не менее, судя по рассказам твоего учителя, твой папаша сумел замочить аж трех Великих.

Будимир свел брови.

— Он защищался.

— Я пошутил, извини. Сам не раз попадал в ситуации, когда без жесткого отпора никак было не обойтись. А твоего отца я очень уважаю. Пройти Путь Меча так, как сделал он, дано лишь исключительно сильным личностям.

Будимир порозовел, благодарно посмотрел на спутника. Ростислав понял, что с этого момента он занимает в сердце мальчишки далеко не последнее место.

Они вылезли из сбитого летательного аппарата наружу. Ростислав приторочил «копье» вардзуни за спиной, чтобы его удобно было выдернуть за древко, отдал Будимиру лукошко с яйцами, и путешественники двинулись через унылое пространство мертвой равнины, на которой уже много лет ничего не росло кроме чахлых кустиков травы. Обошли центр поля, по которому был нанесен наиболее мощный удар: воронки там сливались в один глубокий многодырчатый кратер. Ни одна машина хаббардианцев там не уцелела. Затем начали встречаться разбросанные по холмам обломки, пустые корпуса, а у лесной опушки — совершенно не тронутые с виду механизмы, похожие на танки, пусковые ракетные установки и бронетранспортеры.

Ростислав хотел было обследовать парочку этих блестящих или матово-черных громад, но не успел. У одного механического монстра с гусеницами через весь корпус их ждал сторож поля. Вернее, так поначалу оценил ситуацию Светлов, когда увидел высокую согбенную человеческую фигуру в сером плаще до пят, опиравшуюся на сучковатый посох. Вблизи человек оказался стариком с шапкой черных, с проседью, волос, с бородой и усами, в которых также виднелись седые пряди. У старика были мощные брови, темное, морщинистое лицо и крючковатый длинный нос. Именно такими Светлов в детстве представлял себе колдунов. Хромая больше, чем требовалось, держа восстанавливающуюся руку в привычно полусогнутом положении, прижатой к боку, он приблизился к старику и остановился в десятке шагов, положив правую руку на плечо Будимира.

Старик не пошевелился.

С минуту длилось молчание.

Плечо мальчишки под пальцами Ростислава вздрагивало, и это ему не нравилось. Будимир нервничал, а это означало, что старик им встретился непростой. Да и сам Ростислав под взглядом чужака чувствовал некое стеснение, томление, дискомфорт, будто стоял на холодном пронизывающем ветру.

— Здравствуйте, дедушка, — сказал он наконец.

Глаза старика метнули молнии.

Будимир напрягся.

Ростиславу на мгновение показалось, что голова старика разделилась на три части, но тут же сложилась обратно в одну. Руки старика стиснули набалдашник посоха, он нахохлился, как ворон.

— Какие удивительные гости пожаловали! Неужели шимбич заработал?

Говорил старик по-русски без акцента, хрипловато-скрипучим голосом, а незнакомое Ростиславу словечко «шим-бич» лингвер перевел как «серый хронотоннель».

— Что здесь произошло? — кивнул Ростислав на поле с разбомбленной бронетехникой.

— Вельми велик гнев был, — усмехнулся старик, ощупывая Будимира острым оценивающим взглядом. — Один из Водителей хаббардианцев выступил на стороне Семерых, и Надзиратель за хроном игва Дуггур уничтожил его армию и весь улус. Теперь этот материк Хаббарда мертв и разрушен. Разве вам этого не сообщили... посланник?

— Я не посланник, — скривил губы Ростислав.

— О тебе речь не идет, хромой, — презрительно отмахнулся старик. — Ты всего лишь оруженосец. Но этот отрок владеет с и л о й и кого-то мне напоминает.

— Он тоже не посланник, — качнул головой Ростислав. — А я не оруженосец.

— Ну, конечно, вы обыкновенные туристы, — насмешливо изогнул губы старик, — а палка у тебя за плечами вовсе не вардзуни. И появились вы здесь абсолютно случайно.

— Так получилось, — пожал плечами Ростислав. — Не подскажете, как добраться до ближайшего селения?

— Ближайшее селение — город Иокфеил, но он разрушен. К тому же там обитает заколдованный дракон. Туда вам лучше не ходить. Ищете что-то, господа путешественники, или так просто прогуливаетесь?

— Так просто прогуливаемся, — в тон старику ответил Светлов.

— Хорошее дело, почему бы и не погулять по Шаданакару, в самом деле, коль есть ключ к «лестнице». Одно плохо — опасно теперь прогуливаться по Вееру... без прикрытия. Тает Веер, распадается, скатывается в Суфэтх. Неужто вас и об этом не предупреждали... туристы?

— Кто вы? — нахмурился Ростислав. — Наблюдатель хрона? Или слуга Надзирателя?

— Какое это имеет значение? Главное, что я вас вычислил и встретил, уж очень хотелось посмотреть, кто же это осмелился

ступить на «лестницу». По ней уже почитай двести лет никто не ходил.

— Десять лет.

— Это у вас на Земле прошло десять або двенадцать лет, а на Хаббарде — двести. Хотя все относительно, в Веере нет ничего абсолютного, связанного с течением времени.

— Кто вы?

— Это Праселк, — тихонько проговорил Будимир.

Брови старика прыгнули вверх.

— Батюшки-светы, никак меня признали! Теперь и я тебя узнал, отрок, ты сын Седьмого, не так ли? То-то, чую, русским духом потянуло, духом с и л ы. Сначала думал — померешилось старому телепню[1], больно пара неподходящая, ан нет, не померещилось. А папочка-то где, малый?

— Вот мы его и ищем, — нашелся Ростислав, озадаченный проницательностью и знаниями хаббардианца.

— Понятное дело, — усмехнулся Праселк. — Знакомая песня. Только здесь его нетути. Ни на Хаббарде, ни вообще в хроне. Придется вам идти по т р о п е дальше. Помочь?

— Спасибо, обойдемся.

— Я так и предполагал. Теперь вам уже и в селение идти не надо?

— Пожалуй, мы все же прогуляемся до этого вашего города... как его?

— Иокфеил.

— Интересно взглянуть на заколдованного дракона.

— Дело ваше, скатертью дорога. Могу порекомендовать не прямой, но достаточно безопасный путь. Отсюда по дороге идите на север, до урочища Врянь, там когда-то располагался ядерный центр, увидите. От урочища повернете на восток, до болота, а там по холмам выйдете к реке Хай-фай. По ней и доплывете до Иокфиела. Только ни в коем случае не идите прямо, через ущелье Карачаровское, пропадете.

— Почему?

— Кто-то поставил там Чертовы Ворота. Прощайте, туристы, может, еще свидимся.

Праселк взмахнул посохом и исчез.

Ростислав и Будимир молча смотрели на то место, где он стоял. Обоим было ясно, что такие встречи случайными не бывают. Их ждали. То ли Вуккуб, то ли его родственница баба Домна каким-то образом сообщили на свою бывшую родину о возможном появлении землян, и первым их обнаружил далеко

[1] Т е л е п е н ь — болван, недотепа (*старус.*).

не самый приятный хаббардианец, доставивший много неприятностей Никите Сухову на Свентане — Святой Руси еще во время первого похода.

— Это он выпустил одного из навьев — Кщеря, — сказал Будимир, вздыхая с облегчением. — Когда папа искал меч Святогора.

— Да, я помню, Такэда рассказывал об этом.

— Папа мог убить Праселка, но не стал этого делать.

— Правда? Об этом твой учитель не говорил. А сам Праселк знает об этом?

— Наверное, нет.

— Жаль, тогда бы он имел хоть каплю сочувствия, а то и отблагодарил бы. Что такое Чертовы Ворота?

— Не знаю, — смутился Будимир. — Первый раз про такие слышу.

— Я тоже. Будем надеяться, нам они не встретятся. На всякий случай последуем совету и обойдем ущелье с воротами. Идем на север? Где тут у них север?

Будимир посмотрел на неяркое, сплющенное рефракцией атмосферы солнце Хаббарда и пальцем показал направление. Через несколько минут они шагали по лесу, оставив позади выжженную равнину с остатками броненосной армады.

Глава 3

Дорога еще вполне годилась для того, чтобы по ней не только ходили пешком, но и ездили. Покрытая сизо-синим материалом, похожим на растрескавшийся асфальт, она шла точно на север, никуда не сворачивая, и через два часа вывела путешественников к необычному объекту, похожему на взорванный изнутри и застывший при взрыве холм, поросший густой красной травой. Высота «холма-взрыва» достигала не менее сотни метров, и тянулся он на полкилометра, перегородив дорогу. По-видимому, это и был ядерный центр, о котором говорил Праселк. Кто его взорвал и почему он застыл в таком положении, можно было только догадываться.

От урочища повернули на восток и долго шли по красивой роще со светлокорыми деревьями, слегка напоминавшими березы, но с узкими и длинными, а главное — жгучими, как крапива, листьями. В роще было полно грибов, так что сердце заядлого грибника, которым был Ростислав, заставило его замедлить шаг. Однако, понимая, что в чужих лесах опасно собирать незнакомые грибы, даже похожие на земные, он с сожалением заставил себя обойти грибные заросли.

Добрались до болота, повернули к появившимся холмам. Здесь им повстречалась любопытная птица, похожая на сороку, только молчаливая, и начала преследовать путешественников, то появляясь, то исчезая за деревьями. Ростислав отметил, что это была первая увиденная ими птица, да и вообще живое существо, не считая Праселка. Леса в этих местах стояли дикие, угрюмые и пустые.

Вскоре лес отступил, как бы съежился, ушел в землю, выродился в кустарник и траву. Холмы торчали из этой густой непроходимой чащи, как длинные голые горбы и гряды, тянувшиеся на многие километры. По ним действительно передвигаться было легче, чем по ложбинам, и путешественники старались выбирать вершины гряд, пока это было возможно.

Дошли до глубокой и узкой долины, действительно напоминавшей ущелье. Праселк не зря назвал его Карачаровским, так как трава и кустарник, заполонившие долину, были темно-коричневого, фиолетового и черного цвета. С вершины холма она просматривалась хорошо, и Будимир первым обратил внимание на две скалы в центре долины, похожие на столбы, соединенные вверху подобием перекладины.

— Чертовы Ворота... — кивнул Ростислав. — Не соврал хаббардианец, странно...

Долину обошли изрядным крюком, слева, по ровному валу с крутыми боками, похожему на оплывшую крепостную стену. Вал весь был испещрен ямками, как голландский сыр, только цвет имел другой, серо-зеленый, и рос на его боках один сизый бледный мох.

Вообще цвета Хаббарда, во всяком случае в той местности, где оказались земляне, не отличались разнообразием и все концентрировались в узких полосах спектра: фиолетовые, коричневые, темно-зеленые, черные, серые, с редкими просверками красного и светло-сиреневого. Но ни одного яркого, насыщенного, спектрально-чистого, какие демонстрировала природа Земли. Природа Хаббарда казалась недоброй, мрачной, больной, давила на психику и не принимала гостей. Хотя вполне могло быть, что на этом районе все еще лежала печать древнего заклятия, уничтожившего едва ли не все живое.

Вал уперся в следующий холм с двумя вершинами и ровной дорожкой посредине из того же синеватого «асфальта», что и дорога, начинавшаяся от сожженной бомбами и ракетами равнины. Ростислав изрядно устал и шел все медленнее, хромая сильнее обычного. По всему было видно, что и Будимир устал, но молчал, не имея привычки жаловаться. Ростислав остановился, сдерживая вздох.

— Отдохнем или дойдем до следующего холма, пока дорожка ровная?

— Дойдем, — согласился Будимир.

Ступили на «асфальт», шершавый, упругий, как резина. Идти стало легче. Слева и справа поднялись крутые ребристые стены с блестками каких-то минералов, похожими на сотни крошечных глаз. Будимир замедлил шаг, ворочая головой во все стороны, глаза его расширились, под глазами резче выступили круги.

— В чем дело? — понизил голос Ростислав, оглянувшись на него; он и сам ощутил странную дрожь и мерцание воздуха впереди. — Что ты увидел?

— Там... вот они... столбы... это ворота...

Ростислав посмотрел на выступавшие из стен холма ребра густого алого цвета, действительно похожие на столбы, пожал плечами.

— Где ты видишь ворота? Это просто выступы... Или ты думаешь...

— Назад, дядя Слава! — закричал мальчик. — Это ловушка! Быстрее назад!

В тот же момент алые столбы почернели, будто провалились сами в себя, и между ними завихрился серый туман, пронзивший тела людей.

Будимир вскрикнул, схватился за голову, упал.

Светлов почувствовал порыв ледяного ветра, однако прислушиваться к своим ощущениям не стал, подхватил мальчика на руки и, ничего не видя перед собой, бросился назад, в ту сторону, откуда они пришли. Споткнулся обо что-то, треснувшее под ногами, не удержался, растянулся на дороге, чувствуя, как быстро тают силы, но тут же вскочил с яростным воплем: «Врешь, не сожрешь!» — вывалился из тумана на синий «асфальт» и брел по нему до тех пор, пока холм с раздвоенной вершиной не остался позади...

Будимир пришел в себя только через час, да и то лишь благодаря стараниям Ростислава, подпитавшего парня энергетически, испуганного длительным обмороком мальчишки. Он и сам был близок к обморочному состоянию, однако обошлось. Открыв глаза и увидев склонившегося над ним Светлова, Будимир виновато улыбнулся:

— Спасибо, дядя Слава...

— За что?

— Вы меня вытащили...

— Еле успел. Что это было?

— Настоящие Чертовы Ворота...

— Мне следовало догадаться раньше, старому дураку, — в

сердцах хлопнул себя по лбу Ростислав. — Ведь убедился уже, что хаббардианцам доверять нельзя!

— Это я виноват, дядя Слава, я чувствовал, что здесь все с д в и н у т о, но не сказал.

— Что значит — сдвинуто?

— Мы видим не то, что есть на самом деле. Уж потом-то я увидел и понял, когда началось п о н и ж е н и е.

— Как ты сказал? Понижение?

— Я имел в виду процесс отсоса энергии. Мне до сих пор холодно... и мышцы ватные, не слушаются... Чертовы Ворота отнимают все с и л ы.

— Это я уже понял, старый... — Ростислав не договорил, заметив еще одну улыбку мальчика.

— По древним понятиям дурак — просветленный человек, не пользующийся умом, — сказал Будимир извиняющимся тоном. — Если разобрать это слово, то получится: «д» — данный, «ур» — свет, «ра» — солнце, «к» — принадлежащий к чему-либо.

— Никогда бы не подумал, — удивился Ростислав. — Всю жизнь считал, что «дурак» — ругательство.

— Дядя Толя утверждает, что смысл многих исконно русских слов и понятий намеренно искажен и вывернут.

— Кем?

— Свитой Сатаны, добивающейся власти. Это настоящая культурная агрессия, которая длится уже более тысячи лет. В русской Всеясветной грамоте было сто сорок семь букв, в кириллице — уже только сорок три, а в сегодняшнем букваре только тридцать три. Да и то уже идет атака на «лишние» буквы «ё», «и» краткое и твердый знак.

— Плюс идея перехода от кириллицы на латиницу. Кто-то очень хочет уничтожить наш язык, я читал в газетах об экспериментах с русским языком. А ты неплохо разбираешься в проблеме. — Ростислав с уважением посмотрел на мальчишку, радуясь, что он оживился. — Что ж, как-нибудь просветишь меня в этом вопросе. Идти сможешь?

Будимир попытался привстать, но тут же без сил откинулся на пук травы, нарванной Светловым. Кровь отлила от его щек, на лбу выступила испарина.

— Не... могу... — прошептал он виновато. — Прости, дядя Слава...

— Лежи, не двигайся. Сделаем привал до утра. Сейчас я разведу огонь, вскипячу чай, мы поужинаем, и ты поспишь.

— Кажется, я выронил корзинку с кляцей...

— С чем? А, с яйцами... я потом схожу, поищу.

— Я с вами!

— Ладно, пойдем вместе утром, никуда твоя кляца не денет-

ся. Теперь мы знаем, как включаются эти чертовы... гм, то есть Чертовы Ворота, и уже не попадем в ловушку.

Ростислав набрал валежник, быстро запалил костер и повесил над ним свою металлическую флягу с водой. В одном из карманов «доспеха» лежали пакетики с чаем и кофе, и он похвалил себя, что не забыл прихватить их с собой. Вскрыли единственную банку сгущенки. Ростислав заставил Будимира поесть, и тот, насытившись и глотнув горячего чаю, тут же уснул.

Ростислав тоже напился чаю и долго сидел у костра, поглядывая на парня и прислушиваясь к ночной жизни леса. Собственно, прислушиваться было не к чему, лес стоял тих и угрюм, в нем не жили звери и покинули птицы. Лишь однажды над головой захлопали крылья, и Ростислав увидел мелькнувший силуэт хаббардианской сороки. Птица явно наблюдала за ними, судя по ее поведению, однако он поленился достать рогатку и отогнать ее, о чем впоследствии пожалел. Уснул Светлов уже под утро, прижав к себе вздрагивающего во сне Будимира. А проснулся от острого взгляда, ужалившего спину.

Солнце уже встало, хотя его лучи не пробивали густого покрова листвы в чаще леса. Тем не менее Ростислав хорошо видел окружавшие их деревья, за которыми мог укрыться хоть целый батальон спецназа. Ни одно движение не нарушало утренней неподвижности лесных зарослей, но сомнений не было: за ними наблюдали с трех сторон сразу.

Ростислав сел, тронул мальчика за плечо, шепнул:

— Вставай, Дима... у нас гости...

Мальчик подхватился, не сразу вырываясь из объятий сна, и в тот же момент из-за стволов сосен в полусотне шагов от костра вышли три человека в красновато-коричневых балахонах. Впрочем, это были вовсе не люди. Ростислав сглотнул ставшую горькой слюну, неуклюже поднялся, прижав к себе за плечи Будимира.

Все трое явно были хаббардианцами, но не такими, как горбатый Праселк. Головы у них разделялись на три доли, и каждая имела подобие лица, хотя центральная вполне походила на человеческую голову, разве что сильно сплющенную с двух сторон. В руках двое из них держали арбалеты, кроме того, на их балахонах — поясов эта одежда не имела — висели на петлях мечи в ножнах и шипастые палки. Третий хаббардианец нес огромное трехствольное ружье, больше напоминавшее гранатомет.

— Ка бен хур-хурра, дзесс, — проговорил он свистящим астматическим голосом. — Бууф кляцца хи раппала хи бойдо.

— Ты нам не нужен, старик, — перевел лингвер. — Отдай кляцу и пацана и уходи.

Ростислав, просканировавший кусты и деревья вокруг «ло-

катором» внутреннего зрения, никого больше не обнаружил и удовлетворенно кивнул сам себе. Праселк недооценил его, сообщая о появлении землян в местную «полицию», и за ними выслали всего лишь малый или «бархатный» патруль СС, посчитав, что хромой и увечный спутник мальчика не сможет оказать должного сопротивления. Идея Такэды приобретала значение точного расчета: хромой старик (хотя бы с виду) ни у кого не вызывал особых опасений.

— Их трое... — прошептал Будимир. — Я мог бы отвести им глаза... но еще не набрал...

— Спокойно, дружище, — ответил Ростислав. — Как только я начну, бросайся за ближайшие кусты.

— Вы их... убьете?

— Если не мы их, то они нас. В убийстве во время защиты жизни нет греха, лишь горькая необходимость.

— Что вы там бормочете? — донесся хрип вожака группы (в переводе лингвера). — Отойди в сторону, хромой, а то я тебя вообще безногим сделаю! — Он посмотрел на ближайшего напарника. — Обыщи его, он наверняка вооружен.

Один из триглавов подошел к Ростиславу, косолапя, как медведь, уперся ему в бок стрелой арбалета.

— Подними грабли.

В другое время Светлов улыбнулся бы столь характерному переводу лингвера, но в данный момент ему было не до юмора: время слов кончилось, наступило время действия.

— Беги! — выговорил он одними губами, подталкивая Будимира в спину, и одним сложно-спиральным движением обезоружил хаббардианца.

Будимир сделал шаг и исчез!

Лишь потом, анализируя происшедшее, Ростислав понял, что мальчишка просто помчался со скоростью, превышающей скорость движения глазных яблок наблюдателя. То есть он владел т е м п о м! Но понимание пришло позже. Теперь же, уловив исчезновение мальчика, Ростислав сделал лишнее движение — посмотрел на то место, где он только что стоял, и это непроизвольное движение едва не обернулось бедой.

Вожак патруля тоже обладал хорошей реакцией и ответил на действия Ростислава выстрелом из ружья.

Ширкнуло пламя, раздался гулкий выстрел, пуля с визгом выбила арбалет из руки Светлова, едва не выломав пальцы. Второй выстрел он упредил, рванув на себя хаббардианца за ворот балахона. Пуля вошла в спину патрульного, и тот, охнув в три глотки, обмяк.

Еще один выстрел, еще один шлепок пули в тело хаббарди-

анца. А затем гораздо тише хлопнули выстрелы из пистолета капитана.

Хаббардианцу с ружьем пуля из «волка» попала в лоб средней головы, швыряя его навзничь. Хаббардианец с арбалетом получил пулю в висок и завертелся юлой, выронив оружие. Однако оба они буквально через пару секунд снова вступили в бой, и Ростиславу пришлось стрелять еще четыре раза, чтобы поразить остальные слои-головы трехликих уродов. Только после этого они попадали в траву без движения.

Некоторое время Ростислав настороженно прислушивался к наступившей тишине, отпустил мертвого хаббардианца, и тот рухнул на землю тяжелой мягкой глыбой.

— Дима!

— Я здесь, — раздался дрожащий голос Будимира, и мальчик выступил из-за огромного пня в двух десятках шагов от места схватки.

— Молодец, быстро бегаешь. Уходим отсюда.

— Они... умерли?

— Живучие твари, таких одной пулей не свалишь. Хорошо, что их было всего трое.

— «Бархатный» патруль.

— Совершенно верно, дядя Толя предупреждал, с кем мы можем столкнуться. Было бы хуже, если бы за нами послали оптимальную группу — «пятерку», уж не говоря о достаточной. Ну что, оклемался немного, идти можешь?

— Могу, — тихо подтвердил Будимир, не сводя потемневших глаз с трупов хаббардианцев. Было видно, что ему не по себе, он еще не встречался со смертью людей — или других существ — вплотную, и эта встреча подействовала на него угнетающе.

Впрочем, Ростислав тоже не радовался победе, понимая, что расправился не с профессионалами спецназа, а всего лишь с жителями Хаббарда, в которых в с е л и л и программу охоты. Умирали они абсолютно ни за что, не ведая, что делают и кому служат.

Холм с раздвоенной вершиной, оказавшийся ловушкой с установленными там Чертовыми Воротами, обошли стороной. Однако, вспомнив о лукошке с яйцами, Ростислав все же заставил себя вернуться к холму и дойти до того места, где их накрыла струя отнимающего энергию тумана. Ему удалось найти два яйца с кляцей, остальные закатились неизвестно куда. Искать же их было опасно, Чертовы Ворота могли сработать в любой момент.

— Дальше не ходите, дядя Слава, — позвал его Будимир

дрожащим голосом, стоя на безопасном расстоянии. — Ворота гудят.

Ростислав, также почуявший струнную вибрацию воздуха у ворот, торопливо сдал назад.

— Я нашел только два яйца... Но, как говорится, лучше пиво в руке, чем девица вдалеке. Не будем рисковать.

Яйца, подаренные бабой Домной, были чуть больше перепелиных и легко уместились в карманах теплой куртки Будимира.

Обошли холм с Чертовыми Воротами, ждущими путников. Кем они были установлены, Ростислав знать не мог, но его смущало, что это устройство располагается в дикой глуши, где никто не появляется уже много лет. Существа, развернувшие устройство, не могли этого не знать, а это в свою очередь означало, что отсос энергии у случайно попавших в ловушку путников — не главное предназначение ворот. Что-то здесь было не так, но что именно, Ростислав догадаться не мог.

Снова впереди поднялась густая щетина леса. Холмистая местность осталась позади, идти стало труднее. Появилась знакомая давешняя сорока, наблюдавшая за ними весь вчерашний день. Подумав немного, Ростислав достал рогатку и с первого же выстрела сбил птицу с ветки сосны. Больше она не появлялась. Возможно, сорока была как сорока, любопытная птица, аналогичная земным сорокам, но Ростислав был почти уверен, что она послана Праселком и действительно шпионила за ними.

Вскоре путешественники вышли к руслу довольно широкой реки с высокими берегами. Воды реки имели сиреневый цвет, и почти вся она была покрыта слоем ровного пушистого белесого тумана, слепо глядящего в небо. Однако стоило людям приблизиться к воде, как туман стал «смотреть» на них, и тотчас же Будимир остановился.

— Мне кажется... что оно... живое...

— Я тоже чую, как этот туман нас рассматривает, — проворчал Светлов. — А так как Праселк советовал плыть по реке до самого Иокфеила, то поступать надо ровным счетом наоборот. Пойдем вдоль берега пешком, не возражаешь?

Будимир молча покачал головой. Он еще не совсем пришел в себя и выглядел сонным, явно тяготясь походом.

— Садись-ка мне на плечи, — предложил Ростислав. — Не хочется мне останавливаться на отдых, гонится за нами кто-то.

— Не надо, я сам пойду.

— Садись, говорю, ты легонький, не задавишь, я не такие тяжести таскал. Пару километров выдержу, а ты отдохнешь.

Ростислав согнулся, мальчишка влез ему на плечи, и они двинулись вдоль реки вниз по течению, выбирая места поровней и потверже, обходя заросли кустарника и скалистые высту-

пы. Через час Будимир зашевелился и решительно слез на землю. Ростислав с улыбкой пошевелил занывшими плечами.

— В лошади я все-таки не гожусь. Была бы нога здорова... а так мы далеко не уйдем. Может, чайку сварганим?

— Нам действительно не стоит останавливаться, — покачал головой мальчик. — Кто-то приближается, очень недобрый... надо идти.

— Тогда я хотя бы водички наберу, пока река рядом.

Ростислав снял колпачок фляги, сбежал к реке, зачерпнул прозрачно-сиреневой воды и вдруг почувствовал дуновение холодного ветра.

— Назад, дядя Слава! — закричал Будимир.

Туман над рекой встал дыбом, хлынул на берег, вытягивая длинные шевеляшиеся белые щупальца к человеку. Однако Ростислав был начеку и действовал быстрее. Он успел взбежать на пригорок, прежде чем туманная струя настигла его. А затем в происходящее вмешался Будимир. Он вытянул вперед руку с раскрытой ладонью и т о л к н у л воздух. Глаза его засияли внутренним огнем.

И туманное щупальце остановилось, дернулось назад, поспешно втянулось в слой тумана, будто опаленное пламенем. Остальные струи также остановились, извиваясь и танцуя в нерешительности, затем влились обратно в туман. Через мгновение над рекой снова повис ровный белесый слой неизвестной субстанции, поджидавшей добычу. Глаз у нее никаких не было, но Ростислав продолжал ощущать взгляд туманной пелены, хотя выяснять, кто это или что, не жаждал.

— Чем ты его отогнал? — вполголоса спросил он.

— С и л о й, — ответил Будимир. — Это неявь-полоз, он высасывает души людей. Отец встречался с такими созданиями где-то в других мирах. Они живут в «ямах времени».

— Это как?

Будимир смутился.

— Дядя Толя объяснял, но я не все понял. Полозы как бы частично здесь и одновременно в других временах...

Ростислав усмехнулся.

— После встречи с Вуккубовой родственницей я готов поверить в любую небылицу. Но похоже, этот неявь-полоз является иллюстрацией утверждения твоего дяди Толи, что любая наша сказка имеет реальное воплощение в Веере. Ну-ка посмотри, что я за водицу набрал. Пить ее можно?

Будимир взял флягу, закрыл глаза, держа ее между ладонями. Потом попробовал воду на язык.

— Нормальная... только безвкусная.

— Что ж, главное, что ее можно пить. Садись-ка снова на закорки, пойдем дальше.

— Я сам...

— Садись, садись, ты не бледный даже, а зеленый. Парутройку километров я осилю, а там сделаем привал.

Будимир больше не возражал. Ростислав помог ему взобраться на шею, и они двинулись вдоль реки с туманным туловищем странного «вневременного» змея, стараясь не приближаться к ней, но и не отходить далеко. Через час горизонт впереди внезапно отодвинулся, река свернула влево, и путешественники вышли на край долины, в центре которой лежали руины хаббардианского города Иокфеил.

Глава 4

Судя по отсутствию следов на тротуарах и улицах, покрытых слоем пыли, в котором гости тонули по щиколотку, город давно никто не посещал. Ни люди (хаббардианцы), ни звери. Уже один этот факт говорил о многом, и путешественники двигались медленно и осторожно, держась подальше от уцелевших зданий и обходя рухнувшие. Атмосфера давней беды, давящая, глухая, мрачная, атмосфера безнадежности и страха окутала их, как только они вошли в город. И чем дальше земляне продвигались к центру Иокфеила, тем сильнее ощущали давление на психику.

Архитектура зданий хаббардианского города значительно отличалась от земной. Почти все они представляли собой трехкупольные башни на ходулях — опять-таки на трех, в основном — трехсторонние призмы, и очень редко — четырехугольные или круглые в сечении. Окон они с виду не имели вовсе. Материал зданий напоминал зеркальное стекло или полированный металл, хотя по рухнувшим строениям было видно, что сложены они из кирпичей серого цвета. Возможно, это была разновидность бетона, а зеркальный слой наносился снаружи на стены уже после возведения зданий.

Изредка встречались и трехосные строения, живо напоминавшие о трехликой сущности хаббардианцев.

Затем уцелевшие сооружения города стали встречаться реже, появилась полностью разрушенная зона с горами обломков, песка и пыли. Давление на мозг еще больше усилилось. Начали мерещиться появляющиеся и пропадающие призрачные фигуры, заставляя Ростислава браться за рукоять пистолета. Уловив сочувствующий взгляд мальчика, он криво улыбнулся:

— Неуютно тут, тебе не кажется?

— Это действует заклятие, — серьезно пояснил Будимир. —

Хорошо, что оно рассчитано на психику хаббардианцев, иначе мы бы здесь не прошли.

— Я тоже ощущаю нечто такое... как гора над головой висит.

— А если сделать вот так? — Мальчик обвел фигуру Ростислава ладонью, как бы погладил воздух, и тотчас же Светлов почувствовал заметное облегчение. Озадаченно посмотрел на спутника.

— Что ты сделал?

— Ничего особенного, поставил з е р к а л о. Ну, такой защитный экран. Вам не легче?

— Намного! Спасибо. Кажется, ты пришел в норму, это радует. Но где же тут прячется заколдованный дракон, о котором предупреждал Праселк?

— Должно быть, впереди, я чувствую с в е ч е н и е.

— Я так понимаю, имеется в виду энергетическое свечение? Идем дальше. Надеюсь, дракон нас не сожрет.

Они миновали холмы разрушенных зданий, вышли на площадь с торчащим из нее высоким шпилем, похожим на самый настоящий винтовочный штык. Площадь была усеяна мелкими камнями алого цвета и казалась пустой. Однако Ростислав чувствовал чей-то взгляд и снова взялся за рукоять пистолета.

Будимир замедлил шаг, остановился, прошептал:

— Вот он...

— Где? — не понял Ростислав, озираясь.

В то же мгновение штыковидная металлическая колонна в центре площади сложилась пополам, метнулась к людям с глухим угрожающим рыком. У нее выросли кожистые крылья, когтистые лапы, тут же обросшие шерстью, и длинное рыло, удивительно похожее на медвежью морду и карикатурно искаженное человеческое лицо с горящими желтым огнем, узкими, длинными, у м н ы м и глазами.

Ростислав схватил Будимира за руку, дернул к себе.

— Назад!

Но дракон не долетел до землян.

Внезапно алые камни зажглись изнутри, выбросили вверх тоненькие светящиеся шипы, вся площадь ощетинилась, проросла этими «колючками», и громадный зверь оказался нанизанным на сотни шипов, застрял, с жалобным воем рухнул на камни. Заворочался, раздирая крылья и тело, собираясь в узкий «штык», со стоном уполз к центру площади, где оставалась небольшая, свободная от ежастых камней зона. Там он свернулся клубком и стал похож на гигантского пещерного медведя.

— Волк... — прошептал Будимир.

— Какой же это волк? — не согласился Ростислав. — Это настоящий дракон... принявший форму медведя.

— Это Волк Волков, он не из этого хрона. Папа рассказывал, что такие звери населяют хрон Велесовой Руси, а в Белобог-Руси они вообще разумные существа.

— Такэда об этом не упоминал.

— Папа долго путешествовал по Вееру без него.

— Понятно. Что будем делать? Мы-то, может быть, и проберемся между камнями, а он — нет.

— Я попробую «разминировать» дорожку.

Будимир сосредоточился, закрыл глаза. Волосы его посветлели, стали золотистыми, с пальцев рук сорвались ручейки розоватого свечения. Затем он открыл ставшие огромными и бездонно-прозрачными глаза и толкнул воздух от себя обеими ладонями.

Подул теплый ветер.

И тотчас же алые камни начали вспыхивать облачками оранжевого пламени, сгорать без следа. Образовалась чистая полоса шириной в три метра, добежала до центра площади. Медведь-дракон (волком назвать это чудовище не поворачивался язык) поднял морду, мгновение рассматривал свободную от камней дорогу — с изумлением и недоверием, сорвался с места, в несколько прыжков пересек площадь и навис над попятившимися людьми.

— Эй, эй, полегче, — пробормотал Ростислав, сжимая одной рукой пистолет, а другой берясь за древко вардзуни. — Не мы тебя заточили в этой тюрьме.

— Избавитель! — пророкотал Волк Волков, меняя очертания фигуры и превращаясь действительно в гигантского белого волка. — Рад приветствовать! Долго же я вас ждал!

— Я еще не Избавитель, — смутился Будимир.

— Ты сын Седьмого, я тебя признал.

— Он же говорит по-русски! — опомнился Ростислав.

Волк перевел оставшиеся узкими, длинными и яркими глаза на Светлова.

— Защитник! Рад видеть! Легенды не лгут, вы пришли. Но долг платежом красен, и я в вашей власти, а со мной — весь мой род.

— Откуда ты знаешь русский язык?

— Это прямой пси-обмен, — заметил Будимир авторитетным тоном. — Мы слышим его мысли.

— Вот незадача, никак не привыкну, — хладнокровно сказал Ростислав. — Как ты... как вы сюда попали?

— Это долгая история. Однажды я не подчинился воле Кщеря, Владыки нашего хрона, ставшего впоследствии навьем, воином Великих игв, и в результате оказался здесь, за тридевять земель от родного дома.

— Где же твой... ваш дом?

— Далеко, в Белобог-Руси, но теперь-то уж я свободен и доберусь туда самостоятельно. Не хотите погостить у меня?

Ростислав посмотрел на Будимира, с сожалением покачал головой.

— Увы, гостевать нам некогда, наша задача — как можно быстрей найти помощников и оружие.

— Считайте, одного помощника вы уже получили. Стоит вам назвать мое настоящее имя, и через минуту я приду. Зовут меня Вольх, сын Интры, но можно и попроще — Волк. Какое оружие вы ищете?

— Меч Святогора.

— Финист, наслышан. Однако тут я бессилен, не знаю даже, где он в настоящий момент.

— Нам бы добраться до Святой Руси, там мы сами...

— Вы думаете, он в Свентане? Хотя почему нет? Я слышал, хозяин меча до сих пор спит под заклятием игв, пора его будить. Кстати, вы здесь одни или с охраной?

— Одни.

— Значит, те хаббардианцы, которые крадутся к площади, не относятся к числу ваших друзей?

Ростислав и Будимир переглянулись.

— Сколько их?

— Пятеро.

— Оптимальный патруль... Черт, придется драться!

— За вами охотится СС? Этого следовало ожидать. Отобьетесь или помочь?

— Попытаемся отбиться, хотя с оружием у нас, честно говоря, хреновато.

— В таком случае зачем вам сражаться с охотниками? Не проще ли уйти от погони в другой хрон?

Ростислав криво улыбнулся.

— Мы бы с радостью, да у нас только две кляцы... к тому же я не уверен, что они выведут нас туда, куда мы хотим попасть.

— Кляца — это, наверное, свернутый в кокон транскоф? Такие когда-то изготавливали хаббардианцы для своих наблюдателей. Могу подкинуть до хронопортала «трех В». Оттуда вы спокойно доберетесь до Свентаны.

— Что еще за портал «трех В»?

— Иными словами, это своеобразная дверь в Шаданакар, остаток древнейшей сети связи слоев Веера, созданной еще Предтечами, предшественниками Люцифера и Великих игв.

— «Три В» — это Владыки Всего и Везде? — робко спросил Будимир.

Волк Волков благожелательно посмотрел на него.

— Совершенно верно, мой друг. Итак, вы идете со мной?

Из-за ближайшей горы обломков вдруг появилась пятерка спешащих к площади хаббардианцев, одетых в защитные комбинезоны и сложные трехрыльные шлемы. Все они были вооружены трехствольными ружьями и скорее всего представляли местную полицию или спецслужбу. Увидев гигантского — четырехметровой высоты — волка и стоящих перед ним людей, они с ходу открыли огонь из своих устрашающих «пушек». Загрохотало. По камням с визгом и жужжанием заскакали крупнокалиберные пули. Одну из них сбил лапой Вольх, вторая задела плечо Ростислава, вспорола комбинезон. Больше он не колебался.

— Поехали!

— У вас есть средство передвижения?

— Нет.

— Тогда садитесь на меня.

Волк Волков прижался брюхом к мостовой, Ростислав с некоторым трудом взгромоздился на него, втащил Будимира.

— Держитесь крепче!

Вольх вскочил, оскалил зубы, издал гулкий басовитый вой, от которого гора камней и обломков здания осела, сбивая с ног патрульных СС, и помчался в сторону окраины города с быстротой гоночного автомобиля, оставив за спиной свою тюрьму и пятерку патруля, продолжавшую палить им вслед.

Город Иокфеил остался позади, затем скрылись из глаз долина и река. Начался лес.

— Как вы там, держитесь?

Волк не повернул головы, продолжая бежать мощно и быстро, но его «голос» был слышен все так же хорошо, и только теперь Ростислав окончательно осознал, что это хищное с виду разумное существо действительно общается с ними мысленно.

— Нормально, — ответил Светлов, пригибаясь от ветра, бьющего в лицо, придерживая одной рукой мальчишку, а второй цепляясь за густую шерсть Вольха. — Как получилось, что ваша Белобог-Русь подчинилась Кщерю?

— В том все и дело, что не подчинилась, потому мы и воюем с воинством Люцифера всю свою историю.

— Но я слышал, что Кщеря заточили в могильник на Свентане. Кстати, у нас на Земле он известен как Кощей Бессмертный.

— Меня он захватил еще до первого сражения Люцифера с Семеркой магов — Душой Веера, захватил обманом, выкрал мою избранницу, и я помчался ее выручать. В этой тюрьме я провел всего двести лет — хаббардианских, разумеется, а до этого меня возили по хронам в клетке, экранированной заклятием

неволи, и показывали всем, кто колебался, на чью сторону встать.

— Кщеря выпустил хаббардианец Праселк.

— Мне уже сообщили об этом. Ничего, я с ними обоими еще посчитаюсь. Успеть бы до разрушения Веера. Кто-то запустил процесс деструктуризации, Веер начал схлопываться, упрощаться, вырождаться. Вам надо поторопиться с его стабилизацией и очищением, Избавитель.

— Я постараюсь, — еле слышно выговорил Будимир.

Волк прибавил ходу. Ехать на нем, держась за холку, было непросто, однако бежал он ровно, плавнее лошади, мягкой рысью, и всадники вскоре приноровились к своему положению и седалища свои не отбивали.

Через час местность впереди начала повышаться, появились взгорки, гряды и холмы. Лес поредел, расступился. Показался холм с раздвоенной вершиной, похожий на тот, где прятались едва не сгубившие людей Чертовы Ворота. Впрочем, это и в самом деле был именно тот холм!

Вольх замедлил бег, взбежал на «асфальтовую» дорожку.

— Я чую ваше волнение. Что случилось?

— Остановись, — выдохнул Ростислав. — Мы здесь уже были. В центре холма стоят Чертовы Ворота...

— Это и есть дверь в систему «трех В». Слезайте.

— Не может быть!

Ростислав спрыгнул на дорожку, помог слезть Будимиру. Вольх оглянулся на них.

— Вы, наверное, влезли в *остужь* без оберега. Разве мой юный освободитель не знает, как открывается сеть «трех В»?

Будимир покраснел.

— У меня есть оберег... матрешка... я забыл...

— У меня тоже есть, — вспомнил Ростислав о своем Михе, вытащил его из кармана. — Годится?

— Он с в е т и т с я, значит, работает. Р а з б у д и т е его и смело идите вперед, не останавливаясь. Дверь «трех В» потому и прозвали — *остужь*, что она, открывая линию связи, подпитывается энергией хрона, охлаждает пространство.

— Вот собака трехголовая! — сказал Ростислав ровным голосом. — Извините, это я о Праселке. Похоже, он говорил правду. Хотя, с другой стороны — как посмотреть.

Вольх улыбнулся, вывесив длинный красный язык.

— Что он вам посоветовал?

Ростислав поведал гигантскому волку историю встречи с хаббардианцем.

— Вполне возможно, что Чертовы Ворота — это и есть *ос-*

тужь, вход в систему хронотоннелей, но тогда непонятно, почему Праселк вздумал предупреждать о нем как о препятствии.

— Он указывал другие координаты. Может быть, существуют еще одни Чертовы Ворота, которые образуют вход во временную «яму»?

— Как вы сказали?

Теперь уже смутился Ростислав, кивнул на Будимира.

— Он упоминал неявь-полоза, живущего якобы во временной «яме».

— Это совсем другое дело. Неявь-полоз действительно живет сразу во многих измерениях. Но временные «ямы» существуют — в виде облаков «отрицательного хронополя» — и являются прямыми признаками распада Веера. Если они появились на Хаббарде — этот хрон скоро сколлапсирует. Однако пора расставаться. Еще раз благодарю за освобождение, я ваш должник.

Волк Волков трусцой направился к алым ребрам по сторонам ущелья, разрезавшего холм на две части.

— Э-э... дружище... Волк... — растерялся Ростислав. — Вы обещали... э-э...

Зверь снова оглянулся.

— Все просто. Пройдете *остужь* и попросите обавника доставить вас на Свентану.

— Обавника?

— Это нечто вроде компьютера сети.

— Он случайно не родственник Дадхикравана, прежнего сторожа системы хронотоннелей Веера?

— О нет, обавник — локальное устройство, встроенное в каждый *остужь*, оно не разумно. До встречи, Избавитель.

Волк Волков шагнул вперед, покрылся слоем серебристого тумана, очертания его заколебались, и он исчез.

— Ущипни меня, я все еще сплю, — пробормотал Ростислав.

Будимир посмотрел на него со своей обычной несмелой улыбкой.

— Вы подумали о сказках, дядя Слава?

Светлов не удивился прозорливости мальчика, умеющего видеть суть вещей.

— Не о сказках, об их совпадении с реальностью. Вспомнил старый отечественный мультик, где герою помогает волк. Наверное, предки не зря обожествляли стихии и наделяли природу разумом.

— Папа говорил, что все земные природные царства — животные, птицы, растения — имеют в Веере разумные аналоги. Волки не исключение. А наш Вольх вообще глава рода, один из магов.

— Странно, что совет его освободить мы получили от хаббардианки. Хотя, если вдуматься... она ведь, по словам Вуккуба, влюбилась в земного мужчину... что-то поняла... а любовь — великая сила, парень, не так ли?

Будимир снова покраснел, отвернулся.

Ростислав стал серьезным.

— Пошли и мы.

Они зашагали к Чертовым Воротам.

— Я только не совсем понимаю, — вспомнил Ростислав, — почему Вольх употреблял в разговоре старорусские слова и понятия.

— Он их не употреблял, просто наше сознание, а больше подсознание, реагируя на пси-передачу, таким образом «переводило» мысли адекватно смыслу. Это самые точные слова.

Откуда-то из-за леса послышался тихий приближающийся гул.

Ростислав замер, прислушиваясь.

— Вертолет! Они решили догнать нас во что бы то ни стало! Давай шибче!

Они побежали, взявшись за руки. В шаге от Чертовых Ворот остановились. Ростислав взвесил в ладони тайландского божка.

— Ну, Миха, выручай! Что с ним делать?

Будимир, доставший матрешку, посмотрел на нее, погладил пальцем, сжал в ладошке.

— Просто просите его защитить, и все. Его с и л а перейдет к вам. Не бойтесь, дядя Слава, я теперь смогу вас прикрыть.

— Как говорится, волка бояться — в лес не ходить. Вперед!

Из-за ближайшего холма вынырнул утюговидный, темно-зеленый, с разводами по корпусу летательный аппарат аж с тремя винтами, ринулся к холму с раздвоенной вершиной. С его острого носа сорвалась неяркая багровая молния, вонзилась в одну из вершин. Раздался взрыв.

Но земляне уже сделали шаг вперед, и текучая лента серо-серебристого тумана отгородила их от мира Хаббарда.

Глава 5

Волна холода на сей раз была не столь агрессивной, как в прошлый. Показалось — они окунулись в морозный воздух русской зимы. По глазам ударила вспышка неяркого света, заставив путешественников зажмуриться, голова сжалась в точку, чтобы тут же вырасти в объеме, как воздушный шар. Дыхание прервалось. Однако эти неуютные ощущения быстро прошли, стало теплее, земляне сделали еще шаг и открыли глаза.

Вокруг расстилался удивительный ландшафт, напоминающий город: свечеобразные, витые, изъеденные крупными порами, слоистые скалы образовывали живописные «кварталы», окруженные россыпями камней, шарами колючек и зарослями кактусов, похожих на огромных шипастых осьминогов. «Город» с одной стороны упирался в горную гряду, а с трех других был окружен каменистой пустыней с редкими песчаными холмами и одинокими скалами.

Небо в этом мире имело густо-синий цвет, а солнце было вполне земным, разве что чуть менее ярким, и рядом с ним виднелась крупная голубая звезда. Воздух казался сухим и скрипучим, как песок, но дышалось легко, несмотря на незнакомые запахи. Сила тяжести здесь была чуть меньше земной, что вызывало чувство особой легкости.

Ростислав оглянулся, однако ничего похожего на Чертовы Ворота, такие, как на Хаббарде, не увидел. Рядом торчала башня скалы с плоской вершиной, усеянная метрового размера кавернами, да в двух шагах возвышался «осьминожий» саксаул.

— Странно, — сказал он вполголоса. — Не вижу никаких ворот. Что это значит?

— Вход в *остужь* и выход, очевидно, связаны нелинейно, — неуверенно проговорил Будимир.

— Это как?

— Я читал про стринговую теорию, о «суперструнах», а хроноканалы и есть «суперструны», они взаимодействуют нелинейно... и дядя Толя рассказывал... Наверное, система «трех В» работает только в одном направлении.

— Кажется, понял, — кивнул Ростислав, пряча улыбку в усах. — *Остужь* не метро: пересел на следующей станции и приехал обратно, если надо. Значит, чтобы нам двинуться дальше в миры Веера, надо снова искать Чертовы Ворота? То есть остужь?

Будимир молча кивнул. Вдруг глаза его раскрылись шире, он прислушался к чему-то, поворочал головой, повернулся к горам:

— Там кто-то есть...

— Кто?! Неужели снова патруль СС?!

— Нет, не патруль, кто-то большой и сильный... и незлой...

— Возможно, нас встречает маг Свентаны? Как там его называл Такэда? Яросвет?

— Мы не на Свентане, — покачал головой Будимир. — Не знаю, что случилось, почему *остужь* забросила нас сюда, но это мир Айгюптоса, мир Зу-л-Кифла.

— Час от часу не легче! Я думал, ты контролируешь ситуацию. Волк говорил о компьютере *остужи*, то бишь обавнике.

Ты с ним связался? Просил, чтобы *остужь* отправила нас на Свентану?

Будимир виновато сморщил нос.

— Я не успел... все произошло так быстро... может быть, я подумал именно о Зу-л-Кифле... простите, дядя Слава.

Мальчишка готов был заплакать, и Ростислав погладил его по голове.

— Не переживай, выкрутимся. Так как выбора у нас нет, давай попробуем отыскать *остужь*, а потом пойдем знакомиться с этим твоим «большим и сильным», кого ты учуял. Уж не сам ли это Зу-л-Кифл?

— Не-а, — мотнул головой мальчик. — Сейчас Зу-л-Кифла на Айгюптосе нет, я бы сразу почувствовал.

Ростислав хмыкнул, озадаченный уверенностью юного мага, но возражать не стал.

Они прошлись по территории скального «города», образованного выветриванием, осмотрели груды камней, скалы и кактусы, прошагали в общей сложности около пяти километров, но Чертовых Ворот или хотя бы чего-то хоть отдаленно похожего на них не обнаружили. Предположение Будимира о нелинейности сети «трех В», точки выхода и входа которой не имели обратной связи, подтверждалось.

— Ну и фиг с ними, не будем расстраиваться, — подвел итог поискам Ростислав. — У нас еще есть два яйца с кляцей, так что не все потеряно. Теперь веди туда, где находится здешний хозяин.

Будимир сориентировался по каким-то своим внутренним указателям и повел Светлова в пустыню, чуть наискось от близкой горной цепи. Шагать по твердой поверхности пустыни были достаточно легко и, даже хромая, Ростислав практически не уставал, хотя иногда ловил себя на мысли, что пришла пора просить сына Сухова о том, чтобы он вылечил и ногу.

Через несколько километров каменистая равнина с песчаными дюнами и кактусами на их вершинах закончилась, путешественники вышли на край плато, и с обрыва им открылся вид на великолепный оазис, скрывавшийся в гигантском величественном рифтовом разломе.

Глубина разлома, окруженного почти отвесными слоистыми стенами, достигала не менее полутора километров. По дну оазиса извивалась узкая лента реки с водой фиолетового цвета, берега которой кое-где были покрыты коричневой травой и еще реже — рощицами хилых и бледных метельчатых растений. Среди скал виднелась пара небольших озер, казавшихся осколками неба, а возле озер высились огромные полупрозрачные пирамиды, отбрасывающие яркие стеклянные блики. Пирамид было много, не меньше трех десятков, и все они создавали впечатление уг-

рюмой завершенности, меланхолии, терпеливого ожидания вечности.

— Кладбище, что ли? — невольно понизил голос Ростислав.

Что-то шевельнулось внизу, на берегу реки, из-за самой большой пирамиды выполз огромный динозавр и посмотрел снизу вверх, на обрыв, на кромке которого стояли путешественники. Он был похож на крокодила и тиранозавра одновременно, чешуйчатая зеркальная броня его отбрасывала множество цветных зайчиков, как россыпь драгоценных камней. Высота динозаврокрокодила — в холке — достигала высоты пятиэтажного дома, длина же от морды до кончика хвоста равнялась, наверное, длине футбольного поля. Тяжелая, рогатая, с большим количеством наростов и ям голова зверя внушала ужас даже на таком расстоянии, но вместе с тем от него исходила волна такого терпеливого спокойствия и величественной горделивости, что не приходилось сомневаться в разумности этого гигантского броненосного существа.

— Суубха Сеттутеп, — проговорил Будимир без всякого волнения и удивления.

— Переведи, — хмыкнул Ростислав.

— Он из клана Суубха. На Айгюптосе существовали три вида разума, Суубха — самая древняя. Сеттутеп помог когда-то папе, может быть, не откажется помочь и нам.

— Ты хочешь поговорить с ним?

— Это он хочет поговорить с нами, — слабо улыбнулся мальчик.

— Как мы туда спустимся?

Будимир вгляделся в стены разлома, уверенно показал на расщелину справа от себя.

— Там есть лестница.

В самом деле, приблизившись к расщелине, они обнаружили тропу, явно вырубленную искусственно в скальном массиве, иногда превращавшуюся в широкую лестницу из ступеней-террас. Спуск в долину длился чуть больше получаса. Путешественники вышли на берег реки, судя по галечным и песчаным отложениям — изрядно обмелевшей, приблизились к холму с грудой камней причудливых форм, похожих на древние развалины. Здесь и ждал их гигант Суубха Сеттутеп, блистающий зеркальной броней. Вблизи он выглядел намного величественней и кошмарней, чем с высоты каньона, однако стоило встретить взгляд его узких и длинных, пронзительно-желтых умных глаз, как страх из души улетучивался, хотелось снять шляпу и поклониться. Просто динозавром, ящером, драконом или зверем эту апокалиптическую громаду назвать было нельзя.

— Суубха Сеттутеп приветствует юного Избавителя и его защитника, — раздался в головах землян тихий вежливый голос.

— Здрасьте, — шаркнул ногой Ростислав, в общем-то не сильно удивленный «русской речью» дракона; он уже начинал привыкать к мысленному общению с обитателями Веера.

— Добрый день, целитель, — стеснительно проговорил Будимир.

Динозавр показал розовый раздвоенный язык, что, очевидно, означало улыбку.

— Меня еще помнят на Земле?

— Папа много рассказывал о вас, вы ему здорово помогли.

— Он шел правильным путем и понравился мне, хотя люди по натуре двойственны и способны на самые неразумные поступки. Но не обращайте внимания на брюзжание старика, мой юный друг. Что привело вас на Айгюптос и вообще в наш больной хрон?

— Мы попали к вам случайно, — привычно покраснел Будимир. — Я неправильно сориентировал *остужь*... то есть хроноканал «трех В»... и он вынес нас сюда. На самом деле мы шли в Святую Русь.

— С какой целью?

— Если говорить о конкретной цели, то нам нужен меч Святогора, — опередил мальчишку Ростислав. — Шаданакар свертывается, распадается, нужно как-то остановить этот процесс.

— Согласен, деструктуризация Веера не является оптимально прогрессивным процессом, ситуацию давно пора переломить. По силам это вам, Избавитель? Я чувствую ваш потенциал, но вы еще совсем ребенок...

Будимир снова порозовел, глянул на Светлова, как бы прося его поддержки.

— Молодость — не худший из человеческих пороков, — сказал Светлов. — Он справится.

— Вам виднее, — с прежней располагающей вежливостью «проговорил» динозавр Сеттутеп. — К сожалению, я не знаю, где сейчас находится оператор гипервоздействия, он же — «след» Воли Творца Веера. Ваш отец спрятал его, насколько мне известно, но где — можно только гадать. Возможно, в землях Святой Руси, возможно, в хронах Великих игв.

— Зу-л-Кифл может знать, где именно? — поинтересовался Ростислав.

Гигант посмотрел на него с какой-то снисходительной задумчивостью.

— Держатель нашей вселенной слишком занят укреплением границ хрона и вряд ли ответит вам. Хрон распадается, сил для его защиты не хватает, а помощи ждать не от кого. Все Владыки

хронов заняты сейчас своими проблемами, их уже не собрать вместе, как это сделал ваш отец. Одна надежда на вас, Избавитель.

— Мне еще многому надо научиться, — смущенно признался Будимир. — Вы мне поможете?

— Разве что советом, мой юный друг. Мои силы и воля к жизни исчерпаны, скоро я уйду туда, где уже находится мой род.

Динозавр мотнул головой на ближайшую прозрачную пирамиду.

— Вы имеете в виду... гробницу? — пробормотал Светлов.

Суубха Сеттутеп снова показал свою специфичную «улыбку».

— Это мир виртуальной жизни, информационное пространство с очень большим числом вариантов. Хотя можно назвать его и гробницей. Выхода из него в реальность Веера уже не будет. Теперь примите совет, Избавитель. Не возвращайтесь к старому. Оно умерло. Нынешняя ситуация требует принципиально нового подхода, вы же, судя по вашим приключениям (прошу прощения, что я покопался в вашей памяти), идете старым путем. По Вееру распространяется ударная волна Зла, то есть нарушения Глобальных Этических Норм Творца, инициированная замыслом Великих игв и их Покровителя. Ее можно остановить только инициацией ударной волны Добра, восстановлением непреложных Законов Веера. При этом повторение ходов прежних Игр с демономагами недопустимо! У вас есть шанс выиграть, ибо вы, сами того не понимая, начали Путь нестандартно: ни одна из систем дьявольского контроля не ждала появления на «лестнице» Шаданакара ребенка. Пусть и с задатками Избавителя. Поход за мечом Святогора — стандартный ход! Вас там встретят. Ищите новые подходы к проблеме — и выиграете.

— Поиски меча — вынужденная мера, — шевельнул желваками Светлов. — Мы не знаем, с чего начать. Нужен проводник, нужен советник, нужны знания... Я вообще здесь самое слабое звено, — признался он со вздохом. — Хромой, увечный, старый, мало что понимаю во всех этих магических делах...

— Ну, физическое увечье — не проблема, — высунул Сеттутеп свой раздвоенный, двухметровой длины язык. — Поднимите-ка вашу левую ногу.

Светлов, как сомнамбула, поднял не гнущуюся в колене ногу.

Сеттутеп лизнул ее, обвил языком на мгновение и отпустил.

— Вот и все. Теперь пройдитесь туда-сюда.

Чувствуя легкое головокружение и сильное жжение и покалывание в колене — по жилам заструилась горячая кровь, — Ростислав сделал шаг, другой и едва не вскрикнул от изумления: нога сгибалась!

— Ну как, нормально?

— Она... совсем... здоровая!

— Биологические структуры корректируются так же, как и все материальные. Надеюсь, мое вмешательство в ваш организм пойдет вам на пользу, защитник.

Все еще чувствуя головокружение и странное пошатывание сердца, Ростислав смелее наступил на искалеченную ногу, прошелся вокруг лапы Сеттутепа, взирающего на него с благодушным и дружелюбным видом, и в порыве благодарности погладил лапу обеими руками.

— Я ваш должник! Димка вылечил мне руку, вы — ногу! Чем мне вас отблагодарить?

— Будет достаточно, если вы убережете юного Избавителя от непродуманных шагов и выполните задачу, ради которой рискнули встать на Путь. Я заглянул в вашу голову, защитник, простите любопытство старика, и обнаружил неплохой экстрарезерв, а главное — оптимальное сочетание того, что вы называете умом или творческим потенциалом, с тем, что вы называете душой. Обычно человек, воспринимающий мир умом, не понимает человека, воспринимающего мир душой.

— Умный не понимает дурака...

Суубха Сеттутеп «улыбнулся».

— Верное суждение. Обычно люди считают наоборот. Но вы занимаете срединную позицию между двумя этими категориями людей.

— Спасибо.

— Не за что, защитник. Вы мне симпатичны, и я наладил кое-какие мостики между сферами сознания и подсознания. Не пугайтесь, если почувствуете с т р а н н о е, надеюсь, позже вы оцените мое стремление сделать вам приятное.

— Я вас не просил...

— Вот за это я и прошу снисхождения. Душа должна идти к Свету, опираясь на Тьму, вы должны это понять, прежде чем овладеете принципами М-физики.

— Какой физики?

— Он имеет в виду магическое п о в е л е н и е, — отозвался Будимир. — Несмотря на магическое равновесие Веера, знание законов М-физики даст нам преимущество.

— Устами младенца глаголет истина, — добродушно пошутил гигантский разумный ящер. — В первую очередь вы должны быть вооружены з н а н и е м, во вторую — у м е н и е м применять это знание и лишь в третью — физическим оружием.

— Что вы нам посоветуете еще, целитель? — спросил Будимир, с любопытством поглядывая на потрясенного Ростислава.

— Пожалуй, ничего. Хотя постойте-ка, я тут подумал... Вам-таки стоит поискать меч старины Святогора, прародителя ваше-

го рода. Финист может знать, куда ушел ваш отец, Избавитель, и даже указать к нему дорогу. Если Седьмой вернется, шансов изменить ситуацию к лучшему у вас будет больше.

— Еще раз спасибо, целитель!

— Благодарить меня будете потом, когда достигнете цели. Не знаю, встретимся ли мы еще когда-нибудь, но я буду помнить о вас.

— Мы тоже! — Будимир посмотрел на Светлова. — Испытаем кляцу, дядя Слава?

— Погоди, у меня возникли кое-какие вопросы, — очнулся Ростислав. — Сеттутеп, наша встреча была предопределена? Мы появились здесь не случайно?

— Заработала! — хмыкнул динозавр Суубха тоном кота Матроскина из мультфильма «Каникулы в Простоквашино». — На вас снизошло откровение, защитник?

— Значит, все правильно, никакой ошибки не было, мы не сбились с пути. Сюда нас занесло ваше п о в е л е н и е. Не значит ли это, дорогой целитель, что вы имеете доступ к сети связи «трех В»?

— В общем, имею, — скромно признался Сеттутеп.

— Я так и понял. — Ростислав с силой потер лоб, ощущая удивительную ясность мысли и расширение горизонта п о н и м а н и я. — В таком случае вы являетесь прямым потомком «трех В». Не так ли?

— Браво, защитник! — передал мысленное восхищение — без тени насмешки — Сеттупеп. — Мой род Суубха действительно является продолжателем рода Властелинов Всего и Везде. А теперь прощайте. Я отправлю вас на Свентану.

— Постойте! — поднял руку Светлов, но остановить гиганта не успел.

Порыв морозного ветра подхватил их, завертел, бросил в сияющий золотистый тоннель и вынес уже в другом мире, в мире Святой Руси, которую посещал и отец Будимира Никита Сухов во время своего становления как мага.

Эпизод 3

СВЕНТАНА

Глава 1

Дорога, мощенная удивительно красивым зеленым кирпичом — материал напоминал земной малахит, — спускалась с перевала на черно-рыжую холмистую равнину с низкими скалистыми сопками. С высоты плоскогорья, на котором оказались путешественники, равнина казалась пушистым покрывалом, теплым и мягким, но вблизи навевала мрачные ассоциации, а ее пушистость объяснялась зеленовато-серым почти прозрачным туманом, покрывающим все мрачное пространство до горизонта ровным слоем метровой высоты.

Дорога обогнула очередной скальный выступ, похожий на огромный слоновий лоб, и вышла к широкой реке с водой странного желтого цвета. Через реку был перекинут низкий тяжелый мост без единой опоры и без перил, сложенный из гигантских стволов деревьев. Проезжая часть моста была обшита толстыми плахами, часть которых рассохлась, отчего они торчали дугами в разные стороны, часть же отсутствовала вовсе. Судя по всему, мост был очень стар и простоял здесь не одну сотню лет. Во всяком случае, по нему уже давно никто не ездил.

За мостом на той стороне реки торчала кособокая хибара без крыши, и Ростислав с невольной усмешкой подумал, что это блокпост. Или погранзастава.

— За рекой — Олирна, — тихо проговорил Будимир, ежась, как от холода. — Там все горело...

Ростислав тоже чувствовал себя неуютно, однако держался уверенно и спокойно, как и положено взрослому человеку с немалым опытом. Он понимал, что мальчишка нуждается в поддержке и зависит от настроения спутника, несмотря на все свои магические возможности. Сам он к своему новому положению еще не привык, иногда замечая, что по привычке прижимает локоть вылеченной руки к боку и прихрамывает, держа исцеленную ногу прямой.

— Странная река, — заметил он.

— Смородина. А это Калинов мост, — отозвался Будимир.

— Впору действительно вспомнить сказки про Чудо-юдо ро-

гатое. Сейчас из-под моста вылезет трехголовый змей и... — Ростислав не договорил.

Вода в реке забурлила, заходила бурунами, взметнулась фонтаном, и из нее вылезла голова гигантской рыбы, похожей на небольшого кита с усами. В тот же момент на нее что-то свалилось сверху, словно из воздуха соткалась черная сеть и вдавила рыбину в воду.

— Мать моя женщина! — охнул Ростислав. — Вот это сомище! Всем сомам сом!

Голова рыбы вынырнула вновь. Люди почувствовали на себе чей-то тяжелый предупреждающий взгляд. У гигантского сома, живущего в реке, тоже были глаза, но впечатление складывалось такое, будто кроме него на путешественников посмотрел кто-то еще.

— Помогите!.. — раздался в голове Ростислава шелестящий хрипящий голос.

Над водой снова сформировалась из ничего черная сеть паучьего рисунка, упала на сома-великана, увлекая его в воду. Вспухли струи пара, вода забурлила.

— Помогите!.. — прилетел слабеющий хрип.

Вода успокоилась.

Ростислав посмотрел на мальчишку.

— Что это за зверь? Сом всех сомов, что ли? Был Волк Волков, теперь Рыба Рыб попалась. Ее тоже надо спасать?

— Это действительно Сом Сомов, — серьезно ответил Будимир. — Папа с ним не встречался, но рассказывал, что он охраняет границы Святой Руси от набегов нежити. Наверное, его пленил кто-то из навьев уже после Битвы Семерых и засунул в смерть-реку, в Смородину. Старорусское «смор» — смерть, а один и есть один. Смородина — «смерть одна».

— Почему же местный... э-э, хозяин — Яросвет, так ведь? — не освободит его?

— Не знаю, — беспомощно пожал плечами Будимир. — Река Смородина течет по границе Святой Руси с Мировой Язвой, где до сих пор живет т р я с е я.

— Трясея — это что-то вроде болезни?

— Самая настоящая болезнь, только не одного человека, а всей природы.

— Тем более непонятно, почему Яросвет не освободил своего пограничника. Без него ему трудно будет сдерживать эту самую т р я с е ю. Может, он не знает, что сом пойман в сети и лежит на дне Смородины? Хотя с другой стороны, какой он тогда на хрен маг? Так он всех друзей растеряет, если не будет их выручать.

— Его сейчас здесь нет.

— Я и так вижу, что его здесь нет.

— Я имел в виду — в Свентане, вообще на планете.

— Странно. Куда они все подевались?

— Кто? — не понял Будимир.

— Маги, кто же еще? Твой отец... вернее, его магическая матрица, ну, ты понимаешь. Потом Зу-л-Кифл, теперь Яросвет. Какого дьявола им понадобилось покидать родные земли, когда кругом враги?

Будимир не ответил.

Снова из воды в фонтане желтых брызг появилась голова гигантской усатой рыбы.

— Помоги, Избавитель!..

Ростислав с подозрением посмотрел на мальчишку.

— Похоже, тебя тут знают.

— Я с ним разговариваю, — негромко сказал Будимир. — Он попал в ловушку, но готов нам служить.

— Я так и понял, что придется его освобождать. Каким образом ты хочешь это сделать? Ведь та черная паутина, что не пускает его на волю, скорее всего какое-то силовое поле?

— Заклятие ограничения свободы, примерно такое же, какое охраняло Вольха на Хаббарде. Я попробую его снять.

Будимир привычно сосредоточился на внутреннем состоянии, закрыл глаза. Волосы встали искрящимся нимбом над его головой, кожа лица посветлела. Затем он открыл ставшие огромными глаза и вытянул вперед руку с растопыренными пальцами.

Ударил теплый вихрь, рябью взметнул воды реки, едва не повалил избушку на другом берегу. В воздухе проявился рисунок паутины, вспыхнул с треском. Раздался визг и вой, во все стороны полетели клочья пламени. Один огненный язык достиг моста и проделал в бревнах длинный дымящийся шрам.

— Ничего себе костерчик! — невольно отступил назад Ростислав, ошеломленный масштабом явления.

Огненная карусель погасла, последние клочья пламени зашипели в воде, изменившей цвет с мутно-желтого на голубой. И тотчас же из глубин реки вынырнула голова сома-великана.

— Век не забуду! — прозвучал в голове Ростислава окрепший бестелесный голос-мысль. — Теперь я в вашем распоряжении, друзья, а со мной — весь мой род.

Вдруг из развалюхи-сторожки на другом берегу выметнулась вверх огромная двухголовая птица с черными крыльями и оранжевым оперением. Птица поднялась в воздух, бросилась на сома, не успевшего нырнуть в воду. Она вцепилась ему в голову всеми четырьмя мохнатыми лапами с кинжаловидными когтя-

ми, оба ее клюва заработали, как отбойные молотки, пробивая в коже сома огромные кровавые ямы.

Свидетели нападения оцепенели, однако растерянность Ростислава быстро прошла, и он вмешался в события, опередив своего более впечатлительного и менее опытного спутника.

Бах-бах-бах-бах! — прозвучали один за другим четыре выстрела. Ни одна из пуль не прошла мимо, все легли точно в цель... и срикошетировали от перьев птицы, породив медно-стеклянный звон!

Двухголовый монстр (на орла он не походил, скорее на мифическую гарпию) перестал клевать сома, взмахнул крыльями, оглядываясь на стрелка и выдергивая при этом сома из реки почти наполовину.

— Не смотрите ей в глаза! — закричал Будимир, прикрывая лицо ладонью, а вторую вытягивая вперед. С ладони сорвалась розовая молния, расплылась зонтиком, отгораживая обоих путешественников от реки.

Тем не менее Ростислав успел поймать ослепительно белый «зайчик» взгляда одной из голов птицы и едва не ослеп. Прошло несколько секунд, прежде чем он обрел прежнюю остроту зрения. За это время зонтик защиты Будимира истаял искрами, но птицу отвлек сом, нырнувший в воду и увлекший ее за собой, и двухголовой «гарпии» пришлось отвлечься на борьбу с огромной рыбой.

— Вардзуни! — прошептал побледневший Будимир.

Ростислав вспомнил о копье, выдернул его из-за спины за древко и, уловив момент, бросил что было сил.

Копье с тлеющим фиолетовым огоньком на острие прорезало воздух и вонзилось точно в глаз жуткой птицы. С клекочущим криком та выпустила голову сома, захлопала огромными крыльями, заметалась из стороны в сторону, косо пошла в небо. И в этот момент ее настиг страшный удар хвоста не менее гигантской рыбины.

С диким воплем, от которого у Ростислава заложило уши, двухголовый монстр описал дугу и рухнул в воды реки, окрасившиеся на несколько мгновений в коричневый цвет. Барахтаясь, птица с копьем в голове попыталась взлететь, но сом не дал ей времени на маневр. Цапнув ее за крыло, он увлек «гарпию» в глубины реки.

Клокотание воды стихло, разбежались волны, река успокоилась, стала гладкой и прозрачной. На речной простор вернулась тишина.

Ростислав разжал стиснутые в кулаки руки, вытряхнул из магазина обойму, озабоченно глянул на нее и вставил обратно.

— Патронов осталось разве что на схватку с «бархатным»

патрулем «эсэсовцев». И вардзуни мы потеряли. Надо искать какое-то надежное оружие. Что это было? С кем мы сражались?

— Наверное, это Обида-птица, хотя я не уверен, — виновато развел руками Будимир, вздохнув с заметным облегчением. — Родственница василиска. Ее взгляд останавливает процессы обмена.

Ростислав хмыкнул.

— Почему же она не убила сома? Почему он не окаменел под ее взглядом?

Будимир показал свою обычную стеснительную улыбку.

— Сом Сомов — необычная рыба, он тоже владеет магическими приемами. Пойдемте, путь свободен.

— Больше никто не вылезет нам навстречу? Какой-нибудь двух- или трехголовый охранник?

— Обида-птица и охраняла мост.

— А нам обязательно надо попасть на ту сторону? Там же простирается Мировая Язва.

— Никто не станет искать нас на той стороне, а мы сократим путь к Святым горам.

— Как далеко идти до этих гор?

— Километров четыреста.

Ростислав присвистнул.

— В лучшем случае даже с моей выздоровевшей ногой мы дойдем туда дней за десять-двенадцать, а еды осталось — на пару завтраков.

— У нас есть средство передвижения.

— Это какое же?

Будимир сморщил нос.

— Вольх.

Ростислав изумленно посмотрел на мальчика, щелкнул пальцами.

— Совсем забыл о нем! Ты думаешь, он согласится поработать лошадью?

— Он дал слово. Но позовем мы его позже, когда отойдем отсюда подальше. Я и так взбаламутил здешний магический омут, когда ставил «зеркало» от взгляда Обиды-птицы. Теперь заработает система определения координат, и нас скоро вычислят.

— Каких координат? Нашего выхода здесь?

— Я воздействовал на природу с и л а м и, всколыхнулось все магическое поле Свентаны, а оно наверняка контролируется.

— Кем?

Смущенная полуулыбка.

— Всеми... и друзьями... и врагами.

— Желательно, чтобы друзья поспевали быстрей, чем враги, — проворчал Ростислав. — Есть хочешь?

— Потерплю.

— Тогда в путь. Чем раньше мы доберемся до могилы Святогора, тем скорее решим задачу.

Медленно и осторожно, оглядываясь, посматривая на воды реки, на небо с косыми полосами, на приближающийся берег, они перебрались по угрюмому великаньему мосту на другую сторону реки и двинулись по дороге, изменившей цвет на черно-коричневый, со стеклянным блеском, в глубь выжженного пространства окраины Мировой Язвы. И с первых же шагов словно холодная тень легла на путешественников, заставляя их озираться по сторонам и ждать появления неведомых каверз и бед. Это повеяло на них зловещим дыханием б е з д н ы небытия, отрицающей всякое движение и жизнь.

Если бы не темное давление на психику, идти было бы легко. Ростислав уже перестал прислушиваться к перестройке организма и удивляться происходившим в нем переменам. Он никогда не рефлексировал по поводу той или иной неудачи, поражения, отсутствия каких-либо удобств, неприятных открытий и непредвиденных жизненных осложнений. Хотя и радостные события не возводил в ранг абсолюта, зная, что радость проходит быстрее печали. Сначала он не верил в возможность лечения искалеченных конечностей, считая заявление Такэды рекламным трюком. Однако «операция» Будимира прошла успешно, рука восстановилась за считанные дни, и это событие потрясло Светлова, заставило отнестись к происходящему серьезно, а не как к волшебной игре наподобие компьютерной. Излечение Сеттутепом ноги он воспринял с изумлением, но уже более спокойно, без аффекта, осознав, что открывшаяся ему вселенная действительно намного сложней, удивительней и волшебней, чем он думал до сих пор.

Последние события, мгновенные переходы из одного мира в другой, из одного слоя-хрона Веера в соседний, встречи с необычными существами, свободно живущими в Веере, а не только в сказках, окончательно помогли освободиться ему от комплекса неполноценности и принять новую картину мироздания как р е а л ь н о с т ь. Теперь он по-настоящему жаждал разобраться в войнах, потрясающих Веер-Шаданакар, как его называли те, кто имел к этому отношение, защитить юного мага, сына Сухова, и помочь ему довести свою миссию до конца. То есть по сути — избавить Веер от Зла. Под чьей маской оно бы ни пряталось.

Прошагав по дороге около десяти километров, Будимир свернул на восток, и скорость движения сразу упала. Издали по-

верхность сгоревшего торфяного поля, покрытого ровным белесоватым слоем тумана, казалась ровной, на самом же деле в ней было множество ям, в том числе скрытых спекшейся коркой почвы, поэтому приходилось лавировать и смотреть под ноги, чтобы не свалиться в глубокий колодец. Помогало обострившееся чутье, да и Будимир хорошо видел препятствия, так что в конце концов они преодолели край торфяника и вышли к болоту. Остановились отдохнуть, отряхивая ставшие до колен черно-рыжими от пыли штаны и ботинки.

— Кладбище навьев близко, — сказал Будимир.

Ростислав завертел головой и внезапно понял, что ряд серых конусов на горизонте, струящихся в мареве нагретого воздуха, которые он принял за горы, на самом деле представляет собой башни с плоскими вершинами.

— Такэда упоминал о Чертовом Кладбище, но вскользь. Что ты знаешь об этих башнях?

— Всего могильников тридцать шесть, в них замурованы навьи, воины Люцифера, сражавшиеся на его стороне еще до появления Великих игв. Это было очень давно, десять тысяч лет назад. Они проиграли битву с магами, защитниками Веера, и были заключены в могильники.

— Они были сильными воинами?

— Очень! Чего стоил один василиск, с которым довелось биться и отцу. Или Морок, князь Тьмы! Или Медуза Горгона!

— Значит, у нашей мифической Медузы тоже был реальный прототип?

Будимир кивнул.

— Елки-моталки! — сказал Ростислав. — Вот и не верь после этого сказкам. Все они — святая правда! А кого еще ты знаешь из навьев?

— Я не всех знаю, — с сожалением сказал мальчик. — Еще Ния, демона преисподней, Кривду, демона лжи и сглаза, и Пурима, демона кровавых жертвоприношений.

— Хорошенькая свора! — покачал головой Светлов. — Не дай бог встретиться с кем-нибудь из них! Нам непременно надо завернуть к этому Чертову Кладбищу?

— Можно и обойти, но потеряем время, дядя Слава. Дорога к Святым горам идет прямо через Кладбище. Дойдем до него и вызовем Вольха.

— Не хотел бы я столкнуться с Пуримом... но если ты гарантируешь мою безопасность, я соглашусь.

Будимир несмело улыбнулся. Рассмеялся и Светлов.

— Шучу. Пока что нам удается гулять по Шаданакару без особого шума и происшествий, да еще и союзников находить. Не робей, Дима, прорвемся.

Взявшись за руки, они зашагали к холмам, обходя болото и редкие оконца жидкой грязи. Вскоре начался лес, скрывший башни Чертова Кладбища. Он был невероятно стар, судя по гигантским замшелым стволам деревьев, грудам валежника и непроходимым зарослям дикой малины и крапивы. Встречались целые стада грибов, в большинстве своем неотличимых от земных, разве что в два-три раза крупнее. Собирать их путешественники не стали, придавленные зловещей атмосферой таинственного леса. Оба чувствовали, что их идиллическое путешествие по окраинам Святой Руси скоро кончится.

Снова набрели на болото, казавшееся бескрайним, с бездонными трясинами, замаскированными под веселые зеленые лужайки или мшаники с россыпями ягод — морошки и клюквы. Болото было мрачным, застывшим и странно тихим, и на нем почему-то росли деревья, такие же огромные, толстые, седые от древности, что и в обычном лесу. Возможно, его пришлось бы обходить изрядным крюком, но Будимир обнаружил тропу, пересекающую болото, с наваленными кое-где через трясины бревнами, и путешественники долго пробирались по этой тропе, проложенной неизвестно кем, неизвестно когда и неизвестно для чего.

Через два с лишним часа тропа уперлась в нечто удивительное, чему не сразу удалось подобрать определение.

Это был неглубокий, но широкий ров, покрытый изнутри сплошной ноздреватой коркой, а по краям застывший фестонами и ажурными выбросами синеватого, сизого, зеленоватого и пепельного оттенков. На дне рва, уходившего в обе стороны до горизонта, виднелась цепочка гигантских вдавлин, по форме напоминавших отпечатки копыт. Впечатление было такое, что здесь прошел какой-то великан, толкая впереди себя тележку с раскаленным колесом, и все, что попадало под колесо, сгорало и плавилось, застывая причудливыми фестончатыми узорами.

Но это было еще не все.

Лес с обеих сторон рва тоже претерпел необычную трансформацию. Деревья потеряли четкую форму, расплылись, изогнулись, искривились, стали похожими на обгоревшие декорации к жуткому спектаклю. Многие из них стали плоскими и перекрученными, многие просвечивали насквозь, превратились в дырчато-кисейные желоба и трубы. Смотреть на этот парад уродливых форм было неприятно.

— Вот это паноптикум! — вполголоса заметил Ростислав. — Тебе не кажется, что здесь проехал кто-то большой и горячий?

— Не проехал — прошел, — уточнил Будимир. — Боюсь, это след навья. Еще кто-то из них вырвался на волю. Ров ведет прямо к Чертову Кладбищу. Если пойдем по нему, доберемся быстрее.

— А неопасно? Вдруг ров заминирован.

Будимир улыбнулся.

— Нет, это просто давний след, никто его не минировал.

— Я имел в виду магические капканы и заклятия.

— Мы их обнаружим заранее, если они есть.

— Тогда пошли по этому «шоссе», оно действительно ровнее, чем дорога по болоту.

Двинулись по дну рва, обходя оплывшие отпечатки «лошадиных копыт» диаметром в два метра. Ров был пропитан запахом застарелого ужаса, запахом тоски и страха, создающим ощущение чьего-то незримого присутствия. Этот запах проникал в душу, раздражал, заставлял оглядываться и не выпускать из рук оружие. Однако путешественники терпели, молча отбивались от колдовской «радиоактивности» рва и вскоре привыкли к ней, как к обычной непогоде.

Через несколько километров лес впереди раздвинулся, и они вышли на край выжженной, черно-коричневой пустыни, напоминавшей ноздреватый пласт сгоревшего торфа. Пустыня была покрыта ямами разного калибра и рвами ржаво-красного цвета, и на ней ничего не росло: ни кустика, ни травинки. Лишь пересекавший безбрежное мертвое пространство ручей с мутной водой кофейного цвета несколько оживлял пейзаж. Но главной достопримечательностью ландшафта были не ямы, напоминавшие язвы, не ручей, а гигантские серые башни справа по краю пустыни, уходившие за горизонт. Ров, по которому шли путешественники, пересекал пустыню и упирался в одну из башен.

Ростислав почувствовал неприятное томление и протест желудка. Голова закружилась, в ушах поплыл тонкий комариный звон. Башни излучали в пси-диапазоне, звенели, как столбы линии электропередач высокого напряжения, и от их слепого взгляда хотелось бежать отсюда как можно дальше.

Ростислав искоса посмотрел на замершего, побледневшего Будимира. Тот, казалось, не обращал внимания на пси-давление башен и к чему-то прислушивался, шевеля губами, будто читал молитву.

— Может быть, все-таки обойдем это дьявольское место?

Мальчик очнулся, порозовел.

— Хотелось бы подойти поближе, посмотреть... похоже, разрушены три башни... видите? Значит, кто-то из навьев действительно вырвался на свободу. Надо будет предупредить Яросвета.

— Он и так должен знать, коль охраняет порубежье государства от набегов нежити. А ты говоришь — Святая Русь! Кругом враги, кладбища и тюрьмы! Мрак, одним словом!

— Ей досталось больше всех, — повторил Будимир слова от-

ца, хотя вряд ли знал об этом. — Свентана всегда стояла на страже мира, правды и справедливости, поэтому основной удар Великие игвы нанесли по Руси.

— Но ведь не справились?

— Не справились, — кивнул мальчик. — Но до сих пор воинство Сатаны ведет со Святой Русью войну. Яросвету трудно одному сдерживать этот натиск, да и границы хрона надо защищать от просачивания Зла из соседних хронов.

— Да, ему не позавидуешь. Так что будем делать, Избавитель? Вызывать нашего друга Вольха? Или сначала перекусим?

Будимир нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Как скажете, дядя Слава.

— Тогда отойдем к лесу и доедим последнюю банку консервов. Потом придется охотиться и собирать грибы. Или птичьи яйца. Ты перепелиные или куропаточьи яйца пробовал?

— Не-а...

— Вкусные и очень полезные, в них полно микроэлементов. Тебе понравятся...

Разговаривая, они прошли вдоль кромки болота и сгоревшего поля около полукилометра, нашли полянку за молодой сосновой порослью и устроились на траве под тенью гигантского клена. Ростислав открыл банку щуки в томате, протянул спутнику.

— Ешь.

— Сначала вы...

— Ешь, я сказал. Половина твоя. Я пока разведу костер и вскипячу воду.

Будимир взял банку, достал ложку, сглатывая слюну. Он был голоден, хотя и пытался скрыть это.

Ростислав набрал сухого валежника, соорудил кострище и подвесил над огнем флягу с водой, набранной еще на Хаббарде. Потом снова нырнул в лес, чтобы нарвать ягод и листьев мяты и брусники для чая, и в это время почувствовал, что на него кто-то смотрит. Замер, прикидывая направление взгляда и готовясь выхватить пистолет. Однако его опередили.

— Не пужайся, служивый, — проговорил кто-то хрипловатым баском, и из-за вывернутого комля упавшей ели показался человечек в косматой одежке, ростом с локоть, с лысой головкой, опушенной серо-седым венчиком волос, с широким — до ушей — носом и глазами-бусинками.

— Мать честная — гном! — изумился Ростислав.

— Не ори, служивый, — шастнул от испуга за комель человечек, высунул голову. — Обережник я лесной, Жива. Позовикась свого чичисбея.

— Кого? — не понял Светлов.

— Попутчика, углан неотесанный.

Ростислав засмеялся, хотел было позвать Будимира, но тот уже спешил к нему, услышав разговор.

Глава 2

Возраст лесовика по имени Жива, по его собственным словам, не поддавался подсчету. По крайней мере он помнил еще первую Битву Семерых с Люцифером, а случилась она около десяти тысяч лет назад. И все это время он со своими родичами о ж и в л я л лес, чистил его от пришлой нежити, боролся с наступлением болот и злым колдовством. Но главное, лесовик когда-то встречался с отцом Будимира, каковой факт выяснился в ходе недолгой беседы землян с представителем древнейшей расы Олирны. Узнав, что Будимир — сын Никиты Сухова, Седьмого, лесовик кубарем прокатился по земле, исчез и появился вновь уже с другой стороны, с радостным изумлением и недоверием разглядывая смущенного мальчика; говорил он, мешая современные и старорусские слова, так что иногда лингверу приходилось уточнять смысл речи.

— Вот и дожил я до Избавления! Да токмо сильно молод ты ишшо, неужли совладаешь с навьями-то?

— Совладает, не сомневайся, — подтвердил Ростислав. — А ты откуда знаешь о появлении Избавителя?

— Дык слухом земля полнится, — расплылся в хитрой улыбке старичок, потирая ладошки. — Гамаюн-птица пролетала, весточку передала, велела ждать, вот и сижу тут в болотах у Дикого поля, жду Избавителя. Да токмо не один я жду. Надысь Ний приходил, могилу порушил, навья выпустил, велел нежить-кольцо вкруг Руси пробуравить, чтобы, значицца, Избавитель не смог перебраться через Мировую Язву и помощь получить.

Ростислав переглянулся с Будимиром, нахмурился.

— Прав был твой дядя Толя, ждут тебя везде. Надо срочно учиться ходить по Шаданакару тихо, без звука, на цыпочках. Хорошо бы попросить у кого шапку-невидимку.

— Нетути у меня шапки, — виновато шмыгнул носом Жива. — Ежли у кого и есть, то у бабки Ягой, у нее и просите. Токмо занужду, давно уж дребесы волшбы не тянуть.

— Только едва ли, — перевел лингвер последние слова лесовика. — Давно уже наши волшебные предметы не работают.

— И оружие? — поинтересовался Ростислав. — Нам какой-никакой ножичек типа меча не помешал бы.

— Правильно я тебя г л я н у л, мечарь ты. Оружие с волшбой

тоже потухло, но у бабы Ягой кое-что имецца. Свистярь там, пушистик, глотарь.

— Что еще за звери такие?

— Не звери, — не понял шутки Жива. — Свистярь — такая дудка. В один конец дунешь — человек оживет, в другой дунешь — умрет. А пушистик — такой бумм! — Лесовик взмахнул ручонками, обозначая взрыв. — И всё топырится, рямит, волосится — далеко! Не убежишь!

— Бомба то есть, — уточнил Ростислав. — Или граната. Сгодится. А у тебя у самого так-таки ничего и нет?

Лесовик клубком прокатился по траве, не шевельнув ни одной травинки, исчез, объявился за спиной Светлова. Уши у него стали огромными, с ладонь человека.

— Неможно громко витийствовать, навьи услышат!

Ростислав оглянулся на заросли кустарника, скрывшие башни Чертова Кладбища.

— Они же давно сдохли... да и заперты в своих могильниках.

— Можа, и сдохнумши, да не все. Надысь второй вырвался, вы его след, наверное, видели.

— Здоровенный ров, будто телега одноколесная проехала, весь рваный и расплавленный.

— Кривоглаз прошел.

— Кривоглаз? — Ростислав оглянулся на Будимира. — Не Кривда ли, о котором ты упоминал?

Лесовик буквально усох от последних слов Светлова, ушел в землю, появился в кустах в десяти шагах от землян, зеленый, как листья и трава. Просипел еле слышно:

— Не гуди во весь голос, пустая башка! Типун тебе на язык! Стоит токмо помянуть кого из навьев — он тут как тут! Чего тогда изволишь делать? Сам базлал — нетути у тебя оружья.

— Извини, дедушка, — виновато развел руками Ростислав, стараясь говорить потише. — Не нарочно я. Так ты нам поможешь с оружием? Не рыскал по ратным полям? Говорят, недалеко отсюда располагается Дикое поле, где сошлись когда-то в сече навьи и воины Яросвета.

— А вы точно правь пестуете? Можа, озорничаете семо? Слух был, что Избавитель — большой воин, а ты совсем не воин, малый, да и годочками не вышел.

— Зато духом вышел, — многозначительно сказал Ростислав. — Суди о людях не по физической силе и размерам головы, а по уму и доброте.

— Дык я ж не супротив, со всем прилежанием, а сумлеваюся из огурства[1]. Погоди, мечарь, я щас.

---

[1]Из огурства — из-за строптивости.

Лесовик скрылся в зарослях крапивы.

— Черт, я же флягу над костром оставил! — спохватился Ростислав, бросаясь к поляне, где они отдыхали.

Однако опоздал — вода из фляги выкипела почти вся, чай готовить было не из чего. Сняв закопченный алюминиевый сосуд, он вернулся в чащу леса, где за упавшей елью жил лесовик.

— Попили чайку, — проворчал он в ответ на вопросительный взгляд Будимира. — Глоток остался. Куда наш леший подевался?

— Туточки я, — отозвался придавленным басом малютка-лесовик, вылез из травы, пыхтя и сопя, волоча что-то за собой. — Я вас своим чаем угощу... помоги-кась, мечарь, тяжелая, зараза!

— Что это? — нагнулся к нему Ростислав.

Жива отскочил, вытер ручонкой лысину. В траве за его спиной остался лежать узелок размером чуть ли не в полтора раза больше его самого.

— Не дыши на меня, телепень косматый, помереть могу. В наузнике кырт завернут, с ним надобно сторожбу держать.

— Что еще за кырт?

— Глаз навья василиска. Али не слышали?

— Почему не слышали? Вот его отец этого самого василиска и замочил на Диком поле. Для чего тебе понадобился его глаз?

— Кырт злой, всех мертвыми сподобляет. Чем тебе не оружие? До того как мой брательник старшой его ко мне приволок, почитай дюжина леших полегла.

— Зачем же ты его нам притащил? Чтобы и мы окаменели?

— Он в заговоренной рушнице не опасен. Держи наузник крепче, а коль понадобится, лоскутик красненький отверни и щелочку ворогу покажь, он и загинет.

— Вот это по-нашему, — кивнул Ростислав со знанием дела, двумя пальцами осторожно приподнял узелок. — Ого, килограммов на восемь потянет! Ну-ка где тут лоскутик красненький?

— Узел развяжешь — узреешь, токмо не дави лапами-то, он хоть и злой кырт, а обхождение понимает.

Ростислав почувствовал, как узелок вдруг мягко шевельнулся в руке, будто и в самом деле был живой.

— Тихо, тихо, лежи, — пробурчал он, испытав мгновенный страх. — Послужишь немножко доброму делу, а там мы тебя похороним с почестями. Как он хоть выглядит, кырт этот?

Лесовик, спрятавшийся за комель от греха подальше, высунул лысую голову, хмыкнул ехидным басом:

— А ты поглянь, мечарь, можа и узришь.

Будимир засмеялся.

Ростислав оценил шутку, усмехнулся.

— Спасибо за совет, обережник глухомани. Каменеть мне еще рано. Хотя все же любопытно, кто и как умудрился вырвать глаз у василиска, пусть и мертвого.

— Того не ведаю, да и ни к чему это. Талдычат, василиск быдто бы старшой сынок Чернобога, злой вельми был, да младший сынок Пурим его переплюнул. Люто с Русью воевал, пока в колоду не забили.

— Папа говорил, что василиск — результат первого эксперимента Люцифера по созданию *умертвия,* — тихо проронил Будимир. — А Пурим был непосредственным исполнителем проекта. Для испытаний василиска он уничтожил тысячи жертв.

— Демон есть демон, что с него взять. Хорошо, что его засунули-таки в могильник. Если только он не вырвался на свободу, как Кривда.

Будимир промолчал.

— Теперя приглашаю на чай, — засуетился Жива. — Настой я сварганил из мяты, чаги и брусники, с березовым соком, очень живительный. Дай-кась свой корец.

Ростислав протянул лесовику флягу. Тот исчез и через минуту появился, прижимая к груди взбулькивающий сосуд, протянул Светлову.

— Я щас...

Снова исчез.

Ростислав едва не выронил флягу: она была наполнена кипятком!

— Вот пострел! Когда он успел вскипятить воду?

— Рази то трудно? — возник рядом Жива. — У меня в приспешне самогрей стоит.

— Самовар на кухне, — перевел лингвер.

— Разлей в корцы, — протянул лесовик принесенные деревянные кружки, две побольше, одну — совсем крохотную.

Светлов набулькал всем горячего пахучего напитка, бурокоричневого, с золотистыми искорками, пригубил. Чай был несладким, но очень мягким и приятным, несмотря на странный привкус.

— Отменный чаек!

Лесовик просиял.

— Такого уж никто не варит, чай заговоренный, живости прибавляет и нечистую силу отгоняет. Спробуй, Избавитель, тебе он тоже полезный.

Будимир послушно осушил кружку, явно не обратив внимания на температуру напитка, зажмурился, порозовел. Потом протянул кружку Светлову.

— Налейте еще, дядя Слава.

Лесовик от радости подпрыгнул, завертелся юлой, обежал землян, всплеснул ручонками.

— Вот радость-то! Признал я тебя сконцы, Избавитель! Другой — лиходей або ложник — загнулся бы от горюч-чая, а ты знаешь тайное с л о в о. Теперя и помереть можно! Прощевайте, други, скатертью дорога!

Лесовик исчез.

— Вот паразит! — опомнился Ростислав. — Он что же, отраву нам подсунул?!

— Не отраву — настоящий чай, только заговоренный на определение и изгнание нечистой силы. Жива только на вид простой, а так хитрющий, никому не доверяет.

— Тогда молодец, правильно делает.

Ростислав допил напиток.

Ударило в голову, перехватило дыхание, колени ослабли, по телу прошла волна жара, отчего он мгновенно вспотел. Но уже через несколько секунд голова прояснилась, по жилам заструилась огненная лава, мышцы налились упругой силой, захотелось пробежаться по лесу и покричать во все горло. Однако Ростислав сдержался. Проговорил хрипло:

— Классное пойло! Получше любого тоника. Хочется мир перевернуть! Пожалуй, с таким чаем и есть не захочется. Тут еще полфляги осталось, налить?

— Спасибо, дядя Слава, не надо, хорошего понемножку, а то организм не справится. Ведь лесовику не зря имя дали — Жива. Его чай — настоящая живая вода.

— Ну и отлично! Побережем чаек, пригодится в дороге. Ну что, пора вызывать транспорт?

— Погодьте чуток, — объявился в траве лесовик. — Насчет оружья подскажу. За Диким полем вправо будет Паленый Стан, вы его обойдите и попадете на Русскую Оселю. Там богато лет назад детинец стоял, потом спалили супостаты, дружинников побили. Легко признаете, рядом Сиян-гора высится. На этом месте много оружья осталось, ищите меч «коси-трава». Очинно убивственная вещь.

— Как же мы его найдем? Сражение, поди, давно было, все землей заплыло.

— Он найдет, — мотнул головенкой на Будимира лесовик. — Храни вас Спаситель!

— А поточнее координаты указать... — Ростислав не договорил, так как маленький хранитель леса пропал. — Вот враль несчастный!

— Он не врет, — покачал головой Будимир. — Нечистики не умеют врать.

— Почему — нечистик? Разве Жива — родич нежити? Он же лес оберегает.

— Нечистики не имеют отношения к нежити, они и в самом деле охраняют природу, живут с ней в симбиозе. Но их осталось очень мало, и они не справляются со своей задачей.

— Интересно, что это за меч — «коси-трава»...

— Если меч еще здесь, мы его найдем. Я могу позвать Вольха?

— Давно пора.

Будимир сосредоточился, глядя вдаль, сквозь лес, и одновременно внутрь себя, и проговорил кротким, но звучным глубоким голосом:

— Вольх, появись, пожалуйста!

Воздух беззвучно сотрясся.

Тень накрыла лес.

В небе над поляной просияли золотом чьи-то глаза.

С волной теплого ветра перед землянами сформировалась призрачно-струящаяся фигура огромного зверя, уплотнилась, приобрела массу, объем и жизнь.

— Я в вашем распоряжении, Избавитель.

— Привет, — сказал Ростислав, поборов внутреннюю дрожь. — Рады тебя видеть. Научил бы и нас перемещаться по Шаданакару так же свободно.

— Это не в моей власти, защитник. — Волк Волков раскрыл зубастую пасть, вывалил длинный розовый язык. — Пространство хронов для меня — естественная среда обитания, как для вас — поле, дом, лес, поверхность планет. Избавитель скоро научится этому процессу.

— А ты случайно не родственник Суубха Сеттутепа? — озарило вдруг Ростислава. — Есть такой нехилый динозавр на Айгюптосе, в хроне Зу-л-Кифла.

— В какой-то степени он действительно мой дальний родственник, — ответил Вольх. — Как принято говорить у людей: седьмая вода на киселе. Как-нибудь мы побеседуем на эту тему. Я гляжу, Сеттутеп беседовал с вами и снял кое-какие блоки. Почаще заглядывайте внутрь себя, защитник, у вас теперь есть свой канал связи с эйдосом.

— Ты имеешь в виду...

— Общее информационное поле Шаданакара, его хроники.

— Но я ничего особого не ощущаю...

— Так вы еще и не пытались входить в саммай[1]. Попробуйте на досуге, у вас должно получиться. Ведь о моем родстве с Суубха вы догадались именно с подачи потенциального резерва.

---

[1]Саммай — состояние мистического озарения.

— Я, конечно, попытаюсь... если это не шутка. Мне бы найти учителя... Кстати, дружище, не мог бы ты доставить сюда отца Димки... э-э, Избавителя, и его оруженосца? Они отстали от нас на Земле...

— Во-первых, это невозможно, так как их нет на Земле, и я не знаю, где они находятся в настоящий момент. Во-вторых, вашу миссию лучше выполнять незаметно и тихо, все вместе вы встряхнете «мыльную пену» Веера, и вас вычислят слуги Уицраора. А он существо ревнивое и не потерпит появления претендента на престол Господина Шаданакара. Тем более что процесс еще можно остановить.

— Какой процесс?

— Избавитель — это не личность, а явление, процесс. Седьмому, точнее, матрице Посланника, удалось сохранить в тайне начало процесса, то есть рождение сына, однако чем дальше, тем труднее будет сохранять эту тайну, пока Избавитель не войдет в полную силу. На вас лежит очень большая ответственность, защитник.

— Уже начинаю понимать, — проворчал Светлов. — К сожалению, я всего лишь самый обычный человек.

— Уже не обычный, — «улыбнулся» Волк Волков. — Обычного человека защитником не выбирают, обычный человек — это мещанин, обыватель, пользователь, юзер, как говорят земляне, гордо роющиеся в помойке Интернета. Человек ординарный — раб своих желаний и амбиций, закрывающий глаза на любой произвол, если он способствует высокому уровню его потребления. Человек обычный тщеславен, невежественен, груб, злобен, лжив, агрессивен. Вы же, несмотря на опыт профи спецназа, человек творческий и способны ощутить чужую беду и боль и не ищете выгоды, а это уже иной уровень р а з у м а.

— Спасибо...

— Не за что, защитник, я всего лишь констатирую факт. Садитесь на меня, я отвезу вас туда, куда вы направляетесь.

Ростислав кинул вопросительный взгляд на Будимира. Сын Сухова виновато улыбнулся.

— Я уже сказал ему... мысленно...

— Какие претензии? Но прежде всего нам надо будет завернуть к Русской Оселе за мечом.

— Он знает.

— Тогда поехали.

Ростислав поднял с земли тяжелый узелок с глазом василиска, размышляя, как бы его закрепить на комбинезоне. Волк Волков нюхнул воздух, сузил холодно вспыхнувшие глаза.

— Чую запертую с и л у... Что это у вас, защитник? Уж не перо ли Стаха?

— Нет, это кырт, подарок лесовика. Он уверяет, что глаз василиска еще не разрядился полностью и может сгодиться в качестве оружия.

— Опасная вещь! Будьте осторожны с ней.

Ростислав подвесил узелок с кыртом на поясе, чтобы он не мешал при ходьбе, путешественники влезли на спину Вольха, и гигантский зверь пустился бежать мягкой рысью, сразу оставив позади лес, болото, Дикое поле и Чертово Кладбище с угрюмыми черными пальцами могильников.

Вскоре на горизонте над лесом показалась округлая вершина Сиян-горы с цепочкой камней, издали напоминавших мегалиты Стоунхенджа. Вольх свернул левее, прибавил ходу, обходя очередное болотце, и выскочил на берег небольшой речки, за которой начиналось неровное — колдобина на колдобине — серое поле с редкими куртинами бурого мха и кучами камней и бревен. Очевидно, это и была Русская Оселя, вернее, то, что от нее осталось.

Вольх остановился.

— Теперь ваша очередь, Избавитель. Я чую, что меч ваш здесь, но вы найдете его быстрее.

Будимир повертел головой, разглядывая развалины поселения, показал пальцем:

— Там...

Они спрыгнули с присевшего на лапы Волка Волков, и мальчик направился к огромному каменному столбу, вросшему в землю. У столба было квадратное основание, скругленные углы и слегка скошенная вершина. Чем-то этот камень напоминал долото.

Будимир обошел его кругом, дотронулся до шершавой, в ямках и бороздах поверхности столба, постоял несколько секунд, глядя как бы внутрь камня.

— Он здесь... под ним... надо отодвинуть.

— Позвольте, я вам помогу, — приблизился Вольх.

Обнюхав каменное «долото», он толкнул его лапой и без видимых усилий повалил набок, выгребая нижней частью каменного монумента как экскаваторным ковшом гору земли и мелких камней. Что-то блеснуло на верху кучи земли.

Зверь снова понюхал воздух, сдал назад.

— Не нравится мне эта металлическая заноза. Люди — мастера по части изготовления смертоносных вещей. Пожалуй, вы — единственные существа в обозримой части Шаданакара, достигшие в этом творческом процессе совершенства.

— Зато мы полны оптимизма, — пробормотал Ростислав, вытаскивая из груды вывороченной земли меч с голубовато-дымчатым лезвием, совершенно чистым, не запятнанным ни

ржавчиной, ни кровью, ни грязью. Меч был прямым, обоюдоострым, с двумя долами и рунной вязью у рукояти. Вглядевшись, Ростислав прочитал:

— «Сиян... обереги... правь...» Это и есть меч «коси-трава»? Хорошенькая слава у этого ножичка. А что значит — Сиян? Имя мастера?

— Имя меча, — сказал Будимир.

— Откуда ты знаешь?

— Мне так кажется.

Светлов сделал три быстрых взмаха, окружив себя смертоносным веером защиты.

— Ух ты, красавец! Весит килограмма три, а при ударе — летит! Пожалуй, у твоего учителя нет такого в коллекции.

— Похоже, он признал мастера, — передал мысль Вольх с неким странным чувством уважения и опаски. — Хотя, с другой стороны, система, выбирающая исполнителя, в данном случае — защитника, никогда не ошибается.

— Какая система? — удивился Ростислав. — Стать защитником мне предложил бывший оруженосец Седьмого — Такэда.

Волк Волков оскалился.

— Он тоже человек с и с т е м ы, хотя может и не догадываться об этом.

— И как же называется эта система?

— Душа Шаданакара.

Светлов усмехнулся.

— Спасибо за комплимент. Надеюсь, т а к а я система действительно не ошибается.

Он укрепил меч за спиной, как недавно «копье» вардзуни, попробовал, быстро ли он выхватывается.

— Я готов.

— Садитесь, друзья, пора в путь. Не нравится мне ш е в е л е н и е эфира. Кажется, ваше появление засекла другая с и с т е м а, вражеская. С ней вам лучше не встречаться.

Они устроились на спине Волка Волков и понеслись с возрастающей скоростью по лесам и перелескам, полям и лугам, холмам и равнинам, минуя болотные мари, по направлению к Святым горам, всплывшим на горизонте сияющей белой пеной. Не обращая внимания на ямы и россыпи валунов, Вольх мчался ровной мягкой рысью с такой скоростью, что ветер свистел в ушах и становился плотным, мешая разговаривать. Километров сто двадцать в час, прикинул Ростислав, вынужденный пригибаться к холке зверя, прятать лицо от бьющего навстречу ветра и цепляться за гриву изо всех сил.

— Как ты там? — крикнул он, выворачивая лицо в бок.

— Хорошо... — донесся ответ Будимира, устроившегося за его спиной.

— Прошу прощения за неудобства, друзья, — послышался учтивый мысленный голос Вольха. — Я еще не восстановил функционирование некоторых систем организма, в том числе позволяющих быстро преодолевать большие физические пространства. Потерпите немного.

Леса остались за спиной зверя. Слева потянулось серо-зеленое бугристое плоскогорье, похожее на застывшее, окаменевшее море с гребнями волн.

— Марена, — сказал Вольх, — остановившееся время. Очень давно здесь и в самом деле было море. Когда солнце высоко, толща становится прозрачно-зеленой. Но хотя вода и окаменела, пройти по ней невозможно, любой смельчак тут же превратится в камень.

Над скалами берега застывшего моря показалась гора со срезанной наискось вершиной. Ее крутые бока были изрезаны узкими расселинами, похожими на раны, нанесенные гигантским ножом. Волк Волков обогнул несколько крутобоких скальных выступов, выбрался на вершину одного из них и остановился, поводя боками.

Под скалой начиналась неглубокая ложбина, усеянная валунами примерно одинакового размера. Валуны лежали не в хаотическом беспорядке, а собирались в длинные гряды, упиравшиеся в подножие горы, как спицы колеса. А на возвышении, похожем на своеобразный каменный стол, лежал огромный, длиной в несколько сот метров, параллелепипед из черного матового материала с красноватым отливом.

— Мы на месте, — объявил Волк. — Перед вами гроб Святогора. Каменные гряды — то, что осталось от Дороги Забвения, кто-то пытался ее расколдовать, а Калинов мост сохранился. Я перенесу вас прямо к гробу, а дальше вы уж сами.

Зверь сиганул со скалы вниз, заскакал между валунами, похожими на огромные отрубленные человеческие головы в шлемах, перескочил через реку с разноцветной водой, похожей больше на шевелящиеся длинные водоросли или волосы.

— Удачи!

Ростислав слез с Вольха, подал руку мальчишке, разглядывая нависшую над головой грань черного параллелепипеда.

— Вот это гробик!

— Спасибо, Дадхи, — застенчиво сказал Будимир.

Волк Волков показал свою зубастую улыбку.

— Вы меня все-таки вычислили, Избавитель. Значит, я в вас не ошибся. Прощайте.

Громадный зверь повернулся, в несколько прыжков пересек долину, прыгнул через реку и исчез.

— Как ты его назвал? — заинтересовался Ростислав. — У него же было другое имя — Вольх.

— Он сын Дадхикравана, помогавшего отцу и дяде Толе.

— Но ведь Дадхикраван был... э-э, насколько мне помнится, искусственным организмом, системой перемещения, а Вольх... м-м, просто большой волк...

— Тем не менее он — сын Дадхи.

— Кто бы мог подумать! Но если Дадхикраван жил практически во всех хронах, то у него должно быть много детей. Так?

Будимир покраснел.

— Не знаю...

Ростислав усмехнулся и вздрогнул от гулкого удара, сотрясшего весь горный массив.

С горы на гроб посыпались камни, загрохотало. Затем снова наступила глубокая тишина, пронизывающая весь горный массив, тишина неподвижности, обреченности, тлена и смерти.

— Что это было? — понизил голос Ростислав. — Уж не Святогор ли шевельнулся в своем гробу?

Будимир не ответил.

Глава 3

Они остановились под самой длинной стеной черного монолита, достигавшей высоты двадцатиэтажного земного здания. На стене были видны зазубрины и борозды — будто следы от ударов гигантского топора. Там, за этой стеной, спал мертвым сном великан Святогор, основатель рода и защитник Святой Руси, по легенде завлеченный в ловушку Великим игвой Гиибелью. Ростислав, подавленный циклопическими размерами и ощутимой массой сооружения, чувствовал себя неуютно, однако не забывал о своей миссии защитника и бдительно посматривал по сторонам, пока они пробирались между каменными россыпями и обходили гроб.

Будимир дважды применял свои экстранормальные возможности в поисках меча Святогора, вызывая магическое свечение всех заколдованных, заговоренных и многомерных вещей в округе. Таким образом им удалось избежать магических «капканов» и «мин», замаскированных под ровные полянки и дорожки, а также определить место, где когда-то торчал из земли Финист: из глубокой кинжаловидной дыры до сих пор изредка высверкивало голографическое изображение меча размерами с Эйфелеву башню. Но самого меча найти так и не удалось. У гро-

ба своего старого хозяина его не было. А предок Руси, освященный Соборной Душой, так и не защитивший ее от коварного и злобного врага, в моральном арсенале которого не было места великодушию, благородству и чести, ничего не мог подсказать своим потомкам, нуждавшимся в его помощи.

Ростислав с интересом погладил рукой густую траву с красивой резной стрелкой, более темной в основании стебля. Трава тянулась к стене монолита и создавала впечатление печали.

— Плакун-трава, — сказал Будимир, отвечая на безмолвный вопрос спутника. — Пока она цветет, Святогор не умрет.

— А разве он не умер?

— Он заколдован.

— Так расколдуй его, и дело с концом. Сеттутеп то же самое советовал. Старик сам найдет свой меч и поможет нам.

Мальчик виновато качнул головой.

— У меня не получится. Заклятие Гиибели не смогли снять такие маги, как Яросвет, Зу-л-Кифл и Уэтль, и даже папа.

— То было давно и неправда, как говорится. Тебя назвали Избавителем, а это значит, что ты м о ж е ш ь. Кстати, не слишком ли мы близко стоим от гроба? Что-то мне не по себе. Не сработает ли заклятие, замуровывая нас в стену гроба?

— Гроб и есть заклятие, просто мы его так представляем. Этот черный камень — вовсе не камень и вообще не какой-либо материал, а особое поле.

Ростислав с недоумением посмотрел на угрюмую черную стену, нависшую над головой.

— Она выглядит как базальтовая плита... и эти борозды... будто ее долбили секирой... это как понимать?

— Многие пытались нейтрализовать п о в е л е н и е Гиибели, борозды — следы воздействия на структуру заклятия.

— Тогда понятно... И все-таки мне кажется, ты бы смог расколдовать старика.

— Он не старик.

— А кто же? Старуха, что ли?

— Когда Святогора заманил в ловушку Гиибель, ему исполнилось всего пятьдесят лет. А год на Олирне почти равен земному.

— Действительно, пятьдесят лет — не деньги. Я этого не знал. В былинах он гораздо старше. Как же получилось, что такого силача и кудесника смогли обмануть какие-то пришлые твари?

— Один из них был его учеником и другом, пока в него не вселилась «проекция» Великого игвы. После этого он завлек Святогора в ловушку, где в очень красивом замке его ждала еще одна «проекция» Гиибели — в виде богини любви Дивы. Святогор не смог вовремя вычислить подставу, вошел в замок, и тот превратился в гроб.

— Земная былина отличается от этой истории. Ее тебе отец рассказал?

— Дядя Толя.

— Кто же был здесь другом Святогора? В былине — Илья Муромец.

— Здесь тоже Илия, но — Карачаровец. Вместо города Мурома на Олирне существовало селение Карачаров Мор, знаменитое своими разбойниками и грабителями. Их называли иззрами — богоборцами. Илия Карачаров тоже был разбойником, потом постарел и решил завладеть силой Святогора.

— Остальное понятно. У нас на Земле тоже есть народец, славящийся своей борьбой с Богом. Все-таки как же сильно перекликаются варианты истории, реализованные в разных хронах Веера! Может быть, где-то существует мир, в котором Святогор жив?

— Если бы такой хрон существовал, папа бы знал...

— Грустно все это. Однако нам пора подумать о ночлеге. Мы уже почти сутки на ногах.

— Я не устал...

— Зато я притомился. Поскольку меча здесь нет, я предлагаю найти более или менее спокойное местечко, поспать, а утром позовем Вольха, и он доставит нас ко двору Яросвета. Спросим у него, может, он знает, где твой отец оставил меч.

Будимир неопределенно дернул плечом, не то соглашаясь с решением старшего, не то собираясь возразить.

— Я попробую...

— Что?

— Разбудить Святогора.

Ростислав хмыкнул, внимательно осмотрел побледневшее лицо мальчишки с тенями под глазами и заострившимся носом.

— Сил хватит?

Тот же неопределенный жест.

— Хорошо, попытайся, только не переусердствуй. На-ка вот глотни Живиного чая, авось поспособствует процессу.

Будимир послушно сделал два глотка напитка. Глаза его заблестели.

— Отойдите подальше, дядя Слава. Столкновение с и л может сильно с д в и н у т ь физические законы в этом месте, что в первую очередь отразится на нервной системе.

— С д в и н у т ь, — улыбнулся Ростислав. — А на тебя этот с д в и г разве не повлияет?

— Я в этот момент буду находиться в состоянии процесса, — улыбнулся в ответ мальчик. — С д в и г мне не страшен.

— На всякий случай обеспечь себе путь отступления, от это-

го часто зависела моя жизнь, когда я еще служил в... особом отделе.

Ростислав сжал худенькое плечо парня и направился к скальному бугру в сотне метров от черного монолита, напоминавшему баранью голову. Влез на вершину, нашел глазами фигурку мальчишки под стеной гроба Святогора. Затаил дыхание.

Некоторое время ничего не происходило. Все так же светило низкое сплющенное солнце, освещая восточные склоны гор и скал, все так же по небу неторопливо ползли сиренево-серебристые полосы облаков, вокруг продолжала чего-то ждать великая тишина заколдованного края.

Затем что-то изменилось.

Воздух странно загустел и завибрировал.

Из ям и ложбин поднялся прозрачный серый туман.

По горам раскатился низкий подземный гул.

Скала под ногами Ростислава задрожала, покрылась сетью мелких трещин. Узелок с кыртом на поясе комбинезона дернулся, как живой. Амулет Миха в кармане стал горячим, предупреждая хозяина об опасности, хотя и сам Светлов теперь достаточно остро и быстро реагировал на проявление магических сил. Откуда-то в памяти всплыла странная молитва, половину слов которой Ростислав не знал:

«Смертию на врази гредешеши, а тоя бияшеши мещем твоема... а то бысте сила тва на нъ поля о плоднящи а гръм...»

Это заговорила память предков-русичей, живших в те времена, когда Землей управляли колдуны, ведьмы, волхвы и маги.

Впрочем, о своем открытии Ростислав тут же забыл, поглощенный созерцанием происходивших в природе изменений. Противоборство сил — Будимировой и гроба-заклятия Святогора — продолжалось, порождая удивительные световые, звуковые и видеоэффекты, завораживающие взор.

Черный монолит гроба ожил, потерял четкие очертания, потек струйками, фонтанчиками и лентами буро-фиолетового дыма. Над ним образовалось сизо-синее облако, из которого с неистовым треском ударили в гроб извилистые голубые и зеленые молнии. Загрохотало со всех сторон, из недр горы послышался усиливающийся гул, скалы задрожали сильнее, разваливаясь на обломки. Ростислав еле удержался на своем выступе, лопнувшем, как кусок стекла при нагреве.

Сквозь струи дыма и сияния мелькнула фигурка Будимира с раскинутыми в стороны руками, скрылась в черно-фиолетовой пелене.

— Дима! — крикнул Ростислав, не слыша своего голоса.

Вершина гроба Святогора вдруг вспучилась, словно кто-то пытался сломать крышку и вырваться на волю.

«Не «кто-то», сам Святогор!» — мелькнула мысль.

Послышался странный дребезжащий звук, похожий на детский плач. Над гробом встала исполинская, зыбкая, сотканная из светящихся вуалей призрачная фигура с поднятыми вверх руками, с темным пятном на месте лица. Удар потряс землю.

Ростислав кубарем скатился со скалы, бросился к гробу Святогора.

— Дима, отзовись!

Ответом ему был еще один громовой удар, и разом разгул стихий прекратился.

Призрачный великан без лица исчез. Гул втянулся в землю, в недра горы, стих. Молнии перестали полосовать воздух, втянулись в облако, растаявшее за несколько мгновений. Черный монолит перестал дымиться и таять, обрел четкие очертания, хотя былую форму не вернул. Теперь он больше всего напоминал пирамиду с закругленной вершиной и гнутыми стенами, испещренными узором глубоких борозд и рытвин.

Ростислав поднялся на ноги, озираясь, ища глазами мальчика, и увидел лежащую на груде камней под стеной гроба фигурку. Спотыкаясь, бросился туда, нагнулся над лежащим навзничь с закрытыми глазами сыном Сухова. Приложил ухо к груди: сердце не билось!

— Димка, очнись!

Будимир не ответил. Тени под глазами обозначились сильнее, по лицу разлилась восковая бледность.

— О, Боже ты мой, помоги!

Ростислав вынул флягу, отвинтил колпачок, разжал ножом стиснутые зубы мальчика и влил в рот добрую порцию живительного чая лесовика.

Веки Будимира вздрогнули, он сморщился, вздохнул, закашлялся, открыл бездонно-светлые глаза без зрачков.

— Жив! — выдохнул Светлов одними губами, переживая приступ слабости. Сделал глоток чая.

Будимир наконец пришел в себя, узнал его, виновато скривил губы. Прошептал едва слышно:

— Плохой из меня Избавитель, дядя Слава...

— Ничего, не переживай, — успокоил его Ростислав. — Не получилось сейчас, получится в следующий раз.

— Двойное заклятие... гроб и саван... нельзя снимать по очереди... надо сразу... Если снять только первое — возродится матрица Гиибели... Он закодировал себя в заклятии... А внутри гроба — саван... ну, как бы мертвое время... н е д л я щ е е с я...

— Он и тьму сем облази, — пробормотал Ростислав, сразу оценив жуткую подоплеку сказанного, — яко идехом по въли твоеи...

Будимир удивленно округлил глаза.

Ростислав усмехнулся.

— Сам первый раз испугался, когда заговорил на старорусском. А все дружок твоего отца Сеттутеп виноват, это он в мою мякинную башку залез да пошурудил там, блоки поснимал. Может, и я скоро заговорю на других языках?

Щеки Будимира слегка порозовели, ворчливо-заботливый тон Светлова действовал на него успокаивающе, внушал уверенность и бодрость.

— Хлебни еще, — протянул ему Ростислав флягу. — Ей-богу, чудодейственный напиток подарил нам лесной старичок.

Будимир послушно сделал глоток, сел, поддерживаемый твердой рукой спутника. Глаза его вдруг расширились, в них мелькнул испуг.

Ростислав стремительно обернулся, хватаясь за рукоять пистолета.

На вершину ставшего пирамидой гроба Святогора спикировала черная тень, превратилась в огромную птицу с оранжевым оперением. У нее была одна уродливая голова, но два клюва, и глаза птицы пылали алым огнем угрозы и в о ж д е л е н и я.

— Вот же тварь! — покачал головой Ростислав. — Это же Обида-птица, стерегущая Калинов мост и нашего сома... Я думал, он ее утопил.

— Это Могол, — прошептал Будимир, — птица злобы. Они в родстве.

— Пусть попробует сунуться, мы теперь вооружены.

— Она появляется не одна. Где-то недалеко прячутся очень злые люди... я чувствую...

— «Эсэсовцы»?

Ответить Будимир не успел.

С гиканьем и свистом из-за дальних скал на другом берегу реки вырвалась группа всадников в черном и понеслась к мосту. Дробным деревянным стуком отозвался настил моста, всадники проскочили его и, минуя колдовские «мины», словно зная их расположение, понеслись к землянам.

— ЧК!.. — прошептал Будимир, пытаясь встать. — Они ждали нас, но не знали, где мы выйдем... Уходите, дядя Слава, я попытаюсь их остановить...

— Это уже моя забота, — хладнокровно сказал Ростислав, оценивая местность и свое положение. — Спрячься за камни и не высовывайся, я их встречу.

— Но их семеро...

— Ничего, бывало и похуже. Это в самом деле «чекисты» или «эсэсовцы»?

— «Черные коммандос»... особая группа охотников за людьми из свиты Уицраора.

— Маги?

— Нет, не маги, но и не люди. Как правило, это хаббардианцы или их родственники. Они профессионалы...

— Я тоже профессионал, — мрачно оскалился Светлов, — хотя и бывший. Потягаемся, однако.

Всадники приблизились. Скакали они не на лошадях, а на двугорбых и рогатых животных с большими копытами, похожих на верблюдов и лосей одновременно. Все семеро были вооружены копьями, а из седельных сумок торчали какие-то рукояти, трости и палки. Сначала Ростислав подумал, что настигшие их «чекисты» — в масках, потом понял: это негры или, точнее, негроиды. У них были очень широкие короткие носы, узкие и длинные — чуть ли не до ушей — губы, тяжелые глыбистые подбородки и узкие лбы, нависающие карнизом над глазными впадинами. Головными уборами этим существам служили черные тюрбаны.

Когда до скалистого выступа, окруженного валом камней помельче, за которым спрятались путешественники, осталось всего три десятка метров, всадники все разом остановились и метнули копья. Если у Ростислава и были сомнения в агрессивности преследователей, то эти сомнения мгновенно рассеялись. «Чекисты» знали, за кем охотятся, и свое отношение к ним высказали недвусмысленно.

Копья с невероятной скоростью и силой вонзились в камни, раскалывая их с легкостью противотанковых снарядов. Видимо, это были некие аналоги вардзуни. С визгом и грохотом в воздух взметнулись струи дыма, пыли и мелких осколков.

В ответ раздались хлопки пистолетных выстрелов.

Двое всадников кувыркнулись с «коней» вниз головой. Третий «конь», получив пулю в голову, сам сбросил своего наездника и затоптал его копытами. Остальные с гиканьем закрутили карусель вокруг укрывшихся за скалами людей, продолжая бросать копья.

Только теперь Ростислав заметил, что копья эти, втыкаясь в камень, превращаются в ручьи тусклого огня и расплываются жгутами черного дыма, разъедающего камни.

Еще два точных выстрела и два падения. Верблюдолоси, оставшись без хозяев, унеслись с места боя. Оставшиеся в живых два «чекиста» перестали метать копья, отдалились на сто метров, стали совещаться.

Затем один из них поднес к губам какой-то предмет, и уши засвербило от тонкого — на грани ультразвука — свиста.

Тотчас же двуклювая птица, наблюдавшая за боем с верши-

ны пирамидального гроба Святогора, с хриплым воплем ринулась вниз, вытягивая вперед мохнатые когтистые лапы.

Ростислав дал очередь, не считая патронов.

Пули с жужжанием и визгом срикошетировали от груди и крыльев птицы, будто она была металлическая. Еще выстрел, еще. Ростислав целил в голову, попал, но это гигантскую Могол-птицу не остановило. Он едва увернулся от ее когтей, а затем от двух копий, которые бросили всадники, воспользовавшись атакой птицы.

Могол вернулся, поднимая крыльями пыльные вихри.

Ростислав вынул меч, рубанул по лапе гиганта, отскочил, не выпуская из поля зрения всадников.

Могол-птица завопила от боли, упала на Светлова сверху. И тот едва успел втиснуться в щель между камнями, изо всех сил ткнув вверх мечом. Меч туго вошел в грудь птицы. С диким криком Могол отпрыгнул, забил крыльями, косо пошел вверх, шатаясь из стороны в сторону.

Светлов метнулся за другой камень, показал себя всадникам, увернулся от их копий и дал очередь. Пистолет клацнул и умолк, кончилась обойма.

Очередь настигла обоих «чекистов», но один из них успел подставить «коня» и спрыгнул на каменистую поверхность ложбины перед тем, как тот упал. Схватил сумку с оружием, достал оттуда нечто, напоминающее посох с колючками.

Ростислав поднялся на ноги, не спеша вышел из-за камней, поднял над головой сияющий меч «коси-трава».

Противник попятился, проворно сунул руку в сумку и достал копье.

Ростислав покачал мечом.

— Не балуй, черномордый, против этого ножика ты не выдюжишь. Да и не про тебя сказано — один в поле воин.

«Чекист» в черном одеянии, напоминавшем шаровары и сомалийское марро, замахнулся было копьем, но вдруг повернулся и со всех ног бросился наутек. Вскочил в седло верблюдолося, гикнул, направил своего «коня» к реке, поскакал вдоль берега в противоположную сторону от моста. Скрылся за скалами.

— Как я его, однако!.. — начал Ростислав, оборачиваясь к выглянувшему из-за каменной глыбы Будимиру, и слова замерли у него на губах.

Через мост мчался еще один отряд всадников, и был этот отряд не в пример многочисленнее, чем группа «черных коммандос». Ростислав не мог сосчитать их всех, но по его прикидке выходило не менее сотни.

— Ах ты, гадство! — процедил он сквозь зубы. — Сколько же вас по наши души?!

Он бросился к мальчику, рассчитывая, успеют они подняться на гору или нет, и в этот момент понял, что всадники на этот раз выглядят иначе и скачут на обыкновенных лошадях. Светлов добежал до Будимира, оглянулся.

— Как ты думаешь, кто это?

— Наши, — несмело улыбнулся мальчишка.

— Кто — наши? Отец, что ли?

— Скорее всего это воины князя Мстиши.

Ростислав разглядел доспехи скачущих всадников, кольчуги, бармицы, шлемы, опустил меч.

— Вот, значит, кого испугался «чекист». А я-то подумал — моего меча.

Всадники стальной лавиной пересекли ложбину, остановились напротив, выстроились шеренгой: молодые, бородатые, суровые, с ясными голубыми или серыми глазами, в которых читались гордость, сила, сдержанность, бесстрашие и любопытство. Вперед выехал крупнотелый воин без шлема, с золотыми кудрями и такой же золотистой бородкой. Поклонился.

— Здравы буде, путники. Просим прощения за опоздание. Пришлось задержаться на границе, мерзость порубать.

Говорил он на старорусском языке, таком же, какой вспомнил недавно Ростислав.

— Откуда вам известно, княже, о нашем появлении?

— Я не князь — сотник, князь ждет вас в стольном граде. Зовут меня Витко. Весть о вашем прибытии пришла троедни, мы сразу на коней и сюда, но задержались.

Ростислав с недоумением посмотрел на Будимира.

— Ты что-нибудь понимаешь? Они знали о нашем появлении три дня назад... когда мы были за тридевять земель отсюда!

— Кто-то здесь знал, что мы непременно посетим Свентану.

— Кто?

— Не знаю, дядя Слава. Может быть, князь Мстиша.

— Выходит, за нами установлена слежка? Все наши действия контролируются? Мне это не нравится.

Будимир промолчал.

— Коней нашим гостям, — приказал сотник.

К землянам подвели лошадей.

— Он поедет со мной, — твердо сказал Ростислав.

— Как прикажете, — кивнул Витко.

Ростислав подсадил мальчика, легко запрыгнул в седло сам.

— А говорили, что меченоша у Избавителя хромой, однорукий и старый, — прищурился сотник.

— Кое-кто тоже так считал, — сказал Ростислав, кинув взгляд на неподвижные тела «чекистов».

Сотник понимающе усмехнулся, вскинул вверх кулак, и отряд двинулся к мосту, оставляя позади угрюмый пирамидальный монумент — гроб Святогора.

Глава 4

Спустя два часа отряд остановился на краю еще одного угрюмого, серого, с черными, коричневыми и рыжими проплешинами поля. Когда-то здесь рос лес, теперь же из земли торчали только обгорелые толстые пни, да кое-где виднелись до половины утонувшие в почве стволы. Посреди поля возвышалась необычной формы скала, похожая на скорчившегося безголового динозавра.

— Жругр, — негромко сказал Будимир, притихший в объятиях Светлова, державшего вожжи лошади.

Ростислав понял, что скала и в самом деле является гигантским механизмом, или скорее организмом, созданным Великими игвами для своих целей. По-видимому, в этом районе много лет назад произошло сражение воинства Люцифера и дружины Яросвета, в результате которого жругр был поврежден и брошен на поле боя. С тех пор природа так и не смогла зализать эту жуткую, опаленную колдовским огнем рану.

— Таких черных падей вкруг Руси много, — заметил сотник Витко, поглядывающий на землян. — Лезет и лезет нечисть на нашу землю, приходится обороняться. Немало наших воев здесь полегло.

— Разве у нечисти есть жругры?

— Этот зверь мрака последний, его сразил Яросвет по-над два десятка лет назад. С тех времен такие великаны нас не беспокоят. Но Мировая Язва расширяется и захватывает все новые земли в порубежье. Мы начали сооружать защитные валы, да мало толку.

— Что ж Яросвет? Почему не прекратит это безобразие?

— Ему не до того, он защищает дальние границы Свентаны.

— Что значит — дальние?

Сотник неопределенно пожал плечами, закованными в ратные доспехи, звякнули наплечники.

— Высоко...

Ростислав с любопытством посмотрел на его суровое молодое лицо, лицо воина, закаленного боями с врагом и невзгодами. Вряд ли сотник знал, что такое хрон и космос, но ответ его тем не менее указывал на некое тайное знание. Парень был уверен, что магический заступник Святой Руси несет службу вы-

с о к о, то есть где-то во Вселенной, требующей не меньшей заботы, чем отечество.

— Вас послал сюда князь Мстиша?

— Мстиша Удалой теперь старейшина рода, белый волхв, — ответил Витко с уважением. — Ему исполнилось полсема десятка лет. Князем у нас Милонег, его сын. Он просил нигде не останавливаться, на границе ныне неспокойно.

— Да я теперь и не знаю, стоит ли нам скакать в столицу, — признался Ростислав. — Нам может помочь только Яросвет, а если его нет... Разве что князь поможет его вызвать?

— Яросвет приходит сам, когда есть великая нужда.

— Вот я и размышляю.

— Надо найти избу Ягойой, — тихо проговорил Будимир.

— Как ты сказал, отрок? — удивился сотник. — Найти избу старухи Ягой? Зачем же ее искать, она в уремном бору стоит, за Огнь-рекой. Только ведь колдунья она, с нежитью якшается, лучше вам с ней не встречаться.

— У нас к ней дело есть. Можешь проводить нас туда?

Сотник оглянулся на своих воинов, подковой охватывающих охраняемое ядро — землян, в сомнении поскреб в затылке.

— Отчего же не могу? Тут всего-то верст триста напрямки, через Язву, да только мало нас для такого похода. А на границе лютовики объявились, уроды, их наши скепы и мечи не берут, да навьи из могил повылезали.

— Мы наткнулись на след Кривды... э-э, Кривоглаза. Не встречали?

— Бог миловал. Морок еще где-то бродит, Кщерь иногда в порубежье безобразничает. Хотя, может, и обойдется.

— Триста верст — многовато будет, мой мальчонка не выдержит, сомлеет. Давайте сделаем так. Найдите нам местечко для отдыха, мы поспим пару часов и решим, что делать.

— Есть тут недалече, за горами, в двадцати верстах, Светлый Дол, там родник бьет с живой водой и застава наша стоит. Лучшего места для отдыха не сыскать.

Ростислав наклонился к Будимиру.

— Ты как, выдержишь? Часа три скакать придется.

— Выдержу.

— Тогда вперед, добры молодцы.

По знаку сотника всадники сомкнули ряды и, образовав длинную стрелу, понеслись вперед. Это была личная сотня князя, и глядеть на ее слитное движение, на профессионально четкие, умелые, уверенные действия было приятно. Вряд ли нашлись бы смельчаки из числа степных «бомжей», способные противостоять этим опытным и сильным воинам.

Наверное, примерно так же оценивали мощь отряда и жите-

ли этих диких мест, имеющие везде глаза и уши. Никто не рискнул напасть на дружину русского князя, пока она мчалась вдоль границы Свентаны с Мировой Язвой, пересекала сожженное поле, а потом углубилась в леса на севере от Святых гор.

Через несколько часов непрерывной скачки у Ростислава с непривычки заболели ноги и седалище. Однако он стоически выдержал поход и с несказанным наслаждением слез с коня у пограничной заставы русичей, хотя первые минуты ходил враскоряку и боялся дотронуться до натертых с внутренней стороны бедер.

Застава представляла собой миниатюрный детинец — крепостцу из трех деревянных шатров, окруженных частоколом заостренных бревен. Стояла она на холме, что облегчало ее защитникам оборону в случае нападения лихих степняков и всяких агрессивных тварей, порождаемых мутагенной средой Мировой Язвы.

Дружинников-пограничников на заставе насчитывалось полсотни душ, и, судя по их несуетливости и спокойной уверенности, а также по негромкой неспешной речи, все они были опытными зрелыми воинами и могли постоять за себя и за Русь, которую они оберегали на ее дальних подступах.

Гостей сводили в баню, напоили, накормили. Будимир, притомившийся в дороге, а еще раньше потерявший много сил при попытке снять заклятие со Святогора, выпил чуть ли не литр родниковой воды и тут же уснул. Ростислав тоже было смежил веки, но подумал, что хозяева могут обидеться, и ради вежливости посидел у костра вместе с сотником Витко и командиром заставы, тоже сотником, по имени Веселин.

Вопреки имени был главный пограничник заставы серьезен, обстоятелен, улыбался мало, а смеялся и того реже. Он больше расспрашивал о земном житье-бытье и, хотя виду не подавал, что не верит рассказчику, было видно, что ответы Светлова его удивляют. В свою очередь Ростислав тоже узнал много нового о жизни Святой Руси на планете, называемой ее жителями Олирной. Выяснилось, к примеру, что календарь Свентаны состоит из тринадцати месяцев по двадцать восемь дней каждый, а не как на Земле — из двенадцати с разным количеством дней, что идеально соответствовало смене времен года. Тринадцатый месяц назывался здесь Змееносцем-Злыднем и существовал для предупреждения и нейтрализации зла. Но больше всего Ростислава поразило отношение дружинников к верховной власти, к князю, которого они считали б а т ь к о й, отцом государства, его заступником и радетелем. В то время как на Земле, сколько помнил Светлов историю, князья чуть ли не все поголовно были самодурами и деспотами.

— Вот вы тут обожествляете князя, — заметил он скептиче-

ским тоном. — Но ведь власть князя, вообще любая абсолютная монархия, не есть власть народная. Разве она может выражать народную волю? Нет же, князь — всегда выше!

Сотники переглянулись. Витко был моложе Веселина, поэтому если Ростислав обращался с вопросом к ним обоим, первым отвечал старший.

— Неправильно зришь, меченоша, — качнул лобастой головой пограничник. — Власть князя существует не сама по себе и не для себя самой, но для народа, для исполнения предназначения, указанного Свыше. Это у вас на Земле власть лжива и обслуживает себя. В нашей Свентане княжеская воля — не закон для внутреннего духа (лингвер перевел это словосочетание как «нравственный образец»), она сама создана законом народного духа и устоя, законом справедливости.

— Ну, если бы у нас работал этот самый закон справедливости, мы были бы счастливы, — задумчиво проговорил Ростислав. — Я не силен в социологии и политике, но знаю, что существует три типа силы, на которые может опереться власть. Демократия опирается на силу количественную, на так называемый большевизм. Аристократия доверяет силе разума. А на что опирается монархия? На волю царя, князя?

— Наш государь признает силу духовную и нравственную, — веско молвил Веселин. — Да и не один он принимает важные решения, а только с согласия Рады[1]. Никогда на моем веку его решения не были несправедливыми.

— Вам повезло, — с улыбкой сказал Ростислав, вспоминая правителей России двадцатого и начала двадцать первого веков. — Наши государи думали прежде всего о себе, а уж потом о народе. Обратная связь была невозможна. Да и теперь невозможна, несмотря на усилия последнего президента... э-э, князя, изменить жизнь к лучшему.

— Наша Русь издревле основывалась не на обещаниях и насилии, а на духовных началах рода, на взаимопонимании и терпимости.

— Да и наша Русь, говорят, была когда-то такой. Да потом что-то сломалось, и у власти оказались чужаки, извратившие не только законы, но даже исконно русские понятия и слова.

— Это дело рук Чернобога, — покачал головой Витко. — Он у нас покуролесил, Мировую Язву породил, и у вас насадил свои демонические законы, заставил поклоняться Мороку.

— У нас говорят — Сатане.

— Не один ли черт? — усмехнулся Веселин, подбрасывая в костер аккуратно нарубленного валежника. — Все они — дети

[1]Рада — совет старейшин.

Денницы-отступника. Пользуясь данной Создателем свободой выбора, они захотели избежать Его Воли и даже противостоять ему, но обрели только грязную работу, способствующую очищению падших душ. Горе тем, кто становится их сторонниками. Они вместе со своими хозяевами вновь будут исторгнуты из чрева мира как ненужные отходы.

— Во тьму внешнюю... — пробормотал Ростислав, — там будет плач и скрежет зубов...[1]

— Примерно так, — усмехнувшись в усы, посмотрел на него Веселин. — А вы, значит, прибыли сюда, чтобы освободить Родителя? Ходит легенда, что скоро придет Избавитель и защитит нас от темных сил. Вы случайно не из его друзей?

— Примерно так, — вернул ему усмешку Ростислав. — Мой спутник юн и неопытен, но у него большие перспективы. А завернули мы к вам в поисках меча Святогора, без него нам будет трудно выполнить порученную миссию. Слышали о таком?

— Кто ж не слышал о знаменитом Финисте — «увещевателе зла»? Да только нету его на Олирне, а ежли б был — князь его давно нашел бы.

— Что ж, будем искать дальше.

— Вдвоем вы не справитесь.

— Он один перелобанил дружину черных копьеносцев, — сказал Витко.

Веселин с интересом оглядел фигуру Ростислава, освещенную пламенем костра, покачал головой.

— А по виду не скажешь, что ты сильный вой. Извини, конечно.

— Все правильно, — кивнул Светлов. — Так было задумано. Когда мы только начинали путь, я был хромым и сухоруким. Это потом уже мой парень вылечил руку, а его друг — ногу. Но охотники до сих пор считают, что я увечный.

— Хитро рассчитано, — засмеялся Витко. — Ведь и нам весть пришла, что ты совсем не боец.

— Наши спутники отстали, вот и приходится изворачиваться. Как говорил один русский поэт:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои[2].

— Куда же вы теперь путь держите?

— За тридевять земель, в тридесятый хрон... то бишь царство. Меч может находиться на родине одного из слуг Денницы, который и заманил Святогора в ловушку.

---

[1]Матф. 25, 30.

[2]Ф. Тютчев.

— А ежели Финиста и там нет?

— Пойдем дальше. Единственное, что меня беспокоит: как «эсэсовцам» и «чекистам» — тем самым черным копьеносцам — удается нас выслеживать? Ведь никто не знает точных координат нашего выхода в других мирах Веера.

Витко и Веселин обменялись взглядами. Речь Светлова изобиловала терминами, которых они не знали и знать не могли, тем не менее, судя по всему, они его вполне понимали. С другой стороны, если бы Ростислав знал, что лингвер способен работать в обратную сторону, то есть переводить его речь, собеседникам было бы легче. Однако он этого не знал и продолжал разговаривать на современном русском, изредка вставляя всплывающие в памяти древнерусские слова.

— К сожалению, кроме наших наблюдателей за обстановкой на Олирне следят и злоглазы, — сказал Веселин, огладив бороду ладонью. — Особое внимание они обращают на вооруженных людей. А ты вооружен, меченоша, это сразу видать. Твой меч «коси-трава» з в е н и т, этого не скроешь.

— Меч у меня появился недавно. А остальное оружие спрятано.

— Тебе только кажется, что спрятано, а опытные злоглазы легко определяют, с чем идет человек.

Ростислав сгорбился, следя за язычками огня.

— Может, и прав Сеттутеп... пора менять имидж оруженосца... Но и без оружия шастать по Шаданакару стрёмно.

Сотники промолчали.

Посидев еще немного у костра, Ростислав сходил в лес, полюбовался на крупные звезды, слагавшиеся в незнакомые созвездия, и пошел спать.

Наутро сотня тронулась в путь, когда еще по лугам и низинам стлался туман. Решили, что дружинники проводят гостей до Огнь-реки, а там они вызовут Вольха и дальше отправятся без охраны. Кто такой Вольх, уточнять не стали, а сотник не спрашивал.

Будимир выглядел бледноватым, но чувствовал себя бодро и был готов к новым подвигам. На подначки Светлова он отвечал неизменной стеснительной полуулыбкой и расположил к себе не только сотника, но и остальных дружинников.

Ростиславу дали еще одну флягу с родниковой водой — из весьма искусно выдолбленной деревянной чурки, снабдили трехдневным запасом еды: сушеное мясо (оленина, зайчатина), сухари, сыр, копченая рыба. Веселин подарил ему красивый нож в кожаном чехле. Они попрощались, и вскоре застава скрылась за стеной леса.

Перешли вброд неширокое озерцо, свернули к Мокошь-ре-

ке, отграничивающей рубежи Свентаны от Мировой Язвы. Долго скакали вдоль этой странной реки, текущей из будущего в прошлое, пока не приблизились к мосту: три гигантских бревна были перекинуты через реку в самом ее узком месте, хотя и здесь ширина реки достигала не менее семидесяти метров. Кто сделал этот мост, какая сила для этого понадобилась, представить было трудно.

Перебрались на ту сторону, сторожко поглядывая по сторонам. Противоположный берег реки был низким, топким, как болото, порос черно-ржавым кустарником, и по всему этому пространству до горизонта были разбросаны высокие скалы самых причудливых форм.

Плечо Будимира под рукой Светлова вздрогнуло.

— Кто-то идет навстречу... далеко... очень опасный!

В кармане комбинезона дал знать о себе амулет.

— Стоп, дружина! — скомандовал Ростислав.

Сотник вскинул кулак над головой. Сотня разом остановилась, как одно большое многоногое существо.

Издалека послышался стонущий гул и плеск, будто по воде плыл и шлепал шлицами колесный пароход. Почва под копытами коней начала вздрагивать. Они запрядали ушами, захрапели, закрутили хвостами, хотя продолжали стоять смирно, подчиняясь воле наездников.

За дальними скалами обозначилось какое-то движение, и тотчас же Будимир закричал:

— Не смотрите! Это Кривда!

Сотник отдал команду, и дружинники слаженно развернули лошадей на сто восемьдесят градусов. Сотня понеслась обратно к реке, начала перебираться по мосту на другой берег. Однако гул приближался быстро, от «шлепков по воде» земля вздрагивала все сильнее, и Ростислав понял, что они не успеют.

— Повоюем, Димка? Надо его задержать!

— Попробуем, дядя Слава, — согласился мальчик.

Щеки его побледнели, но глаза вдруг загорелись чистым золотом, в них пробудилась решимость и сила.

— Уходите за реку! — крикнул Ростислав сотнику. — Мы этого кривоглазого гада остановим!

Не слушая ответа, он погнал коня назад, стараясь не глядеть на приближавшегося великана, голова и плечи которого уже показались над скалами.

Скачка длилась минуты две. Они успели преодолеть около километра и спрятаться за скалу как раз перед тем, как из-за горушки невдалеке появился пятидесятиметровый монстр, названный лесовиком Кривоглазом.

Ростислав отвернулся, но Будимир жарко прошептал ему в ухо:

— Мы можем на него смотреть, дядя Слава, я поставил зеркало, экран.

Светлов кивнул, высунулся из-за каменной глыбы в основании скалы.

В сотне метров от них размеренно шагала по болоту мохнатая горбатая фигура ростом с небоскреб. У нее имелись две бесформенные ноги, две длинные, достающие почти до земли лапы, а вместо головы был бугор, соединявшийся с гигантским горбом на спине. Из горба торчали чудовищные, похожие на крылья летучих мышей, уши, но ни носа, ни рта у чудовища не было. Единственный глаз в виде щели от уха до уха буквально светился жуткой смертельной чернотой.

Перед монстром катился по земле крутящийся колесом вихрь молний, расплескивая по сторонам становившуюся жидкой почву, и когда гигант шел, его безобразные ступни издавали тот самый «плеск», будто он шагал по воде.

Вот он увидел отряд на другом берегу реки, остановился на несколько мгновений. Черный глаз великана налился кровавым свечением. Издалека послышались крики: видно, кто-то из дружинников поймал-таки взгляд Кривоглаза.

— Надо что-то делать! — быстро сказал Ростислав. — Так он всех наших друзей перебьет! Был бы у меня гранатомет...

— Я пытаюсь. — Будимир закусил губу. Над ним встал нимб золотистого свечения, с пальцев рук сорвались извилистые змейки розовых молний.

Гигантский навья, просидевший много тысяч лет в башне могильника, но не потерявший своей чудовищной силы, почувствовал, очевидно, какое-то воздействие, в недоумении оглянулся, затоптался на месте, отмахиваясь уродливыми лапами от невидимого противника.

Будимир прошептал какое-то длинное непонятное слово, толкнул воздух впереди себя обеими ладонями. Кривоглаз отшатнулся, взмахнул лапами и с грохотом опрокинулся на спину, дробя телом скалы.

— Отлично сработано! — похвалил спутника Ростислав.

— Я не могу... его убить... он скоро очнется...

— Это хуже. Срочно вызывай Вольха, надо успеть убраться отсюда подобру-поздорову.

— Он придет в себя и уничтожит дружину... у них нет против него оружия.

— О, дьявол! Что же делать? — Ростислав задел рукой узелок на поясе, и его осенило. — А что, если мы развернем кырт и сунем в морду Кривоглазу?

— Не знаю... я не уверен, что глаз василиска подействует на его брата...

— Однако стоит попробовать, другого-то варианта нет. Вызывай Вольха, а я подберусь к уроду поближе и поиграю с ним в гляделки — кто кого пересмотрит.

— Вам нельзя, у вас нет защиты. Это лучше сделать мне.

— Тогда давай вместе. Ты будешь закрывать нас своим «зеркальным» экраном, а я манипулировать кыртом.

— Хорошо.

Ростислав выбрался из-за скалы, наткнулся на труп лошади.

— Вот гад, он нашего коня угробил!

Вышли к низине, в которой лежал навья, древний воин Люцифера, способный убивать взглядом и воздействовать на природу, искажая форму растений и живых существ. У гигантских ступней Кривоглаза тихо шипел и тлел сетчатый клубок молний, проделавший в почве широкий остекленелый ров с бахромчато выплеснувшимися и застывшими краями. Видимо, это было какое-то оружие навья либо его магический «реактор», снабжающий его энергией. Потушить его Будимиру не удалось.

Земляне взобрались на пологий скальный выступ, возвышающийся над землей на два десятка метров, и увидели мохнатое, курящееся дымками тело монстра. Бугор головы выдавался над туловищем, так как сзади был горб, поддерживающий голову в этом положении. Уши великана обвисли, щелевидный глаз был открыт и казался заполненным черным стеклом. Из складок на груди и под бугром — шеи у него не было — сочились струи сизого дыма.

— Красавец! — проговорил Ростислав одними губами. — Сюда бы вакуум-бомбу...

Руки гиганта конвульсивно содрогнулись. Грудь вздыбилась от внутреннего удара. Глаз загорелся пронзительным синим светом. Урод резко приподнялся, поднес к бугру головы огромную лапу, словно соображая, что с ним произошло. Синий световой лучик его взгляда уперся в скалу в полукилометре от этого места, и та в ы п л е с н у л а с ь вверх как вязкая жидкость от падения камня, застыла странным стеклянным тюльпаном.

— Открывайте, дядя Слава! — выдохнул Будимир, прижавший кулаки к вискам.

Ростислав, помня наставления лесовика, проворно развязал узелок, достал берестяной короб, направил окошком к великану, открыл щель.

— Эй, урод, посмотри сюда!

Кривоглаз повернулся к людям всем туловищем; вряд ли он слышал крик Светлова, скорее всего отреагировал на п о в е л е н и е мальчишки — и наткнулся на луч глаза василиска.

Произошел тяжелый беззвучный взрыв — внутри глаза и внутри головы Кривоглаза, потрясший не только воздух и скалы, но и основы материи: атомы, электроны и даже элементарные частицы. Затем наступила звенящая угрозой тишина, и Ростислав почувствовал, как его начинает ломать и корчить какая-то страшная сила. Скала под ногами начала трескаться и оседать.

— Бежим! — выговорил он прыгающими губами. Швырнул короб с кыртом в чудовище — тело монстра стало распухать и покрываться молниями, — схватил Будимира в охапку и бросился вниз, чудом ухитряясь не упасть и не разбиться. Не оглядываясь, промчался метров двести, чувствуя спиной какой-то чудовищный процесс, нырнул в расщелину, попавшуюся на пути, и тотчас же сзади грохнуло!

Почва дернулась, ушла из-под ног, вздыбилась, опала, закачалась, как во время землетрясения. Гул и свист накрыли людей плотной волной. Свет дня померк.

Затем спустя какое-то время земля перестала содрогаться, гул стих, только в воздухе еще какое-то время стояла призрачная дрожь, мешающая дышать, и все окончательно успокоилось. Туча пыли и дыма осела, воздух очистился, солнце на небосклоне засияло вновь.

— Дядя Слава... — прошептал Будимир сдавленным голосом.

Ростислав опомнился, перестал прижимать к себе мальчишку, выглянул из расщелины.

На том месте, где недавно полусидел навья-воин, возвышалась стометрового диаметра полусфера, утыканная длинными колючками. Чем-то она напоминала цветок чертополоха. Это было все, что осталось от Кривоглаза, или, точнее, от демона Кривды, не выдержавшего взгляда своего более мощного родственничка.

Глава 5

Неизвестно, какие чувства испытывал Волк Волков, неся на спине надоедливых — с точки зрения Светлова — седоков, однако он никак не высказал своей досады или неудовольствия, когда высаживал их на берегу Огнь-реки.

Скачка длилась всего около часа. Так быстро ни Ростислав, ни Будимир еще не передвигались по суше — со скоростью триста с лишним километров в час! — и поэтому почти не смотрели по сторонам на красоты пейзажа, вынужденные все внимание уделять дороге и собственному положению. Свалиться с «коня»

на такой скорости было, наверное, равнозначно гибели. Лишь позже Ростислав узнал, что сын Сухова «привязал» их к спине Волка Волков особым п о в е л е н и е м, и свалиться они не могли.

— Все, дальше мне ходу нет, — сказал Вольх (по-прежнему мысленно), свесив язык и бурно дыша. — Огнь-река заколдована, а я еще не в форме.

— Как-нибудь переберемся, — махнул рукой Ростислав. — Спасибо за подмогу. Постараемся больше тебя не беспокоить.

— Вот уж о чем я думаю меньше всего. Всегда к вашим услугам, друзья, ведь мы делаем общее дело. Как я могу отказать в помощи Избавителю, а тем более такому юному?

Будимир покраснел.

— Я еще слабый...

— Ты не слабый, — возразил Ростислав, — ты неумелый. Тебе бы хорошего наставника, да где его найти?

— Вот и стань ему наставником, защитник, — осклабился Вольх. — У тебя для этого есть все необходимое, а главное — сердце.

— Но я практически ничего не знаю... и не умею... кроме как стрелять и махать мечом!

— Ошибаешься, знаешь. Загляни в себя, Сеттутеп дал тебе такую возможность, и ты увидишь б е з д н у. А Избавитель поможет тебе войти в поле Хроник Веера. Люди называют это поле «хрониками Акаши».

Ростислав с сомнением посмотрел на Будимира.

— В принципе я не возражаю... но будет ли толк?

— Надо просто поверить в свои возможности, — подмигнул ему Волк Волков. — Вера — великое дело.

— Не веры я ищу, я не пророк... — пробормотал Светлов, вспоминая стихи любимого поэта[1]. — В конце концов попытка не пытка, рискнем. Но позже. Сначала доберемся до старухи Ягойой, по словам лесовика Живы, она добрая баба и может знать о местонахождении Финиста.

— Удачи вам, друзья!

Волк Волков крутанулся вокруг себя и исчез, только пыльный вихрик завертелся на том месте, где он стоял.

Ростислав поймал себя на мысли, что воспринимает все эти чудесные исчезновения и появления зверя как должное, спокойно, и усмехнулся про себя: он уже перешагнул черту внеземного бытия и вполне стал гражданином Шаданакара. Оставалось лишь овладеть кое-какими магическими технологиями,

[1]М. Ю. Лермонтов.

чтобы чувствовать себя более уверенно, а тогда можно будет отказаться и от з в е н я щ е г о на тонком плане оружия.

Огнь-река ничем не отражала своего названия. Река как река, широкая — метров под двести, глубокая, медленно текущая, прозрачная, ничего на ней не горело и не дымилось. И веяло от нее прохладой и спокойствием. Но Ростислав, по рассказам Такэды, уже знал, что это за река, и не удивился, разглядев, что она течет сразу в обе стороны, разделенная посередине невидимой границей.

— Как будем переправляться? — поинтересовался Светлов. — Есть два варианта: мост и дельтаплан. Однако ни первого, ни второго у нас нет. Или ты колданешь?

Будимир смутился.

— Попробую... но, может быть, лучше вызвать нашего друга?

— Вольх же сказал, что дальше ему ходу... а, ты имеешь в виду сома? Я о нем совсем забыл. Действительно, почему бы и нет?

Будимир закрыл глаза, сосредоточился на своих ощущениях и проговорил звучным, совсем не мальчишеским голосом:

— Усыня, появись, пожалуйста!

Несколько мгновений ничего не происходило, вокруг стояла сонная тишина, река медленно несла воды в разные стороны, а ветер шевелил высокую траву на холмах. Затем солнце, стоящее высоко в синем-синем небе, мигнуло, воздух содрогнулся, и из воды в полусотне метров от берега вынырнула голова гигантской усатой рыбы. Это был Сом Сомов, спасенный путешественниками сразу же по прибытии на Олирну.

— Слушаю вас, спасители мои, — раздался в головах людей его шелестящий мысленный «голос». — Приказывайте.

— Нам надо переправиться на тот берег, — сказал Светлов.

Сом нырнул, с минуту не показывался на поверхности, затем появился уже у самого берега.

— Задача не из простых, но выполнимая. Будьте готовы к п о л ы х а н и ю. Половина Огнь-реки течет в будущее, половина — в прошлое. Кстати, Мокша-река, из которой вы меня вытащили, является одним из притоков Огнь-реки. Поэтому, когда мы пересечем границу потоков, начнется аннигиляция времени, что будет сопровождаться эффектами красочными, но довольно опасными.

— Ничего, мы защитимся, — сказал Ростислав, глянув на Сухова-младшего. — Избавитель знает, как это делается.

— Тогда садитесь и поплыли, друзья.

Путешественники перепрыгнули с берега на спину Усыни, величиной не уступавшему гигантским белым акулам, и Сом Сомов помчался к другому берегу как удивительный катер или

скорее всплывшая подводная лодка. Ростислав и его юный спутник вынуждены были присесть на корточки и опереться руками о шершавую кожу сома.

Приблизилась граница разделения вод реки на два течения. Сом пронзил ее как тугую пленку и вдруг оделся в пленку жидкого желтого огня, стреляющего во все стороны ручьями оранжевого пламени. Ростислав невольно зажмурился, но тут же открыл глаза, отмечая, что пленка огня обняла и седоков сома, но в радиусе метра, словно они находились под защитой невидимого конусовидного колпака.

Движение замедлилось.

Сом «поёжился» — волна мелкой дрожи прошлась по его телу. Ему было очень больно — горела кожа! — но он терпел и продолжал плыть.

— Огнь, погасни! — отчетливо выговорил Будимир.

И тотчас же огонь погас! Стали видны река, приближающийся берег, кромка леса в полуверсте от берега. Шкура Усыни стала коричнево-черной, пористой и продолжала дымиться, а сам он словно бы съежился, уменьшился в размерах.

— Прыгайте! Я долго не продержусь! Эта мертвая вода не держит на себе даже пуха!

Путешественники перепрыгнули один за другим на берег, и Сом Сомов сразу же повернул обратно.

— Всего наилучшего, спасители! Зовите, коли понадоблюсь!

Гигантская рыба нырнула, скрылась из глаз, не шевельнув глади реки. Ростислав подождал немного, выискивая ее глазами, не нашел, обернулся к Будимиру.

— Он не утонул?

— Нет, перешел в другое время. Посмотрите на небо, дядя Слава.

Светлов поднял голову.

Солнце, пять минут назад стоявшее высоко, теперь готово было нырнуть за горизонт. Или наоборот — только встало, судя по его утренней чистоте.

— Лопни мои глаза! — с расстановкой произнес Ростислав. — Что это значит?

— Река, — тихо сказал мальчишка. — Пока мы плыли по этой половине реки, время двигалось назад. Ой, не так! — Он порозовел под взглядом взрослого, пошевелил пальцами. — Наверное, мы двигались назад вместе со временем реки.

— Понял, Усыня предупреждал, что одна половина реки течет в прошлое. Надеюсь, на берегу и дальше время идет правильно?

Будимир промолчал.

Они поднялись по песчаному откосу на гребень берега, увидели луг с высокой травой, за которым начинался лес.

— Итак, подведем итоги. Мы лишились пистолета и кырта, но сохранили меч и два ножа. Еда у нас есть, питье тоже. — Ростислав похлопал по наплечному ранцу своего «доспеха» и по деревянной фляге на боку. — Дня на три хватит. Идем искать избу Бабы-Яги? Далеко идти-то?

— Не надо никуда идти, — сказал мальчишка, глядя за спину спутника. — Она сама нас нашла.

Ростислав оглянулся и увидел вынырнувшую из леса и помчавшуюся к ним низко над травой ступу, оставляющую за собой опадающий хвост искр и дыма.

* * *

Ни Светлов, ни Будимир никогда прежде не были в гостях у настоящей Бабы-Яги (баба Домна, устроившаяся на Земле, не в счет), поэтому с одинаковым любопытством осматривали ее жилище и подступы к нему.

Располагалась изба старухи Ягойой посреди поляны в дремучем лесу, поросшей высокой — в рост Будимира — травой. Выглядела она примерно так же, как изба Вуккубовой родственницы, сложенная из огромных, до метра в диаметре, серых, замшелых бревен. Изба была покрыта двускатной крышей, сбитой из половинок менее толстых бревен, которую пронизывала толстая труба, похожая на морщинистый, закопченный пень. Ни окон, ни дверей изба не имела, хотя было видно, что середина одной из стен светлее остальных. Судя по всему, вход в избу находился здесь.

Так оно и оказалось.

Когда ступа доставила хозяйку и гостей (все трое уместились в ней с трудом, да и летела она медленно), Ягойой стукнула длинной клюкой — вместо веника — о землю, скрипуче выкрикнула какое-то слово, и более светлая часть стены просто исчезла, будто испарилась, открывая дверной проем.

— Проходите, гости жданные, — проговорила старуха хриплым басом. — Не чаяла встретить сынка Посланника, да еще такого милого.

Ростислав внимательно посмотрел на Ягойой. С виду она казалась суровой, у нее было коричневое морщинистое лицо, мохнатые седые брови, крючковатый нос, светлые до белизны глаза и горб, и она здорово походила на старика Праселка, встретившегося путешественникам на Хаббарде.

— Что разглядываешь? — усмехнулась старуха. — Кромешников не видывал?

— Видывал, — усмехнулся в ответ Ростислав, сжимаясь под ее острым взглядом и отражая укол в голову; чуть позже он понял, что впервые самостоятельно отразил гипноатаку хаббардианки. — Привет вам от Вуккуба и бабы Домны.

— Я так и скумекала, что вы были у них. Весточка мне пришла — жди гостей, а каких — неведомо. Думалось, не сам ли Седьмой заявится? Ан нет, сыночек его пожаловал.

— Как вы догадались, что это сын Сухова... э-э, прежнего Посланника? — полюбопытствовал Ростислав.

— У него на лбу написано, — хитро сузила глаза Ягойой. — Не стойте на пороге, проходите в горницу, никто вас здесь не тронет. Старик-домовик давно преставился, так что одна я последние деньки коротаю.

Внутри изба хаббардианской Бабы-Яги оказалась маленькой, стиснутая гигантской русской печью, огромным дубовым столом, такими же несоразмерно большими лавками и сундуком-великаном. Кроме этого, в горнице располагалась лежанка величиной с двуспальную кровать, с горой подушек, сундук поменьше, окованный железными полосами, деревянный шкаф для посуды, бадья с водой, лохань и столец — огромное деревянное кресло с резной спинкой и ножками в виде медвежьих лап. Как в этой тесноте передвигалась хозяйка, было непонятно. Во всяком случае, гости с великим трудом пролезли между шкафом и креслом, чтобы сесть за стол.

Старуха поняла их невысказанные чувства, проворчала, расставляя по столу посуду:

— Раньше изба была большая, просторная, да теперича времена вывернулись наизнанку, сил нету держать такие хоромы. Скоро все совсем схизнет, сожмется, и мать-земля заберет избу. Да и меня следом.

— Вам еще жить и жить, — покачал головой Ростислав.

— Спасибо на добром слове, — усмехнулась старуха. — Да не от меня зависит — жить или не жить. Я и так две жизни тут просидела, все ждала... — Она осеклась, метнула на осоловевшего Будимира острый взгляд, загремела горшками в печи.

Ростислав подождал продолжения, хотел было спросить: что или кого не дождалась старуха, но не решился. Вполне могло быть, что речь шла об освобождении от заклятия Семерых.

Он еще раз оглядел горницу, отмечая, что в ней светло, как днем, хотя ни свеч, ни лучин, ни электрических светильников изба не имела. Казалось, светится сам воздух: над столом ярче, в углах — темнее.

— Мовницу истопить? — предложила хозяйка. — Помоетесь с дороги, полегчает.

— Не стоит, мы вчера мылись в бане, — отказался Ростислав.

— На заставе небось, у Веселина?

Ростислав не удивился осведомленности старухи. Ягойой была ведьмой, то есть ведающей матерью, колдуньей, и должна была знать приемы добычи информации в условиях вечной войны Мировой Язвы с Русью.

— У него.

Старуха налила им в деревянные резные кубки кваса. Будимир провел над кубками ладошкой, взял один. Ягойой понимающе прищурилась.

— Правильно делаешь, малец, что смотришь вглубь. Лихие люди и отравить могут. Но не я, не бойтесь.

— Мы и не боимся, — проворчал Ростислав, почуяв жажду, отпил полкубка. — Хорош квасок! Прямо живая вода!

— Не вода, на меду варено, с обережь-травой. А вы, значицца, прямо с Земли-матушки сюда? Отца-то где оставил, соколик? — Ягойой посмотрела на Будимира.

— Он нас догонит, — сказал Ростислав, чувствуя легкое эйфорическое головокружение. — Дела у него.

— А куда направляетесь?

— Да есть проблема, которую надо решить. Вы случайно не знаете, где Посланник, а точнее, Седьмой, оставил меч Святогора?

— Не вы первые его шукаете, — проворчала старуха, доставая из печи глиняную миску с готовыми блинами, шлепнула ее на стол. — Не знаю я, где ваш батюшка Финист оставил. Разве он сам не знает?

— Батюшка его — человек земной, а вот Сухов-Седьмой — маг, и мы его ищем. Может, слыхали, в какие края он подался?

— Шаданакар велик. Слухи разные ходят, да верить им неможно. Одни бают, ушел Седьмой в Суфэтх, ищет следы Властелинов Всего и Везде. Другие гомонят, стакнулся он с последним Великим игвой и строит мост к Господину Тьмы.

— К Люциферу?

— К нему, витязь, к Деннице.

— Не может быть! Седьмой с ним воевал и вышвырнул из Шаданакара в Суфэтх! Не мог он переметнуться на его сторону!

— Вот и я так полагаю. Говорю же — разные слухи летают по Вееру, не знаешь, какому верить. Есть и такой, к примеру: увлекся наш Седьмой какой-то Великой Игрой, приспособил для нее один из хронов и закуклился.

— Ничего себе перспектива!.. — хмыкнул Ростислав. — Что же это за Игра такая, от которой он так балдеет?

— Того не ведаю, говорят, смысл этой игры в создании каких-то несусветных «запрещенных реальностей».

— Не верю, не тот человек Никита Сухов, то есть его магическая матрица, чтобы играми забавляться. Не был он сумасшедшим компьютерным юзером.

— Это уж дело твое, витязь, верить аль не верить. Ешьте пироги вот, блины, варенье, морс калиновый пейте. Потом побалакаем еще.

Старуха вышла в сени, загремела чем-то, ворча себе под нос.

— Не слушай ее, — сказал Ростислав, берясь за горячие, вкусно пахнущие пироги. — Она нарочно нас поддразнивает.

— Не... — качнул головой Будимир, — она говорит, что знает. На нее нет смысла обижаться. К тому же Седьмой — не отец мне, ну, я имею в виду — прямой, мой папа — Никита, а Седьмой — это уже другой уровень, носитель с и л ы, понимаете?

— Он как бы уже не Сухов, — кивнул Ростислав, — магически проявленная отдельная сверхсущность, так? Хотя я все равно не верю, что он станет сотрудничать с Уицраором или Люцифером.

Съели пироги: Будимир — два, Ростислав — пять, принялись за блины с вареньем, запивая вкусным морсом. Баба-Яга вернулась в горницу, когда гости насытились и отвалились от стола. Махнув клюкой, она отправила всю посуду прямиком в печь, очистив таким образом стол, уселась в кресло, в котором запросто могли уместиться трое нехудых мужчин.

— Наелись?

— Спасибо, бабушка, — в один голос проговорили Ростислав и Будимир.

— Очень вкусно готовите, — добавил Ростислав, поклонившись.

— Чем еще я могу помочь дитю Посланника? Сразу предупреждаю: куги нетути, одна осталась, да и та хромая.

— Чего нет?

— Ступы, — тихонько подсказал Будимир.

— И оружья нема, — нахмурила брови Ягойой. — Какое было — еще его папаше отдала.

— А сестрица ваша Домна говорила, что у вас кое-что осталось, — равнодушным голосом сказал Ростислав; о том, что это говорил лесовик Жива, он решил не упоминать.

Старуха неприязненно сжала губы.

— Тоже мне, сестрица нашлась! Что она знает?

— Якобы у вас есть какой-то «пушистик».

— А ведь точно! — хлопнула Ягойой ладонями по подлокотникам кресла. — Совсем запамятовала, старая! Этот «пушистый бумм» остался у меня еще с дедовских времен, его черные оскепоносцы оставили. Дам я его вам, только поосторожнее обра-

щайтесь, зело опасен «пушистик». Еще чего обещала моя сестрица?

— Копье бы нам...

— Пошукаю оскеп, может, и найду. Еще?

Ростислав и Сухов-младший переглянулись.

— Да вроде все, остальное мы сами добудем.

Ягойой внезапно подобрела.

— Это хорошо, что вы такие незазырчатые, мало просите. Домна небось вам с три короба наобещала, а вы постеснялись попросить. Посидите, в покладушу схожу.

Старуха слезла с кресла, открыла неприметную дверь за печью и исчезла в темной кладовой. Отсутствовала несколько минут, не издав ни звука, несмотря на открытую дверь, будто провалилась в яму. Затем пыхтя выволокла большой кошель из потертой, в дырках, желтой кожи. Достала оттуда нечто вроде сморщенного яблока или скорее огромного ореха.

— Держи, витязь, «пушистик» это. Бросать будешь — падай сразу, да помни: «пушистик» токмо раз можно использовать.

Ягойой вытащила из кошеля засушенную медвежью лапу.

— Это медведь-мертвяк, пособит, ежели что, но тоже токмо один раз. Бросишь на пол, в глаза ему поглядишь, скажешь: в с т а н ь! — он оживет.

Ростислав невольно покачал головой, разглядывая лапу, спрятал в нагрудный карман «доспеха». Взвесил в руке «орех», ощущая его переливающуюся «злую» тяжесть.

— Сколько же всякого оружия наделал человек для собственного уничтожения!

— «Пушистик» делал не человек, — отмахнулась Баба-Яга. — Хотя люди действительно превзошли всех по этой части. Вот вам еще свет-зеркальце.

— Оно-то зачем? — спросил Ростислав, принимая самое обыкновенное круглое зеркальце в деревянной оправе. — Или это какой-нибудь замаскированный лазер?

— Зеркальце волшебное, в нем токмо я в ь отражается. Авось пригодится. И еще скляночки возьмите, в них мертвая и живая вода.

— Есть у нас уже... — заикнулся Ростислав.

— Бери, говорю! — осердилась старуха, протягивая два пузырька: голубого и оранжевого цвета. — Это настоящая вода, Яросветом приготовленная! Боле у меня ничего нету, все роздала витязям разным.

— Каким витязям?

— Вы не первые Русь спасаете, да и весь Веер. Хата моя, как говорится, с краю мира стоит, много у меня гостей перебывало, да где они теперя?

Ростислав покосился на Будимира.

— Я не знал, что кто-то идет впереди нас.

— Папу курьер посещал, — сказал мальчик негромко. — Он сообщил, что до нас дважды собиралась команда для нейтрализации Уицраора.

— Ну, и?..

— Они... не дошли...

Ростислав встретил насмешливый взгляд Ягойой, потер ладонью подбородок.

— Хорошо, если бы мне давали всю информацию сразу, а не диетическими порциями.

— Извините, дядя Слава, — виновато пробормотал Будимир.

— Я не о тебе. Спасибо, бабушка, за подарки, мы у вас в неоплатном долгу. Хотя мне кажется, что у вас кое-что осталось-таки, нужное нам.

Глаза Ягойой сверкнули.

— Хотелось бы и мне знать источник вашей информации, гости дорогие. Даю ногу на отсечение, что это не Домна.

— Костяную?

— Ась?

— Я пошутил. Источники информации не продают, это закон спецназа, в котором я прослужил много лет.

— Ценю за откровенность. Так что же есть у меня, чего я не предложила?

— Дудка какая-то особенная, свистярь. В один конец свистнешь — человек замертво падает, дунешь в другой — мертвый встанет.

— Жива! — оскалилась Ягойой, погрозила пальцем в пространство. — Это он вам наклаузничал, поганец старый! Ну, да ладно, чего с него взять, шпиёна подколодного. Есть у меня дудка — свирель Интрикова, пойдем покажу.

Все трое вышли из избы, и Баба-Яга подвела гостей к огромному бревну длиной в десять метров и диаметром в метр. Бревно оказалось выдолбленным внутри по всей длине и имело восемь дырок, расположенных по одной линии с шагом в один метр. Один его конец был темно-коричневым, второй — более светлым, отливал желтизной.

— Вот ваша дудка, — ехидно поджала губы старуха.

Ростислав озадаченно обошел бревно кругом, почесал в затылке.

— Ничего себе дудочка! Ее великаны делали?

— И великаны владели. Это свирель братьев Соловьев, Интра и Ультра. Слыхали о таких ?

— Соловьи-разбойники? В нашем фольклоре существовал один...

— Так берете дудку?

— Как же мы ее возьмем?

— Подождите, дядя Слава, — вмешался Будимир. — Я попробую ее упаковать.

Он подошел к выдолбленному бревну, погладил волокнисто-шершавую поверхность, зажмурился. В волосах мальчишки проскочила яркая розовая искра.

Старуха Ягойой вздрогнула, опасливо отодвинулась. В глазах ее мелькнул страх.

— Великий Дый![1] Хлопец-то непростой, с и л о й владеет!

Будимир открыл глаза, вытянул руку, и бревно с отчетливым стоном уменьшилось скачком в двадцать с лишним раз, превратилось в настоящую свирель толщиной с палец, которая сама прыгнула мальчишке в ладонь.

Баба-Яга изменилась в лице, отмахнулась указательным пальцем.

— Чур меня, чур, спаси и сохрани, старую! Не верила, что встрену самого Избавителя! — Она поклонилась Будимиру. — Прости, ежели неласковая была, молодой господин!

— Я не господин вовсе, — смутился Сухов-младший, протягивая свирель Светлову. — Так получилось.

— Куда дуть, чтоб человека оживить? — спросил Ростислав, вертя в пальцах свирель Соловья-разбойника.

— Сам догадайся, — хихикнула старуха.

Ростислав еще раз осмотрел трубочку с дырками, коснулся пальцем темного конца.

— Сюда.

— Молодец, правильно догадался. Из светлой дырки ж и в а вылетает, из темной — с м е р т ь.

Ростислав аккуратно сунул свирель в боковой кармашек комбинезона, где раньше лежали обоймы для пистолета.

— Пришла пора прощаться, бабушка. Ждет нас не прямая дальняя дорожка.

— Могу подбросить вас до Огнь-реки, а там уж вы сами. Токмо не наткнитесь на навьев, говорят, недавно Кривоглаза видели с Пуримом Кровавым, повылезали оне из могил-то. Кто-то им, видать, подсобил.

— Кривоглаз нам уже не страшен, — улыбнулся Ростислав. — Мы его с кыртом познакомили, окаменел он навеки. И с Пуримом справимся, коль доведется встретиться. Да не на-

[1] Д ы й — древнейшее имя Сварога, «дед» богов.

до нам к Огнь-реке, мы дальше своим ходом пойдем, меч искать.

— Будь у меня кляца, я бы вам отдала — дошли бы без горя. Слышала я краем уха, что батюшка ваш Гашшарву посещал, обитель Великого игвы Гиибели, который тутошнего Святогора в гроб запихнул. Может, там он и меч оставил?

— Спасибо за подсказку. Кляца у нас есть, да только мы ею пользоваться не умеем.

Баба Яга всплеснула руками.

— Что ж вы сразу-то не сказали? Доставайте свою кляцу. А вскрыть ее совсем просто: надо ударить об землю и заветное с л о в о сказать.

— Какое?

— Он должон знать, — кивнула старуха на Будимира.

— Знаешь? — посмотрел Светлов на мальчишку. — Ну-ка, скажи.

— Оно... не такое... — неуверенно произнес Будимир. — Не совсем слово... это скорее мысленное п о в е л е н и е.

— Я думал, нечто вроде мантры или известного выражения «Сезам, откройся!».

— Примерно так оно и есть, только надо говорить сразу и вслух, и мысленно.

— Допустим, кляца развернется, а дальше что? Как мы попадем в нужный хрон?

— Так и скажете, куда вам надо, и ничего боле не надь.

Ростислав достал из кармашка Будимировой курточки яйцо, подаренное бабой Домной на Земле, взвесил в руке.

— Идем в Гашшарву?

Будимир прерывисто вздохнул.

— Идем, дядя Слава.

Светлов с размаху шмякнул яйцо о землю, и перед ними за несколько мгновений выросла копия избы Ягойой, разве что в несколько раз меньше. Сама собой открылась дверь, приглашая путешественников. Они переглянулись, взялись за руки, помахали отступившей Бабе-Яге и шагнули в избу.

Эпизод 4

ПОИСКИ СЕБЯ

Глава 1

Такого леса ни Ростислав, ни Будимир еще не видели. На что уж лес на Олирне, в окрестностях избы старухи Ягойой, казался им диким и огромным, но этот поражал воображение и давил на психику, заставляя людей ждать встреч с невиданными великанами и чувствовать себя не больше букашки.

Исполинские деревья странных, неприятно живых форм застыли вокруг, словно застигнутое внезапной смертью, засохшее и окостеневшее войско. Стволы их нельзя было не только обхватить десятку человек сразу, но и окинуть взглядом, так как в каждом из этих жутких деревьев запросто могла уместиться любая из башен Московского Кремля.

— Где мы? — понизил голос Ростислав, озираясь. — Боже ты мой, какие гиганты! И грибами пахнет... Здесь, наверное, должны жить тролли и циклопы.

— Это парк Гиибели, — ответил Будимир, прислушиваясь к торжественно-глубокой тишине циклопического леса. — Мы на Гашшарве. Папа рассказывал, что они с дядей Толей были в таком лесу.

— Вообще-то нам нужен дом Гиибели, его замок.

— Эхурсагкуркурра.

— Ну да, та самая... э-э, курра. Далеко он от этого, с позволения сказать, парка?

— Один переход.

— Это как? Или куда? В какую сторону? По какой дороге? Как говорил мой друг-поэт Коля Игнатенко: «Куда идти, когда дороги нету? К кому идти, когда дорога есть?»

Будимир по обыкновению смутился.

— Папа и дядя Толя были здесь с Дадхикраваном, для которого пространства Гашшарвы — открытая книга. Очевидно, один переход для него — это переход уровня многомерности.

— Логично, — кивнул Ростислав, потом не удержался и рассмеялся. — Ты знаешь больше, чем я, хотя в последние годы мне тоже пришлось заниматься изучением всякой интересной литературы, в том числе — научной. Однако вряд ли это помо-

жет нам сделать тот самый «переход на уровень». Ты знаешь, как это делается?

Будимир неопределенно повел плечом.

— Примерно представляю... хотя лучше было бы найти транспортную систему. Папа говорил, что в Гашшарве все взаимосвязано.

— Что ж, давай поищем. Куда направимся?

Мальчишка ушел в себя, застыл на какое-то время, очнулся.

— Туда... лес там заканчивается, начинается холмогорье... я чувствую присутствие какого-то странного существа... оно какое-то... раздробленное, вернее, рассыпанное... и ему плохо.

— Интересно, что значит — рассыпанное? Но посмотрим. Нам не впервой помогать сирым и убогим да всяких магических зверей освобождать.

Утопая по колено в мягком желто-синем мху, путешественники двинулись в избранном направлении. Идти быстро мешали кочки, поваленные и сгнившие деревья, а также попадавшиеся на пути колодцы с черной или коричневой жижей. Из колодцев выныривали странные живые пузыри, провожали людей слепым взглядом и тонули, словно удовлетворив любопытство. Изредка вскрикивали какие-то птицы, кидались вниз, стремительно пролетая над головами путешественников, исчезали в густой темно-зеленой и коричневой листве, скрывающей вершины древесных гигантов.

Ростислав сначала отвлекался на звуки и движения в чаще леса, потом рассредоточил внимание и легко вошел в состояние «живого камертона», реагирующего на состояние среды в радиусе километра. После этого он стал видеть-чувствовать ямы и колдобины под мхом, бездонные колодцы с грязью, топкие места, упавшие деревья и непроходимые заросли задолго до их появления. Очевидно, Будимир понял это, потому что перестал советовать, куда свернуть и где лучше пройти. Он-то со своими растущими возможностями мага в и д е л препятствия прекрасно.

Лес поредел.

Суша под ногами стала тверже, мох съежился, ушел под деревья, появилась необычного вида трава, похожая на карликовые сосны и березки. Затем лес расступился, и земляне вышли на край долины, окруженной невысокими скалистыми холмами и грядами. По форме долина напоминала обмелевший кратер вулкана или скорее лунный цирк с центральной горкой. Диаметр ее достигал не менее десяти километров, по оценке Светлова, а центральная горка высотой в сто — сто пятьдесят метров занимала чуть ли не треть площади долины.

Ростислав не сразу заметил некое движение у этой горки. Затем вгляделся и оторопел.

Горка оказалась гигантским муравейником, по которому медленно, как сонные, ползали муравьи. А вокруг этого жуткого дырчатого сооружения возились какие-то мохнатые многоногие твари. Что они делают, с такого расстояния определить было невозможно.

— Муравьи! Ты видишь? Вот это муравейничек! Это его ты почувствовал в лесу?

— Да, наверное, и ему плохо... я чувствую боль... и страх...

— Кому конкретно плохо? Их же там тысячи, муравьев.

— Муравейник — живая биосистема, в каком-то смысле разумная, она страдает и просит помощи.

— Ага, значит, те твари, похожие на пауков, хотят ее уничтожить?

— Нет, подчинить, заставить служить. Но пауки здесь только исполнители, кто-то ими управляет.

— Интересная ситуация. Что ты предлагаешь? Предупреждаю честно: насекомых не люблю, в том числе муравьев, и спасать их не желаю.

— Он просит помощи... — неуверенно сказал Будимир. — И, возможно, пригодится нам в будущем.

— Ну, если ты этого хочешь... предлагай план операции. Атаковать пауков нет смысла, их много, а нас двое, не спасет ни бомба-«пушистик», ни меч «коси-трава». Разве что дудка Соловьев-разбойников?

Будимир покачал головой.

— Надо найти пастуха...

— Кого?!

— Пауками управляет какой-то... не знаю, как назвать...

— Понятно, некая тварюка. Ее уговорить будет проще, если только она не здешний хозяин. Но попробовать можно. Главное, заранее приготовить путь отступления. Ты его видишь, пастуха?

Будимир помолчал, глядя с к в о з ь пространство, определяя координаты неведомого командира пауков. Кивнул.

— Он справа на холме...

— На каком? Ничего не вижу.

— Холм такой длинный, красноватый, а наверху скала... это он и есть.

Ростислав приставил ладонь ко лбу козырьком, пытаясь разглядеть паучьего пастуха, но не смог.

— Далеко, не вижу, скала как скала. Итак, твой план?

— Он нас видит и наблюдает за нами. Лучше всего, если мы подойдем открыто и попросим его отпустить Инсекта.

— Кого?

— Муравейник, — смущенно проговорил Будимир. — Сам

себя он называет иначе, но выговорить это ментальное «слово» невозможно. Вот я и назвал его Инсектом.

— Пусть будет Инсект. По крайней мере, это имя отражает его сущность. Значит, ты предлагаешь честно и открыто подойти и вежливо попросить отпустить нашего друга Инсекта?

— Да, — еще больше смутился мальчик.

— А что, неплохая идея, — согласился Ростислав. — Почему бы двум благородным донам не договориться с третьим? Однако что мы будем делать, если этот дон, то бишь «пастух», откажет в нашей просьбе?

— Ну-у... подумаем... на месте...

— Резонно. Тогда пошли знакомиться с местной властью, Никитич. Будем надеяться, «пастуха» наша вежливость покорит.

Не спускаясь в долину, они направились по холмам-грядам в обход и вскоре подошли к скалистому холму красноватого цвета, на котором неподвижно высилась скала, по форме напоминающая трехгорбую черепаху, спрятавшуюся в панцире.

Отсюда стало лучше видно, чем занимались огромные — в рост человека — мохнатые твари, похожие на пауков: они оплетали муравейник светящейся толстой паутиной. Муравьев, оказывающих сопротивление, пауки убивали, и тех становилось все меньше и меньше. Движение в муравейнике постепенно прекращалось, он медленно, но верно умирал.

Чем ближе подходили путешественники к «черепахе», тем более живой она казалась и тем сильнее давил на них ее психофизический взгляд. Наконец давление на мозг стало таким мощным, что Будимир вынужден был создать защитное ментальное з е р к а л о, снявшее пресс гипновоздействия. Они взобрались на холм и остановились в полусотне метров от «черепахи».

— Никак не пойму... — начал Ростислав и не закончил.

«Черепаха» вдруг начала вытягиваться вверх, выпрямляться, трансформироваться в гигантскую фигуру на двух ногах высотой в два десятка метров, пока не превратилась в старика-великана с посохом, в плаще и конусовидной шапке, прикрывающей три плотно прижатые друг к дружке головы. Кроме того, у него было три горба, а через плечо висел самый настоящий кнут из витых ремней. Однако самым интересным открытием были не три головы монстра, не горбы и кнут, а то, что он был похож на хаббардианца Праселка, только небывало бо́льшего роста!

— Привет! — пробормотал Ростислав, отодвигая Будимира и выходя вперед. — Никак мы знакомы...

Все три лица гиганта, заросшие седым волосом, бородатые, усатые, исказила одинаковая гримаса, напоминающая презрительную ухмылку.

— Однакося вы далеко зашли, человеки. Предупреждал ме-

ня братец, чтобы я ждал вас, да я не поверил. Однакося ошибся. — Говорил Праселк-гигант на чистом русском языке. — Каким же ветром занесло вас сюда, гости нежданные? Что вам дома не сидится? И что вы здесь ищете, в чужих владениях?

— Ты задаешь слишком много вопросов, верзила, — коротко сказал Ростислав. — Прежде чем мы начнем светскую беседу, не соизволишь ли ты приказать своим симпатичным паучкам прекратить муравьиный геноцид? Чем тебе муравьи-то не угодили?

— А кто ты такой, козявка, чтобы предлагать мне это? — загремел Праселк в три глотки, так, что по холмам пошло гулять эхо. — Я здесь хозяин! Это мои владения! Что мне надо, то и делаю! Не нравится — убирайся вон, пока я не раздавил тебя и твоего детеныша, как мух!

— Зачем же так грубо? — укоризненно покачал головой Ростислав, чувствуя, как за спиной вздрогнул Будимир. — Мы ведь любезно спросили тебя, чем ты занимаешься. Просто так мучаешь мирных насекомых или задумал что нехорошее.

— Убирайся, я сказал! — прошипел великан, делая шаг к людям длиной в десять метров, снял с плеча кнут. — Здесь я задаю вопросы!

Ростислав вытащил сверкнувший меч.

Праселк гулко захохотал.

— Убери свое жало, козявка! Оно годится разве что пугать детей. Сейчас позову своих слуг, попробуй с ними сразиться, если смелости хватит, а я позабавлюсь.

Трехголовый урод свистнул.

Долина внизу под холмом загудела.

— Вот паразит! — хладнокровно сказал Светлов. — Я так и знал, что мы не договоримся. Придется действовать иначе.

Он вытащил тяжелый орех «пушистика».

— Эй, хаббардианец, лови!

Взмах руки, бросок!

Запущенный умелой и сильной рукой, орех пронзил воздух и ударился о грудь великана, не успевшего ни отразить бросок, ни схватить орех. В следующее мгновение «пушистик» словно вскипел, буквально взорвался миллионом белых нитей, вцепившихся в Праселка, распух неимоверно, превратился в растущий волосатый шар. Все тело гиганта в течение секунды оказалось покрытым слоем шевелящейся белой «шерсти», продолжавшей увеличиваться в объеме, расти, охватывать руки, ноги и трехликую голову.

Один ручеек этой «шерсти» заметил застывших людей, метнулся к ним. Ростислав рубанул его мечом, дернул Будимира за руку:

— Бежим!

Они понеслись вниз с холма и остановились, только отмахав метров двести, не чувствуя за собой погони. Оглянулись.

Там, где стоял великан Праселк, пульсировал, дергался, вздрагивал огромный пушистый шар, опадающий на поверхность скалы волнами белой пены. Вот он стал уменьшаться, содрогаясь, некоторое время взбулькивал и фонтанировал выбросами нитей и, наконец, сполз с холма, удовлетворенно сопя, выпуская струйки не то пара, не то дыма. Направился в сторону леса. На скале осталось лежать нечто вроде кучи отблескивающих перламутром острых перепутанных сучьев.

— Сожрали! — прокомментировал случившееся Светлов, переводя дух. — Хорош «пушистик»! Я думал — это настоящая бомба, а на самом деле...

— Свернутый объем, — подсказал Будимир, — с хищнической формой жизни внутри.

— Ох и проголодался, видать, этот зверь, коль такого великана проглотил за несколько минут! Не повезло Праселку. Кстати, как ты объяснишь его появление здесь, в другом хроне? Мы же оставили старика на Хаббарде.

— Он — многомерное существо, живет сразу в нескольких измерениях, вернее, в нескольких хронах Веера. По-моему, он был и остается наблюдателем Великих игв либо их наместником. Плохо, что мы постоянно натыкаемся на него.

— Чего уж тут приятного. Тебе не кажется странным еще одно обстоятельство? Как только мы находим оружие, оно тут же находит применение, и мы снова остаемся на бобах.

— Возможно, мы сами провоцируем конфликты, приобретая оружие.

Ростислав задумчиво пощипал нижнюю губу.

— Об этом я уже думал. Надо попробовать пройти по Шаданакару вообще без оружия. Нас к этому буквально принуждают. Однако что мы будем делать дальше? Пастуха убрали, теперь очередь за овцами?

Он подошел к краю гряды, обрывавшейся в долину с муравейником. Было видно, что в стане мохнатых тварей произошли изменения. Они перестали оплетать гору муравейника паутиной и ползали вокруг в растерянности, натыкаясь друг на друга и вступая изредка в короткие схватки со своими же коллегами. Отряд пауков, вызванный Праселком, между тем достиг края долины и целеустремленно карабкался по склону вверх. Он получил приказ господина и спешил его выполнить.

Светлов насчитал одиннадцать многоногов, выругался сквозь зубы:

— Дьявольское отродье! Никогда не любил насекомых, особенно комаров и пауков! Придется воевать.

— Медведь... — проговорил Будимир.

— Какой медведь? Ах, да... — вспомнил Ростислав о подарке Бабы-Яги. — Действительно, чего зря мечом махать, пусть наш мертвяк поработает.

Он достал когтистую засушенную медвежью лапу, бросил на землю.

— Встань, меньшой брат!

Лапа зашипела как живая, расплылась бурым облачком и с отчетливым костяным хрустом превратилась в скелет, который за доли секунды оброс мясом, шкурой и мехом. Перед людьми вырос двухметровый медведище с поднятыми лапами и черными пустыми глазками.

Помня наставления Ягойой, преодолевая внутреннюю дрожь, Светлов посмотрел в слепые глаза зверя и приказал:

— Смирно! Слушай мою команду! Пауков уничтожить и разогнать! После выполнения задания свернуться! Усек? Выполняй!

В глазах медведя просияла искра жизни. Он опустил лапы, оскалился, глухо заворчал, поворочал башкой во все стороны и вдруг резво побежал, переваливаясь с боку на бок, к приближавшемуся отряду мохнатых многоногов. Вблизи они больше напоминали морских скатов, обросших черно-желтой шерстью, и роднили их с пауками лишь многоколенчатые ноги количеством восемь у каждого.

— Ловко вы ему задание выдали, дядя Слава, — сказал Будимир, давясь от смеха. — Как солдату.

— Он и есть солдат, — усмехнулся Ростислав, на всякий случай готовя меч к рубке.

Однако поучаствовать в бою со скатопауками ему не пришлось. Они были достаточно ловкими и быстрыми, и каждый успел пустить в ход оружие — метровой длины жало, как у скорпиона, но медведь никак не реагировал на их уколы и отвечал ударами такой силы, что мохнатые твари разлетались со сломанными ногами и пробитыми панцирями.

Уничтожив команду, вызванную Праселком, медведь-мертвяк, весь в дырках, как изъеденное молью чучело, спустился в долину и принялся гоняться за остальными пауками, почти не встречая сопротивления. Через несколько минут многоноги дрогнули и начали разбегаться, пока у притихшего муравейника не осталось ни одного живого скатопаука.

Сделав свое дело, медведь заревел, поднял вверх лапы, как бы прощаясь с теми, кто его оживил, и почти мгновенно усох, втянулся в землю, пропал.

— Каюк мертвяку, — проворчал Ростислав не без сожаления. — Плохо, что его нельзя реанимировать еще раз. Без него нам пришлось бы туго, Никитич. А поскольку порядок наведен,

пойдем теперь к твоему Инсекту, освободим его от паутины, ежели он еще живой.

Путешественники спустились с обрыва в долину, зашагали к гигантскому муравейнику, оплетенному снизу доверху светящейся, в руку толщиной, витой, как веревка, паутиной. По мере приближения становился слышен легкий шум, напоминающий шелест крыльев и шуршание тысяч маленьких лап саранчи. Ментальный «шум» земляне «услышали» еще раньше — струнное гудение тоски и покорной обреченности.

— Ну-ка, испробуем этот канатик на прочность.

Ростислав рубанул мечом по ближайшему участку паутины.

Меч со звоном отскочил, проделав небольшую зарубку на толстой витой «нити».

— Стальная она, что ли?!

Он рубанул еще раз и отскочил, почувствовав, как руку обожгло, словно кипятком.

— Кусается, зараза!

— Это не паутина, — сказал Будимир рассеянно. — Физическая реализация заклятия. Попытаюсь его снять.

На этот раз он не стал готовиться к гипервоздействию, как обычно, просто нагнул голову и метнул энергетический в з г л я д, сотрясший воздух и недра всей долины.

Тотчас же паутина потеряла четкие очертания, ее нити-канаты расплылись струйками сизого дыма, начали вспухать и распадаться, таять. Через минуту от них не осталось и следа.

Ростислав услышал не ушами — внутренним слухом, всей нервной системой — самый настоящий вздох облегчения, а затем в голове раздался тихий потрескивающий г о л о с:

— Благодарю, путники! Честно говоря, я уже не ожидал спасения. Кто вы и куда путь держите? Чувствую, что вы издалека, но я ранен и не могу сосредоточиться.

— Мы из другого хрона, — сказал Ростислав. — Галактика, Солнечная система, планета Земля, государство Россия.

— Представьте все это по очереди... спасибо, я понял. Ваш хрон отмечен с и я н и е м, в нем родился Объединитель прошлого Собора Семерых, и я слышал, что оттуда же придет Избавитель Вселенной. Вы случаем не его посланцы?

— Перед тобой юный Избавитель и его защитник.

Муравейник загудел сильнее, от него прянула волна тепла и сложных запахов, а также ментальная волна, соединившая легкое удивление, волнение, радость, облегчение.

— Благодарение Творцу! Я чувствовал, что вы не простые путники. Мне предстоит восстановление и лечение, но как только я приду в себя, можете мной располагать. Понадоблюсь — позовите, я пришлю свою армию.

— Хорошо бы доставить нас ко дворцу Гиибели...

— Не надо, дядя Слава, — покачал головой Будимир. — Мы доберемся сами.

— Ну и ладно, доберемся так доберемся. Восстанавливайся, Инсект. Как тебя угораздило попасть в паутину?

— На Гашшарве началась война, Великий игва уничтожает всех, кто участвовал в битвах против Синклита Четырех Демономагов на стороне Семерых. Дошла очередь и до меня.

— Ты имеешь в виду Великого игву Уицраора?

— Дуггура, он же Витий Праселк. Точнее, Праселк — одна из проекций Дуггура. Здесь вы его нейтрализовали, но таких копий-проекций еще много в разных хронах.

— Ничего, дойдет очередь и до них.

— Удачи вам, Избавитель!

Гудение муравейника стихло до шелеста, из нор начали выползать гигантские муравьи, принялись растаскивать завалы, уносить трупы собратьев, чистить территорию вокруг родного дома.

Ростислав понаблюдал за их деятельностью, повернулся к мальчишке, также с интересом разглядывающему неземных насекомых, образующих коллективное разумное существо.

— Ты знаешь способ, как добраться до замка Гиибели?

Будимир кивнул.

— Это просто.

Ростислав хмыкнул.

— Не сомневаюсь. Колдовать будешь?

Сухов-младший улыбнулся, глаза его просияли, и мир вокруг исчез....чтобы спустя мгновение появиться вновь. Но пейзаж был уже другой.

Ухнуло вниз сердце, как при падении с высокой стены. Ростислав хватанул ртом воздух, однако успел сообразить, что это и есть п е р е х о д на другой уровень многоэтажного мира Гашшарвы, и успокоился, с некоторой опаской и уважением глянув на спутника. Будимир все больше начинал пользоваться своим гигантским магическим потенциалом, и это обстоятельство вселяло уверенность в благополучном завершении похода.

Хотя до завершения было еще далеко.

Глава 2

Они стояли на гладкой, отблескивающей серебристым металлом равнине, уходящей, казалось, во все стороны в бесконечность. Вдали, в сотне, а может быть, в тысяче километров — сориентироваться было почему-то очень трудно — на фоне бледно-зеленого неба высилась необычной формы скала или скорее

башня, похожая на опирающийся на острие сталактит. Во всяком случае, даже с этого расстояния было видно, что сверкающий прозрачно-хрустальными и алмазными гранями «сталактит» — сложное техническое сооружение и, кроме всего прочего, — красивейшее архитектурное творение, вызывающее у зрителей восторг, хотя и с некоторой мрачноватой окраской.

— Эхурсагкуркурра, — прошептал Будимир, жадно разглядывая замок Великого игвы Гиибели. — Ось здешнего хрона, соединяющая экспериментальные игровые подвселенные.

— Красивая башня, — хладнокровно сказал Ростислав. — Хотя есть в ней что-то неприятное... на уровне подсознания... Не хотелось бы мне туда идти, да ничего не поделаешь, придется. Как далеко от нас этот замок?

— Мы вышли на границе защитного барьера, значит, отсюда до замка около трехсот тысяч километров.

Ростислав присвистнул.

— Не может быть! Это ж как от Земли до Луны! Мы будем туда добираться сто лет!

— Меньше, — смешно сморщил нос Будимир.

— Вызовем нашего друга Вольха? Как бы он не обиделся, что слишком часто используем его в качестве нашего носильщика.

— Попробуем попросить местную систему связи. В Эхурсагкуркурре сейчас никого нет, я имею в виду Великих игв, поэтому наш вызов никто не заблокирует.

Будимир прищурился, посмотрел в д а л ь. Ростислав почувствовал беззвучный толчок в голову, воздух вокруг зазвенел, заискрился, засвистел мимо, словно путешественники помчались с огромной скоростью, оставаясь при этом на месте!

Светлов хотел было поделиться своими впечатлениями с мальчиком и вдруг понял, что «сталактит» замка Гиибели действительно приближается! В течение нескольких секунд он вырос в сотни раз и занял собой половину небосвода.

«Движение без движения» прекратилось.

В тишине гиперплоскости Гашшарвы раздался стеклянный перезвон, словно кто-то ударял палочкой по хрустальным бокалам. В ближайшей, отблескивающей перламутром, геометрически правильной грани «сталактита» протаяла круглая дыра — словно зрачок исполинского глаза.

— Мать честная! — пробормотал Ростислав, не в силах охватить взглядом даже часть архитектурных деталей Эхурсагкуркурры. — Сколько же потребовалось времени, сил и средств, чтобы построить такой гигантский замок?!

— Никто его не строил, — сказал Будимир уверенно. — Наши глаза видят блестящую гору...

— Сталактит...

— Или сталактит, на самом же деле перед нами подвселенная, подчиняющаяся законам иных перспектив и визуальных принципов. Мы просто видим ее такой в силу воображения, знания и опыта. Создавалась она с помощью магической структуризации пространства.

— Примерно так я себе это и представлял, — сказал Ростислав, ошарашенный тем не менее масштабами дворца Гиибели. — Ясно, что она не из кирпичей сложена. Что это за дырка там появилась? Чей-то глаз?

— Это вход, — развеселился Будимир. — Мне удалось запустить программу граничного обслуживания, и компьютер замка открыл дверь, считая, что пришел хозяин. Хотя я уверен, что в замке сохранился узел прямого сообщения с другими хронами, которым пользовался Гиибель.

— Темпорал?

Мальчик кивнул.

— Вы быстро ориентируетесь, дядя Слава, просто замечательно.

— Я такой, — скромно кивнул в ответ Светлов.

Они улыбнулись друг другу.

— Не мешало бы отдохнуть, Избавитель? Да и перекусить заодно, в желудке кошки скребутся. В замке найдется комната отдыха?

— Думаю, мы найдем там все, что захотим.

— Тогда вперед, мой повелитель!

Будимир засмеялся — словно солнышко просияло, позвал кого-то невидимого рукой, и тотчас же отверстие входа приблизилось — без эффекта движения! — и поглотило путешественников.

Они оказались внутри пустого пузыря с туманно светящимися стенами, температура внутри которого была намного ниже нуля. Ростислав почувствовал, как начинает буквально леденеть. К тому же и дышать внутри пузыря было практически нечем.

— Замерзнем! — просипел он, хватаясь за горло. — И задохнемся! Здесь совсем нет воздуха!

Стены пузыря погасли, наступила короткая невесомость, по телу прошла сверху вниз волна зноя, и земляне очутились на улице вполне земного города, хотя совсем пустого, без транспорта и пешеходов, и очень мрачного. Асфальт улиц имел фиолетовый оттенок, а глыбы зданий казались обожженными давним пожаром, оплыли и покосились.

Тем не менее воздухом этого города можно было дышать, несмотря на незнакомые горькие запахи, температура его не

превышала десяти градусов по Цельсию, сила тяжести приближалась к привычной, а солнце в бледно-голубом небе не отличалось от земного. Хотя Ростислав подозревал, что все это ему только кажется.

— Где мы?

— Это один из первых «залов» Эхурсагкуркурры, — неуверенно пояснил Будимир. — Я только подогнал его параметры под нашу соматику.

— Значит, пейзаж города — иллюзия? — разочарованно проговорил Светлов.

— Вовсе нет, — солидно, по-взрослому заметил мальчишка. — Он выглядит так, потому что мы привыкли к организованным таким образом пространствам.

— Иллюзия, но качественная, — кивнул Светлов, пряча улыбку. — Со всеми эффектами присутствия и психического воздействия. Когда-нибудь я привыкну. Но поскольку наша задача — поиск меча, следует наметить какую-то стратегию. С чего начнем?

— Сначала попытаемся определить центр управления с главным компьютером замка. Если удастся с ним договориться, он покажет нам нужные уровни.

— Согласен, принимается. Как это сделать практически?

— Здесь должен обитать проводник, папа с ним был знаком.

— Какой проводник?

— Один из слуг Гиибели был когда-то магом, но Гиибель его подчинил своей воле и превратил в невидимку... а душу до конца не убил. Папа звал его сват Наум.

— По-моему, в наших сказках есть такой персонаж. Выходит, и он существовал в реальности. Позови его, он должен объявиться.

— Зову, не откликается. Наверное, умер или смог выбраться на волю. Ничего, я сейчас попробую по-другому.

Будимир прошелся по тротуару чужого города, сунул руку в закопченную бетонную — с виду — стену ближайшего здания, и рука свободно вошла в стену как в бесплотный голографический объем.

Здание вздрогнуло, как мыльный пузырь, сломалось, бесшумно сложилось внутрь себя, и на его месте выросла прозрачная чаша с двумя креслами.

— Садитесь, дядя Слава, это наш экипаж.

— Без мотора? — хмыкнул Ростислав.

— Ему мотор не нужен, да и ехать никуда не придется. Для того чтобы попасть в нужное место Эхурсагкуркурры, надо просто изменять метрику пространства.

— Действительно, что может быть проще, — согласился

Светлов, забираясь в чашу. — Сиди себе и изменяй эту самую метрику.

Будимир сел рядом, оценив шутку взрослого обычной слабой улыбкой.

Некоторое время ничего не происходило, только прекратился тягучий стеклянный перезвон.

Затем наступила темнота.

Ощущение невесомости.

Тяжесть в желудке.

По телу прошла волна теплого воздуха.

Свет вспыхнул вновь...

Чаша с седоками стояла среди циклопических сооружений, больше всего напоминающих противотанковые надолбы и «ежи» времен Великой Отечественной войны прошлого века из гигантских швеллеров, уголков и рельсов. Вблизи от чаши они были поменьше размерами, но чем дальше, тем больше увеличивались и на горизонте становились уж и вовсе чудовищных размеров, загораживая небосвод чуть ли не полностью. Лишь над головами путешественников оставался клочок чистого неба серого цвета, похожий скорее на бетонный потолок.

Запершило в горле, в носу. Ростислав задержал дыхание. Воздух этого уголка Эхурсагкуркурры был практически непригоден для дыхания.

Будимир сморщился, и тотчас же над чашей возник прозрачный купол, отрезавший седоков от ядовитой атмосферы. Под куполом подул свежий ветерок, выгнал остатки токсичного воздуха, дышать стало легче.

— Я уж было пожалел, что не взяли противогазов, — проворчал Ростислав, вздыхая с облегчением. — Куда мы попали на сей раз?

— Я пытаюсь нащупать императив-центр, — сказал Будимир. — Но не могу настроиться на нужный канал. Эхурсагкуркурра сильно упростилась после смерти хозяина.

Снова наступила темнота, принесшая те же ощущения, что и раньше. Свет не загорался долго, несколько минут. Ростислав напряг зрение, и ему показалось, что он видит багрово светящиеся контуры и силуэты каких-то огромных установок и устройств, нависших со всех сторон.

— Попали, — с удовлетворением сказал мальчик. — Попробуем нащупать обратную связь...

Одно из устройств недалеко от чаши засветилось чуть сильнее, выступило из темноты стеклянно-раскаленной громадой. Больше всего оно напоминало голову какого-то апокалиптического слепого дракона.

Прошла минута, другая, третья. Над рогом головы дракона

раскрылись сразу три глаза, наполненные сиреневым туманом. В них проявились звездочки, и Ростислав почувствовал подувший в голове сквознячок, щекотно затронувший череп изнутри.

— По-моему, нас прощупывают...

— Сейчас... — рассеянно отозвался Будимир.

С тихим треском в головах людей прозвучала фраза на каком-то неизвестном языке. Еще и еще раз. Мальчик ответил скороговоркой на том же языке. Волосы и лицо его засветились изнутри нежным опалом.

— ...уходящ... насущ... не треб... полно... — заговорил в голове Светлова заикающийся человеческий голос, тут же окреп: — Признателен за включение, кем бы вы ни были. Что нужно посетившим мою обитель волетворцам?

— Кто ты? — спросил Ростислав.

— Мое имя непроизносимо человеческим языком, можете называть меня Эрихом, я управитель осей данного узла пространств.

— Очень приятно познакомиться. Нам нужно найти... впрочем, мы сами поищем, дай нам только выход в оружейную комнату замка. Есть тут такая? Или склад с оружием.

Пауза.

— Он меня понял? — понизил голос Ростислав.

— Он — адаптирующаяся система, — ответил Будимир, — и для него важен не голос, а наши мысли. Сейчас он ищет смысловые аберрации, соответствующие его понятию термина «оружие».

— Я нашел то, что вы называете «складом с оружием», — раздался мысленный голос Эриха. — Открываю ось.

Темноту пронизали летящие пучком огненные стрелы, создавая эффект движения, обтекли сферу, внутри которой сидели земляне. Послышался затихающий свист. Стрелы растаяли. Темнота вокруг стала рассеиваться, пространство раздвинулось, создавая новый ландшафт.

Путешественники оказались внутри гигантского помещения с металлическим полом и сводчатым потолком, удерживаемым фермами. Помещение действительно напоминало склад обилием штабелей ящиков, бочек, коробок и стеллажей с каким-то инвентарем, а также застывшими там и сям механизмами разных форм и размеров.

— Ого, да здесь можно вооружить целую армию! — восхитился Ростислав, оглядываясь по сторонам.

Будимир засмеялся.

— Не спешите, дядя Слава, Эрих создал иллюзию в соответствии с нашими понятиями оружия и складских помещений.

Наша психика выдает желаемое за действительное. На самом деле никакого «склада» здесь нет.

— Как это нет? А коробки, ящики... вон танки стоят, бронетранспортеры!

— Оружие Гиибели и его слуг выглядит иначе. Сейчас я попробую привести визуальный ряд в соответствие с реальным уровнем узла.

Свет на «складе» померк и разгорелся снова. Но вместо стен помещения и штабелей ящиков с оружием Ростислав увидел бесконечную равнину, отсвечивающую металлическим блеском, и стоящие на ней башни и механизмы величиной с гору, вызывающие при взгляде на них отвращение и тошноту.

Небо над равниной тоже казалось металлическим, и в нем наблюдались ровные круги, более темные, чем сам небосвод, словно ракетные люки на корпусе подводной лодки.

Ростислав сглотнул, разглядывая жуткий механизм напротив, имеющий форму шестиногого носорога, но с множеством дополнительных ферм и чешуй.

— Мать честная! Это еще что за монстр?!

— Жругр, — ответил Будимир. — Экипаж Гиибели. Оказывается, эти машины еще сохранились в замке. Можно попробовать его запустить.

— Зачем? — удивился Ростислав.

— Он способен свободно переходить из хрона в хрон Веера.

— Такую громадину слишком легко запеленговать, особенно когда он начнет проламывать барьеры между хронами. Нас сразу обнаружат.

— Его можно уменьшить.

Ростислав вспомнил, как сын Сухова свернул десятиметровую трубу Соловьев-разбойников в небольшую дудку.

— Ты гарантируешь, что эта зверюга не бросится на нас и будет слушаться?

— Не уверен, но попытаюсь.

— Давай сначала поищем меч.

— Нам все равно необходимо средство передвижения по «складу», визуальные расстояния здесь обманчивы, до некоторых объектов невозможно добраться без транспортных систем.

— В таком случае возражения снимаются.

Будимир вылез из чаши сквозь прозрачную полусферу, остановился перед тушей гигантского механического зверя, форму которого трудно было описать. Издали он действительно слегка напоминал уснувшего носорога, вблизи — жуткое апокалиптическое творение инженеров-модернистов.

Ростислав остался под защитным куполом, понимая, что его

возможности адаптации к местным условиям уступают возможностям юного мага.

— Никак не пойму, — проговорил он, — почему нам встречаются такие гиганты? На Хаббарде, на Олирне, здесь... Такое впечатление, что мы, как Гулливер, попали к великанам. Здесь и в самом деле жили гиганты?

— Дядя Толя говорил, что метрика пространств Эхурсагкуркурры имеет не целое число измерений. Больше трех, но меньше четырех. Поэтому мы воспринимаем миры искаженно, в других масштабах.

— Но я же вижу, какие они огромные, массивные, реальные, и даже могу дотронуться...

— Сфера человеческих чувств несовершенна, она не может адекватно отражать действительность других измерений. Хотя парадокс существует. Просто я не знаю, как его объяснить.

Будимир вдруг исчез!.. И появился на самом высоком горбу монстра, за его стеклянистым, отливающим перламутром, колючим воротником. Туша жругра под ним внезапно раскалилась докрасна, стала скачками сжиматься. Вот она уменьшилась вдвое, вчетверо, в восемь раз, еще и еще — в геометрической прогрессии, пока не превратилась в подобие лошади, на которой стоял Будимир в позе Наполеона.

Он соскочил на металл равнины, небрежным жестом указал на изменившегося жругра:

— Лошадь подана, дядя Слава, можно... — Мальчик замолчал.

Жругр не остановился на достигнутом, рост его продолжал уменьшаться с каждой секундой. Вот он стал размером с кошку, затем с мышь, с муравья и вообще перестал быть виден. Через несколько секунд что-то треснуло, сверкнула яркая звездочка, означавшая, очевидно, что механический носитель Великого игвы перешел в иное измерение. Атомарное.

Ростислав засмеялся:

— Это называется компактификация. Отличное решение проблемы!

Будимир сконфузился.

— Я чего-то не учел...

— Бывает, — утешил его Светлов, отсмеявшись. — Жругры здесь еще есть, так что со второй попытки получится. Но у меня другое предложение. Этот «склад» должен иметь свой компьютер. Не проще ли подсоединиться к нему и выяснить, где тут бункер с холодным оружием? Заодно узнаем, был ли здесь твой отец и не оставил ли свой меч.

На щеках Будимира выступили красные пятна, взгляд стал по-детски беспомощным.

— Простите, дядя Слава, я об этом не подумал.

— Ничего, все в порядке, — обнял его за плечи Ростислав. — Опыт приходит с годами, у тебя все впереди. Сможешь установить связь с местным компом?

— Постараюсь.

Будимир выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы, успокоился, сосредоточился на внутренних ощущениях, закрыл глаза. Под глазами резче выступили тени, от щек охлынула кровь. С треском с его волос сорвалась длинная золотая искра. Запахло озоном.

Напротив людей из металлического на вид покрытия равнины стремительно пророс колючий куст, достиг высоты пятиэтажного дома, обрел форму полусферы. Ростислав почувствовал на себе тяжелый взгляд, хотя глазом эту колючую конструкцию назвать было трудно. В голове зашумело, захрипело, как старая патефонная пластинка. Из этого хрипа и треска вычленился взвизгивающий человеческий голос:

— Потяне... поните... поняте... понятие есть... что нужность?

Будимир не ответил, тем не менее голос продолжал:

— Понятие есть... нет сущность холодность оружие...

Пауза.

— Понятие есть... поиск осуществимость...

По-видимому, Сухов-младший разговаривал с местным управителем мысленно.

Пауза.

— Нет здесь свидетельство быть человек Сухов суть данность... оружие такой характеристика отсутствовать... нет информация блокировать память... нет следы присутствие...

— Он говорит, что отсека с холодным оружием на складе нет, — сказал Будимир виновато. — И отец здесь не появлялся и ничего не оставлял.

— Это я понял, — кивнул Ростислав. — Однако старуха Ягойой не врала, Седьмой в Эхурсагкуркурре все-таки был и мог оставить меч в другом месте. Надо проверить.

— В замке миллион помещений... то есть пространственных горизонтов... Если мы начнем осматривать их все...

— Зачем все? Обойдемся наиболее вероятными. Где здесь мог останавливаться твой отец?

Будимир задумался.

— В информарии... или в компьютерном центре. Еще на горизонте для отдыха...

— То есть в «спальне» Гиибели. Интересно было бы посмотреть, что это такое. Вот туда и направимся, пока здешняя обслуживающая техника тебя слушается. Кстати, мы и сами сможем там поесть и отдохнуть.

Мальчик шмыгнул носом.

— Я бы поспал...

— И я такого мнения. Теперь можешь оживлять жругра, с учетом своего первого опыта.

— Для перехода с горизонта на горизонт Эхурсагкуркурры транспорт не нужен.

Будимир влез обратно под купол, напрягся, и пейзаж с равниной и глыбами застывшей военной техники Гиибели исчез.

В глазах потемнело.

Невесомость. Теплая волна воздуха. Свет.

Снова бесконечная равнина, покрытая с виду самым настоящим снегом, и множество высоких прозрачно-ледяных утесов вокруг с зеркально отблескивающими гранями. Вместо неба — бесконечное зеркало, в котором отражаются равнина и ледяные кристаллические пики. Воздух светится сам, светило в этом мире отсутствует. В миллионах зеркальных граней отражаются те же ледяные скалы, равнина, небо, но ни одна не отражает сферу с людьми!

Будимир прислушался к чему-то, вылез из чаши на снег, с виду пушистый и мягкий, но абсолютно не примявшийся под его ботинками.

— Выходите, дядя Слава.

Голос его звучал тихо и как бы издалека, изо рта вырвалось облачко пара.

— А дышать там есть чем? Может, соорудишь мне какой-нибудь герметический скафандр?

— Воздух здесь состоит из смеси азота и кислорода, какое-то время продержимся, а потом настроим местные системы жизнеобеспечения, и они соорудят нам любые условия для отдыха.

— Значит, мы попали куда надо? Это и есть «спальня» Гиибели? Честно говоря, я ожидал увидеть нечто совсем другое. А тут — ледяные торосы!

Будимир порозовел.

— Эти ледяные торосы — свернутые объемы с разным количеством измерений и разными законами. Можно, конечно, их развернуть, но тогда мы окажемся в сложнейшей пространственной структуре и не сможем ориентироваться. Гиибель был многомерным существом и свободно мог здесь...

— Понял, мог здесь оттягиваться. Мы с тобой, к великому сожалению, существа трехмерные, во всяком случае — я, мне многомерные перспективы не подвластны. Ищи место, где мы сможем поспать спокойно.

Будимир кивнул и направился к ближайшему сверкающему ледяному утесу.

Ростислав вздохнул, принюхиваясь к незнакомым запахам. Потрогал на груди амулет и скрепя сердце вылез из «экипажа», перенесшего их в этот гигантский зал-горизонт замка Гиибели.

Глава 3

Оба проспали, ни разу не проснувшись, не меньше восьми часов. Поверив Будимиру, что их никто не потревожит, Ростислав тем не менее спал вполуха, привычно включив свою интуитивную сторожевую систему — как когда-то, будучи капитаном группы «Возмездие», однако ее подсказки не потребовалось. Возможности спутника по обнаружению опасности были значительно шире и тоньше, он, наверное, тоже настроил нервную систему соответствующим образом, но и это не пригодилось. Прямые враги в замке Гиибели отсутствовали, а обслуживающий персонал по-прежнему принимал гостей за тех, кто имел право отдавать приказы и пользоваться услугами технических и прочих служб.

Проснулся Ростислав от голода. Открыл глаза, не сразу врубившись, где находится, и встрепенулся.

Он лежал на широкой кровати в самой обыкновенной земной комнате, напоминающей двуспальный гостиничный номер. Когда они с Будимиром развернули одну из ледяных глыб, создавая трехмерный объем для отдыха, фантазии Светлова хватило только на этот номер, где имели место туалет, душ, холодильник и телевизор. Правда, неработающий. Будимир на это проявление земных привычек старшего товарища отреагировал привычной извиняющей улыбкой, но не возражал, так как прилично устал. Как только автоматика «спальни» Гиибели соорудила им «гостиницу», он залез под душ, с нескрываемым удовольствием вымылся и рухнул на кровать, отказавшись ужинать.

В свою очередь и Ростислав искупался с не меньшим наслаждением, хотя изредка и ловил себя на мысли: не есть ли их «гостиница» с душем и спальней очень убедительной и реально ощущаемой иллюзией?

В отличие от мгновенно уснувшего мальчишки он поел сушеного мяса из запасов командира русского погранотряда на Олирне, запил водой из фляги, которую им дал Веселин, и удовлетворенно растянулся на второй кровати, перебирая в памяти события двух последних дней. Уснул он незаметно для себя...

В дверь номера постучали.

Ростислав замер, с недоумением оглянулся, бесшумно вскочил и вытащил из-под комбинезона на стуле меч.

— Кто там?

Дверь выпятилась пузырем и пропустила странную фигуру, похожую на привидение в белых одеждах, с белым слепым лицом.

— Девочку не хотите? — гнусаво предложило привидение на чистом русском языке.

Ростислав оглянулся на потянувшегося под одеялом Будимира. Вряд ли он смог бы признаться мальчику, что у него мелькнула мысль о женщине.

— Пошел вон, дурак!

Привидение отшатнулось, заколебалось дымной струей и втянулось в дверь. Вряд ли автоматика «гостиницы» разбиралась в нюансах человеческой психики, реагируя на желания гостей, но все же следовало контролировать свои мысли пожестче.

— Доброе утро, — сказал Будимир, потягиваясь и протирая глаза кулаками. — Кто к нам приходил?

— Служитель, — отвел глаза Светлов. — Хотел, наверное, предложить райское наслаждение. Умывайся, делай зарядку и настраивайся на работу. Мне надо окончательно разобраться с экстрасенсорикой. Сеттутеп слегка подрегулировал какие-то психические механизмы, но не довел дело до конца.

— Я... боюсь, — простодушно признался мальчишка.

— Ничего, справишься, руку ты мне вылечил, значит, и с психикой разберешься.

Ростислав принялся делать обычную утреннюю зарядку, чувствуя переливавшуюся в мышцах силу. Таких приятных ощущений он не испытывал уже давно и с удовольствием д в и г а л - ся, показав заинтересованно наблюдавшему за ним парню каскад приемов русбоя из арсенала «НМБ»[1]: удары наносились так неожиданно и из таких невероятных положений, что заблокировать их, перехватить или уклониться не представлялось возможным.

— Здорово! — похвалил старшего товарища Будимир. — Вы делаете это почти как папа.

— Ну, я показал всего лишь ката, — сказал Ростислав, отметив слово «почти», — то есть демонстрационную «версию» системы. В реальном бою такой чистоты приема добиться невозможно, да и скорость его проведения требуется иная. Как твоему отцу-танцору удалось стать мастером боя?

— Он самый сильный мастер! — убежденно, с гордостью ответил мальчишка. — Его никто не смог победить! А учил его сначала дядя Толя, а потом другие мастера.

---

[1]НМБ — техника синхронного «прилипания» к противнику, называемая в русских стилях «не может быть».

— Да уж, Путь Меча удается пройти далеко не каждому, — кивнул Ростислав, не чувствуя ни зависти, ни обиды. — Судя по рассказу Такэды, твой папа действительно превзошел многих, даже Великих игв победил. Хочешь, научу тебя кое-каким приемам?

— Не-а, — со свойственной ему простотой ответил Будимир. — Я знаю все приемы всех видов борьбы, мне не надо учиться.

Ростислав озадаченно посмотрел на мальчишку: высокий, но худенький, почти без мышц, он не производил впечатления борца и казался трогательно незащищенным.

— Кто же тебя тренировал? Дядя Толя или отец?

— Никто, — улыбнулся мальчик. — Знание воинских искусств у меня наследственное, записано в генетической памяти. Я в любой момент могу перевести его в сознание. Только мне это совсем не нужно.

— Понимаю, — пробормотал Ростислав. — Магу действительно необязательно знать приемы боя, он может защитить себя другими способами. Ладно, я в душ, а ты хотя бы помахай немного руками и ногами, растяни связки, по утрам это делать полезно.

Он умылся, привел в порядок костюм, проверил экипировку, и путешественники сели за стол. Но вызывать обслугу «гостиницы» не стали, предпочтя позавтракать тем, что у них было с собой. Когда пили родниковую воду из фляги Веселина, Светлову показалось, что он глотнул кипятку. Вздрогнув, выдохнул воздух, прислушиваясь к себе. Мир вокруг на мгновение посветлел и расплылся, и сконцентрировать его удалось не сразу.

Ростислав с подозрением посмотрел на спокойно пьющего воду Будимира.

— Ты ничего не заметил?

— Нет, а что? — спросил мальчик невинным тоном.

— Ты на меня посмотрел. — Ростислав погрозил ему пальцем. — Предупреждать надо.

Уши Будимира вспыхнули.

— Извините, дядя Слава, я не нарочно... Ваша экстрасенсорная система срабатывает произвольно. Я просто подумал о вас... и о вашем состоянии...

— Это хорошо или плохо? Я имею в виду — мое состояние, а не то, что ты подумал обо мне.

— Чувствительность вашей нервной системы повысилась, и вы реагируете на тонкие сдвиги полей. Это хорошо. Легче будет установить оптимальный баланс сознания и надсознания.

— Тебе видней. Ты готов?

Будимир неопределенно повел плечом.

— Я инициирую процесс подстройки, остальное будет зависеть от вас.

— Тогда не тяни время, начинай, пора выходить в космос собственной психики без проводников.

Будимир глубоко вздохнул, глаза его наполнились прозрачным янтарным сиянием, и Ростиславу показалось, что голова его разделилась на две самостоятельные части, стремительно превратившиеся в две вселенные — вселенную света и вселенную мрака.

Все ощущения, связанные с жизнью тела и его органов, исчезли. Тело растворилось в пустоте, перестало существовать. Мысли странным образом соединились в кольца и начали вращаться вокруг вселенных, как спутники вокруг планет.

«Рассредоточение», — прилетела извне чья-то чужая мысль.

Ростислав с трудом заставил себя не думать о конкретных проявлениях психических аберраций, воспринимаемых как вселенные света и мрака. Мысли расплылись облачками дыма, перестали вращаться по орбитам аналогий и стереотипов. Сознание померкло.

«Собраться в поток», — проявилось еще одно слово-мысль, пришедшее из внешнего пространства.

Ростислав начал собирать «дым мыслей» в один поток, соединивший сферы-вселенные его психики. Между ними проскочила яркая искра, озарившая мрак на мгновение, погасла.

«Концентрация!»

Ростислав сосредоточился на пробое барьера между вселенными света и мрака, напряг все силы. Еще одна искра соединила вселенные, а затем словно молния ударила — огненный всплеск разорвал тьму, и он увидел-ощутил-понял всю глубину и масштабы вселенной, которая называлась — п а м я т ь р о д а человека по имени Ростислав Светлов.

Молния погасла, однако вселенная мрака уже перестала быть сферой тьмы, засветилась, от нее прянул поток призрачного света, несший з н а н и е, вонзился в сферу света — сферу сознания Ростислава, и он ощутил себя великаном, которому подвластны все стихии Большой Вселенной...

Очнулся он от холодного прикосновения, понял, что лежит навзничь на чем-то твердом, открыл глаза.

Будимир снял холодную ладошку с его лба, улыбнулся. В глазах мальчишки сквозь страх, сомнения и ожидание проглянула надежда.

— Как вы себя чувствуете, дядя Слава?

Светлов прислушался к себе, ощущая странную тесноту собственного тела, подмигнул мальчику.

— Жить буду. Долго я находился в отключке?

— Не знаю, несколько минут. Я так испугался, когда вы потеряли сознание.

Ростислав сел, потрогал голову, удивляясь, почему она такая массивная и твердая, криво улыбнулся в ответ на испытующий взгляд спутника.

— Похоже, светлое будущее мне обеспечено.

— Вам плохо?!

— Нет, я хотел сказать, что скорее всего опыт не удался, я ничего не...

В голове метнулись тихие прозрачные молнии, образуя ряд удивительных фигур, каждая из которых на миг развернулась в нечто совершенно невиданное и тем не менее понятное! Ростислав пережил ряд необычных ощущений-откровений, связанных в одну строгую объемную систему, перетекающих из одного состояния в другое через все тело, заставляющее органы чувств активно подстраиваться под н о в о е видение мира.

— Ох ты!..

— Что с вами?! — всполошился Будимир.

А Светлов вдруг поймал себя на ошеломляющем открытии, что у с л ы ш а л голос мальчишки раньше, чем он произнес фразу вслух!

— Все нормально, Димка, он работает!

— Кто?

— Канал обратной связи между глубокой психикой и сознанием. Осталось научиться управлять им. Но ощущение сильное!

— Расскажете, что вы чувствуете?

— Улей и сад, как сказал однажды герой «Алых парусов». Японцы называют такое состояние *саммай* — озарение, хотя одним словом этот каскад ощущений описать невозможно. Зато я, похоже, начинаю слышать твои мысли.

Будимир с недоверием посмотрел на него.

— Правда?

— Правда.

— А сейчас?

Ростислав п р и с л у ш а л с я к ментальному полю, но услышал лишь тихий ровный шелест.

— Белый шум... я переоценил свои... — Он замолчал, так как почувствовал всплывшую из глубин организма энергоинформационную «медузу», и сразу же услышал тонкий бестелесный шепот: «Я был закрыт».

— Ты был заблокирован, а потом открылся?

— Правильно, — кивнул Будимир с уважением. — Вы очень быстро адаптируетесь, дядя Слава. Я знал, что вы сможете раскрыть свои возможности, хотя дядя Толя сомневался.

Он понял, что проговорился, виновато посмотрел на Светлова.

— У него должность такая — сомневаться, — вступился за Такэду Ростислав. — Наставник и учитель всегда должны думать о последствиях, выбирая ученику спутника. Жизнь меня основательно потрепала, так что порой я сам себе был не нужен. А ведь каждый человек должен быть кому-то нужен, иначе зачем он тогда живет? Я очень благодарен твоему учителю, что он все же поверил в меня и круто изменил судьбу. Надеюсь, ты тоже во мне не разочаруешься.

Будимир на мгновение прижался щекой к груди Светлова, и тот успел поймать мысль-чувство мальчика:

«Спасибо... за все!»

Ростислав прижал парня к себе, погладил по голове и встал.

— Пора за работу, Избавитель? Мы осмотрели еще далеко не все закоулки «спальни» хозяина. Выходим на улицу. Эй, администратор или как там тебя, выпускай нас.

Дверь в номер «гостиницы» растаяла. Ростислав взял мальчика за руку и вывел на «улицу», в мир ледяных утесов с зеркально сверкающими гранями.

Около двух часов они провели в «спальне» Гиибели, открывая в поисках «сейфа» с оружием пространственные объемы с разными физическими условиями, законами и ландшафтами, которые создал для своего отдыха и развлечений Великий игва. Два пространственных кокона представляли собой удивительные искусственные образования, напоминающие бесконечные заросли мхов и горы мыльной пены, в которых легко можно было потерять ориентацию и заблудиться. Что делал в этих странных, с человеческой точки зрения, местах Гиибель, как отдыхал, представить было трудно. Очевидно, здесь развлекалась та часть многомерного организма Великого игвы, которая отражала иные физические конструкции, отличные от трехмерных.

Третий объем поразил Ростислава тем, что он был темен, как подвал, и велик, как космос. Оказавшись внутри, путешественники повисли в пустоте, не падая, некоторое время пытались разглядеть ландшафт, не смогли (даже Будимиру сделать это не удалось) и вышли обратно, одинаково ошеломленные эффектом встречи с реализацией таких понятий, как «Ничто» и «Нигде». Ростислав предложил назвать данный объем «Кубом Малевича» — по аналогии с малевичевским «Квадратом», и сын Сухова, знавший о существовании картины, с ним согласился.

В четвертом развернутом объеме бушевал пожар. Лишь благодаря реакции Будимира путешественники не сгорели и даже

не успели серьезно обжечься. Пожар или бушевавший огонь были самыми настоящими, однако защитный энергетический экран отгородил землян от языков огня, а потом Будимир закрыл объем. Ошарашенные «слишком теплой» встречей путешественники с облегчением перевели дух, и Ростислав мрачно предположил, что они случайно попали в мусоросжигательную печь Гиибели. Добавил:

— Или в преисподнюю, где он наказывал своих нерадивых слуг.

Будимир оценил шутку слабой улыбкой.

— Возможно, мы попали в пространство с более энергонасыщенным вакуумом.

— Допустим. И что здесь делал Гиибель? Купался в огне?

— Огонь видели наши глаза и ощущали наши органы чувств. Гиибель мог здесь повышать тонус, энергетически насыщаться.

— То есть, по-твоему, это его столовая? Бар? Или массажный кабинет? — Светлов хохотнул.

Будимир остался серьезным.

— Почему бы и нет? Мы все время ищем земные аналоги местным явлениям, но для многомерных структур и процессов они не годятся.

— Ты прав, — согласился слегка пристыженный Ростислав. — Я смеюсь над собственной недальновидностью. Действительно, чтобы описать эффекты иномерия, нужен другой язык, вербальный обмен информацией неадекватен. Итак, что будем делать?

— Искать, — пожал плечами мальчик.

— Так мы можем бродить по этим коконам целый год. Надо еще раз найти выход на местный компьютер и спросить, где его хозяин хранил сейф с важными документами и ценными вещами.

— В те времена, когда Великие игвы создавали свои миры, они не пользовались компьютерами.

— Но что-то же было вместо компьютеров? Какие-то управляющие хозяйством системы?

Взгляд Будимира стал виноватым.

— Я не могу настроиться на канал связи с... компьютером, здесь все давно мертвое... ничего не слышно...

— Как это — мертвое? А коконы со свернутыми помещениями и пейзажами?

— Они почти не требуют энергетической подпитки, в них время течет «под углом» к соседним, и они самоподдерживаются. Когда-то все они были развернуты и пересекались друг с другом самым причудливым образом, создавая один сложнейший многомерный объем. Папа здесь был и рассказывал. Он го-

ворил, что у Гиибели была такая... очень большая... ну, тюрьма, что ли, где жили женщины...

— Гарем, что ли?

Щеки мальчика порозовели.

— Да, гарем. Папа искал там маму и... в общем, там, наверное, мог бы находиться сейф. Только выглядит он скорее всего иначе.

— Это я понимаю, сейфом я назвал хранилище ценных вещей условно. Что ж, поищем гарем. Может, попытаемся настроиться синхронно? Ты будешь искать энергетические колебания гарема, а я через тебя — оценивать их с точки зрения мужского опыта.

Будимир подумал и кивнул.

Они подошли к очередному ледяному утесу, в гранях которого карикатурно отражались человеческие фигуры. Ростислав вызвал состояние вибрации, позволяющее ему расширять сферу чувств. Чья-то невидимая рука дотронулась до его лба, он в ответ протянул свою мысленную «руку», произошло нечто вроде электрического короткого замыкания, и Ростислав сразу начал видеть, слышать и чувствовать на порядок глубже и шире, чем прежде. Появилось ощущение окрыленности, подъема, переливающейся по жилам силы. В этом состоянии он, наверное, мог бы даже летать, если бы захотел.

Утес перед ними перестал быть плотным кристаллическим монолитом, превратился в облако искажений пространства, в струю нагретого воздуха с мерцающими внутри звездами.

«Открывать?» — прилетел тихий мыслеголос Будимира.

«Не надо, — ответил так же мысленно Светлов. — Объем гарема должен иметь другой спектр энергоинформационных колебаний».

Они подошли к следующему ледяному утесу, но и в нем не обнаружили того, что искали. Только перебрав с десяток свернутых в «ледяные» коконы пространственных объемов, путешественники наткнулись на структуру, позвавшую их множеством еле слышных бесплотных голосов.

— Это здесь! — уверенно сказал Ростислав. — Открываем!

Будимир «вспыхнул» в диапазоне ментального «света», и кокон гарема Гиибели раскрылся, обнял их со всех сторон.

Они оказались внутри половинки светящегося многогранника, образующей сверкающий купол, каждая грань которого казалась твердой, зеркальной и одновременно зыбкой, как пленка воды. Воздуха внутри этого помещения не было вовсе, поэтому Ростиславу пришлось перейти на «внутреннее дыхание», экономно расходуя запасы кислорода крови. Лишь позже он по-

нял, что перешел на «внутреннее дыхание» автоматически, будто делал это всю жизнь.

— Картотека, — удовлетворенно прокомментировал он, не удивляясь своему з н а н и ю; нужная информация теперь появлялась в памяти самопроизвольно, без усилий, как только в ней возникала нужда. — Теперь надо попытаться эту «картотеку» пролистать. С какой грани начнем?

Будимир завертел головой, пытаясь разобраться в сверкании многоугольных пластин купола, неуверенно ткнул пальцем в один из матово-белых многоугольников:

— Может быть, с этой?

— Попытка не пытка, открывай.

Будимир подошел к стенке купола, дотронулся пальцем до выбранной грани. Произошел как бы бесшумный взрыв, грань брызнула во все стороны ручьями белого дыма, заполнившего все огромное помещение. Затем дым с треском осел, разошелся, открывая нечто вроде стеклянной горы с плоской вершиной, из склонов которой вырастали плоские светящиеся белесые квадраты, абсолютно пустые, как листы бумаги.

Здесь был воздух — чистый кислород, как мимолетно определил Ростислав, небо цвета апельсина, с виду — такое же пористое и бугристое, и близкий горизонт, ограниченный со всех сторон туманной пеленой.

— Пусто, — сказал Ростислав с разочарованием. — Что это за экраны?

— Входы в свернутые квартиры, — предположил Будимир.

— Или будуары, — добавил Ростислав. — Или камеры, где содержались обитательницы гарема. Сейфа здесь явно нет. Идем дальше.

Пейзаж с горой исчез.

Путешественники снова очутились под многогранным куполом «картотеки» гарема.

«Попробуем теперь этот вход».

Ростислав сам дотронулся до соседнего с белым многоугольника, имеющего опаловый оттенок. Пластина входа в иномерный объем вспенилась, обхватила людей и оставила их на вершине стеклянной горы с теми же пустыми квадратами.

— Что за чертовщина?! Почему нас вынесло в тот же объем?

— Это другой объем, — возразил мальчик.

Ростислав пригляделся и понял, что они действительно оказались в другом пространстве. Стеклянная гора осталась той же, а вот цвет неба изменился на сиреневый, да и в квадратах плавала какая-то призрачная дымка, изредка кристаллизуясь в красивые прозрачные «снежинки».

— На женщин эти фигуры похожи мало, — почесал затылок

Ростислав. — Неудачно я выбрал вход. Однако и здесь сейфа нет, насколько я понимаю. Но не будем отчаиваться, мы в самом начале пути.

Они вышли обратно под купол «картотеки», выбрали многоугольник темно-зеленого цвета и оказались все на той же прозрачной горе под зеленым небом. Но теперь квадратные «экраны», усеивавшие склоны горы, пустыми не были. В каждом из них сидело жуткое существо, похожее на гигантскую жабу и одновременно на динозавра. Иногда этот жабодинозавр начинал скакать из угла в угол квадрата, и тогда остальные монстры, похожие на него как две капли воды, начинали синхронно повторять его движения. Впечатление было такое, будто все это скопище «экранов» передавало один и тот же фильм.

— А вот и царевна-лягушка... — пробормотал Ростислав. — Странные вкусы были, однако, у маэстро Гиибели. Неужели ему нравились такие уродины?

Будимир промолчал.

— Поехали дальше, — с преувеличенным оптимизмом предложил Ростислав. — Ищи камеру с сейфом сам, я могу его и не увидеть.

Четвертая попытка развертки гарема Великого игвы привела их в объем, где «экраны телевизоров» показывали самую настоящую трехголовую хаббардианку. Полюбовавшись на нее и поискав сейф, путешественники вернулись в помещение «картотеки» и уныло посмотрели друг на друга.

— Закончили осмотр? — скривил губы Светлов. — Или испытаем судьбу еще раз?

— Как хотите.

— Эт-то еще что за тон? — грозно нахмурил брови Ростислав. — Откуда у парня испанская грусть, как поется в старой песне? Ну-ка выше нос! Ничего особенного не произошло. Русские без боя не сдаются! Слышал такую поговорку?

Будимир кивнул с улыбкой.

— Вперед, Избавитель!

Они открыли очередной свернутый объем гарема...

Глава 4

Все та же гора, то же бугристое небо нежно-голубого цвета, те же квадратные «экраны», абсолютно плоские, не имеющие толщины, и существо внутри...

У Ростислава оборвалось дыхание! Словно молния ударила с небес, лишила его ума и языка!

На сей раз по всем «экранам» бродила золотоволосая девуш-

ка немыслимой красоты, одетая в нечто полупрозрачно-кисейное, вспыхивавшее чистыми спектральными красками или вдруг превращавшееся в трико, обтягивающее великолепную фигуру. Она не видела наблюдателей и бесцельно перемещалась из угла в угол «экрана», замирая надолго в задумчивости, словно рассматривала что-то, недоступное взгляду извне. Вот она повернулась к путешественникам лицом: большие, ясные, зеленовато-голубые глаза, тонкий носик, полные губы, высокий лоб, узкий подбородок — все как у всех. Ростислав опять испытал самое настоящее потрясение и шок и даже шагнул вперед, подчиняясь неведомой силе, которая всколыхнула душу и заставила почувствовать восторг, тоску и боль. Точно такую же тоску, обреченность и боль он прочитал в широко открытых глазах девушки.

Она отвернулась.

Ростислав уловил косой взгляд Будимира, опомнился. Сказал глухо:

— Вот и не верь после этого сказкам... Как ты думаешь, они все землянки?

— А разве это имеет значение? — серьезно ответил мальчик.

— Ты прав, не имеет. Хотя я не понимаю, как обитательницам гарема удается сохраниться в этих окнах живыми и здоровыми столько лет после гибели хозяина.

— Мы видим срезы времени, а не окна или экраны.

— Свернутое время? — догадался Ростислав. — Сам гарем представляет собой систему свернутых пространств, а собственно камеры — свернутые времена? Логично. Получается, пленницы могут находиться в них вечно?

— Долго, но не вечно. Иссякнет энергия Эхурсагкуркурры, и они...

— Погибнут все до одной.

— Здесь только одна пленница.

— Как — одна? Их же сотни! В каждом окне — по девушке... Или это эффект многомерного дублирования?

Термин возник в голове сам собой, но Ростислав этому не удивился.

Будимир кивнул.

— Гиибель создал систему копий, так как сам представляет собой многомерную систему.

— Как же определить, кто из них настоящая?

Мальчик слабо улыбнулся.

— Вспомните сказки.

Ростислав выпятил губы, с сомнением глядя на десятки экранов, отражавших движения одной-единственной обитательницы «временной камеры».

— В сказках говорится о мухе либо о комаре, которые долж-

ны сесть на плечо настоящей Василисы Прекрасной. Может быть, вызвать на помощь Инсекта? Чем муравей хуже комара?

— У нас есть подарок Ягойой...

— Ты имеешь в виду свет-зеркальце? А ведь точно, старуха говорила, что оно отражает явь!

Ростислав достал из кармашка зеркальце в деревянной оправе и с деревянной ручкой, шагнул на склон горы.

— Вы хотите ее спасти? — робко спросил Будимир.

Ростислав оглянулся.

— Хочу. Мы не имеем права оставлять ее здесь на верную смерть. Или ты против?

— Конечно, я не против, — смущенно возразил мальчишка. — Но вы все время забываете, что наши глаза видят не то, что есть на самом деле. А вдруг там... ну, ведьма, что ли, уродка или старая женщина?

— Ты так считаешь? — Ростислав оценивающе посмотрел на девушку в ближайшем квадрате, наткнулся на ее невидящий взгляд и снова получил психо-эстетический удар, всколыхнувший все чувства до глубины души. — Не верю! Я вижу ее... — он хотел сказать: сердцем, но удержался: — Я вижу ее иначе.

Осторожно спустившись по скользкому склону к светящемуся «экрану» величиной четыре на четыре метра, он таки поскользнулся и зацепил рукой кромку квадрата. Пальцы обожгло, будто они наткнулись на острое лезвие бритвы. Закапала кровь. Ростислав с недоумением глянул на порез, пересекавший три пальца, усилием воли остановил кровь, отступил на шаг.

Задетый им «экран» пошел рябью, завибрировал, по нему побежали интерференционные волны, а через мгновение он вдруг протаял в глубину и превратился в длинную пустую комнату с летающими по ней прозрачными вихриками.

Ростислав напряг зрение, и ему на миг показалось, что вихрики на самом деле — части человеческой фигуры, живущие самостоятельно.

— Помоги, — позвал он, вглядываясь в свет-зеркальце. — Ничего не вижу.

— Там пусто, — отозвался Будимир. — Внутри движется энергоинформационный пакет, но он закодирован.

— Понятное дело, маэстро Гиибель не хотел, чтобы его гаремом пользовались другие. Ничего, я ее все равно найду! Как закрыть эту камеру?

Будимир не сделал ни одного движения, но помещение с вихрями внутри как бы втянулось само в себя, стало плоским, превратилось в «экран» с изображением зеленоглазой красавицы.

Еще одним внутренним усилием Ростислав заживил порезы на пальцах и двинулся к соседнему квадрату — «срезу времени».

Но и этот «экран» после его развертки показал только пустое помещение, внутри которого бесцельно кружились стеклянисто-прозрачные струи, никак не реагирующие на появление посторонних в их жилище.

Сжав зубы, Ростислав перебрался к соседнему «экрану», затем к следующему и, перебрав около двух десятков пустых камер, выдохся. Оглянулся на Будимира, терпеливо наблюдавшего за ним.

— Может быть, все эти девицы — только видеозапись? А живой прототип уже давно умер?

Мальчишка покачал головой.

— Там, где нет живых людей, «экраны» пусты. Мы уже встречали такие необитаемые ниши.

— Может, я неправильно пользуюсь зеркалом?

— Надо просто смотреть на отражение.

— Я так и делаю — без толку. В камерах никого и ничего нет. Во всяком случае, в зеркале ничего не отражается.

— Другого пути нет. Она живет в какой-то из камер, и определить — в какой именно, можно только с помощью зеркала. Давайте, я помогу, дядя Слава.

— Я сам! — упрямо мотнул головой Светлов. — Надо понять принцип... иначе искать ее можно до скончания века.

Он вернулся на вершину горы, заставил себя успокоиться, сосредоточился на внутренней энергосфере и вызвал состояние *саммай*. Подождал немного, закрыв глаза, прислушиваясь к глубокой, пульсирующей ожиданием тишине, и окинул расширившимся полем зрения-чувствования всю панораму горы с системой «экранов».

Ему показалось, что кто-то тихо вскрикнул. Сдерживая дыхание, Светлов определил направление этого бесплотного ментального «звука», нащупал взглядом квадрат, с которого смотрела на него — именно на него, как ему показалось! — девушка с золотыми волосами и печальными глазами. Вытянул вперед руку, проговорил севшим голосом:

— Там!..

Будимир проследил за его взглядом, странно посмотрел на спутника, но ничего не сказал. Впрочем, Ростислав и не ждал ответа. Медленно, не сводя глаз с «экрана», направился по склону горы вниз. Остановился напротив квадрата, чувствуя, как неистово колотится сердце. Проговорил беззвучно:

— В ы х о д и...

«Экран» обрел глубину.

Никого...

И чей-то радостно-удивленный взгляд...

Ростислав посмотрел на свет-зеркальце и увидел дрожащее

отражение девичьей фигурки — совсем голой, без одежды! Он не ошибся, пленница жила в этой камере.

— Выходи! — сказал он уже смелее, пряча зеркало. — Никто тебя не обидит.

Что-то сверкнуло в глубине помещения, похожего на длинный бетонный подвал, и с волной теплого воздуха в метре от Светлова проявилась фигура девушки в кисейном пеньюаре. Вблизи ее лицо показалось ему еще более прекрасным, и он с трудом сдержал вздох восхищения.

— Выходите, вы свободны.

— Кто ты, гридь[1]? — спросила пленница Гиибели по-русски, но с каким-то необычным акцентом, схожим с белорусским говором. — Судя по одежде, ты издалека?

Ростислав поразился бархатному теплому тембру ее голоса, не обратив внимания на русский язык незнакомки. Даже если бы она заговорила на любом другом языке Шаданакара, он бы понял ее и без переводчика.

— Меня зовут Ростислав, — хрипло отозвался он. — А вас?

— Я Ненагляда, дочь ваятеля Дамирия. А это кто с тобой, гридь?

Ростислав оглянулся.

— Димка, иди сюда, знакомься. — Повернулся к девушке. — Это Будимир Сухов, сын моего друга. Без него я бы вас не освободил.

— Вы не из Бело-Руси?

Ростислав озадачился. Последнее слово девушка произнесла как два, делая два ударения. Потом его осенило:

— Вы имеете в виду Белобог-Русь? Так вы оттуда?

На лицо пленницы набежала тень.

— Я жила в стольном Руян-граде, пошла на гулянье и... оказалась здесь. — Девушка содрогнулась, в глазах ее мелькнул ужас. — Это было так жутко! А ОН... больше не придет?!

Ростислав понял, что она имеет в виду Гиибель.

— Не придет, он давно мертв. И как долго ты здесь живешь?

— Много дней, наверное, год, хотя я не считала дни. Ты заберешь меня отсюда, гридь? Век буду благодарить!

— Да уж не оставлю. — Ростислав положил руку на плечо подошедшего Будимира, во все глаза разглядывающего жительницу Белобог-Руси, родины Волка Волков. — А благодарить надо его, не меня. Он — маг, Избавитель, я же всего-навсего меченоша, защитник.

Ненагляда не отреагировала на слово «Избавитель», навер-

[1]Гридь — воин, дружинник (*старорус.*).

ное, не знала, что оно означает на самом деле, но в глазах ее светились искренняя признательность и нежность пополам с сомнениями. Она все еще не верила, что ее долгое затворничество кончилось.

— Я твоя данница, Будимир Избавитель, — низко поклонилась девушка. — Если ты поможешь мне добраться домой, батюшка осыплет тебя дарами.

Будимир покраснел.

— Я постараюсь, хотя никаких даров мне не надо. — Он повернул голову к Светлову. — Надо уходить, дядя Слава. У меня предчувствие... в замке произошли какие-то недобрые изменения...

— Но мы еще не нашли меча.

— Я думаю, его здесь нет. Он бы откликнулся, я звал его много раз.

— Тогда остается только позвать нашего друга Вольха, он заберет Ненагляду и вернется с ней на ее родину. Он ведь тоже оттуда родом?

Будимир согласно кивнул, сосредоточился на энергоотдаче.

— Вольх, приди, пожалуйста!

Качнулось пространство.

Прошла секунда, другая, третья... тишина. Ни звука в ответ, ни движения.

— Кого он зовет? — прошептала Ненагляда.

— Мы спасли Волка, — понизил голос Светлов. — Он обязался нам помогать и уже несколько раз выручал.

— Вольх, появись!

Еще один беззвучный толчок всколыхнул воздух. Но и после него ничего не изменилось в гареме Гиибели.

— Наверное, стены Эхурсагкуркурры экранируют вызов, — предположил Ростислав.

Будимир смутился.

— Я забыл... здесь все кругом находится под магическим напряжением...

— Выходим отсюда наружу и там попытаемся вызвать Вольха еще раз. Я тоже чую какое-то нехорошее д в и ж е н и е. Однако ее следовало бы одеть в более подходящий костюм. Здесь есть что-нибудь вроде гардероба?

— Гардероб? — не поняла девушка. — Что это такое?

— Сундук с нарядами, — «перевел» Ростислав.

— Да, в тереме есть починное кубло, с зеркалами, я там одевалась. Могу взять шушпан или корзно и убрус тож.

— Лучше бы ты нашла что-либо похожее на мой комбинезон. — Ростислав показал на себя. — Такая одежда удобнее для похода.

— Хорошо, поищу. Ждите, я мигом.

Ненагляда упорхнула в глубь «подвала», абсолютно пустого с виду, с голыми бетонными стенами, исчезла. Ростислав поймал взгляд мальчика, рванулся за ней... и оказался в самом настоящем раю!

Цветущий и одновременно плодоносящий сад: яблони, вишни, груши, персиковые деревья, банановые пальмы, еще какие-то деревья с незнакомыми плодами.

Голубое озерцо и вытекающий из него ручей.

Голубое небо с ласковым солнцем и кружевными ослепительно белыми облаками.

Изумительной красоты терем с золотыми и серебряными маковками.

Тишина и запахи, от которых кружится голова.

Рай!..

Вот только птичьих трелей не слышно, и ветер не шелестит в ветвях деревьев, и вообще не доносится ни одного живого звука. И сердце сжимается — ибо все равно это не свобода. Прекрасная, исполняющая, наверное, все желания узницы, но — тюрьма! Как же она провела здесь целый год, одна? И почему только год? Ведь Гиибель был уничтожен по земным меркам более двенадцати лет назад! Или и в самом деле время здесь течет намного медленнее, чем в других мирах Веера?

Со стуком распахнулась дверь терема, на высокое крыльцо выбежала Ненагляда в темно-синем костюмчике, напоминающем спортивный, но с широким серебристым поясом, и в таких же серебристых сапожках.

Ёкнуло сердце. К щекам на мгновение прихлынула жаркая волна крови.

Боже ты мой, как же ты красива! Неужели сейчас примчится Вольх, и они расстанутся?!

— Что ты смотришь, гридь, как громом испуганный? — удивленно спросила девушка. — Али не то надела?

— Как же долго... — выговорил Светлов непослушными губами, опомнился, не договорив: я тебя искал...

— Разве я долго собиралась? — еще выше подняла брови Ненагляда.

— Извини, я не то хотел сказать, — отвернулся Ростислав, чтобы скрыть смущение. — Идем, надо спешить.

Девушка порхнула вперед, и от ее упругой свободной походки, гибких движений, ладной фигурки у него снова защемило сердце. Они еще не расстались, а он уже тосковал по спасенной и завидовал тем, кто будет видеть ее каждый день. Жених, к примеру. У такой красавицы непременно должен быть жених. Хотя, с другой стороны, если на Земле прошло двенадцать лет,

то почему в мире Белобог-Руси не столько же? И даже больше? Жених-то, поди, давно завел семью...

Ростислав улыбнулся своим мыслям, чувствуя некоторое облегчение, подал руку девушке, и та доверчиво вложила пальчики в его ладонь.

Они вышли из «экрана» на склон горы, где их ждал Будимир. Увидев, как они идут рука в руке, он бросил на Светлова лукавый взгляд, вполне понимая его чувства, и сказал:

— Вы отсутствовали больше часа, дядя Слава, я уж хотел идти за вами. Что случилось?

— Ничего, — качнул головой Ростислав. — Наше долгое отсутствие можно объяснить тем, что время внутри камеры течет в несколько раз медленнее. По моим часам мы провели там всего пять минут. Кстати, там внутри целый мир, прекрасный пейзаж, дом и все необходимое для жизнеобеспечения пленниц. — Он спохватился, сделал движение назад. — Я забыл поискать сейф.

— Не надо возвращаться, — остановил его мальчик. — Пока вы собирались, я все-таки связался с управителем гарема, и он дал координаты личных покоев Гиибели. Если сейф существует, он должен находиться только там.

— Логично, — согласился Ростислав. — Ты знаешь, как туда добраться?

Будимир кивнул.

— Веди, только не забывай защищать нашу спасенную, если условия жизни в других помещениях дворца будут сильно отличаться от нормальных.

Тотчас же гора с системой опустевших «экранов» исчезла. Люди оказались под куполом «картотеки» гарема. Ненагляда, впервые увидевшая это сооружение, с любопытством стала оглядываться. Вокруг нее заструилась почти невидимая пленка сияния. Будимир накрыл девушку «зонтиком» защиты.

— Как красиво... будто брильянт изнутри...

Многогранный купол тоже исчез.

Короткая темнота. Тихий вскрик Ненагляды, не ожидавшей столь разительных перемен пейзажа.

Полотнище призрачного света разогнало мрак.

Путешественники стояли тесной группкой среди зарослей белоснежных и полупрозрачных... парусов самых разных форм, заполнявших все видимое пространство! Поверхность, из которой росли паруса, казалась упругой, ртутно-бликующей пленкой, то и дело вздрагивающей под ногами как живая, вспухающей буграми и волнами. Гигантские паруса также шевелились, словно надуваемые ветром, и издавали едва слышный струнный звон.

— Всемилостивый Перкун! — прошептала Ненагляда, вцепляясь в локоть Светлова. — Блазнится мне али живое все?!

— Все, что видим мы, — видимость только одна, — вспомнил Ростислав стихи Омара Хайяма. — Далеко от поверхности мира до дна... Дима, ты уверен, что мы попали в личные апартаменты Гиибели?

— Здесь иная метрика, — неуверенно сказал Будимир. — Пересечение пространств с разными свойствами. Но промахнуться мы не могли, нас доставила сюда лифтовая система замка, а она не ошибается.

— Все-таки сэр Гиибель был удивительным существом! Попробуй разберись, где у него что! Это рабочий кабинет или спальня? Или, может быть, сауна? Где мы будем искать сейф?

Будимир на миг оделся сеточкой розовых молний, некоторое время вслушивался в тишину покоев Великого игвы, показал рукой в глубину парусиновых зарослей.

— Там концентрация энергии выше...

Ростислав молча зашагал в указанном направлении, приноравливаясь к упруго-живой поверхности под ногами, и вдруг почувствовал затылком дуновение холодного ветра.

— Дядя Слава! — воскликнул Будимир.

И тотчас же из-за скопления парусов в сотне метров от землян выскочила группа существ в черно-чешуйчатых комбинезонах. У них были вытянутые вперед морды, похожие на крокодильи, пародирующие человеческие лица, шишковидные голые черепа темно-зеленого цвета, светящиеся изумрудной зеленью или желтизной узкие глаза — целых шесть, сходящиеся клином в переносице, и костяные наросты вместо ушей.

В лапах эти странные создания держали огромные секиры и кривые широкие мечи, а из груди каждого монстра вырастало самое настоящее лезвие топора.

— Вот, дьявол! — мрачно буркнул Светлов, останавливаясь. — Этого нам только не хватало для полного счастья. Давно мы не дрались. Это «эсэсовцы» или «чекисты», Дима?

— Дактили, — шмыгнув носом, ответил мальчик.

— Роботы или живые твари? Чего они боятся?

— Они скорее всего из охраны замка, папа встречался с ними дважды.

— Почему же они не встретили нас раньше, когда мы только подходили к замку?

— Потому что я убедил управителя в безопасности наших намерений. Возможно, какая-то контролирующая сторожевая система Эхурсагкуркурры очнулась и вызвала охрану.

— Ты можешь с ними договориться?

— Пытаюсь...

Крокодилоподобные существа приблизились, переглядываясь между собой, но не издавая ни звука. Общались они скорее всего мысленно. Светлов насчитал одиннадцать черно-зеленых фигур, мимолетно подумал, что неплохо бы иметь для таких встреч парочку вардзуни и побольше метательных пластин. Огнестрельного оружия крокодилолюди, похоже, не имели, а холодного можно было не бояться.

Светлов вспомнил о ножах, достал свой, взятый еще из дома. Подумал и для вящей убедительности вытащил меч.

— Эй, мужики, поговорим без базара? Люди мы мирные, никого не трогаем.

Крокодилолюди продолжали приближаться, охватывая землян кольцом.

Ненагляда что-то быстро проговорила, очевидно, молитву.

— Не бойся, девочка, — оглянулся на нее Ростислав. — Нас мало, но мы в тельняшках, и наш бронепоезд стоит на запасном пути.

— Я не боюсь, — храбро ответила Ненагляда, вряд ли поняв высказывание спасителя. Достала откуда-то из складок костюма длинный узкий кинжал. — Я буду защищаться!

— Правильное решение. — Ростислав посмотрел на младшего Сухова. — Только не вмешивайтесь, ради бога, что бы ни происходило. Побереги ее, прикрой з е р к а л о м, если понадобится.

— Хорошо, дядя Слава, не беспокойтесь. Но может, лучше будет... — Будимир не договорил.

Дактили толпой бросились вперед, и наступило время боя.

Глава 5

Стражи замка оказались опытными воинами, владеющими своим оружием вполне профессионально. Они нападали молча, со всех сторон сразу, и отбиваться от их атак было нелегко. И тем не менее Ростислав справился бы с ними, если бы не одно важное обстоятельство: эти странные существа в чешуйчатых комбинезонах, похожих на черную рыбью чешую, имели особые устройства, мгновенно заживляющие раны и восстанавливающие жизнедеятельность.

Сначала Ростислав не понял, в чем дело, начав схватку и отрубив когтистые лапы с мечами и секирами сразу у трех дактилей. Посчитав этих троих выбывшими из строя, он сделал маневр и обезвредил еще двоих, заставив остальных отступить. Каково же было его удивление, когда в следующее мгновение количество атакующих снова увеличилось! Сначала до девяти — это присое-

динились те, кому он отрубил лапы, а затем и до одиннадцати — к соратникам присоединились обезглавленные крокодилолюди!

Пришлось снова уходить в темп и действовать на сверхскорости, применяя приемы и хитрости рукопашного боя и боя на мечах, хранившиеся в родовой памяти. На вздрагивающий ртутный пол полетели отрубленные лапы и головы. В течение двух секунд отряд дактилей потерял шестерых бойцов и отступил... чтобы тут же ринуться на противника в полном составе! Но теперь Ростислав заметил, что происходит, хотя не сразу нашел противоядие против такой тактики.

Дактили не умирали.

Они отскакивали назад, хватали отрубленные лапы и головы, приставляли к обрубкам, затем из их груди выскакивали лезвия топоров, чиркали по местам разрезов, и лапы-головы прирастали к обрубкам, будто приклеенные мгновенным клеем! Еще через секунду «убитые» и «покалеченные» крокодилолюди кидались в бой.

«Реаниматоры, дядя Слава! — донесся мысленный голос Будимира. — Надо отрубить их реаниматоры — лезвия топоров...»

Ростислав отбился от очередной атаки дактилей, но не остановился, а настиг уже пораженных мечом и начал рубить «топоры» у каждого на груди.

Его тактика превзошла все ожидания.

Дактили, потеряв инструменты оживления, падали в конвульсиях на пол и через несколько секунд агонии переставали двигаться. Пыл остальных стал иссякать, они почувствовали силу противника и перестали махать оружием. Когда их осталось четверо из одиннадцати, дактили бросились наутек.

И тут показала удаль Ненагляда.

Она вдруг с гортанным криком «ура!» догнала последнего стража замка и вонзила ему в затылок свой кинжал.

Дактиль пробежал несколько метров, слабея на глазах, сунулся мордой в ближайший парус. Реаниматор в форме топора он почему-то применять не стал. Дернулся несколько раз и затих.

Остальные крокодилолюди скрылись за полотнищами парусов.

Ненагляда подошла к убитому ею монстру, вытащила кинжал — совершенно сухой с виду, обернулась к мужчинам, наблюдавшим за ней с одинаковым чувством изумления, и подбоченилась:

— Вы думали, я совсем слабая? Меня учил воинским искусствам сам Ратмир!

— Знатный инструктор, однако, — пробормотал Ростислав, не зная, как относиться к поступку девушки. — Меня мои наставники не учили наносить удар в спину.

Глаза спасенной пленницы вспыхнули, затем сделались виноватыми.

— Я сделала что-то не то?

— Не стоило их добивать, это уже лишнее. Победитель должен быть великодушен. Но что сделано, того не воротишь. Дима, надо уходить. Эти красавчики сейчас вернутся в утроенном количестве, и я не уверен, что у них не найдется оружия помощней.

— Мы не будем искать меч?

— Есть дела поважней. — Ростислав кивнул на девушку, подходившую к ним с убитым видом. — Ее надо отправить домой в целости и сохранности. Вызывай Вольха.

— Я отсюда не...

— Ах, да, забыл. Тогда ищи выход за пределы Эхурсагкуркурры.

— Простите, я больше не буду своевольничать, — прошептала, отвернувшись, Ненагляда.

Ростислав почувствовал толчок в сердце, с трудом удержался, чтобы не обнять бывшую пленницу гарема. Ее поступок перестал казаться ему чрезвычайным событием.

— Ладно, забыли. Жалеть этих уродов не стоит.

Будимир странно посмотрел на него, но промолчал.

— У меня идея, — вдруг оживился мальчишка. — Почему бы нам не вызвать на помощь Инсекта? Пусть его муравьи-охотники поищут Финист.

— Они же заблудятся! Эхурсаг — не обычный замок.

— Они тоже — не обычные муравьи. Инсект — разумная система, обладающая магическими возможностями.

— Как Вольх и Усыня? Тогда почему бы действительно не попробовать? Нам следовало догадаться об этом раньше. Однако как же ты вызовешь Инсекта, если стены Эхурсагкуркурры не пропускают ментальный вызов?

— Инсект гораздо ближе, чем Вольх, он принадлежит миру Гашшарвы. — Будимир побледнел, вернее, кожа его лица приобрела голубоватый оттенок — он превратился в магическую «антенну». — Я попытаюсь развернуть фазовый фронт волны...

— Что он делает? — шепнула Ненагляда на ухо Светлову.

От ее близости у него закружилась голова, и он вынужден был некоторое время бороться с собой, а когда собрался ответить, в зале с парусами появился Инсект.

На муравья это сверкающее, словно осыпанное драгоценными камнями создание походило мало, хотя нечто от насекомого в его облике, безусловно, просматривалось. Оно возникло над головами людей и спланировало на пол, как стрекоза, трепеща хрустально-прозрачными крыльями.

С тихим возгласом испуга Ненагляда спряталась за спину Ростислава, доставая свой кинжал.

— Кто это?!

— Спрячь, это друг, — покосился на нее Светлов.

— Рад приветствовать Избавителя и его защитника, — зазвучал в голове Ростислава шуршащий бестелесный голос. — Я гляжу, вы круто поговорили со слугами мрака. Иногда они забредают и в мои владения. Чем могу помочь?

— Мы ищем меч Святогора — Финист, — сказал вслух Ростислав. — Поможешь найти?

Ненагляда издала восклицание, но он не обратил на это внимания, полагая, что девушка просто боится гостя.

— Опишите, каков он, — попросил выразитель воли разумного муравейника.

Ростислав перешел на мыслеобмен, представил меч и коротко описал его возможности.

— В этом мире на каждом шагу западня, — задумчиво проговорил Инсект, выловив в памяти Ростислава стихи Хайяма. Он сочетал в себе признаки человека, дракона и насекомого, как бы непрерывно перетекая из формы в форму. — Я еще не совсем восстановился после неволи, но постараюсь выполнить вашу просьбу.

Взмахнув крыльями, он воспарил над парусами огромного зала-пространства, влился в один из белоснежных, надутых неслышимым ветром парусов, как капля воды, исчез.

— Эх, не успел предупредить его, что у нас мало времени, — с досадой щелкнул пальцами Ростислав. — Чтобы обшарить весь замок даже с помощью всех его охотников, потребуется по крайней мере месяц, если не год.

— Он не будет обшаривать весь замок, — отозвался Будимир. — Я дал ему координаты гарема и личных покоев Гиибели.

— Молодец, догадался, хотя и на обыск этих горизонтов можно потратить уйму времени.

— Зачем вам этот меч? — поинтересовалась Ненагляда.

— Для защиты от врагов, — нашелся Ростислав.

— От каких врагов?

— У твоего повелителя, захватившего тебя в плен, остались друзья и сторонники, они очень хотели бы настичь нас и прикончить.

— За что?

Ростислав хотел ответить шуткой, но не успел. В зале снова появились дактили. Только теперь их было около трех десятков, и среди них оказались три гиганта, похожие на вставших на дыбы и закованных в латы коротконогих горилл.

— Дождались, — сквозь зубы проговорил Ростислав. —

Я предупреждал. Надо было все-таки сначала выбраться отсюда, а потом звать Инсекта.

Будимир покраснел, приняв прозвучавший укор на свой счет.

— Мы можем перейти на другой уровень оси или вообще в другую пространственную ось, дядя Слава.

— Они нагонят нас и там.

Ростислав достал меч, отодвинул Ненагляду назад, за спину.

— Держитесь у паруса, чтобы они не могли подкрасться сзади. Придется повозиться с этими гориллоидами, вид у них грозный.

Толпа дактилей и горилл в латах приблизилась, вооруженная все теми же мечами, секирами и двухметровой длины палицами с шипами.

Меч «коси-трава» в руке Ростислава вдруг шевельнулся как живой. С удивлением Светлов у с л ы ш а л его тоненький детский мыслеголосок:

«Отпусти, мечарь!»

Будимир искоса посмотрел на спутника. В его глазах читались интерес и недоверие.

Ростислав опомнился, подбросил меч над собой и гулко провозгласил:

— Делай свое дело! К о с и!

Меч «коси-трава» налился зеленоватым призрачным огнем и струей смертельного сияния метнулся к охране замка. Раздался вопль ужаса — это закричали гориллоиды. Дактили по-прежнему молчали, не умея, очевидно, выражать эмоции с помощью языка.

Вопль оборвался: меч снес головы всем троим гориллоидам и обрушился на дактилей, в течение нескольких секунд перебив половину из них. Причем делал он это профессионально, как Ростислав во время последней схватки со стражей Эхурсагкуркурры, словно запомнив эту тактику. Он сначала отрубал лезвиеподобные выступы на груди крокодилолюдей, а потом снимал им головы.

Дактили дрогнули, попятились.

Меч продолжал свою ужасную работу и вдруг словно споткнулся, замер, погас. Нырнул вниз, подпрыгнул на метр, засветился на мгновение и погас окончательно. Со стоном вонзился в конвульсивно вздрогнувший пол зала.

— Кончился заряд, — прошептал Будимир, первым сообразивший, что произошло. — Его давно не подзаряжали.

Ростислав схватился за ножи, вспомнил о дудке Бабы-Яги, но она не пригодилась.

Внезапно из-за сростка парусов показался отряд гигант-

ских — в рост человека — муравьев и набросился на замерших дактилей. Оружия у них не было, но лапы и челюсти гигантов вполне заменяли им мечи и секаторы, легко откусывающие головы и реанимирующие устройства крокодилолюдей. Через минуту все было кончено.

Горстка уцелевших стражей замка рассыпалась по залу и скрылась из глаз. За ними куда-то подевались и муравьи. А потом над людьми проявился из воздуха Инсект. Прошуршав крыльями, опустился в двух шагах от Ростислава.

— Вынужден огорчить вас, друзья. Объект под названием меч Святогора не обнаружен.

— Быстро вы обернулись, — с сомнением пробормотал Ростислав. — Неужели успели осмотреть все горизонты отдыха хозяина?

Инсект передал мысль-ощущение сродни вежливой улыбке.

— Меня здесь был легион. Я осмотрел даже ось лабораторий Великого игвы, но и там ничего похожего не нашел. Будьте уверены, Финиста в замке нет. Я бы посоветовал вам поискать меч во владениях коллеги Гиибели, его хрон недалеко отсюда. По слухам, он непревзойденный коллекционер оружия.

— Кто?

— Великий игва Даймон. Его мир называется Эраншахр, планета — Эреб, дворец — Тзол. Но там я, увы, вам не помощник.

— Попытаемся обойтись. Спасибо за поддержку.

— Не за что, друзья. Окажетесь снова на Гашшарве — милости прошу в гости. Кстати, мне очень не нравится...

— Что?

— З а п а х...

— Какой запах? — не понял Ростислав.

— Это ментальный з а п а х, следствие каких-то иных, очень тонких взаимодействий, мои сенсоры не в состоянии определить причину этого з а п а х а. Хотя вполне возможно, что это з а п а х слуг мрака. Прощайте, спасители.

Инсект исчез.

Ростислав почесал в затылке.

— Интересно, что он имел в виду? Между прочим, его идея мне нравится — посетить владения Даймона. Может быть, прогуляемся туда втроем? Самого Великого игвы давно нет в живых, так что никто нам не помешает спокойно осмотреть его дом. А со сторожами мы договоримся. Правда, запасы оружия потихоньку тают, вот и меч мы потеряли. Но ведь Инсект говорил, что Даймон — коллекционер оружия? Там мы и вооружимся.

— Это всё костыли... — тихо сказал Будимир.

— Не понял.

— Оружие — те же костыли, мы можем обойтись без них. Человек — сам оружие.

Ростислав усмехнулся.

— Когда-то мне мои инструкторы говорили то же самое. Ты сто раз прав, Димка, но уж очень трудно освободиться от зависимости... э-э, костылей. Кстати, ответь мне на такой вопрос: почему меч «коси-трава» вдруг начал действовать самостоятельно? Ведь это уровень магии. А твой дядя Толя утверждал, что последним повелением Семерых во главе с твоим отцом в Веере установлено магическое равновесие.

— Равновесие не означает запрет на магическое манипулирование, оно означает, что любое магическое действие получает противодействие. Меч «коси-трава» сохранил заряд с и л ы и поэтому, получив от вас мысленную поддержку, признав за вами право им владеть, выполнил то, на что был запрограммирован.

— Логично, — подумав, согласился Ростислав. — Хотя особого противодействия я не увидел. Если только не считать таковым попытки дактилей оживить себя с помощью топоров-реаниматоров. И все же чем дальше в лес, то есть в глубину Шаданакара, тем больше дров, то есть проявлений чистой магии. Я и сам чувствую... — Он замолчал, не желая признаваться в своих ощущениях и возросших возможностях.

Сознание постепенно заполнялось з н а н и е м, поднимавшимся из глубин родовой памяти и спускавшимся с высот Хроник Веера. Становился понятен смысл многих событий, термины разворачивались в информационные пакеты, а главное — он все больше убеждался в действенности своих раскрывающихся способностей п р я м о г о воздействия на собственное тело и на внешний мир. Во всяком случае, он теперь мог долго обходиться без воздуха и защищать свой мозг от попыток психического давления.

Интересно, подумал он мимолетно, как Ненагляде удается дышать здешней углекислотной атмосферой? Неужели она тоже может регулировать свой энергообмен?..

Но мысль мелькнула и исчезла при столкновении его взгляда со взглядом Ненагляды. Ростислав забыл обо всем, глядя в глаза девушки, полные обещания, ее очарование и воздействие на него превосходило все мыслимые пределы, но и это ощущение ушло, не потревожив сознания. С большим трудом ему удалось вернуться к реалиям похода.

— У кого какие предложения?

— Мы собирались идти в мир Даймона, — пожал плечами Будимир.

— Других идей нет? Если и там не найдем меча, тогда посоветуемся с друзьями, что делать дальше.

— Я бы все же сначала отправил ее домой. — Мальчик показал глазами на бывшую пленницу Гиибели.

— Я с вами! — объявила Ненагляда. — И я ничего не боюсь! Вы не можете отправить меня домой против моей воли! — Она с вызовом топнула ножкой.

Пол зала с парусами вздрогнул, заколебался, как поверхность торфяного болота от падения дерева, из его глубин послышался стонущий гул. Стих. Люди замерли, прислушиваясь к наступившей тишине.

— Уходим! — решительно сказал Ростислав. — Охранники замка не успокоятся, пока не устранят дестабилизирующий фактор, то есть нас. Как мы будем добираться до хрона Даймона? С помощью кляцы? Ты не разбил яйцо?

Будимир дотронулся ладошкой до кармана с кляцей.

— Не разбил, но нам лучше использовать резервную систему связей между хронами Великих игв.

— Ты знаешь, где тут находится темпорал?

— Не темпорал, узел хроноперехода.

— Разница только в терминах. Включай систему доставки.

Будимир покраснел под изучающим взглядом Ненагляды, з а с в е т и л с я, и зал с парусами свернутых личных покоев Гиибели исчез.

* * *

Увидеть со стороны Тзол — дворец Даймона, расположенный на планете Эреб в хроне под названием Эраншахр, путешественникам не удалось. Из узла хроноперехода они вышли уже внутри владений Великого игвы. Зато им повезло — они обнаружили терминал обзора Даймона с монитором видеослежения и смогли полюбоваться не только на окрестности дворца, но и на пейзажи Эреба, а также на космические панорамы Эраншахра.

Произошло это случайно. Хотя, как известно, случай — это уловка Бога или ему подобных творцов вселенных, когда они не хотят, чтобы кто-либо видел в этом проявление их воли.

Вышли земляне со своей спутницей в некоем лабиринте с текучими стенами и потолком, долго кружили по его коридорам и тупикам, заглядывая в попадавшиеся на пути двери, что вели в дебри иных пространств, потом Ненагляда со смехом предложила позвать челядина.

Ростислав не сразу понял, что речь идет о слуге, отвечающем за местный сервис.

— Я уже давно пытаюсь вызвать управителя, — виноватым

тоном признался Будимир, — но выход заблокирован. Никто меня не слышит.

— Давай попробуем вместе, — предложил Ростислав. — Объединим энергопотоки и пробьем барьер.

— Хорошо, — согласился Будимир с заметным колебанием; было видно, что он устал и держится только на гордости.

Объединение ментальных сфер юного мага и его защитника не потребовало много времени. Они уже привыкли друг к другу, хорошо понимали мимику и жесты, реагировали на многие события одинаково, их психики во время похода сблизились, подстроились и организовали новое качество — единое семантическое пространство, поле понимания цели.

Диапазон чувствования Ростислава скачком расширился, обнял пространство дворца Даймона. Озарение снизошло на него потоком все пронизывающего света, и он увидел четкую панораму залов-миров творения Великого игвы, значительно отличающегося от Эхурсагкуркурры.

Что-то мешало ему смотреть, словно соринка в глазу, и он даже понял, что именно — Ненагляда! Вернее, ее странное желание помешать им! Однако она тут же перестала сопротивляться, будто почуяла его недоумение, а потом этот факт стал уже несущественным и неважным, исчез из памяти Светлова как призрак несказанного слова.

Объединенная сфера гипервидения Ростислава и Будимира нашла выход из «подвала» — лабиринта нижнего уровня дворца Даймона и перенесла всех троих в зал терминала управления. Что этот огромный сверкающий ледяной грот является именно терминалом, оба поняли-почувствовали одновременно.

Люди замерли, затаив дыхание и оглядываясь. Затем Ненагляда проговорила слабым голосом:

— Я не знала, что вы такие великие волшебники...

— Я тоже никогда не думал, что стану волшебником, — проворчал в ответ Ростислав. — Дима, предлагаю осмотреться и включить автоматику обслуживания дворца. Чего не отнять у Великих игв, так это их умения создавать долгоживущие искусственные объекты. Сами хозяева давно откинули копыта, а техника их живет.

Стены грота, сверкающие огнями, потускнели, заплыли жемчужным туманом, в котором протаяли овальные дыры и колодцы, уходящие в черную бесконечность. Эти колодцы и оказались впоследствии объемными экранами, показывающими пейзажи Эреба.

Между тем в центре грота выросло из пола белое облако и за несколько секунд превратилось в земные мягкие кресла и про-

зрачный журнальный столик с вырастающим из него красивым, причудливо изогнутым стеклянным тюльпаном.

— Может, присядем? — стеснительно предложил Будимир. — Отсюда можно управлять всеми системами Тзола.

— Правильное решение, — согласился Ростислав. — В ногах правды нет, а мы не отдыхали уже не менее семи часов.

Они уселись в кресла, пробуя их на прочность, некоторое время привыкали к новой обстановке грота, приглядывались к черным колодцам и тюльпану на столе, оказавшемуся устройством связи с «компьютером» дворца. Ненагляда не проявляла какого-то особого беспокойства и, по мнению Светлова, исподтишка наблюдающего за ней, освоилась со своим положением быстро.

— Итак, что вы хотели бы увидеть? — спросил он, доставая флягу с родниковой водой.

— Все! — быстро сказала девушка. — Эти палаты... они такие огромные... и плывучие... Кто здесь жил? В какой земле находится этот волшебный терем? Можно посмотреть?

— Лично я сначала занялся бы делом, — снисходительно проговорил Ростислав, сделал глоток, протянул флягу девушке. — Но можно начать и со знакомства с владениями сэра Даймона. Хлебни, это практически живая вода.

Ненагляда сморщила носик, отстранилась, в глазах ее, как показалось Светлову, мелькнул испуг.

— Благодарение, гридь, я не хочу.

— Дима, будешь?

Будимир с удовольствием отпил воды, вернул флягу. На бледноватые щеки его вернулась краска, вода Веселина быстро поднимала тонус организма.

— Как бы нам включить систему обзора? — продолжал Ростислав.

— Она требует преодоления определенного энергоинформационного порога...

— То есть нужен достаточно мощный мысленно-волевой посыл? Ничего, вдвоем мы справимся.

Ростислав сосредоточился, получил поддержку мальчика и мысленно п р и к а з а л «компьютеру» показать окрестности Тзола.

Управитель дворца Даймона повиновался без всякого сопротивления, черные колодцы и ниши в тумане стен грота заполнились сиянием. Затаив дыхание, люди долго рассматривали изъеденные странной коррозией скалы, горы и стены, похожие на разрушенные исполинские искусственные постройки, окружавшие Тзол, и молчали. Более всего пейзаж действительно напоминал руины уничтоженного бомбардировкой города, и это ощущение запустения, обреченности, тоски сопутствовало зри-

телям и в дальнейшем, когда они смотрели на такие же дикие и мрачные ландшафты Эреба.

Неизвестно, как выглядел дворец Даймона со стороны, однако он уцелел и воспринимался как вызов стихиям и силам, уничтожившим жизнь на Эребе, который представлял собой многоярусный сложный мир-лабиринт, бесцельно толкавшийся в космосе Эраншахра с другими такими же мирами.

— Грустное зрелище, — констатировал Ростислав после часового просмотра пейзажей Эреба. — Может, попробуем отыскать картинки повеселей? Неужели в Эраншахре все планеты разрушены во время войны Даймона с нашими парнями?

— Даймон погиб в другом хроне, — покачал головой Будимир. — Эраншахр находится в пограничной зоне с Суфэтхом и испытывает сильнейшее давление Хаоса. Скоро он потеряет структуру и исчезнет.

— Тем не менее пусть нам покажут другие звезды и планеты Эраншахра.

Пейзажи в окнах видеосистемы расплылись дымкой, растаяли, и на их месте всплыли панорамы суровых миров, мало чем отличающихся от Эреба. И чем дальше от центральной планеты располагались эти миры, тем мрачнее выглядели ландшафты, тем сильнее были видны разрушения, пока и сами эти необычные «этажерчатые» объекты не превратились в полурастаявшие материальные кружева, потерявшие всякую форму.

Выключив видеосистему Тзола, путешественники некоторое время созерцали лица друга друга, пришибленные увиденным.

— Да-а-а... — протянул Светлов, огладив ладонью бороду, мимолетно подумал: побриться бы не мешало...

— Ужас! — откликнулась Ненагляда странным тоном, в котором прозвучал некий оттенок восторга. — Никого живого не осталось!

— А может, эта система имеет связь с другими хронами? — пришла вдруг на ум Ростиславу сумасшедшая мысль.

Будимир растерянно посмотрел на него.

— Не знаю... давайте спросим, дядя Слава.

— Поехали!

Они снова объединили пси-сферы в надежде на успех и обрушили на «компьютер» Даймона мощный волевой удар.

Какое-то время казалось, что усилия их напрасны, «компьютер» их не понимает либо не имеет возможности выполнить приказ. Потом стеклянный тюльпан на журнальном столике испустил рой малиновых огоньков, и экраны-окна зала прозрели. Все их объемы показали одну и ту же картину: колоссальное, уходящее вершиной в бесконечность дерево! Эвкалипт!

— Дигм! — прошептал Будимир.

— Что?!

— Это Дигм, хрон Гагтунгра! Система управления Тзола имеет канал связи с Дигмом!

— Какие же размеры у этого... дерева?!

Будимир открыл рот, собираясь ответить, и вдруг вскочил, протянул вперед руку и проговорил изменившимся голосом:

— Папа! Дядя Толя!

Ростислав проследил за его взглядом и увидел на толстой горизонтальной ветви «эвкалипта» две крошечные фигурки. Разглядеть их было почти невозможно, так они были малы, но не приходилось сомневаться в возможностях Будимира видеть. Это действительно были Сухов-старший и Такэда.

— Увеличь! — машинально скомандовал Светлов, обращаясь к «компьютеру».

Картинка изменилась.

Ветвь перестала быть видимой, уйдя за границы канала передачи, Сухов и Такэда чуть выросли в размерах. В руках они держали мечи. Со всех сторон их окружали жуткие существа в черных чешуйчатых комбинезонах, и было их много, не меньше трех десятков.

«Чекисты»! — мелькнула догадка.

— Дядя Слава! — умоляюще посмотрел на Светлова мальчик. В глазах его стояли слезы. — Их надо...

— Сам вижу, — буркнул Ростислав. — Ищи узел хроноперехода. Тзол должен иметь канал вещественной связи с хроном Гагтунгра.

— Кто это? — округлила глаза Ненагляда, рассматривая отступавших к стволу «эвкалипта» Сухова и Такэду.

— Его отец, — кивнул на Будимира Ростислав.

Эпизод 5

ВОСХОЖДЕНИЕ

Глава 1

Хрон Гагтунгра, одного из бывших сподвижников Люцифера, действительно представлял собой гигантское дерево, похожее на земную секвойю или эвкалипт. По оценке Будимира, диаметр дерева достигал не менее сотни километров, а высота не поддавалась измерению. Оно уходило вверх и вниз на многие тысячи — не километров — световых лет! Из какой почвы оно росло, какие соки его питали, не могли себе представить ни Ростислав, ни Будимир, хотя оба знали о существовании Дигма еще со слов Такэды и Сухова-старшего.

Дерево не росло в пустоте, его окружала плотная и вполне пригодная для дыхания атмосфера, разве что газовый состав ее немного отличался от земного. Сила тяжести, прижимающая живущих на дереве существ чуть под наклоном к оси дерева, почти равнялась земной. Освещалось же оно кольцом светящейся плазмы диаметром в четыре сотни километров, скользящим снизу вверх (или слева направо, смотря с какой стороны посмотреть) и дающим свет и тепло. Рассвет в этом мире начинался от «корней», а закат означал исчезновение кольца света за кроной дерева.

Кольцо света следовало за кольцом, весь ствол «эвкалипта» был окружен этими скользящими кольцами, — одни светились ярче, другие тусклее, — и со стороны вся эта вселенская конструкция представляла, наверное, удивительное зрелище. А потом Светлов с помощью Будимира разглядел «вакуум», окружавший дерево за пределами человеческого зрения, и ахнул: таких деревьев было много! Хрон Гагтунгра, в который их вынес тоннель хронопереход а, оказался исполинским лесом! В этом мире не существовало ни планет, ни звезд и галактик, ни настоящей пустоты — только бесконечный, невозможный, с точки зрения людей, л е с!

Узел хронопереход а здесь прятался в дупле дерева. Путешественники вышли из него, настроенные на битву с «чекистами», окружившими Никиту Сухова с Такэдой, но никого не увидели и теперь стояли, озираясь, на серой морщинистой поверхно-

сти — коре гигантской ветви, вырастающей из мощной отвесной стены — ствола дерева и уходящей вдаль на много километров, до близкого, но нечеткого, размытого дымкой горизонта. Ветвь воспринималась длинной грядой пологих холмов, а ствол дерева ощущался не стволом, а и в самом деле неровной, оплывшей, с гигантскими вздутиями и провалами, наростами и складками серо-зеленоватой стеной, терявшейся в дымке «верхней атмосферы». Эта стена из коры дерева, на которой росли колонии грибов, кустарник, мох и лишайник, нависала над головой и давила на психику, как падающая гора. По ней, наверное, можно было подняться вверх или спуститься вниз, на соседний ярус ветвей, несмотря на расстояние, отделявшее ярус от яруса и составлявшее не менее двух-трех десятков километров.

— Что-нибудь в и д и ш ь? — спросил Ростислав, намекая на гипервидение мальчика.

— Ничего, — мотнул головой расстроенный Будимир. С его носа и мочек ушей сорвались ручейки розового сияния, заставив Ненагляду округлить глаза и с любопытством присмотреться к юному магу.

Она и к этому миру адаптировалась легко и быстро, словно всю жизнь только и делала, что путешествовала по другим вселенным. Ростислав в свою очередь с интересом наблюдал за девушкой, отмечая странности в ее поведении, но каждый раз забывал об этом, его недоумение рассеивалось, не достучавшись до сознания. Так и на этот раз он объяснил поведение Ненагляды мировоззрением ее народа, населявшего Белобог-Русь и относившегося ко всем сверхъестественным явлениям с философской сдержанностью.

— Мы вполне могли промахнуться, — попытался Ростислав успокоить парня. — Твой отец и дядя Толя могут находиться на любом из деревьев. Здесь их миллиард.

Будимир промолчал. Он продолжал в г л я д ы в а т ь с я в пространство Дигма, расширяя сферу гиперчувствования, и тратить силы. Но отец не откликался.

— У меня идея, — оживился Ростислав. — Давай поищем транспортную систему Гагтунгра, связывающую миры-деревья. Ведь должен же он был как-то перемещаться с дерева на дерево?

— Ему транспортная система ни к чему, он сам себе — транспорт.

— Хорошо, допустим, я упустил это обстоятельство из виду, но ведь на этих деревьях наверняка живут какие-нибудь разумные существа, достигшие определенной стадии развития. Они-то уж точно должны были пытаться исследовать свой космос с помощью каких-либо самолетов или ракет. Покличем, попро-

сим их одолжить на время такой самолет-звездолет и полетаем по лесу, поищем дерево с твоим отцом.

Будимир бледно улыбнулся.

— Я не уверен, что кто-нибудь согласится одолжить нам звездолет.

— У тебя есть другое предложение?

— Н-нет.

— Я хочу вернуться, — вставила слово Ненагляда, поеживаясь. — Здесь страшно...

— Куда вернуться?

— Туда, где мы были. Там тепло, уютно... и никого нет.

— Может быть, еще придется вернуться на Эреб, в замок Даймона. Вызываем Вольха, Дима?

— Здесь недалеко кто-то есть... и он страдает...

— Еще один кандидат на спасение? — хмыкнул Ростислав. — Уже становится нормой спасать кого-то, вызволять из плена и освобождать.

— Это общая тенденция, — не поддержал шутливого тона Будимир. — Добро нуждается в том, чтобы его защищали и освобождали. По Вееру распространяется ударная волна Зла, порождаемая деятельностью Люцифера, Уицраора и их последователей, и все светлые силы вынуждены отбивать эту волну. Кто не смог — тот или уничтожен...

— Или находится в плену. Да я не спорю, видно, такова уж наша доля — спасать друзей. — Ростислав посмотрел на Ненагляду, улыбнулся, встретив ее заинтересованно-притягивающий взгляд. — Надеюсь, они оценят это по достоинству. Ну, что стоим? Идем выручать аборигена. Ты хорошо в и д и ш ь его? Кто он?

— По-моему, птица...

— Птица? — развеселился Ростислав. — Это интересно. До этого мы спасли зверя, рыбу и насекомое, пришла очередь птицы. Веди, Избавитель.

Будимир покорно повернулся и зашагал от стены-ствола дерева, направляясь к одному ему видимой цели.

Оказалось, что по ветви дерева, толщина которой достигала никак не менее десяти километров — судя по закруглению горизонта, можно передвигаться в любом направлении, в том числе по окружности, не срываясь при этом вниз, как это случилось бы, расти дерево на Земле. Здесь же некая сила сродни гравитации прижимала людей к коре точно по радиусу к центральной оси ветви, и, куда бы они ни шли, ветвь всегда была под ними, то есть внизу, а все остальное — вверху. Единственное, что изменялось при движении, это ориентация самого «эвкалипта». Казалось, он валится то вправо, то влево, то превращается в горизонтальную стену, то в вертикальную.

Прошагав около пяти километров «вниз и в длину» по твердой крупнопористой коре ветви, вовсе не похожей на кору, а скорее напоминавшей слой утрамбованного торфа серо-желтого, иногда более темного, кофейного цвета, путешественники обнаружили сначала заросли высокого высохшего лишайника, а за ними неглубокую ложбину с торчащей из нее уродливой башней. Подойдя ближе, они поняли, что башня на самом деле является засохшей ветвью того же дерева, только несравненно меньшего диаметра. Но и толщина этой «веточки» у основания достигала сотни метров, о высоте же и говорить не приходилось: сухая, морщинистая, сучковатая вершина ветви уходила вверх за пределы атмосферы, исчезая в мерцающей, размывающей очертания предметов дымке.

Но не величина ветви поразила землян. Она оказалась полой, имея множество дыр и дупел, а особо большие дупла диаметром до двадцати метров, расположенные у основания ветви, были забраны самой настоящей сетью красного цвета и охранялись двумя гигантами, похожими на циклопов, известных путешественникам по земным мифам и легендам.

Циклопы имели толстые короткие ноги, поросшие бурой шерстью, толстые бочкообразные туловища, волосатые лапы, бесформенные бугристые головы, растущие прямо из плеч, с обширными лысинами, а также заросшие волосом лица с картофелеобразными носами. На лбу у каждого сверкал глаз. На плечах великаны держали огромные дубины, каждая — толщиной с тушу быка. Рост обоих достигал высоты четырехэтажного дома.

— Турсы, — сказал Будимир, мгновенно оценивающий обстановку, где бы они ни появлялись. — Охраняют острог с пленником.

— Мне бы сейчас не помешал РПГ, — проговорил Ростислав задумчиво, оценивая стражу.

— Что? — не понял мальчик.

— Гранатомет. Этих красавцев только гранатой и возьмешь, а еще лучше ракетой из ПЗРК.

— Неужели вы собираетесь с ними сражаться? — наивно ахнула Ненагляда. — Они же вон какие огромные!

— Ничего, величина еще не говорит о силе. Предлагаю подойти поближе и попросить циклопов отпустить пленника. Хотя вряд ли они послушаются. Интересно, кто их хозяин? Зачем ему понадобилось держать в тюрьме птицу? Кстати, какую?

— Это не простая птица, — проговорил Будимир. — Сокол Соколов. Магическое существо, поддержавшее когда-то светлые силы в борьбе с Люцифером.

— Откуда тебе это известно? Или ты с ним общаешься?

Мальчик кивнул.

— Ясно. Значит, его захватили слуги Уицраора и заперли здесь, чтобы не мешал планам их господина. Это нам знакомо. Пошли, Дима. А ты останься здесь, девочка, мало ли что случится. Хотя, думаю, мы справимся с этими парнями.

Ненагляда схватила его за руку, но устыдилась своего порыва, отступила, потупив взор.

— Я подожду, гридь.

Ростислав почувствовал желание обнять девушку и даже сделал движение к ней, но наткнулся на недоумевающий взгляд Будимира и опомнился. «Странно все же, что она так действует на меня», мелькнула почти задавленная эмоциями мысль. Но не задержалась в голове, утонула в более важных переживаниях.

Они с Будимиром двинулись к дереву-тюрьме, внутри которой иногда мелькало что-то серебристое, белое, живое. Однажды в одном из верхних отверстий даже показался круглый, янтарно-желтый, явно птичий глаз.

Циклопы, обходившие дерево кругом, наконец заметили гостей, остановились, в недоумении разглядывая их. Каждый из гигантов был в десять раз выше Светлова и мог бы спокойно раздавить человека ногой.

— Эй, уроды, здравия желаю! — крикнул Ростислав, сложив ладони рупором. — Есть деловое предложение.

Великаны-турсы переглянулись.

— Угр хыхр? — пробурчал первый.

— Кто это? — перевел лингвер, хотя мгновением раньше Светлов и сам понял сказанное. Турсы разговаривали на одном из диалектов «провальных» миров Шаданакара, соседствующих с хронами Великих игв. Как они очутились здесь, в мире Гагтунгра, в другой метавселенной Веера, можно было только догадываться.

— Руссини бругдиг, — весело ответил Ростислав, что в переводе означало: «русские пришли». — Недерр фих герр баринегг (Предлагаю отпустить пленника). Хиш манар брад (Он мой друг).

Циклопы снова переглянулись, потом зычно заржали, разевая черные пасти. Один из них снял с плеча дубину, присел на корточки, навис над землянами, произнес одно длинное, почти непроизносимое человеческим языком слово.

— Ты, наверное, хочешь умереть, козявка? — перевел лингвер.

Ростислав пригорюнился, ответил в том же тоне:

— А вам, наверное, давно не мяли бока, мальчики?

Турс выпрямился, глаз его налился кровью.

— Гхрро?! (Что?!)

— Что слышал, — пожал плечами Ростислав. — Может, до-

говоримся по-хорошему? Вы отпускаете пленника, мы дарим вам жизнь.

— Агр ахр! — прорычал второй циклоп, что переводилось как известное земное ругательство. — Фих герр буррухимм!

Он замахнулся дубиной, ударил, но дубина с лета наткнулась на невидимое препятствие, соскользнула и ахнула прямо по ноге приятеля. Тот завопил так, что затряслась ветвь под ногами, бросил свою дубину, схватился лапами за раздробленную ступню и запрыгал на одной ноге. Повалился на спину, продолжая вопить.

— Больно? — посочувствовал Ростислав, переждав крики. — Видите, какие вы неловкие? Чего доброго перебьете друг друга. Стоит ли так рисковать?

Турс, покалечивший приятеля, в недоумении глянул на него, заревел, ударил еще раз. Дубина отскочила от невидимого зеркала и едва не угодила ему в лоб. Циклоп отшатнулся, опустил дубину, озадаченный случившимся.

— Хочешь, вылечу твоего напарника? — спокойно предложил Светлов.

Раненый турс перестал подвывать, посмотрел на своего сородича, проворчал что-то сквозь зубы. Тот заколебался, не зная, как поступить, поднял дубину, опустил, снова поднял. Потом недоверчиво глянул на не двинувшихся с места землян.

— Угр йе? (Кто вы?)

— Люди, — ответил Ростислав. — Издалека идем, друзей ищем.

— Льюддь? Кадаббрусс? (Волшебники?)

— Естественно, — кивнул Ростислав, забавляясь. — Так что, будем сражаться или разойдемся миром? Еще раз предлагать такие выгодные условия не буду.

— Мы не можем... мы служим...

— На них заклятие, — тихо сказал Будимир.

— Можешь снять? — так же тихо спросил Светлов.

— Попробую.

— Мы вас освободим от этой неблагодарной работы, вылечим ногу, идите на все четыре стороны.

Турс переложил дубину из лапы в лапу, с сомнением посмотрел на землян, перевел взгляд на поскуливающего напарника.

— Придет господин, он нас замучает!

— Кто ваш господин?

— Великий игва Дуггур!

Ростиславу послышался чей-то тихий, еле слышный возглас: «Кретины!» — он даже оглянулся в поисках того, кто мог прошептать это слово, но турс заговорил снова:

— Вам с ним не справиться... убирайтесь!

— А может, все-таки справимся? Он далеко, мы близко. Кого вы боитесь больше?

— Его! Он сильнее! И близко!

Ростислав хмыкнул, оглянулся на засветившегося Будимира.

— С каких это пор игва Дуггур, он же Праселк, он же наместник хаббардианский, стал Великим? И что означает — он близко? Где? Здесь, в хроне Гагтунгра?

Глаза мальчика метнули молнии.

Оба циклопа вздрогнули, раненый перестал подвывать, его спутник выронил дубину, выкатил глаз, ухнул, растерянно прислушался к своим ощущениям. Переступил с ноги на ногу.

— Вы козявки... вы не сможете... Великий игва превратит вас... он сильнее... вы слабые совсем... он сильный... вы... — Бормотание циклопа становилось все невнятнее и слабее, наконец он замолчал и вдруг сел на землю с осоловелым видом.

— Все, снял, — с облегчением сказал Будимир. — Теперь они будут повиноваться нам. Вообще-то турсы незлобные существа, но у них рабская психология, они привыкли кому-либо служить, не важно кому.

— Это высказывание в духе твоего учителя.

— Дядя Толя любит четкие формулировки, — слабо улыбнулся Будимир. — Но разве он не прав?

— Прав, наверное. Во всяком случае, он знает больше, чем я. Прикрой меня в случае чего.

Ростислав достал склянку старухи Ягойой с мертвой водой, подошел к лежащему на спине циклопу.

— Лежи смирно, лечить буду! Лапы убери!

Турс замер. Поколебавшись, отнял от раздробленной ступни волосатые лапы. Ростислав покачал головой, разглядывая сочащуюся из ран голубовато-серую жидкость.

— Надо же, у них кровь голубая... Не дергайся, я сказал!

Он смочил носовой платок водой из оранжевой склянки, протер ступню великана. Тот дернулся, утробно охнул, заворчал, но остался на месте. Прислушался к себе, с удивлением и недоверием посмотрел на почти мгновенно затянувшиеся раны, пошевелил пальцами ноги — их было шесть, все без ногтей.

— Великий Дуггур!..

— Великий я! — поправил его Ростислав. — С этого момента будете служить мне, а не какому-то Дуггуру. Может, он и велик, но вряд ли стал бы вас лечить. Вставай, все уже, лечение закончено.

Турс заворочался, недоверчиво-радостно ощупывая ногу, поднялся во весь рост.

— Я твой раб! Приказывай!

— Ты был прав, — вздохнул Ростислав, обращаясь к Будимиру. — Им все равно, кому служить. Итак, господа циклопы, вы свободны. Взять с собой мы вас не можем, поэтому живите здесь, помогайте слабым и беззащитным, не обижайте маленьких и никогда не служите Дуггуру! Что бы он вам ни предлагал! А если объявится здесь — прогоните его!

— Это им не под силу, — усмехнулся Будимир.

— Ничего, главное, чтобы они не перешли на его сторону. Чем больше друзей мы сделаем из врагов, тем слабее будет основной наш соперник — Уицраор. — Ростислав повернулся к турсам. — Уходите. Когда вы мне понадобитесь, я вас позову.

Циклопы подобрали дубины и послушно двинулись прочь от тюрьмы, которую охраняли неведомо сколько времени. Увидев Ненагляду на холме, они приостановились, переглянулись, а потом вдруг побросали дубины, развернулись и помчались в обратную сторону, не разбирая дороги, спотыкаясь и падая. Через минуту они скрылись за вздутием-холмом ветви, еще некоторое время доносился треск кустарника и топот, но и он стих.

— Что это с ними? — удивленно осведомился Ростислав. — Такое впечатление, что они испугались. Ты никого не видишь?

— Я бы предположил... — начал Будимир, умолк.

— Что?

— Нет, ничего... этого не может быть. Я устал, дядя Слава.

— Колдуй дальше, снимай заклятие с этой дырчатой камеры. Потом отдохнем.

Мальчик кивнул, потер ладошкой лоб, сосредоточился.

Красная сеть, опутывающая засохший сук с дуплами, тускло засветилась, начала корчиться, как живая, протаяла жидкими струйками и вскоре испарилась.

Внутри деревянной тюрьмы наметилось какое-то движение, послышалось шуршание, скребыхание, царапанье, и на свет появилась гигантская рогатая птица, сияющая серебром перьев, с хищным клювом и умными янтарно-желтыми глазами. Расправила крылья, достигавшие в размахе двадцати метров, подпрыгнула несколько раз, будто разминаясь после долгого плена, внимательно оглядела застывших путешественников. Затем открыла клюв и проговорила на чистом русском языке:

— Рад познакомиться, освободители. Я сокол Рамаг, сын Симаргла и Гамаюн.

— Меня зовут Ростислав, — представился Светлов, понимая, что «русский» язык птицы рожден его подсознанием. — Это Будимир, сын Седьмого. И Ненагляда, жительница Белобог-Руси.

Сокол зорко посмотрел на девушку, прижавшую к щекам ладони.

— По слухам, моих освободителей должно быть двое. Вас трое. Что-то случилось непредвиденное, это неправильно. Однако примите мою благодарность, друзья, я жду избавления уже много лет, если исчислять этот срок в земных годах. Если потребуется помощь, можете мной располагать.

— Спасибо, не надо, — стесненно проговорил Будимир. — Может быть, вы слышали что-нибудь о людях, путешествующих по этому миру? Здесь должны были появиться двое наших соотечественников...

— Его отец и друг, — добавил Светлов.

— Нет, не слышал, к сожалению, — ответил Рамаг, встопорщил перья на шее. — Но если они находятся в Дигме, их можно поискать.

— Как?

— Я помогу вам. Садитесь на меня и держитесь покрепче. Я один из д р е в н и х, и это мой мир. Великий игва Гагтунгр когда-то переделал его, но уничтожить д р е в н и х не сумел. Я знаю здесь каждый уголок, каждый кустик.

— Хорошая идея, — согласился Ростислав. — Однако нас трое. Унесешь всех?

Сокол Соколов открыл клюв, что, возможно, означало улыбку.

— С и л о й не обделен. Игва Дуггур поймал меня в ловушку случайно, с помощью примитивной, старой как мир хитрости. Больше на эту уловку я не попадусь.

— Что за хитрость?

— Самка, — еще раз «улыбнулся» Рамаг. — Простите за откровенность. Я просто потерял голову.

Ростислав невольно оглянулся на Ненагляду, которая уже бежала к ним со всех ног, преодолев две сотни метров буквально за считанные секунды.

— Почему вы их не убили? — воинственно спросила она, имея в виду, очевидно, циклопов. На гигантскую птицу, освобожденную землянами, она не обратила никакого внимания.

— Зачем? — пожал плечами Ростислав. — Мы их победили, заставили слушаться, из врагов превратили если и не в друзей, то в соратников. Зачем же убивать? Мы лежачих не бьем.

— Садитесь, — поторопил их Сокол. — Время дорого. Меня ждут мои соотечественники, а вас — ваш путь. К тому же я чувствую какие-то не слишком приятные колебания эфира.

— Я тоже, — смущенно признался Будимир.

Ростислав первым полез на подставленное крыло магической птицы.

Глава 2

Никогда прежде им не доводилось летать на огромном соколе, сидя у него на спине и цепляясь за перья.

Сначала они боролись со страхом высоты и качкой: Рамаг летел, то проваливаясь вниз, то взмывая вверх, что не могло не сказаться на самочувствии седоков. Потом Сокол Соколов приноровился к ноше и полетел ровнее, а его пассажиры наконец принялись разглядывать «лесные» пейзажи Дигма, находя и сходство с земными лесами, и весьма существенные различия.

Чем больше они удалялись от колоссальных деревьев, представляющих, по сути, графы — топологические уровни многосложной пространственной структуры Дигма, тем больше мир Гагтунгра походил на лес, основание которого и кроны утопали в тумане. Но стоило приблизиться к любому дереву, как оно превращалось в чудовищную конструкцию планетарного масштаба, соединявшую в себе функции дерева — как растительной экологической системы — и физического объекта со своими иерархиями, законами и ландшафтами. И Ростислав не удивился, получив в ы л е т пакета информации из глубин памяти о том, что деревья Дигма являются сложнейшими фрактальными образованиями нецелочисленной размерности типа рандомированной L-системы с бесконечным стеком[1].

Однако поиски Сухова-старшего и Такэды, длившиеся несколько часов, — за это время Сокол Соколов пролетел мимо тысячи деревьев Дигма, — ничего не дали. Искать их визуально не имело смысла, на этот процесс требовалось огромное количество времени и соответствующая аппаратура, в ментальном же поле Будимир ничего н е с л ы ш а л. Если отец и находился на поверхности одного из миров-деревьев, то очень далеко от зоны поисков. Так далеко, что с в е ч е н и е его ауры не достигало псисферы сына.

Наверное, они продолжали бы кружить по лесам Дигма еще долго, несмотря на усталость — свою и огромной птицы, но Ненагляду стало тошнить, Будимир тоже несколько раз терял сознание от слабости, и Ростислав решительно прервал полет.

— Все, закончили! Рамаг, высади нас где-нибудь на ближайшем суку.

Сокол молча направился к всплывшему из дымки атмосферы Дигма дереву, тяжело взмахивая крыльями. Чувствовалось,

[1]Читателей, интересующихся фракталами, автор отсылает к книге Р. Кроновера «Фракталы и хаос», издательства «Постмаркет», Москва, 2000.

что летит он из последних сил, не жалуясь тем не менее и не показывая своего недовольства.

«Приземлились» на изогнутой дугой ветви колоссальной «пальмы». Рамаг сложил крылья, приник к поверхности ветви всем телом, топорща перья на затылке и часто дыша.

— Прошу прощения, друзья, я еще не пришел в себя после заточения, маловато сил осталось. Хотя после отдыха я могу продолжать поиски.

— Нет, физические поиски бесперспективны, — твердо сказал Ростислав. — Уверен, наши соотечественники отбились от «чекистов» и покинули Дигм.

Говорилось это больше для успокоения Будимира, а не для Рамага, мальчишке требовались внимание и забота, и он это оценил, благодарно взглянув на Светлова.

— Возвращаемся в Эраншахр, во дворец Даймона, — продолжал Ростислав, стараясь не отвлекаться на Ненагляду, чьи взгляды продолжали действовать на него, как наркотик. — Включим монитор Тзола и попытаемся поискать наших с помощью магических видеосистем Великих игв. Заодно и отдохнем. Возражения есть?

— Давно надо было так поступить, — надула губки Ненагляда. — Только потеряли время.

На гигантского рогатого Сокола она по-прежнему не обращала внимания, будто его не существовало в природе, и это ее странное равнодушие начинало беспокоить Ростислава. Хотя мысли об этом быстро тонули в омуте других мыслей, чувств и желаний.

— Дима, надо найти дупло с узлом хроноперехода. Ты в состоянии это сделать?

— У нас есть кляца... — еле слышно выговорил Будимир.

Он совсем обессилел, побледнел, под глазами легли тени.

— Понятно, не в состоянии. Придется воспользоваться подарком хаббардианки Домны. Лишь бы кляца не протухла и перенесла нас куда надо.

Ростислав ожидал вопроса Ненагляды: что такое кляца? — но его не последовало. В последнее время девушка почему-то не проявляла любопытства. Скорее всего из-за усталости.

— Прощай, Сокол, — сказал Ростислав. — Спасибо за помощь. Возможно, мы еще встретимся.

— Буду рад, — отозвался Рамаг, взмахнул крыльями, подпрыгнул, косо пошел вверх, огибая ветвь, затем нырнул вниз и пропал за округлостью ветви.

Люди остались одни.

Ростислав шагнул к сыну Сухова, прижал к себе на несколь-

ко мгновений, чувствуя, как тот дрожит словно от холода. Погладил по голове.

— Держись, парень. Все будет хорошо. Сам же говорил, что твой отец — непревзойденный мастер воинских искусств, да и дядя Толя тоже. Они не пропадут.

— Я знаю, — прошептал мальчик.

— Вот видишь, — улыбнулся Светлов, не обратив внимания на смысл слов «я знаю». — Сейчас поедим, отдохнем, приведем себя в порядок и пойдем дальше. Глотни вот водички.

Будимир безропотно сделал два глотка из фляги, слегка ожил. Достал из кармашка яйцо бабы Домны. Ростислав взвесил его в руке и без лишних слов ударил о «землю».

Яйцо разбилось, вспухло облаком дыма, превратилось в миниатюрную копию избы на дымной подушке.

— Залезаем.

— Я боюсь! — отнюдь не робким голосом проговорила девушка. — Это же навница, у нас в ней умерших хоронят.

— Кто сказал, что мы живые? — пошутил Ростислав. — Не бойся, это всего-навсего кабина лифта, соединяющего царства Великих игв. Была бы у нас еще одна кляца, мы бы и тебя домой отправили таким образом.

— Я одна не пойду! Ни за что!

— Для тебя есть другой транспорт. Не стойте, проходите.

В стене избушки образовалась косая дыра входа. Путешественники вошли в нее один за другим, остановились в центре избы, освещенной багровыми сполохами стен.

— Помоги, дядя Слава, — попросил Будимир. — Надо дать точные координаты, я один не справлюсь.

— Не тревожься, Избавитель, прорвемся.

Состояние *саммай* пронзило его световой стрелой, так что завибрировала каждая клеточка тела. Ростислав до мельчайших деталей вспомнил пейзажи Эреба, затем обстановку и интерьеры дворца Даймона, сосредоточился на зале с видеомонитором. Одно время ему казалось, что память сопротивляется, мешает ему вспоминать, подсовывая соблазнительные картины ожидаемого отдыха с Ненаглядой, потом он разозлился и отогнал видения. Наступил миг выхода.

— Поехали!

Стены избы вспыхнули и погасли.

Черная бездна...

Невесомость...

Удар в ноги, в голову, в сознание...

Проскочили потенциальный барьер между хронами, мелькнула мысль.

Еще удар и — свет!..

Все трое вывалились из тоннеля вневременного движения в какую-то темную комнату и не удержались на ногах.

З а п а х!

Ростислав понюхал воздух, кивнул сам себе.

— Поздравляю с прибытием, леди и джентльмены. Мы на месте.

— Где? — слабым голосом спросила Ненагляда.

— Во дворце Даймона. Кляца не подвела. Вставайте, пойдем искать зал с монитором.

Ростислав подал руку Будимиру, потом девушке, ощутив толчок сердца и могучее желание прижать ее к себе. Сдержался. Что-то звякнуло, в стене комнаты образовался более светлый проем — открылся выход. Техника Тзола узнала недавних своих гостей и приветствовала их готовностью повиноваться.

* * *

Понимая, что Будимир будет волноваться за судьбу отца и учителя и не отдохнет как следует, Ростислав позволил ему настроить монитор Даймона на поиски пропавших, и путешественники, сидя в креслах напротив журнального столика с «тюльпаном» устройства связи, некоторое время наблюдали за вспыхивающими в окнах-экранах только что покинутыми пейзажами Дигма. Видеосистема Великих игв работала отлично, показывая дерево за деревом в «лесу» Дигма, шли минуты, складывались в часы, экраны то и дело выхватывали сцены жизни на ветвях «живых фракталов», показывали странных существ, населяющих эти «древесные» миры, но нигде ни разу не мелькнули знакомые фигуры.

В принципе ждать, что видеокамера заметит людей в гигантском лесу-вселенной, было все равно что искать иголку в стоге сена. Поэтому не стоило особенно надеяться на результат. Подумав об этом, Ростислав хотел было поделиться сомнениями с Будимиром, но вдруг заметил, что мальчик спит. Слова замерли у него на губах.

— Разбуди, — предложила Ненагляда, выглядевшая на удивление бодрой и жизнерадостной. — Кто же так батюшку разыскивает?

— Утомился парень, — вступился за мальчишку Ростислав. — Организм молодой, неокрепший, растет еще, требует энергии. Пусть поспит, да и нам тоже не мешало бы отдохнуть.

— Здесь, в повалуше? — сморщила носик Ненагляда. — Мне надо сходить в ухожь... и на полатях понежиться, я тоже изнурилась вся.

— Сейчас решим проблему.

Ростислав сосредоточился на вызове местного «компьютера», вспоминая то, чего до этого не знал, и в голове зазвучал скрипучий размеренный пси-голос:

«Готов служить...»

«Требуется организовать две комнаты отдыха, — мысленно отозвался Ростислав. — Одна для женщины — со всеми удобствами, разумеется, одна для двух мужчин. Задание понятно?»

«Параметры?»

«Даю образ — запоминай и выполняй. Выходы в комнаты отдыха сооруди прямо из этого зала. Готов? Начинаем».

Ростислав представил «номер гостиницы» для Ненагляды, потом для себя с Будимиром. Весь сеанс заказа длился около минуты.

«Принял?»

«Заказ выполнен», — почти сразу же ответил «компьютер» Тзола.

В стене зала с монитором связи возникли две двери.

Ростислав мысленно поцокал языком: магическая техника дворца Даймона действовала выше всяческих похвал, — посмотрел на заинтересованно наблюдавшую за ним Ненагляду:

— Апартаменты готовы, леди, можешь идти отдыхать.

— Я думала, ты вельми простой гридь, — улыбнулась девушка, обнимая его глазами, — а ты волхв. — Она подхватилась с кресла, направилась к одной из дверей, покачивая бедрами так соблазнительно, что у Светлова снова пересохло в горле. Оглянулась на пороге, безошибочно угадав вход в «женский» гостиничный номер. — Заходи в гости, гридь-волхв, коли есть что предложить.

Исчезла.

Ростислав опомнился, стиснул зубы, унимая сердце, приказал себе: сидеть! Вспомнил о спутнике, взял Будимира на руки и отнес в свой номер, где стояли две кровати. Управитель Тзола сделал все в точности, как приказал ему Светлов.

Навалилась усталость. Чувствуя себя разбитым, он поплелся в ванную комнату, расстегивая на ходу комбинезон, мечтая окунуться в воду. Побриться бы надо, сказал кто-то внутри него, а то выглядишь как старик. Девушки любить не будут. Улыбнувшись, он потянул молнию на груди, и в это время в номер заглянула Ненагляда. Почти голая, босая, в юбочке из полупрозрачной пушистой ткани.

Язык Ростислава прилип к гортани, сердце рванулось в груди плененной птицей, в закружившейся голове поплыл тягучий струнный звон, как от удара дубиной.

— Идем, гридь, — сверкнула глазами девушка, беря его за

руку. — Неужели все земляне такие робкие? Не видишь, я по тебе сохну?

Он безропотно зашагал за ней, ничего не видя, не слыша затихающего детского голоска разума, не чувствуя, как в кармане комбинезона налился теплом талисман Миха.

Очнулся он уже в номере Ненагляды, не сразу сообразив, что происходит. Он стоял посреди комнаты, не в силах ни двинуться с места, ни шевельнуть пальцем, беспомощный и пустой, как выжатый лимон. В гулком пространстве головы вяло кружилась тусклая мысль: встряхнись... не позволяй себе... встряхнись...

Перед глазами возникло пленительное видение — нагая Ненагляда в образе обворожительной нимфы с распущенными волосами. Глаза ее горели черным огнем, пунцовые губы презрительно улыбались.

— Оклемался, богатырь? Я думала, с тобой придется повозиться, а ты попался как трехлетний малыш. Теперь ты в моей власти. Вы оба в моей власти! Избавители, так сказать. — По губам Ненагляды вновь скользнула презрительная улыбка. — Когда мне сообщили, что на «лестнице» появился новый Посланник, точнее, легендарный Избавитель, я не поверил. Мало кто решится в наше время на такой подвиг. Однако слухи подтвердились, и мне пришлось приложить немало усилий, прежде чем я вышел на вас. В сущности, все мужчины попадаются на один и тот же прием, в мире со времен Начала ничего не изменилось. Попались и вы.

— Дуггур!.. — беззвучно шевельнул губами Ростислав.

— Он самый, — раскланялась Ненагляда, явно забавляясь. — Вернее, одна из моих ипостасей. Старые мои слуги не смогли оценить и вовремя остановить вас, пора менять их, а вы оказались оперативнее и даже сумели добраться до владений моего старшего братишки Гагтунгра. Хвалю. Однако зачем вам меч старины Святогора, гридь? Вы бы все равно не смогли им воспользоваться, даже если бы и нашли.

— Зло... — Ростислав хотел сказать: меч нужен, чтобы нейтрализовать зло, — но смог выговорить лишь последнее слово.

Ненагляда покачала головой.

— Зло мечом не победишь, гридь. Это давно поняли у вас на Земле, хотя далеко не все. Нужны другие методы, другие законы. Да и что такое зло в человеческом понимании? Ведь сколько людей — столько и мнений, уж я-то человеческую породу знаю, давно с вами работаю.

— Отпусти... и я объясню тебе... демон...

— Неужели ударишь женщину? — засмеялась Ненагляда,

подошла ближе, оглаживая ладонями грудь, облизнула губы, заглянула в глаза, жарко прошептала: — Х о ч е ш ь?

— Отпусти... мальчишку...

— А вот этого обещать не могу, — сожалеющим тоном проговорила девушка, погрозила пальчиком. — В отличие от тебя, гридь, всего лишь потенциального паранорма, он — потенциальный Оператор Веера, каким был и его отец. Таких надо останавливать.

В душе Ростислава проснулась волна ярости. Он рванулся изо всех сил и на мгновение освободился от волевых оков Дуггура. Прыгнул к Ненагляде, заставив ее с удивлением отшатнуться. Затем брови девушки сошлись к переносице, в глазах сквозь вожделение и сарказм сверкнула жестокость.

— Однако ты еще опасен, меченоша. Пора и тебя останавливать.

С пальца Ненагляды сорвалась фиолетовая молния, вонзилась в грудь Ростислава. Он почувствовал самый настоящий взрыв, укол боли и провалился в темноту беспамятства.

Пришел в себя от боли. Вспомнил взгляд девушки, в которую вселилась «проекция» Дуггура, взрыв на груди, застонал, открыл глаза. Он лежал на полу комнаты на боку. Болела грудь, пульсировала болью голова. Боль в груди была сильнее, кожу жгло, однако не так, как при открытой и глубокой ране.

Ростислав пошевелился, скосил глаза, ожидая увидеть обожженную дыру в комбинезоне, и впрямь увидел рваную дымящуюся дыру на месте кармана. Но кроме жжения и пульсирующей боли — так болит ожог — никаких побочных негативных ощущений не испытывал. Кровь из раны не лилась, комбинезон не прилипал к телу, голова хотя и кружилась, но не от потери крови. Раны на груди не было!

Он дотронулся до рваной дыры, наткнулся на острые кусочки металла и вдруг понял, что в кармане взорвался амулет! Молния Ненагляды-Дуггура попала прямо в Миху, и тот взорвался, принимая на себя энергетический удар и тем самым спасая хозяина.

«Будимир!» — пронзила голову тревожная мысль. Она пошла к нему! Парень спит и ни о чем не подозревает!

Ростислав сел, заставил себя собраться, с великим трудом встал. Заковылял к двери, чувствуя себя раздробленным на части, плохо подчинявшиеся волевому усилию.

Дверь в комнату, где спал мальчик, была открыта. Оттуда доносился какой-то скрип, удары, похожие на щелчки кнутом и гневные возгласы. Ростислав вошел, и глаза его полезли на лоб.

Будимир сидел, скорчившись, на кровати, обхватив колени руками, накрытый дымно-прозрачным куполом, а напротив, в

пяти шагах стояла Ненагляда и наносила по куполу удары толстой светящейся плетью, приговаривая:

— Все равно сдашься, змееныш! Я тебя достану, не спрячешься, не так уж ты и могуч, сынок Седьмого. Твой папаша был посильнее. Вот так! Вот так тебе! И так! И еще...

Удары плетью оставляли на дымном куполе черные трещины, которые затягивались все медленнее. Сопротивление мальчишки возбуждало у Дуггура ярость, и он бил все сильнее, так что содрогались стены, пол и потолок комнаты, в которых конец плети оставлял длинные оплавленные шрамы.

Почуяв взгляд Светлова, Ненагляда оглянулась. Глаза у нее пылали внутренним огнем и казались черными колодцами, в которых клокотала расплавленная лава угрозы, злобы и высокомерия.

— Меченоша?!

— Он самый, — прохрипел Ростислав, с трудом отражая острый ментальный выпад демона.

Он заметил на щеке Будимира кровавый рубец — след плети Ненагляды, и сердце его ожесточилось.

— Надо же, ожил наш защитник! Похоже, я тебя недооценил. Что ж, прими мои поздравления и прощай, ты лишний на этом празднике жизни.

Ненагляда взмахнула плетью, но ударить Ростислава не успела. Он поднес к губам свирель старухи Ягойой и дунул.

Свирель не свистнула — зашипела по-змеиному, но и этого слабого звука оказалось достаточно, чтобы усмирить разбушевавшуюся «проекцию» игвы.

Ненагляда выронила плеть, побелела, схватилась руками за горло. Глаза ее вылезли из орбит и стали п у с т ы м и. Затем она выговорила коснеющим языком: «Будь ты про...» — и опустилась на пол. Плеть, упавшая рядом, вдруг покрылась «шерстью» искр, задымилась и превратилась в струю бурого дыма, растаяла. Руки Ненагляды безвольно разжались, взгляд потух. Она была мертва.

— Дядя Слава! — кинулся на грудь Светлова Будимир, сотрясаясь от рыданий. — Она... она... я не верил... а она...

— Я знаю, — глухо отозвался Ростислав, прижимая его к себе и глядя на прекрасное и в смерти тело девушки из Бело-Руси. — Я знаю, малыш. Мне надо было догадаться раньше. Это я во всем виноват.

— Я видел... она скрывала... а я не предупредил... думал, вы знаете... — захлебываясь слезами, быстро и невнятно говорил мальчик, постепенно успокаиваясь. Затих, всхлипывая.

Ростислав все еще разглядывал Ненагляду, чувствуя себя совсем разбитым, потом ему в голову пришла сумасшедшая идея.

— Дима, а она... совсем умерла? «Проекция» Дуггура исчезла, но ведь Ненагляду еще можно спасти?

Слезы мгновенно высохли у мальчика на щеках. Он недоверчиво посмотрел на Ростислава снизу вверх, шмыгнул носом.

— Вы серьезно хотите ее... оживить?

— Она мне нравится, — признался Ростислав с кривой улыбкой. — А у нас есть мертвая и живая вода. Может быть, попытаемся?

Будимир оглянулся на девушку, содрогнулся, виновато покосился на спутника.

— Я, наверное, не смогу...

— Не бойся, игва Дуггур нейтрализован и больше здесь не появится. Жаль ее, она ни в чем не виновата.

Будимир проглотил ком в горле, выпрямился, борясь со своими страхами и слабостью.

— Хорошо, я не возражаю... только у меня совсем не осталось сил...

— У меня тоже не слишком много, однако нельзя терять ни минуты. Что, если я сначала подую в свирель с другого конца, который оживляет умерших? Леший Жива утверждал, что дудка поднимает даже мертвых.

— Метазвук структурирует биологические системы, но вряд ли может вдохнуть душу в мертвое тело.

— Согласен, жизнь — это прежде всего деятельность души. Мы можем получить зомби, ожившего мертвеца, а не живого человека. Тогда надо объединить усилия. Я сначала помажу ее живой водой, а потом свистну в свирель.

Ростислав достал склянки Бабы-Яги, оранжевую и голубую, смочил себе грудь водой из оранжевой склянки, а лоб из голубой, сразу почувствовав огромное облегчение. Кожа на груди перестала болеть и жечь, голова прояснилась, приток сил снял усталость.

То же самое Светлов сделал Будимиру: сначала протер ему щеку платком, смоченным мертвой водой (рубец в течение нескольких мгновений побледнел, усох и почти пропал, втянулся в кожу), а затем дал глотнуть живой воды. После этого он занялся Ненаглядой, с содроганием, страхом и надеждой глядя на ее бледное прекрасное лицо.

Страх был двойственного плана. Ростислав боялся, что не сможет оживить девушку, образ которой поселился в сердце вопреки собственной воле, и в то же время опасался, что «проекция» игвы Дуггура оставила «печать зла» в памяти и в душе Ненагляды.

Своими переживаниями он, однако, делиться с Будимиром не стал, не желая выглядеть в его глазах рохлей.

Сдерживая дрожь в руках, затаив дыхание, он смочил лицо и лоб девушки живой водой, влил глоток в полуоткрытый рот и подул в темный конец свирели.

Ресницы Ненагляды затрепетали, грудь колыхнулась. Она сделала вдох, закашлялась до слез, приподнялась и села, ничего не видя перед собой. Потом вытерла кулачком глаза и увидела смотревших на нее мужчин. В глазах девушки всплыл страх.

— Кто вы?!

Она ничего не помнила!

— Люди, — улыбнулся с невольным облегчением Светлов. — Меня зовут Ростислав или Слава, его Будимир или Дима. А тебя?

— Ненагляда, — прошептала девушка, обнаруживая, что она почти нагая. Прикрыла грудь руками.

Имя свое она вспомнила. Но землян — нет.

— Все хорошо, девочка, все хорошо. — Ростислав поднялся с колен. — Сейчас мы принесем твою одежду. Идем, Димка.

В зале с монитором он сказал на ухо мальчику:

— Не говори ей ничего о Дуггуре, так будет лучше.

Будимир согласно кивнул.

Глава 3

Они провели во дворце Даймона еще сутки.

Ненагляда действительно ничего не помнила, кроме того, что последний год жила в отдельном «коттедже» Гиибели, и выслушала историю своего освобождения с великим изумлением, хотя поверила своим спасителям сразу. На Будимира она смотрела с нежностью и обожанием, как на младшего брата, на Светлова — с почтением, благодарностью и любопытством, которое переросло в некий скрытый л и ч н ы й интерес, когда Ростислав наконец осуществил свою мечту и побрился, помолодев сразу как минимум лет на пятнадцать.

Он и сам удивился этому эффекту, разглядывая себя в зеркале «гостиничного номера», не узнавая и радуясь, что не выглядит теперь угрюмым полуседым стариком.

После отдыха они обыскали владения Великого игвы, обнаружили нечто вроде гигантского музея оружия, однако не стали вооружаться, хотя у Светлова, понимавшего толк в оружии, чесались руки и он долго приглядывался к мечам и разного рода пистолетам. Но не взял ничего. Зато там же, в «музее», они наткнулись на самый настоящий гардероб и переоделись в найденные спецкостюмы наподобие космических скафандров, имеющих собственные энергоисточники. Костюмы сами подстраива-

лись под фигуры владельцев, общались с ними в ментальном диапазоне (Ненагляда, услышав чужой голос, сначала испугалась) и выполняли все команды беспрекословно, будто специально оставленные кем-то именно для землян.

Будимира и Ненагляду это обстоятельство не удивило, хотя и в силу разных причин, Ростислава же заставило призадуматься. Он впервые оценил все счастливые случайности и совпадения, позволившие им выжить на пути через Шаданакар, и понял, что объяснить все случайным стечением обстоятельств нельзя. Существовал некий высший план их похода, о котором он не знал ничего. Поймав момент, когда Ненагляда отлучилась по естественной надобности, Светлов присел возле сидящего в кресле мальчика на корточки и сказал, глядя на него строго и серьезно, как на провинившегося:

— Дима, проясни-ка мне некоторые моменты нашей экспедиции. Момент первый: почему нас не преследуют «эсэсовцы» и «чекисты»? Те наши случайные стычки не в счет, они мне больше напоминают учения, а не профессиональные разборки охотников с дичью. Момент второй: как получается, что мы все время спасаем магических существ, буквально ждущих нас и знающих о своем скором освобождении? Одно спасение может быть случайным, два — это корреляция, три — уже статистика. Что знаешь ты, чего не знаю я? Только честно.

Краска бросилась в лицо Будимира. Он отвел глаза, но заставил себя смотреть на своего защитника и признался:

— Нам надо пройти Путем Духа, дядя Слава. Это путь спасения, сначала — других, потом — себя. Вот почему нельзя использовать оружие, ну, или только в крайнем случае, понимаете?

Ростислав кивнул.

— Понимаю. Что еще?

— Папа и дядя Толя... они отдельно... ну, они отвлекают погоню на себя, поэтому их нет рядом. Простите меня, пожалуйста, что не сказал. — В глазах мальчика набухли слезы. — Я не мог...

Ростислав поднялся, потрепал его по вихрам, задумчиво прошелся по залу, пощипывая непривычно гладкий подбородок. Сел в кресло, улыбнулся.

— Все правильно, малыш. Мне надо было самому догадаться, что это единственно верное решение. Все-таки я тугодум. Нас не брали в расчет, когда мы вышли в путь, так? Один — совсем ребенок, второй — хромой и увечный старик. Твой отец взял на себя тяжелую ношу организатора спецоперации, разработал отвлекающий маневр и увел охотников за собой. Здорово! Можешь им гордиться. Я думаю, он справится со своей миссией. Хорошо бы и нам не ударить лицом в грязь. Во что бы то ни

стало надо найти Финист и *умертвие* и поговорить с Уицраором по душам. Ты как настроен?

Говорить мальчику о том, что настоящий Дуггур — его многомерная «матрица» в иных пространствах и временах — наверняка знает о походе Избавителя, получив информацию от своей «проекции», Ростислав не стал. Лишний раз пугать Будимира не хотелось. После всего случившегося, после «изгнания беса» из Ненагляды стоило ждать появления н а с т о я щ и х охотников, и к этому надо было хорошо подготовиться.

Мысли о переходе в новое состояние, сопровождавшиеся легким удивлением (неужели это все случилось со мной?), продолжали появляться, но все реже и реже. Ростислав постепенно привыкал к вернувшимся физическим кондициям и к тем возможностям, которые давал ему канал связи с подсознанием, а через него — с н а д с о з н а н и е м — Хрониками Веера, с его глобальным информационным полем.

Подкрепившись остатками запасов еды Веселина и запив трапезу родниковой водой — никто не захотел воспользоваться услугами кухни Даймона, — путешественники снова начали было искать Сухова-старшего через видеосистемы Тзола, однако вскоре получили весьма ощутимый щелчок по носу. Автоматика дворца внезапно отказалась слушаться их приказов, заблокировала все входы-выходы и вообще свернула деятельность. Обстановка зала с монитором и креслами, адаптированного под восприятие землян, исчезла. Люди снова оказались под сводами ледяного грота, температура воздуха в котором не превышала десяти градусов по Цельсию, а потом и вовсе начала понижаться. Через несколько минут они вынуждены были воспользоваться услугами костюмов, превратив их в герметичные скафандры.

Ненагляда, родившаяся в магическом мире, с техникой подобного рода не сталкивалась, но быстро освоилась со своим положением, принимая скафандр за доброго «говорящего духа», проявляющего, кроме всего прочего, заботу о владелице. Ростислав некоторое время с беспокойством приглядывался к ней, пытаясь обнаружить следы «проекции» Дуггура на психику девушки, но не преуспел в этом, чему он был весьма рад. По-видимому, свирель Ягойой уничтожила пси-имплант игвы, не затронув родные структуры памяти и личности Ненагляды. Ну, а ее влияние на Светлова (господи, до чего же она непосредственна, чиста и красива!) вполне объяснялось не колдовством, а другими причинами: Ростислав влюбился! Хотя не хотел признаваться в этом даже самому себе. Уж слишком большая разница в возрасте разделяла их, по его мнению, — целых двадцать лет!

Поразмыслив, он пришел к единственному правильному решению:

— Вызывай Вольха, Никитич. Отправим Ненагляду домой, а сами вернемся на Свентану. Разбудим Святогора.

— Мы уже пытались, — несмело возразил Будимир.

— Во-первых, мы плохо подготовились к этому деянию. Во-вторых, ты за последнее время окреп и возмужал, да и я немного подтянулся. Будем будить Святогора вдвоем.

— Я с вами! — заявила Ненагляда.

Ростислав вздрогнул. Показалось, что в голосе девушки прозвучали знакомые нотки капризной требовательности, присущей игве Дуггуру. Но в глазах дважды спасенной жительницы Белобог-Руси — прозрачный шлем скафандра позволял видеть ее голову — не мелькали искры иронии и презрения, она просто не хотела расставаться со своими спасителями.

— Это невозможно, — сожалеюще покачал он головой. — Наша дорога трудна и опасна, а взяв тебя с собой, мы будем вынуждены отвлекаться на твою защиту.

— Я сама себя буду защищать! — воинственно воскликнула Ненагляда, снова заставив землян пережить неприятный момент узнавания той, «первой» Ненагляды, подчинявшейся импланту Дуггура.

Почувствовав их неприятие — хотя вряд ли она понимала его причину, — девушка жалобно прижала к груди ладони:

— Но я не хочу возвращаться домой... без вас!

Ростислав улыбнулся.

— Мы обязательно тебя навестим, если, конечно, твои родители не будут возражать.

— Батюшка и матушка будут только рады! И все-таки мне так хочется пойти с вами! — Ненагляда умоляюще посмотрела на Будимира. — Уговори его, братом назову!

Мальчик нерешительно посмотрел на Светлова. Тот сдвинул брови, крутанул желваки, перекусывая готовое сорваться с губ: «хорошо, я согласен».

— Не надо меня уговаривать, мальчики и девочки, вы должны понимать, что есть правила, которые надо выполнять. Я и сам хотел бы... — Ростислав прикусил язык, заметив радостно-недоверчивый взлет бровей девушки, затем пересилил себя и закончил: — Хотел бы взять тебя с собой. Да нельзя! Неправильно это.

Ненагляда горестно вздохнула, свет в ее глазах погас.

— Я понимаю... но вы обещаете заехать к нам в гости?

— Обещаем! — клятвенно заверили ее оба в один голос.

Она засмеялась, погладила Будимира по плечу, доверчиво прижалась к Ростиславу, так что у него снова оборвалось сердце и закружилась голова, вздохнула.

— Что ж, юдоль у меня такая — ждать. Зовите своего Вольха,

пусть везет меня домой. А кто он — этот ваш Вольх? Вершник, возчик?

— Увидишь, — ухмыльнулся Ростислав.

Будимир з а с в е т и л с я в пси-диапазоне — Светлов уже научился видеть это «свечение», — проговорил с мягким нажимом:

— Вольх, отзовись!

Беззвучно колыхнулось пространство грота, вздрогнул пол, и с волной тепла в гроте проявился из воздуха гигантский волк.

Ненагляда тихо вскрикнула, прячась за Ростислава.

— Это... Вольх?!

— Не бойся, он царевен не ест. Извини, дружище, что мы снова отрываем тебя от дел, но у нас проблема. Эту царевну надо срочно доставить домой, на Аркон-планету. Она из стольного Руян-града Белобог-Руси, как и ты.

— Я знаю, — передал мысль Волк Волков. — Она из рода Прекрас, дочь Дамирия. К сожалению, на ее родине прошло много лет с момента пленения, и батюшка ее умер. А жених — Голуб, сын Косича, погиб. Зато матушка жива, несмотря на преклонный возраст. Сто шесть ей стукнуло.

Ненагляда, боязливо высунувшаяся из-за плеча Ростислава, побледнела, тихо ахнула, спросила дрожащим голоском:

— Что он говорит? Батюшка умер?! И Голуб?!

Ростислав хмуро кивнул. Радоваться, что погиб его соперник, он не умел.

Ненагляда залилась слезами, прижав к щекам ладони. Мужчины молча смотрели на нее, не зная, как утешить, и даже Волк Волков смотрел сочувственно, хотя человеком не был.

— Сможешь забрать ее с собой? — буркнул Светлов.

— Теперь смогу, — кивнул зверь. — Я полностью восстановил основной организм.

— Это какой?

— Вы видите лишь трехмерное отражение топологически более сложного объекта. Я многомерен, как и многие создания Шаданакара, в том числе — хаббардианцы и игвы.

Ростислав вспомнил бой с Дуггуром и в трех сложных мыслеобразах передал Вольху историю спасения Ненагляды.

— Вы великие чародеи и кудесники, земляне! — с уважением сказал Волк Волков. — Я лично не встречался с Дуггуром, но слышал о нем много. Он действительно могуч и велик, почти как его предшественники. Но если Люцифер и Уицраор являют собой пример жестокого и беспощадного, рационалистического и холодного ума, не подверженного эмоциям, то игва Дуггур олицетворяет еще кроме этого и крайне э г о и с т и ч е с к о е и агрессивное отношение к миру и к существам, его населяющим.

— Как Гиибель?

— В гораздо большей степени.

— Тогда он беспредельщик.

Вольх высунул длинный розовый язык, что означало — он озадачен.

— У нас на Земле так называют бандитов, террористов, чьи мысли, желания и поступки не сдерживаются никакими морально-этическими принципами.

— В таком случае игва Дуггур беспредельщик, — согласился Вольх. — Итак, вы доверяете ее мне?

Ростислав и Сухов-младший переглянулись. Волк Волков почувствовал их молчаливый ответ, «улыбнулся» по-своему.

— Вопрос был лишним, извините. Спасибо за доверие, друзья. Доставлю вашу дариню в целости и сохранности. Садись, царевна. — Он присел.

Ненагляда перестала всхлипывать, исподлобья глянула на Ростислава. В глазах ее стояла печаль.

— Батюшку не увижу больше... а Голуб хороший... да не люб мне. Прощай, гридь, прощай, младший брат. — Она поклонилась. — Светлынь-трава дорожкой вам. Буду ждать весточки.

Ростислав подставил руку, девушка оперлась на нее ногой, и он одним движением посадил ее на спину Волка.

— Кланяйся матушке.

Она посмотрела на него сверху вниз, нахмурила брови.

— А не забудешь?

— Никогда! — убежденно ответил он.

Щеки Ненагляды порозовели. Она улыбнулась сквозь слезы.

— До встречи, друзья, — сказал Вольх. — Держись крепче, царевна.

И их не стало. Только по гроту просвистела струйка холодного ветерка.

Ростислав вздохнул.

— Пошли и мы, Никитич. Хотел бы я... — Он не закончил.

— Она будет ждать, — тихо сказал Будимир. — Я видел, как она смотрела на вас.

— Да? — с интересом глянул на него Светлов. — Как же она на меня смотрела?

Мальчик смущенно отвернулся.

— Вы и сами знаете.

Ростислав засмеялся, потрепал его за вихры.

— Эх ты, конспиратор. Стар я для нее, однако.

— И совсем не стары, ни капельки! Без бороды вы вообще другой, я даже не узнал. И она тоже... так смотрела!

— Ну, ладно, хватит об этом, — сделал строгое лицо Ростислав. — Поехали на Свентану, пока наш приятель Дуггур не зая-

вился сюда качать права. Кляцы у нас нету, поэтому придется искать узел хроноперехода. У Даймона должен быть выход и на Олирну.

— Чего его искать? — пожал плечами Будимир. — Он тут, под нами.

— Мы же вроде находили его в другом месте.

— Тогда работала автоматика дворца.

— В принципе это не имеет значения. Жалко, что мы не знаем, куда забросит нас демонский темпорал на Олирне. Если в топи Мировой Язвы, выбираться оттуда будет сложно.

— Выберемся.

Ростислав прищурился, вглядываясь в спокойное лицо мальчика, отмечая новое выражение лица юного мага. Будимир постепенно приобретал все большую уверенность в своих силах и чувствовал себя свободней, становясь таким же многомерным оператором Шаданакара, какими были маги негуманоидного плана — Волк Волков, Инсект, Усыня, Сокол Соколов и Великие игвы.

Мальчик понял оценивающий взгляд спутника, улыбнулся с характерной для него застенчивостью, оставаясь при всем своем могуществе обыкновенным земным ребенком.

— Мы дойдем, дядя Слава.

— Не сомневаюсь, — серьезно сказал Ростислав.

Будимир сосредоточился на гипервоздействии — Светлов почувствовал, как шатнулась метрика дворца Даймона, — и возникшая в полу грота вращающаяся туманная спираль всосала людей и вынесла в бункер хроноперехода, имеющий выход в резервную сеть связи Великих игв. Еще через несколько мгновений они вышли из такого же бункера на Олирне... и с удивлением обнаружили, что находятся в полутемной избе старухи Ягойой!

Та же печь, тот же стол, огромное резное деревянное кресло, сундуки, развешанная по стенам утварь, в углу слабо светится ручка метлы, прислоненной к печи.

— Весьма приятный сюрприз, — нарушил тишину избы Ростислав, откидывая за плечи шлем, похожий на пластинчатый капюшон. — Я действительно боялся, что нас вынесет в глубину Мировой Язвы. Отсюда-то мы легко доберемся до Святых гор. Но где же хозяйка?

Будимир тоже свернул шлем, оглядываясь по сторонам.

Светлов направился к глухой на вид стене помещения с неосознанной уверенностью, что здесь должен быть выход, и лишь когда в стене беззвучно распахнулся проем двери, понял, что магическая «техника» Бабы-Яги послушалась его мысленно-волевого приказа.

— Так-то вот! — назидательно поднял он вверх палец в ответ

на заинтересованный взгляд Будимира. — Мы тоже не лыком, знаете ли, шиты.

Они вышли из избы в хмурое утро, только-только прогнавшее ночной мрак и туман в чащобы великаньего леса. Однако старухи Ягойой нигде видно не было. Не откликнулась она и на ментальный зов Будимира, перешедшего в состояние «психотронного камертона» и прослушивающего всю Мировую Язву.

Недалеко от избы сиротливо торчала серая ступа с отколотым краем, перехваченная ржавым железным обручем. Было видно, что Ягойой давно к ней не подходила.

— Странно... — покачал головой Ростислав. — Неужели она решила повидаться с родичами и улетела на Хаббард? У меня такое впечатление, что старуха больше не вернется.

— След... — показал глазами Будимир.

— Какой след?

Ростислав оглянулся и увидел вывал в сплошной лесной стене, уходивший в его мрачные глубины.

Кто-то огромный, ростом не ниже великаньих сосен и елей, прошелся здесь, ломая деревья, как спички, хотя и не оставил при этом на земле ни одного отпечатка ног.

— Ты думаешь, ее... убили?

— Нет, здесь не пахнет смертью, — возразил Будимир. — Но кто-то приходил к ней.

— Кроме навьев больше некому. Интересно, кто это был, Кщерь или Пурим? Или еще кто-то?

Мальчик промолчал, вслушиваясь в голоса здешнего уголка природы.

— Здесь был Полоз, — сообщил он наконец.

— Змей, что ли?

— Не живое существо, а особый физический процесс, реализующийся в форме огромного змея. Папа встречался с его «родственником» — террастрелком. Олирна перенасыщена магической энергией, которая сама ищет выход.

— Про Полоза я читал у Бажова, но выходит, и этот сказочный персонаж реализован Шаданакаром. Хотя его появление здесь не объясняет исчезновения старухи Ягойой. Предлагаю не терять времени зря и взять напрокат ее ступу. Если, конечно, нам удастся восстановить ее функции.

— Вряд ли. — Будимир скептически посмотрел на двухметровый, серый, будто вылитый из пористого бетона стакан. — Она омертвела. И даже если нам удастся ее оживить, далеко мы на ней не улетим.

— В таком случае придется снова вызывать кого-то из наших добровольных помощников. Предлагаю на сей раз позвать

Сокола. Он перемещается по Вееру не менее свободно, чем Вольх.

Мальчик в с п ы х н у л.

— Рамаг, отзовись!

Вздрогнула земля под ногами, по лесу побежала волна гулкого треска, заставляя все живое насторожиться и замереть. Затем с волной теплого воздуха над людьми возникла огромная серебристая птица с распростертыми крыльями, перья которых на концах крыльев были черными. Взмахнув ими, птица опустилась на траву.

— Приветствую Избавителя и зашитника, — раздался мыслеголос Рамага. — Так далеко от родных пенатов я еще не залетал. Это ведь Олирна, хрон Яросвета? Приятное местечко, хотя и требует определенной чистки. Итак, чем могу помочь?

— Проблема все та же, — со смешком сказал Ростислав. — Летать мы еще не умеем, а нам позарез необходимо добраться до Святых гор, к гробу Святогора. Сможешь отнести нас туда?

— Нет ничего проще, — отозвался Сокол Соколов. — На Олирне нет магического к о н т е н т а, то есть сопротивления, как в хронах Великих игв. Садитесь, устраивайтесь поудобнее.

Земляне залезли на спину птице, поближе к рогам на ее голове, вцепились в перья. Сокол могучим рывком крыльев прыгнул в небо, опрокидывая волной воздуха ступу Бабы-Яги.

Глава 4

Полет от избы Ягойой до Святых гор занял всего час пятнадцать минут. Сокол мчался над лесами, болотами, пустынями и полями древних битв со скоростью около четырехсот километров в час, пересек Мировую Язву — гигантскую трясину, пожиравшую не только все живое, но и саму Твердь планеты, и высадил путешественников под стеной черной пирамиды, где несколько дней назад Будимир пытался снять заклятие Гиибели с последнего прибежища прародителя русского рода на Олирне.

— Что еще я могу для вас сделать? — обратилась к пассажирам магическая птица Веера, зорко всматриваясь в угрюмый контур гроба. — В этом облаке отстающего времени спит с и л а. Вы хотите ее освободить?

— Да, — коротко ответил Ростислав.

— Она спит уже тысячу лет. Вы уверены, что ее пробуждение необходимо для достижения ваших целей?

— Да!

— В отличие от Базовых Этических Принципов мораль и этика существ Шаданакара, особенно людей, изменяются со време-

нем. Вы уверены, что этические нормы, исповедуемые Святогором, не отличаются от современных?

— Да! — в третий раз подтвердил Ростислав после некоторого колебания: в последнем утверждении он не был уверен до конца.

— Что ж, ваше право, — согласился Сокол Соколов. — Пожалуй, я понаблюдаю за процессом, если не возражаете.

Он взлетел, поднимая крыльями пыльную бурю, кругами пошел в небо.

— Дядя Слава, я... боюсь! — шепотом признался Будимир.

— Вот те раз! — деланно удивился Ростислав. — Ты же сам хотел освободить старика. Да и шансов выйти победителем из нашей игры с Люцифером станет больше.

— Я все понимаю... и не отказываюсь... но все равно мне боязно...

— Ты справишься, я в этом уверен. Да и я помогу, чай не совсем слабак. Входим, как в прошлый раз, в резонанс и к чертовой матери ликвидируем заклятие! Не вечное же оно в конце концов!

— Вы можете не выдержать, дядя Слава, — с виноватым видом проговорил Будимир.

Ростислав сделал оскорбленное лицо.

— Эт-то еще что такое?! Да я еще ого-го! Молодым фору дам!

Мальчик остался серьезным.

— Уровень заклятия — внутриядерные процессы, а снимать его надо на более высоком уровне — на кварковом. Энергетическая отдача столь велика, что начинает «разгоняться» вакуум.

— Какие мудреные вещи ты знаешь. Что значит — разгоняться? Разве вакуум — бегун на длинные дистанции?

— Я имел в виду, что при мощном воздействии на трехмерное пространство начинают усиливаться вакуумные осцилляции, вплоть до рождения электрон-позитронных и протон-антипротонных пар. Без специальной защиты ваш мозг может не выдержать.

— Так обеспечь мне защиту!

— Защита — это ваша воля, — с тем же виноватым выражением лица сказал Будимир. — Только вы сами можете защитить себя при пси-трансляционных резонансах.

— Так в чем дело? Почему ты считаешь, что я не в состоянии это сделать?

— Я так не считаю, — смутился мальчик. — Просто хотел предупредить.

— Спасибо, я оценил. Начинаем процесс. Мне почему-то

кажется, что за нами наблюдают, как бы не появились нежелательные свидетели нашего эксперимента.

Ростислав глубоко вздохнул, расфокусировал зрение, начиная подготовку к состоянию *саммай,* и мир вокруг как физическая реальность и протяженность перестал для него существовать.

Через несколько секунд к его расширившейся ментальной сфере подсоединилась гораздо более глубокая и энергетически насыщенная пси-сфера Будимира. Четкость и масштаб внутреннего в и д е н и я Светлова скачком увеличились. Он почувствовал себя гигантом, обозревающим с высоты своего километрового роста пейзаж под ногами и горы вокруг. Черно-фиолетовый брусок гроба Святогора перестал казаться базальтовым монолитом, приобрел консистенцию и плотность упругой светящейся дырчато-сетчатой структуры, излучающей эманации угрозы и злобы.

С гулким стоном все пространство вокруг гроба завибрировало и затряслось. Из глубин горных пород ударили снизу вверх ветвистые черные молнии энергии, заставив сетчатый кокон гроба резонировать, вспыхивать и рваться. Поднялся ураган. С неба в гроб тоже ударили молнии — ослепительно белые, проделывая в стенках гроба рваные дыры.

Ростислав почувствовал, что начинает растворяться в неистовом разгуле н е в и д и м ы х глазу простого человека стихий. Голову пронзила стрела боли. Он закричал.

И тотчас же словно чье-то огромное крыло поддержало его, накрыло прозрачным опахалом, защитило от судорог пространства. Это вмешался Сокол Соколов, почуявший боль человека. Однако и с его помощью Ростислав долго не продержался среди феерических потоков преобразования реальности, снова начал погружаться в яму небытия, простреливаемую пулями аннигиляции материи. Вскрикнув — скорее от гнева, чем от боли, Ростислав напряг все силы... и потерял сознание!

Последним его впечатлением было видение вспыхнувшего пламени, в котором с диким визгом и воплями, как живой, корчился сетчатый кокон гроба Святогора...

Очнулся Ростислав от ощущения холодного дождя, оросившего лицо. Открыл глаза. Он лежал на камнях навзничь, а Будимир лил ему на лоб и в рот воду из фляги.

— Не удалось? — прошептал Светлов огорченно. — Извини, Никитич, я действительно переоценил свои силы.

Мальчик улыбнулся, перестал смачивать пылающее лицо Светлова водой и посмотрел куда-то в сторону. Ростислав повернул голову и резко привстал на локтях.

В сотне метров от них сидел на земле великан в белой рубахе с вышивкой, подпоясанный красным кушаком, с красной по-

вязкой через лоб, придерживающей длинные волосы. Он был не молод и не стар — лет под сорок, по человеческим меркам, но выглядел бледным и изможденным. Он сидел, опираясь спиной о скалу и откинув голову, мощные руки бессильно свисали вдоль огромного туловища, во всем его облике ощущалась безмерная усталость. Но в глазах великана сквозь тоску и боль горел огонек упрямства и с и л ы. Он был слаб физически, но не сломлен морально и психологически.

— Святогор! — с недоверием проговорил Ростислав.

Взгляд великана изменился, помягчел.

— Защитник, благодарствую! — пророкотал он так, что горы отозвались эхом. — Я твой должник на веки вечные! Приказывай, все исполню!

— Да что там, — пробормотал Ростислав, — обычное дело... Лично мне ничего не надо. Все сделал он, — кивок на мальчика. — Я всего лишь меченоша, телохранитель.

— Мне уже все обсказали. Если бы не ты и не эта птица, — Святогор мельком посмотрел в небо, на кружащего Сокола, — я бы так и остался спать в жальнике[1]. Знаю и о вашей миссии. Как только приду в себя — помогу всенепременно. Втроем сподручней искать Финист.

Ростислав поднялся, чувствуя слабость во всем теле. Теперь он мог оценить, какие силы удерживали пращура Свентаны в гробу.

На месте черного монолита виднелась глубокая и широкая дымящаяся воронка, будто здесь взорвалась атомная бомба.

— Ого! — невольно покачал головой Светлов. — Неужели гроб был заминирован?

— Произошла аннигиляция времени, — сказал Будимир. — В физическом плане стенки гроба представляли собой слой о т с т а ю щ е г о времени, ну, или макроквант минус-времени, и, когда мы сняли блокировку, он соприкоснулся с плюс-временем Олирны и аннигилировал.

— Попроще нельзя? Я еще туго соображаю.

— Прощайте, друзья, — послышался тихий мыслеголос Сокола Соколов. — Кажется, я начинаю верить в успех вашего предприятия. Желаю мирного завершения пути.

Взмах крылами — и Рамаг растаял в воздухе.

— Спасибо за помощь! — запоздало отреагировал Ростислав. Вспомнил о запасах живой и мертвой воды, достал голубую склянку. — Могу предложить тонизирующее средство, оно наверняка прибавит вам сил. Это живая вода.

---

[1]Ж а л ь н и к — могила (*старорус.*).

— Благодарствую, гридь, не требуется, — качнул головой Святогор. — Мне бы полежать на сырой землице, она и даст мне силу. Да боюсь — вороги врасплох застигнут, затопчут спящего.

Ростислав покосился на Будимира, поймал его мысль.

— Не застигнут, мы посторожим. Ложитесь и восстанавливайтесь.

— Не здесь, за Мокшей-рекой, тутошние земли мертвые. Видно, долгонько я спал, коли Мировая Язва полцарства моего сожрала и дальше наступает. Но ничего, поправлюсь только, займусь чисткой.

В глазах великана вспыхнул мрачный огонь, и Ростислав с невольной усмешкой подумал о навьях: хана вам, молодцы, воины Тьмы, хозяин пришел!

— Тут недалече, — с трудом поднялся на ноги великан; рост его достигал не менее двух сотен метров. — Залезайте, я вас понесу.

Он подставил громадную ладонь.

Не колеблясь, путешественники забрались на ладонь, Святогор посадил их к себе на плечо и зашагал к реке, так что при каждом шаге твердь земная отзывалась глухим гулом. Не обращая внимания на мост, он перешагнул Мокшу-реку, реку судьбы, и повернул к лесу, оставляя Святые горы за спиной. Через несколько минут в лесной шкуре появилась прогалина, превратилась в узкую долину, покрытую высокой, сочно-зеленой травой.

— Здесь.

Святогор снял с плеча людей, сел, глядя на них мутнеющим взором.

— Прошу простить, други, плохо мне. Постерегите пока, я чую, вороги близко, одначе не в силах оборониться...

Исполин закрыл глаза и лег лицом вниз, в траву, раскинув руки, заполнив чуть ли не всю долину. Затих.

— Он случайно не умер? — понизил голос Ростислав, подождав немного.

— Нет, он начал собирать силу и восстанавливать связи с природой, — ответил Будимир. — Это долгий процесс.

— В таком случае подождем.

— Боюсь, дядя Слава, нам помешают. Я тоже чувствую дыхание зла.

Ростислав прислушался к своим ощущениям, максимально «растопырив» пальцы сенсорной системы, и мрачно кивнул. Он не имел такой богатой палитры чувств, как сын Сухова-Седьмого, но тем не менее ощутил сгущение холодного фронта угрозы. Кто-то приближался к Святым горам со стороны Мировой Язвы, огромный, сильный и опасный, гоня перед собой волну страха и злобы.

— Кто это может быть?

— Он еще далеко, я не вижу, — вздрогнул мальчик в нервном ознобе.

Потеряв много энергии при освобождении Святогора, он еще не восстановил резервы и выглядел бледным и утомленным.

— Ты можешь подпитаться силой земли, как он? — кивнул на великана Ростислав. — Я покараулил бы.

— Попробую, — неуверенно сказал Будимир.

В серебристом скафандре он казался трогательно-беззащитным воздушным эльфом, разве что без крыльев, и лишь на дне глаз парня мерцал прозрачный пламень воли и силы. Он быстро мужал и приобретал опыт, что проявлялось уже и в словах, и в поступках, давая надежду на осуществление задуманного...

К е м задуманного? — пришла вдруг странная мысль.

Ростислав вытянул губы трубочкой, глядя на худенькое лицо мальчика, и ему показалось, что он знает ответ. Однако мысль прошла, не потревожив всей психосферы, словно ей самой стало стыдно. Время таких мыслей-прозрений еще не пришло.

Будимир прошелся вдоль огромной руки Святогора, придавившей молодые сосенки на краю долины, остановился у плеча, прислушиваясь к себе, двинулся дальше, снова остановился. Потом присел на корточки и лег так же, как великан — лицом в траву, раскинув руки.

«Интересно, что я буду делать, если сейчас сюда приползет какая-нибудь злобная тварюка? — подумал Ростислав в некоторой растерянности. — Смогу я защитить их или хотя бы вовремя предупредить?»

Над головой раздалось хриплое карканье.

Он посмотрел в небо.

Из-за горизонта выползала несметная туча ворон, вытягиваясь змеей к долине, в которой нашли источник энергии великан Святогор и двенадцатилетний земной мальчишка, претендующий на роль мессии, Избавителя Вселенной Шаданакара от зла. Первые птицы стаи уже кружили над долиной, пугая тишину зловещими вскриками.

— Мать честная! — проговорил Ростислав, чувствуя ледяное дыхание угрозы. — Это что еще за явление природы?

Стая ворон продолжала вытягиваться гигантской черной рекой над лесом, затмевая низкое солнце. Поднялся ветер. Похолодало. И в этот момент сработала экстрасенсорная система Светлова, имеющая выход в Хроники Веера.

«Пурим! — проговорил внутри него голос подсознания. — Кровавый бог жертвоприношений! Воин-навья Люцифера!»

Колоссальная «змея» летящей вороньей стаи начала вдруг разделяться на части и трансформироваться. Одна часть превра-

тилась в подобие гигантского драконьего крыла, другая часть — в лапу, третья — также в лапу, и через несколько секунд Ростислав стал свидетелем дикого, необычного, поражающего воображение зрелища. К долине двигались, ломая деревья, отдельные части туловища гигантского существа: три левые лапы, три правые, два крыла, хвост и драконья голова на длинной змеевидной шее, в костяных наростах, карикатурно напоминающая человеческую.

— Ах, дьявол! — прошептал Ростислав, хватаясь за нож. — Сюда бы звено «Су-тридцать седьмых» — мы бы тебе показали, тварь ползучая!

Он вспомнил о свирели братьев Соловьев, с помощью которой удалось изгнать «проекцию» Дуггура из тела Ненагляды. Вытащил, направил на страшную голову Пурима и свистнул.

Тусклое шипение черного шума, останавливающего биологические процессы, подействовало на голову навья, как удар дубиной! Голова вспухла и распалась на стаю ворон. Однако остальные части колоссального многокилометрового тела Пурима продолжали двигаться как ни в чем не бывало, постепенно сближаясь, как бы кристаллизуясь в единый организм.

Ростислав направил дудку на крыло дракона, свистнул.

Крыло разделилось на бестолково мечущихся и вопящих ворон.

Но из тучи птиц в этот момент снова образовалась голова Пурима, в ней протаяла пасть, раскрылась, дохнула огнем и дымом.

Ростислав свистнул.

Голова рассыпалась.

Зато сформировалось только что раздробившееся крыло.

Светлов свистнул три раза подряд, чувствуя, как немеют пальцы и начинает плыть голова: какая-то мизерная часть направленной смертельной энергии свирели все-таки доставалась и ему.

Две лапы и часть туловища монстра растаяли, превратились в черные птичьи вихри. Но в это время сформировавшаяся голова навья обрела глаза, и Ростислав получил тяжкую ментальную оплеуху, едва не выбившую из него дух. Сознание помутилось. Свирель выпала из ослабевших рук. Светлов рухнул на колени, пытаясь защититься от пси-атаки.

Внезапно наступило облегчение, словно кто-то накрыл его непроницаемым щитом. Будимир! — понял Ростислав.

Голова прояснилась, с глаз спала пелена. Стал виден гигантский дракон с почти человеческой головой, нависший над долиной с лежащим в ней Святогором. Великан пошевелился, поднял голову, приподнялся.

Пурим ударил передней лапой по затылку Святогора. Тот ткнулся лицом в землю. Содрогнулись горы, по лесам прокатился низкий подземный гул.

Ростислав невольно вскрикнул.

Пурим снова поднял четырехпалую лапу в чешуйчатой зелено-черной броне, но ударить зашевелившегося Святогора не успел. Навстречу лапе метнулась пронзительно-желтая молния, превратила ее в клуб огня и дыма. Навья закричал так, что люди чуть не оглохли, выдохнул длинный язык огня, накрывший Будимира.

Однако мальчишка не пострадал, метнул еще одну молнию, тусклее предыдущей, срезавшую на голове монстра шишковидный нарост. Пурим издал еще один мощный вопль, породивший гулкое эхо в лесу, отпрянул, тряся дымящейся культей, но к нему метнулась стая ворон, всосалась в культю и восстановила лапу.

Святогор сел, упираясь в землю кулаками, грузно поднялся на ноги, становясь выше навья.

Монстр выстрелил языком пламени, который наткнулся на засиявший вокруг великана ореол и бессильно опал.

Удар лапой — ответный удар кулака Святогора, отбивший лапу с такой силой, что Пурима шатнуло.

Над лесом появилась могучая серебристая птица, держащая в лапах бревно, как показалось Ростиславу. Но это было не бревно — палица!

— Держи, отец! — раздался с небес клекочущий голос.

Птица выронила палицу, Святогор легко поймал ее, размахнулся и ударил.

Пространство беззвучно шатнулось.

Дернулась земля, породив странный дробный грохот — это лопались стволы деревьев вокруг долины!

Удар палицы вбил голову Пурима в тело, а само тело расплющил, расплескал, как расплавленный свинец, во все стороны. Струи и капли «свинца» разлетелись на сотни метров, застыли лохмотьями необычной формы. Остальное тело монстра также расплылось колючей лужей не то металла, не то болотной жижи, вздрагивая, вспучиваясь, застывая кружевными фестонами и грибообразными вздутиями. Лишь хвост навья уцелел, рассыпался черными хлопьями, которые превратились в жиденькую стаю ворон, с карканьем умчавшуюся за стену леса.

Святогор опустил раскалившуюся до красного свечения, дымящуюся палицу, понаблюдал за агонией бывшего воина армии Люцифера, поднял голову, пророкотал:

— Вовремя ты прилетел, сынок. Когда самого-то ждать?

— Уже скоро. С возвращением, основатель.

Птица, похожая на Сокола Соколов, поднялась выше, исчезла.

Ростислав опомнился, бросился к Будимиру, стоявшему посреди черного круга сожженной травы и почвы.

— Цел, малыш?!

Мальчик перестал с в е т и т ь с я, оглянулся.

— Я в порядке, дядя Слава. Спасибо вам, что дали время собраться. Но я все-таки не воин.

Он сожалеюще развел руками.

— Не воин, а лапу этому уроду отстрелил чисто.

— Надо было дробить масштаб, а не изменять топологию локально. Тогда бы и воевать не пришлось.

— Что это была за птица? Не Рамаг ли?

— Возможно, кто-то из его родичей, посланец Яросвета.

Ростислав с недоверием посмотрел на парня, задрал голову, глянув на возвышавшегося над ними горой великана.

— Я не ослышался? Он... отец Яросвета?!

— Я тоже это узнал только что, — улыбнулся мальчик.

Святогор вдруг присел на корточки перед людьми, приблизил к ним огромную голову, прогудел:

— Благодарствую, освободители. Время таких, как я, видно, прошло. Все изменилось, уже необязательно быть такими огромными, как я и мои родители, чтобы владеть с и л о й. Но я еще пригожусь. Приказывайте, любую службу сослужу.

— Вы еще не поправились, — сказал Будимир. — Мы сами найдем Финист и принесем. Тогда и начнется ваша служба.

— Повинуюсь, други. Пока вы будете Финист искать, я тут поработаю маленько, землю родную почищу от нечисти всякой. Ишь, расплодилась! — Великан покосился на застывшие останки Пурима. — Может, отнести вас куда?

— Нам бы только до избы бабы Ягойой добраться, а там мы сами....

— Показывайте дорогу.

Святогор подставил ладонь, посадил людей на плечо и, повинуясь указаниям Будимира, зашагал к границам Свентаны.

Глава 5

Ростиславу очень хотелось посетить родину Ненагляды, посмотреть на нее хоть одним глазком и тут же отправиться по «тропе судьбы» в глубь Веера Миров, однако он понимал, что времени остается все меньше и действовать надо быстрее и решительнее. Где-то в бесконечных глубинах Шаданакара-Веера-Фрактала зарождался черный ветер п о г о н и, который вскоре

должен был реализоваться на физическом уровне. И до момента его реализации надо было иметь при себе меч Святогора, а также знать координаты хрона, из которого Уицраор начал строительство «моста» через Суфэтх, навстречу своему бывшему господину. И еще нельзя было сбрасывать со счетов игву Дуггура, претендующего занять место Великих игв. У него тоже были веские основания охотиться за землянами, сумевшими раскрыть его план.

Изба старухи Ягойой по-прежнему стояла пустой и мрачной. Хозяйка так и не вернулась домой, отправившись неизвестно куда и неизвестно зачем. Искать и звать ее гости не стали. Если бы Ягойой просто бродила по лесу или уехала куда-то по делам, она бы откликнулась на ментальный зов Будимира. Судя по всему, старухи вообще не было на Олирне.

Попрощавшись со Святогором, земляне зашли в избу, расположились в пустой комнатке с закопченными стенами и потолком и привели в действие хаббардианский шим-бич — «серый тоннель», соединявший такие избы по всему Шаданакару.

Ростислав сначала не понял задумки Будимира, полагая, что они сразу отправятся в Уппум, хрон Уицраора, однако прямой связи, по словам мальчишки, с Уппумом шим-бич не имел, поэтому надо было искать другие пути. Этим путем оказалась резервная система связи Веера, созданная «тремя В», вход в которую начинался через Чертовы Ворота на Хаббарде. Ростислав вспомнил об этом, когда они вышли на родине Праселка и вызвали Вольха, который за час домчал их к ущелью с Чертовыми Воротами.

По пути Волк Волков сообщил, что доставил Ненагляду домой в целости и сохранности, что было много радостных встреч и много слез и что девушка ждет их в гости. Рассказ Волка заставил забиться сердце Светлова сильнее, и он дал себе клятву, что обязательно посетит хрон с планетой по имени Аркона, на которой располагалась магическая страна Белобог-Русь.

Оставив Вольха возле разрезанного надвое холма, путешественники поднялись к Чертовым Воротам и без особых колебаний переступили границу хронопереходa. Вышли они уже в мире Уицраора, хрон которого представлял собой многократно свернутое в трехмерном времени пространство, а замок — сложнейшее архитектурно-ландшафтное творение размером со звездную систему с нецелочисленной метрикой. По сути, это был мир внутри мира, созданный Великим игвой для каких-то сверхсложных игр, и назывался он — Маан. Человеку с его трехмерным восприятием пространства и одномерным восприятием времени разобраться в ландшафтах Маана было практически невозможно. Все, что видели его глаза, не соответствовало дей-

ствительности, хотя кое-какие картины и могли показаться ему цельными и логически связанными. Лишь новые возможности позволили Ростиславу мало-мальски ориентироваться в головокружительных безднах Маана и не терять сознания при быстрой и неожиданной — как в калейдоскопе — смене пейзажей.

По рассказам Такэды, Уппум представлял собой бесконечный плоский океан с плавающими по нему живыми островами. По крайней мере, именно таким предстал хрон Уицраора перед глазами Сухова-старшего во время его первого похода. Однако ничего похожего на океан Ростислав и Будимир не увидели. Из кокона хронопереходa они шагнули на потрескавшуюся каменную плиту и оказались на вершине высокой башни или скалы в форме сталагмита, вырастающей из хаоса черных колючек. Точно такие же бело-голубые сталагмиты окружали скалу с землянами со всех сторон, образуя диковинный лес, уходящий в бесконечность. Ничего похожего на воду, ничего похожего на горизонт, ограничивающий видимость, словно лес белых скал-сталагмитов рос не на планете, а на плоском листе бумаги бесконечных размеров.

Небо этого мира походило на пелену голубоватого тумана, струи которого свисали кое-где так низко, что касались вершин скал. Солнце отсутствовало, но освещение, на взгляд человека, приближалось к дневному на Земле: светился сам воздух.

Дышать же этим воздухом можно было с трудом, так как кислорода в нем было немного. Сила тяжести почти равнялась земной. В общем, поначалу показалось, что Уппум мало отличается от других хронов и уступает по сложности вселенным Великих игв. Однако стоило землянам выйти в ментал хрона, как пейзаж тут же изменился, словно кто-то повернул трубку калейдоскопа и цветные стеклышки образовали новый узор.

Скала с площадкой на вершине сохранилась, но заросли черных колючек внизу превратились в море волнующейся под ветром зеленой травы, а небо вверху проросло самыми настоящими корнями и клубнями картофеля. Лишь приглядевшись, можно было разглядеть, что клубни шевелятся, представляя собой колонии гигантских червей, а трава под скалой течет, то превращаясь в дым, то в твердые иглы, то в мягкую шерсть.

— Я бы все-таки... — начал Ростислав и не договорил, увидев, что от звука его голоса пейзаж снова изменился.

Скала под ногами землян превратилась в металлический стержень среди тысяч и миллионов таких же стержней, образующих нечто вроде щетки, небо стало твердым и тоже металлическим на вид, с рядами самых настоящих заклепок. На горизонте — за пределами «щетки» — возникли сверкающие туманные вихри.

— Черт побери, кто мне все это объяснит?! Это и есть замок?.. — начал Ростислав, умолкая при очередной трансформации ландшафта.

— Папа называл Уицраора «богом необъяснимого», — сказал Будимир.

От его слов новый ландшафт опять смазался, поплыл, изменился. Теперь скала, на которой стояли люди, превратилась в огромную свечу с каплями «стеарина» по бокам, а «шерсть» у ее основания — в неописуемый хаос вертикальных стен.

— Он реализовывал математические формулы, — добавил мальчик. — Весь этот мир — пересечение проявленных математических соотношений. Каждое наше движение является для него вводом новых граничных условий, и он трансформируется.

За то время, пока Будимир говорил, мир вокруг успел измениться дважды, и Ростислав невольно покачал головой, что тоже вызвало реакцию трансформации природы.

— Черта лысого мы здесь что-нибудь найдем! (Изменение) Уицраор мог особенно и не прятать меч, если он у него (изменение), просто положить (изменение) или в крайнем случае замаскировать под математическую формулу (изменение).

— Нет, я бы у в и д е л, — возразил Будимир (изменение). — Финист должен излучать с и л у, ее не замаскируешь и не заэкранируешь (изменение).

— Если это и в самом деле замок Уицраора, то где он мог хранить особо важные вещи? (Изменение.) Ты можешь как-то остановить этот калейдоскоп? (Изменение.)

— Попробую, — сказал Будимир неуверенно, вызвав очередную трансформацию текучего ландшафта.

Над головой мальчика засветился столб воздуха, и тотчас же мир вокруг потрясла множественная судорога, ломая его на куски, видимость ухудшилась, поднялся туман, размывая перспективу, а затем с гулким объемным треском пространство буквально взорвалось и выкристаллизовалось в колоссальное ажурное кольцо диаметром больше любой планеты Солнечной системы, на ободе которого оказались люди. Внутри кольца обозначилось движение, сначала в виде текущей струи туманных завихрений, потом в виде бесконечного потока сверкающих ледяных и каменных глыб.

Дышать стало нечем. Путешественники вынуждены были загерметизировать скафандры.

— Что ты сделал? — полюбопытствовал Ростислав, ожидая трансформации нового ландшафта. Но все осталось на месте. Поток «астероидов» продолжал мчаться через кольцо неведомого сооружения, окруженное глубокой чернотой беззвездного космоса.

— Я встроил нас в одну из формул, — отозвался Будимир рассеянно. — Мы теперь являемся граничным факториалом Маана и не влияем на его внутренние процессы.

— Ты думаешь, я такой умный? — хмыкнул Ростислав. — С математикой у меня в школе была напряженка. Однако у нас нет времени разбираться в здешней геометрии, надо искать меч. Если его и здесь нет, я уже и не знаю, где он может быть. Значит, твой отец, то бишь Седьмой, забрал его с собой.

— Курьер сказал папе, что меч спрятан в одном из хронов Веера.

— Что же он не дал точных координат?

— Знал бы — дал.

— Логично. Итак, что ты предлагаешь... — Ростислав умолк, вдруг ощутив какой-то не звук — тень звука, а точнее, тень мысли.

Будимир тоже замер, прислушиваясь к интерференциям звуковых, электромагнитных и ментальных полей Маана.

— Что? — почему-то шепотом спросил Ростислав, с удивлением осознавая, что помнит этот эмоциональный «окрас» мысли.

— Папа! — так же шепотом ответил мальчик. — И дядя Толя! Они где-то здесь!

— Мне тоже так показалось. Ну-ка давай объединим возможности, попробуем определиться. Будет славно, если они действительно бродят по окрестностям Уппума. А поскольку случайными такие встречи не бывают, они появились в хроне Уицраора не зря. Финист здесь!

— Им плохо... мне кажется, они в плену...

— У кого? Неужели вернулся Уицраор?!

— Непохоже, я бы увидел. Но их мог подстеречь Дуггур. Я чую его след.

— Черт, только его нам не хватало! Тем не менее нам ничего другого не остается, как искать твоего отца и Такэду. Начали!

Он привычно вышел в состояние *саммай*, встретил бесплотную ментальную «руку» мальчика, пожал своей «рукой», и псисферы землян соединились в одно чувственное поле, объявшее «космос» Маана.

Поиски аур Сухова-старшего и Такэды длились всего минуту. Путешественники вычислили их местонахождение — на внешней стороне планетарного кольца, попытались определить, что это за объект и в каком состоянии находятся пленники, но не смогли. Отец Будимира со своим верным другом и оруженосцем скорее всего были закапсулированы каким-то силовым полем и не слышали вызова. Или не могли ответить. Но, главное, были живы.

— Судя по размерам этого сооружения, — махнул рукой Ростислав на колоссальное кольцо, испещренное узором каньо-

нов, долин, горных цепей и кратеров, — нам надо преодолеть около десяти тысяч километров. Придется вызывать Вольха, а еще лучше — Рамага. Сокол доставит нас туда в два счета.

— Можно и Рамага, — согласился Будимир. — Но мне хочется попробовать итерационно изменить топологию Маана...

— Что это нам даст?

— Если направить процесс трансформации с выбора нуля в нужном направлении, нас, как дискретную динамическую систему, вынесет прямо к зоне с нужной размерностью.

— Повтори это еще раз и помедленнее. Впрочем, не надо, я понял главное: не мы куда-то помчимся, а конечный пункт назначения «приедет» к нам. Так?

Будимир прищурился.

— Это называется аппроксимацией смысла, дядя Слава.

— Я не прав?

— Очень даже правы. Но вы любите все упрощать.

— Это плохо?

— Наверное, нет, — смутился мальчик.

Ростислав положил ему руку на плечо.

— Такой уж у меня характер, малыш, всю жизнь я только и делаю, что упрощаю, а жизнь при этом почему-то лишь усложняется. Начинай свою итерацию.

Будимир посерьезнел, сосредоточился, ушел в неведомые дали магических формул. Воздух над ним снова засветился. Мгновенье спустя вокруг них заструилась спираль бледного свечения, исказила очертания предметов, уплотнилась. Наступила невесомость. Ростиславу показалось, что его тело тоже превратилось в струю светящейся субстанции и потекло куда-то, извиваясь, с нарастающей скоростью. Он попытался разобраться в своих ощущениях, перешел на объемное зрение, но полностью осмыслить процесс преобразования пространства не успел.

Его несколько раз шмякнуло обо что-то твердое, скрутило в три погибели, перевернуло, раздвоило — где руки, где ноги, не поймешь — и влепило в упруго-неподатливую стену. В голове зазвенело от удара, свет в глазах померк. Ростислав забарахтался изо всех сил, собрал разбежавшиеся во все стороны органы тела, склеил в единый организм. Зрение восстановилось.

Пейзаж перед глазами был другим.

Теперь люди стояли на склоне горы, расположенной на внешней стороне планетарного обода Маана, и смотрели на поток астероидов, пронизывающий кольцо, с иной позиции, как бы сверху.

— Кажется, получилось, — хмыкнул Ростислав. — Но ощущения, честно признаюсь, не из приятных. Впечатление такое, будто меня разобрали на части, а потом собрали и оживили.

— Извините, дядя Слава, — смутился Будимир. — Я не сразу нащупал зависимость приращений, пока не перешел на метрику Хаусдорфа и не встроил нас в поле как компакты. Понимаете?

— Практически нет, — рассмеялся Ростислав. — Хотя с другой стороны вполне могу перевести сказанное тобой на простой человеческий язык. То есть упростить. Однако не будем отвлекаться. Ищи отца.

Будимир огляделся, прислушиваясь к биению физических полей вокруг, и начал взбираться на гору, склон которой был усеян валунами и каменными глыбами разных размеров. Светлов двинулся за ним, отмечая некие тихие шумы в ушах, пока не понял, что тоже с л ы ш и т дыхание местного космоса, его электромагнитные, гравитационные, ментальные вибрации и сотрясения. И сквозь безмерный бестелесный океан этих шелестов и скрипов изредка проскальзывали тоненькие печальные шепоты — отголоски человеческих мыслей.

Склон горы не был крутым, но путешественникам пришлось изрядно потрудиться, чтобы достичь ее вершины, поднимавшейся на высоту нескольких километров. Наконец вершина приблизилась, и они переступили ровный край верхнего среза горы. Остановились, разглядывая неглубокий кратер под ногами.

Гора оказалась древним вулканом, а может быть, лишь имела такую форму. Но не сам кратер привлек внимание людей.

В центре кратера зияла дыра диметром в несколько сот метров, из которой торчал каменный столб с плоской вершиной. В центре площадки виднелся прозрачный параллелепипед длиной в сотню метров, похожий чем-то на гроб Святогора. А внутри параллелепипеда, как мошки в янтарь, были замурованы люди в знакомых пятнистых комбинезонах. Один лежал на боку, поджав ноги к груди, второй — помощнее и пошире — лежал ничком, сжимая в одной руке нечто вроде железной полосы.

— Папа! — тихо вскрикнул Будимир. — Дядя Толя!

— Вот это номер! — хмыкнул Ростислав. — Прости, что я тебе не поверил. Мы их искали в хроне Гагтунгра, а они оказались здесь, в Уппуме. Как это понимать?

— Время в разных хронах течет с разной скоростью, — отозвался мальчик, завороженно глядя на столб с прозрачным «гробом».

— То есть в Дигме оно отстает от других, так? Тогда это все объясняет. Мы только потеряли время, разыскивая твоего отца во владениях Гагтунгра. Мне кажется или в руке твоего папы меч?

— Они с дядей Толей тоже искали Финист...

— Значит, они нашли его раньше. Если только это Финист, в чем я сомневаюсь. Будь у них оператор гипервоздействия, они

не попали бы в ловушку. Ведь этот стеклянный «гроб» на самом деле...

— Заклятие.

— Я так и понял. Уицраор все-таки заманил твоего отца мечом и запер.

— Здесь был Дуггур... я чую его з а п а х... Надо их освободить!

— Сначала осмотрись, как бы не проворонить охрану или замаскированное взрывное устройство.

— Никакой охраны здесь нет, заклятие н е д о с т у п н о с т и сродни тому, что удерживало Святогора. Оно не поддается нейтрализации.

— Гроб Святогора мы тем не менее развернули, развернем и это дьявольское укрытие. Я помогу. Подойдем поближе?

Без лишних слов Будимир начал спускаться в кратер. Светлов за ним. Остановились у края обрыва в огромный колодец, из которого вырастал двухсотметровой толщины столб с плоской вершиной.

— Начали?

— У меня мало сил... — почти неслышно проговорил Будимир, кусая губы. — Но другого выхода нет... Поддержите меня, дядя Слава.

— Не волнуйся, я рядом.

Ростислав вошел в *саммай*-состояние и через несколько секунд объединил свое пси-поле со сферой экстравидения Сухова-младшего. Оба в с п ы х н у л и, заставляя пространство Маана судорожно дергаться и вибрировать, направили поток объединенной воли — с и л ы на стену прозрачного «гроба».

Борьба двух видов энергии длилась долго.

В конце концов Ростислав перестал ориентироваться в этом процессе, просто следуя за волей Будимира и щедро отдавая ему свою энергию. Затем сознание его помутилось, и он пропустил момент, когда сопротивление заклятия оказалось сломленным и прозрачный параллелепипед над пленниками, вспыхнув, исчез.

Очнулся Светлов от притока свежего холодного воздуха. Автоматика скафандра пыталась оказать хозяину первую помощь. Вяло двигаясь, он заставил себя оглядеться, сел, не спуская глаз с тела мальчика в серебристом костюме. Позвал хрипло:

— Димка, ты живой?

Мальчик не пошевелился. Он тоже был без сознания.

Светлов с трудом подполз к нему на четвереньках, потолкал в плечо, разглядывая бледное до синевы лицо парня.

— Дима, очнись! Кажется, мы все-таки убрали дуггуровское заклятие.

Молчание.

— Дима! Избавитель! Вставай! Пора идти выручать батю!

Будимир вздрогнул, судорожно вцепился в руку Светлова, закашлялся до слез, открыл глаза.

— Дядя Слава...

— Все в порядке, дружище, у нас получилось. Заклятие нейтрализовано. Теперь надо покумекать, как нам перебраться на этот столб. Не пришлось бы вызывать кого-то из помощников.

Будимир вдруг замер, глаза его расширились.

Ростислав оглянулся и увидел над краем каменного столба две фигуры в камуфляжных комбинезонах — одну повыше, вторую пониже. Это были Никита Сухов и Такэда.

— Папа! — ахнул Будимир, подхватываясь на ноги, и вдруг поднялся в воздух, пушинкой перелетел бездну, отделяющую столб от кромки кратера. Бросился на грудь отцу.

Ростислав свернул шлем, сделал официальное лицо и стал ждать, пока на него обратят внимание.

Эпизод 6

СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

Глава 1

Рука затекла.

Светлов проснулся, помассировал плечо, несколько раз сжал пальцы в кулак, разгоняя кровь. Вокруг стояла ватная тишина, ни один звук не долетал сквозь стены и дверь комнаты, и ему показалось, что все его бросили и ушли. Однако стоило ему только подумать об этом, как в голове расцвел бесплотный лотос мысленного о т к л и к а: Будимир у с л ы ш а л эмоциональный всплеск спутника и ответил своей обычной стеснительной «пси-улыбкой». Связь между ними теперь держалась автоматически, словно мальчик и бывший капитан спецназа породнились. Хотя, возможно, так и оно и было. Поход по Вееру-Фракталу Миров сблизил бы и более разные натуры, они же понимали друг друга с полуслова.

Этот уголок для отдыха земляне нашли, можно сказать, случайно. Техника Маана не слушалась волевых приказов, как в других владениях Великих игв, и не создавала необходимых зон жизнеобеспечения. «Замок» Уицраора подчинялся только воле хозяина, а гостей просто терпел. Однако Сухов-старший сообщил, что они с Такэдой во время путешествия по ободу Маана наткнулись на чей-то разбитый космический корабль, и после короткого совещания решено было использовать этот корабль в качестве «дома отдыха».

В результате каждый получил по каюте, — летали на корабле гуманоиды, а то и люди, — где вполне можно было провести ночь в относительной безопасности и тишине.

Отыскалась в недрах звездолета и кают-компания, где воссоединившийся отряд землян провел около двух часов, обмениваясь информацией и впечатлениями похода по разным хронам Веера. Кают-компания вмещала двадцать необычной формы кресел, не слишком удобных для отдыха, но все же пригодных для сидения, имела длинный горбатый стол и гнутые стены буро-кофейного цвета. Источников света в ней не оказалось, вернее, освещение было, но не работало. Корабль давно потерял запасы энергии и был мертв. Будимиру пришлось зажигать «ма-

гическую лучину», в качестве которой пригодился рог, торчащий над столом из темно-зеленого блестящего потолка помещения.

Конечно, они могли остановиться на отдых и на открытом месте, благо на Маане удобных площадок наличествовало много, но все же не стоило расслабляться до такой степени на чужой территории, за которой вполне могло вестись наблюдение. Древний космический скиталец, неведомо каким образом попавший на Маан и давно покинутый экипажем, еще мог послужить гостям в качестве хорошо защищенного форпоста и довольно уютного уголка для отдыха.

Осматривать его путешественники не стали. Будимир сферой магического в и д е н и я «обнял» звездолет, близкий по форме к огромному самолету с тремя килями, обнаружил рубку, трюмы, кают-компанию и жилой отсек с рядами кают, и взрослые решили, что этого достаточно. На изучение космолета у них не было ни времени, не желания.

Первыми о своем походе по «лестнице» Шаданакара поведали Светлов и Сухов-младший. Ростислав рассказывал, Будимир в нужных местах кивал, подтверждая рассказ.

Такэда и Сухов-старший слушали молча, изредка переглядываясь, хотя было видно, что они удивлены и заинтригованы. После того как Светлов закончил повествование, Никита признался, покачав головой:

— Мы совершенно не рассчитывали, что вы пройдете так далеко, да еще освободите Святогора. Этого первобытного волота — так называли великанов древляне, предки русских в Шаданакаре, — не смог расколдовать даже его сын Яросвет. А ведь он — великий маг!

— Ну и что, значит, Димка посильнее будет, — спокойно сказал Ростислав. — Зря его, что ли, нарекли Избавителем? Конечно, он еще совсем пацан, но с потенциалом Потрясателя Веера.

Никита и Такэда снова обменялись взглядами.

— Откуда вы знаете о Потрясателе?

— Слухами вселенная полнится, — усмехнулся Ростислав.

— Сеттутеп дал ему канал выхода в Хроники, — поднял глаза на отца Будимир. — А я помог дяде Славе снять блокировку между подкорковыми структурами. Он не просто защитник.

— Я так и предполагал, что этим закончится, — кивнул Такэда, лицо которого не выражало никаких эмоций. — Я редко ошибаюсь в людях. Мне кажется, им надо сказать правду.

— Еще не время, — возразил Сухов-старший.

— Как скажешь.

— О чем речь? — осведомился Ростислав, уловив с д в и г

свечения в аурах собеседников. Они чего-то не договаривали, скрывали, испытывая при этом негативные эмоции.

По-видимому, отец Будимира почувствовал его реакцию, потому что внимательно посмотрел на Светлова, пощипал подбородок в сомнении и тряхнул волосами:

— Наверно, ты прав, самурай. Они заслужили право знать правду. Но сначала расскажи им о нашей миссии, ты сделаешь это лаконичней, чем я.

Такэда остался невозмутим и принялся описывать историю похода бывших Посланника и оруженосца по Мирам Веера.

После того как Светлов и Будимир ушли из хрона Земли через избу бабы Домны, им пришлось вместе с Вуккубом больше двух часов отражать атаку спецназа: кто-то сообщил в областное отделение ФСБ о высадке под Томском террористов, и эфэсбэшное начальство направило в лес отряд быстрого реагирования. Командовал отрядом некий майор Аксененко, в которого, очевидно, вселилась «проекция» одного из «чекистов» — чистильщиков из спецслужбы Великих игв. Поэтому пришлось выдерживать бой «с перекосом» — бойцов спецназа жалеть, не убивать и не калечить, держать их на расстоянии и маневрировать. Лишь после того, как удалось нейтрализовать командира группы — жизнь ему, к сожалению, сохранить не получилось, — беглецы смогли оторваться от погони. Два дня они скрывались в болотах под Томском, потом вернулись к избе бабы Домны и ушли на «лестницу» Шаданакара.

Как и Ростислав с Будимиром, Сухов и Такэда попали сначала на Хаббард, но не задержались, а сразу направились в хрон Зу-л-Кифла, на Айгюптос, отстав от первой пары буквально на сутки. Они тоже встретились с динозавром Сеттутепом, отбили атаку малой группы СС и через те же Чертовы Ворота ушли на Астаамтотль, планету с Империей Халиско, родиной великого воина и мага Уэ-Уэтеотля.

Однако и там с хозяином хрона встретиться им не удалось. Уэтль, как и Зу-л-Кифл в своей вселенной, пытался остановить экспансию чужих законов, законов соседних хронов, и в своей резиденции практически не жил. Найти же его местопребывание Сухову-немагу оказалось не под силу.

Зато им удалось так всполошить сторожевую систему Великих игв, поверившую в новый поход бывшего Посланника, что она всерьез занялась охотой на людей, добывших славу Воинов Света, собравших Семерых магов и выбросивших за пределы Шаданакара самого Люцифера.

С Астаамтотля Никите и Такэде пришлось бежать в мир Магэльфа и просить помощи у этого странного коллективного су-

щества, к счастью, согласившегося вооружить беглецов и экипировать.

— Эти комбинезоны, — потрогал ткань на груди Такэда, — на самом деле спецкостюмы с автономными системами жизнеобеспечения и маскировки.

— Нам тоже удалось добыть нечто в этом роде, — сказал Ростислав, имея в виду свой серебристый скафандр. — Нашли на складах Даймона. Запасливый был мужик.

Сухов и Такэда отреагировали на слово «мужик» беглыми улыбками. Великий игва Даймон вряд ли был мужиком в прямом смысле этого слова.

— Дальше мы отправились к Велиалу, потянув за собой и хвост погони, — продолжал рассказ Такэда. — Потом попытались найти Дадхи, побегали по мертвым хронам, забрались в хрон Гиибели и еле отбились от патруля «чекистов». Взялись за нас плотно, так что пришлось повоевать.

— Зато мы почти не воевали, — сказал Ростислав. — Похоже, вы оттянули на себя все силы Уицраора, а нами занимались лишь его сторожевые псы на местах, как бы профилактически, да местные полицейские. Никто не видел в нас серьезных противников.

— Так было задумано, — усмехнулся Такэда. — Димке в первую очередь был нужен наставник, а не защитник, и вы отлично справились с этой задачей.

— Но ведь вы утверждали обратное, — озадаченно сказал Светлов.

— Прости, капитан, — виновато проговорил Сухов-старший (в этот момент он был очень похож на своего сына: то же выражение глаз, тот же тон). — Мы не имели права давать тебе всю информацию. Димка мог бы защититься и сам, возможностей у него хватает, но ему действительно больше был необходим добрый совет.

Ростислав порозовел, опустил глаза, переживая неприятное чувство досады и сожаления. Потом поднял голову, улыбнулся:

— Как говорил Омар Хайям:

Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.

Добавил:

— Но я вам это еще припомню.

Никита с облегчением засмеялся, глянул на Такэду:

— Все-таки везет нам на хороших людей, самурай. Что бы мы без них делали?

— Ничего, — невозмутимо ответил японец.

— Как вы оказались в хроне Гагтунгра? — перевел разговор

в другую плоскость Ростислав. — Мы видели, как вы сражались с чернолицыми «чекистами», и даже пытались искать вас там.

— Мы тоже охотились за мечом Святогора. — Сухов-старший кивнул на лежащий на столе тускло-серый клинок. — Вот он. Не работает, мертв. Для того чтобы он включился, в него надо вдохнуть душу, но я этого делать не умею. Может, Димка справится? Во всяком случае, попытаемся его инициировать. Из Дигма мы прыгнули в хрон игвы Дуггура, еле унесли оттуда ноги, зато узнали, что меч здесь. Прилетели сюда, нашли Финист и *умертвие*...

— И попались в засаду.

— Это была ловушка, — согласился Никита. — Нам удалось уничтожить весь отряд «чекистов» — теперь мы практически безоружны, если не считать меч и *умертвие*, — но уйти от Дуггура мы не смогли. Он накрыл нас заклятием неволи и, в общем...

— Дальше понятно. Вас нейтрализовали. Непонятно только, почему Дуггур вас не уничтожил физически, зачем ему понадобилось загонять вас в прозрачный гроб?

— Мы и сами этого не поняли, — сказал Такэда. — Хотя, возможно, существует веская причина для такого расчета.

— Какая?

— Дуггур испугался.

Ростислав скептически покачал головой.

— Он беспредельщик, для него не существует никаких нравственных норм и законов, и он готов на любой поступок.

— Дуггур претендует на статус Великого игвы и хочет показать всему Шаданакару, что может быть великодушным. Это первый вариант. Второй: он не знает, где сейчас находится Седьмой — магическая «матрица» Никиты, поэтому и не хочет рисковать — убивать носителя. Это чревато. Лучше подержать тело носителя у себя, чтобы при случае предъявить в качестве товара, предмета торговли.

Ростислав подумал, кивнул:

— Очень даже логично. Но вернемся к нашим проблемам. Меч и *умертвие* у нас, однако явно непригодны к использованию. Что дальше? Кстати, что это за намеки насчет всей правды? Чего я еще не знаю, что знаете вы?

Такэда отвернулся.

Сухов-старший помолчал немного, пребывая в некоторой растерянности, потом прямо глянул в глаза Светлова:

— Ты капитан спецназа и должен понять. Ваш поход с Будимиром также был отвлекающим маневром, дополнительным. Мы должны были заставить СС и ЧК поверить в основательность наших претензий на сбор новой команды Семерых. Дим-

ка — действительно очень сильный маг, но слишком юн, а проблема требовала немедленного разрешения. Нам пришлось выступить в поход раньше намеченного срока и не в качестве основных исполнителей. Главный Избавитель сейчас должен быть уже у цели.

Стало тихо.

Ростислав закрыл глаза, переваривая сказанное. Вопреки ожиданиям обиды и злости на Сухова он не испытывал. Операция была рассчитана по уровню «абсолютно секретно» и не допускала утечки информации. Досада, конечно, была — что его использовали в качестве далеко не главной фигуры замысла, но она не перевешивала очевидных преимуществ плана. Если бы он знал все с самого начала, еще неизвестно, удалось бы ему добиться того результата, какого они достигли с мальчишкой-магом, или нет.

— Не обижайся, — тихо сказал Никита.

— Я не обижаюсь, — открыл глаза Ростислав. — Все правильно. На вашем месте я поступил бы точно так же. Кто же он, настоящий Избавитель?

— Ты его не знаешь. Да и мы тоже, в общем-то, лишь извещены, но никогда с ним не встречались. Он маг из одного пограничного хрона, потомок «трех В».

— Как Сеттутеп?

— И как Святогор. Он ближе к человеку, чем к динозаврам, хотя и человеком его назвать нельзя.

— Как его зовут?

— У него нет имени, только смысловой пакет, который на человеческом языке можно условно выразить словами Имеющий Право Решать. Избавителем его назначил Собор Веера, или его Соборная Душа.

— Он действительно дошел до цели и выполнил задачу? То есть уничтожил мост Уицраора?

Сухов и Такэда переглянулись.

— Мы надеемся, — сдержанно ответил японец.

— Я думаю, все в порядке, — добавил Никита. — Если бы у него не получилось, нам бы уже доложили. Так что можно возвращаться домой.

Ростислав в сомнении покачал головой.

— Почему же никому из нас не сообщили, что это событие произошло? Почему нас не отозвали?

— Не успели, — пожал плечами Никита. — Курьер, наверное, где-то в пути. Мы же не сидим на одном месте.

— Может быть, оно и так. Только я бы подождал с возвращением. Если ваш Имеющий Право, то есть настоящий Избавитель, дошел до цели — дело сделано, задача выполнена, наша

миссия закончена и никто нас уже не должен преследовать. Так как это не имеет смысла. Но если...

— Я понял, — прервал Светлова Сухов-старший. — Имеет смысл подождать с возвращением несколько дней. Либо нас нагонит курьер, либо... группа ЧК. В первом случае задача действительно выполнена, и в наших услугах Веер не нуждается. Во втором — Избавитель еще не добрался до цели, и преследователи по-прежнему будут гнаться за нами, закусив удила.

Ростислав кивнул. Никита посмотрел на Такэду:

— Толя, твое мнение? Продолжаем искать хрон, из которого Уицраор строит мост?

— Нинтай, — невозмутимо проговорил Такэда по-японски. — Вата-си корэ ва ярката-о каэна кэраба наримасэн.

«Прежде всего выдержка, — перевел лингвер, хотя Ростислав и сам практически сразу понял, что сказал японец. — Это надо сделать иначе».

— Как? — поднял бровь Никита, знающий японский язык.

— Чтобы отвлечь силы ЧК на себя, надо «засветиться», показать следящим системам Уицраора, что намерения наши серьезны. Предлагаю отправиться на Олирну, к Святогору. Во-первых, о нашей встрече сразу будет доложено кому следует, и через какое-то время мы узнаем результат. Никто не нападет — отлично! Избавитель дошел и сделал свое дело. Если же появится дружина «чекистов»...

— Хороший план. — Никита погладил сына по голове; они сидели рядом. — Ну, а ты что скажешь, герой? Что тебе подсказывает интуиция?

Будимир сконфузился.

— Ничего... Дядя Толя прав. Нам рано возвращаться.

— В таком случае принимаем этот план. Хрон Олирны — один из самых красивых и оптимально развивающихся, вот почему его облюбовала всякая нечисть — хочет подчинить и сосать природные соки. Примерно то же самое происходит и у нас на Земле: кто только не хотел завоевать нашу Русь — Россию. Но я уверен, добро когда-нибудь восторжествует, и войны прекратятся.

— Хотелось бы верить, — усмехнулся Ростислав. — Вот вы прошли Веер из конца в конец, наблюдали жизнь в сотнях его слоев-вселенных, но встречали хоть раз такой мир, где его базовые законы не допускали бы насилия, убийства, агрессии, страха, лжи? На физическом уровне? Где всем правит один закон — закон справедливости? Доброты? Любви? Или в нашем Шаданакаре этот императив недостижим в принципе?

— Хорошие вопросы задаешь, капитан, — усмехнулся Никита. — Лет двенадцать назад я тоже интересовался этой про-

блемой, пока не понял, что такое Добро, а что Зло в глобальном плане.

— Может, поделишься открытием? — дернул уголком губ Такэда.

— Добро — это всего лишь совпадение мыслей и действий разумного существа с направлением проявления Воли Творца. Зло — действие, приводящее к инволюции Вселенной Веера Миров. Как-нибудь поразмышляйте над этим, и вы убедитесь, что все беды человека, да и не только человека, проистекают из его отрицания Божьей Воли. А миры-слои Шаданакара, где правят законы справедливости и добра, есть. Это так называемые Миры Прави. Один из них — мир-вселенная Магэльфа. К ним также можно отнести мир Белобог-Руси, да и мир Свентаны, хотя он сильно поврежден «радиацией зла», болен Мировой Язвой. Есть и еще метавселенные, где Правь — единый закон жизни, хотя я лично там не бывал, просто слышал об их существовании. Создавались они Властелинами Всего и Везде на основе Волевых установок Творца Веера, и даже отступник Люцифер не смог подчинить их, переориентировать, заставить жить по своим законам, отрицающим свободу воли.

— Хотелось бы взглянуть на них хотя бы одним глазком...

— Согласен, мне тоже хотелось бы, и когда-нибудь, я надеюсь, мы посетим эти миры, если Веер уцелеет. Однако что мы решаем конкретно? Идем к Святогору в гости?

— Может, лучше его пригласить к нам в гости? — безразлично предложил Такэда.

— Куда? — фыркнул Сухов. — На Землю? Или ты имеешь в виду Маан?

— Можно и на Землю. Представляешь, какой поднимется переполох?

— Представляю! Иногда ты меня сильно удивляешь, самурай. Что это еще за идея — пригласить Святогора в гости?

— Мы, японцы, всегда отличались от вас, русских, чему тут удивляться? Когда вы входите в дом, что снимаете? Шапку! А мы — обувь! Есть разница?

— Ну и что?

Такэда не выдержал, засмеялся.

— Что ты ко мне привязался, танцор? Я неудачно пошутил. Идем к Святогору, если у капитана Светлова нет других предложений.

— Нет, — мотнул головой Ростислав. — Впрочем, прошу прощения... Отпустите меня на денек.

— Куда? — не понял Никита. — Ты хочешь отдохнуть дома?

— Не дома. — Ростислав порозовел под взглядами мужчин,

сделал усилие и признался: — Хочу побывать в гостях у одной девушки из Белобог-Руси. Я рассказывал.

Такэда и Сухов-старший посмотрели друг на друга.

— Он имеет в виду Ненагляду. Ты возражаешь?

— Почему я должен возражать? Каждый из нас волен сам выбирать себе дорогу. Другое дело, насколько этот визит опасен.

— Капитан, дружище, это действительно важно для тебя? — повернулся к Ростиславу Никита.

— Я обещал, — сказал Ростислав, стараясь скрыть поднявшееся в душе волнение.

— Мог бы не спрашивать, — неодобрительно глянул на друга Такэда. — Лучше подумай, как свести риск к минимуму. Есть соображения?

Никита почесал переносицу, покосился на сына.

— Отпустим его, Дим? Это не опасно? Как ты считаешь?

— Он будет не один, — застенчиво сказал мальчик. — Белобог-Русь — родина Вольха.

— Волка Волков, которого вы освободили? Тогда это меняет дело. Интересно будет познакомиться. Кстати, как вы собираетесь его вызвать?

— Это просто. — Будимир з а с в е т и л с я, открыл рот, чтобы позвать Вольха, но Сухов-старший остановил его:

— Постой, не сейчас, сынок. Нам всем требуется отдых. Поужинаем, поспим, а потом и вызовем вашего Волка...

Ростислав очнулся от воспоминаний, слез с упругого ложа в углу каюты, игравшего, наверное, и для его бывшего хозяина роль кровати, потянулся. Впервые с момента выхода в Шаданакар он спал так безмятежно и спокойно, проспав около восьми часов кряду. Заговорила совесть: пока он отдыхал, кто-то стерег его сон, не требуя замены.

Никаких удобств древний звездолет, естественно, предоставить своим временным квартирантам не мог. Ни туалета, ни ванной комнаты, ни простого умывальника. Правда, и оставаться здесь долго люди не намеревались, поэтому не особенно переживали по поводу отсутствия нужника.

Когда Ростислав появился в кают-компании после всех жизненно необходимых процедур, его ждали.

— Прошу извинить, — сказал Светлов. — Спал как убитый. Думал, вы разбудите, когда наступит моя очередь дежурить.

— Не бери в голову, капитан, — успокоил его Никита, выглядевший, как и Такэда, свежим и отдохнувшим. — Все нормально. Мы никуда не спешим. Есть хочешь? Перекуси бутербродом и запей чайком, самурай сварил. Дим, теперь вызывай Волка.

Будимир улыбнулся Ростиславу, послушно настроился на ментальный вызов, медленно проговорил:

— Вольх, появись, пожалуйста!

Короткая тишина.

Мягкое сотрясение всего пространства вокруг.

Теплая волна воздуха.

И тихий вежливый мыслеголос:

— Рад приветствовать Избавителя и его соотечественников. Прошу прощения, друзья, но я не умещаюсь в этих апартаментах, жду вас снаружи.

Земляне переглянулись.

— Я не подумал, — смутился Будимир. — Вольх очень большой...

— Ничего страшного, — махнул рукой его отец, вставая. — Идемте, судари мои, пора покидать владения Уицраора, вельми тяготят они меня.

Они выбрались из космического корабля на каменную осыпь под его бортом и увидели гигантского Волка Волков, одетого в вуаль прозрачного сияния. Увидев их, зверь поклонился, открывая пасть и высовывая язык.

— Х о л о д н о у вас здесь, неуютно. Вакуум «шатается», трескается, течет. Скоро этот мир исчезнет.

— Знакомьтесь, — мягко сказал Будимир. — Вольх, это мой папа — Никита и дядя Толя... Тоява.

— Посланник и оруженосец предыдущей мобилизации.

— Мы знакомы? — прищурился Сухов-старший.

— Лично не встречались, но я знаю о вас от отца. Не ошибусь, если предположу, что вас знает и помнит каждый магожитель Шаданакара. Итак, я к вашим услугам, друзья.

— Мы почувствовали, что нас помнят, — невозмутимо произнес Такэда, — когда вышли в путь и сразу попали в засаду.

— Не грузи его нашими заботами и горестями, — проворчал Сухов. — Мне сказали, что ты свободно перемещаешься по Шаданакару. Сможешь перенести нас на Олирну? А вот его потом, — Никита кивнул на Ростислава, — на Аркону? Там его ждет девушка Ненагляда, которую ты отнес на родину.

— Нет ничего проще. Садитесь на меня, друзья.

Вольх присел. Люди залезли на него, помогая друг другу. Кинули по взгляду на пейзаж Маана — «замка» Уицраора, на бесконечный поток ледяных глыб, прощаясь с этим негостеприимным и неуютным миром.

Вольх выпрямился и прыгнул сквозь потенциальный хронобарьер, отделяющий мир Великого игвы от соседних, унося на себе четверку землян.

Глава 2

С высоты холма он смотрел на город, окруженный рекой, и не мог налюбоваться его красотой и гармоничной завершенностью, уходящей корнями в русское теремное зодчество. Город был столицей Белобог-Руси, занимавшей самый большой материк Арконы, и назывался Руян-градом. По словам Вольха, ему исполнилось уже более пяти тысяч лет, но благодаря особым методам сохранения строений выглядел он молодо и празднично, совсем не так, как современные российские города на Земле — в вечных лесах подъемных кранов, долгостроев и ремонтов.

По меркам земного жителя столица Белобог-Руси была невелика, едва ли вмещая более пятидесяти тысяч человек. Ни одной коптящей трубы Ростислав не заметил, да и вообще не увидел никаких труб и технологических конструкций. Лишь десятки и сотни сверкающих куполов — без единого креста или шпиля, причем не золоченых, а голубых, синих, салатного цвета, розового, белого, со звездами и без них, и терема, терема — высокие и низкие, со стрельчатыми окнами и витражами, в ажурной вязи фронтонов и резных украшений, с крышами из янтарного светящегося или серебристого материала. Ни одного серого, темного, мрачного здания! Ни одного полуразрушенного, покосившегося, требующего ремонта дома! Белый камень, красный камень, оранжевый камень, мраморные плиты, туф, известняк, ракушечник, изредка — дерево... Впоследствии Ростислав узнал, что горные породы на Арконе отличаются по составу от земных и называются иначе, но по виду они были точно такие же. Дух захватывало от яркой красоты города, с небывалым мастерством вписанного в равнинно-холмистый ландшафт, воплотившего все архитектурные приемы, принципы «золотого сечения» и «золотого вурфа».

Разглядывать этот город можно было часами, и Ростислав смотрел, затаив дыхание, находя все новые сюжетные линии и краски, искал подспудно дом Ненагляды, вслушивался в необычно тихий городской шум и стоял бы на холме еще долго, если бы Вольх деликатно не напомнил о себе:

— Я еще нужен, защитник?

Ростислав очнулся, оглянулся на гигантского Волка, терпеливо ждущего его решения.

— Прости, дружище, загляделся! Ты свободен. Я побуду здесь не больше суток, и обратно к своим. Конечно, хотелось бы посмотреть на здешнюю Русь, проехаться по ее городам и деревням, да времени нет. Тебе не кажется, что Руян-град маловат для столицы?

— В этом хроне реализована иная топологическая структура социального пространства, — ответил Вольх, — с главенством общинной формации и хуторским расселением. Большинство бело-русов живут на хуторах в пять-семь домов, семьями. Благо, они не нуждаются в транспорте.

— Действительно, никаких машин и повозок я в городе не заметил. Как же они перемещаются на большие расстояния? С помощью магии?

— П р и с л у ш а й с я к пространству планеты, защитник. Аркона являет собой особое структурное образование, реализующее магическое управление природными процессами. Каждый ее житель имеет возможность управлять такими процессами в пределах компетенции, если соблюдает законы общественного жизнеустройства. Транспортные системы здесь ни к чему.

— Какой же тип отношений победил на Арконе?

— Победил — не то слово, эти отношения создавались естественным путем, без войн и конфликтов. В Белобог-Руси правит людьми ведический социализм, если использовать земной термин. Основа — оптимальное сочетание стремлений к социальному равенству, возможности индивидуального обогащения и различий в оплате труда в зависимости от квалификации и творческого уровня. Самые богатые люди на Арконе — творчески реализовавшиеся личности.

— Мечта! — поцокал языком Ростислав. — Вот бы у нас в России создать такое!

— Судя по имеющейся у меня информации, вы идете верным путем, хотя и медленно. Тем не менее русская культура — главная база развития вашей цивилизации, прежде всего духовно, несмотря на все усилия тупиковых ее ветвей нейтрализовать духовное измерение.

— Спасибо за добрые слова...

— Не за что, защитник. Зови, если понадоблюсь.

— Подсказал бы, где стоит терем Ненагляды. Отсюда они все кажутся прекрасными.

Морда зверя выразила лукавую улыбку.

— Разве тобой не владеет некое сильное чувство? Руководствуйся им, ищи сердцем, не промахнешься.

И Волк исчез.

Ростислав невольно покачал головой, усмехнулся.

— Легко сказать — руководствуйся... коли б я уверен был... Однако ничего не поделаешь, придется искать... сердцем.

Он еще раз огляделся, отмечая природные особенности окрестностей Руян-града. Несмотря на отсутствие транспорта, как летающего, так и бегающего на колесах, дороги здесь имелись. По некоторым из них двигались фигурки. Очевидно, аборигены

любили ходить пешком, либо неторопливо прогуливались в отсутствие забот, либо отдыхали, либо решали таким образом какие-то задачи.

Наблюдались пешеходы и на улицах города, покрытых травой, с шеренгами деревьев, с лентами дорог из цветного стекла — как показалось Ростиславу издали. Бросив взгляд на высоко стоящее солнце — температура воздуха здесь не превышала двадцати пяти градусов по Цельсию, воздух был напоен ароматами трав и цветов, так что его можно было пить, — Светлов двинулся с холма вниз, к ближайшей дороге, ощущая стеснение, волнение и нетерпение. Состояние *саммай* пришло само собой, и он услышал чей-то тихий голосок, а перед глазами встала прозрачная фигурка Ненагляды в сарафане и кокошнике. Она з в а л а его...

Ростислав невольно ускорил шаг и не заметил, как пространство послушно с д в и н у л о с ь, и он уже буквально через минуту оказался у первых теремов столицы Белобог-Руси. Сдержал шаг, заметив идущую навстречу пару: женщину средних лет и молодого парня с русой вьющейся бородкой. На женщине было длинное цветастое платье с оборками и головной убор — не платок и не шапка, нечто среднее, воздушное, украшенное красивыми блестящими кольцами. Мужчина носил атласный кафтан голубого цвета, обшитый бисером, подпоясанный кожаным витым ремешком, прямые штаны фиолетового цвета и нечто вроде кожаных мокасин. Глянув с любопытством на Светлова в серебристом скафандре, они поклонились ему и прошествовали дальше.

Он оглянулся, невольно потрогав свой гладкий подбородок. Удивительное дело: после бритья в замке Даймона позаимствованной у хозяина «бритвой» волосы на лице Ростислава больше не росли.

Появился еще один прохожий — мужчина в возрасте, черноволосый, но без бороды и усов. Его одежда состояла из жемчужно-серого кафтана свободного кроя, без пояса, и малинового цвета штанов. На Светлова он практически не обратил внимания, кивнул, как своему знакомому, и зашагал дальше. Когда Ростислав оглянулся, его уже не было на дороге. Исчез, словно растворился в воздухе.

Телетранспортация, подумал Ростислав.

Л е г к о с т у п, поправил его кто-то внутри. Это сработал канал связи с Хрониками Веера, вытащив оттуда термин, коим назывался этот способ пространственного преодоления в мирах Шаданакара славянского типа.

Начались пригороды Руян-града, мало чем отличимые от кварталов центра, разве что высотой зданий и большими рас-

стояниями, отделяющими терем от терема. Пешеходов стало больше, хотя ни в какое сравнение их количество с потоками пешеходов в российских городах не шло. И все они кланялись Светлову, но не останавливались, чтобы посмотреть вслед, и особого любопытства не проявляли.

Город был полон жителей, Ростислав это чувствовал, поэтому странным и уидивительным казалось их отсутствие на улицах, странным и необычным было отсутствие каких-либо машин, грузовых транспортных средств, а также всадников и телег, каких было предостаточно на Земле в Средние века. Лишь однажды Ростислав увидел летящий над улицей объект, напоминающий сплющенную цистерну ярко-желтого цвета. Но ничего даже близко похожего на привычный взору землянина воздушный транспорт!

Руководствуясь обострившейся интуицией, он прошел два перекрестка, свернул на более широкую и зеленую улицу, имеющую сходство с березовой рощицей, и сразу у в и д е л дом Ненагляды.

Никаких заборов в городе не было и в помине, и дом — трехъярусный терем вырастал из земли памятником самому себе, янтарно-белоснежной птицей, взлетающей в небо. Сразу было видно — по архитектурной пластике и системной иерархии, по декору, образованному арками и проемами, пучками лопаток и полуколонок, поясками и карнизами, резными капителями и фронтонами, — что создавал всю эту совершенную композицию великолепный мастер. А поскольку Ростислав помнил, что отец Ненагляды был ваятелем и зодчим, он ни секунды не сомневался, что перед ним ее дом.

Приблизившись к высокому крыльцу с резными столбиками и балясинами, он остановился на небольшой площадке перед крыльцом с мозаикой каменных плит, пытаясь успокоить разбежавшееся сердце, не зная, постучать ли по столбику или просто позвать хозяев.

Что-то белое мелькнуло в широких окнах первого яруса дома, и тотчас же распахнулась резная дверь прихода и на крыльцо выбежала Ненагляда в кружевном сарафанчике, с румянцем во всю щеку и с радостным изумлением в глазах. Она у с л ы ш а л а его мысленный зов!

— Слав?! Это правда ты?!

— Я, — с радостным облегчением подтвердил Ростислав. — Вот завернул на денек. Не откажешь путнику в питье и ночлеге?

— Ой, да нет же! — всплеснула руками девушка, слетела как на крыльях по лесенке вниз, чмокнула его в щеку, тут же смутилась, схватила за руку, потащила за собой, звонко крикнула: — Мама, Потаня, Селюнь, выходите, к нам гость пришел!

На крыльцо вышли одна за другой две женщины, одна седая, дородная, в длинном платье, отливающем всеми оттенками шелковой зелени, вторая помоложе, лет под сорок, но тоже в строгом платье, со множеством оборок и фестончиков. Седая на голове несла настоящую корону со сверкающими драгоценными камнями, молодая — только нитку жемчуга на лбу и длинные серьги. Лишь Ненагляда не надела никаких украшений, хотя, на взгляд Ростислава, и не нуждалась в них. Ее главными драгоценностями были роскошные волосы, сверкающие зеленые глаза, яркие губы, белые зубки, прямой носик и нежный овал лица — все то, что складывалось в понятие ненаглядной красоты.

— Мама, это Слав из Руссии, он меня спас, я рассказывала. — Девушка оглянулась. — А где Дим? Почему не пришел?

— У него дела с отцом, — пробормотал Ростислав, ежась от пронизывающего взгляда матери Ненагляды, поклонился низко. — Здравствуйте, хозяюшка.

— Здрав будь, добрый человек, — поклонилась в ответ седая.

— Слав, это мама Смирена, а это моя сестра Селюнь.

За спинами женщин появился мужчина в красивом белом кафтане, сильный, с черными глазами и короткой бородкой. Глаза у него были синие, как вечернее небо.

— А это Потаня, муж Селюнь. Потаня, знакомься, это Слав.

Мужчина степенно сошел с крыльца и оказался выше Ростислава чуть ли не на голову и шире в плечах. Он прижал ладонь к груди, поклонился. То же самое сделал Ростислав. Очевидно, в этом мире у мужчин не существовал обычай пожимать друг другу руки.

— Проходи, гость дорогой. Ненагляда тебя заждалась.

Девушка вспыхнула под взглядом Ростислава, снова взяла его за руку и повела в дом вслед за матерью и сестрой.

Последующие несколько часов слились для Светлова в один суетливый и счастливый миг. Его сводили в баню, переодели в домашнее, накормили и напоили, показали хозяйство и повели в город посмотреть на местные достопримечательности.

Уже к вечеру Ростислав почувствовал, что полон впечатлений до ушей и готов взмолиться, чтобы дали передышку. Ненагляда, полная энергии и сил, поняла его состояние без слов и повела домой. Он уже не удивился, осознав, что путь от окраины города к его центру, где красовались древняя крепость — пятнадцатибашенный кремль и семибашенный храм Белобога, который они прошли за три часа, в обратном направлении оказался вдесятеро короче. Руян-град был насквозь магическим городом и сам ненавязчиво подстраивался и ухаживал за его жителями и гостями.

Вечер прошел в беседах с родичами Ненагляды в количестве

десяти человек, мужчин и женщин разного возраста. Все уже знали историю спасения Ненагляды и хотели познакомиться с ее освободителем, о котором она много рассказывала и с нетерпением ждала в гости. Время в мире Арконы шло быстрее, чем в других хронах Веера, и на планете прошло около месяца, в то время как после расставания с девушкой, по расчетам Ростислава, прошло всего четыре земных дня.

Солнце зашло, родственники девушки разошлись по домам. Ушли и Селюнь с Потаней, забрав детей — двух мальчиков и двух девочек в возрасте от семи до пятнадцати лет (арконских, ненамного отличавшихся от земных), сославшись на какое-то служение. Мать Ненагляды еще какое-то время возилась в доме, неслышно возникая в комнатах и так же тихо пропадая как привидение. Она не была колдуньей или магиней, о чем было подумал Ростислав, заметив ее исчезновение. Просто магически организованное пространство дома выполняло все ее желания, и это было в порядке вещей.

Стемнело.

В гостином зале или, как его называли, в видуше зажглись искусно спрятанные в стены светильники, и зал преобразился, все его барельефы и скульптурные детали, созданные отцом Ненагляды, буквально ожили. Ростислав почувствовал легкое головокружение, насторожился, посмотрел на девушку, сидевшую напротив на низком топчане в форме лебедя.

— Что-то мне не по себе, хозяюшка. — Мать звала дочку уменьшительно-ласкательным именем Наля, но Ростиславу оно не пришлось по душе. — Я чувствую взгляд...

— Не беспокойся, Слав, — улыбнулась девушка, поглаживая пушистое животное, похожее одновременно и на кошку, и на мышь; животных этих называли домушами. — Просто тебя признал здан (так она называла дом-терем), ты ему понравился.

— Он разве живой?

— Не живой, как мы, но и не снулый, не мертвый. Он все видит и понимает, только не говорит.

— У тебя родственники хорошие. Не знаю, произвел ли я на них впечатление, но они мне симпатичны.

— Ты им тоже.

— А маме?

— Маму трудно очаровать, но ты ей тоже понравился.

— А тебе?

Вопрос вырвался в шутливой интонации, и Ростислав сразу пожалел об этом, однако на Ненагляду он произвел совсем другое впечатление.

Глаза ее потемнели, легкая улыбка сбежала с губ.

— Я буду твоей, — просто и серьезно сказала она. — Даже

если ты потом не придешь и забудешь меня. И ничего не говори, если не хочешь.

Он встал, подошел к девушке, опустился на колени у ее ног, взял за руку, глядя в глаза снизу вверх:

— Я не могу взять тебя с собой, ты и сама понимаешь это. Но я приду! Веришь?

— Верю... — прошептала она.

— Замуж пойдешь?

— Пойду...

Она закрыла глаза, и Ростислав поцеловал ее в раскрывшиеся пунцовые губы...

* * *

Ночью он проснулся от неосознанной тревоги: сторожевой «датчик» организма еле слышно звякнул и умолк. Но Ростислав привык доверять своей интуиции, никогда не срабатывающей зря, и, несмотря на отсутствие реальных раздражителей, успокаивать себя привычным: показалось — не стал. После многодневной гонки по мирам Шаданакара он уже понял, что случайных встреч, а также счастливых минут и подарков, равно как и тревог и волнений, не бывает. Чувствительность его психосферы возросла многократно, и если она подавала сигнал — что-то изменилось в окружающей обстановке. Пусть на тонком плане, на уровне внутриядерных процессов, вызывающих естественные электромагнитные шумы, но изменилось.

Ростислав открыл глаза, осмотрелся.

Спал он один.

После долгих часов откровения и узнавания друг друга Ненагляда оставила его, шепнув, что придет под утро. Он остался в спальне, долго не мог уснуть, вновь и вновь переживая небывалую радость обладания любимой женщиной, искупался в специальной ухожь-комнате, где вода лилась по первой мысли прямо с потолка, потом заставил себя успокоиться и лечь. Думать он, конечно, ни о чем, кроме того, что произошло между ним и Ненаглядой, не мог. Но и виноватым себя не считал. Ненагляда любила его, это было ясно, однако и он испытывал те же чувства, усиленные тоской прежнего образа жизни и казавшейся несбыточной мечтой о счастливой встрече с единственной. Эта встреча произошла, а значит, кто-то на небесах благосклонно отнесся к его мечтам и позволил испытать доселе неизведанное наслаждение, главным ощущением в котором было не чувство обладания самой красивой девушкой на свете, а чувство отдачи. Он неистово желал, чтобы и ей было так же хорошо, как и ему, а то, что она ушла, не говорило о пресыще-

нии или раскаянии. Ненагляда хотела побыть одна, помолиться и повиниться перед родными и проверить свои чувства, позвавшие ее к новому состоянию, к состоянию женщины.

Снова еле ощутимый холодный ручеек беспокойства шевельнул волосы на затылке.

Ростислав включил *саммай,* сразу оказавшись в призрачно засветившемся мире: волновой спектр зрения расширился, и он мог теперь видеть в инфракрасном диапазоне и даже в радиоволновом. Бесшумно натянув халат, который ему дали после бани, он вытащил из кармана скафандра нож — подарок Веселина, и выскользнул из спальни в коридор. Остановился, прислушиваясь к биению ментальных полей внутри здания.

Стало ясно, что некий гость вошел в него, сумев не поднять тревоги дома, как свой, и теперь затаился где-то, выпустив, как и Ростислав, невидимые виртуальные «щупальца» пси-поиска. В доме все спали, кроме Ненагляды (он это чувствовал), и не догадывались о появлении чужака, и если бы не постоянный настрой Ростислава на фиксацию опасности и не его боевой опыт, вряд ли он смог бы почуять чужого.

Коридор, арка, два выхода в малые комнаты, еще коридорчик, выход на кухню — шомнушу, как ее тут называли, и выход в гостиный зал, то есть в видушу. Здесь!..

Он скользнул в зал и замер, услышав тихий насмешливый пси-голос:

— Похвальная реакция, защитник. Я знал, что ты меня почуешь. Но главное, что я не ошибся в тебе глобально: ты должен был появиться здесь, в этом доме, и ты появился.

— Дуггур! — медленно и глухо проговорил Ростислав.

— Молодец, узнал.

В зале вспыхнул неяркий, но какой-то странно тягучий свет. Белая фигура в углу, прежде видимая неясно, как призрак, обрела человеческие черты. На Ростислава смотрела Ненагляда в белом пушистом одеянии, не скрывающем фигуры.

Сзади послышался сдавленный вскрик.

Он обернулся.

В двери зала стояла еще одна Ненагляда в точно такой же одежде и смотрела на него огромными испуганными глазами, переводя взгляд с него на первую Ненагляду и обратно.

В голове Светлова раздался смешок.

— Ну что, дружок, угадаешь, где настоящая девица? Светзеркальца-то нет с собой? Хочешь пари? Угадаешь — я тебя помилую, хотя ее заберу, не угадаешь — будете служить мне оба. Идет?

— Слав? — в один голос проговорили две Ненагляды. — Что происходит?!

— Проверка пратьякши[1], — отозвался Ростислав, чувствуя прилив энергии. — Все в порядке, милая, этого я не боюсь.

Взмах руки, и нож, молнией пролетев через зал, вонзился в лоб второй Ненагляды, появившейся в проеме двери. Раздался хруст, будто треснул стеклянный графин, за ним вскрик: кричала первая Ненагляда, стоявшая в углу зала, под портретом отца.

Вторая, продолжая смотреть на Ростислава огромными испуганными глазами, подняла руку, взялась за рукоять ножа, и вдруг ее облик претерпел трансформацию. Она почернела, высохла, превратилась в подобие туманно мерцающего скелета и вновь приобрела плоть и форму. Только теперь перед человеком стояло горбатое трехголовое существо, обтянутое не то чешуйчатой кожей, не то комбинезоном цвета асфальта.

Каждая голова этого существа представляла собой довольно узкий «блин» со сплющенным в горизонтальном направлении лицом, а все три «блина», почти касаясь друг друга, составляли одну голову с вертикальными щелями, по объему вдвое превышающую человеческую. Без сомнений, это был хаббардианец!

Средняя голова его, в которой торчал нож Ростислава, побледнела, сморщилась, задымилась. Две другие окутались красным свечением, перетекшим в их глаза — по одному на голову. Он вытащил нож, подержал перед собой, пока тот не стек на пол струйкой расплавленного металла, перевел взгляд на Ростислава.

— Ты растешь, защитник, — раздался тот же самый пси-голос, но уже не насмешливый, а злобно-презрительный. — Кто бы мог подумать, что такой дуболом способен перешагнуть уровень грубой материальности. Правда, тебе это не поможет, но справедливости ради следует отметить твое похвальное стремление к росту над собой. Может быть, ты все же добровольно перейдешь на мою сторону? Мне нужны исполнители твоего класса. Предлагаю забыть старые распри и обсудить перспективы. Как говорят у вас на Земле: кто старое помянет, тому глаз вон.

— А кто забудет — тому оба, — усмехнулся Ростислав, чувствуя переливающуюся по жилам с и л у. — Убирайся отсюда в свой ад! Иначе...

— Иначе что? — изумленно подхватил гость, в тело которого вселилась «проекция» игвы Дуггура. — Ты меня испепелишь взглядом? Силенок не хватит, воин, да и не тот у тебя уровень, чтобы бросить вызов Великому игве. Свирели-то у тебя с собой нету? Да и меча Святогора тоже. Железка, которую я подсунул вам в хроне этого выжившего из ума старика — Уицраора, вовсе

[1] П р а т ь я к ш а — чувственное восприятие (*инд.*).

не Финист. И даже если бы он у тебя был, вряд ли помог бы, он подчиняется только многомерникам. Да и то не всем. Ну, а теперь пора заканчивать этот спектакль.

Глаза хаббардианца вспыхнули ярче, и на голову Ростислава обрушился мощный пси-энергетический удар. Он был готов к нему и даже отразил большую часть импульса, однако «проекция» Дуггура была сильнее.

Перед глазами Ростислава все поплыло, он покачнулся. Вскрикнула Ненагляда: часть злой силы досталась и ей.

Крик девушки подстегнул Светлова, заставил включить резерв. Зрение прояснилось. Он увидел в метре перед собой кошмарную голову хаббардианца и сделал первое, что пришло на ум: нанес сильнейший удар костяшками пальцев в висок противника. И тот не успел отреагировать на это простое физическое воздействие! Улетел в глубь зала, сбивая телом деревянные стулья! Подхватился на ноги, оскаливаясь.

Новая ментальная атака бросила Ростислава в багровый омут полубессознательного состояния. Но он все-таки успел выговорить коснеющими губами:

— Вольх, помоги!

С гулким вздохом ударной волны в зале возникла фигура исполинского волка со сверкающими глазами, почти заполнив собой весь зал.

— Я здесь, друг!

Волк Волков повернул голову, раскрыл пасть.

Хаббардианец-Дуггур попытался увернуться, достал из складок одежды (или кожи) сверкнувший льдом предмет, но воспользоваться им не успел. Раздался хруст, захлебнувшийся крик, и он оказался в зубах Вольха, сделавшего несколько быстрых движений челюстями.

— Я... вас... доста... — прилетел затихающий пси-голос Дуггура.

Вольх сжал челюсти крепче.

Голос стих.

Вольх отвернулся, выплюнул то, что осталось от хаббардианца.

— Простите, друзья. Невкусная тварь.

— Спасибо, — хрипло сказал Ростислав, приходя в себя.

Ненагляда с криком радости бросилась к нему на шею.

— Слав! Ты жив!

— Что-нибудь еще, защитник?

— Нет, спасибо... ничего не... впрочем, подожди немного. Я соберусь, и ты отнесешь меня к своим, на Олирну. И я тебя очень прошу: побереги ее!

Ростислав поцеловал Ненагляду в ухо, не торопясь разнимать объятия.

— Будет сделано, защитник, — кивнул Вольх, — не беспокойся. Теперь ни одна тварь не переступит границы Белобог-Руси безнаказанно, уж мы постараемся.

— Не пущу! — шепнула Ненагляда, прижимаясь к Светлову всем телом. — Останься до утра...

— Я приду утром, — «улыбнулся» Волк Волков, исчезая.

Ростислав подхватил девушку на руки и остановился, увидев ее мать в дверях. Так они и стояли какое-то время, глядя друг на друга...

Глава 3

Каким образом Вольх ориентировался в пространствах Шаданакара, было непонятно, однако он ухитрялся выходить в нужном месте с удивительной точностью, ни разу не промахнувшись. Высадил он Ростислава прямо у пограничной заставы русичей, охранявших порубежье Свентаны, где и ждали его Суховы, младший и старший, и Толя-Такэда.

Волк и его наездник попрощались на виду у воинов-пограничников, не спешивших поднять тревогу. Затем первый растаял в воздухе, направляясь обратно на родину, а второй побрел к открывшимся воротам заставы, из которых выбежал Будимир, обрадованный возвращением спутника. За ним вышли Сухов, Такэда и Веселин, ничуть не изменившийся со времени его первой встречи с землянами.

Ростислав обнял мальчика, подкинул в воздух, поймал.

— Рад тебя видеть! Как дела?

— Хорошо, — смеясь, ответил Будимир. — Что-то случилось, дядя Слава?

— Это почему?

— Мы же расстались всего час назад.

Ростислав вспомнил рассказ Ненагляды, как она ждала его больше месяца. Время в хроне Белобог-Руси текло значительно быстрее, чем в хроне Олирны и Свентаны.

— Все дело во времени.

— Я так и понял, — сказал Сухов-старший, пытливо вглядываясь в лицо Светлова. — Оямович, посмотри-ка на него. Наш капитан явно пережил какое-то приключение. Возмужал. Похудел. И взгляд изменился. Колись, Слава.

Ростислав слабо улыбнулся.

— Да ничего особенного не произошло. Встретили меня хорошо.

— А девица-красавица?

— Ненагляда теперь моя... жена. Или скорее невеста. Ее мама нас благословила.

Сухов засмеялся, кинув на невозмутимого Такэду веселый взгляд.

— И это называется — ничего особенного не произошло? Да это ж событие планетарного масштаба! Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Поздравляю, капитан, ты добился своей мечты. Вот закончим наше путешествие и сварганим свадьбу. Хорошо, что хорошо кончается.

— Мне кажется, там не все было гладко, — заметил Будимир, посматривающий на Светлова не по-детски мудрыми глазами.

Ростислав взъерошил волосы на голове мальчика.

— Ничего-то от тебя не скроешь, Избавитель.

Улыбка сбежала с губ Никиты.

— Неужели гости пожаловали... нежданные?

— Игва Дуггур.

Стало тихо.

Мужчины обменялись понимающими взглядами.

— Как же тебе удалось отбиться?

— Волк помог. Это был лазутчик-хаббардианец, в которого вселился пси-имплант Дуггура. Обладая мощным суггестивным потенциалом, он мог принимать любой облик. Я попытался с ним потягаться, но... если бы не Вольх... В общем, сожрали хаббардианца.

— Ну и ну! — покачал головой Сухов-старший. — Хотел бы я увидеть эту сцену.

— Кстати, будучи уверенным в своей победе, Дуггур проговорился. То, что вы считаете Финистом и *умертвием* — всего лишь копии, муляжи. Настоящий меч Святогора находится в другом месте, и я даже знаю где.

— Шутишь? — Никита озабоченно вытащил из ножен меч наполовину, поглядел на него, поднял голову. — Где?

— В хроне Дуггура. Судя по всему, он давно его нашел и спрятал в своих владениях, но сам не может им воспользоваться.

— Почему?

— Он сказал, что Финист подчиняется только многомерникам.

— Он же сам многомерник, если имеется в виду способность жить сразу во многих мирах Веера и в пространствах с более сложной метрикой.

— Финист — меч жизни, — тихо сказал Будимир. — Им должен владеть только тот, кто защищает жизнь.

Все посмотрели на мальчишку.

— Святой, что ли? — пробормотал Сухов-старший. — Седьмой не был святым и тем не менее владел мечом. Хотя в этом что-то есть. Великие игвы, конечно, большие творцы, но творят они только через разрушение и смерть. Однако у нас появилась новая проблема, господа спасители вселенных. Признаюсь, нас весьма ловко провели, поэтому тем более нельзя это оставлять без внимания.

— Что ты предлагаешь? — индифферентно поинтересовался Такэда.

— Надо идти за мечом! Едва ли Дуггур будет ждать нас у себя дома после всех событий. Он наверняка рыщет по Вееру в поисках обидчиков.

— Други, обед стынет, — напомнил о себе терпеливо ждущий Веселин. — Подкрепитесь как следует, а уж потом в путь-дорогу.

— Правильно, — согласился Никита, со звоном вгоняя меч в ножны. — Не стоит торопиться. Я бы еще хотел встретиться со Святогором, поговорить о том о сем. Надо оценить, сколь он силен.

— Пока вас не было, — усмехнулся в усы командир погранзаставы, — он отогнал от Казан-града татареев-кочевников, рассеял несметное войско катай-бегинов, замучивших восточную нашу границу, и замуровал в могильнике Кщеря. Теперь вот занялся Мировой Язвой. Очистил весь юг от жабозмеев и черноухих чечнасламов и начал распахивать земли за Огнь-рекой.

— Ожил мужик, соскучился по работе. Ладно, поговорим в следующий раз, пошли обедать. Негоже хозяев заставлять ждать.

Они направились к заставе.

Ростислав догнал Никиту, зашагал рядом.

— Есть пара вопросов.

— Валяй.

— Почему магические звери — Вольх, Рамаг, Усыня — не участвовали в прошлой битве Семерых с Великими игвами?

— На этот вопрос ты мог бы получить ответ и сам, коль тебе доступен канал связи с Хрониками. Все эти существа-зооморфы в прошлом являлись членами команд-Семёрок, восстанавливающих глобальное равновесие Веера.

— Как ты?

— Как я, Зу-л-Кифл, Уэтль и другие. Поэтому силы Тьмы нейтрализовали их в первую очередь, дабы очередной организатор не смог на них опереться. Когда я собирал Семёрку, они уже были захвачены и томились в неволе.

— Почему же их просто не уничтожили?

— Уничтожить многомерника трудно, для этого надо ликви-

дировать под корень весь его род и всю линию материальных воплощений, а это практически невозможно.

— Почему же магов можно убить, а их нет?

— Потому что маги индивидуалисты, как и все творческие личности. Творческий процесс доступен отдельным индивидуумам, а не толпе. Что касается магозверей-зооморфов, то это отдельная тема, как-нибудь по свободе мы поговорим об этом. Скажу только одно: эти коллективно-многомерные зооморфные существа родились в Шаданакаре самыми первыми, именно они — предки «трех В». Еще не интеллект — в высшем смысле этого слова, но разум, достаточно близкий к человеческому, а главное, все они — яркие выразители Законов Творца Веера, таких, как Законы толерантности, свободы воли, справедливости.

Ростислав хотел задать еще вопрос, но они уже вошли в просторную и светлую трапезную, где сидели дружинники Веселина, дисциплинированно ожидая гостей и командира, и вести ученые беседы стало недосуг.

Обед длился полчаса: травяные щи на первое, грибы — соленые и жареные, печеное мясо утки, соленый папоротник, черемша, еще какие-то салаты из кореньев, ягод и лесных трав. Насытившись, гости поблагодарили хозяев за угощение и попрощались.

— Заглядывайте, не стесняйтесь, — предложил Веселин. — С появлением Святогора наша служба упростилась, никто через границу на Русь не лезет. Постоим еще здесь, конечно.

Земляне покинули заставу, спустились к ручью за холмом. Сухов-старший положил руку на плечо сына:

— Зови своих помощников, Избавитель, полетим искать хрон Дуггура.

— Последний вопрос, — вспомнил о своих сомнениях Ростислав. — Если вы уверены, что настоящий Посланник-Избавитель уже добрался до Моста и разрушил его, зачем нам искать Финист? Мы же выполнили задачу, отвлекли погоню на себя.

Никита сдвинул брови, поймал взгляд Такэды, отрицательно качнувшего головой.

— Капитан, буду откровенен. Мы не уверены, что Имеющий Право Решать, то есть Избавитель, дошел до Моста. Нам должны были сообщить об этом, но не сообщили. К тому же, если бы это произошло, содрогнулся бы весь Веер, мы бы почувствовали.

— В таком случае он не дошел.

— Если не хочешь больше рисковать — оставайся, мы поймем.

Ростислав усмехнулся, понимая чувства Никиты. Обиды не было, была усталость.

— Куда ж я денусь, Посланник? Я лично выполнил только половину задания — уберег Димку. Надо идти до конца.

— Он умеет отличать важное от срочного, — хладнокровно сказал Такэда. — Я понял это еще на Земле.

Никита засмеялся.

— Как говорится, не стой на месте, ищи новые тупики. Вперед, орлы!

— Дядя Слава, вы уже вызывали Вольха, — сказал Будимир. — Попробуете еще раз?

— Нет проблем, — небрежно согласился Ростислав. — Только предлагаю вызвать не Волка Волков, а Сокола.

Он сосредоточился, в с п ы х н у л и позвал:

— Рамаг, отзовись!

Секунда, вторая, третья...

Что-то прошумело в кронах деревьев, как порыв ветра, и над лесом возникла ниоткуда гигантская, серебристая, рогатая птица с мощным кривым клювом и черной окантовкой крыльев и хвоста. С неба — или скорее отовсюду — раздался характерный клекочущий голос:

— Приветствую освободителей и друзей. Как говорят у вас на родине, пришло время собирать камни. Чем могу быть полезен?

— Игву Дуггура знаешь?

— По некоторым свидетельствам, это младший отпрыск семейства Великих игв.

— Из молодых да ранний. Весьма целеустремленная личность.

— Он многомерное существо, а многомерники — коллективные сущности.

— Не суть важно. Что ты знаешь о нем?

— Он решил заменить Великих старичков, для чего, пользуясь отсутствием стабилизационной сети темпорала, принялся нанизывать один хрон на другой в надежде создать нечто уникальное. Однако произошло то, что ваши ученые называют словечком «коллапс».

— Сжатие...

— Катастрофически быстрое сжатие! Он таким образом уничтожил около миллиарда миров Веера! Но останавливаться как будто не думает. Его попытался образумить Уицраор...

— Не может быть!

— Почему не может быть? — покосился на ошеломленного известием Ростислава Никита. — Я знаю этого парня, его недаром называют «богом необъяснимого».

— Однако Дуггур послал своего дядюшку куда-то очень да-

леко, — продолжал Сокол Соколов, паря над людьми, — и начал какой-то новый проект.

— Какой?

— В точности не знаю, нет достоверных данных. Мои осведомители во многих хронах уничтожены. Ходит слух, что он каким-то образом хочет завладеть энергией всего Шаданакара, чтобы стать равным Творцу Веера, для чего обманом и хитростью использует всех, кого может. В том числе — вас.

Мужчины переглянулись.

— Каким образом?

Сокол нырнул вниз, приземлился на берегу ручья. Глаза его светились прозрачным золотым огнем.

— Этого я не знаю, друзья. Но берегитесь. Он действительно очень хитер и коварен.

— Мы это уже испытали, — пробормотал Ростислав. — Хотелось бы знать, что он задумал. Сможешь выяснить и сообщить?

— Обещать не могу, но попытаюсь.

— Где находится его хрон?

— На краю Великой Тьмы. Вы называете этот континуум Суфэтхом.

— Кладбище Шаданакара.

— Не совсем точный термин, но близкий по смыслу.

— Нам надо попасть туда, во владения Дуггура.

— В принципе путь туда не так уж и труден, хотя потребует большого расхода сил. Однако потом я не смогу прийти к вам на помощь долгое время. Буду восстанавливаться. Хроны, соседствующие с Суфэтхом, больны, являются энергетическими «вампирами». Долго в них существам биологического цикла находиться нельзя.

— Мы там не задержимся. Найдем кое-какие украденные Дуггуром вещи и уберемся оттуда. Кстати, может быть, тебе известно, из какого хрона Уицраор ведет строительство Моста через Суфэтх? К миру Люцифера?

— Сожалею, но мне это неизвестно. Доносились только слухи о строительстве, ничего конкретного. Спросите у других зооморфов, с которыми вы знакомы, может, знают они.

— Так и сделаем. Унесешь всех четверых?

— Ноша не из легких, но постараюсь.

— Поехали, парни.

Земляне с некоторым трудом разместились на шее и на спине гигантской птицы. Сокол Соколов расправил крылья, подпрыгнул, поднялся кругами в небо. Раскрылись лесные просторы порубежья Руси, ушла вниз погранзастава. На горизонте по-

казалась угрюмая коричневая с черными и оранжевыми пятнами полоса Мировой Язвы.

— Держитесь, тараним барьер!

Свет перед глазами путешественников померк. Наступила короткая невесомость, за ней — волна тяжести, прокатившаяся сначала от ног к голове, потом изнутри к внешним органам и коже.

Свет вспыхнул вновь, но ненадолго. Повторился тот же процесс: тьма, невесомость, тяжесть, стягивающая тело в точку и разворачивающаяся обратно, свет.

И так — более сотни раз!

Сокол Соколов переходил из хрона в хрон, пробивая телом хронобарьеры, отделяющие миры-слои Веера друг от друга.

Наконец свистопляска света и гравитационных встрясок прекратилась. Птица с трудом преодолела последний слой Шаданакара, соседствующий с «искалеченными» мирами Кладбища, и вынесла измученных полетом людей в хрон Дуггура.

Ростислав заставил себя встряхнуться, собрался с силами, справился с протестом желудка: сила тяжести в этом мире была почти нулевой. Сознание прояснилось. Восстановилось зрение.

Сокол, растопырив перья, весь взъерошенный, подергивая лапами, плыл в жемчужно-серой пустоте, напоминающей пузырь светящегося тумана диаметром чуть больше сотни метров. Ничего похожего на планету и вообще какие-либо материальные образования здесь не было и в помине. Однако, как ни странно, внутри туманного пузыря можно было дышать, а температура воздуха не опускалась ниже минус десяти градусов по Цельсию. Поэтому автоматика скафандров и не стала их герметизировать.

— Мы на месте, — прилетел едва слышный мыслеголос Ромага.

— Ты не промахнулся, дружище? — проворчал Ростислав. — Это и есть владения Дуггура? Почему здесь земной воздух?

— Я адаптировал зону перехода под земной стандарт. Континуум хрона по физическим параметрам далек от всего земного. Мы находимся в одиннадцатимерном пространстве с аморфным временем. И здесь очень х о л о д н о.

— Всего минус десять...

— Я имел в виду энергетическую оценку. Вас пока защищает моя адаптационная сфера. Но мои силы быстро тают.

— Нам нужен замок Дуггура или то, что его заменяет, — сказал Никита. — Должен же он где-то отдыхать и хранить свои раритеты, оружие, стратегические запасы и тому подобное.

— Никогда не слышал о замке Дуггура, — еще тише признался слабеющий на глазах Рамаг. — Здесь я вам не помощник.

— Высади нас на что-нибудь твердое и возвращайся. Попытаемся определиться сами.

Сокол Соколов взмахнул крыльями, поплыл куда-то сквозь серую муть многомерного пространства.

Длился этот полет несколько минут, но какое расстояние преодолела огромная птица со своей ношей, представить было трудно.

Что-то выступило из серой мглы за пределами светлой сферы. Плоский морщинистый объект по форме близкий кленовому листу буро-желтого цвета. Рамаг спланировал на него, тяжело опустился на поверхность «листа».

— Это реализованная пространственно-топологическая структура, имеющая нечто общее с таким математическим определением, как рандомизированный ковер Серпинского[1]. Возможно, он имеет вещественно-энергетическую основу.

— Как это понимать? — осведомился Сухов, спрыгивая на упруго-плотную поверхность «кленового листа».

— Хрон Дуггура имеет зернистую структуру, — послышался голосок Будимира. Мальчик соскользнул со спины Сокола, встал рядом с Ростиславом. — Своим появлением мы активировали одно из зерен плотности, имеющее определенное функциональное предназначение.

— Какое?

— Мне кажется, это нечто вроде виртуального входного тамбура, пап.

— Ладно, разберемся. Возвращайся, Рамаг, и побыстрее восстанавливай силы, твоя помощь может понадобиться в любой момент..

— Постараюсь, друзья.

Сокол Соколов оделся в нимб оранжевого сияния и растаял. Но не мгновенно, а как бы с задержкой, постепенно теряя плотность и цвет. Видимо, он и в самом деле потерял много энергии.

Вместе с ним исчезла и сфера серого свечения вокруг людей, а также воздух и слабенькая сила тяжести, помогавшая им ориентироваться. Шлемы Светлова и Будимира автоматически закрылись, включилась система обслуживания скафандров. Что делали в этот момент Сухов и Такэда, видно не было, темнота вокруг казалась абсолютной.

— Никита, — позвал Светлов.

Молчание.

— Дима, ты меня слышишь?

— Слышу, дядя Слава, — рассеянно откликнулся мальчик.

---

[1]Термин из теории фракталов.

— С твоим отцом и дядей Толей ничего не случится?

— Они в порядке.

— Мы не потеряемся?

— Сейчас...

Фигура Будимира засветилась нежными спектральными переливами, затем во все стороны ударили волшебные цветные лучи, и мрак вокруг людей раздвинулся. Образовалась светящаяся туманно-белесая полусфера, колпаком накрывшая «кленовый лист». Рядом с Будимиром возникли две человекообразные фигуры с конусовидными вздутиями на месте плеч и головы. Костюмы Никиты и Такэды тоже защитили своих хозяев, хотя и выглядели по-иному.

В наушниках рации Ростислава прорезался голос Сухова-старшего:

— Кто включил свет? Ты, Дим?

— Я ищу алгоритм воздействия на здешнюю топологию, — проговорил скороговоркой Будимир. — Такие интересные многоэтажные композиции... панорамы...

— Мы ничего не видим.

— Надо выйти в информационное поле хрона, пап.

— Спасибо за совет, сынок. Моих возможностей, увы, на этот трюк не хватает.

— Извини, пап.

— Ищи выход в систему л и ч н ы х владений Дуггура, только не спеши. Не нарвись на какое-нибудь злобное заклятие.

— Не нарвусь, пап, я в и ж у все ловушки.

— Ну а ты, капитан, видишь что-нибудь?

Ростислав, за минуту до этого перешедший в *саммай*-состояние, с заминкой произнес:

— Очень трудно разобраться... действительно интересные многоэтажные конструкции... очень хрупкие и подвижные... не могу понять, что это такое.

— Энергоинформационные структуры, дядя Слава, — отозвался Будимир. — Местная вселенная представляет собой плотно упакованный многомерный кокон, который от каждого внешнего воздействия разворачивает какое-нибудь из измерений. Но если бы Рамаг не обладал с и л о й, адаптирующей среду, мы скатились бы в глубокую пространственную «яму», из которой уже не выбрались бы.

— В черную дыру, что ли?

— Дуггур устроил систему охранных ловушек, захватывающих непрошеных гостей и сбрасывающих их в коллапсар-колодцы.

— Кажется, я вижу какие-то текучие бесцветные щели под нами... это они?

— Не двигайтесь, дядя Слава. Я их сейчас закрою.

— Осторожнее, сынок, — еще раз предупредил Никита. — Не хотелось бы радовать господина Дуггура, свалившись в черную дыру.

— Не волнуйся, пап, я их вижу. Даже странно, что ловушки такие примитивные.

Внезапно вокруг бесшумно встали призрачно сияющие световые арки, ажурные колонны и спирали, соединяясь в удивительно красивую и в то же время мрачную конструкцию.

— Пошла интериоризация, — сказал Будимир.

Световые вуали, арки и стены потекли друг сквозь друга, образуя все новые и новые формы. Затем почти мгновенно обрели плотность и консистенцию горных пород. Люди оказались стоящими под сводами сверкающей россыпями кристаллов пещеры, уходящей в обе стороны в неведомые дали и глубины.

— Кажется, получилось, — неуверенным тоном сказал Будимир. — Мы развернули самый плотный кластер и одновременно развернули трехмерную сферу евклидовости... Это, наверное, прихожая Дуггура.

— Пещера? — хмыкнул Никита. — Я вижу пещерный лабиринт.

— Я тоже, — отозвался Ростислав.

— Это и есть лабиринт.

— И как далеко он ведет? А главное, куда нас приведет? Надеюсь, в главное хранилище ценностей Дуггура? Напоминаю, нам нужен только меч.

— Он здесь, пап, я чувствую.

— Тогда веди, Избавитель. Чем быстрее мы найдем Финист, тем быстрее уберемся отсюда. Нам с Толей очень не нравится обитель Дуггура. А тебе, Слава?

Ростислав промолчал. Он был вполне солидарен с мнением спутников. Атмосфера дома Дуггура давила на психику и заставляла ждать неприятностей.

Глава 4

Они поняли, что попали во временную ловушку, когда прошагали по тянувшейся в бесконечность пещере, то суживающейся, то расширяющейся, петлявшей из стороны в сторону, раздваивающейся и растраивающейся, более шести часов, ничего существенного не увидев и не испытав. Первым на это обратил внимание Такэда. Ростислав поддержал его, уже давно испытывая дискомфорт.

Отряд остановился.

— Тамбур не должен быть таким большим, — согласился Никита, глянув на свои часы. — Мы что-то упустили из виду. Дим, попытайся сориентироваться. Эта пещера, по-моему, никуда не ведет.

— Может быть, мы по ошибке залезли в облако остановленного времени? — добавил Такэда.

— Здесь наши представления о времени не работают, — огорченно сказал Будимир. — Пещера, по сути, является некомпактным полугиперболическим многообразием и должна перейти в компактное многообразие неотрицательной кривизны. — Мальчик шмыгнул носом, помолчал. — Но, может быть, мы попали в одну из петель аттрактора Лоренца[1].

— Все это прекрасно, однако нам нужна гостиная Дуггура, его сейфы, оружейная комната...

— Я понимаю, — стушевался Будимир.

— Давай попробуем определиться вместе, — предложил Ростислав, желая поддержать мальчишку. — У нас неплохо получалось.

— Хорошо, дядя Слава.

Ростислав настроился на *саммай* и вышел за пределы человеческих чувств, моментально расширив диапазоны восприятия. Стены пещеры вокруг перестали казаться твердыми, превратились в зыбкие световые полотнища, сквозь которые стали видны какие-то сложные ячеистые структуры, многоуровневые конструкции, светлые и темные провалы и горы.

Внезапно зрение Ростислава вырвалось и за их пределы, и он увидел-ощутил гигантские объемы и панорамы, удивительным образом пересекавшиеся друг с другом, проникающие друг в друга и в то же время кажущиеся бесконечно малыми, свернутыми, сжатыми в струны и точки. Это подсоединилось к его полю зрения поле в и д е н и я Будимира, свободно проникающее сквозь все энергоинформационные решетки местного космоса.

«Ищи оружие, — подумал Ростислав. — Надо искать с в е ч е н и е в диапазонах угрозы, агрессии, ненависти, страха. Меч должен находиться в бункере с оружием Дуггура».

Призрачные переливы света, обтекающие зернисто-геометрический хаос хрона, потускнели, ушли в инфракрасный диапазон. Из темноты проступила объемная сеть рубиново светящихся жил, излучающих угрозу. Больше всего она напоминала кровеносную систему человеческого тела. Где-то за пределами

[1]Геометрическая фигура, описывающая эффект бабочки (термины теории фракталов).

доступных Ростиславу расстояний эти жилы соединялись в одно русло, которое вело...

«Туда!» — мысленно воскликнул он.

«Вижу, — отозвался Будимир. — Нам туда не пройти, не хватит сил».

Ростислав осознал, что впервые слышит мысли мальчишки как п р я м у ю речь, но радоваться этому открытию было некогда.

«Вызываем кого-нибудь из зооморфов. Сокол устал, лучше Вольха».

«Я бы вызвал Инсекта, у него сеть энергоканалов больше».

«Быстрее, малыш, мои силы иссякают!»

— Инсект, появись! — позвал Будимир Муравья на всех доступных ему уровнях воздействия.

Прошла минута, другая, третья...

Наконец с глухим гулом сотряслись стены пещеры, и перед людьми возник сияющий силуэт гигантского насекомого, закованного в ртутно-блестящую броню. Смотреть на это существо без содрогания было невозможно, и Ростислав мимолетно подумал, что им повезло, что Инсект на их стороне.

— Слушаю вас, джентльмены, — раздался характерный шипящий и потрескивающий мыслеголос зооморфа. — Вы забрались так далеко от моего дома, что я с трудом нашел дорогу. Здесь очень х о л о д н о. Поторопитесь.

— Подсоединись к нам на уровне д е л а н и я, — попросил Будимир. — Нам надо пройти сквозь топологические многообразия и свертки к центру этого хрона.

— Я готов.

— Возьмите и нас с собой, — предложил Никита, имея в виду мысленно-энергетическое подсоединение. — Вам будет легче.

— Хорошо, папа.

Поле восприятия Ростислава снова скачком расширилось, так что он сразу увидел-ощутил в с ю метавселенную Дуггура. Стала видна багрово светящаяся клякса, в которую входили миллионы рубиновых «кровеносных сосудов» — «сердце» владений игвы Дуггура.

— Поехали! — скомандовал Светлов.

Пространство с д в и н у л о с ь. Панорама световых потоков и пульсирующих вуалей смазалась, словно люди и в самом деле мчались сквозь эту феерическую объемную картину с огромной скоростью. Желудок сжался. Людей затошнило. Прорыв многомерного пространства отрицательно отражался на нервной системе, на психике, на всем молекулярно-клеточном организме человека, не приспособленном к прямым энергоинформационным преобразованиям и процессам.

Удар!

Глубокая встряска организма!

Сознание померкло... и восстановилось, поддержанное связью с подсознательной сферой. Ростислав обнаружил, что все четверо лежат на мягкой с виду пушистой белой поверхности. Инсект стоял рядом в позе глубокой задумчивости. Но вот он шевельнулся и стал осматриваться, поводя передними лапами из стороны в сторону.

Ростислав поднялся на дрожащие от слабости ноги.

Гигантская чаша с россыпью полупрозрачных зеленоватых шаров разного диаметра. Стены чаши светятся изнутри. Купол над головой, с виду металлический, с него свисают ветвистые рога и шланги. Тишина.

И как удар по голове — взгляд в спину!

Ростислав дернулся, оглянулся.

Никого!

Но взгляд не исчез. Это был поток ментальной энергии, излучаемой стенами помещения и создающей эффект угрожающего взгляда.

Поднялся Будимир, прошептал:

— Получилось, дядя Слава?

— Если это склад с оружием, то получилось, — ответил Ростислав. — Посмотри, что там с твоим отцом.

— Все в порядке, — раздался в наушниках рации хрипловатый голос Сухова-старшего. — Живы и почти здоровы. А ты быстро адаптируешься к новым условиям, Слава. Прямо завидки берут.

— У меня хорошие учителя, — сказал учтиво Ростислав.

— Не спорю, — хмыкнул Никита.

— Он имеет в виду не нас, а Сеттутепа и Димку, — сказал Такэда.

Ростислав засмеялся.

— Приятно общаться с умными людьми. Однако пора заняться делом, джентльмены. Пока мы все вместе, нам легче будет искать меч. Кстати, что это за шары? Похоже, они из какого-то пластика.

Он пнул ногой ближайший шар диаметром с баскетбольный мяч.

Шар упруго отскочил и вдруг задымился, резко увеличился в размерах и развернулся огромной чашей, внутри которой оказался некий сложный механизм с тремя парами ног и панцирем наподобие черепашьего.

Ростислав, отшатнувшийся и ожидавший взрыва, с облегчением перевел дух.

— Дьявольщина! Это же просто субпространственная упаковка! Мы такое уже проходили.

— Похоже, ты прав, капитан, — отозвался Никита. — Универсальной сверткой пользуются все технологически развитые цивилизации Шаданакара. Не брезгуют ею и демономаги, хотя их методы упаковки отличаются от научно разработанных технологий. Так, Избавитель?

— Да, пап, — стеснительно подтвердил Будимир. — Каждый такой шар — трехмерная реализация заклинания. Внутри же они многомерны.

— Что будем делать? Вскрывать каждую упаковку или попробуем найти меч по его ауре?

— Прошу вас поторопиться, соратники, — сказал Инсект, обходя чашевидный зал кругом и ощупывая его стены усиками. — Я здесь долго оставаться не могу.

— Объединяемся! — решил Сухов-старший. — Здесь миллионы шаров, перебирать их один за другим — только зря терять время.

Они снова объединили поля внимания и чувственного восприятия, что намного усиливало их возможности ориентироваться в более сложных континуумах, нежели трехмерное пространство.

И тотчас же «склад» Дуггура отреагировал на это, превращаясь в холмистую равнину, коричнево-красная почва которой поросла светящейся серебристой шерстью. Небо над равниной осталось прежним, похожим на металлическое зеркало, не изменились и шары. Зато между холмами появились ручьи и реки вязкой, медленно текущей серой жижи. Они то и дело меняли направления течения и русла, пересекались друг с другом, образуя озера и водовороты, и вновь расходились.

— Какого хрена? — осведомился Сухов-старший. — Мы же еще ничего не трогали.

— Это фрактальная пыль, пап, — откликнулся Будимир. — Вернее, ее проекция на пространство с более низкой размерностью. Система реагирует на ввод любой информации, в том числе на наши биополя.

— Сплошная математика, а не природа! Как тут можно жить, ума не приложу! Начали поиск, сеньоры!

Равнина с бело-седой шерстью не изменилась, а вот шары либо почернели, либо тускло засветились изнутри всеми оттенками красного цвета: багровым, малиновым, коричневым, оранжевым и очень редко — желтым. Именно в последних и находились упакованные заклинаниями Дуггура предметы, машины, оружие и объекты непонятного предназначения. В коричневых, багровых и малиновых шарах явно лежали давно «протухшие» вещи.

Один Ростислав едва ли смог бы разглядеть содержимое того

или иного кокона свернутого пространства, но благодаря поддержке мощной пси-сферы Сухова-младшего безошибочно определил, где упакован меч Святогора. То же самое увидели и остальные члены объединенной магической команды.

Финист светился самостоятельно сквозь стенки шара — как длинный живой блик на чешуе огромной рыбины. Ножнами ему служила черная сеть, злобно стерегущая каждое движение меча. Люди почувствовали эту злобную силу, а также боль и тоску Финиста и желание освободиться. Однако на их оклик он не прореагировал. Может быть, не имел энергии, а может, отзывался лишь на вызов хозяина или равного ему исполина.

— Нейтрализуем заклятие, — предупредил Будимир.

Над головой мальчика засветился столб воздуха, внутри которого запульсировала змейка яркого зеленого пламени. Эта змейка вдруг вырвалась за пределы столба и вонзилась в черную сеть, туго оплетавшую меч.

Пространство шатнулось. Почва под ногами людей мягко заколебалась, породив низкий подземный гул. Сразу несколько шаров поблизости от землян лопнули, раскрывая содержимое. В одном из них, в пяти шагах от Ростислава, оказалась самая настоящая — с виду — граната, разве что побольше размером — с небольшой арбуз. У нее имелось даже предохранительное кольцо.

Черная сеть, в которую вонзилась молния энергетического разряда, раскалилась до красного свечения, злобно зашипела, метнула в ответ несколько черных паучков. Эти паучки в полете разрослись, раскрыли когтистые лапы, вцепились в людей.

Ростислав сразу понял, что паучки являются сгустками особого поля, охраняющими «сейф» с мечом. Усилием воли он «расстрелял» своего паука. То же самое сделал Будимир, в то время как Инсект, похоже, не обратил на паука никакого внимания. Но Сухов-старший и Такэда замешкались либо не смогли оценить угрозу и на какое-то время выбыли из коллективной сферы магического оперирования, пытаясь отбить атаку.

Тем временем двое землян и зооморф продолжали натиск на сопротивлявшееся изо всех сил заклятие, закрывшее доступ к мечу, и через несколько секунд добили его импульсами воли, «завязали» в узел, заставили самоуничтожиться.

Раскалившаяся сеть вспыхнула и сгорела, превращаясь в быстро рассасывающееся облако бурого дыма. На вершине невысокого холмика остался лежать тускло блеснувший меч, ничем не отличающийся от того, что висел на боку Сухова. Если бы не его ментальное «дыхание», Ростислав усомнился бы, что перед ними Финист, меч Святогора, оператор гипервоздействия, созданный самим Творцом Веера для его защиты.

— Это все, что вы хотели от меня? — вежливо поинтересовался Инсект.

— Все, спасибо, — пробормотал Ростислав.

В наушниках рации послышалось неровное дыхание Сухова-старшего, наконец сумевшего сбросить с себя паука заклятия.

— Одну минуту, дружище. Нам бы не помешала еще одна вещица.

— Может, не стоит рисковать? — вмешался в разговор Такэда.

— Что за вещица? — спросил Ростислав.

— *Умертвие*. Я понимаю, что в отличие от Финиста оно создано не Творцом, а Люцифером, и не для защиты жизни, а для разрушения и смерти. Но пусть лучше оно будет у нас, чем у Дуггура. Мало ли что взбредет ему в голову!

— Разве *умертвие* не заблокировано Повелением Семерых, как и меч?

— Заблокировано, однако вдруг Дуггуру удастся его оживить?

Ростислав задумался. Что-то смущало его во всей этой ситуации, но что именно — поймать так и не удалось.

— В принципе я не возражаю.

— Побыстрее, соратники, — поторопил их Инсект. — Я чую угрозу. Сторожевая система владений игвы Дуггура начинает просыпаться.

— Подключаемся к общему каналу и ищем *умертвие!* — решил Никита.

Повторилась процедура вхождения в общую сферу магического в и д е н и я и оперирования, пронизавшую математический «дворец» Дуггура и высветившую все хранившиеся в коконах гиперупаковки объекты.

Умертвие удалось найти через несколько минут — по «запаху» тихой, но отчетливо звенящей враждебности. Когда черная сеть заклятия, законсервировавшего изделие Люцифера, после недолгой борьбы сгорела и рассыпалась прахом, звенящая струна ненависти и угрозы стала слышней. *Умертвие* даже в состоянии «клинической смерти» внушало страх и подспудное желание спрятаться.

Инсект перепрыгнул несколько потоков серой жижи, приблизился к холмику, на котором лежало *умертвие*, с любопытством обследовал его, шевеля усиками. Затем взлетел и умчался куда-то к дальним холмам.

Люди тоже подошли ближе к *умертвию*, больше всего походившему на головешку, приделанную к рукояти маузера. Трудно было поверить, что перед ними абсолютное оружие, способное остановить любые внутриядерные процессы, даже такие, как виртуальные осцилляции вакуума.

— С вашего разрешения я возьму эту штуку, — сказал Никита, без особого труда преодолевая ручьи серой жижи. Наклонился над «маузером», протянул руку и отдернул. — Дим, оно не взорвется?

— Сейчас, пап.

Будимир взлетел, спикировал по дуге к холмику с *умертвием*. Полержал над ним ладошку.

— Нет, оно не заминировано.

Сухов-старший взял оружие, некоторое время разглядывал его и сунул «головешкой» дула в карман на бедре комбинезона.

— Порядок.

— Тогда я возьму меч, — сказал Такэда. — Никто не возражает?

— Кому как не оруженосцу носить меч? — сказал Никита ворчливым тоном. — Поноси пока, в случае необходимости поменяемся.

— В случае какой необходимости? Меч надо вернуть владельцу, Святогору. В крайнем случае — Седьмому. Только они могут его активировать.

— Как знать, — философски заметил Никита. — Времена изменились и законы тоже. Возможно, Финиста ждет другой хозяин.

— Ты серьезно или шутишь?

— Уходим, джентльмены, — напомнил о себе Инсект, паря где-то у горизонта. — Мне очень не нравится начавшаяся в хроне суета.

— Мне тоже, — тихо сказал Будимир.

— Бери меч, самурай, — сказал Сухов-старший. — Пора смываться. Уж очень подозрительно все это.

— Что?

Ростислав вдруг поймал мысль, беспокоившую его со времени их появления в хроне Дуггура.

— Мы слишком просто завладели мечом и *умертвием*, — быстро сказал он. — Дуггур должен был предусмотреть наше появление и оставить засаду. Или усилить охрану. Почему он этого не сделал?

— Я тоже подумал об этом, — хмыкнул Сухов-старший.

— Поздно, бывший носитель Седьмого! — раздался с небес гулкий раскатистый голос.

Равнина содрогнулась. Потоки серой жижи вспенились и воспламенились, превращаясь в ручьи жидкого огня и реки лавы.

В сотне метров от застывших людей проявился призрак всадника-гиганта на жутком звере, соединявшем в себе черты коня и носорога. Все узнали в этом звере жругра. Призрак плыл, колебался, покрывался сеточкой фиолетовых молний, стано-

вился совсем прозрачным или начинал светиться, но так и не достиг вещественной плотности. Он был похож и на старика в развевающихся лохмотьях (вылитый Праселк!), и на горбатого хаббардианца, и на гигантского медведя.

— Дуггур! — хладнокровно сказал Такэда, поднимая меч и отступая с ним.

— Он самый, оруженосец! Не совсем весь, но больше чем наполовину.

Ростислав понял, что речь идет о физическом воплощении многомерного существа. Игва Дуггур жил одновременно в сотнях «измерений» — миров Веера, и появился в своих владениях как коллективное существо, собрав множество своих «дублей» в одно тело.

— Не верил, что вы осмелитесь заявиться прямо ко мне домой, — продолжал всадник гулким басом, медленно приближаясь и нависая над людьми. — Вы наглее, чем я думал. Тем лучше, пора остановить вас, пока не наломали дров.

Взрослые попятились, собираясь вокруг Будимира.

Ростислав, отступая, подобрал гранату, спрятал за спину.

Появился Инсект, блистая хитиновой броней, словно обсыпанный алмазной пылью.

— Кого я вижу! — прогрохотал всадник насмешливо (разумеется, это был не голос — мыслепередача, отражавшая эмоции говорившего). — Мастер Формика сапиенс, бывший Собиратель Семерых собственной персоной! Разве мой пастух отпустил тебя?

— Меня освободили, — учтиво отозвался Инсект, покрываясь такой же сеточкой молний, как и Дуггур.

— Как это мило! Вечно люди вмешиваются в чужие дела и освобождают тех, кто этого не просит. Однако тебе не повезло, мастер, сегодня ты разделишь участь землян, зашедших непозволительно далеко.

— Меня много, — тем же тоном сказал Муравей Муравьев, раздваиваясь. — Вряд ли тебе удастся справиться со всем моим родом.

Инсектов стало четверо, потом восемь, шестнадцать, тридцать два. Вот уже перед всадником их уже целое войско! Но Дуггур не испугался.

— Блефуешь, мастер, — захохотал он так, что небо потрескалось и с него на равнину посыпались металлические листы. — Это все фантомы, детей пугать.

Он взмахнул огромной рукой, и всё грозное муравьиное воинство заколебалось как отражение в воде, раскололось на осколки и блики, исчезло.

Инсект метнул яркую золотую молнию.

Небрежным движением ладони всадник отбил ее. Глаза его вспыхнули черным огнем. Людей шатнуло. Ростиславу показалось, что у него в груди сердце остановилось и замерзло.

— Бросайте, дядя Слава! — послышался тоненький пси-голосок Будимира. — У вас инферно-мина! Я его отвлеку!

Мальчик вдруг взвился в воздух, словно его швырнула катапульта, и вонзил в голову всадника ослепительно белый клинок энергетического разряда. Отбить его Дуггур не успел, хотя при этом не очень-то и пострадал, только лицо почернело, да фигура покрылась пульсирующими темными пятнами.

— Ах ты, микроб!

Всадник попятился, поднял над головой ало засветившиеся руки.

И в этот момент Ростислав выдернул чеку гранаты и метнул изо всех сил, помогая ей лететь мыслью и волей.

Граната, названная Будимиром инферно-миной, врезалась в лоб «коню-носорогу» Дуггура и взорвалась. Но не во все стороны, как обычная граната, а вовнутрь! Она оказалась чем-то вроде генератора свертки пространства в черную дыру.

В течение нескольких мгновений образовавшаяся черная воронка втянула в себя голову «коня», затем грудь, передние ноги и часть туловища всадника. Процесс этот развивался все стремительнее, начиная поглощать и почву, и пылающие ручьи, и самого Дуггура.

— Бежим! — крикнул Будимир.

Инсект, очнувшийся от атаки игвы, поддержал его на уровне силы, и землян увлек тоннель хронопереходa, в последний момент унесший их из гибнущего «дворца» Дуггура.

Глава 5

Олирна приняла беглецов, как всегда, дружелюбно и приветливо, несмотря на свою незаживающую рану — Мировую Язву, след великой битвы светлых и темных сил, происшедшей за тысячу лет до появления на ней Посланника, отца Будимира.

Инсект высадил своих пассажиров — в отличие от Вольха и Рамага он не тащил их на себе, а внедрял в свою энергооболочку — в лесу, возле избы старухи Ягойой. Он был настолько измотан борьбой с Дуггуром, потерял столько энергии, что еле смог пробить хронобарьер между мирами. А ушел в свой мир только спустя несколько часов, кое-как подпитавшись светлой силой местной природы.

Земляне тоже нуждались в отдыхе и, не сговариваясь, устроились спать кто где мог: Такэда и Ростислав — в избе, на лав-

ках, Суховы — возле избы, на охапках травы. Судя по слою пыли на полу избы, на лавках и столе, а также по отсутствию следов, хозяйка в свой дом так и не заявлялась.

Проспали почти сутки. Без тревог и волнений. Словно спали у себя дома на Земле, как и все законопослушные добропорядочные граждане, уверенные в том, что их охраняет закон и государство.

Первым проснулся Будимир. Не потревожив отца, он поднялся и некоторое время прислушивался к природе, к жизни Мировой Язвы и побережья Огнь-реки в полусотне километров от избы. Затем обнаружил Святогора, — великан действительно распахивал мертвые земли за рекой, приспособив для этой цели в качестве лошади одного из чудищ Язвы — трехголового шестиногого яшера, соединявшего в себе черты динозавра и насекомого. Мутагенность Мировой Язвы была настолько велика, что здесь рождались и более причудливые твари.

Поговорив со Святогором дистанционно, посредством псиполя, Будимир умылся ключевой водой в лесу и разбудил Ростислава. А через полчаса проснулись Такэда и Сухов-старший.

В избе Бабы-Яги нашли ржавый меч с волнистым лезвием и устроили утренний тренинг с мечами и без них. Ростислав впервые в жизни увидел приемы сечи Радогора в исполнении Никиты и преисполнился уважения: бывший Посланник, несомненно, был мастером боя на мечах. Сражаться с ним на равных было невозможно, он спокойно отбил атаки Ростислава и Такэды, тоже прекрасного фехтовальщика, а затем обезоружил обоих.

Как и учитель Будимира, Ростислав остался доволен разминкой и после знакомства с мечом Ягойой оставил его у себя, заметив, что старуха не будет зря хранить у себя ненужную вещь. Вполне возможно, меч был заколдован или принадлежал какому-то былинному герою.

Позавтракали концентратами из запасов Ягойой, то есть, конечно, сварив из них два вида каш — гречневую и бобовую. Гречневую кашу попросил Будимир, потом к нему присоединился Ростислав. Бобовую без удовольствия, но быстро съели Сухов и Такэда.

Помыли и убрали посуду, заварили чай, нашли варенье, однако насладиться чаепитием не успели: заявился гость.

Будимир услышал его приближение раньше всех, прислушался к кажущейся глухой тишине леса и заулыбался заговорщически. Затем и Ростислав сообразил, что далекие размеренные удары, вызывающие почти неощутимые сотрясения почвы, являются эхом чьих-то тяжелых шагов. И только через минуту приближение гостя почувствовали Сухов-старший и Такэда.

Еще через несколько минут над лесом выросла голова седобородого исполина. Это был Святогор.

— Сердечно приветствую Избавителя и его сородичей. — Великан снял с плеча шипастую палицу, осторожно поставил на опушку леса; размер палицы не уступал размеру многосотлетней сосны. — Вы позвали, я пришел. Чем могу быть полезен?

— И мы рады приветствовать основателя Руси, — покосился на смущенного Будимира его отец. — Присоединяйся к трапезе.

— Благодарствую, я сыт.

— В таком случае посмотри-ка на этот клинок.

Сухов кивнул Такэде, и тот снял с пояса меч.

Святогор замер, разглядывая стальной с виду, отбрасывающий тусклые блики Финист. Потом нагнулся и осторожно, двумя пальцами взял свой меч, никак не прореагировавший на это. Поднес к глазам.

— Он? — спросил Никита.

Ростислав затаил дыхание. Впрочем, остальные путешественники тоже замерли, ожидая ответа.

— Не знаю, витязи, — качнул головой Святогор. — Он п а х н е т как Финист, но не отзывается.

— Сможешь разбудить его? Вдохнуть в него жизнь?

Меч в пальцах великана задымился, раскалился до красного свечения и погас. Несколько мгновений он был черным, как обгоревший сучок дерева, затем посветлел, но так и остался серым, покрытым окалиной.

— Увы, судари мои, он мне не подчиняется. Я слышал, что Повеление Семерых лишило силы многие в ы с ш и е вещи, в том числе такие, как Финист. Моего умения не хватает, чтобы оживить творение Создателя.

— Может, ты попробуешь? — повернулся к сыну Никита.

— Я уже пытался, — покраснел Будимир. — На нем лежит Печать Соборного Духа Веера. Снять ее могут только те, кто поставил.

— Семеро Светлых? — уточнил Такэда.

— Или...

— Кто? — Никита обнял сына за плечи. — Договаривай.

— Или настоящий Избавитель.

— Не горюй, сынок, у тебя еще все впереди. Хотя, с другой стороны, желательно, чтобы меч нам никогда не понадобился.

Святогор вернул потухший Финист Такэде.

— Прошу прощения, други. Не имею возможности пригласить вас в гости, не обустроился пока, дел много. Могу я вам помочь чем-то еще?

— Пожалуй, пока нет, — сказал Никита. — Мы хотели активировать меч и с его помощью усмирить нечисть Веера. Так как

это нам не удалось сделать, будем решать задачу другими способами. Хотелось бы кое-что уточнить...

— Я вас внимательно слушаю.

— Очень надеюсь, что этого не потребуется, но вдруг... Ежели появится необходимость собрать дружину для борьбы со слугами Люцифера, ты присоединишься к нам?

— Можете не сомневаться. Я еще не вернул им свой долг за долгий сон.

— В таком случае просьб больше нет.

— Еще раз прошу прощения, судари мои. Я тут недалече навожу порядок, Мировую Язву распахиваю, так что скоро нашу Свентану не узнаете. Когда закончу — приходите, попразднуем.

Святогор вскинул на плечо свою огромную палицу, поклонился и зашагал туда, откуда пришел. Вскоре треск деревьев и гул шагов великана стих, наступила тишина.

— Представляю, каково теперь здешней нечисти, — усмехнулся Такэда. — Вряд ли у нее есть шансы выжить на Олирне.

— Он один, — задумчиво проговорил Никита. — А нечисти — легион!

— Почему он один? А Яросвет? А пограничная дружина? А другие витязи земли русской? Стоит им объединиться — никто не устоит!

— В том-то все и дело, что им еще надо объединиться. Хотя я тоже верю, что здесь, на Олирне, Святая Русь скоро возродится и засияет в полную силу. А там, глядишь, и у нас наведут порядок.

— Оптимист твой отец, — сказал Ростислав, подмигнув Будимиру. — Русь на Земле более беззащитна, чем здесь. Да и Святогора у нас нет, и нечисти-погани больше.

— Она вся мелкая, — не согласился Никита.

— Зато ее много.

— Хрен с ней, с нечистью, разберемся с Люцифером — Дуггуром и попросим Святогора почистить и наши земли. Да и сами поможем. Итак, что решаем, господа мечтатели?

В воздухе снова повисла тишина. Мужчины смотрели друг на друга и молчали.

— Надо уточнить, дошел Имеющий Право до цели или нет, — предложил Будимир.

Все посмотрели на него.

— Устами младенца глаголет истина, — улыбнулся Суховстарший. — Однако учтите, после того как мы забрали у Дуггура меч и *умертвие*, он из кожи вылезет, чтобы нас ущучить.

— Отобьемся, — хладнокровно сказал Такэда. — У нас теперь три меча и кое-что помощней.

— *Умертвие* же не работает.

— Я имею в виду мозги.

— По части мозгов я — пас, — вздохнул Никита. — Только на молодежь надежда.

Ростислав засмеялся. Ему нравилась легкая пикировка старых друзей и отличительная черта их характеров — не унывать ни при каких обстоятельствах.

— Как мы будем действовать?

— Как обычно — вызывать магических помощников. Отыскать хрон Уицраора, из которого он строит Мост через Суфэтх, могут только они. Даром мы их, что ли, спасали?

— Положим, спасли их они, — кивнул японец на Ростислава с Будимиром.

— Так было задумано, — отмахнулся Никита. — Этот сценарий не менялся тысячи лет, и я подозреваю, что он разработан Создателем Веера. Когда Шаданакар нуждается в защите, срабатывает некий Закон охраны основных этических норм, и самый ответственный исполнитель начинает собирать команду, искать союзников и помощников. Одно то, что нам удалось освободить магов, стоящих на стороне этого Закона в разные времена, говорит о правильности нашего выбора.

— Тебя сложновато отнести к разряду ответственных исполнителей, — заметил Такэда ровным голосом.

— У меня было трудное детство, — парировал Сухов-старший. — И еще более трудная юность. Но я все-таки смог изменить карму. Как говорил один древний мусульманский поэт[1]:

Я только сын Аллаха, я не Бог.
Но я достичь своей вершины смог.

Он подумал и добавил:

— Теперь ваша очередь.

— Я стар для этого, — хмыкнул Такэда. — Но у нас есть неплохая замена — капитан Светлов, который, судя по всему, идет верной дорогой, и наш Дим-Избавитель. Я очень на них надеюсь.

— Слава, прояви инициативу, — посмотрел Никита на Светлова.

— Я предлагаю вызвать Усыню, — сказал Ростислав. — Он помогал нам только один раз и не устал так, как Волк и Сокол.

Сухов-старший вопросительно поднял брови.

— Усыня — это Сом Сомов, — сказал Будимир. — Он живет здесь, на Олирне. Но вряд ли он так же свободен, как Вольх или Рамаг. Его стихия — вода.

— Тогда решай сам.

---

[1]Ибн аль-Фарид.

— Давайте вызовем Рамага, он старший среди зооморфов и знает о Шаданакаре больше.

— Хорошо. — Ростислав сосредоточился, у ш е л в *саммай* и позвал звучным голосом, нараспев: — Рамаг, приди!

С минуту ничего не происходило, даже ветер перестал шевелить вершины деревьев вокруг избы Ягойой. Затем над центром поляны, поросшей желтой пожухлой травой, возникло тусклое стрельчатое сияние, и с тугим хлопком из этого сияния вылупилось тело огромной серебристо-белой рогатой птицы.

Рамаг взмахнул крыльями так, что воздушная волна шатнула людей, и сел в траву. Янтарно-желтые глаза его были полны терпеливой грусти.

— Приветствую Избавителя и честную компанию, — послышался его характерный — посвистывающий и клекочущий — мыслеголос. — Рад убедиться, что вы здоровы и вместе. Чем могу служить?

— Мы знаем, что ты устал и, наверное, еще полностью не восстановился, — сказал Никита. — Однако без твоей помощи нам не обойтись. Слышал ли ты что-нибудь о маге по имени Имеющий Право Решать?

Сокол Соколов повесил голову, как это делает задумавшийся человек.

— Если память мне не изменяет, он является одним из воплощений Соборной Души Веера. Иногда его называют «богом данного мгновения». Я знавал одного человека по имени Александр, которого тоже называли «богом данного мгновения». И он тоже являлся инкарнацией Соборной Души Шаданакара. Но я также точно знаю, что Имеющий Право Решать — не человек.

— Соборная Душа Веера может проявляться одновременно в миллионах существ, живущих в мирах Шаданакара.

— Возможно, не спорю. Я об этом не подумал. Еще вопрос: что ты знаешь о судьбе Имеющего Право Решать?

— Ничего, — лаконично ответил Сокол Соколов.

Мужчины обменялись взглядами.

— Печально, — огорченно пробормотал Никита. — Похоже, мы в тупике, господа.

— Что случилось?

— Дело в том, что Имеющий Право является первоидущим по пути Избавителя Веера, и если он погиб, у нас не остается выбора, как продолжить этот путь.

— Разве этот юный маг — не Избавитель? — Рамаг кинул на смутившегося Будимира просиявший симпатией взгляд.

— Избавитель, — подтвердил Такэда, — но... как бы это поточней выразиться... запасной, что ли. Расчет светлых иерархов

Веера опирался на возможности Имеющего Право. Но, судя по тишине Веера, точнее, по отсутствию каких-либо сведений о его подвигах, он не дошел до Моста через Суфэтх.

— Минуту, кажется, я начинаю понимать... Еще до вашего появления на «лестнице» Шаданакара мне пришла весть о какой-то великой битве у границ Болота Смерти. Но кто с кем воевал и чем закончилась битва, я не знаю.

— Я подозревал, что закончится все хреново, — сказал Такэда меланхолически. — Битва — это почти всегда агония, провал операции. Все-таки мы не смогли оттянуть на себя погоню, и она достала Избавителя номер один.

— Не факт, — качнул головой Сухов-старший.

— Я хотел бы ошибиться.

Стало тихо.

Сокол Соколов терпеливо ждал решения людей, посматривая то на одного, то на другого.

— Надо идти туда, — сказал наконец Никита. — Не знаю куда. Может быть, Имеющий Право еще жив и мы поможем ему. Возражения есть?

Ответом ему было молчание.

Хотя возражения у Ростислава были и вполне объективные, но высказывать их вслух он не стал, понимая, что его слова могут быть истолкованы превратно.

— Поскольку хронопередатчик Ягойой сдох, надо искать транспорт. Дим, у тебя случаем не осталось яиц бабы Домны?

— Мы потеряли кошелку с кляцей на Хаббарде, — виновато шмыгнул носом мальчишка. — Оставалось два яйца, но мы их использовали.

— Жаль. Придется-таки вызывать Вольха.

— Я помогу вам, — вмешался в разговор нахохлившийся Сокол. — Хрон, где произошла битва неведомых мне богатырей, располагается у самого Края Тьмы, в двух переходах от мира, где обитает крайняя ветвь моего рода. Я отнесу вас туда, а Держатель хрона переправит вас дальше.

— Но ты же еще не совсем здоров.

— Ничего, выдержу. Ради избавления Веера от злобной агрессии Тьмы стоит чуток потерпеть.

— Спасибо, дружище. — Никита обернулся к спутникам. — Надевайте шлемы и поехали, парни, время не ждет.

Путешественники взобрались на спину огромной птицы, стоически выдержавшей солидную ношу, и Рамаг тяжело, с четвертого подскока, взлетел. Затем уже в воздухе продавил хронобарьер, отделяющий мир Олирны и Святой Руси от соседнего, потом еще один, и еще...

* * *

Хрон, в котором обитали родичи Сокола, оказался бесконечной плоской равниной — реализацией «максимально симметричной гиперповерхности», как сказал математически подкованный Будимир.

Космоса, каким представляли его люди, здесь не существовало, как не существовало ни звезд, ни планет. Силу притяжения в хроне заменяла какая-то другая сила, подчиняющаяся волновому циклическому закону. По всей поверхности равнины катилась из бесконечности в бесконечность невидимая волна усиления тяжести, а вслед за ней — ослабления, что разграничивало «ночь» и «день». И в такт с этим процессом по небу мира скользил светящийся шнур, заменяющий его обитателям светило.

В остальном равнина с редкими невысокими увалами и холмами ничем не отличалась от земных равнин. Здесь росли леса, текли реки и ручьи, тут и там виднелись водоемы — от мелких озер до морей и океанов, а по жечужно-серому небу плыли белые облака, изредка собираясь в тучи и проливаясь дождем.

Единственной цивилизацией, осваивающей бесконечные пространства хрона, была цивилизация родичей Рамага, которых вполне можно было отнести к роду гигантских летучих мышей, а не к роду Соколов. Связь между ними сохранялась скорее магическая, нежели генетическая. Впрочем, эту веточку рода Рамага вряд ли можно было назвать цивилизацией в том смысле, как понимали термин земляне.

Летучие мыши — огромные существа в рост человека, с головами орла, с кожистыми крыльями, покрытыми серебристым пухом, с мощными когтистыми лапами, Рамаг назвал их пелевинами, — не строили городов, хотя и создавали удивительные гнезда-жилища по опушкам лесов, совершенно пустые внутри, и вообще не знали, что такое культура. Природа этого мира позволяла им жить комфортно, без борьбы за существование, и единственное, что отличало их от других жителей хрона, это страсть к геометризации лесных посадок и созерцание собственных творений. Поэтому с высоты птичьего полета пейзаж в местах поселений пелевинов напоминал безумное сочетание геометрических фигур — квадратов, треугольников, кругов, прямых линий и колец. Какой смысл видели в созерцании абстрактных композиций их создатели — было совершенно непонятно.

И тем не менее эти летучие создания, имеющие выпуклые черные глаза, похожие на очки, были в каком-то смысле разумны и дружелюбны. Хотя сторонились людей и не спешили устанавливать с ними контакты. Если бы не Рамаг, землянам вряд ли удалось бы заинтересовать аборигенов и добиться аудиенции

у их царя — Держателя хрона, мага с высоким энергетическим потенциалом.

Он появился перед группой путешественников, как только Рамаг сделал пару кругов над равниной и сел на один из пологих холмов, окруженный еще не «оцивилизованным» лесом.

Держатель хрона был крупнее любого из землян вдвое, у него имелись такие же рога, что и у Сокола, а выпуклые черные глаза казались очками-консервами, скрывающими настоящие живые глаза. Он выслушал мысленную просьбу сородича, неуклюже прошелся по холму, переваливаясь из стороны в сторону и подергивая сложенными за спиной крыльями, остановился перед Будимиром и некоторое время разглядывал его как нечто диковинное. Отвернулся, сделал еще круг и подошел к Рамагу.

Ростислав услышал его потрескивающий хрипящий мыслеголос:

— Они сами в состоянии оперировать законами Веера. Почему ты им помогаешь?

— Они освободили меня, — ответил Сокол Соколов. — Их сила еще спит, ее надо поберечь для главного дела.

— Какого?

— Ты знаешь. Система предельного эгоизма с уходом Люцифера только укрепилась, поддерживаемая его последователями, существами абсолюта собственных желаний. Ты и сам это должен ощущать. Я видел сверху болотообразные р а з ж и ж е н и я твоих владений, раньше их не было.

— Суфэтх недалеко, это объяснимо.

— Суфэтх просачивается в пограничные миры иначе, а в твой хрон просочилась чья-то н а п р а в л е н н а я злая воля. Скоро ты не сможешь контролировать процесс распада.

Повелитель пелевинов снова заковылял по холму вокруг людей, как задумавшийся озабоченный человек. Взмахнул крыльями, взлетел и тут же вернулся.

— Я помогу им. Но только один раз.

— Отнеси их в хрон, где произошла битва между Избавителем и силами Тьмы.

— Пусть соединятся.

— Он просит вас объединить энергосферы, — обратился Сокол Соколов к молча стоящим землянам. — Однако после того, как вы окажетесь в нужном месте, он покинет вас.

— Спасибо и на том, — проворчал Никита. — Постараемся больше вас не беспокоить.

— Я не отказываюсь помогать и впредь, — с достоинством ответил Рамаг. — Но силы мои на исходе. Удачи вам, друзья!

— Дим, с о б е р и нас, — повернулся к сыну Никита.

Мальчик окутался сиянием пси-поля, вобрал в себя пси-поля спутников, и Держатель хрона летучих мышей, присоединившись к ним, проломил потенциальный барьер между мирами.

ЭПИЗОД 7

ВНЕ СЕБЯ

Глава 1

Казалось, он видел все и привык ко всему, и ничто уже не может поразить его после встреч с удивительными существами Шаданакара и созерцания ужасающих и восхищающих бездн. Однако хрон, расположенный у Края Тьмы — рядом с Болотом Смерти Веера, переходящим в Суфэтх, все же произвел столь гнетущее и дискомфортное впечатление на Ростислава, что он вдруг ощутил себя пылинкой и осознал, насколько велик, многомерен и многообразен континуум Веера, этого величайшего творения Создателя, по каким-то причинам оставившего свое творение на произвол судьбы.

Впрочем, последнее утверждение было спорным, и Ростислав подозревал, что действительный смысл действий Творца Веера Миров скрыт от ума его обитателей.

Планет и звезд, а также их скоплений этот странный мир также не имел. Складывалось впечатление, что большинство хронов Веера было устроено иначе, нежели метавселенная человечества.

Неимоверно сложный горный хаос — вот что предстало перед глазами потрясенных путешественников, оказавшихся на вершине высокого и острого горного пика. Бесконечный горный хаос! Ни одного плавного изгиба, ни одной волны, купола, впадины, округлости — резкие изломы, острые копья, шипы, колючки, кристаллические грани, пирамидальные скалы и минареты. Дикий изломанный лес острейших скал и горных вершин, уходящий в бесконечность! Освещенный тусклым мерцанием небосвода, напоминающего бесконечный океан расплавленного олова с барашками волн. Было страшно поднимать голову вверх: казалось, океан олова сейчас рухнет вниз и затопит весь ландшафт со всеми его отвесными скалами.

Фрактальный мир, мир самоподобия, не повторяющий в точности ни одну остроугольную форму, ни один зубчатый профиль.

И еще одну особенность отметили гости хрона: этот мир не

имел определенного цвета. Точнее, здесь царили два цвета — черный и серый, со всеми оттенками последнего.

Чтобы не рухнуть со скалы вниз, люди вынуждены были держаться друг за друга и почти не шевелиться, лишь вытягивать шеи под шлемами и двигать глазами.

— Что это? — подал голос Никита, обнимавший сына за плечи.

— Аттрактор, — отозвался Будимир. — Реализация максимально асимметричной гиперповерхности типа символической поверхности броуновского движения частиц. Ее можно еще назвать системой остановленных функций или композицией оледеневших неподвижностей. Мне кажется, этот мир создан искусственно кем-то из Великих игв как экран между Суфэтхом и телом Шаданакара.

— Верное умозаключение, — послышался пощелкивающий мыслеголос правителя пелевинов. — Ваш детеныш способен в и д е т ь суть вещей. Я больше не нужен, прощайте.

— Погоди минутку, — заторопился Сухов-старший. — Я не вижу никаких следов битвы.

— Весь этот ландшафт — след битвы. Этот мир выглядел иначе. Ваш детеныш знает приемы преобразования пространств и может обойтись без меня. Желаю удачи.

Держатель хрона летучих мышей заколебался дымной струей, стал прозрачным, исчез.

— Мне это не нравится, — сказал Такэда. — У меня складывается ощущение, что нас подставили.

— Нет, он высадил нас там, где надо, — буркнул Ростислав. — Просто этот родственник Сокола так воспитан. Надо было поблагодарить его, он рисковал.

— Я успел сказать ему спасибо, — тихо произнес Будимир.

— Молодец, что догадался.

— Отставить необязательные разговоры! — жестко сказал Никита. — Мы так близко подошли к смерти, что стоит дорожить каждым мгновением! Дим, ищи Имеющего Право, может, мы еще успеем его вытащить.

— Не успеем.

— Почему?!

— Он здесь... везде...

— Не вижу!

— Он рассыпан... ну, как бы вклеен... или встроен в пространство деформаций... Здесь произошла не обычная битва с применением оружия, а битва математик... или эквивалентных метрик. Вот почему пространство хрона изменилось, превратилось в отображение слабого хаоса...

— Разве есть такой хаос?

— Символически, в математике фракталов. Существуют разные типы хаоса: слабый, детерминированный, связный, плотный, ситуационный... Хотя все виды хаоса обладают одним свойством.

— Каким?

— Свойством непредсказуемости.

— Ясно, можешь дальше не объяснять. Как понять, что Имеющий Право «встроен» в... э-э, в пространство деформаций?

— Я не смогу объяснить адекватно, пап, — извиняющимся тоном отозвался Будимир. — Если только показать... Я сейчас шевельну топологическую сопряженность континуума, а вы смотрите. То, что останется неподвижным и более ярким, и будет элементами тела и сознания Имеющего Право.

Ростислав почувствовал странную дрожь сосудов в голове, и тотчас же лес гор и скал вокруг искривила некая сила, заставила качаться вправо-влево, вверх-вниз, раздуваться и сжиматься. А на фоне этого пространственного «дыхания» замерцали какие-то жилы, дуги, кольца, точки, вершины наиболее высоких пиков, складываясь в сетчато-объемный геометрический узор.

«Фрактальная пыль», — пришло на ум Ростиславу.

Имеющий Право Решать, назначенный Избавителем номер один, действительно был р а с с ы п а н в нечто материально-нематериальное, во фрактальную пыль!

— Господи! — изменившимся голосом проговорил Суховстарший. — Кто же это его... так?!

— Я! — раздался густой шипящий мыслеголос, заставив всех вздрогнуть.

Над лесом остроконечных скал возникло мрачное фиолетово-багровое светящееся облако, похожее на осьминога, вытянулось смерчевидной колонной и с гулким треском, от которого многие скалы потрескались и обрушились, превратилось в фигуру закованного в броню рыцаря на жутком механическом монстре.

— Уицраор! — проговорил Такэда без удивления.

— Вы напрасно повторяете чужие ошибки, — продолжал исполин, приближаясь, с грохотом и хрустом круша горы и скалы. — Это тупик. Избавитель не понял ситуации и был мной фрустрирован. Я не хочу вас уничтожать, но мне придется это сделать, если вы не отдадите мне оператор гипервоздействия.

— Ты имеешь в виду меч Святогора? — вежливо осведомился Такэда.

— Его у меня украл Дуггур, — не обратил внимания на реплику японца Уицраор, — но не смог активировать. Вы тоже не сможете, несмотря на задатки вашего ученика. Отдайте меч, и я вас отпущу.

— А ключи от квартиры, где деньги лежат, тебе не нужны? — поинтересовался Ростислав.

— Деньги? — не понял последний из Великих игв.

— Убирайся подобру-поздорову! — сквозь зубы проговорил Сухов-старший. — Тебе не справиться с нами.

— Вы не понимаете...

— Дим, зови!

Будимир вдруг засиял, как осколок солнца! Людям пришлось отвернуться, так ярок был этот свет. Даже Уицраор вынужден был защитить глаза рукой.

С гулким ударом, поколебавшим скалы, над людьми возник силуэт гигантского сокола. Распахнув крылья, птица поднялась в воздух, устремив на всадника и его «коня» — жругра прозрачно-золотой взгляд.

Вслед за Рамагом среди скал появился огромный волк, почти не уступавший в размерах жругру. Затем один за другим из воздуха проявились Усыня и блистающий, как сросток кристаллов, Инсект.

Уицраор остановил «коня». Гул и грохот стихли. Наступила тишина.

Уицраор оценивающе глянул на противников, на светящуюся фигурку Будимира, дернул жругра за рог и... исчез! Великий игва, прозванный «богом необъяснимого» за непредсказуемость поведения, не решился бросить вызов магам-зооморфам и команде «запасного» Избавителя.

— Ай да мы! — хладнокровно сказал Такэда. — Неужели он нас испугался?

— Он не любит прямых столкновений, — задумчиво произнес Сухов. — Мы с ним уже встречались, и каждый раз он убегал, если предвидел поражение.

— И тем не менее Имеющего Право он угрохал, — проворчал Ростислав, — в пыль превратил.

— Значит, Имеющий Право был близок к реализации замысла. А это, в свою очередь, означает, что хрон, из которого Уицраор строит свой Мост, находится совсем близко. Друзья, — обратился Никита к зооморфам, — у нас последняя просьба: сопроводите нас до Моста. Осталось самое простое — добраться до цели и разбомбить его.

— Вы ошибаетесь, — донесся шелестящий мыслеголос Усыни. — Мост через Суфэтх — сложнейшее инженерно-магическое сооружение, уничтожить его очень нелегко.

— Он пошутил, брат, — отозвался Вольх, хорошо разбиравшийся в психологии людей. — Конечно, уничтожить Мост непросто. Вопрос в другом: хватит ли нам сил, чтобы справиться с армией Уицраора, которая наверняка охраняет Мост, и с самим

Мостом как квинтэссенцией самых мощных в Шаданакаре заклинаний?

— У нас есть выбор? — философски поинтересовался Инсект.

— Можно позвать на помощь Святогора, — заикнулся Ростислав.

— Стихия Святогора — земля, он не способен замахнуться на другие стихии, — напомнил Такэда.

— Он может послужить носителем Яросвета, — парировал Ростислав.

— Отличная идея! — воспрянул духом Никита. — Если с нами будет Яросвет, мы справимся с любой армией Веера! А если к нам присоединятся другие маги, члены прошлой Семерки...

— Вряд ли они отзовутся, — остудил пыл друга скептически настроенный Такэда. — Мы уже искали и звали их, но они так и не пожелали встретиться.

— Были заняты важными делами. В крайнем случае обойдемся без них. Не забывайте, в нашу задачу входит еще и стабилизация Веера, что по силам только Соборному Разуму.

— Сначала надо разрушить Мост.

— Согласен. Эх, был бы с нами Седьмой! — Никита махнул рукой, как бы прерывая самого себя. — Ладно, сетовать не время. Мы стоим на Краю Тьмы, осталось сделать еще пару шагов — во Тьму. Кто с нами?

— Я иду, — просто, без колебаний отозвался Волк Волков.

— Мы все идем, — добавил Сокол Соколов.

— Тогда ищите хрон со стройкой и — вперед! Дим, собери нас.

Будимир послушно объединил пси-сферы спутников в одну и присоединился к потоку сил заооморфов.

Прыжок сквозь хронобарьеры, отделявшие пограничные миры Шаданакара от его Кладбища, начался...

Глава 2

Волк Волков оказался прав: армия Уицраора, охранявшая величайшее из творений Веера — Мост через Суфэтх, ждала команду Избавителя на подступах к Мосту и практически не дала людям и зооморфам осмотреться и разработать план действий.

Хрон, из пространства которого Великий игва — «бог необъяснимого» начал строительство тоннеля или Моста к миру Люцифера, выброшенного за пределы Шаданакара Семеркой светлых магов, представлял собой многомерный континуум наподобие фрактальной «губки Менгера», имеющей нулевой и — одно-

временно — бесконечный объем. Описать то, что увидели земляне, оказавшись в этом диковинном, текучем, постоянно меняющемся мире, было невозможно никакими словами. Изредка они вылавливали из хаоса бесформия знакомые формы, геометрические объекты, образы, сцены, пейзажи, но не успевали определить объемы и размеры картин и сориентироваться — где именно возникают эти картины: вверху, внизу, справа, слева, далеко или близко, в физическом пространстве или в семантическом, виртуальном. Мир, перетекающий в Суфэтх и принимающий его смертельные для всего живого «эманации хаоса», не подчинялся законам земной физики и логики, и даже маги с мощной энергетикой не могли находиться здесь долго и точно определить направление, ведущее к Мосту.

Любое движение группы вызывало негативную реакцию здешнего космоса, и с первых же мгновений появления в хроне зооморфам и Будимиру пришлось защищаться самим и защищать более слабых энергетически спутников. Лишь Ростиславу ценой дикого напряжения всех сил и ухода в состояние *саммай* удалось сохранить целостность восприятия и держаться вместе с сыном Никиты до последнего.

И все же силы были слишком неравными.

Уицраор бросил против команды землян многотысячную армию существ и киборгов, один вид которых мог привести людей в содрогание, а потом и сам присоединился к своим спецслужбам — СС и ЧК, сохранившимся со времен охоты за Посланником, отцом Будимира.

Люди и зооморфы на несколько мгновений стабилизировали вокруг себя пространство, сделав его трехмерным (или почти трехмерным), свернув «лишние» двадцать измерений в компактные «струны». Текучие неясные контуры, громадные гнутые стены и вихри отступили за прояснившийся горизонт. Воздух или, точнее, среда поля битвы очистилась от дрожащего тумана. Под ногами людей образовалось бескрайнее травяное поле, по которому покатились зеленоватые волны, словно здесь начал дуть сильный ветер. Небо осталось бесформенно-пятнистой, вихристой, туманной пеленой, в которой изредка просверкивала золотая паутинка. Таким людям представлялся Мост — «сильный аттрактор», по выражению Будимира, находившего неожиданные математические сравнения и объяснения всем видимым объектам. «Бесконечное конечно-представимое многообразие фуксова типа» — как объяснило Ростиславу подсознание, и он п о н я л смысл ответа!

Затем из серо-коричневых глубин неба на поле посыпались отряды всадников на чудовищных животных и омерзительно живые механизмы и бросились на людей.

Первую волну атакующих уничтожил Усыня, отгородив ост-

ровок с людьми подобием стремительного водного потока, в котором утонули сотни всадников и машин.

Вторую волну встретил Инсект, вызвав своих солдат-муравьев.

Третью колонну рассеял Вольх — живое воплощение ужаса и огня!

Остатки армии Уицраора уничтожил Рамаг, воплощение стихий ветра и свободы полета.

Однако с неба на проявленное материально поле, превратившееся в месиво грязи, болотной жижи, каменистых осыпей и обломков машин, снова десантировались воины Уицраора, и битва закипела вновь.

В ней пришлось принять участие и землянам, вооруженным только мечами и знанием приемов боя, что оказалось существенным преимуществом в схватках с невиданными существами, страшными на вид, но не имеющими воинского опыта людей.

Будимир в схватках не участвовал, точнее, играл роль магического защитника, оберегавшего спутников от заклинаний, сыпавшихся на них со всех сторон, как туча стрел и раскаленных снарядов.

Затем на поле боя появился Уицраор — блистающая туша в чешуйчатой броне на рогатом звере — жругре. Ударом черного дымящегося копья он пронзил Усыню и сразил Инсекта. Вольх успел увернуться, но копье зацепило его, и Волк Волков отпрянул, принимаясь зализывать раненую лапу.

Воодушевленные воины Уицраора снова бросились в атаку, добивая Сома Сомов и Муравья Муравьев.

— Дим, попытайся связаться с Семерыми! — прохрипел Никита, отражая выпады жуткого механического «скелета».

Будимир снова засиял, как маленькое солнце!

Однако прошло несколько минут, в течение которых люди отбивали атаки прорывающихся к ним отдельных бойцов и групп воинства Уицраора, прежде чем появилась подмога.

Первым пришел на помощь изнемогающим зооморфам гигант в золотых латах — Зу-л-Кифл. Закрыл щитом раненого Волка Волков, отбил нападение жутких многоногих тварей.

Затем рядом возник такой же великан в белой рубахе до колен, в серых штанах и сапогах, бородатый, с сединой в кудрях. Это был Святогор. Удар его палицы разметал колонну каких-то машин, превратив местность в пылающий кратер вулкана.

И, наконец, рядом с Рамагом появилась еще одна громадная птица — рогатый орел с бело-золотым оперением, с черным хвостом и клювом. Уэ-Уэтеотль, Держатель хрона Истаамтотля, с которым много лет назад подружился Сухов-Посланник.

Уицраор перестал махать своим грозным, удлиняющимся на десятки километров копьем, представляющим собой такой же

оператор магического манипулирования реальностью Веера, как и меч Святогора, разве что с меньшим радиусом действия и с меньшими возможностями. Битва на короткое время приостановилась.

— Я пытался вас удержать, но вы не оставляете мне выбора, — прогрохотал рыцарь Уицраор. — Ваш Транслятор Божественной Этики не работает, зато работает императив-система моих этических принципов, исключающих ваше вмешательство в жизнь Веера. Не мешайте мне, иначе я вас уничтожу!

Словно демонстрируя возможности копья — «излучателя» личной этики, Уицраор направил острие на поверхность поля-болота, с острия сорвалась тусклая фиолетовая молния, и весь пространственный объем, в котором проходила битва магов, содрогнулся. Удар з а к о н а-з а к л я т и я превратил значительную часть местности — километров двести по горизонтали и столько же по вертикали — в пустоту, в ничто! В этом гигантском провале исчезли Инсект с Усыней и часть армии самого Великого игвы. Уцелевшие зооморфы с трудом удержали ударную волну распада, едва не превратившую их в двумерные плоские образования.

Досталось и магам Семерки, едва успевшим закрыться щитами энергии от перестройки метрики хрона.

Люди же уцелели только благодаря зеркальному пси-экрану, поставленному Будимиром над ними, но магическое воздействие было столь глубоким, что сознание их на какое-то время помутилось. Лишь Ростиславу удалось-таки удержаться на грани беспамятства и быстро привести себя в прежнее боевое состояние.

И в это время на поле боя появилось еще одно действующее лицо.

Сначала маги Семерки и зооморфы приняли нового участника боя за своего союзника — Велиала или Магэльфа, примчавшегося на помощь бывшим соратникам. Но это был не Велиал и не родственник Инсекта Магэльф. Гигант, похожий на помесь динозавра и земного насекомого — богомола, с почти человеческой головой, шестилапый, сверкающий множеством чешуйчатых наростов и колючек, сидел на таком же жругре, что и Уицраор, и оказался Дуггуром.

— Убейте его! — провозгласил он, нанося Уицраору удар гигантской ножовкой, в которой Ростислав с удивлением узнал оружие Великих игв — шиххиртх; оно действовало! — Я вам помогу!

Иглы-ракеты шиххиртха вонзились в голову жругра и в грудь Уицраора, превратились в бурлящие всплески ярчайшего аннигиляционного огня, но тут же погасли. Великий игва нейтрализовал начавшуюся реакцию распада материи и ответил Дуггуру ударом копья, отбросившим динозавробогомола далеко назад, к черному провалу в поверхности болота.

Маги Семерки и зооморфы опомнились, и битва закипела снова, порождая бурное волнение пространства, перемешивая материальные образования с виртуальными процессами и превращая поле боя в извержение неистовых энергий и сил.

Уицраор продержался недолго, получая удары со всех сторон, а так как он был по большому счету разумным трусом, то начал отступать к Мосту. Маги бросились преследовать его, войдя в азарт. Удары копья-«излучателя» этики Уицраора были еще очень опасны — выбыл из боя Уэтль, получив разряд копья в крыло, — но все же исход боя казался предрешенным.

Люди, державшиеся тесной группкой — спина к спине, оберегающие Будимира, остались одни на пятачке уцелевшей почвы. Очнулся от полузабытья Сухов-старший:

— Что имел в виду Уицраор под Транслятором Божественной Этики?

— Меч Святогора, естественно, — ответил Ростислав, прислушиваясь к удаляющемуся шуму битвы. — Однако мне это сильно не по душе, сеньоры. С чего бы это игва Дуггур вдруг принял нашу сторону? Ведь совсем недавно он охотился за нами.

Словно услышав Светлова, Уицраор крикнул (этот мысленный всплеск прозвучал как вопль отчаяния):

— Идиоты! Я создал Мост для спасения Седьмого! Он решился на прорыв Суфэтха для контакта с Творцом Веера! Но не дошел — застрял в коконе Люцифера. Его надо вытащить! Если вы уничтожите Мост — Седьмой погибнет! К тому же Дуггур хочет уничтожить не только Мост, но и меня, и вас, чтобы остаться полновластным хозяином Шаданакара! Если он этого добьется, Веер обречен! Неужели вы этого не видите?!

— Добивайте его! — донеслось жуткое скрежещущее рычание Дуггура. — Старик отжил свое, пора молодым браться за переустройство Вселенной!

— Он и вас использовал для своих целей, — прилетел стихающий мыслекрик Уицраора. — Заставил выйти на «лестницу» Шаданакара, имитировал охоту за вами, подготовил кражу Транслятора Этики Творца, чтобы одним ударом покончить с предками и потенциальными противниками...

— Ты прав, старик! — прорычал Дуггур, нанося бешеные удары шиххиртхом, заставляя Великого игву защищаться и отступать все дальше и дальше. — Я умнее и дальновиднее, чем ты думал, и уж точно умнее этих дурачков-землян, бросившихся спасать Веер! Теперь Я буду устанавливать законы в этом дурацком творении Создателя, требующем постоянной коррекции, и никто — никто! — и никогда не остановит меня, как вас когда-то. Это Я распял Душу-Этику Веера на кресте соблазнов и властных амбиций, и теперь Я — единственный его хозяин!..

— Дим, — быстро проговорил Ростислав, — надо оживить Финист!

— У меня не получится...

— Получится! Мы поможем тебе! Эти твари думают только о себе, но мы — люди! Наша душа болит за всех! Мир должен жить по Законам Творца, по законам справедливости и добра!

— Чтобы оживить Финист, нас мало...

— Справимся!

— Я не об этом... Веер создан не только по законам справедливости, но и по закону любви... жизнь без любви невозможна...

— Женщина! — догадался Ростислав. — Чтобы вдохнуть жизнь в защитника жизни, нужна любовь женщины! — Он посмотрел на удалявшуюся тучу пыли, дыма и огня. — Вольх, сюда!

Из тучи вынырнула фигура гигантского Волка, припадающего на переднюю лапу.

— За Ненаглядой, быстро! Одна нога здесь, другая там!

Вольх исчез, мгновенно оценив замысел человека. И почти так же быстро, буквально через четверть минуты, появился вновь с Ненаглядой на спине, окутанной ореолом защитного магического сияния.

— Слав?! — тихо вскрикнула ничего не понимавшая девушка, соскальзывая на колышущуюся под ногами почву. — Ты жив! Что случилось?!

Светлов был в скафандре, но она узнала его, даже не видя лица!

Ростислав обнял ее и в одном сложном «букете» мыслей-переживаний — это далось ему удивительно легко! — объяснил девушке положение вещей.

— Конечно, я согласна... пойти с тобой... — прошептала она, зябко вздрагивая, только теперь осознавая, куда она попала и что происходит.

Ростислав сбросил шлем, накрывая себя собственным з е р к а л о м защиты — опять же свободно и легко, будто занимался этим всю жизнь. Поцеловал Ненагляду, не выпуская ее из объятий, повернул голову к Будимиру:

— Начинай, сынок!

— Меч! — Такэда подал клинок мальчику, но тот спрятал руки за спину, кивнул на Светлова.

— Меч должен принадлежать воину... Избавителю...

Ростислав отдал свой волнистый меч японцу, не обратив внимания на странную обмолвку Будимира, взял у Такэды легкий, будто картонный, меч Святогора. Усмирил поднявшееся в душе волнение. Показалось вдруг, что кто-то удивленно посмотрел на него и з н у т р и клинка.

— Помогайте, братцы! Девочка моя, я люблю тебя! Люблю

жизнь, люблю вас всех! Ради жизни — в с т а в а й, Финист! Пора спасать Шаданакар!

Будимир тоже снял шлем, и все увидели его огромные сияющие пламенем с и л ы глаза.

— Проснись! — проговорил он звучным, ясным, не по-детски сильным голосом.

Из глаз мальчика ударили прозрачные золотые лучи, влились в клинок Финиста.

С в е т е н и е — получил Ростислав объяснение происходящему. Так назывался процесс энергонасыщения меча, подключения его к единому энергоинформационному полю Шаданакара.

И еще одно слово само собой всплыло в памяти Светлова: д у х о д е я н и е. Так назывался процесс в х о ж д е н и я Соборной Души Веера в состояние л и ч н о с т и! Хотя в тот момент Ростислав еще не понял, что это за личность.

Меч в его руке внезапно потерял четкие очертания, потек дымно-блескучей струей. Руку свело, как от электрического разряда. Но Ростислав только крепче стиснул рукоять Финиста, отдавая ему текущий через все тело и сознание поток с и л ы, любви, надежды, веры и воли.

Произошло нечто вроде бесшумного взрыва!

Дымно-голубая струя меча вдруг развернулась в полотнище голубого огня, вонзилась в мятущиеся над головой мрачные небеса, пробивая в них светящуюся брешь.

Пространство вокруг содрогнулось, отзываясь низким подземным гулом и грохочущими раскатами.

Шум битвы Дуггура и магов с Уицраором стих. Противники, ощутившие в к л ю ч е н и е Финиста, оглянулись.

Ростислав внезапно почувствовал такую удаль, вдохновение, возбуждение, переполнявшую его силу, полное понимание происходящего, что не выдержал и в с т а л в о в е с ь р о с т, превращаясь в великана вровень с магами и Великими игвами.

— Александр! — выдохнул Сухов-старший. — Это ты, дружище?!

— «Бог данного мгновения»... — пробормотал Такэда.

— О нет, я всего лишь инвариант Принципа, — усмехнулся Ростислав, помогая Ненагляде в ы р а с т и и стать такой же, как он. — Конкретное проявление Соборной Души Веера в конкретной ситуации. Хотя без его помощи я вряд ли смог бы выдержать воплощение.

Ростислав протянул гигантскую руку Будимиру, и мальчик, коснувшись его пальца, стремительно вырос, превращаясь в сияющего исполина по плечо самому Ростиславу.

— И без них.

Ростислав увеличил Никиту и Такэду.

— И без них. — Он помахал рукой радостно удивленным Зу-

л-Кифлу, Уэтлю и уцелевшему Соколу Соколов. — Какое примем решение, братья?

— Убейте его! — сдавленно проскрипел Дуггур, имея в виду Уицраора.

С тугим шелестом развернулось лезвие меча.

Дуггур попытался отбить удар шиххиртхом, но не смог. На глазах потрясенных свидетелей он развалился на две части, затем каждая половина также распалась на две части, еще и еще, пока от игвы Дуггура, замахнувшегося на абсолютную власть над всеми мирами Веера, не осталось ничего! Даже атома! Даже «проекции» в других измерениях! Даже тени!

Ростислав обратил свой взор на переливающуюся всеми цветами радуги «паутинку» на фоне клубящейся мути на горизонте. Это был вход в тоннель, связывающий Веер с Суфэтхом, или по сути начало Моста.

Внезапно эта «паутинка» превратилась в два потока огня, образовавших крест, и протаяла в глубину.

Мост сработал!

И тогда стали видны две зыблющиеся огненные фигуры н а т о м конце Моста. Два исполина. Люцифер и...

— Седьмой! — прошептал Никита Сухов.

— Пропустите их! — опомнился Уицраор. — Они будут подчиняться нам! С их помощью я... мы восстановим Веер... создадим новый Шаданакар...

Возможно, это была оговорка, насчет личной заинтересованности Великого игвы создать «новый» Шаданакар. Возможно, в этом «новом» Веере Миров нашлось бы место и для землян, и для их друзей и помощников, и для других разумов. Но Ростислав не захотел рисковать.

Взмах меча — и тяжелая глыба Уицраора унеслась вдаль, превратилась в песчинку, исчезла в черном водовороте Суфэтха.

Ростислав снова поднял меч, ощущая приближение некой могучей грозной СИЛЫ, чувствуя одновременно поддержку спутников, их уверенность в правоте своих действий, дружелюбие, привязанность к жизни, их целеустремленность к торжеству добра и правды.

— Прости, Седьмой, ты сам выбрал свою судьбу! Попробуй сам выбраться из ада. Нам не по пути с Люцифером!

Сияющее лезвие меча — Принципа Справедливости — вонзилось в огненную ферму Моста демоноэтики...

Ноябрь 2001
Москва — Жуковка — Гряды

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛАННИК. Роман

Вершина 1
НОВИЧОК

Глава 1 7
Глава 2 17
Глава 3 28
Глава 4 39
Глава 5 50
Глава 6 61
Глава 7 70

Вершина 2
НОВИЧОК-УЧЕНИК

Глава 1 86
Глава 2 99
Глава 3 109
Глава 4 120
Глава 5 131
Глава 6 142
Глава 7 152

Вершина 3
УЧЕНИК-МАСТЕР

Глава 1 160
Глава 2 172
Глава 3 182
Глава 4 192
Глава 5 202
Глава 6 212
Глава 7 224

Вершина 4
ВОИН-МАСТЕР

Глава 1 237
Глава 2 247
Глава 3 258

Глава 4 270
Глава 5 280
Глава 6 291
Глава 7 301

Вершина 5
МАСТЕР-ПОСЛАННИК

Глава 1 314
Глава 2 326
Глава 3 337
Глава 4 349
Глава 5 361
Глава 6 371
Глава 7 383

Вершина 6
ПОСЛАННИК-ПОСВЯЩЕННЫЙ

Глава 1 398
Глава 2 411
Глава 3 423
Глава 4 437
Глава 5 447
Глава 6 458
Глава 7 469

Вершина 7
МАГ

Глава 1 480
Глава 2 490
Глава 3 501
Глава 4 511
Глава 5 522
Глава 6 532
Глава 7 542

ИЗБАВИТЕЛЬ. Роман

Эпизод 1
СКРЫТАЯ СУТЬ

Пролог 561
Глава 1 567
Глава 2 578
Глава 3 586
Глава 4 597
Глава 5 605

Эпизод 2
ПРЫЖОК В БЕЗДНУ
Глава 1 616
Глава 2 625
Глава 3 634
Глава 4 643
Глава 5 650

Эпизод 3
СВЕНТАНА
Глава 1 658
Глава 2 668
Глава 3 678
Глава 4 687
Глава 5 696

Эпизод 4
ПОИСКИ СЕБЯ
Глава 1 708
Глава 2 716
Глава 3 726
Глава 4 735
Глава 5 744

Эпизод 5
ВОСХОЖДЕНИЕ
Глава 1 756
Глава 2 765
Глава 3 774
Глава 4 782
Глава 5 790

Эпизод 6
СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ
Глава 1 799
Глава 2 809
Глава 3 819
Глава 4 828
Глава 5 837

ЭПИЗОД 7
ВНЕ СЕБЯ
Глава 1 846
Глава 2 850

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Н. Митрофанова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

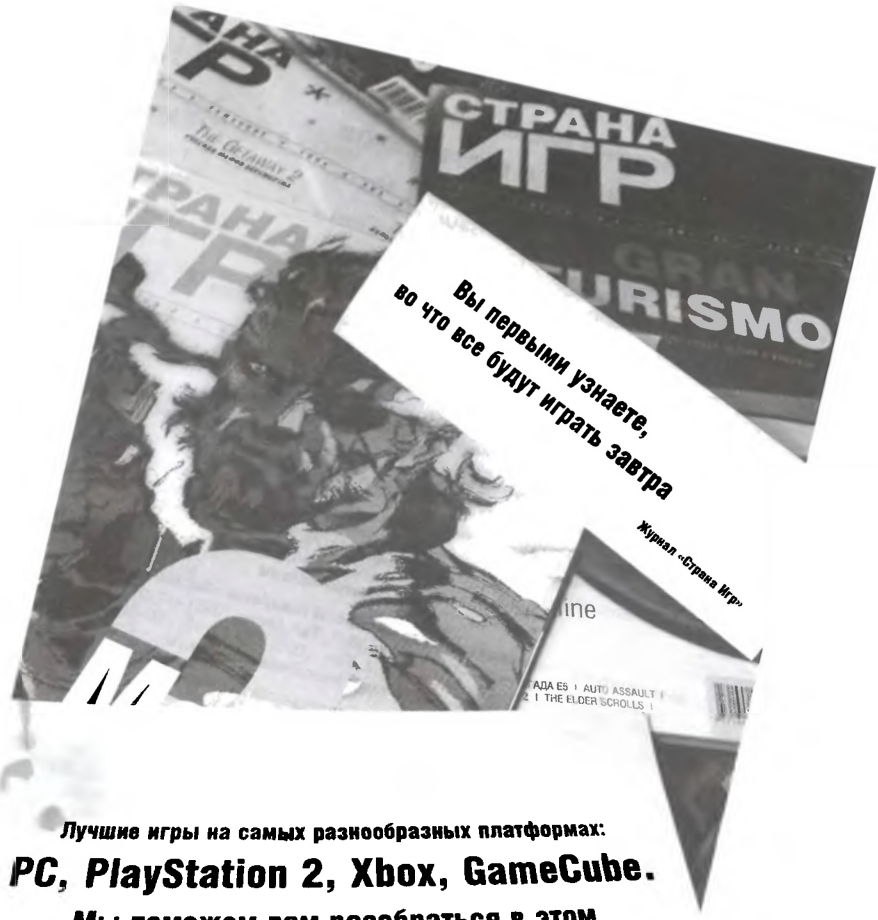
Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 12.08.2005
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 45,36.
Тираж 6000 экз. Заказ 7513.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон:(0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:

PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.

Мы поможем вам разобраться в этом круговороте и сделать правильный выбор

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

А. Громов «Феодал»
Д. Янковский «Нелинейная зависимость»
В. Бурцев «Пленных не брать!», «Зеркало Иблиса»
А. Плеханов «Неестественный отбор»

ISBN 5-699-13038-1